Годъ тридцать третій.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1895

5.

Стр.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1895.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

КНИГА СОРОКОВАЯ.

Содержаніе: Переписка князя М. С. Воронцова съ графами Карломъ Васильевичемъ Нессельроде и Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ.— Письма императора Николая Павловича.—Бесѣда князя М. С. Воронцова съ императоромъ Александромъ Николаевичемъ. М. 1895. 8". 528 стр. Цѣна **3** р. Складъ изданія: С.-П-бургъ, Моховая, д. князя Воронцова-графа Шувалова.

Историческія статьи въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“.

Варшавскія. Куявы (часть лѣваго побережья Вислы между рѣкой Ношетью и озеромъ Гопломъ). Историко-этнографическій очеркъ. № 13—22.

Витебскія. Памяти Георгія Конисскаго. № 14.

Велижъ. О. Киселева. № 21, 23, 25.

Воронежскія. Историческое извѣстіе о городовой службѣ строителя г. Коротояка, стольника и воеводы Данилы Семеоновича Яковлева. Сообщ. Н. Харузинымъ. № 16, 17.

Святые предшественники почившаго Государя. (Изъ „Прав. Вѣстн.“) № 18, 21, 23.

Владимирскія. Женщина по стариннымъ сказаніямъ, Ив. Голышева. № 12.

Вербное Воскресенье въ древней Руси (изъ „Пр. Вѣстн.“) № 13.

Суздаль. Матеріалы для историко-статистическаго и археологическаго описанія города съ уѣздомъ и его святынями за XVII ст. И. Токмакова. № 10.

Изъ прошлаго города Мурома съ округомъ (XVIII в.). Н. Добрынкина. № 9, 11.

Гродненскія. Виленская икона Богоматери-Одигитріи № 13, 15, 16.

Памяти Георгія Конисскаго № 13.

Къ вопросу о Ятвягахъ и Черной Руси. № 14.

Прощеный день въ старину. № 14.

Пережитки древняго міросозерцанія у Бѣлоруссовъ. А. Богдановича. № 10, 11, 18—20, 22—26.

Екатеринославскія. Старецъ Ѳаддей, современникъ Петра 1-го (изъ „Олон. Губ. Вѣд.“ 1894 г.). № 56.

Ковенскія. Георгій Конисскій. И. Э. № 12, 13, 18, 22, 24.

Происхожденіе города Якобштадта. № 19.

Костромскія. Объ историческихъ записяхъ сержанта Саввы Порхомова въ 1735—1744. № 11, 14, 16, 17.

Памяти Писемскаго. № 22, 23.

Курляндскія. Къ столѣтію Курляндской губерніи (1795—1895) № 24, 25.

О Курлядскихъ Евреяхъ конца прошлаго вѣка. № 14.

Изъ переписки Анны Ивановны: Къ Ягужинскому (1726) № 16. Кн. В. Л. Долгорукову. (1729) № 19. А. И. Остерману (1726 и 1729), № 14 и 20. Къ кн. А. Д. Меншикову (1726).

Княжескія, графскія и баронскія фамиліи Прибалтійскаго края. Бароны Бистромъ. № 13.

Къ родословію гр. Бенкендорфъ и бар. Ашебергъ. № 16.

Бароны Багге-афъ-Боо. № 18.

Паульсгнаде и Зоргенфрей. № 23.

Курскія. Медико-топографическое описаніе г. Бѣлгорода и уѣзда онаго въ 1834 г. № 22.

Вербное Воскресенье въ старину. № 68.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1895.

2.

„РУССКІЙ АРХИВЪ“ выходитъ двѣнадцатью выпусками въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ. Азбучный указатель личныхъ именъ въ концѣ третьей книгѣ, общій для всего годоваго изданія.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

Гой красна земля Володимира!
Послужили тебѣ мои прадѣды,
Миромъ-разумомъ успокоили,
Города твои изукрасили,
Люта ворога отодвинули.
Помяни добромъ моихъ прадѣдовъ!

Хомяковъ.

1895.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1895.

СВЯТЫЙ ДИМИТРІЙ МИТРОПОЛИТЪ РОСТОВСКІЙ.

Въ «Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» за 1879 и 1880 годы помѣщена обширная статья отца Флегонта Морева подъ заглавіемъ «Обстоятельства обрѣтенія и открытія мощей св. Димитрія Ростовскаго» *). Статья эта составлена на основаніи подлиннаго дѣла, которое находится въ Ярославской Духовной Консисторіи и поступило туда, по словамъ высокопреосвященнаго Іонафана, архіепископа Ярославскаго и Ростовскаго, отъ одного лица, купившаго это дѣло у букиниста. Дѣло современно митрополиту Ростовскому Арсенію Мацѣевичу; оно велось въ его домовой канцеляріи, какъ надо предполагать, судя по черновымъ отпускамъ, встрѣчающимся въ числѣ бумагъ названнаго дѣла. Статья отца Морева заключаетъ въ себѣ въ большинствѣ дословное изложеніе почти всѣхъ находящихся въ дѣлѣ документовъ съ дополненіемъ выписокъ изъ житія св. Димитрія, митрополита Ростовскаго, и другихъ болѣе или менѣе важныхъ бумагъ, имѣющихъ связь съ этими историческими обстоятельствами.

Не имѣя возможности получить это дѣло для снятія полнаго списка, мы, по желанію издателя «Русскаго Архива», представляемъ его въ томъ видѣ, какъ оно изложено достопочтеннымъ отцемъ Ф. Моревымъ въ вышепомянутыхъ «Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ».

Дѣло объ открытіи мощей св. Димитрія велось при извѣстномъ Ростовскомъ митрополитѣ Арсеніи Мацѣевичѣ, который, въ видахъ распространенія образованности среди духовенства и искорененія раскола, повидимому, старался подражать святителю Димитрію. Но св. Димитрій, будучи безконечной доброты, исполненный весь любовью къ человѣчеству, не терпѣлъ насилія и открыто возставалъ противъ проявленія грубой силы и явной несправедливости: извѣстенъ случай, когда онъ остановилъ богослуженіе, совершаемое имъ въ со-

---

*) „Указатель къ неоффиціальной части Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ А. Титова. Сергіевъ Посадъ 1893 г., №№ 1583 и 1759.

борѣ, куда доносились громкіе крики преступниковъ, наказуемыхъ, въ воеводской канцеляріи (находившейся тогда близъ собора); онъ просилъ воеводу прекратить пытки хотя до окончанія богослуженія, и воевода исполнилъ желаніе святителя.

Не таковъ былъ митрополитъ Арсеній, особенно ополчавшійся противъ раскольниковъ и прибѣгавшій въ этой дѣятельности совершенно къ другимъ мѣрамъ, чѣмъ св. Димитрій. Творецъ знаменитаго «Розыска» [1]) дѣйствовалъ въ подобныхъ случаяхъ путемъ кротости и силой своихъ увѣщаній, основанныхъ на исторической почвѣ. Митрополитъ Арсеній, написавшій другое, въ свое время не лишенное достоинствъ «Обличеніе неправыхъ и лжесловесныхъ отвѣтовъ раскольническихъ» [2]), велъ дѣло проповѣди болѣе черезъ посредство воинскихъ командъ, прибѣгалъ къ дранью цѣпками, сажанію въ стулья и въ чепи, наглому раззоренію *безъ всякого похлебства* [3]). Нравъ этого архипастыря былъ столь жестокъ, что, еще въ бытность свою въ Москвѣ экзаминаторомъ, онъ до смерти запыталъ Ярославскаго игумена Трифона, не смотря на то, что тому было 85 лѣтъ (за это, впрочемъ, жестокосердому инквизитору было внушено Синодомъ впредъ «пытать бережно»). Если православныхъ священниковъ Арсеній за провинности наказывалъ веревками, обмоченными въ горячую смолу съ навязянной на концахъ проволокой на подобіе кошачьихъ когтей, называемыхъ въ его промеморіяхъ и указахъ «цѣпками [4]): то можно представить положеніе несчастныхъ раскольниковъ, попадавшихъ въ руки суроваго архипастыря, въ мрачные подпольные казематы Ростовскаго архіерейскаго дома [5]). По словамъ И. Морошкина [6]) самая полемика Арсенія съ раскольниками носитъ на себѣ печать своего времени и его характера. «Во всѣхъ государствахъ», говоритъ Арсеній, «вездѣ твердое узаконеніе и обычай своимъ природнымъ жителямъ отъ своей природной государственной (хотя худѣйшей) вѣры отступать не допускаетъ и отступившихъ смертію казнитъ. Васъ же раскольщиковъ, истинной нашей вѣры отступни-

[1]) „Розыскъ о раскольнической Брынской вѣрѣ", трудъ св. Димитрія, составляющій и въ настоящее время лучшій образецъ въ борьбѣ съ расколомъ.

[2]) „Дополненное обличеніе неправыхъ и лжесловесныхъ отвѣтовъ раскольниковъ, Пусто-выгорѣцкими пустынножителями именуемыхъ, честному іеромонаху Неофиту, отъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода ради увѣщанія къ нимъ посланному, въ 1723 году, составленное благословеніемъ того жъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода въ нынѣшнемъ 1745 году".

[3]) Промеморія митроп. Арсенія Ростов. раскольникамъ. Рукопись моего собранія.

[4]) Арсеній Мацѣевичъ. Графа М. В. Толстаго, „Чтенія" 1862 г., кн. 2-я.

[5]) Одинъ изъ такихъ застѣнковъ былъ открытъ мною при реставраціи Ростовскаго Кремля въ Княжихъ Теремахъ въ 1884 году.

[6]) Арсеній Маціевичъ и его дѣло. „Странникъ" 1885 года.

ковъ и развратителей, почему бы нашему государству щадить и почему бы вамъ волю давать, отнюдь невмѣстимо и не токмо Богу, но и здравому уму противно и премерзко».

Далѣе Арсеній говоритъ: «Что-де съ вами отступниками и хулителями надлежитъ дѣлать, сами разсудите; безъ сомнѣнія то надлежитъ дѣлать, что̀ сдѣлалъ, ревнуя о Бозѣ, Илья Пророкъ надъ жрецами и лжепророками Вааловыми». Затѣмъ Арсеній категорически заключаетъ, что ему въ данномъ случаѣ неотступно надлежитъ по гражданскому и духовному суду надъ раскольщиками производить тоже, что̀ дѣлалъ святитель Христовъ и чудотворецъ Левъ, епископъ Катанскій, «который, Иліины ревности исполненъ, служеніе свое архіерейское оставя, во всемъ облаченіи, зловѣрнаго Иліодора волхва и богоотступника взялъ за шею омофоромъ и живого на срубѣ дровъ сожегъ, а послѣ литургію божественную безъ всякаго зазора служилъ и оканчивалъ» [1]).

Уцѣлѣвшіе указы Арсенія, нѣкоторыя мѣстныя записи и преданія говорятъ, что дѣйствительно раскольникамъ не было житья отъ свирѣпаго Ростовскаго митрополита [2]). Обвиняя свѣтскія власти «въ знатномъ похлебствѣ», Арсеній самъ распоряжался съ болѣе богатыми и почетными раскольниками. Онъ посылалъ своихъ многочисленныхъ архіерейскихъ слугъ хватать сихъ нечестивыхъ ерстиковъ, по его словамъ въ «*звѣрскомъ, брюхорадостномъ и плотоугодномъ состояніи пребывающихъ*», въ ихъ собственныхъ домахъ, и приказывалъ доставлять къ себѣ въ консисторію и митрополичій домъ для увѣщанія и слѣдствія. Ради вразумленія онъ томилъ ихъ въ своихъ казематахъ долгіе годы, несмотря на жалобы, обильно на него сыпавшіяся и къ гражданскому, и къ духовному начальству. Да и не съ одними раскольниками распоряжался такимъ образомъ злой Ростовскій митрополитъ (полу-Полякъ по рожденію и воспитанію). Въ его казематы и тюрьмы попадали люди и другихъ сословій, обращеніе съ коими показываетъ, что заключенные не пользовались нынѣшними человѣколюбивыми правилами гражданскихъ тюремъ. Такъ разсказываютъ случай, бывшій съ Ростовскимъ купцомъ Авраамомъ Ивановымъ Щокинымъ, который, поссорясь съ однимъ монахомъ, взятъ былъ въ архіерейскую тюрьму (не допустить чего, видно, не осмѣлилось и городское тогдашнее начальство). Чуть ли не болѣе года купецъ Щокинъ содержался въ

---

[1]) Дополненное обличеніе, ч. I, ст. 30.

[2]) Арсеній приготовилъ своими мѣрами бунты монастырскихъ крестьянъ, укрощать которые приходилось въ первые мѣсяцы Екатерининскаго ца̀рствованія. П. Б.

заключеніи; ни знакомыхъ, ни родныхъ къ нему не допускали; захворала у него жена, и эта причина не уважена; жена умерла, и на похороны онъ не былъ допущенъ; и только по разнымъ усиленнымъ ходатайствамъ былъ освобожденъ Щокинъ [1]). Святѣйшаго Синода Арсеній боялся мало, имѣя всесильное покровительство въ самой императрицѣ Елисаветѣ, съ которой онъ велъ не только частную переписку, но и подавалъ ей объясненія на предписанія Синода. Подъ конецъ, и Синодъ отъ него и отступился и прекращалъ возбужденныя о немъ дѣла [2]).

Тѣло св. Димитрія было обрѣтено нетлѣннымъ 21-го Сентября 1752 г.; но самое оглашеніе Синодомъ мощей святыми произошло лишь 30 Апрѣля 1757 года [3]). Причиной такой медленности были главнымъ образомъ обостренныя отношенія митрополита съ Синодомъ и искательства богатыхъ раскольниковъ, которые ненавидѣли (да и теперь ненавидятъ) св. Димитрія, разоблачившаго въ своемъ «Розыскѣ» шагъ за шагомъ съ неопроверженными доказательствами темныя и крайне-нехристіанскія стороны лживыхъ вѣроученій и тѣмъ нанесшаго ударъ расколоучителямъ гораздо сильнѣе, чѣмъ Арсеній со своими застѣнками и воинскими командами. Но и въ этомъ случаѣ Синоду, въ концѣ концовъ, было трудно идти противъ народнаго голоса, противъ множества почитателей св. Димитрія и такъ явно совершавшихся чудесъ отъ святыхъ мощей новоявленнаго угодника. Да и Арсеній, выведенный изъ терпѣнія медленностью, повелъ дѣло помимо Синода, прямо съ Императрицей. Сохранилось письмо его къ Елисаветѣ отъ 14 Декабря 1756 года [4]). «Получивъ устное приказаніе В. И. В-ва о обрѣтенныхъ мощахъ преосвященнаго Димитрія Ростовскаго, представляю и утверждаю и умирать въ томъ готовъ, признавая, что надлежитъ о семъ по премногому благодарить Господа Бога, Владыку вышняго, чудеснаго и всемогущаго, яко Онъ церковь Свою удивительнымъ образомъ прославляетъ и явственно уста богохульная раскольническая и другихъ духовъ церкви враждебныхъ и противныхъ заграждаетъ».

По полученіи Императрицею этого письма дѣло подвинулось очень быстро: 28 Января 1757 г. мощи св. Димитрія были вновь освидѣ-

---

[1]) Лѣтопись о Ростовскихъ архіереяхъ, изд. Общ. Люб. Др. Письменности, XCIV, примѣчанія, стр. 52.

[2]) Іерархи Ростово-Ярославской паствы. Ярославль, 1864 г., стр. 222.

[3]) Въ одно время съ объявленіемъ войны Прусскому захватчику, простиравшему свои виды на нашъ Балтійскій край. Тотъ богохульничалъ, а наша Государыня, ополчаясь для охраны пріобрѣтеній отца своего, молилась съ народомъ Русскимъ. П. Б.

[4]) Государственный Архивъ XVIII, д. 175. „Странникъ“ 1885 г.

тельствованы митрополитомъ Селивестромъ и архимандритомъ Симонова монастыря Гавріиломъ. Докладъ объ этомъ былъ представленъ Императрицѣ св. Синодомъ 19 Марта и, какъ выше уже сказано, 30 Апрѣля послѣдовало оглашеніе. Въ слѣдующемъ году Императрица посылаетъ графу П. И. Шувалову указъ: сдѣлать «по апробованному нами чертежу» къ мощамъ св. Димитрія серебряную раку изъ серебра, полученнаго съ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ». Раку велѣно дѣлать въ Генварѣ 1758 г., работа была окончена въ Августѣ и поставлена въ мастерскихъ палатахъ. 15 Августа 1759 года рака была доставлена въ С.-Петербургъ и поставлена въ Невскомъ монастырѣ, въ особомъ покоѣ [1]).

Проходитъ почти четыре года, и уже при новой Государынѣ, 22 Февраля 1763 года, изъ Москвы А. В. Олсуфьевъ пишетъ Арсенію, что рака посылается съ маіоромъ Шадѣевымъ и отправлена съ тѣмъ, чтобы хранить въ Ростовѣ впредъ до указу. Это же самое Олсуфьевъ подтверждалъ и въ другомъ письмѣ къ Арсенію отъ 28 Февраля 1763 года: «Подверждается его преосвященству, чтобъ до собственнаго всемилостивѣйшаго Государыни въ Ростовъ прибытія, слѣдовательно безъ присутствія Ея Величества, оная рака отнюдь поставлена не была». Тоже самое предписывалось и маіору Шадѣеву. Ему секретно повелѣно «всемѣрно не допускать, чтобы помянутая рака, подъ какимъ бы видомъ то ни было, прежде прибытія въ Ростовъ и безъ собственнаго тамъ присутствія Ея Императорскаго Величества выставлена, а еще того меньше на мѣстѣ поставлена не была».

1 Марта 1763 г. Арсеній отвѣчалъ Олсуфьеву, что рака въ Ростовъ привезена 26 Февраля, поставлена и хранится до надлежащаго времени въ монастырской церкви архангела Михаила [2]) въ удобномъ мѣстѣ и до пріѣзда Императрицы поставлена не будетъ. Тоже самое въ Высочайшій кабинетъ репортовалъ и Шадѣевъ.

28 Февраля 1763 г. Екатерина писала къ Олсуфьеву: «Адамъ Васильевичъ! Понеже я знаю властолюбія и бѣшенства Ростовскаго владыки, я умираю - боюсь, чтобы онъ не поставилъ *рака* (sic) Димитрія Ростовскаго безъ меня. Извѣстите меня, какъ вы ее отправили, съ какимъ приказаніемъ *и подъ чей смотрѣнія* она находится, и если не взяты, то возмите всѣ осторожности, чтобы оная рака безъ меня от-

[1]) Госуд. Арх. XVIII, дѣло 175 „Объ открытіи мощей св. Димитрія митр. Ростовскаго“, и „Странникъ“ 1885 г.

[2]) Эта церковь приходская и находится вблизи монастыря, за оградой.

нюдь не была поставлена». Олсуфьевъ отвѣчалъ: «Для лучшаго и точнѣйшаго В. В-ву изъясненія, на какомъ основаніи рака въ Ростовъ отправлена, подношу при семъ черновой отпускъ письма моего къ митрополиту, отъ котораго такого дерзновенія, кажется, чаять не можно. Приказано поставить впредъ до указу въ особомъ мѣстѣ, по близости отъ церкви; сказано, что приложена печать кабинетная и что для охраненія поставлены будутъ солдаты; да и маіору Шадѣеву, который съ нею поѣхалъ, извѣстно, что Ваше Величество намѣрены поставить раку въ собственномъ своемъ присутствіи; слѣдовательно, надѣюсь, что до самовольства и онъ не допуститъ». Получивъ это письмо, Екатерина помѣтила: «не худо бы подтвердить, чтобы безъ меня отнюдь не поставили *рака*» [1]).

По монастырскимъ записямъ Екатерина прибыла въ Ростовъ 23 Мая 1763 года. Императрица остановилась въ Кремлѣ, въ архіерейскомъ домѣ, гдѣ теперь Духовное училище, и 24 Мая утромъ отправилась въ монастырь, гдѣ, приложившись къ мощамъ, слушала божественную литургію. Вечеромъ она прибыла снова въ монастырь для всенощной службы. Передъ началомъ всенощной гробъ съ мощами св. Димитрія былъ вынутъ изъ прежней раки, поставленъ посреди церкви и покрытъ пожалованнымъ Императрицей золотымъ парчевымъ покрываломъ. Въ это время на мѣстѣ прежней раки была поставлена новая. 25 Мая утромъ Императрица изъ собора съ крестнымъ ходомъ изволила шествовать въ монастырь. По вступленіи въ церковь, она вмѣстѣ съ преосвященными: Дмитріемъ митрополитомъ Новгородскимъ, Гавріиломъ митрополитомъ С.-Петербургскимъ, Амвросіемъ епископомъ Крутицкимъ, подъяла гробъ съ мощами, обнесла вокругъ храма и по входѣ въ церковь поставила въ новоустроенную раку [2]).

Послѣ литургіи и молебнаго пѣнія Императрица посѣтила настоятеля Луку и пожаловала ему съ братіей 1000 рублей, а въ монастырь 2000 рублей и богатую утварь. Изъ Ростова Императрица отправилась въ Ярославль и на обратномъ пути, 31 Мая, снова заѣзжала въ монастырь на поклоненіе Угоднику.

---

[1]) Государств. Арх. XVIII, дѣло 175. „Странникъ 1872 г. и 1885 г. За тѣмъ, въ недѣлю Православія, произнесено Арсеніемъ извѣстное проклятіе, и лишенный архіерейскаго сана онъ удаленъ на жительство въ Московскій Симоновъ монастырь, но тамъ не угомонился, принялъ участіе въ заговорѣ противъ Екатерины и уже за это сосланъ по дѣломъ въ Ревель. Наши историки напрасно изображаютъ его жертвою. П. Б.

[2]) Екатерина говаривала, что ей рѣдко случалось провести день не исписавъ нѣсколько листовъ, и доселѣ ея писанія еще далеко не всѣ обнародованы. Поэтому она особенно чтила святителя, который завѣщалъ положить ему въ гробъ черновыя его рукописи и корректуры Четій-Миней. Много лѣтъ спустя могъ ей вспомниться св. Димитрій Ростовскій, когда она писала Житія Сергія Радонежскаго и митрополита Алексія. П. Б.

Но все время пребыванія въ Ростовѣ Екатерина была въ дурномъ расположеніи духа, навѣянномъ на нее извѣстнымъ дѣломъ Хитрова, возникшимъ по поводу предполагавшагося брака ея съ Григоріемъ Орловымъ, въ которое были замѣшаны многіе изъ ея приближенныхъ, а также и бывшій Ростовскій митрополитъ [1]).

Арсенія въ Ростовѣ уже не было за учиненное въ недѣлю Православія 9 Марта проклятіе въ Ростовскомъ соборѣ тѣхъ, кто подписалъ указъ объ отобраніи крестьянъ отъ монастырей. Арсеній 15 Марта былъ взятъ подъ стражу и отправленъ въ Москву, а 14 Апрѣля лишенъ сана. Но опасенія не оставляли Екатерину. Она писала оттуда Н. И. Панину: «Завтра будетъ перенесеніе мощей св. Димитрія. Вчерашній день еще чудеса были, женщина одна исцѣлилась, а преосвященный Сѣченой хочетъ запечатывать раку, дабы мощей не украли; однако я просила, дабы подлый народъ не подумалъ, что мощи отъ меня скрылись, оставить ихъ еще нѣсколько времени снаружи» [2]).

Тѣмъ не менѣе покушеніе на покражу мощей св. Димитрія было, хотя нѣсколько и позднѣе. Объ этомъ покушеніи производилось строгое слѣдствіе; уцѣлѣлъ указъ Переяславской провинціальной канцеляріи, адресованный въ Ростовскій магистратъ, гдѣ этотъ указъ и былъ найденъ при разборѣ архива въ 1867 году. Изъ указа этого видно, что виновниками покушенія были: дворовый человѣкъ Кадуевскаго уѣзда, вотчины поручика Римскаго-Корсакова, сельца Никольскаго, Григорій Ксенофонтовъ, города Ростова церкви Іоанна Златоуста дьячекъ Петръ Михайловъ, Воскресенскаго монастыря, что́ въ Карашѣ, пономарь Василій Демидовъ и крестьянинъ Суздальскаго уѣзда Яковъ Даниловъ. Для похищенія мощей святителя и сожженія ихъ эти лица были подкуплены Ростовскими раскольниками - купцами: Иваномъ Пантелѣевымъ, Аѳанасіемъ Зыковымъ, Иваномъ Зезинымъ, Петромъ Милютинымъ, Васильемъ Щаповымъ, сокольимъ помытчикомъ Петромъ Щаповымъ и крестьяниномъ Васильемъ Ивановымъ. Злоумышленники были наказаны по сту ударовъ кнутомъ каждому и, по наложеніи клеймъ и вырѣзаніи ноздрей, сосланы въ Сибирь въ каторжную работу, въ Нерчинскіе заводы; главные же зачинщики, Ростовскіе раскольники, какъ лица *состоянія добраго*, не бывшія ранѣе замѣчены ни въ какихъ предосудительныхъ поступкахъ, были освобождены судомъ отъ всякой отвѣтственности.

---

[1]) Сборникъ Историч. Общества VII, 287—294.

[2]) „Сборникъ Историч. Общест. VII, стр. 288.

По поводу предупрежденія этого злодѣянія извѣстный изслѣдователь Ярославской епархіи, отецъ протоіерей Троицкій говоритъ такъ *):

«Неизвѣстно, имѣлъ-ли святитель Димитрій враговъ во время земной своей жизни; но прославленный уже Богомъ имѣлъ ихъ и имѣетъ. И доселѣ брадатые съ неподстриженными усами, взошедъ въ храмъ обители для поклоненія святителю Іакову, отвращаютъ мрачный взоръ свой отъ праваго угла, гдѣ почиваютъ мощи Православія ревнителя и Раскола искоренителя. Но 15 Февраля 1766 года незабвенно для Яковлевской обители, по случаю избавленія ея отъ нападенія сихъ злодѣевъ-раскольниковъ. Въ записи покойнаго гробового іеромонаха Амфилохія значится. Въ Январѣ 1766 года, архимандриту Павлу было ночью во снѣ видѣніе. Нѣкто, пришедъ къ нему въ келію и вдругъ сдернувъ съ него одѣяло, сказалъ: «Что́ ты спишь? Здѣсь воры». Архимандритъ, пробудившись отъ испуга, приказалъ благовѣстить къ утренѣ, пошелъ въ церковь и сдѣлалъ осмотръ; но на сей разъ ночь прошла благополучно. Послѣ утрени, объявивъ о видѣніи братіи, онъ далъ приказаніе стеречь церковь съ особенною бдительностію и послѣ каждой службы, при выходѣ, дѣлать въ ней тщательный осмотръ. Недѣли двѣ спустя, по окончаніи всенощнаго къ вечеру пѣнія, когда сдѣлали обыкновенный при выходѣ изъ церкви осмотръ и стали оную запирать, архимандритъ вдругъ присылаетъ нарочный приказъ осмотрѣть церковь во второй разъ. И въ самомъ дѣлѣ ризничными іеромонахами, за рѣзнымъ иконостасомъ, поймань былъ воръ, Галицкаго уѣзда, вотчины поручика Андрея Корсакова, дворовый человѣкъ Григорій Ксенофонтовъ, который того-же числа былъ допрашиваемъ при всей братіи и въ допросѣ показалъ, что сего Февраля 15 числа имѣлся онъ Григорій въ томъ Яковлевскомъ монастырѣ за вечернею и послѣ оной, въ алтарѣ за иконостасомъ, для покражи всякой церковной и прочей утвари, т. е. лампъ, евангелій, сосудовъ, крестовъ, кадилъ, такожде и святителя Димитрія, митрополита Ростовскаго, св. мощей; что потаенно остался, подлинно. И притомъ обѣщались къ нему въ тотъ Яковлевскій монастырь, въ тоже число, въ самую полночь, быть для оной же покражи имѣющіеся у него въ согласіи товарищи-раскольники, всего девять человѣкъ, о которыхъ въ томъ же его допросѣ точно поимянно показано, и намѣрены были, чтобы оконницы и желѣзныя рѣшетки пробить и какъ церковную утварь, такъ и св. Димитрія, опочивающаго въ царской серебряной ракѣ, святыя мощи его покрасть и, по томъ украденіи, на какомъ-нибудь мѣстѣ предать огню. Который

*) Рукопись И. А. Вахрамѣева, № 278-й.

пойманный воръ, по произведенному допросу, сего же Февраля 16 числа, изъ Ярославскаго монастыря въ Ростовскую воеводскую канцелярію при сообщеніи и отправленъ, гдѣ въ злодѣйскомъ умыслѣ точно тоже показалъ, что̀ и въ Яковлевскомъ монастырѣ, и утвердился (т. е. подтвердилъ), а потомъ и прочіе его соумышленники многіе раскольники уже въ Ростовскую воеводскую канцелярію сысканы. Такъ посрамлена злодѣйская дерзость упорныхъ враговъ Православія!»

Вообще открытіе мощей св. Димитрія породило въ то время немало толковъ и среди высшаго общества, бывшаго тогда подъ вліяніемъ энциклопедистовъ, и въ особенности среди раскольниковъ. Между тѣмъ чудеса совершались почти ежедневно, монастырская лѣтопись наполнялась записями о нихъ, число поклонниковъ новоявленнымъ мощамъ все увеличивалось. Немало было изъ нихъ и богатыхъ помѣщиковъ, которыхъ привлекалъ цѣлый рядъ образованныхъ Малороссіянъ-архимандритовъ, бывшихъ потомъ архіереями: Ириней Братановичъ (1770—1775), впослѣдствіи епископъ Вологодскій; Ѳеоктистъ Мочульскій (1775—1776), епископъ Сѣвскій; Амфилохій Леонтьевичъ (1777—1786), епископъ Переяславскій и Бориспольскій, и наконецъ, знаменитый Авраамъ Флоринскій, образованнѣйшій человѣкъ своего времени, оставившій много своихъ переводовъ и большую библіотеку, составляющую теперь одно изъ лучшихъ монастырскихъ книжныхъ собраній.

Здѣсь, между прочимъ, небезъинтересно привести три документа, 1784 года, близко относящіеся къ дѣлу о мощахъ св. Димитрія. Это письмо ген.-прокурора князя А. А. Вяземскаго и Ярославскаго намѣстника Алексѣя Петровича Мельгунова, помѣченныя сверху «секретнѣйшее» *).

1784 г. 9 Февраля изъ С.-Петербурга князь Вяземскій пишетъ А. П. Мельгунову: «Милостивый государь мой, Алексѣй Петровичъ. На сихъ дняхъ дошелъ ко мнѣ слухъ, что въ вашемъ краю есть новыя растенія, кои хотя по естественному составу человѣческому разумнымъ людямъ невѣроятны, но въ невѣждахъ произвести могутъ неосновательные толки. Дѣло состоитъ въ томъ, что въ Ростовѣ нѣкоторымъ людямъ, открывая мощи чудотворца Димитрія, показывали и его главу. А какъ прежде сего никому таковыхъ открытостей дѣлано не было, то любопытство побуждаетъ меня покорно просить ваше превосходительство объ увѣдомленіи, не въ бытность ли вашего управ-

*) Изъ библіотеки О. М. Бодянскаго въ моемъ собраніи рукописей. См. мой „Охранный катологъ“, № 4355.

ленія намѣстничествомъ сіе приращеніе случилось, а ежели прежде и когда именно вамъ извѣстно, то прикажите, милостивый государь мой, секретнѣйше, безъ малѣйшей огласки, развѣдать, съ котораго точно времени и при которомъ епископѣ и того монастыря, гдѣ мощи сего угодника почиваютъ, настоятелѣ стали дѣлать такія откровенія. По развѣданіи же объ ономъ дать мнѣ знать, чѣмъ удовлетворить изволите крайнему моему любопытству. Впрочемъ пребываю съ истиннымъ и совершеннымъ почтеніемъ всегда вашего превосходительства, милостиваго государя моего, князь А. Вяземскій».

На этотъ запросъ А. П. Мельгуновъ «секретнѣйшимъ» письмомъ отъ 23 того же Февраля отвѣчалъ: «Милостивый государь мой князь Александръ Алексѣевичъ. Получа секретное вашего сіятельства письмо о дошедшемъ къ вамъ, милостивому государю моему, слухѣ относительно новыхъ растеній, поставляя за удобный случай къ развѣданію объ оныхъ отправиться въ тотъ край самому, подъ видомъ обозрѣнія Ростовской ярмонки, какъ оной никогда я не видалъ, гдѣ будучи на сихъ дняхъ, весьма секретнѣйше, безъ малѣйшей огласки, о всемъ томъ, что̀ ваше сіятельство писать изволили, развѣданіе дѣлалъ, употребя къ тому всѣ наивозможные способы, чтобъ любопытство свое удовольствовать, а тѣмъ самымъ и вашему сіятельству соотвѣтствовать. Но таковыхъ откровеній и приращеній, о каковыхъ в. с. увѣдомлять меня изволили, не оказалось, и во все время управленія моего намѣстничествомъ, ни прежде онаго, таковыхъ новыхъ растеній и откровенностей никогда не бывало и нынѣ нѣтъ, о чемъ изъ приложенной при семъ записки усмотрѣть изволите. Но дабы по непосредственной власти въ монастырѣ нынѣшняго настоятеля, гдѣ мощи святителя Димитрія почиваютъ, не могло выйти такого жъ показыванія, каковое было при бывшемъ архимандритѣ Павлѣ, то есть онаго угодника рукъ и прочаго, описаннаго въ запискѣ, то къ предохраненію отъ сего за нужное мню быть оному монастырю въ полномъ вѣдомствѣ епархіальнаго архіерея, которому уже отъ святѣйшаго Синода, по происшедшимъ въ томъ монастырѣ неустройствамъ въ церковныхъ сборахъ, сія часть и возложена въ смотрѣніе; слѣдовательно когда и прочее все въ вѣдомство ему архіерею поручено будетъ, то по удобности на мѣстѣ всякое злоупотребленіе скорѣе пресѣчено быть можетъ. Впрочемъ съ истиннымъ и совершеннымъ моимъ почтеніемъ и преданностію (и т. д.) А. Мельгуновъ».

Въ приложенной при письмѣ запискѣ читаемъ:

«По секретному развѣданію открылось. Опочивающихъ въ Ростовѣ въ Яковлевскомъ монастырѣ мощей святителя Димитрія гла-

вы ни всей, ни части оной, а равно и прочихъ частей, имѣющихся въ ракѣ, для богомольцевъ, усердствующихъ къ тому святителю и для вкладчиковъ, наружнаго открытія съ начала намѣстничества не было, а прикладываются всѣ пріѣзжающіе и приходящіе обыкновенно, по установленію, сдѣланному сначала проявленія тѣхъ мощей, ко лбу оного святителя, сквозь пелену, которою оной лобъ, также глава, а равно и лице закрыты и зашиты, а сверхъ оной и шапка архіерейская на главу снаружи наложена, чрезъ что и видѣть оного въ существѣ никоимъ образомъ и никому не можно. До сихъ же частей и открытія дѣлать наружно нельзя, по причинѣ той, что одинъ только видъ оныхъ цѣлъ оказался еще и при свидѣтельствѣ тѣхъ мощей синодальными членами; а губы, исподняя и верхняя, и хрящъ у носа, и лице явились тогда землею взятыми. Какъ глава, такъ и лице оного святителя отъ всѣхъ скрыты и пеленою зашиты, но только то мѣсто на пеленѣ, наложенной у лбу, гдѣ богомольцы прикладываются, отъ мокроты нынѣ почернѣло и нѣсколько вдавилось, отчего и видъ сего почернѣлаго мѣста оказывать можетъ для простыхъ людей какъ бы знакъ части лба. Кромѣ же сего, по прежнему въ томъ монастырѣ установленію, показываются наружно въ ковчежцѣ небольшомъ серебряномъ положенные во оной отдѣленные онаго святителя одного перста два сустава, къ коимъ всегда всѣ богомольцы явно прикладываются».

«А прежде сего во, время бытности въ томъ монастырѣ архимандрита Павла *), который находился съ 765 по 769 годъ, оный архимандритъ по безпутству своему да и по непосредственной власти своей въ томъ монастырѣ (поелику онъ въ вѣдомствѣ епархіальнаго архіерея не состоялъ) употреблялъ при гробѣ святителя разныхъ гробовыхъ монашествующихъ, а особливо ввѣрялъ смотрѣніе бывшему тогда монаху Израилю, не соотвѣтствующему нимало сему названію, который по поводу того архимандрита къ своевольству и преимуществовалъ въ томъ предъ прочими по самую того архимандрита кончину по 769 г., и въ ту его бытность нѣкоторымъ богомольцамъ, усердствующимъ къ

---

*) Архимандритъ Павелъ по Высочайшему повелѣнію переведенъ въ Яковлевскій монастырь 26 Марта 1765 г. изъ Духова монастыря Новгородской епархіи. Павелъ отъ неумѣреннаго питія и неблагообразной монашеской жизни захворалъ, и въ монастырѣ было полное безначаліе, такъ какъ имъ управлялъ не архимандритъ, а Свято-Троицкія Сергіевы Лавры соборный іеромонахъ Германъ. 17 Ноября 1769 г. Павелъ скончался; Германъ продолжалъ свое управленіе по Февраль 1771 г. по случаю пребыванія вновоопредѣленнаго архимандрита Иринея Братановича въ С.-Петербургѣ на чредѣ священнослуженія (монастырскія записи).

святителю, показываемы были иногда руки и части ногъ мощей онаго святителя, имѣющіяся въ большой ракѣ, изъ подъ которыхъ одѣяніе прежнее, въ коемъ оный святитель погребенъ и нынѣ въ немъ лежитъ, а другимъ и одно то одѣяніе. Но когда и кому именно сіе происходило, узнать и дойти не можно, потому что никто сего въ точности не знаетъ, какъ оное происходило потаенно не токмо отъ прочихъ стороннихъ, но даже и отъ монаховъ того монастыря. А какъ и нынѣшній архимандритъ Амфилохій въ вѣдомствѣ архіерейскомъ не состоитъ, слѣдовательно и внутреннее онаго монастыря начальство зависитъ непосредственно отъ воли его архимандрита одного: то, по введенному бывшимъ архимандритомъ Павломъ обычаю, можетъ и нынѣ не происходитъ ли потаенно того, что̀ и прежде при томъ архимандритѣ Павлѣ было; но сего однакожъ узнать и дойти въ точности не можно».

Не смотря на существованіе такихъ порядковъ, слава о чудотвореніяхъ отъ мощей св. Димитрія все росла и росла. Монастырь посѣщало много богомольцевъ и высокихъ путешественниковъ. Такъ обитель дважды посѣтила императрица Марія Ѳеодоровна, затѣмъ Александръ Благословенный. Жертвовали на монастырь и императоръ Павелъ, и придворные, и простой народъ. Обитель украсилась многими зданіями; въ числѣ жертвователей выдаются графъ Н. П. Шереметевъ и графиня А. А. Орлова-Чесменская, которые, кромѣ созданныхъ на ихъ средства превосходныхъ храмовъ, пожертвовали значительныя суммы и на содержаніе монастыря.

И до сихъ поръ, не смотря на частую перемѣну настоятелей и временное архіерейское управленіе, слава Яковлевскаго монастыря по прежнему велика, а св. мощи великаго угодника Божія Димитрія Ростовскаго и по сейчасъ привлекаютъ къ себѣ множество поклонниковъ, по вѣрѣ своей получающихъ чудесныя исцѣленія.

Андрей Титовъ.

Ростовъ Великій.
1 Марта 1895 года.

ФОТОТИПІЯ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К° МОСКВА

A. Smirnoff

ЗАПИСКИ АЛЕКСАНДРЫ ОСИПОВНЫ СМИРНОВОЙ.

Напечатанныя въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* 1893 и 1894 гг. по-французски и по-русски „Записки Александры Осиповны Смирновой“ представляютъ собою истинное сокровище для исторіи Русскаго просвѣщенія въ Николаевское царствованіе. Въ нихъ такъ много новаго, можно сказать, неожиданнаго, что нѣкоторымъ читателямъ они показались невѣроятными. Но знакомство съ тѣмъ временемъ, которое въ нихъ описывается, и съ жизнью лицъ, столь мастерски изображенныхъ высокодаровитою наблюдательницей той эпохи, убѣждаетъ вполнѣ въ непреложной ихъ подлинности. Правда, Записки писаны несвязно, въ разное время, съ долгими промежутками, изложеніе ихъ причудливо, съ перескоками изъ одного времени въ другое; но такова была и жизнь этой удивительной женщины, сначала въ переѣздахъ изъ города въ городъ, съ Юга на Сѣверъ, потомъ

Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большаго свѣта и двора,

въ тяжкихъ болѣзняхъ, въ переходахъ отъ столичнаго шума къ уединенію: то цѣльный разсказъ, то дневникъ, то простая отмѣтка. И при всемъ томъ Записки А. О. Смирновой таковы, что будь онѣ даже выдумкою, все же остаются произведеніемъ необыкновеннымъ.

Еще въ 1832 году, восхваляя красоту „черноокой Россети“, Хомяковъ писалъ, что

. . . ей понятны сердца звуки,
Высокой думы красота,
Поэтовъ радости и муки,
Поэтовъ чистая мечта.

Иностранка по крови, но вполнѣ Русская по широтѣ ума и многосторонности своихъ сочувствій, А. О. Смирнова родилась 9 Марта 1809 года въ Одессѣ и скончалась 7 (19) Іюля 1882 года въ Парижѣ. Двѣ ея дочери исполнили ея желаніе лечь въ Москвѣ, подъ однимъ камнемъ съ ея мужемъ Николаемъ Михаиловичемъ Смирновымъ, въ Донскомъ монастырѣ. Послѣ похоронъ Ольга и Надежда Николаевны передали письма разныхъ лицъ къ ихъ матери въ „Русскій Архивъ“ (гдѣ нѣкоторыя изъ нихъ и напечатаны), а Записки И. С. Аксакову, у котораго онѣ оставались до его кончины. За недосугомъ

по изданію своей газеты и за непривычкою къ подобнаго рода работѣ, И. С. Аксаковъ не успѣлъ разобрать и прочитать эти бумаги, и по кончинѣ его онѣ отосланы были обратно въ Парижъ, гдѣ Ольга Николаевна (не задолго до своей кончины) привела ихъ въ нѣкоторый порядокъ, написала къ нимъ прекрасное вступленіе и приготовила къ печати изъ разныхъ тетрадей книжекъ и отдѣльныхъ листковъ. Въ предисловіи къ нимъ она выражаетъ сожалѣніе, что не сохранилось того, что̀ мать ее записала про свое дѣтство. Эта часть Записокъ А. О. Смирновой нынѣ отыскана въ ея альбомѣ, хранящемся въ Москвѣ, въ Музеѣ П. И. Щукина. Въ 4-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ напечатанъ изъ этого альбома разсказъ о первыхъ порахъ знакомства Смирновой съ Гоголемъ. Здѣсь, съ позволенія Надежды Николаевны Сорѐнъ (дочери А. О. Смирновой), помѣщаются новыя страницы воспоминаній о раннемъ ея дѣтствѣ. П. Б.

*

Когда мнѣ случалось разсказывать что-нибудь изъ моихъ воспоминаній, мнѣ всегда говорили: «пишите ваши Записки». Разсказывать или писать двѣ вещи весьма разныя; подъ перо не такъ скоро ложатся мысль и слово. Однако въ 1849-мъ году, послѣ продолжительной нервной болѣзни, когда началось возрожденіе, я начала писать, по просьбѣ Юрія Ѳеодоровича Самарина [1]). Тогда представилось мнѣ мое дѣтство, какъ самое пріятное время моей пестрой и безплодной жизни. Это дѣтство не имѣло ничего общаго съ послѣдующей жизнью, и потому легче было описать, какъ эпизодъ.

На станціи *Водяное* [2]), которое такъ значится на картѣ Новороссійскаго края, жила моя бабушка Екатерина Евсѣевна Лореръ (урожденная княжна Циціанова). Она давно была вдовой, опредѣлила сыновей на службу, а дочерей повыдала замужъ, кромѣ меньшой Вѣры Ивановны. Тогда эта деревушка называлась Громоклея; и рѣчка, которая тамъ протекаетъ, тоже называлась Громоклея. За домомъ былъ ключъ, которымъ пользовалась вся деревня. Черезъ этотъ ключъ переѣзжали въ бродъ по большой дорогѣ въ Одессу. Это случалось нечасто, а именно, когда къ бабушкѣ пріѣзжала Елисавета Сергѣевна Шкляревичъ (рожденная княжна Баратова), или мы отправлялись къ ней въ Баратовку.

---

[1]) Это было въ Петербургѣ, какъ видно будетъ изъ разсказа объ арестѣ Ю. Ѳ. Самарина. Разсказъ этотъ появится въ одной изъ слѣдующихъ тетрадей „Русск. Архива“. П. Б.

[2]) Херсонской губерніи, недалеко отъ Николаева. Въ 50-хъ годахъ этимъ имѣніемъ владѣлъ дядя А. О. Смирновой, Дмитрій Ивановичъ Лореръ (братъ декабриста Николая Ивановича, котораго любопытныя воспоминанія напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1874 года). П. Б.

Странно, что судьба меня никогда не заносила въ родной край, который и теперь милъ сердцу моему. «О, память сердца, ты милѣй разсудка памяти печальной!» [3]) А между тѣмъ я провела самую кочующую жизнь, и рѣдко доводилось пожить два года на одномъ мѣстѣ.

Не могу себѣ представить, какія перемѣны произошли въ томъ краю, и сохранилъ ли онъ ту прелесть, которая сохранилась въ моей памяти. Въ самыхъ красивыхъ мѣстахъ за границей мнѣ всегда мерещилась Громоклея, и казалось, что всего пріятнѣе въ этой бѣдной деревушкѣ. Я увѣрена, что настроеніе души, складъ ума, наклонности, еще не сложившіяся въ привычки, зависятъ отъ первыхъ дѣтскихъ впечатлѣній. Я никогда не любила садъ, а любила поле; не любила *салонъ*, а любила пріютную комнатку, гдѣ незатѣйливо говорятъ, чтó думаютъ, т. е. чтó попало. Дитя любитъ болѣе всего свободу: ему не нравится условное; какъ-бы ни былъ красивъ, хорошо устроенъ и украшенъ садъ, ребенка тянетъ за рѣшетку, въ поле, на просторъ, гдѣ природа сама убираетъ поле въ незатѣйливый, но вѣчно разнообразный нарядъ. Въ Громоклеѣ, разумѣется, я не имѣла понятія о томъ, чтó такое садъ (1816-го), и деревня даже не пользовалась тѣми условіями, которыя составляютъ садъ. На большой дорогѣ стоялъ господскій домъ, каменный, въ одинъ этажъ, выкрашенный желтой краской и крытый желѣзомъ подъ черной краской; передъ домомъ былъ палисадникъ, въ которомъ росли павилика и заячья капуста (Valeriana). Рядомъ съ домомъ былъ сарай, крытый въ старновку [4]). На этотъ сарай прилетали вечеромъ журавли при самомъ захожденіи солнца; самецъ поднималъ одну красную лапку и трещалъ нѣсколько минутъ своимъ краснымъ же носомъ. «Журавли Богу молятся», говорили дѣти и люди: «пора ужинать». Противъ дома была станція, т. е. бѣлая хата, тщательно вымазанная, тоже крытая въ старновку, а за этимъ виднѣлась только гладь да даль. «Тутъ», говорили, «дорога въ Сóколы; а вотъ эта, чтó передъ домомъ, на Николаевъ, въ Одессу». Одесса была столицей, центромъ, въ которомъ сосредоточивались всѣ условія просвѣщенія, благодаря дюку Ришелье; туда ѣздили на закупку провизіи и всякихъ затѣй. Однимъ словомъ, Одесса значила очень много.

Если бы Гоголь сталъ описывать Громоклею, не знаю, чтó бы онъ могъ сказать о ней особаго, развѣ только то, что у въѣзда въ деревушку

---

[3]) Стихъ Батюшкова. П. Б.

[4]) Особый родъ соломенной крыши, цѣльными снопами. Крыша выходитъ приборливая и гладкая. П. Б.

былъ ключъ самой холодной и серебристой воды, да что рѣчка, которая протекала около сада, была темная, глубокая и катилась такъ медленно межъ тростника, что казалась неподвижной. Въ ней разъ утонулъ человѣкъ; о немъ разсказывали много и все страшное: то видѣли круги на водѣ, когда онъ выплывалъ грѣться на солнце; а ночью онъ выплывалъ и зазывалъ къ себѣ запоздалыхъ косарей или дѣвокъ. Садъ былъ, ежели можно такъ назвать мѣсто, гдѣ росли кусты и кукуруза, вдоль по этой рѣчкѣ. Самое замѣчательное въ Громоклеѣ, конечно, была ничѣмъ невозмущаемая тишина, которая въ ней царствовала; особенно, когда въ деревушкѣ замолкалъ лай собакъ, и водворялась синяя, какъ бархатъ, теплая ночь; звѣзды зажигались вдругъ съ незамѣтной быстротой. Окна были открыты настежъ; воздухъ неподвижный, казалось, входилъ въ домикъ; по деревнѣ стлался легкій и душистый запахъ, вѣроятно, отъ топлива бурьяномъ; крестьяне ужинали, и все погружалось въ сонъ. Бабушка садилась за столъ, перекрестясь. Возлѣ нея старичекъ Карлъ Ивановичъ, потомъ мы съ нашей няней Амаліей Ивановной. Тетушка Вѣра Ивановна всегда запаздывала въ своемъ бѣломъ коленкоровомъ платьицѣ, въ букляхъ, и подвергалась не совсѣмъ благосклоннымъ замѣчаніямъ бабушки о столичномъ воспитаніи.

У дѣдушки Дмитрія Евсѣевича Циціанова [5]) Вѣра Ивановна получила Европейское образованіе, говорила по-французски, рисовала, играла на forte-piano, которое бабушка называла porto-franco, смѣшивая эти два слова, которыя рѣшительно ничего не представляли ея понятіямъ: сфера ея мышленія ограничивалась заботой по полевому хозяйству, домашнимъ порядкомъ, воспоминаніемъ о Грузіи, о знатности ея происхожденія, о знакомствѣ съ Русской знатью; она говорила съ особой важностью о старой Кочубейшѣ [6]). Вѣра Ивановна очень любила рисовать *à la sepia* съ гравюръ Рафаелевыхъ Мадоннъ и берегла это, какъ сокровище. Бабушку же раздражало все, чтó ей казалось чуждымъ Русской жизни. Она, кажется, была въ полномъ смыслѣ Русскій консерваторъ, врагъ чуждыхъ пріемовъ и обычаевъ. Она не любила иностранныхъ языковъ и, когда, бывало, Амалія Ивановна засадитъ насъ за Нѣмецкія слова, она говорила: «На что это дѣтей мучить? Вотъ я—такъ весь свой вѣкъ прожила безъ этихъ языковъ, а

---

[5]) Этотъ князь Д. Е. Циціановъ, прожившій свое богатство и содержимый на старости лѣтъ собственною прислугою, былъ извѣстенъ добродушіемъ и выдумками. Нѣкоторые анекдоты его записаны А. С. Пушкинымъ, вѣроятно со словъ А. О. Смирновой.— Его дочь княжна Елисавета Дмитріевна, извѣстная своимъ благочестіемъ, скончалась въ Москвѣ лѣтъ десять тому назадъ. П. Б.

[6]) Т. е. о матери князя Виктора Павловича Кочубея, урожд. Безбородко. П. Б.

за Нѣмцемъ была замужемъ. Хорошій былъ человѣкъ вашъ покойный дѣдъ. Онъ былъ вице-губернаторомъ въ Херсонѣ, гдѣ всѣ его уважали, но только не умѣлъ наживаться и оставилъ меня съ дѣтьми въ бѣдности. Ну Господь помогъ: дочерей пристроила, а сыновья на службѣ. Катя за Варановскимъ и живетъ въ Пондикѣ, а Лиза за Каховымъ живетъ подъ Соколами въ Каховкѣ. А Надя была за Осипъ Ивановичемъ Россетъ. Умный и хорошій человѣкъ, у дюка (Ришелье) правая рука и не хотѣлъ наживаться; а землю онъ получилъ въ награду и назвалъ деревню Адамовкой, ибо онъ первый тамъ поселился. Тоже у него была земля Куяльники. Ужъ не знаю, куда они дѣвались; онъ, кажется, ихъ продалъ и купилъ домъ въ Одессѣ и хуторъ. А теперь все пойдетъ даромъ, потому что Надя вышла замужъ за Арнольда» [1]).

Такіе разговоры мы часто слыхали, и тутъ бабушка замолкала на долго. Потомъ, какъ будто опомнившись, начинала пересчитывать сыновей. «Вотъ Александръ въ уланахъ, на Корсаковой. У нея большое имѣніе подъ Петербургомъ, но она все по-французски, и все пишутъ изъ-за границы, что тамъ лучше, чѣмъ у насъ. А по моему, жили бы у себя въ Гарняхъ! Чего имъ тамъ не достаетъ? Николай теперь въ гвардіи, а Митю я жду домой. Женился онъ въ Курскѣ, когда былъ въ Орденскомъ кирасирскомъ полку, на княжнѣ Волконской; оно бы хорошо, но совсѣмъ бѣдная, воспитывалась въ Екатерининскомъ институтѣ, и вѣрно все пустякамъ, все по-французски».

---

[1]) Мать А. О. Смирновой, Надежда Ивановна, урожд. Лореръ, женщина необыкновенной красоты (которою, по словамъ графа П. Д. Киселева, превосходила она и дочь свою), овдовѣвъ, вышла за генерала Ивана Карловича Арнольди, лишившагося ноги подъ Лейпцигомъ и знаменитаго какъ своею храбростью въ бояхъ, такъ и неумолимою строгостью. Онъ имѣлъ отъ Надежды Ивановны сыновей Ивана, Льва (женатаго на Варварѣ Дмитріевнѣ Свербеевой) и Александра Ивановичей и дочь Ольгу Ивановну, вышедшую за князя Петра Сергѣевича Оболенскаго. По кончинѣ Надежды Ивановны И. К. Арнольди женился вторично на гувернанткѣ своей дочери и имѣлъ дочь, нынѣ княгиню Ухтомскую. Маленькой Александрѣ Осиповнѣ приходилось живать въ разныхъ мѣстахъ Россіи, куда переходилъ полкъ ея вотчима. Такъ она намъ разсказывала про свою жизнь въ Усмани. Множествомъ впечатлѣній богата была она, прежде чѣмъ засіяла при дворѣ умомъ, даровитостью и красотою, такъ что А. С. Хомяковъ не совсѣмъ былъ правъ, говоря про нее (въ 1832 г.), что

Ей милѣй страны другія,
Чужія лучше небеса.

Кстати: А. О. Смирнова передавала намъ, что Государь Николай Павловичъ прочелъ ей эти стихи Хомякова и потомъ ими дразнилъ ее. П. Б.

Иногда Амалія Ивановна, какъ представительница западнаго образованія, считала своей обязанностью промолвить словечко въ пользу иноземнаго воспитанія. Но бабушка, всегда ласковая къ ней, не обращала вниманія и продолжала порицать все иностранное. Добрая Амалія Ивановна была идеалъ иностранокъ, которыя пріѣзжали тогда въ Россію и за весьма дешевую цѣну передавали иногда скудныя познанія; но вознаграждали недостатокъ примѣромъ истинныхъ, скромныхъ добродѣтелей, любви и преданности къ дѣтямъ и дому, который ихъ принималъ гостепріимно и радушно. Когда бабушка выѣзжала на такъ называемыхъ поповскихъ дрожкахъ, тогда бойкій приказчикъ надѣвалъ чоботы и длинный синій сюртукъ, ѣхалъ на рыжей худой лошади, рядомъ съ дрожками, и указывалъ, гдѣ жито, гдѣ баштаны. Иногда меня сажали рядомъ съ бабушкой, безъ шляпки, безъ перчатокъ, безъ пелеринки. Когда солнце меня слишкомъ припечетъ, то я подползала подъ фартукъ. Я возвращалась предовольная. Жизнь была незатѣйливая, какъ видно, слава Богу!

Когда пріѣзжали на почту важные господа, генералы или Петербургская знать, ихъ просили отужинать, даже переночевать въ домѣ. Одинъ разъ ночевала какая-то графиня съ дѣвочкой, у которой была такая кукла, что я до сихъ поръ ее помню. У куклы были сѣрые, злые глаза; кукла эта какъ будто съ презрѣніемъ смотрѣла на насъ. Дѣвочку я немного помню, такъ что легко можетъ быть, что сѣрые и злые глаза были не у куклы, а у дѣвочки. Утромъ подъѣхала большая, четвероместная карета, графиня усѣлась съ дѣвочкой и служанкой, и экипажъ скоро исчезъ.

Я увлеклась Громоклеей и забыла сказать, что прежде я жила въ Одессѣ, гдѣ родилась, и гдѣ отецъ мой [8]) былъ инспекторомъ карантина:

---

[8]) Французскій эмигрантъ, кавалеръ Жозефъ де-Россетъ имѣлъ орденъ св. Георгія за Очаковъ и св. Анны за Измаилъ. Позднѣе онъ командовалъ фрегатомъ „Паллада“, затѣмъ состоялъ начальникомъ гребной флотиліи въ Одессѣ, комендантомъ порта, завѣдывалъ таможней и карантиномъ. Скончался онъ отъ чрезмѣрнаго утомленія во время чумы 1814 г. Имя Осипа Ивановича Россета сохранилось въ Георгіевскомъ залѣ Московскаго Кремля. Въ Одессѣ О. И. Россетъ женился на Надеждѣ Ивановнѣ Лореръ (Лореры были Нѣмцы, хотя Французскаго происхожденія; они прибыли въ Голштинію изъ Беарна во время реформаціи и переселились въ Россію при Петрѣ III. Лореры жили нѣкоторое время въ Малороссіи и состояли въ родствѣ съ Капнистами и кн. Кудашевыми). Когда праздновалось двадцатипятилѣтіе царствованія Николая Павловича, А. О. Смирнова встрѣтилась во дворцѣ съ другомъ и товарищемъ ея отца по оружію, престарѣлымъ княземъ Вяземскимъ, который многое разсказывалъ ей о немъ. Они воспитыва-

мѣсто весьма важное, особенно отъ сношеній съ Константинополемъ, гдѣ была чума. Чуму я помню. До насъ доходили только вѣсти, когда отецъ приходилъ изъ карантина; письма, провизія окуривались уксусомъ. Герцогъ Ришелье, обходя городъ, ежедневно останавливался подъ окномъ нашего низенькаго дома, былъ озабоченъ и грустенъ. Число умершихъ возростало; телѣги, въ которыя бросали трупы чумныхъ, проѣзжали мимо нашего дома. Колодники въ засмоленныхъ платьяхъ везли эти страшныя дроги. Сидя у окна, мы слыхали шумъ цѣпей и считали число этого ужаснаго экипажа.

Въ 1814-мъ году, скоро послѣ чумы, произошла важная и грустная перемѣна въ нашемъ домѣ. Вслѣдствіе заботъ и отвѣтственности по карантину отецъ мой сдѣлался жертвой чумы. Домъ былъ тѣсенъ и, во избѣжаніе дѣтскаго шума, насъ отвезли къ Домбровскимъ, гдѣ былъ садъ, много дѣтей, и мы играли, шумѣли беззаботно, не подозрѣвая, что въ эти минуты судьба наша рѣшалась на всю жизнь. Дѣла наши были запутаны (на Руси это обычно). Такъ какъ маменька не могла совсѣмъ посвятить себя нашему воспитанію, то и рѣшилась взять гувернантку по рекомендаціи генерала Фёрстера.

Въ то время стекались въ Одессу иностранцы со всѣхъ странъ, вытѣсненные или революціей, или войнами Наполеона, такъ что населеніе было самое пестрое. Герцога такъ уважали и любили, онъ былъ такъ достоинъ любви и довѣрія, такъ полонъ благихъ желаній ввѣренному ему краю! Добрый, ласковый, честный, прекрасной наружности, онъ носилъ печать аристократіи до-революціонной Франціи; въ немъ не было искры того, что́ выражается словомъ *courtisan* [9]): онъ служилъ императору и Россіи, сохраняя всю независимость сво-

---

лись вмѣстѣ въ Генуэзскомъ морскомъ училищѣ. Князь Вяземскій убѣдилъ Россета принять предложеніе адмирала Рибаса поступить на Русскую службу подъ его начальство. Когда вспыхнула революція, Россетъ пожелалъ вернуться во Францію, чтобы оказать помощь своимъ роднымъ. Ему разрѣшили отпускъ. Прибывъ въ Вѣну, онъ встрѣтился съ находившимся тамъ проѣздомъ графомъ Ланжерономъ и герцогомъ Ришелье. Ланжеронъ уговорилъ его возвратиться на Русскую службу. Въ память его усердной службы единственная дочь его Александра Осиповна была помѣщена на казенный счетъ въ Екатерининскій институтъ императрицей Маріей Ѳеодоровной. Всѣ родственники Россета, жившіе въ Ліонѣ, погибли во время террора. Родовой замокъ Россетовъ былъ разграбленъ и сожженъ; развалины его находятся во Франшконтэ. (Извлечено изъ „Сѣвернаго Вѣстника“ 1893 года).

[9]) Царедворецъ.

его характера, всегда говорилъ правду и выражалъ благодарность за данное ему покровительство въ страшное и бѣдственное время его скитальчества по свѣту, не скрывая, что живетъ и дышетъ лишь однимъ желаніемъ возвратиться въ любимое отечество.

Отецъ мой умеръ, а герцогъ оставилъ Одессу послѣ возстановленія Бурбоновъ въ лицѣ Людовика XVIII-го. Передъ отъѣздомъ онъ еще далъ прощальный вечеръ въ своемъ саду. Маменька взяла меня туда съ братомъ Іосифомъ и съ Амаліей Ивановной. Помню, что ночь была теплая и темная. Въ бесѣдкѣ мы нашли двухъ дамъ и дюка. Прощальный праздникъ былъ невеселый: провожали съ истиннымъ и глубокимъ сожалѣніемъ создателя Новороссійскаго края. Маменька еще оставалась, а насъ отправили на хуторъ. По дорогѣ были разставлены смоляныя бочки. Отъ треска и пылающаго огня лошади испугались и понесли. Амалія Ивановна опустила всѣ окна и вскрикивала: «Ach, mein Gott, mein Gott!» [10]), а намъ нравилась эта скорая ѣзда. Домъ былъ подъ крутымъ спускомъ. Однако все обошлось какъ нельзя лучше, и наши кони подвезли насъ благополучно къ крыльцу. Якимъ и Гапка, его супруга, совершенно трезвые, очутились у дверецъ, при чемъ Якимъ, осмотрѣвъ карету, не упустилъ случая сказать нѣсколько пріятныхъ словъ кучеру.

Герцогъ былъ моимъ крестнымъ отцемъ, а тетушка Екатерина Ивановна Варановская матерью. Меньшаго брата моего, Александра, крестила Неаполитанская королева Каролина. Она искала убѣжища въ Россіи и должна была подвергнуться карантину, что̀ исполнено было со всѣми возможными удобствами и присмотромъ достойнымъ ея несчастнаго и высокаго званія. Отецъ мой, какъ инспекторъ карантина, былъ въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ королевой и ея штатомъ. Матушка въ это время родила; королева сама предложила быть крестной матерью и тѣмъ выразила аттенцію отцу моему съ условіемъ, что брата назовутъ Карломъ [11]). Ея мѣсто замѣнила г-жа де-Рибасъ [12]), жена Генуезскаго матроса, который у насъ дослужился до чина адмирала. Помню этотъ день. Де-Рибасъ была въ розовомъ атласномъ

---

[10]) Ахъ, мой Богъ, мой Богъ!

[11]) Этого брата Александры Осиповны (въ православномъ крещеніи Александра) обыкновенно и звали Карломъ Осиповичемъ. Супруга его, ур. Офросимова, живетъ въ Бѣлевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ двѣ ея дочери инокинями. П. Б.

[12]) Настасья Ивановна (въ дѣвицахъ Соколова), знаменитая въ свое время незаконная дочь И. И. Бецкаго. П. Б

платьѣ, и тюникъ весь кружевной. Королева написала собственноручное письмо и прислала брату брильянтовый крестъ, а маменькѣ то, чтò называли тогда *склаважемъ*, т. е. цѣпочки, связанныя вензелевымъ шифромъ изъ крупныхъ брильянтовъ. Я помню лице королевы; насъ возили къ ней въ карантинъ. Она была невысокаго роста, въ зеленóмъ бархатномъ платьѣ, нарумяненая, покрыта брильянтами, и возлѣ нея стояли двѣ нарядныя дамы.

Хуторъ нашъ считался лучшимъ. Отецъ мой самъ сажалъ, прививалъ деревья, даже развелъ виноградники и посадилъ тополь. Помощникомъ его былъ садовникъ *Baptiste*, выписанный также добрымъ дюкомъ; онъ послѣ былъ директоромъ ботаническаго сада при графѣ Ланжеронѣ, чтó доказываетъ, что грунтъ Одессы хорошъ. Но конечно не безъ труда и большой поливки были эти результаты. Въ саду росли дикая спаржа и сморчки. Мы утромъ ходили собирать спаржу и сморчки въ сопровожденіи Проньки. Эта Пронька была странная дѣвочка; всегда босая, въ пестрядовомъ платьѣ; волосы совсѣмъ желтые, и глаза у нея были желтые, и зрачекъ какъ у кошки. Она ѣла паклёнъ, вертѣла руками стебелекъ и приговаривала: «свиньямъ горько, а намъ солодко». Она не боялась змѣй, и разъ когда одна обвилась объ ногу брата Аркадія, то Пронька однимъ махомъ ее отбросила далеко. Маменька занималась дѣлами по имѣнію и процессами. Слово процессъ и теперь звучитъ въ моихъ ушахъ: такъ часто оно повторялось вокругъ меня и не только въ нашемъ домѣ. Маменька ѣздила въ деревню, гостила у бабушки, въ Пондикѣ у Варановскихъ, въ Каховкѣ у Каховыхъ подъ Соколами (нынѣ Вознесенскъ), иногда въ Кіевъ на контракты, а мы оставались съ Амальей Ивановной въ Одессѣ, а лѣтомъ на хуторѣ [13]). Домъ былъ маленькій, въ одинъ этажъ съ палисадникомъ и большимъ дворомъ.

Амалья Ивановна была Швейцарка съ Констанцскаго озера; ее рекомендовалъ генералъ Фёрстеръ, другъ нашего семейства, когда маменька овдовѣла. Эта почтенная старушка осталась въ домѣ даже послѣ кончины матушки [14]), точно также любила дѣтей отъ втораго брака нашей матери и умерла въ Кіевѣ въ домѣ нашего отчима Арнолди. Въ ней была

---

[13]) Александра Осиповна была единственною дочерью, и дѣтство ея протекло въ обществѣ братьевъ, которымъ она впослѣдствіи сдѣлалась благодѣтельницею. П. Б.

[14]) Когда именно скончалась мать А. О. Смирновой, не знаемъ. Кажется, что она не особенно ею занималась, какъ полковая дама и притомъ обремененная многочисленнымъ семействомъ. П. Б.

такая пропасть высокихъ добродѣтелей, съ такой простотой, что ни она, ни другіе не подозрѣвали, что это точно высокія добродѣтели. Ей самой и всѣмъ казалось, что она не заслуживаетъ особаго вниманія и благодарности. Амалья Ивановна была все въ домѣ: и нянька, и учительница, и ключница, и другъ маменьки, и вторая мать намъ, даже докторъ. Ея глазъ и присмотръ были вездѣ. Она любила чистоту и порядокъ. Въ пять часовъ она уже просыпалась, тотчасъ надѣвала корсетъ, кофточку, юбку, и тотчасъ отправлялась въ буфетъ, гдѣ выдавала провизію повару и буфетчику. Потомъ она поднимала насъ и мы повторяли за ней Vater Unser [15]). Тотчасъ послѣ завтрака, т. е. молока съ булкой (а Амальѣ Ивановнѣ приносили кофей со сливками) мы отправлялись въ садъ, гдѣ собирали цвѣты, дикую спаржу, сморчки и подбирали яблоки и груши. Эти прогулки доставляли намъ истинную радость нашихъ дней; онѣ повторялись вечеромъ, до ужина. Въ Одессѣ было такъ невыносимо жарко, что въ 10 часовъ закрывали ставни, поливали полъ водою; я вязала, но никогда не могла дойти до дорожки, и мы лежа дремали. Въ часъ подавали обѣдъ. Поваръ былъ очень хорошій изъ Москвы. Отецъ его купилъ со всѣмъ семействомъ у господина Высоцкаго; но онъ пилъ запоемъ, потому маменька его лѣчила черными каплями. Иногда этотъ артистъ Дмитрій насъ оставлялъ безъ обѣда. Тогда посылали за Артемій Макаровичемъ Худобашевымъ; онъ являлся, угрожалъ Дмитрію полиціей, тюрьмой, и этотъ на нѣсколько времени приходилъ въ повиновеніе...

—

Тутъ (на оборотѣ 17-го листа въ альбомѣ) прерываются воспоминанія о дѣтствѣ, и тутъ же начатъ совсѣмъ другой разсказъ, относящійся къ похоронамъ императрицы Маріи Ѳеодоровны (при которой Александра Осиповна слишкомъ два года была фрейлиной, числясь ею же и при молодой императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ), т. е. къ концу 1828 года. Но въ записныхъ книжкахъ А. О. Смирновой нашлась еще слѣдующая страничка, приведенная ея дочерью во вступленіи къ ея Запискамъ („Сѣверный Вѣстникъ" 1893) и относящаяся къ ея дѣтству.

Пушкинъ обѣщалъ мнѣ послать Евгенія Онѣгина на Кавказъ и въ Одессу [16]). Какъ я желала бы отправиться туда вновь увидать хуторъ моихъ родителей, *мое* Черное море. Балтійское кажется мнѣ та-

---

[15]) Отче Нашъ.

[16]) Обѣщаніе это Пушкинъ исполнилъ, т. е. описалъ стихами Кавказъ и Одессу въ путешествіи Онѣгина. П. Б.

кимъ безобразнымъ въ сравненіи съ Чернымъ. Если Сверчокъ [17]) поѣдетъ въ Одессу, то онъ привезетъ мнѣ листья тополя, которыя посадилъ мой отецъ, когда родился мой братъ Клементій. Я помню Одессу точно сквозь сонъ, помню хуторъ, герцога, Баптиста, который давалъ мнѣ абрикосовъ, королеву Каролину и ея жалтую шаль, маленькихъ Попандопуло и Клавдиньку Коблей, съ которой я играла; моего отца, очень блѣднаго, въ красномъ креслѣ, мою плачущую мать въ траурѣ, Амалію Ивановну, мою бонну, и все это отрывками, безъ всякой связи. О Громоклеѣ и бабушкѣ сохранились во мнѣ болѣе полныя воспоминанія, а также о Малороссіи, когда я жила у Капнистовъ» [18]).

---

[17]) Т. е. Пушкинъ. П. Б.

[18]) Вѣроятно въ семействѣ Семена Васильевича Капниста, женатаго на Англичанкѣ. Дядя А. О. Смирновой, Н. И. Лореръ, съ особенною любовью говаривалъ намъ про это семейство. П. Б.

ОТМѢТКИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА НА ПРЕДСТАВЛЯЕМЫХЪ ЕМУ БУМАГАХЪ.

1827. Сентября 1. О порученіи студентовъ Императорскаго Московскаго Университета, живущихъ внѣ Университета, надзору городской полиціи:

«На подчиненіе присмотру городской полиціи тѣмъ болѣе я согласенъ, что сему иначе и быть не должно».

1833. Іюня 20. О паспортахъ обоюднымъ помѣщикамъ *) за границу:

«Согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы отнюдь не дозволять выѣздъ тѣмъ, кои наималѣйше замѣшаны въ послѣднихъ дѣлахъ».

1833. Сентября 19. О укрощеніи бунтующихъ крестьянъ:

«Строжайше подтвердить всѣмъ мѣстнымъ властямъ всѣ буйства укрощать не потворствомъ, а наказывая виновныхъ силою».

1836. Октября 3. О *лотереѣ*:

«Я не разъ уже приказывалъ съ представленіями, противными закону, не смѣть отнюдь входить».

1840. Марта 26. «Святотатцевъ ни въ какомъ случаѣ въ военную службу не опредѣлять».

1846. Января 13. Изданіе газеты *Кавказъ* дозволено, но «съ должнымъ присмотромъ».

1849. Сентября 30. Чтобы штатъ студентовъ въ Университетахъ былъ ограниченъ числомъ 300 въ каждомъ съ воспрещеніемъ пріема, доколѣ наличное число не войдетъ въ узаконенный размѣръ; изъ числа же кандидатовъ при пріемѣ избирать однихъ отличныхъ по *нравственному образованію.*

«Объ казенныхъ и рѣчи нѣтъ. Приказаніе касается до *вольноприходящихъ* и до *слушателей*. Въ медицинскій факультетъ прини-

---

*) Подъ словомъ *обоюдные* Государь вѣроятно разумѣлъ Польскихъ помѣщиковъ, владѣвшихъ имѣніями и въ Россіи и въ Пруссіи или въ Австріи. (Это такъ называемые sujets mixtes). Совмѣстнымъ землевладѣніемъ въ разныхъ государствахъ Поляки часто пользовались для уловокъ и происковъ. П. Б.

мать можно *неограниченное число*, подъ условіемъ строгой нравственности. Затѣмъ съ *этими* не дозволяю, чтобы общее число *вольныхъ* превосходило 300 человѣкъ».

Августа 1. Въ Дерптскомъ Университетѣ число студентовъ въ богословскомъ и медицинскомъ факультетахъ не ограничивать; для прочихъ же факультетовъ Его Императорское Величество находить число 300 достаточнымъ.

«Признавая полезнѣе, чтобы дѣти благороднаго сословія искали преимущественно, какъ потомки древняго рыцарства, службы военной предъ службою гражданскою. На сей конецъ имъ открыта возможность поступать въ военно-учебныя заведенія или же прямо въ ряды войскъ, для чего и университетское образованіе не есть необходимость».

1852. Января 22. О *лотереяхъ*:

«Впредь ни подъ какимъ видомъ отъ закона не отступать и не смѣть и входить съ представленіемъ».

1852. Марта 18. Объ отпускѣ колонистовъ за границу:

«Для отпуска въ Германію всегда испрашивать моего разрѣшенія».

1851. Іюня 7. О подчиненіи цензурѣ неоффиціальной части „Московскихъ Вѣдомостей“:

«Исполнить и того же правила держаться вездѣ».

1851. Ноября 27. О непредставленіи къ наградамъ несогласно съ законами:

«Впредь повтореніе подобнаго припишу я къ ослушанію и не оставлю безъ должнаго взысканія».

(Извлечено изъ дополнительныхъ томовъ Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи и сообщено Константиномъ Петровичемъ Побѣдоносцовымъ).

АПОЛОГІЯ ПУБЛИЧНЫХЪ ЛЕКЦІЙ ПРОФЕССОРА К. Ф. РУЛЬЕ, НАПИСАННАЯ М. Н. КАТКОВЫМЪ.

Въ 1851-мъ году извѣстный профессоръ Императорскаго Московскаго Университета Карлъ Францовичъ Рулье, въ одно время съ другими профессорами того же Университета, Р. Г. Гейманомъ, С. М. Соловьевымъ, Т. Н. Грановскимъ и С. П. Шевыревымъ, читалъ въ Москвѣ публичныя лекціи. Предметомъ чтеній Рулье было: *Объ отношеніяхъ животныхъ къ внѣшнимъ условіямъ.*

Выдержка изъ этихъ лекцій *о первомъ появленіи растеній и животныхъ на землѣ* была напечатана въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1852 г. (№ 4). Редакторомъ „Вѣдомостей", съ 1851 года, уже былъ М. Н. Катковъ. Печатая эту выдержку, Катковъ сдѣлалъ отъ себя слѣдующее примѣчаніе: „Это отрывокъ изъ тѣхъ публичныхъ лекцій, которыя были столь замѣчательнымъ явленіемъ въ Московской жизни прошедшаго года. Читатели помнятъ лекцію профессора Грановскаго, напечатанную въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1851 года (№ 94). Теперь надѣемся доставить имъ новое умственное удовольствіе этимъ отрывкомъ изъ лекцій профессора Рулье, блестящія достоинства которыхъ были уже оцѣнены публикою".

Напечатанный въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" отрывокъ изъ лекцій Рулье произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе на тогдашнюю цензуру, находившуюся въ вѣдомствѣ министра народнаго просвѣщенія, и князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ потребовалъ отъ Каткова объясненія.

Между тѣмъ деканъ Философскаго Факультета Московскаго Университета С. П. Шевыревъ выступилъ на защиту Рулье и написалъ свое *Мнѣніе о публичныхъ лекціяхъ профессора Рулье,* которому и далъ офиціальный ходъ.

Утверждаясь въ *Мнѣніи* своемъ на *Шестодневѣ* Василія Великаго и на *Запискахъ на Книгу Бытія* митрополита Филарета, Шевыревъ доказывалъ, что Рулье „ставитъ истину откровенную выше истины добытой знаніемъ, полагая ее во главѣ своихъ изслѣдованій, указываетъ на нее, какъ на предѣлъ всякой пытливости, и принимаетъ за несомнѣнное только то, что̀ согласно съ нею".

Мнѣніе свое Шевыревъ заключаетъ слѣдующими словами Ломоносова: „Правда и Вѣра суть двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго Родителя, никогда между собою въ распрѣ придти не могутъ, развѣ кто, изъ нѣ-

котораго тщеславія и показанія своего мудрованія, на нихъ вражду всклеплеть. А благоразумные и добрые люди должны разсматривать, нѣтъ ли какого способа къ объясненію и отвращенію мнимаго между ними междоусобія, какъ учинилъ премудрый учитель нашея Православныя церкви святый Василій Великій въ своемъ *Шестодневѣ*.... Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ Свое величество, въ другой Свою волю. Первая видимый сей міръ, Имъ созданный, чтобы человѣкъ, смотря на огромность, красоту и стройность его зданій, призналъ Божественное всемогущество, по мѣрѣ себѣ дарованнаго понятія. Вторая книга Священное Писаніе. Въ ней показано Создателево благословеніе къ нашему спасенію".

Вслѣдъ за Шевыревымъ представилъ свое *Объясненіе* и Катковъ.

Счастливый случай доставилъ въ наше распоряженіе современную копію съ этого *Объясненія*, подлинникъ котораго хранится въ дѣлахъ Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія, и мы почитаемъ грѣхомъ хранить этотъ документъ подъ спудомъ.

10 Марта 1895 г, С.-Петербургъ.

Николай Барсуковъ.

*

При разсмотрѣніи статей, назначаемыхъ въ «Московскія Вѣдомости», я обращаю самое строгое вниманіе какъ на общее направленіе статьи, такъ и на всѣ подробности ея изложенія. Я взвѣшиваю всѣ выраженія, которыя могутъ подать хотя бы и отдаленный поводъ къ недоразумѣніямъ и ложнымъ толкованіямъ, считая первымъ долгомъ своимъ устранять все подобное. Доселѣ, въ продолженіе почти цѣлаго года, при всемъ обиліи и разнообразіи помѣщенныхъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» статей, я былъ такъ счастливъ, что ни разу не навлекъ на себя никакого важнаго замѣчанія. Твердое и ясное сознаніе долга, при совершенной готовности не щадить трудовъ, давало мнѣ нѣкоторое основаніе надѣяться, что и впредъ удастся мнѣ вести порученное мнѣ изданіе *) также счастливо. Я вполнѣ убѣжденъ, что не всѣ возможные случаи могутъ быть подведены подъ букву закона, и что во всякомъ общественномъ дѣлѣ совѣсть должна быть живою руководительницею человѣка. Дѣятельность цензора и редактора въ этомъ отношеніи часто не имѣетъ другаго свидѣтеля кромѣ совѣсти.

Въ началѣ текущаго года, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» помѣщена статья: *О первомъ появленіи растеній и животныхъ на землѣ*, подавшая поводъ къ замѣчаніямъ, неблагопріятнымъ какъ для автора,

*) М. Н. Катковъ издавалъ тогда „Московскія Вѣдомости" не отъ себя, а отъ Университета, получая вознагражденія по 25 копѣекъ съ подписчика. П. Б.

такъ и для редакціи «Вѣдомостей». Каково бы ни было значеніе статьи г. Рулье, я считаю долгомъ своимъ сознаться, что статья эта уже по самому предмету своему не совсѣмъ приличествуетъ для «Московскихъ Вѣдомостей» и, конечно, не появилась бы въ нихъ безъ особенныхъ обстоятельствъ, которыя сопровождали ея доставленіе въ редакцію. Означенная статья—одна изъ публичныхъ лекцій, читанныхъ проф. Рулье въ прошедшемъ году предъ многочисленнымъ собраніемъ слушателей. Лучшіе цѣнители подобныхъ явленій присутствовали на лекціяхъ, и общее впечатлѣніе, оставленное ими, было весьма благопріятно для профессора. Преимущественно было замѣчено всѣми доброе направленіе ученаго, видящаго въ Откровеніи главную повѣрку для выводовъ и предположеній науки. По распоряженію начальства, какъ лекціи г. Рулье, такъ и другихъ преподавателей, участвовавшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ публичномъ курсѣ прошедшаго года, были напечатаны. За три дня до выхода книги въ свѣтъ г. Рулье доставилъ въ редакцію отрывокъ изъ этой книги въ печатныхъ листахъ, съ просьбою перепечатать его въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», чтобы заранѣе познакомить публику съ выходящею книгой. По заведенному въ редакціи обычаю, доставленныя статьи болѣе или менѣе обширнаго объема печатаются не въ ближайшемъ нумерѣ, а отлагаются на нѣкоторое время для тщательнѣйшаго разсмотрѣнія. Такъ слѣдовало поступить и съ настоящею статьею. Но статья была доставлена 7-го Января, наканунѣ выхода 4-го № «Московскихъ Вѣдомостей», и требовалось либо напечатать ее въ этомъ №, либо вовсе не печатать, потому что книга должна была поступить въ продажу 10-го Января. Какъ ни затруднительно было для меня такое нарушеніе порядка, установленнаго мною въ редакціи, я считалъ себя не въ правѣ отказать профессору Университета въ помѣщеніи его лекціи въ университетскомъ изданіи, притомъ лекціи, одобренной какъ для произнесенія предъ публикою, такъ и въ цензурѣ для напечатанія, и уже напечатанной. За ученое и литературное достоинство статьи ручалось мнѣ имя автора. Къ тому же, зная его лично, я всегда находилъ въ немъ самый положительный и безукоризненный образъ мыслей и неоднократно имѣлъ случай видѣть, какую радость доставляло ему всегда сближеніе факта, изыскиваемаго наукой, съ истиною Откровенія. Всякое возраженіе, которое я могъ бы сдѣлать г. Рулье, показалось бы излишнею и недоброжелательною придирчивостью, и я, по краткости времени, не подвергнувъ статьи надлежащему просмотру, препроводилъ ее для набора въ типографію. Въ послѣдствіи, читая ее въ пробныхъ листахъ, я видѣлъ, что она не годится для «Московскихъ Вѣдомостей» и, если бы еще было возможно, исключилъ бы ее изъ нумера. Съ тяжкимъ сознаніемъ своей оплошности, я предчувствовалъ послѣдствія. На другой день, на строгій

выговоръ его превосходительства, господина попечителя *), я могъ отвѣчать только сознаніемъ своей вины, хотя и невольной. Меня могло утѣшать только то, что въ основаніи статьи не было ничего предосудительнаго, что главная ошибка состояла лишь въ несоотвѣтственности предмета статьи съ изданіемъ. Впрочемъ читатели «Московскихъ Вѣдомостей» знали уже содержаніе и связь лекцій профессора Рулье изъ отчетовъ, которые были напечатаны въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» прошлаго года.

Относительно духа, въ какомъ составлены лекціи проф. Рулье, не остается никакого сомнѣнія, если сообразить всю связь его мыслей. По его высказанному убѣжденію (въ первой лекціи своей профессоръ Рулье подробно высказываетъ свой образъ мыслей въ этомъ отношеніи), наука въ своемъ стремленіи къ высшей истинѣ можетъ достигнуть только гипотезы безсильной и темной. Свѣтъ и жизнь въ Откровеніи. Высшая цѣль науки въ томъ, чтобы служить ему оградой отъ невѣрія. Геологическіе факты, по легкомысленному сужденію ученыхъ прошедшаго вѣка, казалось, должны были служить камнемъ преткновенія для вѣры; но въ настоящее время, при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, оказывается противное. Божественная истина не имѣетъ нужды въ доказательствахъ; но колеблющаяся мысль человѣка нуждается въ опорѣ, и наука въ своихъ положительныхъ результатахъ должна служить для нея такою опорою. Всякій ученый долженъ считать своею возвышеннѣйшею обязанностью содѣйствовать такому направленію науки. Такъ въ настоящее время одно изъ самыхъ основательныхъ сочиненій по части Геологіи и Палеонтологіи, Бокланда, принадлежитъ къ тому прекрасному ряду ученыхъ трактатовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Бриджватеровыхъ, которые имѣютъ своею цѣлію раскрыть для ума *всемогущество*, *премудрость и благость Бога*, *проявляющіяся въ Его твореніяхъ*.

Профессоръ Рулье въ своихъ палеонтологическихъ изслѣдованіяхъ стремится къ этой же цѣли. Можетъ-быть, въ нѣкоторыхъ пунктахъ онъ не удовлетворяетъ строгой критикѣ; можетъ-быть, въ томъ или другомъ случаѣ мысли требовали бы болѣе точнаго или болѣе осмотрительнаго выраженія; но основное направленіе его мыслей заслуживаетъ сочувствія и одобренія. Къ тому же онъ говоритъ не отъ лица Церкви, а лишь отъ лица человѣческой науки. Въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ постоянно имѣетъ въ виду богословское твореніе преосвященнаго Филарета и во всемъ соображается съ его толкованіями.

Всего болѣе въ лекціяхъ проф. Рулье можетъ служить камнемъ преткновенія то, что̀ у него говорится о періодахъ и эпохахъ въ про-

*) Генералъ-адъютанта Владимира Ивановича Назимова.

исхожденіи существъ, составляющихъ міръ земной. По сказанію Моисея, все твореніе произошло въ шесть дней. Не противорѣчатъ ли періоды Геологіи этому сказанію, могутъ ли соотвѣтствовать они днямъ библейскаго сказанія? Но въ какомъ бы значеніи ни разумѣли мы дни творенія, то неоспоримо, что, по ученію священнаго Бытописателя, твореніе совершалось постепенно, что въ божественномъ совѣтѣ положено, чтобы дѣяніе Творца совершалось въ послѣдованіи раздѣльныхъ моментовъ. Мысль о постепенности творенія нимало не вредитъ понятію о всемогуществѣ Творца, а напротивъ служитъ къ большему утвержденію этого понятія, если мы сообразимъ, что Творецъ столько же премудръ и всеблагъ, сколько всемогущъ. Самое происхожденіе міра имѣетъ своимъ первымъ началомъ эту безконечную благость Верховнаго Существа. Самъ Творецъ превыше всѣхъ ограниченій; но твореніе для собственнаго же блага должно подчиниться законамъ, предписаннымъ премудростію Творца. Всякое начало и всякая форма должны раскрыться во всемъ разнообразіи своихъ видовъ; всему дается свой законный срокъ и свое законное мѣсто. Вотъ почему и нынѣ кичливый умъ человѣка долженъ преклоняться предъ дивнымъ разумѣніемъ, которое осуществляется предъ нимъ въ Божіемъ мірѣ; всякая система человѣческаго мышленія блѣднѣетъ и умолкаетъ предъ этою великою, неистощимою системою Премудрости, выразившеюся въ благоустройствѣ вселенной. Правосудіе Бога столь велико, что даже началу зла дано свое время, время, въ которое падшій человѣкъ осужденъ жить и бороться. Въ продолженіе тысячелѣтней, многотрудной жизни человѣческаго рода, начало зла проявляется во всемъ разнообразіи своей клеветы, и Господь терпитъ міръ, зараженный зломъ; ибо тѣмъ полнѣе и совершеннѣе должна проявиться божественная благость.

Возвращаясь къ сказанію Моисея, мы дѣйствительно и несомнѣнно видимъ послѣдовательность моментовъ въ твореніи міра. Не пускаясь въ неумѣстныя толкованія, какъ должно быть понимаемо значеніе слова *день*, употребляемаго священнымъ Бытописателемъ, мы можемъ только замѣтить, что нѣтъ необходимости понимать слово, употребленное въ Еврейскомъ текстѣ, въ ограниченномъ смыслѣ нашего дня. Человѣческія понятія о продолжительномъ и краткомъ не могутъ быть переносимы на дѣла Божія. Предъ лицемъ Господа продолжительное и кратковременное равно ничтожны. Тысячелѣтія предъ нимъ тоже, что́ единое мгновеніе. Наши предѣлы и мѣры теряютъ здѣсь всякое значеніе. Къ тому же, если мы сообразимъ, что наши понятія дня опредѣляются планетными отношеніями, которыя въ началѣ творенія еще не существовали и съ которыми прилично сообразоваться человѣку, а не Богу: то мы естественно приходимъ къ убѣжденію, что въ сказаніи

Библіи дни творенія имѣютъ значеніе моментовъ, которые опредѣлять нашими обыкновенными способами, измѣрять нашими понятіями, было бы суетно. Какое-бы протяженіе ни имѣли эти моменты, въ нихъ, повторяемъ, нельзя не усмотрѣть послѣдовательности и постепенности, знаменуемой какъ каждымъ днемъ въ отдѣльности, такъ и въ совокупности шести дней творенія. Каждый день, какъ бы мы ни представляли себѣ его протяженіе, являетъ собою цѣлое, имѣющее начало, средину и конецъ. Въ столь великомъ сказаніи каждая черта имѣетъ свою знаменательность. Бытописатель говоритъ, напримѣръ, о пятомъ днѣ творенія: *и сотвори Богъ киты великія, и всяку душу животныхъ гадовъ, яже изведоша воды по родамъ ихъ, и всяку птицу пернату по роду.* Не должны ли мы въ величественной краткости сихъ словъ усматривать послѣдовательность событій? По творческому глаголу Создателя, воды извели изъ себя киты великіе и всяку душу животныхъ гадовъ и родовъ ихъ. Все разнообразіе родовъ, изводимыхъ водами животныхъ, должно было раскрыться въ послѣдовательной постепенности. Не даромъ также боговдохновенный Повѣствователь говоритъ о пернатыхъ послѣ, чѣмъ о тваряхъ, живущихъ въ водѣ.—Или, возьмемъ еще для примѣра сказаніе о третьемъ днѣ творенія: *Да прораститъ земля быліе травное, сѣющее сѣмя по роду и по подобію, и древо плодовитое, творящее плодъ.* Не видимъ ли мы и здѣсь той-же постепенности? Бытописатель прежде упоминаетъ о низшихъ проявленіяхъ растительнаго царства и заключаетъ высшими его видами. Что́ мы видимъ въ каждой отдѣльной части сказанія, то усматриваемъ и въ цѣломъ. Вѣнецъ творенія – человѣкъ является какъ заключительное дѣяніе Творца.

Профессоръ Рулье въ своихъ лекціяхъ далекъ отъ всякаго противорѣчія божественному сказанію. Слово *періоды*, употребляемое имъ, можетъ относиться и къ днямъ, въ самомъ ограниченномъ значеніи. Говоря о существахъ, населяющихъ воды, онъ старается только согласить данныя науки съ священнымъ повѣствованіемъ, въ которомъ дѣйствительно животныя, населяющія воздухъ, упоминаются послѣ населяющихъ воды. Указывая на постепенность въ проявленіи растительнаго царства, онъ также, руководствуясь толкованіемъ преосвященнаго Филарета, имѣлъ въ виду знаменательную послѣдовательность въ сказаніи Моисея о третьемъ днѣ творенія.

Тѣмъ не менѣе я снова считаю своимъ долгомъ выразить сожалѣніе о моей неосторожности. Статьи, печатаемыя въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» не должны подавать повода къ подобнымъ объясненіямъ, и какъ ни прискорбно для меня неудовольствіе начальства, совѣсть говоритъ мнѣ, что оно вызвано мною хотя и невольно, но справедливо.

Адъюнктъ **Михаилъ Катковъ.**

Москва, 30-го Января 1852 года.

ГРАЖДАНСКІЕ ЗАВѢТЫ КНЯЗЯ В. Ѳ. ОДОЕВСКАГО.

Пишущій эти строки близко зналъ и горячо любилъ князя Владимира Ѳедоровича Одоевскаго съ тѣхъ поръ, какъ онъ переселился (въ 1862 году) изъ Петербурга въ Москву въ домъ князя Волконскаго на Смоленскомъ бульварѣ и перевезъ туда свои книги, всевозможные музыкальные инструменты и свое милое гостепріимство. Подобно Жуковскому и Плетневу, это былъ *человѣкъ благоволенія*, оставившій по себѣ свѣтлую память во всѣхъ, кто бывалъ съ нимъ въ сношеніяхъ. О немъ писано много, въ особенности въ „Русскомъ Архивѣ", гдѣ помѣщенъ (1874) прекрасный гравированный на стали у Брокгауза портретъ его; но доселѣ лишь немногія сочиненія князя В. Ѳ. Одоевскаго собраны и изданы. Множество его рукописей хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ и въ Румянцовскомъ Музеѣ, куда передана его вдовою и обширная его библіотека. Князь Одоевскій скончался 27 Февраля 1869 года. Осенью этого года другъ его, Владиміръ Павловичъ Титовъ занимался разборомъ его бумагъ, въ числѣ которыхъ найдены нижеслѣдующія, за сообщеніе которыхъ въ „Русскій Архивъ" мы обязаны его племяннику К. А. Бутеневу. П. Б.

I.

Всеподданнѣйшее письмо представленное Государю Императору Александру Николаевичу въ 1869 г. В. П. Титовымъ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Вашему Императорскому Величеству благоугодно было дозволить мнѣ представить на высочайшее усмотрѣніе черновой проектъ всеподданнѣйшаго къ Вамъ письма, найденный въ бумагахъ покойнаго князя В. Ѳ. Одоевскаго

Пользуясь монаршимъ разрѣшеніемъ, повергаю къ стопамъ Вашимъ прилагаемую копію, снятую въ точности, съ устраненіемъ однихъ только помарокъ и переносовъ, которые, при неразборчивой мелкости подлинника, были бы слишкомъ утомительны для Вашихъ глазъ и напрасно причинили бы трату времени, драгоцѣннаго средь множества державныхъ недосуговъ.

Одоевскій и я были друзьями ровно полвѣка. Въ исходѣ 1818 года сошлись мы въ Московскомъ Университетскомъ Пансіонѣ; въ концѣ 1868 года, въ той же Москвѣ, видѣлись въ послѣдній разъ по сію сторону гроба.

50 лѣтъ нѣжно любилъ я его: ибо во всю жизнь едва ли видѣлъ въ комъ полнѣйшее сочетаніе прямодушнаго стремленія къ правдѣ съ теплотою сочувствія и, можно сказать, женскою мягкостью сердца.

Послѣдній въ своемъ родѣ, Одоевскій высоко ставилъ память своихъ предковъ, что́ замѣтно и въ нынѣшнемъ посмертномъ письмѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ весь вѣкъ оставался безкорыстенъ и, живя почти въ бѣдности, всегда находилъ способъ не только помогать нуждѣ другихъ, но быть радушно гостепріименъ у себя въ домѣ.

Ваше Величество цѣнили качества покойнаго и постоянно были къ нему милостивы. По всему этому вдова его, довѣряя мнѣ минувшею осенью въ Москвѣ черновую тетрадь мужа, ласкала себя той утѣшительною въ ея горѣ надеждою, что Вамъ, Государь, отрадно будетъ узнать изъ подносимой теперь буквальной выписки, съ какою горячею благодарной любовію Ваша царственная особа, Ваши благія намѣренія и милосердые подвиги отражались у него на глубинѣ души.

Такимъ образомъ удовлетворяя желанію княгини, я смѣю думать, что не только повинуюсь замогильному, заочному завѣту друга, но совокупно съ тѣмъ выполняю долгъ вѣрноподданной отчетливости предъ моимъ Государемъ. В. Титовъ.

18 Декабря 1869.

Всеподданнѣйшая конфиденціальная записка.

Ваше Императорское Величество!

Осмѣливаюсь сложить у подножія Вашего престола завѣтную тайну; уже много лѣтъ я храню ее въ душѣ моей, никому не открывая. Занятія долгой жизни, и личныя, и служебныя, дали мнѣ возможность достаточно изучить Россію, особенно въ новѣйшемъ ея періодѣ. Я бы желалъ мои наблюденія употребить въ дѣло; но и другія побужденія приводятъ меня къ той же мысли.

Государь! Прежде нежели я имѣлъ счастіе сдѣлаться Вамъ извѣстнымъ, я уже имѣлъ счастіе Васъ знать. Жуковскій былъ мнѣ старшимъ другомъ. Не разъ говорилъ онъ со мною объ Васъ; даже нѣкоторыя изъ работъ, для Васъ тогда приготовлявшихся (особен-

но по части естественныхъ наукъ) проходили чрезъ мои руки. Въ его разсказахъ я впервыя почерпнулъ ту глубокую къ Вамъ привязанность, которую укрѣпили дальнѣйшіе годы. Преданный Вамъ, какъ Русскій преданъ своему Царю, я—простите за слово—я люблю Васъ издавна, какъ человѣкъ, всею полнотою души, такъ горячо, какъ только могу любить. Эта любовь даетъ мнѣ дерзновеніе, можетъ быть, свыше силы. Ваше царствованіе начало новую эпоху Россіи. Это говорю не я: говоритъ все, что̀ думаетъ и чувствуетъ въ Россіи.

Мой предокъ князь Никита имѣлъ счастіе быть вѣрнымъ подданнымъ, даже другомъ и повѣреннымъ всѣхъ тайнъ, Вашего предка, царя Алексѣя Михайловича. Позвольте мнѣ имѣть счастіе быть Вашимъ бытописателемъ.

Знаю великое смиреніе Ваше. Но Вы, волею-неволею, принадлежите исторіи Россіи. Исторія о Васъ необходима и для Вашего семейства. Необходимъ честно-выработанный матеріалъ для будущихъ Вашихъ историковъ. Первый современный трудъ всегда служитъ подкладкою для слѣдующихъ трудовъ и вліяетъ на ихъ направленіе. Напишу не я,—напишетъ другой, можетъ быть иностранецъ, аббатъ Шаппъ и другіе историки Екатерины *). Я старѣю и боюсь умереть прежде, нежели исполню предпринятое; боюсь, чтобы Ваша прекрасная жизнь не была впервыя изображена или рукою черствою, безжизненною, или подъ угломъ зрѣнія какой бы то ни было партіи. Я бы желалъ, чтобы Ваша исторія была вполнѣ историческою; для такой исторіи нуженъ матеріалъ добросовѣстно-выработанный. Пугаютъ меня великость дѣла и слабость силъ моихъ. Но когда я читаю клеветы чужеземцевъ, изъ-за гроба Жуковскій упрекаетъ меня за бездѣйствіе и ободряетъ на дѣланіе; онъ любилъ во мнѣ то, что̀ онъ называлъ «опредѣлительностью мысли и сло̀ва, искренностью моихъ убѣжденій и умѣніемъ писать по-русски».

Удѣляю себѣ сотую часть этого мнѣнія; но осмѣливаюсь думать, что съ тѣхъ поръ постоянная чернорабочая жизнь моя еще не уменьшила во мнѣ способности къ труду.

Исторія Царя—въ законахъ его царствованія. Къ счастію у меня матеріалъ готовый: Полное Собраніе Законовъ послужитъ основаніемъ всего моего труда; къ этой первоначальной работѣ примкнутъ всѣ тѣ свѣдѣнія, кои могутъ быть получены изъ другихъ источниковъ. Въ

---

*) Князь Одоевскій ошибся въ имени: аббатъ Шаппъ не былъ историкомъ Екатерины.—Исторія Александра Николаевича имѣется: „l' Empereur Alexandre II, vingt-six ans de règne (1855—1881) par C. de Cardonne, Paris 1883, съ прекраснымъ гравированнымъ портретомъ. Н. Б.

Полномъ Собраніи Законовъ такія данныя, которыхъ нельзя ни опровергнуть, ни исказить, и они всегда могутъ быть повѣрены.

Первый долгъ историка—правда; но и правда должна быть писана не однимъ умомъ, но и сердцемъ. Чего не достанетъ у меня въ первомъ отношеніи, то дополнится вторымъ.

Мои единственныя права́—моя преданность и любовь къ Вамъ, Государь, и нѣкоторое убѣжденіе, добытое долгою жизнью, что когда я говорю, то мнѣ вѣрятъ.

Я не нуждаюсь ни въ какомъ денежномъ пособіи; того, что̀ имѣю отъ щедротъ Вашихъ, весьма достаточно для моей скромной жизни. Впослѣдствіи, при большемъ развитіи моего труда, когда потребуются помощники или нужны будутъ поѣздки, я увѣренъ, что Ваше Императорское Величество не откажете мнѣ въ нѣкоторомъ содѣйствіи. Названіе труда: «Россія во второй половинѣ XIX-го вѣка». Ему предпослано будетъ историческое обозрѣніе Россіи въ настоящую минуту.

Я предполагалъ предаться всецѣло этому труду, когда мало по малу уменьшатся занятія по Сенату; но въ настоящее время они умножились почти вдвое и требуютъ у меня исключительно для себя около 12-ти часовой работы въ сутки. Прибавить къ сему еще нѣсколько часовъ я уже не въ силахъ. Ночная, прежде любимая моя, работа сдѣлалась уже для меня невозможностью. Конечно такое умноженіе сенатскихъ дѣлъ есть обстоятельство переходное; но оно еще можетъ продолжиться, а мнѣ скоро 64 года *), и я невольно сдѣлался трусомъ: я боюсь умереть головой. Немного свѣтлыхъ дней для меня остается; я хотѣлъ бы посвятить ихъ непосредственно особѣ Вашей.

Не безъ глубокаго душевнаго волненія буду ожидать рѣшенія Вашего Императорскаго Величества. Если осчастливите меня дозволеніемъ мною испрашиваемымъ, то я осмѣлюсь просить Васъ освободить меня отъ самой тяжкой части моихъ занятій, т. е. отъ работы по Департаменту; работа по Общему Собранію Сената удобно можетъ совмѣститься съ предполагаемымъ мною трудомъ.

Наконецъ, въ случаѣ Вашего всемилостивѣйшаго рѣшенія, осмѣлюсь просить открытаго входа въ архивы на томъ основаніи, какъ это было дозволено Карамзину. Вся моя жизнь можетъ служить ручательствомъ, что я не вынесу изъ нихъ ничего, что́ еще должно оставаться неприкосновеннымъ.

—

*) Князь Одоевскій родился 30 Іюля 1804 года. П. Б.

Рукою Его Императорскаго Величества написано на копіи карандашемъ 29 Декабря 1869: «Прошу благодарить отъ меня вдову за сообщеніе письма мужа, котораго я душевно любилъ и уважалъ».

Записка для Государя.

Рядомъ историческихъ событій для правительства образовалась сложная задача: или освободить 20 милліоновъ отъ крѣпостнаго ига и тѣмъ возбудить неудовольствіе и ропотъ дворянъ-помѣщиковъ или, сохраняя шаткую приверженность помѣщиковъ, постоянно раздражать крестьянъ и дворовыхъ поддержаніемъ помѣщичьяго ига и потому всегда ожидать возможности Пугачевщины въ томъ или другомъ видѣ. Предстояло избрать одно изъ двухъ: согласить интересы страждущаго съ интересомъ пользующагося симъ страданіемъ—было бы невозможною утопіею.

Благодаря Бога и мудрости Государя и къ счастію Россіи, правительство предпочло безсильное негодованіе крѣпостниковъ страданіямъ, унынію и ропоту крестьянъ. Возможность Пугачевщины прекратилась въ великій день 19-го Февраля 1861 г. и отошла въ древнюю исторію на вѣки. Многочисленное сословіе крестьянъ сильнѣе прежняго привязалось къ Царю, виновнику его освобожденія, и сила царская возросла до степени, до коей она еще никогда прежде не доходила.

Но необходимымъ, предвидѣннымъ слѣдствіемъ великой государственной мѣры было негодованіе и сожалѣніе о потерянномъ со стороны помѣщиковъ, къ счастію не всѣхъ, но нѣкоторой ихъ части. Эта часть не долговѣчна; но пока не прошло поколѣніе, испытавшее лично сладость крѣпостнаго владѣнія, до тѣхъ поръ не истребятся его сѣтованія о происшедшемъ, ни даже надежды, какъ бы онѣ ни были нелѣпы, о возможности возстановленія крѣпостнаго состоянія хотя подъ другимъ именемъ. Въ печати не разъ предлагались средства подъ видомъ улучшенія быта крестьянъ, подъ видомъ помѣщичьей полиціи—возстановить крѣпостное право. Отсюда замѣчавшееся между помѣщиками сочувствіе къ Польскимъ панамъ, которые подъ именемъ гминныхъ войтовъ сохраняли безотвѣтную власть надъ своими крестьянами. Наиболѣе образованные дворяне, служащіе, вполнѣ понимаютъ 19-е Февраля и сочувствуютъ ему. Но не тѣ изъ помѣщиковъ, которые съ дѣтства привыкли къ полной праздности, къ удобству при надобности въ деньгахъ выжимать ихъ изъ крестьянъ залогомъ или оброкомъ впередъ, брать любую женщину въ любовницы, имѣть гото-

выхъ работниковъ для всякой барской прихоти. Сіи послѣдніе не могутъ забыть прежняго и не разстаются съ своею затаенною мыслію, которая подъ разными благонамѣренными предлогами прорывается во всѣхъ возможныхъ случаяхъ. Ясно выразилась эта мысль лишь въ Дворянскомъ Собраніи въ Москвѣ въ Январѣ 1865 года; затѣмъ въ статьяхъ напр. «Вѣсти» на эту мысль лишь намекается, полагая, что читателямъ памятны рѣчи, произнесенныя въ этомъ Собраніи и частію перепечатанныя въ № 4 «Вѣсти» 14 Января 1865 г. Въ этомъ Собраніи были два рода возбужденій: одно революціонно-демократическое, другое революціонно-аристократическое. Вожаки постарались построить такую фразеологію, чтобы для демократовъ всеподданнѣйшее прошеніе казалось демократическимъ, а для помѣщиковъ помѣщичьимъ. Эта двойственная фразеологія проводится понынѣ.

Такого рода заявленія въ многолюдномъ Собраніи могли ли остаться безъ послѣдствій, не подѣйствовать на молодые пылкіе умы? Здѣсь начало тѣхъ увлеченій, которыя замѣчаются въ нѣкоторой части молодежи. Нельзя забыть, что рѣчи были приправлены намеками, которые должны были заставить задуматься и даже поколебать людей не сочувствовавшихъ всѣмъ нелѣпостямъ, въ этомъ Собраніи высказаннымъ.

Послѣ революціонной выходки Голохвастова объ опричникахъ, О-въ-Д-въ, какъ бы порицая употребленное слово, сказалъ вслѣдъ затѣмъ: «Я могу васъ увѣрить, что въ самыхъ высокихъ кругахъ Петербургскаго общества и на скамьяхъ самаго высокаго совѣта дѣлятъ ваше и мое сердечное отвращеніе къ тѣмъ измѣнникамъ не только своему сословію, но и своему отечеству, которые проводятъ коммунистическія начала и согласны, чтобы сами крестьяне были разорены общиною, лишь бы дворяне также разорились».

Въ толпѣ для однихъ это значило, что гдѣ-то наверху думаютъ о возстановленіи крѣпостнаго права, для другихъ, что само правительство желаетъ какой-то конституціи (какой, въ это никто не углублялся). Какъ было не повѣрить, когда такія слова произносятся человѣкомъ, только что пріѣхавшимъ изъ Петербурга и при томъ еще придворнымъ?

При изслѣдованіи о направленіи молодыхъ людей мало обращаться къ роду ихъ ученія; надобно посмотрѣть на ихъ домашнюю среду. Откуда взялось то направленіе, которое обратило на себя вниманіе правительства? Что̀ видѣли дѣти большей къ сожалѣнію части семействъ? Отецъ бралъ взятки съ живаго и мертваго. Для семейства это не было тайною; напротивъ, взяточникъ хвастался своими подвиг-

гами за самоваромъ, за попойкою; получивъ хорошій кушъ, онъ давалъ денегъ на платье, дѣтямъ—на *журировку* [1]). Теперь за тѣмъ же самоваромъ дѣти слушаютъ гореванье объ уничтоженіи крѣпостнаго права; иные родители отказываютъ дѣтямъ въ деньгахъ, ссылаясь на то, что теперь уже нельзя брать оброка впередъ, и на прочія тому подобныя вещи. Другіе видѣли въ дѣтствѣ всѣ ужасы помѣщичьяго права, не только наказанія, но битье холоповъ изъ одного удовольствія бить; видѣли, какъ помѣщики могли брать въ любовницы любую женщину, а въ случаѣ нужды отдавать мужа въ солдаты или ссылать на поселеніе; видѣли не только взятки, но и всякую неправду судей по движенію страсти или въ угоду сильныхъ или просто пріятелей; видѣли, словомъ, противорѣчіе между общественнымъ бытомъ и тѣмъ, чему ихъ учили въ классахъ Катехизиса или Философіи. Это противорѣчіе не осталось безъ дѣйствія. Все это не должно ли было возбудить волненіе въ молодыхъ душахъ? Не должно ли было состояніе такого общества имъ показаться невыносимымъ?

У всѣхъ на памяти, какъ самые добрѣйшіе помѣщики считали ни за что́ выдать дѣвку замужъ по неволѣ, подарить человѣка, напр. мастероваго или красивую женщину секретарю, у котораго производится тяжба. Что̀ происходило у злыхъ помѣщиковъ, о томъ довольно извѣстно. Но и не старики запомнятъ, какъ иногда взыскательная барыня не только била дѣвокъ аршиномъ, но даже заставляла ихъ лизать языкомъ нечистоты, забытыя ими на полу. А изнасилованныя, а засѣченныя до смерти! Въ Сенатѣ недавно судилось дѣло Вихвицкаго, повѣреннаго Кочубеевъ, который изнасиловалъ нѣсколько десятковъ женщинъ и засѣкъ до десятка мущинъ; и все это закрывалось задаренною полиціею, врачами и судьями [2]). А сколько дѣтей прижитыхъ съ крѣпостными и записанныхъ въ ревизскія сказки!

По естественному ходу вещей юноши рады были обратиться къ такимъ теоріямъ, которыхъ творцы брались уничтожить всѣ эти противорѣчія между закономъ, вѣрою, правдою и жизнію, каковы напр. Сенъ-Симонъ, Фурье, Овенъ, Контъ и другіе менѣе крупные соціалисты. Ни съ одной площади не проповѣдывались эти ученія; профессоры боялись и упоминать о нихъ, и тѣмъ хуже: эти теоріи остава-

---

[1]) Техническое выраженіе 30-хъ годовъ у игроковъ и взяточниковъ.

[2]) Такъ закрывалось, что я, возмущенный до глубины души этимъ дѣломъ, долженъ былъ, помня о моемъ судейскомъ долгѣ, съ горестью въ сердцѣ, выразить мнѣніе, что преступленіе Вихвицкаго документами, находящимися въ дѣлѣ, не можетъ быть доказано, и испросить монаршее соизволеніе рѣшить сіе дѣло по совѣсти. (Къ счастію Вихвицкій между тѣмъ умеръ).

лись безъ опроверженія; а между тѣмъ книги объ нихъ, доставаемыя съ трудомъ, по самому этому прочитывались отъ доски до доски и, очевидно, могли увлекать молодое воображеніе возможностію осуществить всю эту фразеологію.

Единственное спасеніе—возбудить любовь къ наукѣ и стараться, чтобы печать разсужденіями, насмѣшкою уничтожала или по крайней мѣрѣ ослабляла вредныя для государства понятія.

Изъ того, что какой либо отъявленный негодяй читалъ Фейербаха или Бюхнера, отнюдь нельзя заключать, что всѣ читавшіе эти бредни должны сдѣлаться негодяями. Изъ семинарій вышли Добролюбовъ, Чернышевскій, Помяловскій.

Отсюда наивныя глупости въ родѣ слѣдующей: намъ нужны не науки, намъ нужны *идеи*!

Но ни одна теорія не долговѣчна: она послѣ нѣкотораго времени сдается юношею въ архивъ. Иное происходитъ съ возбужденіями, ежедневно возобновляющимися въ домашнихъ, семейныхъ кружкахъ. Здѣсь есть личности, и ихъ довольно, которыя никогда не помирятся съ мыслію, что нельзя дѣвку притащить къ себѣ въ постелю и надбавить на мужика оброка. Это одно они читаютъ между строкъ во всѣхъ фразахъ своихъ корифеевъ, и этому одному они рукоплещутъ, и ничѣмъ инымъ нельзя удовлетворить ихъ.

Чтó предъ этимъ всѣ книги Молешотта, Фохта, Вирхова, Клодъ-Бернара, относящіяся болѣе къ медицинѣ, нежели къ общественному устройству, книги трудныя для понятія, предполагающія запасъ предварительныхъ научныхъ свѣдѣній?

Во всякой уступкѣ они будутъ видѣть лишь ступеньку къ возстановленію сладостей крѣпостнаго права и съ восторгомъ принимаютъ всякую нелѣпость, которая имъ кажется близкою къ цѣли ихъ желаній.

Это зло не прекратится, пока не пройдетъ поколѣніе землевладѣльцевъ, вкусившихъ помянутаго наслажденія.

Надо раздѣлить періодъ до 19 Февраля съ періодомъ послѣ 19 Февраля. Состояніе *Русскихъ* умовъ улучшилось.

19-мъ Февраля покончилась въ крестьянахъ возможность Пугачевщины; съ тѣмъ вмѣстѣ умиротворилось негодованіе, существовавшее въ молодыхъ людяхъ высшихъ классовъ. Крѣпостники приписы-

сываютъ вредное направленіе 19-му Февраля; но это просто ложь: тревожное состояніе молодыхъ умовъ есть еще остатокъ впечатлѣній, бывшихъ до 19-го Февраля. Малоученость нѣкоторыхъ лицъ молодежи, некрѣпость ихъ ума причиною тому, что они еще остаются подъ прежнимъ впечатлѣніемъ.

Чтó было бы съ Россіей при послѣдней Польской революціи, если бы она случилась до 19-го Февраля? *)

NB. Припомните судъ въ Сенатѣ надъ соціалистами въ Москвѣ.

Служебное судопроизводство.

Государю (по предмету новаго судопроизводства).

Я рѣдко пользовался правомъ обращаться къ Монарху.

Къ сказанному прошу позволенія присовокупить.

Обязанъ говорить, ибо я былъ въ числѣ сомнѣвающихся, и мое имя могутъ обратить во зло.

Пишу чтò видѣлъ и слышалъ; долженъ писать, ибо прежде самъ сомнѣвался въ успѣхѣ.

Народъ подъ словомъ судъ понималъ или произволъ, или подкупъ.

Окружный судъ есть для народа училище правовѣдѣнія.

Разговоры входящихъ и выходящихъ отъ мироваго судьи: «Государь нынче запретилъ брать».—«Нѣтъ, братъ, нынче не то, не то что не знаю, да не вѣдаю; нынче не отдѣлаешься». Молитва за Государя.

Слухи о правѣ губернаторамъ призывать къ себѣ мировыхъ судей для объясненія.

Во главу угла новаго судопроизводства положено отдѣленіе административной власти отъ судебной, т. е. независимость судей отъ администраціи и подсудность суду же въ случаяхъ закономъ предвидѣнныхъ. Ошибка Екатерины. Отъ сего съ теченіемъ времени осталась лишь форма судовъ...

Если Сенатъ сохранилъ, хотя и говорили, что сенаторы только подписываютъ, чтó имъ подложатъ, еще къ себѣ довѣренность (говорятъ, что тамъ не покупаютъ секретарей), то единственно потому, что сенаторы независимы, и одна высочайшая власть можетъ смѣнить ихъ.

Мировые судьи могутъ рѣшать неправо, но тѣмъ не измѣняется ихъ вліяніе на народную нравственность. Кто изъ насъ, старыхъ судей,

---

*) Князь Одоевскій и не подозрѣвалъ, что послѣдній Польскій мятежъ былъ въ связи съ 19-мъ Февраля. П. Б.

скажетъ, положа руку на сердце, что всегда судилъ по крайней справедливости, что особенно въ дѣлахъ затруднительныхъ онъ находилъ всегда единственный законный исходъ? Я не возьму на себя выговорить такое утвержденіе. На то нѣтъ даже физической возможности: при старомъ судѣ присутственное мѣсто въ половину противъ тяжущагося ведетъ само дѣло. Въ департаментѣ бываетъ ежедневно отъ 20 до 40; изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, 10 требующихъ размышленія; итого въ 50 нетабельныхъ недѣль 40.50 = 2.000 затруднительныхъ дѣлъ, а всѣхъ 160.50 = 8.000.

—

Если народъ узнаетъ, что мироваго судью потребовали къ какому бы то ни было лицу для объясненія, то ореолъ его потерянъ: тяжущійся мошенникъ будетъ искать управы у губернатора, тяжущійся правый потеряетъ довѣренность къ суду. Хотя бы губернаторская канцелярія была составлена изъ ангеловъ, то и тогда возобновится молва, что были бы деньги, а то всякое дѣло изъ чернаго сдѣлаютъ бѣлымъ. Зарождающееся чувство законности заглохнетъ. А пусть они тутъ судятъ да пересуживаютъ: я пойду къ нáбольшимъ, какъ говаривали до новаго суда.

—

Наши адвокаты настолько *отъльнѣе* Французскихъ, что будетъ время, когда у насъ будутъ учиться адвокатскому ораторству. Я этого не увижу.

—

Кіевскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ прислалъ къ прокурору, кажется Поляку, чиновника направить дѣло такъ-то. Прокуроръ потребовалъ письменнаго предписанія. Бибиковъ вызвалъ его въ Кіевъ *для объясненія по дѣламъ службы* и обругалъ его по-матерну. Прокуроръ отправился въ Петербургъ съ жалобою къ министру юстиціи, который (гр. Панинъ) перевелъ этого прокурора на мѣсто оберъ-секретаря, но замѣтилъ ему, что *онъ не умѣлъ ужиться.*

Закревскій призывалъ къ себѣ предсѣдателей палаты и *приказывалъ рѣшать* такъ или иначе.

Одинъ опекунъ малолѣтнихъ, въ которыхъ Закревскій принималъ участіе, докладывалъ Закревскому, что опека не позволяетъ заложить имѣніе для оборота. «А вы все-таки заложите», отвѣчалъ Закревскій.— Я жаловался Палатѣ, и та отказала.—«А вы все-таки заложите», повторилъ Закревскій.

—

Учрежденіе Екатерины II-й не удалось отъ того, что въ немъ судебная часть не была отдѣлена отъ администраціи.

Отчего народъ доволенъ новымъ судопроизводствомъ?

Народъ не входитъ въ юридическія тонкости, но ясно выразумѣлъ два краеугольныхъ основанія новаго судопроизводства: равенство передъ судомъ всѣхъ состояній и полную независимость судей отъ всякой власти, кромѣ судебной же. Эти важныя улучшенія вполнѣ совпали со всегдашними ожиданіями народа, чтобы сильный и богатый не имѣлъ на судѣ преимуществъ предъ слабымъ и бѣднымъ, чтобы за судьею, судящимъ гласно *на міру*, не было иной власти, къ которой можно зайти съ задняго крыльца и которая рѣшитъ келейно и втихомолку.

—

Рядомъ историческихъ, какъ роковыхъ, такъ и случайныхъ событій въ большей части изъ насъ утвердилась мысль, что закона собственно не существуетъ, а есть только сила, присвоенная разнымъ степенямъ государственной іерархіи. Слѣдствіе такой мысли: убѣжденіе, что силѣ можно противодѣйствовать хитростію, до случая, когда можно противодѣйствоватъ силою же. Отсюда стремленіе почти каждаго изъ насъ имѣть, по поговоркѣ, длинныя руки; отсюда наши взаимные упреки въ недобросовѣстности; отсюда умѣющій обходить законъ почитается дѣльцомъ, практикомъ; отсюда и страшная пословица въ народѣ: помути Богъ народъ, накорми воеводъ *). Это безвѣріе въ святость, неизмѣнность закона въ нижнихъ классахъ выражается тысячью грустныхъ поговорокъ; въ высшихъ еще болѣе прискорбными явленіями: здѣсь удивляются, если судья оскорбляется просьбою наклонить дѣло въ ту или другую сторону; здѣсь рѣшеніе дѣла не въ пользу того, о комъ *просили*, бываетъ причиною вражды и мщенія.... Но изображеніе всѣхъ проявленій этого нравственнаго состоянія потребовало бы многихъ страницъ.

Между тѣмъ потребность правды неподкупной не умерла въ народѣ; всякое дѣйствіе правительства для утвержденія этой правды принимается съ восторгомъ всею честною и добродушною частью народа.

Такъ Учрежденіе о губерніяхъ императрицы Екатерины II-й было принято съ неописаннымъ восторгомъ: люди богатые, знатные шли въ должность судебныхъ членовъ; но въ самомъ законоположеніи были важныя ошибки: административная власть не была рѣзко отдѣлена отъ судебной; начальникамъ намѣстничествъ было предоставлено *направленіе*, какъ исполнительной такъ и судебной, и надзоръ надъ судами,

*) Для народа до 11-го Октября 1865 г. судъ и законъ были ничто иное какъ подкупъ или произволъ.

обратившійся въ настоящую власть надъ судами. Въ сенатской практикѣ на каждомъ шагу встрѣчаются доказательства, что одна изъ главнѣйшихъ причинъ неправосудія, шаткости рѣшеній есть вліяніе начальниковъ губерній надъ судами. Къ представленіямъ о сдѣланіи замѣчаній или выговоровъ губернаторамъ Сенатъ прибѣгаетъ не такъ часто, какъ бы слѣдовало, по недостатку энергіи въ самихъ сенаторахъ, равно и во избѣжаніе скандала, наконецъ и потому, что такія представленія, проходя чрезъ разные интересы и вліянія, рѣдко достигаютъ своей цѣли; но нѣтъ почти засѣданія Сената, гдѣ бы не приходилось разъяснять кому-либо изъ губернаторовъ или губернскимъ правленіямъ, имъ подчиненнымъ, всю неправильность, медленность и беззаконность ихъ дѣйствій.

Ошибка судебнаго мѣста не имѣетъ такого государственнаго значенія, какъ ошибка администраціи. Несправедливость рѣшенія падаетъ на частный случай и ограничивается предѣлами этого случая; сверхъ того у недовольнаго остаются аппеляція и кассація. Незаконная мѣра администратора, которой часто и поводы не могутъ быть объяснены, колеблетъ не только вѣру въ правосудіе и спасительную боязнь суда, но смѣшиваетъ понятія о законѣ и о произволѣ и поселяетъ гибельное убѣжденіе, что виноватъ лишь тотъ, кому не удалось.

—

Если административная часть требуетъ нѣкотораго даже произвола въ дѣйствіяхъ губернатора, возможности принимать неукоснительныя мѣры въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства или непредвиденныхъ закономъ: то, напротивъ, въ дѣлѣ судебномъ не только дѣйствіе такого произвола, но даже мысль, что такой произволъ существовать можетъ, что, словомъ, судья подчиненъ хотя сколько нибудь вліянію губернатора,—есть величайшее бѣдствіе.

Въ настоящее время, при новомъ открытомъ и гласномъ судопроизводствѣ, это бѣдствіе еще сильнѣе. Горе, если открытое судопроизводство представится для народа только внѣшнимъ обрядомъ. Какъ бы ни былъ уменъ, знающъ и честенъ губернаторъ, всякій знаетъ неизбѣжное, неотвратимое на всѣхъ насъ вліяніе канцеляріи, а равно и то, что во всякую канцелярію можно пройти съ задняго крыльца, лишь бы не съ пустыми руками.

Въ Наказѣ и Сводѣ губернаторъ—*не судья*.

Одинъ министерскій надзоръ за губернаторами при несуществованіи ревизіи со стороны Сената не можетъ достигнуть своей цѣли,

особливо въ отдаленныхъ губерніяхъ. Единственный оплотъ противъ незаконныхъ дѣйствій губернаторовъ суть *судьи*; но что же они будутъ дѣлать, когда губернаторъ можетъ требовать къ себѣ того или другаго судью или прокурора на личное, келейное, безъ свидѣтелей, объясненіе, гдѣ требуемый можетъ быть всегда обвиненъ въ неуваженіи? Суды могутъ погрѣшать, но они творятъ свое дѣло открыто.

Продолженіе записки для Государя.

Новое судебное производство есть единственный способъ оцѣнить дѣйствія губернскихъ властей; если административные чиновники лишь въ рѣдкихъ, опредѣленныхъ случаяхъ могутъ подвергаться суду, то все-таки при разсмотрѣніи частныхъ дѣлъ могутъ открыться такія обстоятельства, такія дѣйствія административныхъ властей, кои безъ того остались бы навсегда скрытыми для высшаго правительства.

Жандармскіе агенты немного могутъ помочь для открытія истины. Они дѣйствуютъ (и не могутъ иначе дѣйствовать) въ тайнѣ и безконтрольно. Нужно предполагать въ жандармскомъ агентѣ героя добродѣтели, если признать, что онъ недоступенъ ни денежнымъ или другимъ выгодамъ, ни старымъ связямъ, ни женщинамъ, ни вину; если вѣрить, что онъ, отказавшись отъ всѣхъ страстей человѣческихъ, не поддержитъ пріятеля, иногда сообщника, или не отомститъ врагу, имѣя возможность сдѣлать то и другое вполнѣ *безнаказанно*: ибо дѣйствительный надзоръ за лицомъ, дѣйствующимъ по самой своей обязанности въ тайнѣ, есть дѣло немыслимое. Въ большей части случаевъ въ характерѣ донесенія жандармскаго агента можно предвидѣть заранѣе, въ дружбѣ или во враждѣ онъ съ губернаторомъ и тѣмъ или другимъ губернскимъ чиномъ. Отъ того жандармскія донесенія не только не могутъ принести высшему правительству пользы, но напротивъ могутъ доставить вредъ и, положительно, и отрицательно, т. е. или охраняя негодяевъ, или, напротивъ, навлекая подозрѣнія, а иногда и кару (отставку, перемѣщеніе) на людей провинившихся лишь въ томъ, что они противодѣйствовали покровительствуемымъ негодямъ. Независимо отъ того жандармское вѣдомство, дѣйствующее и долженствующее дѣйствовать внѣ законовъ, всегда почти препятствуетъ открытію истины, ибо прерываетъ стройное теченіе дѣлъ. Если встрѣчается въ Сенатѣ дѣло затруднительное, почти неразрѣшаемое, выведенное изъ законнаго порядка, чѣмъ закрылись существенныя подробности, которыя бы могли повести къ разъясненію: то можно навѣрное сказать, что въ такихъ дѣлахъ было вмѣшательство жандармовъ. Таково напр. дѣло

Олонкина, начавшееся еще *) и по нынѣ въ гражданскомъ отношеніи неконченное.

Вообще жандармская дѣятельность можетъ лишь въ извѣстныхъ случаяхъ наводить правительство на какое либо обстоятельство, требующее изслѣдованія, но никогда не можетъ служить основаніемъ для какой либо рѣшительной и неотложной мѣры.

Впрочемъ, опытъ у всѣхъ народовъ доказалъ, что тайная полиція безсильна даже предвидѣть событія возможныя, почти ожидаемыя, но искусно подготовленныя. Побѣга Наполеона съ Эльбы не предусмотрѣла не только Французская тайная полиція, но и полиція всѣхъ тогда союзныхъ державъ, заинтересованныхъ въ охраненіи общаго спокойствія. Можно указать много подобныхъ примѣровъ.

Во всякомъ случаѣ жандармское донесеніе есть донесеніе одноличное, одностороннее, безконтрольное и не боящееся никакой оцѣнки.

Не болѣе ли ручательства для правительства представляютъ во всѣхъ отношеніяхъ лица прокурорскаго надзора? Въ Высочайше утвержденномъ 20-го Ноября 1864 г. уставѣ уголовнаго судопроизводства сказано:

Ст. 311. Прокуроръ и его товарищи могутъ возбуждать дѣла какъ *по доходящимъ до нихъ свѣдѣніямъ*, такъ и по непосредственно ими усмотрѣннымъ преступленіямъ или *признакамъ* преступныхъ дѣяній.

Ст. 312. Прокуроръ и его товарищи не должны требовать начатія слѣдствія безъ достаточныхъ къ тому основаній. Въ сомнительныхъ случаяхъ они обязаны собрать свѣдѣнія посредствомъ *негласнаго полицейскаго развѣдыванія*.

Сими статьями вполнѣ опредѣляется кругъ дѣйствій тайной полиціи: она должна лишь способствовать прокурорскому надзору, въ нѣкоторой степени быть подчинена сему надзору, доставлять ему свѣдѣнія, и слѣдственно всякое другое дѣйствіе полиціи было бы препятствіемъ къ полезному дѣйствію прокуроровъ.

Безъ сомнѣнія и прокуроры, и судьи тѣ же люди, подверженные и страстямъ, и эгоизму; но важно то различіе между прокуроромъ и жандармскимъ агентомъ, что изслѣдованія прокурора всегда имѣютъ на концѣ пути своего судъ, т. е. обсужденіе и оцѣнку данныхъ, добытыхъ прокуроромъ; а донесенія жандармскаго агента оканчиваются архивомъ жандармскаго вѣдомства, гдѣ накопляются и истина, и ложь, и вѣрныя наблюденія, и наблюденія, внушенныя личными разсчетами, и все это вмѣстѣ въ случаѣ нужды выводится безразлично на справку, чѣмъ не только не доставляется надежныхъ матеріаловъ для правительства, но по большей части затемняется истина.

*) Оставлено пустое мѣсто. П. Б.

Но для такого полезнаго дѣйствія и прокуроровъ, и судей по уставамъ 1864 г. необходима полная независимость сихъ лицъ отъ полицейской и вообще административной власти.

Одно присутствіе публики, независимо отъ возможности аппеляціоннаго гласнаго производства, не позволяетъ уже судьѣ въ полу-дремотѣ пропускать дѣло мимо ушей или рѣшать въ явную противность и закону, и совѣсти, какъ дѣлалось въ старыхъ судахъ.

Когда на чиновника судебнаго вѣдомства, судью, прокурора, судебнаго слѣдователя, падаетъ неожиданно кара, возбужденная полицейскимъ вѣдомствомъ: тогда другой судебный чиновникъ придетъ въ невольное смущеніе и при случаѣ будетъ справляться не со своею совѣстію и законами, а съ тѣмъ, какъ на это дѣло смотритъ жандармскій офицеръ, къ которому такимъ путемъ переходитъ судебная власть, что́ противно всему разуму мудраго, всѣми обожаемаго закона 1864 года.

Государь! Мнѣ жить осталось не долго; я одною ногою въ могилѣ; я бездѣтный, послѣдній въ родѣ; нѣтъ и не можетъ быть у меня честолюбивыхъ помышленій, кромѣ желанія Вамъ служить вѣрой и правдой, пока станетъ силъ. Я могу ошибаться. Но не даромъ прошли для меня болѣе сорока лѣтъ дѣятельной, всегда чернорабочей жизни и постояннаго изученія Россіи. Я преданъ Вамъ не только по долгу вѣрноподданнаго, но, смѣю сказать, я люблю Васъ горячо, какъ человѣка, и за Ваши милости, и еще болѣе за Ваши благодѣянія Россіи. Дорого мнѣ Ваше величіе. Совершенныя Вами преобразованія велики и такъ всѣ удалися, какъ будто вѣкъ существовали; такъ были они впору, и истинно да не остановятся они на своемъ пути; пусть созрѣваютъ они стройно и нетревожно. Небольшія затрудненія, нѣкоторыя увлеченія исчезнутъ сами собою, какъ больныя вѣтви на здоровомъ деревѣ. Всякія преждевременныя измѣненія потревожатъ умы, уже привыкшіе къ данному Вами направленію. Въ разныхъ кружкахъ, неизвѣстно изъ какого источника, ходитъ боязнь, что учрежденное Вами подвергнется измѣненіямъ въ важнѣйшихъ частяхъ и относительно судовъ, и относительно земства, и даже относительно крѣпостнаго состоянія. Эти опасенія хотя не имѣютъ никакого прочнаго основанія, но пугаютъ людей прямодушныхъ; если они уклонятся отъ дѣлъ, то очистятъ мѣсто для людей не сочувствующихъ Вашимъ предначинаніямъ.

Распоряженія административныя всегда заставляютъ думать публику, что тутъ дѣло личностей; судъ, особенно публичный, производитъ глубокое нравственное впечатлѣніе.

Я происхожу отъ одной изъ древнѣйшихъ Русскихъ фамилій; но я убѣжденъ: 1) что до тѣхъ поръ Россія будетъ сильна и спокойна,

пока въ ней не заведется то, что̀ на Западѣ называется аристократіею и что̀ основано на совершенно-иныхъ началахъ, нежели наше дворянство; 2) что не полезно, если народъ будетъ смѣшивать происхожденіе царское съ происхожденіемъ дворянскимъ; для народа царь есть существо особаго рода, а не дворянинъ; 3) что единственное привиллегированное сословіе у насъ есть царское семейство, и никто болѣе, да и члены сего семейства суть подданные; 4) что самодержавіе вмѣстѣ съ 19 Февраля 1861 г., 6 Сентября 1865 г., 1 Января 1864 г. и 20 Ноября 1864 г. есть сила, доселѣ на Руси небывалая и которой еще на долго, на сотни лѣтъ, станетъ для Россіи, если не нарушать связи частей этого четверогранника.

Initium *).

Россія живетъ *самобытною* жизнію. Недалеко еще то время, когда такихъ простыхъ словъ не рѣшился бы выговорить добросовѣстный историкъ.

Если мы ищемъ настоящее въ прошедшемъ, то наоборотъ и прошедшее лишь въ настоящемъ: ибо древо по плоду познается.

Западъ не напоминаетъ Россію, и тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Россія сложилась такимъ ходомъ событій, какихъ не встрѣчалось на Западѣ. Всѣ западныя страны или суть агломератъ разныхъ народностей, живущихъ близко, но неслившихся. Въ Россіи до 40 милліоновъ людей одного и того же племени исповѣдуютъ одну и туже вѣру, говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ. До 30 милліоновъ разныхъ племенъ обрусѣли и слились съ главнымъ Русскимъ ядромъ, называемымъ Великороссіею.

Историческія событія охранили это ядро отъ иноземныхъ втеченій; въ этой средѣ народъ Русскій возросъ, устроился по своему внутреннему влеченію, усвоилъ себѣ взглядъ на вещи и окрѣпъ такъ, что вліяніе науки или просвѣщенія, входя въ эту среду, расширяетъ его силы, но не измѣняетъ его характера.

—

Не одними протекшими событіями творится жизнь народа въ данное историческое мгновеніе, но и соприсущими обстоятельствами. Въ зернѣ, правда, существуетъ зародышъ растенія; но этотъ зародышъ получаетъ свое значеніе лишь тогда, когда онъ образовался въ растеніе съ листьями, цвѣтомъ и плодомъ. Такое развитіе зависитъ во многомъ отъ причинъ внѣшнихъ: не довольно зерна, нужны влага, воздухъ, свѣтъ; лишь этими дѣятелями зерно вызывается къ жизни, иначе

*) Вступленіе, т. е. къ предположенной княземъ Одоевскимъ книгѣ о царствованіи Александра Николаевича. П. Б.

оно можетъ и не произрасти, можетъ и совсѣмъ заглохнуть, погибнуть. Этотъ органическій процессъ воспроизводится вполнѣ въ событіяхъ міра.

Есть народы, которые заглохли послѣ періода блеска и силы. Не входя въ подробности, здѣсь неумѣстныя, укажемъ хоть на древнія Мексику и Перу. Съ перваго взгляда ничто, казалось, не могло воспрепятствовать ихъ постепенному развитію; даже теперь трудно повѣрить, что горсти Испанцевъ достаточно было для того, чтобы разрушить эти могучія государства, государства не дикія, но у которыхъ было и своеобразное просвѣщеніе, и промышленность, и военная сила, и богатство. Не Испанцы побѣдили Мексику, но Мексика пала предъ ними, обезсиленная собственными условіями жизни, ея противорѣчіемъ съ вѣчными законами природы, недостаткомъ разумнаго общественнаго направленія, вообще недостаткомъ знанія человѣка и природы, т. е. науки и любви христіанской. Въ наше время совершается постепенно подобное явленіе въ Турціи и частію въ Китаѣ.

Такими явленіями опредѣляется не только настоящая, но и прошедшая жизнь народа; лишь изслѣдованіемъ того состоянія, до котораго достигъ народъ, можно выразумѣть, какъ онъ достигалъ; прошедшимъ можно опредѣлить настоящее, но настоящимъ вполнѣ освѣщается прошедшее. Смыслъ прошедшихъ событій становится яснѣе, и взаимная повѣрка ихъ доступнѣе разумѣнію.

Отъ даннаго явленія легче перейти къ законамъ, его образовавшимъ; но весьма рѣдко и то величайшимъ геніямъ удавалось опредѣлить, какое явленіе произойдетъ отъ сопряженія тѣхъ или другихъ явленій. Отъ чего строгій аналитическій путь, не препятствующій синтезу, которому естественныя науки обязаны своими успѣхами, не примѣнить и къ изслѣдованію историческихъ событій?

Если это основаніе вѣрно, то самое изложеніе исторіи даннаго народа должно быть сообразовано съ такимъ основаніемъ. Мы признаемъ его вѣрнымъ и потому осмѣлились начать нашу Исторію съ настоящаго времени. Этотъ путь труденъ, и въ немъ есть своего рода неудобства; но неудача исполненія задачи не есть еще доказательство ея невозможности.

Трудность состоитъ преимущественно въ томъ, что настоящая минута никогда не можетъ быть опредѣлена, и нѣтъ возможности ее уловить: каждое мгновеніе настоящее становится прошедшимъ.

Но какъ въ жизни отдѣльнаго лица, такъ и въ жизни государства есть эпохи, въ которыхъ сосредоточиваются всѣ или бо́льшая часть жизненныхъ явленій; эпохи, задачи которыхъ готовятся въ теченіе столѣтій, наконецъ получаютъ разрѣшеніе и въ свою очередь

вліяютъ на всѣ послѣдующія явленія. Таковы вообще для Европейскаго міра были: открытіе новой части свѣта, книгопечатаніе, реформація. Таковы для Россіи эпохи: уничтоженіе удѣловъ и установленіе единодержавія, уничтоженіе мѣстничества, эпоха Петра Великаго, наконецъ въ ближайшее къ намъ время событіе, затмѣвающее своимъ значеніемъ всѣ до того бывшія событія: уничтоженіе крѣпостнаго состоянія, обнародованное въ великій день 19-го Февраля 1861 г. Этимъ днемъ заканчивается древняя исторія Россіи и начинается новая. Здѣсь свѣтлая точка, которою освѣщается и прошедшее, и будущее нашего отечества; здѣсь тотъ центръ тяжести, точка упора, безъ котораго движеніе Русскаго народа было бы немыслимымъ.

Прослѣдить значеніе этого событія для Россіи есть предметъ настоящей книги.....

*

Напечатано съ черноваго подлинника.—Какой человѣкъ былъ князь Одоевскій, объ этомъ прекрасно напомнилъ недавно въ „Русскомъ Словѣ“ нынѣшняго года (№ 88-й) М. Д. Свербеевъ, съ любезнаго позволенія котораго приводимъ двѣ біографическія черты.

Въ 1868 году въ Великій Вторникъ вечеромъ получаю я краткую записку отъ князя: „Завтра, въ Среду, приходите ко мнѣ въ пять часовъ“. Прочитавъ эту записку, я изумился и по свойственной всѣмъ, а мнѣ особенно, привычкѣ осуждать, сейчасъ подумалъ съ осужденіемъ, какъ это князь приглашаетъ обѣдать въ Великую Среду и съ этимъ вопросомъ въ головѣ и, къ сожалѣнію, на языкѣ явился я на другой день къ нему. Онъ меня принялъ какъ всегда ласково, но отвѣтъ на мой вопросъ былъ мнѣ данъ княземъ послѣ того, какъ онъ самъ затворилъ за мной дверь своего знаменитаго кабинета и заперъ ее на ключъ. Вотъ что я услышалъ отъ него: „Въ Субботу надо спасти одного священника и это сдѣлать такъ, чтобы праздникъ Пасхи былъ дѣйствительно для него Свѣтлымъ Праздникомъ. Нужно собрать 500 рублей и ему ихъ доставить за нѣсколько часовъ до Свѣтлой заутрени. Извольте этимъ заняться и попросите маменьку помочь, она можетъ попросить, кого найдетъ нужнымъ и полезнымъ, но, подъ однимъ условіемъ, чтобы мое имя не упоминалось, равно и имя того, для кого это дѣлается. Я со своей стороны буду собирать также, ступайте. Нынче обѣда нѣтъ, а въ Субботу въ пять часовъ пріѣзжайте и привозите, что будетъ собрано, только княгинѣ не говорите ни слова, она ничего не знаетъ“.

Ключъ щелкнулъ, дверь отворилась и я вышелъ и поздоровался съ сидящею въ столовой княгиней, недоумѣвающею, что̀ творится въ кабинетѣ. Я поспѣшилъ домой, проникнутый всѣмъ, что выслушалъ и полный волненія при мысли о томъ, какую тайну мнѣ повѣрилъ князь и, вернувшись домой, сообщилъ ее дорогой матушкѣ, которая вечеромъ написала нѣсколько записокъ, поручила мнѣ ихъ развезти, и она, отъ меня принявъ тайну, никому въ домѣ ея не повѣрила.

Не стану описывать того волненія, которое я испытывалъ въ эту ночь со Среды на Великій Четвергъ, того трепетнаго ожиданія, которое я

пережилъ въ великіе дни Четверга и Пятницы, и той невыразимой радости, когда въ Субботу мы съ матушкой сосчитали полученныя деньги ото всѣхъ къ кому она обращалась и все присылалось съ благодарностью за то, что матушка вспомнила и дала случай сдѣлать добро неизвѣстному. Денегъ оказалось 251 рубль, мы ихъ положили въ конвертъ и я къ 5 часамъ явился къ князю. Опять то же: князь за мной затворилъ и заперъ дверь кабинета пригласилъ меня съ нимъ сосчитать собранныя имъ и мною привезенныя деньги, которыхъ мы насчитали 503 рубля. Какая блаженная радость появилась на добромъ лицѣ князя, онъ меня обнялъ и направился къ двери, отперъ ее, прошелъ черезъ узкую комнату (гдѣ менѣе чѣмъ черезъ годъ стоялъ гробъ съ его тѣломъ), и въ дверяхъ гостиной сказалъ своимъ тихимъ и сладкимъ голосомъ: „Ольга". Я, стоя въ дверяхъ кабинета, видѣлъ, какъ княгиня поднялась со своего кресла у окна своей спальни и направилась черезъ гостиную въ кабинетъ, куда мы вернулись ранѣе ея; когда она вошла, я у ней поцѣловалъ руку, а князь подошелъ къ своей дорогой спутницѣ и, передавая ей конвертъ съ деньгами, сказалъ: „Ольга, свези этотъ конвертъ съ 500 рублями къ О. К. О., я хочу чтобъ онъ ихъ получилъ за нѣсколько часовъ до свѣтлой заутрени и имѣлъ время распорядиться". Княгиня, ничего не знавшая кромѣ безвыходнаго положенія священника, принявъ изъ рукъ мужа конвертъ, упала на колѣна и залилась слезами, обильно потекли слезы радости и благодарности по покрытымъ морщинами щекамъ дивной старушки, и я, по совѣсти скажу, никогда ничего подобнаго болѣе въ жизни не испытывалъ, подобнаго событія не знаю и такой картины не видалъ, а потому память объ этихъ дивныхъ, чистыхъ и смиренныхъ старцахъ для меня тѣмъ болѣе священна.

Дополню еще другимъ случаемъ изъ моей жизни и опять съ тѣмъ же княземъ Одоевскимъ. Въ годъ его смерти я былъ вольнымъ слушателемъ въ Московскомъ университетѣ и мы между лекціями сиживали либо въ сѣняхъ и курили, или же въ передней у вѣшалокъ внизу и болтали. Въ одинъ изъ такихъ дней, когда мы занимались болтовней сидя у вѣшалокъ, входитъ въ переднюю князь Одоевскій, въ своемъ теперь, пожалуй, модномъ пальто, съ потертымъ воротникомъ и широкимъ поясомъ, а за нимъ также извѣстный типичный его лакей Петръ и идутъ они прямо отъ входной двери къ висящей напротивъ доскѣ, на которой подъ стекломъ вывѣшены различные студенческіе списки. Князь, не снимая своего чернаго бархатнаго картуза съ прямымъ козырькомъ, начинаетъ что-то списывать съ доски карандашомъ на бумагу. Мнѣ сейчасъ же вздумалось подлетѣть къ князю и съ нимъ поздороваться, что льстило моему тогда юному и пылкому самолюбію и я съ апломбомъ это сдѣлалъ, но на мое привѣтствіе услышалъ я отъ князя: „никогда меня здѣсь не узнавайте", такъ что сконфуженный отошелъ, и немало же надо мной посмѣялись мои товарищи. Князь съ невозмутимымъ спокойствіемъ продолжалъ свое занятіе, а я потомъ узналъ, что князь записывалъ фамиліи студентовъ не внесшихъ плату за лекціи и вносилъ самъ деньги за тѣхъ, которые по справкамъ заслуживали помощи.

А. Н. МУРАВЬЕВЪ ВЪ ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ СВОЕЙ ЖИЗНИ *).

Я познакомился съ А. Н. Муравьевымъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, чрезъ Т. Б. Потемкину и бывалъ у него на Троицкомъ подворьѣ въ Петербургѣ, но, по производствѣ моемъ въ офицеры, съ назначеніемъ въ Кіевскую саперную бригаду, сошелся съ нимъ ближе и получилъ даже приглашеніе ѣхать вмѣстѣ въ Кіевъ, но отказался. Когда же пришло мнѣ время отправляться къ мѣсту моего служенія, въ Маѣ 1864 года, то въ Москвѣ я неожиданно встрѣтился съ нимъ въ часовнѣ Иверской Божіей Матери. Здѣсь онъ меня упрекнулъ за то, что я не поѣхалъ съ нимъ, „ради чванства", какъ онъ выразился, и опять предлагалъ ѣхать; но я не рѣшился.

Пріѣхавши въ Кіевъ, явился я къ своему начальству и счелъ долгомъ представиться въ полной формѣ къ Муравьеву. Тутъ я съ перваго разу былъ пораженъ его простотою, а больше всего красотою видовъ изъ его хижины въ саду, которую онъ занималъ. Здѣсь же я познакомился съ его сожителемъ ротмистромъ С. И. Санниковымъ, который занимался, подъ наблюденіемъ его, устройствомъ сада около Андреевской церкви, на деньги пожертвованныя Кокоревымъ въ распоряженіе Городской Думы. Свиданія наши участились, когда меня откомандировали въ инженерную фотографическую мастерскую. Но я не рѣшался поселиться у него въ хижинѣ, хотя и бывалъ ежедневно, и нанялъ себѣ квартиру на Печерскѣ. А. Н. часто навѣщалъ меня, пріѣзжая верхомъ съ берейторомъ. Въ теченіе лѣта я успѣлъ побывать въ с. Вышгородѣ, Межигорьѣ, на всѣхъ торжествахъ въ Лаврѣ и былъ представленъ Муравьевымъ митрополиту и властямъ за адъютанта подъ № 2-мъ, такъ какъ Санниковъ, будучи адъютантомъ генералъ-губернатора Анненкова, въ тоже время считался и адъютантомъ у своего сожителя подъ № 1-мъ, до своей женитьбы.

---

*) Извлечено изъ книги „Воспоминаніе объ А. Н. Муравьевѣ", сочиненія покойнаго Михаила Осиповича Семенова (Кіевъ, 1875, мал. 8-ка, 191 стр.), съ любезнаго дозволенія супруги его Неонилы Григорьевны, Семеновой (ур. Аѳанасьевой). Достопамятный образъ этого младшаго изъ братьевъ Муравьевыхъ, неутомимаго поборника и блюстителя нашей святой церковности, выступаетъ живо передъ читателемъ. Сохранились и автобіографическія записки А. Н. Муравьева, имѣющія скоро появиться въ „Русскомъ Обозрѣніи"; но въ нихъ, сколько намъ извѣстно, разсказъ доведенъ лишь до середины его жизненнаго поприща. П. Б.

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1864 года Муравьева посѣтилъ герцогъ Лейхтенбергскій Николай Максиміліановичъ, въ сопровожденіи тогдашняго военнаго губернатора Казнакова (сей послѣдній шутилъ, что слѣдовало бы дать дорогимъ гостямъ хорошій завтракъ, а не угощать однимъ чайкомъ).

У Муравьева было давнишнее желаніе осуществить мысль покойнаго протоіерея Андреевской церкви: устроить въ самомъ фундаментѣ Андреевскаго храма церковь. 20 Іюля, часа въ три дня, мы отправились разсматривать темные своды подъ церковью. Камердинеръ въ это время прибѣжалъ доложить о пріѣздѣ митрополита Арсенія, возвращавшагося съ Подола, послѣ литургіи въ церкви Иліи Пророка. Просіяла у Муравьева на лицѣ улыбка отъ этаго неожиданнаго совпаденія обстоятельствъ; онъ поспѣшилъ выйти къ гостю и, подхвативъ его подъ руку, повелъ прямо въ пещеру съ просьбою благословить мѣсто для церкви Преподобнаго Сергія, сказавши, что храмовую икону выпроситъ въ благословеніе отъ митрополита Московскаго изъ Троицко-Сергіевой Лавры, а остальныя иконы и иконостасъ будутъ готовы къ его выѣзду изъ Кіева, который предполается въ Октябрѣ. Тутъ же попросилъ онъ владыку и на освященіе церкви, а потомъ на завтракъ. Митрополитъ, зная горячность Муравьева къ церкви и дѣламъ церковнымъ, на все изъявилъ свое согласіе и далъ благословеніе начинать работу. Такимъ образомъ, при содѣйствіи друзей и пріятелей, была устроена и 7 Октября освящена церковь, въ которой всѣ иконы были написаны по указанію самого ктитора, а описаніе самой церкви и символическое значеніе священныхъ изображеній помѣщено въ его книгѣ: „Кіевъ и его святыня". При устройствѣ церкви было намѣчено и мѣсто его усыпальницы.

26 Октября 1864 г. Муравьевъ уѣхалъ въ Петербургъ на зиму, какъ и раньше это дѣлалъ. Санниковъ переселился въ большой домъ и вскорѣ женился, а я остался зимовать уже въ хижинѣ, не занимаясь однако хозяйствомъ. Такъ какъ работы по разведенію сада и откосовъ около Андреевской церкви приняли дурной оборотъ и всѣ насыпи отъ подземныхъ родниковъ оборвались: то, по моему совѣту, Муравьевъ обратился къ генералъ-губернатору съ просьбою назначить коммиссію изъ спеціалистовъ-техниковъ и приступить къ радикальному укрѣпленію Андреевской горы, собственно съ лѣвой стороны, такъ какъ правая требовала большой суммы, и составленная смѣта не получила утвержденія. Отпущено было 2 тысячи р., и на эти деньги устроили водопріемникъ.

Зима прошла безъ особенныхъ приключеній, исключая претерпѣваемаго мною холода: вьюги заносили всѣ дорожки, по которымъ приходилось пробираться, и я иногда долженъ былъ просиживать безъ обѣда при 5° тепла. Единственная возможность не замерзнуть окончательно состояла въ томъ, что я надѣвалъ на себя все, что имѣлъ теплаго, не исключая калошъ и башлыка, и садился около самоварчика, а потомъ, разогрѣвши желудокъ, ложился спать подъ тремя одѣялами. Однажды бурею сорвало крышу, а мнѣ

казалось, что и меня самого унесетъ куда нибудь на Кожемяки, расположенныя въ ущельяхъ.

Въ Декабрѣ С. И. Санниковъ уѣхалъ съ генералъ-губернаторомъ Анненковымъ въ С.-Петербургъ, откуда возвратился уже съ новымъ начальникомъ края генералъ-адъютантомъ Безакомъ.

Въ теченіе зимы я велъ постоянную переписку съ Муравьевымъ, а въ Мартѣ 1865 г. лично видѣлся съ нимъ въ Петербургѣ, и уже былъ принятъ какъ свой человѣкъ. Въ Маѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ мой сожитель, и у насъ началась дѣятельная жизнь. Меня утомляло писанье подъ диктовку, которому не было конца, такъ какъ постоянно возбуждались вопросы по церковнымъ дѣламъ. Всегда удивлялся я громадной памяти, какою одаренъ былъ Андрей Николаевичъ и глубокому его знанію предметовъ. Случалось писать статьи или письма по нѣсколько листовъ. Во время диктованія являлись посѣтители; работа пріостанавливалась иногда на нѣсколько дней, и никогда я не слышалъ вопроса: на чемъ остановились, а всегда начиналась диктовка словомъ: *точка*, потомъ фразы лились равномѣрно будто обыкновенный разговоръ. Муравьевъ зналъ въ совершенствѣ языки Нѣмецкій, Французскій и Греческій, свободно говорилъ по англійски и итальянски и могъ читать Латинскія и Польскія книги. По вечерамъ частенько дремалъ мой сожитель, въ особенности осенью подъ завываніе вѣтра; но странно, что онъ никогда не сознавался въ этомъ и всегда дотягивалъ до положеннаго часу, хотя бы не доставало пяти минутъ. Когда я хотѣлъ уйти раньше положеннаго времени, то онъ всегда удерживалъ: „подожди, еще не ударили часы". Вообще въ это время жизнь наша шла регулярно. Вставши въ 6 ч. утра, А. Н. отправлялся къ ранней обѣднѣ, что̀ всегда исполнялъ; потомъ ѣздилъ купаться, затѣмъ чай, писанье и прогулка на работы; въ 4 часа обѣдъ; по обѣдѣ вторичная прогулка и писанье, а иногда отправится А. Н. съ визитами, и большею частью верхомъ съ берейторомъ; въ 8 ч. вечера чай, затѣмъ чтеніе газетъ или книгъ и въ 11 спать. Впослѣдствіи измѣнились немного часы вставанья и обѣда, но никогда время не проходило безъ занятій. Если послѣ конной прогулки кто нибудь заглянетъ *разсидѣть* вечерокъ и еще неинтересный господинъ, то генералъ мой безъ зазрѣнія совѣсти дремалъ преисправно и, проснувшись, удачно поддерживалъ сказанное во время дремоты. Трудно было уличить его въ этомъ, и мнѣ казалось, что онъ въ состояніи былъ уснуть стоя, въ чемъ потомъ я и убѣдился.

Если никого у насъ не бывало изъ пріѣзжихъ (а здѣшніе живутъ визитами), то онъ усядется бывало въ кресло за столикомъ съ двумя свѣчами и читаетъ книгу, или разрѣзываетъ въ ней листы. Книга начинаетъ постепенно понижаться; малѣйшій шорохъ заставляетъ его открыть глаза, и книга опять на готовѣ. Долго слѣдилъ за этимъ его любимый камердинеръ, чтобы уличить генерала на мѣстѣ преступленія, и наконецъ удалось, когда толстая книга упала съ шумомъ на полъ, и тотъ успѣлъ прибѣжать. Словно ребе-

нокъ, уличенный въ совершенномъ проступкѣ, генералъ сконфузился, и все таки старался доказать, что онъ не спалъ... Любовь къ кавалеріи и къ звонкимъ шпорамъ доходила у него до невѣроятности; послѣднихъ было болѣе дюжины и огромныхъ размѣровъ, начиная съ рыцарскихъ и кончая золотыми, нѣкогда поднесенными ему его пріятелями въ день имянинъ. Эта любовь, мнѣ кажется, произошла отъ посвященія его въ рыцари Св. Гроба въ 1830-мъ году, во время пребыванія его въ Іерусалимѣ, гдѣ хранятся мечъ и шпоры короля Готфрида. Если я надѣвалъ иногда рыцарскія шпоры, то могъ школьничать какъ угодно, и все принималось съ любовію... Вотъ отличительная странность его характера! На письмахъ ко мнѣ и къ нѣкоторымъ пріятелямъ онъ часто рисовалъ шпору вмѣсто подписи, и я долженъ былъ также подписываться; иначе онъ сердился и даже совѣтывалъ мнѣ заказать печать со шпорою.

Осенью Санниковъ перебрался на другую квартиру, а я, проводивши Муравьева въ Питеръ, остался зимовать въ большомъ домѣ, доколѣ не нанялъ его ген. Краснокутскій въ Декабрѣ мѣсяцѣ (все хозяйство оставлено было на мое распоряженіе).

Весною 1866 года отъ таянія снѣговъ образовался обвалъ горы, съ правой стороны Андреевской церкви. Мое письмо о разрушеніи было прочитано Муравьевымъ бывшему въ это время въ Петербургѣ генералъ-губернатору Безаку, и тотъ, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, испросилъ высочайшее разрѣшеніе на отпускъ денегъ по смѣтѣ, составленной за нѣсколько лѣтъ предъ симъ на устройство водопріемника, въ количествѣ 26 тысячъ рублей изъ процентнаго сбора съ владѣльческихъ имѣній въ Западныхъ губерніяхъ, за неимѣніемъ городскихъ суммъ. Въ это же время, чрезъ завѣдывавшаго дѣлами по обезпеченію сельскаго духовенства и постройкою православныхъ церквей П. Н. Батюшкова, Муравьевъ выпросилъ 10 тысячъ р. с. на исправленіе храма Св. Апостола Андрея Первозваннаго къ предстоявшему столѣтнему юбилею. Вслѣдствіе отзыва генералъ-губернатора, отъ 9 Іюня № 3185, уже по пріѣздѣ Муравьева изъ Питера, былъ составленъ Временный Хозяйственный Комитетъ, подъ его предсѣдательствомъ, въ которомъ приняли участіе спеціалисты разныхъ вѣдомствъ, а я назначенъ былъ членомъ-дѣлопроизводителемъ.

Предъ началомъ работъ, собственно касавшихся до церкви, получено было на имя Муравьева письмо отъ митрополита Кіевскаго Арсенія, отъ 27 Іюля № 1812, слѣдующаго содержанія:

„Съ искреннею благодарностію за попеченіе ваше о поддержаніи и благоукрашеніи знаменитой церкви Св. Апостола Андрея Первозваннаго, усердно призываю на васъ и сотрудниковъ вашихъ въ семъ богоугодномъ дѣлѣ благословеніе Божіе“.

Работы начались съ наружной штукатурки, перекрытія куполовъ и крыши новымъ желѣзомъ, исправленія подгнившихъ стропилъ, наконецъ внутренней и наружной покраски масляною краскою и позолоты лѣпныхъ орнаментовъ и украшеній.

Въ началѣ Августа 1866 г. въ Кіевѣ былъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ съ старшимъ сыномъ, и Муравьевъ въ теченіе трехъ дней сопровождалъ Его Высочество для осмотра древностей и святыни. И самъ владѣлецъ роскошной усадьбы былъ осчастливленъ милостивымъ вниманіемъ высокихъ посѣтителей.

29 Августа получено было горестное извѣстіе о кончинѣ графа М. Н. Муравьева въ его имѣніи Сырцѣ, около Луги, по поводу чего многіе пріѣзжали къ Андрею Николаевичу съ заявленіемъ сочувствія. Въ Сентябрѣ генералъ Краснокутскій выбрался на другую квартиру, а въ Октябрѣ А. Н. уѣхалъ въ Петербургъ, оставивши въ моемъ распоряженіи и большой свой домъ не занятый жильцами, въ которомъ я и поселился.

Здѣсь помѣщаю нѣкоторыя сохранившіяся у меня его письма.

Москва, 20 Октября 1866 г.

Посылаю Казанскому сиротѣ на бѣдность 50 р. и надѣюсь, что, при твоихъ нынѣшнихъ богатствахъ, этого достаточно будетъ до Декабря, а изъ Питера пришлю паки. Разсказать тебѣ, что я вытерпѣлъ въ эту ужасную дорогу, было бы утомительно. Я ѣхалъ ровно пять сутокъ, преслѣдуемый всѣми непогодами, вѣтеръ дулъ въ рыло отъ начала до конца; экипажъ ломался; сперва лопнулъ тяжъ; въ Черниговѣ перемѣнялъ шину на переднихъ колесахъ, и это повторилось за Рославлемъ. Послѣ тяжкой дороги до Довска надѣялся найти паркетъ до Москвы, вмѣсто того обрѣлъ массу щебенки обмазанную снѣгомъ, такъ что бока всѣ отколотило, и трещалъ экипажъ. За Рославлемъ поднялась такая вьюга, что по брюхо вязли лошади въ оврагахъ, и едва къ ночи добрался до Юхнова, гдѣ я долженъ былъ ночевать, потому что не было перевоза: ледъ шелъ по Угрѣ. Далѣе вся дорога покрыта была снѣгомъ, а когда онъ къ вечеру застылъ и сдѣлался холодъ, то это была настоящая пытка по колоти, при моемъ Итальянскомъ костюмѣ продуваемомъ вѣтрами. Весьма я былъ счастливъ, когда добрался до Москвы во Вторникъ къ ранней обѣднѣ и теперь отдыхаю на лаврахъ подъ кровомъ добраго викарія. Завтра ѣду въ Сергіеву Лавру, а въ Понедѣльникъ въ Питеръ. Увѣдомь меня о моемъ хозяйствѣ: все ли въ порядкѣ, о посадкахъ, если можно ихъ дѣлать и о работахъ по терассѣ Андреевской церкви. Не предваривъ меня, никому не отдавай дома въ наемъ, ради предстоящаго юбилея. О золотѣ

я уже писалъ Павлу Ѳедоровичу [1]); кланяйся его семейству и Аѳанасьевымъ [2]). Племянника [3]) я здѣсь не засталъ: онъ еще въ деревнѣ. Жду письма твоего и остаюсь душевно преданный.

Выраженіе „пріѣхалъ въ Юхновъ" всегда повторялось, когда сильно уставалъ А. Н. Муравьевъ.

Когда я переселился въ большой домъ, вмѣстѣ съ пріятелемъ барономъ З. (пріѣхавшимъ со мною въ одно время въ Кіевъ), у меня случилась покража внутреннихъ замковъ отъ всѣхъ дверей, о чемъ я немедленно сообщилъ А. Н. Въ своемъ отвѣтѣ онъ мнѣ писалъ:

С.-Петербургъ, 26 Октября (1866).

Меня еще постигло семейное горе: въ ту минуту, когда я садился на желѣзную дорогу, получилъ я печальную телеграмму, что братъ мой Николай (Карскій) скончался въ деревнѣ, 23 Октября. Такимъ образомъ я остался старшимъ въ родѣ и, слѣдовательно, на очереди. Тяжело лишиться двухъ такихъ братьевъ въ два мѣсяца и остаться, можно сказать, одинокимъ. Сестра-графиня очень убита и все ея семейство; о племянникѣ и слуха нѣтъ. Началъ я здѣсь панихидой по братѣ Николаѣ, а сейчасъ ѣду въ Невскій помолиться надъ могилой брата Михаила; не знаю, чѣмъ-то кончу зиму, а начало неутѣшительно. У твоихъ я еще не былъ, и тятеньку не видѣлъ и не сплетничалъ, потому что ты пай мальчикъ съ тѣхъ поръ, какъ отбушевалъ, хотя и прокутилъ мои замки.

Поблагодари барона за добрую стражу дома. Вотъ что значитъ десятикопѣечная порція деньщикамъ съ приваркомъ замковъ хозяйскихъ, при блистательной жизни блистательнаго маіора. Остерегись, чтобы твои вещи не потаскали. Какой же маляръ ночевалъ у насъ въ домѣ и зачѣмъ? Прости; спѣшу на почту, увѣдомь о хозяйствѣ. Кланяйся П. Ѳ. и Аѳанасьевымъ.

*

27 Ноября (1866).

«Стыдливое сердце у сапёрика: хотя весьма трогательно увѣрялъ m-me Борейшъ [4]), будто безъ меня скучно, а пишешь только по одному письму въ недѣлю, вѣроятно, во избѣжаніе расходовъ. Честь имѣю поздравить съ моими имянинами; чѣмъ-то вы разрѣшитесь отъ бремени въ мою пользу? Какъ же вы такъ дешево продали желѣзо и

---

[1]) Протоіерей Андреевской церкви.
[2]) Вдова полковника.
[3]) В. С. Муравьева.
[4]) Вдова, жившая въ домѣ Т. Б. Потемкиной.

камень, хотя за одну сажень кубическую даютъ 25 р. Лучше было вымостить у Кокоревщины, ибо это нужно же будетъ сдѣлать; да и насколько продано желѣза, не написалъ мнѣ. Съ г. Безакомъ только помѣнялись визитами. Племянникъ былъ здѣсь три недѣли и ни слова о дѣлѣ не говорилъ; я ему написалъ по отъѣздѣ... Графъ Строгановъ все напрашивается на мою виллу, чтобы я ему въ наслѣдство отдалъ на условіяхъ. Третьяго дня, на имянинахъ у княгини Дадіанъ, неожиданно встрѣтилъ я Государя, который чрезвычайно милостиво взялъ меня за руку и съ участіемъ говорилъ со мною о потерѣ двухъ братьевъ и что я безъ нихъ осиротѣлъ. Я былъ очень тронутъ сею милостію. Въ день Александра Невскаго, я встрѣтилъ, на обѣдѣ у митрополита, ректора Филарета *) очень дружески. Митрополитъ говорилъ мнѣ, что онъ самъ хлопочетъ объ отпускѣ преосвящ. Александра въ Іерусалимъ, лишь бы онъ былъ тамъ остороженъ въ словахъ. Скажи ему это отъ меня. А ты мнѣ ничего не пишешь о моихъ коняхъ и поварѣ въ шпорахъ: все ли въ порядкѣ и какъ ѣздитъ. Прости, обнимаю тебя.

У А. Н. Муравьева давно была мысль отдать свою усадьбу на извѣстныхъ условіяхъ племяннику или кому-либо другому; но мечты его не осуществились, и первый, будучи въ Кіевѣ, рѣшительно отказался отъ всѣхъ условій, найдя домъ для себя неудобнымъ.

Въ Январѣ домъ былъ нанятъ пріѣхавшимъ изъ Оренбурга генераломъ Копьевымъ, съ которымъ впослѣдствіи А. Н. хорошо сошелся; а я среди жестокой зимы долженъ былъ перейти въ хижину.

По моемъ выходѣ изъ учебной фотографіи и назначеніи въ Комитетъ по исправленію Андреевской церкви и укрѣпленію Андреевской горы; Муравьева заботила мысль, чтобы меня, по окончаніи работъ, куда нибудь пристроить къ генералъ-губернатору, или въ Окружной Штабъ, и эта забота продолжалась до послѣднихъ минутъ его жизни, хотя ничего не удалось ему сдѣлать, собственно для меня, при всемъ его желаніи и хлопотахъ въ теченіе девяти съ половиною лѣтъ.

Въ Маѣ 1867 г. А. Н. пріѣхалъ снова на лѣтнее жительство въ Кіевъ, а въ Іюнѣ мѣсяцѣ былъ въ Кіевѣ проѣздомъ министръ путей сообщенія Павелъ Петровичъ Мельниковъ, который жилъ нѣсколько дней по сосѣдству съ нами и всякій день приходилъ въ 6 часовъ утра въ садъ, гдѣ съ А. Н. прогуливался. Приходилось и мнѣ рано вставать, потому что П. П. всегда стучалъ въ окно моей спальни со словами: „младенецъ, полно спать!" Однажды вечеромъ разговоръ коснулся постройки дворца въ Кіевѣ, для остановки царствующихъ особъ во время ихъ проѣзда въ Крымъ. А. Н. горячо

*) Съ 26 Марта 1874 года епископъ Уманскій.

напомнилъ министру о сгорѣвшемъ зданіи императрицы Елисаветы, въ коемъ помѣщались минеральныя воды. П. П., раздѣляя мнѣніе А. Н., просилъ написать письмо, которое бы онъ могъ прочитать въ Петербургѣ. Конечно, вторичной просьбы не нужно было, и не успѣлъ Мельниковъ доѣхать до столицы, какъ было послано ему письмо слѣдующаго содержанія:

Пишу вамъ въ день вашего Ангела, еще подъ впечатлѣніемъ тѣхъ пріятныхъ минутъ, которыми я наслаждался въ бесѣдѣ вашей, когда вы приходили дышать вечернею прохладой на моемъ балконѣ и любовались чудною картиной Кіева и Заднѣпровья. Отрадно мнѣ было услышать отъ васъ, что нашему родному Кіеву возвратятся времена Елисаветы и Екатерины посѣщеніемъ дорогихъ царственныхъ гостей, когда возстановятся ихъ обгорѣвшія палаты, сооруженныя рукою Растрелли, посреди роскошнаго сада, который и донынѣ называется Царскимъ, не смотря на его запустѣніе. Такъ и храмъ Первозваннаго, чудное созданіе того же геніальнаго зодчаго, олицетворившаго здѣсь высокую мысль дочери Петровой, доселѣ слыветъ, въ народѣ Государевою церковью, ибо для сердца народа дѣйствительно дорога память его державныхъ благодѣтелей. Липовый садъ Императрицы Елисаветы, раскинутый на утесахъ Днѣпровскаго берега съ глубокою долиною въ густой чащѣ деревъ, гдѣ не умолкаютъ соловьи во все лѣто, достоинъ царскаго жилища, которое нѣкогда тутъ господствовало надъ всѣмъ Кіевомъ, доколѣ не истребилъ его пожаръ. Но если сгорѣлъ верхній деревянный ярусъ, то уцѣлѣлъ нижній, сохранившій всѣ прежнія формы изящнаго зодчества, и можно опять соорудить, на этомъ прочномъ основаніи, роскошныя палаты во вкусѣ Растрелли. Это будетъ служить лучшимъ украшеніемъ Кіеву, и ничего удобнѣе нельзя было бы придумать для помѣщенія царственныхъ посѣтителей. Съ одной стороны тѣнистый садъ, съ верхней терассы коего открывается весь Старый Кіевъ съ его златоглавою святынею, съ другой же обширная площадь для парадовъ и сосѣдство Лавры, съ которой всегда начинаютъ свое богомолье державные наши гости. Однимъ словомъ это мѣсто было для нихъ создано и должно возвратиться первобытному назначенію. Одна мысль, что они, хотя на короткое время, будутъ обитать между нами, одушевляетъ уже теперь преданныхъ имъ Кіевлянъ, жаждущихъ лицезрѣть своего Царя, посреди матери городовъ Русскихъ, надъ колыбелью нашей вѣры. О, если бы это исполнилось скоро, еще прежде нежели откроется желѣзный путь, давно желанный Кіеву!

Если теперь, въ нижнихъ уцѣлѣвшихъ покояхъ искусственныя воды собираютъ въ лѣтнее время довольно посѣтителей, то ихъ легко перевести въ какое нибудь новое зданіе, которое можно соорудить въ

сосѣднемъ участкѣ того же обширнаго сада, гдѣ теперь огородъ. И какъ много выигралъ бы самый садъ, если дѣйствительно онъ сдѣлается опять царскимъ, не по одному лишь названію; ибо теперь, преданный въ наемныя руки иностранцу, онъ пришелъ въ совершенный упадокъ. Мало по малу истребляются его столѣтнія липы; онъ глохнетъ и сохнетъ, и если не будетъ обращено на него должнаго вниманія, то эта чудная сердцевина Кіева можетъ совершенно истребиться, хотя нужно было цѣлое столѣтіе, чтобы дождаться такого сокровища. Все вниманіе обращено теперь на увеселительный воксалъ и театръ, которые устроены въ нижней части сада и, разумѣется, потребовали много древесныхъ жертвъ, для расширенія своей площадки. Не въ духѣ стараго церковнаго Кіева эта новая шумная его сердцевина, которая состязуется своими ракетами и громкою музыкой съ звукомъ колоколовъ св. Лавры, въ самые торжественные часы всенощной, не разбирая ни какихъ праздниковъ, ибо они чужды Нѣмецкому хозяину воксала; а между тѣмъ, немало такимъ пренебреженіемъ церковнаго устава соблазняются многочисленные богомольцы, которые стекаются сюда со всѣхъ концовъ Россіи и придаютъ особенный характеръ Кіеву, не повторяемый ни въ одномъ изъ городовъ Россіи, и этотъ характеръ необходимо охранять здѣсь наипаче, какъ въ центрѣ православія Русскаго, посреди окружающаго насъ латинства. Съ возстановленіемъ палатъ царскихъ, въ завѣтномъ саду Елисаветы, возстановится и это церковное приличіе, по благоговѣнію къ величію царскому.

Я хотѣлъ вамъ написать только нѣсколько строкъ, и вотъ какъ увлекся моимъ предметомъ, потому что отъ избытка сердца говорятъ уста. Простите и не забывайте искренно уважающаго васъ.

Кіевъ, 29 Іюня 1867 г.

Работы по исправленію церкви приходили къ концу, и 19 Августа отпразднованъ былъ торжественно столѣтній юбилей Андреевской церкви, на которомъ присутствовали всѣ военныя и гражданскія власти. Службу совершалъ митрополитъ съ двумя архіереями: викаріемъ Кіевскимъ и епископомъ Полтавскимъ Іоанномъ, нарочно пріѣхавшимъ въ этотъ день. Послѣ обѣдни было угощеніе въ домѣ виновника торжества, которому клиръ поднесъ серебряную корзинку для хлѣба и мнѣ небольшой подарокъ за труды и въ память событія. Къ этому дню, по ходатайству А. Н., присланы были отъ щедротъ царскихъ дары Андреевскому храму: отъ государя императора икона Спасителя, отъ государыни императрицы голубое соборное облаченіе съ Андреевскими крестами, отъ цесаревича и цесаревны св. Евангеліе и отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ двѣ иконы Византійскаго стиля въ богатыхъ кіотахъ съ изображеніями на одной—святыхъ соименныхъ царствующимъ особамъ, при которыхъ церковь существовала, и на второй—святыхъ.

празднуемыхъ въ день освященія храма, 19 Августа. Кромѣ того отъ митрополита Арсенія выпросилъ А. Н. богатую картину: водруженіе креста Первозваннымъ на горахъ Кіевскихъ, которая была поставлена у праваго клироса, а на противоположную сторону досталъ онъ отъ графа Шереметева копію съ картины, находящейся предъ входомъ въ домовую его церковь: избраніе Владиміромъ вѣры.

Въ Сентябрѣ 1867 года былъ въ Кіевѣ Великій Князь Алексѣй Александровичъ и А. Н. Муравьевъ какъ привиллегированный чичероне, сопровождалъ вездѣ Его Высочество.

Въ Октябрѣ я поѣхалъ уже съ А. Н. въ отпускъ. Путешествіе было совершено на почтовыхъ въ знаменитомъ его тарантасѣ, который былъ знакомъ всѣмъ станціоннымъ смотрителямъ, и также часто ломался. Въ Москвѣ останавливались на Саввинскомъ подворьѣ у пр. викарія Леонида, съ которымъ я въ первый разъ увидѣлся; а самое главное для меня было представленіе митрополиту Филарету, также въ первый разъ моей жизни, который съ такою любовію насъ принялъ и очень много разспрашивалъ меня про Андреевскую церковь, послѣ ея празднества. Интересовался онъ всѣми работами, говорилъ, не увлекся ли А. Н. лишнею наружною позолотою орнаментовъ и капителей. Читая письмо А. Н. къ Константинопольскому патріарху Григорію, владыка мимоходомъ замѣтилъ, что А. Н. умѣетъ писать заочныя рекомендаціи, такъ какъ въ этомъ письмѣ упоминалось о немъ; тутъ же мною было прочитано нѣсколько писемъ А. Н. по Восточнымъ дѣламъ. По просьбѣ нашей, владыка показалъ намъ царскій подарокъ въ его 50-ти лѣтній юбилей. Потомъ мы ѣздили въ Сергіеву Лавру и останавливались въ комнатахъ митрополита. Здѣсь я познакомился съ намѣстникомъ архимандритомъ Антоніемъ, а на обратномъ пути опять заѣзжали вмѣстѣ къ владыкѣ, и онъ благословилъ меня образомъ преподобнаго Сергія (такъ какъ я раньше А. Н. уѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, а именно 24 Октября).

Погостивши у родныхъ и ежедневно видившись съ А. Н., въ Ноябрѣ я собирался въ обратный путь, какъ 19 числа получена была телеграмма о кончинѣ Московскаго митрополита Филарета. Трудно передать то впечатлѣніе, которое произвело печальное извѣстіе на всѣхъ насъ, собравшихся къ А. Н. на Троицкое подворье. Мы провели весь день въ тяжело-грустномъ настроеніи. Съ кончиною владыки и судьба А. Н. измѣнялась: ему предстояло окончательное переселеніе въ Кіевъ, такъ какъ подворье слѣдовало очистить для преемника Московскаго митрополита. Вечеромъ А. Н. отыскалъ письмо усопшаго, написанное къ нему въ сороковыхъ годахъ, при путешествіи его въ Римъ, и прочиталъ въ слухъ. Мы всѣ заплакали; такъ много оно содержало въ себѣ чувствъ. Чрезъ нѣсколько дней я уѣхалъ въ Кіевъ, а А. Н. отправился въ недавно оставленную Москву на погребеніе святителя, съ которымъ въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, доказательствомъ чему служитъ напечатанная имъ переписка.

По пріѣздѣ я получилъ письмо отъ А. Н. изъ Москвы, которое здѣсь помѣщаю, также какъ и цѣлый рядъ послѣдующихъ до переселенія его въ Кіевъ писемъ.

Москва, 25 Ноября 1867.

Трудно мнѣ высказать, любезный другъ, какъ мнѣ пусто и тоскливо въ Москвѣ, послѣ того утѣшенія, котораго свидѣтелемъ ты былъ самъ. Утѣшительна только одна любовь преосв. Леонида. Мы съ нимъ встрѣтились впервыя у воротъ Саввинскаго подворья, когда съ церемоніей несли мимо тѣло Владыки и, несмотря на его облаченіе, бросились другъ другу въ объятія. Я только что пріѣхалъ съ машины и пошелъ за гробомъ до Кремля. Шествіе было умилительное и великолѣпное отъ массы духовенства и народа. Въ Чудовъ монастырь можно только войти приступомъ, даже ночью; вчера мы едва могли выйти съ пр. Леонидомъ послѣ панихиды. Сегодня было отпѣваніе торжественное, свыше всякаго слова. Я выстоялъ пять часовъ, и нога моя такъ опухла, что лежу. Не знаю, какъ завтра, на выносѣ изъ Кремля въ Лавру, выстою обѣдню. А надобно ѣхать и въ Лавру на встрѣчу и тамъ быть при погребеніи во Вторникъ. Едва ли успѣю воротиться въ Петербургъ на свои имянины, а мнѣ нуженъ отдыхъ, потому что нога моя не вынесетъ такихъ трудовъ. Боюсь заболѣть. Но можетъ случиться, что вмѣсто отдыха меня погонятъ съ подворья; еще неизвѣстно, кто преемникъ. Поговариваютъ и о нашемъ. Но мнѣ отъ этого не легче. Страшный переломъ произошелъ въ моей жизни, и рѣшительно все пошло подъ гору, такъ что я, можетъ быть, потеряю свою энергію. Не пишу тебѣ теперь много, потому что право не въ духѣ.

*

С.-Петербургъ. 8 Декабря.

У насъ еще нѣтъ рѣшенія о преемникѣ Владыки; кажется будетъ Камчатскій, и это былъ бы лучшій выборъ. Хотѣлось бы мнѣ удержать квартиру до весны, но еще не знаю: все зависитъ отъ выбора. Мебель перебиваю всю и подготовляю къ отправленію весной. Какъ-то ты терпишь холодъ въ избѣ? Нельзя ли во время холода перебраться къ сосѣдямъ? Боюсь за твое здоровье; у насъ зима жестокая.

Занимаюсь описаніемъ погребенія Владыки; не знаю, удастся ли.

*

31 Декабря.

Съ старымъ годомъ и съ старымъ еще счастьемъ привѣтствую любезнаго саперика, а что́ новый еще принесетъ, не знаю; ничего хорошаго не ожидаю.

Вчера былъ у меня г. Безакъ во всѣхъ регаліяхъ и такъ любезенъ, что привозилъ письмо мое о золотѣ и записывалъ, что́ нужно доложить министру о остаткахъ суммъ. Я тутъ же говорилъ ему о старостѣ и о Трехсвятительской церкви, и онъ велѣлъ прислать памятныя записки.

Увѣдомь меня гдѣ ты купилъ свои звонкія шпоры, потому что я долженъ былъ подарить такія же и не нашелъ. Попроси П. Ѳ. прислать мнѣ молитву Первозванному Апостолу, ибо та, что́ у меня была, осталась въ бумагахъ покойнаго Владыки.

Вотъ все, что́ имѣю тебѣ сказать новаго въ старый годъ, развѣ еще что очень тебя люблю и на новый, и что тебѣ не должно терять духа отъ рублевыхъ неудачъ; конечно я буду стараться дѣлать все, что́ можно для тебя, по моимъ хорошимъ теперь отношеніямъ съ семействомъ Безакъ, которые всѣ ко мнѣ особенно внимательны. Прости, обнимаю тебя крѣпко и искренно по коннопіонерному, а не по саперному.

Сегодня вечеромъ у меня собираются на молитву ради будущаго года.

*

3 Января 1868.

Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!

Кажется, любезный другъ не можетъ меня упрекнуть въ молчаніи. Пишу два раза въ недѣлю, ажъ пальцы болятъ. Жалованье выслалъ и источникъ доходовъ указалъ въ балладѣ Свѣтланѣ, а если же будешь кричать караулъ, то пришлю малую толику, хотя у самого немного. Ужасно, что все стало дорого въ Кіевѣ.

Теперь напишу тебѣ о дѣлахъ. Мнѣ кажется, нельзя рѣшить о работникахъ безъ П., такъ какъ онъ теперь остается, а Звѣревъ уѣдетъ; можетъ выйти изъ этаго ссора, и такъ рѣшите это вмѣстѣ. Касательно позолоты надобно знать, много ли уступитъ діаконъ и притомъ имѣетъ ли онъ средства для матеріаловъ; иначе намъ придется выдавать ему деньги впередъ безъ всякаго ручательства. Имѣй это въ виду и дай мнѣ отвѣтъ по общему мнѣнію Комитета. А между тѣмъ, да будетъ вамъ извѣстно, что я выпросилъ у граф. Шереметевой еще 110 р. на картину, и такимъ образомъ церковь ничего не должна будетъ за нее платить.

Вчера С. И. Мальцевъ объявилъ мнѣ, что онъ заказалъ уже оба чугунные иконостаса въ пещерную церковь и дѣлаетъ ихъ *даромъ;* весной они придутъ по Деснѣ. Только вѣроятно ты сдѣлалъ ошибку въ размѣрахъ; потому что онъ увѣряетъ, что въ боковыхъ дверяхъ назначено только 2 арш. 6 вершковъ высоты, и онъ отъ себя уже сдѣ-

лалъ въ 2 ар. 10 верш. Кажется, тутъ будутъ хлопоты съ размѣрами иконъ, но дѣлать нечего: можетъ быть придется ихъ переписать на мѣди, а этотъ подарокъ Мальцева стоитъ 500 р., кромѣ провоза. Онъ весь сквозной; дай Богъ, чтобы удался. Прости, обнимаю тебя и прошу всѣмъ кланяться; остаюсь душевно тебѣ преданный.

*

10 Января.

Назначенъ въ Москву митрополитомъ Иннокентій Камчатскій, чему я очень радъ, ибо это лучшій выборъ. Пріѣдетъ онъ вѣроятно къ Пасхѣ, а я послѣ Пасхи отсюда ускользну, чтобы уже не возвращаться въ холодный Питеръ для *теплаго* Кіева.

Чувствую, что нужна мнѣ сія перемѣна; стара стала, глупа стала, какъ говорятъ Башкиры, и готовлюсь къ сей радикальной для меня перемѣнѣ.

*

20 Января.

Пишу и я тебѣ въ догонку, любезный саперикъ, за всѣми моими письмами и даже за г. Безакомъ, который сегодня къ вамъ поѣхалъ (а губернаторомъ къ вамъ назначенъ М. К. Катакази, служившій въ Одессѣ). Я пишу тебѣ почти всякій день, такъ что я думаю уже тебѣ надоѣлъ, а все дѣловъ много. Все, чтó вы придумали въ Комитетѣ, весьма хорошо. Діакону можно отдать наружную позолоту, а Шатрову царскія двери и знаменникъ. — Не поздравляй меня еще помѣщикомъ Мурликійскимъ; еще нѣтъ на это султанскаго фирмана, да и когда-то разростутся, въ оградѣ церковной апельсины (въ коихъ вѣроятно полагаютъ, что я больше знаю толкъ).

Ты счастливѣе меня на сновидѣнія; а я до сихъ поръ еще не видалъ Владыки во снѣ. Значитъ у тебя премудрость въ головѣ, и будешь великій человѣкъ; насъ тогда не забудьте.

*

24 Января.

Отъ чего ты думаешь, что преосв. Иннокентій такъ старъ? Онъ еще бодрый и за себя постоитъ лучше другихъ. Онъ прослужилъ довольно для пользы Церкви. К. кланяйся и скажи, что они могутъ спокойно у меня оставаться до Сентября. Жалѣю, что ты опять вытерпѣлъ въ избѣ. Надѣюсь, что въ будущую зиму у меня не будешь мерзнуть, и что ты звономъ шпоръ будешь оживлять по кавалерійски мои залы; ибо я тебя не отпущу никуда, слышите ли сударь, никуда!... Прости, обнимаю тебя крѣпко и остаюсь душевно преданный.

*

1 Февраля.

Ты такая умница, милый саперикъ, что мнѣ остается только расцѣловать тебя за всѣ твои распоряженія по Комитету и хозяйству, которые бы безъ тебя пропали въ Кіевѣ. Спасибо, что двинулъ П. Хорошо, что и цѣну сбавилъ. Не взять ли саперовъ человѣкъ пять, чтобы плести ограду, пока не засохъ хворостъ? Впрочемъ какъ знаешь, вѣрю твоей премудрости.

Г. Эйлеру дали землю. Г. Катакази хотѣлъ у меня быть, а попечитель А. уже былъ. Хорошо, если бы и мнѣ дали землю за Самарскую, которую все еще не могу выручить, и потому теперь покамѣстъ деньжатъ не проси: надобно думать и о подъемѣ, который за одни вещи стоитъ 700 р. Уфъ! Да еще и мнѣ надобно подняться, а уже начали тревожить. Прошу вымѣрить высоту и ширину стѣнъ въ большой гостиной для соображенія о мебели.

Прости, обнимаю тебя и не пишу много, ибо усталъ писать все утро на Востокъ и Западъ.

*

Съ честною масляницею!

Бѣдный саперикъ! Какъ это тебя бурею чуть въ трубу не вынесло; впрочемъ Кіевскія вѣдьмы всегда на помелахъ летаютъ. Слава Богу, что крыша уцѣлѣла; но плохо, что деревья померзли. Спасибо, что уладилъ дѣло о деньгахъ. Отпускать тебя изъ Кіева не хочу для того, чтобы постараться помѣстить гдѣ-либо въ Кіевѣ, если Богъ поможетъ.

Прости, хотѣлъ было еще писать тебѣ и П. Ѳ.; но кавалеристы прискакали ѣздить верхомъ, благо сегодня честная масляница. Обнимаю тебя крѣпко.

*

25 Февраля.

Любезный шпорикъ!

Вчера былъ у меня г. Мельниковъ, и я говорилъ ему о требуемой отъ насъ смѣты; онъ мнѣ сказалъ, что мы отъ нея никакъ не отдѣлаемся, если не въ Кіевѣ, то здѣсь, и потому лучше отдѣлаться отъ контролеровъ Кіевскихъ; для этого онъ совѣтовалъ составить исполнительную смѣту по дѣйствительному производству работъ. Это можетъ составить капитанъ Проскуряковъ. Я благодарилъ за него генерала; онъ мнѣ отвѣчалъ: мы для васъ это сдѣлали, и потому г. Проскуряковъ долженъ особенно трудиться, а я лѣтомъ самъ буду осматривать ваши работы. Пожалуста передай ему это все, а касательно его

утвержденія, то это будетъ сдѣлано переименованіе въ штабъ-офицерское званіе.

Теперь поворожи для меня, только не оглашай никому, наипаче изъ сосѣдей. Меня уговорилъ Б. хлопотать для себя о участкѣ земли въ Кіевѣ, и я написалъ о томъ генералу Зеленому, который принялъ это весьма хорошо и обѣщалъ объ этомъ доложить, но сказалъ, что необходимо прежде обратиться къ ген. Безакъ, чтó я и сдѣлалъ вчера, пославъ ему копію съ письма г. Зеленому и отзывъ его. Поговори объ этомъ съ С. и увѣдомь, нѣтъ ли этому противурѣчія.

*

4 Марта.

Милый шпорикъ! Отвѣчаю по пунктамъ. Генералу Безаку буду отвѣчать, посовѣтовавшись съ Б., тѣмъ болѣе, что теперь новый министръ внутреннихъ дѣлъ Т., нѣкогда бывшій мой пріятель, но какъ всѣ старые пріятели и генералы (въ томъ числѣ будетъ и саперикъ), меня забывшій. Протяну дѣло до моего возвращенія въ Кіевъ.

Митрополитъ отвѣчалъ, что послѣ перваго отказа, уже не хочетъ вступаться въ Межигорье (видно, и деньжатъ нѣтъ). Жалѣю, что адъютантство твое не состоялось; когда пріѣду, самъ хлопотать буду, ибо ты знаешь, что я весь вамъ принадлежу и вѣрный рабъ.

Картина у гр. Шереметева уже пишется въ двѣ руки и будетъ великолѣпная. Когда будешь отдѣлывать царское мѣсто въ церкви, утверди сверху корону и драпировку около нея какъ слѣдуетъ, чтобы было благолѣпно.

Ты пугаешь домомъ, что надобно его исправлять; развѣ одни лишь полы да стѣны покрасить и кухню исправить.

*

23 Марта.

Скажи мнѣ *откровенно*, любезный саперикъ, какъ мнѣ быть? Вчера пріѣхалъ изъ Москвы князь Шаховской и говоритъ, что пр. Леонидъ умоляетъ меня дождаться митрополита Иннокентія, чтобы съ нимъ познакомить. О томъ же проситъ и намѣстникъ Лавры и даже здѣсь митрополитъ Арсеній; а между тѣмъ я не знаю, когда пріѣдетъ новый владыка. Хочу ему телеграфировать завтра и спросить навѣрное, ибо мнѣ онъ только телеграфировалъ, что будетъ колеснымъ путемъ, и потому я могу теперь распоряжаться его квартирой. Знаю, что и ему хочется меня видѣть и мнѣ также и даже полезно, но боюсь Комитета и вашихъ дѣловъ.

Итакъ спроси Комитетъ, не можетъ ли онъ мнѣ дать отсрочку, и нуженъ ли я при началѣ работъ для коихъ вы, конечно, пригласите Людвига *), чтобы заложить первый ровъ. А я между тѣмъ, получивъ отвѣтъ изъ Иркутска, сообщу вамъ. Хорошо бы, если бы Владыка пріѣхалъ въ половинѣ Мая; мнѣ и самому не хочется здѣсь заживаться: такъ и тянетъ въ Кіевъ, съ началомъ весны. Боюсь только, какъ бы не задержалъ меня пріѣздъ Владыки. Онъ проводитъ Пасху въ Иркутскѣ; но не знаю, позволятъ ли рѣки скоро выѣхать ему.

*

2 Апрѣля.

Христосъ воскресъ!

Обнимаю, цѣлую и привѣтствую съ праздникомъ милаго шпорика и весь околодокъ, коему теперь писать не имѣю время. А вотъ тебѣ мѣра новой картины, изображающей св. Владимира, избирающаго вѣру: вышина 4 арш., ширина 4 арш. 6 вершковъ. Если мѣсто тѣсно, то можно на вершокъ убавить. Картина не потеряетъ, а лучше бы такъ. Закажи раму, чтобы не терять время; что́ значитъ, что царское мѣсто не готово.

Пасху я встрѣтилъ по обыкновенію въ Сергіевой пустыни, и уже въ послѣдній разъ. Тяжело со всѣми прощаться; никто не вѣритъ моему переселенію, и мнѣ бы хотѣлось такъ уѣхать, чтобы никто не зналъ и чтобы не было кукушкиныхъ слезъ. Меня какъ будто отпѣваютъ заживо, а уѣхать надобно и желательно никогда сюда не возвращаться. Довольно! Пора и честь знать. Тяжки мнѣ будутъ эти три недѣли. Благодарю тебя за всѣ твои весьма дѣльныя распоряженія; дѣйствительно ты настоящій шпорикъ-саперикъ, и безъ твоихъ шпоръ все бы стало по саперной части и по хозяйству.

7 Апрѣля.

Меня беретъ большое раздумье, любезный шпорикъ, о моемъ отъѣздѣ: хотѣлось бы видѣть преосв. Иннокентія; но онъ такъ неопредѣленно отвѣтилъ на мою телеграмму, что нельзя угадать времени его пріѣзда. Писалъ только, что выѣдетъ 20 Апрѣля; это можетъ продлиться и до конца Мая, и тогда уже будетъ неловко уѣзжать изъ Москвы, а я боюсь опоздать золотомъ и кредитомъ, да и работы меня безпокоятъ, если цѣлый Май пройдетъ безъ меня. И такъ, кажется, я рѣшусь выѣхать отсюда 23 Апрѣля и пріѣхать 1-го Мая.

Я ожидалъ также отвѣта и о Самарской землѣ, ибо дѣло поступило въ Комитетъ Министровъ и авось рѣшится благопріятно до моего отъѣзда. Къ г. Тимашеву на дняхъ поѣду. Пугаетъ меня дороговизна

*) Инженеръ, статскій совѣтникъ.

хлѣба и мяса: придется голодать. Съ митрополитомъ на праздникахъ не встрѣчался. Жаль Крамарева*); я ему писалъ. Сегодня у насъ храмовой праздникъ въ тюрьмѣ, гдѣ я въ послѣдній разъ присутствую послѣ 22-хъ лѣтняго управленія тюрьмою. Пора и честь знать. Вчера былъ у меня сынъ г. Безака, и я говорилъ о тебѣ, что стыдно будетъ, если онъ тебя не возметъ къ себѣ. Вѣроятно и онъ ему намекнетъ о томъ. Кажется, слишкомъ подличаю предъ вами.

*

8 Апрѣля.

Ты какъ громомъ сразилъ меня вѣстью о новомъ провалѣ, милый шпорикъ, и задалъ такія шпоры, что я рѣшаюсь не отлагать далѣе моего отъѣзда и выѣхать 22 отсюда; такъ что надѣюсь 4 Мая, если все благополучно, крѣпко тебя обнять въ Кіевѣ. Въ Москвѣ мнѣ необходимо пробыть недѣлю по своимъ дѣламъ, а митрополита ждать не буду. И такъ я теперь вашъ и навсегдъ *твой* въ особенности, ибо ты такъ мило и умно дѣйствуешь, что совершенно мною овладѣлъ. Пиши мнѣ еще сюда; два письма могутъ дойти, а потомъ одно въ Москву до 1 Мая. У насъ погода великолѣпная, отчего же у васъ бури?

Хорошо впрочемъ, что провалъ открылся вó время, и можно приступить къ его укрѣпленію въ тоже время, какъ и на правой сторонѣ, ибо опасность таже. Представили-ль наконецъ смѣту церковную? Побывай у губернатора и попроси арестантовъ отъ моего имени. Не дай заснуть П. и употреби въ дѣло В. Прежде всего пригласите Людвига на это разрушеніе Карѳагена, чтобы далъ совѣтъ.

Москва, 25 Апрѣля.

Вотъ я уже и въ Москвѣ, любезный шпорикъ, и 1-го Мая собираюсь выѣхать въ Кіевъ. Не могу тебѣ высказать, что́ мнѣ стоило прощаніе со всѣми моими пріятелями въ Петербургѣ, особенно на желѣзной дорогѣ, куда всѣ собрались провожать; я былъ радъ, когда тронулся поѣздъ, чтобы остаться одному. Теперь въ Москвѣ уже легче, но все еще много прощанья. О золотѣ справлюсь завтра, чтобы взять его собой; жду архимандрита изъ Угрѣшъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ принять золото.

*

Въ Маѣ 1868 года А. Н. окончательно переѣхалъ въ Кіевъ, чтобы уже не возвращаться, а генералъ Копьевъ, въ половинѣ лѣта, очистилъ большой домъ и перебрался на другую квартиру. Работы по укрѣпленію Андреевской

---

*) Каѳедральный протоіерей.

горы шли въ полномъ разгарѣ. Ежедневно однихъ землекоповъ было до 80-ти и больше человѣкъ, не считая плотниковъ, приготовлявшихъ рамы изъ бревенъ. Намъ удалось перехватить всѣ родники, угрожавшіе церковному холму и свести въ одно мѣсто посредствомъ водопріемниковъ. Мы углубились до самаго крѣпкаго слоя пестрой глины, и наши упоры изъ брусьевъ были въ нѣсколько ярусовъ, такъ что, сидя на днѣ, приходилось кричать: ау! когда А. Н. показывался на вершинѣ. Началась забота и по приспособленію большаго дома, который отъ начала постройки не имѣлъ серьезнаго ремонта. Пришлось мнѣ ломать всѣ печи и полы, затѣмъ бѣлить потолки и красить полы, а потомъ оклеивать обоями. Всѣми этими работами занимался я лично, безъ участія А. Н., во всѣхъ отношеніяхъ, даже въ матеріальномъ. Когда привезли его вещи въ 44-хъ ящикахъ, то я уплатилъ часть денегъ за доставку и затѣмъ, откупоривши нѣкоторые изъ нихъ, сложилъ въ двухъ комнатахъ.

Въ Августѣ, во время кипучей дѣятельности на работахъ и въ домѣ, А. Н. получилъ письмо изъ Св. Горъ отъ Т. Б. Потемкиной съ приглашеніемъ навѣстить ее, можетъ быть въ послѣдній разъ; такъ оно и случилось. Долго колебался А. Н. и раздумывалъ, можно ли бросить все и ѣхать, когда такъ много дѣловъ; наконецъ послушался моего совѣта и уѣхалъ, а я остался одинъ хозяйничать и приготовлять домъ къ его переселенію изъ хижины.

Св. Горы, 12 Авг. 1868 г.

Если здѣсь и не совершенный рай, милый саперикъ, то нельзя сказать, чтобы это совсѣмъ не былъ рай; и такъ пусть это будетъ *не-не-рай*, а до настоящаго по грѣхамъ далеко.

Благодарю тебя очень, что ты меня сюда отпустилъ, хотя и трудно было на это рѣшиться. Теперь я уже здѣсь, наслаждаюсь чуднымъ воздухомъ и чудною природой и пишу тебѣ это съ моего балкона, откуда не могу наглядѣться и на тихій Донецъ, и на мирную обитель, тремя ярусами своихъ церквей подымающуюся по уступамъ скалъ, въ самой густой зелени лѣсистыхъ горъ, изъ которой выглядываютъ свѣтлые куполы съ ихъ золотыми крестами. Листъ не колыхнетъ, такая тишь въ воздухѣ; а мы къ этому не привыкли въ нашемъ Кіевѣ столь бурномъ вѣтрами. Нельзя сказать однако, чтобы безъ препятствій достигъ я Св. Горъ, хотя и скоро совершилъ свой путь отъ Кременчуга, несясь по степи на Полтаву и Харьковъ въ тарантасѣ-самолетѣ. Въ Полтавѣ, въ глухую полночь, не безъ шума открылись мнѣ желѣзные запоры бывшихъ Разумовскихъ палатъ, чтó нынѣ архіерейскій домъ; а въ Харьковѣ чуть помеломъ не выгнали великаго человѣка съ подворья, куда пріѣхалъ ко всенощной проситься на ночь; хорошо, что призналъ викарій, а то бы бѣжалъ

въ гостинницу. О фараоновыхъ же обѣщанныхъ колесницахъ не было и слуху: по обычаю опоздали, и я помчался опять въ самолетѣ, хотя онъ и хромалъ. Смерклось совсѣмъ, когда своротилъ съ почтоваго пути къ Св. Горамъ, и тутъ была уже скачка съ препятствіями. Волкомъ взвылъ бы Волченокъ [1]), если бы довелось ему, подобно мнѣ, спускаться ночью съ крутой горы къ Донцу, по невѣдомой дорогѣ, такъ что ямщикъ ощупью велъ лошадей въ поводу, и съ трудомъ попали на паромъ; далѣе въ лѣсу, уже близъ ярмарки монастырской, причудился Чуцу [2]) волкъ, глаза горѣли какъ свѣчи, но потомъ сталъ сознаваться, что это быть можетъ свѣтящійся червячекъ; оно и *похоже* другъ на друга: волкъ и червякъ. Дальше выскакиваетъ изъ лѣсу въ бѣлой рубашкѣ хохолъ-ординарецъ отъ лихаго пристава-гусара и кричитъ: кто ѣдетъ? но вмѣсто головы предъ нами очутились однѣ ноги, торчащія изъ ямы, куда онъ кувыркнулся, и генеральскій отвѣтъ пролетѣлъ мимо! Опять извилистый Донецъ, но уже переѣздъ чрезъ мостъ въ виду монастыря. Былъ часъ ночи, церковь горѣла огнями, трезвонили къ утрени. Чрезъ монастырскій дворъ мы стали подыматься въ крутую гору ко дворцу Потемкиной въ такой чащѣ деревъ, что казалась надъ нами крыша; такія аллеи только въ Крыму. Все спало; встрепенулся какъ филинъ ночной сторожъ, услышавъ топотъ конскій уже на дворѣ. Мелькнулъ огонекъ во флигелѣ, и явилась Олимпіада Андреевна [3]) въ ночномъ нарядѣ, сбѣжала внизъ и, какъ Гурія, провела меня въ верхній ярусъ главнаго дома, въ тѣже покои, гдѣ я останавливался за 17 лѣтъ предъ симъ. Утомленный я какъ камень упалъ на постель и когда на разсвѣтѣ проснулся и вышелъ на балконъ, я вздохнулъ свободно, глотая райскій воздухъ Св. Горъ; передо-мною вся бѣлая обитель утопала въ зелени, на берегу Донца, и лѣсистыя горы, какъ въ рамѣ, ее отовсюду заключали, а церковь надъ церковью подымались къ небу: нѣтъ словъ для этой картины земной и не земной! Сравнивать съ нашимъ видомъ нельзя, совсѣмъ иное; но этотъ болѣе дѣйствуетъ на душу; здѣсь можно понять, какъ благодѣтельно и необходимо на Руси монашество, которое хотятъ стереть съ лица земли. Что были бы Св. Горы безъ этой обители, которая сдѣлалась средоточіемъ жизни и просвѣщенія духовнаго для цѣлаго края? И какой строгій порядокъ подъ могучею рукою арх. Германа. Здѣсь можно понять всю строгость иноческаго устава. Пишу и гляжу, какъ вдругъ солн-

---

[1]) А. А. Волковъ.

[2]) Камердинеръ.

[3]) Олимпіада Андреевна Пузанова милая особа, одна изъ воспитанницъ Татьяны Борисовны Потемкиной. П. Б.

цемъ обдало всю обитель, и она сіяетъ между зеленью и синевой водъ; все тихо, лишь гулъ по мосту...

Не разъ пожалѣлъ я, что тебя нѣтъ со мною, и это была большая жертва съ твоей стороны! Пожалѣли и радушные хозяева. Боярыня слаба, но хотѣла ѣхать со мною къ обѣднѣ; я удержалъ ее. Послѣ службы взошелъ я съ архимандритомъ внутрь скалы пещерной, и поднялись сперва къ могилѣ бывшаго настоятеля, а потомъ мимо холма затворника-схимника, недавно умершаго, въ церковь Предтечи, внутри утеса и выше на скалу къ церкви Святителя Николая и на крайній утесъ къ часовнѣ Первозваннаго Апостола. Спустившись по открытой величавой лѣстницѣ, гдѣ пойдетъ послѣ-завтра крестный ходъ Успенскій. Я осмотрѣлъ новый великолѣпный соборъ и погрузился въ Донецъ омыться отъ трудной дороги. Вечеромъ была у насъ въ домовой церкви всенощная; сейчасъ ѣдемъ по такъ называемой Итальянской дорогѣ, прорѣзанной въ ребрахъ горы и въ чащѣ лѣса на вершину, къ обѣднѣ въ храмъ Преображенія, который увѣнчалъ собою всѣ зданія обители и видѣнъ за 30 верстъ, какъ царскій ея вѣнецъ, изъ густаго лѣса на темѣ горы. Послѣ обѣда крестный ходъ поплыветъ на ладьяхъ въ скитъ, на память дня учрежденія обители при Иннокентіи, который все умѣлъ поэтизировать. Слышу пѣніе аллилуіа, внизу подъ нашей горой, но ничего не видно въ чащѣ: видно, похороны! Даже и въ смерти поэзія... Но время кончить. Говѣю, еще многое надобно видѣть и молиться и въ Славянскъ съѣздить на воды.

*

Дѣйствительно большая жертва была съ моей стороны не побывать въ Св. Горахъ у Т. Б. Потемкиной, которая для меня такъ много сдѣлала добраго, при моемъ поступленіи на службу. Здѣсь не лишнимъ считаю сказать, что А. Н. когда-то занялъ у Т. Б. тысячу р. При прощаніи въ Св. Горахъ, Т. Б. благословила А. Н. на дорогу небольшимъ евангеліемъ въ голубомъ бархатѣ съ серебряною оправою, а камердинеру его вручила пакетъ съ условіемъ отдать таковой А. Н. только на второй станціи отъ Св. Горъ. Когда это было исполнено, то въ пакетѣ оказались разорванная росписка на взятыя деньги и самое трогательное письмо съ благодарностью за посѣщеніе и съ припискою, что между ними нѣтъ никакихъ счетовъ. Не забыла Т. Б. и мнѣ прислать подарокъ, какъ бывшему ея воспитаннику.

По возвращеніи А. Н. изъ Св. Горъ, я началъ переписывать всѣ письма покойнаго митрополита Московскаго Филарета къ А. Н., для печати; трудъ этотъ продолжался около четырехъ мѣсяцевъ, потому что послѣ каждаго письма (а ихъ было болѣе пяти сотъ) ждалъ примѣчанія, а для этого не всегда было свободное время у А. Н. *).

*) А. Н. Муравьевъ предлагалъ Чертковской библіотекѣ издать въ свѣтъ собраніе писемъ къ нему Московскаго митрополита Филарета, но не согласился на то, чтобы во

Въ Октябрѣ перебрались въ большой домъ, и тутъ уже много было возни съ устройствомъ образной, картинъ, книгъ и мебели. Все вѣшалось на стѣнкѣ по указанію А. Н., который обладалъ, при природной близорукости, изяществомъ вкуса. Одна установка образной заняла болѣе недѣли. И дѣйствительно едва ли есть у кого такое собраніе святыни по древности, богатству и историческому значенію. Впослѣдствіи онъ напечаталъ краткое ея описаніе. Я помѣстился въ двухъ комнатахъ нижняго этажа и уже не испытывалъ холодныхъ ощущеній, хотя по привычкѣ жаль было и съ хижиной разстаться, которую съ весны занималъ уже одинъ. Устроивши все въ домѣ и закончивши на зиму работы, я въ Декабрѣ поѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ, взялъ направленіе до Бреста въ дилижансѣ, а потомъ чрезъ Варшаву по желѣзной дорогѣ. Не доѣзжая Петербурга, я узналъ о безнадежномъ состояніи нашего генералъ-губернатора А. П. Безака и тотчасъ же по пріѣздѣ отправился узнать чрезъ своего пріятеля С. И. Санникова. 29 Декабря А. П. уже не стало, а 31 былъ я на отпѣваніи въ Сергіевскомъ соборѣ. Во время моего пребыванія въ отпуску, я получилъ нѣсколько писемъ отъ А. Н. изъ Кіева, которыя и помѣщаю. На мѣсто покойнаго А. П. Безака былъ назначенъ только генералъ-губернаторомъ князь А. М. Кондуковъ-Корсаковъ, а командующимъ войсками, бывшій помощникъ г. Безака генералъ-лейтенантъ, впослѣдствіи генералъ-адъютантъ Н. Ѳ. Козляниновъ.

Кіевъ. 23 Декабря 1868.

Гдѣ-то странствуетъ въ сію минуту нашъ великій пѣтушественникъ? Вѣрно сидитъ въ дилижансѣ съ Нѣмецкой статуей *), горько кается, что предпринялъ такой дальній и расходный путь! Утѣшишься, пріѣхавъ въ Питеръ, когда будешь читать это письмо. Но застанешь ли тамъ уже нашего добраго А. П. Безака, который очень плохъ? Вчера за него здѣсь молились. Охъ, лучше бы въ такія минуты быть дома! Здѣсь всѣ о тебѣ плачутъ.

Извѣстій ждать отъ васъ, а не отъ насъ; а у насъ всѣ головы повѣсили, услышавъ о болѣзни начальника края неизлѣчимой. Не пишу тебѣ много, но обнимаю крѣпко, и поелику говѣю, то прошу простить, въ чемъ огорчилъ тебя при ежедневномъ нашемъ столкновеніи и сожительствѣ.

По возвращеніи моемъ изъ Питера, на долго хватило разговоровъ о друзьяхъ-пріятеляхъ, въ числѣ которыхъ были: Т. Б. Потемкина, С. Я. Веригина, А. Н. Мазовской, кн. А. В. Шаховской, кн-я В. С. Голицына, Н. В. Исаковъ, Хвощинскій и другіе. Всѣхъ нужно было видѣть, всѣмъ передать житье-бытье и отъ всѣхъ привезти порученія.

время печатанія подлинники находились у издателя. Превосходная книга (8-ка, XIII и 1692 стр.) вышла въ Кіевѣ въ 1869 году. Гдѣ подлинники? Къ сожалѣнію писемъ Муравьева къ Филарету не имѣется въ печати, и мы не знаемъ, сохранились ли они. П. Б.

*) Спутникомъ у меня былъ Нѣмецъ.

Съ весны начались работы и къ осени были окончены. Въ Іюлѣ былъ у А. Н. принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, а вскорѣ послѣ него, во время пребыванія Государыни Императрицы въ Кіевѣ, А. Н. особенно былъ милостиво принятъ Ея Величествомъ, что́ онъ самъ передавалъ съ большимъ чувствомъ. Въ свитѣ Русской Царицы былъ и старецъ-поэтъ Ѳ. И. Тютчевъ, который нѣсколько разъ посѣщалъ А. Н. и любовался видами изъ его сада, а по пріѣздѣ въ Петербургъ прислалъ ему стихи, написанные въ Кіевѣ 7-го Августа.

„Тамъ, гдѣ на высотѣ обрыва
Воздушный, свѣтозарный храмъ
Уходитъ выспрь—очамъ на диво—
Какъ бы парящій къ небесамъ;
Гдѣ Первозваннаго Андрея
Еще по днесь сіяетъ крестъ,
На небѣ Кіевскомъ бѣлѣя,
Святой блюститель здѣшнихъ мѣстъ:
У ногъ его свою обитель,
Его покровомъ осѣня,
Живешь ты въ ней не праздный житель,
На склонѣ трудоваго дня.
И кто бы могъ безъ умиленья
И нынѣ не почтить въ тебѣ
Единство жизни и стремленья
И твердость стойкую въ борьбѣ?
Да много, много испытаній
Ты перенесъ и одолѣлъ!
Живи жь, не въ суетномъ сознаньи
Тобой свершенныхъ добрыхъ дѣлъ,
Живи и бодрствуй для примѣра,
Намъ заявляющаго вновь,
Что́ можетъ дѣйственная вѣра
И непреклонная любовь.

6-го Сентября посѣтилъ Кіевъ въ первый разъ Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Цесаревной, которые удостоили посѣщеніемъ своимъ А. Н., въ подробности осмотрѣли его образную, затѣмъ прошли по саду, любовались съ валу видами и заходили въ хижину, гдѣ провели болѣе получаса. Такъ какъ работы наши по укрѣпленію горы заканчивались, то я дѣлалъ планъ всѣмъ работамъ, на который Его Высочество обратилъ вниманіе и подробно разспрашивалъ меня о ходѣ работъ, а Ея Высочество съ любопытствомъ разсматривала устройство хижины и даже снимала со стѣны нѣкоторые фотографическіе виды Кіева. Радушный хозяинъ угощалъ высокихъ посѣтителей виноградомъ и фруктами изъ своего сада, потомъ сопутствовалъ августѣйшимъ гостямъ по Кіеву и объяснялъ его исторію въ памятникахъ. 8-го, въ день Рождества Богородицы, послѣ слушанія литургіи въ Софійскомъ соборѣ, уѣхали дорогіе путешественники, а наканунѣ ихъ выѣзда А. Н. поднесъ Ея Высочеству, на память посѣщенія ею образной, древній крестъ съ Голгоѳою, въ которую были вставлены камни изъ св. мѣстъ. Въ день же

выѣзда Ихъ Высочествъ посѣтилъ Муравьева и принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, котораго я, въ отсутствіи А. Н., водилъ по саду и когда Его Высочество увидѣлъ А. Н., то шутя сказалъ: „какой вы добрый владѣлецъ сада, всѣхъ пускаете въ него, и меня въ отсутствіи вашемъ пустили".

Въ концѣ Сентября, по случаю юбилея Кіевской Духовной Академіи, былъ большой съѣздъ епархіальныхъ архіеревъ, воспитанниковъ оной; въ томъ числѣ были: Сербскій митрополитъ Михаилъ, экзархъ Грузіи Евсевій, Димитрій архіепископъ Херсонскій, Антоній архіепископъ Кишиневскій, Антоній архіепископъ Казанскій, Никандръ епископъ Тульскій, Іоанникій епископъ Саратовскій, Іоаннъ епископъ Полтавскій, Леонтій Подольскій, и всѣ они были по нѣскольку разъ у А. Н.; со всѣми я познакомился, почему охотнѣе было къ нимъ писать, когда заставлялъ меня А. Н .Въ особенности пріятное впечатлѣніе оставили по себѣ митрополитъ Сербскій, архіепископъ Казанскій и епископъ Полтавскій, съ которыми постоянно А. Н. переписывался.

Въ Октябрѣ Комитетъ нашъ по укрѣпленію горы прекратилъ свои дѣйствія. О мнѣ и другомъ сотрудникѣ Васильевѣ А. Н. сдѣлалъ представленіе генералъ-губернатору съ исходатайствованіемъ награды, которую мы черезъ четыре мѣсяца и получили. Для меня было то лестно, что я, будучи саперомъ, получилъ чрезъ А. Н., по докладу министра внутреннихъ дѣлъ, орденъ Св. Станислава 3-й ст., и меня часто дразнилъ потомъ А. Н., что онъ мнѣ далъ орденъ.

Въ это же время, т.-е. въ Октябрѣ, А. Н. Муравьевъ былъ избранъ предсѣдателемъ Кіевскаго Св. Владимирскаго Братства, а я членомъ Совѣта.

Въ Декабрѣ 1869 года, послѣ странствій въ караулы, мнѣ удалось поступить въ штабъ мѣстныхъ войскъ старшимъ адъютантомъ, чему былъ очень радъ А. Н., такъ какъ по мундиру могъ считать меня своимъ личнымъ адъютантомъ; а главная радость его была въ томъ, что онъ всегда заботился о моемъ тщедушномъ здоровьѣ, которое подвергалось опасности, особенно отъ дальнихъ путешествій по карауламъ, такъ какъ, по закрытіи Комитета, я тотчасъ же возвратился въ строй.

Новый 1870-й годъ мы встрѣтили, какъ и прошедшіе, молитвою въ образной, гдѣ часто бывали всенощныя и которыя особенно въ ней любилъ служить добрѣйшій протоіерей Андреевской церкви П. Ѳ. Подвысоцкій.

Въ жизни А. Н. сказывался пробѣлъ, котораго онъ не могъ не чувствовать, это отсутствіе семейнаго элемента; а потому А. Н. часто и съ любовію просиживалъ въ семейномъ домѣ, ласкалъ дѣтей, называлъ ихъ головастиками, ерошилъ имъ волосы, нѣжно подиралъ за уши.... Хотя не внятно, но сказывалось въ душѣ А. Н., что онъ скучаетъ своимъ одиночествомъ. Мы жили обыкновенно только богомольцами и проѣзжими. Такъ не-

однократно останавливался у насъ посолъ Н. П. Игнатьевъ и однажды съ своею супругою и сыномъ. Всякій годъ бывали графъ Е. В. Путятинъ и какъ-то даже съ извѣстнымъ діакономъ Англиканской церкви Пальмеромъ, перешедшимъ потомъ въ латинство, и ген.-адъют. Н. В. Исаковъ. Пріѣзжали Греки съ Аөона и Болгаре по дѣламъ церковнымъ, приходили Евреи, прося св. крещенія, и иновѣрцы, желавшіе присоединенія къ Православной церкви; приходили бѣдные и нищіе, и никому не было отказа.

Если дѣло касалось опредѣленія дѣтей по военно-учебнымъ заведеніямъ. то набранныя записки для памяти подавались, при проѣздѣ чрезъ Кіевъ, Н. В. Исакову. По части духовной писалось патріархамъ, митрополитамъ и архіереямъ. Вообще всѣ сильные міра сего, знакомые и пріятели, вѣроятно, не разъ были обременяемы письмами, просьбами и докладными записками, за что А. Н. подвергался иногда и недоброму слову.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1870 года, полетѣлъ я опять въ родной Питеръ уже въ адъютантскомъ мундирѣ, нагруженный порученіями своего сожителя. Въ Питерѣ я видѣлся съ графиней Н. В. Муравьевой, бывшей осенью въ Кіевѣ, которая чрезъ годъ скончалась. Былъ я у митрополита Иннокентія и напомнилъ ему объ обѣщаніи содѣйствія къ изданію писемъ покойнаго митрополита Филарета; много говорили про дѣла, о которыхъ имѣлъ я порученіе; заглянулъ и въ домъ Т. Б. Потемкиной, не задолго скончавшейся въ Берлинѣ, побывалъ у С. Я. Веригиной, у князя Шаховскаго и наконецъ пустился въ обратный путь, остановившись въ Москвѣ, чтобы видѣться съ преосв. Леонидомъ, тоже по порученію А. Н.

Наканунѣ дня рожденія А. Н., которое праздновалось 30-го Апрѣля, я пріѣхалъ въ Кіевъ и засталъ своего сожителя въ моей квартирѣ внизу, такъ какъ верхъ былъ отданъ пріѣхавшей невѣсткѣ его Марөѣ Михаиловнѣ Муравьевой, супругѣ старшаго брата Александра, съ племянницей Прасковьей Михайловной Голынской. Я удивился перемѣнѣ въ домѣ: тутъ было и фортепіано, такъ какъ племянница хорошо пѣла и доставляла этимъ большое удовольствіе по вечерамъ. А. Н. совершенно преобразился и выглядывалъ человѣкомъ семейнымъ; дорогія гостьи еще не уѣхали, какъ пріѣхала вторая невѣстка Наталья Григорьевна Муравьева, супруга брата Николая, съ дочерью Александрою Николаевною Демидовою, недавно овдовѣвшею, которыя, однако, не останавливались у него, а жили въ гостинницѣ. Часто мы гуляли въ Ботаническомъ саду и по окрестностямъ.

Въ Кіевѣ цѣлое лѣто прожило семейство военнаго министра Д. А. Милютина, часто пріѣзжавшее къ намъ по вечерамъ. Вообще лѣто было проведено весьма пріятно и въ самомъ миломъ обществѣ. Проводивши своихъ гостей, А. Н. въ концѣ Августа предпринялъ путешествіе въ Херсонскую губернію въ с. Пріютъ къ графу Д. Е. Остенъ-Сакену, который такъ давно жаждалъ съ нимъ видѣться. Изъ Пріюта проѣхалъ онъ въ имѣніе кн. С. Н. Урусовой, Подольской губ., у которой мы всегда обѣдали по Воскресеньямъ,

во время ея двухлѣтняго жительства въ Кіевѣ, чтобы видѣться и съ гостившимъ тамъ своимъ пріятелемъ И. И. Красовскимъ. Въ Елисаветградѣ ему также пріятно было видѣться съ его пріятелемъ командиромъ Уланскаго полка Ю. К. Критомъ, у котораго онъ и останавливался.

По возвращеніи изъ путешествія, А. Н., сильно возстававшій противъ предполагаемыхъ новыхъ укрѣпленій Кіева, имѣлъ случай подать военному министру, лично, во время его пребыванія въ Кіевѣ, докладную записку, прося защиты противъ предстоящаго разоренія. Военный министръ, на другой же день по осмотрѣ мѣстности, отвѣчалъ ему письмомъ и успокоилъ, что все изложенное въ письмѣ А. Н. будетъ принято во вниманіе; дѣйствительно, спустя нѣкоторое время, измѣнена была новая эспланада. Депутація отъ купечества приходила благодарить какъ военнаго министра, такъ и Муравьева за его заступничество.

Въ Октябрѣ гостилъ у насъ посолъ изъ Константинополя и еще больной, такъ что братъ его нарочно выѣзжалъ къ нему на встрѣчу въ Кіевъ. Въ Ноябрѣ Муравьевъ снова имѣлъ честь быть на обѣдѣ у Государыни Императрицы во время ея проѣзда чрезъ Кіевъ.

Рождественскіе праздники я провелъ въ постели, и А. Н. не отходилъ отъ меня во все время, даже ночью по нѣскольку разъ вставалъ и спускался ко мнѣ въ комнату: такъ сильна была его ко мнѣ привязанность. Въ это же время ему пришла курьезная мысль написать статью о тридцатидвухъ-лѣтнемъ странствованіи своего портрета, которую я здѣсь и помѣщаю безъ пропусковъ.

Каждое обстоятельство въ нашей жизни, какъ бы оно ни было маловажно, можетъ имѣть свою занимательность, если остановить на немъ вниманіе и разсмотрѣть его со стороны или нравственной, или исторической, и во всякомъ случаѣ оно имѣетъ цѣну въ воспоминаніяхъ минувшаго.

Итакъ привожу здѣсь небольшой разсказъ о томъ, что̀ случилось съ моимъ портретомъ, и чрезъ сколько рукъ долженъ былъ онъ перейти, впродолженіе болѣе тридцати лѣтъ, прежде нежели возвратиться къ своему, уже измѣнившемуся, подлиннику, что́ довольно оригинально; тутъ есть и смѣшное, и печальное, но болѣе послѣдняго.

Въ 1838 г. мнѣ пришло на мысль написать портретъ для моего родителя, жившаго въ Москвѣ, уже въ болѣзненномъ положеніи, такъ какъ онъ давно желалъ его имѣть. Мнѣ рекомендовали одного весьма искуснаго художника, академика Захарова, кромѣ своего таланта замѣчательнаго тѣмъ, что онъ былъ родомъ Черкесъ, ребенкомъ захваченный въ плѣнъ, въ одномъ разоренномъ аулѣ Кавказа, и сдѣлался

художникомъ, по своему особенному расположенію къ живописи. Это уже и само по себѣ довольно оригинально. Я проводилъ тогда лѣто на Крестовскомъ острову, въ великолѣпной усадьбѣ княгини Бѣлосельской. Весь островъ принадлежалъ нѣкогда знаменитому фельдмаршалу Миниху, а послѣ его ссылки отобранъ въ казну, подаренъ императрицею Елисаветою графу Разумовскому и купленъ у него статсъ-секретаремъ Екатерины Козицкимъ, отцемъ княгини Бѣлосельской; названіе же Крестовскаго ему усвоилось или отъ крестообразнаго дома Разумовскихъ, или, какъ полагаютъ, отъ имени Миниха: Христофъ.

Очень долго писался мой портретъ, потому что живописецъ жилъ на противуположномъ островѣ Петровскомъ, съ которымъ не было еще иного сообщенія какъ лодкою, а Захаровъ не могъ часто меня посѣщать и притомъ хотѣлъ тщательно написать портретъ. Случилось однажды, что послѣ его занятій, я вздумалъ проводить его на Петровскій, предполагая возвратиться уже не водою, но по вновь строющемуся мосту, на который только что были наброшены балки, весьма опасныя для пѣшеходовъ. Однако, хотя и съ большимъ трудомъ, перебрался я на свой берегъ; но тутъ меня встрѣтило новое препятствіе, о которомъ я прежде не подумалъ: довольно широкій протокъ, разсѣкающій весь Крестовскій островъ, отдѣлялъ меня отъ сада княгини; идти же кругомъ всего сада, по большой дорогѣ, было слишкомъ далеко, и къ тому же я былъ въ бархатномъ архалукѣ и въ золотой цѣпи, какъ рисовалъ меня художникъ. Пока я стоялъ въ раздумьи, что́ мнѣ дѣлать, вижу, что вплываетъ изъ рѣки въ протокъ небольшая лодка съ однимъ гребцомъ, и въ ней три весьма нарядныя барыни (мать съ двумя дочерьми), которыя ѣхали изъ города на воскресный балъ, въ Новую деревню. Я просилъ ихъ перевезти меня чрезъ каналъ, и онѣ, видя меня въ такомъ нарядномъ костюмѣ, охотно согласились; но увы, я очень дурно заплатилъ имъ за такую услугу: спустившись съ моста по густой травѣ, гдѣ еще наканунѣ были рабочіе, я вскочилъ въ лодку, которая пошатнулась отъ моей тяжести, и невольно наступилъ на платье одной изъ барышень; когда же вышелъ на берегъ и тронулась опять лодка, посыпались на меня жестокіе укоры за тотъ непріятный подарокъ, который я имъ оставилъ на платьѣ, такъ какъ это совершенно разстроило всѣ ихъ бальные проекты.

Осенью, когда конченъ былъ портретъ, я самъ отвезъ его въ Москву, и велика была радость старика-отца; но не долго оставалось намъ быть вмѣстѣ: чрезъ годъ онъ скончался, вскорѣ послѣ моего возвращенія изъ Москвы, куда я для него ѣздилъ каждое лѣто, и, такъ какъ не было тогда столь быстраго сообщенія, ни телеграммъ,

какъ теперь, то я не могъ поспѣть во́ время, чтобы его застать въ живыхъ, и даже не собрался въ путь къ погребенію, потому что уже было поздно. Въ самыя послѣднія минуты его жизни, В. А. Титова, въ домѣ которой онъ нанималъ квартиру и которая за нимъ ходила во время болѣзни, какъ самая близкая родственница, писала ко мнѣ, чтобы я, ради памяти отца, оставилъ у нея этотъ портретъ, и я не могъ ей отказать въ такой просьбѣ, хотя это было непріятно моимъ братьямъ, которые желали его имѣть.

Титова не была счастлива въ своемъ супружествѣ, потому что мужъ ея, хотя и добрый человѣкъ, и даже набожный, имѣлъ пристрастіе къ игрѣ и промоталъ имѣніе. Она начала вести жизнь скитальческую и долго проживала въ Петербургѣ, по своей особенной привязанности къ родному племяннику Салтыкову, который обучался въ юнкерской школѣ. По своему религіозному направленію, странствовала она по св. мѣстамъ Русскимъ и даже восточнымъ и, можно сказать, не имѣла домашняго пріюта. Ради сего и я сдѣлался скитальцемъ, если не въ собственномъ лицѣ, то по крайней мѣрѣ въ его подобіи. Однажды пришелъ я по дѣлу, въ Петербургѣ, къ жандармскому полковнику Ракѣеву и, пока докладывали о мнѣ хозяину, взошелъ въ гостиную. Но каково было мое изумленіе, когда я увидѣлъ, что надъ диваномъ одиноко красуется мой портретъ! «Помилуйте, сказалъ я взошедшему хозяину, за что вы содержите меня подъ арестомъ, и какъ могъ попасть къ вамъ мой портретъ?»—«Очень просто, отвѣчалъ онъ, нѣсколько оскорбившись такимъ вопросомъ: В. А. Титова уѣхала въ Іерусалимъ, а такъ какъ ея племянникъ Салтыковъ очень друженъ съ моимъ сыномъ, который также въ юнкерской школѣ, то она отдала мнѣ на сохраненіе всѣ свои вещи и въ томъ числѣ вашъ портретъ, до своего возвращенія». Мнѣ стало это и смѣшно, и досадно, и я махнулъ рукой на дальнѣйшую участь моего портрета; пожалѣлъ только, что не отдалъ его въ свое время роднымъ.

Не знаю, сколько времени длилось для меня это Вавилонское плѣненіе; помню только, что около сего времени сдѣланы были еще два моихъ портрета, хотя и не столь удачные: одинъ въ бытность мою въ Римѣ въ 1845 году нашимъ художникомъ Соколовымъ, для кавалергардскаго офицера Ахматова (впослѣдствіи оберъ-прокурора Св. Синода), который былъ со мной очень друженъ. При отъѣздѣ моемъ въ Италію, онъ убѣдительно просилъ заказать для него мой портретъ комулибо изъ художниковъ Римскихъ; но по моемъ возвращеніи, онъ какъ будто о томъ забылъ и когда, при нашемъ первомъ свиданіи, я спросилъ его: «не давалъ ли онъ мнѣ какихъ-либо порученій въ Римѣ?» Ахматовъ равнодушно отвѣчалъ: «не помню». Мнѣ было это такъ

больно, что я тутъ же вынулъ портретъ и отдалъ его другому моему пріятелю Хвощинскому, который наканунѣ просилъ у меня этотъ портретъ; Ахматовъ же только снялъ съ него копію. Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ хотѣли сдѣлать литографическіе снимки съ этого портрета; но я не согласился, потому что находилъ его слишкомъ маловажнымъ и безцвѣтнымъ. Другой же портретъ, также масляными красками, но весьма неискусною кистію, былъ сдѣланъ позже въ Петербургѣ, по желанію Эвальда, оберъ-берейтора гвардейской берейторской школы, гдѣ я часто ѣздилъ верхомъ, а писалъ художникъ изъ его родственниковъ. Около того же времени кавалергардъ Тимашевъ, особенно даровитый во всѣхъ искусствахъ, вылѣпилъ мой бюстъ, весьма удачно и съ необычайнымъ сходствомъ, хотя это былъ первый его опытъ въ такомъ родѣ. Но, послѣ нѣкоторыхъ слѣпковъ для моихъ пріятелей, самая форма пропала у лѣпщика. Чрезъ нѣсколько лѣтъ повторили ее по готовому бюсту, хотя уже не столь удачно, и мнѣ случалось гулять на лоткахъ разнощиковъ, по улицамъ столицы, вмѣстѣ съ Купидонами и Венерами. Едва ли однако не прежде всѣхъ сихъ бюстовъ и портретовъ масляными красками, нарисованъ былъ одинъ акварелью, не весьма значительнымъ художникомъ Алексѣевымъ и, такъ какъ я въ то время занимался по цѣлымъ днямъ приведеніемъ въ порядокъ свитковъ и столбцевъ суднаго дѣла патріарха Никона, которое только что было найдено въ Патріаршей библіотекѣ, то я и былъ нарисованъ съ однимъ изъ этихъ свитковъ въ рукахъ. Брату Николаю весьма понравился мой портретъ, и онъ пожелалъ, чтобы тотъ же художникъ нарисовалъ и его собственный; но и тутъ не обошлось безъ приключеній. Я позабылъ предварить брата, что Алексѣевъ ужасный заика и что надобно избѣгать съ нимъ разговора, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ старался всегда отдѣлываться молчаніемъ или знаками. Дѣйствительно, когда онъ явился къ брату, то дѣло сперва пошло хорошо, потому что онъ, кивая головой, могъ отвѣчать согласіемъ на нѣкоторые вопросы. Но когда братъ пожелалъ видѣть принесенные имъ портреты и началъ спрашивать имена, нельзя уже было отдѣлываться молчаніемъ. Бѣдный Алексѣевъ сталъ заводить себя какъ машину, чтобы вымолвить слово. Братъ догадался, въ чемъ дѣло; но, при всей своей серьезности, будучи очень смѣшливъ, ушелъ за перегородку, чтобы дать ему оправиться; повременивъ немного, вышелъ онъ опять и уже сѣлъ для снятія портрета, давъ себѣ слово болѣе не распрашивать заику; но въ эту минуту Алексѣевъ внезапно выпалилъ въ него тяжело выработаннымъ именемъ портрета, о которомъ былъ прежде спрошенъ, и братъ невольно прыснулъ со смѣху прямо ему въ лице. Тѣмъ и кончилось первое засѣданіе, потому что оба смутились. Но я отклонился отъ моего разсказа.

Протекло много и много лѣтъ, и я уже совершенно забылъ о моемъ странствующемъ портретѣ: столько утекло воды съ тѣхъ поръ. Я уже началъ помышлять о моемъ переселенiи въ Кiевъ и устраивалъ тамъ свою живописную виллу, но зиму еще проводилъ въ сѣверной столицѣ и только на перепутьи посѣщалъ Москву. Лѣтъ десять тому назадъ, заѣхалъ я тамъ на Iерусалимское подворье, по приглашенiю его строителя, добраго старца архимандрита Филарета. Онъ принялъ меня весьма дружески и съ таинственнымъ видомъ повелъ въ свой кабинетъ,—и что же я вижу? Между старинныхъ огромныхъ портретовъ патрiарховъ Iерусалимскихъ виситъ и мой смиренный портретъ, хотя и вовсе инаго размѣра и колорита. «Давно ли Саулъ во пророцѣхъ? невольно воскликнулъ я, и какъ попалъ я между блаженнѣйшихъ патрiарховъ? Гдѣ вы могли достать мой портретъ, который такъ давно потерялъ я изъ виду, послѣ жандармской гостиной?»—«Это уже моя тайна, отвѣчалъ архимандритъ, и я очень доволенъ, что могъ его прiобрѣсти; но какъ и гдѣ, пожалуста не распрашивайте».—«Отдадите ли вы его мнѣ, если у васъ попрошу?» спросилъ я опять добраго старца.—«Пожалуй, сказалъ онъ, хотя признаюсь, мнѣ бы не хотѣлось съ нимъ разставаться». Я подумалъ, что такого хорошаго общества мнѣ не найти для моего портрета, при моей скитальческой жизни, изъ Кiева въ Петербургъ и обратно; пусть же себѣ побудетъ еще, до поры до времени, съ патрiархами! И такъ мы разстались.

Лѣтъ пять спустя, проѣздомъ чрезъ Москву, посѣтилъ я по обычаю Новодѣвичiй монастырь, чтобы тамъ отслужить панихиду по моимъ родителямъ, и, когда мы вышли для литiи на кладбище къ могилѣ отца моего, подошла дама подъ чернымъ покрываломъ, въ одеждѣ полумонашеской, полусвѣтской, и очень усердно молилась. «Вы не узнали меня?» сказала она по окончанiи службы, и когда дѣйствительно я не могъ ее узнать, она продолжала: «Правда, что прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами видѣлись. Я Титова». «Но какимъ образомъ вы здѣсь? спросилъ я въ свою очередь; развѣ вы уже въ монастырѣ?»—«Нѣтъ, отвѣчала она; но я временно здѣсь живу у моей родственницы-монахини и, увидѣвъ изъ окна, что служатъ панихиду надъ могилой вашего батюшки, котораго я такъ уважала, вышла помолиться вмѣстѣ съ вами». Поблагодаривъ ее за такое участiе, я однако не могъ не сказать ей: «Надъ этой могилой каждое слово должно быть правда; и такъ скажите мнѣ искренно: чтó вы сдѣлали съ моимъ портретомъ, который я весьма нечаянно нашелъ на Iерусалимскомъ подворьѣ?» Она смутилась и, нѣсколько помолчавъ, сказала: «Вы довольно знаете моего мужа; но можетъ быть до васъ не дошло еще, какъ онъ со мной поступилъ: всѣ мои вещи и даже

самыя близкія моему сердцу онъ продалъ съ аукціона; той же участи подвергся и вашъ портретъ». Тогда только я понялъ странное его появленіе на подворьѣ, и почему добрый старецъ не хотѣлъ мнѣ открыть, какъ и гдѣ онъ пріобрѣлъ его. Надобно же было случиться, чтобы таже самая женщина, которая, въ самую минуту смерти моего отца, ради его памяти, выпросила мой портретъ, чрезъ 25 лѣтъ созналась мнѣ надъ отцовскою могилою, что́ она съ нимъ сдѣлала!

Недолго оставалось и почтенному архимандриту Филарету проживать на подворьѣ, которое онъ такъ благолѣпно обновилъ и гдѣ думалъ навсегда успокоиться за свои труды; а вмѣстѣ съ нимъ потревожили опять и мой портретъ. Патріархъ Іерусалимскій Кириллъ, по проискамъ молодаго своего племянника архимандрита Григорія, который болѣе свѣтски, нежели духовно, образовался въ западныхъ университетахъ, назначилъ его, вмѣсто старца Филарета, настоятелемъ Іерусалимскаго подворья въ Москвѣ, а бывшаго настоятеля почтилъ громкимъ титуломъ своего намѣстника, т. е. митрополитомъ Петры Аравійской или, какъ говорятъ Русскіе простолюдины въ Іерусалимѣ, сдѣлалъ его Петромъ (Ἅγίος Πέτρος). Но это было неискренно; потому что, вслѣдъ за тѣмъ, онъ понизилъ его степенью, назначивъ только архіепископомъ Назаретскимъ, и все это для того лишь, чтобы удалить изъ Москвы, гдѣ пребываніе его могло быть непріятно новому архимандриту, послѣ всѣхъ заслугъ его предшественника въ пользу Св. Гроба. Огорчился добрый старецъ, слишкомъ долго жившій въ Россіи, чтобы возвратиться на Востокъ и, отказавшись отъ архіерейства, умолялъ патріарха оставить его въ Москвѣ, по крайне разстроенному здоровью; но упорный Кириллъ, давъ ему только краткую отсрочку до весны, неумолимо требуя его возвращенія «на первоначальное мѣсто иноческихъ его обѣтовъ», какъ выражался въ письмѣ своемъ патріархъ. Въ Іерусалимѣ же ходила молва о несмѣтныхъ будто бы богатствахъ, собранныхъ архимандритомъ, во время долгаго его пребыванія въ Россіи. Когда же увидѣлъ патріархъ, что старецъ медлитъ, извиняясь своею болѣзнію, онъ обратился къ Св. Синоду и требовалъ, чтобы немедленно былъ высланъ изъ Москвы непокорный ему архимандритъ. Положено было немедленно выслать. Онъ уже выѣхалъ съ подворья и жилъ лѣто въ Подмосковной Давидовой пустыни; но какъ только явился въ Москву, полиція стала побуждать его къ выѣзду. Напрасно предъявлялъ онъ докторское свидѣтельство о своей истинной болѣзни, и даже переѣхалъ въ Петропавловскую больницу, близъ Данилова монастыря: и тамъ его постоянно тревожили. Онъ просилъ Русскаго подданства; но ему отказали, подъ тѣмъ предлогомъ,

что если бы онъ и сдѣлался Русскимъ подданнымъ, будетъ все еще зависѣть отъ Іерусалимскаго патріарха, какъ будто для насъ онъ былъ какой либо иновѣрецъ. Напрасно я писалъ о бѣдномъ старцѣ къ митрополитамъ; напрасно писалъ и къ самому патріарху и къ нашему послу въ Царьградѣ, прося его убѣдить неумолимаго Кирилла: все было тщетно. Патріархъ рѣшительно отвѣчалъ мнѣ, что архимандритъ долженъ возвратиться въ Іерусалимъ.

Уже онъ, не смотря на свою болѣзнь, рѣшался выѣхать изъ Россіи, чтобы искать себѣ гдѣ либо пріюта въ Греціи, откуда былъ онъ родомъ, и обѣщалъ дорогою посѣтить меня въ Кіевѣ и привезти съ собою мой портретъ, который былъ съ нимъ и въ больницѣ. Ему удалось однако, не знаю уже какими средствами, чрезъ гражданскія власти, выхлопотать себѣ дозволеніе принять присягу на Русское подданство, и это дало ему возможность продлить свое пребываніе въ Москвѣ, не оставляя однако больницы; онъ только перебрался на квартиру больничнаго священника. Долго не имѣлъ я отъ него писемъ, и вотъ, въ началѣ Декабря, получаю извѣстіе отъ викарія Московскаго Игнатія, епископа Можайскаго, что старецъ Филаретъ скончался послѣ долгой болѣзни и погребенъ имъ въ сосѣднемъ Даниловомъ монастырѣ. Господь исполнилъ его желаніе и успокоилъ его кости на Руси, которую онъ такъ любилъ. Немедленно писалъ я къ преосв. Игнатію и просилъ его выручить мой портретъ, бывшій у покойнаго, чтобы вторично не продали меня въ неволю, какъ Іосифа Прекраснаго, и онъ исполнилъ мою просьбу, такъ какъ нашлась записка архимандрита Филарета, что этотъ портретъ принадлежитъ мнѣ.

Такимъ образомъ, чрезъ 32 года, портретъ опять ко мнѣ возвратился и, хотя мы теперь не совсѣмъ похожи другъ на друга, но пріятны мнѣ его воспоминанія, и я весьма доволенъ, что онъ опять въ моихъ рукахъ. Я его повѣсилъ между портретами моихъ братьевъ и другихъ присныхъ нашего рода. Пусть пребываетъ между ними, доколѣ и мнѣ не суждено будетъ отойти къ отцамъ и братіямъ: тогда лишь начнутся его странствія. 20 Декабря 1870 г.» *).

(*Окончаніе будетъ*).

*) Намъ случилось видѣть картину, раздѣленную по поламъ; на лѣвой сторонѣ пещера, и молится въ самой бѣдной обстановкѣ монахъ, на правой—роскошная молельня съ коврами, драгоцѣнными иконами и пр., и передъ аналоемъ на колѣняхъ А. Н. Муравьевъ. Общая внизу подпись: *отшельники*; раздѣльныя подписи: лѣвая — *древнѣйшихъ*, правая—*новѣйшихъ временъ*. П. Б.

ПИСЬМА МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА КЪ Е. М. ХИТРОВОЙ И КЪ ЕЯ ДОЧЕРЯМЪ.

Читателемъ „Русскаго Архива" довольно знакома дочь князя Кутузова Смоленскаго Елисавета Михаиловна, въ первомъ бракѣ супруга графа Тизенгаузена (убитаго подъ Аустерлицемъ), во второмъ посланника нашего во Флоренціи Н. Ѳ. Хитрова. Про нее кто-то сказалъ, что она была лакомка до всего выходящаго изъ ряду, до всякой даровитости: Пушкинъ и Филаретъ пользовались ея благоговѣйною дружбою. Это она привезла Филарету стихи: „Даръ напрасный, даръ случайный" и вызвала извѣстный его отвѣтъ (о чемъ посчастливилось мнѣ слышать отъ самого митрополита). Въ Петербургѣ жила она въ домѣ Австрійскаго посла графа Фикельмона, женатаго на ея дочери графинѣ Дарьѣ Ѳедоровнѣ, и черезъ нее доходило до Филарета происходившее во дворцѣ и въ высшемъ обществѣ. Нижеслѣдующія письма суть случайные памятники своеобразныхъ отношеній между великосвѣтскою особою и главнымъ лицемъ нашего духовенства. Читатель замѣтитъ, что въ подобнаго рода письмахъ своихъ Филаретъ какъ бы нисходитъ съ таинственныхъ вершинъ духовной жизни къ земнымъ треволненіямъ. Мы крайне благодарны лицу, которое доставило намъ эти письма въ подлинникахъ. П. Б.

I.

†

Манифестъ[1]) я имѣлъ еще вчера, а сегодня слышалъ громогласное чтеніе онаго въ Казанскомъ соборѣ.

Можно найти меня сегодня въ половинѣ осмаго часа вечера.

Ф. м. М.

Апрѣля 15. 1828.

II.

†

Чтó вамъ заботиться о моей немощи? Имѣете довольно своей немощи, которая требуетъ, чтобы вы не распространяли безъ нужды своей заботы.

Болѣзнь не столько во мнѣ сколько подлѣ меня. Простудная боль, которая бродила въ головѣ, сформировывается въ небольшой нарывъ на лицѣ. Докторъ думаетъ разбить, я сомнѣваюсь; но дѣло мастера боится, а не меня.

---

[1]) О войнѣ съ Турціею. П. Б.

Бѣда мнѣ отъ подарковъ. Для чего вы не вѣрите, что человѣку такого рода, какъ я, не надобно умножать вещи? Чтобы не прекословить вамъ, я прекословлю себѣ и принимаю письменную книгу, для употребленія и воспоминанія; но счетовъ моихъ не только не пишу, но и не позволяю писать въ книгу, и потому другая книга вовсе лишняя[2]). Впрочемъ ни въ какомъ служеніи не имѣю нужды, будучи въ силахъ служить самъ себѣ. Естьли вы не довольны собою, то въ утѣшеніе вспомните, что едва ли было бы то лучше, когда бъ вы были довольны собою. Благо тому, кто доволенъ благостью Господа своего.

Благодарю васъ и благости Его усердно васъ поручаю.

Филаретъ м. Московскій.

Маія 14. 1828.

III.

†

Не посѣтуйте, ваше сіятельство, на мою упрямую немощь. Она не препятствуетъ мнѣ впрочемъ призывать вамъ благословеніе Божіе на сей день и будущіе. Филаретъ м. М.

Марта 7. 1830

IV.

Вотъ вамъ посланіе отца Макарія. Видите, прежде нежели будетъ онъ обращать язычниковъ въ христіанъ, онъ вздумалъ на досугѣ обратить Уралъ въ Парнассъ, или, можетъ быть, въ Сіонъ. Видите, что Уралъ ожилъ на голосъ романтическаго миссіонера. Какой же слушатель сего пѣвца посмѣетъ быть нечувствительнѣе Урала? Смотрите, не провинитесь.

По дѣлу Казариновой назначенный вами ходатай нарочно ѣздилъ къ помощнику главнаго попечителя и потомъ дважды напоминалъ ему. Медленность за Попечительнымъ комитетомъ.

Здравіе вамъ и миръ, и чадамъ вашимъ.

Апрѣля 22. 1830.

V.

†

Да дастъ вамъ Господь силу. Душа человѣка сильнѣе стихій.

Естьли надобно, чтобы я въ чемъ нибудь былъ виноватъ, то вотъ виноватъ, что промедлилъ возвратить книгу, которую возвращаю, а

---

²) Какъ извѣстно, Филаретъ былъ вполнѣ чуждъ стяжательности и совсѣмъ небрегъ о своихъ личныхъ деньгахъ. П. Б.

не въ дѣлѣ Казариновой, о которой вчера въ Совѣтѣ опять спрашивалъ, но получилъ отвѣтъ, что еще нѣтъ донесенія изъ Попечительнаго Комитета.

Апрѣля 27. 1830.

VI.

†

Грому, который разбудилъ меня въ прошедшую ночь, подобны первыя строки вашего письма, полученнаго нынѣшній день. Хорошо, что и тотъ и другой ударъ не опасенъ. Однако видите, и послѣдній пробудилъ меня, такъ же какъ и первый. Довольно ли?

Съ моей стороны, безъ тучи, молніи и грома, спрошу просто: надобно ли огорчаться молчаніемъ человѣка, котораго не спрашиваютъ о чемъ либо нужномъ и полезномъ? Какая тутъ бѣда отъ молчанія? Надобно, скажете, быть внимательнымъ и признательнымъ къ тому, кто предваряетъ насъ добрымъ словомъ. Такъ; но нельзя ли въ молчаніи?

Не правда ли, что вы хотите спорить противъ сего? Вотъ бѣда отъ рѣчей. Лучше бы молчаніе.

Возвратимся же къ молчанію съ пожеланіемъ вамъ благословенія и на молчаніе, чтобы оно было мирно, и на слово, чтобы оно было полезно, и на дѣло, чтобы оно было благо, и на души вамъ присныя и любезныя, да будутъ онѣ съ вами сохранены и благополучны.

Іюля 26. 1830.

VII.

†

Время молчати и время глаголати. Теперь время сказать: Богъ да благословитъ день святыя Елисаветы; да придетъ онъ къ вамъ съ миромъ, да пройдетъ въ радости, да оставитъ надежду дней благихъ и многихъ, полныхъ утѣшеніями любви Божіей, родственной, человѣколюбія, дабы не имѣть нужды, по обычаю вѣка сего, наполнять пустоту времени утѣшеніями безъ добра, мудрованіями безъ истины.

Сентября 1. 1830.

VIII [3]).

†

Кажется, могу васъ поставить въ свидѣтельство, что я говорилъ еще прошедшею зимою: люди такъ забываются въ суетахъ и въ за-

[3]) Письмо это писано изъ Москвы во время холеры. Оно въ дырьяхъ и было окуриваемо. П. Б.

бавахъ какъ бываетъ близко предъ наказаніемъ. Что же дивимся, естьли пришло то, чего ожидать надлежало?

Тревожиться не для чего. Безпокойство духа можетъ быть случаемъ къ болѣзни. Естьли вы подлинно безпрестанно обращаетесь къ Богу, это прекрасно: вы должны быть спокойны; естьли, то есть, обращаетесь къ Богу не съ воплемъ нетерпѣливости и жалобы, но съ молитвою покаянія, смиренія, терпѣнія и преданности въ волю Божію. Надобно умилостивлять Судію и Наказателя, а не бича и розги бояться. Послушайте, какъ у насъ обходятся съ болѣзнью. Я пришелъ въ одно подчиненное мнѣ мѣсто и призвалъ старшаго тамъ. Онъ задушалъ меня хлоромъ, видъ его былъ разстроенъ, руки дрожали. Что́ ты? —Я сей часъ отъ больнаго, которому только пустили кровь.—За чѣмъ же ты испугался?—Не знаю что́ такое; я уже за шестымъ хожу. —Я сказалъ ему, чтобы онъ не пугался, а употреблялъ предосторожности и былъ спокоенъ. Слава Богу, онъ здоровъ, и больной выздоровѣлъ. Есть точно наказаніе Божіе на насъ, но не отъялъ еще Господь и милости Своей отъ насъ, хотя мы ея недостойны.

Миръ и благословеніе вамъ и дѣтямъ вашимъ.

Октября 8. 1830.

IX.

†

Надобно когда нибудь и больному о здравыхъ позаботиться. Здравы ли вы, здравы ли ваши дѣти и дѣтки? [4]) Миръ ли душѣ вашей? Не смущена ли она мыслію о повѣтріи, которымъ воздухъ заражаетъ людей или которымъ люди заражаютъ воздухъ? Здравіе вамъ, и миръ, и безопасность со всѣми уповающими на Бога Своего, со всѣми вѣрными Царю своему.

Благодарю, что радуетесь милости Государя ко мнѣ. Сія радость свойственна преданнымъ Государю. Но тотъ не много еще получилъ *назиданія*, кто радуется о украшеніи, *какъ дитя*. Естьли даютъ крестъ, то призываютъ къ подвигу и страданію за вѣру и вѣрность [5]).

Бывъ боленъ съ начала сего года почти непрерывно, теперь отчасти выздоравливаю и, по долгу послушанія, думаю о дальнемъ пути, хотя еще съ трудомъ совершаю путь отъ Сухаревой башни до Кремля.

Ф. м. Московскій.

Іюня 2. 1831.

---

[4]) У Е. М. Хитровой, кромѣ двухъ дочерей и внучатъ отъ графини Фикельмонъ, былъ тогда еще мальчикъ, принятый ею на воспитаніе, когда она жила во Флоренціи. П. Б.

[5]) 19 Апрѣля этого года Филаретъ получилъ орденъ Андрея Первозваннаго. П. Б.

X.

†

Благословеніе Божіе графинѣ Екатеринѣ въ день Ангела ея, на дни грядущіе. Да даруетъ Богъ миръ душѣ ея, здравіе и исполненіе добрыхъ желаній. Вотъ и нѣкоторое знаменіе благословенія.

И вамъ миръ и здравіе. Ф. м. М.

Ноября 24 1831.

XI.

†

Желаю, чтобы вы и ваши присные были здоровы.

А быть счастливу *тамъ* конечно болѣе желательно, нежели *здѣсь*. Чрезъ какое бы то нибыло *здѣсь*—только бы достигнуть спокойнаго *тамъ*.

При семъ возратятся ваши книги. Удивительна охота писать и читать, какъ кто пиршествуетъ, играетъ, празднословитъ, лукавитъ, гордится и мститъ какъ можно злѣе, и прочее, и прочее. Да найдется что нибудь болѣе сносное, менѣе безполезное. Впрочемъ я говорю сіе, желая добра читающимъ, а не оскорбляя писателей. Можетъ быть и такъ надобно въ сей вѣкъ смѣшенія.

Декабря 1. 1831.

XII.

†

Еще долженъ я вамъ благодарностью за посѣщеніе, хотя не могъ онымъ воспользоваться, и опять предупрежденъ вашимъ участіемъ въ моей немощи. Хорошаго въ моемъ здоровьи только, что могу написать вамъ сіи строки; впрочемъ простудная лихорадка такъ занимательно бесѣдуетъ со мною, что дѣлаетъ меня неспособнымъ къ другой бесѣдѣ.

Кто ваша племянница преставилась? Я ничего на свѣтѣ не помню и не понимаю кромѣ того, что надобно желать мира душѣ отшедшей и оставшимся въ лишеніи, и особенно вышняго подкрѣпленія матери.

Миръ и здравіе вамъ.

Возвращаю книжку, не глупую. Филаретъ м. Московскій.

Декабря 28. 1831.

XIII.

†

Вотъ Евангеліе на Русскомъ. Не прогнѣвайтесь, что экземпляръ не опрятенъ. Лучшаго не нашлось, потому что во дни разрушенія Библейскаго Общества наводненіемъ повредило сіи книги, а сохранить ихъ не заботились.

Апрѣля 2. 1832.

Записка.

Преподобный отецъ Амвросій!

Посылаемый при семъ образъ Христа Спасителя доставьте Елисаветѣ Михаиловнѣ Хитровой и скажите, что я посылаю оный для дочери ея графини Екатерины Ѳедоровны, съ молитвою къ Богу о спасеніи ихъ и здравіи. Филаретъ м. Московскій.

М. Іюня 8. 1832.

XIV.

†

Милостивая государыня графиня Екатерина Ѳеодоровна!

Христосъ воскресе! Да будетъ радость его, какъ Онъ повелѣлъ и обѣщалъ вѣрующимъ въ Него, исполнена въ васъ, и миръ Его да пребываетъ въ душѣ вашей, или удаляя всякую скорбь и безпокойство, или по крайней мѣрѣ не допуская ихъ поколебать основаніе души, утвержденной въ Господѣ.

Сего прошу вамъ отъ Господа особенно въ настоящее время, слышавъ, что вы озабочены неудовлетворительными извѣстіями о судьбѣ сестры вашей. Уповайте на провидѣніе Божіе, не оставляющее жезла грѣшныхъ на жребіи праведныхъ.

За то что вы иглою искусно написали воспоминаніе о мнѣ, безыскуственно, однако смиренно, пишу вамъ мою благодарность.

Вашего сіятельства смиренный богомолецъ Филаретъ м. Московскій.

Москва. Апрѣля 17. 1838.

XV.

†

Полагая, что ваше сіятельство вступаете въ путь, напутствую васъ благословеніемъ Божіимъ при предстательствѣ Пресвятыя Дѣвы Богородицы и преподобнаго Сергія. Кстати просьба. Государь Императоръ прислалъ въ Москву милостыню, по случаю благополучнаго разрѣшенія отъ бремени Великой Княгини Маріи Николаевны, и сдѣлалъ меня милостыно-раздаятелемъ; но министръ Двора не сказалъ, что́ Богъ даровалъ ей, и мы не умѣемъ назвать новорожденное чадо въ молитвѣ. Естьли знаете, прекратите мое невѣдѣніе.

Филаретъ м. Московскій.

Февраля 6. 1847.

КЪ МОСКОВСКОЙ ГЕРАЛЬДИКѢ.

Разработка исторіи Москвы, судя по выходящимъ въ свѣтъ матеріаламъ для оной, по раскопкамъ въ Кремлѣ, по собиранію ея вещественныхъ памятниковъ для Историческаго Музея, неустанно идетъ впередъ. Безъ сомнѣнія, не заставятъ себя ждать и новые труды, разрабатывающіе эти накопляющіеся любопытные матеріалы.

На этой почвѣ не будетъ излишнимъ и пересмотръ всего того, что̀ было писано по исторіи Московскаго государственнаго герба. Въ интересахъ ея разъясненія предлагаемъ небольшой геральдическій очеркъ изъ эпохи, предшествующей установленію на нашемъ гербѣ «государя на кони, поражающаго копіемъ змія». Эта геральдическая эмблема, подъ вліяніемъ все проникавшаго въ древней Руси благочестія, слилась и отождествилась съ иконографическимъ изображеніемъ св. Георгія Побѣдоносца, поражающаго дракона.

Геральдика наша твердо установила, что такой гербъ Москвы окончательно выработался въ правленіе Іоанна III, хотя въ это время онъ долженъ былъ уступить первенство Византійскому двуглавому орлу, какъ государственной эмблемѣ всея Россіи.

Знающимъ эту отрасль нашей археологіи извѣстно, что всадникъ, поражающій копьемъ змія, являлся довольно часто въ видѣ нумизматическаго изображенія еще раньше, именно на монетахъ отца названнаго государя, великаго князя Василія II Темнаго. Въ это княженіе онъ былъ вырѣзанъ на государственной печати, но только безъ дракона подъ ногами коня. Но до сихъ поръ занимающіеся нумизматикой и сфрагистикой почти не обращали вниманія на то любопытное для нашей геральдики обстоятельство, что этому всаднику воинственнаго характера предшествуетъ въ Москвѣ другой мирный конникъ съ соколомъ въ рукѣ. И его изображеніе, при Василіи I и Василіи II, сперва предшествуетъ, а затѣмъ состязается съ воинственнымъ всадникомъ и даже прямо преобладаетъ надъ нимъ до того, что конный ловчій съ соколомъ въ рукѣ, повидимому, готовъ навсегда сдѣлаться гербомъ Москвы. Соотвѣтственно съ такою своею гегемоніей въ Москвѣ, эта эмблема распространяется на монеты удѣльныхъ княжествъ; затѣмъ, когда надъ ней беретъ верхъ воинствующій Московскій всадникъ, она все еще не хочетъ исчезнуть съ монетъ, хотя и

рѣже уже встрѣчается на нихъ. Мало этого: конный сокольникъ вступаетъ даже въ фазу отождествленія съ иконографическимъ изображеніемъ весьма чтимаго на Руси мученика Трифона, подобно тому, какъ «государь на кони» слился съ иконнымъ изображеніемъ св. Георгія Побѣдоносца.

Эти любопытныя явленія въ исторіи Московскаго герба, къ сожалѣнію, еще не достаточно установлены и освѣщены въ нашей археологіи, которая теперь слишкомъ уже витаетъ въ области каменныхъ топоровъ и бронзовыхъ стрѣлъ, оставляя въ исторической археологіи непорѣшенными много вопросовъ болѣе, чѣмъ тѣ, благодарныхъ.

Впервыя всадники на монетахъ и печатяхъ появляются при сыновьяхъ Димитрія Донского. Всадники эти трехъ родовъ: мирный сокольникъ и воинствующіе—мечникъ и копейщикъ. При старшемъ сынѣ Димитрія Іоанновича Василіи I (1389—1425), наслѣдовавшемъ великое княженіе отца своего, на монетахъ выбиваются только всадники двухъ типовъ: сокольникъ и мечникъ; копейщикъ же изображается только на печати этого великаго князя, и то безъ дракона; это же послѣднее изображеніе на монетахъ стало распространеннымъ при сынѣ Василія Дмитріевича Василіи Темномъ. Удѣльные князья Московскіе, сыновья и племянники Донскаго, очень любятъ эмблему мирнаго сокольника на конѣ. Такъ ее чеканятъ на своихъ монетахъ Андрей Дмитріевичъ Можайскій (1389—1432), Петръ Дмитріевичъ Дмитровскій (1389—1428), Юрій Дмитріевичъ Галицкій и Михаилъ Андреевичъ Верейскій. Эта эмблема на монетахъ сильно соперничаетъ съ двумя другими всадниками и при внукахъ Донскаго, Василіи II, Дмитріи Шемякѣ, Михаилѣ Андреевичѣ Верейскомъ и Иванѣ Борисовичѣ Волоколамскомъ.

Но конный ловчій съ соколомъ въ рукѣ пользовался большимъ почетомъ не въ Москвѣ только и ея удѣлахъ, но и въ другихъ областныхъ княжествахъ. Много монетъ съ такимъ изображеніемъ мы находимъ въ Тверскомъ княжествѣ и ранѣе другихъ въ его Кашинскомъ удѣлѣ, гдѣ выбивалось немало такихъ конныхъ ловчихъ на мѣдныхъ монетахъ или пулахъ. По мнѣнію А. Д. Черткова, всѣ они чеканились не позже 1412 года и, значитъ, совпадаютъ съ княженіемъ Василія Дмитріевича («Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ», стр. 98). Даже великіе князья самой Твери били монету съ коннымъ сокольничимъ, какъ напр. Борисъ Александровичъ, современникъ Василія Темнаго. Нашъ нумизматъ Д. П. Сонцовъ приписываетъ этого же рода монету кн. Ярославскому Александру Ѳедоровичу. Изъ всего этого можно заключить, что въ концѣ XIV и первой половинѣ XV вѣка въ Сѣверо-Восточной Руси, начиная съ главенствующей здѣсь Москвы, конный сокольникъ былъ излюбленнымъ гербовымъ изображеніемъ; и въ самомъ центрѣ всея Руси, онъ до поло-

вины XV столѣтія, въ качествѣ государственнаго герба, спорилъ о первенствѣ и съ конниками другого рода, т. е. съ мечникомъ и копейщикомъ.

Почему же такое значеніе пріобрѣлъ въ эту эпоху сокольникъ? Прежде всего, потому, что уже въ XIV вѣкѣ охота съ соколами на «мокрую» или водяную птицу и «на верховую» дичь была на Руси въ очень большомъ почетѣ, какимъ она пользовалась еще въ южной Руси, какъ видно изъ «Поученія» Владимира Мономаха и «Слова о полку Игоревѣ». У насъ принято думать, что эта охота въ Москвѣ развилась только въ пору отъ Іоанна IV, когда о ней заговорили иностранцы, посѣщавшіе Россію, и во время Алексѣя Михайловича, который увлекался этой охотой и составилъ уставъ или «Урядникъ Сокольничьяго пути». Между тѣмъ, о сильномъ развитіи ея еще въ XIV вѣкѣ свидѣтельствуетъ то, что Симеонъ Гордый въ своей «душевной грамотѣ», какъ важную статью наслѣдства, завѣщаваетъ своему брату Іоанну «Сокольничій путь». Обыкновенно подъ этимъ принято подразумѣвать только сокольническій лѣсъ, близъ коего происходила соколиная охота. Но вѣдь подъ «путемъ» въ древней Руси разумѣлось не одно только какое нибудь угодье, а цѣлое вѣдомство— весь своего рода приказъ, вѣдавшій соотвѣтствующія государственныя имущества, съ дворомъ и людьми служилыми и съ ихъ начальниками, путевыми боярами. Если это такъ и если, стало быть, соколиное дѣло имѣло большое значеніе еще въ древнѣйшую эпоху Москвы въ глазахъ князей и народа, то сокольникъ съ кречетомъ на рукавицѣ могъ легко сдѣлаться гербомъ, на коемъ изображался самъ «князь на кони». Это государственная эмблема, характера мирнаго, соотвѣтствовала тогдашнему направленію Москвы, еще не вполнѣ окрѣпшей для полнаго сокрушенія удѣльной системы и Татарскаго владычества, хотя уже съ древняго времени зародились у нея стремленія побороть ту и другую, знаменовавшіяся воинствующими изображеніями конниковъ: мечника и копейщика, поражающаго дракона. Но этотъ послѣдній всадникъ, лучше всего изображавшій торжество Москвы надъ удѣльной системой, Золотой Ордой и всякимъ противогосударственнымъ зломъ, восторжествовалъ надъ мирнымъ сокольникомъ только тогда, когда это было вполнѣ доказано силой событій и закрѣплено броней національно-государственнаго сознанія.

При этомъ должно обратить вниманіе на то, что какъ изображеніе «государя на кони», поражающаго дракона, въ силу благочестиваго характера нашихъ предковъ, быстро слилось съ иконографическимъ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца, поражающаго змія, такъ государь на конѣ съ соколомъ въ рукѣ, еще раньше и вѣроятно

съ такою же быстротою, отождествился съ мученикомъ Трифономъ, изображаемымъ на Русскихъ иконахъ, въ отличіе отъ Византійскихъ, на конѣ и съ соколомъ въ рукѣ. Наши геральдика и иконографія мало обращаютъ вниманія на живую связь между тѣмъ и другимъ, хотя это проливаетъ немало свѣта на очень многое.

Прежде всего, это разъясняетъ намъ происхожденіе въ Москвѣ одного изъ древнѣйшихъ ея храмовъ, который посвященъ св. Трифону, изображенному тамъ на конѣ съ соколомъ въ рукѣ. Этотъ храмъ издревле чтится и простымъ народомъ, и людьми образованными, не разорвавшими связи съ преданіями своей исторіи. Сказаніе о происхожденіи этой церкви очень поэтично. Ее, по древнему преданію, построилъ, во исполненіе обѣта, государевъ сокольникъ, князь Патрикѣевъ, родъ котораго, въ правленіе Іоанна III, на своей печати изображалъ ловчаго съ соколомъ въ рукѣ. Этого неисправнаго сокольника ожидала казнь, если онъ не найдетъ упущеннаго имъ любимаго государева сокола. Несчастный бродилъ близъ Сокольниковъ, надъ Великимъ Прудомъ, гдѣ происходила государева охота. Здѣсь онъ прибѣгъ, какъ къ послѣднему средству, къ молитвѣ къ св. Трифону; молитва была обѣтною. Когда несчастный ловчій заснулъ, ему явился св. Трифонъ на конѣ съ соколомъ въ рукѣ. Пробужденный радостнымъ видѣньемъ, князь Патрикѣевъ нашелъ сокола на ближнемъ вѣковомъ дубѣ. Это чудное сказаніе народное вдохновило графа А. К. Толстого на одну изъ прекрасныхъ страницъ его «Князя Серебрянаго». Докторъ медицины г. Лукьяновскій, подъ обаяніемъ того же сказанія, написалъ прекрасную поэму «Государевъ Сокольникъ», а одинъ изъ Московскихъ математиковъ составилъ для Трифоновской церкви уже разрѣшенный къ печати Св. Синодомъ акаѳистъ. Народъ волнами стремится теперь въ эту чтимую церковь.

Но при всемъ этомъ, до сихъ поръ остается открытымъ вопросъ, когда же она построена. Одни наши археологи утверждаютъ, не приводя, впрочемъ, доказательствъ, что она построена при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, столь любившемъ соколиную охоту. Другіе, думая, что преданіе болѣе подходитъ къ характеру царствованія Грознаго, къ его времени относятъ ея построеніе. Но это противорѣчитъ слѣдующему документальному свидѣтельству. Духовное завѣщаніе Іоанна Даниловича Калиты, перечисляя села, переходящія къ Симеону Гордому, называетъ между ними село надъ Великимъ Прудомъ, или просто Напрудное, которое послѣ того упоминается въ цѣломъ рядѣ духовныхъ завѣщаній Московскихъ великихъ князей. Изъ этого несомнѣнно явствуетъ, что еще въ началѣ XIV столѣтія, при Іоаннѣ Даниловичѣ, существовала въ Напрудномъ церковь: ибо сёла именно церквами и

отличаются отъ деревень. Но наши археологи, остановившіеся на мысли, что она построена не раньше Іоанна IV, говорятъ, что эта церковь могла въ прежнее время быть посвящена и не Трифону Сокольнику и была деревянною; а каменная построена-де послѣ. Почему же это такъ, а не иначе, на это они не приводятъ никакихъ доказательствъ. Напротивъ того, есть много данныхъ, что существующая до нынѣ каменная церковь Трифона существовала именно во времена Калиты, если только не раньше его. Она вся сложена изъ бѣлаго камня и относится къ до-кирпичному періоду Московскихъ построекъ, начавшемуся съ Іоанна III. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ ея архитектурѣ нѣтъ ничего свойственнаго постройкамъ Итальянскихъ зодчихъ и даже Владимиро-Суздальскихъ. Она, въ своей кровлѣ, сведенной на четыре дуги и нѣкогда крытой черепицей, въ своей маленькой звонницѣ, на двухъ столбикахъ, стоявшей на крышѣ храма, съ протянутой въ самый алтарь веревкой, носитъ на себѣ всѣ черты Новгородско-Псковскаго строительства; а Новгородскіе и Псковскіе каменьщики и были въ ходу въ Москвѣ, со временъ Калиты до вызова Итальянскихъ мастеровъ, при Іоаннѣ III.

Всего вѣроятнѣе, что эта церковь современна началу развитія въ Москвѣ соколиной охоты, которая взяла силу еще до времени Димитрія Донского, когда великокняжескія грамоты заговорили о сокольничьемъ пути, и когда въ Москвѣ стали изображать государя на монетахъ въ видѣ конника съ соколомъ въ рукѣ. Весьма вѣроятно, къ этому именно времени относится построеніе храма въ честь св. Трифона, именно того святого, который изображается тоже въ видѣ коннаго ловчаго съ соколомъ въ рукѣ.

Заслуживаетъ вниманія, что со временъ Калиты среди служилыхъ людей и даже монашества начинаетъ нерѣдко встрѣчаться имя Трифона, которое было совсѣмъ не въ ходу въ Кіевской Руси. Впослѣдствіи съ этимъ именемъ прославилися св. Трифонъ Печенгскій, Св. Трифонъ Вятскій и извѣстный паломникъ въ Палестину Трифонъ Коробейниковъ. Въ царствованіе же Алексѣя Михайловича почитаніе св. Трифона развивается до того, что его, въ видѣ всадника съ соколомъ въ рукѣ, стали изображать на стрѣлецкихъ знаменахъ. Но такое почитаніе св. Трифона, какъ видно, изъ сказаннаго выше, началось въ Москвѣ еще при первыхъ князьяхъ-собирателяхъ Руси.

Все это должно имѣть въ виду для разъясненія успѣха, еще въ древнѣйшемъ періодѣ Москвы, геральдической эмблемы — коннаго сокольника, который до Іоанна III имѣлъ значеніе своего рода государственнаго герба и только уже при немъ уступилъ мѣсто всаднику, поражающему копьемъ змія или дракона.

N.

НАДГРОБНАЯ ЛѢТОПИСЬ МОСКВЫ *).

Въ церкви св. Харитона Исповѣдника въ Огородникахъ, въ Старыхъ Огородникахъ, на Хомутовкѣ, подъ Ѣхаловымъ. (Настоящая Владимирскія Божія Матери).

На сѣверной стѣнѣ:

1. „Лѣта 7154 году Декабря въ 1 день, преставися рабъ Божій Терентій Артемьевъ сынъ, Огородной слободы теглецъ".

2. „Лѣта 7154 года Ноября въ 11 день преставися раба Божія Александра Леонтьева дочь, во иноцѣхъ инока-схимница Анна Акиндиновская жена . . . . нова".

3. „Лѣта 7268 года, а отъ Рождества Христова въ 1760 году мѣсяца Декабря во 2 день, на память святаго пророка Аввакума, по полудни въ 11 часѣ, преставися рабъ Божій Московскій второй гильдіи купецъ Казенной слободы Василій Авдѣевъ сынъ Ждановъ, отъ рожденія его было житія 67 лѣтъ, и погребенъ противъ сея таблицы".

4. „Преставися раба Божія гостиной сотни Козмы Григорьева сына Быева, жена его Ульянія Стееанова дочь. Того-жъ году Мая во второй день преставися раба Божія вдова Анастасія Кузмина дочь, погребены противъ сего надписанія".

На южной стѣнѣ.

5. „Родъ Огородной Слободы Саввы Минина, а погребены на семъ мѣстѣ священный архимандритъ Авраамій, священный игуменъ Герасимъ, священный Іаковъ, Гордей, Мина, Сергій, Андрей, Алексѣй, Александръ, Екимъ, Марія, Евдокія, Агрипина дѣвица, Настасія дѣвица, Евдокія дѣвица, Илія младенецъ, Екатерина младенецъ, Анна младенецъ, Марія младенецъ, Наталія младенецъ, инока-схимница Татіана, ихъ рода Іоаннъ".

Въ церкви Св. великомученика Никиты, что̀ на Горѣ, на Вшивой горкѣ.

Подъ церковью на столбѣ.

1. „1723 году Марта въ 26 день, на память собора Архистратига Гавріила, преставися раба Божія вдова княгиня Ирина Тимоѳеевна князь Ѳодорова жена Никитича Пріимкова-Ростовскаго, житія ея 65 лѣтъ, и погребена здѣсь".

---

*) См. выпуски 2—4 „Русскаго Архива" сего года.

2. „7172 (1664) году Іюня въ 5 день преставися раба Божія Анна Матвѣевна, Матвѣя Афонасьевича дочь Новосильскаго, Тимоѳея Елизарьевича жена Маракушева; да въ прошлыхъ годѣхъ преставись рабъ Божій отецъ ея Матвѣй Афонасьевичъ Новосильской въ день Ильи пророка и погребенъ у сего столба и у подписи, входяще подъ церковь по правую сторону".

На алтарной стѣнѣ.

3. „Преставися рабы Божіи, родъ священно-іерея Стефана Стефанова, Прасковья Стефановна, Василій Стефановъ и Екатерина Стефановна и погребены противъ сей подписи".

На западной стѣнѣ.

4. „Лѣта 7206 преставися рабъ Божій полковникъ . . . . . . Ивановичъ . . . . . . поживъ 48 лѣтъ, и погребено тѣло его противъ сея подписи".

Въ церкви святителя Николая въ Котельникахъ, что̀ за Яузою, въ Кузнецахъ.

На полу на чугунныхъ плитахъ.

1. „На семъ мѣстѣ погребено тѣло рабы Божія баронессы Софіи Кирилловны Строгановой, урожденной Нарышкиной, супруги барона Сергія Григорьевича Строганова, скончавшейся 1737 года въ Маѣ мѣсяцѣ".

2. „На семъ мѣстѣ погребено тѣло раба Божія господина тайнаго совѣтника дѣйствительнаго камергера и ордена святаго Александра Невскаго кавалера барона Александра Григорьевича Строганова, родившагося 1698 года Ноября 2 дня, преставившагося 1754 года Ноября 7 дня".

3. „На семъ мѣстѣ погребено тѣло рабы Божія баронессы Парасковіи Ивановны Строгановой, урожденной Бутурлиной, супруги барона Николая Григорьевича Строганова, родившейся 1708 года Октября 22 дня, скончавшейся 1758 года Іюня мѣсяца".

Въ церкви находится еще нѣсколько чугунныхъ плитъ рода Строгановыхъ, но онѣ закрыты поломъ.

Въ церкви Св. Іакова Апостола въ Казенной слободѣ, въ Рыбникахъ, въ Хлѣбникахъ, въ Ромодановѣ. (Настоящая Казанскія Божія Матери).

На наружной сѣверной стѣнѣ колокольни.

1. „Лѣта 7184 году Апрѣля мѣсяца преставися рабъ Божій Іоаннъ Алексѣевъ сынъ Рыбнинъ".

2. „Лѣта 7184 года строилъ сію церковь по обѣщанію по родителѣхъ своихъ, во имя Пречистыя Богородицы Казанскія и святаго Апостола Іакова и святаго отца нашего Николая чудотворца, Данила Андреевъ Пивоваровъ, и онъ Данила того-жъ году преставися Ноября въ 7 день".

Въ церкви Гребневскія Божія Матери на Бору, подъ Сосенками, у Литовскаго двора. (Настоящая Успеніе Богородицы).

1. „1759 года Сентября 17 дня, на память святыхъ мученицъ Вѣры, Надежды и Любови и матери ихъ Софіи, преставися раба Божія вдова Параскева Михаиловна Толстыхъ, житія ея отъ рожденія 56 лѣтъ, 2 мѣсяца и 12 дней, рожденіе ея Іюля.......а тезоименитство Іюля 26 дня, супруга артиллеріи подполковника Ивана Андреевича Толстаго".

2. „1769 года Февраля 15 дня по полудни въ 1 часу преставися раба Божія генерала-аншефа и орденовъ святаго Александра и святыя Анны кавалера Матвѣя Андреевича Толстаго вдовствующая супруга Анна, графа Андрея Ивановича Остермана дочь; житія ея отъ рожденія было 45 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ, 15 дней, рожденіе ея Апрѣля 22 числа, тезоименитство Іюля 25 числа, а погребена противъ сей эпитафіи".

Въ церкви Св. Пророка Иліи подъ Сосенкою, подъ Сосенками, въ Воронцовѣ, на Воронцовѣ полѣ (бывшій Ильинскій монастырь; настоящая въ честь Благовѣщенія Божіей Матери).

На южной наружной стѣнѣ.

1. „Въ лѣто отъ Рождества Христова Спасителя нашего 1762 году Августа 23 дня, преставися рабъ Божій Іоаннъ Алексѣевичъ Баженовъ, коллежскій совѣтникъ, а родился въ лѣто 1723 Генваря 5 числа, и погребенъ противъ сей таблицы, отступя отъ стѣны два арш. и два вершка съ половиной.

2. „Лѣта 7188 Апрѣля въ 3 день, въ субботу Лазареву во 2-мъ часу нощи, на память преподобнаго отца нашего Никиты Исповѣдника игумена обители Мидикійскія, преставися рабъ Божій Андрей Андреевичъ Пестовъ, мастеръ денежнаго серебрянаго двора".

На паперти церкви на южной стѣнѣ.

1. „1725 года Іюня въ 7 день преставися рабъ Божій капитанъ Илья Богдановичъ Колычевъ, а тезоименитство его Іюля въ 20 день, а житія его было 28 лѣтъ, и погребенъ противъ сей подписи".

На сѣверной стѣнѣ внутри церкви.

2. „1743 году, Апрѣля 20 числа преставися рабъ Божій Главнаго Комисаріата секретарь Александръ Алексѣевичъ Протасовъ, который родился Іюля 31 числа 1714 году, а всего житія его было 28 лѣтъ, 3 мѣсяца и 20 дней, а тезоименитство его Августа 30 дня и погребенъ противъ сей подписи".

На западной.

3. „Сей предѣлъ Казанскія Божія Матери состроилъ въ 731 году Іюня 14 дня и освященъ въ ономъ году въ Декабрѣ 16 числа по обѣщанію для

поминовенія родителей маіора Богдана Семенова сына Колычева вдовою Анною Никиѳоровною, а въ 736 году Февраля 25 числа оная вдова Анна Никиѳоровна Колычева преставилась, а житія ея было 67 лѣтъ, а погребена въ ономъ предѣлѣ противъ царскихъ дверей противъ сей таблицы".

Церкви Св. Іоанна Предтечи, что̀ за рѣкою Прѣснею, на Пескахъ.

На внутренней алтарной стѣнѣ надъ жертвенникомъ.

1. „Помяни Господи Романа митрополита и остави ему всякаго согрѣшенія его словомъ и дѣломъ, елика согрѣшихъ въ мірѣ семъ отъ юности своея, поживе міра сего 57 лѣтъ, архимандритомъ 16 лѣтъ, во архіепископствѣ 14 лѣтъ, всего поживе 57 лѣтъ" *).

2. „Противъ сей таблицы погребена раба Божія Параскева Ѳеодосіева дочь по роду Манукова, а по супружеству господина полковника Марка Стефановича Скарятина жена; отъ рожденія ей было 28 лѣтъ, преставися 1741 года Апрѣля 13-го дня по полудни въ 1 часу, и молимъ всякаго православнаго христіанина, да сотворитъ о ней молитву взаимодавно, дабы душа ея причтена была съ праведными".

3. „Противъ сей таблицы погребена раба Божія Марія Иванова дочь по роду Карповыхъ, а по супружеству господина полковника Марка Стефановича Скарятина первая жена, отъ роду ей было 38 лѣтъ, преставися 1734 года Сентября 1 дня. И молимъ всякаго православнаго христіанина, да сотворитъ о ней молитву взаимодавно, дабы душа ея причтена была съ праведными".

Въ трапезѣ.

4. „1733 года преставися раба Божія Грузинской земли князя Гивиртапова сына Баратова княжна Анна Геразова дочь Амилахорова; жительство ея было отъ роду 33 лѣта и положена на семъ мѣстѣ, и аще кто пріидетъ на сіе мѣсто, тотъ имать сказать: дай, Боже, ей царство небесное!"

5. „1759 года Марта 30 дня по полуночи въ 5 часу преставися рабъ Божій лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку поручикъ Николай Григорьевичъ сынъ Полонскій; рожденіе его было 1727 года Октября 30 дня, а тезоименитство его Декабря 6 дня, житія его было 30 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ, и погребено тѣло его противъ сей таблицы, отступя отъ стѣны 3 четверти въ трапезѣ".

6. „1760 года Августа 5 дня преставися рабъ Божій, Грузинскаго гусарскаго полку поручикъ Аѳанасій Давыдовъ сынъ Хмалацевъ; житія его было отъ роду 50 лѣтъ, и погребенъ противъ сей таблицы".

На наружной сѣверной стѣнѣ.

7. „Лѣта 7241 году отъ Рождества Христова 1733 году Ноемврія въ 20 день, преставися раба Божія Анна Маркова дочь жена капитана Григо-

---

*) Митрополитъ Грузинскій, Саммаврійскій и Горскій.

рія Кириловича Арасланова, житія ея было 52 лѣта и погребена противъ сей таблицы, отступя 2 аршина".

8. „1734 году Ноября въ 19 день преставися рабъ Божій провинціалъ-фискалъ Григорій Кириловичь Арасланов, житія его было 60 лѣтъ, погребенъ противъ сей таблицы, отступя 4 аршина, на немъ же знакъ съ подписаніемъ."

На погостѣ церковномъ на камняхъ.

9. „Лѣта......году мѣсяца Іюля въ 15 день, на память святыхъ мученикъ Кирика и Іулиты, преставися рабъ Божій лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку капралъ Иванъ Микитичъ Беклемишевъ, а житія его было 27 лѣтъ".

10. „1719 году Мая въ 9 день преставися раба Божія капитана Михайлова жена Дмитріева сына Житкова Евдокія Иванова дочь, житія ея въ супружествѣ 9 лѣтъ и 2 мѣсяца, всѣхъ ея лѣтъ отъ рожденія......лѣтъ, и тѣло ея погребено на семъ мѣстѣ."

11. „На семъ мѣстѣ тѣло мертвенное положися,
Безгласной, бездыханной землею покрыся.
Азъ многогрѣшный рабъ Михаилъ именованный,
Николаевъ сынъ Деденевъ прозванный,
Сіе жъ мое погребенное тѣло
Житія на земли 42 года имѣло.
Душа жъ моя отъ тѣла въ 767 году разлучися,
Въ Іюнѣ мѣсяцѣ 8 числа симъ камнемъ покрыся.
Прошу и молю, посѣтитель мой любезный,
Пріими отъ гроба моего сей гласъ слезный,
Помяни мя здѣ, брате, отъ сердца сокрушенна,
Да будетъ моя душа воскрешенна;
Но и въ дому твоемъ моли за мя къ Господу Богу,
Да обрящу въ день судный милость Его многу.
Изрече Самъ Небесный нашъ Спаситель.
Днесь и будущемъ будетъ тебѣ Покровитель."

Въ церкви св. великомученика Трифона, въ Напрудной дворцовой слободѣ, въ Напрудномъ селѣ.

1. „1732 года Іюня въ 3 день, во 2 часу нощи, на память святаго мученика Лукіяна, преставися рабъ Божій Московской ратуши инспекторъ Григорій Яковлевичъ Терской, рожденіе его въ 179 году, Марта противъ 4 числа, всѣхъ лѣтъ житія его 61 годъ. Тезоименитство его Марта въ 12 день, погребено тѣло его противъ сей таблицы".

Въ церкви Знаменія Пречистыя Богородицы, что̀ на Знаменкѣ.

На наружной сѣверной стѣнѣ.

„1705 года Мая мѣсяца преставися раба Божія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Михаиловича Апраксина, жена его Анна Степановна, житія ея было 30 лѣтъ и погребена противъ сей таблицы".

Въ церкви Св. Космы и Даміана, что̀ на Шубинѣ, за Гагаринымъ дворомъ, что̀ у Золотой рѣшетки. (Настоящая Благовѣщеніе Божіей Матери).

На южной наружной стѣнѣ.

„1734 года Мая 15 дня преставися рабъ Божій Адмиралтейской Конторы канцеляристъ Петръ Михайловъ сынъ Вартомѣровъ, и для знанія и впредъ для воспоминанія на сей цскѣ и подписано, а житія его было 35 лѣтъ".

Въ церкви Воздвиженія Честнаго Креста на островѣ, на Смоленской, на Арбатской улицѣ (бывшій Воздвиженскій мужской монастырь).

Внутри церкви на мраморномъ памятникѣ.

1) „Мужу добродѣтельнѣйшему, твердостію духа и любовію къ отечеству прославившемуся, графу Михаилу Иларіоновичу Воронцову, родившемуся въ 1714 году, служившему, который за великія и знатныя заслуги, вѣрность и усердіе къ самодержавію камеръ-юнкеромъ, камеръ-геромъ, генералъ-порутчикомъ и лейбъ-компаніи порутчикомъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, вице-канцлеромъ и канцлеромъ, имѣвшему ордены святыя Анны, святаго Александра Невскаго и святаго апостола Андрея, Прусскаго Чернаго Орла, и стяжавъ всѣ сіи титлы заслугами, умершему 1767 года Февраля дня. Annuente Illmo Duco Comite Carolo del Medico Staffenti fuit constructum hoc opus Carrarii prope Liburnum Anno MDCCLXX."

2) „1751 года Апрѣля 7 числа, въ самый праздникъ Свѣтлаго Воскресенія, по полуночи въ 6 часу, преставился генералъ-аншефъ, сенаторъ, главнокомандующій въ Москвѣ, орденовъ святаго апостола Андрея Первозваннаго и святаго Александра Невскаго кавалеръ Василій Яковлевичъ Левашевъ, житія его было 84 года, и погребенъ противъ сей надписи".

3) „Въ память погребеннаго генералъ-маіора Федота Михайловича Каменскаго, скончавшагося 1755 года Декабря 30, родившагося 1696 года отъ жильца Михаилы Сергѣевича Каменскаго, который убитъ 1701 года подъ Нарвою, и отъ супруги его Аграфены Ульяновны Челищевой, и въ память супруги его Анны Алексѣевны рода Зыбиныхъ, по волѣ дочери его вдовы Марьи Ѳедотовны, супруги дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера Ивана Анофріевича Брылкина, братомъ ея генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Михаиломъ Ѳедотовичемъ Каменскимъ сдѣланъ сей памятникъ Маія 8 дня 1798 года; тѣла ихъ погребены въ семъ храмѣ противъ сего памятника, гдѣ сдѣланъ былъ придѣлъ во имя святаго священномученика Ѳеодота епископа Киринейскаго; престолъ поставленъ былъ надъ гробницею его".

4) „1723 году Маія въ 21 день, на память святыхъ великихъ царей и Равноапостоловъ Константина и Елены, преселися въ вѣчную жизнь во 2 часу дня Воздвиженскаго монастыря игуменъ Макарій Ѳеоѳилактовъ сынъ Чен-

цовъ, а житія его было 65 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ, а въ Воздвиженскомъ монастырѣ былъ игуменомъ 7 лѣтъ 8 мѣсяцевъ, положенъ въ церкви, въ придѣлѣ Симеона иже въ Персидѣ, на лѣвой сторонѣ".

5) „1747 году Марта 31 дня по полуночи въ 5 часу, на память преподобнаго отца Ипатія, преставися рабъ Божій лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка каптенармусъ Николай Петровичъ Соковнинъ, житія его было 29 лѣтъ, 1 мѣсяцъ 10 дней, а память его Мая 9 дня, погребено тѣло его при гробѣ матери его Пелагіи Аѳанасьевны, противъ сей таблицы".

6) „1746 году Мая 30 дня приставися раба Божія Елена Григорьевна, супруга морскаго флота капитана Михаила Петровича Власова, урожденная Васильчикова, погребено тѣло ея въ сей обители, идучи отъ нижней теплой церкви въ западныя двери прямо къ святымъ воротамъ на лѣвой сторонѣ, разстояніемъ отъ тѣхъ западныхъ дверей въ 7 сажень".

На наружныхъ стѣнахъ.

7) „Лѣта 1746 года Мая въ 30 день противъ сего погребено тѣло преставившейся рабы Божіей флота капитана перваго ранга Михаилы Петровича Власова супруги, Елены Григорьевны, урожденной Васильчиковой, родившейся въ 1708 году, Мая 13 дня, и того житія ея было 37 лѣтъ, 11 мѣсяцевъ 18 дней".

На Юго-Западной стѣнѣ.

8) „Имущеся долгъ внити до гроба.
Реку: да пріиметъ мя земная утроба,
Иже отшедше свѣта мимо грядуща
На 10 число Октобрія поутру текуще.
Азъ есмь Володимирова дочь [1])
Бдящи ко утру, но постиже мя нощь.
Радовалася о дни тезоименитства моего,
Егда ожидала того празднуемаго.
Горнихъ дѣвъ Агапіи, Ирины и Хіоніи,
Апрѣля 16 дня, иже ликуютъ въ раю оніи,
Даруй же нынѣ Боже путь сей прейти благо
Ради Заступницы нашей Щедрой Богородицы
Ангелъ и Хранитель и прочихъ святыхъ лицы.
Послѣднее же молю да получу прощеніе, есмь....
Игнатія Софоновича Глебовскаго жена.
1725 года.
Здѣ должный гробъ мнѣ лежитъ,
Вѣкъ въ 49 лѣтъ прожитъ,
Умерла бо есмь объ ономъ времени,
Молю же: всякъ христіанинъ мя помяни.
Противъ сей таблицы погребено тѣло ея отступя отъ стѣны
3 аршина".

[1]) Первыя пять строкъ заключаютъ въ себѣ акростихъ: Ирина. На наружныхъ стѣнахъ имѣются еще нѣсколько плитъ, но надписи попорчены и не могутъ быть прочитаны.

9) „1714 года Августа въ 13 день въ 1 часу дня, преставися рабъ Божій дому боярина Тихона Никитича Стрѣшнева человѣкъ его......

10) „1721 году Августа въ 22 день преставися раба Божія Татіана Лукина, жена секретаря Ивана Спиридонова отъ роду.... лѣтъ".

Въ церкви св. Іоанна Богослова въ Бронникахъ за Тверскими воротами, въ Бронной слободѣ за Никитскими воротами.

На наружной южной стѣнѣ.

1) „Покой Господи душу усопшія рабы Твоея и елико въ житіи семъ яко человѣкъ согрѣши, Ты же яко Человѣколюбецъ Богъ прости ея и помилуй, вѣчныя муки избави, небеснаго царствія причастницу учини и душѣ ея щастія даруй; сія раба Божія Евдокія, супруга сего храма діакона Андрея Васильева, рожденіемъ Юрьева, плотски преставися она отъ сего житія 1705 лѣта Октября..... въ исходѣ 2 часа нощи и погребена здѣ, и чады его Антипъ, дѣвица Анна, Евдокія и прочіе младенцы".

2) „1729 г. Апрѣля..... день, преставися рабъ Божій лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку адъютантъ капитанъ Максимъ Сергѣевъ Соколовъ, а тезоименитство его Апрѣля...... и погребенъ противъ сей таблицы".

Въ церкви Воскресенія Христова Славущаго въ малой Бронной, въ Бронной слободѣ, за Никитскими вороты.

На алтарной сторонѣ.

„Здѣ лежитъ тѣло дому генерала фельцейхъ-мейстера и ея императорскаго величества генералъ-адъютанта и кавалера князь Василія Аникитича его сіятельства Репнина домоправителя его Егора Денисова сына Татаринова, жена его Татіана Степанова дочь, жены прямаго благочестія, нрава тишайшаго, разума зрѣлаго, обхожденія честнаго, пріятства нелицемѣрнаго, житія добродѣтельнаго, христіански въ мірѣ семъ пожившія 28 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ и 28 дней, а въ супружествѣ сожитія ея было 13 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ, и преставися 1746 году Іюля 8 дня по полудни въ 4 часу и погребена противъ сего мѣста".

Въ церкви св. Николая что̀ на Хлыновѣ. (Настоящая въ честь Введенія Богородицы, прежде Введенскій дѣвичій монастырь).

Въ правомъ придѣлѣ у южной наружной стѣны.

1) „1732 году Мая 10 дня преставился рабъ Божій маіоръ Іоаннъ Ѳеодоровичъ Чириковъ, а житія его отъ рожденія было 50 лѣтъ, а тезоименитство его было Генваря 27 дня, а при арміи служилъ 36 лѣтъ въ первомъ Московскомъ полку".

2) „1740 году Марта 3 дня преставися рабъ Божій въ чинѣ маіора Галицкаго пѣхотнаго полку Петръ Ѳедоровичъ Чириковъ, а житія его отъ рожденія было 44 года, а тезоименитство его Іюня 29 дня, а тѣло его погребено противъ сей подписи.“

3) „17 году Декабря дня преставися рабъ Божій бригадиръ Илья Ѳедоровичъ Чириковъ, а житія его отъ рожденія было 58 лѣтъ, а тезоименитство его было Іюля 20 дня, при арміи служилъ 3.... лѣтъ, а тѣло его погребено подъ симъ камнемъ“.

4) „1748 году Марта 6 дня преставися рабъ Божій Ингерманландскаго драгунскаго полку капитанъ Алексѣй Ѳедоровичъ Чириковъ, служилъ 22 года при арміи, а житія его было 56 лѣтъ, а тезоименитство его Мая 20 дня“.

5) „17 году..... дня преставися раба Божія дѣвица, дочь стольника Ѳедора Степановича Чирикова, Софья Ѳедоровна Чирикова, а житія ея было ...лѣтъ, а тезоименитство ея Сентября 17 дня, а тѣло ея погребено подъ симъ камнемъ“.

6) „1737 года Марта 9 дня преставися раба Божія стольника Данилы Ивановича Чирикова жена его Евдокія Михайловна, отъ рожденія житія ея было 82 года, а тезоименитство ея Марта 1 дня, а тѣло ея погребено подъ симъ камнемъ“.

7) „1725 году Апрѣля во 2 день на память преподобнаго отца нашего Тита чудотворца, преставися раба Божія стольника Ѳеодора Степановича Чирикова жена его вдова Екатерина Ивановна, а житія ея было 67 лѣтъ, и положено тѣло ея противъ сея подписи“.

8) „1730 году Апрѣля въ 8 день преставися рабъ Божій стольникъ Ѳедоръ Степановичъ Чириковъ, а тезоименитство его Апрѣля въ 20 день, а житія его было 73 года“.

9) „Лѣта отъ сотворенія міра 7212, а отъ Рождества Христова 1704 году Апрѣля въ 17 день, на память преподобнаго отца нашего Симеона епископа Персидскаго, въ .. часу дня преставися рабъ Божій Московскаго двора

Михаилъ житія его 65 лѣтъ 1 мѣсяцъ и 3 дня и погребенъ Апрѣля въ 18 день“.

10) „1716 году Генваря 15 дня въ часу нощи преставися раба Божія Андрея Родіоновича Сабурова жена............, а житія ея было 27 лѣтъ“.

11) „1711 году Сентября въ 22 день преставися раба Божія стольника Родіона Дмитріевича Сабурова жена его Анастасія Ивановна, а житія ея было 57 лѣтъ“.

12) „1748 году Генваря 25 числа, по полуночи въ 12 часу преставися рабъ Божій Конной гвардіи адъютантъ Петръ Андреевичъ Сабуровъ, а житія его было 37 лѣтъ..... и погребено тѣло его того жъ году мѣсяца 29 числа“.

Въ церкви Вознесенія Господня въ Бѣломъ городѣ, на Никитской большой улицѣ, по прозванію Малое.

На камняхъ, вырытыхъ близъ церкви.

1) „Лѣта 7201 Декабря въ 21 день, на память св. мученицы Іуліяніи, преставися раба Божія Агрипина дочь Гаврилова жена Мелентьева, дому стольника Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго“.

2) „Лѣта 7197 году Іюля въ 7 день, на память отца нашего Ѳомы иже въ Малеи, преставися раба Божія стольника князя Ѳеодора Юрьевича.....

Въ церкви св. священномученика Діонисія Ареопагита, что̀ на Никитской улицѣ, у двора боярина Ивана Никитича Романова.

Разобрана въ 1791 г. На Большой Никитской противъ Университета на бывшемъ погостѣ этой церкви, при устройствѣ городской водосточной трубы, вынутъ изъ земли камень со слѣдующею надписью: „Лѣта 7205 г. мѣсяца рекома Сентября въ 14 день, на праздникъ Воздвиженія Честнаго Креста, во 2 часу нощи преставися изъ персти земныя по достоянію поставлени раба Божія князя Димитрія...... вѣчнаго и некончаемаго отъ Господа Бога блага...... днесь о ней отъ сердца помолися въ церкви Святой поклонися подати ей грѣховъ......“

Въ церкви Вознесенія Господня Большаго, за Никитскими воротами, на Царицыной улицѣ, въ Сторожахъ.

На мѣдной таблицѣ.

1. „1729 года Апрѣля въ 14 день преставися раба Божія, Благочестивѣйшія Великія Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны сестра ея родная Кристина Самуйловна дочь Скавронскихъ, а тезоименитство ея Іюля 24 дня, а житія ея было 42 года. А прежде ея, того жъ года Декабря 25 дня преставися супругъ ея Симеонъ Леонтьевичъ сынъ Гендриковъ, поживъ 56 лѣтъ. Да 1731 года Февраля въ 6 день преставися дщерь ихъ Агаѳія Симеоновна дочь, жена Двора Ея Императорскаго Высочества Благовѣрныя Государыни Цесаревны Елисаветъ Петровны дѣйствительнаго камеръ-гера Григорія Александровича Петрова-Соловово, поживъ 16 лѣтъ, и погребена противъ сей таблицы“.

2. „Въ лѣто 1754 года Апрѣля 28 дня преставися рабъ Божій дѣйствительный камеръ-геръ и разныхъ орденовъ Бѣлаго Орла и Святыя Анны кавалеръ Николай Наумовичъ Чоглоковъ. Рожденіе его было 1718 года Апрѣля въ 5 день, тезоименитство Мая 9 дня, тѣло его погребено противъ сей таблицы на семъ мѣстѣ“.

3. „1754 года Сентября 1 дня въ 11 часовъ по полудни, преставися раба Божія статсъ-дама Марѳа Симоновна, дочь Симона Леонтьевича Ген-

дрикова, которая была при дворѣ фрейлиной; пожалована графинею въ 1742 году Апрѣля 25 дня, рожденіе ея въ 1727 году, тезоименитство того жъ дня кончины; въ бракъ вступила въ 1747 году Ноября 4 дня за дѣйствительнаго камеръ-гера и кавалера Михаила Ивановича Сафонова. Прижитыхъ съ нею дѣтей два сына и три дочери. Погребена противъ сей стѣны въ трехъ аршинахъ съ половиною къ алтарю подъ большимъ камнемъ. Мелкая надпись внизу: „Апокалипсисъ гл. 14. Блаженни мертвіи умирающіи о Господѣ, отнынѣ духъ ихъ да почіетъ отъ трудовъ своихъ. Псаломъ 16-й. Азъ же правдою явлюся лицу Твоему, насыщуся, внегда явитмися слава Твоя".

4. „1734 года Октября 22 дня въ день Казанскія Пресвятыя Богородицы преставися раба Божія Александра Степановна, Степана Парфентьевича Пятово дочь, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку, поручика Андрея Родіоновича Сабурова супруга; житія ея отъ рожденія было...... лѣтъ, а погребена подъ симъ камнемъ. Положенъ сынъ ея лейбъ-гвардіи отставной капитанъ-поручикъ Михайло Андреевъ сынъ Сабуровъ. Подъ симъ же камнемъ положенъ сынъ его Николай Михайловъ, и житія его было 11 лѣтъ".

5. „1769 года Апрѣля 10 дня во второмъ часу пополудни въ память св. мученикъ Терентія и Помпея, иже съ ними, преставился рабъ Божій лейбъгвардіи Измайловскаго полку отставной поручикъ Алексѣй Андреевичъ Сабуровъ; родился онъ въ 1729 году Мая 14 дня, а житія его отъ рожденія было 39 лѣтъ, 10 мѣсяцевъ и 20 дней, а въ службѣ онъ былъ 20 лѣтъ. Тезоименитство его было Мая 20, св. мученика Фалалея и обрѣтеніе мощей иже во Святыхъ Отца нашего Алексія митрополита Московскаго и всея Россіи чудотворца, и погребенъ противъ сей Амвросіемъ архіепископомъ Московскимъ и Калужскимъ 1769 года Апрѣля 12 дня, на память преподобнаго отца нашего Василія Парійскаго".

6. „1738 года Апрѣля дня преставися рабъ Божій генералъ и кавалеръ Михаилъ Андреевичъ Сухотинъ, родился 1671 года Іюля 8 дня, въ службѣ Ея Императорскаго Величества былъ 38 лѣтъ и былъ на многихъ баталіяхъ и штурмахъ; житія его было 67 лѣтъ, и погребенъ противъ сей таблицы".

7. „Положено тѣло супруги генералъ кригсъ-коммисара Михайла Андреевича Сухотина, генеральши Агафіи Андреевны, которая скончалась въ Москвѣ въ 1758 году Декабря 6 дня въ 8 часу по полуночи, въ супружествѣ житія ея было 73 года, 10 мѣсяцевъ и 3 дня; землѣ же тѣло ея предано того жъ Декабря 8 числа, погребена противъ сей стѣны въ 3-хъ аршинахъ съ половиной".

8. „1766 года Ноября 21 дня пополудни въ началѣ 10 часа преставися рабъ Божій капитанъ Матвѣй Васильевичъ Ржевскій, рожденіе его 10 дня Августа, а тезоименитство Августа 9 дня; поживъ въ семъ мірѣ 64 лѣта, 3 мѣсяца и 20 дней, и погребено тѣло его на семъ мѣстѣ".

Внѣ церкви.

9. „1747 Апрѣля противъ 16 числа въ нощи преставися раба Божія Татіана Семеновна Лихачева, поживе отъ рожденія 71 годъ, 3 мѣсяца и 3 дня, и положена подъ симъ камнемъ".

Въ церкви Св. Николая что̀ въ Гнѣздникахъ, въ Новогородской сотнѣ. (Настоящая Благовѣщеніе Божіей Матери).

На наружныхъ стѣнахъ. На сѣверной.

1. „1744 году Апрѣля противъ 8 дня, по полуночи во 2 часу, на память святаго Апостола Иродіона, иже съ нимъ, преставися раба Божія дому князя Сергія Васильевича Урусова служителя его Гаврилы Максимова сына Полякова жена Ѳеодосія Иванова дочь, а житія ея отъ роду 21 годъ 5 мѣсяцевъ и 3 дня, тезоименитство ея Мая 29 день, и погребена противъ сей таблицы".

На южной: 2. „Лѣта 7192 Октобрія противъ 24 числа въ 8 часу нощи въ первой четверти, на память святаго мученика Арееы и иже съ нимъ пострадавшихъ, преставися рабъ Божій бояринъ Михаилъ Львовичъ Плещеевъ, погребенъ того же числа, а память его бываетъ мѣсяца Марта въ 23 день".

3. „1715 году Генваря противъ 31 числа во 2 часу нощи въ первой четверти, на память святыхъ безсребренниковъ и чудотворцевъ Кира и Іоанна, преставися раба Божія болярина Ѳеодора Петровича Шереметева жена его болярыня Анастасія Петровна и погребена противъ сія подписи Февраля въ 1 день въ церкви Николая Чудотворца, что̀ въ Гнѣздникахъ въ трапезѣ по правую сторону, а тезоименитство ея бываетъ Октября 29 дня".

4. „Лѣта отъ Рождества Христова 1702 Ноября противъ 23 числа, въ 11 часу нощи преставися рабъ Божій ближній стольникъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Плещеевъ, а погребено тѣло его Декабря въ 10 день".

5. „Лѣта 7200 году Іюля 2 дня въ 8 часу дня въ послѣдней четверти, на память преподобнаго отца нашего Андрея архіепископа Критскаго, преставися рабъ Божій стольникъ Семенъ Ѳеодоровичъ Плещеевъ, а погребенъ того жъ мѣсяца Іюля въ 9 числѣ, а память его бываетъ Апрѣля въ 17 числѣ".

Внутри церкви въ трапезѣ на южной стѣнѣ на металлической доскѣ:

6. „Пополудни въ часу 1735 году Февраля 19 дня преставился рабъ Божій статскій дѣйствительный совѣтникъ и Вотчинной Колегіи президентъ Иванъ Ивановичъ Кропотовъ, житія его было 65 лѣтъ, рожденіе его Февраля 22 дня, тезоименитство Февраля 24 дня, и погребенъ противъ сей таблицы".

Въ главной церкви на сѣверной стѣнѣ.

7) На семъ мѣстѣ погребено тѣло генералъ-маіора Егора Матвѣевича Замятина, родился въ 1713 году Апрѣля 1 дня, тезоименитство его тогожъ мѣсяца 7 дня, скончался въ 1766 году Апрѣля 21 дня, житія его было 53 года, и родной невѣстки его Елисаветы Алексѣевны Замятиной".

8. „1730 года Мая 24 дня преставися раба Божія Агаѳья Петровна, жена генералъ-лейтенанта гоеъ-мейстера кавалера Андрея Никифоровича Елагина".

9. „Рожденіе его высокопревосходительства генералъ-аншефа Владимира Петровича Шереметева въ 176 году Іюля 6 дня, взятъ въ комнату, изъ комнаты опредѣленъ въ 700 году къ дальнымъ походамъ и въ 702 году по именному указу блаженныя и вѣчно достойныя памяти Петра Перваго императора опредѣленъ къ новонабранному Низовому полку полковникомъ, и съ 702 году служилъ при томъ полку по 704 годъ, а въ 704 году опредѣленъ въ драгунскій Ново-Троицкій полкъ тѣмъ же чиномъ, и былъ въ томъ полку по 709 годъ, а въ 709 году пожалованъ бригадиромъ и съ того году служилъ бригадиромъ по 725 годъ; а по именному его жъ императорскаго величества Петра Перваго указу пожалованъ генералъ-маіоромъ и служилъ по 727 годъ, а въ 727 году пожалованъ генералъ-лейтенантомъ по всемилостивѣйшему указу Петра Втораго въ регулярной службѣ, въ полѣ съ 702 году по 730 годъ, въ которой чрезъ всю случившуюся войну Шведомъ былъ на штурмахъ подъ Нарвою, подъ Ревелемъ, подъ Ригою, подъ Дерптомъ, подъ Шлютенбухомъ, подъ Клайценю, подъ Выборгомъ, подъ Лыстомъ, подъ Рокоборію, въ партіяхъ подъ Ѳалмеромъ, подъ Рашевкою, подъ Рѣшетиловкою, въ акціяхъ подъ Полтавою, подъ Прутомъ, Словенбахомъ, Скеренкомъ, въ Персіи съ 722 года въ Низовомъ корпусѣ при главной арміи въ присутствіи его Императорскаго величества Петра Перваго и въ командахъ на Украйнахъ, на Царицинской линіи па Черемшахъ, форпостахъ отъ куду разсмотрѣніемъ, по именному ея императорскаго величества указу, опредѣленъ въ Кіевъ губернаторомъ и въ томъ состоялъ въ правленія губерніи, и 736 годъ Мая 9 числа, гдѣ и пожалованъ генералъ-аншефомъ, и въ томъ же году для болѣзней отставленъ, и въ 737 году Іюня 9 дня въ часу пополудни съ христіанскою должностью скончалъ жизнь семьдесятъ лѣтъ, и погребенъ на семъ мѣстѣ“.

ПИСЬМО КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО КЪ ЕЛИСАВЕТѢ МИХАИЛОВНѢ ХИТРОВОЙ [1]).

Moscou, le 7 Octobre 1831.

Je prends la liberté de vous présenter mon «Adolphe» [2]). Il vous revient à tant de titres. Vous aimez ce roman, vous me saurez gré de l'avoir dédié à un nom qui vous est cher, et c'est votre exemplaire français qui a servi de modèle consultatif à l'édition russe. Puissent toutes ces considérations, appuyées de la bienveillance que vous m'avez toujours témoignée, vous engager à agréer mon offrande avec indulgence.

Il y a des siècles que je suis oublié de vous; mais ces siècles ont été remplis de tant d'agitation, d'angoisses et d'événemens que je ne me plains pas du tout de n' avoir point eté l'objet de vos souvenirs ostensibles. J'espère du moins que *platoniquement* votre mémoire affectueuse me sera restée fidèle.

J'attends incessament de nouvelles communications de Dmitrï Bibicoff [3]) pour déterminer le moment de mon départ. En tout cas, ce ne sera pas plus tard que dans un mois que je viendrai à Pétersbourg.

---

[1]) Супруга Николая Өедоровича Хитрова, рожденная княжна Кутузова-Смоленская, была другомъ Вяземскому и Пушкину и собирала около себя лучшее общество. Скончалась она 3-го Мая 1839 г. О ней см. „Р. Архивъ“ 1877, I, 513.

[2]) Адольфъ. Романъ Бенжамена Констана. Пер. Кн. П. А. Вяземскаго. Спб. 1831, Въ Тип. Деп. Народнаго Просвѣщенія. XXVIV † 222 in 12°. Князь Вяземскій очень высоко ставилъ свой переводъ, посвятилъ его Пушкину, въ длинномъ предисловіи объяснилъ значеніе романа и о томъ, почему онъ до тѣхъ поръ не появлялся на Русскомъ языкѣ Въ этомъ онъ ошибся, такъ какъ романъ этотъ былъ уже переведенъ до того времени два раза, въ 1818 году въ Орлѣ и въ Московскомъ Телеграфѣ въ 1831 г. Злая критика на переводъ кн. Вяземскаго была помѣщена въ Моск. Телеграфѣ: Полевому обидно было такое невниманіе къ его журналу. Болѣе сдержанная критика появилась въ Сѣверной Пчелѣ. Переводъ „Адольфа“ помѣщенъ въ X-мъ томѣ сочиненій князя Вяземскаго.

[3]) Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ (впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ) служилъ тогда въ Министерствѣ Финансовъ, куда не задолго передъ тѣмъ, какъ писано это письмо, поступилъ на службу и князь П. А. Вяземскій.

Que devient Pétersbourg après la prise de Varsovie[4])? Au nom de Dieu, s'il y en a un, et de l'humanité, s'il y en a une, propagez des sentimens de pardon, de générosité, de commisération. Paix aux victimes! Le droit du plus fort a eu le dessus. La Providence est donc en règle. Gloire lui soit rendue, ainsi qu'à tous à qui de droit; mais n'imitons pas les sauvages, qui dansent et chantent autour des buchers de leurs ennemis. Redevenons Européens pour expier des vers qui ne le sont pas. Combien ces vers m' ont fait de mal! Le pouvoir, l' ordre social ont souvent de tristes, de sanglantes obligations à remplir; mais le Poète, Dieu merci, n'a pas celle de les chanter. Le gouvernement, soumis à une nécessité aveugle et inflexible, peut souscrire l'arrêt de mort d'une nation, comme celle d'un individu, qui est en hostilité avec l'ordre établi, avec les conditions inévitables de son existence; mais la Poésie qui ne doit point être l'auxiliaire de la nécessité, n'a point mission pour se mêler de cette prose de fait. C'est surtout dans ce cas que le Poète doit dire avec le Christ: mon règne n'est pas de ce monde! Sans cela, pourquoi n'irait-il pas chanter tout procès de la cour criminelle, toute condamnation à mort; car c'est aussi une victoire de l'ordre remportée sur un principe qui le trouble, un fait qui assure la tranquillité d' une société, comme la prise d'une ville, comme le supplice d'une nation ennemie que la loi a condamné à être écartelée et dont les membres déchirés doivent être jetés aux gémonies.

Tout ceci soit dit entre nous, mais je n'ai pas été maître en vous parlant de retenir mes douleurs et mon indignation. Je crains bien que votre partialité n'aille me donner tort dans cette question, qui pour vous est tant soit peu personnelle; mais j'en appelle de vous-même à votre âme généreuse, et je suis sûr d'être absous. En tout cas je réclame l'appui de la belle et bonne ambassadrice. Non, vous aurez beau dire ce que vous voulez, ce n'est pas de nos jours qu'on doit al-

---

[4]) Мѣры противъ Польскаго возстанія вызвали въ Европейской печати, особенно во Французской, потокъ обвиненій и клеветъ противъ Русскаго народа; въ отвѣтъ на нихъ Пушкинъ 2 Августа 1831 года написалъ „Клеветникамъ Россіи". Взятіе Варшавы 26 Августа совпало съ годовщиною Бородинской битвы, и Пушкинъ 5 Сентября написалъ свою „Бородинскую Годовщину". Эти два стихотворенія вмѣстѣ съ „Старой пѣснью на новый ладъ" Жуковскаго были напечатаны въ брошюрѣ, носящей названіе „На взятіе Варшавы". Къ произведеніямъ Пушкина отнюдь не примѣнимы упреки Вяземскаго, какъ и къ великолѣпному стихотворенію Ѳ. И. Тютчева и одѣ Хомякова на туже тему. Менѣе сдержаны стихотворенія Жуковскаго, какъ вышеупомянутое, такъ и „Русская Слава", которую г. Поливановъ ошибочно помѣстилъ въ вышеприведенную брошюру.

ler chercher de généreuses inspirations dans la poésie des baïonnettes et du canon, quand il ne servent qu'à faire triompher la force, toute légitime qu'elle puisse être. Cette poésie est un odieux anachronisme et dégrade le plus beau talent.

Veuillez, je vous prie, remettre un exemplaire de mon «Adolphe», à madame la comtesse[5]); il pourra servir à m-r Somoff de mesure correctionelle: toute fois que sa belle élève aura mal pris sa leçon, il n'aura à lui infliger pour pénitence que de lire quatres pages de ma traduction. Dites lui, je vous pris que j'attends les échantillons-modèles qu'elle doit m' envoyer pour commander les étoffes qu'elle désire avoir.

Agréez toutes deux avec bonté l' hommage de mes tendres respects et de mon dévouement inaltérable.

Nos troupes ont trouvé à Varsovie une brochure très curieuse: c'est le projet de constitution pour la Russie, qui avait été rédigé par l'ordre de l' empereur Alexandre. Il a été pris parmi les papiers de m-r Novossiltzoff et publié en français et russe. La rédaction russe est toute de l'ouvrage de votre très humble seviteur. Tâchez, je vous en supplie, de vous procurer cette brochure et gardez m'en un exemplaire.

Donnez-vous la peine de faire jetter la lettre ci-jointe dans l'appartement de m-me Karamsin.

Переводъ.

Беру смѣлость поднести вамъ своего „Адольфа". Ему подобаетъ возвратиться къ вамъ по столькимъ поводамъ: вы любите этотъ романъ, вы будете довольны тѣмъ, что я посвятилъ его имени, для васъ дорогому, вашъ Французскій экземпляръ служилъ совѣщательнымъ образцикомъ для Русскаго изданія. Пусть всѣ эти соображенія, подтвержденныя вашею всегдашнею ко мнѣ благосклонностью, побудятъ васъ милостиво принять мое почтительное приношеніе.

Цѣлые вѣка я забытъ вами, но это время было въ высшей степени полно волненій, скорбей и тревогъ; поэтому я не жалуюсь вовсе, что не былъ предметомъ вашихъ видимыхъ воспоминаній. Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что платонически ваша благосклонная память оставалась мнѣ вѣрною.

Непрестанно ожидаю я новыхъ извѣстій отъ Димитрія Бибикова, чтобы опредѣлить время моего отъѣзда; во всякомъ случаѣ не позже, какъ черезъ мѣсяцъ я буду въ Петербургѣ.

Чтò дѣлается съ Петербургомъ послѣ взятія Варшавы? Именемъ Бога (если Онъ есть) и человѣчности (если она есть) умоляю васъ: распространяйте

[5]) Графиня Фикельмонъ, дочь Е. М. Хитровой.

чувства прощенія, великодушія и состраданія. Миръ жертвамъ! Право сильнаго восторжествовало, и такимъ образомъ рокъ удовлетворенъ. Да будетъ онъ прославленъ равно какъ и тѣ, кому сіе надлежитъ; но не будемъ подражать дикарямъ, съ пѣснями пляшущимъ вокругъ костровъ, на которые положены ихъ плѣнники. Будемъ снова Европейцами, чтобы искупить стихи, совсѣмъ не-европейскаго свойства. Какъ огорчили меня эти стихи! Власть, государственный порядокъ часто должны исполнять печальныя, кровавыя обязанности; но у Поэта, слава Богу, нѣтъ обязанности ихъ воспѣвать. Правительство, подчиняясь слѣпой, жестокой необходимости, можетъ приговорить къ смерти народъ, какъ и частнаго человѣка, если онъ враждебенъ установленному порядку и условіямъ необходимымъ длъ существованія; но Поэзія вовсе не должна быть помощницей необходимости, и не ея дѣло вмѣшиваться въ эту прозу дѣйствительности. Именно въ данномъ случаѣ Поэтъ долженъ сказать слова Христа: царствіе мое не отъ міра сего! Иначе почему бы ему не воспѣвать всякое уголовное дѣло, всякій смертный приговоръ? Вѣдь и въ нихъ дѣло идетъ о порядкѣ, восторжествовавшемъ надъ мятежемъ, объ обезпеченіи общественнаго спокойствія, такъ же какъ при взятіи города и казни враждебнаго народа, который приговоренъ закономъ къ четвертованію и коего растерзанные члены должны быть разбросаны по лобному мѣсту.

Все это должно быть сказано между нами, но я не въ силахъ, говоря съ вами, сдерживать свою скорбь и негодованіе. Я очень боюсь, какъ бы мнѣ, при вашей партійности, не остаться виноватымъ передъ вами въ этомъ вопросѣ; но въ защиту отъ васъ прибѣгаю къ вашему великодушію и увѣренъ, что найду оправданіе. Во всякомъ случаѣ, взываю о помощи къ прекрасной и доброй посланницѣ. Нѣтъ, говорите, что́ хотите; но не въ наши дни идти искать благородныхъ вдохновеній въ Поэзіи штыковъ и пушекъ, ибо они даютъ побѣду лишь одной силѣ, пусть даже и самой законной. Такая поэзія—противный анахронизмъ; она уничтожаетъ, извращаетъ самый сильный талантъ. Благоволите передать одинъ экземпляръ моего „Адольфа" графинѣ; онъ послужитъ для Сомова исправительнымъ средствомъ всякій разъ, какъ его прекрасная ученица приготовитъ плохо свой урокъ: пусть въ видѣ наказанія онъ заставитъ ее прочесть страницы четыре моего перевода,

Передайте ей пожалуйста, что я жду отъ нея обѣщанныхъ образчиковъ, чтобы заказать матеріи по ея желанію. Примите обѣ благосклонно увѣренія въ моемъ уваженіи и неизмѣнной преданности.

Наши войска нашли въ Варшавѣ прелюбопытную брошюру—проектъ конституціи для Россіи, составленный по приказанію императора Александра. Онъ находился среди бумагъ Новосильцова и напечатанъ по-русски и по-французски. Русское изложеніе—всецѣло работа вашего покорнаго слуги. Постарайтесь, умоляю васъ, достать эту брошюру и оставить для меня одинъ экземпляръ. Потрудитесь приказать занести прилагаемое письмо въ комнаты Карамзиной.

ДВѢ ЗАПИСОЧКИ ГРАФА Ѳ. В. РОСТОПЧИНА КЪ КНЯЗЮ Н. Б. ЮСУПОВУ.

I.

Je commence, mon prince, par vous saluer très respectueusement, et puis je vous annonce que monseigneur le prince Auguste se met en route après demain, Mercredi, à 8 heures du matin et va droit chez vous à *Архангельски* pour voir le jardin, vos marbres etc. Il compte rester chez vous une couple d' heures et poursuivre son voyage à *Воскресенскъ*, d'ou il ira par Kline à Twer. Je compte avoir l'honneur de l'accompagner et de vous assurer à votre belle campagne que je suis l'opposé de Walouew, qui ne vous aime pas.

Votre devoué comte T. Rostopsin.

Lundy matin.
Moscou.

Сложено пакетомъ и надписано: „Его сіятельству, милостивому государю моему князю Николаю Борисовичу Юсупову. Въ Архангельскомъ". На красной печати гербъ съ подписью: „честью и вѣрностью".

Принцъ Августъ Ольденбургскій, родной братъ принца Георгія, женатаго на великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, въ то время бывшаго Тверскимъ и Ярославскимъ генералъ-губернаторомъ. Графъ Ростопчинъ не утерпѣлъ, чтобъ не посмѣяться надъ тогдашнимъ начальникомъ Кремлевской экспедиціи Петромъ Степановичемъ Валуевымъ. Записочка безъ означенія времени.

II.

Le comte Rostopsin présente ses hommages et vous remercie pour la communication des nouvelles. La poste d' hier n'a rien apporté, car je n'ai pas eu de courrier de l'armée; mais il faut s' attendre à la dernière scène de la tragédie révolutionnaire, c'est-à-dire ou à la mort ou à la fuite de ce coquin de Bonaparte. Je suis bien aise de vous savoir mieux portant. C'est ce que l'on m'a dit hier à votre porte.

Также безъ означенія времени.

ПИСЬМО М. П. ПОГОДИНА КЪ О. М. БОДЯНСКОМУ СЪ ПРИПИСКАМИ ШЕВЫРЕВА И ГОГОЛЯ.

Погодинъ въ 1838—1839 гг., по совѣту врачей, предпринялъ второе заграничное путешествіе. Онъ прожилъ въ Римѣ мѣсяцъ на квартирѣ Гоголя, который вмѣстѣ съ Шевыревымъ и показывалъ Погодину Римскія достопримѣчательности. Отсюда онъ отправился съ Шевыревымъ въ Неаполь, путешествовалъ по Италіи и Франціи, былъ въ Лондонѣ, Брюсселѣ и Амстердамѣ, лѣчился въ Маріенбадѣ, куда пріѣхалъ и Гоголь. Изъ Маріенбада Погодинъ проѣхалъ въ Мюнхенъ, гдѣ нашелъ опять Шевырева, разбиравшаго для Московскаго Университета Молевскую библіотеку. Объѣхавъ Швейцарію, Погодинъ пріѣхалъ въ Вѣну, гдѣ его ожидалъ Гоголь, и съ нимъ вмѣстѣ на Краковъ и Смоленскъ онъ возвратился въ Москву. Письмо это найдено мною въ бумагахъ Бодянскаго.

А. Титовъ.

Римъ, 21 (9) Марта 1839.

Да что же вы затѣяли это, мой любезный Славянинъ? Занемочь, да какъ еще занемочь—на три мѣсяца!

Долой, долой скорѣе съ кровати, и на поле, на поле побѣды, покорять остальныя партіи и привезти познанія въ отечество! Радуюсь вашему облегченію и удивляюсь геройской рѣшимости. Не можетъ быть, чтобъ столько пожертвованій не увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

Я ждалъ васъ въ Вѣнѣ до 22-го числа и уѣхалъ, не получивъ извѣстія и предполагая, что вы отправились далѣе. Еслибъ ваше письмо пришло заблаговременно, то я, можетъ-быть, могъ бы перемѣнить свою дорогу и пріѣхалъ бы въ Пильзенъ навѣстить больнаго. Когда же мы увидимся? Вотъ вамъ мой маршрутъ: 8-го въ Неаполь, 13-го во Флоренцію, и 17-го въ Миланъ или въ Марсель. Около 1-го Мая въ Парижъ и въ Вандею, поискать тамъ Славянскихъ слѣдовъ. Іюль въ Маріенбадѣ. Августъ въ Вѣну и Венгрію. Сентябрь домой. Принаравливайтесь или къ Маріенбаду, куда поѣдетъ и Гоголь, или къ Вѣнѣ. Я здоровъ кромѣ груди, которая иногда занываетъ. Надѣюсь на Маріенбадъ. Лиза *) здорова. Путешествіе идетъ благополучно и полезно. Римъ—чудный городъ, музей Европы. Ну да объ этомъ послѣ.

---

*) Елисавета Васильевна, супруга Погодина.

Графа Строганова я спрашивалъ въ послѣднее время объ васъ, и онъ отвѣчалъ, что давно не имѣетъ извѣстія; впрочемъ говорилъ объ васъ съ участіемъ, которое я, разумѣется, старался увеличить, сообщивъ ему извѣстія о вашихъ отличныхъ успѣхахъ въ партіи Чешской и Сербской, какъ-то дошло до меня по письмамъ. Онъ все боится вашего произношенія*), надъ чѣмъ я смѣялся и ободрялъ его. Я писалъ къ нему и отсюда о вашей болѣзни и лѣченіи. Въ университетѣ все идетъ у насъ тихо и благополучно. Профессоры и студенты занимаются очень хорошо и ждутъ къ себѣ съ нетерпѣніемъ одни—товарищи другіе—учителя.

Кіевскій университетъ запертъ на годъ, какъ я услышалъ вчера. Сперанскій умеръ. Дашковъ на его мѣсто. Блудовъ—министръ юстиціи. Графъ Александръ Строгановъ—министръ внутреннихъ дѣлъ.

Пишите ко мнѣ въ Парижъ poste restante, а послѣ въ Маріенбадъ также. Старайтесь накупать мнѣ старопечатныхъ книгъ. Чертковъ уѣхалъ въ Неаполь. Я не видалъ еще его.

*

Здравствуйте, любезнѣйшій Іосифъ Максимовичъ! А я васъ все поджидалъ въ вѣчномъ городѣ и думалъ быть вашимъ чичероне въ Ватиканѣ и вмѣстѣ съ вами поработать въ библіотекѣ. Здѣсь познакомился я съ Палацкимъ, который далъ мнѣ первое извѣстіе о вашей болѣзни, но не совсѣмъ ясное. Погодинъ разсказалъ о васъ подробнѣе. Я душевно соболѣзную вамъ и молю Бога о вашемъ скоромъ выздоровленіи. Чтó это за несчастіе привязано у насъ ко всему Славянскому! Прощайте. Авось до свиданія въ Прагѣ. Хотѣлось бы къ вамъ. Я все у Римлянъ. Пора къ Славянамъ.

Вашъ душею С. Шевыревъ.

*

И я при этомъ тоже воспользуюсь этимъ очень пріятнымъ для меня случаемъ. Вы не дали мнѣ своего адреса, и потому я къ вамъ не писалъ; притомъ же вы писали, что будетъ скоро въ Римъ. Очень благодарю васъ за ваше письмо. Надѣюсь увидаться съ вами въ Прагѣ, или лучше въ Маріенбадѣ, и поговорить о многомъ интересномъ для насъ обоихъ. Прощайте и будьте здоровы. Искренно васъ любящій землякъ Н. Гоголь.

Сбоку письма помѣтка рукою Бодянскаго: «Получ. 24-го Марта (5-го Апрѣля 1839, въ Пятницу)».

---

*) Трогательная черта заботливости графа С. Г. Строганова: произношеніе у О. М. Бодянскаго было дикое. П. Б.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ С. Т. АКСАКОВА СЪ П. А. ПЛЕТНЕВЫМЪ.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1890 г. напечатано было посмертное сочиненіе С. Т. Аксакова: „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ“.

Нижеподписавшійся тогда же оговорилъ въ Предувѣдомленіи, что вся первая половина этого сочиненія печатается безъ всякихъ измѣненій, пополненій или сокращеній, прямо по тому тексту, который нашелся въ рукописи, заготовленной еще при жизни автора. Что касается до второй половины, ее пришлось собирать и составлять изъ разнаго черноваго матерьяла, который не былъ еще приведенъ въ порядокъ, хотя самъ же авторъ и заготовилъ его именно для внесенія въ текстъ этого сочиненія. При этомъ составитель не позволялъ себѣ вносить чего либо отъ себя; краткія же добавленія, необходимыя для связности рѣчи, были напечатаны особеннымъ—въ отличіе отъ подлиннаго текста—разгонистымъ шрифтомъ. Составитель не позволялъ себѣ никакихъ вставокъ и добавленій, которыя въ разныхъ мѣстахъ сочиненія можно было подобрать изъ прочихъ черновыхъ бумагъ, относившихся къ тому же времени и предмету, но въ самый текстъ „Исторіи моего знакомства“ авторомъ не предназначавшихся.

Между тѣмъ, нѣкоторыя изъ нихъ, кромѣ того что составляютъ именно добавокъ къ тому, что́ уже напечатано, сами по себѣ не лишены интереса. Къ ихъ числу можно отнести, напримѣръ, два письма—одно С. Т. Аксакова, другое П. А. Плетнева, о которыхъ письмахъ въ „Исторіи моего знакомства“ упоминается лишь глухо. Вотъ относящіеся до нихъ строки: „Я написалъ и послалъ сильный протестъ къ Плетневу, чтобы не выпускалъ въ свѣтъ новой книги Гоголя, которая состоитъ изъ отрывковъ писемъ къ его друзьямъ и въ которой точно есть завѣщаніе къ цѣлой Россіи, гдѣ Гоголь проситъ, чтобъ она не ставила надъ нимъ никакого памятника. Я также требую, чтобы не печатать Предувѣдомленія къ пятому изданію Ревизора. Отъ Плетнева получилъ неудовлетворительный отвѣтъ“.

Эти строки относятся къ 1846-му году, и вотъ самыя письма. Отвѣтъ Плетнева печатается съ подлинника, полученнаго С. Т. Аксаковымъ 2-го Декабря 1846 г., а письмо Аксакова съ сохранившагося въ его бумагахъ черноваго наброска.

Письмо С. Т. Аксакова.

Милостивый государь Петръ Александровичъ! Хотя я видѣлся съ вами всего только одинъ разъ въ моей жизни; но у насъ съ вами такъ много общихъ друзей, мнѣній и основаній, что я пишу къ вамъ какъ къ старому пріятелю. Вы вѣроятно, также какъ я, замѣтили съ нѣкотораго времени религіозное направленіе Гоголя; впослѣдствіи оно

стало принимать характеръ странный и наконецъ достигло такого развитія, которое я считаю если не умственнымъ, то нервнымъ разстройствомъ. Вы вѣрно получили Предувѣдомленіе къ 4-му или 5-му изданію «Ревизора» и также новую его развязку. Все это такъ ложно, странно и даже нелѣпо, что совершенно непохоже на прежняго Гоголя, великаго художника. Я слышалъ, что вы печатаете какое-то его сочиненіе, въ которомъ также много подобныхъ несообразностей. Книга еще не вышла, а неблагопріятные слухи уже бродятъ по всей Россіи и уже... баронъ Брамбеусъ торжественно объявилъ, что Гомеръ впалъ въ мистицизмъ. Если вы хотя не вполнѣ раздѣляете мое мнѣніе, то размыслите, ради Бога, неужели мы, друзья Гоголя, спокойно предадимъ его на поруганіе многочисленнымъ врагамъ и недоброжелателямъ? Если милосердый Богъ возвратитъ Гоголю прежнее его духовное и тѣлесное здравіе, и онъ спроситъ насъ: «Друзья мои, я былъ боленъ, но гдѣ же былъ вашъ разсудокъ?» что́ мы станемъ отвѣчать ему? Итакъ, мое мнѣніе состоитъ въ слѣдующемъ: книгу, вѣроятно вами уже напечатанную, если объ ней слухъ справедливъ, не выпускать въ свѣтъ. Вамъ, мнѣ и Шевыреву написать къ Гоголю съ полною откровенностью наше мнѣніе. Если онъ его не послушаетъ, то мы откажемся отъ его порученій: пусть онъ ищетъ себѣ другихъ (зачеркнуто: палачей), по крайней мѣрѣ, мы сдѣлаемъ, что́ можемъ.

Отвѣтъ П. А. Плетнева.

30 Ноября 1846. Спб.

Беру смѣлость успокоить васъ, милостивый государь, на счетъ Гоголя. Въ немъ поразителенъ для насъ переходъ къ самой высокой религіозности. Но мы его, какъ человѣка, и прежде очень знали мало. Мы, по его комическимъ сочиненіямъ, сами составили внутреннюю характеристику его, которая, можетъ быть, совсѣмъ не была вѣрна. Прибавьте къ этому, что мы нѣсколько лѣтъ не видались съ нимъ и, слѣдовательно, лишены были возможности примѣчать за постепенными его переходами въ новыя лѣта и въ новыя убѣжденія. Вотъ отчего новый родъ его произведеній такъ и поразилъ насъ. Впрочемъ, ни въ книгѣ его, которую я печатаю, ни въ сценѣ, придѣланной имъ къ Ревизору, ни даже въ Предисловіи его къ «Ревизору», по моему мнѣнію, ничего нѣтъ такого, что́ поразительнѣе было бы очень скромнаго, хотя и довольно страннаго, предисловія его ко второму изданію «Мертвыхъ Душъ». Ошибка Гоголя во всемъ этомъ происходитъ отъ того, что онъ слишкомъ любитъ Россію; а между тѣмъ, по долговременному изъ нея отсутствію, совсѣмъ не знаетъ ея. Ему воображается, что у

насъ, какъ и за-границею, признанный талантъ сдѣлался предметомъ всеобщаго вниманія, участія, любви; что всѣ отъ сердца интересуются его трудами, преднамѣреніями, даже частною его жизнью. Въ этомъ ослѣпленіи, движимый самыми живыми чувствами христіанской любви къ ближнимъ, онъ съ ними обращается, разговариваетъ съ ними, все разсказываетъ имъ, какъ нѣжнѣйшимъ друзьямъ, будучи убѣжденъ, что каждый шагъ его имъ дорогъ и каждый вызовъ къ добру—священъ. Натурально, еслибы въ его природѣ было менѣе самолюбія, онъ и въ нынѣшнемъ своемъ отношеніи къ Россіи не дошелъ бы до странностей, которыя такъ многихъ озадачили. Но эти странности даютъ намъ, друзьямъ его, только новый поводъ поддерживать честь имени его и сочиненій, что̀ и сдѣлать намъ легко; потому что, осмѣлюсь повторить торжественно, нѣтъ ни въ одной фразѣ его ни безсмыслицы, ни подлости. Привожу вамъ въ поручители Жуковскаго, который все читалъ и все находитъ такъ же, какъ и я. Конечно, Жуковскій болѣе уже привыкъ къ странностямъ Гоголя; но отъ того не утратилъ же онъ понятій о чести, умѣ и пристойности. Позвольте надѣяться, что вы не откажетесь прибавить что нибудь къ первому письму вашему. Душевно уважающій васъ и преданный вамъ П. Плетневъ.

Оба эти письма, пополняютъ собою эпизодъ, разсказанный въ „Исторіи моего знакомства“ по поводу готовившейся тогда къ выходу въ свѣтъ „Переписки съ друзьями“. Кто былъ правѣе въ этомъ случаѣ, Плетневъ или Аксаковъ, доказало вскорѣ всеобщее раздраженіе публики. Вопреки ожиданію Плетнева, С. Т. Аксаковъ ничего тогда не отвѣчалъ ему на это письмо. Лишь по прошествіи многихъ лѣтъ, когда ужъ и Гоголя не было въ живыхъ, переписку съ Аксаковымъ возобновилъ самъ Плетневъ, впрочемъ, уже не по поводу сочиненій Гоголя, а самого С. Т. Аксакова, когда появилась въ свѣтъ „Семейная Хроника“. **Н. М. Павловъ.**

ЗАСТОЛЬНОЕ СЛОВО К. С. АКСАКОВА НА ОБѢДѢ, ДАННОМЪ ВЪ МОСКВѢ ГРАФУ Д. Е. САКЕНУ.

(1856).

Весьма понятно, что люди военные, знакомые съ боевыми подвигами, собрались, чтобъ выразить вамъ, графъ, свое глубокое уваженіе. Но между участниками этого обѣда есть люди, которымъ никогда не случалось видѣть боеваго поля, которые вовсе не знакомы съ дѣломъ военнымъ, ни съ военною наукою. Какое же право имѣютъ они цѣнить военные подвиги и привѣтствовать боеваго генерала, еще недавно испытаннаго, укрѣпленнаго и освѣженнаго дымомъ и громомъ

сраженій? Почему присутствуютъ здѣсь люди вовсе не военные? Потому что во всякомъ дѣлѣ человѣческомъ, слѣдовательно и въ дѣлѣ военномъ, есть нравственная сторона, есть внутренняя сила, которая доступна и понятна всякому человѣку, которую чтобы почувствовать и оцѣнить—достаточно быть человѣкомъ. Вотъ та сторона вашихъ подвиговъ, доблестный военачальникъ, которая доступна и не военнымъ людямъ, не имѣющимъ никакого знанія собственно воинскаго дѣла. И сказать ли? Эта сторона, столь живо ощутительная во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ, едва ли не существенная сторона всякаго дѣла. Недавно удалось мнѣ слышать выраженіе одного воина, закаленнаго въ *Севастопольскомъ огнѣ: мало одного ума, мало одного знанія,—надобно души подбавить.* Какъ бы ни шло впередъ военное искусство, какія бы новыя изобрѣтенія ни совершались, но *души* они не замѣнятъ: ибо души ни выдумать, ни изобрѣсть нельзя. Среди всѣхъ усовершенствованій и машинъ, среди новыхъ открытыхъ двигателей,—на землѣ первымъ двигателемъ въ человѣчествѣ всегда остается духъ.

Русской народъ знаетъ, графъ, что вы глубоко чтите то, что̀ составляетъ основу всего бытія Русскаго народа. Я разумѣю вѣру. Вѣра связуетъ насъ неразрывно союзомъ братской любви съ отдаленными единовѣрцами, съ Греческими и единоплеменными Славянскими народами. Въ вѣрѣ—побѣда; въ вѣрѣ—неодолимая сила. Она одна даетъ истинное мужество. Въ этомъ мужествѣ уже нѣтъ кипѣнія крови, нѣтъ подстреканій самолюбія, а одно высокое безстрашіе: ибо страхъ Божій избавляетъ отъ всякаго страха.

Эти мысли и слова внушаются присутствіемъ вашимъ, графъ! Государство чтитъ заслуги человѣка, возводя его по степенямъ государственныхъ почестей, украшая его внѣшними знаками отличія. Общество чтитъ заслуги человѣка добровольнымъ выраженіемъ своего внутренняго сочувствія и уваженія. Примите же, Русскій православный воевода, этотъ обѣдъ, какъ выраженіе сочувствія и уваженія къ вамъ, какъ къ воину и какъ къ человѣку.

5-е Марта 1856 года.

ПИСЬМО ШВЕДСКАГО КОРОЛЯ КАРЛА XV-ГО КЪ МОСКОВСКОМУ АРХЕОЛОГУ-ХУДОЖНИКУ Н. А. МАРТЫНОВУ.

Monsieur Nicolas Martynoff. Vous vous êtes parfaitement rendu compte du vif intérêt que je porte à tous les objets d'art provenant de la culture des âges reculés dans ma patrie, et particulièrement à ceux qui rappellent mes illustres prédécesseurs sur le trône, ainsi que leur histoire et leurs destinées. Parmi ces souvenirs j'admirerai toujours avec un respect particulier, et tous les Suédois admireront avec moi, tout ce qui nous rappellera l'illustre carrière et les hauts faits de Charles XII, d'immortelle mémoire comme homme et comme héros, quelque désastreuses pour le pays qu'aient finalement été ses entreprises.

C'est donc avec un vif plaisir que j'ai reçu la belle collection de dessins que votre frère m'a fait remettre, surtout lorsque en eux-mêmes, et indépendamment des sujets qu'ils représentent, ils possèdent une haute valeur artistique. Je vous en exprime mes sincères remercîments; et, à une très prochaine occasion, je me propose de vous donner, en échange de ce précieux et intéressant hommage, une marque d'encouragement qui me paraîtra digna de votre mérite artistique et de votre empressement à me le faire connaître. Soyez assuré des voeux que je forme pour que vous puissiez longtemps exercer, tant pour les progrès de l'art que pour votre propre satisfaction, le beau talent qui formera pour vous un titre de gloire. Votre bien affectionné Charles. †

Au château de Stockholm, le 20 novembre 1862.

Переводъ.

Господинъ Николай Мартыновъ. Вы какъ нельзя лучше поняли живѣйшее любопытство, съ какимъ я отношусь ко всѣмъ предметамъ искусства доставшимся намъ отъ просвѣщенія отдаленныхъ временъ моей родины, а въ особенности къ тѣмъ, кои напоминаютъ моихъ коронованныхъ предковъ, равно какъ и ихъ исторію и постигшую ихъ судьбу. Въ числѣ этихъ воспоминаній, какъ я самъ, такъ и всѣ Шведы со мною вмѣстѣ, всегда съ особеннымъ почтеніемъ будемъ любоваться всѣмъ, что̀ напоминаетъ намъ славное поприще и великія дѣянія Карла XII-го, этого безсмертной памяти человѣка и героя, не смотря на то, что въ концѣ предпріятія его были столь бѣдственны для страны.

Итакъ, съ живѣйшимъ удовольствіемъ получилъ я прекрасное собраніе рисунковъ, которые братъ вашъ поручилъ передать мнѣ, тѣмъ болѣе, что сами по себѣ, независимо отъ ихъ содержанія, они имѣютъ большую художественную цѣнность. Приношу вамъ за нихъ мою искреннюю благодар-

ность; а въ очень непродолжительномъ времени я намѣреваюсь, въ замѣнъ этого цѣннаго и любопытнаго дара, дать вамъ награду достойную вашей художественной заслуги и той готовности, съ какою вы познакомили меня съ этими рисунками. Будьте увѣрены въ моемъ желаніи, чтобы вы долго еще могли совершенствовать вашъ прекрасный талантъ, какъ для преуспѣянія въ искусствѣ, такъ и для собственнаго удовлетворенія, къ пріобрѣтенію себѣ славнаго имени. Вашъ доброжелательный Карлъ. †

Въ замкѣ Стокгольма,
20 Ноября 1862.

Памяти Н. А. Мартынова.

Разумная любовь къ родной старинѣ есть несомнѣнный признакъ здраваго просвѣщенія; къ сожалѣнію Русское общество таковою любовью далеко не отличается, а потому люди, идущіе въ данномъ случаѣ противъ теченія, должны пользоваться особеннымъ уваженіемъ нашимъ. Николай Александровичъ Мартыновъ, скончавшійся 24 Февраля 1895 года, всю свою жизнь проявлялъ дѣятельную любовь къ роднымъ древностямъ.

Покойный родился въ 1823 году въ Москвѣ и съ раннихъ лѣтъ показалъ необыкновенные способности къ рисованію: рисунокъ 15-лѣтняго юноши во время посѣщенія Александромъ Николаевичемъ въ 1838 году Межеваго Института обратилъ на себя его вниманіе, молодой художникъ получилъ въ награду золотые часы. Въ 1849 г. Н. А. сдѣлался учителемъ рисованія въ томъ же Межевомъ институтѣ. Любовь къ древностямъ побуждала его рисовать акварелью и карандашемъ съ натуры многочисленные памятники Московской старины. Скоро онъ въ этомъ дѣлѣ достигъ удивительнаго совершенства и въ 1858 г. былъ приглашенъ на службу по Министерству Государственныхъ Имуществъ. Съ тѣхъ поръ жизнь покойнаго была посвящена снимкамъ съ древнихъ памятниковъ и рисованію альбомовъ для Высочайшаго двора. Трудно перечислить, сколько было имъ сдѣлано снимковъ съ произведеній древняго искусства, укажемъ лишь на альбомъ изданный въ 70-хъ годахъ съ объясненіями его брата, извѣстнаго археолога. Заслуга Н. А. Мартынова тѣмъ болѣе велика, что многіе предметы уже потеряны, многіе церкви и монастыри разрушены, такъ что акварельные рисунки его зачастую должны замѣнять намъ оригиналъ и при совершенствѣ исполненія, которое на Парижской выставкѣ признано неподражаемымъ, вполнѣ отвѣчаютъ своему назначенію. Окруженный почтеніемъ немногихъ, но глубоко уважавшихъ его лицъ, велъ онъ свою трудовую жизнь до 1887 г., когда его постигла болѣзнь.

Всякій, кому дорога родная старина, долженъ помянуть добрымъ словомъ Николая Александровича Мартынова.

Ѳ. Ѳ. ЛЬВОВЪ.

Некрологъ.

Русское искусство и тѣсный кружокъ его служителей и поклонниковъ понесъ незамѣнимую утрату въ лицѣ *Ѳедора Ѳедоровича Львова*, директора Строгановскаго училища техническаго рисованія (въ Москвѣ на Рождественкѣ). Онъ скончался въ прошлую Великую Пятницу, 31 Марта, въ маститой и бодрой старости (род. въ Петербургѣ, 20 Августа 1819).

Это младшій братъ знаменитаго музыканта, управлявшаго Императорскою пѣвческою капеллою Алексѣя Ѳедоровича и родной (по матери) внукъ Николая Александровича Львова, который былъ другомъ Державина и покровителемъ жившаго у него въ домѣ славнаго живописца Боровиковскаго. Цѣлое поколѣніе Львовыхъ отличалось художественнымъ дарованіемъ. Ѳедоръ Ѳедоровичъ получилъ образованіе въ Главномъ Инженерномъ Училищѣ, гдѣ преподаватели были Французы. Начавъ службу въ коннопіонерахъ, онъ пять лѣтъ провелъ на Кавказѣ (1845—1850), гдѣ участвовалъ въ бояхъ. Онъ составилъ цѣлый сборникъ акварельныхъ Кавказскихъ видовъ, за что въ 1847 году Академія Художествъ назначила его своимъ почетнымъ вольнымъ общникомъ. Затѣмъ онъ служилъ въ почтовомъ вѣдомствѣ, подъ начальствомъ извѣстнаго любителя Русской живописи Ѳ. И. Прянишникова. Общество поощренія художниковъ избрало его своимъ секретаремъ. Съ Іюня 1859-го по Май 1865 года Ѳ. Ѳ. Львовъ былъ конференцъ-секретаремъ Академіи Художествъ, во время президенства великой княгини Маріи Николаевны. Въ 1860 году онъ ѣздилъ въ чужіе края и осматривалъ тамошніе художественные академіи и музеи. Позднѣе видимъ его вице-директоромъ лѣснаго департамента, а весною 1875 г., онъ устраивалъ во Владимирской губерніи село Успенское для пребыванія въ немъ великаго князя Николая Константиновича. Получивъ въ свое управленіе Строгоновское училище въ Москвѣ, Ѳ. Ѳ. Львовъ отдался ему всею своею душею и всею многоопытностью. И училище, и музей его при немъ доведены до возможнаго совершенства. Безъ всякой казенщины и выставочности умѣлъ онъ собрать вокругъ себя усердныхъ сотрудниковъ и умножить число учениковъ и ученицъ. Все какъ-то особенно ладилось въ этой послѣдней его дѣятельности. Про него можно сказать словами поэта, что:

Соразмѣрностей прекрасныхъ
Въ душѣ носилъ онъ идеалъ.

Какъ былъ онъ любимъ, о томъ свидѣтельствуетъ слѣдующая рѣчь, произнесенная у его гроба. П. Б.

Рѣчь у гроба Ѳ. Ѳ. Львова, сказанная преподавателемъ Строгановскаго училища П. П. Пашковымъ.

После панихиды въ день Св. Пасхи, 2 Апрѣля 1895 года.

Позвольте мнѣ здѣсь, въ томъ самомъ кабинетѣ, гдѣ еще такъ недавно всѣми нами любимый Ѳедоръ Ѳедоровичъ принималъ насъ по дѣламъ род-

ного ему училища, принести ему отъ лица всѣхъ его членовъ обычное пасхальное привѣтствіе: Христосъ Воскресе, дорогой Ѳедоръ Ѳедоровичъ! Горько намъ, что нѣтъ нашему привѣтствію отвѣта; не раздается голосъ, звукъ котораго еще такъ живъ въ памяти нашего слуха; не улыбается доброю, ласкающею улыбкою лицо, живое еще въ нашихъ глазахъ, и не пожметъ наши руки крѣпко-мягкая рука, которая такъ дружески, отечески-трогательно подавалась каждому безъ различія.

До сихъ поръ даже и здѣсь, въ присутствіи мертваго его образа, все какъ, то не вѣрится тому, что̀ говоритъ дѣйствительность. Видишь и не вѣришь; такъ трудно сосредоточиться на мысли о потерѣ дорогого Ѳедора Ѳедоровича. Этотъ разладъ глубоко знаменателенъ и служитъ лучшимъ доказательствомъ, какъ глубоко сроднились мы съ любвеобильною душою покойнаго, положившаго частицу себя въ каждомъ дѣлѣ, имъ созданномъ и оставленномъ намъ въ наслѣдство. Все, что̀ онъ дѣлалъ, онъ дѣлалъ съ любовью и отъ всей души.

Не о дѣлахъ его намѣренъ я вести рѣчь, а хочется въ сегодняшній великій праздникъ говорить о Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ, какъ о человѣкѣ, какъ объ „отцѣ родномъ". Я называю его тѣмъ самымъ именемъ, которое онъ всегда любилъ употреблять, обращаясь съ ласкою къ своему собесѣднику; а между тѣмъ это названіе всего болѣе подходитъ къ нему самому, потому что я не знаю бо̀льшаго ласкательно-родительскаго слова, съ которымъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ относился къ учащимся, того отечески-дружественнаго обращенія, которое онъ оказывалъ всѣмъ преподавателямъ и служащимъ и того сердечнаго, оберегающаго и постоянно заботливаго, попеченія, которое испытали мы—птенцы его гнѣзда. Мы теряемъ человѣка съ молодою душою, съ необычайной энергіею, съ великимъ опытомъ, который съ высоко-поднятой головой шелъ все впередъ и впередъ, кончая одно дѣло, тотчасъ же начиная другое, такъ что когда бы ни покинулъ насъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, все это было бы не во время, потому что начатое дѣло было бы всетаки не кончено. Его дѣло было—дѣло искусства, котораго онъ былъ истиннымъ жрецомъ и огнемъ котораго онъ былъ отмѣченъ.

Мнѣ не перечесть всѣхъ его качествъ: они хорошо извѣстны намъ; но не могу удержаться, чтобы не упомянуть объ его особенно-неоцѣненномъ дарѣ—умѣньи создавать вокругъ себя любовь и единеніе. Такъ и мы, работая съ нимъ, жили до сихъ поръ въ согласіи; въ присутствіи его исчезало всякое недоброжелательство и заглушалась всякая недостойная мысль. Происходило же это отъ того, что всѣхъ очаровывало его привѣтливое обращеніе, его превосходство, и въ особенности его характеръ полный благородства и любви, внушавшій къ нему глубокое уваженіе. Въ память его, въ силу той искренней любви, которую мы къ нему питали, того уваженія нашего къ его великимъ заслугамъ, а также и по собственному человѣческому долгу, будемъ стараться оберегать оставленный имъ намъ „миръ".

Нашъ искренній, глубоко-благодарный за все поклонъ дорогому и незабвенному Ѳедору Ѳедоровичу.

ЦАРСКІЙ ТИТУЛЪ И КОРОНОВАНІЕ.

Всѣмъ извѣстно, что слово можетъ утратить свое живое значеніе и обратиться лишь въ значекъ, еле еле напоминающій о своемъ содержаніи. И это иногда неизбѣжно: имѣя дѣло съ большими числами, со сложными явленіями, мы для удобства должны прибѣгать къ условнымъ знакамъ, формуламъ, и схемамъ; но только тогда выводъ можетъ имѣть значеніе, когда мы сумѣемъ замѣнить эти формулы и схемы тѣмъ, чему онѣ соотвѣтствуютъ. Слова вслѣдствіе частаго употребленія стираются, какъ монеты отъ долгаго обращенія до такой степени, что лишь при большомъ вниманіи и знаніи можно разобрать, что́ они первоначально обозначали и чему соотвѣтствовали; и таковое явленіе уже должно быть признано зломъ, такъ какъ человѣку въ данномъ случаѣ приходится вращаться вмѣсто живой атмосферы съ живыми существами въ мертвой сферѣ мертвыхъ формулъ, и зломъ тѣмъ болѣе опаснымъ, что оно почти неизбѣжно при настоящемъ строѣ жизни. Утрачивается пониманіе значенія слова и, вмѣсто того, чтобы служить синонимомъ «разуму» (λόγος), оно становится равнозначущимъ чему-то блѣдному и пустому, не имѣющему настоящаго смысла. «Это одни слова», «стоитъ ли обращать вниманіе на слова», говорятъ часто, и все менѣе становится понятнымъ тотъ душевный строй, когда разногласіе изъ за іоты вызывало цѣлыя бури въ жизни народа. Многимъ высокообразованнымъ людямъ такой строй кажется не только страннымъ, но и варварскимъ, и они высокомѣрно высказываются по этому случаю о благой терпимости, упуская изъ виду, что терпимость не рѣдко бываетъ слѣдствіемъ равнодушія и индеферентизма. Царскому титулу грозитъ таже судьба—обратиться въ непонятную формулу, говорящую лишь очень немногимъ, а между тѣмъ онъ сжато и сильно выражаетъ всю исторію Россіи, весь тотъ сложный историческій ходъ, всю упорную борьбу пашни со степью, благодаря которымъ изъ разнороднѣйшихъ частей образовалась великая держава, охватившая шестую часть всего земнаго шара, держава, цѣльностью и полнотой своей власти поражающая міръ.

Вся исторія собиранія земли Русской должна проходить передъ нашими глазами, когда читается царскій титулъ. Но проходитъ ли дѣй-

ствительно? Чуждо звучатъ нашему уху и не вызываютъ дальнѣйшихъ представленій слова: Государь и Великій Князь Бѣлозерскій, Угорскій, Обдорскій, Кондійскій. Самый гербъ государственный говоритъ лишь очень немногимъ и для большинства представляетъ туже неясную формулу стараго времени. Потому-то кажется намъ странною придирчивостью неуклонное стояніе старыхъ Русскихъ дипломатовъ за цѣлость царскаго титула въ сношеніяхъ съ иными державами. Весь XVII в. наполненъ столкновеніями по этому поводу, иногда кровавыми.

Передать царскій титулъ яснымъ и нагляднымъ образомъ не значитъ ли возобновить въ умахъ и сердцахъ народа пониманіе того, надъ чѣмъ неустанно работалъ народъ Русскій, работаетъ и доселѣ, обогативъ въ послѣднее время новою прибавкою и землю Русскую, и титулъ царскій? Но какъ это сдѣлать? Намъ кажется, что удобнѣйшій случай къ тому—ближайшее коронованіе Государя. Надо, чтобы чины Высочайшаго двора, въ торжественномъ шествіи, представили собою области, которыя упомнаются въ царскомъ титулѣ. Не скрываемъ предстоящихъ трудностей въ подборѣ одѣяній; они будутъ велики особенно потому, что придется соединять историческіе элементы съ этнографическими. Но зато, что̀ можетъ лучше выразить величіе Русскаго Царя особенно передъ иностранцами, какъ эта живая картина Русской исторіи, картина, свидѣтельствующая о исторической мощи нашего отечества? Трудности будутъ велики, ибо дѣло совсѣмъ ново; однако ихъ стоитъ одолѣть: omnia praeclara quam difficilia, tam rara sunt.

Ю. Б.

Статьи историческія въ журналахъ не-историческихъ.

Исторія Смоленской земли до начала XV в. П. В. Голубовскаго. „Кіев. Унив. Изв.". Февраль. гл. III.

Выясняется темный вопросъ генеалогіи Смоленскихъ князей; приложенъ поколѣнный списокъ ихъ.

Украинскіе козаки и паны. П. Кулиша. „Руск. Обозр." Апрѣль.

Слѣдующими словами начинаетъ почтенный авторъ IV главу своего любопытнаго изслѣдованія: „Папы и ляхи — съ этими двумя кликами прошли наши украинскіе козаки длинное поприще своихъ подвиговъ и насколько въ грамотномъ Русскомъ человѣкѣ сохранилось дикихъ инстинктовъ старины, настолько ихъ мятежные клики морочатъ ему голову еще и въ наше время. Эти два слова были какъ бы волшебными инструментами, которыми они орудія мирнаго труда перековывали въ казацкіе списы и шаблюки до тѣхъ поръ, пока наконецъ громадную массу земледѣльческаго и промышленнаго народа превратили въ пьяную шайку разбойниковъ."

Дорошенко ввелъ реестръ въ 1625 году, но во время Шведской войны сами Поляки нарушили

его, завербовавъ въ ряды своего войска нереестровыхъ казаковъ. Конецпольскій съ честью окончилъ войну, но сеймъ не платилъ денегъ солдатамъ, чѣмъ и были вызваны съ трудомъ уложенныя затрудненія. Скоро козаки подъ предводительствомъ Филоненка устроили набѣгъ на Турецкія владѣнія, завели сношенія съ Швеціей и распустили слухъ, что Конецпольскій хочетъ ввести повсюду Римскую вѣру. Усмирять этотъ бунтъ, прикрывшійся цѣлями религіозными, поручено было Самуилу Лащъ-Тучанскому. Характеристика этого представителя шляхетной козатчины превосходна. Козаки были усмирены, какъ это видно изъ „пактовъ“ 1630 года, хотя Львовская лѣтопись и патріотическіе историки говорятъ о пораженіи Поляковъ. Сынъ Сигизмунда III, Владиславъ III, начавъ войну съ Москвою, обратился къ казакамъ же и побѣдой надъ Русскими былъ обязанъ главнымъ образомъ тѣмъ, которые еще недавно говорили, что имъ „опричь Московскаго государя дѣться негдѣ.“

Сильвестръ Медвѣдевъ. И. Козловскаго. „Кіев. Унив. Изв.“ Февраль—Мартъ.

Сочиненіе это, написанное на тему, данную историко-филалогическимъ факультетомъ Кіевскаго университета, вполнѣ заслуженно удостоено золотой медали.

Оно распадается на двѣ части: біографическій очеркъ и обзоръ литературной дѣятельности Медвѣдева. Авторъ широко воспользовался источниками и пособіями.

Ломоносовъ и его современники. А. Н. Пыпина. Изученія Л.-Складъ понятій въ обществѣ. – Основный смыслъ дѣятельности Л. (Апрѣль „Вѣстн. Евр.“).

Заслуга Л. въ томъ, что онъ выработалъ себѣ цѣлое міровоззрѣніе, которое впервыя водворяло въ Россіи истинный смыслъ просвѣщенія въ томъ объѣмѣ, въ какомъ оно выработано было усиліями Европейской науки. Нужно было. чтобы общія возбужденія реформы Петра нашли опору въ болѣе широкомъ научномъ воспитаніи, чтобы народился новый могущественный умъ, который усвоилъ бы научную мысль во всей ея шир𝑜тѣ и ввелъ бы ее по мѣрѣ возможности въ жизнь Русскаго общества: такимъ человѣкомъ и явился Л. Содержаніе науки имъ самостоятельно придумано и усвоено.

Обстоятельно заниматься Л ымъ стали лишь съ 1865 г, сто лѣтъ спустя послѣ его смерти.

Ложнымъ кажется г. Пыпину взглядъ на Л., что будто онъ терпѣлъ отъ Нѣмцевъ и стоялъ за національность въ наукѣ. Въ академическихъ непріятностяхъ виноватъ самъ Л.; не оправдывая и Нѣмцевъ-академиковъ, почтенный авторъ не упоминаетъ однако объ ихъ зачастую предосудительномъ отношеніи къ Россіи, а этимъ объясняются поступки Л., совершенные въ *шумствѣ*. Вражда Л. къ „Нѣмцамъ признается „настоящей и печальной ошибкой“.

Ярко изображено отношеніе общества къ наукѣ и литературѣ и борьба Л. за право самостоятельныхъ научныхъ изслѣдованій. Въ поэзіи Л. является поэтомъ рефлекціи и поученія. Работы его по исторіографіи крайне слабы, важнѣе труды по грамматикѣ и реторикѣ; въ его бумагахъ мы видимъ удивительную по тому времени широту намѣченныхъ плановъ. Глубоко зная народный языкъ и восхищаясь имъ, за церковно-славянскимъ признавалъ онъ высшій авторитетъ.

Георгій Конисскій. Е. В. Ливотова. „Русск. Обозр.“ Апрѣль. (Прод.).

Дѣятельность архипастырская до перваго раздѣла Польши.

Георгій Конисскій (1795—1895). Ѳ. Четыркина. „Руск. Бес. Мартъ.

Въ краткомъ очеркѣ изображена дѣятельность знаменитаго іерарха въ защиту православія.

Колдовство на Руси въ старину. „Нов. Слово.“ Апрѣль.

Выдержка изъ статей А. Н. Аѳанасьева.

Изъ прошлаго Н. П. Колюпанова. Уни-

верситетъ (1843—49) „Русск. Обозр. Апрѣль.

Товарищемъ и сожителемъ автора былъ С. А. Юрьевъ, уже тогда отличавшійся чудачествомъ. Съ сердечной теплотой передаются разсказы о Нахимовѣ. Живо излагаются диспутъ Грановскаго и увлеченія студентовъ театромъ.

Письма И. И. Лажечникова къ С. П. и К. П. Побѣдоносцовымъ. 1841—69 „Русск. Обозр.“ Апрѣль.

Любопытно письмо отъ 1842 г., въ немъ строгій отзывъ о Казанскомъ университетѣ.

Пререканія между цензурами духовной и свѣтской. В. А. Васильева. „Нов. Слово.“ Апрѣль.

Исторія съ брошюрой Ушинскаго „Современныя идеи и православіе“ Спб. 1857. Брошюра перепечатана, что̀ представляетъ главный интересъ статьи.

Научная дѣятельность А. М. Иванцова-Платонова. Князя С. Н. Трубецкаго. „Вопр. Фил. и Псих.“ Мартъ.

Литературную и научную дѣятельность покойный профессоръ посвящалъ не одной наукѣ, онъ оставался прежде всего священникомъ, пастыремъ православной церкви, онъ ничѣмъ не поступился въ своей чистой сердечной вѣрѣ, въ своей любви къ самой службѣ церковной. Онъ видѣлъ въ церкви полноту истины, высшую задачу человѣчества и вмѣстѣ высшее его просвѣтительное начало, которое не можетъ быть враждебно наукѣ, просвѣщенію и общественному развитію. И потому въ своемъ честномъ, добросовѣстномъ служеніи наукѣ и Русскому просвѣщенію онъ исполнялъ свой пастырскій долгъ служенія живому Богу.

Главной задачей Иванцова-Платонова было широко популяризировать церковную исторію и внушить къ ней научный интересъ.

Затѣмъ излагается, чѣмъ была исторія въ православной богословской наукѣ и чѣмъ она должна быть. О работахъ И.-П., направленныхъ противъ Тюбингенской школы. Не рабство передъ традиціей, но вниманіе къ ней было всюду критическимъ канономъ его. И.-П. всюду проводилъ мысль, что христіанство не есть богословская школа; поэтому нельзя разсматривать его развитіе, какъ развитіе ученія по преимуществу, опуская изъ вниманія организацію и культъ.

Отличительной чертой покойнаго, какъ мыслителя и человѣка, была терпимость, исходящая отъ любви къ человѣку и смиренной вѣры въ истину превосходящую человѣка.

Отношенія Иванцова-Платонова къ истор. наукѣ. М. Карелина. „Вопр. Фил. и Псих.“ Мартъ.

Свободное подчиненіе разума вѣрѣ, по мнѣнію И.-П., необходимо только въ религіозной сферѣ; въ области же предметовъ естественныхъ, которые разумъ человѣческій можетъ самъ изслѣдовать, такое подчиненіе не нужно, и такимъ образомъ дѣйствительнаго столкновенія между вѣрою и знаніемъ быть не можетъ. Однако И.-П. заявлялъ, что онъ въ церковной исторіи держится православно-христіанскаго направленія и объяснялъ это законностью субъективизма въ историческомъ изслѣдованіи. Авторъ статьи подвергаетъ критикѣ это заявленіе. Иванцовъ-Платоновъ, какъ критикъ, рѣшительный консерваторъ, что̀ не помѣшало ему занять весьма видное мѣсто среди крупныхъ дѣятелей истинной науки.

Памяти Н. М. Ядринцева. А. Исаевъ. „Сѣв. Вѣстн.“. Апрѣль.

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

Въ 4-мъ выпускѣ стр. 536-я, строка 7-я сверху вмѣсто 1790 надо 1890.

*

Стр. 544. Выраженіе: „Мишѣ отдать послѣ моей смерти“ есть несомнѣнно позднѣйшая приписка, такъ какъ передъ тѣмъ стоитъ 1 Juillet 1842, а М. Н. Смирновъ родился въ 1848 году.

(Августинъ) въ это дѣло вмѣшался. Иначе все будетъ тщетно. А ко мнѣ тотчасъ пришли копію съ твоего письма къ Августину, дабы я здѣсь могъ согласно съ тобою дѣйствовать. Прошу тебя не медлить. Надобно это совершить, пока Арбенева въ Москвѣ. Боюсь, что она сюда взбѣленится ѣхать. Тогда бы не худо заставить Филарета къ ней написать. Иначе она все здѣсь испортитъ. Ея же письмо прошу тебя изорвать.

Посылаю переводъ элегіи Андрея Ивановича [11]), сдѣланный Фріофомъ.

L.

16 Апрѣля (1814, Муратово).

Обнимаю тебя, милой другъ. Ты вѣрно уже получилъ мою палинодію, то-есть мое отреченіе на счетъ профессорства Воейкова [1]). Онъ самъ виноватъ въ томъ, что я написалъ это письмецо, которое тебя привело въ сомнѣніе: онъ не объяснился со мною, а я видѣлъ и его, и свою выгоду въ неполученіи профессорства. Но ничто не испорчено, и онъ профессоръ, женится, счастливъ; а я пишу къ нему *посланіе о его счастіи* [2]), сидя у моря, дожидаясь погоды, видя полнеба моего закрытаго тучею и еще не зная, разойдется ли эта туча, или совсѣмъ покроетъ мое небо и грянетъ въ меня залпомъ своихъ перуновъ. Монахи, энтузіасты, самолюбіе сдѣлали противъ меня союзъ. Они уже добрались до моей Москвы и грозятъ ее выжечь, и пускай выжгутъ, лишь бы какой-нибудь Кутузовъ ихъ прогналъ и истребилъ. Мою Москву не трудно будетъ перестроить, и тогда уже басурманы не будутъ ей ужасны.

Дѣло пока не обо мнѣ, а объ Воейковѣ—тоже, что́ и обо мнѣ: теперь наша съ нимъ судьба пока неразлучна; то, что̀ сотворится съ нимъ, будетъ имѣть великое вліяніе и на меня. Ты же главная наша пружина. Онъ профессоръ. Чтобы все привести въ порядокъ, и *свое*, и *мое*, ему необходимо нужно остаться здѣсь до начала или половины Сентября. Другъ, какъ хочешь, выхлопочи ему отсрочку. Тутъ для тебя нѣтъ отговорокъ. *Сдѣлай*, во что бы то ни стало. Эти мѣсяцы самые рѣшительные для всей моей жизни. Брось свою лѣнь и употреби всю свою дѣятельность. Эта отсрочка нужна ему для приведенія своихъ дѣлъ въ порядокъ, для женитьбы, для меня,—и для меня болѣе, нежели для себя. Итакъ, чтобы былъ ему отпускъ непремѣнно; увѣдомь, что́ для этого надобно сдѣлать; какую бумагу написать и какъ написать—пришли образецъ. Однимъ словомъ, тотчасъ по полученіи этого письма начинай работать и присылай намъ отвѣтъ и полное наставленіе. Впрочемъ, если можно, то, по полученному тобою праву,

---

[11]) Вѣроятно переводъ извѣстной элегіи Андрея Ивановича Тургенева: „Угрюмой осени мертвящая рука".

*

[1]) См. въ письмѣ XLVIII-мъ. Отношенія къ Воейкову, женившемуся лѣтомъ этого года на Александрѣ Андреевнѣ Протасовой, племянницѣ и крестницѣ Жуковскаго, изображаютъ вполнѣ удивительную душу сего послѣдняго. П. Б.

[2]) Посланіе къ Воейкову по поводу предстоявшей женитьбы его на А. А. Протасовой до насъ не дошло.

8

пиши и подписывай все, что нужно будетъ подписать и представить. Онъ же даетъ тебѣ слово быть самымъ ревностнымъ профессоромъ.

Думаю, что на слѣдующей почтѣ пришлю тебѣ свои переписанныя творенія. Прошу тебя съ компаніею добрыхъ критиковъ—именно Уварова и Дашкова—переглядѣть ихъ и то, что нужно будетъ выбросить, выбросить безъ сожалѣнія. Пощадите только *Пиршество Александра*. Что ни бредитъ Воейковъ, а этотъ переводъ хорошъ.

Бутервека [3]) получилъ. Не знаю, но онъ мнѣ мало нравится. Онъ болѣе философъ, нежели поэтъ. Стихотворецъ дѣлаетъ изъ мыслей чувства и картины, а онъ изъ картинъ и чувствъ дѣлаетъ мысли. Въ слогѣ его нѣтъ той ясности, которая составляетъ главную прелесть всякаго слога. Въ нѣжныхъ его стихахъ видна страсть, воспитанница воображенія, не страсть сердца, которое одно истинно краснорѣчиво, одно даетъ жизнь выраженію, какъ бы оно просто ни было. Но это мнѣніе можетъ быть и не справедливо. Я читалъ бѣгомъ. Прочитавъ повнимательнѣе, можетъ быть, и перемѣню мысли.

Не забудь объ Астраковѣ. Сдѣлавъ ему помощь, окажешь мнѣ истинное одолженіе и оживишь бѣдную мать, которая только и думаетъ что о сынѣ.

Что же François? Мы не имѣемъ здѣсь никакого объ немъ извѣстія. Прости, другъ. Твой Жуковскій.

Я, можетъ быть, еще потребую отъ тебя важнаго одолженія. Можетъ быть, мнѣ нужно будетъ тебѣ рекомендовать Проташинскаго [4]), котораго, вѣроятно, и ты знаешь. Онъ служилъ и служитъ въ военной службѣ, раненъ подъ Бородинымъ, теперь въ Москвѣ, добивается отъ Растопчина мѣста, и все не добьется. Если будетъ нужно, не найдешь ли средства доставить ему при военномъ министрѣ или черезъ военнаго министра выгоднаго мѣста въ Петербургѣ, а пока онъ не будетъ его имѣть, позволить ему провести нѣсколько времени у тебя въ домѣ? Онъ ничего не имѣетъ, но онъ братъ М. [5]) Все это еще одно *можетъ быть*. Увѣдомь, какъ объ этомъ думаешь? Я отъ тебя многаго требую; но отъ кого же и могу требовать *всего*, какъ не отъ тебя, которому и мое *все* отдамъ съ наслажденіемъ! Братъ, я теперь болѣе, нежели когда-нибудь, къ тебѣ привязанъ. Вижу и чувствую глубоко въ сердцѣ, какъ нѣжно ты меня любишь; а моя дружба къ тебѣ есть въ тоже время и благодарность. Въ разсѣяніи свѣта, на дорогѣ къ почестямъ ты обо мнѣ помнишь, и чѣмъ болѣе между нами разстоянія, времени и образа жизни, тѣмъ твое сердце ко мнѣ ближе. Какое сокровище на свѣтѣ замѣнитъ такую дружбу [6])?

---

[3]) Какое-либо сочиненіе философа Фридриха Бутервека. О немъ см. выше, прим. 1-е къ письму XI-му.

[4]) См. о немъ выше, прим. 9-е къ письму XIII-му.

[5]) Т. е. Марьи Андреевны Протасовой. О родственныхъ отношеніяхъ Проташинскаго къ семьѣ Протасовыхъ см. въ письмѣ А. Н. Арбеневой къ Жуковскому отъ 22 Марта 1814 („Русскій Архивъ“ 1883 года, кн. первая, стр. 317).

[6]) Далѣе идетъ слѣдующая приписка А. Ѳ. Воейкова: „Опять просьба къ лѣнивцу, объѣдалѣ и волокитѣ Тургеневу! Но этотъ Тургеневъ общій другъ нашъ, нашъ поддѣ-

LI [1]).

5 Мая (1814, Чернь).

Это письмо отправляется съ эстафетою. Надобно, чтобы ты получилъ его и вѣрно, и скоро; и отвѣчать на него тотчасъ по полученіи. На многія писанныя мною и Воейковымъ къ тебѣ письма нѣтъ отвѣта. Или почта ползетъ черепахою, или самъ Ариманъ, который присутствовалъ при моемъ рожденіи, крадетъ мои письма и ихъ къ тебѣ не допускаетъ.

Обнимаю тебя, другъ безцѣнный, за твое послѣднее письмо, отъ « » А(п)рѣля. Оно утѣшительно во всякое время, а теперь еще болѣе, когда хочется ухватиться и за соломенку, чтобы спасти счастіе цѣлой жизни. Мои дѣла идутъ къ развязкѣ. Хорошей развязки не предвижу еще, но обманщица-надежда все еще меня не покидаетъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Арбенева, къ которой я писалъ и на которую такъ много надѣялся, все испортила. Она не отвѣчала ни на одно изъ моихъ писемъ, но мимо меня писала обо всемъ къ матери [2]). И самъ можешь вообразить, каково должно быть это письмо, которое диктовалъ суевѣрный монахъ. Мать имѣла со мною объясненіе, котораго результатъ есть тотъ, что она сказала мнѣ, что ей невозможно согласиться, потому что она видитъ тутъ беззаконіе. Я отвѣчалъ ей, что ничего подобнаго тутъ не вижу, что я не родня ей, потому что законъ, опредѣляющій родство, не далъ мнѣ имени ея брата, слѣдовательно всякое родство уничтожилъ между нами; я прибавилъ, что увѣренъ въ нашемъ счастіи, если бы она на него согласилась, но что готовъ отъ всего отказаться, если мое счастіе не сдѣлаетъ ея счастія или его разрушитъ. Теперь она со стороны моихъ намѣреній покойна, увѣрена въ моей готовности ей собою пожертвовать. Но еще не все пропало. Можетъ быть, найдется еще способъ перемѣнить ея образъ мнѣнія. Воейковъ еще съ нею не объяснился. Ив(анъ) Владимировичъ [3]) обѣщалъ писать и будетъ пи-

---

вическенской; тотъ самый, который, лѣпясь для министровъ, обманывая красавицъ, позабывая обѣдать отъ разсѣянности, ни разу еще не лѣнился для меня, ни разу не обманывалъ меня, ни разу не забывалъ объ моихъ дѣлахъ. Vale! Я остаюсь на розахъ и миртахъ. Воейковъ. *Въ 24 день счастья, лѣто первое*".

[1]) О томъ, что 5 Мая 1814 года Жуковскій былъ въ Черни (имѣніи своего пріятеля А. А. Плещеева), см. „Русскую Старину" 1883 года, т. XXXVII, стр. 437.

[2]) Т. е. къ Е. А. Протасовой. Подробнѣе см. объ этомъ въ письмѣ Жуковскаго къ Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской (Елагиной), отъ 16 Апрѣля 1814 года (тамъ же, стр. 434—435). Эти письма къ ней Жуковскаго она только давала для прочтенія немногимъ лицамъ, въ томъ числѣ и К. К. Зейдлицу, которому Жуковскій былъ благодѣтелемъ. Ихъ напечатали послѣ ея кончины, воспользовавшись старостью Зейдлица, люди чуждые Жуковскому и святой его памяти. П. Б.

[3]) И мнѣніе И. В. Лопухина не оказало желательнаго дѣйствія на Е. А. Протасову. „Если мнѣніе Ивана Владимировича съ твоимъ согласно, говорила она Жуковскому, то это только перемѣнитъ мое объ немъ мнѣніе" („Русск. Старина" 1883 г., т. XXXVII, стр. 439).

8*

сать непремѣнно. Здѣсь есть люди, которыхъ она уважаетъ и которые готовы съ нею говорить *за насъ*, именно баронесса Черкасова [1]. Она хочетъ ей присовѣтовать отдаться на судъ Орловскаго архіерея Досиѳея. Согласится ли она на это, не знаю; но во всякомъ случаѣ надобно предупредить Досиѳея. Можешь ли это взять на себя? Если можешь, то пиши къ нему немедленно. Болѣе всего въ письмѣ своемъ утверждай, что между нами родства нѣтъ. Ты знаешь, въ чемъ состоитъ это родство: *я сынъ ея отца*. Скажи въ своемъ письмѣ, что ищешь его покровительства, еще не зная, будутъ ли ему объ насъ говорить, но что хочешь только предупредить его въ нашу пользу. Это письмо отправь къ нему немедленно. А другое къ нему же доставь ко мнѣ съ этою эстафетою. Въ этомъ—которое сберегу на всякой случай—скажи тоже и упомяни о первомъ письмѣ, къ нему объ томъ же предметѣ написанномъ. Не говори однако ни слова о подателѣ письма, потому что я не знаю, кто будетъ подателемъ. Это письмо оставлю у себя, и оно будетъ передано Досиѳею въ такомъ только случаѣ, когда согласятся съ нимъ совѣтоваться. Я теперь *скитаюсь*, какъ Каинъ съ кровавымъ знакомъ на лбу. 25 этого мѣсяца буду у Ив(ана) Владимировича, и онъ напишетъ письмо обо мнѣ къ Воейкову, который тотчасъ послѣ своей свадьбы, назначенной 2 Іюля, начнетъ говорить. Дѣло не въ томъ, чтобы вырвать у нея согласіе. Въ добрую минуту она и можетъ согласиться. Но какое же выйдетъ слѣдствіе? Разстройство общаго спокойствія. Счастія, на такомъ хиломъ фундаментѣ основаннаго, желать не могу. Надобно убѣдить и разрушить предразсудокъ. Если ничто не удастся, то надобно будетъ отсюда бѣжать, и все, все для меня перемѣнится. На что́ рѣшусь, еще не знаю. Никакой планъ не представляется мнѣ, и ни къ какому не лежитъ сердце. Вѣдь это не будетъ *планъ счастія*, а только того, какъ бы дожить тѣ годы, которые еще остались на мой удѣлъ. Самая печальная перспектива! И самое лучшее изъ дурнаго была бы жизнь совершенно уединенная, уголокъ, въ которомъ бы я могъ работать только для того, чтобы работать. Другое ничто не можетъ быть для меня прилично. Служба есть тяжкое бремя. Петербургская и Московская жизнь меня пугаютъ. Не вижу ничего кромѣ убійственнаго разсѣянія, которое только что умерщвляетъ душу. Я представляю себѣ самый прекрасный образъ жизни, и то, что́ можетъ его для меня замѣнить, есть *совершенное уединеніе*, ограниченность необходимымъ и занятія, чтобы не имѣть скуки считать часовъ и минутъ. Подумай и объ этомъ. Если бы могъ я найти такое мѣстечко, гдѣ бы можно было прожить *двумя тысячами* въ годъ, читать, писать и утѣшать себя мыслію, что есть у меня добрый другъ, товарищъ мой душею, и въ прочемъ не имѣть никакихъ связей, никакой зависимости, то я бы ничего и не пожелалъ другаго. Въ своихъ четырехъ стѣнахъ былъ бы я *хотя покоенъ*, а перо бы меня не покинуло. Братъ, потерявъ то, что́ составляетъ главную прелесть жизни, нельзя ни въ чемъ искать прибѣжища, кромѣ одного себя; быть съ собою—этого довольно. Если бы я могъ въ

---

[1]) Жена барона И. П. Черкасова (см. выше, письмо XLI), баронесса Марья Алексѣевна Черкасова (ур. Кожина).

Петербургѣ *жить для тебя*, то ни объ какомъ другомъ углѣ бы не подумалъ. Но жизнь Петербургская будетъ для меня убійственна. Мы будемъ далѣе другъ отъ друга, нежели здѣсь, и я лишусь главнаго своего прибѣжища—*занятія*. Ты велишь мнѣ писать. Нѣтъ, другъ! Теперь перо мое какъ будто въ параличѣ, и въ воображеніи моемъ большая засуха. Смотрю на всѣ прекрасные свои планы, какъ на развалины. Одно только счастіе или совершенное уединеніе могутъ на этихъ планахъ что-нибудь построить. Смотря на прошедшую жизнь свою, говорю съ горемъ: я совсѣмъ не то, что̀ бы могъ быть; смотря на будущую, долженъ сказать, что я *вѣроятно* ничего не буду. А какъ узнать, долго ли это ощутительное ничтожество продолжится, и скоро ли дойдешь до рубежа?

Полно выть! Поговоримъ объ Воейковѣ. Онъ отсюда уѣхалъ, и твое письмо его не застало. Я писалъ къ тебѣ объ томъ, чтобы выхлопотать ему отсрочку. Опять повторяю свою просьбу. Отсрочка до 1 Сентября ему необходима. Свадьба его назначена 2 Іюля, и въ теченіе Августа онъ долженъ привести въ порядокъ и свои, и мои дѣла. Думаю, что не могутъ ему отказать въ этой отсрочкѣ: причина законная; а твое покровительство все сдѣлаетъ. Что же касается до обязательства на 6 лѣтъ, то ничего объ этомъ не могу сказать рѣшительнаго, ибо его мнѣнія не знаю. Но вотъ мое мнѣніе: постараться избѣгнуть отъ этого обязательства. По всему оно для него крайне невыгодно. Нельзя ли просить министра, чтобы отъ него уволить, представивъ ему, что такого обязательства человѣку, имѣющему семью и дѣла собственныя, взять на себя невозможно и что никто, вступая въ службу, не даетъ такихъ обязательствъ; что профессоръ не можетъ дѣлать контрактовъ съ тѣмъ мѣстомъ, въ которое вступаетъ, и что эта неволя не предписана никакимъ уставомъ. Ты же знаешь, что такое обязательство *для него* крайне невыгодно; прибавлю: и для меня. Но *мое* должно рѣшиться прежде, и во всякомъ случаѣ это профессорство много мнѣ вреда сдѣлаетъ. Но объ этомъ нечего и говорить. Для меня вѣрное на семъ свѣтѣ одно: *твоя дружба и ея любовь*. Прочее оставимъ Провидѣнію.

Прилагаю при семъ копію съ билета, даннаго мнѣ изъ главной квартиры. Выхлопочи форменное увольненіе. Билетъ засвидѣтельствуй самъ. Также выхлопочи и послужной списокъ, котораго форму здѣсь прилагаю. Вопросъ: я былъ въ строевой службѣ, нашъ полкъ, первой пѣхотный, былъ подъ Бородинымъ; имѣю ли право носить медаль? Обо всемъ этомъ увѣдомь.

Récapitulation [5]).

1. Написать письмо къ Досиѳею и тотчасъ отправить, а объ отправленіи увѣдомить эстафетою.

2. Написать другое письмо къ Досиѳею и доставить ко мнѣ.

3. Увѣдомить, писалъ ли къ Августину.

4. Увѣдомить о дѣлѣ Воейкова. Дастся ли ему отпускъ, и можно ли будетъ избавиться отъ 6-лѣтняго заточенія?

[5]) Т. е. повтореніе.

5. Увѣдомить, отправлено ли повелѣніе къ Тамбовскому губернатору о перемѣщеніи François и что сдѣлать можно въ пользу Астракова?

6. Увѣдомить, возмешься ли продать мои сочиненія, которыя совсѣмъ приготовлены для печати, можешь ли скоро это сдѣлать и взять деньги, ибо онѣ мнѣ нужны, и возмется ли Дашковъ держать корректуру и проч.?

7. Увольненіе. Послужной списокъ и пр.

На эти семь пунктовъ отвѣтить и потомъ исполнить прошу тебя немедленно и прислать обратно отвѣтъ съ эстафетою. А письмо адресовать, дабы оно не попалось къ кому не надобно, изволь на имя Александра Алексѣевича Плещеева [6]) въ Болховъ, вложивъ въ его пакетъ другой. И всѣ другія письма адресуй на его же имя: это скорѣе и вѣрнѣе. Также и всѣ письма къ Воейкову.

LII.

(Во второй половинѣ Мая 1814, Чернь).

Я получилъ твое милое письмо, безцѣнный другъ. Оно утѣшитъ всякое горе. Имѣть такого человѣка, какъ ты, своимъ другомъ есть богатство, неотъемлемое никакою судьбою. Одна только просьба: не упреди! [1]) Спѣшу отвѣчать тебѣ въ немногихъ словахъ. Ты вѣрно уже получилъ мое письмо, посланное съ эстафетою, въ которомъ прошу о письмѣ къ Досиѳею. И теперь повторяю туже просьбу. Но не знаю, будетъ ли какая-нибудь польза, захотятъ ли съ нимъ совѣтоваться и примутъ ли его совѣтъ. Не одинъ фанатизмъ противъ меня вооружается. Есть много нечувствительности и упрямства. Если нельзя дойти до сердца, то разсудокъ убѣдить трудно; а при слабомъ, нерѣшительномъ характерѣ едва ли и возможно [2]). Я самъ съ твоимъ мнѣніемъ согласенъ: монаховъ вводить въ это дѣло опасно. Но если уже нельзя будетъ избѣжать отъ нихъ, то хотя приготовленныхъ монаховъ, а не простыхъ, покрытыхъ непроницаемою рясою, заставить дѣйствовать. Итакъ пиши къ Досиѳею. Напиши объ немъ и къ Ивану Владимировичу, который твое письмо подкрѣпитъ въ случаѣ нужды своимъ. Августина оставь въ покоѣ. Арбенева свое сдѣлала: написала письмо къ матери и много испортила. Теперь вся надежда на Воейкова и, если захотятъ *совѣтоваться*, на Досиѳея. Но я не думаю, чтобы это возможно было устроить. Въ Іюлѣ Воейкова свадьба. Въ Сентябрѣ или Октябрѣ поѣдутъ въ Дерптъ. Когда жъ къ Досиѳею въ Сѣвскъ? Мы разстанемся,—и всему конецъ. Особливо, если нельзя будетъ избавиться отъ 6-лѣтней обязанности. Но почему бы нельзя? Одни

---

[6]) Объ Александрѣ Алексѣевичѣ Плещеевѣ (р. около 1775 † 1827), двоюродномъ братѣ Марьи Андреевны Протасовой, находившемся въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ Жуковскому, см. въ Сочин. К. Н. Батюшкова, т. III, стр. 751—752.

*

[1]) См. послѣднія слова въ стихотвореніи, которое помѣщено въ началѣ письма отъ 26 Марта 1814 года.

[2]) Слова эти относятся къ Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ Протасовой. П. Б.

воспитанные на казенный коштъ принимаютъ такую обязанность. Воейковъ дворянинъ. Неужели университетъ можетъ уничтожить право дворянства, дающее полную свободу входить въ службу и выходить изъ нея, *какъ захочешь*? Развѣ не могутъ случиться такія обстоятельства по дѣламъ его, которыя необходимо потребуютъ отставки? Какъ поручиться за себя за шесть лѣтъ? Похлопочи ради Бога, чтобы этого не было.

Ты велишь мнѣ писать. Другъ безцѣнный, душа воспламеняется при всемъ великомъ, что̀ происходитъ у насъ передъ глазами. Сердце жмется отъ восторга при воспоминаніи о нашемъ Государѣ и той божественной роли, которую онъ играетъ теперь въ виду цѣлаго свѣта. Никогда Россія не была столь высоко возведена. Какое восхитительное величіе! Но какъ нарочно теперь и засуха въ воображеніи. Мысли пробуждаются въ головѣ; но, взявшись за перо, чувствую, что въ немъ параличъ, и остается только жалѣть о самомъ себѣ. Не умѣю тебѣ описать своего положенія. Это не горе—нѣтъ! и горе есть жизнь;—а какая-то мертвая сухость. Все кажется пустымъ, а жизнь всего пустѣе. Такое состояніе хуже смерти, и развѣ одно только Наполеоново можетъ быть еще его хуже. Мнѣ пришла однако прекрасная мысль, но эта мысль мечта. Я воображаю, что ты можешь сюда пріѣхать къ свадьбѣ Воейкова (2 Іюля). Но можетъ ли это сбыться? Въ теперешнихъ обстоятельствахъ ты долженъ быть *на виду*. Я о себѣ теперь не думаю, и на что̀ думать? Пускай все случится само собой. Для будущаго плановъ нѣтъ. Будущее само покажетъ, чему быть должно. Мое дѣло предать себя съ совершеннымъ равнодушіемъ бѣгущему потоку. Иногда (то-есть всегда) досадно, что это(тъ) потокъ такъ медлителенъ. Перечитай мое посланіе къ тебѣ: теперь болѣе, нежели когда-нибудь, оно выражаетъ мое состояніе.

О! Бѣденъ, кто себя переживетъ [3]).

Не упрекай меня, братъ! При всемъ этомъ мысль о тебѣ есть лучшее мое услажденіе.

О, что̀ бы ни было, я знаю,
Гдѣ мнѣ прибѣжище обрѣсть [4]).

Прошу только тебя за меня думать, за меня дѣлать планы для будущаго. Мое дѣло быть покорнымъ.

Сажусь писать нѣкоторыя нужныя примѣчанія къ моимъ сочиненіямъ, чтобы послѣ тебѣ ихъ доставить. Самъ размысли, какъ съ ними поступить, продать ли, напечатать ли на свой коштъ. Знай только то, что у меня нѣтъ денегъ и что единственный доходъ, какой я теперь имѣю въ виду, есть ихъ продажа.

Не забудь объ Астраковѣ. Успѣхъ его дѣла весьма у меня на сердцѣ.

---

[3]) Стихъ изъ Посланія къ А. И. Тургеневу, начинающагося словами: „Другъ, отчего печаленъ голосъ твой?" и относящагося къ 1813 году.

[4]) См. въ стихотвореніи, находящемся въ письмѣ отъ 26 Марта 1814 года.

Письма ко мнѣ и къ Воейкову адресуй въ Болховъ на имя Александра Алексѣевича Плещеева. Это необходимо нужно для того, чтобы они не могли попасть въ заповѣданныя руки.

Я, однако, не смотря на свой параличъ, подумываю иногда о посланіи къ нашему Марку-Аврелію [5]). Какой прелестный характеръ! И какія страницы для исторіи 1814 годъ приготовилъ! О, милая Русь! Какъ душа возвышается при имени Русскаго! И какъ не обожать того, кто насъ такъ возвеличилъ! Братъ, братъ! Если бы счастіе, чтó бы я написалъ! Но какъ же велѣть душѣ летать, когда она вязнетъ въ тинѣ? Поэзія есть счастіе, то-есть тишина души, надежда въ будущемъ, наслажденіе въ настоящемъ. Какъ имѣть стихотворныя мысли, когда все это погибло? Стихотворная мысль тоже, чтó день весенній: онъ радуетъ одну только живую душу, для которой въ жизни есть прелесть.

Чтó въ оны дни будило радость въ насъ,
То въ насъ теперь унылость пробуждаетъ [6]).

Прости, безцѣнный другъ! Думай за меня о моемъ настоящемъ и будущемъ.

Я сказалъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ, что профессорство Воейкова мнѣ повредитъ. Нѣтъ, это вздоръ! И самъ не понимаю, почему это сказалъ. Смотри, и ты не вооружись противъ профессорства. Если кто можетъ мнѣ сдѣлать добро, такъ конечно Воейковъ.

Отвѣчай скорѣе на это письмо.

LIII.

6 Іюня 1814 (Чернь).

Я получилъ твое письмо и благодарю тебя душевно за то утѣшеніе, которое ты имъ мнѣ сдѣлалъ. Мнѣ никакъ не должно жаловаться на судьбу. Я много и точно безцѣнныхъ благъ имѣю. И то, чего лишаюсь, не должно дѣлать меня нечувствительнымъ къ тѣмъ сокровищамъ, которыя у меня есть. Буду писать къ тебѣ объ этомъ много. Теперь нѣтъ времени. Теперь пишу къ тебѣ для того единственно, чтобы тебя заставить поскорѣе переслать приложенное письмо по адресу. Очень много обяжешь меня, если безъ замедленія исполнишь мою просьбу. Еще прошу вывести меня изъ безпокойства: чтó значитъ предполагаемая тобою поѣздка на Волгу и на *долгое время*? Чтó значитъ возвращеніе Николая [1])? О чемъ говоришь въ заключеніи твоего письма, и чтó *миновало* тебя? Все это меня очень тревожитъ.

---

[5]) Императору Александру I.

[6]) Стихи взяты изъ Посланія къ А. И. Тургеневу, начинающагося словами: „Другъ, отчего печаленъ голосъ твой?“.

*

[1]) Вѣроятно возвращеніе Н. И. Тургенева изъ Германіи, куда онъ поѣхалъ въ концѣ 1812 или началѣ 1813 года, сопровождая знаменитаго барона Штейна, такъ много послужившаго возрожденію Пруссіи (см. „Русск. Архивъ“ 1871 года, ст. 1963, біографич. очеркъ Н. И. Тургенева, составленный Д. Н. Свербеевымъ).

*

Объяснись, другъ. За что же я одинъ свои бѣды на тебя налагаю, а твоихъ мнѣ и частицы нѣтъ!

Франсуа здѣсь. Но ты не на всѣ запросные пункты мнѣ отвѣчаешь. Объ Астраковѣ я еще ничего отъ тебя не имѣю; а много, много бы ты меня обязалъ, когда бы о переведенiи его похлопоталъ. Мнѣ очень хочется оказать услугу его доброй матери. Прости, милой другъ.

Воейковъ еще не возвращался. Жду его всякой день.

Твой Жуковскiй.

Если у тебя есть сколько-нибудь моихъ денегъ за «Пѣвца», пришли: я совсѣмъ обѣднѣлъ.

LIV.

1814, 21 Iюня (Муратово).

Милой другъ, обнимаю тебя и спѣшу дать тебѣ нѣсколько препорученiй, о которыхъ ты вѣрно позабудешь. Сначала побранимся: я просилъ тебя нѣсколько разъ объ Астраковѣ; для меня очень важно сдѣлать услугу его матери, которую мать моя очень любила и которая все полагаетъ счастiе въ своемъ сынѣ. Неужели тебѣ лѣнь объ немъ подумать? Другъ милой, утѣшь меня, похлопочи объ немъ. Теперь еще двѣ просьбы. Одна объ общемъ нашемъ благодѣтелѣ Антонскомъ. Онъ просилъ меня убѣдить тебя выходить ему мѣсто директора Лицея [1]). Можешь ли? По крайней мѣрѣ сдѣлай, что можешь. Какъ же не весело намъ объ немъ заботиться? Я всегда храню къ нему въ сердцѣ благодарное уваженiе. Другая просьба о Плещеевыхъ [2]). Здѣсь есть плѣнный докторъ Форъ, котораго они очень бы желали оставить у себя [3]). Есть ли средство, и если есть, то какое? Увѣдомь объ этомъ обстоятельно и поскорѣе. Наконецъ послѣднее. Кавелинъ писалъ ко мнѣ о Никольскомъ, который торгуетъ мои стихи для своего изданiя [4]). Извини меня передъ нимъ и поблагодари за честь. На его же-

[1]) А. А. Прокоповичъ-Антонскiй хлопоталъ черезъ Жуковскаго и Тургенева о мѣстѣ директора Царскосельскаго Лицея; но министръ народнаго просвѣщенiя графъ Разумовскiй находилъ, что Московск. Университ. Благородный Пансiонъ погибнетъ безъ Прокоповича-Антонскаго, съ чѣмъ вполнѣ соглашался и Жуковскiй (см. письма Жуковскаго къ Прокоповичу-Антонскому, отъ 20 Мая и 18 Iюля 1815 года, въ „Русск. Архивѣ“ 1883 I, 325—326). Мѣсто директора въ Лицеѣ занялъ Е. А. Энгельгардтъ.

[2]) Александрѣ Алексѣевичѣ и его супругѣ Аннѣ Ивановнѣ, урожд. графинѣ Чернышовой.

[3]) Докторъ Форъ, взятый въ плѣнъ подъ Малымъ Ярославцемъ, жилъ у Плещеевыхъ въ ихъ имѣнiи Черни. Онъ лѣчилъ въ 1813 году М. А. Протасову во время ея болѣзни (см. „Русск. Старину“ 1883 года, т. XXXVII, стр. 199). Въ бумагахъ Жуковскаго сохранилось („Бумаги В. А. Жуковскаго“, стр. 40) неизданное посланiе Жуковскаго къ Фору, относящееся къ 1813 году, которое мы помѣщаемъ вслѣдъ за настоящимъ письмомъ.

[4]) Павелъ Александровичъ Никольскiй (р. 1791 † 1816), лицо мало извѣстное въ литературѣ, предпринялъ въ 1814—1815 г.г. изданiе „Пантеона Русской поэзiи“, котораго вышло 6 частей, заключающихъ въ себѣ собранiе лучшихъ Русскихъ стихотворенiй во

ланіе согласиться не могу, потому что самъ хочу скоро выдавать все свое вмѣстѣ; тотъ же отвѣтъ и отъ Воейкова. О себѣ не пишу ни слова, а буду писать много. Мнѣ надобно раздѣлить съ тобою всѣ свои чувства. Увѣренъ, что ты будешь и ободрителемъ моимъ, и во всемъ со мною согласишься. Твое одобреніе есть мое верховное судилище.

Скоро у васъ въ Петербургѣ (будетъ?) и мой, и твой знакомецъ: милой, прелестный человѣкъ—Протасовъ, сынъ Павла Ивановича [5]). Поручаю его твоей дружбѣ. Онъ стóитъ ея. Онъ меня любитъ. Я буду писать объ немъ много. Онъ будетъ искать службы. Ты долженъ быть ему въ этомъ случаѣ самымъ ревностнымъ помощникомъ.

Пришли мнѣ новое сочиненіе Уварова [6]).

Прости, милой, безцѣнный другъ. Отъ всего сердца твой Жуковскій.

Почтовый штемпель на письмѣ: Болховъ.

Къ доктору Фору.

Сынъ Эскулапа, Фебовъ внукъ,
По платью врагъ *), по сердцу другъ,
Тебѣ нескладными стихами
Я долженъ то изобразить,
Чтó ты умѣлъ въ насъ поселить
Пилюлями, и порошками,
И хиной, и Исландскимъ мхомъ,
И добрымъ сердцемъ, и умомъ.
Сперва судьбѣ благодаренье,
За то, что въ области зимы
Ты отъ простудныя чумы
Столь чудное пріялъ спасенье.
Мой другъ, ея незримый перстъ
Тебя чрезъ столько сотенъ верстъ
Межъ ратниками, казаками,
Сперва въ Рязань, потомъ въ Орелъ,
Потомъ и къ дружбѣ въ Чернь привелъ,
Потомъ и познакомилъ съ нами.
Могу сказать тебѣ въ стихахъ,
Что даръ пріятнымъ быть имѣешь,
Что сердцемъ добръ, какъ на словахъ,
И притворяться не умѣешь;
Что къ шахматамъ имѣешь страсть,
Хотя играешь очень худо;

всѣхъ родахъ. О литературной дѣятельности Никольскаго см. замѣтку В. И. Саитова въ Сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, т. II, стр. 542—544.

[5]) Александръ Павловичъ, скончавшійся въ Москвѣ въ 50-хъ годахъ сенаторомъ. Его отецъ Павелъ Ивановичъ былъ родной братъ мужа Екатерины Аѳанасьевны, Андрея Ивановича Протасова. П. Б.

[6]) Вѣроятно сочиненіе С. С. Уварова „L'Empereur Alexandre et Buonaparte", вышедшее въ 1814 году.

*

*) Вѣроятно Форъ носилъ Французское военное платье.

Что для тебя совсѣмъ не чудо,
Зажмурясь, въ шаръ шаромъ попасть;
Что пишешь умные отвѣты,
И что всегда твои портреты
Похожи, только не на тѣхъ,
Кто былъ твоимъ оригиналомъ;
Что ты съ друзьями любишь смѣхъ
И не боишься за бокаломъ
Предъ ними сердце разстегнуть;
Что, выбравъ въ свѣтѣ вѣрный путь,
Идешь за счастьемъ осторожно
И, чтобъ себя не обмануть,
Судьбу о томъ, что̀ невозможно,
Пренебрегаешь умолять;
Готовъ назначенное взять,
Къ отъятому жъ храня презрѣнье,
Благословляешь Провидѣнье!...
И прочее... Въ стихахъ писать
Объ этомъ я—хоть и безъ склада—
Согласенъ: Муза будетъ рада!
Но какъ могу изобразить
Души разстроганныя чувство,
Смотря, какъ дружбу и искусство
Спѣшишь на благо посвятить
Тѣхъ, кто и жизни мнѣ милѣе?
Здѣсь чувство языка сильнѣе,
И сердце не находитъ словъ!
Для той печали нѣтъ стиховъ,
Въ которой вяну я душою,
Смотря, какъ страждутъ предо мною
Всѣ тѣ, кѣмъ мой украшенъ свѣтъ!
И въ часъ, когда безъ утѣшенья,
Безсильный зритель ихъ мученья,
Творю напрасный я обѣтъ,
Чтобъ Провидѣніе пріяло
Въ залогъ всю жизнь мою за нихъ,
Иль мнѣ какъ милость ниспослало
И скорби, и недуги ихъ;
Когда я бытіемъ скучаю,
И радъ бы нить его порвать,
И дни грядущаго считаю,
Страшася смертью опоздать...:
Какъ выразить то восхищенье,
Когда, воскреснувшій душой,
Внимаю сладку вѣсть: *спасенье*,
Намъ приносимую тобой;
Когда однимъ небеснымъ словомъ—
О, слова радостнѣе нѣтъ!—
Мнѣ жизнь даешь и вялый свѣтъ
Являешь мнѣ во цвѣтѣ новомъ?
О, сколь ничтоженъ здѣсь поэтъ
Съ своими бѣдными стихами!
Мой другъ, бросаю лиру въ прахъ!
Сравнится ль что̀ въ моихъ стихахъ
Съ нѣжнѣйшей матери слезами?

LV.

(Въ Сентябрѣ 1814, Долбино).

Братъ, ты жестоко меня наказываешь. Сколько времени уже не имѣю отъ тебя слуху! Неужели Петербургскіе праздники [1]) заставили тебя забыть своего Бѣлевскаго бѣднаго поэта? Я самъ давно не писалъ тебѣ; но ты могъ догадаться, что мои обстоятельства не давали мнѣ рукъ. Душа, право, всегда близко тебя, а теперь и гораздо ближе прежняго. Мнѣ о многомъ, многомъ надобно говорить съ тобою, и многое тебя изумитъ. Но радостнаго ничего не жди; можетъ-быть, за то иное и восхититъ твою душу; а иное и очень, очень сожметъ. Все это загадка; я тебѣ ее разгадаю. Только ты откликнись, другъ, товарищъ, всегда вѣрной и неизмѣнной сердцемъ, каковы бы ни были обстоятельства. Не обо всѣхъ это сказать можно. Не обо всѣхъ! О немногихъ, очень немногихъ. Такъ и быть! А все, какъ бы ни больно было, лучше быть добрымъ на худой дорогѣ, нежели дурнымъ на гладкой.

Полно теперь! Мое письмо похоже на крошево, въ которомъ ничего не разберешь. Да я и не хочу, чтобы ты что-нибудь разобралъ. Готовлю къ тебѣ большую реляцію, и самую подробную, и скоро. Теперь опять коммиссія. Здѣсь есть Минина, бывшая Михель. Ей хочется помѣстить сына въ Лицей. Узнай, когда пріемъ, какія кондиціи, и увѣдомь немедленно, чтобы она успѣла нынѣшнею зимой съѣздить въ Петербургъ для отдачи. Я, можетъ-быть, ее тебѣ рекомендую, и ты за нее похлопочи. Да что̀ же (ни) слуху о посланныхъ мною къ тебѣ пятидесяти рубляхъ? Будутъ ли Греческія книги [2])?

Мои стихи все еще къ тебѣ не посланы. И новаго ничего нѣтъ. До сихъ поръ геній, душа, сердце, все, все было въ грязи. Я не умѣю тебѣ описать того низкаго ничтожества, въ которомъ я барахтался. Благодаря одному ангелу [3]) — на что̀ тебѣ его называть? ты его имя угадаешь — я опять подымаюсь, смотрю на жизнь другими глазами; хотя ничто не удалось и надежда на все, что̀ радовало, пропала, но этотъ ангелъ мнѣ остался, и я еще *радуюсь* жизнію. Теперь слава мнѣ *драгоцѣнна*. Братъ! Твоя дружба, любовь нѣкоторыхъ *добрыхъ*, чистая, не униженная ничѣмъ презрѣннымъ слава и этотъ ангелъ, который смотритъ на мою жизнь, какъ на свое благо...... Еще жить можно!

Und ein *Gott* ist's, Der der Berge Spitzen
Röthet mit Blitzen! [4])

Видѣлъ ли ты Протасова, сдружился ли съ нимъ, полюбилъ ли его? Вамъ надобно непремѣнно любить другъ друга. Обними его за меня. Буду писать къ нему много. Скажи, чтобы прислалъ адресъ. Черезъ тебя нельзя: или забудешь письмо отдать, или потеряешь, такъ, какъ забылъ совсѣмъ объ Астраковѣ.

---

[1]) Празднества по случаю возвращенія въ Россію побѣдоноснаго ея Государя.

[2]) Письмо Жуковскаго, въ которомъ онъ послалъ 50 рублей и просилъ присылки Греческихъ книгъ (для доктора Фора, о чемъ см. ниже, въ письмахъ LVII и LVIII), до насъ не дошло.

[3]) М. А. Протасовой.

[4]) Т. е. И есть Богъ, который вершины горъ обагряетъ молніями.

Батюшковъ, чтó пріѣхалъ въ Петербургъ, то ужъ и далъ о себѣ знать [5]). Письмо о Муравьевѣ [6]) прекрасное; но зачѣмъ же онъ меня бранитъ [7])? Не я ли къ нему писалъ, чтобы у Ивана Матвѣевича [8]) выпросить мнѣ подробности жизни Муравьева? Не я ли послалъ ему переписанный экземпляръ стиховъ Муравьева, и не я ли на все это не получилъ никакого отвѣта? Обними его за меня. Благодареніе Музамъ, которыя сохранили своего любезнѣйшаго друга! Его Скандинавской замокъ прелестенъ [9]). Онъ поджигаетъ меня на поэму. Эта мысль уже давно въ головѣ моей; теперь будетъ зрѣть и созрѣетъ. Вы *часто будете обо мнѣ слышать. Между нами*: я хочу писать Посланіе къ Государю. Принято ли это будетъ и не поздно ли? Оно давно было бы и написано; но...... Музѣ надобенъ покой! А у меня его не было.

Правда ли, что Блудовъ возвратился? [10]) Если правда, напомни ему обо мнѣ. Скажи ему, что я тотъ же — лѣнтяй писать, но другъ ему *по смерть* или лучше *на жизнь и смерть*. Обнимаю тебя.

Нѣтъ ли у тебя какихъ-нибудь пособій для «Владимира»? Древностей, которыя бы дали понятія о томъ вѣкѣ, старинныхъ Русскихъ повѣстей? Посовѣтуйся объ этомъ съ Дашковымъ и С(ергѣемъ) Семеновичемъ [11]). Кавелина обнимаю.

LVI.

20 Октября (1814, Бѣлевъ) [1]).

Нѣтъ, другъ милой и *братъ*, это большое письмо не написано, и не лѣнь помѣшала его написать, и я радъ, что его не написалъ, по-

---

[5]) К. Н. Батюшковъ, послѣ кампаніи 1813 и 1814 годовъ, вернулся въ Петербургъ въ началѣ Іюля 1814 года (см. Сочиненія Батюшкова, т. III, стр. 284 и 711).

[6]) Письмо къ И. М. Муравьеву-Апостолу о сочиненіяхъ М. Н. Муравьева, изданныхъ по его кончинѣ, было напечатано въ „Сынѣ Отечества“ 1814 года, № XXXV, отъ 27-го Августа.

[7]) За медленность въ работахъ по приготовленію къ печати сочиненій М. Н. Муравьева, не вошедшихъ въ изданіе 1810 года. Этимъ дѣломъ, по предложенію вдовы М. Н. Муравьева, Екатерины Ѳеодоровны Муравьевой, Жуковскій занимался давно. Еще въ Апрѣлѣ 1812 года К. Н. Батюшковъ пенялъ ему за его медленность (Соч. Батюшкова, т. III, стр. 179). Напоминанія Батюшкова Жуковскому продолжались въ 1814 и 1815 гг., причемъ Батюшковъ одобрялъ составленный Жуковскимъ планъ изданія (тамъ же, стр. 304—306, 316, 346, 357—358). Въ концѣ концовъ, занятый другими дѣлами, Жуковскій отказался отъ участія въ этомъ предпріятіи (Соч. Батюшкова, т. II, стр. 422).

[8]) У Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола (р. 1768 † 1851), свѣдѣнія о дѣятельности котораго см. въ Соч. Батюшкова, т. II, стр. 411—417.

[9]) Элегія Батюшкова „На развалинахъ замка въ Швеціи“.

[10]) Д. Н. Блудовъ, состоявшій съ 1812 года совѣтникомъ нашей миссіи въ Стокгольмѣ, вернулся въ Петербургъ вмѣстѣ съ К. Н. Батюшковымъ въ началѣ Іюля 1814 года (см. Соч. Батюшкова, т. III, стр. 303).

[11]) Уваровымъ.

*

[1]) О томъ, что еще 17-го Октября 1814 г. Жуковскій былъ въ Бѣлевѣ, см. „Бумаги В. А. Жуковскаго“, стр. 151. 20, 21 и 22-го Октября онъ провелъ у баронессы Черкасовой (т. е. въ Володьковѣ).

тому что въ немъ было бы много несправедливаго, внушеннаго огорченіемъ; а то, чтó и было бы справедливо, должно быть предано забвенію и исправлено. Я думаю, черезъ часъ послѣ моего послѣдняго письма къ тебѣ обстоятельства перемѣнились. Не радуйся! Того, чтò надобно, чтó одно было бы для меня счастіемъ, нѣтъ и, вѣроятно, не будетъ. По крайней мѣрѣ и жестокаго *розно* также не будетъ [2]). Фанатизмъ, присоединенный къ слабому, нерѣшительному характеру, непобѣдимъ. На него ни разсудокъ, ни сожалѣніе, ничто дѣйствовать не могутъ. Нѣтъ довольно твердости, чтобы на что-нибудь рѣшиться, чтобы остаться при томъ, на чтó рѣшился. Вся твердость въ этомъ дьявольскомъ суевѣріи, которое ненавижу отъ всего сердца. Ахъ, святая религія, святое понятіе о Богѣ, какъ васъ искажаютъ! Но такъ и быть! Будущее впереди, въ рукѣ твердой; мое дѣло дойти до него хорошею дорогою. Мы вмѣстѣ—это много, это все. Не думаю однако, чтобы было полное спокойствіе, полное счастіе: все это зависитъ не отъ насъ! Но надобно сколько можно беречь это сокровище, трудиться, помнить предположенную цѣль, радоваться, что есть дружба, которая меня утѣшаетъ; словомъ, писать и жить, какъ пишешь. Стоитъ своего счастія, и оно будетъ наше. Развѣ мало—быть добрымъ, быть любимымъ такимъ сердцемъ, какого нѣтъ другаго, быть другомъ твоимъ, быть поэтомъ и писать не для низкаго всеобщаго одобренія, а для семейства прекрасныхъ людей, съ которыми породнишься посредствомъ высокихъ, неложныхъ и хорошо выраженныхъ чувствъ, которыя, можетъ-быть, останутся и для потомства? Слава, истинная слава! А для меня она выше, нежели для другихъ. Искать, а значитъ любить самое прелестное твореніе, въ лучшія, совершеннѣйшія минуты жизни быть къ ней ближе. Братъ, еще можно быть счастливымъ на свѣтѣ! Кто можетъ писать и говорить мыслями сердцу, да притомъ не слишкомъ самолюбивъ, чтобы въ одномъ только успѣхѣ видѣть свою награду, тотъ живи и радуйся жизнію. Письмо мое похоже нѣсколько на диѳирамбъ; но ты поймешь меня. Теперь я совершенно одинъ. Мои *всѣ* разъѣхались, кто въ Москву, кто въ Тамбовъ и тому подобное. Но я никогда не былъ такъ веселъ. Всѣ минуты *мои*. Сочиняю планъ будущаго, и планы не химерическіе, а такіе, которые можно и должно исполнить. Пишу стихи безъ памяти [3]), и когда все то напишется, чтó я предположилъ написать въ это время, то будетъ къ тебѣ отправлено вмѣстѣ съ старымъ для напечатанія. Хочу приниматься за Посланіе къ Государю; планъ сдѣланъ, кажется, хорошо, а это для меня всего важнѣе. Онъ *написанъ* [4]), слѣдовательно не могу бояться, чтобы мысли, записанныя въ минуту горячую, пропали изъ головы въ минуту холодную. Мнѣ ве-

---

[2]) Жуковскій получилъ отъ Е. А. Протасовой разрѣшеніе ѣхать вмѣстѣ съ ея семьею въ Дерптъ.

[3]) Въ бумагахъ Жуковскаго сохранился перечень стихотвореній, написанныхъ имъ въ теченіе Октября, Ноября и Декабря 1814 года (см. „Бумаги В. А. Жуковскаго," стр. 151—152).

[4]) Этотъ планъ сохранился въ бумагахъ Жуковскаго (см. „Бумаги В. А. Жуковскаго", стр. 155).

село было писать этотъ планъ и, признаюсь, много обѣщаю себѣ наслажденія отъ самого сочиненія. Никакой поэтъ не можетъ похвалиться, чтобы имѣлъ подобный этому предметъ. При имени Государя сердце распаляетъ воображеніе. Кто подумаетъ о лести! Россія должна благодарить его за тотъ великій характеръ, который онъ къ славѣ ея явилъ въ такихъ рѣшительныхъ для нея обстоятельствахъ и, благодаря этому характеру, Россія теперь славнѣе, нежели когда-нибудь. Но это все найдешь въ моемъ Посланіи. Только уговоръ, чтобы *никто не зналъ* объ этомъ. Какъ скоро узнаютъ, то это обратится въ тяжкую обязанность, и принужденность будетъ охлажденіемъ воображенія. Я всегда замѣчалъ, что именно того я не дѣлалъ, чтó долженъ или принужденъ былъ сдѣлать. Итакъ молчи и не убей моего Посланія, разсказавъ о немъ, прежде нежели оно родилось. A propos. У меня бродитъ въ головѣ мысль, чтó если бъ 25-го Декабря было бы для насъ тоже, чтó для Англичанъ день святой Сесиліи, чтобы непременно каждый годъ была сочинена ода на этотъ день и положена на музыку? Почему не быть у насъ Дрейденамъ, Пóпамъ и Конгревамъ? [5]) А какой сюжетъ! Но только, чтобъ это было установленіе, утвержденное Государемъ. Оно перейдетъ къ потомству. Молитвы своимъ чередомъ, а стихи своимъ.

Попробуй пульсъ у Батюшкова, въ полномъ ли онъ здравіи обрѣтается? Вѣдь это сумасшествіе! Прислать ко мнѣ свою книжку [7]) и не написать ко мнѣ ни слова. Грѣхъ и стыдъ! Онъ напрасно журитъ меня за Муравьева. Поправленный списокъ его стиховъ отданъ былъ, если не ошибаюсь, въ Москвѣ ему или по почтѣ ему же доставленъ. Бѣда бы не велика, но вотъ чтó больше бѣды: я потерялъ поправки, и надобно снова приниматься за эту работу. Напомни ему, что я долженъ былъ писать жизнь Муравьева, что для этого надобно было мнѣ имѣть свѣдѣнія о его обстоятельствахъ, что этихъ свѣдѣній нельзя почерпнуть изъ тѣхъ бумагъ его, которыя у меня, что я просилъ его же, попеньку-шельму.... [8]), мнѣ эти свѣдѣнія доставить! Бумаги всѣ цѣлы; успокой на счетъ ихъ Екатерину Ѳедоровну [9]). Теперь мнѣ предстоитъ поѣздка въ Дерптъ. Я переселяюсь туда съ Воейковымъ. Вѣроятно, что это случится зимою, и *первая* работа мнѣ въ Дерптѣ будетъ изданіе стиховъ Муравьева съ пріобщеніемъ къ нимъ его жизни. Приготовьте къ этому времени всѣ нужные матеріалы: то-есть хоть ты возьмись стучать Батюшкову въ голову и кричать этому кур-

---

[5]) Извѣстные Англійскіе поэты: Джонъ Дрейденъ (Dryden, р. 1631 † 1700), Александръ Попъ (Pope, р. 1688 † 1744) и Вильямъ Конгревъ (р. 1670 † 1729). Изъ Дрейдена Жуковскій перевелъ „Пиршество Александра“ (иначе называемое Одою въ честь св. Сесиліи).

[7]) Вѣроятно, принадлежавшую ему книжку сочиненій М. Н. Муравьева.

[8]) Одно слово выпущено.—„Батюшкова—пишетъ кн. П. А. Вяземскій—между собою, мы прозвали *попенькою*, потому что въ лицѣ его, а особенно въ носу, было что-то птичье. Поэтому и Воейковъ въ „Домѣ сумасшедшихъ“ посадилъ его въ клѣтку“ (см. „Русск. Архивъ“ 1866 года, ст. 490).

[9]) Муравьеву, вдову Михаила Никитича Муравьева.

гузому скомороху, чтобы онъ доставилъ мнѣ эти матеріалы. Впрочемъ и на тебя плоха надежда: что̀ ни поручи тебѣ, все проспишь. Какой отвѣтъ сдѣлалъ ты мнѣ о Лицеѣ [10])? Есть ли какой нибудь слухъ объ Астраковѣ? Человѣкъ ты Божій!

Обними за меня Блудова. Отъ него нѣтъ ни слова, но я самъ виноватъ: самъ не писалъ къ нему ни разу. Но что́, если онъ это молчаніе назоветъ моею перемѣною къ нему въ дружбѣ? Нѣтъ, не назоветъ! Тогда и мнѣ дастъ онъ право тоже объ немъ подумать. Прошу тебя, вымоли у него ко мнѣ строчку. Онъ все въ долгу у меня. Я писалъ къ нему въ твоемъ письмѣ, а онъ и тебѣ ничего мнѣ сказать не велитъ. Это грустно и больно. Неужели мы можемъ другъ для друга перемѣниться, не говорю уже разстаться? Его дружба не только нужна мнѣ для меня, но и для моей Музы. Онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ одобреніе цѣню весьма высоко. Растолкай ради Бога его дурацкую лѣнь.

Прости. A propos, вчера родилась у меня еще баллада-пріемышъ, то-есть переводъ съ Англійскаго [11]). Ужъ то-то черти, то-то гробы! Но это послѣдняя въ этомъ родѣ. Не думай, чтобы я на однихъ только чертяхъ хотѣлъ ѣхать въ потомство. Нѣтъ! Я знаю, что они собьютъ на дорогѣ, а, признаюсь, хочу, чтобы они меня конвоировали.

То, что́ ты пишешь о братьяхъ, меня радуетъ: славные ребята! На дѣтей нашего старика Тургенева Богъ поглядѣлъ въ милостивую минуту: сердца и головы прекрасныя. И все это *мои*. Любо! Прощай. Передъ Сергѣемъ Семеновичемъ [12]) я виноватъ, и онъ, видно, рѣшился меня отбросить въ толпу шалуновъ. Я съ нимъ поступилъ какъ съ тобою, то-есть отложилъ ему отвѣчать на его письмо, а что̀ отложишь, того не сдѣлаешь. Вотъ и по сію пору я къ нему не написалъ. За то и нѣтъ у меня ни похвальнаго слова Моро́ [13]), ни сочиненія его о Государѣ [14]). Я постараюсь загладить свою вину передъ нимъ. Объ Голицыной [15]) не могу подумать безъ содроганія. Выдумай какое-ни-

---

[10]) Т. е. на счетъ желанія А. А. Прокоповича-Антонскаго получить мѣсто директора Лицея или на счетъ помѣщенія сына Мининой въ Лицей.

[11]) Баллада „Старушка", позднѣе озаглавленная такъ: „Баллада, въ которой описывается, какъ одна старушка ѣхала на черномъ конѣ вдвоемъ, и кто сидѣлъ впереди, (Подражаніе Саути)". Эту балладу Жуковскій написалъ въ четыре дня (14, 15, 17 и 19 Октября 1814 года) (см. „Бумаги В. А. Жуковскаго", стр. 151).

[12]) Уваровымъ.

[13]) Брошюра „Éloge funèbre de Moreau" вышла въ Петербургѣ въ 1813 году. Моро́—извѣстный Французскій генералъ, въ 1813 году вызванный Императоромъ Александромъ изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, гдѣ онъ проживалъ съ 1805 года. Онъ участвовалъ въ совѣтахъ о направленіи военныхъ дѣйствій союзниковъ противъ Наполеона. Тяжело раненый въ сраженіи подъ Дрезденомъ, онъ умеръ 20 Августа 1814.

[14]) См. выше, прим. 6-е къ письму LIV-му.

[15]) Вѣроятно княгиня А. И. Голицына продолжала переписку съ Жуковскимъ о своихъ предположеніяхъ включить крестъ въ Русскій государственный гербъ (см. выше, письма XLIV и XLV).

*

будь средство, чтобы меня вывести изъ дураковъ, изъ этой бездны, въ которую я самъ добровольно залѣзъ и гдѣ сижу какъ какой-нибудь хозяинъ.

Чтó мой Протасовъ? Пожури его. Видно онъ не умѣетъ помнить посреди шумнаго свѣта тѣхъ, кого любилъ въ уединеніи. А у насъ съ нимъ не одна причина любить другъ друга. Я его обнимаю.

Жуковскій.

LVII.

1814 Ноября 8 (Долбино).

Ты вѣрно думаешь, что у меня все готово, а я еще не написалъ ни одного стиха изъ моего Посланія; ты же объ немъ успѣлъ раструбить. Хорошъ ты! Но такъ и быть. Пишу теперь для того, что передъ началомъ всякаго добраго дѣла нужно поговорить съ милымъ человѣкомъ, чтобы доброе было прямо добрымъ. Благослови, братъ! Завтра начну прибивать свое имя къ памятнику Александра [1]). Не знаю, удастся ли. Не думай однако, чтобы лѣнь меня до сихъ поръ удерживала. Нѣтъ, я написалъ много, и никогда такъ много не писалъ. Хотѣлось кончить многое мелкое, чтобы приняться безъ всякой заботы за одно большое. Но шутя-шутя написалъ пять балладъ [2]), да еще три въ головѣ [3]), которыя пойдутъ рядомъ съ Посланіемъ. Но прошу только не разславлять моихъ подвиговъ. Съ тобою не боюсь быть синицею, но съ другими это не весело. Скажи мнѣ, когда поспѣетъ *нашъ* памятникъ [4])? Нельзя ли прислать ко мнѣ рисунка? Два ли будетъ камня, или одинъ для двухъ? Я желалъ бы весь геній, какой во мнѣ есть, посадить въ одну надпись и боюсь не то написать, чтó хочется. Но прежде непремѣнно мнѣ надобно имѣть описаніе памятника.

Видаешь ли ты Свиньина Павла [5])? Поблагодари и обними его

---

[1]) Посланіе къ Императору Александру написано съ 14 по 23 Ноября 1814 года (см. „Бумаги В. А. Жуковскаго“, стр. 151).

[2]) Старушка (написана 14, 15, 17 и 19 Октября), Варвикъ (съ 24 по 27 Октября), Алина и Альсимъ (съ 28 по 30 Октября), Эльвина и Эдвинъ (тогда же) и Ахиллъ съ 1 по 3 Ноября 1814 г.) см. „Бумаги В. А. Жуковскаго“, стр. 151.

[3]) Эолова арфа (написана 9 и 13 Ноября), Искупленіе (позднѣе озаглавл.: Вадимъ) (съ 17 го 23 Ноября и съ 1 по 11 Декабря) и Теонъ и Эсхинъ (съ 1 по 11 Декабря) См. тамъ же.

[4]) Несомнѣнно рѣчь идетъ о памятникѣ надъ могилами Ивана Петровича и Андрея Ивановича Тургеневыхъ. Эпитафію Жуковскій сообщилъ А. И. Тургеневу лишь черезъ три года, именно 1 Января 1819 года. Эта надгробная надпись печатается въ Сочиненіяхъ Жуковскаго ошибочно подъ 1807 годомъ (см. Сочин. Жуковскаго, изд. 8-е, т. I, стр. 89).

[5]) Павелъ Петровичъ Свиньинъ (р. 1787 † 1839), впослѣдствіи извѣстный издатель „Отечественныхъ Записокъ“, былъ тоже воспитанникъ Московск. Университ. Благородн. Пансіона. Увлеченный страстью къ живописи, онъ нѣкоторое время былъ въ Академіи Художествъ. Съ 1808 по 1813 годъ онъ состоялъ при нашемъ посольствѣ въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, и въ 1813 году имѣлъ порученіе препроводить оттуда извѣстнаго генерала Моро въ главную квартиру Русской арміи (см. некрологъ Свиньина въ „Сынѣ Отечества“ 1839 года, т. IX, отд. IV, стр. 78—80).

за меня за доставленную имъ мнѣ книгу [6]) черезъ Андрея Ѳедоровича Сухотина. Онъ очень одолжилъ меня тѣмъ, что обо мнѣ вспомнилъ; попроси, чтобы онъ доставилъ мнѣ то, что́ написалъ о Моро́. Говорятъ, что онъ сдѣлался славнымъ живописцемъ. Виватъ, наши пансіонеры! Посмотри, если не они положатъ печать на вѣкъ Александровъ!

Пишу къ тебѣ немного. Я въ стихахъ по уши. Губаревъ [7]) взялся мнѣ все переписать такъ, какъ должно для печати. Много найдешь новаго въ этомъ экземплярѣ. Не хочу ничего посылать въ журналы, дабы сберечь что-нибудь новое для изданія; да и Никольскій нѣсколько меня пугаетъ [8]). А браниться съ ними нельзя: я самъ имъ подалъ примѣръ [9]). Скажи мнѣ, что́ профессорство Воейкова? Что́ Блудовъ? Напишетъ ли онъ ко мнѣ? Что́ Батюшковъ? Напишетъ ли онъ ко мнѣ? Что̀ Форовы Греческія книги? Вспомнишь ли ты когда-нибудь объ нихъ и познакомишься ли хотя на минуту со стыдомъ? Прости. Жуковскій.

Нѣтъ ли въ Петербургѣ сочиненій Шиллера, вышедшихъ послѣ его смерти? Я желалъ бы имѣть ихъ.

LVIII.

1 Декабря (1814, Долбино).

Ты ждешь отъ меня плана моего Посланія къ Государю, а я посылаю тебѣ его совсѣмъ написанное. Первое условіе: прочитать вмѣстѣ съ Батюшковымъ, съ Блудовымъ, съ Уваровымъ и, если онъ состоитъ на лицо, съ Дашковымъ. Что́ найдете необходимымъ поправить— поправляйте [1]); на меня въ этомъ случаѣ уже не надѣйтесь. Лучше написать новое, нежели поправлять. Пока пишу, по тѣхъ поръ мараю, сколько душѣ угодно, и *могу* марать; написалъ—всему конецъ! Если вздумается поправить, то для одной только порчи. Сюжетъ мой такъ великъ, что мнѣ надобно было держать себя въ уздѣ, чтобы не слиш-

---

[6]) Вѣроятно, за напечатанное въ 1814 году въ Петербургѣ сочиненіе Свиньина: „Взглядъ на республику Соединенныхъ Штатовъ Американскихъ областей“.

[7]) Какъ кажется, тоже бывшій сверстникомъ Жуковскаго и Тургенева по Благородному Пансіону (см. ниже, приписку Губарева къ письму Жуковскаго подъ № LVIII). Объ этомъ Губаревѣ Жуковскій упоминаетъ въ концѣ своего Посланія къ А. А. Плещееву отъ 14 Октября 1814 года (см. Сочин. Жуковскаго, изд. 8-е. т. I, стр. 429).

[8]) Пантеономъ Русской поэзіи (см. выше, прим. 4-е къ письму LIV-му).

[9]) Жуковскій припоминаетъ свое „Собраніе Русскихъ стихотвореній“.

*

[1]) „Jo, triumphe! писалъ по поводу Посланія С. С. Уваровъ Жуковскому 20 Декабря 1814 года. Прекрасно! Прекрасно! Чувства возвышенныя, мысли глубокія и сильныя, похвала благородная и смѣлая, языкъ поэта. Еще разъ: прекрасно!... Мы читали ваше Посланіе съ предубѣжденіемъ, но вмѣстѣ и съ разборчивостью дружбы, и кромѣ малаго числа словъ и двухъ или трехъ незначущихъ стиховъ, мы все одобрили. Мы съ Тургеневымъ подумаемъ о лучшемъ способѣ представить ваше прекрасное произведеніе Государынѣ Императрицѣ“ („Русскій Архивъ“, 1871 г. ст. 0163). К. Н. Батюшковъ свои замѣчанія на Посланіе сообщилъ въ письмѣ къ А. И. Тургеневу (см. Соч. Батюшкова т. III, стр. 299—302, гдѣ письмо ошибочно пріурочено къ Октябрю-Ноябрю 1814 года: оно должно быть отнесено къ серединѣ Декабря того же года).

комъ расплодиться и излишнимъ богатствомъ отдѣльныхъ частей не ухлопать цѣлаго. Не знаю, удалось ли. Мнѣ нравится, другимъ нравится; но надобно, чтобы вамъ, священный мой ареопагъ, противъ котораго нѣтъ апелляцій, понравилось! Если скажете: хорошо! то мое мѣсто въ храмѣ безсмертія свято. Скажите же ради Бога: хорошо! но только не для того, чтобы меня по губамъ помазать, а положивъ руку на сердце, какъ друзья, какъ мои заботливые квартирьеры на походѣ къ славѣ. Судьбу этого Посланія предаю въ руцѣ твои, Тургеневъ. Ты долженъ его переписать и доставить къ Государынѣ Императрицѣ [2]) и, если можно, скорѣе. Прошу цензоровать со всевозможною строгостію приложенное письмо, переписать его, подписать за меня и подать. Признаюсь, я боюсь, чтобы не вздумалось меня за это Посланіе подарить чѣмъ-нибудь. Старайся, чтобы этого не было. Пошлины съ любви и съ выраженія любви къ нашему славному Царю сбирать не должно. Я многое писалъ съ восхищеніемъ, и за это счастливое чувство нечѣмъ наградить. Я такъ этого боюсь, что даже намекнулъ объ этомъ и въ своемъ посвященіи [3]), но прилично ли? Суди самъ и сдѣлай, какъ посудишь. Изданіе поручаю тебѣ. Надобно, чтобы форматъ былъ такой, чтобы не нужно было *ломать строкъ*: ломанныя строки гадки и слишкомъ пестры [4]). Прошу, чтобы этого никакъ не было. Если можно, уговорить бы друга Михаила Дмитріевича [5]) позаботиться о корректурѣ: никто не можетъ имѣть такой точности, какъ онъ. Попроси его объ этомъ отъ меня. Не худо бы было и виньетку [6]); объ этомъ лучше всего попросить Свиньина: для стараго сотоварища онъ не полѣнится черкнуть раза три своею волшебною кистію. Вотъ, кажется, все, чтó касается до Посланія.

Прошедшіе Октябрь и Ноябрь были весьма плодородны. Я написалъ пропасть стиховъ; написалъ ихъ столько, сколько силы стихотворныя могутъ вынести. Всегда такъ писать невозможно: ухлопаешь себя по пустому. А почти такъ всегда писать можно и должно. Жизнь мнѣ измѣняетъ; уцѣпился за безсмертіе! Я объ немъ думаю, какъ о любовницѣ; быть стихотворцемъ во всемъ смыслѣ этого слова—прекрасная мысль! Можетъ быть, и гордая мысль! Но развѣ надобно имѣть передъ собою цѣль низкую? Писать такъ, чтобы говорить сердцу и возвышать его; а между тѣмъ, пока живешь, жить, думать, чувствовать и пр., какъ пишешь. Сверхъ того имѣть друзей—друзей твоей славы, друзей твоихъ чувствъ и мыслей, и съ ними еще *кого-нибудь*. Жаль, что тебя нѣтъ въ эту минуту подлѣ меня! Какъ бы было весело пожать тебѣ руку! И всякой разъ сердце сожмется, когда вспом-

---

[2]) Вдовствующей Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ.

[3]) „Не лесть приводитъ теперь стихотворца къ Престолу,—говорится въ посвященіи Государынѣ,—не бѣдная надежда заслужить награду но славное имя Русскаго, но честь быть однимъ изъ тѣхъ счастливцевъ, которые клялись въ вѣрности Великому Человѣку, за котораго жизнь отдать есть наслажденіе".

[4]) Посланіе было напечатано, по желанію Жуковскаго, въ 4-ю долю листа.

[5]) Костогорова.

[6]) Изданіе вышло безъ виньетокъ.

9*

нишь, что лучшаго нашего товарища [7]) во всемъ прекрасномъ нѣтъ и никогда не будетъ.

Чтó бы тебѣ сказать однимъ словомъ о всѣхъ моихъ подѣлкахъ, кромѣ этого Посланія? Переведены четыре баллады [8]), да двѣ сочинены [9]), да еще три посланія къ Вяземскому, не считая всякаго рода мелкой дряни, и годной, и негодной. Все это доставлено будетъ къ тебѣ вмѣстѣ съ прочимъ, переписанное и совсѣмъ готовое для печати. Какъ печатать, объ этомъ дано будетъ письменное подробное наставленіе. Поправокъ отъ меня не требовать. Дается вамъ право выбрасывать все, чтó найдете негоднымъ. Корректуру же надобно непремѣнно поручить Михаилу Дмитріевичу. Если онъ за нее не возьмется, то хоть бы и не печатать. Какъ думаешь лучше выдавать? На подписку или такъ? Подписка, вѣроятно, была бы весьма благодѣтельна для моего кармана, который пустъ, да и пустъ такъ, что ужъ ничто съ его пустотою сравняться не можетъ. Но объ этомъ послѣ. Вѣроятно, мой манускриптъ будетъ у тебя въ рукахъ черезъ мѣсяцъ. Вы между тѣмъ подумайте вмѣстѣ о моихъ финансахъ. Перепишется скоро. За это взялся нашъ пріятель Губаревъ, котораго рукою переписано и Посланіе къ Царю. A propos: придумайте вмѣстѣ и титулъ, если тотъ, который данъ мною ему, вамъ не понравится. А я теперь принимаюсь за новый подвигъ. Пѣвецъ во Станѣ, предсказавшій побѣды, долженъ ихъ воспѣть; и гдѣ же лучше, какъ не на Кремлевскихъ развалинахъ, посреди народа, пришедшаго благодарить Творца побѣдъ, на тоже самое мѣсто, гдѣ Онъ въ первый разъ грянулъ на нашихъ новыхъ Ордынцевъ. Итакъ жди новаго Пѣвца; мѣсто Кремль; слушатели граждане Москвы; время — день Рождества Христова, день, посвященный торжеству побѣды единственной. Жди, молчи и вѣрь. Планъ сдѣланъ; начало сдѣлано, все скоро поспѣетъ. Не знаю только, будетъ ли въ твоихъ рукахъ къ 25. А хорошо бы [10])! Пришлю съ эстафетою. Только ради Бога не разглашай. Это будетъ убійствомъ.

Очень желаю, чтобы мое Посланіе вамъ понравилось. Новыя баллады, кажется, не хуже первыхъ, и двѣ только въ *страшномъ родѣ* [11]). Чтобы былъ полный комплектъ, осталось написать еще одну, необходимую, продолженіе 12 Спящихъ Дѣвъ; она уже и начата [12]). Только теперь надобно заняться однимъ Пѣвцомъ. Есть и еще нѣсколько плановъ. Все это должно поспѣть въ Декабрѣ.

---

[7]) Андрея Ивановича Тургенева.

[8]) Старушка, Варвикъ, Алина и Альсимъ, Эльвина и Эдвинъ.

[9]) Ахиллъ и Эолова арфа.

[10]) Наброски мыслей для „Пѣвца въ Кремлѣ" сохранились въ бумагахъ Жуковскаго (см. „Бумаги В. А. Жуковскаго", стр. 155). Началъ писать „Пѣвца" Жуковскій съ 1 Декабря (см. тамъ же, стр. 151). Къ 22 Декабря онъ не дошелъ и до половины „Пѣвца" (тамъ же, стр. 155). Оконченъ же былъ „Пѣвецъ въ Кремлѣ" лишь въ 1816 году, въ Дерптѣ.

[11]) Старушка и Варвикъ.

[12]) Искупленіе (позднѣйшее заглавіе: Вадимъ); начато это произведеніе 17 Ноября (см. выше, прим. 3-е къ письму LVII-му).

Вѣроятно, что въ концѣ Декабря я приближусь къ тебѣ на нѣсколько сотъ верстъ. Вмѣстѣ *съ ними* ѣду въ Дерптъ. О Воейковѣ переговоримъ, когда увидимся. Отъ Дерптской жизни не жду ни счастія, ни покоя. Надобно имѣть подлѣ себя другіе характеры, чтобы имѣть и то, и другое. Но все замѣнится милымъ *вмѣстѣ*. Такъ и быть! Но знаешь ли, что въ головѣ моей бродитъ новая химера? Что-то похожее на надежду. Вотъ чтó я здѣсь слышалъ. Государыня М(арія) Ѳеод(оровна) знаетъ *обо всемъ*, но, кажется, знаетъ не такъ, какъ должно. Она думаетъ, что М.[13]) моя сестра. Если она бы знала настоящее положеніе вещей, то, вѣроятно, такъ же, какъ и я и ты, считала бы возможнымъ *все*. Это одна только тѣнь надежды. Подумай самъ и сообщи мнѣ свои мысли; тогда поговоримъ обо всемъ пространнѣе. Ты занимаешь такое мѣсто[14]), которое даетъ тебѣ доступъ къ ушесамъ священныхъ нашихъ законодателей Церкви. Эти двѣ силы, Тронъ и Синодъ, могли бы побѣдить предразсудокъ. Подумай и напиши ко мнѣ. А я тебѣ доставлю всѣ нужныя подробности. Чтобы заставить тебя дѣйствовать, не нужно, кажется, представлять твоему воображенію то счастіе, какимъ бы твой товарищъ наслаждался въ жизни. Другаго нѣтъ! А въ этомъ счастіи все—поэзія, слава, жизнь. На Воейкова полагаться нечего: онъ не имѣетъ характера. Я очень хорошо могу жить *съ нимъ вмѣстѣ*, но ждать отъ него нечего. Это между нами.

Вотъ тебѣ еще просьба. Если можно, исполни ее. Мнѣ очень было бы весело сдѣлать пособіе этой доброй женщинѣ, которая была дружна съ моею матерью [15]). Изъ приложенной записки узнаешь, объ чемъ дѣло. Тутъ же и записка о ея сынѣ, объ которомъ я просилъ тебя уже нѣсколько разъ. Будучи членомъ Патріотическаго Общества, тебѣ, вѣроятно, будетъ легко что-нибудь выхлопотать на ея просьбу. Постарайся.

Греческихъ книгъ [16]) ожидаю, и давно ожидаю. Хорошо бы ты сдѣлалъ, когда бы выпросилъ у Сергѣя Семеновича обѣщанныя имъ мнѣ Англійскія книги; и еще попросилъ бы у него (если есть у него) Thalaba the Destroyer by Southey и Arthur or the Northern Enchantement by Hoole [17]). Все это могло бы мнѣ пригодиться для моего

---

[13]) М. А. Протасова.

[14]) А. И. Тургеневъ, занимая должность директора департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, находился подъ начальствомъ „друга царева“ князя Александра Николаевича Голицына, который одновременно былъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода и главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій.

[15]) Дѣло шло о назначеніи г-жѣ Астраковой денежнаго пособія. „Г-жѣ Астраковой еще 4 Сентября назначено 125 рублей“, сообщалъ Жуковскому И. И. Дмитріевъ (въ письмѣ безъ даты, но, очевидно, относящемся къ концу 1814 года) См. „Русск. Архивъ“ 1871 года, стр. 423.

[16]) Для доктора Фора. (См. ниже въ этомъ же письмѣ и выше, въ концѣ письма LVII).

[17]) Произведеніе Роберта Саути (р. 1774†1843) „Thalaba“ вышло въ Лондонѣ, въ 1803 году. Авторомъ „Arthur'a“ былъ не Hoole, а Ричардъ Hole; это стихотворное произведеніе напечатано въ Лондонѣ, въ 1789 году. „Надѣясь на будущее съ вами свиданіе, писалъ

«Владимира», который крѣпко гнѣздится въ моей головѣ. О, если бы милой покой,—какъ бы все шло прекрасно! Послѣдніе дни мѣсяца провелъ я почти одинъ, и каждая минута была моей; я точно спѣшилъ писать, какъ будто бы кто-нибудь говорилъ мнѣ, что это послѣдній срокъ, что въ будущемъ все пойдетъ хуже и хуже и что мой стихотворной геній наканунѣ паралича. Дай Богъ, чтобы предчувствіе обмануло. Теперь по крайней мѣрѣ знаю, что слѣдъ мой не совсѣмъ погибнетъ. Но такой ли надобно по себѣ оставить!

Батюшкова обнимаю за его милое письмо [18]), на которое буду отвѣчать много на слѣдующей почтѣ. Блудова обнимаю за его молчаніе: безбожникъ! Я просилъ Кавелина о Гаспари и Чайковскомъ. Напомни ему объ этомъ и обо мнѣ. Хотя бы онъ что-нибудь отвѣчалъ, дабы я имъ могъ какой-нибудь отвѣтъ сдѣлать. Прости, отвѣчай скорѣе.

Боюсь, не надѣлалъ ли ты проказъ съ своимъ Нѣмецкимъ Грекусомъ? Книги Греческія, выписываемыя мною, не для меня, а для Француза, не знающаго ни по-нѣмецки, ни по-русски. На что̀ онѣ будутъ годны, если онѣ для Русскаго и для Нѣмца?

Вотъ и подпись, съ которой можешь списать, дабы за меня подписаться подъ письмомъ къ Государынѣ: Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный Василій Жуковскій.

Надобно будетъ, я думаю, сдѣлать нѣкоторыя примѣчанія къ Посланію [19]). Постарайся объ этомъ. Мнѣ некогда; спѣшу посылать [20]).

LIX.

(Въ первыхъ числахъ Января 1815, Долбино).

Приложенное письмо отдай Уварову. Писать некогда. Опоздалъ отъ того, что вздумалъ вамъ отвѣчать стихами. Прошу ихъ не критиковать, потому что они написаны нынче по утру, какъ письмо на почту. Они принадлежатъ Ареопагу [1]). Къ тебѣ, Блудову и Батюшкову буду писать особенно. Письма ваши всѣ получилъ. Они придали мнѣ жизни. Славно имѣть такихъ товарищей. Жуковскій.

Жуковскому С. С. Уваровъ 20 Декабря 1814 г., нынѣ книгъ вамъ не посылаю. Southey's Thalaba у меня нѣтъ; но я его читалъ, и онъ очень посредственный поэтъ, или лучше сказать, совсѣмъ не поэтъ. Теперь у Англичанъ ихъ только *два*: Walter Scott и Lord Byron. Послѣдній превышаетъ, можетъ быть, перваго" („Русск. Архивъ" 1871 г., ст. 0163).

[18]) Вѣроятно, за письмо отъ 3 Ноября (напеч. въ Соч. Батюшкова, т. III стр. 302—306).

[19]) Въ посланіи къ Императору Александру нѣтъ примѣчаній.

[20]) Затѣмъ идетъ приписка Губарева, слѣдующаго содержанія: „Позвольте вамъ, почтенной Александръ Ивановичъ, напомнить о Губаревѣ, который хотя давно не имѣетъ удовольствія васъ видѣть, но все помнитъ старинную молодость лѣтъ нашихъ. Какъ-то у васъ въ Петербургѣ понравится Посланіе къ достойнѣйшему изъ царей, а мы здѣсь очень имъ восхищаемся; я для васъ его спѣшилъ переписывать, зная, какъ вы любите хорошее, слѣдовательно и Жуковскаго".

[1]) Въ письмѣ идетъ рѣчь о стихотвореніи Жуковскаго „Ареопагу", написанномъ по поводу замѣчаній, сдѣланныхъ К. Н. Батюшковымъ на „Посланіе къ Императору Александру" въ письмѣ къ А. И. Тургеневу, пересланномъ послѣднимъ Жуковскому. Въ

LX.

25-го Генваря (1815, Москва).

Мой милой другъ, я не скоро отвѣчаю тебѣ на твое послѣднее письмо, въ которомъ описываешь чтеніе моего Посланія [1]). Причина тому та, что я получилъ его, садясь въ кибитку и на отъѣздѣ въ Москву. Теперь пишу изъ священной нашей столицы, покрытой прахомъ славы, въ которую въѣхалъ я съ гордостію Русскаго и съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ, мнѣ одному принадлежащимъ, какъ пѣвцу ся величія. Благодарю тебя. Послѣ послѣдняго твоего письма еще не имѣю ни строки, а ожидаю. Здѣсь пробуду еще двѣ недѣли, а много-много три; потомъ въ Дерптъ, но въ Дерптъ черезъ Петербургъ. Воейковъ и его семья ѣдутъ прежде и, можетъ-быть, заѣдутъ въ Петербургъ. Если заѣдутъ, то ты ихъ увидишь и увидишь мое *все*. Теперь я не могу тебѣ писать много; не могу писать ни къ Блудову, ни къ Уварову, ни къ Гнѣдичу — нѣтъ возможности. До слѣдующей почты. Жду рескрипта [2]) и счастливъ тѣмъ, что мое Посланіе, плодъ искренней любви къ нашему доброму Царю, не лести, не корысти, не честолюбія, понравилось его Матери. Болѣе ничего не желаю, и ты самъ знаешь, лучше меня, что долженъ меня избавить отъ всякой *другой* награды, которая была бы униженіемъ того чувства, съ какимъ писано мое Посланіе. Ни о чемъ такъ тебя не прошу, какъ объ этомъ. Для меня сладко было воображать тебя, моего брата, читающаго мое Посланіе. Чтó вы придумали съ Уваровымъ? Никакъ не могу угадать, но вѣрю, что вами придуманное лучше все(го), чтó бы я самъ на вашемъ мѣстѣ могъ бы придумать [3]). Карамзинъ и Дмитріевъ здѣсь многое въ Посланіи критикуютъ, и въ нѣкоторомъ я съ ними согласенъ, въ иномъ упрямлюсь. Проѣздомъ въ Дерптъ заверну въ Петербургъ, и нельзя иначе. Но безъ всякихъ видовъ, а единственно только для того, чтобы увидѣть *своихъ* и изъявить благодарность Государынѣ.

Въ иныхъ отношеніяхъ я счастливъ: имѣю такихъ друзей, какихъ никто не имѣетъ, и любятъ они болѣе, нежели стóю. Скажи Блудову и Батюшкову, что люблю ихъ болѣе, нежели когда-нибудь, и что не лѣнь, точно не лѣнь, а множество разныхъ причинъ постороннихъ

виду того, что предложенныя Жуковскимъ въ стихотвореніи „Ареопагу" поправки вошли въ печатное изданіе „Посланія", пропущенное цензурою къ печати 15-го Января 1815 года, настоящее письмо (а слѣдовательно и стихотвореніе „Ареопагу") должно быть отнесено къ самымъ первымъ числамъ Января 1815 года.

*

[1]) Это письмо Тургенева, отъ 1-го Января 1815 г., въ которомъ онъ описывалъ чтеніе имъ у Императрицы Маріи Θеодоровны „Посланія къ Императору Александру", напеч. въ „Русск. Архивѣ" 1864 г., ст. 448—452.

[2]) Отъ Императрицы Маріи Θеодоровны, о чемъ сообщалъ Жуковскому Тургеневъ въ своемъ письмѣ.

[3]) „Государыня. . . требовала отъ Уварова и меня, писалъ Жуковскому Тургеневъ, чтобы мы сказали ей, чтò можно для тебя сдѣлать... Мы рѣшились подумать о томъ отвѣтѣ, который должны дать ей на счетъ твой, и уже придумали" („Русск. Архивъ" 1864 г., ст. 451).

воспрепятствовало мнѣ имъ до сихъ поръ отвѣчать. Жду этой *свободной* минуты, какъ наслажденія или, лучше сказать, какъ награды. Еще разъ: я здѣсь пробуду не далѣе какъ до 6 — 10 Февраля. Потомъ, можетъ-быть, и въ Питеръ. Итакъ, по полученіи этого письма, не пиши ни ты, ни Батюшковъ ко мнѣ. Блудову не даю этого совѣта: онъ и безъ того ко мнѣ писать не будетъ; но онъ у меня въ душѣ,— доброй, вѣрной товарищъ на всю жизнь. Право, не могу объ васъ думать, друзья, безъ благодарности къ Провидѣнію. О себѣ буду писать на просторѣ. Теперь некогда. Вы должны уже были получить мои поправки [4]). Хорошо бы вы сдѣлали, когда бы поправили и мое посвященіе Государынѣ; оно длинно, многословно и слишкомъ фамильярно; особливо не слѣдовало бы говорить о подаркѣ. Это значитъ объ немъ напоминать; а я подарка боюсь, какъ огня. Твое дѣло меня избавить отъ него. Стихъ:

Спѣшащихъ раздробить еще пріютъ свободы

поправить бы такъ:

Спѣшащихъ истребить еще пріютъ свободы;

а стихъ

О, сколь тогда великъ, нашъ Царь, ты намъ предсталъ

перемѣнить такъ:

Сколь намъ величественъ, ты, Царь, тогда предсталъ [5]).

Прости, до слѣдующей почты. Я приготовилъ для тебя весь списокъ моихъ сочиненій, полный и сколько, можно, исправленный. Пришлю или привезу съ собою. Твой Жуковскій.

LXI.

1815, Февраля 1-е (Москва).

Отвѣтъ на *всѣ* твои письма. Наконецъ имѣю свободную минуту и могу съ тобою говорить на просторѣ. За твои хлопоты о моемъ Посланіи не нужно мнѣ, кажется, тебя благодарить. Чувствую по себѣ, какъ тебѣ это весело. И ничто меня такъ не радуетъ, какъ то, что ты былъ *чтецомъ* моего Посланія [1]). Слава доброе дѣло, а слава изъ рукъ друга есть сокровище. Эта слава есть счастіе, и въ ней, право, самолюбіе мало участвуетъ. Она напоминаетъ о любви, о товариществѣ, и пріобрѣтается лучшими наслажденіями, то - есть уединеннымъ трудомъ, который успокоиваетъ и возвышаетъ душу. Такая слава есть награда всего *добраго*. А я себѣ часто говорю (не знаю только, буду ли въ состояніи исполнить): живи, какъ пишешь! То-есть и въ томъ, и другомъ одинакая цѣль и одинакое со-

---

[4]) Поправки къ Посланію, находившіяся въ стихотвореніи „Ареопагу" (см. въ предыдущемъ письмѣ).

[5]) Тургеневъ не успѣлъ внести эти двѣ поправки Жуковскаго въ отдѣльное изданіе Посланія, вышедшее въ половинѣ Января 1815 года. Въ Стихотвореніяхъ Жуковскаго, изданныхъ въ 1815 году, обѣ поправки внесены въ текстъ Посланія.

*

[1]) У Императрицы Маріи Ѳеодоровны (см. Русскій Архивъ 1864 года, ст. 449).

вершенство. Чтобы *человѣкъ моральный* не былъ несходенъ *съ человѣкомъ съ талантомъ*. Самыя замѣчаемыя мною ошибки и замѣчаемыя другими ошибки въ томъ, что̀ я написалъ, только пробуждаютъ во мнѣ надежду написать что-нибудь лучшее, а нимало не отымаютъ у меня бодрости. Думая о тѣхъ немногихъ людяхъ, которые на меня смотрятъ, которые меня любятъ и мною радуются, я самъ радуюсь, что имѣю талантъ, и мысль объ нихъ ободряетъ меня. Если вы не даете мнѣ счастія вашею дружбою, то часто, часто заставляете забывать тяжелое горе, тѣмъ болѣе тяжелое, что оно скрытное и нерѣдко бываетъ самое унизительное. Мнѣ часто бываетъ нужна помощь извнѣ и отъ руки милой, чтобы о себѣ вспомнить и не совсѣмъ упасть духомъ. Ты спрашиваешь у меня въ одномъ письмѣ, что̀ причиною возобновившейся во мнѣ надежды? Братъ, я говорилъ не объ надеждѣ. Впереди не вижу для себя ничего добраго. То, что̀ мнѣ нужно, едва ли когда сбудется. Жаль, что мы не вмѣстѣ: на письмѣ всего не скажешь, а сказать бы *все* надобно. Прошедшій годъ былъ для меня весьма бурной. Ты уже знаешь, что я писалъ къ Арбеневой, вообразивъ, что она, имѣя вліяніе на образъ мыслей матери[2]), можетъ склонить ее на мою сторону. Въ этомъ я ошибся. Она сперва воспламенилась было весьма сильно; потомъ монахъ все разстроилъ, испугалъ ее Богомъ и чортомъ, и она написала къ матери *противъ меня*. Это произвело между ею и мною объясненіе, и мы было разстались. Воейковъ вошелъ въ семью, а я изъ нея вышелъ. Я писалъ къ матери нѣсколько разъ и наконецъ требовалъ, чтобы, если уже не можетъ всего сдѣлать, по крайней мѣрѣ, сдѣлала бы все, что̀ въ ея власти, что я отказываюсь отъ всякаго требованія, несогласнаго съ ея образомъ мыслей, съ тѣмъ только, чтобы мы были вмѣстѣ, чтобы я пользовался полною довѣренностью, могъ быть счастливъ *въ семьѣ*, не былъ розно съ *нею* [3]), напротивъ, имѣлъ бы всю возможную съ нею свободу, не былъ принужденъ ничего таить, тѣмъ болѣе, что ей (то-есть матери) извѣстно все, и что бо̀льшаго, при полной довѣренности, она бояться не можетъ. Это обѣщаніе, какъ ни трудно, я могъ бы исполнить. Я люблю Машу (съ тобою можно дать ей это имя), какъ жизнь. Видѣть ее и дѣлить ея спокойное счастіе есть для меня все, и для нея также. Но характеръ матери не таковъ. Она не можетъ возвыситься до этой чистой, благородной довѣренности, на которую и я, и Маша имѣли бы полное право, если бы только не принуждены были безпрестанно скрывать того, что̀ у насъ въ душѣ. Однимъ словомъ, мать согласилась, чтобы мы опять были вмѣстѣ; но тѣхъ условій, на которыхъ это *вмѣстѣ* было бы для насъ счастіемъ, она не держитъ и едва ли способна сдержать. Братъ, мы живемъ *вмѣстѣ*, а между нами бездна недовѣрчивости. Христіанство (по ея словамъ) заставляетъ ее отказать намъ въ нашемъ счастіи; а того, что̀ составляетъ характеръ христіанки, она не имѣетъ, той любви, которая заботится о чужой судьбѣ, какъ о собственной. Каждая минута напоминаетъ мнѣ только о томъ, чего я лишенъ, и нѣтъ никакого вознагражденія. На нашу потерю смотритъ

[2]) Е. А. Протасовой.

[3]) Съ М. А. Протасовою.

она холодными глазами эгоизма. Нѣтъ никакой отрады. Мы не можемъ подойти другъ къ другу свободно. Это положеніе ужасно, а выйти изъ него нѣтъ силы. Боже мой! Я не могу хотѣть и искать своего отдѣльнаго счастія. Съ вами, съ друзьями сердца, съ вѣрными товарищами жизни, я былъ бы счастливъ: то-есть и уважалъ, и дѣлился бы всѣмъ, что́ есть хорошаго въ душѣ, безъ всякаго принужденія; не было бы ужасной, противной сердцу необходимости носить на лицѣ маску,— словомъ, я былъ бы съ вами *я*; но я не могу и не хочу на это рѣшиться. Лучше страдать и погибнуть вмѣстѣ, нежели искать своего счастія. И можетъ ли быть для меня *свое* счастіе? Я бы себя возненавидѣлъ и радъ бы разбить себѣ голову первою пулею, если бы могъ быть на это способенъ. Теперь вопросъ: что́ же будетъ съ нами, съ нею и со мною? Дойти ко гробу дорогою печали. Болѣе ничего! Сердце рвется, когда воображу, какого счастія меня лишаютъ, и съ какою жестокою, нечувствительною холодностію. Хотя бы показали, что имъ жаль разрушать это счастіе! Но его топчутъ ногами и смѣются, и еще думаютъ, что угождаютъ Богу! Въ иныя минуты мнѣ жаль своихъ старыхъ *надеждъ на смерть*. Я объ ней думалъ съ наслажденіемъ; теперь и того себѣ не позволяю. Это была бы неблагодарность за любовь, которую ангелъ ко мнѣ имѣетъ. Эта любовь самая чистая, безъ всякой примѣси низкаго; ея никто понять не можетъ, а она была бы счастіемъ, когда бы эгоизмъ не отравлялъ ея ежеминутными оскорбленіями. Объ Воейковѣ я писалъ къ тебѣ въ дурную минуту. Не имѣй объ немъ дурныхъ мыслей. Онъ любитъ меня, и я этому вѣрю, и мнѣ нужно вѣрить: мы будемъ жить вмѣстѣ. А думать одно и показывать въ поступкахъ другое не могу; слѣдовательно, вѣрю ему и хочу вѣрить. Онъ мнѣ большая подпора. То, что́ ты назвалъ моими новыми надеждами, состояло въ томъ, что мать опять позволила мнѣ жить вмѣстѣ и что я вообразилъ, что она будетъ поступать съ нами такъ, какъ я этого желалъ. Первые дни были довольно хороши, и я надѣялся, что въ будущемъ еще лучшее мнѣ готовится. Послѣ этихъ дней *всѣ* они уѣхали въ Тамбовъ, а я остался въ Бѣлевѣ и прожилъ почти одинъ—съ милыми немногими людьми [1]), съ которыми душа свободна и которые во всемъ *моемъ* берутъ участіе. Эти два мѣсяца были самые счастливые. Ихъ оживляла надежда на лучшее, и я написалъ много, столько, сколько не писалъ никогда. Они возвратились, и принужденность опять возвратилась. И теперь едва ли я не увѣренъ, что старое (то-есть униженіе, одинокая горесть, принужденность быть вмѣстѣ и всякую минуту чувствовать, что мы розно, и еще тысяча подобныхъ тяжелыхъ горестей), словомъ ужасное *старое* будетъ по *старому*. Вотъ съ какими надеждами ѣду въ Дерптъ, и тамъ уже точно не будетъ ни въ чемъ отрады, кромѣ одной мысли, что я съ нею, что намъ одна судьба и что я долженъ и могу эту судьбу считать какъ за испытаніе, какъ за средство быть лучшимъ. Такая мысль въ иныя минуты ободряетъ. Но часто душа разорвана въ клочки. И рвутъ ее съ такою холодностію, которая меня иногда выводитъ изъ себя. Все, что́ я здѣсь написалъ, не дастъ тебѣ полнаго понятія объ моемъ по-

[1]) Въ семействѣ А. П. Елагиной (тогда еще вдовы В. И. Кирѣевскаго).

ложеніи; по что-нибудь ты понять можешь. По крайней мѣрѣ, можешь понять, что я несчастливъ, и самымъ убійственнымъ образомъ. То, что́ мнѣ даетъ тѣнь надежды, кажется мнѣ самому химерою сумасшедшаго. Мнѣ кажется иногда, что Государыня, которая уже что-то обо мнѣ знаетъ, могла бы дать намъ счастіе. Но вѣроятно ли, чтобы такъ могла она заняться моею судьбою? А здѣсь нужна осторожность. Матери самой уже извѣстно, что Государыня знаетъ обо мнѣ. Она сочтетъ за особенное для себя достоинство отказать и Государю на его требованіе, если бы и онъ вступился. Но и мнѣ какъ желать принужденнаго согласія? Я знаю характеръ Маши. Она была бы несчастлива. Что́ жъ за польза изъ одной бездны перевести ее въ другую и еще быть самому причиною ея страданія? [5]) Надобно бы дѣйствовать на мнѣніе матери: опроверженіе предразсудка, приходящее съ Трона, было бы весьма убѣдительно. Если бы подкрѣпить его мнѣніемъ какого-нибудь изъ нашихъ святителей и архипастырей и прочее и прочее, тогда бы нечего было говорить, и совѣсть бы замолчала. Вотъ въ чемъ дѣло. Я ей братъ, то-есть братъ матери; но законъ не далъ мнѣ этого имени. Законъ письменный противится бракамъ между родными; но родства въ натурѣ нѣтъ. Таже религія представляетъ этому примѣры: Авраамъ женатъ былъ на родной сестрѣ, а онъ предокъ Мессіи, слѣдовательно его бракъ *по натурѣ* не есть преступленіе. ***Натура и Богъ не противятся этому браку***; противится ему одинъ законъ человѣческій; но, чтобы законъ человѣч(ескій) ему противился, надобно чтобы законъ его и опредѣлилъ. Законъ не назвалъ меня ея братомъ, слѣдовательно подхожу подъ одинъ законъ натуры; а онъ не противъ меня. Лютеранская же религія и Римско-католическая разрѣшаютъ браки и между родными, наименованными самымъ закономъ общественнымъ. Вотъ тебѣ канва моихъ мыслей объ этомъ предметѣ. Если бы могли это растолковать матери съ Трона, если бы это было подтверждено какимъ-нибудь голосомъ, идущимъ изъ-подъ рясы, тогда бы она могла и сама согласиться, тѣмъ болѣе, что она не имѣетъ никакихъ ясныхъ и опредѣленныхъ понятій, а дѣйствуетъ по какому-то жестокому побужденію фанатизма. Вообрази, братъ, какъ бы я былъ счастливъ; подумай о всей будущей жизни моей. Подумай, что для меня уже теперь ничто не перемѣнится и что я не могу думать объ отдѣльномъ своемъ счастіи, котораго для меня быть не можетъ, и сдѣлай все, что́ можешь.

Какъ мнѣ жаль, что я въ проѣздъ мой въ Дерптъ съ тобою не увижусь. Но буду непремѣнно въ Петербургѣ въ Мартѣ или въ началѣ Апрѣля. *Всѣ они* [6]) уѣхали уже въ Дерптъ, а я остался еще дней на 10 въ Москвѣ. Не заѣду въ Петербургъ теперь оттого, что хочу скорѣе ихъ увидѣть и узнать, каково они доѣхали. Я отпустилъ ихъ не совсѣмъ здоровыхъ. Но въ Мартѣ буду у тебя непремѣнно.

---

[5]) Далѣе идетъ приписка князя П. А. Вяземскаго, такого содержанія: „Обнимаю тебя, мой милый Тургеневъ. Будь здоровъ, люби меня, хотя и не пиши. Юрію Александровичу (Нелединскому) скажи мое душевное почтеніе“.

[6]) Е. А. Протасова съ двумя дочерьми и зятемъ А. Ѳ. Воейковымъ.

Ты между тѣмъ думай обо мнѣ. Если можно, представь мое положеніе Государынѣ въ настоящемъ его видѣ. Можетъ быть, Дерптская жизнь моя будетъ лучше, нежели какъ я себѣ ее представляю. Но если она будетъ такова, какою мнѣ видится въ иныя минуты, то и я, и Маша пропадемъ. Прощай тогда и талантъ, и слава! Хорошо, когда бы можно было сказать, безъ неблагодарности: прощай и жизнь! Такъ и быть! Повѣряю судьбу свою дружбѣ.

Пора кончить. Это письмо покажи Блудову. Онъ имѣетъ на него право. Я еще ему не отвѣчалъ на его письмо, право, не отъ лѣни. Я благодарю его за это письмо, какъ за подарокъ. Оно обрадовало меня и *ободрило* (c'est le mot). Уваженіе къ другу есть счастіе и даетъ привязанность къ жизни. Люблю его болѣе, нежели когда-нибудь, и съ какимъ-то новымъ чувствомъ. Но объ этомъ скажу ему самому.

При отъѣздѣ своемъ изъ Москвы пошлю къ тебѣ полное собраніе своихъ стиховъ, переписанное мною для печати. Но ихъ не начинай печатать до свиданія со мною. Многое надобно поправить вмѣстѣ и вмѣстѣ распорядить.

Поправки Посланія пришлю на слѣдующей почтѣ. Вы уже получили нѣкоторыя. Въ немъ много недостатковъ, но всего и поправлять не нужно. Лучше написать что-нибудь новое. Тебѣ я на свой счетъ не вѣрю: ты слишкомъ уже восхищаешься моимъ soit disant геніемъ. «Пѣвца» я написалъ почти совсѣмъ и дописалъ бы, когда бы не помѣшала зубная боль. Но я имъ не весьма доволенъ. Кончу однако; но когда, не знаю. Пришлю его изъ Дерпта.

Прошу тебя поблагодарить отъ меня Юрія Александровича [7]) за его ко мнѣ благосклонность. Буду къ нему писать самъ, но теперь некогда.

Дашкова обнимаю. Я ему долженъ письмомъ.

На это письмо не отвѣчай мнѣ, пока не получишь отъ меня письма изъ Дерпта. Здѣсь твой отвѣтъ меня не застанетъ, а въ Дерптѣ онъ не долженъ меня ждать, потому что безъ меня могутъ его прочитать тѣ, которымъ онъ не долженъ быть извѣстенъ. И вообще во всѣхъ твоихъ письмахъ все, что касается особенно до меня, пиши на особой страницѣ.

Прости. Увѣдомь, что вы *придумали* съ Уваровымъ. Если Государынѣ угодно, чтобы Посланіе было напечатано въ мою пользу, то я очень этому радъ [8]). Постарайся объ моемъ карманѣ. Мои всѣ доходы улетѣли къ чорту, и я теперь никакихъ, кромѣ своихъ пяти пальцевъ, не имѣю въ виду. Надежда на изданіе моихъ стиховъ.

---

[7]) Нелединскаго-Мелецкаго, близкаго человѣка къ Императрицѣ—матери.

[8]) Тургеневъ въ письмѣ своемъ отъ 1 Января 1815 года сообщалъ Жуковскому, что Императрица Марія Ѳеодоровна приказала ему и Уварову приступить поскорѣе къ великолѣпному изданію „Посланія“, съ виньеткою извѣстнаго Уткина, въ количествѣ 1200 экземпляровъ, которые всѣ, за исключеніемъ лишь самаго незначительнаго числа, жалуетъ въ пользу Жуковскаго („Русск. Архивъ“ 1864 г., ст. 451).

*

LXII.

Февраля 4-го (1815, Москва).

Вчера еще получилъ отъ тебя письмо и читалъ здѣсь письмо Офросимова [1]), который пишетъ къ Юшковымъ о двухтысячномъ жалованьѣ, о мѣстѣ, для меня приготовленномъ, и прочее. Братъ, не забывай ради Бога, что мнѣ ни мѣсто, ни жалованье не могутъ быть нужны. Мое мѣсто знаешь гдѣ, и все возможное счастіе тамъ же. Я желалъ бы, чтобы ты объ этомъ помнилъ и съ этимъ соображалъ все то, что́ вздумаешь для меня сдѣлать. На прошедшей почтѣ я писалъ къ тебѣ, и довольно много, но не знаю, объяснилъ ли хорошо свои мысли. Здѣсь прибавлю только одно: если Государыня и захочетъ что-нибудь для меня сдѣлать, то все будетъ безполезно, если употребить только одно средство власти. Можетъ быть, и послушаются приказанія; но къ чему это послужитъ? Только къ разрушенію семейнаго покоя. Если бы могло быть написано къ матери такое письмо, въ которомъ бы болѣе убѣждали, а не приказывали; если бы, напримѣръ, было въ этомъ письмѣ сказано, что обстоятельства и связи мои *извѣстны*, что по мнѣнію свѣдущихъ нѣтъ никакого противорѣчія для заключенія брака, что Государыня вступается за это по этому убѣжденію, тогда вѣрно бы всѣ концы въ воду. Я знаю, что мать сама устала противорѣчить и рада будетъ на чемъ-нибудь опереться. Можетъ быть, я покажусь тебѣ смѣшенъ и страненъ съ своими надеждами и выдумками. Но ты не требуй отъ меня благоразумія: я радъ привязаться къ тѣни. Только ты употреби всѣ способы, безъ разсѣянія и вошедши хорошенько въ мое положеніе, увѣрившись разъ на всегда, что мнѣ *этого счастія* ничто никогда замѣнить не можетъ. А ты, кажется, болѣе думаешь о моихъ чинахъ и карманѣ. Правда, карманъ не лишнее: на немъ основана свобода. Объ этомъ поговоримъ, когда увидимся. Я писалъ къ тебѣ въ послѣднемъ письмѣ, что, ѣхавши въ Дерптъ, не заѣду въ Петербургъ; причина этому та, что я непремѣнно хочу быть спокоенъ на ихъ счетъ, узнать, какъ они доѣхали на мѣсто, увѣриться, что они здоровы, чтобы послѣ пожить нѣсколько недѣль въ Петербургѣ съ свободнымъ духомъ. Итакъ, до Марта. Ты въ своемъ письмѣ говорилъ мнѣ о рескриптѣ [2]); но его нѣтъ, и я боюсь, чтобы онъ не пріѣхалъ сюда въ мое отсутствіе и чтобы мы съ нимъ не разъѣхались. Ты велишь мнѣ писать къ в(еликимъ) князьямъ [2]), а что́ и объ чемъ, не сказываешь. И къ какой стати мнѣ писать къ нимъ?

Стихи мои всѣ сполна получишь скоро. А о печатаніи переговоримъ изустно.

Прошу моихъ писемъ не показывать никому. Приложенное письмо отдай Гнѣдичу.

---

[1]) Александръ Михайловичъ Офросимовъ женатъ былъ на третьей племянницѣ Жуковскаго, Марьѣ Петровнѣ Юшковой. П. Б.

[2]) Императрицы Маріи Θеодоровны.

[3]) Въ письмѣ отъ 15 Января 1815 года Тургеневъ, между прочимъ, сообщалъ Жуковскому, что во время чтенія имъ у Императрицы Маріи Θеодоровны „Посланія къ Императору Александру" великая княжна (Анна Павловна) и великіе князья (Николай

Все, что́ я тебѣ писалъ и въ теперешнемъ, и въ послѣднемъ моемъ письмѣ, кажется мнѣ горячкою. Я самъ не знаю иногда, что́ дѣлать и что́ думать. По крайней мѣрѣ эти письма пусть дадутъ тебѣ понятіе о моемъ состояніи. Но ты по нимъ ничего не дѣлай и никому ихъ не показывай. Дай намъ увидѣться, тогда обо всемъ можно будетъ переговорить на просторѣ. Однимъ словомъ, не приступай ни къ чему; *знай про себя.* Увидимъ.

LXIII.

4 Марта (1815), Четвергъ (Москва).

Я ѣду отсюда въ Воскресенье, то-есть 7 числа, и ѣду прямо въ Дерптъ, гдѣ пробуду сколько возможно менѣе, потомъ и въ Петербургъ. Надѣюсь быть тамъ на четвертой недѣлѣ поста. Посылаю тебѣ вмѣсто обоза мои стихотворные грѣхи. Я хотѣлъ сначала все это выдать вмѣстѣ подъ однимъ общимъ титуломъ Сочиненій, но меня надоумилъ Антонскій: онъ совѣтуетъ сдѣлать нѣсколько разныхъ книжекъ; напримѣръ, баллады выдать особенно подъ титуломъ балладъ; посланія также особо или при второмъ изданіи Посланія къ Александру, которое надобно еще весьма поправить (что̀ сдѣлаемъ въ Петербургѣ общими силами); можно еще выдать двѣ книжки одну подъ титуломъ: *Пѣсни и романсы* съ пріобщеніемъ и прозаическихъ отрывковъ; другую подъ титуломъ *Пѣвецъ на Кремлѣ* (онъ почти конченъ; надобно только поправить) съ пріобщеніемъ другихъ лирическихъ стихотвореній и смѣси. Такимъ образомъ выйдетъ нѣсколько разныхъ книжекъ, и титулъ *Сочиненія* останется неприкосновеннымъ и свѣжимъ. Этимъ титуломъ можно будетъ украсить полное собраніе моихъ твореній, когда ихъ понаберется поболѣе. Изъ всѣхъ этихъ хитростей ты можешь заключить, что я намѣренъ ковать деньги. И скажу тебѣ за тайну: я пріѣду въ Петербургъ съ пустымъ карманомъ и съ надеждою (можетъ быть, также пустою) продать свое стряпанье книгопродавцамъ. Прошу тебя прочистить мнѣ дорогу къ ихъ кошелькамъ. Между тѣмъ, если что-нибудь понакопится отъ моего Посланія, то меня объ этомъ увѣдомить, дабы я по сему увѣдомленію могъ расположить свои финансы.

Я слышалъ, что у тебя хранится рескриптъ Ея Величества. Прошу тебя переслать его тотчасъ по полученіи этого письма въ Дерптъ. Адресуй на имя Воейкова. Только въ твоемъ письмѣ ко мнѣ не говори и не намекай ни о чемъ такомъ, что́ принадлежитъ до извѣстныхъ тебѣ обстоятельствъ: письмо твое, вѣрно, до моего пріѣзда

и Михаилъ Павловичи) перерывали чтеніе восклицаніями: прекрасно! превосходно! c'est sublime! Въ продолженіе чтенія великіе князья изъявили желаніе, чтобы эти стихи переведены были, если можно, на Нѣмецкій и Англійскій языки", а въ концѣ письма онъ писалъ: „Пришли на мое имя письмо благодарное за ея (Императрицы) рескриптъ и напиши великимъ князьямъ" („Русск. Архивъ" 1864 г., ст. 450 и 452).

будетъ распечатано. Но рескриптъ присылай: я желаю, чтобы они его тамъ видѣли.

Офросимовъ мнѣ сказывалъ, что ты готовишь для меня какія-то мѣста; видно ты не читаешь моихъ писемъ или совсѣмъ не понимаешь, чего я хочу! Но объ этомъ переговоримъ на свиданьи. Знаешь ли, чтó приходитъ мнѣ въ голову? Нелединскій могъ бы много быть намъ полезенъ. Разскажи ему *до моего пріѣзда* все, чтó дѣлается со мною, но разскажи такъ, чтобы это осталось между вами. Сообщи ему мою надежду на Государыню, какъ будто твою *надежду собственную*, и заставь его желать *одного* съ нами. Онъ можетъ лучше, нежели кто-нибудь, все въ надлежащемъ видѣ представить Государынѣ. Это единственная намъ оставшаяся надежда.

Прости, милой братъ.

A propos. Я не шутя начинаю думать о поэмѣ; уже и Карамзинъ (милой, единственный Карамзинъ, образецъ прекраснѣйшаго человѣка) мнѣ помогаетъ. Я провелъ нѣсколько сладостныхъ дней, читая его Исторію. Онъ даже позволилъ мнѣ дѣлать выписки. Эти выписки послужатъ мнѣ для сочиненія моей поэмы. Но какъ еще много надобно накопить матеріаловъ! Жизнь Дерптская, Дерптская библіотека, все это создастъ Владимира.

Приложенныя письма отдай по адресамъ.

Въ 1 томѣ много ошибокъ; я не успѣлъ или, лучше сказать, полѣнился перечитать. Прошу замѣтить. Когда я началъ печатать Посланіе, то меня взяло раздумье, посылать ли къ тебѣ свои стихи или нѣтъ? Я рѣшился на нѣтъ. Могутъ какъ-нибудь затеряться на почтѣ; а у меня совсѣмъ нѣтъ списка. Я же самъ скоро буду. Присылай рескриптъ въ Дерптъ тотчасъ по полученіи этого письма.

LXIV.

Крестцы, Середа, 10 Марта (1815).

Мнѣ сказывалъ Яковлевъ *) въ Москвѣ, что у тебя есть благое намѣреніе пріѣхать за мною въ Дерптъ. Какъ бы это было прекрасно! Я буду въ Дерптѣ, вѣроятно, въ Субботу. Пріѣзжай, братъ. Я имѣю предчувствіе, что твое знакомство съ моими послужитъ намъ всѣмъ для счастія. 300 верстъ для дружбы проѣхать не диво. Пробудемъ вмѣстѣ день или два и потомъ вмѣстѣ отправимся въ Петербургъ. Если жъ нельзя тебѣ, то напиши, чтобы твое письмо я уже нашелъ въ Дерптѣ. Пришли мнѣ 25 экземпляровъ Посланія и рескриптъ. Все адресуй на мое имя въ домъ профессора Воейкова или на его имя для передачи мнѣ; только смотри, ни слова ни о чемъ, касающемся до меня. Буду ждать или тебя или твоего письма и не прежде поѣду въ Петербургъ. Пріѣзжай, милой другъ. Твой навѣки Жуковскій.

---

*) Лукьянъ Павловичъ, служившій въ Московской Оружейной Палатѣ. П. Б.

LXV.

1815 Апрѣля 1 (Дерптъ).

Милой другъ, посылаю тебѣ мой отвѣтъ, на милостивый рескриптъ Ея Величества, который тронулъ меня чрезвычайно. Не знаю, хорошо ли написалъ; но ты и прочіе, знающіе болѣе *приличія*, можете его поправить. Переписавши и подписавши за меня, передай его Сергѣю Семеновичу. Отъ него получилъ я рескриптъ; его, кажется, слѣдуетъ мнѣ просить и вручить Ея Величеству мой отвѣтъ [1]). Поблагодари его отъ себя за его ко мнѣ благосклонность, а приложенное письмо отдай ему.

Сочиненій не посылаю; отдалъ переплетать. Привезу самъ, потому что выѣду отсюда дня черезъ три или черезъ четыре. Давно бы я былъ у васъ, когда бы не дорога.

Каковы революціи нашего вѣка? [2]) Но чтó отчаяваться? Есть твердость, есть сила, есть благородный характеръ Александра! Надобно драться не на животъ, а на смерть. Въ борьбѣ за свободу народы усиливаются духомъ. По крайней мѣрѣ для Русскихъ теперь ничто не должно быть страшно.

Объ этомъ послѣ. О себѣ скажу только два слова. Можетъ быть, намъ опредѣлено съ тобою жить *неразлучно*. На всякой случай приготовься принять къ себѣ своего четвертаго брата, своего Андрея, который съ надеждою на твое сердце найдетъ замѣну всему въ товариществѣ съ тобою. Какъ утѣшительно дать тебѣ названіе брата и всѣ обязанности братства принять на себя и, можетъ быть, теперь на всю остальную жизнь. Все объясню, когда увидимся. Скажи Батюшкову, что мнѣ больно было читать заключеніе его письма къ Воейкову [3]). Я писалъ къ нему изъ Москвы. Но развѣ онъ не увѣренъ, что Жуковскій и молча привязанъ къ нему *искреннею* дружбою?

Блудова, милаго, безцѣннаго друга, обнимаю крѣпко. Какъ весело подумать, что всѣхъ васъ дней черезъ пять-шесть увижу.

Гнѣдича и Дашкова обнимаю. Твой Жуковскій.

LXVI.

12 Апрѣля 1815, Дерптъ).

Посылаю тебѣ, мой милой другъ, свои стихи. Твое мнѣніе, что, вѣроятно, останусь здѣсь на праздникъ, принимаю за совѣтъ и останусь. Думаю, что для меня все равно, теперь ли быть въ Петербургѣ или послѣ праздника. Между тѣмъ, можетъ быть, удастся написать что-нибудь новое. Теперь послалъ только мои стихи. Попроси Блудова, Батюшкова и Уварова сдѣлать замѣчанія; но только замѣтьте то

---

[1]) Рескриптъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны былъ присланъ Жуковскому С. С. Уваровымъ при письмѣ отъ 15 Марта 1815 года („Русскій Архивъ“ 1871 г., ст. 0164).

[2]) Бѣгство Неполеона съ острова Эльбы и прибытіе его 8 (20) Марта 1815 года, въ Парижъ.

[3]) Этого письма К. Н. Батюшкова къ А. Ѳ. Воейкову нѣтъ въ числѣ писемъ, напечатанныхъ въ III томѣ сочиненій Батюшкова.

*

Могилевскія. Печатное дѣло въ Россіи. № 13.

Нижегородскія. 17 Февраля 1612 г. въ сердцѣ Руси. А. Можаровскій № 7,8.

Макарій, Б. епископъ Донской. № 7, 8, 10.

Прощеный день въ старину. № 9.

О названіи Нижняго-Новгорода. А. Можаровскаго. № 10, 11.

Приходъ села Быковки, Васильевс. уѣзда. № 12, 14.

Вербное Воскресенье въ допетровской Руси. Н. Борисовъ. № 13.

Олонецкія. Еще объ Олонахъ. А. Олонецкаго. № 11.

Объ Еми или Ями. А. Олонецкаго. № 18—26.

Новгородскія. Прощеный день въ старину. № 13.

О значеніи приходовъ въ Новгородской землѣ до XVIII в. П. П. Соколова. № 13—17.

Подольскія. Прощеное Воскресенье и 1-я недѣля поста. № 12.

Благовѣщенье на Руси. № 24.

Изображеніе Гроба Господня, № 25.

Пасха въ старину. № 27.

Полтавскія. Прощеный день въ старину. № 35.

Исторія Запор. Козаковъ. Эварницкаго. № 47.

5 Марта 1861 г. С. К. № 51.

Изъ писемъ Карла XII. П. Фр. Павловскаго № 63, 64.

Наброски изъ прошлаго (1692 г.). А. Ф. № 66, 72.

Памяти Н. И. Костомарова. № 73.

Дворъ въ Тульчинѣ. (1808). Розальонъ-Сошальской. № 75, 76.

Псковскія. Городъ Курскъ, его прошлое и настоящее въ связи съ исторіей гор. Холма. Н. В. Затѣйщиковъ Второй. № 11.

Саратовскія. Историко-географическій Словарь Саратовской губ. А. Н. Минха. № 16, 21, 28.

Самарскія. Древности, хранящ. въ Самарскомъ музеѣ. № 26, 27.

Тверскія. Тверское дворянство по десятнямъ XVII в. № 13, 19, 27.

Воспоминанія объ И. И Лажечниковѣ и письма его. А. Жизневскаго. № 17, 18, 19, 21.

Тамбовскія. Пасхальные дни въ старину. № 36.

Терскія. Прощальный день въ старину № 22.

Тобольскія. Генералы - губернаторы Зап. Сибири. АЗБ. А. П. Хрущовъ. № 13. И. Т. Кознаковъ, Г. В. Мещериновъ. № 15.

О ловлѣ утокъ и гусей по Барабинской степи въ 1755 г. № 17.

Соляная торговля на Уралѣ и въ Сибири въ XVIII в. А. А. Дмитріева. № 25, 26.

Уфимскія. Первые заселенцы и первые насадители христіанства и гражданственности въ Уфимско-Оренбургскомъ краѣ. Къ исторіи заселенія Оренбургскаго края вообще и въ томъ числѣ Уфимской губ. Свящ. Я. П. Барсова. № 28, 29, 36, 37, 40, 41, 42, 62, 64, 66, 69, 78, 79.

Харьковскія. Посольскій церемоніалъ въ XVIII в. № 30, 32.

Историческія замѣтки о Царскомъ Селѣ. № 81.

Императорское Русское Историческое Общество. № 93.

Черниговскія. Потемкинъ въ молодости. № 411, 412.

Прощеный день въ старину. № 363.

Памяти Георгія Кониского. № 366.

400-лѣтіе иконы Б. М. Одигитріи въ Вильнѣ. № 372.

Гарнизонная служба при Константинѣ Павловичѣ. № 375.

Графъ М. А. Милорадовичъ, съ портретомъ. № 376.

Подвиги Русскаго флота въ 1770—1774 г. № 376.

Чудачество генералиссимуса Суворова. № 385.

Ярославскія. Наполеоновскій планъ похода въ Индію 1801 г. № 39.

Подвиги Русскаго флота въ 1770—1774 г. № 44.

„Великій день“ въ старину. № 72.

Пасхальный благовѣстъ № 73.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1895 года.

(Годъ тридцать третій).

„Русскій Архивъ“ въ 1895 г. издается **двѣнадцатью тетрадями**, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1895 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ: за **одну** по 1 р. 25 к., за **двѣ** по рублю, за **три** по 80 к., за **четыре** и болѣе по 75 к. каждая.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногородняго на иногородный—30 к., городскаго на иногородный—90 к., иногородняго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются расписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня.

Составители и издатели „Русскаго Архива“ Петръ Бартеневъ.
Юрій Бартеневъ.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Въ Конторѣ «Русскаго Архива» въ Москвѣ, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, **подписчики** «Русскаго Архива» могутъ получать по уменьшенной цѣнѣ 26 книгъ этого историческаго изданія: за каждую книгу отдѣльно по **2** рубля, за всѣ 26 книгъ—**45** рублей безъ пересылки.

Годъ тридцать третій.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1895

6.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1895.

Историческія статьи въ духовныхъ повременныхъ изданіяхъ.

Историческое описаніе церквей города Тобольска. „Тобол. Еп. Вѣд.“ № 5.

Историческій очеркъ Рязанской духовной Семинаріи съ преобразованія ея при графѣ Н. А. Протасовѣ до реформы при графѣ Д. А. Толстомъ (1840—1867 г.). „Рязанскія Еп. Вѣд.“ № 8—9.

Историко-статистическая записка о селѣ Казачьихъ-Лагеряхъ. „Таврическія Еп. Вѣд.“ № 17.

Матеріалы для исторіи Владимирской епархіи. „Владимирскія Еп. Вѣд.“ № 9.

Аскоченскій И. Разсказы изъ исторіи духовнаго просвѣщенія Руси. „Воронежскія Еп. Вѣд.“ № 9.

Холмскій каѳедральный Рождество-Богородицкій соборъ во времена уніи (1596—1875). „Холмско-Варшавскій Епархіальный Вѣстникъ“. № 9.

Смиречанскій В. Псковская епархія (историческій очеркъ). „Псковскія Еп. Вѣд.“ № 9.

Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. „Волынскія Еп. Вѣд.“ № 13.

Рукописныя Евангелія Волынскаго Епархіальн. Древлехранилища (историко-діалектологическіе очерки). „Волынскія Еп. Вѣд.“ № 13.

Рудневъ В. Святитель Варсонофій, Казанскій чудотворецъ, какъ настоятель Николаевскаго Пѣшношскаго монастыря. „Московскія Церк. Вѣд.“ № 18.

Булгаковъ С. А. Изъ неизданныхъ писемъ къ высокопреосвященному Макарію митрополиту Московскому. „Странникъ“ № 5.

Бѣляевъ А. А. Платонъ митрополитъ Московскій въ отношеніи къ учителямъ Троицкой Лаврской и Виѳанской семинарій. „Душеполезное Чтеніе“ № 5—6.

Рудневъ В. О. Архимандритъ Меѳодій, настоятель Николаевскаго Пѣшношскаго монастыря. „Душеполезное Чтеніе“ № 5—6.

Викулъ П. О. Столѣтіе учрежденія православной епархіи въ Подоліи (1795—1895). „Странникъ“ № 5.

Новыя книги.

Пятидесятилѣтіе дамскаго попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ, вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи съ 17 Декабря 1844 по 17 Декабря 1894 года. М. 1895. б. 8-ка, IV и 70 стр. съ превосходно исполненными портретами (Государя, Государыни, Елены Павловны и Николая Павловича, Александра Николаевича и Маріи Александровны, Александра Александровича и Маріи Ѳеодоровны, Александры Іосифовны, Маріи Павловны, Сергія Александровича и Елисаветы Ѳеодоровны, первой и второй попечительницъ, княгини С. С. Щербатовой,и Маріи Александровны Нейдгардтъ, принца Петра Георгіевича) и съ видами: Ермоловской школы, Маріинскаго училища, лечебницы Св. Софіи, Александро-Маріинскаго училища, училища принца Ольденбургскаго, богадѣльни для слѣпыхъ женщинъ князя В. А. Долгорукова, пріюта имени Александра II-го, Прѣсненскаго

ВОРОНЕЖСКІЙ ГОРОДЪ КОРОТОЯКЪ.

(По поводу 250 лѣтія его существованія).

Еще съ конца XVI вѣка Московское правительство, въ огражденіе себя отъ постоянныхъ набѣговъ Ногайцевъ, а иногда и Донскихъ казаковъ, вынуждено было ставить на южной границѣ острожки, которыми сдерживало хищническія попытки кочевниковъ. Такимъ образомъ въ теченіе приблизительно ста лѣтъ, т. е. до пятидесятыхъ годовъ XVII вѣка, въ мѣстности, занимаемой нынѣ губерніями Курскою и въ особенности Воронежскою, появился цѣлый рядъ укрѣпленныхъ мѣстъ, долженствовавшихъ служить оплотомъ Московскаго государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовать заселенію края, что̀, какъ видимъ, и исполнилось: всѣ эти крѣпостцы понемногу привлекли къ себѣ поселенцевъ, перебравшихся на вольныя земли или добровольно, или по указамъ правительства, желавшаго заселить Украйну.

Изъ городовъ, входящихъ теперь въ составъ Воронежской губерніи, Воронежъ и Валуйки появились въ концѣ XVI вѣка и довольно долго были единственными передовыми стражами Москвы въ этой мѣстности; но въ царствованіе Михаила Θеодоровича, а въ особенности Алексѣя Михайловича, правительство вновь занялось укрѣпленіемъ своихъ окраинъ, и въ мѣстности теперешней Воронежской губерніи возникъ цѣлый рядъ городовъ и острожковъ, частью переименованныхъ потомъ въ сёла, частью же сохранившихъ свое первоначальное правительственное значеніе. Къ послѣднимъ принадлежитъ и Коротоякъ.

О построеніи его мы имѣемъ любопытныя свѣдѣнія, извлеченныя изъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи г. Харузинымъ и сообщенныя имъ въ Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ: это извѣстія о строителѣ г. Коротояка, стольникѣ Даніилѣ Семеновичѣ Яковлевѣ и въ томъ числѣ нѣсколько его челобитенъ. Приводимъ выписку изъ челобитья, въ которомъ подробно разсказано о построеніи Коротояка.

Въ прошломъ, государь, во 155 (1647) году Августа въ 29 день, по твоему г-ву указу, посланъ былъ я холопъ твой на твою г-ву службу за Воронежъ, въ степь, на Донъ. И по твоему г-ву указу и по твоей г-вѣ грамотѣ и по чертежу Василья Волынскова, каковъ чертежъ присланъ ко мнѣ холопу твоему съ Москвы, велѣно мнѣ холопу твоему усть Тихія Сосны и Коротояка вверхъ по Дону-рѣкѣ обыскать угожее мѣсто, гдѣ быть пригоже городу. И въ томъ, государь, мѣстѣ велѣно мнѣ холопу твоему устроить городъ.... лой со всѣми крѣпостьми, а велѣно мнѣ холопу твоему городъ устроить острогомъ стоячимъ. И я холопъ твой р.... тебѣ государю, какъ бы твоему государеву городовому дѣлу впредъ прибыльнѣе и .....чнее было, обыскавъ угожее и и кар ... стое мѣсто, гдѣ быть городу, городъ Коротоякъ на рѣкѣ на Дону устроилъ рубленой въ дубовомъ лѣсу со всѣми крѣпостми въ шесть недѣль по мѣрѣ, г-рь ..... города и съ башнями триста семьдесятъ сажень косыхъ да 8 башень; а башни, государь, и городъ весь покрытъ тесомъ. И съ того, государь, города Коротояка вид... на Крымскую сторону и на Ногайскую верстъ по двадцати и болши [1]). И въ городѣ, государь, устроилъ твое г-во богомолье, соборную церковь [2]) осми сажень съ трапезою и съ папертми и покрыта тесомъ; да зеленной [3]) погребъ, да съѣзжая изба и воеводской дворъ. И около, г-рь, города выкопалъ ровъ [4]), и надолбы около города устроены въ два ряда дубовыя связми. Да я-жъ холопъ твой въ городѣ осадными дворами и около города Коротояка устроилъ служилыхъ людей дѣтей боярскихъ и козаковъ и стрѣльцовъ и пушкарей пятьсотъ человѣкъ дворами, и надолбы около слободъ двойные устроилъ связми въ дубовомъ лѣсу. Да я-жъ холопъ твой, по твоему г-ву указу, на Коротоякъ служилыхъ людей всѣхъ пятьсотъ человѣкъ устроилъ пашенными землями и сѣнными покосы». (Вор. Губ. Вѣд. 1895. № 16).

Къ концу XVII вѣка Коротоякъ,, повидимому нѣсколько увеличился. Такъ въ «Юрналѣ Петра I» за Май 204 года (1696) читаемъ: «Въ 5 день. Въ 3 часа пришли къ городу Крутояку и пристали къ берегу на якорѣ. Городъ деревянный; на немъ 12 башень, стоитъ на горѣ, на правой сторонѣ. Шли парусомъ 'и греблей. Въ 9 часовъ якорь вынули и пошли въ путь свой отъ города».

---

[1]) Крымская сторона—это правый, крутой берегъ Дона, на которомъ и расположенъ Коротоякъ; Ногайская -- лѣвый, низменный берегъ. Эти названія сохранились и до сего времени.

[2]) Во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія выстроенъ прекрасный каменный соборъ.

[3]) Т. е. пороховой.

[4]) Слѣды рва видны до сихъ поръ.

Первые годы по возникновеніи были самыми счастливыми изъ всѣхъ 250-ти лѣтъ существованія Коротояка, такъ какъ, благодаря даннымъ ему льготамъ, онъ состязался въ значеніи съ сосѣдними городами, между прочимъ и съ Воронежемъ, что видно изъ донесенія Воронежскаго вѣрнаго головы Петра Толмачева, когда онъ, вызванный въ Москву, долженъ былъ объяснить причину, отчего поступало меньше государственныхъ доходовъ: «И по зимнему пути изъ городовъ съ солью и съ хлѣбомъ и со всякими товары на Воронежъ пріѣзду не было; потому что всякихъ чиновъ промышленные люди изъ городовъ съ солью и съ хлѣбомъ и со всякими товары ѣздятъ для промысловъ мимо Воронежа въ новые городы: въ Сокольской [5]), на Усмань, на Урывъ, на Коротоякъ, на Ольшанскъ; а городъ-де Воронежъ передъ прежними лѣты всѣмъ оскудѣлъ, и люди обнищали, и стало безлюдно, и на кабакѣхъ питуховъ стало мало, не противъ прежняго, и съ Дону и изъ откупныхъ вотчинъ торговые и промышленные люди на Воронежъ никакихъ товаровъ не привозятъ для таможенныхъ пошлинъ, продаютъ всякіе товары въ новомъ городѣ на Коротоякѣ, безпошлинно»...

Такая благодать продолжалась, конечно, не долго, и Коротоякъ постепенно захудалъ, ставъ зауряднымъ уѣзднымъ городкомъ, почти безъ всякой торговли, но съ надеждою на нее, такъ какъ будетъ соединенъ съ Балашово-Харьковскою желѣзною дорогой особою вѣтвью. Лѣса, когда-то окружавшіе Коротоякъ и побудившіе Петра I перенести верфь изъ Воронежа въ Коротоякъ, исчезли, и о нихъ сохранилось лишь преданіе; да иногда изъ Дона вытаскиваютъ деревья чернаго дуба, только потому и сохранившіеся, что лежали на днѣ еще глубокаго подъ Коротоякомъ Дона.

Въ виду предстоящаго 250 лѣтняго юбилея, постановлено городомъ воздвигнуть въ Коротоякѣ памятникъ царю Алексѣю Михайловичу, пріурочивъ празднество къ 1 Октябрю (1897 г.): день, въ который началось построеніе города стольникомъ Яковлевымъ въ 1647 году.

Такимъ образомъ маленькому Коротояку будутъ принадлежать починъ и честь постановки перваго памятника тишайшему царю Алексѣю Михайловичу. Памятникъ предположено поставить на крутомъ берегу Дона, вокругъ развести садъ, засадивъ также и весь склонъ до рѣки.

Л. М. Савеловъ.

Коротоякъ.

---

[5]) Нынѣ село подъ городомъ Липецкомъ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ ГОРОДѢ КАСИМОВѢ.

Изъ государей царствующаго дома Романовыхъ городъ Касимовъ посѣтили двое: императоръ Петръ I-й въ 1722 году и Наслѣдникъ-Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ 1837 году.

О проѣздѣ Цесаревича черезъ Касимовъ въ 1837 году мы сказали нѣсколько словъ въ особой статьѣ («Русскій Архивъ» 1888 года, вып. 8). По поводу посѣщенія императора Петра I-го сообщимъ здѣсь, что̀ намъ удалось собрать, тѣ подробности, которыя еще сохранились въ народной памяти и которыхъ, конечно, немного, такъ какъ съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе 170 лѣтъ.

Петръ былъ въ Касимовѣ во время Персидскаго похода. Извѣстно, что царь плылъ водой на судахъ по Москвѣ рѣкѣ, Окѣ и далѣе Волгою до Каспійскаго моря. Плыла цѣлая флотилія, посажено было на суда много войскъ. Другая часть войска, преимущественно конница, шла берегомъ, горой. Такъ какъ Касимовъ находится на берегу Оки, то посѣтить его было неизбѣжно.

Въ первыхъ числахъ Мая мѣсяца часть гвардіи, назначенная въ походъ, отправилась изъ Москвы на судахъ внизъ по Москвѣ-рѣкѣ. 13-го Мая выѣхалъ самъ императоръ сухимъ путемъ въ Коломну, гдѣ соединились съ нимъ генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ, графъ Петръ Андреевичъ Толстой и другіе вельможи. Туда же пріѣхала и императрица Екатерина Алексѣевна. Изъ Коломны отправились они на судахъ Окою въ Нижній-Новгородъ, куда прибыли 26-го Мая, т.-е. были въ плаваніи около полуторы недѣли, а считая, что Касимовъ приблизительно на половинѣ пути между Коломною и Нижнимъ, Петръ могъ быть въ Касимовѣ около 20-го Мая.

Преданіе говоритъ, что къ Касимову подходили суда уже передъ вечеромъ, передъ закатомъ солнца.

Но прежде чѣмъ перейдемъ къ этимъ подробностямъ, напомнимъ читателю, что проѣздъ Петра относится уже къ той эпохѣ, когда

главныя заботы великаго труженика земли Русской миновались, борьба съ противниками была почти покончена побѣдою преобразователя, который въ это время уже чувствовалъ подъ собою твердую почву, а годы страшнаго напряженія всѣхъ силъ и его и государства во время Сѣверной войны приготовили государю цѣлую плеяду даровитыхъ и надежныхъ сотрудниковъ. Окруженный ими, онъ шелъ въ новый походъ, плылъ въ низовыя земли.

Флотилія плыла изъ Коломны и Переяславля Рязанскаго мимо остатковъ Старой Рязани, разоренной Батыемъ (валы ея и нынѣ ясно видны на правомъ, нагорномъ берегу Оки), мимо Исадъ, стариннаго, загороднаго дворца Рязанскихъ князей, и подходила къ Свинтусу-городку (нынѣ с. Свинчусъ Касимовскаго уѣзда), крайнему мѣсту Славянскаго населенія Рязанскаго края, далѣе котораго начиналось уже сплошное Финское населеніе — Мещера и Мордва. Тутъ, на правомъ берегу р. Оки, было очень красивое мѣсто: дубовый лѣсъ, широкій просторный лугъ и рядъ холмовъ, занятыхъ живописнымъ поселкомъ; на краю села церковь. Село называлось Дубровки; немного далѣе, на другомъ холмѣ, другой поселокъ, деревня Акулово. Преданіе говоритъ, что одинъ изъ сподвижниковъ Петра князь Д. М. Голицынъ похвалилъ это мѣсто, а Петръ, услыхавъ это, сказалъ ему: за службу твою, за Полтаву, пусть село это будетъ твое.

Подаренное наскоро, дорóгою, помѣстье это зачислено было Вотчиною Коллегіею за княземъ Голицынымъ, и онъ сдѣлался владѣльцемъ нѣсколькихъ сотъ душъ крестьянъ и болѣе 10.000 десятинъ земли.

Князь благодарилъ царя за награду и послѣ похода занялся внимательно вновь пожалованнымъ имѣніемъ. Часть крестьянъ, переселенная на новое мѣсто, образовала новую деревню, которая и названа была Полтавкою. Вновь заведенный хуторъ и скотный дворъ названъ Петровскимъ, имя это сохраняется и понынѣ. Со времени пожалованія прошло болѣе 170 лѣтъ, а Дубровское имѣніе до сихъ поръ остается въ родѣ князей Голицыныхъ: примѣръ довольно рѣдкій въ наше неустойчивое время. Оно даже не уменьшилось въ своихъ размѣрахъ, такъ какъ никогда не дѣлилось между сонаслѣдниками. Князья Голицыны постоянно занимались этимъ имѣніемъ; иногда населеніе увеличивалось, образовывало новые поселки. Такъ въ царствованіе Павла Петровича новый поселокъ былъ названъ деревней Павловкой. Одинъ изъ Голицыныхъ былъ женатъ на графинѣ Строгоновой, которую звали Аделаида, и слѣдующій выселокъ названъ Аделино. Князья Голицыны не утрачивали своего значенія въ этой мѣстности. Князь Ѳедоръ Андреевичъ два раза былъ Касимовскимъ предводителемъ дворянства,

первый разъ въ 1782 — 1784 годахъ, а второй разъ въ 1794—1796 годахъ. (Послѣ Николая Яковлевича Оленина, отца извѣстнаго Алексѣя Николаевича Оленина).

Рязанское дворянство цѣнитъ свое прошлое и уважаетъ своихъ дѣятелей; какъ историческое сословіе, оно дорожитъ именами своихъ представителей. Въ Рязани, въ большой мраморной залѣ Дворянскаго Собранія по всѣмъ стѣнамъ залы, помѣщены свѣтло-сѣрыя мраморныя доски, на которыхъ изсѣчены золотыми буквами имена всѣхъ предводителей дворянства по всѣмъ уѣздамъ за все столѣтіе съ обозначеніемъ годовъ предводительства, а по сторонамъ портрета покойнаго Государя Александра III—двѣ широкія мраморныя доски съ именами губернскихъ предводителей дворянства, начиная отъ ротмистра Ивана Васильевича Вердеревскаго, служившаго въ 1788 — 1791 годахъ и окончивая тайнымъ совѣтникомъ Л. М. Муромцовымъ, избраннымъ въ 1878 году и понынѣ занимающимъ эту должность. Это—мраморная лѣтопись, увѣковѣчивающая имена потрудившихся на пользу общественную; но, къ сожалѣнію въ нее не занесены имена другихъ Рязанскихъ дворянъ, дѣятельность которыхъ значительнѣе предводительской, начиная хоть бы съ князя Д. М. Пожарскаго (бывшаго воеводы Зарайскаго) и оканчивая безвременно погибшимъ М. Д. Скобелевымъ *)...

*

Къ Касимову флотиліи подъѣзжала, какъ сказано, въ послѣобѣденное время. Извѣстно, что Петръ, охотно участвовалъ въ попойкахъ, любилъ угощать сотрапезниковъ, иногда уходилъ, оставляя ихъ за столомъ въ усердной бесѣдѣ съ Ивашкой Хмѣльницкимъ, а потомъ, отдохнувъ, опять принималъ участіе въ пиршествѣ. Такъ, вѣроятно, было и на этотъ разъ; потому что Петръ, выйдя на палубу, увидалъ, что передъ нимъ небольшой городокъ, въ немъ нѣсколько церквей, и одна изъ нихъ, каменная, бѣлѣется въ зелени деревъ. Императоръ снялъ шляпу и перекрестился. Преданіе говоритъ, что одинъ изъ угостившихся сталъ смѣяться, что царь молится на мечеть. Участвующіе въ обѣдѣ, очевидно, *были шумны*, по тогдашнему выраженію.

— Какъ, развѣ это мечеть? удивился царь.

Судно подошло ближе, и увидали, что креста нѣтъ, что это минаретъ весьма хорошей постройки.

---

*) Скобелевъ былъ помѣщикомъ Ряжскаго уѣзда, села Спасскаго, гдѣ онъ и похороненъ.

— Сломать ее, сказалъ царь, и пошелъ опять къ пирующимъ. Неизвѣстно, долго ли, коротко ли продолжался пиръ; но царь легъ спать и проснулся только раннимъ утромъ. Когда онъ выглянулъ на берегъ, то увидалъ передъ своимъ судномъ, причаленнымъ къ берегу, рядъ людей, стоящихъ на колѣняхъ; на многихъ изъ нихъ зеленые шелковые халаты, на головахъ тюрбаны, и у всѣхъ на шеяхъ концы веревки.

— Что́ это за люди? спросилъ царь.

Мѣстный воевода доложилъ, что это Татары, муллы и мурзы, мечеть которыхъ, по приказанію Вашего Царскаго Величества, начали ломать.

— Какъ ломать, зачѣмъ ломать? спросилъ удивленный императоръ.

Когда ему разсказали, что́ было наканунѣ послѣ обѣда, то царь усмѣхнулся, вышелъ на берегъ, приказалъ всѣмъ встать, обѣщалъ милость и покровительство и велѣлъ оставить мечеть по старому. Муллы и всѣ Татары низко кланялись и благодарили царя, очевидно довольные его распоряженіемъ. Царь былъ также доволенъ, что приказаніе его скоро исполнялось и, выйдя на берегъ, прошелъ къ недалеко стоящей на берегу Егорьевской церкви.

Едва приказано было ломать мечеть, тотчасъ же, съ вечера или раннимъ утромъ, приступлено было къ ломкѣ, и работа продолжалась, пока не приказано было ее остановить. Въ справедливости этого разсказа можно убѣдиться и въ настоящее время. Минаретъ, построенный Арабскими зодчими въ XV столѣтіи изъ прекраснаго тесанаго камня, имѣетъ видъ огромнаго цилиндра, на верхней части котораго сдѣланъ уступъ, по которому ходитъ азанчей, созывая правовѣрныхъ на молитву. Надъ этимъ уступомъ построенъ другой цилиндръ уже меньшаго размѣра, который оканчивается чалмою, вытесанною изъ камня. По приказанію императора, разрушеніе минарета началось конечно сверху, сломана была вся верхняя его часть, и затѣмъ небольшая часть и ниже уступа; потомъ поврежденія эти были исправлены, но уже не было столь искусныхъ мастеровъ, и исправленіе носитъ слѣды болѣе грубой работы, что́ замѣтно и въ настоящее время: швы толще, камни пригнаны менѣе искусно.

Царь пошелъ къ Егорьевской церкви. Въ числѣ сопровождавшихъ его былъ, вѣроятно, князь Голицынъ; былъ и извѣстный шутъ Бала-

киревъ, который всегда находился при императрицѣ Екатерины. Съ паперти Егорьевской церкви открывается широкій видъ за рѣку, на луговую сторону, видна и большая часть города, который построенъ на горѣ амфитеатромъ. Царь былъ въ хорошемъ расположеніи духа, или церковь ему показалась бѣдна; только онъ въ пользу церкви велѣлъ отписать луга, что́ видны были за рѣкой, принадлежавшіе прежде царевичамъ Касимовскимъ и за смертью послѣдней царицы Фатимы отписанные на Государя [1]).

Во время посѣщенія Егорьевской церкви или по выходѣ оттуда, царь опять сказалъ Голицыну что нибудь пріятное, въ память чего, или недавняго пожалованія с. Дубровокъ, князь Голицынъ вскорѣ за этимъ сдѣлалъ значительное пожертвованіе въ этотъ храмъ: серебряные сосуды для священно-служенія, донынѣ сохранившіеся. А Балакиревъ, узнавъ, что ханша Фатима умерла, просилъ у царя позволенія именоваться ханомъ Касимовскимъ, на что Петръ и согласился. По смерти Петра, въ силу своего шутовскаго названія ханомъ Касимовскимъ, Балакиревъ выпросилъ себѣ у императрицы Екатерины I-й *всѣ имѣнія бывшихъ* хановъ Касимовскихъ, и вскорѣ затѣмъ перебрался на жительство въ свое новое помѣстье. Онъ умеръ въ Касимовѣ и по преданію похороненъ близъ той же Егорьевской церкви. Могильную плиту его и понынѣ показываютъ въ церковной оградѣ.

По смерти Балакирева, имѣнія его были отписаны на государя, и уже много лѣтъ спустя, при восшествіи на престолъ Елисаветы Петровны, пожалованы были Димитрію Александровичу Симонову, бывшему сержанту Преображенскаго полка (изъ Суздальскихъ дворянъ), за его содѣйствіе въ извѣстную Ноябрскую ночь....[2])

---

[1]) Впрочемъ Егорьевская церковь (Богоявленская) недолго пользовались этими лугами; они вскорѣ перешли въ собственность городскаго общества, которому и теперь принадлежатъ.

[2]) Грамоту объ этомъ пожалованіи, гдѣ прямо сказано „изъ отписныхъ имѣній у прапорщика Ивана Балакирева“, мы сообщили для напечатанія въ „Труды Рязанской ученой Архивной комиссіи.“ Сама по себѣ грамота представляетъ еще другой интересъ: данная Елисаветой Петровной, написанная отъ ея имени, она подписана Екатериной II, 10 Октября 1762 года, т. е. черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ и съ помѣтою рукой Екатерины, ея разгонистымъ почеркомъ: „симъ подтверждаю. Екатерина“. Объясненіемъ этому служитъ то, что Елисавета Потровна очень неохотно подписывала бумаги, и часто по цѣлымъ годамъ онѣ ожидали ея подписи. Профессоръ Ешевскій говоритъ, что на письмо Французкаго короля, извѣщавшаго о рожденіи внука, она подписала отвѣтъ только черезъ три года. Что же удивительнаго, что жалованная грамота какому нибудь лейбъ-компанцу проваляласъ такъ долго.

Вѣроятно въ это же время къ императору Петру обратились съ просьбою посадскіе люди гор. Касимова освободить ихъ отъ *городоваго* дѣла, т. е. отъ постройки кругомъ города стѣны съ башнями и острога. Стѣна эта въ послѣдній разъ строилась въ царствованіе Алексѣя Михайловича послѣ пожара 1670 года, слѣдовательно въ это время ей было уже болѣе 50 лѣтъ, и вѣроятно, она требовала поновленія. А что постройка эта была очень тяжела и обременительна для города и уѣзда, это можно видѣть изъ книги *Касимовскаго городоваго дѣла* 1671—1674 годовъ, согласно которой длина стѣны была кругомъ 430 саж., въ ней было десять глухихъ и проѣзжихъ башенъ, «а рублена городовая стѣна въ двѣ стѣны, съ земляною осыпью, изъ дубоваго и сосноваго лѣса, шириною въ двѣ сажени съ четвертью, а вышиною 22 вѣнца, а въ отрубѣ тотъ лѣсъ 7 и 8 вершковъ, а сдѣлана та городовая стѣна съ тарасы и съ кровати, съ перины и съ мушкетными бои и скатни, а крыта та городовая стѣна въ два теса, а башни рублены по обломы по тридцати по девяти вѣнцовъ, обломы по 13 вѣнцовъ; покрыты тѣ башни на стропилахъ въ два теса, стропила по 4 сажени по яблоко. Яблоко обито и прапорецъ [1]) сдѣланъ бѣлаго желѣза. Да въ той башнѣ сдѣлано два моста съ лѣстницы, средніе и верхніе въ обломахъ, и на мостахъ подѣланы въ той башнѣ исподніе мушкетные и пушечные бои». Постройка производилась посошно, «по платежнымъ книгамъ съ живущихъ платежей, съ дворянъ и дѣтей боярскихъ, съ мурзъ и Татаръ, со всякихъ жилецкихъ служивыхъ людей и съ посадскихъ и съ крестьянъ, и приходилось по раскладкѣ собрать и вывезти, со ста восьмидесяти четей, съ чети по 120 бревенъ, длиною 4 сажени и въ отрубѣ по 7 и 8 вершковъ, т. е. всего приблизительно до 22000 бревенъ, а тесъ и гвозди по особой росписи, а для работы они нанимали плотниковъ добрыхъ и смышленыхъ, которымъ городовое дѣло за обычай» [2]).

Стало быть, освобожденіе отъ этой тяжкой повинности было очень важно для Касимовскихъ жителей, и Петру Великому ничего не стоило дать имъ эту льготу, такъ какъ никакой надобности въ укрѣпленіяхъ Касимова не предвидѣлось. Да и существовавшія прежде укрѣпленія только разъ отслужили свою службу, во время Смутнаго времени, когда Касимовъ держалъ руку Тушинскаго вора, и воевода царя Василія

---

[1]) Прапорецъ флюгеръ на верху башни.

[2]) „Труды Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи“ за 1893 годъ № 1. Изъ той же книги Касимовскаго городоваго дѣла видно, что крестьяне с. Дубровки и дер. Акулова были черносошные, т. е никакому помѣщику не принадлежали. Бывшіе съ ними въ одномъ участкѣ крестьяне с. Увяза принадлежали Новоспасскому монастырю.

Ивановича Шуйскаго, Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, шелъ изъ Мурома, взялъ Касимовъ приступомъ, при чемъ погибло много народу. Царевичъ Касимовскій Уразъ Магометъ съ своими Татарами былъ въ Тушинскомъ станѣ; оттого, вѣроятно, и Касимовъ былъ противъ Шуйскаго.

Знатокъ Касимовской старины и начетчикъ, Иванъ Сергѣевичъ Гагинъ, умершій въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ составленномъ имъ *Описаніи гор. Касимова и его древностей*, говоритъ, что «въ личное обозрѣніе его величества и государыни императрицы, во время слѣдованія въ Низовые города водянымъ путемъ, посѣтившаго г. Касимовъ вождѣленнымъ Его Величества присутствіемъ и давшаго покой стѣнамъ и ветхостямъ онаго, и по сему высочайшему повелѣнію, какъ старожилы о семъ вѣщали, градскія деревянныя огражденія и башни получили конецъ» *).

Посѣтивъ Егорьевскую церковь, императоръ спустился опять на берегъ. Флотилія тотчасъ и отчалила, царь остался на палубѣ, и въ нѣсколькихъ верстахъ ниже города, на лѣвомъ высокомъ берегу, увидалъ старинный сосновый лѣсъ, вѣроятно, принадлежавшій также Касимовскимъ царевичамъ. Послѣдовало распоряженіе зачислить его въ казну въ вѣдѣніе адмиралтейства для судостроенія. Лѣсъ этотъ и сейчасъ казенный и понынѣ называется *Государевъ лѣсъ*, хотя и обратился въ рѣдкую поросль, а въ то время, говорятъ, былъ мачтовый. Затѣмъ флотилія вышла изъ предѣловъ Касимовскаго уѣзда.

Вотъ то немногое, что́ народная память сохранила отъ посѣщенія великаго императора, который, пробывъ въ Касимовскихъ предѣлахъ всего нѣсколько часовъ, ознаменовалъ посѣщеніе свое нѣсколькими милостями. Преданіе не говоритъ ни о какихъ встрѣчахъ, торжествахъ и празднованіяхъ, которыя были бы и неумѣстны во время спѣшнаго боевого похода въ Низовыя земли.

А. Мансуровъ.

Г. Касимовъ
Мартъ 1895 года.

---

*) Личность И. С. Гагина очень замѣчательна. Это былъ разстроившій свои средства купецъ. Онъ посвятилъ себя чтенію, изученію исторіи и древностей, записывалъ преданія и проч. Самоучка-архитекторъ, землемѣръ, онъ готовъ былъ всѣми средствами служить ближнему и заслужилъ общее уваженіе согражданъ. Большинство рукописныхъ сочиненій своихъ онъ передалъ М. П. Погодину, у котораго они и остались. Такіе любители старины и начетчики иногда встрѣчались еще въ глубинѣ Россіи. Замѣчательна и смерть Ивана Сергѣевича. Живя подъ старость въ большой бѣдности, среди лицъ, не понимавшихъ значеніе его трудовъ, опасаясь за участь своихъ рукописей, онъ для сохранности ихъ спряталъ въ подтопку печки, которая не топилась, заклалъ на туго кирпичами и замазалъ глиной. Прошло 30—40 лѣтъ по смерти его, ветхій домъ разобрали, сломали печку и нашли рукописи! Чисто-русскій способъ сохранять ученые труды...

А. Н. МУРАВЬЕВЪ ВЪ ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ СВОЕЙ ЖИЗНИ.

Воспоминанія М. О. Семенова *).

Въ теченіе 1871 года ничего у насъ не было выдающагося до Августа мѣсяца, когда А. Н. Муравьевъ ѣздилъ на нѣсколько дней въ Почаевъ и Острогъ къ графинѣ А. Д. Блудовой, что и описано имъ въ брошюрѣ: „Почаевская Лавра и Острожское Братство", съ добавленіемъ описаній Пріюта на Херсонской степи и обновленія Дворца въ Кіевѣ. Кромѣ того, въ это же время была издана имъ брошюра „Знакомство съ Русскими поэтами", и началось печатаніе „Писемъ о Православіи".

Въ Ноябрѣ Государыня Императрица, проѣздомъ изъ Крыма, въ первый разъ останавливалась во вновь отстроенномъ дворцѣ. Къ обѣденному столу Ея Величества, между прочими сановниками, приглашенъ былъ и А. Н. Послѣ обѣда Императрица очень долго говорила съ нимъ о церковныхъ дѣлахъ, по случаю сильнаго движенія на Западѣ; затѣмъ, когда разговоръ коснулся укрѣпленій Кіева, то Царица поблагодарила его за то, что онъ, своимъ заступничествомъ предъ военнымъ министромъ, отстоялъ неприкосновенность св. града, при чемъ А. Н. упомянулъ, что генералъ Тотлебенъ обѣщалъ успокоить Кіевлянъ. А. Н., возвратясь изъ дворца, говорилъ, что судьба привела ему въ первый разъ такъ долго и искренно говорить съ Матушкой-Царицей; не забыто было и возстановленіе Межигорской упраздненной обители, была рѣчь и о возобновленіи Софійскаго собора въ прежнемъ его видѣ.

30-е Ноября, какъ и всегда, праздновалось торжественно; въ этотъ день обыкновенно служилъ митрополитъ въ Андреевской церкви, если только раньше этого не выѣзжалъ въ Петербургъ. Съѣздъ поздравителей былъ большой и продолжался до 5 часовъ пополудни. Вечеромъ, уставшій и изнуренный до нельзя, имянинникъ заставлялъ меня считать, сколько было душъ, и цифра доходила до сотни. Писемъ и телеграммъ бывало безчисленное множество, хотя послѣднихъ Муравьевъ не жаловалъ, какъ будящихъ по ночамъ, и хватало работы на отписку недѣли на три. Такимъ образомъ провели мы и конецъ года, безъ особенныхъ приключеній.

---

*) См. выше, стр. 55.

Наступилъ новый 1872-й годъ. Денежныя обстоятельства А. Н. стали болѣе запутываться. Обѣщаніе о Кіевской землѣ заглохло, почему онъ иногда говорилъ: „Я тебѣ подарю землю, въ которой мнѣ отказали“. Я собирался ѣхать въ Петербургъ, и онъ мнѣ написалъ длинное письмо, въ которомъ подробно изложилъ дѣятельность свою въ Кіевѣ. Вотъ оно.

Кіевъ, 25 Января 1872 г.

По стѣсненнымъ обстоятельствамъ, можетъ-быть, мнѣ придется оставить не только мою поэтическую виллу, но и самый Кіевъ, гдѣ, при новыхъ его порядкахъ и налогахъ, образъ жизни сдѣлался невыносимо дорогъ. Прежде однако, нежели на это рѣшиться, я хочу высказать тебѣ искренно, любезный другъ, всю странность моего здѣсь положенія, какъ относительно города, такъ и относительно Церкви; а между тѣмъ, оно такъ мало было оцѣнено, что мѣстныя власти нисколько не стараются меня поддержать. Тебѣ болѣе, чѣмъ кому-либо, извѣстно, по моей обширной перепискѣ, былъ ли я дѣйствительно здѣсь полезенъ, по мѣрѣ и даже свыше моихъ средствъ.... Потому что едва ли случалось частному человѣку, не облеченному никакою властію и безъ всякаго состоянія, столько потрудиться для той мѣстности, гдѣ онъ водворился. Пишу сіе не ради похвальбы, но только для своего оправданія, если я буду вынужденъ удалиться изъ Кіева, гдѣ я хотѣлъ бы остаться до конца жизни.

При самомъ началѣ моего здѣсь пребыванія, когда я еще пріѣзжалъ въ Кіевъ только на лѣтніе мѣсяцы и, по неимѣнію здѣсь пристанища, долженъ былъ провести первое лѣто внѣ города, въ упраздненной обители Межигорской, я уже началъ заботиться о его древности и святынѣ. Она была мною описана гораздо прежде, и мое описаніе служитъ доселѣ руководствомъ для богомольцевъ высшаго круга.

Это было въ 1859 году. Протоіерей сосѣдняго села Вышгорода, бывшаго нѣкогда удѣломъ наслѣдниковъ великаго княженія, усердствовалъ построить каменную церковь на древнемъ основаніи Мономаховомъ, во имя святыхъ Бориса и Глѣба, коихъ мощи тутъ нѣкогда почивали. Онъ обратился ко мнѣ съ просьбою, чтобы я исходатайствовалъ ему у брата моего, бывшаго министромъ государственныхъ имуществъ, 5.000 р. заимообразно, и братъ охотно на это согласился. Соорудилась благолѣпная церковь, къ общей радости всѣхъ прихожанъ и жителей Кіевскихъ, особенно уважающихъ это мѣсто; но, по истеченіи срока, Палата начала требовать возвращенія денегъ, которыхъ не въ силахъ были уплатить бѣдные поселяне и клиръ. Неоднократно просили они меня о прощеніи сего долга, такъ какъ дѣло тянулось много

лѣтъ, съ крайнимъ для нихъ стѣсненіемъ, и наконецъ мнѣ удалось въ минувшемъ году, по благосклонному вниманію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, исходатайствовать всемилостивѣйшее на то разрѣшеніе. И вотъ, наканунѣ праздника Страстотерпцевъ-Князей, имѣлъ я утѣшеніе принять у себя депутацію отъ с. Вышгорода, священника съ выборными людьми, которые поднесли мнѣ икону своихъ княжескихъ мучениковъ, съ хлѣбомъ и солью, и благодарили за мое дѣятельное участіе въ ихъ храмозданіи. Это было мое первое соприкосновеніе къ церковнымъ дѣламъ Кіевской епархіи; но вскорѣ случилось и другое.

Въ томъ же 1859 году, по внушенію бывшаго ключаря Софійскаго, митрополитъ Исидоръ исходатайствовалъ, чрезъ генералъ-губернатора князя Васильчикова, измѣненіе высочайше утвержденнаго проекта, чтобы соорудить предположенный храмъ во имя Св. Князя Владимира, уже не на обширной площади Ботаническаго сада, но въ меньшихъ размѣрахъ, на мѣстѣ теплаго собора внутри Софійской ограды. Такое измѣненіе было весьма неблагопріятно для древняго святилища. Кромѣ того, что старый его фундаментъ могъ бы пострадать отъ новаго сосѣдняго зданія; но самый храмъ Софійскій былъ бы совершенно заслоненъ съ южной стороны, а съ восточной предполагалось еще построить, на самой площади, большой домъ для соборянъ; такимъ образомъ совершенно утратился бы величественный видъ на лѣтописное святилище.

Временно обиталъ я тогда въ Софійской митрополіи и не могъ оставаться равнодушнымъ къ угрожавшей храму опасности. Неоднократно говорилъ я о томъ митрополиту, доводя до его слуха ропотъ горожанъ Кіевскихъ; но онъ не обращалъ вниманія на мои слова. Наконецъ я воспользовался осеннимъ пріѣздомъ Государя въ Кіевъ и написалъ Владыкѣ сильное письмо, въ которомъ представилъ ему всѣ печальныя послѣдствія такой постройки и самую отвѣтственность, какой онъ подвергалъ себя передъ потомствомъ.

На сей разъ поколебался митрополитъ и, по совѣщанію съ княземъ, рѣшился передоложить дѣло Государю. Прежній проектъ былъ опять утвержденъ; но такъ какъ уже измѣнились формы и размѣры предполагаемаго храма, то, по неопытности зодчаго, произошла грубая архитектурная ошибка въ равновѣсіи его частей: тяжесть свода, напирая на слишкомъ легкія арки, угрожаетъ паденіемъ всему зданію, и оно до сихъ поръ остается неконченнымъ. Каково же было бы, если бы эта громадная руина стояла внутри Софійской ограды и своею безобразною массою загромождала лѣтописное святилище? Недавно подалъ

я здѣсь записку Императрицѣ о возстановленіи его въ древнемъ видѣ, безъ всѣхъ новѣйшихъ пристроекъ XVII вѣка, какъ было оно во дни Ярослава. Еще неизвѣстно, чѣмъ это рѣшится; но, во всякомъ случаѣ, я весьма счастливъ, что и въ нынѣшнемъ его видѣ, оно, по крайней мѣрѣ, спасено отъ тѣхъ безобразныхъ зданій, которыя бы совершенно помрачили его древнее благолѣпіе.

Еще прежде моего переселенія въ Кіевъ, когда я посѣщалъ его на перепутьи въ Палестину, не могъ я равнодушно видѣть то запустѣніе, въ какомъ уже много лѣтъ заброшено было священное мѣсто крещенія сыновъ Владимировыхъ, въ долинѣ Крещатика. Вода изсякла въ большемъ кладезѣ, иконы изъ часовни были вынесены, и она обратилась въ мѣсто разгула нетрезвыхъ и подозрительныхъ людей, скитавшихся по сосѣднимъ ущельямъ. Тогда же просилъ я, еще митрополита Филарета, обратить на нее вниманіе и возстановить прежній крестный ходъ къ часовнѣ, уже много лѣтъ упраздненный. Я прислалъ ему изъ столицы весьма изящный планъ небольшой церкви надъ источникомъ, который былъ высочайше утвержденъ, и уже начали дѣлать сборъ для сей постройки; но, по недостатку средствъ, она отложена на неопредѣленное время, а бывшая часовня оставалась въ томъ же печальномъ запустѣніи и при управленіи м. Исидора. Съ прибытіемъ новаго владыки Арсенія въ Кіевъ, я возобновилъ мое ходатайство о возстановленіи крестнаго хода и, при содѣйствіи генералъ-губернатора князя Васильчикова, достигъ наконецъ желаемаго. По его приказанію трубы источниковъ, наполнявшихъ кладезь, были вновь открыты, часовня нѣсколько очищена, и въ день памяти Св. Князя, 15 Іюля 1861 года, послѣ 25 лѣтъ совершеннаго забвенія сей древней святыни, совершился первый крестный ходъ всего духовенства Кіевскаго къ священной колыбели нашего спасенія. Митрополитъ поручилъ ключарю Софійскому, по совѣщанію со мною, устроить обновленный ходъ сей съ возможнымъ великолѣпіемъ.

Я предложилъ, чтобы самъ Владыка совершилъ литургію въ Десятинной церкви, при гробѣ Равноапостольнаго, и оттуда двинулся, во главѣ всего духовенства Старокіевскаго, на Крещатикъ. Предъ самымъ спускомъ въ долину, для бо́льшаго торжества, должны были присоединиться къ нему еще два крестныхъ хода: одинъ изъ Лавры съ ея братіею и съ клиромъ всѣхъ Печерскихъ церквей, а другой изъ Братскаго монастыря съ Подольскими. Все было исполнено какъ нельзя лучше, и неожиданное торжество сіе произвело благопріятное впечатлѣніе на массу народную, въ ту смутную эпоху, когда въ полномъ

разгарѣ были умы Польскіе и все готовилось къ мятежу въ Югозападномъ краѣ. Это доказало безразсуднымъ Полякамъ, что Кіевъ, колыбель нашего Православія, никогда не можетъ быть Польскимъ городомъ, и такимъ образомъ крестный ходъ сей, въ день Св. Владимира, имѣлъ для Кіева столько же значенія политическаго, сколько и церковнаго.

Но хотя и былъ онъ учрежденъ такъ успѣшно и неожиданно, и даже высочайше утвержденъ, немалыхъ трудовъ стоило мнѣ его упрочить на слѣдующее время и дать ему надлежащую торжественность. Въ самую первую зиму послѣ его учрежденія, уже воспользовались моимъ отсутствіемъ въ столицу: одна изъ содержательницъ лѣтнихъ балагановъ, близъ купаленъ, испросила себѣ дозволеніе у Округа Путей Сообщенія выстроить, подъ именемъ балагана, цѣлый домъ для молочнаго заведенія со скотнымъ дворомъ, который сталъ противъ часовни и пересѣкъ заборами крестный путь для Подольскихъ церквей. Тотъ часъ по возвращеніи, я началъ дѣйствовать, чтобы очистить неправильно занятое мѣсто, такъ какъ оно уже было освящено этимъ ходомъ. Заборы немедленно сломали; но хозяйка еще недостроеннаго дома крѣпко за него стояла, увѣряя, что это только балаганъ, хотя онъ былъ устроенъ со всѣми условіями настоящаго жилья и даже съ мезониномъ. Напрасно Лавра предполагала купить у нея домъ; она упорствовала, доколѣ наконецъ, на канунѣ хода, полиція должна была сломать ея незаконную постройку. Между тѣмъ я обновилъ часовню, украсилъ ее изящными иконами Лаврскаго письма и построилъ передъ нею терассу для удобства богослуженія. На сей разъ, такъ какъ предполагалась закладка новаго Владимирскаго собора, близъ Университета, я предложилъ митрополиту подняться прямо отъ Крещальни къ бронзому изваянію Св. Владимира, на береговомъ утесѣ (оно еще не было освящено при митрополитѣ Филаретѣ, который не одобрялъ сооруженія такого рода памятника Святому). Дабы облегчить оттуда восходъ къ Михайловскому монастырю, я проложилъ заблаговременно прямую дорогу по крутизнѣ стараго вала, и съ тѣхъ поръ тутъ спускается крестный ходъ ко Крещальнѣ.

На слѣдующій годъ новый генералъ-губернаторъ Анненковъ старался придать какъ можно болѣе блеску сему церковному торжеству въ смутное время Польскаго мятежа; онъ сдѣлалъ на Софійской площади парадъ войскамъ, которыя окропилъ св. водою митрополитъ; тутъ же были розданы медали крестьянамъ, отличившимся при усмиреніи бунта. Надобно отдать справедливость г. Анненкову, что онъ

болѣе другихъ оцѣнилъ значеніе сего крестнаго хода; послѣ него мѣстныя власти не только ничего не сдѣлали для поддержанія его торжественности, но даже сократили число войскъ и уничтожили парадъ, который привлекалъ толпы народа. Въ 1864 году учредилось въ Кіевѣ новое Свято-Владимирское Братство, съ цѣлію дѣйствовать противъ Латино-Польской пропаганды, и я былъ въ числѣ его учредителей. Хоругвь Братская и икона Равноапостольнаго Князя, предъ коей шли братчики со свѣчами, произвели благопріятное впечатлѣніе на народъ, и тѣмъ еще болѣе украсилось торжество церковное.

Но тѣмъ не окончились мои заботы о крестномъ ходѣ. На меня падали всѣ нареканія, если измѣняла погода, хотя большею частью она благопріятствовала; но когда случался дождь, или было слишкомъ жарко, я дѣлался предметомъ общаго неудовольствія духовныхъ, какъ виновникъ торжества. Постоянно приходилось мнѣ также возражать противъ зонтиковъ, которые позволяли себѣ носить священники во время хода, какъ бы на обыкновенной прогулкѣ, безъ всякаго порядка въ шествіи. Только въ прошедшемъ году, по моему настоянію, сдѣланы были на сей день однообразныя золотыя ризы для всего духовенства; но сколько было и за это воплей, какъ будто я дѣйствовалъ тутъ по какому либо личному интересу, а не ради подобающаго приличія, тогда какъ на это лѣтописное торжество стекается множество народа, и даже нарочно пріѣзжаютъ въ Кіевъ.

Хотя оно уже совершается 11 лѣтъ, мнѣ пришлось однако выдержать еще одну борьбу съ тѣмъ же Округомъ, при устройствѣ водопроводовъ для минеральнаго заведенія. Къ счастію, я успѣлъ остановить землекоповъ, которые едва не пересѣкли водяную струю крещальнаго кладезя, и только по моему настоянію минеральныя трубы получили другое направленіе; со стороны же мѣстныхъ властей не было на это обращено никакого вниманія, и я снова долженъ былъ спорить за постройку дома для водокачальной машины, который хотѣли поставить передъ самою часовнею. Равнодушіе изумительное къ нашей древности и святынѣ! Должно отдать справедливость опытнымъ инженерамъ Струве и Донату, которые приняли на себя устройство городскихъ водопроводовъ, что они дѣйствовали гораздо осторожнѣе и совѣщались со мною, какъ съ блюстителемъ часовни, прежде нежели избрали на берегу мѣсто для своихъ построекъ.

Какъ только рѣшился я поселиться въ Кіевѣ, подъ сѣнію моего Ангела, Первозваннаго Апостола, и началъ устроять свою усадьбу противъ его церкви, я невольно обратилъ вниманіе на матеріальный и

нравственный упадокъ, въ которомъ находился сей чудный храмъ великаго зодчаго Растрелли и вся окружающая его мѣстность. Горы кругомъ были изрыты весенними протоками, отъ натиска снѣговъ и всякой нечистоты, которую тутъ бросали. Но еще ужаснѣе была нечистота иного рода, обратившая въ посмѣяніе самое имя Андреевской горы: честные люди не могли на ней селиться, потому что почти вся она, отъ верха и до низу, была усѣяна такъ называемыми домами терпимости, гдѣ всякую ночь происходили буйства, при неистовыхъ крикахъ и срамныхъ пѣсняхъ. Мнѣ самому не совѣтовали тутъ строиться, и мой ближній сосѣдъ изъ Поляковъ, человѣкъ семейный, горько каялся въ своей опрометчивости. Было даже предположеніе, къ счастію уже отклоненное, построить главный притонъ разврата подлѣ самой церкви на урочищѣ, которое отняли у клириковъ.

Могъ ли я оставаться равнодушнымъ при такомъ беззаконіи, по уваженію моему къ святынѣ? Тогда еще можно было дѣйствовать, при начальникѣ края, каковъ былъ князь Васильчиковъ, и первымъ моимъ дѣломъ было стараться всѣми мѣрами очистить отъ поруганія сію священную гору. Мнѣ это удалось чрезъ непрестанное мое настояніе предъ княземъ и княгиней, когда посѣщали они мою усадьбу, и чрезъ полицейскія власти, которыя въ то время были внимательнѣе къ нравственному благосостоянію города. Въ продолженіи одного года, постепенно закрывались, одинъ за другимъ, всѣ дома беззаконной терпимости, такъ что совершенно отъ нихъ очистилась гора, окруженная обителями и церквами. Домовладѣльцы приходили благодарить меня за то, что избавились отъ сосѣдства этой язвы и, не смотря на всѣ домогательства, она болѣе не возобновлялась явно. На ближайшемъ пустырѣ къ церкви, гдѣ нѣкогда предполагался одинъ изъ такихъ притоновъ, я развелъ небольшой садъ, на деньги пожертвованныя поч. гражд. Кокоревымъ*), такъ какъ это мѣсто уступлено имъ городу; но громадные снѣга минувшей зимы многое тутъ повредили.

Приступая къ обновленію Андреевской церкви, которая сдѣлалась предметомъ моихъ особенныхъ заботъ, я прежде всего занялся нижнею ея частью, гдѣ, въ обширныхъ подземельяхъ, предполагалась нѣкогда церковь, а между тѣмъ они были въ совершенномъ запустѣніи и даже, во время войны, служили темницею для плѣнныхъ Турокъ. Испросивъ благословеніе митрополита, я собралъ до 2 тысячъ р. въ

*) Василіемъ Александровичемъ Кокоревымъ, котораго широкая Русская душа отзывчива была ко всякаго рода красотѣ, и который въ Москвѣ насадилъ цѣлый бульваръ въ Замоскворѣчьѣ. П. Б.

обѣихъ столицахъ и устроилъ въ сихъ катакомбахъ весьма оригинальную церковь, во имя Преп. Сергія, съ чугунными двойнымъ иконостасомъ, который пожертвовалъ С. И. Мальцевъ, а изящныя иконы были отчасти приношеніемъ здѣшней Лавры. Послѣ сего я началъ помышлять, какъ бы возстановить и верхнюю церковь въ прежнемъ ея благолѣпіи, обновить ея серебристый куполъ и вызолотить внутри и снаружи всѣ ея капители и лѣпныя украшенія, потому что уже наступалъ, въ 1867 году, сто-лѣтній юбилей сего чуднаго храма. Мнѣ помогъ въ этомъ П. Н. Батюшковъ, который завѣдывалъ въ то время постройкою церквей въ западномъ краѣ. Онъ испросилъ отъ царскихъ щедротъ 10 тысячъ р. для обновленія храма, а Императрица прислала богатую утварь, съ орденскими Андреевскими крестами для соборнаго служенія.

Но самой церкви угрожала опасность, при таяніи весеннихъ снѣговъ по крутизнѣ горы, такъ что паперть была уже отчасти обнажена, и глубокія рытвины доходили до самой церкви. Письменно обращался я и къ министру внутреннихъ дѣлъ, и къ новому генералъ-губернатору Безаку, и напечаталъ краткое, но сильное воззваніе о судьбѣ Андреевской церкви, которое подѣйствовало благопріятно, опять съ помощію Батюшкова и, по представленію дѣятельнаго генералъ-губернатора, испрошены были 26 тысячъ р. для необходимаго укрѣпленія горы. Составленъ былъ для сего особый комитетъ. Мы нѣсколько воспользовались этою суммою и для довершенія внѣшнихъ украшеній храма; и вотъ онъ стоитъ нынѣ, въ прежнемъ своемъ величіи, весь обновленный и раззолоченный, какъ лучшее украшеніе древней матери городовъ Русскихъ и память перваго креста, воздвигнутаго здѣсь Апостоломъ. Торжественно праздновался юбилей уже въ обновленномъ храмѣ, 19 Августа 1867 года, въ присутствіи всѣхъ властей гражданскихъ и воинскихъ. Митрополитъ, съ двумя архіереями и почетнымъ духовенствомъ Кіева, совершалъ литургію и обносилъ кругомъ выспренной паперти часть святыхъ мощей Апостола, принесенную мною съ Аѳона. Въ краткой рѣчи онъ благодарилъ меня за усердіе къ обновленію святилища, и это былъ одинъ изъ самыхъ радостныхъ дней въ моей жизни.

Не такъ удачны были мои старанія о возстановленіи древней Межигорской обители. Я полюбилъ это живописное мѣсто еще въ первое лѣто моего пребыванія въ Кіевѣ, и съ тѣхъ поръ всѣми средствами старался возвратить Межигорье его первобытному назначенію. Казенная фабрика уже была отдана въ частную аренду, которая ока-

залась несостоятельною. Обѣ великолѣпныя его церкви, изъ коихъ одна строенія патріаршаго, были переданы въ епархіальное вѣдомство; туда послали нѣсколько монашествующихъ изъ Лавры, такъ что составилась опять небольшая обитель, и къ ней начали привыкать окрестные жители. Но министру двора пришло на мысль продать бывшую фабрику въ частное помѣстье. Тогда я убѣдилъ митрополита написать къ нему письмо, въ которомъ мною было изложено все историческое значеніе Межигорья, и предложить за него Кабинету 60 тысячъ р., которыя были назначены для торговъ. Министръ отклонилъ это предложеніе, подъ страннымъ предлогомъ, будто бы обновленіе Межигорья можетъ возбудить опять духъ Запорожья. Сія мысль была однако совершенно оставлена въ послѣдствіи, но митрополитъ уже не хотѣлъ вступиться въ это дѣло и когда опять, по несостоятельности покупщика, назначились новые торги въ прошломъ году, я уже не могъ убѣдить его, чтобы онъ повторилъ свое предложеніе министру. Самъ я написалъ графу Адлербергу и его товарищу графу Стенбоку, и просилъ еще секретаря Императрицы Морица, чтобы обратить на бывшую обитель ея милостивое вниманіе. Но хотя она и приняла въ ней участіе, и я еще подавалъ ей лично записку по сему дѣлу, во время послѣдняго проѣзда ея чрезъ Кіевъ, было уже поздно; Межигорье продано вторично и даже безъ торговъ. По крайней мѣрѣ не остается на моей совѣсти, что я не сдѣлалъ всего, что̀ только могъ, для его спасенія.

Между тѣмъ усадьба моя была уже устроена, фруктовыя деревья и виноградникъ приносили уже плоды, а разросшійся по живописнымъ оврагамъ садъ привлекалъ общее вниманіе. Можно сказать, что моя вилла облагородила все мѣсто, гдѣ до того времени былъ только безобразный пустырь, опасный по вечерамъ, и она сдѣлалась одною изъ любимыхъ прогулокъ для Кіевлянъ, съ тѣхъ поръ какъ бывшій царскій садъ былъ искаженъ народнымъ гульбищемъ Шато-де-флеръ, гдѣ всякаго рода публика не для всѣхъ была пріятна.

Шато-де-флеръ совершенно убилъ всю патріархальность Кіева пренебреженіемъ его священныхъ преданій: подъ самые большіе праздники Лавры гремѣла тамъ музыка и лопались фейерверки, къ общему соблазну православныхъ. Неоднократно говорилъ я о томъ и даже писалъ къ мѣстнымъ властямъ, навлекая на себя ихъ неудовольствіе; но все было напрасно, потому что тутъ замѣшались городскіе интересы. Пора бы однако, хотя теперь, при обновленіи дворца, очистить Царскій садъ отъ такой проказы.

Не одни только Кіевляне, но и всѣ пріѣзжіе иностранцы посѣщали мою виллу, и даже царственныя особы. Я тутъ принималъ принцевъ Мекленбургскаго, Лейхтенбергскаго, двухъ Ольденбургскихъ и нашихъ Великихъ Князей, которыхъ былъ руководителемъ по Кіевской святынѣ. По личному приглашенію Великаго Князя Константина Николаевича, который посѣтилъ мою усадьбу, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, три дня я ему сопутствовалъ по нашему родному Кіеву, равно какъ и Великому Князю Алексѣю Александровичу, а нѣсколько позже Великимъ Князьямъ Сергію и Павлу Александровичамъ и Великой Княжнѣ Маріи Александровнѣ; это мнѣ заслужило милостивое вниманіе Императрицы. Я сдѣлался такимъ образомъ какъ бы привилегированнымъ чичероне Кіева, и ко мнѣ обращались всѣ царственныя особы, по указанію самихъ мѣстныхъ властей, такъ какъ моя книга служила для всѣхъ предварительнымъ руководстводствомъ или гидомъ. Но всѣхъ утѣшительнѣе было для меня посѣщеніе Государя Наслѣдника и Цесаревны, въ 1869 году, потому что они не только любовались видами моего сада, но взошли ко мнѣ въ домъ, гдѣ осматривали мою образную, и въ лѣтнюю избу, гдѣ я имѣлъ счастіе угостить ихъ собственнымъ виноградомъ. Если я могъ принести для всѣхъ сихъ высокихъ посѣтителей хотя малѣйшую пользу моимъ опытнымъ знаніемъ священной мѣстности Кіева, то я уже долженъ почитать счастливымъ мое здѣсь водвореніе, хотя оно мнѣ стоило многихъ трудовъ и издержекъ.

Но вотъ настала критическая минута для Кіева. По стратегическимъ соображеніямъ, онъ былъ избранъ главнымъ пунктомъ для Юго-западнаго края и вооруженнымъ лагеремъ, гдѣ бы хранились всѣ снаряды и запасы на случай войны. Не довольствуясь настоящею крѣпостію, которая разорила, въ свое время, всю Печерскую часть города, перенесенную на новыя мѣста, теперь положено было укрѣпить и Старый городъ и воздвигнуть батареи на полуразрушенныхъ валахъ Миниха, такъ что одна даже приходилась въ моемъ саду. Это бы разорило и Старый городъ, и новыя мѣста съ Ботаническимъ садомъ, которыхъ лучшая часть подходила подъ укрѣпленія; вновь строющійся въ эту сторону городъ былъ бы окончательно уничтоженъ, не говоря уже о томъ запрещеніи, какое бы легло на всю сію мѣстность, гдѣ не позволяли бы ни строиться вновь, ни устраивать старое, даже самыя церкви. Кіевъ въ промышленномъ отношеніи упалъ бы совершенно подъ условіями внутренней крѣпости и внѣшнихъ фортовъ. Г. Тотлебенъ сочинилъ этотъ планъ, можетъ быть отличный въ стратегическомъ смыслѣ, но губительный для древности и святыни, которыя по-

страдали бы отъ предполагаемыхъ укрѣпленій еще прежде осады. Онъ предложилъ свой проектъ генералъ-губернатору, и планъ былъ уже утвержденъ свыше; все хранилось въ тайнѣ, и только ходила глухая молва о предстоящемъ разореніи. Къ счастію пріѣхалъ въ Кіевъ военный министръ и пожелалъ осмотрѣть на самыхъ мѣстахъ предположенныя укрѣпленія. Я рѣшился изложить предъ нимъ всю опасность, какой подвергался городъ, хотя и не зналъ лично Д. А. Милютина, только однажды къ нему писалъ о трехъ пороховыхъ погребахъ, окружающихъ Лавру, и просилъ уничтожить тотъ, чтó былъ у самыхъ ея воротъ, потому что, при малѣйшей неосторожности, онъ могъ взорвать ее на воздухъ. Министръ отвѣчалъ мнѣ благосклонно, что приняты будутъ мѣры, дабы въ этотъ погребъ не складывать болѣе пороха. Это было за пять лѣтъ. На сей разъ я просилъ командующаго войсками генерала Козлянинова пригласить ко мнѣ военнаго министра, зная, что онъ будетъ осматривать, съ паперти Андреевской, предположенный тутъ редутъ и мѣсто для батареи въ моемъ саду.

На другой день, когда посѣтилъ меня министръ, я высказалъ ему со всевозможною силою все, чему подвергаются наша родная древность, святыня и самое благосостояніе города, отъ столь убійственнаго для нихъ проекта укрѣпленій, присовокупивъ, что дѣло идетъ для насъ о жизни и смерти. Мы вышли въ садъ, и я показалъ ему, съ моего вала, всю мѣстность, повторяя опять, какимъ разореніямъ подвергнутся всѣ древніе храмы и урочища, которыхъ уже нельзя будетъ узнать. Министръ позволилъ мнѣ изложить письменно все, чтó я ему высказалъ только въ краткой рѣчи. Больше мы не видались. Но, чрезъ три дня, я послалъ ему пространную записку, въ которой исторически изложилъ всѣ разоренія, какимъ подвергался Кіевъ, отъ самаго начала строенія крѣпости, и то, чтó ему угрожаетъ опять при строеніи новой, еще съ бóльшимъ ущербомъ; потому что тогда потерпѣла только одна незначительная часть города около Лавры, а нынѣ разорится новая, лучшая часть уже цвѣтущаго города, который сдѣлалъ такіе исполинскіе шаги въ торговлѣ и промышленности и можетъ почитаться столицею всего южнаго края. Записка была принята благосклонно; министръ отвѣчалъ мнѣ, что онъ сдѣлаетъ съ своей стороны все, чтò только будетъ можно, дабы не пострадали интересы города. Вѣроятно она была принята, хотя отчасти, во вниманіе и въ Петербургѣ; потому что скоро пришло успокоительное извѣстіе, что ограничатся одними внѣшними укрѣпленіями города.

Нѣсколько времени спустя послѣ отъѣзда военнаго министра, явилась ко мнѣ депутація отъ всего города: самъ городской голова

Войтенко, съ своими гласными и нѣсколькими почетными членами купечества. Они благодарили меня весьма усердно за то, что я защитилъ городъ въ критическую его минуту. Это тронуло меня до глубины души и, хотя я отозвался, что еще рано благодарить до окончательнаго успѣха, но они отвѣчали: довольно и того, что вы такъ горячо за насъ вступились.

Въ нынѣшнемъ году поднялся опять тотъ же вопросъ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, при посѣщеніи Кіева генералъ-инспекторомъ инженеровъ Николаемъ Николаевичемъ; предложили укрѣпить только одну обсерваторію, но и это угрожало бы разореніемъ сей части города. Узнавъ о томъ, я написалъ опять письмо къ военному министру Д. А. Милютину, прося его вступиться еще разъ за нашъ родной Кіевъ, какъ нѣкогда его защищалъ, при нашествіи Монголовъ, бояринъ Русскій Димитрій, ему соименный. Но меня обнадеживаетъ то, что, во время послѣдняго своего проѣзда чрезъ Кіевъ, Государыня Императрица весьма милостиво мнѣ сказала: «Генералъ Тотлебенъ мнѣ говорилъ, что онъ имѣлъ съ вами сильное прѣніе объ укрѣпленіяхъ Кіевскихъ; но онъ надѣется однако васъ удовлетворить».

По случаю бывшей ко мнѣ депутаціи, разнеслась молва, что купечество хочетъ избрать меня своимъ головою при новой Думѣ; но, хотя мнѣ и предлагалъ бывшій голова склонить всѣхъ гражданъ въ мою пользу, я не пожелалъ принять на себя такой должности, которая была бы свыше моихъ силъ и свыше средствъ, необходимыхъ для приличнаго ея исполненія. Когда же меня выбрали гласнымъ въ Думу, я и отъ сего отказался, послѣ нѣсколькихъ засѣданій, потому что, при самоуправствѣ новой управы, не могъ, вопреки своихъ убѣжденій, молча во всемъ соглашаться. У меня есть впрочемъ своего рода обязанность, которая также требуетъ постояннаго вниманія. Какъ я былъ предсѣдателемъ Комитета по обновленію Андреевской церкви и по укрѣпленію ея горы, такъ былъ избранъ, по желанію митрополита, и въ предсѣдатели Владимирскаго Братства, которымъ усердно занялся. Прежде всего я исправилъ и вновь издалъ его уставъ, чтобы лучше опредѣлить дѣятельность Братства, и старался набрать поболѣе членовъ между почетными посѣтителями Кіева. Такъ какъ съ упадкомъ Латино-Польской пропаганды, первоначальная цѣль Братства нѣсколько измѣнилась, то я старался направить наши усилія на другой элементъ, Еврейскій, который становится чрезвычайно опасенъ въ Юго-западномъ краѣ, въ вещественномъ и нравственномъ отношеніи. Между молодыми Евреями, получившими нѣкоторое образованіе въ школахъ, открывается расположеніе къ Христіанству, потому что они гнуша-

ются грубаго быта своихъ отцовъ, и нѣкоторые изъ нихъ искренно желаютъ принять крещеніе; но они боятся гоненія отъ единовѣрцевъ, и для нихъ необходимъ пріютъ на время ихъ приготовленія. По сему главною моею заботою было устройство такого пріюта, и съ помощію Божіею могли мы, не разстроивъ капитала Братства, пріобрѣсти за 4 т. р. небольшую усадьбу въ центрѣ города, гдѣ съ нынѣшняго года начинаемъ принимать обращающихся къ намъ Евреевъ; а между тѣмъ постараемся тутъ устроить и небольшую школу для приходящихъ мальчиковъ. Кромѣ того, Братство поддерживаетъ нѣсколько бѣдныхъ учениковъ въ Семинаріи, помогаетъ, сколько можно, бѣднымъ и имѣетъ нѣкоторый надзоръ за попечительствами церковными, разсылая и въ приходскія училища, по мѣрѣ возможности, учебныя книги.

Митрополитъ помогаетъ намъ денежными средствами, и я долженъ ему отдать ту справедливость, что онъ не раздражается моею ревностію. Однажды, за праздничной трапезой, предъ всѣми соборянами, сказалъ онъ, «что хотя я иногда и тяжелъ бываю для духовенства, но за то и самъ много за него терплю». А въ прошломъ году, при посѣщеніи Великаго Князя Николая Николаевича, выразился еще сильнѣе. Когда Великій Князь, увидя меня за завтракомъ въ митрополіи Софійской, спросилъ Владыку: «какую собственно должность занимаю я въ Кіевѣ?», онъ кратко отвѣчалъ: «должность защитника Православія». Въ этомъ свидѣтельствѣ архипастыря лучшая для меня похвала.

Не былъ я равнодушенъ и къ Православію Востока, находясь въ постоянной перепискѣ съ его патріархами, съ нашимъ посломъ въ въ Царьградѣ и съ монастырями Аѳонскими, гдѣ я считаюсь ктиторомъ двухъ изъ ихъ числа. Не весьма ли странно то, что они меня призываютъ иногда посредникомъ въ ихъ взаимныхъ распряхъ и нуждахъ? Еще недавно митрополитъ Сербскій Михаилъ просилъ меня, чтобы я, по званію ктитора, внушилъ Болгарскому монастырю Зографу на Св. Горѣ не обижать безпрестанными тяжбами сосѣдній монастырь Хиландарь, населенный Сербами; о томъ же писалъ ко мнѣ и посолъ изъ Царьграда. Онъ также спрашивалъ мое мнѣніе, какъ учредителя Русскаго Андреевскаго скита на Аѳонѣ: слѣдуетъ ли ходатайствовать предъ патріархомъ о признаніи его независимости отъ Ватопедскаго монастыря, на что я отвѣчалъ отрицательно. Вселенскій патріархъ Григорій, мужъ знаменитый по своей высокой добродѣтели, всегда милостиво ко мнѣ относится, и по моему вопросу о важности служенія діаконскаго въ первенствующей церкви написалъ мнѣ пространный отвѣтъ, исполненный глубокаго познанія Христіанской древ-

ности. Я его напечаталъ въ недавно изданной мною книгѣ «Письма о Православіи», такъ какъ и здѣсь не оставляю я моихъ церковно-литературныхъ занятій.

По желанію священнослужителей Андреевской церкви, написалъ я на Славянскомъ языкѣ акаѳистъ Первозванному Апостолу, который читается въ лѣтніе мѣсяцы, по Пятницамъ, въ нашемъ храмѣ и, кромѣ другихъ мѣстностей въ Россіи, принятъ въ употребленіе въ Сербіи и на Св. Горѣ Аѳонской. Послѣ кончины великаго святителя Московскаго собралъ я всю утѣшительную для меня и весьма замѣчательную его переписку, которая продолжалась въ теченіи 35 лѣтъ, и издалъ ее въ свѣтъ съ своими объясненіями. Книга сія была принята повсемѣстно съ большимъ вниманіемъ, потому что она обрисовала келейный высокій характеръ святителя, мало кому извѣстный, какъ обыкновенно случается съ людьми государственными. Его глубокое смиреніе и вмѣстѣ съ тѣмъ игривое остроуміе отражаются въ каждомъ письмѣ, при чрезвычайной правильности и красотѣ Русскаго слога. Теперь же только что я напечаталъ мои «Письма о Православіи», которыя хотя и были прежде издаваемы по частямъ, но могутъ быть и теперь полезны, потому что равнодушіе къ Церкви и протестантское направленіе, къ сожалѣнію, начинаютъ проявляться у насъ на Руси. Многіе изъ преосвященныхъ уже отозвались весьма благосклонно о моей книгѣ и выписываютъ ее для своихъ епархій. Въ это же время я былъ избранъ почетнымъ членомъ двухъ Духовныхъ Академій: Московской и Кіевской.

Вотъ я изобразилъ тебѣ, любезный другъ, въ небольшомъ очеркѣ, весь кругъ моей Кіевской дѣятельности, чтобы оправдаться въ нареканіяхъ праздности, которымъ обыкновенно подвергаются люди внѣ государственной службы, какъ будто бы и въ частной жизни нельзя имѣть своего рода дѣятельности и быть полезнымъ, словомъ или дѣломъ, болѣе нежели въ какой либо канцеляріи. Ты можешь болѣе другихъ судить, истинно ли все-то, что̀ я здѣсь написалъ потому что никого столько не утомлялъ я моею обширною перепискою, внутри Россіи и за границей, и разнообразными докладными записками. Были ли довольно оцѣнены труды мои и здѣсь и въ столицѣ, объ этомъ я представляю судить другимъ».

Здѣсь считаю нелишнимъ добавить, что А. Н. Муравьевъ еще за нѣсколько лѣтъ прежде хотѣлъ бѣжать изъ Кіева, собственно по неимѣнію средствъ, въ Св. Горы, Харьковской губ., гдѣ хотѣлъ устроить для себя пріютъ, а меня оставить въ своемъ домѣ для уплаты долговъ изъ получае-

мыхъ доходовъ; но не знаю, почему это не состоялось, хотя и дано было согласіе на устройство дома и на выдачу лѣснаго матеріала покойнымъ нынѣ Александромъ Михаиловичемъ Потемкинымъ, супругомъ Татьяны Борисовны.

Въ началѣ Апрѣля я выѣхалъ изъ Кіева съ Французскимъ монахомъ Августиномъ, принявшимъ въ Кіевѣ Православіе и долго жившимъ въ Михайловскомъ монастырѣ. Француза я сдалъ въ Москвѣ на попеченіе княгини Н. Б. Шаховской, а самъ поѣхалъ въ Питеръ, съ тѣмъ чтобы пробыть тамъ одинъ мѣсяцъ, а другой употребить на путешествіе по Волгѣ. Поѣздка эта удалась мнѣ вполнѣ. Въ Питерѣ я видѣлся со всѣми пріятелями А. Н., а 30-го Апрѣля, въ день его рожденія, былъ въ Сергіевской пустынѣ, гдѣ совершается крестный ходъ въ благодарное воспоминаніе пожертвованныхъ имъ частицъ мощей, привезенныхъ имъ съ Востока. Пришлось побывать и у митрополита Исидора, по поводу его письма къ А. Н., въ копіи мнѣ присланнаго, въ которомъ его высокопреосвященство просилъ заняться составленіемъ общедоступной книги для сельскаго духовенства о приготовленіи иновѣрцевъ къ принятію Православія и пр.

Путешествіе мое было счастливое. Я былъ въ Москвѣ, во Владимирѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Казани, гдѣ видѣлся съ архіепископомъ Антоніемъ, въ Саратовѣ; наконецъ, измѣнилъ направленіе и побывалъ въ Воронежѣ, конечно съ тѣмъ, чтобы поклониться мощамъ святителя Митрофана, и не преминулъ зайти къ преосв. Серафиму, спустился въ Новочеркаскъ, гдѣ не засталъ пр. Платона; поднялся въ Св. Горы, затѣмъ чрезъ Харьковъ, Полтаву и Кременчугъ уже по Днѣпру явился домой. Въ теченіе двухмѣсячнаго отсутствія я получилъ отъ А. Н. много писемъ.

Кіевъ, 9 Апрѣля 1872.

«Всякое терпѣніе лопнетъ въ ожиданіи писемъ отъ тебя, безспорный баринъ. До сихъ поръ нѣтъ! Я все поджидалъ изъ Москвы и наконецъ рѣшился писать. Покамѣстъ все благополучно, и весна въ полномъ блескѣ; все распускается, но гроша ни откуда нѣтъ. Изъ Почаева ни слова, изъ Полтавы также. Боюсь, что къ празднику крѣпость голодомъ сдастся, ибо осталось немного. Вчера твой генералъ былъ въ церкви у всенощной, но о тебѣ не спрашивалъ. Вчера же крестили двухъ Евреевъ, а сегодня присоединили двухъ Католиковъ. Французу, на другой день вашего отъѣзда, пришло письмо отъ матери, которое я ему послалъ, прочитавъ прежде. Была у нихъ, видно, страшная катавасія, о коей мать упоминаетъ; не оттого ли и ушелъ? Она почти ослѣпла, отецъ умеръ, братъ очень боленъ; не совѣтуетъ она ему возвращаться, говоря, что многіе рѣшились непремѣнно его обратить опять, и я совѣтовалъ ему подождать въ Россіи, чтобы не под-

вергнуться бѣдѣ; я писалъ, чтобы онъ послалъ своей матери денегъ на помощь. Ожидаю твоихъ писемъ. Прости, спѣшу въ церковь. Кланяются наши всѣ, а я прошу кланяться твоимъ всѣмъ, обнимаю тебя крѣпко.

Сейчасъ изъ церкви. Баринъ спрашивалъ, не скучаю ли я безъ моего питомца. Я отвѣчалъ, что не съ кѣмъ браниться. «Онъ все гуляетъ», сказалъ панъ, а я отвѣчалъ, что радъ, что тебя отпустили; потому что грудь отъ занятій очень болѣла, и надобно было освѣжиться, такъ какъ ты за всѣхъ хлопочешь. А вы насъ забыли.

*

Кіевъ, 13 Апрѣля.

Хотя и усталъ, возвратившись отъ причастія, но пишу адъютанту, чтобы послать деньги, которыя только что получилъ. Видишь, какая честность; а приходилось круто. Вручи прилагаемое письмо С. Я. Веригиной и не давай ей харчиться на мои подарки, довольно и того, что ко мнѣ ѣдетъ; увѣрь, что всѣ дорòги уже готовы. Жаль, что ты отсюда уѣхалъ; рай просто, все распустилось, даже липы послѣ страшной грозы; боюсь, что поплатимся за все въ Маѣ и даже раньше. Этакой весны не помнятъ, все благоухаетъ; а у васъ!... Садовникъ убралъ мою галерею такъ, что выйти изъ нея не хочется. Вчера княгиня Кочубей не надивилась. Собирается опять гроза, и молнія будетъ. Отъ Француза до сихъ поръ нѣтъ писемъ, а отъ адъютанта изъ Питера также нѣтъ. Зазнались великіе паны, а я смиренно всѣмъ и за всѣхъ отписываюсь. Пишу мало, усталъ; кланяйся своимъ и прими поцѣлуй праздничный отъ преданнаго тебѣ.

*

17 Апрѣля.

Христосъ воскресъ!

Начинаю съ поздравленія милѣйшаго адъютанта, въ доказательство, что онъ первѣйшій № изъ самыхъ первыхъ. Сейчасъ въ церковь, но все таки пишу. Вчера утомился очень службами субботними въ Братскомъ и свѣтлыми у насъ и въ Михайловскомъ, потомъ визитами, коихъ было до 80-ти, такъ что даже обѣдалъ у тебя внизу и усталъ безъ заднихъ ногъ. Листовскіе были всѣ и тебѣ кланяются съ обоихъ подворьевъ, Аѳанасьевы также; Ненилочкѣ давалъ твое письмо, благодаритъ за память. А что у насъ за рай! Ажъ страшно: все въ цвѣту, и липы совсѣмъ зеленыя, только акаціи не совсѣмъ, а сирени скоро зацвѣтутъ. Моя галерея вся въ розахъ, и всѣ любуются. Зачѣмъ тебя унесло отъ такой весны на Сѣверъ? Боимся Майскихъ морозовъ, чтобы все не погибло, ибо вишни, абрикосы и розовый миндаль усѣяны

цвѣтами. Я наслаждаюсь, но безъ тебя пусто! Оченно васъ любимъ. Генералитеты обоего пола были у меня, и въ Четвергъ у нихъ кушаю. Французикъ ни слова не писалъ еще, а князь Хилковъ писалъ, что онъ прежалкій. П. Ѳ. подкинулъ записку и зоветъ въ церковь. Обнимаю тебя и кланяюсь всѣмъ твоимъ, душевно преданный.

*

20 Апрѣля.

И паки реку радуйся!

Давно не писалъ (3-го дня) милѣйшему изъ старшихъ адъютантовъ. Погода рай; только васъ, ангельчикъ, нѣтъ! Третьяго дня я обѣдалъ съ твоимъ генералитетомъ обоего пола и m-me Безакъ у Протасовыхъ. Зашла о тебѣ рѣчь. M-me Безакъ стала очень хвалить тебя, и я также говорилъ, какой ты милашка и служака, ажъ заболѣлъ отъ службы. Генералъ ни слова. Сегодня у нихъ обѣдаю, а новую квартиру ищутъ, ибо жильцы не съѣзжаютъ у Добжинскихъ. Очень баринъ не въ духѣ. Были у меня всѣ власти, и я у нихъ. А сегодня у меня всенощная въ образной, и будутъ барыни. Княгиня Кочубей очень любезна, все пріѣзжала: вѣроятно, учится говѣть. Забылъ тебѣ сказать, что о. Дамаскинъ [1]) скоропостижно скончался ударомъ въ церкви за вербной всенощной, уже и ризы надѣлъ. Сегодня я не совсѣмъ здоровъ и усталъ, да и лапки болятъ: зашибъ объ стулъ. Прости, обнимаю тебя, кланяйся твоимъ, папѣ и мамѣ и братцу.

*

23 Апрѣля.

Имѣю честь поздравить ваше высокоблагородіе съ нашимъ храмовымъ праздникомъ [2]), на коемъ, бывало, и я отличался съ Т. Б. Потемкиной въ первой парѣ, а теперь при новыхъ порядкахъ и перекусить нечего, а прежде и завтракомъ кормили. У насъ просто рай, по церковной пѣсни: днесь весна душамъ, и царица временъ свѣтозарному дню дары приноситъ. Сирени начинаютъ цвѣсть, и акаціи распустились, а липы, какъ лѣсъ. Вчера генералитетъ объявилъ желаніе проводить дни въ избѣ и уже перенесъ туда свой кабинетъ, только будетъ ночевать дома. Поселился онъ, увы! въ Липкахъ, противъ губернатора, и сердится, зачѣмъ туда перебрался. И такъ весь Май, т. е жарокъ, будетъ въ избѣ прохлаждаться, но переходить совсѣмъ не хочетъ, хотя я паки его уговаривалъ. Сейчасъ у нихъ на балконѣ кофе будемъ пить по случаю Егорушкиныхъ именинъ. И такъ вмѣстѣ съ коровушками на лужокъ ихъ выгнали. Сейчасъ иду въ церковь. Отъ Французика получилъ письмо только третьяго дня. Кланяйся С. Я. Веригиной. Всѣ тебѣ кланяются.

---

[1]) Намѣстникъ Михайловскаго монастыря.

[2]) Въ тюрьмѣ пересыльныхъ арестантовъ въ Петербургѣ.

26 Апрѣля.

Поймалъ я гуся и пишу чужой лапкой для облегченія твоихъ и моихъ глазокъ; ты видишь, что не лѣнюсь въ перепискѣ. Твой генералъ все хандритъ и сидитъ цѣлый день у меня въ избѣ, но переходить совсѣмъ не хочетъ, да и вещи переносить трудно. Вчера я у него кушалъ съ Л. И. Безакъ и Протасовыми, которые купили домъ, а вечеромъ онъ опять гулялъ въ саду.

Французикъ наконецъ разрѣшился письмомъ въ Пятницу на Святой; онъ свилъ себѣ гнѣздо у гр. Т. и, какъ видно, проповѣдуетъ барынямъ. Напиши мнѣ о твоемъ свиданіи съ невѣсткой. Съ книгопродавцами нельзя сдѣлать такое условіе, не стоитъ и начинать съ ними дѣло. Ты мнѣ не пишешь, долго ли пробудешь въ Питерѣ. Деньги тебѣ выслалъ изъ числа присланныхъ изъ Почаева, а въ Маѣ вышлю изъ пенсіи, да наложили еще оброку за постой; не знаешь, какъ и извернуться. Княгиню Голицыну и Марью Андреевну отъ меня поздравь. У насъ на дняхъ опять двое крестинъ. Прошу отъ меня кланяться всѣмъ твоимъ; прости, обнимаю тебя, и за неумѣніемъ грамоты расписывается Скляровъ-Скляренко [1]). Засвидѣтельствуй отъ меня почтеніе А. М. Потемкину, кланяйся доктору и m-me Борейшъ. Если будешь имѣть случай, то справься въ Комитетѣ раненыхъ у Лукьяновича, будетъ ли какая милость Сташкевичу [2]).

30 Апрѣля.

Честь имѣю поздравить! Я сегодня именинникъ, но усталъ, пишу вечеромъ поздно, послѣ всенощной Софійской, и за меня Шпоринъ [3]) шпоритъ безграмотно. А какова княгиня Голицына? Прислала черезъ С. 200 р. на рожденіе, но онъ половину исхарчилъ; впрочемъ, и за то спасибо. Я уже писалъ къ княгинѣ да и ты поблагодари. Сборы здѣсь были плохіе: все платочки, да цвѣточки, да и душъ было мало, никто не знаетъ. Третьяго числа, получивъ аренду, вышлю тебѣ деньги.

Отбери у Сирякова остальныя всѣ мои брошюры, особенно Тихона Задонскаго и привези сюда. Сегодня была у меня К. А. Лихтенштейнъ съ больнымъ мужемъ и Ненилочка. Кланяйся твоимъ, напишу скоро, обнимаю сердечно.

---

[1]) Директоръ народныхъ училищъ.
[2]) Отставной штабсъ-капитанъ.
[3]) Кондукторъ путей сообщенія.

Маёвка.

Листовскіе всѣ были. Маринѣ Андреевнѣ кланяйся и С. Я. Веригиной. Скоро ли она пріѣдетъ? А. Н. Мазовской пишетъ, что видѣлъ въ соборѣ Французика въ Великую Пятницу и Субботу, но на Пасхѣ не было тамъ: видно, барыни увлекли разговѣться въ домовую церковь.

2 Мая.

Только-что получилъ деньги и сейчасъ же посылаю на честность любезнѣйшему адъютанту, чтобы не задержать на пути, такъ какъ сегодня уже ровно мѣсяцъ, какъ я сдѣлался, увы! Казанскимъ сиротою. А куда какъ самовластенъ и не внимателенъ Р . . . . . . ъ и даже грубо отказалъ, какъ будто отъ него зависѣла милость и въ какой бездѣлицѣ, да еще насмѣшливо отвѣчалъ, что не за нимъ дѣло стоитъ. Господь воздастъ ему за такую немилость ближнимъ. Мнѣ же то обидно, что отъ него зависѣло дать или не дать, и что онъ есть прямой цѣнитель заслугъ; я бы и просить не сталъ, если бы зналъ, что онъ самъ распоряжается. Вчера обѣдалъ у г. Копьева, а вечеромъ пріѣхала Л. И. Безакъ, сидѣла все время на балконѣ въ избѣ; угащивали сахарнымъ мороженымъ съ чаемъ, а потомъ сидѣли еще до 11 часовъ при лунѣ на цвѣтникѣ; было душно даже ночью; сирени уже отцвѣтаютъ, а акаціи и липы начинаютъ цвѣсть.

Писемъ пришлось писать видимо-невидимо, а съ безграмотнымъ писаремъ бѣда: сейчасъ тебѣ пакетъ испортилъ, надписавъ въ Питербургъ, и очень обидѣлся, что не по его орѳографіи пишется. Прости, кланяйся всѣмъ твоимъ и не забывай насъ грѣшныхъ въ нашемъ раю.

4 Мая.

Сегодня все письмо будетъ дѣловое. Во 1) нынѣ 4 Мая, день моего переселенія въ Кіевъ за 4 года предъ симъ, и я принимаю по сему подарки; 2) генералъ твой недоволенъ высланными вещами. 3) П. Ѳ. проситъ справиться объ асфальтѣ, какъ это лучше устроить, и не возьмутся ли изъ Питера мастерà пріѣхать; устрой чтò можно, хотя и коротко время. Въ Москвѣ ты хорошо дѣлаешь, что ѣдешь мимо: не на кого тамъ смотрѣть. Шаху *) скажи, что его открытое письмо получилъ и благодарю паки за поздравленіе, а поздравленій было мало: всего 15 душъ. Жду его непремѣнно въ Кіевъ и поскорѣе, а С. Я. Веригина не застанетъ даже акацій, которыя уже въ полномъ цвѣту. Такъ все уранило нынѣшнее лѣто, и духота ужасная. Сегодня въ 6 ч. утра я уже потѣлъ верхòмъ въ саду Царскомъ до обѣдни. Я еще напишу тебѣ въ Питеръ, а потомъ куда тебѣ писать не знаю: въ Африку или Америку.

*) Князю Александру Валентиновичу Шаховскому.

6 Мая.

Кажись, всякій день пишу любезному Мишелю, а уже послѣ завтра послѣднее письмо. Прилагаемое доставь князю Мещерскому, который не получилъ моей книги и адреса не прислалъ. Я не совсѣмъ здоровъ, простудился на пикникѣ у Копьевыхъ въ твоей избѣ; было свѣжо, и Канкрины, и Безакъ, и сахарное мороженое, и творогъ. Все въ цвѣту и акаціи, и лиліи. Дождь былъ великолѣпный, все ожило, а С. Я. Веригина не застанетъ даже акацій. Листовскій переѣхалъ на другую квартеру, просилъ у меня вчера кирасира, чтобы ѣхать покупать лошадей въ Полтавѣ, но вѣроятно за дождемъ проспалъ.

8 Мая.

Хлопотъ полонъ ротъ! Пишу тебѣ нѣсколько словъ послѣдній разъ въ Питеръ, любезный адъютантъ, потому что *твоя* генеральша Веригина сейчасъ пріѣзжаетъ; уранила двумя днями и тѣмъ меня ранила. На бѣду, у меня сегодня обѣдаютъ Раковичи, и какъ разъ въ 11 часовъ кушаетъ у меня кофе моя двоюродная сестра Корсакова, пріѣхавшая изъ Крыма на одинъ день. Не знаю, какъ и сообразить. Не знаю, привезетъ ли твое письмо С. Я.; не придется ли опять на почту посылать, а Французикъ съ письмомъ отъ Беклешова не являлся. Твой генералитетъ все работаетъ надъ смѣтами. Хорошо, что С. Я. застанетъ акаціи, луну и соловьевъ, но засуха все душитъ. Въ Среду преполовеніе, увидитъ церемонію, а уже въ Лавру самъ повезу; жаль, что тебя нѣтъ на всѣ сіи дѣла. Да скажи куда писать? Грустно молчать три недѣли! Буду въ Св. Горы архимандриту писать для тебя письмо, чтобы вручилъ. Прости, обнимаю тебя, спѣшу на почту.

16 Мая.

Стой солнце наше!› сказалъ нѣкогда архіепископъ Могилевскій Георгій Великой Екатеринѣ, и я также тебѣ реку: стой, наше красное солнышко, и обратись паки на крайней точкѣ твоего странствованія, къ намъ на Сѣверо-западъ! Пора же до дому, до стараго замку! Постарайся у Платоновой премудрости расшевелить кошель его благоутробія въ пользу книгъ, коихъ осталось лишь единая сотня; ибо въ Св. Горы взято 30, и тамъ найдешь мою цидулу, аще обрѣтешь архимандрита у себя, а не въ Харьковѣ. Но напрасно ты бесѣдовалъ съ преосв. Исидоромъ о книгѣ, ибо вѣрно ничего не выйдетъ. Ожидаю генерала Д. и буду о тебѣ хлопотать. У насъ была до вечера такая духота, что не знали, куда и дѣться; а въ это время гостила С. Я., которую отправилъ до Волочиска съ жандармомъ Огліо, воздавъ ей здѣсь всѣ почести. При свиданіи разскажу, а ты мнѣ пиши всѣ свои мореходства, пока въ Валкахъ не провалишься. Афанасьевы всѣ тебѣ

кланяются, особенно Ненилочка, а Саша великимъ сталъ человѣкомъ, единственнымъ во всемъ Кіевѣ. Приставъ всѣхъ описываетъ съ молотка, живыхъ и мертвыхъ. П. Ѳ. кланяется и завтра увозитъ семью въ деревню. Завтра у меня собирается Братство, а утромъ крещеніе Еврейскаго семейства, наконецъ, благополучно обрѣтшагося. Началъ я, наконецъ, печатать свою образную, *пока не опечаталъ Саша* *) Прости, обнимаю тебя, и остаюсь душевно тебѣ преданный.

*

Изъ своего путешествія я вывелъ заключеніе такого рода, что общества желѣзныхъророгъ и пароходствъ существуютъ не для публики, а наоборотъ, публика для нихъ, потому что на нее не обращаютъ никакого вниманія, гостиницы до нельзя плохи, и за все берутъ немилосердно. 1-го Іюня я возвратился до дому, до стараго замку, и засталъ цѣлый лазаретъ больныхъ отъ незванной гостьи холеры. Свиданіе мое съ А. Н. послѣ двухъмѣсячной разлуки было самое трогательное.

Въ Сентябрѣ пріѣзжалъ племянникъ Муравьева князь А. В. Шаховской, доставившій своимъ пріѣздомъ большое удовольствіе. Несмотря на осеннее время, А. Н. вездѣ съ нимъ путешествовалъ по окрестностямъ. Въ Октябрѣ посѣтили А. Н. Великіе Князья Сергій и Павелъ Александровичи и съ большимъ любопытствомъ разсматривали образную. А. Н. обоимъ поднесъ на память по образку. Послѣ своихъ имянинъ, 30-го Ноября, сильно заболѣлъ мой сожитель и пролежалъ въ постели очень долго, такъ что мы струхнули. Письма и телеграммы съ запросомъ о состояніи его здоровья летѣли со всѣхъ концовъ, и даже Императрица удостоила чрезъ Н. Н. Мальцеву выразить свое соболѣзнованіе къ нему. Но вѣрно еще не пришелъ назначенный срокъ, и къ общей нашей радости онъ вышелъ 6-го Января, въ Крещенье, въ первый разъ къ обѣднѣ.

Въ теченіе поста я съ согласія его принялся за 2-е изданіе „Писемъ о Православіи", въ количествѣ 2300 экз. и напечаталъ ихъ на собственный счетъ; книга разошлась удачно, благодаря содѣйствію преосвященнаго епископа Полтавскаго Іоанна, выписавшаго 1 т. экз. для своей эпархіи.

Въ Мартѣ А. Н. Муравьевъ отправился въ Москву на Пасху и останавливался въ домѣ своего племянника. О препровожденіи этого времени и о впечатлѣніяхъ помѣщаю его письма.

Москва, 30 Марта 1873 г.

Спѣшу написать сожителю, чтобы сказать, что благополучно доѣхалъ до Курска съ корпусной Дрентельнъ въ пріятной болтовнѣ, а оттуда въ особомъ отдѣленіи и совершенномъ безмолвіи, что́ очень люблю дорогой. Подъ Тулой встрѣтилъ холодъ и снѣгъ, а на вокзалѣ вѣтеръ въ головѣ моего племянника и двухъ пріятелей, Фонъ-Рейхеля

---

*) Пророчество, которое теперь сбылось во всей мрачной точности...

и Казакова. Приложившись къ Иверской, поѣхалъ на Остоженку въ прекрасно-обломанный домъ. Все въ домѣ на бивуакахъ, и окна выставлены, а на дворѣ холодъ, не то что нашъ благословенный климатъ. Сейчасъ ѣду въ Дѣвичій монастырь, и завтра по соборамъ, а въ Понедѣльникъ на Ѳоминой къ вамъ; ибо душа моя не терпитъ такого хаоса. Митрополита нѣтъ и не будетъ до Мая. Новиковой нѣтъ. Сашокъ Шаховской и братъ Сергѣй будутъ только на Пасху. И такъ я буду пѣть одиночество; перспектива не совсѣмъ пріятная. Сожалѣю даже, что даромъ потрудился на такой путь. Скорѣй, скорѣй домой, и 17-го ждите, развѣ что особенное случится. Харчимся изъ харчевни; ѣздить будемъ на извощикахъ; однимъ словомъ, бивуакъ. Лишь бы праздники здѣсь провести. Вечеромъ вчера пріѣзжали И. И. Красовскій и Коптевъ. Поѣду къ княгинѣ Голицыной и поменьше буду дѣлать визитовъ. Вообще Москва послѣ Кіева производитъ на меня грустное впечатлѣніе, особенно въ это время. Пріемъ родныхъ и племянника былъ очень радушный. Уфъ! Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше. Прости, обнимаю тебя, скрѣпивъ сердце, что сюда занесло.

*

1 Апрѣля.

Пишу тебѣ, любезный адъютантъ, и благодарю за Кіевскія вѣсти и Сербское письмо; а вотъ тебѣ Московскія.

Посѣтилъ нѣкоторыхъ пріятелей, былъ и у нашей княгини В. С. *) и сказалъ, что, кажется, въ Кіевѣ жить лучше. Былъ у преосв. Леонида у всенощной; принялъ милостиво. Пріятели и знакомые одолѣваютъ; всѣ требуютъ, чтобы я у нихъ былъ, а физическихъ силъ не хватаетъ по здѣшнимъ мостовымъ.

Былъ сегодня у ранней обѣдни въ сосѣдней церкви Ильи Пророка и удивился благолѣпію и благочинію, не то что у насъ грѣшныхъ: всего восемь дворовъ приходу, а биткомъ набито, и пѣвчіе есть; нашъ староста просто растаялъ бы: однѣхъ свѣчей продано рублей на двадцать пять. Далеко мы отъ нихъ отстали, Кіевляне отъ Москвичей. Звонятъ къ поздней въ другой приходъ, гдѣ, говорятъ, пѣвчихъ сорокъ душъ, да и монастырь женскій подлѣ. Просто, благодать! А въ соборѣ вчера такая была служба, что въ Кіевѣ и не вообразятъ.

Скажи это нашимъ софистамъ; прочти имъ это письмо съ каѳедры. Все это не измѣнитъ моего рѣшенія уѣхать на Ѳоминой, ибо я Кіевлянинъ въ душѣ. Ризы на образа даромъ не дѣлаютъ: народъ уменъ сталъ. Завтра закажу и васъ увѣдомлю.

*

*) Варвары Сергѣевны Голицыной.

3 Апрѣля.

Кланяюсь земно милѣйшему изъ адъютантовъ и акуратнѣйшему изъ смертныхъ за очистку образной. Признаюсь, я не очень радъ своей поѣздкѣ; ибо все лишь протори и убытки. Племянникъ, какъ видно, стѣсненъ моимъ пріѣздомъ, хотя все дѣлаетъ, что̀ подобаетъ. Визиты меня одолѣваютъ, а если бы не совѣстно въ такіе дни, я бы завтра же уѣхалъ въ Кіевъ: ибо чувствую, что напрасно пріѣхалъ, и во всемъ неудача. Ризы сейчасъ заказалъ по 110 р. за каждую и по 8 р. за малыя, итого 378 р.; а будутъ готовы къ Троицыну дню. Шаховской вчера пріѣхалъ и объявилъ, что преосв. Иннокентій рѣшительно не можетъ пріѣхать. И такъ всѣ надежды измѣнили; да еще непріятное письмо отъ И., закрывающее путь въ Царьградъ. И такъ въ Кіевъ, и навсегда. Готовлю отвѣтъ И., который пришлю къ тебѣ для прочтенія и отправленія.

*

4 Апрѣля.

Посылаю тебѣ, любезный другъ, письмо къ И.; пожалуста отправь къ нему. У насъ погода превосходная, и выпалъ снѣгъ. Что-то у васъ? Я думаю, все цвѣтетъ. Завтра думаю пріобщаться въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ мѵровареніе и служитъ преосв. Леонидъ въ 11 часовъ. Сегодня пріѣхалъ А. Н. Мазовской и у меня будетъ вечеромъ съ Шахомъ; оба тебѣ низко кланяются. Княгиня Шаховская и Н. В. Новикова пріѣзжали; завтра обѣдаю съ первой у князя Хилкова. Не пишу много, ибо сейчасъ всенощная. Гости одолѣли; хотятъ, чтобы я у всѣхъ былъ, а я отъ церковныхъ длинныхъ службъ и къ Шаховскимъ не могу попасть. Обнимаю тебя и кланяюсь Десятинному переулку.

*

8 Апрѣля.

Христосъ воскресъ!

Радостно привѣтствую милѣйшаго благодѣтеля, цѣлую крѣпко и весьма желаю скорѣе обнять; считаю дни, ибо утомленіе велико, хотя я доволенъ, что еще разъ въ жизни видѣлъ святыню и красоту Кремлевскихъ службъ. Вчерашняя ночь была верхъ совершенства. Я ожидалъ на Красномъ крыльцѣ и съ терассы дворца первый звукъ Ивана Великаго, на который откликнулись всѣ церкви Замоскворѣчья, и гулъ пошелъ по всей столицѣ, а на колокольнѣ зажгли вѣнчики, и весь Иванъ Великій освѣтился. Потомъ я поспѣшилъ въ соборъ, и крестный ходъ при ревѣ всѣхъ колоколовъ былъ свыше всѣхъ словъ. Тебѣ надобно это хотя разъ видѣть. Служба въ соборѣ была чудная; утреня шла около двухъ часовъ при пѣніи двухъ хоровъ, но властей увы! не было, кромѣ оберъ-полиціймейстера: всѣ сбирались къ гене-

ралъ-губернатору въ домовую церковь, а народъ брошенъ на самаго себя. Къ вечернѣ поѣду опять въ соборъ, а потомъ буду ходить по приходамъ. Раннюю обѣдню я слушалъ въ Патріаршей церкви 12-ти Апостоловъ близъ собора и потомъ съ Шаховскимъ разгавливался у племянника; а Мазовской остался въ Чудовѣ монастырѣ, чтобы быть у поздней. Ночью же получилъ отъ митрополита Иннокентія привѣтственную телеграмму, а наканунѣ весьма дружеское письмо, криво писанное по слѣпотѣ. Но утомился я до нельзя. Вчера, напримѣръ, утреню Великой Субботы отъ часа до четырехъ выстоялъ въ соборѣ и, во время крестнаго хода, упалъ на желѣзный порогъ въ дверяхъ, какъ хлынула толпа, а обѣдню отъ 12-ти до 4-хъ слушалъ у преосв. Леонида. Просто лапки отказываются; «стара стала, глупа стала», и ножки, и глазки измѣняютъ, пора на покой въ Кіевъ (аще не выгонятъ, какъ изъ Царьграда); впрочемъ уже намъ подобаетъ не рости, а малитися. Здѣсь звонъ по всѣмъ церквамъ, и всю сію Страстную недѣлю не умолкали колокола; ибо видно, что живутъ Христіане, которые ходятъ круглый годъ къ утрени. Послѣ завтра рано поѣду въ Лавру и въ Среду возвращусь, потомъ объѣзжу всѣхъ визитами и буду готовиться въ путь-дороженку въ Понедѣльникъ. Пора, пора! Удивляюсь, какъ еще мои лапки вынесли (молодецъ-мужчина!). Что-то у васъ подѣлывается? Кланяйся всѣмъ. Обѣды у меня здѣсь расхватаны на всѣ дни; боюсь, что желудка не хватитъ. Всѣ очень дружественно встрѣтили. Сегодня сижу, обѣдаю дома и отдыхаю на лаврахъ; завтра ѣду съ визитами.

P. S. Анекдотъ. Въ Великую Субботу предъ утренею, я пришелъ въ соборъ съ Мазовскимъ, до его открытія, и должны были идти ожидать въ соборную палатку. Тамъ спали дьаконы. Одинъ изъ нихъ вскочилъ и проситъ сѣсть на диванъ и что же? я сѣлъ на претолстое пузо другаго дьакона, въ потьмахъ, который какъ волъ заревѣлъ!

*

12 Апрѣля.

И паки Христосъ воскресъ! И опять обнимаю Мишиньку, какъ зоветъ тебя о. Мельхиседекъ *) Уфъ! Вчера вечеромъ измученный воротился отъ Троицы, гдѣ принимали меня со всякими почестями, приготовивъ даже палаты архіерейскія, отъ коихъ я отказался. Намѣстникъ постарѣлъ и опустился, хотя и принялъ ласково. Вчера изъ Лавры прямо попалъ на обѣдъ къ Новиковой. Обѣдъ стоилъ до 300 р. съ фруктами и стерлядями. Тебѣ всѣ кланяются, и Августинъ также. Послѣ обѣда былъ у всенощной у преосв. Леонида, который всякій

*) Настоятель Пустынно-Николаевскаго монастыря въ Кіевѣ.

день самъ служитъ въ 7 часовъ пасхальную всенощную и всякій день обѣдню. Пришедши въ 10 часовъ вечера домой, я нашелъ брата Сергѣя и Хвощинскаго, нарочно для меня пріѣхавшихъ, и сегодня же будетъ племянникъ графъ Леонидъ. Такъ какъ его имянины и преосв. Леонида въ Понедѣльникъ, 16-го, то я боюсь, чтобы меня не задержали до Вторника, хотя постараюсь уѣхать; ибо мнѣ здѣсь и скучно, и тяжело отъ всѣхъ визитовъ. Сегодня былъ въ соборахъ, прощался со святынею и у графа Ламсдорфа во дворцѣ; завтра по утру въ Донской и Дѣвичій на родственныя могилы. Теперь всякое утро будетъ у меня раутъ отъ 12-ти до 4-хъ, а потомъ визиты, и обѣды, и всенощныя у пр. Леонида для отдыха душевнаго; обѣими руками перекрещусь, когда отсюда вырвусь, чтобы *никогда* больше сюда не возвращаться. Если меня вышлютъ сюда или объявятъ выѣздъ изъ Кіева, то поселюсь гдѣ-либо въ уѣздѣ иля близъ Выдубецкаго въ яру, но не въ столицѣ. Такъ я устарѣлъ или одурѣлъ! Лучше дремать по вечерамъ, нежели такъ суетиться. Мнѣ кажется, что я въ Китаѣ. Въ Субботу тебѣ напишу о своемъ выѣздѣ окончательно. Но не знаю, какъ еще устрою съ моимъ ку-ка-ре-ку. Прости, обнимаю тебя и остаюсь душевно преданный, въ шпорахъ, не то чтó ты.

*

Москва, 14 Апрѣля 1873.

Пишу два слова рукою Кукина *), котораго поймалъ за ранней обѣдней. Сейчасъ ѣду въ Дѣвичій монастырь прощаться съ могилами родныхъ, потому что вчера не допустила меня мятель. Сегодня у насъ фамильный обѣдъ по случаю дня рожденія брата Сергѣя; вчера такой же у Шереметевыхъ, завтра у невѣстки Натальи Григорьевны, а послѣ завтра, т. е. въ Понедѣльникъ, слава Богу, выѣзжаю, потому что совсѣмъ измучился. Почету и любви много здѣсь, но силъ не хватаетъ на лѣстницы и визиты при ежедневныхъ службахъ; совсѣмъ измучился и отдохну тѣломъ и душою, когда сяду въ вагонъ. Вчера, за обѣдомъ у Шереметева, здѣшній знаменитый проповѣдникъ протоіерей Ключаревъ сказалъ мнѣ заздравное похвальное слово, весьма трогательное, о моихъ церковныхъ заслугахъ; но чтó все сіе въ сравненіи съ тишиной Кіева, куда стремлюсь духомъ?

Главная причина его грусти заключалась въ томъ, что онъ не видѣлся и въ этотъ разъ съ митрополитомъ Иннокентіемъ, съ которымъ хотѣлось, но не удалось, видѣться при его назначеніи на Московскую каѳедру.

По возвращеніи его въ Кіевъ я перебрался въ хижину, и мы принялись за 10-е изданіе его „Писемъ о Богослуженіи“.

Въ Іюнѣ, проѣздомъ чрезъ Кіевъ, знакомый его Апухтинъ оставилъ на память ему стихи.

*) Константинъ Кирилловичъ Кукинъ, пріятель А. Н. Муравьева.

Усталый на пути, тернистомъ и далекомъ,
Пріютъ для отдыха волшебный создалъ ты.
На все минувшее давно спокойнымъ окомъ
Ты смотришь съ этой высоты.
Пусть тамъ внизу кругомъ клокочетъ жизнь иная
Въ тупой враждѣ томящихся людей,—
Сюда лишь изрѣдка доходитъ, замирая,
Невнятный гулъ рыданій и страстей.
Здѣсь сладко отдохнуть. Все вѣетъ тишиною,
И даль безмѣрна хороша,
И выше уносясь довѣрчивой мечтою,
Не видитъ ничего межъ небомъ и собою
На мигъ возставшая душа".

Кіевъ, 22 Іюня 1873.

Въ Іюлѣ пріѣзжалъ на короткое время графъ С. Д. Шереметевъ.

Въ концѣ осени я порѣшилъ жениться на личности, любившей меня восемь лѣтъ. А. Н., возстававшій всегда противъ моей женитьбы, ни слова не сказалъ, когда я ему объяснилъ свои желанія и самъ назначилъ день свадьбы 22 Октября, въ день празднованія Казанской иконы Божіей Матери. Бракосочетаніе было совершено въ Андреевской церкви; онъ благословилъ меня, какъ любящій отецъ, и за свадебнымъ столомъ шутилъ и всѣхъ занималъ своими игривыми остротами.

Моя женитьба не только не охладила нашихъ отношеній, но больше сблизила, такъ какъ всякій день или я съ женой проводилъ вечера у А. Н., или онъ къ намъ приходилъ во всякое время, иногда даже и рано утромъ. Если же въ теченіе дня я не показывался къ нему, то являлся кавалеристъ съ запискою и большею частью веселаго содержанія, а иногда и съ изображеніемъ на ней кого-либо изъ насъ карандашемъ въ карикатурномъ видѣ. Однимъ словомъ, жизнь наша шла такъ весело и пріятно, что лучшаго и грѣшно было бы ожидать. Мы часто обѣдали у А. Н., онъ у насъ; вечера проходили пріятно, такъ что трудно было собраться къ кому-либо изъ знакомыхъ, а время летѣло быстро и незамѣтно. Такъ прошли Рождественскіе праздники, и новый годъ, и мясоѣдъ. А. Н. снова прихворнулъ на Масляницѣ, хотя и собирался въ Царьградъ и на Аѳонъ. Рѣшено было, что я поѣду съ нимъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ хотѣлось съѣздить на Пасху и въ Питеръ съ женою, которая дальше Кіева нигдѣ не бывала и еще не видѣлась съ моими родными. Я разсчитывалъ, что въ два мѣсяца успѣю побывать и въ Питерѣ, и вернуться къ выѣзду А. Н. на Аѳонъ, чтобы сопутствовать ему. Дѣйствительно, такъ и условились; но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ: сперва жена, потомъ и я заболѣли предъ самымъ выѣздомъ изъ Петербурга и должны были остаться еще на двѣ недѣли, а А. Н. отправился одинъ на Востокъ и не могъ этого мнѣ простить, какъ видно изъ прилагаемыхъ его писемъ ко мнѣ.

Кіевъ, 24 Марта 1874 г.

Хотя птица завтра гнѣзда не вьетъ, а я все-таки пишу тебѣ, любезный бѣглецъ, послѣ Софійской всенощной, потому что къ себѣ подняться не рѣшился отъ удушенія и слабости колѣнъ; и такъ придется скитаться цѣлую недѣлю по чужимъ церквамъ. Обѣдалъ я въ первый разъ съ аппетитомъ у m-me Безакъ, и тебя поминали, а мимоѣздомъ останавливался у твоей квартиры. Въ самый часъ вашего отъѣзда была у васъ катавасія. Красное Солнышко [1]), умно затопивъ печку и оставивъ душникъ открытымъ, ушелъ, а дымъ наполнилъ всю комнату; думали, что пожаръ, сломали замокъ и открыли дверь; впредъ велѣно топить въ присутствіи, а не въ отсутствіи. Былъ у меня на другой день ген. Д., и я съ нимъ говорилъ о тебѣ, что скоро у васъ въ штабѣ будетъ перемѣна, и ты лишишься мѣста, и потому просилъ принять тебя въ Окружной штабъ, такъ какъ онъ знаетъ тебя за дѣльнаго офицера. Онъ отвѣтилъ, что дѣйствительно ты таковъ, и что онъ нисколько не противъ этого; но что тутъ надобно согласіе Ч., такъ какъ штабъ собственно въ его рукахъ. Я сказалъ, что Ч. давно мною предваренъ, и онъ опять повторилъ, что съ своей стороны онъ согласенъ, присовокупивъ, что всѣ сіи перемѣны будутъ не ранѣе Іюля. Итакъ ты видишь, какъ только будетъ вакансія, тебя примутъ; а теперь еще торопиться нечего.—Марья Ивановна [2]) привезла прекрасную пелену и коврикъ въ церковь. Былъ у меня сегодня князь Д. и сказалъ, что у Демидова ребенокъ умеръ. Посылаю тебѣ письмо княгини Мещерской, распечатанное для легкости и потому читанное мною. Прости, обнимаю тебя, кланяюсь благовѣрной, твоимъ роднымъ и Мазовскому.

28 Марта.

Сейчасъ получилъ письмо твое и спѣшу отвѣчать, чтобы сказать, что все у тебя благополучно; но со мной съ самимъ нехорошо. Кромѣ обычнаго нездоровья, пошелъ я было на отпѣванье младенца Демидова къ Георгію и, подымаясь на крыльцо, упалъ во всю длину и раскроилъ себѣ лѣвую ногу объ острую ступень, такъ что теперь все лежу, а въ церкви сижу, хотя сегодня и пріобщался. Не знаю, какъ дотяну всѣ службы до Пасхи, потому что мнѣ все становится больнѣе; рана большая, хотя и не глубокая, но на самой кости. Князь Хилковъ пріѣхалъ и готовитъ мнѣ всякую всячину на пасхальный столъ. У Ненилочки бы глазки разбѣжались отъ поросятъ и ягнятъ и пулярдъ, но еще пока ничего нѣтъ. М. И. была у меня сегодня и взяла

---

[1]) А. С. Солнцевъ.

[2]) Супруга генералъ-лейтенанта Копьева.

картину для великолѣпной рамы, которую наконецъ рѣшился сдѣлать ея благовѣрный. У П. Ѳ. во флигелѣ были опять гости; въ самый полдень взошли съ задняго хода, пока всѣ были въ банѣ, и обобрали пожильца, а вышли на парадный ходъ. Ихъ встрѣтили кучеръ съ кухаркой съ узломъ и учтиво пропустили. Проститъ, мой друкъ, послѣдній разъ и не забываетъ вамъ, какъ писалъ Нѣмецъ.

*

3 Апрѣля.

Христосъ Воскресъ!

Поспѣшаю отвѣчать тебѣ, любезный другъ, чтобы поздравить съ праздникомъ и сказать тебѣ, что я совсѣмъ расклеился. Въ концѣ Страстной недѣли желудокъ мой ничего не варилъ, и меня все рвало желчью. Первые два дня Пасхи я немного оправился; но вчера я съѣлъ лишнее за обѣдомъ, и меня опять сильно рвало вечеромъ, ночью и сегодня утромъ, такъ что я совсѣмъ ослабѣлъ. Не знаю, что̀ будетъ дальше. Нога моя подживаетъ, и я всю недѣлю былъ на всѣхъ службахъ, хотя и сидѣлъ, кромѣ утрени Великой Субботы, что́ уже было не въ силахъ. Сегодня была у меня всенощная на дому; погода вдругъ измѣнилась, дождь цѣлый день, а теперь и снѣгъ. Гостемъ своимъ я очень доволенъ, но онъ больше сидитъ внизу. Меня посѣщали всѣ власти первые три дня, но я никуда не выходилъ кромѣ церкви. Твой генералъ прислалъ мнѣ, наконецъ, хорошенькую рамку. У тебя въ домѣ больные. Я оберегаю твое хозяйство. Какъ-то твоя благовѣрная вернется изъ золотаго Питера въ нашъ убогій Кіевъ, гдѣ ей все покажется нехорошо, потому что она тамъ сдѣлалась большой барыней? Не зачѣмъ было ее туда возить; а въ Умань не хочетъ? Сегодня балъ у генералъ-губернатора, и мой князь туда ѣдетъ, а я пою одиночество, да еще безъ заднихъ ногъ. Когда поправится мое здоровье? П. грозитъ мнѣ водянкой, если не буду пить вина или кумыса; а до отъѣзда осталось всего три недѣли. Посмотрю, окрѣпну ли на будущей недѣлѣ.

*

7 Апрѣля.

Сейчасъ получилъ твое письмо, любезный другъ, и спѣшу отвѣчать, а вмѣсто краснаго яичка посылаю тебѣ мою Тиверіаду въ красной оберткѣ; только пожалуста не оглашай ее и не вздумай продавать Кораблеву, чтобы не навлечь на меня журнальной брани. А самъ прочти вновь печатную, отъ начала до конца, потому что рукопись ты нехорошо разобралъ, и твоя пѣхотная душа не довольно поняла рыцарскую ея поэзію. Лапка моя совсѣмъ зажила, и здоровье поправилось, хотя и моритъ насъ П. Ѳ. (сирѣчь я, пишущій на себя этотъ укоръ) въ холодной церкви, не вѣдая зачѣмъ; ибо богомольцевъ

нѣтъ. Завтра обѣдаю съ кн. X. у князя Дондукова и подамъ ему просьбу о паспортѣ. Сегодня обѣдалъ у m-me Безакъ, которая тебѣ кланяется. Вижу, что салакушка сманила твою благовѣрную и сманиваетъ тебя въ Питеръ къ безсмертному Т., какъ будто все такъ и останется послѣ него. Имѣя здѣсь въ виду Окружной штабъ, собственный домъ и насъ грѣшныхъ, кажется, можно бы довольствоваться. Не знаю, отчего ты сомнѣваешься въ моей пріязни: кажется, я тебѣ ее довольно доказалъ. Я могу принять на свой счетъ собственно путевые твои расходы на Востокъ, какъ человѣка мнѣ нужнаго. Я все таки думаю выѣхать въ Преполовеніе, аще буду живъ и здоровъ. У тебя въ домѣ все благополучно, хотя еще не совсѣмъ здоровы люди. На мою усадьбу теперь явились и новые охотники: г. Гессе, Тарновскій и m-me Безакъ предлагаетъ отъ имени сына тѣже условія, но я еще подумаю по возвращеніи. Князь Хилковъ у меня гоститъ до Четверга, и потомъ я опять буду пѣть одиночество.

*

12 Апрѣля.

Вижу, любезный другъ, что тебѣ оченно не хочется ѣхать на Аѳонъ, и тебя, подъ вліяніемъ салакушки, сбиваетъ твоя благовѣрная. Отложить поѣздки я не могу, потому что иначе никогда не поѣду; а мнѣ это необходимо сдѣлать, пока еще не стукнулъ годъ лишній 30-го Апрѣля. Слава Богу, мое здоровье поправилось, лапку совсѣмъ починили, и я уже ѣздилъ верхомъ и завтра опять поѣду. Вчера провожалъ кн. Хилкова и заявилъ на пружинѣ Фонъ-Огліо, что хочу выѣхать 25-го утромъ, чтобы приготовили вагонъ, а онъ хочетъ меня проводить до Одессы, а тамъ что̀ Богъ дастъ! Пожалуста не церемонься и для меня не спѣши возвратиться, если тебѣ хочется еще провести время съ родными; ибо не легко тебѣ опять собраться въ Питеръ, а на Востокъ я одинъ могу съѣздить. На морѣ ты мнѣ не поможешь, ибо самъ будешь безъ заднихъ ногъ, а въ Царьградѣ и на Аѳонѣ за мной ухаживать будутъ. Лучше оставайся и займись общимъ хозяйствомъ, которое будетъ въ плохомъ видѣ.

Сейчасъ получилъ два письма: одно отъ о. Ѳеодорита *) съ Аѳона, который пишетъ, что выѣдетъ ко мнѣ навстрѣчу въ Царьградъ, и, кромѣ высланныхъ денегъ, обитель беретъ на себя всѣ издержки, только бы я ихъ утѣшилъ и *утвердилъ духовно* своимъ присутствіемъ (и такъ ты видишь, что это долгъ совѣсти, который измѣнить нельзя); другое очень любезное письмо отъ С. Я. Веригиной. Она боится за мое здоровье; но славу Богу, мнѣ теперь хорошо, а духъ поддержитъ мнѣ и тѣло въ эти 6-ть недѣль. Завтра пишу на Аѳонъ, Н. П. Игнатьеву и Корсакову въ Одессу о моемъ пріѣздѣ.

*) Настоятель Русскаго Андреевскаго скита на Аѳонѣ.

19 Апрѣля.

Вотъ тебѣ и Никитушка! Вотъ тебѣ салакушка! И удержала она добраго молодца отъ Царьграда и Аѳона, и все промѣнялъ на кукушкины слезки, хотя другой подобный случай никогда уже не представится. Куда все молодечество дѣвалось? Театры, да парады, да и только! А я, признаюсь, хотя и не настаивалъ, но все таки на тебя надѣялся и думалъ еще предъ отъѣздомъ видѣть; но все напрасно. Свози хоть 30-го въ Сергіеву пустынь вмѣсто театра; а я въ этотъ день, Богъ дастъ, буду уже въ Св. Софіи и у Живоноснаго источника. Здоровье мое очень хорошо, лишь бы не разстроилось моремъ. Не знаю, кто займется моимъ хозяйствомъ и уплатами при полученіи аренды. Боюсь, что все мое шпорное царство разбредется по гостямъ. Въ Понедѣльникъ у меня собраніе Братства, и не знаю, какъ свести счеты; я все откладывалъ, надѣясь, что ты въ этотъ день пріѣдешь; дѣла передамъ прот. Лебединцеву.

Кіевъ, 23 Апрѣля 1874 г.

«Прощайте дядюшка! Я на Кавказъ ѣду!» Послѣ завтра выѣзжаю. Сейчасъ получилъ письмо. Наслаждайтесь салакушками въ Питерѣ вмѣсто Царьграда и Аѳона. Погода у насъ холодная, какъ-то будетъ на морѣ! «Боюсь, мамонька, боюсь!» Изъ Царяграда, чтó можно будетъ привезу. Мнѣ хотя и за 66, а все таки въ душѣ молодецъ-мужчина и дышу поэзіей.

Вчера было засѣданіе въ 7 душъ, и протоколъ сегодня подписанъ. Сейчасъ украли у насъ Жидовку, которая готовилась къ завтрему креститься; это уже вторая безъ тебя украдена.

*

Аѳонъ, 8 Мая 1874 г.

Вотъ я наконецъ и въ своемъ скиту, любезный другъ, послѣ благополучнаго плаванія, и я весьма сожалѣю, что ради *обыденнаго* ты пожертвовалъ *необычайнымъ* и уже невозвратимымъ и лишилъ себя и меня такого утѣшенія. Вокругъ меня кипарисы; изъ моей кельи великолѣпно видны зеленые лѣса на холмахъ, и за ними сѣдой Аѳонъ возвышается, какъ сахарная голова, и прямо на меня глядитъ. Ты бы ахнулъ! Въ Руссикѣ, гдѣ я пробылъ два дня, меня приняли съ большою любовію; но я тамъ нашелъ жестокую вражду между Русскими и Греками, коихъ Греки хотятъ выжить, хотя ихъ больше, и все деньги Русскихъ. Но какъ меня приняли въ скиту? Это свыше всякаго описанія! Я могъ только плакать, а не отвѣчать на привѣтную рѣчь отца Ѳеодорита. 250 человѣкъ братіи вышли всѣ ко мнѣ на встрѣчу, и сквозь ихъ ряды я подошелъ къ архимандриту со всѣми іеромонахами и дьаконами въ богатѣйшихъ голубыхъ ризахъ съ крестами, съ ико-

нами въ св. вратахъ. Я заплакалъ и братія также. Только четыре человѣка меня еще видѣли за 25 лѣтъ. Поднесли мнѣ хлѣбъ-соль на деревянномъ блюдѣ изъ масличнаго дерева, на коемъ прекрасно вырѣзанъ мой гербъ, скитъ и годы 1849 и 1874, съ подписью событія. Потомъ повели крестнымъ ходомъ на лѣстницу, уставленную лаврами, въ великолѣпную церковь для литіи и многолѣтія; она была торжественно освѣщена, и всѣ зажженныя люстры, по обычаю Аѳонскому, качались какъ бы кадила, такъ что это было чудное зрѣлище, и братія пѣла отлично. Я ожидалъ благолѣпія и встрѣтилъ великолѣпіе: вотъ каковъ отецъ Ѳеодоритъ! Моя келія была убрана какъ бы въ палатахъ, и видъ изъ нея чудный. Вошелъ я въ прежнюю мою убогую келію, предъ коей стоитъ мой кипарисъ съ моимъ именемъ; вездѣ память обо мнѣ и надписи: гдѣ я жилъ, гдѣ стоялъ. Постройки огромныя, но самъ архимандритъ по смиренію живетъ въ старыхъ убогихъ келіяхъ бывшаго сераля, что̀ ему дѣлаетъ честь.

Море и острова Архипелага раскинулись предо мною съ балкона бывшей келіи; пригласили послѣ вечерни къ трапезѣ, а когда смерклось, сдѣлали иллюминацію; весь дворъ скита былъ освѣщенъ, а на бывшихъ моихъ келіяхъ горѣлъ щитъ съ моимъ вензелемъ и гербомъ, и хоръ запѣлъ въ тишинѣ ночи: Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ! и всѣ меня поздравляли съ 25-ти лѣтнимъ юбилеемъ скита и моего пришествія. Право, такой встрѣчи я не ожидалъ, и гдѣ же? въ пустынѣ Аѳонской! Утреня была Пасхальная въ 3 ч. ночи и въ бѣлыхъ ризахъ, шитыхъ гирляндами; ризница великолѣпная; пѣли стройно, и канонъ Пасхи по пяти разъ каждый стихъ. Послѣ обѣдни торжественно вышелъ архимандритъ, съ 12-ю іеромонахами и 4-ми дьаконами, служить благодарственный молебенъ о моемъ пріѣздѣ. Сейчасъ привезли письмо представители Протата и сосѣдней Кореи, и я имъ много говорилъ о ссорѣ между Русскими и Греками въ Руссикѣ. Теперь готовимся къ бдѣнію, которое продлится отъ 8 часовъ вечера до 4-хъ утра подъ Воскресенье. Буду говѣть на этой недѣлѣ, а на слѣдующей поѣду по окрестнымъ монастырямъ и 22-го думаю сѣсть на пароходъ, идущій изъ Солуни въ Царьградъ. Сегодня за всѣхъ васъ молился, всѣхъ поминалъ, начиная съ Михаила и Неонилы, и всѣхъ сестеръ, и Павла, и Сусанну и пр. и пр. Кланяйся всѣмъ отъ меня, и дай Боже мнѣ столь же благополучно возвратиться, хотя и страдаю на морѣ. Надѣюсь, что не безъ пользы будетъ сюда мой пріѣздъ. Пріемъ Н. П. Игнатьева былъ самый дружескій. Напишу изъ Буюкъ-дере. Прости, обнимаю тебя. Каково идетъ хозяйство? П. Ѳ. я писалъ изъ Царьграда; прочти ему сіе письмо, также и г. Дрентельну, коихъ также поми-

налъ всѣхъ, и барону Ралю. Кланяйся домочадцамъ и г. Копьеву, а m-me Безакъ вѣрно уѣхала.

*

Буюкъ-дере, 26 Мая 1874.

Прямо въ окна мои плещетъ Босфоръ, такой голубой, какъ бирюза твоего перстня, любезный адъютантъ, бѣжавшій своего генерала; изъ саду вѣютъ кедры и кипарисы, а со двора штамповыя розы кустами, что́ рукой не достанешь; и такъ ты видишь, что съ трехъ сторонъ очарованіе, ибо мой кіоскъ лучше посольской квартиры. Но со всѣмъ тѣмъ время кричать: «мама, домой», ибо всѣмъ уже пресытился и въ Четвергъ, т. е. 30, сбираюсь въ путь, хотя и на дурномъ пароходѣ (о чемъ со страхомъ помышляю), но больше медлить не приходится. Погода холодная, хотя и ясная, все вѣтры, такъ что о купаньѣ еще долго, долго нельзя и подумать. И такъ нечего медлить и засиживаться даромъ, хотя меня окружаютъ всевозможными ласками, и я оченно доволенъ. Прощаніе съ Аѳономъ было столь же трогательно какъ и встрѣча; я это тебѣ писалъ. Но ненависть Грековъ къ Русскимъ тамъ сущій адъ, такъ что все отравляетъ, и теперь старцы Руссика пріѣхали сюда судиться у патріарха, ибо ихъ душатъ Греки. Плаваніе было самое счастливое по тихому морю; что-то будетъ до Одессы. Если все будетъ благополучно, то въ Субботу надѣюсь быть въ Одессѣ, а въ Воскресенье вечеромъ выѣхать, чтобы въ Понедѣльникъ утромъ быть у княгини Кочубей, а вечеромъ ѣхать бы въ Браиловъ и въ Среду вечеромъ въ Кіевъ. Скажи это все П. Ѳ., который желалъ выѣхать ко мнѣ на встрѣчу въ Браиловъ или на станцію Гнѣвань (а когда бываетъ обѣдня, не написалъ). Писать ему отсюда не буду, чтобы не повторять одно и тоже, а только благодарю за дружеское письмо и за добрыя вѣсти о моемъ домѣ. Очень буду радъ съ нимъ и съ С. И. встрѣтиться на пути и помолиться.

Со мной напросился изъ Аѳона служившій мнѣ тамъ монахъ, нѣкто отецъ Савватій, на богомолье въ Кіевъ, и у меня остановится; онъ проѣдетъ прямо съ вещами въ Кіевъ въ Понедѣльникъ вечеромъ, пока мы останемся у княгини Кочубей, и надобно будетъ выслать къ нему на встрѣчу есаула: иначе растеряетъ вещи и дома не найдетъ. Аѳонскаго товару везу довольно и тебѣ око табаку, который здѣсь по новому акцизу столь же дорогъ какъ и въ Кіевѣ и не лучше, по словамъ Михайлы, а я не знаю толку. Деревянными ложками отдѣлаюсь; всѣхъ буду ими по лбу стукать, благо съ Аѳона! Твою благовѣрную стукну также и прошу ей кланяться и сестрицамъ, и Дрентельнамъ, и Копьевымъ, и всѣмъ домочадцамъ. П. Ѳ. и моихъ поблагодари, что все въ порядкѣ. Очень хочется возвратиться: «мама, домой!» Сегодня послѣ

обѣдни ѣду въ Азію смотрѣть на камень моего брата, а завтра съ посломъ прощаться и со всѣми патріархами и экзархомъ, а потомъ уже собираться въ путь-дороженку.

Меня, по обычаю, ругаютъ здѣсь во всѣхъ газетахъ, какъ Панслависта; хорошо еще, что не бьютъ! Вліяніе посла огромное; это первый человѣкъ въ Царьградѣ: такъ умѣлъ себя поставить. Время кончить, сейчасъ къ обѣдни. Обнимаю тебя и надѣюсь до скораго свиданія.

24 Мая.

Вчера былъ я на памятникѣ моего брата и нашелъ здѣсь напечатанною мою о немъ статью въ «Русской Старинѣ». Въ Четвергъ собираюсь въ путь. Уфъ! Море!

Одесса, 1 Іюня 1874.

Берегъ, берегъ!! Уже я въ Одестахъ у любезнаго племянника, совершивъ благополучно мое плаваніе по морю—уфъ! Я въ Юхновъ пріѣхалъ; впередъ по морю не заманишь. Въ Среду вечеромъ надѣюсь тебя обнять. Завтра вечеромъ выѣзжаю отсюда; Понедѣльникъ утромъ проѣду къ кн. Кочубей; во Вторникъ сбираюсь отъ нея въ Браиловъ, гдѣ меня встрѣтятъ П. Ѳ. и С. И., а въ Среду утромъ выѣду отъ княгини. Не забудь въ Понедѣльникъ вечеромъ выслать на пружину эсаула для принятія моихъ вещей и отца Савватія, котораго узнаетъ по рясѣ, яко монаха. Надѣюсь, что мнѣ будетъ встрѣча торжественная какъ на Аѳонѣ, съ пѣніемъ ликовъ, иллюминаціей и звономъ шпоръ вмѣсто колоколовъ.

*

Дѣйствительно, недалекъ былъ берегъ и тихое пристанище послѣ житейскихъ плаваній. Встрѣча наша съ А. Н. была трогательная. Мы провели у него вечеръ далеко за полночь и угощали его ужиномъ, и онъ чувствовалъ себя мало утомленнымъ отъ путешествія. Спустя нѣсколько дней по пріѣздѣ, онъ началъ обдумывать свое описаніе путешествія и горячо за него принялся, а мнѣ поручилъ составить соображеніе, во сколько обойдется предполагаемое изданіе, которое онъ хотѣлъ приложить 3-мъ томомъ къ „Письмамъ съ Востока“. Писали и на Аѳонъ настоятелю Андреевскаго скита, согласно его заявленію, о высылкѣ необходимыхъ денегъ; но не суждено было этому совершиться. На двухъ главахъ „Царьградъ“ и „Руссикъ“ остановилась, подъ свѣжими впечатлѣніями, начатая работа, остановилась многолѣтняя дѣятельность: все замерло!

Спустя нѣкоторое время по возвращеніи съ Аѳона, какъ-то вечеромъ, я поднялъ вопросъ о томъ, почему А. Н. не соглашается уступить свою усадьбу Т. на предлагаемыхъ имъ условіяхъ, т. е. уплатѣ 50 тысячъ р. и продолженіемъ жить до кончины въ этомъ же домѣ? А. Н. отвѣчалъ: „Куда

я дѣнусь съ деньгами! Мнѣ все будетъ казаться, что живу въ чужомъ домѣ; лучше дотяну до Января. Аще не потащутъ въ тюрьму, а также если выберутъ городскимъ головой (что́ однажды было, если бы не возвратился П. П. Демидовъ), то и средства мои улучшатся". На это я возразилъ: а если затянется дѣло, и вдругъ что нибудь случится съ вами, вѣдь Старокіевская часть захватитъ все въ свои руки и наложитъ печати.—„Любезный другъ, сказалъ А. Н., во первыхъ, будущее неизвѣстно; придетъ смертный часъ, ты же будешь со мной, а полиціи покажу вотъ что́" (погрозивъ кулакомъ).

Мои предсказанія сбылись, а его слова не исполнились. Кому-то перейдетъ его прекрасная и живописная усадьба??...

Въ концѣ Іюля былъ проѣздомъ чрезъ Кіевъ ген.-адъютантъ Н. В. Исаковъ. Провожая дорогаго гостя, А. Н. съ особенною выразительностію сказалъ: „Любезный другъ, спасибо, что ты меня не забываешь. Если пріѣдешь еще и не застанешь меня дома, то зайди туда (указывая на Сергіевскую церковь), тамъ я буду". Въ этихъ словахъ сказалось предчувствіе. Генералъ возвращался въ Петербургъ чрезъ Кіевъ, когда уже не было домохозяина, и онъ прошелъ въ усыпальницу, гдѣ попросилъ отслужить панихиду.

Въ началѣ Августа А. Н. заболѣлъ обыкновенною лихорадкою, съ пароксизмами черезъ два дня въ третій; при этомъ давно уже онъ страдалъ катаромъ желудка, и рвоты появлялись безпрестанно; къ этому присоединились зараженіе почекъ и болѣзнь легкихъ. Все взятое вмѣстѣ само по себѣ дѣлало положеніе опаснымъ, при малѣйшей невоздержности или простудѣ. Въ прежніе годы, онъ жаловался часто на болѣзнь въ ногахъ и болѣе 15-ти лѣтъ имѣлъ на нихъ ранки, которыя при своемъ закрытіи производили опухоль и отекъ ногъ; послѣднее и случилось съ прошлогодней его болѣзни, пятнистой лихорадки.

Чувствуя внутренній жаръ, больной, въ отсутствіе доктора, принялъ дома три ванны, хотя и съ добавленіемъ теплой воды; но ванны эти отозвались, ночью на 8-е число, сильнымъ обморокомъ, такъ что прибѣжавшій на звонокъ камердинеръ засталъ его сидящимъ безъ сознанія на постели. Въ 3 ч. утра былъ докторъ, а въ 12 ч. прислали за мной; но какъ я былъ въ Штабѣ, то пошла жена. А. Н. съ грустью сказалъ: „А знаете, что я сегодня ночью чуть не умеръ, и Миши не было со мною, такъ никто бы и не зналъ". Жена успокоила его, насколько можно, и заплаканная вернулась домой. По возвращеніи изъ Штаба, я также побѣжалъ къ нему и просилъ беречься, упрекнувши, что вѣрно насъ не любитъ, такъ какъ не слушаетъ совѣтовъ доктора и нашихъ. 9-го мы провели вмѣстѣ вечеръ, и онъ при насъ, вмѣсто чая, кушалъ рыбу, ради поста. Здѣсь опять мы упрашивали не ѣсть рыбы, такъ какъ принимаетъ хининъ; онъ отвѣчалъ, что „его тошнитъ отъ чая, а въ Пятницу нельзя ѣсть мясное, въ особенности въ Успенскій постъ". 10-го въ Субботу, проведя дурно ночь, онъ отправился на черный дворъ осмотрѣть свое хозяйство и лошадей, что̀ всегда дѣлалъ; затѣмъ

почувствовавъ пароксизмъ лихорадки, легъ въ постель. Предъ всенощной я зашелъ навѣстить его и узналъ, что сдѣлалось на ногѣ рожистое воспаленіе. Больной жаловался на то, что докторъ, будучи у него, не осмотрѣлъ ногу и потому просилъ меня сказать ему объ этомъ, такъ какъ предстояло съ послѣднимъ видѣться. Я зашелъ и послѣ всенощной провести вечеръ; жаръ продолжался, и больной постоянно просилъ воды и виши, которыя докторъ позволилъ пить.

Затѣмъ, въ Воскресенье 11-го, пароксизмъ продолжался; ночь прошла безъ сна съ небольшимъ бредомъ. Я ожидалъ, что въ 12 часовъ дня жаръ уменьшится, но онъ продолжался до Понедѣльника утра. Мы начали дежурить по очереди, чтобы при малѣйшемъ движеніи больнаго удовлетворять его желанія. 12-го, въ Понедѣльникъ, въ 8 ч. утра пришелъ ко мнѣ докторъ уже отъ больнаго и заявилъ, что нужно пригласить еще доктора на консиліумъ, такъ какъ нога больнаго заставляетъ опасаться. Я тотчасъ поѣхалъ къ доктору и назначилъ собраніе въ 1 часъ дня. Когда же заявилъ больному, что будутъ два доктора, то онъ выразился: „Не надо, зачѣмъ платить деньги? Они моей болѣзни не поймутъ; мнѣ нужно очистить желудокъ, а меня пичкаютъ лѣкарствами". Доктора осмотрѣли внимательно ногу, прописали мазь и ароматическую подушку и разрѣшили принять слабительное; но всѣ эти лѣкарства были только успокоительныя, такъ какъ болѣзни не могли угадать сразу, и поручили мнѣ пригласить хирурга. Когда принесли лѣкарство, то больной не позволилъ мазать ногу и класть подушку, ссылаясь на то, что его кожа не выноситъ никакихъ наружныхъ лѣкарствъ, а между тѣмъ принялъ слабительное и сталъ въ тоже время жаловаться на острую боль въ правой ногѣ, въ которой началось судорожное подергиванье. Хирургъ, по случаю выѣзда изъ города, не могъ быть въ этотъ день, а явился только 13-го во Вторникъ, при собраніи прежнихъ докторовъ. Боль все дѣлалась сильнѣе, ночь проведена безъ сна; больной метался и постоянно требовалъ воды, виши, и перемѣны позы лежанья; ногу слегка растирали и завязали напудренной ватой. Желудокъ требовалъ частыхъ вставаній, что еще больше утомляло ногу. Вечеромъ о. протоіерей и я просили согласія больнаго, не желаетъ ли послѣ ранней обѣдни пріобщиться; онъ отвѣтилъ: „хорошо"; когда хотѣли уйти домой, то онъ просилъ еще остаться. 13-го утромъ, по случаю постоянныхъ вставаній и слабости, больной не рѣшился пріобщаться и на мой вопросъ, почему онъ не хочетъ совершить этотъ обрядъ, какъ и всегда въ этотъ постъ говѣлъ, онъ отвѣтилъ: „дай немного окрѣпнуть". Когда собрались доктора, то больной менѣе жаловался на ногу, но говорилъ, что давитъ подъ ложечкой отъ малоочищеннаго желудка, и не можетъ спать. Въ это время, не смотря на уменьшеніе острой боли, на ногѣ были замѣчены докторами какія-то красныя жилки въ родѣ снурочковъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ завалы, при нажатіи которыхъ рукою ощущалась боль.

14-го утромъ повторено предложеніе о пріобщеніи, на что больной изъявилъ согласіе, и пріобщился съ большимъ чувствомъ; при чтеніи молитвъ,

установленныхъ для приготовленія трудно-больныхъ, А. Н. сначала заплакалъ, а потомъ отъ сильнаго душевнаго волненія съ нимъ сдѣлался слабый обморокъ. Тайны Христовы принялъ онъ съ сердечнымъ благоговѣніемъ и отрадой. Мы всѣ радостно поздравили недужнаго и пожелали скораго выздоровленія. Въ теченіе дня, предъ собраніемъ докторовъ, больной вдругъ заявилъ, что у него начинается параличъ въ лѣвой ногѣ, такъ какъ чувствуетъ сильную боль въ колѣнѣ, однако безъ наружныхъ признаковъ. Доктора посмотрѣли и прописали, не говоря больному ни слова, іодъ, которымъ и намазали все колѣно. Вечеромъ, когда я сидѣлъ съ нимъ, то онъ высказалъ желаніе, чтобы я поѣхалъ въ Лавру къ обѣднѣ на его лошадяхъ, по случаю праздника Успенія. Каждый день пріѣзжали знакомые навѣщать больнаго, и всѣ были, согласно его волѣ, допускаемы. Получаемыя съ почты письма я распечатывалъ и передавалъ ихъ содержаніе. Въ этотъ же день получена была телеграмма о кончинѣ брата Сергѣя Николаевича, о которой я умолчалъ. На вопросъ, не написать ли Мароѣ Михайловнѣ, его невѣсткѣ, или племяннику Владиміру Сергѣевичу, онъ отвѣчалъ: „не нужно тревожить первую, все равно не можетъ пріѣхать; а второму необходимо быть около отца, который боленъ“. Генералъ Черкесовъ при свиданіи сказалъ, что онъ телеграфировалъ племянницѣ, Александрѣ Николаевнѣ Демидовой, а я добавилъ, что онъ и деньгами меня снабдилъ на леченіе. А. Н. поблагодарилъ за все добраго Михаила Николаевича.

По пути къ обѣднѣ, въ праздникъ Успенія, П. Ѳ. заходитъ къ А. Н. и говоритъ ему: „Вы бы пособоровались“.—„Слабъ я теперь, пусть немного окрѣпну“, отвѣчалъ онъ. „Не мнѣ объяснять вамъ, что таинство Елеосвященія укрѣпляетъ и возстановляетъ силы больныхъ, говоритъ П. Ѳ.; не сегодня такъ завтра“.—„Посмотримъ, что̀ будетъ завтра“, былъ отвѣтъ. По уходѣ его заѣхалъ преосв. Филаретъ и убѣдилъ недугующаго собороваться, обѣщая завтра совершить надъ нимъ Елеосвященіе. Затѣмъ, когда П. Ѳ. зашелъ отъ обѣдни, А. Н. говоритъ ему: „Завтра приходите; преосв. Филаретъ обѣщалъ пріѣхать съ своимъ намѣстникомъ въ 8 ч. утра, а въ 10 ч. преосвященному нужно ѣхать на археологическое собраніе“. Послѣ обѣдни въ Андреевской церкви, собрались къ нему ген. Копьевъ съ супругой, нашъ протоіерей, его жена и я съ женой. Всѣ мы были порадованы хорошимъ состояніемъ больнаго, который шутилъ, что ему нечѣмъ разговѣться, такъ какъ коровушка его за нѣсколько дней пала. Жена протоіерея сейчасъ же послала за сливками къ чаю; сравнительно лучшее состояніе больнаго насъ ободрило. На помощь къ намъ пріѣхалъ, наканунѣ, мой пріятель саперный капитанъ Ларіоновъ, который дежурилъ по ночамъ и въ состояніи былъ поднимать и перекладывать больнаго. Не успѣли всѣ разойтись, какъ меня вызвали и сказали, что какая-то дама желаетъ меня видѣть. Это была А. Н. Демидова. Послѣ минутнаго свиданія съ ней, я возвратился къ больному, чтобы подготовить его къ встрѣчѣ съ племянницей; затѣмъ вошла Алекс. Никол. и сказала: Здравствуй, дядя! Больной встрепенулся, протянулъ руки,

обнялъ ее, нѣсколько разъ поцѣловалъ и сказалъ: „Благодарю тебя, мой другъ, что ты пріѣхала; какая ты милая и добрая, вспомнила про дядю; а я вотъ лежу больной“. Та утѣшала его, чѣмъ можно, и просила, чтобы онъ теперь ничѣмъ не стѣснялся и не отказывалъ бы въ своихъ желаніяхъ, такъ какъ у нея денегъ достанетъ. Онъ вдругъ обращается къ ней: „давай сто тысячъ“. Та отвѣчала: ну, дядя, положимъ, такихъ денегъ у меня нѣтъ, а съ тебя хватитъ на все“. Сейчасъ же больной просилъ меня распорядиться насчетъ помѣщенія Ал. Ник. и обѣда, что́ я и исполнилъ. Послѣ чаю время было отправляться, согласно заявленному наканунѣ желанію, въ лавру. Ал. Ник. тоже хотѣла съѣздить помолиться, но при этомъ не желала оставить дядю. Больной, услыхавъ нашъ разговоръ, изъявилъ желаніе, чтобы и племянница отправилась въ Лавру; и тогда мы поѣхали на самое короткое время, такъ какъ застали уже проповѣдь. Заходили на минутку къ митрополиту, который разспрашивалъ про больнаго и просилъ извиненія, что за службами не могъ навѣстить А. Н., и что завтра послѣ обѣдни будетъ у него. Вернувшись домой, я оставилъ Алек. Ник. у кровати больнаго, а самъ пошелъ въ кабинетъ для прочтенія полученныхъ писемъ. Потомъ я узналъ, что на замѣчаніе Ал. Ник., что видала нашъ домъ, больной сказалъ: „да у него и жена хорошая; я доволенъ его женитьбой; полюби ихъ обоихъ“. Доктора ничего новаго не прописали кромѣ успокоительнаго, чтобы подкрѣпить силы сномъ, и вторично помазали ногу іодомъ. Больной жаловался, что ему жестко лежать на своемъ матрасѣ; Александра Николаевна поручила сейчасъ же моей женѣ купить новый, и нужно было видѣть нетерпѣніе, съ какимъ онъ ожидалъ новаго матраса; чуть ли не каждую минуту меня спрашивалъ: „что́ пріѣхала?.. привезла?.. отчего это такъ долго!...“ Мы на простыняхъ приподняли и переложили больнаго съ большимъ трудомъ, и тогда онъ успокоился. Наступило время обѣда, а я съ утра дежурилъ въ мундирѣ, такъ какъ не успѣлъ переодѣться и голодный, не пивши чаю; племянница пошла въ столовую съ ночнымъ дежурнымъ Ларіоновымъ, а я остался около постели. Вдругъ больной спросилъ: „А мнѣ дадутъ обѣдать?“ Я отвѣчалъ: Все что́ хотите. „А что́ есть?“—Бульонъ.—„Только?“—Ципиньку.—„А котлетины?“—Дадутъ все что́ хотите. Принесли бульонъ, выпилъ полчашки. Я спросилъ, не хочетъ ли курочки съ бульона?—„Дай“. Пожевалъ и выбросилъ на тарелку: „Нѣтъ никакого вкуса“. Я предложилъ жареннаго цыпленка; опять: „Дай“; и вторично выбросилъ: „Нѣтъ не могу; не вкусно что-то“. Я же сказалъ: Какъ мнѣ хочется ѣсть!—„Ѣшь, ѣшь на здоровье“, былъ отвѣтъ. Вечеромъ зашелъ о. протоіерей; больной уже при мнѣ вторично къ нему обратился: „П. Ѳ., вы завтра съ преосв. Филаретомъ будете меня соборовать въ 8 ч. утра“. Тотъ отвѣчалъ: „Хорошо“ и больше ни слова. На ночь дали больному чайную ложку усыпляющаго; онъ выплюнулъ, потомъ чрезъ два часа, согласно наставленію докторовъ, повторили. Принялъ. Ночь была проведена въ страшныхъ мученіяхъ отъ боли въ ногѣ, которая была намазана іодомъ; больной требовалъ льду, чтобы утушить жаръ, но, конечно, ему не дали; жаръ и знобъ въ тѣлѣ постоянно перемежались, и ему продолжали давать по преж-

нему чрезъ два часа хину. Отъ морфія напала самая тяжелая дремота, въ которой больной постоянно находился. Во время обряда соборованія, онъ постоянно крестился при молитвахъ. Я два раза давалъ ему виши, чтобы освѣжить отъ духоты и жару, такъ какъ всѣ стояли со свѣчами. Послѣднюю молитву произнесъ твердо. Духовенство при прощаніи благодарилъ и каждому изъ нихъ сказалъ нѣсколько словъ, а нашему протоіерею: *чинно совершили*. Изъ окружающихъ ни у кого не хватило духа подойти и по обычаю проститься. Я вышелъ въ образную и зарыдалъ, какъ бы предчувствуя живо, что скаро настанетъ и послѣднее прощаніе. Въ этотъ день пріѣзжалъ митрополитъ и пробылъ очень недолго. Пригласили еще доктора, и всѣ четверо послѣ консиліума грустно покачали головами, потому что началось полное разложеніе крови, т. е. воспаленіе венъ. Доктора сказали, что еще не было примѣра, чтобы при такомъ состояніи больные выздоравливали. Намъ окружающимъ не вѣрилось въ этотъ приговоръ; мы ждали, что крѣпкая натура и сонъ возмутъ свое, но увы! дремота не проходила въ теченіе цѣлаго дня, и больной лежалъ уже безъ движенія, не въ состояніи самъ приподняться, а когда просыпался, то требовалъ воды, или виши, или тепленькаго чаю; при этомъ иногда просилъ освѣжить лицо мокрою губкою. Все это исполнялось немедленно. Иногда онъ просилъ приподнять, не обращая вниманія, кто сидитъ у постели, и протягивалъ руки мнѣ или супругѣ протоіерея, и, конечно, мы, какъ безсильные, звали кого либо на помощь. Когда я уходилъ домой на короткое время, то больной, открывая глаза, спрашивалъ: „гдѣ Семеновъ?“ Ему говорили, что сейчасъ придетъ, или не послать ли за нимъ? „Нѣтъ не надо, пусть отдохнетъ“. Такой же вопросъ былъ сдѣланъ вечеромъ доктору, который самъ хотѣлъ за мной идти; но онъ не позволилъ. Въ минуту пробужденія, я обращался къ нему съ вопросомъ: Милый А .Н., вы меня звали?—„Да“.—Хотите передать что нибудь?—„Нѣтъ“ или: „Дай отдохнуть“.—Затѣмъ: „А что́ говорятъ доктора? Вѣдь опасность миновалась?“ При моемъ отвѣтѣ онъ тотчасъ же засыпалъ, такъ что тяжело было его безпокоить, и мы всѣ окружающіе старались исполнять всѣ его желанія, не затрудняя вопросами.

Ночь на 17-е и весь день проведены были въ дремотѣ, и только вечеромъ больной открылъ глаза и совершенно пришелъ въ память. Я спросилъ: хорошо ли спалъ? онъ отвѣчалъ: „Да“. Освѣжилъ ли васъ сонъ?—„Освѣжилъ“. Можетъ быть, хотите чаю?—„Нѣтъ“.—Бульону?—„Дай“. Полчашки было выпито. Потомъ долго сжималъ мнѣ руку и будто хотѣлъ что-то сказать. Я навелъ на тему объ образной, и онъ изъявилъ желаніе передать ее въ Андреевскую церковь, а такъ какъ не могъ самъ выразить письменно это завѣщаніе, то мы, окружающіе, въ числѣ пяти человѣкъ, въ томъ числѣ генералъ Черкесовъ, племянница А. Н., капитанъ Ларіоновъ, я и камердинеръ, составили бумагу за общею подписью.

Ночь на 18-е число прошла въ дремотѣ, въ которую снова впалъ больной. Въ Воскресенье утромъ передъ обѣдней зашелъ протоіерей и скром-

но спросилъ: не желаетъ ли сегодня еще разъ пріобщиться, вслѣдствіе чего Богъ пошлетъ облегченіе; тотъ отвѣчалъ: „я недавно пріобщался"; затѣмъ, когда послѣ обѣдни принесъ просфору, больной уже машинально ее поцѣловалъ. Въ два часа дня были доктора, и онъ отвѣчалъ еще на ихъ вопросы, гдѣ самая большая боль въ ногѣ. Въ 4-мъ часу, только что мы пошли обѣдать (такъ какъ больной уже ничего не требовалъ), прибѣжалъ посланный съ словами: „Генералъ кончается". Не помню, какъ я добѣжалъ. Въ 4 часа 15 минутъ дня, послѣ мгновенной конвульсіи и черной рвоты, его не стало...

Все замерло, и вся наша надежда рухнула. Окружающіе со слезами пали на колѣни, а о. протоіерей тихимъ, но дрогнувшимъ голосомъ прочиталъ отходную. Я зарыдалъ опять въ образной и нѣкоторое время не зналъ что́ дѣлать, но жена вывела меня изъ этаго положенія своими слезами. Приготовили воды, обмыли и одѣли покойнаго и понесли въ столовую. Затѣмъ, приведши въ порядокъ спальню, кабинетъ и образную, я пригласилъ полицейскихъ чиновъ, согласно распоряженію генералъ-губернатора, опечатывать имущество. По окончаніи всего принялись за установку стола цвѣтами, отправленіе телеграммъ, и въ 8 часовъ вечера была первая соборная панихида, на которую собрались знакомые и незнакомые; входъ для всѣхъ былъ открытъ. На заявленіе, будто покойникъ желалъ быть похороненъ на Флоровскомъ кладбищѣ, князь Дондуковъ-Корсаковъ возразилъ, что А. Н. нѣсколько разъ указывалъ женѣ его мѣсто своей усыпальницы; тоже подтвердили и другіе; а потому рѣшили, чтобы могила была приготовлена въ фундаментѣ подъ Андреевскою церковью, рядомъ со входомъ въ пещерную церковь, во имя пр. Сергія. Оффиціальныя панихиды были назначены въ 1 ч. дня и въ 8 ч. вечера. Первую служилъ преосв. Филаретъ, а вторую преосв. Александръ. Кромѣ этихъ двухъ панихидъ было совершено въ теченіе дня еще пять священнослужителями, приходившими безъ всякаго приглашенія, въ числѣ коихъ неожиданно явился іеромонахъ съ св. горы Аѳонской, проѣздомъ чрезъ Кіевъ. Два дьякона попеременно читали Евангеліе и Псалтирь. Вечеромъ положили въ гробъ тѣло предъ панихидою. 20-го, во Вторникъ, послѣ панихиды, перенесли торжественно усопшаго въ Андреевскую церковь при громадномъ стеченіи народа. Во главѣ гроба несли Свято-Владимирскую хоругвь, символъ Братства; затѣмъ была совершена пр. Филаретомъ панихида, такъ же какъ и въ 8 ч. вечера, при полномъ освѣщеніи церкви. Въ 10 ч. вечера пріѣхалъ одинъ изъ наслѣдниковъ, только что похоронившій своего отца, которому я передалъ ключи отъ незапечатанныхъ комнатъ и показалъ, что все находится въ полномъ порядкѣ. Въ Среду, 21-го, послѣ литургіи, совершенной митрополитомъ, началось отпѣваніе при участіи 2-хъ архіереевъ, 8-ми архимандритовъ и 16-ти протоіереевъ. Закрытый гробъ оставили въ церкви до полученія высочайшаго разрѣшенія на погребеніе въ приготовленномъ склепѣ, безъ чего митрополитъ не рѣшался хоронить въ церкви. Съ большимъ нетерпѣніемъ мы ожидали царскаго слова, тѣмъ болѣе, что по извѣстіямъ телеграмма была подана Его Величеству на пути въ Москву. Наконецъ, въ 8 ч.

вечера, послѣ панихиды, было получено высочайшее разрѣшеніе на погребеніе труженика Церкви Православной въ избранномъ имъ мѣстѣ. На другой день, 22 Августа, утромъ послѣ ранней литургіи преосв. Филаретъ, въ сослуженіи 4-хъ протоіереевъ, совершилъ панихиду, и за тѣмъ проводили покойнаго въ могилу, усыпавъ гробъ цвѣтами...

ПИСЬМО А. Н. МУРАВЬЕВА КЪ А. П. ОЗЕРОВУ.

А. П. Озеровъ служилъ Россійскимъ посланникомъ въ Греціи, и мы ему обязаны за сообщеніе въ „Русскій Архивъ" этого письма, какъ образчика заботливости А. Н. Муравьева о православномъ единеніи. На письмѣ не означено времени; оно относится къ 1857 году, когда скончался преосв. Иннокентій (26 Мая). П. Б.

Останкино.

Любезный другъ Александръ Петровичъ.

Горько поразило меня свѣдѣніе о смерти добраго Вальянова, которое впервыя узналъ только изъ твоего письма. Его не умѣли оцѣнить при жизни, а мы многаго въ немъ лишились; потому что онъ служилъ эхомъ России для Греціи на всѣ торжественные случаи, да и переводилъ духовныя творенія митрополита Филарета, Иннокентія и мои полемическія сочиненія противъ Римской церкви, которыя были полезны на Востокѣ, а Житія Святыхъ Русскихъ необходимы и для общенія нашего съ Греческою церковью. Онъ уже перевелъ изъ нихъ 3 мѣсяца, но не успѣлъ издать. Помоги его вдовѣ исполнить это доброе дѣло и испроси ей пособія, объяснивъ министерству всю важность и пользу его труда. Прилагаемое письмо, пожалуйста, доставь ей.

Со всѣхъ сторонъ мы терпимъ невозвратныя потери. Преосвященный Иннокентій скончался въ Одессѣ; а онъ служилъ нашею связью съ Востокомъ и стоялъ во главѣ общества для пособія Грекамъ и Болгарамъ; чрезъ это замедлится отправленіе его викарія Поликарпа въ Іерусалимскую миссію, а архимандрита Порфирія, какъ ты знаешь, боятся послать. Слышно здѣсь, что и вашего Антонина хотятъ взять ректоромъ въ Петербургскую Академію. Куда какъ это будетъ умно: оторвать человѣка опытнаго отъ дѣла и уронить Аѳинскую церковь! Я бы на твоемъ мѣстѣ не отпустилъ, развѣ только самъ жаждетъ архіерейства. Все сіе весьма грустно, и отраднѣе сидѣть въ Останкинѣ и смотрѣть только на зелень. Прости, обнимаю тебя. Преданный тебѣ другъ А. Муравьевъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ РАЗНЫХЪ ЛИЦЪ О НИКОЛАѢ ПАВЛОВИЧѢ И ЕГО ВРЕМЕНИ.

Посѣщенія Государями городовъ, всегда радостныя для жителей, бываютъ для иныхъ радостными сугубо, потому что приносятъ имъ и выгоду, какъ замѣчаетъ князь Д. Д. Оболенскій въ своихъ воспоминаніяхъ («Р. Архивъ» 1895, I, стр. 518). Это напомнило мнѣ державшійся въ сороковыхъ годахъ слухъ о томъ, почему Государь Николай Павловичъ во время поѣздокъ своихъ въ Москву чрезъ Тверь, до постройки желѣзной дороги, никогда не останавливался въ этомъ городѣ и будто бы не мѣнялъ даже лошадей здѣсь.

Дѣйствительно, проѣздъ Государя чрезъ Тверь всегда происходилъ или ночью, или рано утромъ, такъ что жители узнавали объ этомъ только на другой день. Продолжительныхъ остановокъ для завтрака и пр. никогда не бывало въ Твери, не смотря на то, что въ этомъ городѣ имѣется дворецъ. Вѣроятно, это зависѣло отъ маршрута, но Тверитянами объяснялось гнѣвомъ Государя на нихъ, будто бы по слѣдующему случаю.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, возвращаясь изъ Москвы, весной или осенью, Государь оставался въ Твери нѣсколько дней въ ожиданіи безопасной переправы чрезъ Волгу. Поставщикомъ для стола Государя и его свиты былъ мѣстный богатый купецъ, который подалъ счетъ съ такими баснословными на все цѣнами, что удивилъ того, кому счетъ былъ поданъ. «Неужели у васъ все такъ дорого?» спросилъ тотъ.—Нѣтъ, слава Богу; такія цѣны только для Государя. Нельзя же ему продавать, какъ всякому прочему; былъ отвѣтъ.

Этотъ курьезный счетъ и не менѣе курьезный отвѣтъ сдѣлались извѣстны Государю, который пожелалъ видѣть своего поставщика. «Такъ ты думаешь, сказалъ ему Государь, что съ меня нужно брать какъ можно дороже?»—Точно такъ, Ваше Величество. Можно ли равняться въ чемъ съ Вашимъ Величествомъ намъ грѣшнымъ, рабамъ Вашимъ? Все, что́ имѣемъ, Ваше, Государь; но въ торговомъ дѣлѣ товаръ и цѣна, смотря по покупателю, смиренно отвѣчалъ купецъ.—

«Ты, пожалуй, и правъ отчасти, будто бы отвѣчалъ ему Государь; но хорошо, что не всѣ такъ думаютъ, какъ ты. У васъ въ Твери жить и мнѣ было бы не по карману». Счетъ конечно былъ оплоченъ.

Этимъ дѣйствительнымъ или сочиненнымъ случаемъ Тверитяне и объясняли, почему Государь съ тѣхъ поръ никогда не останавливался въ ихъ городѣ.

—

Несмотря на тяжелую для солдатъ службу въ Николаевское время, они сохраняли о покойномъ Государѣ благоговѣйную, чисто-сыновнюю память. Въ этомъ я убѣдился, служа врачемъ въ Николаевской Измайловской богадѣльнѣ. Съ призрѣваемыми въ ней солдатами я жилъ дружно, и они не стѣснялись меня, продолжая бесѣды между собою, когда я подсаживался къ нимъ въ палатахъ или въ паркѣ при богадѣльнѣ. Интереснаго было много въ задушевныхъ бесѣдахъ этихъ видавшихъ виды и чего-чего не испытавшихъ и не отвѣдавшихъ, восьмидесятилѣтнихъ слѣпыхъ и изувѣченныхъ стариковъ, спокойно ожидавшихъ перевода въ *пятое отдѣленіе*: такъ они называли кладбище. Всѣхъ отдѣленій или ротъ, съ особымъ фельдфебелемъ въ каждомъ, раздѣленныхъ на комнаты или палаты, въ богадѣльнѣ четыре. По мѣрѣ одряхлѣнія или вообще по неспособности къ легкимъ домашнимъ работамъ, полагающимся по уставу богадѣльни, призрѣваемые переводились въ четвертое отдѣленіе, для котораго ни работъ, ни дневальства уже не полагалось.

Старый, искалѣченный призрѣваемый разсказывалъ товарищамъ, какъ онъ попалъ въ богадѣльню.

Погнали насъ подъ Севастополь, говорилъ онъ. Государь Николай Павловичъ провожалъ насъ, пріѣхалъ попрощаться, что-то грустный такой. Смотрите, ребята, говоритъ, служите вѣрой и правдой.— Слушаемъ молъ, кричимъ: рады стараться, Ваше Императорское Величество.—Вы у меня молодцы, говоритъ, такъ и будьте молодцами, не осрамитесь. Мы: ура! Машетъ рукою, затихли. Помните, говоритъ, что я васъ не покину, не оставлю. А теперь съ Богомъ! Мы опять: ура!

Ну, и пошли спѣхомъ, да со смѣхомъ, хоть по сю пору было и не до смѣху. Пришли подъ Севастополь. Тутъ въ скорости чикнуло меня пулей въ это и въ это мѣсто (разсказчикъ указалъ на раненыя руку и ногу). Лежу я послѣ этого въ госпиталѣ и уже поправляться сталъ, хожу на костылѣ. Ни руки, ни ноги не отрѣзали, дай имъ Богъ здоровья, докторамъ, только косточки оттуда повыбрали. Но совсѣмъ исправить—не исправили: знать нельзя было. Съ костылемъ въ чистую, говорятъ, пойдешь. Ну, думаю, въ чистую, такъ въ чистую,

коль не гожусь для царской службы. Царь не оставитъ! Дома-то у меня своихъ никого не было.

Ну-съ, маячу я въ госпиталѣ, отставки этой поджидаю; вдругъ, бацъ, вбѣгаетъ разъ въ палату фельдшеръ не въ себѣ. Скончался, кричитъ, Государь Николай Павловичъ, приказалъ долго жить. Не вѣримъ; можетъ ли это статься, съ чего? Однако, вѣрить пришлось; правда сказалась. Всѣхъ насъ, что́ было въ палатѣ, слеза прошибла; да и во всемъ госпиталѣ, я чай, тоже. На панихидѣ иные не хуже бабъ ревѣли. Вотъ, думаю, сказалъ не покину, а покинулъ. Божья воля! Видно, придется Христовымъ именемъ пропитываться.

Приплелся я, долго ли коротко ли, много ли мало ли тащился, на родную сторонушку въ Тульскую губернію. Живу, перебиваюсь кое-какъ, дѣла себѣ какого ни на есть ищу. А какое дѣло? Рукомесла за мною никакого не водилось, рука не владѣетъ; а нога эта, будь ей пусто, къ погодѣ иной разъ такъ заблажитъ, что лучше бы ея совсѣмъ не было. Но Богъ не безъ милости. Навернулся добрый человѣкъ изъ господъ. Разговорились мы, рыбешку на рѣкѣ вмѣстѣ удили. Да ты что же говоритъ, зѣваешь? Ступай въ Москву: тамъ вамъ покойный Государь мѣсто устроилъ. Разсказалъ мнѣ, что́ и какъ, про богадѣльню-то эту. Утрёшкомъ ранехонько я и заковылялъ въ Москву. Тутъ что́, рукой подать! Пришелъ, объявляю, и милости просимъ, безъ разговоровъ: тогда просторно было. Живи, не тужи, да за царя Богу молись. Такъ вотъ онъ какой былъ, закончилъ разсказчикъ. Сказалъ не покину, и не покинулъ: самъ померъ, а насъ не оставилъ. Твердый на своемъ словѣ Государь былъ! подтвердили слушатели и всѣ, вмѣстѣ съ разказчикомъ, сняли фуражки и перекрестились. Дай ему Богъ царство небесное!

Отъ призрѣваемыхъ же солдатъ я слышалъ еще слѣдующій разсказъ о покойномъ Государѣ; не знаю только, какимъ путемъ этотъ разсказъ дошелъ до нихъ. Правда, что я засталъ въ богадѣльнѣ инвалидовъ, жившихъ въ ней со дня ея открытія; но не знаю, сколько разъ посѣщалъ ее Николай I-й, бывалъ ли въ ней тогда, когда она была населена уже призрѣваемыми. Открытіе богадѣльни состоялось въ 1855 году, что́ значится и на въѣздныхъ воротахъ въ нее. Между тѣмъ въ брошюрѣ, неизвѣстно кѣмъ составленной, напечатанной въ 1892 году въ Москвѣ, подъ заголовкомъ: «Дворцовое царское село Измайлово», говорится, что помѣщеніе для несемейныхъ, одинокихъ, призрѣваемыхъ въ богадѣльнѣ освящено въ 1849 году, въ присутствіи Госу-

даря. Посѣщалъ ли онъ богадѣльню послѣ этого, о томъ ни въ брошюрѣ ничего не говорится, ни въ богадѣльнѣ нѣтъ памяти.

Извѣстно, что такъ называемый холостой корпусъ въ богадѣльнѣ построенъ по плану архитектора Тона и представляетъ трехъ-этажное (кромѣ подвальнаго) зданіе, подпирающее съ трехъ сторонъ храмъ Покрова Богородицы, который воздвигнутъ въ 1679 г. Южная стѣна храма нѣсколько осѣла; по этой собственно причинѣ, для поддержки зданія, и сдѣланы сказанныя пристройки, назначенныя для инвалидовъ. Боковыя пристройки выше задней и имѣютъ крышу на одной высотѣ съ церковною; до верхнихъ этажей въ нихъ болѣе 50 ступенекъ.

Въ одно, не знаю которое, изъ своихъ посѣщеній, покойный Государь осматривалъ богадѣльню въ сопровожденіи Тона. Войдя и спустившись по двумъ лѣстницамъ и поднимаясь на третью (каждая изъ пристроекъ имѣетъ отдѣльный входъ), Государь замѣтилъ, что Тонъ усталъ и запыхался, и приказалъ принести стулъ или что̀ другое, чтобы сѣсть. Принесены были на площадку, при поворотѣ лѣстницы, стулья или табуреты. Государь самъ сѣлъ, приказалъ сѣсть и Тону. Когда этотъ отдохнулъ, Государь сказалъ ему: «Тонъ, мы съ тобою дураки; забыли, что по этимъ лѣстницамъ придется лазить старикамъ». Дѣло было непоправимое, и Тону ничего не оставалось, какъ воспользоваться нагляднымъ, преподаннымъ ему Государемъ, урокомъ, т. е. устроить на площадкахъ лѣстницъ скамейки для отдыха. Впослѣдствіи, впрочемъ, одинъ изъ директоровъ, самъ тяготившійся высотою лѣстницъ для своихъ больныхъ ногъ, подумывалъ было объ устройствѣ подъемной машины, но исполнить это оказалось очень трудно.

—

Система солдатскаго обученія въ Николаевское время сводилась главнымъ образомъ къ развитію въ солдатѣ автоматизма, т. е. на столько привычныхъ движеній и дѣйствій, чтобы они подъ вліяніемъ извѣстнаго стимула (команда и пр.), могли происходить невольно, механически, такъ сказать. Этотъ автоматизмъ и теперь не выброшенъ совершенно изъ военнаго воспитанія солдата ни въ одной арміи, да и не можетъ быть выброшенъ, если желаютъ имѣть армію дисциплинированную. Вмѣстѣ съ тѣмъ, никогда не будетъ дозволено солдату *разсуждать*, потому что разсужденіе мѣшаетъ автоматизму, который создаетъ повиновеніе, составляющее основу дисциплины. При современной техникѣ военнаго дѣла, прежняя система обученія оказалась излишнею въ извѣстныхъ частяхъ своихъ, но въ свое время она была и необходима, и разумна, имѣя смыслъ и въ тихомъ шагѣ въ три

пріема, и въ сложныхъ ружейныхъ пріемахъ. Только смыслъ этотъ понимался не всѣми, а одними лучшими военными умами, которые знали, что̀ нужно отъ солдата при тогдашнемъ вооруженіи. Удовлетворяя требованію отъ него, нашъ солдатъ оставался побѣдителемъ всюду, пока не встрѣтился съ противникомъ, лучше его вооруженнымъ. Но и тогда разумный и чувствующій автоматъ, котораго вырабатывали въ солдатѣ, воевавшій съ голыми почти руками противъ Французовъ, не побѣжалъ отъ нихъ, какъ они сами отъ Прусаковъ въ послѣдствіи. Въ послѣднюю войну мы оказались даже слабѣе вооруженными, чѣмъ Турки, но остались побѣдителями. Все это можно объяснять различнымъ образомъ и даже исключительно національными свойствами или качествами армій; но, по мнѣнію моему, нужно кое - что и немалое оставить на долю воспитанія солдата. Боевыми качествами нашей арміи мы въ значительной мѣрѣ обязаны автоматизму нашего солдата. Правда, принять это не лестно и сознаться въ этомъ непріятно; но война сама по себѣ такое дѣло, которое ничѣмъ не скрасишь и ничѣмъ не очернишь.

Не имѣя надобности здѣсь развивать свою мысль, я желаю только указать, что не слѣдуетъ смѣшивать въ прежней системѣ воспитанія и обученія солдата исполненіе съ идеей. Первое бывало уродливымъ и подъ-часъ совершенно нелѣпымъ и уже совершенно, по своей идеѣ, не нуждалось въ той жестокости, которою сопровождалось. Идея была разумна и цѣлеесообразна и требовала только времени и терпѣнія. Несомнѣнно, что эта идея лучше, чѣмъ кѣмъ либо понималась покойнымъ Государемъ Нилолаемъ Павловичемъ. Ему прекрасно извѣстны были значеніе и сила привычныхъ стимуловъ на привычную дѣятельность человѣка. Существуетъ разказъ о фельдъегерѣ, привезшемъ Государю депеши и тотчасъ же заснувшемъ, отъ утомленія и продолжительной бозсонницы, такимъ мертвымъ сномъ, что его никакъ не могли растолкать и разбудить. Государь взялъ это на себя и разбудилъ спящаго тѣми словами, какими старосты на станціяхъ докладываютъ фельдъегерямъ о лошадяхъ. «Ваше благородіе, крикнулъ ему на ухо Государь, лошади готовы». А? Ѣдемъ! тотчасъ же проснулся и вскочилъ фельдъегерь.

Разсказываютъ о подобномъ же случаѣ въ Петербургской Медицинской Академіи, гдѣ, въ клиникахъ, главный врачъ со всѣми сопровождавшими его чинами очутился въ плѣну у помѣшаннаго солдата. Въ дверяхъ палаты, въ которую вошелъ докторъ для осмотра больныхъ и изъ которой не было другого выхода, помѣшанный сталъ

съ тяжелою оловянною кружкою въ рукѣ, не дозволяя никому выдти. Изъ такого положенія вывелъ и себя, и другихъ находчивый ординаторъ. Онъ направился къ помѣшанному смѣлымъ, начальническимъ шагомъ и скомандовалъ: Смирно, руки по швамъ! не безъ придачи, конечно, крѣпкихъ словечекъ. Тотъ моментально вытянулся, ставши во фрунтъ. Кружка отнята была у него безпрепятственно, и заключенные вышли изъ своей западни благополучно. Слѣдовательно, привычные стимулы для привычныхъ дѣйствій остаются дѣйствительными и у помѣшанныхъ.

—

Генералъ ***, задумавшій переучивать и перевоспитывать семидесятилѣтнюю команду свою, имѣлъ въ составѣ ея и помѣшанныхъ и еще болѣе слабоумныхъ отъ старости. Справляться съ такими субъектами и мнѣ стоило немалыхъ хлопотъ. Одинъ, напр., поставилъ себя на часы предъ портретомъ Государя Николая Павловича, воображая, что охраняетъ его особу, и въ теченіе опредѣленнаго времени расхаживалъ предъ нимъ, какъ настоящій часовой, пока не наступала воображаемая смѣна. Такъ продолжалось нѣсколько дней, въ которые онъ по нѣскольку разъ ставилъ себя на часы, и не было никакой возможности принудить этого добровольнаго часоваго оставить свой постъ ранѣе одному ему извѣстнаго срока. Наконецъ, эта безвредная и въ началѣ потѣшавшая товарищей продѣлка больнаго всѣмъ надоѣла; тогда сказали о ней мнѣ. Наказавши дать мнѣ знать, когда помѣшанный станетъ на часы, я пришелъ къ нему, продѣлалъ по уставу смѣну и объявилъ, что Его Величество Государь Императоръ повелѣлъ этотъ постъ снять и карауловъ къ нему не наряжать. Помѣшанный больше на часы не становился. Другой слабоумный сослужилъ богадѣльнѣ большую службу, рѣшивъ вопросъ, надъ которымъ я безплодно трудился два года. Во всѣхъ помѣщеніяхъ инвалидовъ было очень холодно по зимамъ отъ плохихъ (Амосовскихъ) печей и плохой ихъ топки. Въ лазаретѣ, напр., температура спускалась до 7 градусовъ и ниже; да и это достигалось только тѣмъ, что больные сжигали въ каминахъ за одинъ разъ всѣ отпускаемые для нихъ на сутки дрова, закрывали трубы съ синимъ огнемъ и головешками, чтобы не терялось ничего изъ дорогого для стараго тѣла тепла. Благодаря этому, я каждый день угоралъ въ лазаретѣ, за тѣ два-три часа, которые проводилъ въ немъ, но ничего не могъ подѣлать ни со стариками, ни съ начальствомъ. Послѣднее или отмалчивалось отъ моихъ *докладовъ*, или отмахивалось отъ нихъ, какъ отъ докучливой мухи. Причина этому была уважительная. Незадолго передъ тѣмъ печи поправлялись памятнымъ для богадѣльни смотрителемъ Антипенкой на отпущенныя

на этотъ предметъ деньги, и просить о новомъ ремонтѣ было еще рано. Поэтому начальство принуждено было терпѣть въ лазаретѣ на больныхъ собственные ихъ грязные, иногда состоявшіе изъ однихъ заплатъ, разныхъ фасоновъ камзолы, кацавейки, душегрѣйки и т. п., которые я вынужденъ былъ разрѣшить носить больнымъ, слыша отъ нихъ одно и тоже надоѣдливое: холодно! Особенно назойливъ былъ упомянутый слабоумный унтеръ-офицеръ и Георгіевскій кавалеръ; онъ какъ по этой причинѣ, такъ и потому, что жилъ въ *своей* богадѣльнѣ (*устроенной для насъ нашимъ Николаемъ Павловичемъ*, какъ обыкновенно говорили инвалиды), очевидно имѣлъ о себѣ понятіе превратное, противоположное тому, какое имѣло богадѣленное начальство отъ мала до велика о призрѣваемыхъ, какъ о существующихъ исключительно для этого начальства. Къ тому же, слабоумный инвалидъ и самъ, повидимому, воображалъ себя начальствомъ, кого-то копируя, кому-то подражая въ своей манерѣ держать себя, въ своихъ словахъ и поступкахъ. Такъ и на меня онъ бросался почти ежедневно со стиснутыми кулаками и, скрипя зубами, рычалъ: хо-о-ло-дно! Вѣроятно, это заимствовалъ онъ у кого-нибудь изъ своихъ прежнихъ командировъ. Я обыкновенно не обращалъ вниманія на эти выходки старика и успокоивалъ его, заводя рѣчь о его болѣзняхъ или о чемъ-либо другомъ. Но однажды я говорю ему: «Чтó ты, братецъ, рычишь на меня? Чтó я для тебя могу сдѣлать? Валеные сапоги тебѣ даны, шерстяные чулки тоже, другое одѣяло имѣешь, фуфайка на тебѣ; ну, а больше тепла у меня для тебя нѣтъ. Вотъ ты на директора такъ порычалъ бы; онъ, можетъ быть, и лучше согрѣлъ бы тебя», прибавилъ я безъ всякой цѣли, а такъ, къ слову, и забылъ объ этомъ.

Чрезъ нѣсколько дней *** пріѣхалъ въ богадѣльню, обходитъ лазаретъ и какъ только поравнялся съ слабоумнымъ инвалидомъ, тотъ бросился къ нему, какъ бросался ко мнѣ, съ сжатыми кулаками и зарычалъ свое: хо-о-ло-дно! *** испугался и отскочилъ. Не бойтесь, говорю, в. п—во, не ударитъ». Да что же это такое?—«То, отвѣчаю, чтò мнѣ приходится слышать каждый день. Потрудитесь взглянуть: здѣсь всего семь градусовъ тепла». Послѣ этого печной вопросъ вошелъ въ другую фазу и къ слѣдующій зимѣ разрѣшился ко всеобщему удовольствію.

—

Но нѣкоторыя изъ мѣропріятій, клонившихся къ заведенію въ богадѣльнѣ военнаго фрунтоваго порядка, были менѣе безвредны, чѣмъ отдаваніе чести по новому артикулу. Генералъ пожелалъ имѣть въ богадѣльнѣ барабаны, предполагая вѣроятно устраивать церемоніальные

маршп своей искалѣченной, параличной, глухой и слѣпой командѣ. Эта мысль, однако, если и была у него, не приводилась въ исполненіе. Барабаны били только *зори* и *на кашу*. Одному такому барабанщику приходилось исполнять свою службу въ корридорѣ у лазарета. Потолокъ корридора устроенъ сводомъ, а потому резонансъ былъ оглушительный, и барабанный бой пугалъ больныхъ: спавшіе просыпались въ испугѣ, бредившіе вскакивали и волновались, умирающіе, находившіеся въ агоніи, начинали метаться. Барабанъ дѣйствовалъ на нихъ автоматически, привычнымъ образомъ. Будучи всему этому неоднократно личнымъ свидѣтелемъ, я доложилъ объ этомъ генералу. «Пустое! былъ отвѣтъ. Солдатъ, да чтобы боялся барабана! Что̀ вы толкуете, докторъ?» Пришлось только пожать плечами и замолчать. Но случай меня выручилъ и здѣсь. Чрезъ нѣсколько времени генералъ былъ въ лазаретѣ и, имѣя обыкновеніе послѣ обхода отдыхать въ пріемномъ покоѣ, досидѣлся въ немъ до времени обѣда инвалидовъ. Неожиданный ударъ въ барабанъ заставилъ его привскочить на стулѣ и съ испугомъ спросить: что̀ это?—«Солдаты не боятся барабана», отвѣчалъ я ему его же словами. «Нѣтъ, однако, обратился онъ къ смотрителю: прикажите этому дураку барабанить въ другомъ мѣстѣ».

—

Теперь въ модѣ или въ привычкѣ относиться къ Николаевскому времени своеобразно, какъ къ чему-то тяжелому, трудно переносимому. Между тѣмъ остающіеся въ живыхъ современники сохраняютъ къ покойному Государю искреннія, теплыя и возвышенныя чувства. Сохраняютъ такія чувства и Николаевскіе солдаты, предъ житьемъ-бытьемъ которыхъ приходятъ почти въ ужасъ теперешніе люди. Слушая задушевныя бесѣды Измайловскихъ инвалидовъ объ этомъ житьѣ, богатомъ жестокостями, несправедливостями и обидами, я тѣмъ не менѣе никогда не замѣчалъ у бесѣдующихъ ни злобы, ни ненависти, ни другихъ нехорошихъ чувствъ. Всегда, напротивъ, какъ-то происходило, что въ разсказахъ, послѣ какого нибудь случая съ темнымъ характеромъ, вдругъ являлась въ свѣтломъ изображеніи личность покойнаго Государя, возбуждавшая въ старикахъ-солдатахъ умиленіе и восторгъ или простымъ, добрымъ и милостивымъ словомъ, или поступкомъ высокой справедливости и милости, или царственною доблестью.

Однажды я сказалъ старикамъ, послѣ одного тяжелаго, услышаннаго отъ нихъ разсказа: теперь ничего этого уже нѣтъ; солдату легко служить стало. «Легче-то легче, что̀ про это говорить; только въ наше время лучше было».—Ну?!—«Служба была настоящая, в.-п.-во».

(въ такой чинъ произвели меня инвалиды и упорно продолжали величать имъ, несмотря на мои резоны, что такъ не годится). «Командиры, случалось, обижали; да гдѣ худыхъ людей нѣтъ? За то попадались и такіе, какихъ теперь и въ заводѣ нѣтъ, да и не будетъ. Разговариваютъ, правда, много, только дѣла что-то не видать. Ишь кличку дали: солдатикъ, да солдатикъ! Оловянные, знать, и солдаты-то стали теперь!» И старикъ съ пренебреженіемъ плюнулъ.

— «Бывало, продолжалъ онъ, сдадутъ тебя, лобъ забрѣютъ, матушка тамъ и все прочее повоютъ, какъ надъ покойникомъ. И впрямь, ты и есть покойникъ: Божьимъ да Царскимъ сталъ! Ну, и знаешь, что при своемъ дѣлѣ состоишь. А теперь что̀? Сегодня солдатъ, а завтра оброкъ подавай, да и не казнѣ одной, а тамъ земству какому-то. Для Николаевскаго солдата Царь все одно, что̀ отецъ съ матерью. Заслышимъ бывало смотръ: у всѣхъ одна заботушка, какъ бы Царя порадовать, не огорчить чѣмъ. Пріѣдетъ это, Николай-то Павловичъ, точно солнышко объявится. Поздоровается, голосъ - то одинъ чего стоилъ: такъ на душѣ у тебя и заиграетъ! Знакомаго солдата встрѣтитъ, увидитъ, по имени назоветъ, обласкаетъ... Э, да что вспоминать? Лучше прежде было!»

Прошедшее не возвращается, пережитое не повторяется. Но вѣдь должно же быть что либо такое, что̀ даетъ основаніе такъ говорить, думать и чувствовать. Неужели же все это только старческій консерватизмъ?

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ А. О. СМИРНОВОЙ.

Записки Смирновой (двѣ выдержки изъ нихъ помѣщены въ 4-й и 5-й тетрадяхъ „Р. Архива") цѣнны своею искренностью. Она записывала что́ ей было дорого или что́ казалось достопамятнымъ, не помышляя о читателѣ. Поэтому нечего искать въ нихъ точной связности. Вслѣдъ за страницами о своемъ дѣтствѣ ведетъ она нижеслѣдующій разсказъ, начинающійся съ оборотной страницы 17-го листа въ Щукинскомъ альбомѣ и относящійся уже къ концу 1828 года, именно ко времени послѣ похоронъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, при которой разскащица начала свою придворную жизнь, продолжавшуюся до выхода ея въ замужество въ 1831 г. П. Б.

Въ даль до крѣпости изрѣдка стрѣляли пушки, и слышался какой-то неизъяснимо-грустный гулъ, который сливался съ заунывнымъ звономъ колоколовъ. Le glas de la mort [1]) очень хорошо выражаетъ чувство, которое охватываетъ душу. Тѣло еще простояло три дня въ крѣпости. Потомъ отслужили послѣднюю заупокойную обѣдню, панихиду и опустили бренные останки труженицы въ землю. Печаль и рыданья были неумолчны: плакали и дѣти, и взрослые, и старики [2]).

Осень была сырая и холодная, и рѣшено было, по совѣту врачей, оставаться въ Зимнемъ дворцѣ. Я ѣздила къ Кочетовой [3]) всякій вечеръ на чай. Туда приходили Великій Князь Михаилъ Павловичъ и князь Сер-

---

[1]) Колокольный звонъ по умершимъ.

[2]) Не такой отзывъ слышали мы отъ княжны Варвары Николаевны Репниной, тоже фрейлины высочайшаго двора (ея бабка по отцу, княгиня А. Н. Репнина, была оберъ-гофмейстериной молодой царицы Александры Ѳеодоровны) и дежурившей при тѣлѣ почившей Императрицы. По ея словамъ, безпорядку было вдоволь, и Николай Павловичъ, придя въ необычное время въ залу, гдѣ воздвигнутъ былъ такъ называемый castrum doloris, громко воскликнулъ: „Ну я вижу, что мать мою вовсе не такъ любили!" Похороны состоялись раньше назначеннаго времени.

[3]) Екатерина Николаевна Кочетова, родственница и воспитанница княгини Дашковой, старая фрейлина императрицы Маріи Ѳеодоровны, по желанію которой она потомъ поселилась въ Москвѣ, въ домѣ князя С. М. Голицына, съ его сестрами. Ее обыкновенно звали Кошетъ.—Смирнова тогда жила въ Аничковомъ дворцѣ.

гѣй Михайловичъ Голицынъ. Онъ снималъ свою ленту, и я разъ ее надѣла, какъ вдругъ этотъ старикъ мнѣ сказалъ: Si vous vous mariez avec moi, vous aurez le cordon de S-te Catherine.—«Je le veux bien»[4]), отвѣчала я. Онъ всегда садился подлѣ меня на диванѣ, и Великій Князь говорилъ: Голицынъ, Голицынъ, un doux penchant m'entraîne [5]). Все сказанное въ шутку сдѣлалось скоро для меня горькой истиной. Дѣло въ томъ, что всѣ старухи прочили своихъ внучекъ за богатаго старика. Особенно желала поймать его ** за свою внучку Ольгу Сенъ-При [6]), у которой глаза были какъ плошки, но которая славилась тѣмъ, что картавила и танцовала Французскія кадрили съ вычурными па, шасе, крусцы и подчасъ и па-де-резонъ. Голицынъ приходилъ ко мнѣ до собранія въ 7 часовъ и давалъ мнѣ читать проповѣди митрополита Михаила (предшественника Серафима). Проповѣди были хорошенькія, просты и практичны. Голицынъ подарилъ мнѣ въ червонномъ окладѣ «L'année spirituelle», очень хорошо составленное чтеніе на всякій день: краткая исторія святаго, изреченіе изъ Imitation или Фенелона и Тиссота и постановленіе на весь день. Марья Савельевна [7]) очень апробовала эту свадьбу и говорила: «Иди, матушка! Другой старикъ лучше голопятыхъ щелкоперовъ-офицеровъ. Будутъ деньги, и братишкамъ будетъ лучше; а то они бѣдные свуютъ по Невскому, повадѣлали должишки; а мы вотъ мѣсяцъ должны мужикамъ и въ гостиницу». Эти рѣчи Марьи Савельевны мирили меня съ мыслью идти замужъ за старика и поселиться въ Москвѣ съ пятью старухами его сестрами и съ m-lle Casier. Я переписывалась дважды въ недѣлю съ княземъ Сергѣемъ Михайловичемъ; но свадьба эта не состоялась, потому что жена[8]) ему напомнила, что долгъ платежомъ красенъ: когда въ молодо-

---

[4]) Если вы за меня выдете за мужъ, у васъ будетъ Екатериненская лента.—Весьма этого желаю.

[5]) Т. е. сладостная склонность меня увлекаетъ (вѣроятно это изъ какой нибудь Французской пѣсенки). Въ нашихъ рукахъ были письма великаго князя Михаила Павловича къ князю С. М. Голицыну, въ которыхъ намекалось объ этомъ предполагавшемся странномъ бракѣ. Жившія въ Москвѣ сестры старика-князя пришли въ тревогу отъ такого страннаго намѣренія своего брата и умоляли митрополита Филарета образумить его. Положеніе Московскаго владыки было щекотливое. Послѣ этого А. И. Кошелевъ влюбился въ А. О. Смирнову; но этому браку помѣшала его мать.

[6]) Графиня Ольга Карловна Сенъ-При, племянница славнаго героя 1812 года, вышла потомъ замужъ за князя Василія Андреевича Долгорукова.

[7]) Старшая горничная А. О. Смирновой.

[8]) Проживавшая въ чужихъ краяхъ княгиня Евдокія Ивановна (ур. Измаилова). Князь Голицынъ женился на ней еще 12 Іюля 1799 года и не жилъ съ нею съ 1801 года. Самъ онъ родился въ 1774 году.

сти она просила разводной, мужъ ни за что не согласился, а теперь она не согласилась. Не понимаю, почему она меня возненавидѣла и передала свою ненависть сестрѣ своей Иринѣ Ивановнѣ Воронцовой, запретила своей belle-fille [9]) звать меня на ея балы, что́ лишило меня знакомства съ самымъ пріятнымъ домомъ. Хозяйка была умная и острая шалунья. Окруженная роскошью, она не забывала никогда бѣдныхъ, способна была на самоотверженіе. Ее всѣ любили. Послѣ смерти графа она вышла за Француза графа Poilly, была несчастлива; въ Парижѣ жестоко проболѣла цѣлый годъ. Ее смущали, чтобъ она перешла въ Римскую церковь, но она осталась вѣрна своей православной и скончалась на рукахъ у священника Васильева, въ полной памяти, получивъ утѣшеніе въ исповѣди и причащеніи Святыхъ Таинъ.

Къ концу года Петербургъ проснулся: начали давать маленькіе вечера. Первый танцовальный былъ у Элизы Хитровой. Она пріѣхала изъ за границы съ дочерью графиней Тизенгаузенъ, за которую будто сватался Прусскій король. Элиза гнусила, была въ бѣломъ платьѣ, очень декольте; ея пухленькія плечи вылѣзали изъ платья; на указательномъ пальцѣ она носила Георгіескую ленту и часы фельдмаршала Кутузова и говорила: «il a porté cela à Borodino» [10]). Пушкинъ былъ на этомъ вечерѣ и стоялъ въ уголкѣ за другими кавалерами. Мы всѣ были въ черныхъ платьяхъ. Я сказала Стефани [11]): мнѣ ужасно хочется танцовать съ Пушкинымъ. «Хорошо, я его выберу въ мазуркѣ», и точно подошла къ нему. Онъ бросилъ шляпу и пошелъ за ней. Танцовать онъ не умѣлъ. Потомъ я его выбрала и спросила: quelle fleur?— Celle de votre couleur [12]), былъ отвѣтъ, отъ котораго всѣ были въ восторгѣ. Элиза пошла въ гостиную, граціозно легла на кушетку и позвала Пушкина. Всѣмъ извѣстны стихи про нее Пушкина:

„Лиза въ городѣ жила...“

Къ ней ѣздилъ Вигель, на котораго Пушкинъ [13]) сочинилъ стихи,

---

[9]) Александра Кириловна, ур. Нарышкина (1817—1856), супруга гр. И. И. Воронцова-Дашкова.

[10]) Онъ носилъ это подъ Бородинымъ.

[11]) Фрейльня княжна Радзивилъ.

[12]) Какой цвѣтокъ?—Вашего цвѣта (т. е. цвѣта вашего платья?)

[13]) А. О. Смирнова ошиблась: стихи про Вигеля принадлежатъ тоже С. А. Соболевскому, который говорилъ намъ, что это единственные его стихи, въ которыхъ ему приходилось раскаеваться, такъ какъ они повредили тому, на кого были написаны. Пушкинъ же очень высоко цѣнилъ дарованія Вигеля, хотя тоже зналъ про его слабости. П. Б.

когда онъ осмѣлился порицать Государя Николая Павловича: Вигель-Бригель (сынъ портнаго). А Соболевскій еще лучше отдѣлалъ его:

Ахъ, Филиппъ Филипычъ Вигель, и пр.

Этотъ Вигель оставилъ Записки, которыя напечатали съ пропусками, не знаю почему [14]): у него жолчь безъ злобы и протестъ противъ западнаго напускнаго образованія. Онъ былъ нашъ Русскій Сенъ-Симонъ, человѣкъ умный, способный и принесъ свою лепту на гражданскомъ поприщѣ, особенно по департаменту духовныхъ дѣлъ. Самъ же онъ былъ ревностный православный и всегда съ омерзеніемъ разсказывалъ, что графъ Андрей Разумовскій отвѣчалъ, когда его упрекали, что онъ поздно приходитъ къ обѣднѣ: «Comment! Mais je viens toujours pour le *со страхомъ*» [15]). Вигель былъ въ короткихъ отношеніяхъ съ графомъ Блудовымъ; его умъ и начитанность дѣлали его пріятнымъ собесѣдникомъ. Послѣ смерти императора Николая Павловича онъ вздумалъ приносить свои жалобы. Блудовы его выпроводили со стыдомъ. Такъ какъ я иногда позволяла себѣ порицать Императора въ политическихъ дѣлахъ весьма не кстати, то онъ пріѣхалъ ко мнѣ; но при первыхъ словахъ я его прервала, сказавъ ему: Вы забываете, что Государь былъ мой благодѣтель, и онъ отретировался, поджавъ хвостъ. Въ прежнее время онъ устремилъ свое гнѣвное расположеніе къ Элизѣ, но тамъ былъ сконфуженъ Пушкинымъ, который сказалъ, что проходилъ мимо портнаго Бригеля, et ça rime très bien [16]) avec Вигель. Тогда-то, живя, въ отставкѣ, сей Вигель принялся серьезно за свои записки и украсилъ Русскую литературу портретами, хотя въ каррикатурномъ видѣ.

Послѣ новаго года балы, вечера и концерты участились. Фирсъ Голицынъ [17]) зазвалъ меня въФилармоническую залу, гдѣ давали всякую Субботу концерты. Requiem Моцарта, Création Гайдена, симфоніи Бетховена, однимъ словомъ серіезную Нѣмецкую музыку. Пушкинъ всегда ихъ посѣщалъ. Тогда въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» печатали стихи Трилуннаго. Я сказала Пушкину: «Я увѣрена, что Трилунный здѣсь.— «Конечно: онъ стоитъ въ углу; фамилія его Струйскій». Бѣдный Струй-

---

[14]) Говорится про первое изданіе Записокъ Вигеля. Второе, съ немногими уже пропусками, вышло при „Русскомъ Архивѣ" 1891—1892 годовъ.

[15]) Какъ! Я всегда прихожу къ *со страхомъ*.

[16]) Это хорошо рифмуетъ.

[17]) Князь Сергѣй Григорьевичъ Голицынъ прозванъ былъ такъ потому, что день его рожденія приходился 14 Декабря, на память св. Ѳирса: въ этомъ видѣли намекъ на сочувствіе къ событію 14 Декабря 1825 года, и этого не прощали князю Голицыну, тѣмъ болѣе, что онъ женился на Полькѣ.

скій сошелъ съ ума и умеръ въ Овернѣ въ сумашедшемъ домѣ въ меланхоліи. Довольно и одной луны, а за нимъ водилось три. Впослѣдствіи эти концерты утратили свой серіозный характеръ; серьозные давались у Пѣвчихъ[18]), и въ этой залѣ, музыкальной прародительницѣ классической музыки у насъ, играли придворные артисты и нашъ доморощенный Карлъ Мейеръ. У этого Мейера только были пальцы, но не было души; онъ бралъ такія цѣны за уроки, что его перестали приглашать; онъ завидовалъ Гензельту и старался его топить, когда игралъ съ нимъ Мошелеса или Калькбреннера. Отомстилъ же за Гензельта Листъ: онъ игралъ съ Мейеромъ въ четыре руки, кивнулъ знатокамъ и такъ игралъ, что Мейера какъ бы не было. У Пѣвчихъ сидѣли всегда рядомъ графъ Ларіонъ Васильевичъ [19]), генералъ Шубертъ, братья Віельгорскіе, Крыловъ Иванъ Андреевичъ [20]), Одоевскій, Карлъ Брюловъ; во второмъ ряду сидѣла моя персона Когда пріѣхали Миллеры, наслажденіе и восторгъ достигли до nec plus ultra. Старики только переглядывались и приговаривали: «А помнишь ли, Иванъ Андреевичъ, какъ мы игрывали квартеты Беккарини?» Четыре брата Миллера только смотрѣли на друга и играли самые трудные квартеты Бетховена и старичка Гайдена, словно однимъ смычкомъ: Разъ придворные пѣвчіе пѣли хоромъ «Тебе Бога хвалимъ», чтó кончается: аминь, аминь, аминь. Ермоловъ всталъ и сказалъ: ажно потъ выступилъ на лбу! Такъ тѣсно связаны всѣ искусства, да и наука: Шубертъ былъ великій математикъ. Чего добраго, и Аракчеевъ любилъ музыку, барабанную и пушечную навѣрно.

Лѣто мы по прежнему проводили сперва въ Петергофѣ, куда пріѣзжали Шведскій принцъ Оскаръ и принцъ Карлъ Прусскій. Ѣздили на три дня въ Красное Село на маневры, вечеромъ на зорю. Зрѣлище было великолѣпное; когда солнце садилось, всѣ снимали кивера и пѣли «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ», и потомъ всѣ расходились. Наши комнатки въ Красномъ Селѣ были точно каюты. Обѣдали на Дудергофской горѣ Государь, принцъ Оскаръ и принцъ Карлъ. Послѣдній вздумалъ разъ погладить руку Урусовой; она вспыхнула отъ негодованія. Государь разсердился и сказалъ ему: «Вамъ бы лучше учиться у принца Оскара»; а тотъ отвѣчалъ: ce n'est rien, ce n'est qu'un Prussien[21]). Зимой принца Карла смѣнилъ меньшой братъ импе-

[18]) Т. е. въ Императорской Пѣвческой Капеллѣ.

[19]) Васильчиковъ.

[20]) Въ подлинникѣ здѣсь и ниже ошибочно написано: *Александръ Андреевичъ*.

[21]) Это ничего; это отъ того, что онъ Прусакъ.

ратрицы, принцъ Албертъ. Въ Аничковскомъ дворцѣ начались еженедѣльно балы въ числѣ 100 персонъ. Приглашались министры, для которыхъ разставляли карточные столы; изъ дамъ самыя элегантныя. Императрица стояла и сидѣла у дверей спальни, а возлѣ нея у окна Албертъ со мной, и этотъ п... позволялъ себѣ неприличные шутки и жесты; она кивала головой, а я сердилась не на шутку. Ужинали въ часъ. Государь не любилъ, чтобы поздно танцовали, и послѣ всѣ разъѣзжались. Польку еще не знали, но вальсировали; всѣ помирали со смѣху, когда старый Чернышовъ [22]) пускался, присѣдая на поворотахъ, съ Императрицей, которая нарочно его выбирала въ котильонѣ. Vous dansez comme l'Empereur Alexandre—Mais, Madame, il n'a jamais dansé [23]). Киселевъ и *, эти два Орестъ и Пиладъ, никогда не танцовали и сидѣли въ старческой комнатѣ за зеленымъ столомъ. Киселевъ игралъ спустя рукава; *, напротивъ, игралъ серьезно и на выигранныя деньги одѣвалъ свою богатую супругу. Она была богата, всегда accoutrée [24]), по моему совсѣмъ не хороша, а такъ себѣ: глаза-глядѣлочки... Говорили, что отецъ ея накралъ во время войнъ, бывши Подольскимъ губернаторомъ. Онъ, главное, наживался отъ безмозглыхъ Поляковъ. Они всѣ были болѣе или менѣе замараны въ интрижкахъ. У * жила старуха К. и ея дочь. Фундуклей имъ былъ двоюродный братъ; у него было огромное состояніе. * купилъ галлерею Алексѣя Перовскаго за сто тысячъ и нѣсколько бюстовъ. Онъ давалъ балы и преподлый ужинъ. Тутъ разъ случилась пресмѣшная шутка. Графиня Разумовская пріѣхала очень поздно на балъ. Лакеи спросили у ея лакея: «Откуда ты привезъ свою качучу?» Она разъ танцовала во дворцѣ и очень хорошо. Она тоже давала балы и matinées dansantes très choisies и возбуждала неудовольствія въ томъ обществѣ, въ которомъ ее пригрѣвали послѣ многолѣтняго пребыванія за границей и въ Парижѣ, гдѣ она проживалась и тѣшила Французское общество.

Но возвратимся къ Стефани [25]). Витгенштейнъ [26]) приходилъ уже

---

[22]) Т. е. графъ Григорій Ивановичъ († 2 Января 1831).

[23]) Вы танцуете, какъ императоръ Александръ.—Но, Государыня, онъ никогда не танцовалъ.

[24]) Странно одѣта.

[25]) Подруга Смирновой по Екатерининскому Институту, фрейлина княжна Стефанія Доминиковна Радзивилъ (род. 1809 † 1832), дочь князя Доминика и Теофиліи Игнатьевны Моравской, которая, овдовѣвъ, вышла за А. И. Чернышова (впослѣдствіи князя) и, разойдясь съ нимъ, была въ третьемъ бракѣ за Старжинскимъ.

[26]) Князь Левъ Петровичъ (р. 1799), старшій сынъ нашего фельдмаршала. Его

какъ женихъ, и я по просьбѣ невѣсты пріѣзжала по-прежнему. Привычки и шутки съ Сергѣемъ и Богданкой продолжались. Лисаветка сидѣла, когда женихъ пріѣзжалъ, и это было довольно скучно. Она объявила, что Сергѣй будетъ ея камердинеромъ, и устроили его семейство въ Дрисненскомъ имѣніи, подаренномъ Петербургскимъ купечествомъ послѣ войны 1812 года. Туда послали портретъ Стефани en pied и сундуки съ приданымъ. Опекуны Стефани, князь Любецкій и графъ Грабовскій. Дмитріевъ и Кожухонка должны были купить бриліянты, жемчугъ и серебряный туалетъ. Она прежде уже требовала этотъ послѣдній предметъ, но ей прислали аплике; она его исковыряла и бросила. 1-го Генваря, въ день бала съ мужиками въ числѣ 40 тысячъ [27]), она была въ бѣломъ платьѣ, обшитомъ бѣлыми перьями; а на шеѣ былъ розовый боа; я замѣтила, что этотъ боа очутился въ шляпѣ Витгенштейна, и уходя на верхъ, она не звала меня. Значитъ, слово навѣки было дано. И какъ коротокъ былъ вѣкъ этого милаго существа! Увы, таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ: оно не уживается въ мірѣ слезъ и печали. Свадьба была назначена въ концѣ Февраля, протестантская во дворцѣ, въ присутствіи Императорскаго дома и всѣхъ фрейлинъ, которыя были всѣ въ бѣломъ, и невѣста въ бѣломъ кисейномъ. Потомъ накинули на нее великолѣпный салопъ на черно-бурой лисицѣ, покрытой бѣлымъ атласомъ, и въ четвероместной каретѣ, синей, обитой желтой матеріей, съ двумя лакеями на запяткахъ, они поѣхали въ католическую церковь, гдѣ совершился обрядъ. Великій Князь Михаилъ Павловичъ, какъ ея посаженый отецъ, поѣхалъ въ церковь. Витгенштейнъ былъ тогда въ опалѣ, и Императрица Александра Ѳеодоровна, какъ ни старалась уговорить Государя присутствовать при протестантской церемоніи, не успѣла. Стефани никогда не говорила, но не могла простить этой обиды, и я приписываю ея полонизмъ этому поступку.

Они поселились въ домѣ Гурьева на Фонтанкѣ и открыли домъ, взяли ложу во Французскомъ театрѣ. Поваръ ихъ Lallemand былъ

дочь, княжна Марья Львовна, за княземъ Гогенлоэ, наслѣдница обширныхъ имѣній въ Россіи. Во второй разъ онъ женился на княжнѣ Леонилѣ Ивановнѣ Барятинской, сестрѣ фельдмаршала.

[27]) Балы съ мужиками, т. е. балы въ Зимнемъ дворцѣ, на которыхъ Государь и его семейство встрѣчали Новый Годъ со множествомъ народа, безъ различія чиновъ и сословій. Эти народныя собранія бывали при нашемъ дворѣ испоконъ вѣку и прекратились, кажется, послѣ Польскаго мятежа 1831 года. Преданіе увѣряетъ, что на нихъ никогда не бывало безпорядка. Нѣчто подобное Николай Павловичъ возобновилъ было на Святой недѣлѣ 1839 года, послѣ освященія Зимняго дворца.

лучшій въ Петербургѣ и дѣлалъ des dîners fins [28]). Дипломатическій корпусъ, падкій на хорошій обѣдъ, часто посѣщалъ ихъ домъ; особенно Лагренѐ, Французъ, пустой вѣтрогонъ, почти всякій день тамъ обѣдалъ; изъ товарищей князь Суворовъ, я и Любинька Ярцева, иногда пепиньерка Качалова. И она требовала, чтобы эти господа обходились съ Качаловой, какъ съ дѣйствительнымъ членомъ высшаго круга, катала ее въ своемъ ландо на вороныхъ и брала ее въ театръ. За столомъ стоялъ за ней Сергѣй. Когда ѣли супъ, ей подавали щи съ кашей, она пила брусничную воду со льдомъ; вареники, колтуны, кулебяка, картофель жареный съ лукомъ, составляли ея обѣдъ, а Французской кухни она не касалась. M-r Lallemand огорчался, учился Русской кухнѣ; но она ему не давалась, и на княгиню готовила какая-то кухарка, которой она сама заказывала любимыя блюда. Послѣ Святой они дали маленькій балъ. Стефани уже начала ѣсть воскъ, который у нея отнимали; люстра была освѣщена восковыми свѣчами, и она мнѣ говорила: кажется, я бы полѣзла за этими свѣчами. Эти свѣчи свели ее въ гробъ, заклеивъ ея внутренность. Весною она получила извѣстіе, что ея мать опасно больна у своего отца старика Моравскаго подъ Вильной; они тотчасъ собрались, но поѣхали съ условіемъ, что тамъ не будетъ Безобразова. Они нашли княгиню Радзивилъ въ отчаянномъ состояніи; при ней была Езерская и Felice Антушевичъ, ея побочная дочь. У Моравскаго она терпѣла отъ его любовницы Репемовны или Ремпомовны, которая управляла всѣмъ домомъ. Княгиня просила Стефани дать Сергѣеву [29]) милліонъ ассигнаціями и 500 тысячъ Фелисѣ. Фелиса была въ 8-мъ выпускѣ, но оставалась на нашъ выпускъ. Они очень любили другъ друга, но Фелиса была сдержаннаго характера и ни съ кѣмъ не сближалась кромѣ Стефани. Чья дочь она была, неизвѣстно; многіе говорили, что она дочь Езерской, но никто не зналъ, кто былъ ея отецъ; да никто и не спрашивалъ. Она хорошо училась, но какъ-то скромно, и объ ея достоинствахъ не было разговора. Здоровье Стефани требовало лучшаго климата. Они поселились во Флоренціи, набитой Поляками. Князь Огинскій былъ ихъ домашнимъ человѣкомъ. Флоренція была веселенькимъ городомъ; катаньямъ, театрамъ, баламъ не было конца; пани танцовали мазурку чуть не на перекресткахъ, а объ религіи помалчивали. Тутъ случился въ ихъ домѣ непріятный случай: Полина родила и бро-

---

[28]) Тонкіе обѣды.

[29]) Извѣстный въ наши дни высокообразованный слѣпецъ, пріятель князя А. И. Барятинскаго.

сила бѣднаго младенца въ отхожее мѣсто. Наѣхала полиція; ее съ трудомъ отстояли, но для Стефани что-то невыносимое было въ присутствіи Полины; она ее отослала и дала ей 10.000 ассигн. Каролина говорила, что ей было душно въ спальнѣ, когда Полина была съ ней. Она вздохнула послѣ ея отъѣзда; впрочемъ, онѣ никогда не ладили. Изъ Флоренціи они поѣхали въ Эмсъ, тамъ нашли стариковъ Витгенштейновъ. Конецъ бѣдняжки въ 22 года жизни; она не страдала, а только кашляла и слабѣла. Разъ вечеромъ она надѣла розовое атласное платье, обшитое бѣлыми кружевами и чепчикъ съ розовыми цвѣтами, закашлялась, просила мужа сдѣлать un lait de poule [30]) и, не проглотивъ ложечки, склонила голову на плечо мужа и умерла.

Et rose, elle a vécu ce que vivent les roses:
L'espace d'un matin [31]).

Въ отчаяніи отправился бѣдный вдовецъ съ двуми дѣтьми, Машей и Петромъ. Малолѣтки не чувствовали, чего лишились и ласкали неутѣшнаго отца, когда онъ заливался горькими слезами. По пріѣздѣ онъ тотчасъ меня навѣстилъ и привезъ мнѣ цвѣты съ ея могилы. Не дремала и Любинька Суворова; ей достались бриліянты съ умершей ея подруги, которую она преслѣдовала своей притворной преданностію. Богъ съ ней, съ этой вѣроломной женой, неблагодарной дочерью и дурной сестрой, несправедливой матерью! Императрица Александра Ѳеодоровна была совершенно обольщена этой коварной дѣвкой: намъ еще доставалось въ Петергофѣ за нее, когда она, не сказавши никому ни слова, ѣздила верхомъ съ Суворовымъ, будто бы мы нарочно отказывались съ ней ѣздить; странно было, что Потоцкій ее раскусилъ и никогда съ ней не говорилъ.

Въ это лѣто пріѣхалъ Поццо-де-Борго, нашъ посолъ въ Парижѣ. Вечеромъ мы ѣздили на Бабьи Гоны, гдѣ Государь дѣлалъ маневры кадетамъ. Государыня сидѣла на соломенномъ стулѣ, а я на бревнахъ, которыя готовили на постройку какой-то бесѣдки; рядомъ со мной Поццо. Она его представила мнѣ, какъ бывшей ея фрейлинѣ, и Поццо сказалъ: Y-a-t-il longtemps que mademoiselle vous a quitté? [32]) Государыня разсмѣялась, потому что я ужъ была на сносяхъ. Поццо былъ высокій, плотный старикъ, говорилъ прекрасно по-французски; онъ ненавидѣлъ Наполеона, жилъ до сего времени въ Англіи, гдѣ нашелъ еще болѣе не-

---

[30]) Сырое взбитое яйцо съ сахаромъ.

[31]) И роза, она жила сколько живутъ розы: только въ продолженіи утра.

[32]) Давно ли дѣвица эта отъ васъ отошла?

нависти къ завоевателю; тамъ дѣтей пугали его именемъ и говорили: if you will be naughty, Bony will take you [33]).

Послѣ революціи 30-го года Поццо былъ назначенъ въ Лондонъ. Вся партія Faubourg St. Germain упрекала нашего посла и говорила, что онъ въ день революціи зашибъ милліонъ [34]). Лондонъ былъ для него родъ ссылки. Киселевъ былъ секретаремъ посольства. Послѣ обѣда Поццо, стоя, грѣлся у камина, вдругъ сталъ опускаться и, наконецъ, упалъ; послали за докторомъ, но ударъ былъ нервный, и съ этого дня началъ онъ завираться. Онъ умеръ въ Алжирѣ, оставивъ огромное состояніе своему племяннику Карлу Поццо, который женился на дѣвицѣ Crillon, красавицѣ, но совершенной куклѣ. Они живы и теперь еще, даютъ балы самые модные; не знаю, кому достанется это состояніе, потому что они бездѣтны. Послѣ него назначенъ былъ графъ Петръ Петровичъ Паленъ, рыцарь, сѣдой какъ лунь, высокаго роста, блѣдный и вселяющій къ себѣ невольное уваженіе. При немъ былъ Курлянецъ графъ Павелъ Медемъ, очень умный студентъ Геттингенскаго Университета, а первымъ секретаремъ былъ Николай Кисселевъ. Николай Паленъ и Шёпингъ жили въ Парижѣ; послѣдній только и зналъ, что сплетничалъ. Говорили, что въ Парижѣ очень весело, и балы très raffinés [35]). Попробовала я ихъ raffinement. M-lle Delmon позвала меня на вечеръ, въ концертной комнатѣ, будто необычно устроенной; хорошъ же былъ вечеръ: трехперсонное собраніе, какъ изъяснялись придворные лакеи. Кити Габріякъ и я. Кити послѣ многихъ лѣтъ встрѣтила меня словами: Сашинька, а я отвѣчала: Кити, à qui êtes vous mariée? Où est Adèle.—Adèle est à Rome à Trinita del Monto, religieuse. «Sic transit gloria mundi», подумала я. Стихи Пушкина къ прелестной пятнадцати-лѣтней дѣвочкѣ Адели:

Играй Адель,
Не знай печали,
Хариты, Лель
Тебя вѣнчали
И колыбель
Твою качали.

Адель жила тогда съ матерью Давыдовой, рожденной Граммонъ, въ Каменкѣ, тогдашнемъ rendez-vous Польскихъ магнатовъ и веселій всякаго рода. И Пушкинъ съ Кавказа съ Раевскими тамъ жилъ нѣсколько мѣсяцевъ. Хороши же были лучшіе годы цвѣтущей Адели за

[33]) Если будешь вести себя дурно, Боней (т. е. Бонапартъ) возьметъ тебя.

[34]) Т. е. игрою на биржѣ.

[35]) Утонченность.

рѣшеткой въ монастырѣ. Голыя стѣны, на завтракъ minestra Итальянская, т. е. соленая вода съ вермишелью, а pour distraction[36]) упрямыя и капризныя дѣти, которыхъ посвящали въ тайны грамматики и Римской bigoterie, т. е. Русскаго ханжества. Эта Адель была потомъ въ Парижскомъ Sacré-coeur; вздумала сдѣлаться игуменьей и, наконецъ, къ великому скандалу благороднаго Faubourg St. Germain, бросила le froc aux horties [37]) и теперь неизвѣстно гдѣ живетъ съ двоюродной сестрой Кити Кудашевой. Кудашева ѣздитъ съ горбатой lady Caroline и архиправославная. Ея леди закупила кучу лампадокъ и подарила ихъ своей матери; на страхъ этой барыни ихъ зажигали въ Торкеѣ въ мою бытность въ этомъ красивомъ и миломъ уголкѣ, гдѣ я провела столько пріятныхъ годовъ, послѣ эмансипаціи, ради экономіи.

Въ Англіи все своеобразное. Напримѣръ, пріѣзжіе ждутъ прежде визита туземцевъ и отдаютъ на другой день; затѣмъ слѣдуютъ diners, partys, т. е. зовутъ la crême de la société [38]) знакомиться съ нимъ. Мы пріѣхали съ тріумфомъ, съ outrider [39]), съ курьеромъ и остановились въ Royal Hôtel, разсчитались съ нашимъ дорогимъ проводникомъ, который навралъ, что мы чуть ли не царской фамиліи. Мы начали искать квартиру, встрѣтили Шулепникову съ дѣтьми и miss Spencer. Они намъ указали Enfield, рядомъ съ ними; мы оглядѣли и тотчасъ рѣшились ее взять. Хозяинъ и хозяйка были достаточные люди; она была нашей кухаркой и прекрасно готовила, а house-maid была Jane Howe [40]), которая впослѣдствіи была моя дѣвушка въ теченіе 15 лѣтъ. Великая Княгиня [41]) жила тогда въ Торкеѣ, позвала меня на чай въ Babbicombe, прелестное мѣсто на берегу моря. Всѣ сидѣли на камушкахъ; волны умирали у нашихъ ногъ. Ея дѣти играли съ Ольгой и Надей. Маруся была уже большая дѣвочка, Hélène нянька носила на рукахъ. Великая Княгиня назвалась ко мнѣ на чай, въ Субботу. Это немалая забота. Treeby отправился тотчасъ въ лавки, принесъ хлѣбъ, масло, сливки, Devonshire-cream [42]). Къ 8 часамъ я созвала Русскихъ, кромѣ

---

[36]) Для развлеченія.

[37]) Бросила монашество; буквально: бросила рясу въ крапиву.

[38]) Сливки общества.

[39]) Кучеръ сидящій не на козлахъ, а верхомъ, на одной изъ лошадей.

[40]) Бывшая гувернантка у Рюминымъ. А. О. Смирнова чрезмѣру ей довѣрялась.

[41]) Марія Николаевна.

[42]) Въ родѣ нашего вареника.

Друцкой. Кити Шулепникова такъ была хороша, что Великая Княгиня невольно мнѣ сказала: comme elle est encore jolie! Spencer оставалась съ дѣтьми. Елена, старшая дочь, обѣщала быть красавицей, но не сдержала слова и вышла болѣзненная и толстая, неповоротливая дѣвушка. Великой Княгинѣ понравился мой вечеръ. Она пріѣхала послѣ купанья въ морѣ, и тотчасъ подали чай съ густыми сливками; она спросила: D'où avez vous la crème et le beurre? Je ne parviens pas à en avoir du bon[43]...... Великая Княгиня пріѣзжала въ миджѣ [44]) Стокса, моего кучера, очень вѣрнаго и трезваго человѣка, который никогда не приписывалъ на счетахъ. Ему платили аккуратно всякую Субботу. Дѣти Великой Княгини жили въ Apsley-house, у обманщика Маркети. Дороговизна была ужасная: съ Сергѣя и Юрія по фунту въ день. Когда Великая Княгиня переѣхала въ Villa Syracusa, ихъ перевели къ m-rs Ward... Она позвала насъ обѣдать; столъ былъ скверно накрытъ, никакого украшенія, три вазы, гдѣ лежали скверные персики, дрянной виноградъ; обѣдъ довольно плохой, и подавалось въ одно блюдо, такъ что на послѣднихъ попадало все уже холодное. Вечеромъ мы составляли вистъ или ералашъ. Мальчиковъ засадили за уроки. Пріѣхалъ изъ Лондона священникъ Поповъ, а гувернеромъ ихъ былъ Ребиндеръ.

Судьба этого прекраснаго добродѣтельнаго человѣка замѣчательна. Оставшись круглымъ сиротой, онъ былъ помѣщенъ самимъ Государемъ въ Александровскій корпусъ въ Царскомъ Селѣ, оттуда въ 1-й Кадетскій корпусъ и, какъ отличный ученикъ, поступилъ въ Преображенскій полкъ на Милліонной. Не имѣя ровно ничего, онъ искалъ совѣта, какъ жить, не дѣлая долговъ, и адресовался къ брату моему Александру. Онъ мнѣ самъ говорилъ: «Я ему обязанъ и его совѣтамъ, что сдѣлалъ карьеру и удостоился быть наставникомъ этихъ дѣтей, по указанію самого Императора. Теперь онъ женатъ на Кочубеевой, которая счастлива, но болѣзненна; онъ генералъ-адъютантъ, но получилъ безсрочный отпускъ. Со слезами говорилъ онъ мнѣ о старшемъ сынѣ Николаѣ, который подавалъ столько надеждъ.....; а я не разъ упрекала Сергѣя за его неосторожныя слова и порицанія старшаго брата. Юрій, тотъ ничего не говорилъ, онъ только занимался въ конюшнѣ съ лошадьми и Англійскими мохнатыми собаками...

---

[43]) Откуда берете вы сливки и масло? Я не добьюсь хорошихъ.

[44]) Небольшая на четырехъ колесахъ коляска для четверыхъ съ выпуклыми крышами спереди и сзади.

ЖУРНАЛЪ БІОГРАФИЧЕСКІЙ МОЕЙ ЖИЗНИ.

1785 г. Ноября 24-го дня, въ Екатерининъ день, родился я въ селѣ Чижовѣ (мѣстѣ рожденія свѣтлѣйшаго князя Потемкина) отъ его родного племянника.

1788 г. Взятъ я моего отца родною теткою Еленою Андреевною Огонь-Догоновскою, которая меня чрезвычайно любила и мнѣ на имя моего родителя завѣстила село Сороколенскія Липки.

1792 г. Столь отчаянно былъ боленъ апостемою на груди, что лѣкарь не полагалъ мнѣ болѣе шести часовъ жизни, и получилъ чудесное исцѣленіе отъ заячей шкурки, данной простою крестьянкою.

1794 г. Отправленъ былъ въ науку къ родному брату моего отца, который не отличалъ меня отъ своихъ дѣтей.

1795 г. Продолжалъ мою науку у матери моей въ сельцѣ Ступинѣ.

1796 г. Взятъ моимъ родителемъ и былъ въ Кіевѣ.

1797 г. Продолжалъ мое образованіе въ его деревнѣ Чижовѣ.

1798 г. Жилъ и воспитывался при родителѣ моемъ въ Петербургѣ.

1801 г. Сентября 15-го день коронаціи Александра I-го, въ Москвѣ, гдѣ я при родителѣ моемъ находился.

1802 г. Марта 13-го вступилъ въ службу въ Санктъ-Петербургскій драгунскій полкъ унтеръ-офицеромъ, коего шефомъ былъ мой двоюродный дядя генералъ-маіоръ Павелъ Энгельгардтъ, кварт. въ Дорогобужѣ. Апрѣля 27 переименованъ юнкеромъ.

1803 г. Въ Ноябрѣ и Декабрѣ, по дѣлу шефа моего дяди, противъ котораго полковой командиръ интриговалъ, я, по усердію моему, возбудилъ обиденнаго имъ товарища юнкера Прутченка къ доносу, къ чему и другія обстоятельства соединились, который кончился величайшею непріятностію для Дехтерева, и Прутченко былъ разжалованъ въ рядовые, а Дехтереву отказано было командованіе полкомъ.

1804 г. Въ Маѣ съ полкомъ ходилъ на маневры въ Смоленскъ.

Въ Іюнѣ переведенъ ошибочно въ Кавалергардскій полкъ; ибо насъ юнкерами въ Санктъ-Петербургскомъ драгунскомъ полку было

двое однофамильцевъ, а какъ первый былъ отправленъ съ ремонтными лошадьми въ тотъ же полкъ, то полагали, что меня требуютъ.

Іюля 31, по личной просьбѣ отъ князя Багратіона къ Императору, переведенъ въ гвардейскій егерскій баталіонъ.

Въ Сентябрѣ ходилъ съ полкомъ на большіе маневры въ Петергофъ.

Декабря 2 произведенъ портупей-юнкеромъ.

Жилъ во все время службы моей въ домѣ князя Багратіона, который меня, по способностямъ моимъ, познаніямъ, проворству, а равно по шалостямъ и протчимъ дерзкимъ поступкамъ сколько любилъ, столько и ненавидѣлъ: я былъ имъ четыре раза арестованъ, какъ за причиненную другимъ лицамъ дерзость, а равно за проказы моей молодости и имѣлъ двѣ интриги, изъ которыхъ по одной чуть не долженъ былъ жениться.

1805 г. Гановерскій походъ.

13-го произведенъ подпоручикомъ въ 20-й егерскій полкъ, единственно по желанію моему скорѣе имѣть офицерскій чинъ.

8-го назначенъ въ шефскіе адъютанты онаго полка къ генералу-маіору князю Шаховскому.

Выступленіе полка изъ Охты въ Софію, гдѣ я много шумѣлъ.

Присутствіемъ моего духа, на пути моемъ изъ Петербурга въ Софію, въ лѣсу Царскосельскомъ, принудилъ бѣжать напавшихъ на меня ночью двухъ разбойниковъ.

Выступленіе полка изъ Софіи въ Ораніенбаумъ чрезъ Стрѣльную мызу. Прибытіе онаго въ Ораніенбаумъ. На мелкихъ транспортныхъ судахъ амбаркированье онаго на военные корабли, находящіеся близъ Кронштадта къ приготовляющейся експедиціи противу Ганювера.

Мои проказы въ городѣ Кронштадтѣ по новому моему знакомству съ морскими офицерами.

Отходъ корабля Св. Януарія, на которомъ я находился съ моимъ шефомъ.

Мореплаваніе по Балтійскому морю мимо острововъ Даго и Борнгольмъ къ острову Ругену, во время котораго я отъ скуки занялся безпрестанною игрою и проигралъ всѣ мои деньги.

Жестокая буря, въ которой четыре роты нашего полка, отправленныя къ десанту на берегъ Шведской Помераніи, претерпѣвъ бѣдственную опасность, избавляются тамошними жителями и лоцманами, а корабль командира Трескина становится на мель и послѣ немаловременныхъ трудовъ освобождается.

Бѣдственный со мной случай въ то время, какъ я, всходя на корабль, повисъ на веревкѣ и былъ въ опасности утонуть въ морѣ.

Выгрузка на пристань Пертскую и ночлегъ мой въ Гринвалдѣ.

Квартира въ Людвигсбургѣ; чувствительный и благородный мой поступокъ съ прекрасною дочерью хозяина замка, барона фонъ-Клинкёвштрема.

Проходъ полка по Шведской Помераніи черезъ деревню.

Городъ Гримъ.

Городъ Трибзее, гдѣ я, какъ молодой адъютантъ, въ полной мѣрѣ старался изгнать сердечную мою любовь, которою я заразился въ Людвигсбургѣ. Проходъ чрезъ Мекленбургскій Пассъ (тинистое водяное болото).

Приходъ полка въ городъ Гноенъ, гдѣ я, хотя себя показать, упалъ на всемъ скаку съ потыкливой моей лошади, вывихнулъ себѣ ногу и не смотря на боль пригласилъ тамошнихъ дамъ ночью расхаживаться по грязнымъ улицамъ и сдѣлалъ страшную дерзость въ одномъ купеческомъ домѣ.

Приходъ полка въ городъ Гюстровъ.

Смотръ на равнинѣ при Панцовѣ, представленный генераломъ-маіоромъ графомъ Остерманомъ-Толстымъ герцогу Мекленбургскому.

Завтракъ генералитету, штабъ и оберъ-офицерамъ, обѣдъ и порція рядовымъ.

Герцогъ своею любезною и привѣтливою оригинальностью, герцогиня его жена важною холодностью, а Шарлота томно-важною красотою отличались.

Пребываніе въ Шверинѣ, представленіе герцогу и его фамиліи, любовныя проказы со мною; приключеніе между мною и самимъ герцогомъ, самое забавное приключеніе между мною же и офицерами нашего полка; прекрасныя женщины.

Гольденбоо, гдѣ мы для приготовляемой переправы черезъ рѣку Эльбу должны были простоять болѣе недѣли; на досугѣ нашемъ, я имѣлъ ссору и дѣло съ офицеромъ нашего полка М. и два раза пировалъ въ Цюрѣ у премилыхъ хозяйскихъ дочерей.

Бойценбургъ. Очаровательная красота Каролины, дочери тамошняго оберъ-ландрата, довела мена и моего товарища Молера къ самымъ чувствительнымъ восторгамъ умиленія, и заманчивая надежда не оставляла насъ посреди самой рѣки Эльбы, гдѣ въ сопровожденіи прекраснѣйшей и всего города мы на двѣнадцати большихъ купеческихъ судахъ переправились на берега Гановерскаго электорства, для освобожденія котораго нашъ десантный корпусъ былъ назначенъ.

Г. Блекеде, гдѣ мы проводили дни наши въ нѣгѣ и роскоши, а притомъ и въ безполезномъ желательствѣ воспользоваться обманчивою благосклонностію поважной супруги тамошняго бальи господина Вензее; бывшая дѣвица Бушъ, племянница неустрашимаго Гомерштейна и умнаго Вальмодена.

Г. Люнебургъ. Тамъ я въ первый разъ увидѣлъ главнокомандующаго нашимъ десантнымъ корпусомъ генерала Толстаго. Это былъ придворный человѣкъ, котораго разумъ весьма былъ ограниченъ; тамъ я, у него отобѣдавъ, былъ въ театрѣ и въ темной вечеръ, когда я спѣшилъ въ Гейлигенталь, при проѣздѣ одного лѣса, по мнѣ два раза выстрѣлили изъ онаго, такъ что я долженъ былъ пришпорить моего Пегаса. Полкъ проходилъ самую скупую и гнилую полосу Люнебургскаго герцогства.

Тамошняя гейда, по бывшей въ то время дождливой осени, была для меня весьма замѣчательна; опасный переходъ чрезъ оную, гдѣ рыхлая земля безпрестанно подгибалась подъ ногами, и пространство неизмѣримое, покрытое въ то время водою, родило въ насъ туже самую опасность, какъ и отшествіе Израильтянъ по Чермному морю изъ Фараонова царства.

Гемелингенъ. Тамъ я познакомился съ генералъ-маіоромъ Кожинымъ, остроумнымъ, забавнымъ и распутнымъ человѣкомъ, да съ шефомъ ѣздилъ въ   къ дежурному маіору Воронцову, котораго благоразуміе, ученость, кротость основаны были на скрытой скромности *).

Г. Ретенъ на рѣкѣ Аллерѣ, на брегахъ которой Карлъ Великій по капризу перерѣзалъ беззащитныхъ Саксонцевъ, не поколебавъ къ законамъ и вѣрѣ своего отечества. Тамъ тоже имѣлъ я случай быть распутнымъ.

Г. Ніенбургъ. Занявши все пространство Гановерскаго электорства до самого Везера и не находя нигдѣ непріятеля кромѣ крѣпости Гомельнъ, которою нельзя было овладѣть вооруженною рукою, нашъ полкъ былъ отряженъ къ авангарду для дальнѣйшаго наступленія и занятія странъ примежныхъ къ Голландіи.

М. Либенау. Чудесная моя интрига съ сумасшедшею отъ любви обладательницею баронессою фонъ Габр., которая требовала потомъ, чтобы я на ней женился.

М. Зулингенъ. Тамошнія дамы весьма благопріятны къ нашимъ офицерамъ. Матильда дочь почтмейстера; затѣянный нашего полка офицерами балъ, для котораго мы не щадили ни денегъ, ни волокитства нашего.

*) Это будущій князь фельдмаршалъ Михаилъ Семеновичъ. П. Б.

Извѣстіе о потерянномъ сраженіи подъ Аустерлицомъ останов-ляетъ дальнѣйшее наше наступленіе къ Голландіи.

1806 г. Обратный походъ изъ Гановера въ Россію.

Г. Ніенбургъ.—Картежная игра у моего шефа; я выигрываю 600 червонцевъ, изъ которыхъ 100 лишаюсь на вѣрномъ проигрышѣ въ вертюнъ. Роскошь, нѣга и распутная моя жизнь въ семъ городѣ лишаютъ меня не только денегъ, но и временнаго здоровья.....

Десантный корпусъ, назначенный для обратнаго обладанія Гановерскаго курфюрства, сдѣлавъ десантъ въ Шведской Помераніи, употребивъ немалое время къ приготовленію себя къ дальнѣйшему наступленію чрезъ сію область, герцогство Мекленбургское, вошелъ въ сіе электорство безъ всякаго сопротивленія; ибо находящійся въ Гановерѣ маршалъ Бернадотъ, оставя въ неприступной крѣпости Гомельнъ 4000 гарнизона, съ своею арміею въ 32000, по плану предложенному Наполеономъ, оставивъ сію землю, быстрыми маршами шествовалъ къ Баваріи и, наруша входомъ въ герцогство Аншпахское нейтралитетъ съ Прусскимъ дворомъ, зашелъ въ тылъ внезапно окруженному уже при Ульмѣ Маку и симъ маневромъ не только лишилъ его послѣдняго способа выбраться въ наслѣдственныя Австрійскія области, но, будучи уже подкрѣпленъ, сверхъ своихъ силъ, корпусомъ Мармона по превосходнымъ силамъ своимъ не позволилъ слабому корпусу Кутузова выручить Австрійцевъ. А посему Гановеръ, будучи предоставленъ намъ, безо всякаго сопротивленія былъ занятъ, крѣпость Гомельнъ блокирована, и соединенныя Россійско - Англійско-Прусскія войска, въ силахъ 60,000, намѣревались идти противъ Голландіи, гдѣ соберется въ 15,000 (уже подъ командою Людовика Бонапарта и маршала Брюна) корпусъ, котораго, до прибытія новыхъ подкрѣпленій, не только было удобно разбить, но и завоевать Нидерланды, какъ полученное извѣстіе о потерѣ Аустерлицкаго сраженія и обратномъ отступленіи въ Россію главной нашей арміи, всеконечно разрушило дальнѣйшія наши замыслы, и мы получили повелѣніе очистить Гановеръ, идти чрезъ герцогство Мекленбургское и Прусскія владѣнія и вступить въ отечественные предѣлы наши.

М. Золтау, гдѣ я, увидя прекрасныхъ дочерей хозяина, отъ радости напился пьянымъ съ ихъ родителемъ.

1806 г. На редутѣ въ Молодечнѣ шулерамъ проигрываю большую часть моихъ денегъ.

До города Минска за двѣ станціи за грубость бью смотрителя и обнаженною саблею разгоняю почталіоновъ, которые хотѣли меня связать.

Въ Петербургѣ явился на службу къ полковнику графу Сентъ-Пріэ.

Былъ боленъ жестокою горячкою, отъ которой выпользованъ докторомъ Бартоломеусомъ.

1807 г. Прусская кампанія противъ Французовъ.

По случаю вновь открывшейся войны съ Наполеономъ съ повода нашего союза съ Прусскимъ дворомъ, котораго воинство еще прошедшаго года претерпѣло всеконечное пораженіе подъ Іеной и Ауэрштетомъ, послѣ чего всѣ отдѣльные корпуса принуждены были сдаться побѣдителямъ. Берлинъ былъ взятъ, и всѣ области Бранденбургской монархіи завоеваны за исключеніемъ только Прусскаго королевства, и побѣдитель прорвался уже къ Польшѣ, занялъ Варшаву и былъ остановленъ въ своихъ быстрыхъ успѣхахъ благоразумнымъ Бенигсономъ при Пултускѣ, а впослѣдствіи на его поискѣ къ Кенигсбергу при Прейсишъ-Эйлау симъ-же полководцемъ. Но какъ напряженіе и великіе способы Наполеона въ предотвращеніе великихъ его замысловъ требовали съ нашей стороны неусыпной и ускорительной дѣятельности и пожертвованія, то кромѣ народнаго ополченія по предѣламъ отечества нашего, составлявшаго по смѣтѣ до 612,000, мудрый и благодѣтельный нашъ Государь Александръ I-й употребилъ и свои ополченія къ укрощенію дерзостнаго завоевателя, отправился самъ въ армію, и вся гвардія выступила къ Прусской границѣ, въ числѣ которой гвардейскій егерскій полкъ составлялъ авангардъ оной.

Г. Нарва. Неспособность моя къ фронтовой парадной службѣ во всемъ своемъ видѣ обнаруживается на бывшемъ разводѣ въ семъ городѣ.

Я на досугѣ осматривалъ мѣста сраженія, гдѣ въ 1700 году быстрый Карлъ XII съ 8000 на-голову побилъ 80000 необразованныхъ моихъ соотечественниковъ, а равно и заглянулъ на знаменитый водопадъ, находящійся версты за три отъ города; а при томъ въ клубѣ я сдѣлалъ шумную исторію съ Нѣмцами, которые не могли меня побѣдить угрозами жаловаться полковнику.

Вольмаръ. Собраніе по случаю прибытія нашего полка въ сей городъ. Картежная игра удерживаетъ меня и моего сотоварища Св. болѣе двухъ дней до отбытія полка.

Митава, гдѣ я видѣлъ изгнаннаго фамиліи Бурбоновъ старшаго, нареченнаго Людовикомъ XVIII, который присутствіемъ своимъ привѣтствовалъ нашъ полкъ при входѣ въ городъ.

Г. Рига, гдѣ занимался однѣми только картами съ моими собратіями и, проигравшись, разсматривалъ сей любопытный купеческій городъ.

Отъ города Шавли за два перехода къ Юрбургу имѣлъ я странную и дерзкую исторію съ помѣщикомъ, ротмистромъ народовой гвардіи, Р.

Вступленіе въ Прусскіе предѣлы чрезъ рѣку Нѣманъ. Переходъ чрезъ оную по причинѣ недавняго замерзанія оной былъ весьма опасенъ; люди переходили на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго по одиночкѣ, а всѣ полковыя тягости и обозъ переправили на постланныхъ доскахъ по замерзшему только за два дня Нѣману.

Г. Аленбургъ, гдѣ находилась главная квартира командующаго гвардіею Цесаревича Константина. Нашъ полкъ расположенъ былъ кантониръ - квартирами впереди прочихъ; на меня возложена была съемка окрестностей, занимаемыхъ нашимъ баталіономъ, что̀ я чрезъ два дня съ успѣхомъ и выполнилъ.

Позиція въ боевомъ порядкѣ предъ Гейльсбергомъ, по нѣкоторымъ маловажнымъ движеніямъ непріятеля въ авангардѣ, умышленно сдѣланнымъ къ обращенію нашего вниманія на сіи фальшивыя демонстраціи, чтобы отвлечь наше бдѣніе отъ Данцига, который непріятель началъ усиленно добывать. Главнокомандующій, почтя оное дѣйствительнымъ, собралъ въ нарочно приготовленной позиціи всю армію, какъ будто уповая, что непріятель будетъ столь безуменъ, чтобы атаковать его въ столь приготовленномъ мѣстѣ.

Нашъ полкъ занималъ шанцы предъ главною батареею на лѣвомъ флангѣ предстоящаго лѣса, въ которомъ на аванпостѣ находилась рота нашихъ егерей, и мы въ лѣсной хижинѣ съ собравшимися знакомыми инополчанами, въ ожиданіи непріятеля, безпечно пьянствовали и за здоровье другъ друга ура̀кались на воздухѣ.

Когда движенія непріятеля оказались обманными, и обоюдные авангарды въ окрестностяхъ Лаунау остались на прежнихъ мѣстахъ, то главнокомандующій, котораго цѣль только состояла навести непріятеля на Гейльсбергскую позицію, не почелъ нужнымъ изнурять армію безполезными батальными биваками и попрежнему распустилъ воинство по кантониръ-квартирамъ.

Вся гвардія для соблюденія карауловъ Императорской квартиры въ Бартенштейнѣ расположена была позади всей арміи по квартирамъ за милю отъ Бартенштейна къ Гейльсбергу.

Неспособность моя къ парадной фронтовой службѣ избавила меня отъ карауловъ, и я праздность мою проводилъ не безъ занятія. Немаловажная картежная моя игра съ подобными мнѣ товарищами служила пріятнѣйшимъ временемъ въ моихъ досугахъ.

Множество бекасовъ, которыми отличались наши окрестности, было причиною немаловажной тревоги. Артельный мой собратъ, по

пристрастію своему къ сей охотѣ, съ нѣкоторыми искусными въ мѣткости егерями въ одинъ вечеръ завелъ по нимъ препорядочную перепалку, которую близъ расположенныя роты приняли за сущую войну, подняли тревогу и распространили свою готовность звукомъ барабановъ по всему полку, пока не узнали, что дѣло завелось съ бекасами, за чтó полковникъ Сентъ-Пріэ далъ каждому изъ зачинщиковъ по прекрасному выговору.

Когда оборонительныя предосторожности Бенигсона доставили Наполеону всѣ удобнѣйшія средства и время завладѣть важною крѣпостью Данцигъ и плѣнить охраняющій оную изъ 16.000 гарнизонъ подъ командою Калькрейта и нашего храбраго князя Щербатова: то, дабы вознаградить столь важную потерю, главнокомандующій рѣшился, наконецъ, воспользоваться удаленіемъ важныхъ непріятельскихъ силъ подъ Данцигомъ, до прибытія которыхъ онъ надѣялся быстрымъ движеніемъ внезапно не только остановить, но и обхватить авангардный корпусъ маршала Нея и Сульта и, поразивши сію первую линію Французской арміи, напасть на слабѣйшія силы Наполеона подъ Остеродомъ и, такимъ образомъ наивыгоднѣйше перемѣнить оборонительныя мѣры свои на удачную наступательную операцію. Столь превосходный планъ, могущій замѣнить потерю Данцига неоднократнымъ пораженіемъ Наполеоновыхъ полчищъ, могъ бы сдѣлать благопріятный переворотъ критическимъ обстоятельствамъ угнетенной Наполеономъ Европы, еслибъ исполненія соотвѣтствовали предпріятіямъ Россійскаго полководца и быстрая догадливость Наполеона не сокрушила бы сихъ мѣръ. Вся наша армія многими направленіями, служащими къ пораженію и окруженію авангарда Нсева, слѣдовала къ предназначенной цѣли. Россійская гвардія, какъ обыкновенно и въ сей операціи, составляла резервъ, которому предстояло подкрѣплять движенія и обращаться на тѣ пункты, гдѣ потребно было подкрѣпленіе къ превозможенію упорной обороны. Положеніе на равнинѣ всей гвардіи открыло намъ шествіе изъ лѣса Багратіонова авангарда, который, съ быстрою ловкостью, въ нашихъ глазахъ, опрокинувъ форпосты непріятельскіе, обратился къ Гутштату, и вскорѣ сей пылающій городъ возвѣстилъ намъ сильное и выгодное сраженіе подъ Гутштадтомъ.

1-я битва при селеніи *Ліомитенъ* при рѣкѣ Пассаржѣ, въ то время, когда главная наша армія соединенно съ авангардомъ Багратіона и Донскими казаками графа Платова устремилась на корпусъ маршала Нея подъ Гутштадтомъ, съ намѣреніемъ не только поразить оный, но и обхватить съ разныхъ направленій, принудить его къ сдачѣ, то въ связи съ сею операціею корпусъ генерала Дохтурова долженъ былъ съ лица атаковать, укрѣпившись лѣсными засѣками. Авангардъ мар-

шала Сульта при селеніи Ліомитенъ, который взятымъ положеніемъ предъ Пассаржею возбранялъ переходъ сей рѣки, между тѣмъ какъ Сакена корпусу, переправясь чрезъ Пассаржу, въ одно время предположено было зайти въ тылъ и въ одно время ударить на самого маршала Сульта. Генералъ Дохтуровъ согласно съ повелѣніемъ въ 10 ч. утра произвелъ свое нападеніе на столь укрѣпленный постъ непріятеля, который мужественно своею обороною и получаемыми подкрѣпленіями изъ-за Пассаржи обращалъ наши усилія ко вреду нашему.

Уже тринадцать батальоновъ изъ его корпуса были въ дѣлѣ и хотя оные вытѣснили Французовъ изъ примежныхъ къ укрѣпленію ихъ позицій, но онаго при бывшей своей потери не могли одолѣть, тѣмъ болѣе, что маршалъ Сультъ по неприбытіи Сакена безпрестанно подкрѣплялъ свѣжими войсками сражающихся, что̀ и побудило генерала Дохтурова просить скорѣйшаго подкрѣпленія у Цесаревича Константина, который подъ командою своего генералъ-адъютанта Хитрово для помощи отрядилъ нашъ гвардейскій егерскій полкъ изъ двухъ батальоновъ и пяти эскадроновъ уланъ. Въ четыре часа прибыли мы на мѣсто сраженія, чрезъ полчаса пошли въ дѣло. Смѣтливыя распоряженія нашего полковника графа Сентъ-Пріэ чрезъ часъ дали другой видъ сраженію. Онъ первому батальону приказалъ, пройдя чрезъ утомленныя сражающіяся въ пустой перестрѣлкѣ наши войска, штурмовать засѣки и, когда дѣло уже сильно заведется, самому пойти въ обходъ и внезапнымъ быстрымъ натискомъ, поставя между двухъ огней онаго, произвести безпорядокъ и замѣшательство. Исполненіе соотвѣтствовало ожиданіямъ. Первый батальонъ, въ которомъ я служилъ, неустрашимо съ непріятелемъ вступилъ въ дѣло и если не могъ съ перваго натиска выжить его изъ укрѣпленія, то по крайней мѣрѣ обратилъ въ полной мѣрѣ непріятельское вниманіе къ отраженію нашего нападенія. Тогда разумный графъ Сентъ-Пріэ, усмотря, что дѣло сильно завязалось, пошелъ въ обходъ и съ рѣдкимъ мужествомъ ударилъ въ тылъ оному.

Непріятель, видя себя внезапно окруженнымъ, пришелъ въ замѣшательство и, думая уже только о своемъ спасеніи, въ скорости началъ въ величайшемъ разстройствѣ выбираться изъ своихъ укрѣпленій. Егеря немедленно преслѣдовали бѣгущихъ, которые хотя и получили новое подкрѣпленіе при самой деревнѣ Ліомитенъ, но изъ оной опрокинуты были побѣдоносными егерями. Столь удачная атака графа Сентъ-Пріэ и появленіе, наконецъ, Семенова корпуса въ тылъ войскъ маршала Сульта понудило онаго къ скорому отступленію къ сторонѣ Остерода, гдѣ тогда находился самъ Наполеонъ. Непріятель на семъ пунктѣ сражался въ числѣ болѣе 6.000 и конечно убитыми и

ранеными потерялъ до 1.500 человѣкъ, кромѣ 100 плѣнныхъ во время его преслѣдованія на рѣкѣ Пассаржѣ.

Нашихъ войскъ было въ дѣлѣ болѣе 9.000. Потеря наша убитыми и ранеными если не превосходила, то равна была съ непріятельской. Нашъ гвардейскій Егерскій полкъ одинъ потерялъ болѣе 250 убитыми и ранеными, и въ семъ жаркомъ дѣлѣ лишились мы лучшихъ офицеровъ. Достойнѣйшій нашъ предводитель графъ Сентъ-Пріэ былъ раненъ въ берцо лѣвой ноги, такъ что навсегда остался коротконогимъ; его родной братъ подпоручикъ Сентъ-Пріэ въ грудь на вылетъ; храбрый капитанъ Ридингеръ, который командовалъ подъ Потемкинымъ первымъ батальономъ, шомполомъ въ брюхо; добрый капитанъ Вульфъ убитъ былъ наповалъ; просвѣщенно-храбрый Делагардъ раненъ былъ въ бокъ; удалой и забавный мой артельщикъ Догоновскій, получа пулю въ горло, чрезъ часъ умеръ; а мнѣ сіе первое вступленіе на Марсово поприще, за лишнюю мою быстроту, отняло способъ служить противъ другихъ выскочкою: ибо лишило меня ноги, которая никогда у меня не выростетъ.

Примѣчаніе. Въ сраженіи, если бы корпусъ Сакена подоспѣлъ въ свое время и въ одно время атаковалъ бы въ тылъ маршала Сульта, то конечно маршалъ Сультъ претерпѣлъ бы совершенное пораженіе, ибо, будучи сильно занятъ Сакеномъ, онъ бы не могъ подкрѣплять за рѣкою свой авангардъ, чрезъ что доставилъ бы всѣ способы превозмочь авангардъ Сультовъ, завладѣть всѣми укрѣпленіями и засѣками и послѣдственно атаковать съ фронта главныя силы Сульта, между тѣмъ какъ Сакенъ дѣйствовалъ бы въ тылу непріятельскихъ войскъ. Кажется мнѣ впрочемъ, что генералъ Дохтуровъ въ ожиданіи Сакена сперва не рѣшался атаковать настоящимъ образомъ, пока гибельный распорядокъ подкрѣплять атаку побатальонно, а не важною частью силъ, довелъ его къ крайности просить у Великаго Князя подкрѣпленія, что́ ободрило непріятеля и вселило уныніе въ пѣхотѣ его корпуса. Прозорливому нашему полковнику обязаны были успѣхомъ дня, который въ затруднительныхъ отношеніяхъ изобрѣлъ, какъ по искусству, такъ и мужеству своему, самый приличный маневръ. Наконецъ появленіе Сакена по ту сторону Пассаржи убѣдило Сульта не только не оспаривать проигранную уже позицію его авангарда, но и скоро оставить намъ и занимаемое его главными силами положеніе.

Мое участіе. Когда полкъ приближался къ мѣсту сраженія, я внутренно восхищался, что наконецъ желаніе мое исполнилось побы-

вать и подъ непріятельскими пулями, и когда первый батальонъ готовился ко входу въ лѣсъ, то я, командуя половинною четвертою ротою, пошелъ съ моими солдатами впередъ и, усмотря стараго полковника Бернарбоса, я спросилъ гдѣ непріятель, на что онъ мнѣ отвѣтилъ, чтобъ я не горячился, ибо и здѣсь пули летаютъ. Тогда я ему возразилъ, что по опытности вашей въ службѣ, конечно, онѣ для васъ уже наскучили, но что напротивъ для меня онѣ должны быть тѣмъ болѣе пріятны, что я, по лѣтамъ и неопытности молодой, такъ сказать, мальчишка, котораго всякая новость восхищаетъ, а тѣмъ болѣе когда идетъ дѣло до драки. Съ честью опередя его полкъ, я приказалъ солдатамъ скрыться за большими деревьями, а самъ пошелъ впередъ, чтобы, осмотря непріятельское положеніе, избрать лучшее средство къ нападенію на онаго. Посреди свиста пуль я дошелъ не болѣе 60 шаговъ до непріятеля, такъ что только одинъ оврагъ отдѣлялъ меня отъ онаго, какъ рикошетный ударъ отъ пули пробилъ пяту моей ноги. Съ горяча мнѣ показалось, что я не раненъ; но, чувствуя въ ногѣ тяжесть и льющуюся кровь, я крикнулъ солдатъ, которые, увидя меня раненымъ, по особенной любви ко мнѣ, человѣкъ болѣе десяти, бросились ко мнѣ, не взирая на смертоносную опасность. Ихъ усердіе ко мнѣ стоило двумъ жизни, и одного ранили; меня отвели къ фронту втораго батальона. Графъ Сентъ-Пріэ, усмотря меня раненымъ, показалъ искреннее сожалѣніе ко мнѣ и тотчасъ велѣлъ второму батальону двинуться на обходъ; потомъ отвели меня къ нашему штабъ-лѣкарю, который проклятымъ своимъ ланцетомъ тщетно старался вынуть пулю, пока ударъ ядра въ то дерево, около котораго онъ производилъ коновальское свое искусство, удалилъ его отъ меня съ порывистою рѣчью, что когда ядро ему попадетъ въ голову, то уже никакая микстура его не вылечитъ.

Я въ семъ сраженіи изъ всего полка не только офицеровъ, но и рядовыхъ былъ первый раненъ. Меня взвалили на бричку и повезли въ близъ лежащій городъ Вартшицъ, гдѣ нечаяннымъ случаемъ выбрали мнѣ квартиру у лѣкаря, у котораго я стоялъ во время обратнаго моего похода изъ Ганровера; мы оба другъ друга признали, и онъ употребилъ все свое стараніе по своей наукѣ, перевязалъ мнѣ рану и потчивалъ меня кофіемъ.

Часа черезъ два принесли ко мнѣ жестоко раненаго въ грудь младшаго Сентъ-Пріэ, и вскорѣ возлѣ квартиры моей собралось много раненыхъ солдатъ моей роты; ихъ было числомъ 29 человѣкъ. Я каждому далъ по червонцу, а съ остальными 12-тью самъ остался.

Чрезъ нѣкоторое время сдѣлалась тревога. Въ городѣ разнесся слухъ, что Французы по отраженіи нашихъ войскъ при Ліомитенѣ идутъ прямо на Вартшицъ. Сіе извѣстіе меня изумило. Я никакъ не хотѣлъ считаться плѣннымъ у непріятеля, а посему изъ бывшихъ легче раненыхъ моихъ солдатъ привели ко мнѣ тотчасъ тамошняго бургомистра съ тѣмъ, чтобы доставить мнѣ лошадей въ самой скорости; и хотя сей каналья долго не соглашался сего выполнить, но данные ему кулачные уроки усердными моими сослуживцами и неотпускной проводъ къ доставленію мнѣ лошади вскорѣ сдѣлали меня всадникомъ безъ сѣдла и стремянъ съ раненою моею ногою, и солдатъ Степанъ, который вынесъ меня изъ сраженія, взялся усердно быть при мнѣ неотлучнымъ и по дорогѣ къ Лаунау велъ пугливаго моего Буцефала подъ устцы. Тревога была фальшивая.

Д. Лаунау. При сумеркахъ прибылъ я въ сію прежнюю главную квартиру авангарда князя Багратіона. Вскорѣ въ одной комнатѣ помѣстили меня съ г. Сентъ-Пріэ, который былъ въ весьма слабомъ состояніи, и не позволено было въ раздраженіи его грудной раны ни слова говорить. Это была первая и послѣдняя ночь въ моей ранѣ, въ которой я хотя нѣсколько могъ уснуть.

Г. Гейльсбергъ. Тамъ въ одномъ домѣ помѣщенъ я былъ съ раненными моими сотоварищами Ридингеромъ и Делагардомъ. Трудность взбарахтаться на третій этажъ высокаго дома была для меня весьма памятна. Терпя несносную боль въ разбитыхъ костяхъ пяты ноги и не могши минуты успокоиться, я невольно страдалъ, между тѣмъ какъ оба мои товарища, особенно Ридингеръ, при помощи пунша былъ покоенъ и сердился за то, что я моимъ оханьемъ ему мѣшаю спать; однажды мы такъ даже разбранились, что уже близко подползли другъ къ другу, чтобы подраться въ плотную, но наши деньщики воспрепятствовали хилому нашему геройству. Какъ всѣ пальцевыя кости на пятѣ были у меня размозжены, и пуля была не вынута, то я терпѣлъ нестерпимую мучительную боль ежеминутно. Ногу мою разнесло опухолью выше колѣна, и, имѣя непреодолимую наклонность ко сну, въ самое мгновеніе моего забытія изступленнѣйшій ударъ по всѣмъ членамъ разбужалъ меня, котораго я столь страшился, что при всемъ моемъ стремительномъ желаніи заснуть я отвращалъ, сколько могъ, столь пріятное успокоеніе и всегда, когда природа требовала своего теченія, я въ то мгновеніе претерпѣваю ужасный сей ударъ по всѣмъ моимъ членамъ. Наконецъ, на третій день послѣ моей раны, я почувствовалъ пресильную лихорадку, въ которой просилъ Бога, чтобы мнѣ

послалъ смерть: ибо совершенное нечувствованіе прежнихъ моихъ страданій было для меня столь пріятно, что я охотно бы предпочелъ смерть возобновленіямъ прежнихъ болей и тоски; но съ окончаніемъ оной я опять подверженъ сталъ равномѣрнымъ мученіямъ, и слѣдствіемъ оной открылся у меня Антоновъ огонь подъ пятою и на пальцахъ, которые начали синѣть. Въ сихъ несносныхъ мукахъ я, а равно и мои товарищи, для отдохновенія и успокоенія своего, намѣревались провести еще дня три въ Гейльсбергѣ, какъ всеобщая тревога распространилась по всему городу: объявлено было, что Французы приближаются къ сему городу. Тогда, ни мало не медля, я солдату моему приказалъ подвести къ крыльцу моего вздорливого Буцефала, мучился при сошествіи съ лѣстницы и, когда уже всѣ полагали отъ страха, что Французы якобы вступаютъ въ городъ, я былъ уже всадникомъ въ сопровожденіи моего солдата, который, чтобы не быть узнаннымъ, надѣлъ на себя мой теплый тулупъ, отчего потъ лился у него градомъ.

Я спѣшилъ къ главному караулу, который уже моимъ приказаніемъ выстроился и составлялъ одну роту, и командующему оной капитану велѣлъ, чтобы его команда заряжала ружья и приготовилась залпомъ принять вступающихъ Французовъ противъ его команды; но сей негодный трусъ въ виду своихъ подчиненныхъ схватился за животъ и сказался больнымъ. Обругавъ его, какъ онъ стоилъ, я приказалъ принять команду старшему по немъ поручику и, давъ ему наставленіе, продолжалъ я мою дорогу къ Бартенштейну, которую увидалъ наполненною бѣгущими изъ Гейльсберга военно-служащими; даже раненые и многіе жители города, смѣшавшись, иные удирали, а другіе тащились, чтобы не попасть въ руки Французовъ; а на половинѣ дороги догнали меня и мои товарищи, которыхъ везли въ лазаретной каретѣ. Сія тревога произошла отъ слѣдующаго: когда Наполеонъ собравшись ринулся на нашу армію разными направленіями и привелъ оную съ перваго раза къ неопредѣлительному скорому отступленію, то сія ретирада, а ровно и прежніе его къ окрестностямъ Гейльсберга конные эклерёры появленіемъ своимъ угрожали вступленіемъ въ сей городъ, но, чтобы войти въ него, не рѣшились.

Г. Бартенштейнъ. Тамъ я опять съ прежними своими сотоварищами стоялъ на одной квартирѣ. Рана моя не позволяла мнѣ ни на минуту успокоиться сномъ, который меня безпрестанно одолѣвалъ, такъ что я при моемъ изнеможеніи подверженъ былъ безпрестаннымъ мучительнымъ ударамъ. Въ сіе время пята ноги моей съ конечностей и внизу начала покрываться черно-синимъ цвѣтомъ. Здѣсь меня одинъ

Русскій докторъ поздравилъ, что, по причинѣ сильнаго натиска отъ Французовъ, я не въ состояніи буду выдержать порядочной операціи и увѣрялъ меня, что чрезъ недѣлю я буду разсуждать о сей войнѣ въ Елисейскихъ поляхъ съ Харономъ. Общіе разнесшіеся слухи объ отступленіи нашей арміи, почему мы здѣсь почитали себя въ опасности, вытурили насъ изъ Бартенштейна, и для предосторожности отъ непріятельской встрѣчи мы приняли вправо, чтобы достигнуть Шлипенбейля.

Товарищи мои Ридингеръ и Делагардъ на перинахъ спокойно лежали въ лазаретной каретѣ, а я съ голою моею ногою на пугливомъ конѣ, который по нуждѣ меня выучилъ безъ сѣдла и стремянъ держаться на конѣ подобно Центавру, былъ за ними въ видѣ побѣжденнаго и израненаго рыцаря, котораго тащатъ въ желѣзную клѣтку, и мы во все время дороги нашей слышали сильную канонаду въ сторонахъ Гейльсберга.

Г. Шлипенбейль. Остановясь по прежнему на одной квартирѣ, лишь только мы переночевали, какъ получили достовѣрное извѣстіе, что часть Французской арміи взяла свое направленіе къ Кёнигсбергу; а какъ мы навѣрное не знали, куда намъ укрыться отъ Французовъ, которыхъ разводныхъ партій мы опасались болѣе, то по моему совѣту оба мои собрата рѣшились возвратиться на комуникаціонную дорогу, въ упованіи, что если непріятель насъ и захватитъ, то не одниxъ, а со многими, а посему сего-же утра мы поспѣшили къ Фридланду. Слякоть, грязь, проливной дождь и холодъ дали мнѣ чувствовать всѣ ужасы моего положенія; а какъ мы непремѣнно хотѣли достичь Фридланда, тѣмъ болѣе, что на дорогѣ встрѣчали весьма немногихъ, то настигшая насъ въ Фридландскомъ лѣсу темнота была для меня тоже гибельна: пугливый мой конь предъ всякимъ деревомъ кидался въ сторону. Помощеваніе и усердіе рачительное моего провожатаго избавило меня только отъ паденія, которое по положенію и слабости моей было бы для меня гибельно. Въ 9 часовъ вечера только прибыли мы въ городъ Фридландъ.

Г. Фридландъ. Мы остановились на хорошей квартирѣ и узнали отъ хозяина, что въ тотъ же день за три часа были Французскіе квартирьеры, съ увѣдомленіемъ, что завтрашняго числа утромъ въ семь часовъ вступятъ Французскія войска, которыя расположились не болѣе десяти верстъ отъ насъ. Безпокойство, истощеніе, мертвое гніеніе раны при столь ужасномъ дождѣ и вѣтрѣ покрыли черною пяту мою; я уже во многихъ мѣстахъ не чувствовалъ ничего при осязаніи, а какъ боль и извѣстные удары не позволяли мнѣ болѣе ни на волосъ заснуть, то я, чтобы

не убить даромъ время, потребовалъ ножа, которымъ вырѣзывалъ большіе пласты мертваго сгнившаго мяса моей подошвы и радовался, когда находилъ по срѣзаніи гдѣ еще живое мясо и не прежде отсталъ отъ моего упражненія, какъ вырѣзалъ все, и моя подошва обагрена была капающею кровью. Отъ сихъ операцій моя нога получила видъ дебелаго соколинаго носа, ибо снизу подошва была вырѣзана, а сверху пята была покрыта багровою возвышенною опухолью. Не могши тоже минуту успокоить себя сномъ, я не въ силахъ былъ уже рыцарствовать на конѣ. Нашли для меня длинную Прусскую повозку и на постланномъ сѣнѣ втащили меня. Мы на самой зарѣ въ избѣжаніе Французовъ отправились изъ Фридланда къ Аленбургу; но какъ безресорная тряска была для меня нестерпима на всякомъ шагу, то я, не проѣхавши полъ мили, пересаженъ былъ на моего Буцефала, который, не взирая на истощенную слабость мою, дѣлалъ по своему разные антраша, бросаясь въ сторону. Тогда я проклиналъ войну, лошадь и самого себя.

Г. Аленбургъ. Прибывши уже большими сумерками въ сей городъ, занятой множествомъ различнаго войска ранеными и всѣмъ запаснымъ паркомъ артиллеріи, мы не могли отыскать для себя квартиры, а посему открывшемуся намъ въ полковомъ пріютѣ пастору лишь только начали служители выламывать двери, какъ огненное зарево, объявшее весь городъ, возвѣстило намъ пожаръ, и вскорѣ всеобщее смятеніе и крикъ жителей давали намъ на замѣчаніе поскорѣе выбраться изъ онаго и когда еще не рѣшались куда ѣхать, то запасная артиллерія во весь духъ мчалась по сей, хотя большой, но узкой улицѣ. Мои товарищи, лежавшіе въ лазаретной каретѣ, хотя и получили толчки отъ артиллеріи, но сего не чувствовали; я же на моемъ конѣ, какъ ни тѣсно прижался къ стѣнѣ дома, но больная моя нога терпѣла отъ постромокъ артиллеріи, конь-же мой, постромками почти каждаго орудія будучи задѣтъ, такъ сказать, Божьимъ провидѣніемъ не былъ только что увлеченъ и задавленъ какою нибудь мчащеюся пушкою; но на другой день я самъ видѣлъ, какъ заднія ноги у него были изуродованы. Лишь только артиллерія насъ миновала и при большомъ вѣтрѣ огонь началъ распространяться до мѣста, гдѣ мы находились, то я съ моими товарищами продолжалъ при сей истребительной иллюминаціи дорогу, и за двѣ версты отъ города мы, по примѣченному огню за четверть версты отъ большой дороги, расположились ночлегомъ въ одной деревнѣ.

Такія приключенія, безсонница, слабость, распространившійся Антоновъ огонь, а равно и двѣ синія полосы, дарованныя мнѣ отъ артиллерійскихъ постромокъ по берцу и икрѣ искаженной ноги моей, ли-

шили меня послѣднихъ силъ. Я готовился умереть и негодовалъ на судьбу мою, что Антоновъ огонь столь медлительно подымался.

Въ деревнѣ на другой день съ моими товарищами Ридингеромъ и Делагардомъ, которые меня оставили, я, послѣ многихъ заботъ охраняющаго меня сослуживца, взамѣнъ оставя обывателямъ избитаго моего Буцефала, на скрипучей тяжелой подводѣ Прусскаго манера, отправился къ Инстербургу.

Бѣдственныя мои безпокойства въ моемъ несчастномъ положеніи довели меня до совершеннаго изнеможенія; отъ чувствуемаго движенія телѣги я безпрестанно останавливался и на половинѣ дороги къ Инстербургу принужденъ былъ для отдыха моего остановиться въ лучшемъ домѣ бывшей деревни, гдѣ принятъ былъ одною Прусскою помѣщицею, которая по наступленіи оставила свое жительство, чтобы не остаться съ непріятелемъ.

Видя мое жалкое положеніе, она съ чувствительностью принимала участіе; подкрѣпила меня нѣсколько кофіемъ, ибо я такъ уже былъ слабъ, что побужденіямъ природы не могъ при ней воздержаться.

Г. Инстербургъ. Мнѣ изъ городской ратуши для квартиры дали билетъ къ столяру. Несносная жгучая боль моя заставила меня кричать на хозяина, чтобы онъ скорѣе далъ мнѣ ушатъ съ водою, которою воображалъ прохладить мое воспаленіе. Хозяинъ, не думая меня столь раненымъ, грозно повторилъ на счетъ мой нѣсколько шверносутовъ, но когда увидѣлъ мою ногу, то человѣколюбіе замѣнило его суровое со мною обращеніе, и съ того времени онъ доставлялъ мнѣ всевозможнѣйшую помощь и пріискалъ мнѣ двухъ докторовъ, которые, обозря мою ногу, тотчасъ отъ оной отказались, но столяръ ободрительнымъ голосомъ увѣрялъ меня, что пойдетъ за третьимъ, за котораго ручается своею головою, что мнѣ поможетъ, и чрезъ нѣкоторое время молодой человѣкъ не болѣе 22-хъ лѣтъ, который только недавно вышелъ изъ Берлинской академіи, осмотря мою ногу, завѣрилъ меня, что если не можетъ сохранить оную, то, по крайней мѣрѣ, жизнь, и при томъ, разрѣзывая (сондируя) ножемъ до живаго мѣста по чувствительности моей, находилъ еще кое-гдѣ живое мясо.

На вечеръ посѣтили меня многіе товарищи 20-го Егерскаго полка и увѣдомили меня, что наша армія отступаетъ. Я съ ними съ немалою чувствительностью прощался.

На третій день маршалъ Ней съ корпусомъ своихъ войскъ подступилъ къ сему городу. Чтобы снабдить меня безплатнымъ билетомъ, который я получилъ, писалъ я къ нему. Городская депутація увѣдомила меня, что Наполеонъ велѣлъ всѣхъ раненыхъ отправить водою въ Кёнигсбергъ. Находясь въ разсужденіи пользовавшаго меня лѣкаря завѣреннымъ и предчувствуя, что не выдержу водянаго путешествія, я писалъ къ маршалу Нею письмо, въ которомъ изображалъ, что моя особа въ такомъ положеніи не можетъ сдѣлать никакого предосужденія и относилъ мою просьбу къ его великодушію. Онъ сперва не соглашался, но наконецъ, по освидѣтельствованіи меня, убѣжденъ былъ согласиться со мною. Въ то время восемь оставшихся тоже тяжело раненыхъ моихъ товарищей, въ самомъ жалкомъ положеніи повезли на судахъ, и врядъ-ли кто изъ нихъ живъ остался.

*

Примѣчаніе. На этомъ мѣстѣ прерывается рукопись. Извѣстно, что писавшій ее офицеръ выздоровѣлъ отъ раны и, лишившись ноги, провелъ на деревянной ногѣ остальную жизнь свою до 40-хъ годовъ, въ богатыхъ своихъ имѣніяхъ, Смоленской, Могилевской и Черниговской губерній.

МОЛИТВА МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА, НАПИСАННАЯ ДЛЯ ПОКОЙНОЙ ГОСУДАРЫНИ МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

Шелъ 1849-й годъ, когда Царю Царствующихъ угодно было ниспослать первое испытаніе любвеобильному сердцу Государыни Цесаревны Маріи Александровны. Въ будущемъ, когда она стала Его Помазанницей, готовилъ Онъ ей столько тяжкихъ сердечныхъ испытаній, что, перенеся ихъ съ христіанскимъ терпѣніемъ, Императрица въ глазахъ всѣхъ, знавшихъ про тяжелый крестъ ею носимый съ такою любовью и вѣрою къ Богу, стала великой страстотерпицей и молитвенницей о землѣ Русской.

Первымъ уязвленіемъ Креста была для нея кончина нѣжно любимой дочери, Великой Княжны Александры Александровны. Благочестивая Императрица только въ церкви хотѣла искать утѣшенія своей великой скорби, не въ отвлеченныхъ покинутыхъ ею формахъ вѣры ея отцовъ, а въ опредѣленныхъ, конкретныхъ формахъ принятой ею Православной вѣры, въ которыхъ многострадальный народъ ея новаго отечества находилъ и находитъ отраду своимъ частымъ и разнообразнымъ бѣдамъ. Онъ не мнитъ избѣгнуть ихъ ропотомъ и отрицаніемъ власти божественной и мірской, а напротивъ, считаетъ испытанія и бѣдствія, порождающія на Западѣ атеизмъ и соціализмъ, за божественныя знаменія, долженствующія укрѣплять его вѣру въ Благосозиждителя судебъ вселенной. Проникнутая этими чувствами, Цесаревна Марія Александровна искала выраженія ихъ въ молитвѣ; но, какъ дочь Каѳолической церкви, держащейся благодати апостольской преемственности, она желала имѣть молитву церковную, которая бы имѣла въ себѣ силу этой преемственности.

Великій свѣтильникъ Греко-каѳолической церкви, митрополитъ Филаретъ, сіялъ тогда всѣмъ блескомъ своего боговдохновеннаго краснорѣчія на Московской каѳедрѣ, и къ нему обратилась благочестивая Цесаревна, прося его отлить въ опредѣленныхъ молитвенныхъ формахъ смутныя, хотя и преисполненныя свѣтлымъ упованіемъ, чувствованія ея души.

Вслѣдствіе этого пожеланія Великой Княгини написана митрополитомъ печатаемая ниже молитва, которой первоначально имѣлось два списка, оба

написанные на пергаментѣ съ древне-русскими орнаментами и осѣненные изображеніемъ Нерукотворнаго Спаса, работы академика Солнцева. Судьба списка, находившагося у Императрицы Маріи Александровны, намъ неизвѣстна; другой сохранился въ потомствѣ графа В. Д. Олсуфьева, многолѣтняго исполнителя велѣній Императрицы, относившихся до ея внѣшнихъ отношеній къ церкви и ея іерархамъ, и по этому списку молитва здѣсь слѣдуетъ *).

Молитва.

Господи, не знаю чего мнѣ просить у Тебя. Ты одинъ вѣдаешь что́ мнѣ потребно. Ты любишь меня паче нежели умѣю любить себя самую. Отче, даждь рабѣ Твоей чего она и сама просить не умѣетъ. Не дерзаю просить ни Креста, ни утѣшенія; только предстою предъ Тобою. Сердце мое Тебѣ отверзаю: Ты зриши нужды мои, которыхъ я не знаю. Зри и сотвори по милости Твоей, порази или исцѣли, низложи или подъими меня. Благоговѣю предъ изволеніями Твоими, не зная ихъ. Безмолствую, приношу себя въ жертву Тебѣ, предаюсь Тебѣ. Нѣсть у меня желанія кромѣ желанія исполнить волю Твою. Научи меня молиться. Самъ во мнѣ молись. Аминь.

---

*) Позднѣе самъ митрополитъ Филаретъ сообщилъ списокъ этой молитвы благочестивой Москвичкѣ, Аннѣ Борисовнѣ Нейдгардтъ (ур. княжнѣ Черкасской), и по этому списку она напечатана въ „Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ 1872 г. (№ 18), но съ измѣненіями (вм. себя *самую*—себя *самаго*; вм. *рабѣ* Твоей—*рабу* Твоему) и безъ означенія, по какому поводу молитва написана. П. Б.

НАДГРОБНАЯ ЛѢТОПИСЬ МОСКВЫ *).

Въ церкви Св. Алексѣя Митрополита, что̀ на Глинищахъ.

На наружныхъ стѣнахъ.

1) „1767 году Февраля 27 дня по полудни въ 5 часу преставися рабъ Божій Большого Успенскаго собора ключарь священноіерей Сvмеонъ Филипповичъ, прежде ключарства при сей церкви былъ священникомъ отъ 1719 года по 1738 годъ, а въ ономъ 1738 году Іюня 14 дня пожалованъ въ ключари и былъ ключаремъ до сего 767 года Февраля 27 дня и погребенъ на сей паперти подлѣ самой стѣны у окна. Житія его было 66 лѣтъ. Подлѣ его погребена супруга его Анна Сvмеоновна, которая преставися прежде его 1759 года Мая 27 дня, житія ея было 67 лѣтъ. Подлѣ ея погребена сноха ихъ, сея церкви священника Василія Сvмеоновича жена Матрона Григорьевна, преставленіе ея 1753 Іюня 10 дня, житія ея было 44 г.—1767 году Генваря 2 числа по полуночи въ 9 часу преставися рабъ Божій сея церкви іерей и означеннаго ключаря Сvмеона Филипповича сынъ Василій Сvмеоновичъ, рожденіе его было въ 714 году Марта 22 числа, при сей церки іереемъ былъ съ 739 года по показанное Генваря 2 числа, житія его было 52 года 9 мѣсяцевъ и 10 дней, тѣло его погребено противъ сей таблицы“.

2) „1721 году Февраля противъ 7 числа въ 4 часу нощи, на память преподобнаго отца нашего Парѳенія епископа Лампсакійскаго, преставися рабъ Божій Ареѳа, прозываемый Димитрій Ивановъ сынъ Васильевъ“.

3) „1721 году Іюня 8 числа преставися рабъ Божій истопникъ Григорій Петровъ сынъ Козаковъ, въ нощи, на память св. великомученика Ѳеодора Стратилата и погребенъ у сего храма противъ знака сего отъ стѣны два аршина“.

4) „1711 году Сентября противъ 5-го числа, на память св. пророка Захаріи, преставися рабъ Божій сея церкви священноіерей Іоаннъ Васильевъ и служилъ у сея съ . . . . году“.

5) „1736 году Іюля противъ 8 числа, на праздникъ Казанскія Пресвятыя Богородицы, преставися рабъ Божій дому генерала, кавалера и сенатора графа Семена Андреевича Салтыкова служитель его живописецъ Василій Григорьевъ сынъ Горяиновъ, а житія его было 26 лѣтъ и погребенъ противъ сей таблицы“.

6) „1733 году Апрѣля 18 числа преставися по полуночи въ 6 часу дому генерала, кавалера и сенатора графа Семена Андреевича Салтыкова

---

*) См. выше стр. 97.

служителя его Петра Никитина сына Тишкова, жена его Степанида Семенова дочь, житія ея 41 годъ".

7) „1770 году Сентября 16 дня по полуночи въ 4 часу, на память св. великомученицы Евѳиміи всехвальныя, преставися раба Божія дому его сіятельства графа Петра Семеновича Салтыкова, домоправителя его Ивана Васильева сына Бѣлова жена его Мавра Никитина, а житія ея было отъ роду 30 лѣтъ 4 мѣсяца и 13 дней, въ замужествѣ была 10 лѣтъ 10 мѣсяцевъ и 17 дней, тезоименитство ея Мая 3 числа, тѣло ея погребено Сентября 18 дня 1770 году противъ сей надписи, отступя 2 аршина".

8) „1734 году Генваря противъ 3 числа по полуночи въ 1 часу преставися рабъ Божій дому генерала, кавалера и сенатора графа Семена Андреевича Салтыкова служитель его Иванъ Петровъ сынъ Ре , а житія его было 37 лѣтъ а".

9) „1745 году Сентября противъ 10 числа преставися рабъ Божій дому генерала маіора и Московской губерніи вицегубернатора графа Владиміра Семеновича Салтыкова служитель его Петръ Никитинъ сынъ Тишковъ, а житія его отъ роду было 60 лѣтъ и погребено тѣло его противъ сей таблицы".

10) „1747 году Мая 1 дня по полудни въ 6 часу на память св. пророка Іереміи преставися раба Божія соборнаго конюха Матвѣя Ивановича жена его Наталія дочь, и погребено тѣло ея противъ сей надписи, а житія ея отъ рожденія было сорокъ шесть лѣтъ, восемь мѣсяцевъ, а тезоименитство ея мѣсяца Августа 26 числа".

Внутри церкви.

Въ трапезѣ на сѣверной стѣнѣ:

11) 1746 году противъ 8 числа по полуночи въ 5 часу преставися рабъ Божій Николай, сынъ прапорщика Ивана Иванова сына Вельяминова, рожденіе его въ 733 году Ноября 19 дня, тезоименитство Декабря 6 числа, всего же житія его было 12 лѣтъ мѣсяцевъ и 18 дней".

12) „1735 году Августа въ 21 день преставися рабъ Божій графа Владиміра Семеновича Салтыкова сынъ его младенецъ Александръ и погребенъ противъ сего мѣста, а житія его было годъ, 11 мѣсяцевъ и 23 дня".

13) „1734 году Мая 7 дня по полудни въ 7 часу преставися рабъ Божій второй гильдіи купецъ Іоаннъ Корниловъ сынъ Свѣшниковъ, и погребено тѣло его противъ сей надписи, а житія его 52 года, а тезоименитство Сентября 23 дня".

14) „1755 года Генваря 16 числа преставися раба Божія лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка сержанта Андрея Петровича Давыдова жена его Марья Андреяновна, житія ея было 22 года и 3 мѣсяца и 15 дней. Того же года и мѣсяца 31 числа преставися дщерь ихъ младенецъ Екатерина, житія ея было 4 недѣли, и погребены противъ сей таблицы, отъ стѣны отступя три аршина".

Въ придѣлѣ *Всѣхъ скорбящихъ Радостей* на алтарной стѣнѣ: „1700 году Сентября въ 22 день, на память св. священном. Фоки, преставися рабъ Божій строитель храма сего діакъ Іоаннъ Кононовъ сынъ Алферьевъ".

Церкви Успенія Божія Матери на Успенскомъ вражкѣ.

(Нынѣ разобрана).

1) „Лѣта 7119 Февраля въ 20 д. преставися раба Божія Елена Григорьева жена Ивановича Горихвостова, да съ нею погребены Григорьевы дѣти. Парасковія младенецъ преставися . . Сентября въ 28 д., а житія ея было . .“

2) „Лѣта 7187 Іюня 8 дня, на память св. Ѳеодора Стратилата, преставися рабъ Божій стряпчій Ѳедоръ Ивановъ сынъ Вечесловъ“.

3) „Лѣта 7159 Сентября въ 11 день, на память преподобныя матери Ѳеодоры яже въ Александріи, преставися рабъ Божій Ѳеодоръ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ“.

4) „Лѣта 7188 Августа въ 22 день преставися раба Божія младенецъ Наталія стольника Иванова дочь Васильевича Дашкова“.

5) „Лѣта 7109 году мѣсяца Апрѣля въ 6 день преставися рабъ Божій Димитрій Ивановичъ Соковнинъ, на память преподобнаго Евстафія“.

6) „ мѣсяца Апрѣля, а житія его было 34 года и тутъ же погребена супруга его Ѳеодосія Ларіонова дочь“.

7) „Лѣта 7155 года, при благочестивомъ государѣ, царѣ и великомъ князѣ Алексіѣ Михайловичѣ всея Руси и при великомъ господинѣ святѣйшемъ Іосифѣ патріархѣ Московскомъ и всея Руси, строилъ церковь сію Пресвятыя Богородицы Успенія съ придѣлы и съ папертью и съ колокольнею и съ палатками и со всякимъ строеніемъ Григорій Ивановъ сынъ Горихвостовъ, и родители Григорьевы погребены у сія церкви подъ колокольнею въ палаткѣ, и Григорій себя погребсти велѣлъ у той же церкви съ родителями его вмѣстѣ въ той же палаткѣ, а синодикъ родителямъ его въ церкви“.

Въ церкви Преподобнаго Сергія что̀ на Дмитровкѣ.

(Настоящая Успенія Б. Матери).

На южной наружной стѣнѣ.

1) „1760 года, Іюня 27 числа, на память св. отца нашего Самсона Странопріимца, преставися раба Божія Холмогора Никифора Дудина жена его Матрена Прокофьева дочь Дудина, отъ рожденія ея было житія 43 года и 3 мѣсяца, а тѣло ея погребено противъ сей таблицы подъ камнемъ“.

На наружной стѣнѣ подъ колокольнею.

2) „Приходяй, человѣче, здѣ у гроба стани, о смерти помышляти никако престани, зря, како незапно похищаетъ любезныхъ, ближнихъ и родныхъ, матерей и чадъ, здѣ бо лежитъ сея церкви діакона Алексѣя Иванова матерь его вдова Васса Михайлова, жила 62 года, умре 1740 г. Мая 25...... Ѳекла Васильевна дочь, въ томъ же году на семъ же мѣстѣ положены........

Внутри церкви на южной стѣнѣ.

3) „Лѣта отъ сотворенія свѣта 7211, отъ Рождества Христова 1703 г. Іюля въ 8 день, на память св. великомученика Прокопія, преставися рабъ Божій гостиной сотни Иванъ Ивановичъ Холмогорскій, съ нимъ же погребена бысть и дщерь его дѣвица Анна“.

Въ церкви Рождества Пресвятыя Богородицы въ Путинкахъ, на старомъ Посольскомъ дворѣ, на Дмитровкѣ, за Тверскими воротами.

На южной стѣнѣ.

1) „Родъ гостиной сотни Андрея Прокофьева сына Свѣшникова, рабовъ Божіихъ Прокопія, Симеона, Іакова, Пелагеи, Акилины, Татьяны, Евстафія, Григорія, Ѳеофилакта, Алексѣя, Михаила, Павла, Бориса, Ѳеклы, Іоанна, Стефана, Архипа, Павла, Ермія, Максима, Параскевы, Улиты“.

На западной стѣнѣ.

2) „1723 года Ноября противъ 16 числа, на память св. Апостола и Евангелиста Матѳея, преставися рабъ Божій Іоаннъ Никифоровичъ Толстой, а житія его было 48 лѣтъ, а тезоименитство Ангела его Іюня 2 день“.

Внутри церкви на стѣнахъ:

3) „Лѣта 7208 Сентября противъ 2-го числа въ 7 ч. нощи, на память св. мученика Мамонта, преставися рабъ Божій путной ключникъ Аѳанасій Филипповичъ Смаковъ, поживе отъ рожденія своего 57 л. 1 м. и 28 д., а тезоименитство его Іулія 5 день“.

4) „1770 г. Октября 14 д., на память св. великом. Параскевы, преставися раба Божія Мавра камергерша Чевкина, и житія ея было 65 л. и 6 м., и тезоименитство ея Маія 3 числа на память св. Тимоѳея и Мавры, и погребена подъ симъ камнемъ у Рождества на Дмитровкѣ“.

5) „1713 г. Сентября 22, на память священном. Фоки епископа Синопійскаго, преставися раба Божія . . . . . . .ца . . . . . Елена Астафьева жена Ивановича . . . . . пятьдесятъ. . . . . вѣчнаго по ней поминовенія“.

Въ церкви Успенія Божіей матери въ Путинкахъ, въ Скоморошкахъ, въ Новой слободѣ, на Дмитровкѣ, что̀ за Тверскими воротами, за городомъ *).

На наружной южной стѣнѣ.

1) „1723 года Генваря въ 10 день преставися рабъ Божій Государственной Штатсъ-конторы канцеляріи подъячій Протасъ Ивановъ сынъ Шишмаревъ, а житія его 28 лѣтъ“.

2) „Лѣта 7187 года Февраля въ 11 день преставися рабъ Божій Посольскаго Приказа подъячій Андрей Григорьевъ сынъ Погожевъ подъ сею подписью у стѣны“.

3) „Лѣта 7155 года Марта въ 5 день преставися раба Божія Евфимія Артамонова, дочь Успенскаго попа Ѳеодора Игнатьева, Марта 9 тѣло погребено противъ сей подписи“.

На алтарной стѣнѣ.

4) „1703 года Іюня противъ 6 числа, на память преподобнаго отца

*) Въ нынѣшнемъ Успенскомъ переулкѣ, между малой Дмитровкой и Каретнымъ рядомъ.

нашего Висаріона чудотворца, преставися рабъ Божій Никита Ивановичъ Корчминъ, поживе 80 лѣтъ и погребенъ противъ сей подписи".

5) „Лѣта 7185 Іюня въ 22 день преставися раба Божія Никитина жена Ивановича Корчмина Соломонида Никитина дочь Кузмина и погребена противъ сей подписи".

На восточной стѣнѣ.

6) „Лѣта 7152 года Октября во 2 день преставися рабъ Божій Іоаннъ Андреевичъ Корягинъ, да братья его родные Филиппъ да Кондратій, преставились въ разныхъ годахъ; да во 180 году Генваря въ 1 день преставися рабъ Божій Дмитрій Ивановъ сынъ Корчминъ, и погребены лежатъ всѣ противъ сей подписи".

На наружной алтарной стѣнѣ.

7) „О Превѣчный Царю и Безначальный Іисусе Христе Боже нашъ, жизни вѣчныя и царствія небеснаго получити. 1723 года Декабря въ 20 день, преставися рабъ Божій гостиныя сотни Ѳеодоръ Марковъ сынъ Дружининъ, а житія его было 76 лѣтъ. Того жъ года Іюля въ 11 день преставися жена его Евдокія Козмина, а житія ея было . . . . . лѣтъ. Въ 1733 году Февраля въ . . . . . день, преставися братъ его Филиппъ Марковъ сынъ дружининъ, а житія его было"....

8) „Сей хладный памятникъ скрываетъ въ нѣдрахъ тѣло въ Бозѣ почивающаго г-на подпоручика Ѳеодора Васильевича Зиновьева, скончавшагося 1763 года Августа 3 дня, житія его было 37 лѣтъ. Подъ симъ же мѣстомъ погребена дочь его дѣвица Елисавета Ѳеодоровна Зиновьева, скончавшаяся 1770 года Сент. 23 дня, житія ея было 13 лѣтъ".

Въ церкви св. Григорія Богослова, что̀ на Дмитровкѣ, у Патріаршаго двора, въ Важенкахъ, у Баскакова двора.

(Настоящая Преображенія Господня).

На западной стѣнѣ.

1) „Лѣта 71...2 г. Августа въ 28 д., на память пр. отца нашего Мочсея Мурина, преставися рабъ Божій сея церкви Преображенія Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа священноіерей Трофимъ Дмитріевичъ Дмитріевъ, во иноцѣхъ схимникъ Тихонъ, положено тѣло его на семъ мѣстѣ".

2) „1767 году, Ноября 29 дня, въ 10-мъ часу дня преставися раба Божія церкви Сергія чудотворца, что̀ въ Пушкаряхъ, діакона Ивана Ѳедорова жена его Марія Петрова дочь, отъ роду ея было 15 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, въ замужествѣ поживе 10 мѣсяцевъ и 22 дня, и погребена противъ сей таблицы".

3) „1756 года Сентября во 2-й день, на память св. мученика Мамонта, преставися церкви Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа священно-іерей Павелъ Алексѣевъ, погребенъ на мѣстѣ семъ, а житія его было 58 лѣтъ 10 мѣсяцевъ".

4) „1769 году Іюля 18 дня, въ 8-мъ часу преставися раба Божія сего храма Григорія Богослова іерея Петра супруга Ѳекла Ильина дочь, въ замужествѣ была 24 года 6 мѣсяц. отъ рожденія ея 40 лѣтъ, и погребено тѣло ея противъ сей таблицы".

Георгіевскаго дѣвичьяго монастыря на посадѣ, на Дмитровкѣ, за Житной площадкой (что́ нынѣ приходская церковь).

Внутри на сѣверной стѣнѣ, на мѣдной доскѣ.

Зерцало непоколебимыя вѣры и многоименитыя добродѣтели.

Человѣкъ, не исключай изъ памяти твоей человѣчество! Что́ нынѣ другому, то завтра тебѣ; что̀ родится, тому должно и умирать. Тѣло ты имѣешь отъ земли, оно въ землю возвратится. Земля еси и въ землю паки пойдеши. Душу имѣешь ты вліянную отъ Бога: она, по смерти, поидетъ къ началу своему. Смерть есть дверь къ вѣчности! Поучайся, чтобы и память жизни твоей осталась безсмертна, и душа твоя пришла къ вѣчному блаженному преупокоенію.

Блаженни мертвіи, умирающіе о Господѣ отъ нынѣ. Ей! глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ. Апокал. гл. 14, ст. 13.

Такою блаженною кончиною въ Бозѣ опочилъ погребенный на семъ мѣстѣ высокопочтеннѣйшій и многими титлами прославленный мужъ господинъ генералъ-фельдмаршалъ, сенаторъ, лейбъ гвардіи Преображенскаго полку подполковникъ, ея императорскаго величества генералъ-адъютантъ, дѣйствительный камергеръ, орденовъ св. Апостола Андрея Первозваннаго и св. Александра Невскаго кавалеръ, графъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, который достохвальными своими дѣлами въ самомъ теченіи своей жизни заслужилъ себѣ безсмертіе. Его достоинство, труды и вѣрность государямъ и отечеству пріобрѣли ему толико отмѣнныя преимущества; непоколебимое благочестіе, вѣра и любовь къ Богу и ближнему, его кротость, милосердіе и благонисхожденіе ко всѣмъ, его высокія христіанскія добродѣтели отворили ему врата́ къ небесной славѣ. Какъ благій и вѣрный рабъ, вошелъ онъ нынѣ въ вѣчную радость Господа своего.

Родъ сего преславнаго и приснопамятнаго мужа влечетъ свое начало отъ знатной и древней фамиліи Славянской, отъ знаменитаго мужа именемъ Ротчіи, который родился въ Семиградской землѣ и выѣхалъ въ Россію при владѣніи благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, въ лѣто отъ созданія міра 6706. Прочіе предки его продолжали вѣрную и безпорочную службу Всероссійскимъ великимъ князьямъ, царямъ и императорамъ, которые почтены были различными достоинствами; были изъ нихъ многіе намѣстниками, многіе болярами и окольничими, многіе воеводами и другими, по тогдашнимъ государственнымъ чинамъ, знатными и почтенными людьми. Дѣдъ сего велико-знаменитаго мужа Иванъ Васильевичъ Бутурлинъ служилъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, и въ лѣто отъ созданія міра 7165 поставленъ былъ воеводою въ Могилевѣ, потомъ ближнимъ бояриномъ и намѣстникомъ Суздальскимъ, а въ лѣто 7187 почтенъ былъ достоинствомъ полномочнаго посла; сіе высокое званіе со знатною похвалою исправлялъ въ Польшѣ и Цесаріи при цесарѣ Леопольдѣ. Родитель здѣсь въ Бозѣ опочивающаго высокопочтеннаго мужа Борисъ Ивановичъ Бутурлинъ продолжалъ вѣрную и

безпорочную службу свою блаженной и вѣчной славы достойныя памяти государю императору Петру Великому, былъ гвардіи его императорскаго величества капитаномъ и во время бывшей тогда между Шведской и Россійской короною войны на Левенгаубской баталіи тяжкую получилъ рану, въ вѣрности скончалъ блаженную свою жизнь.

Сколь знаменитъ корень! Сколь славны были предки, отъ которыхъ произошелъ сей презнаменитый, здѣсь въ Бозѣ опочивающій мужъ! Но не одна знатная природа его прославляетъ, паче жъ онъ природу и всю свою фамилію прославилъ своимъ достоинствомъ, заслугами и отмѣнными преимуществами. Родился сей великій и приснопамятный мужъ лѣта Господня 1704, мѣсяца Іюня въ 18 день, началъ вѣрную и безпорочную свою службу Всероссійскимъ монархамъ продолжать въ лѣто 1716, гдѣ въ первыхъ блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государь императоръ Петръ Великій именнымъ своимъ высочайшимъ повелѣніемъ указалъ проходить ему свои науки къ пріобрѣтенію искусства въ мореплаваніи, потомъ въ лѣто 1720 взятъ ко двору его императорскаго величества и находился при семъ великомъ, премудромъ и неусыпномъ государѣ денщикомъ ближайшимъ и неотступной должности при высокомъ его величества лицѣ, былъ при семъ великомъ государѣ до самой его величества блаженной кончины неотлучно, былъ при семъ великомъ государѣ во всѣхъ тогдашнихъ сухопутныхъ и морскихъ походахъ, былъ и на случившихся тогда баталіяхъ. Сверхъ того, препоручаемы были ему собственно отъ его императорскаго величества секретнѣйшія коммисіи, употребляемъ былъ во многія нужнѣйшія отъ его величества посылки. Великій государь, усмотрѣвъ въ немъ отмѣнныя качества, вѣрность и прилежное попеченіе во исполненіи отъ его величества препоручаемыхъ довѣренностей, удостоилъ его особливаго высокомонаршаго благоволенія и щедротъ. Въ лѣто 1725, по кончинѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго, при державѣ ея императорскаго величества 1-я Екатерины, государыни императрицы Всероссійскія, пожалованъ гофъ-юнкеромъ къ императорскому двору; въ лѣто 1726 отъ ея жъ величества пожалованъ камеръ-юнкеромъ; въ лѣто 1727 блаженныя памяти императоромъ Петромъ II пожалованъ камеръ-геромъ къ императорскому жъ двору; въ лѣто 1728 отъ его жъ величества пожалованъ генералъ-маіоромъ, почтенъ орденомъ св. Александра Невскаго и учиненъ кавалергардскаго корпуса унтеръ - лейтенантомъ. При державѣ блаженныя и высокославныя памяти государыни императрицы Анны Іоанновны, въ лѣта 1730, 1731, 1732, 1733, въ Персіи въ армейскихъ походахъ находился дѣйствительно при командѣ; въ лѣто 1735 опредѣленъ губернаторомъ въ Смоленскъ, гдѣ поручены были ему и пограничныя дѣла, всѣ исправлялъ со особливою высокомонаршею апробаціею; въ лѣто 1738, въ бывшую войну со Оттоманскою портою, по именному высокомонаршему указу, отозванъ былъ изъ Смоленска въ армію и находился въ корпусѣ фельдмаршала графа Миниха, гдѣ, находясь дежурнымъ, имѣя отдѣльную себѣ команду, какъ въ отвращеніи непріятельскихъ намѣреній, такъ и прочихъ военныхъ дѣйствіяхъ,

довольно оказалъ свою вѣрность, храбрость, искусство и благоразуміе. Въ лѣто 1739 именнымъ высокомонаршимъ указомъ, по нѣкоторой секретной коммиссіи, отозванъ въ Смоленскъ, гдѣ и оставленъ пока губернаторомъ. Въ лѣто 1740 въ бывшее тогда правительство пожалованъ кригсъ-коммисаромъ и генералъ-лейтенантомъ. Въ 1741, по восшествіи на Всероссійскій престолъ блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны, при тогдашнихъ нужныхъ и полезныхъ государственныхъ распоряженіяхъ, ея величество за благо изобрѣсть изволили послать сего прехвальнаго мужа главнымъ командиромъ въ Малую Россію, гдѣ препорученныя ему комиссіи окончилъ съ пользою государственною и съ высокомонаршею апробаціею. Въ лѣто 1742 пожалованъ полнымъ генераломъ, и во время продолжающейся тогда между Россійскою и Шведскою короною войны поручена ему была надъ всѣми, состоящими въ Лифляндіи, Эстляндіи и около Великихъ Лукъ войсками и тамошними гарнизонами главная команда, гдѣ черезъ благоразуміе и неусыпное его попеченіе у Шведовъ два шкота и одно судно ихъ съ людьми и деньгами взяты, съ коихъ снятые шесть флаговъ ко двору императорскому отъ него представлены, чѣмъ заслужилъ высосокомонаршее благоволеніе. Того жъ 1742 лѣта пожалованъ сенаторомъ и при тогдашнемъ изъ Москвы въ Санктъ-Петербургъ высокомонаршемъ отбытіи оставленъ въ Москвѣ главнымъ командиромъ. Въ лѣто 1747 пожалованъ генералъ - адъютантомъ; въ лѣто 1749 пожало ванъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ подполковникомъ; въ лѣто 1751 почтенъ отъ высокомонаршаго благоволенія орденомъ св. Андрея; въ лѣто 1756 пожалованъ генераломъ - фельдмаршаломъ къ арміи, и повелѣно ему присутствовать въ учрежденной при императорскомъ дворѣ конференціи. Того жъ лѣта ея императорское величество, принявъ во уваженіе сего великаго мужа достоинство, знатные, вѣрные и полезные отечеству труды, въ знакъ императорскаго особливаго къ нему благоволенія, который бы остался къ будущему по немъ его потомству, соизволили пожаловать его Россійскимъ графомъ въ вѣчное по немъ потомство обоего пола. Въ лѣто 1760 въ Пруссіи, какъ надъ Россійскою заграничною всею, такъ и надъ цесарскою арміею былъ главнымъ командиромъ. Въ лѣто 1762 нынѣ благополучно владѣющая государыня императрица Екатерина Алексѣевна, при восшествіи своемъ на Всероссійскій престолъ, высочайшимъ своимъ благоволеніемъ уваживъ всѣ прежнія вѣрныя сего великоименитаго мужа заслуги, оказанныя предкамъ ея величества и отечеству, чины и достоинства, сопряженныя со властію и повѣренностью, подтвердить и собственною своею рукою подписать соизволила; того жъ лѣта при высочайшей коронаціи своей ея императорское величество, въ знакъ особливаго благоволенія, пожаловать соизволили ему шпагу богато убранную драгоцѣнными каменьями.

Великоревностенъ, вѣренъ и неусыпенъ былъ, какъ истинный патріотъ, во исполненіи высокихъ должностей государямъ своимъ и отечеству, сей великоименитый и приснопамятный мужъ, толико мужественъ, готовъ и неустрашимъ, какъ достойный христіанинъ оказался и въ самое то время

когда слѣдовало отдавать послѣдній долгъ человѣчеству, когда должно было уже ему разлучиться съ тѣми, съ которыми сердце его связано было любовію на землѣ, когда призываемъ уже былъ къ небесному отечеству, къ сожитію со святыми, для принятія отъ Царя Царствующихъ по заслугамъ своимъ неувядаемаго вѣчныя славы вѣнца. Въ лѣто 1767 въ мѣсяцѣ Маѣ, во время пребыванія своего въ царствующемъ градѣ семъ Москвѣ, къ сердечному сожалѣнію своей фамиліи и всѣхъ любящихъ его, почувствовалъ въ себѣ болѣзнь, которая время отъ времени стала приводить въ слабость его силы. Какъ скоро было донесено о томъ ея императорскому величеству премилосердой монархинѣ, которая, матерински соболѣзнуя о томъ, всѣхъ двора ея величества лейбъ-медиковъ и докторовъ прислать соизволила къ болящему, подтверждая имъ, дабы все свое употребили искусство о возстановленіи здравія сего великоименитаго мужа, какъ ея императорскому величеству, такъ и всему Россійскому отечеству многополезнаго и вѣрнаго. Но сей вѣры и благочестія преисполненный мужъ, хотя и не отвергалъ въ той болѣзни своей употреблять и отъ человѣческаго искусства, какъ даннаго отъ Всевышняго, помощь, однако опредѣлилъ въ себѣ ожидать паче отъ Самого Врача душъ и тѣлесъ исцѣленія, чего ради, какъ самъ молилъ о томъ благость Его съ отличнымъ благоговѣніемъ и слезами, такъ и по требованію его приносима была о томъ и другими соборно усердная молитва. Но какъ въ большую стали приходить силы его слабость и чтобы не нанесть тѣмъ горести любезной своей супругѣ и дражайшимъ дѣтямъ, приказалъ тайно позвать ея величества духовника, который былъ и ему духовный отецъ и другихъ знатнѣйшихъ духовныхъ особъ, особливо любящихъ ему, бывшихъ тогда здѣсь въ Москвѣ, Сѵнодальнаго члена, преосвященнаго Иннокентія епископа и его императорскаго высочества учителя, Свято-Троицкія Сергіевы Лавры отца архимандрита Платона, съ которыми веселымъ лицемъ, какъ бы не чувствуя никакой въ себѣ болѣзни, бесѣдовалъ о временной и о вѣчной жизни, о страданіи Спасителя и о искупленіи человѣческаго рода, вѣчномъ воздаяніи праведныхъ и о наказаніи грѣшныхъ и о прочемъ, что̀ служило къ подкрѣпленію и утѣшенію благочестивыя его души, просилъ тогда-же духовнаго отца, что̀ по желанію его исполнено, дабы ему очистить совѣсть свою и примириться съ Богомъ покаяніемъ, съ надлежащимъ исповѣданіемъ своихъ грѣховъ. Во утріе же, по совершеніи нарочно для того божественной литургіи и по отнесеніи въ домъ божественныхъ къ причащенію Таинъ, самъ, усилившись, встрѣтилъ ихъ съ подобающимъ благоговѣніемъ въ другомъ покоѣ и съ несомнѣнною вѣрою и при изліяніи теплыхъ слезъ пріобщился тѣла и крови Спасителя своего съ несказаннымъ благодареніемъ. По святомъ причащеніи болѣзнь утихла, болящій сномъ препокоился, потомъ веселымъ лицемъ бесѣдовалъ со всѣми; но на утріе наступилъ тотъ для всѣхъ любящихъ его плачевный часъ. Болѣзнь несказанно усилилась, то есть 31 Августа, приказавъ пока совершить божественную службу, просилъ преосвященнаго Псковскаго, чтобы онъ самъ его божественныхъ Таинъ пріобщилъ, что̀ все по его желанію тогда же было исполнено, гдѣ паки, по при-

чащеніи Св. Таинъ и по принесеніи великаго благодаренія Господу, принималъ отъ того преосвященнаго наставленіе о вѣчности и несомнѣнномъ упованіи на смерть и страданіе Спасителя, о блаженномъ обѣтованіи праведныхъ; потомъ призвалъ любезную супругу и дѣтей и имѣлъ съ ними последнее прощаніе въ совершенной памяти и въ произношеніи наичувствительныхъ словъ, любовь и усердіе къ нимъ изображающихъ, благословилъ дѣтей св. иконами, вручая ихъ Всевышняго покровительству, завѣщалъ имъ отечески, представляя самого себя въ томъ примѣромъ, чтобы непоколебимы были въ благочестіи, непремѣнны навсегда въ вѣрности къ монархинѣ своей, любили бы и почитали и во всемъ повиновались родившей ихъ, утѣшали бы и подкрѣпляли ее въ наступающемъ его съ нею разлученіи, сказалъ имъ сіе послѣднее слово: „прощайте, буди милость Божія съ вами и мое истинное благословеніе.“ Причемъ просилъ предстоящихъ ему друговъ, чтобы въ томъ тяжкомъ и преогорченномъ случаѣ не оставили бъ подкрѣплять любезную его супругу и дѣтей. Потомъ сей великодушный и истиннаго благочестія исполненный мужъ, для укрѣпленія и совершеннаго очищенія своей души, приказалъ начать Елеосвященіе, гдѣ во время продолжающейся духовной церемоніи теплое возсылалъ ко Всевышнему моленіе, повторяя притомъ сколько могъ чтенное отъ пресвитеровъ священное Евангеліе; по окончаніи же сей духовной церемоніи, какъ бы не чувствуя никакой въ себѣ тягости, поднятъ отъ державшаго его тогда ближняго своего служителя (который и въ блаженной жизни его былъ при немъ неотлучно, черезъ долгое время) сказалъ сіе: „ты свидѣтель о несомнѣнной вѣрѣ и о непоколебимомъ, которое я всегда имѣлъ, благочестіи; я чувствую, что уже конецъ жизни моей приближается!“ Тогда самъ приказалъ читать молитвы на исходъ души; при окончаніи всего, поднявъ руку, говорилъ: „вѣрую, Господи, и исповѣдую; вѣрую Господи, помози моему невѣрію! Къ Тебѣ же идетъ душа моя, Боже!“ И такъ при пролитіи слезъ закрылъ очи къ несказанной горести и сердечному сокрушенію своей фамиліи и къ наичувствительнѣйшему сожалѣнію великаго множества истинную къ нему любовь имѣющихъ, предалъ въ руцѣ Бога живаго блаженную душу свою, при начатіи 63 лѣта отъ рожденія своего, 31 дня Августа передъ полуднемъ въ 11-мъ часу въ 20 минутъ, въ царствующемъ градѣ семъ Москвѣ, въ собственномъ домѣ своемъ, состоящемъ близъ Солянаго двора. Родился, какъ выше показано, въ лѣто Господне 1704, мѣсяца Іюля въ 18 день, тезоименитство праздновалъ день 30 Августа“ *).

На внѣшнихъ стѣнахъ Георгіевской церкви.

1) „Лѣта 7205 (1697) году Февраля 22 числа въ 3 часу дня, благоволеніемъ и судьбами Всесотворшаго насъ Бога, преселися въ вѣчную жизнь дому стольника Іоанна Родіоновича Стрѣшнева человѣкъ его Іоаннъ Емельяновъ сынъ Безобразовъ, поживе 55 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ и погребенъ противъ сей надписи.“

---

*) Такую же блаженную кончину имѣлъ правнукъ его графъ Михаилъ Дмитріевичъ Бутурлинъ, лѣтъ двадцать тому назадъ но, въ Московской городской больницѣ. П. Б.

2) „Лѣта 7138 (1630) году Декабря въ 17 день, на память святыхъ трехъ отроковъ Ананіи, Азаріи и Мисаила, преставися раба Божія Степанова посестрина Ѳедоровича Стрѣшнева и полусхимница Ираида Ивановна."

3) „Лѣта 7 . . . . . году Іюля 2 день, въ память Положенія Ризы Пресвятыя Богородицы, преставися раба Божія младенецъ Екатерина Иванова дочь Родіоновича Стрѣшнева и погребена на семъ мѣстѣ."

4) „Лѣта 7204 (1696) году Ноября противъ 6 числа, на память иже во святыхъ отца нашего Павла Исповѣдника, преставися раба Божія младенецъ Марія Иванова дочь Родіоновича Стрѣшнева и положена на семъ мѣстѣ".

5) „Лѣта 7205 (1697) году Генваря въ 20 день въ нощи въ 5 часу, на память преподобнаго отца нашего Евѳимія Великаго, преставися раба Божія Прасковія Львова дочь Андреевича Зернова Вельяминова стольника Наумова жена Михайловича Головнина, положена на семъ мѣстѣ отъ роду поживе."

6) „1712 году Мая въ 25 день преставися раба Божія стольника Леонтія Яковлевича Кокошкина жена его Анна Никитишна, а во иноцѣхъ схимонахиня Анонея, жила 56 лѣтъ."

На внутреннихъ стѣнахъ Казанской церкви, въ трапезѣ.

7) „1722 году Генваря въ 20 день преставися раба Божія маіора князя Ивана Ивановича . . . . и погребена противъ сей таблицы."

8) „1734 г. Мая 24 д. во 2 часу нощи, на память преп. отца нашего Симеона иже на дивней горѣ, преставися рабъ Божій подполковникъ Григорій Максимовичъ Терпицкой; отъ рожденія житія его было 65 л. и 8 м. а тезоименитство его Генваря 25 числа, и погребено тѣло его на семъ мѣстѣ."

На стѣнѣ, отдѣляющей трапезу отъ церкви.

9) „Лѣта 7166 (1658) году Іюля въ 8 день, на память св. великомученика Прокопія, преставися рабъ Божій младенецъ князь Ѳедоръ Борисовичъ Троекуровъ."

10) „Лѣта 7168 (1660) году Октября во 2 день преставися рабъ Божій младенецъ князь Семенъ Борисовичъ Троекуровъ."

11) „Лѣта 7180 (1672) году Марта противъ 27 числа во 2 часу нощи преставился рабъ Божій младенецъ князь Иванъ сынъ князя Ивана Борисовича Троекурова."

12) „Лѣта 7078 (1670) году Октября въ 16 день въ 4 часу дня, на память св. Пророка Іоиля, преставися раба Божія младенецъ княжна Елена Ивановна, дочь князя Ивана Борисовича Троекурова."

На наружныхъ стѣнахъ Казанской церкви.

13) „Лѣта 7170 (1662) году Марта въ 3 день, на память святыхъ мученикъ Евтропія и дружины его, преставися раба Божія бояриня князя Ивана Михайловича Коркодинова жена его княгиня Елена Алексѣевна."

14) „Лѣта 7214 (1706) году Апрѣля въ 22 день, на память преподобнаго отца нашего Ѳеодора Сикста, преставися раба Божія стольника Иванова вдова Стефанида, и погребена на семъ мѣстѣ.

15) Лѣта 7215 (1707) году Марта въ 8 день, на память преподобнаго отца нашего Ѳеофилакта епископа Никомидійскаго, преставися раба Божія стольника Матвѣева жена Алексѣевича Головина [1]) Агриппина Никитишна и погребена на семъ мѣстѣ.“

16) „1707 году Декабря въ 30 день, на память св. мученицы Анисіи, преставися раба Божія стольника Матвѣева жена Алексѣевича Головина Марія Михайловна и погребена на семъ мѣстѣ.“

17) 1715 году Генваря въ 8 день преставися раба Божія казначея монахиня . . . . . совыхъ а житія ея было . . . . 2 года, а погребена на семъ мѣстѣ.“

18) 725 году Мая въ 21 день сей обители игуменья схимонахиня Софія умре и погребена при сей надписи Мая жъ въ 26 день преосященнымъ архіепископомъ Леонидомъ Сирскимъ и Подонскимъ, архимандриты Петровскимъ и Златоустовскимъ со освященными чины. Дщерь она стольника князя Алексѣя Юрьевича Мещерскаго, родися 170 году, именовася княжна Стефанида, Ноября въ 11 день бракосочетася за стольника Ивана Ивановича Квашнина 203 году, воспріяше вдовство 701 Мая 6, въ Страшномъ монастырѣ 715 году, въ игуменство въ сію обитель избрана 717 году Іюля въ 28 день, всего поживе 63 года.“

19) „1712 году Августа въ 12 день преставися раба Божія Георгіевскаго дѣвичьяго монастыря священника . . . . . раба Божія онаго Георгіевскаго дѣвичьяго монастыря жена его Ирина Григорьева дочь . . . . . . и погребены противъ сей подписи прямо въ аршинахъ.

20) Противъ сей таблицы погребена монахиня Александра Аѳонасьевна, жена маіора Ивана Алексѣевича Собакина, а житія ея было . . . . . монашескій чинъ носила 8 лѣтъ, а преставилася въ 1749 году Іюня въ 17 день.“

21) „На семъ мѣстѣ погребена сего монастыря начальница Ѳеодосія Романовна Кишкина.“

Въ церкви св. Симеона Столпника на Поварской за Арбатскими воротами, въ Дехтеревѣ огородѣ.

На южной наружной стѣнѣ.

1) „1722 году Генваря въ 11 день, на память преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Ѳеодосія, преставися рабъ Божій младенецъ Василій Васильевичъ Плещеевъ, житія его было 2 года 11 дней“.

2) „1748 года Ноября 11 числа преставился рабъ Божій Правительствующаго Сената подканцеляристъ Тихонъ Григорьевъ сынъ Юдинъ, житія его было 67 лѣтъ и погребенъ противъ сей таблицы“.

3) „1732 года Апрѣля въ 20 день преставися раба Божія дому дѣвицы Анны Васильевны Загромской служителя ея Андрея Михайлова сына Бохова жена его Ирина Иванова дочь, а житія ея было 35 лѣтъ и 4 дня; да съ нею же погребены дѣти ея два младенца Гавріилъ и Марія и погребены противъ сей таблицы“.

[1]) Матвѣй Алексѣевичъ Головинъ умеръ 30 Генваря 1725 года.

4) „Лѣта 7194 (1636) Декабря 20 день преставися раба Божія Өекла Иванова жена Квасникова и съ дѣтьми своими со младенцы съ Григоріемъ, со Іоанномъ, со Евдокіею".

5) „1739 году Іюня 10 дня, на память святыхъ 45 мученикъ въ Никополѣ Арменстѣй, преставися рабъ Божій приходу сея церкви Симеона Столпника викарный іерей Василій Игнатьевъ, а отъ роду житія его было 65 лѣтъ и погребенъ противъ сея надгробныя надписи".

6) „Лѣта 7188 (1680) Сентября въ 9 день преставися раба Божія сея церкви служителя іеродіакона Іоанна жена его Марія и чада ихъ Михаилъ, Петръ, Михаилъ. . . . . . , ...

7) „Лѣта 7201 (1693) Апрѣля въ 21 день, на память преподобнаго Өеодора Сикста, въ 4 часу дня, преставися рабъ Божій дворянинъ Левъ Исаевичъ Оленинъ, и погребено тѣло его на семъ мѣстѣ, а житія его лѣтъ. Ему же да сотворитъ Господь Богъ со святыми вѣчную память: всякій человѣкъ глаголетъ.

На сѣверной стѣнѣ.

8) „Хощеши кто здѣ положися,
Зрѣти, всякъ на гробъ приближися.
Се сномъ Грузинецъ бывъ рожденный,
Но Католикосъ вмѣстѣ сверженный,
Въ ней же Данилъ именовался,
Макарьевъ сынъ назывался,
Но въ сердцѣ свѣтъ егда возсія,
Позна и всю лесть оставилъ,
Каѳолически сей Петръ назвася
И въ паки бытіе тѣмъ призвася.
Іюля 4 животъ его кончася.
772 тѣло его здѣ положися".

9) „Зри, человѣче, гробъ сей, Богу помолися.
Здѣ Еуфимія жена умерша склонися,
Михаила подъячаго посольска приказа
Родостамова, тя ждетъ отъ Христа указа,
Да егда пріидетъ Онъ въ славѣ людъ судити,
Изволилъ бы ю въ небо на вѣки вселити.
Седмь тысящъ девять-десять въ лѣто девято,
Въ двадесять четвертый день Мая жизнь отъята".

10) „1715 году Ноября въ 15 день въ 5 часу дня преставися раба Божія полковника Василія Богдановича Плахова жена его Татьяна Өедоровна, а тезоименитство Ангела ея Генваря въ 12 день, а житія ея 47 лѣтъ.

Въ церкви св. Николая что въ Плотникахъ, Можжевельники, на Арбатѣ.

На западной стѣнѣ:

1) „Лѣта отъ сотворенія міра 7276, а отъ Рождества Христова 1768 года Генваря 8 дня поутру съ полуночи 8 часу, на память преподобныхъ отецъ Григорія Хозевита и Емельяна Исповѣдника, преставися раба Божія Марія Яковлевна, дочь надворнаго совѣтника Григорьева, жена Никифорова сына

Арбузова, отъ рожденія ея на 51 году, тезоименитство ея Апрѣля 1 дня преподобныя матери Маріи Египетскія, и погребена противъ сея надписи".

2) „1746 году Сентября 28 дня по полуночи въ 9 часу, на память преподобнаго отца нашего Харитона, преставися рабъ Божій Московской рентереи подъячій Ѳедоръ Михаиловъ, тезоименитство его Апрѣля 17 дня, а житія его отъ роду было 67 лѣтъ, и погребенъ противъ сей таблицы".

На южной стѣнѣ.

3) „1745 году Февраля 22 дня преставися рабъ Божій маіоръ Козма Ивановичъ Теремницкій, а житія его было на ономъ свѣтѣ семьдесятъ лѣтъ, погребенъ противъ сей таблицы".

На сѣверной стѣнѣ.

4) „1704 году Генваря въ 27 день, на память преподобнаго отца нашего Ефрема Сирина, преставися рабъ Божій . . . погребенъ близъ сей таблицы".

5) „1762 года Августа 9 дня, на память св. архидіакона Евпла, по полудни въ 6 часу преставися рабъ Божій бригадиръ Михаилъ Ивановъ сынъ Сабуровъ, а житія его было 55 лѣтъ, а рожденіе его Ноября 5 дня, а тезоименитство Генваря 11 дня, а положено тѣло его подъ сей надписью".

Въ церкви Святителя Николая Явленнаго на Арбатѣ, на Большой Смоленской улицѣ, за Смоленскими воротами, въ Стрѣлецкой слободѣ.

1) „1727 году мѣсяца Августа въ 10 день, на память святаго мученика и архидіакона Лаврентія, преставися рабъ Божій собору Василія Блаженнаго протопресвитеръ Василій Ивановъ сынъ, а отъ рожденія ему было 66 лѣтъ. 1729 году мѣсяца Генваря въ 20 день, на память преподобнаго отца нашего Максима Исповѣдника, преставися раба Божія его протопресвитерова сожительница Марѳа Яковлева дочь, а отъ рожденія ей было 65 лѣтъ, и погребены на семъ мѣстѣ".

2) „1742 года Апрѣля 11 дня, преставися рабъ Божій лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку солдатъ князь Иванъ княжъ Ивановъ сынъ Вяземскій, а родился 1718 году Генваря 15 дня, въ службѣ Ея Императорскаго Величества былъ 8 лѣтъ, 6 мѣсяцевъ 11 дней, и погребенъ противъ сей таблицы".

3) „1742 года Апрѣля 15 дня преставися рабъ Божій генералъ-маіоръ князь Василій княжъ Матвѣевъ сынъ Вяземскій, а родился 1665 году Декабря 15 дня, въ службѣ Ея Императорскаго Величества былъ 42 года, и былъ на многихъ баталіяхъ и штурмахъ, а житія его было 77 лѣтъ, погребенъ противъ сей таблицы".

Въ церкви Спаса Преображенія на Пескахъ, въ Стрѣлецкой слободѣ, въ Тимоѳеевѣ приказѣ Полтева, между Арбатомъ и Поварской.

На алтарной стѣнѣ.

1) Противъ сей доски преданы землѣ бренные остатки скончавшагося 1749 года Іюля 9 дня генералъ-лейтенанта Александра Кондратьевича Зы-

кова и супруги его Ефросиньи Васильевны, урожденной Мамоновой, скончавшейся 1752 года Апрѣля 5 дня.

Въ церкви Покрова Божія Матери, что̀ въ старомъ Левшинѣ полку, что̀ на Могильцахъ.

На наружной южной стѣнѣ.

1) „1764 года, мѣсяца Генваря 18 дня, преставися рабъ Божій Ѳеодоръ Дементьевъ сынъ Звѣревъ, а тезоим. его мѣсяца Сентября 19 дня, а житія его было отъ рожденія 80 лѣтъ, и погребенъ въ паперти противъ сея таблицы, отъ стѣны церковной одинъ аршинъ“.

На наружной алтарной стѣнѣ.

2) „1755 года Апрѣля 13 дня преставися рабъ Божій Дмитрій Богдановъ сынъ Ладыгинъ, а житія его было отъ роду . . . . . . годъ, и погребенъ противъ сей таблицы, отступя отъ стѣны мѣрою одинъ аршинъ“.

Въ церкви св. Антипія чудотворца, что̀ у государевыхъ большихъ конюшенъ, у старыхъ колымажныхъ конюшенъ, въ Чертольѣ.

Въ храмѣ на мѣдной доскѣ.

„Здѣсь погребена сіятельнѣйшая княжна Параскева Ѳео́доровна, дщерь генералъ-лейтенанта, ордена Св. Анны кавалера, государственной Военной Коллегіи члена и Санктъ-Петербургской крѣпости оберъ-коменданта и князя Ѳеодора Васильевича Мещерскаго. Родилась въ 1755 году Іюля въ 6 день, тезоименитство ея того же мѣсяца Мая противъ 13 дня, въ 3 часу по полуночи въ 13 минутъ. Вѣра несомнѣнная, чистота сердечная, любовь и благоснисхожденіе, украшая всѣмъ любезную ея жизнь, заслужили ей мужественный, святой истинно христіанскій конецъ: въ совершенной памяти съ напутствіемъ Св. Таинствъ, при искреннемъ примиреніи со всѣми въ руцѣ Господни предала блаженную душу свою“.

„Блаженни мертвіи, умирающіе о Господѣ, отнынѣ ей глаголетъ Духъ, да почію отъ трудовъ своихъ. Апок. гл. 14, стихъ 13.“

Въ церкви Похвалы Пресвятыя Богородицы въ Башмаковѣ, въ Башмачкахъ, у Всесвятскихъ воротъ.

У Водяныхъ воротъ, въ Чертольѣ, Старой Прощи, что́ у Москвы рѣки на берегу, за старымъ дровянымъ дворомъ съ придѣломъ Св. Николая Явленскаго, что̀ въ Пречистенской улицѣ.

Въ подвалѣ на каменной плитѣ, вдѣланной въ стѣну:

„Во имени Всетворца Бога, царскаго пресвѣтлаго величества думный дворянинъ и печатникъ благоразуменъ, господинъ Евстигней, званный Деметій Миничъ Башмаковъ поживе благочестно 87 лѣтъ и дней 40, въ граж-

данскихъ же дѣлѣхъ и въ судіяхъ усердно и зѣло тщательно трудися 72 лѣта, имѣніе же свое все, села, дома и вещи распродавъ въ созиданіе обителей святыхъ и въ украшеніе церквей Божіихъ роздаде и въ милостыню нищимъ и убогимъ истощи, непрестанно до скончанія жизни своея. Такожде и сей святый храмъ созда и украси и всякими церковными потребами и колоколами удовольствова, лѣта Рождества Іисуса Христа 1705 Сентября въ 10 день успе благочестно во всѣхъ церковныхъ и Святыхъ Таинствъ совершенствѣ; и положено тѣло его на семъ мѣстѣ. Гробъ же сей кто узритъ: Господи Боже! упокой душу его съ праведными во блаженствѣ и радости вѣчныя, аминь".

Тамъ же на стѣнѣ.

2) „Лѣта 1761 года Мая въ 21 день преставися раба Божія Агрипина Дементьева дочь, да внука ея Марія дѣвица, дочь думнаго дьяка Дементія Минина сына Башмакова".

На наружной алтарной стѣнѣ.

3) „Лѣта 7158 года Апрѣля въ 12 день, на память св. отца нашего Василія Парійскаго, преставися рабъ Божій Сытнаго Дворца стряпчій Іоаннъ Григорьевъ сынъ Коробовъ".

Снаружи на колокольнѣ.

4) „Лѣта 7137 года Апрѣля въ 13 день на 1 часу дня преставися рабъ Божій Приказа Большого Дворца подъячій Алексѣй Максимовъ сынъ Шандинъ съ первою женою, и погребенъ у церкви Похвалы Пресвятыя Богородицы, что̀ у Всесвятскихъ воротъ близъ Бѣлаго города, противъ колокольни въ двухъ саженяхъ".

Въ церкви Св. Живоначальныя Троицы, что̀ въ Стрѣлецкой слободѣ, въ Ивановѣ приказѣ Зубова, за Чертольскими вороты, въ Ивановѣ приказѣ Бѣгичева, за Пречистенскими вороты, что̀ въ полку стольника и полковника Ивана Макшеева.

На наружной сѣверной стѣнѣ.

„1723 года Декабря 18 дня, на память св. мученика Севастіана и съ нимъ, преставися раба Божія жена стараго стряпчаго Григорія Михайлова Агаѳья Алексѣева дочь, поживе 33 года и погребена противъ сей стѣны.

Въ церкви Пятницы Святой въ Черниговѣ къ Убогому дому (близъ Пречистенки).

На наружныхъ стѣнахъ.

На южной: 1) „1744 году Ноября 2 дня, на память св. мученикъ Галактіона и Епистиміи, по-полудни въ 6 часовъ, преставися раба Божія дому генералъ-маіора и дѣйствительнаго камеръ-гера и кавалера графа Ѳеодора

Андреевича Апраксина маіорская вдова Марина Трофимова дочь Валуева, а житія ея было 75 лѣтъ, спустя 8 дней рожденія ея 1665 году, а тезоименитство ея Ноября 17 дня и погребена противъ сей церкви."

На восточной стѣнѣ: 2) „1714 году Марта въ 27 день, на память Св. матери нашей Матроны Селунскія, преставися рабъ Божій ближній стольникъ Георгій Θеодоровичъ Ладыженскій, а житія его было 49 лѣтъ 4 мѣсяца; да возлѣ его погребены по лѣвую сторону дѣти его младенцы Іоаннъ, Ирина, Васса, Іоаннъ, Василій, Марія, Іоаннъ, Георгій, Анна; а тезоименитство его Великомученика Георгія, Ноября въ 26 день. Сія доска сдѣлана на заводахъ Александра Львовича Нарышкина 1724 году Генваря въ   день, лилъ мастеръ Сергѣй Малафеевъ." Эта доска чугунная, лежитъ на южной сторонѣ подлѣ церкви.

При Введенской церкви бывшаго Государева Патріаршаго Новинскаго монастыря.

1) „1730 года Апрѣля 10 дня преставися рабъ Божій маіоръ Михаилъ Михайловъ сынъ Шиповъ отъ рожденія всего 43 лѣта, а тезоименитство мѣсяца Сентября 6 дня, и погребено тѣло его противъ сей таблицы того жъ Апрѣля 12 дня".

2) „1724 года Апрѣля въ 19 день преставися рабъ Божій сего Новинскаго монастыря строитель монахъ Филаретъ Барнатевъ, отъ рожденія житія его было 61 годъ и погребенъ противъ сей таблицы."

3) „1756 году Марта 25 дня по-полудни въ 4 часу преставися рабъ Божій лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку секундъ-маіоръ Петръ Васильевичъ Чаадаевъ отъ роду житія его было 41 годъ, и погребенъ противъ сей таблицы."

4) „1760 году Февраля 3 дня преставися раба Божія поручица Прасковія Чаадаева, отъ роду житія ея 24 года и погребена противъ сей таблицы."

„1702 году Мая въ 29 день, на память преподобныя мученицы Θеодосіи дѣвы, убіенъ рабъ Божій полковникъ Θеодосій Юрьевичъ Кавинъ въ Тверскомъ уѣздѣ за рѣкою Волгою подъ селомъ Владомымъ отъ разбойниковъ, будучи въ сыску и поимкѣ воровъ, и погребенъ въ семъ мѣстѣ".

5) „Противъ сего мѣста въ трехъ саженяхъ положено тѣло Рязанскаго купца Александра Ивановича сына Рюмина, который преставися 1753 году Мая 2 дня, тезоименитство его было". . . . .

Въ церкви Знаменія Пречистыя Богородицы на Дѣвичьемъ полѣ, за Пречистенскими воротами, на Зубовской площади.

На наружной сѣверной стѣнѣ.

„1728 г. Ноября противъ 22 дня преставися раба Божія Хамовой слободы Авдѣя Козмина сына Рыбникова, жена его Евдокія Алексѣева дочь, житія ей отъ роду 47 лѣтъ и погребена противъ сей таблицы."

При церкви Св. Николая на Курьихъ Ножкахъ, на Курьей ножкѣ, въ Трубникахъ, на Поварской, за Смоленскими воротами.

На церковномъ погостѣ на камняхъ.

1) Родъ Ярцевыхъ преставися.

На паперти: 7) „1763 году Марта 28 дня по полудни въ часу преставися раба Божія Новодѣвичья монастыря игуменья Агаѳія Ѳеодоровна, бывшая Семеновскаго полку . . . . . она Максима Сергѣевича Бабаева, житія ея 35 лѣтъ было 69 лѣтъ, рожденіе ея Февраля 1, а тезоименитство 5 числа; игуменьею была два года и три мѣсяца и 10 дней, постриженіе было въ 1760 году Декабря 17 числа".

„Рабъ Божій дому Ея Императорскаго Величества стряпчій Петръ Никитинъ 1743 года, Марта въ 25 день".

2) „1755 году Апрѣля 10 дня преставися рабъ Божій генералъ-маіоръ Стефанъ Васильевичъ . . . . кинъ на память Св. мучениковъ Терентія и Помонія, а житія отъ рожденія было 68 лѣтъ и погребенъ на семъ мѣстѣ."

3) На церковной стѣнѣ: „1765 году Генваря 10 дня по полудни въ 4 часу преставися раба Божія Пелагея Андреева дочь, жена Московской губернской канцеляріи актуаріуса Парѳена Яковлева, отъ рожденія житія ея было 62 года и 2 мѣсяца и 20 дней, въ замужствѣ была 36 лѣтъ и погребена на семъ мѣстѣ противъ сей таблицы."

Въ церкви Св. Іоанна Предтечи въ Кречетникахъ, у Кречетнаго двора, позади государева Кречетнаго двора, подлѣ Земляного города.

На наружной сѣверной стѣнѣ:

„1725 года Генваря 6 числа преставися раба Божія комисара Даніила Иванова сына Востискаго жена его Ѳекла Тимоѳеева дочь, отъ рожденія житія ея 25 лѣтъ, при ней же младенецъ Василій, и погребены противъ сей таблицы."

Въ церкви Святителя Николая на Берсеневкѣ, въ Берсеневкахъ, за Берсенею рѣшеткою, въ Верхнихъ, въ Берсеневскихъ Садовникахъ.

Въ притворѣ у сѣверныхъ дверей.

1) „Во славѣ и хвалѣ Отца и Сына и Святаго Духа рабъ Божій думный дьякъ Аверкій Стефановичъ Кирилловъ отъ рожденія своего поживе 60 лѣтъ и отъ начала міра лѣта 7190 Мая въ 16 день мученически скончался, на память преподобнаго отца нашего Ѳеодора Освященнаго."

2) „Лѣта отъ начала міра 7190 г. Октября въ 13 день, на память святыхъ мученикъ Карпа и Понилы, преставися раба Божія думнаго дьяка

Аверкія Стефановича Кирилова жена его Евфимія евна, поживе отъ рожденія 60 лѣтъ."

3) „1732 г. Генваря 23 дня преставися раба Божія Марія Васильева дочь, бывшаго дому Ея Императорскаго Величества метергардероба Петра Алексѣевича Бема, отъ роду житія ея четыредесятъ первый годъ, погребена подъ симъ мѣстомъ, противъ сей таблицы."

Снаружи на сѣверной сторонѣ.

4) „1728 г. Августа въ 23 день, на память святаго мученика Луппа, преставися раба Божія Евдокія Леонтьева дочь Козмина, жена Васильева сына Бисерова, а житія ея было 21 годъ и 6 мѣсяцевъ."

На восточной наружной стѣнѣ имѣется подпись стихами, на ней можно было прочесть 1742 годъ и слѣдующія двѣ строки:

Всякъ мимошедый сею стезею
Прочти сія и вижнь, кто закрытъ сей землею.

Въ церкви Воскресенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа въ Кадашевѣ, что̀ на грязи, за Москвою рѣкою, въ Кадашахъ, въ Кадашевской слободѣ.

На алтарной наружной стѣнѣ.

1) „1729 г. Сентября въ 12 день преставися раба Божія сея церкви іерея Ѳеодора Амвросимова супруга его Парасковія Ѳеодорова дочь, а житія ея было 27 лѣтъ; да тутъ же погребенъ іерей Ѳеодоръ, Акилина, Іоаннъ, Анна, и да рекутъ объ нихъ вѣчную память."

На погостѣ церковномъ находятся камни со слѣдующими надписями:

2) „1726 года Февраля въ 20 день преставися рабъ Божій Вязмитинъ, гостиной сотни Московской суконной фабрики компанейщикъ, Кирилъ Вонифатьевъ сынъ Болотинъ, поживе 49 лѣтъ 10 мѣсяцевъ и 10 дней, погребенъ отъ сей подписи 5 аршинъ."

3) „1735 г. Генваря 1 дня преставися рабъ Божій Московской суконной фабрики фабрикантъ Ефимъ Кириловъ сынъ Болотинъ, житія его отъ рожденія было 40 лѣтъ."

Въ церкви Св. великомученика Георгія, что̀ въ Ендовѣ, въ Рвушкахъ, въ встрозѣхъ.

На сѣверной наружной стѣнѣ.

„1753 г. Декабря 19 дня, по полудни въ 3 часу не стало Петра Ивановича, житія его было 34 года, положенъ въ Москвѣ у церкви Егорья, называется въ Ендовѣ, на улицѣ въ Нижнихъ Садовникахъ, лейбъ гвардіи коннаго полка секундъ-ротмистръ, и погребенъ на семъ мѣстѣ Фонъ-Менгденъ".

Въ церкви Успенія Богородицы въ Кожевной слободѣ, въ Кожевникахъ.

На наружныхъ стѣнахъ на паперти, на сѣверной сторонѣ.

1) „1759 г. Іюля 9 дня по полуночи въ 3 часу преставися рабъ Божій 1 гильдіи купецъ содержатель кожевенной фабрики Кононъ Васильевъ сынъ Скобельщиковъ, а житія его было 41 годъ и 4 мѣсяца и 4 дня, тезоименитство его Марта 5 дня, а погребенъ противъ сей таблицы“.

На южной сторонѣ.

2) „1766 г. Генваря 20 дня, по полудни въ 4 часу преставися рабъ Божій Московскій 1 гильдіи купецъ и кожевенной фабрики содержатель Никонъ Емельяновъ сынъ Сабуровскій, а житія его было отъ рожденія 55 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ, который и погребенъ противъ сей таблицы того жъ Генваря 22 дня“.

Человѣкъ взирай,
Смертный часъ о себѣ помышляй“.

На восточной стѣнѣ.

3) „Родъ Алексѣя Васильева сына Лѣсникова, лѣта отъ Рождества Христова 1716 Февраля 24 день, на первое и на второе обрѣтеніе честныя главы Іоанна Предтечи, преставися рабъ Божій Алексѣй Васильевъ“.

На погостѣ церковномъ, на чугунной плитѣ.

4) „Царь славы, крестъ мертвымъ, воскресеніе. 1756 г. Іюня 4 дня, въ 7 часу по полуночи преставися раба Божія Московскаго 1-й гильдіи купца Василія Алексѣевича Котельникова супруга его Анна Андреевна, житія ея было 28 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ“.

Въ церкви Святыя Живоначальныя Троицы въ Кожевной слободѣ, въ Кожевникахъ.

На наружной сѣверной стѣнѣ.

1) „1706 г. Мая въ 6 день здѣ погребеся рабъ Божій служитель сея святыя церкви священно-іерей Алексѣй Петровъ, а поживе 28 лѣтъ, а священствовалъ 5 лѣтъ и полтора мѣсяца“.

2) „1768 г. Апрѣля 22 дня преставися рабъ Божій Московскій 2 гильдіи купецъ Аѳонасій Ипатовъ сынъ, житія его было 57 лѣтъ, а тезоименитство его Іюля 5, Аѳонасія Аѳонскаго, и погребенъ противъ сей таблицы“.

На паперти, на внутренней западной стѣнѣ.

3) „Хощешь ли, путниче, знать кто здѣ погребены,
Мало постой, прочитай слова изображены.
Слуга Божій и пастырь душъ овецъ славныхъ,

Священный совершитель таинствъ небесныхъ,
Аѳонасій именемъ названный,
Не меньше какъ народомъ и Богомъ избранный.
Чрезъ десятолѣтнее въ жизни время
При семъ храмѣ онъ носилъ іереево бремя.
Тридцать девять лѣтъ всего житія его было,
Кое ему Божество жить опредѣлило.
Тысяча семьсотъ пятьдесятъ перваго лѣта
Мая восмнадесятый день отше сего свѣта.
Хотя пришла его жизнь на часы златые,
Въ безконечную вѣчность ту возобновляютъ.
Смерть въ покой и гробъ въ чертогъ и жизнь премѣняютъ".

Въ церкви Святителя Николая въ Заяицкомъ, у Заяицкаго подворья.

На наружной южной стѣнѣ.

1) „1744 г. Генваря 2 дня, на память преподобнаго отца Сильвестра папы Римскаго, преставися рабъ Божій и погребенъ при семъ мѣстѣ войска Донского старшій Аидинской станицы атаманъ Семенъ Вороломеевъ сынъ Похомовъ, который родился въ 1672 г., а житія его 72 года".

На погостѣ церковномъ, у южной стѣны, на чугунной плитѣ.

2) „Московскій купецъ Ѳеодоръ Патрикеевичъ Александровъ, убіенный Французами въ 1812 г. Миръ праху твоему".

Въ церкви Св. Григорія епископа Неокесарійскаго, по прозванію Красная, за Москвою рѣкою, въ Толмацкой слободѣ, на Полянкѣ, въ Морозовой слободѣ, въ Кадашахъ.

Надъ аркою придѣла Св. Григорія Богослова.

1) „Лѣта 7178 преставися протопопица, Государева духовника священно-протопопа Андрея Саввиновича раба Божія Ульянія, мѣсяца Марта въ 14 день, въ Понедѣльникъ пятой недѣли великаго поста, въ нощи въ 10 часу, въ послѣдней четверти, на память св. мученика Саввина. Отпѣвалъ надъ нею патріархъ Іоасафъ, съ нимъ три митрополита да епископъ, четыре архимандрита, большого собора протопопъ съ братіею, и погребена въ сей гробницѣ у церкви Григорія чудотворца, Неокесарійскаго епископа. А рожденіе ея мѣсяца Августа въ 17 день св. мученикъ Марина и Ульяны. А погребена вшедъ въ гробницу на правой сторонѣ. Въ сей же гробницѣ погребенъ сынъ его священно-протопопа Андрея Саввиновича Алексѣй младенецъ. А рожденіе его мѣсяца Февраля ко второй на десять день и погребенъ возлѣ гроба матери своей, въ срединѣ. — 180 года мѣсяца Марта въ 1 день преставися раба Божія Анна дѣвица въ пятокъ второй недѣли великаго поста, въ 6 часу дня, въ самую литургію; почали пѣть „нынѣ силы небесныя", въ то время преставися, на память св. мученицы Евдокіи; погребеніе было въ воскресеніе второе великаго поста, въ 8 часу дня,

Марта въ 3 день, на память св. мученикъ Евтропія, Клеоника и Василиска, а отпѣвали надъ нею епископъ Архангельскій Іоакимъ и иные священницы, а погребена въ сей гробницѣ, на лѣвой сторонѣ, вшедъ въ гробницу, возлѣ гроба Алексѣя младенца. Рожденіе Анны дѣвицы Сентября въ 9 день, св. праведныхъ Богоотецъ Іоакима и Анны. Подписана сія надпись для впредъ, чтобы память ихъ незабвенна была и мѣсто то значно было, гдѣ которая гробница, и вѣдомо было, сія лѣтопись для того написана. Въ сей гробницѣ погребены родители: протопопица его и дѣти, дочь да сынъ Государева царева духовника священно - протопопа Андрея Саввиновича его родители; и буде кто насильствомъ станетъ погребать своя родители въ сей гробницѣ и раскопаетъ, и мы подтверждаемъ: не буди на немъ милость Божія; или обругаетъ чѣмъ родители сія за нашимъ писаніемъ, и преслушаетъ, и затворитъ отъ него Господь царство небесное, и да пріидетъ на него неблагословеніе и клятва и казнь Божія душевная и тѣлесная въ нынѣшнемъ вѣцѣ и въ будущемъ вѣчная мука".

Въ трапезѣ въ правомъ придѣлѣ въ одномъ изъ пролетовъ.

2) „Колежскій совѣтникъ Іоаннъ Венедиктовичъ Батуринъ родился 1696 году Марта 30 числа, преставился 1743 года Декабря 17 дня и погребенъ подъ симъ того же мѣсяца 20 числа преосвященнымъ архіепископомъ Платономъ".

Подъ этой надписью:

3) „Колежскаго совѣтника Ивана Венедиктовича Батурина жена его Матрена Антоновна, вдовствовала 26 лѣтъ, родилась 175 году Ноября 9 числа, преставилась 1771 году Марта 15 дня, погребена подъ симъ тогожъ мѣсяца 17 числа преосвященнымъ митрополитомъ Николаемъ Грузинскимъ".

Обѣ надписи на мѣдныхъ доскахъ, и надъ каждой изъ нихъ изображеніе меча.

На паперти при входѣ на право.

4) „1756 году Февраля 22 дня во 2 часу по полудни отыде сего временнаго житія рабъ Божій оберъ-секретарь коллежскій и типографіи Московской директоръ Іоаннъ Тимоѳеевичъ Муриновъ. Отъ рожденія его житія 47 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ, а тезоименитство его Сентября 7 числа. А погребенъ противъ сей таблицы подъ симъ камнемъ".

5) „1737 году Марта 9 дня по полунощи въ 12 часу, на память 40 мученикъ, преставися раба Божія Садовой большой слободы купца Василія Никитина сына Горскова жена его вдова Неонила Матвѣева дочь. Житія ея отъ рожденія 42 лѣта 6 мѣсяцевъ, а тезоименитство ея Октября 28 числа и погребена противъ сей таблицы".

ЗАМѢЧАТЕЛЬНАЯ НАДПИСЬ НА ИКОНѢ XVIII-ГО ВѢКА *).

«Сей образъ написанъ по обѣщанію маіора Андрея Яковлева сына Михнева того ради. Дяди моего роднаго Ивана Артемьева сына Михнева, вотчины Алексинскія, села Якшина, земли 355 четвертей со крестьяны, по неправымъ и составнымъ купчимъ, отданы были неправыми приговоры Ивану Власову сыну Хомякову, а по немъ женѣ его Маринѣ да сыну его Козьмѣ, которыя вотчины обращались съ 1698 года по 1732 годъ, 35 лѣтъ, въ спорѣ, которыми вотчинами они Хомяковы владѣли съ великими между нами ссорами, имѣя житіе свое съ нами въ томъ одномъ нашемъ селѣ Якшинѣ, показывая намъ великія обиды, желая владѣть лишнею землею и всякими угодьями. Но намѣреніе имѣли лишить насъ и всего того села владѣнія и привесть насъ въ разореніе. А въ церковь каменную не токмо нашихъ для молитвъ во время службы Божіей, но и въ смерти тѣлъ для погребенія по закону христіанскому справлять не пущали.

И милостью всесильнаго Бога, сотворшаго насъ, съ помощью и предстательствомъ угодниковъ Его Святыхъ написанныхъ на семъ образѣ, на память оныхъ Святыхъ, а именно Маія 15 числа 1730 года Вотчинною Колегіею на тотъ правой приговоръ объ отдачѣ по наслѣдству тѣхъ вотчинъ подана челобитная; Генваря 15 дня 1731 года въ той Колегіи дѣло слушано; Августа 22 числа 1732 года вторично, и въ той дѣло слушано и дѣйствительно опредѣлено; Сентября 22 числа Вотчинной Колегіею именно закрѣплено и доношеніемъ въ Сенатъ внесено; Октября 17-го 1732 года въ Сенатѣ дѣло слушано и рѣшеніе учинено; Октября 30 числа 1732 года приговоръ сенаторы закрѣпили, и оныя вотчины даны по родству мнѣ.

И за такое Божіе милосердіе и предстательство угодниковъ повинно благодареніе Богу подавать, а угодниковъ, написанныхъ на семъ образѣ, въ тѣ числа молебствовать всѣми сродниками. Дано сіе мое обѣщаніе повсягодно въ тѣ дни совершать сей святой обрядъ»...

*) Правописаніе подлинника не сохранено, для удобства чтенія. П. Б.

Икона эта обыкновеннаго большаго размѣра, въ серебряной ризѣ, принадлежитъ нынѣ Николаю Николаевичу Гордѣеву, владѣющему одною частію стариннаго села Якшина. Н. Н. Гордѣевъ, по женскому колѣну, праправнукъ того Андрея Яковлевича Михнева, который устроилъ эту икону въ память выигранной тяжбы. Вышеприведенная надпись вырѣзана на серебряной дощечкѣ внизу ризы. Далѣе слѣдуетъ нѣсколько неподдающихся разбору буквъ, и надпись кончается словами: „Іюня мѣсяца 12 дня". На верху изображены: Спаситель и 39 Святыхъ угодниковъ, память которыхъ празднуется Мая 15, Сентября 22, Октября 1, Января 15, Августа 22, Октября 7.

Село Якшино, нынѣ Одоевскаго уѣзда, Тульской губерніи, въ то время находилось въ Алексинскомъ уѣздѣ, въ Якшинскомъ стану, какъ видно изъ грамоты 1691 года царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, которою оно пожаловано изъ помѣстья въ вотчину, за военные подвиги при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, стольнику Якову Артемьевичу Михневу, отцу Андрея Яковлевича, слѣдовательно прапрапрадѣду Н. Н. Гордѣева и нижеподписавшагося.

Валерьянъ Рамихъ.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СЕЛѢ КАПЦЕВѢ-БОГОРОДСКОМЪ.

Чтобы пополнить мое сказаніе о селѣ Капцевѣ-Богородскомъ [1]), я считаю необходимымъ привести данныя и о сосѣднихъ владѣльцахъ села по писцовымъ книгамъ 7137 и 7138 гг. Въ верстѣ отъ Капцева находилась деревня Лысцова [2]), имѣвшая 4 двора крестьянъ да 6 дворовъ бобыльскихъ. Она принадлежала владѣльцу погоста Шондура, стольнику князю Ѳедору Андреевичу Телятевскому. Вблизи этой деревни находилась пустошь, что̀ былъ погостъ Богородицкій; въ ней мѣсто церковное, что̀ былъ храмъ Рождества Богородицы. Смежно съ землею кн. Телятевскаго и вблизи села Капца (Капцева), на той же рѣчкѣ, находилось сельцо Копца, да пустошь „Смолница"; эта вотчина была записана за дьякомъ Михаиломъ Свѣтковымъ по закладной, за рукою Леонтія Пивова 113 (1605) года. Въ этомъ сельцѣ впрочемъ никакихъ крестьянскихъ дворовъ не находилось, а былъ только дворъ вотчинниковъ, да дворъ людской. Когда и кому Свѣтковъ продалъ эту землю, данныхъ нѣтъ; но по переписнымъ книгамъ 7186 года это мѣсто значилось уже деревней „Копцы" съ крестьянскимъ дворомъ и съ бобыльскими и принадлежало знаменитому воеводѣ Ивану Алексѣевичу Мещеринову, имѣвшему въ 3 верстахъ отъ села Капцева родовое село Погорѣлово. Ког-

---

[1]) „Русскій Архивъ" 1895 г., вып. 4-й.

[2]) Деревня Лысцова существуетъ и теперь. Въ ней 37 дворовъ и 107 ревизскихъ душъ.

да, по словамъ Двинской лѣтописи, воевода Мещериновъ со своими ратными людьми, въ Январѣ 1676 года, Соловецкій монастырь „взялъ взятьемъ и Соловецкихъ мятежниковъ и дѣльцовъ многихъ казнилъ смертію и за ребра вѣшалъ и многія казни чинилъ“, то, какъ говоритъ преданіе, онъ далъ обѣщаніе выстроить церковь въ своей отчинѣ, что̀ имъ и было исполнено. Онъ въ 1682 г. построилъ въ с. Погорѣловѣ каменную церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы и св. Николая, существующую и до настоящаго времени [3]). Въ этой церкви Мещериновъ помѣстилъ и часть трофеевъ, привезенныхъ имъ изъ Соловецкой обители: царскія врата и колоколъ. Пожертвовалъ онъ и другія священные предметы, но изъ нихъ уцѣлѣли только Евангеліе напрестольное 1688 г., да довольно ветхая тріодь, скрѣпленная по листамъ своеручно жертвователемъ: „сія книга, глаголемая Тріодь посная, дому воеводы Ивана Алексѣевича Мещеринова, а въ нынѣшнемъ въ 190 году Марта въ 2 день далъ я вкладу въ Ростовскую вотчину въ село Погорѣлово къ церкви Покрова Пречистыя Богородицы, да великаго чюдотворца Николая, по своихъ родителѣхъ, да по своей душѣ, на вѣчный поминъ во вѣки и на вѣки при священникѣ. . . .; а кто сію книгу отъ сей церкви отиметъ, да судится со мною въ ономъ свѣтѣ, а подписалъ я Иванъ Алексѣевъ своею рукою“.

Впрочемъ Мещериновъ деревнею Копцево владѣлъ недолго; онъ въ 1686 г. промѣнялъ ее стольнику Ивану Аѳанасьевичу Нарбекову [4]) на деревню Соловцову, лежавшую тогда ближе къ его Погорѣлову. И этотъ послѣдній владѣлецъ, какъ видно изъ старыхъ дѣлъ Вотчинной Коллегіи по г. Ростову, въ 1694 г. продалъ деревню Копцы владѣльцу села Капцева—Ростовскому воеводѣ Иларіону Гавриловичу Воронцову. Очевидно, около этого же времени Воронцовымъ куплены и сосѣднія владѣнія, такъ какъ изъ нѣкоторыхъ актовъ 1705—1710 гг. знаемъ, что деревня Лысцово, принадлежавшая князю Телятевскому, значится уже за Иларіономъ Воронцовымъ.

А. Титовъ.

Ростовъ-Великій
2 Апрѣля 1895 г.

---

[3]) Имъ же въ 1691 г. была построена въ Ростовскомъ Богоявленскомъ Авраміевомъ монастырѣ церковь надъ входными воротами во имя св. Николая Чудотворца.

[4]) Одна изъ дочерей Иларіона Гавриловича Воронцова была за Нарбековымъ.

Замѣтка по поводу ареста участниковъ второй Камчатской экспедиціи: лейтенантовъ Муравьева и Павлова и іеромонаха Арсенія Мацієвича (впослѣдствіи митрополита Ростовскаго).

Въ Апрѣльской тетради „Русскаго Архива“ 1895 годъ, въ вопросѣ XVIII-мъ М. В. Муравьевъ проситъ сдѣлать указанія о Беринговской Сѣверной экспедиціи (1732—1839 гг.) и разъясненія по загадочному аресту въ 1735 г. участниковъ этой экспедиціи: лейтенантовъ С. В. Муравьева, Павлова и іеромонаха Арсенія Мацієвича (впослѣдствіи митрополита Ростовскаго).

Считаемъ долгомъ указать, что подробныя и точныя данныя о составѣ и цѣли экспедиціи, а равно свѣдѣнія о причинахъ и слѣдствіяхъ ареста вышепомянутыхъ трехъ лицъ должны находиться въ архивѣ Морскаго Министерства, на что есть указанія и въ описаніи дѣлъ этого архива, именно: въ IV т. описанія на стр. 56 подъ № 785 значится дѣло: „Требованіе Сената, чтобы начальства Архангельской и Сибирской губерній оказывали всякое вспомоществованіе экспедиціямъ лейтенантовъ Овцына и Муравьева, посланнымъ на р. Обь для отысканія морскаго пути къ Енисею“. лл. 65—407. Въ томѣ VI, на стр. 474 подъ № 1890, лл. 548—553, значится дѣло: „О неисполненіи вояжей по данной инструкціи лейтенантами Безобразовымъ и Муравьевымъ“. Но независимо отъ этого, въ архивѣ Св. Синода имѣются два дѣла объ Арсеніи Мацієвичѣ, которыя проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на эти обстоятельства и заключаются въ слѣдующемъ.

Въ 1738 г. Мая 12, Св. Синодъ, имѣя въ виду опредѣлить іеромонаха Арсенія Мацієвича законоучителемъ въ Кадетскій Корпусъ, потребовалъ отъ него „подробную сказку“, изъ какого онъ чина, когда и кѣмъ постриженъ во іеродіакона и іеромонаха произведенъ и въ какихъ случаяхъ и оказіяхъ обрѣтался. Въ этой „сказкѣ“ Арсеній Мацієвичъ показывалъ между прочимъ слѣдующее: „Въ 1733 г., по присланному Ея Императорскаго Величества изъ Св. Правит. Синода къ Архангельскому архіепископу Герману указу, велѣно опредѣлить на корабли въ Камчатскую экспедицію къ рѣкѣ Оби ученаго іеромонаха, по которому указу его преосвященство избралъ къ такому дѣлу его Мацієвича *), чего ради отъ его преосвященства

---

*) Арсеній предъ этимъ былъ три года въ Сибири, „для проповѣди слова Божія“. Возвращаясь изъ Сибири и доѣхавъ до Устюга Великаго, онъ, „за случившеюся своею собственною нуждою“, поѣхалъ на Холмогоры къ преосвященному Герману и, „исправя свою нужду“, ѣздилъ для поклоненія въ Соловецкій монастырь, гдѣ ему пришлось „ради противныя морскія погоды“ зазимовать. Дѣло Арх. Св. Син. 1738 г. № 356.

изъ онаго Соловецкаго монастыря въ оную экспедицію на корабли онъ Маціевичъ и отправленъ и въ той экспедиціи былъ и четыре кампаніи на море отправилъ, а именно: въ 1734, 35, 36 и 37 годахъ. А въ нынѣшнемъ 1738 г. въ Мартѣ мѣсяцѣ онъ Маціевичъ присланъ въ Св. Правит. Синодъ при доношеніи изъ Адмиралтейской Коллегіи для опредѣленія, за празднымъ его нынѣ обываніемъ, въ служеніе, въ каковое Св. Правит. Синодъ соблаговолитъ; а въ подозрѣніяхъ онъ Маціевичъ ни въ какихъ никогда не бывалъ и нынѣ за собою подозрѣнія не имѣетъ" [1]).

Изъ другаго же дѣла, хранящагося въ Архивѣ Синода, мы можемъ почерпнуть болѣе подробныя и опредѣленныя свѣдѣнія по данному вопросу. По донесенію Арсенія Св. Синоду отъ 1-го Марта 1736 г. видно, что онъ былъ отправленъ въ Іюнѣ 1734 г. ради требъ и службъ церковныхъ на два судна: „Экспедиціонъ" и „Обь" изъ Архангельска въ Камчатскую экспедицію къ р. Оби, гдѣ отправлялъ двѣ кампаніи, а въ 1736 г. 24-го Января привезенъ подъ арестомъ изъ Пустозерскаго острога въ Адмиралтейскую Коллегію „по нѣкоторому той Коллегіи извѣстному дѣлу *во свидѣтельство*, гдѣ былъ и допрашиванъ, и по допросу вины за нимъ никакой не оказалось, и по резолюціи оной Коллегіи велѣно ему паки на тотъ же флотъ возвратиться". Но Арсеній доносилъ Св. Синоду, что онъ „. . . . отъ таковыхъ трудовъ сталъ обдержимъ болѣзнями и за тѣми его болѣзнями въ ономъ флотѣ церковныхъ службъ исправлять не можетъ". Въ виду этого Арсеній просилъ Св. Синодъ опредѣлить его на какую-либо другую службу [2]). По разсмотрѣніи этой просьбы и по полученіи словесной справки изъ Адмиралтействъ. Коллегіи, Св. Синодъ опредѣлилъ: такъ какъ іером. Арсеній необходимъ еще при дальнѣйшемъ веденіи слѣдствія объ офицерахъ флота Муравьевѣ и Павловѣ, то приказать ему ѣхать на мѣсто (въ Пустозерскъ) къ тому слѣдствію „и при томъ слѣдствіи въ должность свою священнослуженія не вступать, а на его мѣсто изыскавъ въ епархіи или Соловецкомъ монастырѣ доброжительнаго іеромонаха отправить въ оную Камчатскую экспедицію немедленно" [3]). Вслѣдствіе этого Арсеній былъ снова отправленъ въ Коллегію, которая „опредѣлила ему ѣхать въ командѣ прапорщика Сомова сперва въ Архангелогородскую портовую контору, а затѣмъ въ командѣ капитана Черевина въ Пустозерскій острогъ ради дальнѣйшаго свидѣтельства, касающагося въ „изслѣдствіи" дѣла на помянутыхъ суднахъ лейтенантовъ Муравьева и Павлова". По окончаніи же того „изслѣдствія" Арсеній снова въ командѣ капитана Черевина возвращенъ былъ въ Архангельгородскую портовую контору, „идѣже помянутый капитанъ, по надлежащему разсмотрѣнію и по указу изъ Государственной Коллегіи виноватыхъ арестовать и посылать въ С.-Петербургъ куда надлежитъ, обоихъ помянутыхъ комендантовъ Муравьева и Павлова, въ послѣднихъ числахъ Октября

---

[1]) Д. Арх. Св. Син. 1738 г. № 356.

[2]) Д. Арх. Св. Син. 1736 г. № 210.

[3]) Тамъ же.

1736 г. въ Адмиралтейскую Коллегію отправилъ, а іеромонаха Арсенія свободна при конторѣ оставилъ, не усмотрѣвъ въ немъ никакой вины" [1]) Однако Архангельская контора Арсенія почему-то не отпускала и жалованья никакого не давала, такъ что онъ претерпѣвалъ тамъ крайнюю во всемъ скудость и „уже ему пришло послѣднее пищи лишеніе и отчаяніе". Того ради онъ „со слезами просилъ Св. Синодъ о всемилостивомъ на него разсмотрѣніи, во еже подати ему руку помощи". Св. Синодъ, принялъ во вниманіе немалую службу Арсенія и что онъ несъ то послушаніе во флотѣ добровольно, опредѣлилъ выдать ему причитающееся жалованье и уволить въ С.-Петербургъ, гдѣ ему и явиться въ Св. Синодъ, о чемъ и были посланы въ надлежащія мѣста указы.

14-го Марта 1737 г. въ протоколѣ Св. Синода записана слѣдующая меморія: „По сообщенію изъ Кабинета объ отправленіи въ Лондонъ ученаго священника, разсуждаемо, что въ тоё посылку потребенъ является іеромонахъ Арсеній Мацѣевичъ, приказали предложить о томъ въ полное собраніе, а о увольненіи его въ Адмиралтейской Коллегіи настоять". Но Коллегія не особенно торопилась съ этимъ дѣломъ, такъ какъ, получивъ первый указъ Св. Синода о выдачѣ жалованья Арсенію и высылкѣ его въ Петербургъ въ Январѣ 1737 г., она только 5-го Апрѣля послала его въ Архангельскую портовую контору, и Св. Синодъ увѣдомила о посылкѣ указа лишь 3-го Мая, а Арсеній прибылъ въ Петербургъ лишь въ Октябрѣ 1737 г., и Св. Синодъ, „допустивъ его предъ собраніе свое, приказалъ быть ему, согласно представленія синодальнаго члена преосвященнаго Амвросія епископа Вологодскаго, до указа при его преосвященствѣ". Причина, почему Арсеній не былъ отправленъ въ Лондонъ, заключалась вѣроятно въ томъ, что одновременно съ его прибытіемъ въ Петербургъ въ Св. Синодѣ было получено изъ Адмиралтействъ-Коллегіи донесеніе, въ которомъ говорилось, что онъ, Арсеній, жалованьемъ съ 1-го Іюля по 22-е Декабря 1736 г. вполнѣ удовлетворенъ. „Понеже изъ коммиссіи слѣдствія дѣлъ въ неисполненіи вояжа посылаемыми въ показанную экспедицію отъ флота лейтенантами (чтȏ нынѣ матрозы) Муравьевымъ и Павловымъ, тако жъ и въ прочихъ Муравьева и Павлова непорядочныхъ поступкахъ, показано, что нынѣ до онаго іеромонаха Арсенія дѣла не имѣется, а впредъ по тѣмъ дѣламъ будетъ ли до него касаться, того познать нынѣ невозможно (ибо о умышленномъ оныхъ Муравьева и Павлова въ томъ вояжѣ нерадѣніи точно еще не дослѣдовано): чего ради, ежели оной іеромонахъ впредъ потребенъ будетъ, тогда о томъ имѣетъ быть учинено требованіе; того ради Святѣйшему Правительствующему Синоду означенный іеромонахъ Арсеній при семъ представляется и дабы онъ до окончанія упоминаемаго слѣдствія безотлученъ былъ здѣсь" [2]).

Спустя почти годъ послѣ этого, именно 13-го Сентября 1738 г. Св. Синодъ опредѣлилъ іеромонаху Арсенію Мацѣевичу *быть впредъ до указу* въ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Подлинное донесеніе Адмир. Коллегіи отъ 7-го Ноября 1737 г. Дѣло Арх. Св. Син. 1736 г. № 210.

С.-Петербургѣ для обученія и наставленія ставленниковъ, которыхъ къ нему іеромонаху отсылать изъ С.-Петербургскаго духовнаго правленія. Но такъ какъ Адмиралтейская Коллегія не увѣдомляла Св. Синодъ, окончено ли слѣдствіе надъ Муравьевымъ и Павловымъ и свободенъ ли по этому дѣлу іеромонахъ Арсеній, то канцелярія Синода 15-го Апрѣля 1740 г. сдѣлала въ Коллегію запросъ по этому предмету, на что 16-го Апрѣля изъ Коллегіи получился слѣдующій отвѣтъ: „Слѣдуемое флота надъ лейтенантами Муравьевымъ и Павловымъ дѣло въ неисполненіи по данной имъ инструкціи до Оби рѣки вояжа, по которому оные написаны были въ матрозы вѣчно; но по силѣ милостиваго Ея Императорскаго Величества состоявшагося Февраля 14 дня сего 1740 г. указа прежніе ихъ чины отданы, и то дѣло слѣдствіемъ оставлено, и до онаго іеромонаха Арсенія по тому дѣлу ничего не касается“ [1]).

Такимъ образомъ, изъ вышеприведенныхъ архивныхъ данныхъ видно, что Муравьевъ, Павловъ и Арсеній были въ одномъ изъ отрядовъ такъназываемой *второй Камчатской экспедиціи* (высочайше утвержденной 28-го Декабря 1732 г.) и принадлежали именно къ тому отряду, который занимался изслѣдованіемъ береговъ Ледовитаго океана отъ устьевъ С. Двины до Оби. Далѣе, всѣ три вышепомянутыя лица были 24-го Января 1736 г. привезены подъ арестомъ въ Петербургъ въ Адмиралтейскую Коллегію „по извѣстному сей послѣдней дѣлу“; но при этомъ несомнѣнно, что Арсеній былъ доставленъ только *во свидѣтельство* и по допросѣ въ Коллегіи „вины за нимъ никакой не оказалось“.

Все это дѣло, какъ видно изъ заголовка слѣдствія, хранящагося въ Морскомъ архивѣ („о неисполненія вояжей по данной инструкціи“) и по выраженіямъ, находящимся въ донесеніяхъ Адмиралтейской Коллегіи въ Св. Синодъ, не имѣло какого-либо политическаго характера, какъ это высказываетъ въ своемъ запросѣ М. В. Муравьевъ. Равнымъ образомъ и возвращеніе чиновъ Муравьеву и Павлову послѣдовало не въ промежуткѣ времени между 18-го Октября 1740 года и 25-го Ноября 1741 года, а еще при жизни Анны Іоанновны, именно 14-го Февраля 1740 года, вслѣдствіе милостиваго манифеста, объявленнаго въ этотъ день по случаю мира съ Турціею, который хотя и не былъ особенно выгоденъ для Россіи, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ праздновался съ большою пышностію и ознаменованъ былъ многими высочайшими милостями, которыми воспользовались для возвращенія своихъ чиновъ и разжалованные въ „вѣчные матрозы“ Муравьевъ и Павловъ [2]).

А. Львовъ.

---

[1]) Тамъ же.

[2]) М. В. Муравьевъ проситъ между прочимъ указать ему печатныя свѣдѣнія о второй экспедиціи. По справкѣ оказались слѣдующія печатныя изслѣдованія по этому вопросу. В. Н. Берхъ: Жизнеописаніе Беринга; Соколовъ: Берингъ и Чириковъ („Сѣв. Пчела“ 1849 г. №№ 98—99), статья Стренцеля: „Русскія экспедиціи“ („Кроншт. Вѣстникъ“ 1876 г. № 78—127), Вахтинъ: „Первые труженики моря“ (Спб. 1890 г.).

КУРЬЕЗЫ СТАРАГО ВРЕМЕНИ.

Г. Полетаевымъ въ Костромѣ пріобрѣтенъ старый рукописный сборникъ, въ которомъ находятся между прочимъ нижеприводимые курьезы, можетъ быть вымышленные, но ярко и зло рисующіе простоту допетровской провинціальной жизни.

1.

Рапортъ воеводы.

Сего 20 Мая, на память мученика Ѳалалея, волею Божіею половина города выгорѣла до тла и съ пожитками, а изъ оставшейся половины города ползутъ тараканы въ поле, и видно, что быть и на эту половину гнѣву Божію, и на долголь, коротколь и той половинѣ города горѣть, чтó и отъ старыхъ людей примѣчено. Того ради Правительствующему Сенату представляю, не благоугодно-ли будетъ градожителямъ пожитки свои выбрать, а оставшуюся половину города зажечь, дабы не загорѣлся городъ не вò время и пожитки всѣ бы не сгорѣли.

На этотъ рапортъ изъ Сената послѣдовалъ отвѣтъ слѣдующаго содержанія:

Половина города сгорѣла. Велѣть обывателямъ строиться, а впредъ тебѣ воеводѣ не врать и другой половины города не зажигать, тараканамъ и старымъ людямъ не вѣрить, а ждать воли Божіей.

2.

Указъ изъ Военной Коллегіи въ Новгородскій Приказъ.

Прислать въ Военную Коллегію со старыхъ дѣлъ точныя копіи и прислать при нихъ экстрактъ.

Жители, получивши оный указъ, собрались думать, чтó это значитъ Военная Коллегія и чтó за Евстратъ и точеныя копіи. Думали нѣсколько дней, и вотъ одинъ и говоритъ: я знаю, чтó значитъ Военная Коллегія; это значитъ князя Меньшикова сестра Варвара. Всѣ этому повѣрили и написали отвѣтъ.

Милостивая государыня Военная Коллегія Варвара Даниловна, изволила ты къ намъ рабамъ своимъ въ городъ писать, что посланъ къ намъ Евстратъ; но мы его не видали, хотя и искали по всѣмъ кварталамъ три дня, не присталъ ли гдѣ оный Евстратъ ночлеговать, и нигдѣ не нашли. Точеныхъ же копіевъ во всемъ городѣ не отыскано, а найденъ оставшійся отъ ратныхъ людей бердышъ, который вашей милости при семъ препровождается.

Слѣдуетъ подпись жителей города. Марта 17-го 17 . . года *).

*) Годъ неразборчиво написанъ; кажется 1718.

КАЗАЧЬЯ ПѢСНЯ.

Ты прости-то прощай, славный тихій Донъ,
Ты кормилецъ нашъ Донъ Ивановичъ!
Не съумѣлъ ты, отецъ, не схотѣлъ ты, батюшка,
Раздѣлить-то своихъ рóдныхъ дѣточекъ,
Своихъ дѣточекъ-малолѣточекъ
По своему-то нраву, по домашному...
Нѣтъ намъ мочушки отъ охотушки,
Отъ злой мачихи отъ тѣснотушки,
Отъ своихъ-то бояръ, отъ своихъ братóвъ,
Отъ Армянскаго роду-племени,
Отъ Гречанскаго полоненьица...
Надѣлилъ ты ихъ златомъ-серебромъ,
А себѣ то узялъ одноё охотушку,
Дырьемъ шитую, дырьемъ вязану,
А намъ соколамъ узялъ тѣснотушку,
Тѣсноту намъ далъ будто пасынкамъ...
И бягимъ мы соколы въ чужу дальну сторону,
За хрябты то идемъ, за сугробины,
Отъ свово-то добра за чужимъ идемъ,
За чужимъ-то идемъ, тамъ и смерть найдемъ.

Эта пѣсня, не вошедшая ни въ одинъ изъ сборниковъ, записана мною въ одномъ Донскомъ уголкѣ, около 30 лѣтъ назадъ. Нѣтъ сомнѣнія, что происхожденіемъ своимъ она обязана почти принудительному переселенію Донскихъ казаковъ на Сунжу (предгорье Кавказа) въ началѣ 40-хъ годовъ. Въ тѣ поры уже было введено на Дону Положеніе объ управленіи войскомъ Донскимъ,принявшее силу закона съ 1 Января 1836 года, а потому намёки на неправильность раздѣла войсковой земли (между помѣщиками—по числу душъ ихъ крестьянъ, чиновниками по ихъ чинамъ и простымъ казачествомъ по количеству душъ въ станичныхъ юртахъ) совершенно понятны, если принять, для послѣдняго случая, во вниманіе, что въ недалекомъ будущемъ, въ этихъ юртахъ, отъ естественнаго прироста населенія, сдѣлается тѣсно. Упоминаніе объ „Армянскомъ родѣ-племени“ и о „Гречанскомъ полоненіи“ объясняется въ первомъ случаѣ тѣмъ, что въ царствованіе императрицы Екатерины II огромная площадь Донской земли отдана подъ поселеніе Армянъ, перешедшихъ изъ Азіатской Турціи въ Россію, а во второмъ—водвореніемъ Грековъ въ Таганрогѣ и отчасти въ Ростовѣ на-Дону и захватомъ въ свои руки всего При-азовскаго хлѣбнаго рынка. Съ перваго раза кажется необъяснимымъ слово: „охотушка“, но весь смыслъ пѣсни даетъ прямое указаніе, что подъ этимъ словомъ кроется *обязательность военной, на собственный счетъ, службы* казака, при существованіи которой даже сравнительное съ другими частями Имперіи богатство земельныхъ довольствій могло казаться „тѣснотою“.

А. Карасевъ.

ИЗЪ СТАРЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

Шуточное посланіе къ акцизному чиновнику.

Вольнолюбивыя стремленья
Питая чтеніемъ газетъ,
Ты изъ акцизнаго правленья
Шлешь Черногоріи привѣтъ.

*

Одной рукой несешь крестьянамъ
Вина зеленаго полштофъ,
Другую протянуть Славянамъ
На помощь братскую готовъ.

*

И если за святое дѣло
Еще не проливалъ ты кровь,
То выражаешь въ рѣчи смѣлой
Къ Славянамъ пылкую любовь;

*

Въ патріотической отвагѣ
Имъ планъ кампаніи чертишь,
И не однажды на бумагѣ
Бралъ приступомъ Виддинъ и Нишъ.

*

О, если пылкихъ ожиданій
Хоть часть судьба осуществитъ,
Какъ много блага послѣ брани
Твой духъ отважный совершитъ!

*

Когда за угнетенныхъ братій
Возстанетъ православный царь,
Когда пойдутъ за ратью рати,
Побѣдоносныя какъ встарь,

*

По Ринѣ, по брегамъ Моравы,
По синему Дунаю внизъ
Мы принесемъ съ оружьемъ славы
Цивилизующій акцизъ.

*

Тогда откроется твой генiй,
Тогда ты духомъ воспаришь.
О, сколько разныхъ заведенiй
Ты для Славянства разрѣшишь!

*

Въ поля родной Герцеговины,
Вновь освященныя борьбой,
Виноторговцы-жидовины
Толпами хлынутъ за тобой.

*

Въ Сѣнницѣ, въ Вербицѣ, въ Изворѣ,
Въ Цетиньи, новый Гостомыслъ,
Устава о питейномъ сборѣ
Ты разъяснишь глубокiй смыслъ.

*

Близъ Дарданельскаго пролива,
Цвѣтокъ акцизнаго ума,
Возникнетъ пышно-горделиво
Тобой любимая корчма.

*

И отъ Босфора до Эпира,
Отъ Геллеспонта до Цикладъ
Не будетъ болѣе трактира,
Не продающаго въ закладъ.

*

Тамъ конкурренцiи законы
Ты водворишь во всей красѣ,
Да пьютъ Славяне безъ препоны,
Пока не обнищаютъ всѣ.

*

О, другъ, мужайся—время близко:
Заблещутъ Русскiе штыки,
И скоро въ Сербiи Огрызко
Откроетъ всюду кабаки.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ М. П. ПОГОДИНА. НИКОЛАЯ БАРСУКОВА. КНИГА ДЕВЯТАЯ. СПБ. 1895 г.

Въ небольшомъ предисловіи, предпосланной IX-й книгѣ, авторъ замѣчаетъ, что книга выходитъ въ свѣтъ лишь благодаря матеріальной поддержкѣ, которую оказало автору первенствующее ученое сословіе Россійской Имперіи, Императорская Академія Наукъ, увѣнчавшая первыя семь книгъ „Жизни и Трудовъ" М. П. Погодина полною преміей графа Уварова. Эту премію г. Н. Барсуковъ, истощившій свои средства на изданіе предъидущихъ томовъ, рѣшилъ обратить на печатаніе продолженія своего труда (лучшаго употребленія ея онъ сдѣлать не могъ) и посвятилъ вышедшую IX-ю книгу памяти графовъ С. С. и А. С. Уваровыхъ.

Томъ этотъ, обнимающій собою событія 1847 и 1848 годовъ, подобно предыдущимъ, полонъ глубокаго интереса, потому что сообщаетъ намъ массу подробностей о Погодинѣ и его корреспондентахъ за указанное время, о вопросахъ ихъ интересовавшихъ, о событіяхъ, такъ или иначе ихъ затрогивавшихъ. Все это черпается г. Н. Барсуковымъ изъ источниковъ большею частію неизданныхъ, все это освѣщается непосредственнымъ и правдивымъ освѣщеніемъ. Въ замѣткахъ о предыдущихъ книгахъ труда г. Н. Барсукова мы уже говорили о пріемахъ автора, о томъ живомъ интересѣ, съ которымъ читатель слѣдитъ за тѣмъ о чемъ повѣствуетъ авторъ, и потому, не повторяя сказаннаго, упомянемъ лишь о нѣкоторыхъ эпизодахъ, которые излагаются въ IX-й книгѣ.

Повѣствованіе о 1847 годѣ начинается разсказомъ о переходѣ журнала „Современникъ" отъ издававшаго его П. А. Плетнева къ И. И. Панаеву и Н. А. Некрасову, переходѣ, который оказалъ характерное вліяніе на направленіе этого журнала и на Русскую журналистику вообще. Выходъ первой книжки „Современника" 1847 года подъ редакціей Никитенка возбудилъ полемику между лагерями Западниковъ и Славянофиловъ, нашедшую себѣ мѣсто, между прочимъ, на страницахъ Москвитянина. По поводу этой полемики г. Н. Барсуковъ сообщаетъ весьма много любопытныхъ данныхъ объ участіи въ ней Ю. Ѳ. Самарина, о второмъ „Московскомъ Сборникѣ", о спорахъ между Хомяковымъ и Грановскимъ и т. д. Къ тому же году относится появленіе въ свѣтъ трехъ томовъ Изслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій о Русской Исторіи Погодина, что̀ даетъ поводъ почтенному его біографу сообщить много характерныхъ деталей о полемикѣ, которая возникла по поводу этихъ

лекцій между Погодинымъ и К. Д. Кавелинымъ, о С. М. Соловьевѣ и отношеніяхъ къ нему его учителя, о взглядѣ послѣдняго на своихъ учениковъ и ихъ труды по Русской исторіи, взглядѣ, высказанномъ имъ печатно и возбудившемъ немало для него непріятностей. Занимаясь трудами учеными и полемическими, Погодинъ не переставалъ обогащать свое древлехранилище, и въ разсматриваемой книгѣ мы находимъ много цѣнныхъ матеріаловъ для знакомства съ его ростомъ и составомъ. Появленіемъ на каѳедрахъ въ Московскомъ университетѣ М. Н. Каткова, П. М. Леонтьева и П. Н. Кудрявцева и оставленіемъ графомъ С. Г. Строгановымъ поста попечителя Московскаго учебнаго округа заканчивается повѣствованіе о 1847 годѣ. Французская революція 1848 г. не могла не произвести сильнаго впечатлѣнія на Погодина и его близкихъ, какъ не могла она не произвести таковаго и на всю образованную Россію. Особенное вниманіе и участіе Погодина и Славянофиловъ привлекали Австрія и соединенные съ нею Славяне, по поводу чего Н. Барсуковъ приводитъ рядъ весьма характерныхъ извлеченій изъ переписки Погодина, останавливается на меморіи Ѳ. И. Тютчева la Russie et la Révolution и выясняетъ взглядъ императора Николая I на Славянскій вопросъ. Февральская революція не могла не остаться въ Россіи безъ вліянія и на отношеніе власти къ періодическимъ изданіямъ, и въ книгѣ г. Н. Барсукова мы находимъ очень много любопытныхъ данныхъ о негласномъ комитетѣ 2 Апрѣля 1848 г., о мѣрахъ, принятыхъ имъ по отношенію къ „Отечественнымъ Запискамъ“ и „Современнику“, о мысли Погодина подать Государю Императору адресъ отъ литераторовъ и т. д. Къ тому же 1848 году относится характерное движеніе, бывшее въ нѣкоторыхъ сферахъ Русскаго общества, по вопросу объ уничтоженіи крѣпостнаго права, движеніе, находящее себѣ интересную характеристику въ книгѣ г. Н. Барсукова. Не менѣе любопытны тѣ страницы въ ней, на которыхъ біографъ Погодина излагаетъ различныя перипетіи, которыя пришлось въ томъ же году испытать Погодину по поводу его журнала „Москвитянинъ“, его ссору съ Шевыревымъ, свиданіе съ Гоголемъ по возвращеніи послѣдняго изъ поѣздки въ Іерусалимъ, и т. д.

Мы не имѣли возможности хотя бы вскользь затронуть всего, чтó содержится въ IX-й книгѣ біографіи Погодина. Того, чтó мы привели думается, достаточно для того, чтобы показать читателямъ, что эта книга такъ же поучительна и важна, какъ и предыдущія, и мы кладемъ перо съ горячимъ пожеланіемъ, чтобы стойкому въ своей „ученой упрямкѣ“ автору была предоставлена широкая возможность докончить свое предпріятіе *).

И. Помяловскій.

3 Марта 1895 г.

*) Кажется, что это пожеланіе, и нами сердечно раздѣляемое, исполнится. П. Б.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СТАТЬИ ВЪ ЖУРНАЛАХЪ НЕИСТОРИЧЕСКИХЪ.

Изъ исторіи секуляризаціи монастырскихъ вотчинъ на Руси въ XVI в. С. В. Рождественскаго. „Ж. М. Н. Пр.“ Май.

Изслѣдованіе объ отписаніи на государя нѣкоторыхъ Троицкихъ вотчинъ во время переписи 7101—7102 годовъ. Смыслъ этой переписи состоялъ въ пересмотрѣ вотчинныхъ правъ монастыря, вызваннымъ необходимостью выяснить и правильнѣе устроить тѣ сложныя поземельныя отношенія, которыя завязывались между монастыремъ и міромъ.

Половники поморскихъ уѣздовъ въ XVI и XVII вѣкахъ. М. А. Дьяконова. „Ж. М. Н. Пр.“ Май.

Весьма обстоятельный пересмотръ нѣкоторыхъ спорныхъ пунктовъ касательно половничества (особаго рода аренды пахотныхъ земель, весьма распространеннаго въ предѣлахъ сѣверной и средней полосы Россіи). Изслѣдованіе опирается главнѣйшимъ образомъ на „Актахъ Холмогорской и Устюжской епархій“.

Записки Львовскаго аптекаря о событіяхъ 1606 г. въ Москвѣ. Р. Бодуэнъ-де-Куртенэ. „Ж. М. Н. Пр.“ Май.

Переводъ дневника С. Колочкевича изданнаго Лозинскимъ въ Kwartalnik Historyczny. Записки не даютъ ничего новаго относительно смутнаго времени, но не безъинтересны.

Отрывокъ изъ путешествія Антіохійсааго патріарха Макарія въ Россію. Г. А. Муркоса. „Русск. Обозр.“ Май.

Разсказы сына Макарія, Павла Алепскаго о патріархѣ Никонѣ, объ осужденіи имъ иконъ новаго письма и двоеперстія. Есть интересныя черты относящіяся къ Алексѣю Михаиловичу. Одинъ изъ списковъ Арабскаго подлинника напечатанъ и переведенъ въ Лондонѣ.

Украинскіе казаки и паны передъ бунтомъ Богдана Хмѣльницкаго. П. Кулиша. (Окончаніе) „Русск. Обозр.“ Май.

Въ этой послѣдней главѣ излагаются нашествіе Турокъ подъ предводительствомъ Абазы-Паши на Польшу и пораженіе ихъ Конецпольскимъ подъ Каменцемъ, разрушеніе казаками королевской крѣпости Кодака, казнь Сулимы, дается характеристика короля Владислава и подводятся итоги. Казаки окончательнр признаются разрушителями, язвою общества. Борцами за Православіе они не были, они лишь „грозились“ своей вѣрою, когда чувствовали себя слабыми. Разсказы объ утѣсненіи Православія Жидами и Ляхами г. Кулишъ называетъ беззастѣнчивою наглою ложью, въ которой „проявились великія способности казацкаго народа“. Казаки окончательно развѣнчаны талантливымъ авторомъ, состояніе Польскаго общества представлено въ мрачныхъ краскахъ; одною свѣтлой личностью является Конецпольскій, для котораго весь трудъ г. Кулиша, отмѣченный рѣдкимъ знаніемъ дѣла и яркостью изложенія, является какъ бы панегирикомъ.

Ученые труды П. С. Палласа. Ѳ. П. Кеппена. „Ж. М. Н. Пр. Апрѣль“.

В. В. Крестининъ. В. Рудакова. „Ж. М. Н. Пр.“ Май.

Краткое изложеніе ученой дѣятельности для большинства совершенно неизвѣстнаго историка-самоучки прошлаго столѣтья Архангелогородскаго мѣщанина, Василья Васильевича Крестинина. Сдѣланы нѣ-

которыя поправки къ его біографіи, находящейся въ „Исторіи о городѣ Архангельскомъ“ Гр. Заринскаго.

Человѣкъ трехъ поколѣній Кн. В. Ѳ. Одоевскій. Ч. Вѣтринскаго. „Нов. Слово.“ Май.

Съ знаніемъ дѣла написанный очеркъ о литературномъ и общественномъ значеніи слишкомъ еще мало оцѣненнаго у насъ князя В. Ѳ. Одоевскаго. Авторъ не воспользовался автобіографическою замѣткою князя, помѣщенной въ отчетѣ Имп. Публ. Библ. за 1884 годъ, гдѣ онъ говоритъ о своемъ энциклопедизмѣ. Ярко обрисовывается Одоевскій въ своихъ „Гражданскихъ Завѣтахъ“ (Р. Архивъ 1895 г. кн. 5-я), но этотъ матеріалъ не могъ быть доступенъ г. Вѣтринскому. Замѣчанія о вліяніи Гофмана весьма справедливы, такъ что приходится жалѣть объ ихъ краткости.

Мои воспоминанія А. Н. Муравьева. Съ прим. А. А. Третьякова. „Русск. Обозр.“ Май.

Доведены до 1830 года. А. Н. говоритъ между прочимъ объ участіи своемъ въ Турецкой войнѣ, но болѣе всего о своихъ поэтическихъ произведеніяхъ, справедливо забытыхъ. Новаго пока ничего нѣтъ. Примѣчанія сдѣланы тщательно и со знаніямъ дѣла.

Изъ прошлаго Н. П. Колюпанова. Служба въ провинціи (1850 – 1857) „Русск. Обозр.“ Май

По окончаніи Университета Колюпановъ сталъ служить въ Костромской палатѣ Государственныхъ имуществъ. Картину мѣстнаго чиновничества написалъ онъ, не щадя самого себя, самыми темными красками; за рѣдкими исключеніями чиновники были или взяточники или круглые невѣжды и лентяи; карты, попойки и балы составляли суть жизни. Лучшіе люди уходили всецѣло въ науку и литературу, отрѣшаясь отъ жизни, такъ какъ ни политическихъ, ни общественныхъ интересовъ не было. По мнѣнію Колюпанова разгадку жизненнаго разочарованія интелигентной молодежи надо искать въ полномъ одиночествѣ мыслящей личности среди безучастнаго и враждебнаго общества.

Любопытны разсказы о Писемскомъ, о губернаторѣ-драчунѣ и о кутежахъ мѣстнаго дворянства.

Полемика Каткова съ Герценомъ. Н. М. Павлова „Русс. Обозр.“ Май.

Любопытная и живо написанная статья о томъ, какъ Русское Общество и самъ Герценъ отнеслись къ „замѣткѣ для издателя Колокола“ М. Н. Каткова, помѣщенной въ Русскомъ Вѣстникѣ 1862 года. Замѣчательны приведенные отзывы объ Герценѣ И. С. и К. С. Аксаковыхъ и М. П. Погодина. По мнѣнію И. С. честный Русскій писатель, ведя борьбу съ Г., долженъ одной и той же рукой наносить ударъ за ударомъ: одинъ Герцену, а другой тому status quo, коимъ онъ порожденъ. Если же объ одномъ можно говорить, а о другомъ нельзя—благороднѣе молчать. Поэтому статья Каткова—непростительна. К. С. утверждалъ, что Герценъ, произнося хулы на Бога Отца и Бога Сына, никогда не возводилъ хулы на Духа Святаго. Погодинъ, не разъ лично оскорбляемый Герценомъ, говорилъ про него: хоть онъ и заблудшій сынъ, а сыномъ погибели его назвать нельзя.

Сочувствія самого Н. М. Павлова лежатъ въ данномъ случаѣ на сторонѣ Каткова. Трудное время 60 годовъ изображено сжато, но сильно.

ПОПРАВКИ.

Въ 1-мъ выпускѣ „Русскаго Архива" сего года стр. 6, въ числѣ Русскихъ дипломатовъ государствованія Ивана III, наименованъ Голохвастовъ Алексѣемъ.

„Голохвастовъ (Александръ Яковлевичъ), посолъ, правилъ посольство къ Литовскому великому князю Александру о пограничныхъ столкновеніяхъ (1493), затѣмъ былъ отправленъ посломъ къ Турецкому султану Баязету II и въ 1500 г. привезъ отъ него грамоту о свободной торговлѣ Русскихъ въ Турецкихъ владѣніяхъ. Въ 1502 г. онъ ѣздилъ посломъ къ Кафинскому султану, по дѣлу объ убіеніи Турками Московскаго посла Кутузова, подъ конецъ жизни постригся въ монахи. Карамзинъ и другія неправильно называютъ его Алексѣемъ (см. Акты дворянъ Голохвастовыхъ)". Справочный Энц. Словарь, т. IX, стр. 111.

Владиміръ Янушевскій.

*

На стр. 99-й въ 5-мъ выпускѣ „Русскаго Архива" сего года сдѣлана крупная ошибка: при церкви Ильи-Пророка помѣщены надписи на могилахъ, находящихся не при этой церкви, а при церкви Петра и Павла, что у Яузскихъ воротъ на горѣ. Эти надписи будутъ помѣщены въ надлежащемъ мѣстѣ.

ОТВѢТЪ НА ВОПРОСЪ XVIII-Й.

Свѣдѣнія о второй (Сѣверной) экспедиціи Ив. Ив. Беринга.

1. Сѣверная экспедиція 1733—1743 года. Записки Гидрографич. Департ. Морскаго Минист. 1851 г., ч. 9, стр. 190—469.

2. **Стренцель, Хр.** Русскія экспедиціи для описанія сѣверныхъ береговъ Сибири и прилежащихъ острововъ 1734—1862 гг. „Кронштадтскій Вѣстникъ", 1876 г.

3. „Иркутскія Епарх. Вѣд." 1865 г. № 32, въ статьѣ объ епископѣ Иннокентіи Неруновичѣ.

Л. М. Савеловъ.

ВОПРОСЪ XIX-й.

Въ Музеѣ П. И. Щукина находится мраморный бюстъ работы Шубина со слѣдующею надписью: Иванъ Сидоровичъ Барышниковъ тайный совѣтникъ р. 1721—1778.

Кто этотъ И. С. Барышниковъ?

единственно, чтó уже очень дурно, чего нельзя не поправить. Мелочей поправлять не буду, потому что только изгажу поправкою. Эти замѣчанія приготовьте къ моему пріѣзду. Между тѣмъ похлопочи и о томъ, какъ бы продать, и, разумѣется, продать повыгоднѣе. Мнѣ хочется выдать въ двухъ отдѣленіяхъ. Одно подъ титуломъ: Баллады; въ немъ будутъ однѣ *баллады*. NB. Балладу *Старушка* въ Москвѣ не пропустили; постарайся, чтобы того же не сдѣлалось въ Петербургѣ. Другое отдѣленіе, въ II частяхъ, подъ титуломъ,—но титулъ выдумайте сами. Въ первой части лирическія стихотворенія, посланія, пѣсни и романсы; въ другой смѣсь и отрывки въ прозѣ.

Здѣсь стихи переписаны точно такъ, какъ имъ быть напечатаннымъ. Форматъ надобно большой in 12. Для части балладъ у меня готова прекрасная виньетка, нарисованная Тончи [4]); а будетъ гравировать здѣшній граверъ Зенфъ, славной артистъ и человѣкъ [5]). Переговори съ типографщиками и настой на томъ, чтобы печатать точно въ такомъ порядкѣ, то-есть сохранивъ такое же количество строкъ на страницѣ, какъ въ манускриптѣ, и чтобы не было ломаныхъ строкъ. Но начинать печатать оставьте до меня; только, чтобы все было, если можно, готово къ моему пріѣзду. А корректуру хотѣлось бы держать самому; да еще многія надобно сдѣлать поправки и примѣчанія. Также нехорошо и предисловіе къ балладамъ. Прошу между тѣмъ велѣть все переписать еще разъ, и тотчасъ пришли сюда на имя Воейкова. Переписывать не нужно съ тѣмъ расположеніемъ, какъ теперь, а лучше все въ одну книгу. Я буду жить у тебя, и это время, которое проведу съ тобою, плѣняетъ мое воображеніе. Напиши однако, не нужно ли мнѣ скорѣе пріѣхать. Поклонъ и объятіе друзьямъ Блудову, Батюшкову и Уварову. Дрожу, что не найду Батюшкова въ Петербургѣ. Если Окуневъ пріѣхалъ и былъ у тебя, поклонись ему. Когда увидишь Алексѣя Орлова [6]); поклонись. Твой Жуковскій.

P. S. Прозаическіе отрывки вели переписать для печати въ такомъ точно порядкѣ, какъ здѣсь. Только чтобы форматъ былъ бы тотъ же, какъ и стиховъ. Попроси Батюшкова и Блудова перечитать прозу, и, чтó нужно, поправьте сами. Пришли переводъ Раупаха [7]). Здѣсь было Рамбахъ [8]) собрался переводить Посланіе; теперь я его остановлю.

---

[4]) Извѣстный живописецъ Николай Ивановичъ (Сальваторъ) Тончи (р. 1756†1814). При второй части Сочиненій Жуковскаго, вышедшей въ 1816 году, имѣется виньетка, гравированная извѣстнымъ Уткинымъ; кто ее рисовалъ, не означено.

[5]) Карлъ-Августъ Зенфъ (р. 1770 въ Галле) съ 1805 г. былъ учителемъ (а потомъ профессоромъ) рисованія и граверомъ въ Дерптскомъ Университетѣ. Изъ многихъ его работъ особенно выдаются портреты Витгенштейна и Барклая-де-Толли.

[6]) Алексѣя Ѳеодоровича Орлова, впослѣдствіи, въ царствованіе императора Николая I, князя и предсѣдателя Государственнаго Совѣта.

[7]) Эрнстъ Раупахъ (р. 1783 † 1852), драматическій писатель, былъ профессоромъ всеобщей исторіи и Нѣмецкой литературы съ 1816 г. въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, а съ 1819 г. въ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

[8]) Фридрихъ Эбергардъ Рамбахъ (р. 1767 † 1826), профессоръ камеральныхъ наукъ и ректоръ Дерптскаго Университета. Онъ писалъ и стихотворенія; о немъ см. Recke

10

12 Апрѣля.

Я имѣю до тебя просьбу; прошу тебя исполнить ее скорѣе, ибо все дѣло въ поспѣшности. Здѣсь есть профессоръ Штруве [9]). Онъ хочетъ жениться. Его невѣста живетъ въ Альтонѣ, и онъ долженъ туда немедленно ѣхать. Теперешнія же обстоятельства требуютъ поспѣшности. Онъ получилъ уже отпускъ отъ министра просвѣщенія, но паспортовъ, хотя уже они и давно обѣщаны, не получилъ и, вѣроятно, долго не получитъ, если кто-нибудь не вздумаетъ ихъ выхлопотать. Но кому вздумать? Кому дѣло? Это забыто; а время между тѣмъ уходитъ. Для тебя ничего не стóитъ позаботиться о скорой выдачѣ паспортовъ; а для него дорого будетъ стоить, ежели онъ не получитъ ихъ вó-время. Представивъ себѣ все это поживѣе, отложи свою лѣнь и выхлопочи паспорты. Ихъ нужно два: 1-й доктору Фридриху Штруве, экстраординарному профессору Дерптскаго университета, для проѣзда изъ Россіи въ Голштинію, въ городъ Альтону, и обратно; 2-й женѣ доктора Фридриха Штруве и пр., Эмиліи Штруве, урожденной Валль, изъ Альтоны, для переѣзда изъ Голштиніи въ Россію.

Прошу тебя не забыть и тотчасъ это исполнить. Для тебя бездѣлица, для него большая важность. Я, можетъ быть, скорѣе буду. Судьба жметъ меня въ комокъ, потомъ разожметъ, потомъ опять скомкаетъ. Видно, что только близъ одного тебя мнѣ совсѣмъ разкомкаться. Боюсь Петербургской жизни, боюсь разсѣянности, боюсь своей бѣдности и нерасчетливости. Чтò, если съ своимъ счастіемъ еще и потерять и свою свободу, и свои занятія, и сдѣлаться ремесленникомъ, и жить только для того, чтобы не умереть съ голоду! Подумай обо всемъ этомъ за меня, и подумай хорошенько. Если можно имѣть хотя немного независимости, то остаюсь съ тобою, твой товарищъ на жизнь. Напиши поскорѣе отвѣтъ на это письмо.

Ужъ не ѣхать ли мнѣ въ главную квартиру? [10]) Какъ ты думаешь?

Адресъ: Его высокородію милостивому государю Александру Ивановичу Тургеневу. Въ С.-Петербургѣ. На Фонтанкѣ, противъ Михайловскаго замка, въ домѣ его сіятельства князя Александра Николаевича Голицына. При семъ письмѣ посылка книги цѣною въ 10 рублей. Почтовый штемпель: Dorpat.

LXVII.

(Въ послѣднихъ числахъ Іюня или первыхъ числахъ Іюля 1815, Дерптъ).

Посылаю книгу Уварова; извини меня передъ нимъ въ покражѣ. Я думалъ, что вамъ она до времени нужна не будетъ. Прости, писать некогда. У насъ теперь все идетъ кругомъ. Радость! Моя крестница родила мнѣ крестницу [1]). Любо смотрѣть на счастіе матери.

---

und Napiersky, Allgemeines Schriftsteller-und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland, т. III, стр. 464—469.

[9]) Фридрихъ-Вильгельмъ Струве, извѣстный астрономъ, бывшій въ то время экстраординарнымъ профессоромъ Дерптскаго Университета по математикѣ.

[10]) Для испрошенія разрѣшенія Государя на бракъ съ М. А. Протасовою?

*

[1]) У Александры Андреевны Воейковой родилась дочь Екатерина. Въ Сочиненіяхъ Жуковскаго (изд. 8-е, т. I, стр. 484—485) напечатаны его стихи на рожденіе Е. А. Воейковой, помѣченные 26 Іюня 1815 года.

LXVIII.

19 Іюля (1815, Дерптъ, по возвращеніи изъ Петербурга).

Я получилъ твои два письмеца, милой другъ. Коротко, да прекрасно. Мнѣ кажется, что ты *все* сказалъ мнѣ (что̀ могъ сказать) въ этихъ двухъ словахъ. *Ей* [1]) и *тебѣ* [2]) скажу одно:

How dear the dream: in darkest hours of ill
Could all be changed, to find thou faithful till [3]).

Зачѣмъ же *dream?* Это совсѣмъ не dream! Побывавъ съ тобою, я увѣрился въ одномъ и на всю жизнь, въ одномъ очень для меня драгоцѣнномъ, въ томъ, что ты сохранилъ, несмотря ни на что, свой характеръ и что ты тотъ человѣкъ, о которомъ мнѣ вездѣ и во всѣхъ обстоятельствахъ можно думать съ утѣшеніемъ. Правда, минутъ, въ которыя мы были *вмѣстѣ*, весьма было немного; но въ эти минуты я всегда бывалъ доволенъ тобою, и болѣе тобою, нежели собою: мнѣ еще надобно вскарабкаться, чтобы до тебя дойти.

Ты велишь мнѣ написать къ тебѣ о тебѣ и о себѣ. Ни того, ни другаго не могу теперь сдѣлать. Не знаю, какой туманъ лежитъ у меня на умѣ и на сердцѣ. Въ минуту болѣе ясную поговорю съ тобою; теперь точно не могу. Я ничего не помню того, что̀ думалъ: все всбуровлено, а чѣмъ, право не знаю. Такія положенія, вѣроятно, бывали и съ тобою.

Теперь лучше говорить о пустякахъ. Я не оставилъ своего намѣренія ѣхать въ Псковъ. Прошу тебя на слѣдующей же почтѣ прислать мнѣ письмо къ Псковскому архіерею и еще письмо въ Печеры [4]), чтобы эти письма могли быть мнѣ вмѣсто паспорта. Скорое и самое важное: что̀ отвѣчалъ тебѣ Фокъ о Форѣ? Прошу тебя увѣдомить меня на слѣдующей же почтѣ. Мнѣ очень будетъ больно, если Форъ не получитъ своего *позволенія ѣхать въ Петербургъ* къ сроку. Плещеевъ, вѣроятно, будетъ туда въ началѣ Августа или въ половинѣ. Прошу тебя избавить меня отъ незаслуженнаго упрека, отложить на время свою лѣнь и написать для дружбы нѣсколько словъ къ Фоку. Благодарю за Петерсена [5]).

Прости, вѣроятно, до слѣдующей почты. Я пробуду здѣсь весь Августъ. Теперь все сижу у себя въ горницѣ. Работаю, но работа механическая. Иная и невозможна. Готовлю сухіе матеріалы. Но когда оживлю ихъ—Богъ знаетъ! Твой Жуковскій.

---

[1]) М. А. Протасовой.

[2]) А. И. Тургеневу.

[3]) Т. е. Какъ дорога̀ мечта: въ самые мрачные часы злосчастья все могло бы измѣниться, еслибъ найти тебя неизмѣннымъ.

[4]) Все по поводу предполагавшейся женитьбы на М. А. Протасовой?

[5]) Вѣроятно за Карла-Фридриха Петерсена (р. 1775 † 1822), который былъ библіотекаремъ Дерптскаго Университета и лекторомъ въ немъ Нѣмецкаго языка.

LXIX.

1 или 2 Августа 1815, Дерптъ.

Обнимаю тебя, милой другъ, и благодарю за письмо [1]). Что̀ ты говоришь мнѣ о жертвѣ и о моемъ солнцѣ? Развѣ я поѣхалъ сюда съ тѣмъ, чтобы грѣться подлѣ моего яснаго солнца? Нѣтъ, братъ, оно яснѣе для меня, когда я отъ него далѣе [2]). Тогда оно одно только для меня видно, и ничто противное не темнитъ его милой ясности. Здѣсь я не долженъ глядѣть на него свободными глазами; здѣсь душа, мысли и чувства сжаты. Уѣхать отсюда не будетъ для меня жертвою. Напротивъ, здѣсь остаться было бы жертвою, жертвою всего, что̀ мнѣ дорого, лучшихъ своихъ чувствъ. Не говорю уже о надеждахъ; ихъ нѣтъ, да онѣ и не нужны! Жаль, что ты не со мною; мы бы многимъ, многимъ подѣлились, и никто лучше тебя не умѣлъ бы взять принадлежащей части. Знаешь ли, за что я тебѣ благодаренъ въ послѣднее время? За мысль, что ты мнѣ истинной другъ! Право, она животворна. Во всѣ тѣ минуты, которыя мы проводили *вмѣстѣ, какъ должно*, я чувствовалъ, что у меня что-то пріятное тѣснило грудь: такъ было мнѣ усладительно находить въ тебѣ прежнюю высокую душу, *прежнюю*, несмотря на ту тяжелую корку, которая наросла на нее и которая ее скрываетъ отъ другихъ, можетъ быть и болѣе опытныхъ, нежели мои, взглядовъ. Во мнѣ болѣе ребячества и, можетъ-быть, мелкости, нежели въ тебѣ; но мы понимаемъ другъ друга сердцемъ, и эта связь вѣчная. Я внутреннему чувству своему вѣрю. Оно не опредѣляется словами, но оно ясно. Во всѣ хорошія наши минуты, въ минуты откровенности, я чувствовалъ, что мы товарищи, и это чувство меня возвышало.

Что̀ же ты ничего не пишешь мнѣ о себѣ? Ты говоришь въ своемъ письмѣ только о моемъ, а о своемъ ни слова. И я увѣренъ, что это отъ *лѣни*. Какъ не кстати, но какъ натурально! Надобно быть мною, чтобы это понять, и тобою, чтобы такъ лѣниться. Говорить много не надобно: *для тебя счастіе на сторонѣ должности*; а противъ того, что̀ можетъ нарушить это счастіе, твердость и дѣятельность. Прости, милой другъ; въ концѣ Августа я у васъ [3]). Обними

---

[1]) Вѣроятно, за письмо Тургенева, посланное до 29 Іюля 1815 (см. его приписку въ письмѣ С. С. Уварова къ Жуковскому отъ этого послѣдняго числа. „Русскій Архивъ“ 1871 г., ст. 0166).

[2]) Въ припискѣ къ письму Уварова отъ 29 Іюля Тургеневъ приглашалъ Жуковскаго пріѣхать поскорѣе въ Петербургъ, чтобы исполнить желаніе императрицы Маріи Ѳеодоровны, и писалъ слѣдующее: „Но если жертва, которую ты долженъ принести нетерпѣнію Государыни, дорого тебѣ будетъ стоить, то не приноси этой жертвы; *лови день* тамъ, гдѣ *твое солнце*“ т. е. М. А. Протасова (см. „Русск. Архивъ“ 1871 г., ст. 0166)

[3]) Въ той же припискѣ Тургеневъ сообщалъ, что Государь будетъ въ Петербургѣ если не къ 30 Августа, то конечно въ началѣ Сентября, а Уваровъ писалъ (тамъ же, ст. 0165), что при возвращеніи Государя представится удобный случай пристроить Жуковскаго. Государь возвратился въ Россію только въ Декабрѣ этого года.

Блудова и Дашкова. Къ Блудову я написалъ письмецо на прошедшей почтѣ. Его не приняли. Посылаю теперь. И книгу посылаю. Побрани Жихарева [4]) за то, что онъ не держитъ слова и не написалъ ко мнѣ.

Твой Жуковскій.

Въ письмѣ къ Уварову мой отвѣтъ на ваши письма. Agissez en mon sens [5]).

LXX [1]).

4 Августа (1815, Дерптъ).

Я получилъ отъ Анны Петровны Юшковой [2]) письмо, въ которомъ большія тебѣ благодарности за такое *скорое*, *дѣятельное* и *внимательное* исполненіе ея просьбы. Если бы ты самъ получилъ эти благодарности, то, вѣроятно, повѣрилъ бы, что ихъ стоишь. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ты хлопоталъ! Почти такъ же, какъ и о докторѣ Форѣ, который такъ восхищенъ тѣмъ, что еще по сію пору ничего не получилъ отъ Вязмитинова, что даже и не благодаритъ. Въ отвѣтѣ своемъ Юшковой, я тебя однако описалъ in naturalibus и посылаю тебѣ твой портретъ для того, чтобы ты мнѣ самъ сдѣлалъ на него критическія замѣчанія. Письмо мое гласитъ тако: «Оставьте ваши scrupules на счетъ Тургенева и не заботьтесь ни о формахъ благодарности, ни о самой благодарности. Вотъ человѣкъ, которой одаренъ прямо высокою душою. Знаете ли, что́ мѣшаетъ ему быть однимъ изъ первыхъ людей? *Толстота*, которая заставляетъ его часто спать вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, и непроизвольная, но убійственная и для него почти непобѣдимая разсѣянность, въ которую бросили его обстоятельства по службѣ. Прекрасная душа исчезаетъ посреди этого вихря, и я даже не вижу способа помочь этому. Есть одинъ способъ; но боюсь, если онъ его не воскреситъ, то убьетъ. Во время моего пребыванія

---

[4]) Степана Петровича Жихарева (р. 1787 † 1860, въ званіи сенатора), воспитанника Московск. Университ. Благороднаго Пансіона, автора извѣстныхъ Записокъ (Дневникъ студента и Дневникъ чиновника). О немъ см. въ Сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, т. III, стр. 621—623.

[5]) Т. е. дѣйствуйте въ моемъ духѣ.

*

[1]) Настоящее письмо ранѣе было напечатано въ „Русскомъ Архивѣ" 1864 года, ст. 453—457, а оттуда перепечатано въ Сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго, изд. подъ ред. П. А. Ефремова, изд. 7-е, т. VI, стр. 395 — 398. Теперь оно печатается съ подлинника. Какъ въ „Русскомъ Архивѣ" 1864 года, такъ и въ VI томѣ Сочиненій Жуковскаго, годъ, къ которому относится это письмо, опредѣленъ вѣрно (1815); мѣсто же, откуда оно писано, въ обоихъ этихъ изданіяхъ опредѣлено ошибочно (Петербургъ). Кстати замѣтимъ, что въ „Русскомъ Архивѣ" 1867 года, ст. 789, про это же самое письмо невѣрно замѣчено, будто оно должно быть отнесено къ 1814 году и будто оно писано изъ Муратова.

[2]) Анна Петровна Юшкова, въ замужествѣ Зонтагъ († 1864), старшая дочь П. Н. Юшкова отъ брака его съ Варварою Аѳанасьевною Бунинoю, извѣстная писательница книгъ для дѣтскаго чтенія.

въ Петербургѣ я провелъ съ нимъ настоящимъ образомъ *нѣсколько часовъ*,—но въ эти часы я прямо былъ *ему радъ!* Таже простая, превышающая все, чтó вокругъ нея, душа, какая была и во *время оно.* Онъ не имѣетъ уваженія къ людямъ, потому что ихъ знаетъ и принужденъ возиться съ ними въ одномъ и томъ же навозѣ. Они почитаютъ этотъ навозъ приличною имъ отчизною, онъ же просто грязью. Въ немъ двѣ противности (отъ которыхъ по большой части ему бываетъ плохо съ самимъ собою); совершенное равнодушіе къ окружающему его, происходящее отъ того, что все окружающее его *не стóитъ*, и невольная, но сильная (не душевная, а механическая) привязанность къ этому ничтожному, произведеніе обстоятельствъ и врожденной безпечности. Онъ отдалъ себя или, лучше сказать, кѣмъ-то отданъ на волю потока, и несется въ немъ съ грузомъ высокихъ чувствъ и мыслей, которыя въ немъ радуютъ менѣе самого его, нежели его *друзей* въ тѣ *минуты*, въ которыя удается имъ достичь до его чувствъ и мыслей. Въ эти минуты я всегда бывалъ съ нимъ счастливъ и поздравлялъ себя съ именемъ его друга, потому что это есть великое достоинство. Особенная черта его: *независимость* въ образѣ мыслей и чувствъ ни отъ кого и ни отъ чего, и какая то гордая *безпечность* въ открытіи ихъ передъ другими, такъ что никакая осторожность, никакой, какъ говорятъ Нѣмцы, Menschenfurcht [3]), его остановить не могутъ. *Я знаю его совершенно.* Но весьма немногимъ можно знать его; мелочному, или не близкому къ нему, или только здравомыслящему человѣку весьма легко имѣть объ немъ самое обыкновенное или невыгодное мнѣніе. Но онъ посреди невыгодныхъ этихъ мнѣній и толковъ разгуливаетъ свободно и безпечно и готовъ спать на остріѣ тѣхъ ножей, которыми думаютъ его изрѣзать. Онъ часто меня удивляетъ. Подумаешь, что онъ или дремлетъ или не слушаетъ, а вдругъ скажетъ что-нибудь такое, чтó заключаетъ въ себѣ глубокую и справедливую мысль, точное вдохновеніе, но плодъ обдуманности и опыта. Мнѣ всегда забавно видѣть нѣкоторыхъ человѣчковъ, которые, не имѣя и не будучи способны имѣть объ немъ настоящее понятіе, гуляютъ на его счетъ и, будучи безопасны подъ щитомъ его къ нимъ невнимательности, судятъ его рѣшительно, а его *молчаніе* считаютъ за признаніе, коего можно было бы справедливѣе принять за *презрѣніе*, когда бы не было оно произведеніемъ самой простой безпечности насчетъ всего мелочнаго. Самолюбивому и мелочному человѣку трудно его любить, потому что онъ слишкомъ небрежетъ о формахъ и не щадитъ никакого самолюбія, менѣе отъ malignité, чѣмъ отъ безпечности. Много людей могутъ быть имъ недовольны, потому что множество на него требованій, а онъ по безпечности заботится только о томъ, чтó почитаетъ важнымъ, мелочное же забываетъ. Зато въ важномъ случаѣ никто такъ просто и безкорыстно не пожертвуетъ *собою*, какъ онъ».— Видишь ли, что мнѣ иногда бываетъ досугъ говорить о тебѣ и что я такъ же о тебѣ иногда разсуждаю, какъ о планѣ своего Владимира. Прочти это Софьѣ Петровнѣ [4]) и сообщи мнѣ ея мысли. Весьма будетъ мнѣ весело, если мое о тебѣ понятіе пройдетъ черезъ ея сердце

---

[3]) Человѣкобоязнь.

[4]) Свѣчиной.

и въ немъ очистится. Теперь ты, вѣрно, уже получилъ мое письмо. Вотъ дополненіе къ тому, что́ я писалъ къ Уварову. Чтобы сдѣлать для меня то, что̀ мнѣ надобно, вы должны имѣть настоящее объ немъ понятіе, то-есть о томъ, что́ мнѣ надобно. Боюсь я этихъ grands projets [5]). Могутъ составить себѣ за меня какой-нибудь планъ моей жизни, да и убьютъ все. Ты можешь обо мнѣ переговорить и съ Нелединскимъ. Онъ въ состояніи все понять и все объяснить Государынѣ просто. Переговори съ Уваровымъ и съ нимъ и объясните все между собою. Тебѣ, кажется, не нужно имѣть отъ меня комментарія на то, что̀ мнѣ надобно. Независимость да и только! Способъ писать, не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Что̀, гдѣ и когда писать—мнѣ на волю. Я не буду жильцомъ Петербургскимъ; но каждый годъ буду въ Петербургѣ непремѣнно. Вотъ главная мысль; остальное можешь придумать самъ. Еще скажу одно. Мнѣ бы хотѣлось въ половинѣ будущаго года сдѣлать путешествіе въ Кіевъ и Крымъ. Это нужно для «Владимира» [6]). Первые полгода я употребилъ бы на приготовленіе; а послѣдніе на путешествіе. Но еще уговоръ, чтобы не давать чувствовать, что я пишу Владимира, ищу покровительства для Владимира: если писать сдѣлается для меня обязанностью непремѣнною, то сказываю напередъ, что написано ничего не будетъ. Отвѣчай на это письмо скорѣе. Когда мнѣ надобно пріѣхать?—Да если и на будущей почтѣ ты ничего не напишешь мнѣ о Форѣ, то я надуюсь не на шутку. Не посади меня въ цѣпь мелочныхъ людей, недовольныхъ тобою за безпечность. Я не хочу принадлежать къ этому классу. Прости. Обними за меня твоего несравненнаго Сергѣя и Николая [7]). На свѣтѣ много прекраснаго и безъ счастія. Давеча поутру я нечаянно развернулъ Бутервека и прочиталъ написанное на одной страницѣ карандашемъ: Le bonheur consiste dans la vertu qui aime et dans la science qui éclaire [8]). Это стало мнѣ теперь понятнѣе. Душа добродѣтельная наслаждается, то-есть любитъ съ чистотою и безкорыстіемъ; душа просвѣщенная судитъ себя и все, что́ ее окружаетъ; истина даетъ прочность наслажденію; великія мысли совершенствуютъ великія чувства, удерживаютъ ихъ на полетѣ! Произведеніе всего этого есть счастіе.

---

[5]) Въ письмѣ отъ 29 Іюля 1815 года С. С. Уваровъ, сообщая Жуковскому о разговорѣ, который онъ имѣлъ о немъ 18 Іюля съ императрицею Маріею Ѳеодоровною, писалъ ему: „Императрица прибавила: J'avais de grands projets sur m. Joukoffsky. Dites le lui, et engagez le en mon nom à hâter son retour ici“ („Русск. Архивъ“ 1871 г., ст. 0165). Въ письмѣ къ роднымъ въ Бѣлевъ, отъ 30 Іюля—2 Августа 1815, по поводу этого письма Уварова Жуковскій писалъ слѣдующее: „Лишь бы только выхлопотать независимость, я бы перелетѣлъ къ вамъ, на родину, къ роднымъ.... Но признаюсь, мнѣ страшны эти grands projets, о которыхъ Уваровъ пишетъ; не готовятъ ли мнѣ неволи? Тогда плохо придетъ моей Музѣ! Я увѣренъ, что ни въ Петербургѣ, ни въ Дерптѣ отъ нея ничего добраго не родится“ („Русск. Старина“ 1883 г., т. XXXVIII, стр. 98—99).

[6]) См. объ этомъ въ томъ же письмѣ Жуковскаго къ роднымъ („Русская Старина“ 1883 г., т. XXXVIII, стр. 98).

[7]) С. И. и Н. И. Тургеневыхъ.

[8]) Счастіе состоитъ въ добродѣтели, которая любитъ, и въ наукѣ, которая просвѣщаетъ.

Помнишь ли, что́ говоритъ Миллеръ: Lesen ist nichts; lesen und denken etwas; lesen, denken und fühlen die Vollkmmenheit [*]). На мѣсто lesen поставь leben и прощай. Жуковскій.

LXXI.

(Въ половинѣ Августа 1815, Дерптъ).

Вотъ письмо, полученное мною изъ Бѣлева отъ милой женщины, которую ты долженъ любить, какъ сестру, потому что она точно мнѣ сестра [1]), и которой просьбу ты долженъ исполнить. Не одну ея просьбу, но и вмѣстѣ мою. Ѳедоръ Александровичъ Камкинъ, бывшій Бѣлевскій почтмейстеръ, былъ мнѣ искренній пріятель [2]). Монастыревъ, его помощникъ, очень хорошій человѣкъ, также мнѣ коротко знакомый. Камкинъ его любилъ, и все, что́ сдѣлано ему добра, было сдѣлано имъ. Для меня было бы весело довершить это добро, и точно сочту за знакъ твоей дружбы, если ты въ этомъ случаѣ мнѣ поможешь. Прошу тебя, похлопочи и забудь свою безпечность [3]). Вѣрно, Козодавлевъ [4]) захочетъ исполнить такую бездѣльную твою просьбу. А мнѣ будетъ истинною радостію, если честному человѣку дадимъ хорошее мѣсто. Братъ, прошу тебя. Скоро обойму тебя. Много, много черезъ недѣлю. Поклонись Уварову и Блудову.

Письмо твое пришло ко мнѣ въ хорошую минуту, въ такую, въ которую я былъ къ тебѣ ближе, потому что писалъ тогда стихи къ доброму человѣку, стихи не для печатанія, но для облегченія сердца и для друзей [5]). Прочту, когда пріѣду.

Приложенное письмо тотчасъ доставь Жихареву.

LXXII.

(Во второй половинѣ Августа 1815, Дерптъ).

Прилагаю при семъ письмо Петерсона и прошу тебя о томъ же. о чемъ проситъ и онъ, то-есть покровительства Гуну [1]). Если можно, то не откажи ему въ его просьбѣ; здѣсь всѣ его разумѣютъ, какъ хоро-

---

[*]) Одно чтеніе—ничто; чтеніе и размышленіе—нѣчто; чтеніе, размышленіе и чувствованіе—совершенство.

*

[1]) Отъ Авдотьи Петровны Кирѣевской?

[2]) Ѳ. А. Камкинъ умеръ, вѣроятно, въ Іюлѣ 1815 года. Соболѣзнуя объ его кончинѣ, Жуковскій писалъ 2 Августа 1815 г. роднымъ въ Бѣлевъ: „Бѣдной Ѳедоръ Александровичъ! Жаль его отъ всего сердца! Еще однимъ прекраснымъ, благороднымъ человѣкомъ менѣе въ нашемъ кругу!“ („Русская Старина“ 1883 г., т. XXXVIII, стр. 100.—Замѣтимъ, что въ „Русской Старинѣ“, какъ въ этомъ мѣстѣ, такъ и въ т. XXXVII, стр. 454, фамилія Камкина напечатана невѣрно: Кашкинъ).

[3]) Вѣроятно, Монастыревъ хотѣлъ получить мѣсто Бѣлевскаго почтмейстера.

[4]) Осипъ Петровичъ Козодавлевъ († 1819) былъ въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ.

[5]) Здѣсь Жуковскій, очевидно, разумѣетъ стихи „Старцу Эверсу“, написанные имъ 14 Августа 1815 (см. Соч. Жуковскаго, изд. 8-е, т. I, стр. 485—487).

*

шаго и почтеннаго человѣка. А я тебѣ напомню, что братъ его [2]) бывалъ у твоего отца во время болѣзни и старался усердно ему помочь.

Я поѣду отсюда 21 или 22-го [3]). Это еще не будетъ поздно. Нечего о себѣ сказать добраго.

Я на будущее смотрю безъ желанія и ожиданія. Изъ дурнаго лучшее для меня уединенная и занятая жизнь, слѣдственно не Петербургская и не Дерптская [4]). Но какая бы ни была, все будетъ полумертвая. Прощай, братъ.

LXXIII.

Дерптъ, Апрѣля 12 (1816).

Податель этого письма есть докторъ Лебренъ [1]), учившійся въ здѣшнемъ университетѣ. Онъ ѣдетъ въ Петербургъ искать себѣ мѣста и просилъ меня дать къ тебѣ рекомендательное письмо. Ты очень обяжешь меня (хотя не очень надѣюсь, чтобы твоя безпечность дозволила тебѣ меня обязать), если постараешься помочь ему въ прiисканiи какой-нибудь должности. Онъ учился очень хорошо и имѣетъ много способностей, съ большими свѣдѣніями. Я думаю, что онъ хочетъ служить по части финансовъ. Будучи знакомъ съ Гурьевымъ [2]), ты можешь его смѣло рекомендовать, какъ человѣка весьма способнаго, министру. Прошу тебя сдѣлать для него, что̀ можешь.

Что̀ у васъ дѣлается? Отчего не имѣю отъ тебя ни строчки? Имѣешь ли извѣстіе о Карамзинѣ [3])? Я еще ни за что̀ не принимался

---

[1]) Вѣроятно рѣчь идетъ о Готтгардѣ - Фридрихѣ Гунѣ (р. 1753 † 1824), который былъ членомъ Курляндской Консисторіи, а съ 1817 года Курляндскимъ суперинтендентомъ.

[2]) Братъ предъидущаго Гуна, Отто Гунъ (р. 1764 † 1832) съ 1804 по 1807 годъ жилъ въ Москвѣ въ качествѣ домашняго врача графа Алексѣя Разумовскаго. Объ обоихъ Гунахъ см. въ Словарѣ Рекке и Напіерскаго.

[3]) Выѣхалъ Жуковскій въ Петербургъ 24 Августа (см. „Русскую Старину" 1883 г., т. XXXVIII, стр. 101). Представленіе его Государынѣ Маріи Ѳеодоровнѣ состоялось 4 Сентября (тамъ же, стр. 103).

Во всемъ, во всемъ печальный слышу гласъ,
Что ничего мнѣ жизнь не обѣщаетъ.

Въ посланіи къ Тургеневу 1813 года („Другъ, отчего печаленъ голосъ твой?") находятся весьма съ приведенными въ письмѣ сходные стихи:

Во всемъ, во всемъ прискорбный слышенъ гласъ,
Что ничего намъ жизнь не обѣщаетъ.

[4]) Тѣ же мысли мы находимъ и въ письмахъ Жуковскаго къ А. П. Кирѣевской отъ 2 Августа и 16 Сентября 1815 года (см. „Русск. Старина" 1883 г., т. XXXVIII, стр. 99 и 101).

*

[1]) Александръ Лебренъ (Lebrun), родомъ изъ Женевы, въ 1816 году получилъ отъ Дерптскаго университета степень доктора философіи за представленную имъ диссертацію „Essai historique sur le commerce de la Mer Noire".

[2]) Съ министромъ финансовъ Д. А. Гурьевымъ (впослѣдствіи графомъ).

[3]) Карамзинъ ѣздилъ въ Суздаль (см. Соч. Батюшкова, т. III, стр. 382).

по той причинѣ, что еще нѣтъ у меня горницы. Скоро поспѣетъ; тогда и за работу.

Прости. Обними Блудова. Будутъ къ вамъ письма, и прекрасныя письма, но не теперь. Ж.

P. S. Воейковъ собрался ѣхать въ Кіевъ и въ Крымъ. Онъ проситъ рекомендательныхъ писемъ къ архіепископамъ Кіевскому, Черниговскому и Псковскому. Пришли ихъ. Это путешествіе, вѣроятно, мечта; но если, оно сбудется, то эти письма могутъ быть ему полезны. Ты долженъ ихъ написать для его жены, которая съ нимъ ѣдетъ, и для меня. Не откажи въ этомъ.

Адресъ: Его высокородію Александру Ивановичу Тургеневу, въ С.-П.-бургѣ, на Фонтанкѣ, противъ Михайловскаго замка, въ домѣ князя Александра Николаевича Голицына.

LXXIV.

(Весна 1816 года, Дерптъ).

Милой другъ Жихаревъ, обнимаю тебя за твои дружескія хлопоты. Вотъ тебѣ отвѣтъ на твой запросъ: нельзя ли для вѣрности оставить въ герольдіи однѣ *копіи за скрѣпою* съ тѣхъ бумагъ, которыя ты получилъ отъ меня [1]), а оригиналы мнѣ возвратить? Я думаю, что эти копіи могутъ такими же служить документами, какъ и оригиналы. Если же это ты сдѣлать можешь, то одолжишь меня чувствительно. Я очень боюсь, чтобы эти бумаги какъ-нибудь не затерялись въ твоемъ отсутствіи. Если же копій не захотятъ, то возврати бумаги мнѣ; я ихъ тебѣ опять доставлю, по прибытіи твоемъ въ Петербургъ, и тогда похлопочи съ обыкновеннымъ твоимъ усердіемъ.

Благодарю тебя за дружеское твое снисхожденіе къ моимъ карманнымъ причудамъ. Оно весьма, весьма для меня благопріятно и весьма во̀-время. — Надолго ли ты ѣдешь изъ Петербурга и куда? Но куда бы ты ни поѣхалъ и гдѣ бы ни сидѣлъ, люби меня по старому, по арзамасски, какъ я самъ тебя люблю. Не сердись однако на мою лѣнь писать письма; въ этомъ случаѣ я достигъ совершенства. Прости. Твой Жуковскій.

Тургеневъ! Я получилъ перстень и письмо отъ Логинова [2]).

Я не пою *дорога̀ твоя любовь*, ибо не знаю, на какой голосъ это пѣть надобно.

У тебя есть Лаврушка. У меня Максимъ [3]). Кому жъ изъ насъ нужно болѣе терпѣнія? У тебя болитъ желудокъ, и у меня также. Ты пухнешь, а я худѣю. Ты имѣешь много дѣла и ничего не дѣлаешь и

---

*

[1]) Жихареву, какъ видно изъ дальнѣйшихъ писемъ LXXVIII и LXXXI, были доставлены Жуковскимъ бумаги Василія Андреевича Азбукина (женатаго на Екатеринѣ Петровнѣ Юшковой), для представленія ихъ въ Герольдію.

[2]) Отъ секретаря Императрицы Елисаветы Алексѣевны Николая Михайловича Лонгинова († 1853, въ званіи члена Государственнаго Совѣта).

[3]) Слуга Жуковскаго. Объ этомъ Максимѣ говорится въ одномъ изъ Долбинскихъ стихотвореній Жуковскаго.

только радуешься этимъ, потому что имѣешь предлогъ не исполнять того, чтò тебѣ поручаютъ, то-есть: не думать о нѣкоторыхъ Французскихъ плѣнныхъ лѣкаряхъ, которые просятся домой, не писать писемъ къ архіереямъ, не присылать моихъ печатныхъ стиховъ и прочее и прочее.

Радость моя, напиши къ Евгенію [4]); напиши къ Кіевскому архіерею [5]). Твои письма могутъ быть полезны *женѣ* Воейкова; *онъ* поѣдетъ въ Крымъ, а *она* останется въ Кіевѣ и, можетъ быть, ей нужнымъ будетъ въ чемъ-нибудь архипастырское пособіе. Но *напиши тотчасъ* по полученіи письма моего и посылай прямо въ Псковъ и Кіевъ, ибо Воейковъ ѣдетъ черезъ четыре дня изъ Дерпта, и здѣсь твои письма его уже не застанутъ. Обнимаю тебя до первой охоты писать. Обнимаю Блудова и Кавелина. Къ нимъ буду писать на одной изъ слѣдующихъ почтъ. Я скоро поѣду осматривать нѣкоторыя мѣста Лифляндіи. По возвращеніи буду писать болѣе.

Къ Логинову буду писать послѣ почты.

LXXV.

(Весною или въ началѣ лѣта 1816 года, Дерптъ).

Посылаю тебѣ экземпляръ Берговыхъ Писемъ [1]). При немъ письмо къ князю [2]) и также экземпляръ. Князь, какъ тебѣ извѣстно, требовалъ, чтобы Бергъ доставилъ ему свою книгу прежде публикаціи. Прошу тебя быть въ этомъ случаѣ ходатаемъ Берга. Я читалъ его письма. Въ нихъ не только нѣтъ ничего, могущаго возмутить правовѣрныхъ, но напротивъ много такого, чтó можетъ подкрѣпить вѣру. Послѣднія письма (13—17) заключаютъ въ себѣ мысли, возвышающія душу. Я увѣренъ, что и надъ тобою произведутъ они тоже дѣйствіе, какое произвели надо мною. Прошу обратить на нихъ особенное вниманіе князя и вообще прошу быть защитникомъ Берга. Я ручаюсь тебѣ, что онъ совершенно удаленъ отъ всякаго шарлатанства. Для него важно весьма *выдать* эту книжку: первое, потому что она напечатана въ пользу бѣднаго семейства, второе и потому, что теперь, если ее запретятъ, можетъ это навлечь на него какое-нибудь незаслуженное подозрѣніе въ мнѣніи общемъ. Не полѣнись прочитать самъ эти 120 страницъ. Увидишь, что въ нихъ нѣтъ ничего противнаго общему порядку. За вѣрность же *всѣхъ* описанныхъ обстоятельствъ я отвѣчаю тебѣ; нѣкоторые очевидные свидѣтели мнѣ знакомы и все то утверждаютъ своимъ

---

[4]) Знаменитому Евгенію Болховитинову, въ то время архіепископу Псковскому а впослѣдствіи Кіевскому митрополиту.

[5]) Митрополитомъ Кіевскимъ былъ тогда Серапіонъ (Александровскій), въ 1822 году уволенный на покой.

*

[1]) Рѣчь идетъ о небольшой книжечкѣ (120 страницъ въ д. л.) пастора Карла Эрнста Берга „Briefe über eine magnetische Kur von einem Livländischen Landprediger. Geschrieben im Januar 1816, zum Besten einer sehr armen Familie“, напечатанной въ Дерптѣ въ 1816 году, безъ имени автора.

[2]) Къ князю А. Н. Голицыну, министру просвѣщенія.

свидѣтельствомъ, о чемъ говоритъ авторъ. Однимъ словомъ, не откажи мнѣ употребить все *возможное* тебѣ стараніе въ пользу человѣка, достойнаго всякаго почтенія и мнѣ особенно любезнаго. Это сочту знáкомъ дружбы и позволю за это совершенно забыть о стихахъ моихъ. Я желалъ бы, чтобы ты, *прежде* нежели отдашь письмо Берга князю, прочиталъ его книжку и сказалъ князю объ ней свое мнѣніе. Я увѣренъ, что твое мнѣніе не можетъ не быть въ пользу Берга; оно, вѣроятно, будетъ имѣть вліяніе и на князя. Отвѣчай, прошу тебя, на это поскорѣй; и постарайся, чтобы Бергъ *поскорѣе* могъ получить разрѣшеніе. Ж.

Благодарю за рекомендательныя письма. Воейковъ уже уѣхалъ, и въ Псковъ письмо *опоздало*. Но я и это прощу, если только не полѣнишься хорошенько похлопотать о Бергѣ. Эпитафію [1]) пришлю тотчасъ по полученіи *отвѣта* и рисунокъ.

LXXVI.

(Лѣтомъ 1816 года, Дерптъ).

Ты прислалъ ко мнѣ два письма изъ Петербурга, я получилъ ихъ; но при нихъ нѣтъ отъ тебя ни строчки. Въ нѣкоторыхъ вещахъ ты имѣешь удивительное постоянство; особенно въ общей намъ добродѣтели—въ лѣни. Неужели не могъ ты сказать мнѣ о себѣ ни слова? По крайней мѣрѣ хотя бы увѣдомить меня о судьбѣ моихъ стиховъ.

Я о себѣ теперь не буду тебѣ разсказывать ничего. Надобно входить въ подробности, а мнѣ надобно написать еще нѣсколько писемъ. Скажу только одно: будь на *мой* счетъ совершенно спокоенъ. Я теперь точно таковъ, какимъ мнѣ быть *должно*, и это не стóитъ мнѣ никакого усилія. *Рѣшительность* всемогущій чародѣй; она можетъ перемѣнить душу. Но объ этомъ буду писать къ тебѣ много, и это *нужно* (то-есть писать къ тебѣ), дабы самому для себя объяснить все какъ можно лучше. Мнѣ здѣсь хлопотъ будетъ довольно, но могу только поручиться за одну добрую волю свою, и буду, помня слова моего евангелиста, то-есть Карамзина, думать только о томъ, чтобы ее совершенствовать, оставляя все прочее на волю Провидѣнія: ибо все прочее принадлежитъ Ему такъ же неограниченно, какъ наша воля, способная совершенствоваться, принадлежитъ намъ. Во всякомъ искусствѣ, во всякой наукѣ (сказалъ, не помню, кто) надобно имѣть два или три главныхъ фундаментальныхъ правила, такихъ, которыя бы можно было примѣнять ко всѣмъ или почти ко всѣмъ случаямъ. Жизнь—искусство. И вотъ два правила, которыя едва ли не ко всему пригодятся: *совершенствуй волю, все въ жизни къ прекрасному средство*. Первое есть цѣль всей жизни; послѣднее можетъ служить масштабомъ для всякаго случая жизни. Нѣтъ такого положенія, счастливое ли оно или несчастное, которое бы не могло быть средствомъ къ прекрасному.

Но полно философствовать. Голова болитъ, и я чувствую, что слогъ этого письма пахнетъ Глинкою. Предлагаю тебѣ нѣчто, могущее

---

[1]) Для надгробнаго памятника Ивану Петровичу и Андрею Ивановичу Тургеневымъ.

*

служить средствомъ къ прекрасному: *выхлопотать свободу Фору и увѣдомить меня о томъ, что́ ты сдѣлалъ по письму Берга. Если жъ ничего не сдѣлалъ, то сдѣлать. Прекрасное* для тебя въ этомъ случаѣ: побѣда надъ лѣнью и разсѣянностію, услуга добрымъ людямъ и мнѣ одолженіе.

Обними за меня Блудова, и Кавелина, и Уварова. Приложенное письмо отдай Жихареву.

LXXVII.

(Лѣтомъ 1816 года, Дерптъ).

Ты пишешь ко мнѣ коротко и спѣшишь безъ памяти дописать. Такъ точно и я буду писать къ тебѣ.

Мало того, что Фору обѣщана свобода, надобно дать ее. Тебѣ сто́итъ черкнуть два раза перомъ или заставить Боголюбова [1]) черкнуть, чтобы выхлопотать для человѣка то, отъ чего, можетъ-быть, зависитъ его судьба. Черкни же. Ты лѣнивецъ обвиняешь лѣнивца Сиверса [2]); между тѣмъ экземпляры бѣднаго Берга лежатъ и гніютъ. Крикни на Сиверса. Это еще легче, нежели написать записку.

Пришли стихи и скажи слова два о праздникѣ.

Обними Блудова и вели ему написать ко мнѣ.

Чтобы раздѣлаться со скукою, вспомни нашъ послѣдній разговоръ и исполни то, что́ мы думали вмѣстѣ. Я здѣсь (ож)иваю, но надолго ли? увидимъ.

Дѣятельность - жизнь

Я - твой

Теперь - навсегда.

1. АВ. Всѣ мои письма для тебя, Блудова и Кавелина, и наоборотъ.
2. АВ. Объятіе Уварову, Сѣверину, Жихареву.

LXXVIII.

(Во второй половинѣ Іюня 1816, Дерптъ).

Милой другъ, два слова, ибо писать болѣе некогда: я укладываюсь, ѣду съ *своими* черезъ два или три часа въ Ревель; писать надобно еще много писемъ, и всѣ будутъ самыя краткія. Ты долженъ одолжить меня весьма много. Напиши вторичное письмо къ Кіевскому архіерею, въ которомъ попроси его оказать въ *случаѣ нужды* помощь Александрѣ Андреевнѣ Воейковой. Прошу тебя не полѣниться и тотчасъ написать это письмо. Она теперь въ Кіевѣ; осталась тамъ одна, могутъ случиться такія обстоятельства, въ которыхъ ей нужна будетъ помощь, можетъ случиться недостатокъ въ деньгахъ и пр. и пр. Письмо свое адресуй слѣдующимъ образомъ: *Его высокоблагородію Ясону Савичу Бажанову, господину почтмейстеру въ Кіевѣ, для передачи Але-*

---

[1]) Варфоломей Филиповичъ Боголюбовъ, человѣкъ близкій къ сильнымъ міра сего. См. о немъ и его письма къ князю А. Б. Куракину въ „Р. Архивѣ“ 1893 года.

[2]) Вѣроятно, графа Егора Петровича Сиверса, бывшаго начальникомъ отдѣленія въ Департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

ксандрѣ Андреевнѣ Воейковой. Можешь написать къ ней самой два слова; въ этотъ пакетъ вложи письмо къ архіерею, дабы вмѣстѣ съ твоимъ письмомъ могла она къ нему явиться. Это на случай; можетъ быть, и не будетъ нужды твоимъ письмомъ воспользоваться. Если же оно пригодится, то для тебя же лучше: ты окажешь тогда помощь лучшему въ свѣтѣ творенію.

Обо мнѣ не безпокойся. Мои обстоятельства хороши, ибо все идетъ, какъ *должно.*

Когда увидишь Николая Михайловича [1]), пожми хорошенько его милую руку и Екатеринѣ Андреевнѣ скажи мое сердечное почтеніе. Черезъ Дерптъ проѣхалъ графъ Сергѣй Петр(овичъ) Румянцовъ [2]). Онъ былъ у меня, потомъ я просидѣлъ у него цѣлой вечеръ съ Моргенштерномъ и Парротомъ [3]) Мы много говорили о нашемъ Николаѣ М(ихайловичѣ), которому онъ кланяется. И Полетика [4]) былъ у меня; я благословилъ его въ путь. Жаль мнѣ очень, что не вижу Софьи Петровны [5]). Я буду на дорогѣ въ Ревель, въ то время, когда она проѣдетъ черезъ Дерптъ. Такъ же точно пропустилъ я и княгиню Гагарину: меня не было въ городѣ. Іюль и Августъ весь проведу въ странствіи. Іюль въ Ревелѣ; Августъ въ Венденской округѣ, въ которой буду бродить по развалившимся замкамъ, изъ которыхъ нѣкоторые весьма живо напоминаютъ кротости блаженнаго Царя Ивана Васильевича.

Обними Блудова, Уварова и Кавелина, Жихарева-кавалера и Сѣверина. Что жъ Жихаревъ не скажетъ мнѣ ни слова о бумагахъ Азбукина [6])?

Уткинъ [7]) просилъ тебя похлопотать за него у князя Голицына. Сдѣлай это, прошу тебя. Приложенное письмо къ нему перешли поскорѣе. Нужное. Я не знаю, гдѣ онъ теперь: въ домѣ ли Катерины Ѳедоровны [8]) или въ Академіи. Похлочи объ пересылкѣ.

---

[1]) Карамзина, Екатерина Андреевна—жена исторіографа.

[2]) Графъ Сергѣй Петровичъ Румянцовъ (братъ канцлера) прибылъ въ Дерптъ 14 Іюня 1816 года (см. Dörptsche Zeitung 1816 года, № 49, отъ 18 Іюня, отдѣлъ: Angekommene Fremde).

[3]) Профессоръ Дерптскаго Университета: Моргенштернъ, по каѳедрѣ классической филологіи, эстетики и исторіи искусствъ, человѣкъ глубоко ученый и съ многостороннимъ образованіемъ, а Парротъ (извѣстный своимъ заступничествомъ за Сперанскаго предъ императоромъ Александромъ I)—по физикѣ.

[4]) Петръ Ивановичъ Полетика собирался тогда ѣхать въ Америку.

[5]) Свѣчиной; она проѣхала черезъ Дерптъ 6 Іюля 1816 года на пути изъ Петербурга заграницу (см. Dörptsche Zeitung 1816 года, № 55, отдѣлъ Durchpassirte Reisende). Княгиня Екатерина Петровна Гагарина—сестра Свѣчиной.

[6]) Объ Азбукинѣ см. выше, въ прим. 1-мъ къ письму LXXIV-мъ.

[7]) Извѣстный граверъ Николай Ивановичъ Уткинъ. Нѣсколько записокъ къ нему Жуковскаго напеч. въ „Русской Старинѣ“ 1883 г., т. XXXVII, стр. 485 - 487.

[8]) Муравьевой Уткинъ, съ лѣвой стороны, былъ братъ ея супруга М. Н. Муравьева.

*

LXXIX.

17 Августа (1816) Дерптъ.

Я опять въ Дерптѣ и спѣшу тебѣ отвѣчать. Я получилъ твое письмо въ Ревелѣ. Не вини меня, милой другъ, что отвѣчалъ тебѣ не тотчасъ; ты знаешь, чтó обыкновенно дѣлается съ моими и твоими письмами и какъ они пишутся. Даже и извѣстіе о кончинѣ нашего общаго благодѣтеля [1]) не побѣдило меня. Ну, братъ,

Часъ отъ часу пустѣетъ свѣтъ,
Пустѣй дорога передъ нами [2]).

И ты просишь отъ меня стиховъ въ честь его памяти! Я напишу ихъ, но такъ же точно, какъ писалъ объ твоемъ и моемъ отцѣ [3]), въ такую минуту, въ которую душа будетъ болѣе достойна прошедшаго, живѣе, выше. Теперь стихи, то-есть *хорошее*, изъ нея не льется. Дай воскреснуть. Но не относи этого состоянія къ извѣстнымъ тебѣ обстоятельствамъ. Они въ порядкѣ. Я тебя не обманываю: *здѣсь* все идетъ какъ должно, и я не могу ни въ чемъ себя упрекать. Суди обо мнѣ по себѣ. Со мною, кажется, дѣлается точь-въ-точь тоже, чтó съ тобою. Когда же мы опять выпрыгнемъ изъ этой грязи?

Прости, другъ безцѣнный. Когда воротится ко мнѣ вдохновеніе, и писать буду къ тебѣ болѣе. Обнимаю тебя. Твой вѣрный Жуковскій.

Обними Уварова и Кавелина. Увѣдомь объ нихъ. Къ Блудову я не писалъ еще ни разу. Чтó жъ мнѣ дѣлать съ этою лѣнью, которая и меня, и его мучитъ, меня сушитъ, а его пучитъ? Здоровъ ли онъ? Не сердится ли на меня? Увѣренъ ли, что я могу любить его молча?

Гдѣ Жихаревъ? Возвратился ли изъ Москвы? Попроси его написать ко мнѣ.

Правда ли, что ты дѣйствительный статскій совѣтникъ? [4]) Если правда, то купи мнѣ и поскорѣе пришли Ундину. Весьма, весьма одолжишь. Она мнѣ очень нужна [5]).

---

[1]) Ивана Владимировича Лопухина, скончавшагося 22 Іюня 1816 года.

[2]) Эти стихи находятся въ Посланіи Жуковскаго къ А. Ѳ. Воейкову, писанномъ въ 1814 году и начинающемся словами: „Добро пожаловать, пѣвецъ“.

[3]) Т. е. объ И. П. Тургеневѣ, теплыя воспоминанія о которомъ см. въ Посланіи Жуковскаго къ А. И. Тургеневу 1813 года („Другъ, отчего печаленъ голосъ твой?“).

[4]) Въ дѣйствит. ст. совѣтники А. И. Тургеневъ произведенъ 22 Іюля 1816 г.

[5]) Въ это время Жуковскій былъ занятъ планами издавать, въ сообществѣ Д. В. Дашкова, Альманахъ, по двѣ книжки въ годъ, изъ которыхъ одна должна была состоять изъ однихъ Русскихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, а также изъ переводовъ въ стихахъ, а другая—представлять изъ себя собраніе переводовъ изъ образцовыхъ Нѣмецкихъ писателей, также въ стихахъ и прозѣ. Для первой книжки на 1817 годъ Жуковскій, между прочимъ, хотѣлъ дать свой переводъ первой половины Ундины (см. письмо его къ Д. В. Дашкову отъ конца 1816 или начала 1817 года, напеч. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1868 года, ст. 837—843). Планы Жуковскаго не осуществились. Къ переводу Ундины онъ обратился въ 1833 году (см. „Бумаги В. А. Жуковскаго“, стр. 105), а самый переводъ явился въ свѣтъ въ 1837 году. И. Б. И такъ 20 лѣтъ зрѣло это чудное произведеніе „Русской словесности“. П. Б.

LXXX.

24 Августа (1816), Дерптъ.

Милой другъ, я къ тебѣ съ просьбою. Братъ Воейкова живетъ въ Петербургѣ по дѣлу, котораго счастливое окончаніе должно дать имъ обѣимъ 1000 душъ или болѣе. Дѣло по всѣмъ разсказамъ справедливое; и ты, какъ пишетъ Петербургскій Воейковъ къ Дерптскому, можешь имѣть на ходъ его большое вліяніе; но Воейковъ жалуется на твою холодность. Если ты холоденъ къ его персонѣ, то я молчу и повторяю стихъ Карамзина:

Увы, насильно милымъ
Не будешь никому [1]).

Если же ты холоденъ къ его дѣлу, то постарайся разгорячиться и вступись въ него, то-есть когда оно справедливое, постарайся, чтобы оно скорѣе было кончено. Воейкова состояніе разстроено; 500 душъ будутъ весьма кстати. Чтобы придать тебѣ жару, прибавлю: его жена и дочь мои крестницы. Подавъ имъ помощь, ты поможешь *моей* семьѣ. Обнимаю тебя. Твой Жуковскій.

Опять повторяю просьбу объ Ундинѣ. Она продается и отдѣльно, и съ другими повѣстями, напечатанными въ четырехъ книжкахъ подъ титуломъ: Die Jahrszeiten [2]). Купи для меня всѣ, если найдешь. Очень, очень буду обязанъ. Чтобы раззадорить тебя, скажу, что эта книжка нужна моей Музѣ.

Я забылъ тебѣ написать, что уже мѣсяца три, какъ я получилъ отъ Дерптскаго университета докторской дипломъ (почетный).

LXXXI.

(Въ Сентябрѣ 1816, Дерптъ).

Милой другъ, ты не отвѣчаешь мнѣ на мои письма. Я просилъ тебя увѣдомить меня о ходѣ дѣла Воейкова; ты ни слова. Отложи свою лѣнь и напиши объ немъ поподробнѣе. Не упусти случая похлопотать за мою крестницу; дѣло, сколько я знаю, правое. Отъ тебя отчасти зависитъ, чтобы оно рѣшено было скорѣе. Помоги ему.

Я здѣсь совсѣмъ огерманился. Не знаю ничего, что̀ дѣлается на сценѣ Русской словесности. Вяземской писалъ ко мнѣ, что за меня была ссора въ журналахъ [1]) Я объ ней и понятія не имѣю. Ты завла-

---

[1]) Въ стихотвореніи Карамзина „Прости" (1792 года) встрѣчаются слѣдующіе стихи, похожіе на приведенные въ письмѣ Жуковскаго:

Насильно полюбиться
Не можно никому.

[2]) Сборникъ Die Jahreszeiten. Eine Vierteljahrschrift für romantische Dichtungen„ былъ изданъ авторомъ „Ундины" Ламотъ-Фукэ въ Берлинѣ, въ четырехъ тетрадяхъ, въ 1811—1815 гг.

*

[1]) Извѣстно, что послѣ того какъ князь А. А. Шаховской поставилъ въ 1815 году на сценѣ свою комедію „Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды", въ которой онъ осмѣялъ Жуковскаго въ лицѣ балладника Фіалкина, друзья Жуковскаго вступились за него и воз-

пріюта княгини М. П. Щербатовой, учрежденій имени княгини С. С. Щербатовой.

Попечительство это имѣетъ собственности слишкомъ на три милліона р., а число призрѣваемыхъ, воспитываемыхъ и обучаемыхъ въ немъ простиралось въ 1893 году до 19 тысячъ человѣкъ.

„Починъ". Сборникъ Общества любителей Россійской словесности на 1895 годъ. М. 1895. б. 8-ка 2 нен., 464, 28 и 4 нен. стр. съ прекрасною виньетою. (2 р.)

Исторія Сената въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета. Изслѣдованіе Александра Филиппова, профессора императорскаго Юрьевскаго Университета. Часть 1. Сенатъ въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. Юрьевъ 1895. б. 8-ка. XII, 486 и 2 нен. стр. Цѣна 3 р. 50 к.

Отчетъ о двухъ командировкахъ въ Россію и за границу въ 1892—1894 гг. Экстраординарнаго профессора Е. Шмурло. Юрьевъ б. 8-ка и 272 стр. со снимкомъ и документами.

Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ. Съ приложеніемъ нѣкоторыхъ документовъ, относящихся къ юбилеямъ Якова Карловича въ 1882 и 1892 гг. и библіографическаго списка его сочиненій, переводовъ и изданій. Спб. 1895. б. 8-ка. VII и 239 стр. съ портретомъ Грота въ старости. Цѣна 1 р.

Указатель къ I—XX выпускамъ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа". 1881—1894. Составилъ Е. Козубскій. Тифлисъ, 1895. 8-ка, 2 нен. и 177 стр.

Бѣлоруссія и Литва. Очерки изъ исторіи городовъ въ Бѣлоруссіи. **В. К. Стукалича.** Витебскъ 1894. Мал. 8-ка 23 и 62 стр.

Харузинъ А. Н. Временникъ Эстляндской губерніи. Труды Эстляндскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, томъ IX, книга 1-я. 1893. Ревель, 1894, б. 8-ка, VI и 3, съ изображеніями вещей, найденныхъ на Пюхтицкомъ кладбищѣ.

Дмитріевъ Ѳед. Исторія Брянска. Орелъ, 1894, мал. 8-ка 71 стр. Первое упоминаніе о Брянскѣ—1146-й годъ, т. е. на годъ раньше Москвы.

Лихачева Е. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи. Спб. 1890—1895. 8-ка. 3 книжки: I (1086—1796), 296; II (1796—1828), 308; III (1828—1856) 271 стр.

Мещерскій, А. В. князь. О заповѣдныхъ имѣніяхъ. Историческій очеркъ. М. 1894. 8° 20 стр. 200 экз.

* 1488—1893. Муравьевы. (Родословная). Ревель. 1893. Малая 4°. 29 стр. (счетъ съ выходнаго листа). На 3-ей стр. эпиграфы: „Слава бо человѣку отъ чести отца его" и.... „Да ревнуютъ имъ грядущія поколѣнія." Напечатано всего 60 экз. и въ продажу не поступала. Составилъ **Мих. Валер. Муравьевъ.**

Н. Ф. Петровскій. Древніе Арабскіе дорожники по Средне-Азіатскимъ мѣстностямъ. Извлеченіе изъ сочиненія Sprenger'a Die Post-und Reiseredouten des Orients. Пособіе для разысканія древнихъ путей и мѣстностей. Ташкентъ. 1894. 8-ка мал. V+60.

Русскій Странникъ. Евгеній Львовъ. По студеному морю. Поѣздка на Сѣверъ. (Ярославль, Вологда, Архангельскъ, Мурманъ, Нордкапъ, Трондгеймъ, Стокгольмъ, Петербургъ). Съ 30 рисунками К. А. Коровина и В. А. Сѣрова. Москва. 1895. 8-ка, 247 и 4 нен. стр.

Годъ тридцать третій.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1895

7.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1895.

Историческія статьи въ духовныхъ повременныхъ изданіяхъ.

Извѣковъ Н. Д. Краткій обзоръ дѣятельности архіепископа Алексія по управленію Литовской епархіей. „Московскія Церковныя Вѣдомости“ №№ 17, 19.

Іустинъ еп. Сказаніе о св. Василіи, первомъ епископѣ Рязанскомъ. „Рязанскія Еп. Вѣд.“. № 11.

Обозрѣніе событій, относящихся къ исторіи Вологодской губерніи. „Вологодскія Еп. Вѣд.“ № 11.

Колосовъ Н. А. Письма профессора А. Ѳ. Лаврова-Платонова (Алексія) къ протоіерею А. В. Горскому. „Богословскій Вѣстникъ“ Іюнь.

Корсунскій И. Н. Памяти П. А. Мухановой. „Богословскій Вѣстникъ“, Іюнь.

Лотоцкій А. Труды и дѣятельность м. Московскаго Платона на пользу Русской церкви. „Московскія Церковныя Вѣдомости“. № 23.

Матвѣевъ С. О состояніи Астраханскаго края во второй половинѣ XVII вѣка, по дѣламъ древняго Астраханскаго губернскаго архива. „Астраханскія Еп. Вѣд.“. № 3.

Николаевскій Моденскій монастырь „Церковныя Вѣдомости“ № 18.

Писаревскій Н. Н. Значеніе Стоглаваго собора (1551 г.) въ исторіи Русской церкви. „Богословскій Вѣстникъ“, Іюнь.

Полисадовъ Гр. Іаковъ, архіепископъ Нижегородскій. „Нижегородскія Еп. Вѣд.“ № 11.

Рункевичъ С. Г. Письма аскета. Изъ переписки архимандрита Игнатія Брянчанинова съ С. Д. Нечаевымъ. „Христіанское Чтеніе“, Май—Іюнь.

Смирновъ П. С. Происхожденіе самоистребленія въ Русскомъ расколѣ. „Христ. Чтеніе“, Май—Іюнь.

С...въ Н. Архивная находка въ Вологдѣ. „Вологодскія Еп. Вѣд.“ № 11.

Чрединъ Я. Чествованіе св. Георгія въ Россіи и Грузіи. „Духовный Вѣстникъ Грузинскаго Экзархата“. № 9.

І. Ш. Историческія свѣдѣнія о с. Боровкѣ Ямпольскаго уѣзда. „Подольскія Еп. Вѣд.“ № 18.

Шуточная попытка Виленской Русской молодежи встрѣтить провозъ Уніатами въ 1667 г. чрезъ Вильну въ Полоцкъ тѣла архіепископа Кунцевича. „Литовскія Еп. Вѣд.“ № 19.

Старые синодики Николо-Корельскаго монастыря. „Архангельскія Еп. Вѣд.“ №№ 1—2.

Знаменитые люди въ исторіи Астраханской епархіи. „Астраханскія Еп. Вѣд.“ №№ 3—4.

Ума лишенные въ Пошехонскомъ Адріановомъ монастырѣ (князь Иванъ Ухтомскій въ 1758 г.). „Ярославскія Еп. Вѣд.“ № 20.

Три древнихъ документа, относящіеся къ Угличскому Алексѣевскому монастырю. „Ярославскія Еп. Вѣд.“ № 21.

ПИСЬМА ДЬЯКОНА ПАЛЬМЕРА КЪ А. С. ХОМЯКОВУ [1]).

(Переведено съ Англійскаго).

Коллегія Св. Маріи Магдалины, Оксфордъ, 1 Іюля н. с. 1846.

Дорогой сёръ. Мнѣ становится стыдно, когда смотрю на число (18 Авг. 1845), отъ котораго писано ваше письмо ко мнѣ. Вѣдь уже теперь почти годъ, какъ я его получилъ! Мое единственное оправданіе въ томъ, что я раньше не увѣдомилъ васъ о полученіи его и не отвѣчалъ на него – слабость зрѣнія, отъ которой мои глаза неспособны къ напряженію и работѣ (хотя теперь они поправляются). Ваше письмо, значительныхъ размѣровъ, требовало, какъ я то чувствовалъ, основательнаго отвѣта; а мои глаза, утомляясь ежедневно неотложными занятіями, располагали меня, или скорѣе понуждали, къ медлительности. Кромѣ того, все свободное мое время посвящалось работѣ немало значащей для предмета, о которомъ мы съ вами переписываемся, и озаглавленной: «Согласованіе Англиканскаго ученія съ ученіемъ Каѳолической, Апостольской Восточной Церкви». Эта книга, наконецъ, напечатана, и я просилъ моего пріятеля г. Блакмора, нашего капеллана въ Кронштадтѣ, для котораго я и напечаталъ ее, послать нѣсколько экземпляровъ ея вамъ отъ имени насъ обоихъ. Вы, можетъ быть, сдѣлаете мнѣ одолженіе распорядиться ими слѣдующимъ образомъ, пользуясь случаями, которые избавили бы васъ отъ всякихъ хлопотъ: одна связка (въ шесть или семь экземпляровъ) назначается митрополиту Московскому; изъ нихъ два для него лично, одинъ для Академической библіотеки, одинъ для Семинарской, одинъ для г. Киріакова [2]) и одинъ для его сотоварища г-на Нечаева (профессора Академіи); одинъ, наконецъ, для преосвященнаго Аарона, знающаго, кажется, по англійски [3]).

---

[1]) См. „Р. Архивъ" 1894, кн. III, вып. XI-й, стр. 433.

[2]) Профессоръ Греческаго языка въ Московской Духовной Семинаріи.

[3]) Преосвященный Ааронъ (Нарцисовъ), бывшій епископъ Архангельскій, въ первый пріѣздъ къ намъ Пальмера, жилъ на покоѣ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ, гдѣ и скончался 15 Января 1842 г.

Я упомянулъ объ этихъ лицахъ въ особомъ письмѣ къ митрополиту и не сомнѣваюсь, что онъ позаботится о доставленіи. За симъ я долженъ обратиться уже непосредственно къ вашей дружбѣ съ просьбой снабдить экземплярами слѣдующихъ знакомыхъ мнѣ лицъ, передавъ имъ мое почтеніе и мою о нихъ память (my regards & remembrance). Вотъ они: княгинѣ Долгоруковой, урожд. Давыдовой, или ея тёткѣ г-жѣ Новосильцовой (безразлично которой), графинѣ Потемкиной, младшей княгинѣ Мещерской (какъ бы доставить экземпляръ ея свекрови, если она жива) и профессору Рѣдкину. Кромѣ этихъ экземпляровъ вы всегда можете получить другіе отъ г. Блакмора для всѣхъ, кто бы пожелалъ имѣть мою книгу и для которыхъ она не была бы выброшеннымъ добромъ. Прибавлю еще по этому поводу, что я буду надѣяться въ свое время получить ваши замѣчанія объ этомъ трудѣ моемъ, которыми я очень дорожу. Также позвольте предупредить замѣчаніе, которое вы справедливо могли бы мнѣ сдѣлать, и для того прошу васъ сдѣлать одно исправленіе въ книгѣ: на стр. 158-й, на 7-й строкѣ отъ низу, вставьте слово «какъ» (as) передъ словами Св. Августина. Я совершенно убѣжденъ, что это слова не Августина, а вставка; они однако очень хорошо выражаютъ ученіе Латинянъ. Также точно я убѣжденъ, что письмо папы Льва (на стр. 160) подложное; я никогда бы его не ввелъ въ свою книгу, еслибы не считалъ полезнымъ обратить вниманіе на ту часть изслѣдованій Леквіена (Le-Quien) о Св. Іоаннѣ Дамаскинѣ, изъ котораго оно почерпнуто.

Вернусь теперь къ вашему очень интересному и цѣнному письму. Начну съ того, что выражу свое совершенное удовольствіе по поводу того, что вы въ немъ уклоняетесь почти совершенно отъ всякихъ частныхъ догматическихъ прѣній, которымъ (въ чемъ я совершенно съ вами согласенъ) не должно быть мѣста въ перепискѣ, какова наша. Съ другой стороны все касающееся до христіанской нравственности, до взаимнаго назиданія и до тѣхъ первоосновъ, которыя составляютъ самый фундаментъ Каѳолическаго или Православнаго Христіанства, по свидѣтельству здраваго смысла и непосредственнаго чувства, и на счетъ которыхъ согласуются между собою всѣ церковные авторитеты: такіе предметы всѣ могутъ удобно и съ пользою обсуждаться и частными людьми. Въ такомъ именно настроеніи былъ я, посылая вамъ мои коротенькія стихотворенія и гимны и при нихъ письмо въ видѣ предисловія. Какія бы въ этомъ письмѣ ни нашлись разсужденія о церковныхъ или догматическихъ вопросахъ по поводу Англиканской или Восточной Церкви, они во всякомъ случаѣ не имѣли цѣлью касаться чего либо похожаго

на полемику, но только вызвать обмѣнъ добрыхъ чувствъ, чрезъ примѣненіе началъ уже допущенныхъ. Я очень радуюсь тому, что вы отвѣчали мнѣ въ томъ же духѣ, и въ таковомъ же я теперь предлагаю продолжать нашу переписку.

И такъ прежде всего, по поводу моихъ «дружественныхъ упрековъ» Восточнымъ*), вы очень чистосердечно признаёте ихъ правоту, по скольку они направлены на отношеніе вашей Церкви къ язычникамъ, Магометанамъ и т. п.; а такимъ образомъ моя единственная цѣль можетъ почесться достигнутой, если только ваше признаніе перейдетъ въ дѣло и повлечетъ за собой перемѣну. Но чтó касается Запада, то вы оправдываете этотъ недостатокъ рвенія, существованіе коего тѣмъ не менѣе признаёте. Я также могу найдти извиненія для васъ, какъ тѣ, о которыхъ вы упоминаете, такъ и еще одно, большее ихъ всѣхъ (вами не упоминаемое), безъ котораго первыя не имѣютъ значенія. Вотъ оно: вы внутренне сознаете, и сама Восточная Церковь также внутренне сознаетъ, что ваша Церковь только частная Церковь и что не она одна составляетъ Церковь Каѳолическую и что Западъ, хотя можетъ быть и впавшій въ заблужденіе, тѣмъ не менѣе не отпалъ отъ вѣры кореннымъ и существеннымъ образомъ (vitally and essentially). При такомъ объясненіи очень естественно и разумно, что Восточная Церковь мало имѣетъ рвенія или любви для обращенія Латинянъ, и этимъ же объясняется ея равнодушіе къ обращенію язычниковъ. Недостатокъ рвенія въ этомъ отношеніи есть ея отличительная черта, какъ Церкви только частной. Но, при всякомъ иномъ предположеніи, ея отношеніе ко всему міру внѣ ея стоящему—совершенно необъяснимо. Вы, конечно, подобно большинству членовъ Восточной Церкви, не замѣчаете этого и далеки отъ выраженія вашего съ этимъ согласія. Вы впрочемъ убѣждены, что ваша Церковъ обладаетъ истиной—одна, что Латинское ученіе объ исхожденіи есть въ точномъ его смыслѣ ересь; что мы первоначально сдѣлали вставку (когда-де мы почувствовали себя возмужавшими и способными дѣйствовать по собственному разумѣнію) въ духѣ безнравственной гордыни и беззаконія, и что съ тѣхъ поръ понынѣ одинъ лишь этотъ злой духъ гордыни и презрѣнія препятствуетъ намъ отрыть глаза и увидѣть, что только Востокъ сохранилъ истинную вѣру, и вернуться къ этой вѣрѣ сознаніемъ вины и покаяніемъ.

Въ отвѣтъ на это я только скажу, что признаю незаконность и безнравственность того какъ поступилъ Западъ, когда сдѣлалъ

*) Въ недостаточной ревности къ проповѣди.

вставку въ Сvмволѣ и что это конечно бросаетъ нѣкоторую тѣнь на самое ученіе, такимъ способомъ вставленное. Я теперь не стану разсматривать, истинно или нѣтъ само Латинское ученіе или по крайней мѣрѣ не стану это дѣлать съ точки зрѣнія богословской: ибо это было бы равносильно тому, чтобы дѣлать именно то, что́ я уже прежде призналъ неудобнымъ для себя и для васъ въ перепискѣ, какова настоящая. Но и вамъ за то скажу, что вы, мнѣ кажется, очень ошибаетесь, когда думаете, что въ такомъ спорномъ вопросѣ, каковъ догматъ объ исхожденіи, простые люди, свѣтскіе или даже духовные или даже ученые епископы или богословы, удовольствуются лишь своими личными взглядами на сущность вопроса. Поясню это примѣромъ. Несторіане, община тысячъ во сто душъ, живущая въ горахъ Курдистана, считаютъ, что они одни сохранили истинное ученіе и что Греческая и Латинская Церкви отпали по вопросу самому существенному. Я утверждаю, что при этихъ обстоятельствахъ всякій разумный человѣкъ не только не согласился бы обсуждать вопросъ на основаніи *однихъ* богословскихъ доводовъ, но доказалъ бы свое здравомысліе и свое благочестіе, совершенно уклонившись отъ разсмотрѣнія его, хотя бы онъ былъ и способенъ къ этому и ученъ. Тѣмъ болѣе для простыхъ, неученыхъ людей долженъ явствовать голосъ самого Бога изъ сопоставленія условій, въ которыхъ находятся спорящія стороны. Совершенно согласно этому я утверждаю, что человѣкъ, который (не будучи воспитанъ въ Восточномъ исповѣданіи) на одну минуту могъ бы допустить, что Восточная Церковь одна истинная, что она одна сохранила истинное ученіе и что Латинская Церковь заблудилась существенно,—я утверждаю, что такой человѣкъ показался бы мнѣ по меньшей мѣрѣ утратившимъ здравый смыслъ и на пути, пожалуй, къ помѣшательству. Пожалуйста, не подумайте однако, что я говорю въ духѣ гордости или презрѣнія: я въ себѣ такого духа не сознаю и могу совершенно допустить возможность того, что Англиканская Церковь впала въ роковое заблужденіе, и даже думаю, что на первый взглядъ оно можетъ такъ казаться. Я даже готовъ признать, что самъ я вмѣстѣ съ своею частною Церковью утратилъ бы свое духовное существованіе (spiritual existence), если бы только могъ въ этомъ убѣдиться вполнѣ. Къ тому же я не принадлежу къ Римской или Латинской Церкви, которая озлобленно враждуетъ съ нами, и я въ своихъ личныхъ симпатіяхъ и убѣжденіямъ по отдѣльнымъ вопросамъ значительно болѣе склоняюсь къ Восточной Церкви, нежели къ Латинской, и такимъ образомъ едва ли бы безъ основанія пожелалъ дать Римской сторонѣ преимущество передъ Греческою. Тѣмъ не менѣе увѣряю васъ, я скорѣе могу себя представить сомнѣвающимся въ духовномъ существованіи Восточ-

ной Церкви въ виду ея исключительныхъ притязаній въ связи съ общими сравнительными качествами обоихъ соперничествующихъ между собою исповѣданій, нежели склониться къ признанію ея единственною истинною Церковью на основаніи лишь доводовъ моего личнаго разумѣнія (если бы я могъ къ этому придти) въ пользу того, что она права, обвиняя Латинскую Церковь въ ереси по вопросу объ «исхожденіи».

Правда, вы говорите, что такія чувства, свойственныя всѣмъ видамъ Протестантства не менѣе чѣмъ самимъ Римскимъ Католикамъ, объясняются предположеніемъ, что Протестанты до сихъ поръ всѣ крипто-паписты, либо какъ наслѣдники папской гордости и презрѣнія, либо какъ находящіеся подъ вліяніемъ какихъ нибудь иныхъ традиціонныхъ (преемственныхъ) предразсудковъ, которые руководятъ ими помимо ихъ воли. По поводу гордости и презрѣнія я уже объяснился вамъ относительно себя лично. Прибавлю, что хотя моя совѣсть не свидѣтельствуетъ мнѣ о такихъ во мнѣ чувствахъ, а напротивъ о живомъ интересѣ и рвеніи къ Восточной Церкви и о желаніи видѣть ее подобающимъ образомъ вліяющею въ мірѣ и на другія Церкви, тѣмъ не менѣе оправдываться, будучи обвиняемымъ, противно моимъ правиламъ. По сему я обѣщаю вамъ наблюдать за собою и уговаривать другихъ развивать въ себѣ именно чувства, наиболѣе противоположныя гордости и презрѣнію къ Восточной Церкви, въ которыхъ вы насъ обвиняете. Сказавъ это, я долженъ привести и нѣкоторые доводы въ пользу того, что не гордость только и презрѣніе (если даже и допустить ихъ) препятствуютъ всѣмъ Западнымъ (я бы даже прибавилъ и всѣмъ отдѣлившимся Восточнымъ) признать хоть на минуту, что Греческая Церковь есть единственная истинная Каѳолическая. Главный доводъ и основаніе къ этому заключается (какъ я выше сказалъ) въ общихъ сравнительныхъ условіяхъ, въ исторической роли Греческой Церкви по отношенію къ Латинской со времени раздѣленія обѣихъ. Вы и другіе, возросшіе на лонѣ Греческой Церкви, возражаете мнѣ, что всего этого вы не усматриваете и не понимаете. Скажите же мнѣ однако, можете ли вы понять слѣдующее. Я утверждаю лично отъ себя, что никогда до сихъ поръ еще не встрѣчалъ ни одного члена Восточной Церкви, ни свѣтскаго, ни священника, ни епископа, который выказывалъ бы малѣйшій признакъ истиннаго убѣжденія въ томъ, что его Церковь одна истинная. Я не встрѣчалъ ни одного, который не призналъ бы, при настоятельной постановкѣ вопроса, что Римская Латинская Церковь живетъ истинною духовною жизнію Я не встрѣчалъ ни одного, который приглашалъ бы меня

обратиться, движимый внезапнымъ порывомъ собственной вѣры, а еще менѣе такого, который употреблялъ бы для этой цѣли ревностные доводы или мольбы, какъ это обычно самымъ бѣднымъ и простымъ Римскимъ Католикамъ, съ цѣлью привести въ свою ограду тѣхъ, кого они почитаютъ блуждающими. Вы оговариваетесь, правда, тѣмъ, что просите не судить о васъ по дѣйствіямъ вашимъ или по складу ума вамъ свойственнаго, а только желаете безпристрастнаго разсмотрѣнія вопроса объ «исхожденіи» и т. д. Но вѣдь не можете же вы не усматривать сами, что нѣкоторыя духовныя черты (равно какъ и нѣкоторыя обстоятельства), когда они очень развиты и укоренены, налагаютъ нѣкій отпечатокъ на самое общество (Body) и перестаютъ быть недостатками только личными. Отдѣльные члены Истинной Церкви могутъ имѣть недостаточную ревность къ просвѣщенію и обращенію народовъ; но общество (Body) какъ цѣлое и очень многіе изъ членовъ въ частности всегда и необходимо будутъ имѣть и проявлять наглядно всему міру свойственный имъ духъ проповѣди. Если такое общество является всему міру лишеннымъ сего духа, то одного этого, безъ всякихъ другихъ доводовъ, достаточно, чтобы опровергнуть его похвальбу, что оно одно—истинная Церковь. Не разсмѣялись ли бы вы сами, еслибы Несторіанинъ или Абиссинецъ или Армянинъ на ваше замѣчаніе, что полное отсутствіе въ нихъ ревности къ обращенію остальнаго міра и другихъ отторгшихся (по мнѣнію ихъ) Церквей опровергаетъ ихъ жалкія притязанія; еслибы они, говорю я, отвѣтили оправданіемъ или разъясненіями, почерпнутыми изъ ихъ мѣстныхъ условій и иныхъ частныхъ обстоятельствъ ихъ исторіи? Такія оправданія могли бы быть основательными и достаточными въ нѣкоторой степени для еретическихъ или схизматическихъ обществъ или даже для частныхъ Церквей, которыя не еретичны и не схизматичны, но которыя, составляя сами *часть*, не обязаны проявлять всѣ необходимые признаки или черты «*цѣлаго*». Но такія оправданія, связанныя съ исключительнымъ притязаніемъ быть «*цѣлымъ*», только сильнѣе оттѣняютъ заблужденіе и дѣлаютъ такое умопомраченіе еще болѣе жалкимъ, такъ какъ оно безсознательное. Вы не должны судить насъ по поведенію или чертамъ отдѣльныхъ членовъ нашихъ, говоритъ Несторіанинъ. Вы должны только разсматривать богословскій вопросъ. Вы не должны требовать отъ насъ невозможнаго. Вы видите, какъ насъ заперли въ горахъ Курдистана, какъ мы бѣдны и угнетены; насъ всего 70 или 100.000 душъ; смотрите, какъ надъ нами постоянно занесенъ мечъ Турка или Персіянина; какъ мы лишены образованія, лишены средствъ сообщенія; мы во всѣхъ отношеніяхъ въ невыгодѣ, сравнительно съ этими Гре-

ками и Латинянами, которыхъ мы правильно обзываемъ еретиками и которыхъ мы должны по нашему ученію желать обратить, хотя въ теперешнемъ нашемъ положеніи сравнительно съ ними мы не можемъ и думать о томъ, чтобы на нихъ воздѣйствовать. Единственная наша надежда, что они сами на себя воздѣйствуютъ и сами по себѣ вернутся къ истинѣ, которую въ настоящую минуту мы одни содержимъ. Это конечно, я сознаюсь, аргументъ каррикатурный, ибо въ немъ все преувеличено; тѣмъ не менѣе это тотъ самый доводъ, который приводится въ защиту Греческой Церкви. Кто же можетъ не усмотрѣть, что само по себѣ и съ перваго взгляда нелѣпо допустить, что «*одна истинная Церковь*» можетъ попасть въ такую обстановку? Если бы даже Несторіане были одни во всемъ мірѣ, и не было бы другихъ христіанъ для противопоставленія имъ, можно было бы почесть Христіанство само за нѣчто явно неудавшееся и что данныя ему обѣщанія сошли «*на нѣтъ*», коль скоро истинная Церковь дошла до такого состоянія, или коль скоро когда бы то ни было лишилась своихъ существенныхъ отличій. Но когда рядомъ съ этимъ обществомъ, считающимъ себя единственною истинною Церковью (хотя оно и лишено нѣкоторыхъ существенныхъ чертъ оной), имѣется другое большее общество, вполнѣ обладающее тѣмъ, чего первое лишено: тогда уже не одни недостатки перваго доказываютъ несостоятельность его притязаній, но и сравнительный контрастъ представляемый вторымъ. Теперь Латинская Церковь являетъ не только одну, но много важныхъ чертъ такого именно превосходства, когда ее сопоставляешь съ Восточною, чада коей вмѣстѣ со всѣми остальными Христіанами не вѣрятъ въ ея исключительныя притязанія; даже тогда, когда они стараются дѣйствовать въ противномъ смыслѣ, они такъ или иначе выказываютъ это.

Васъ удивитъ, когда я скажу, что въ собственномъ письмѣ вашемъ нахожу выраженіе этого невѣрія (disbelief). «Что́ можемъ мы дѣлать на Западѣ?» спрашиваете вы и т. д. «Единственный остающійся намъ путь—тревожное ожиданіе исхода борьбы, идущей теперь вездѣ, и выраженіе нашего сочувствія въ молитвахъ къ Богу, да даруетъ Онъ побѣду лучшей части»—чего? Міра именуемаго христіанскимъ, т. е. Истинной Церкви и ея представителямъ, ибо они лучшая часть именуемаго христіанскимъ міра? Нѣтъ — *лучшей лишь сторонѣ человѣчеческой природы.* Совершенно отличны отъ этого должны быть языкъ и чувства единой Истинной Церкви и ея членовъ, какъ бы ни были многочисленны, велики, сильны, учены важнѣйшіе епископы той Церкви, еретическіе или схизматическіе, съ которыми ей приходится бороться. Такія выраженія въ устахъ вашихъ, въ то

время, когда вы особенно наклонны къ «восточничанію», есть сознаніе того, что вы либо ничто (a nullity), либо никакъ не болѣе частной Церкви.

Какъ отличны языкъ и пріемы (attitude) Рима! Нѣтъ, не Рима только, но даже простѣйшей и беднѣйшей старухи между Папистами, т. е. между такими, въ которыхъ есть благочестіе (piety). Но мало одного этого контраста и того, что вся вѣскость онаго усугубляется здравымъ смысломъ и сознаніемъ всѣхъ Христіанъ, включая и вашихъ восточныхъ. Въ самыхъ актахъ и документахъ Восточной Церкви всегда было и доселѣ встрѣчается немало признаній ея собственной несостоятельности. Достаточно указать вамъ на 161 стр. книги, вамъ мною посланной и на двѣ слѣдующія страницы §§ V, VI — XI *).

Изъ этого ясно, что Восточная Церковь всегда была согласна не затрогивать вопроса о самомъ смыслѣ Латинскаго ученія объ «исхожденіи», предоставить Латинянамъ имѣть на этотъ счетъ свое собственное мнѣніе и вернуться къ общенію съ ними, лишь бы они согласились возстановить Символъ въ его канонической формѣ. Но вѣдь если Латинское ученіе было бы дѣйствительно по существу и логически (necesserly) ересью, расшатывающею истинную вѣру, развѣ не кощунство и не нелѣпость предположить или подумать хоть на одну минуту, что истинная Церковь могла бы имѣть общеніе съ ея противниками, не потребовавъ отъ нихъ полнаго и недвусмысленнаго отреченія и отрицанія оной? Можете ли вы представить себѣ Аѳанасія, когда бы весь міръ (и самъ папа, можетъ быть) былъ противъ него, согласнаго вступить въ общеніе съ Аріанами или Семи-аріанами на условіи невнесенія лишь ими своей ереси въ Сѵмволъ? Вамъ и на умъ подобное не придетъ: ибо покажется ли вамъ возможнымъ, чтобы истинная Церковь, въ различныя времена и часто на много лѣтъ сряду, общилась бы съ многолюдными обществами, открыто исповѣдующими Несторіанство или Евтихіанство и даже прибавляющими таковыя къ своему частному Сѵмволу, при этомъ никогда не отрекаясь отъ этихъ ученій и не осуждая таковыхъ. Однако это именно то, что́ Восточная Церковь (какъ вы хорошо знаете и какъ знаетъ весь міръ) многократно дѣлала относительно такъ называемой еретической Латинской Церкви.

Подлинно, въ высшей степени неправильно продолжать разсуждать въ таковомъ неосновательномъ и не выдерживающемъ критики

*) Мы не можемъ изложить содержаніе этихъ мѣстъ книги Пальмера, потому что намъ не удалось найдти ея ни въ библіотекѣ Московской Духовной Семинаріи, ни въ таковой же А. С. Норова (въ Румянцевскомъ Музеѣ), гдѣ она должна бы быть.

духѣ. Вы должны вѣрить, вы должны чувствовать, что, какъ бы рѣзко ни выражались разновременные синоды о Латинской Церкви, необходимо измѣнить и исправить эти выраженія для того, чтобы сохранить за Восточной Церковью послѣдовательность съ нею самой. Это, скажете вы, трудно. Трудно, дѣйствительно, исправить дурную привычку или слишкомъ сильное чувство въ характерѣ частнаго человѣка, хотя бы эти самыя черты противорѣчили другимъ сторонамъ его же характера. Гораздо, конечно, труднѣе исправить такую глубоко засѣвшую погрѣшность въ такомъ лицѣ, какова Восточная Церковь. Но мнѣ все-таки думается, что она не можетъ оставаться всегда въ томъ видѣ какъ теперь. Вы должны будете измѣниться, смотря по обстоятельствамъ либо въ одномъ, либо въ другомъ направленіи. Вы должны будете сказать либо: «неправильно мы дѣлали, столь часто общась, либо соглашаясь на общеніе съ еретическою Латинскою Церковью, не требуя даже существеннаго съ ея стороны отреченія; мы также поступали неправильно, когда такъ мало проявляли вѣры въ свою вселенскость, въ свое превосходство и такъ мало энергіи или ревенія къ обращенію Латинянъ; теперь мы однако измѣнились и будемъ поступать въ будущемъ согласно съ нашими исключительными притязаніями». Вы должны сказать такъ или сказать: «Мы неправильно поступали, обзывая Латинянъ еретиками и ихъ ученіе ересью, тогда какъ всегда знали, что они въ сущности не еретики и что еслибъ они исправились только въ формальномъ отношеніи, мы могли бы свободно съ ними общиться; впредъ такъ дѣлать не будемъ. Мы признаемъ, что Латинская Церковь есть живая часть Вселенской Церкви, какъ и мы сами, что она въ сущности сохранила вѣру одинаковую съ нами. Конечно мы ее обвиняемъ за нѣкоторые поступки незаконные и даже за нѣкоторыя неважныя (secondary) заблужденія въ ученіи и въ обрядахъ; мы отказываемся общиться съ нею, пока она не подчинится снова Вселенскому обще-церковному закону. Мы поддерживаемъ своею властью или признаніемъ всѣ тѣ Церкви или всѣхъ христіанъ на Западѣ, которые работаютъ въ смыслѣ возсоединенія; но мы уже не утверждаемъ, какъ прежде, что они или Церкви, къ которымъ они принадлежатъ, такъ существенно отпали отъ истины, чтобы нуждаться въ обращеніи или въ примиреніи (reconversion or reconciliation)».

Вотъ мое мнѣніе о предлежащей вамъ альтернативѣ.

Какимъ путемъ вы пойдете на первый разъ, кажется мнѣ дѣломъ неважнымъ. Мнѣ пока все равно чтó вы почитаете правдою и чтó ложью, лишь бы вы были серьезны и достаточно ревностны, чтобы дѣлать либо одно, либо другое. Единственно, чего я для васъ боюсь, это

продолженія теперешняго видимаго равнодушія и косности. Если вы *кажетесь* мертвыми, то, навѣрное, на насъ вы не будете имѣть никакого вліянія: мы будемъ все болѣе и болѣе обращаться къ Риму, который явно дѣятеленъ и живъ. Если же, наоборотъ, вы проявите признаки жизни; или, если, говорю я, вы вернетесь къ сознанію вашихъ обязанностей (въ какомъ бы то ни было видѣ) по отношенію ко всей Церкви, ко всему міру: тогда мы тотчасъ начнемъ интересоваться вами, мы начнемъ уважать васъ, даже еслибы ваша энергія была по видимому обращена противъ насъ. Да и вы сами, въ попыткахъ быть вселенскими (to be oecumenical), что̀ мнѣ кажется совсѣмъ недостижимымъ, несомнѣнно пришли бы подъ вліяніемъ самаго этого старанія къ сознанію своего заблужденія и исправили бы себя, еслибъ оказалось, что предпринимаете невозможное.

Остается въ письмѣ вашемъ только одинъ вопросъ, о которомъ скажу нѣсколько словъ; это вопросъ объ обращеніи къ Святымъ и Ангеламъ и о призываніи ихъ. Я соглашаюсь съ вами, что Англиканцы, какъ и вообще Протестанты, опутаны во многихъ отношеніяхъ привычкою смотрѣть на вещи чрезъ призму Римской фразеологіи или схоластицизма или, точнѣе, чрезъ собственныя ложныя пониманія того и другаго. Я также соглашаюсь съ вами на счетъ того, что́ вы говорите о словѣ «служба» и о «настоятельныхъ прошеніяхъ» (very earnest requests); но когда вы такъ подробно разбирали этотъ вопросъ, то вѣроятно упустили изъ виду, что я напередъ (хотя, можетъ быть, только намекомъ) уже выразилъ свое всецѣлое согласіе съ вами. Мои замѣчанія клонились только къ тому, чтобы показать, что Англиканская Церковь, конечно, принимаетъ все то, что́ нужно для единенія по этому вопросу. Правда, что еслибы нѣкоторые Англиканцы стали навязывать остальнымъ свое мнѣніе, не допускающее обращенія къ Святымъ и Ангеламъ, то это не могло бы быть терпимо. Но какъ частное мнѣніе, они могли бы его содержать безъ нарушенія единства; ибо ни Латинская, ни Греческая Церкви не постановляли ничего опредѣленнаго въ этомъ отношеніи. Восточные патріархи въ особенности предлагали очень категорически общеніе нѣкоторымъ Англиканскимъ епископамъ въ прошломъ столѣтіи, хотя бы эти послѣдніе, по неразумной осторожности, отказались допустить *прямыя* обращенія къ Святымъ и Ангеламъ (ср. стр. 174 присланной вамъ книги). Но такъ какъ мы совершенно согласны на счетъ этого, то больше не стану и распространяться.

Въ заключеніе я имѣю сдѣлать одно или два пояснительныхъ замѣчанія (desultory).

1) Текстъ Св. Августина съ «principaliter» не его, а вставка, что́ показалъ Церниковъ. Это тотъ же, на который я указывалъ въ предыдущей части этого письма, какъ требующій исправленія въ посланной вамъ книгѣ. 2) Ѳеодоритъ никогда не аргументировалъ противъ Латинскаго ученія объ «исхожденіи» отъ Отца и Сына, а противъ совершенно инаго ученія объ исхожденіи отъ Сына одного, либо совершенно, либо по уполномочію (delegation), посредственно. Это тоже вы найдете у Церникова, какъ признанное имъ въ его большомъ трудѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я совершенно признаю, что Ѳеодоритъ ясно высказываетъ, что онъ не вѣдалъ и не признавалъ ни выраженія, ни мысли современныхъ Латинянъ. 3) Я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что гипотеза Ягера [1]) не заслуживаетъ вниманія. 4) На какіе именно факты, относящіеся къ учрежденію Инквизиціи, вы намекаете? Римско-католическіе писатели не приписываютъ ей той древности, какую ей даете вы, и я не припоминаю ничего подходящаго къ Инквизиціи въ той ранней эпохѣ, на которую вы указываете [2]). 5) Я лично далеко не увѣренъ въ томъ, что Сvмволъ былъ интерполированъ именно въ Испаніи столь рано, какъ думаете вы, т. е. въ половинѣ седьмаго или въ концѣ шестаго вѣка; таково впрочемъ общее мнѣніе [3]). 6) Церниковъ и другіе показали, что измѣненный Сvмволъ не былъ въ общемъ употребленіи на Западѣ даже въ началѣ девятаго вѣка. 7) Вы увидите въ посылаемой книгѣ, что я вполнѣ считаю должнымъ устранить интерполяцію изъ Сvмвола. Скажу болѣе: я вполнѣ принимаю, что Восточное выраженіе именно то, которое принадлежало искони Вселенской Церкви и которое, правильно понятое и взятое въ своей цѣлости, вполнѣ достаточно для вѣры и благочестія, а Латинскій языкъ не можетъ служить оправданіемъ для такого различія, иначе какъ съ искаженіемъ самаго смысла (ср. стр. 151, 154 и 156 моей книги) 8) и послѣднее: я долженъ выразить вамъ мое полное сочувствіе по поводу вашихъ прекрасныхъ замѣчаній на счетъ заблужденія, распространеннаго между Англиканцами и Протестантами вообще и заключающагося въ предположеніи, что не только каждая частная Церковь можетъ впадать въ частныя заблужденія, не переставая принадлежать къ Вселенской Церкви, но что и вся Каѳолическая Церковь можетъ временно подпадать заблужденіямъ, либо однимъ и тѣмъ же во всѣхъ

[1]) О томъ, что соборная анаѳема относилась къ ученію монoѳелитовъ, а не къ ученію объ исхожденіи. См. Соч. А. С. Хомякова. II, 355.

[2]) Кромѣ объясненій по этому предмету, находящихся въ письмѣ Хомякова къ Пальмеру (стр. 361, 2 т. его сочиненій) ср. еще въ 4-мъ томѣ его стр. 542, 710 и слѣд.

[3]) Толедскій соборъ 589 года. Ср. Harduin, Acta Cons. III, 472.

частяхъ своихъ, либо разнымъ въ разныхъ обществахъ, такъ что истина должна быть извлекаема изъ зараженнаго цѣлаго чрезъ посредство частнаго разумѣнія, руководимаго положеніемъ «quod semper, quod ubique, quod ab omnibus». Это конечно очень распространенное мнѣніе, очень ложное и конечно въ сущности еретическое, если только дѣло касается заблужденія существеннаго въ догматѣ или въ дисциплинѣ (practice). Въ противномъ же случаѣ, если вы категорически сказали бы, что имѣете въ виду второстепенныя ошибки или злоупотребленія, которыя не колеблютъ самой вѣры или не доходятъ до ереси, въ этомъ ограниченномъ смыслѣ я не отрицаю за частными Церквами или даже за Вселенскою возможности временно подпадать такимъ заблужденіямъ или злоупотребленіямъ. Но хотя бы и такъ, благочестіе всегда будетъ остерегаться допустить малѣйшее заблужденіе или злоупотребленіе даже въ частной Церкви, пока такое признаніе не сдѣлается неизбѣжнымъ. Такъ въ Римской Церкви продажа индульгенцій, а въ вашей Русской неканоничное перекрещиваніе уже крещенныхъ христіанъ господствовали много лѣтъ и даже освящались мѣстными постановленіями. Такимъ же образомъ даже великія ереси (какъ Аріанство) заражали собою всю Церковь и казались близкими къ полному торжеству; ибо даже это возможно, пока вы не допускаете возможнымъ, чтобъ ересь обратилась сама въ установленіе и ученіе Церкви; ибо это послѣднее дѣйствительно несогласимо съ обѣтованіемъ Христа. 9) «Реформированная» Церковь (если реформа касается какой-нибудь существенной стороны вѣры), конечно, должна быть еретическою.

Надѣюсь, что вы передадите мой сердечный привѣтъ профессору Рѣдкину. [1]) На дняхъ я видѣлъ въ Парижѣ вашего пріятеля г. Муханова. Очень признателенъ я за книгу, доставленную мнѣ чрезъ г. Вильямса, и очень опечаленъ смертью г. Валуева [2]).

Прошу васъ, дорогой сёръ, вѣрить въ искреннія чувства и т. д.

*

В. Пальмеръ.

---

[1]) Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ, въ то время профессоръ юридическихъ наукъ въ Московскомъ университетѣ, былъ женатъ на Англичанкѣ.

[2]) Намъ неизвѣстно, когда Пальмеръ могъ познакомиться съ Д. А. Валуевымъ. Если въ первый свой пріѣздъ въ Россію, то надо думать, что онъ услыхалъ отъ него объ А. С. Хомяковѣ задолго до начала ихъ переписки.

*

Ѳомино Воскресенье 1849 года.

Христосъ Воскресе [1]), дорогой г. Хомяковъ [2]).

Почти годъ, какъ я получилъ ваше любезнѣйшее и интереснѣйшее письмо. Если я до сихъ поръ не увѣдомилъ васъ о полученіи его и не поблагодарилъ за него, это не значитъ, что я позабылъ о немъ или о васъ, но что я хотѣлъ имѣть возможность сообщить вамъ точныя свѣденія о своихъ дѣйствіяхъ; всю же прошедшую зиму я былъ заключенъ въ своей комнатѣ припадкомъ или послѣдовательными припадками подагры, такъ что я мало или вовсе не подвинулся въ сочиненіи, назначаемомъ для печати или въ проведеніи моей апелляціи въ Шотландіи [3]).

Въ настоящее же время, когда является случай переслать письмо съ однимъ изъ членовъ моей Коллегіи [4]) въ Оксфордѣ, г. Барнеби, ѣдущимъ въ Петербургъ замѣстить въ теченіе лѣта нашего капеллана д-ра Лоо, я уже не стану далѣе откладывать письмà и надѣюсь, что оно попадетъ къ вамъ вò время, чтобы принести вамъ, супругѣ вашей и дѣтямъ мои пасхальныя поздравленія, по крайней мѣрѣ до Преполовенія праздника (the halving of the Festival). Я попрошу д-ра Барнеби опустить его на почту въ С.-Петербургѣ и скажу ему явиться къ вамъ лично, въ случаѣ если онъ на короткое время заѣдетъ въ Москву передъ возвращеніемъ въ Англію.

---

[1]) Въ Англійскомъ подлинникѣ эти слова написаны по-русски.

[2]) По англійски эта форма обращенія болѣе дружественна чѣмъ по-русски. Она соотвѣтствуетъ нашему имени и отчеству.

[3]) Апелляція къ епископамъ Шотландской епископальной церкви. Шотландская Церковь тождественна съ Англиканской по ученію и организаціи, но не признана частью учрежденной Церкви (Established Church), потому что не согласилась принести присягу королю Вильгельму въ 1690 году, лишена была за это правительственной поддержки и не считается господствующей. Къ ней, какъ къ Церкви независимой отъ свѣтской власти, обратилъ Пальмеръ свою апелляцію, т. е. предложеніе точно опредѣлить нѣкоторые вопросы ученія и практики въ смыслѣ Каѳолическомъ. Такое желанное постановленіе синода Шотландской вѣтви Англиканской Церкви дало бы Пальмеру основаніе для полученія отъ Православной Церкви согласія на общеніе ея съ Англиканствомъ. См. A compendious Eccl· History from the earliest period to the present time. Palmer. 1845, стр. 266—267. Замѣчательно, что въ этой книгѣ не упоминается вовсе о filioque, какъ основаніи догматической розни Востока и Запада.

[4]) Св. Магдалины.

Поправившись отъ подагры прошлымъ лѣтомъ (1848), я поѣхалъ въ Шотландію и остался всю зиму въ Эдинбургѣ, занимаясь печатаніемъ по-англійски подробнаго отчета о полемикѣ, которую вели покойной епископъ Шотландскій въ Парижѣ и я съ вашей соотечественницей княгиней Г. [5]). Все изданіе составляетъ томъ въ 700 страницъ мелкаго шрифта въ 8-ку, который я надѣюсь доставить вамъ въ концѣ лѣта. Книга эта не будетъ ни печататься, ни продаваться книгопродавцами, но издается только для свѣденія епископовъ, духовенства и мірянъ этой церкви къ дальнѣйшему веденію апелляціи въ качествѣ духовной тяжбы (an ecclesiastical cause). Я теперь не войду въ подробное изложеніе содержанія этой книги, ибо надѣюсь, что вы будете имѣть ее въ своихъ рукахъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Хотя я и не пропечаталъ имени княгини Г., тѣмъ не менѣе, можетъ быть, лучше не посылать ее лицамъ, занимающимъ оффиціальное положеніе (напр. графу Протасову). Я поэтому думаю послать въ Россію только два или три экземпляра, и надѣюсь, что если случайно графъ или другія офиціальныя лица услышатъ о ней или увидятъ ее, они отнесутъ мою воздержанность (reserve) къ настоящей причинѣ, а не къ недостатку вниманія къ нимъ самимъ. Вы найдете въ этой книгѣ нѣсколько длинныхъ выдержекъ изъ вашихъ собственныхъ писемъ, или скорѣе самыя письма ваши (только съ нѣкоторыми пропусками) и надѣюсь, что вы не осудите сдѣланное изъ нихъ употребленіе. Я хотѣлъ дать нѣчто уясняющее мнѣнія и чувства, какія могутъ имѣть члены вашей церкви по вопросу объ единствѣ, и конечно едва ли бы я нашелъ въ другомъ источникѣ что либо столь подходящее или что либо могущее показаться привлекательнѣе въ хорошемъ смыслѣ слова для Англиканскаго читателя, какъ ваши письма, посланныя мнѣ какъ бы самимъ Промысломъ и достойныя сами по себѣ получить бо́льшую степень извѣстности, чѣмъ та, которую они могутъ имѣть прочтенныя только мною и потомъ сложенныя въ портфель. Могу прибавить, что не одинъ человѣкъ, прочитавшій ихъ, признавался мнѣ, что они во многомъ измѣнили его прежнія предубѣжденія противъ Восточной Церкви. Книга уже разослана духовенству той Шотландской эпархіи (Сентъ-Андрюзъ), епископъ которой былъ единственный, принявшій благосклонно дѣло три года тому назадъ, въ 1846 году, когда оно было представлено въ однихъ Латинскихъ документахъ, безъ всякаго подробнаго изложенія обстоятельствъ дѣла, какими оно теперь снабжено съ помощью разнообразныхъ разъясняющихъ его фактовъ. Духовенство этой эпархіи, на спеціальномъ по сему предмету созванномъ

---

[5]) О княгинѣ Голицыной и о всемъ этомъ дѣлѣ см. „Р. Архивъ“ 1894, III, 89. П. Б.

27 Марта н. с. сѵнодѣ, единогласно постановило, что апелляція законна и что она правильно обращена къ ихъ Шотландской церкви, и рекомендовала ее остальнымъ сѵнодамъ своей церкви, такъ что она теперь должна быть представлена всему остальному духовенству другихъ эпархій.

Это начало какъ будто бы и благопріятно; но время должно еще показать, сдѣлаютъ ли они дѣйствительно попытку произвести сообразную реформу; и уже на этомъ столь благопріятномъ соборѣ было сдѣлано сильное нападеніе на предложеніе, выставленное какъ завершеніе дисциплинарной части апелляціи—именно на установленіе *испытанія* для желающихъ быть допущенными къ Св. Причастію (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыя времена) относительно трехъ пунктовъ: церковной правоспособности (ecclesiastical status), православія и неподлежанія послѣдствіямъ грѣховъ, влекущихъ за собой отлученіе или грѣховъ смертныхъ. Это было равносильно предложенію о возстановленіи обязательной (compulsory) исповѣди (такъ называютъ они это), которую Англиканская церковь будто бы опредѣлительно отвергла и осудила. Конечно мое предложеніе очень близко къ тому, за что они его почитаютъ; и хотя я самъ не думаю, чтобы Англиканская церковь до сихъ поръ явно высказала еретическое мнѣніе, что люди виновные въ грѣхахъ влекущихъ отлученіе могли сами себя удостоить права на причастіе, когда почтутъ себя достаточно покаявшимися; тѣмъ не менѣе я долженъ признаться, что она близко подошла къ этому, отмѣнивъ законъ объ исповѣди какъ обще-обязательномъ пріуготовленіи къ Причастію, безъ всякаго яснаго при этомъ разграниченія, *) и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснивъ народу, что хотя человѣкъ, воздержавшійся отъ грѣховъ, влекущихъ отлученіе, и можетъ причащаться часто (какъ въ древней Церкви), не прибѣгая каждый разъ къ исповѣди; тѣмъ не менѣе, если бы ему по несчастію случилось впасть въ какой либо великій или отлучительный (excommunicable) грѣхъ, то онъ въ такомъ случаѣ не можетъ быть самъ судьей достаточности своего покаянія, ниже возвратить себѣ самъ правà и положеніе тѣхъ, которые не падали, но что онъ должны исповѣдаться и получить разрѣшеніе отъ Церкви. Оттого я предвижу, что по этому пункту будетъ сильная оппозиція; и дѣйствительно, можно сомнѣваться, чтобы Англиканская Церковь могла вернуться вспять, зайдя такъ далеко по пути заблужденія въ этомъ вопросѣ. Тѣмъ не менѣе, если она не обратится вспять, я не усматриваю, какъ она можетъ воспрепятствовать всяческой ереси

*) Without any clear distinction at the same time.

вторгнуться въ ея нѣдра. Я не посылаю книги теперь, потому что до конца лѣта еще соберется нѣсколько собраній (synods), и мнѣ хочется, чтобы вы получили ее съ добавленіями всего сдѣланнаго ими.

Если бы дисциплинарная часть апелляціи была разрѣшена въ благопріятномъ смыслѣ, останется все таки еще догматическая часть, т. е. разсмотрѣніе тѣхъ предложеній, которыя были поставлены мнѣ на видъ какъ ересь Англиканской Церкви Русскимъ Сѵнодомъ въ 1843 г. и на которыя я тогда изрекъ *анаѳему*. Но если и эти предложенія будутъ соборно отвергнуты, тогда Шотландская церковь могла бы быть въ положеніи дающемъ ей возможность начать переговоры съ Церковью Восточной не безъ надежды привести таковыя къ благопріятному исходу. Между тѣмъ есть лица съ большимъ значеніемъ между духовенствомъ, которыя были опрошены однимъ по крайней мѣрѣ изъ Шотландскихъ епископовъ и которые посовѣтовали, чтобы Шотландская церковь, вмѣсто того чтобы разбирать апелляцію, посланную въ Шотландію отъ епископа изъ Парижа (помимо всякаго косвеннаго отношенія, которое она могла бы имѣть къ вопросу объ единеніи Западныхъ церквей) воспользовалась бы ею сразу какъ поводомъ для выраженія готовности открыть конференцію объ единеніи на основаніи Семи Вселенскихъ Соборовъ. Этотъ совѣтъ конечно благонамѣренный и доказываетъ благорасположеніе въ сердцахъ людей, дающихъ таковой; но, признаюсь, я не желалъ бы видѣть его исполненнымъ по причинамъ, которыя вы найдете изложенными въ печатаемой книгѣ. Если такое дѣло когда либо имѣетъ быть сдѣлано, то у насъ должна произойти великая положительная реформа, и гораздо лучше было бы начать съ того, чтобы сдѣлать усилія провести ее ради ея самой, нежели предложить вести переговоры съ другими, которые въ настоящее время имѣютъ слишкомъ много основаній смотрѣть на Англиканскую Церковь только какъ на секту и которые вѣроятно имѣли бы очень мало надеждъ на благой результатъ, и можетъ быть даже подъ часъ нѣчто отталкивающее и пренебрежительное въ ихъ манерѣ переговариваться, если бы даже и вообще согласились это дѣлать.

Что касается до моего другаго труда, назначаемаго къ печати, съ цѣлью косвенно содѣйствовать дѣлу апелляціи, таковой (какъ выше сказано) мало подвинулся впередъ за послѣдній годъ по случаю сначала болѣзни, а затѣмъ перерывовъ, обусловленныхъ другимъ дѣломъ (т. е. апелляціей). Тѣмъ не менѣе я теперь надъ нимъ опять работаю и надѣюсь сдѣлать нѣчто въ теченіе лѣта и слѣдующей зимы. Если избавлюсь отъ болѣзней, то можетъ быть приготовлю его къ печати въ 1850 году. Сейчасъ я занятъ переводомъ части Шушеринскаго жизне-

описанія патріарха Никона и очень хотѣлъ бы имѣть справки по двумъ вопросамъ, по которымъ вы, можетъ быть, можете дать мнѣ свѣдѣнія или доставить таковыя. Первое: мнѣ надо знать, въ которомъ году родился незаконный сынъ царя Алексѣя Михайловича, который былъ удаленъ отъ Двора (вѣроятно еще юнымъ) вмѣстѣ съ матерью, вскорѣ послѣ втораго брака Царя? Мнѣ припоминается какая-то связь между этимъ обстоятельствомъ и именемъ Мусина-Пушкина. Всякія другія подробности (напр. о томъ, когда началась эта незаконная связь) были бы мнѣ желательны. Второе: я хотѣлъ бы имѣть точное указаніе тѣхъ пунктовъ, по которымъ Никонъ могъ во мнѣніи царя казаться безразсуднымъ или по крайней мѣрѣ настаивающимъ на привиллегіяхъ, несовмѣстныхъ съ хорошимъ общимъ завѣдываніемъ свѣтскаго управленія. Напримѣръ, я могу допустить, что imperium in imperio, происходящее отъ привиллегіи отдѣльнаго суда по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, предоставленнаго іерархіи надо всѣми живущими на ея земляхъ, могло быть весьма неудобно, въ особенности потому, что законъ примѣнительно къ духовенству не во всемъ былъ тожествененъ съ тѣмъ, которымъ управлялись чрезъ гражданскую власть остальные подданные государства. Введеніе новаго кодекса, общаго для всѣхъ одинаково (по крайней мѣрѣ во всѣхъ дѣлахъ чисто-гражданскихъ и уголовныхъ) можетъ почитаться знáкомъ здравой и просвѣщенной политики, для каковой цѣли государство могло бы потребовать отъ іерархіи уступки нѣкоторыхъ своихъ чисто-гражданскихъ привиллегій. Кажется, вы знаете, что я имѣю довольно сильное предубѣжднніе въ пользу Никона и приписываю всѣ бѣды, стрясшіяся по исчезновеніи его, этому одному нераскаянному грѣху [7]); но тѣмъ не менѣе мнѣ хотѣлось бы послушать, чтô говорятъ ученые или разсудительные защитники противной стороны. Въ третьихъ: я хотѣлъ бы получить маленькій планъ Кремля съ указаніемъ точекъ компаса и обозначеніемъ наименованія ихъ для освѣженія памяти моей. Я не гонюсь за совершенствомъ исполненія; то чтô вы сами могли бы набросать на кусочкѣ бумаги, было бы для меня вполнѣ достаточно. Въ настоящее время я позабылъ относительное положеніе и формы нѣкоторыхъ церковныхъ и казенныхъ зданій въ Кремлѣ. Если вамъ это не слишкомъ затруднительно, позвольте попросить васъ о такомъ одолженіи.

Если же дѣло апелляціи пошло бы въ Шотландіи неуспѣшно, то я, по напечатаніи второй книги, постарался бы дать всему дальнѣйшее направленіе, поѣхалъ бы на нѣкоторое время на Востокъ и сталъ бы искать у

---

[7]) Т. е. низложенію Никона, въ которомъ впослѣдствіи не раскаялся Царь.

пяти (sic?) патріарховъ утвержденія того самого основанія для возсоединенія (reconciliation), которое мнѣ было предложено въ Россіи; такъ что это дѣло сдѣлалось бы формальнымъ, а не только логическимъ прецедентомъ для всей Восточной Церкви по отношенію къ возсоединенію Англиканъ. Послѣ этого я еще разъ обратился бы къ Шотландскимъ епископамъ, прежде чѣмъ покончить совершенно съ этимъ дѣломъ. Однако можетъ статься, что будущей зимой, если я буду живъ и здоровъ, мнѣ придется заняться тяжелою обязанностью—сопровождать моего младшаго брата, у котораго грудь слаба, въ болѣе теплый климатъ, что нашъ врачъ, повидимому, считаетъ для него нужнымъ, если только до того времени не произойдетъ внезапнаго улучшенія. Въ настоящее же время одинъ изъ моихъ братьевъ путешествуетъ (слава Богу, не для здоровья) въ Палестинѣ, и въ послѣднемъ письмѣ оттуда онъ пишетъ, что познакомился съ однимъ моимъ Русскимъ пріятелемъ, архимандритомъ Порфиріемъ [8]), вмѣстѣ съ которымъ и съ другими Русскими духовными онъ собирался тогда съѣздить въ Пе́тру.

Одинъ изъ моихъ друзей и членъ Оксфордскаго Университета г. Аллизъ (Allies) напечаталъ недавно книгу о папской суприматіи, которая васъ заинтересовала бы, если только вы уже ея не знаете. Онъ намѣренъ послать два или три экземпляра въ Россію въ видѣ приношенія, въ особенности одинъ митрополиту Московскому, къ которому у него сложилось глубочайшее уваженіе и отъ котораго онъ хотѣлъ бы получить благословеніе, если содержаніе его книги будетъ признано заслуживающимъ одобренія. Въ ней есть нѣсколько краснорѣчивыхъ страницъ по поводу Восточной Церкви. Если онъ пошлетъ книги свои черезъ меня, то я ему подамъ совѣтъ послать митрополичій экземпляръ сначала къ вамъ, чтобы вы могли прочесть книгу. Если же митрополитъ недостаточно свободно читаетъ по-англійски, для того чтобы дать себѣ трудъ прочесть ее, то онъ можетъ, буде пожелаетъ, переслать ее въ библіотеку Духовной Академіи. Пожалуйста передайте мое нижайшее почтеніе ему (т. е. митрополиту) и мой искренній привѣтъ г-жѣ Хомяковой и дѣтямъ вашимъ (если возможно, чтобы они помнили свое посѣщеніе Оксфорда), а также и тѣмъ изъ моихъ знакомыхъ или пріятелей, которыхъ встрѣтите, каковы напр. княгиня Долгорукова, ур. Давыдова, или профессоръ Рѣдкинъ, и вѣрьте въ мою искреннюю къ вамъ преданность. В. Пальмеръ (діаконъ).

*

[8]) Порфирій Успенскій, знаменитый ученый, впослѣдствіи епископъ.

Константинополь, Сент. 22 (Окт. 4) 1851.

Дорогой господинъ Хомяковъ.

Я такъ давно у васъ въ долгу, что мнѣ стыдно оправдываться, хотя вы конечно знаете и безъ моихъ объясненій, что разъ отложенное надолго намѣреніе рискуетъ быть отложеннымъ на неопредѣленное время. Теперь однако, послѣ нѣсколькихъ недѣль, проведенныхъ въ Россіи, я не могу возвратиться въ Аѳины, не пославъ вамъ нѣсколькихъ строкъ, чтобы сказать, какъ я надѣялся на возможность повидать васъ и почему эта надежда не осуществилась. Я думаю, что вы знаете, какъ я провелъ зиму 1849—1850 г. въ Аѳинахъ вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ моимъ для его здоровья и какъ потомъ весною 1850 г. мы были вмѣстѣ съ адмираломъ Путятинымъ въ Палестинѣ и въ Константинополѣ; какъ послѣ отбытія адмирала мы съ братомъ провели три недѣли на Аѳонѣ и потомъ вернулись въ Англію, чтобы провести зиму 1850—1851 г. съ нашимъ семействомъ. Во время пребыванія моего въ Аѳинахъ съ братомъ, я устроился на счетъ перевода на Ново-греческій языкъ главныхъ документовъ, относящихся до моихъ прежнихъ контроверсій и ихъ окончательнаго въ Шотландіи разрѣшенія отказомъ сѵнода (Шотландской Церкви) дать какой либо приговоръ или въ пользу болѣе Православныхъ, или болѣе Кольвинистическихъ или Протестантскихъ партій и направленій въ средѣ Англиканскаго исповѣданія, или относительно большей части того спеціальнаго спора, который я передъ сѵнодомъ возбудилъ въ своей аппеляціи. Эти документы, такимъ путемъ переведенные, я напечаталъ какъ поясненіе мотивовъ, побудившихъ меня теперь быть готовымъ искать единенія съ Восточною Церковью, если не явится какихъ нибудь дальнѣйшихъ помѣхъ. Я также условился съ своимъ переводчикомъ, чтобы онъ для меня перевелъ нѣсколько разсужденій, касающихся Англиканской Церкви (которыя вы видѣли въ толстыхъ томахъ моей аппеляціи, мною присланныхъ вамъ по-англійски), а равно и толстый томъ, озаглавленный «Согласованіе Англиканскаго ученія съ Восточнымъ «(который вы тоже имѣете по-англійски). Къ этимъ я хотѣлъ прибавить нѣсколько краткихъ разсужденій о слѣдующихъ предметахъ, касающихся до Восточной Церкви. 1) О теперешнемъ кажущемся конфликтѣ между двумя атрибутами Истинной Церкви—Православіемъ и Каѳоличностью. 2) О теперешнемъ состояніи, положеніи и будущихъ предположительныхъ судьбахъ Восточной Церкви. 3) О предположительныхъ судьбахъ и призваніи Славянскаго племени и государства и о церквахъ съ ними связанныхъ; и въ тоже время о призваніи и испытаніи на дѣлѣ (*probation*) перваго торжественно вѣнчаннаго Русскаго Царя, т. е. Ивана IV-го

Грознаго; о его неудачѣ въ исполненіи своей задачи и о прекращеніи его дома. 4) Объ обычномъ на Западѣ обвиненіи противъ Греческой и особенно противъ Русской Церкви въ томъ, что она излишне подпала вліянію свѣтской власти и о дѣйствительныхъ къ тому основаніяхъ. 5) О борьбѣ между Русской аристократіей (nobility) и лучшею частью іерархіи въ серединѣ XVII-го вѣка и о послѣдствіяхъ для Россіи низложенія патріарха Никона. 6) О методахъ къ веденію правильной религіозной полемики. 7) Обозрѣніе настоящаго положенія частныхъ пререканій между Латинской и Греческой Церквами. 8) О формализмѣ или неумѣренной привязанности къ внѣшности въ религіи. 9) О суевѣріи и легковѣріи въ религіозныхъ дѣлахъ и о наклонности ихъ вызывать противуположный недостатокъ—скептицизмъ и невѣріе. 10) О необходимости и обязательности установленія особыхъ молитвъ о прекращеніи нынѣшнихъ розней въ Христіанствѣ. 11) Объ улучшеніяхъ, которыя Восточная Церковь могла бы ввести, еслибы того пожелала, для того, чтобы усилить свое вліяніе на другія и упрочить свое собственное положеніе. 12) О необходимости примирить нынѣ существующее разномысліе между Греческой и Русской Церквами по вопросу о принятіи прозелитовъ, крещенныхъ безъ соблюденія всѣхъ требованій Восточнаго обряда, какъ то чрезъ обливаніе вмѣсто погруженія, или чрезъ однократное погруженіе, или обливаніе, вмѣсто троекратнаго. И наконецъ 13) о наставленіяхъ обращенныхъ къ Церкви вообще и въ особенности къ Церкви и Христіанамъ позднѣйшихъ вѣковъ въ семи Апокалипсическихъ посланіяхъ къ семи Церквамъ Асійскимъ. Было условлено, что мой переводчикъ переведетъ ихъ всѣ въ теченіе зимы и весны 1851 года. Я долженъ былъ опять вернуться въ Аѳины, пересмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ и напечатать тамъ переведенное имъ такъ, чтобы составить изо всего хорошій томъ in-octavo. Я думалъ тогда, что это могло быть кончено къ Іюлю и что тогда я могъ бы возвратиться въ Англію чрезъ Россію на Константинополь, Одессу, Кіевъ, Москву и С.-Петербургъ; и я надѣялся на возможность (не на увѣренность, такъ какъ знаю, что лѣтомъ часто многіе отсутствуютъ) увидѣть васъ по пути. Этотъ планъ былъ сообщенъ мною письменно прошлою весною нѣкоторымъ друзьямъ моимъ въ Петербургѣ, и они даже писали въ Одессу и Николаевъ, чтобы отрекомендовать меня лицамъ, которыя тамъ могли бы быть полезны мнѣ, когда я туда прибылъ бы.

Такъ обстояли дѣла, когда передъ самымъ отъѣздомъ моимъ изъ Англіи, 6 Марта н. ст., появился г. Коссовичъ въ Оксфордѣ и привезъ письмо ваше, помѣченное нѣсколькими мѣсяцами назадъ (Октября 8-го ст. ст. 1850 г.) Онъ также принесъ мнѣ очень красиво изданную книгу, заключающую цвѣтныя изображенія и литографированное описаніе

одной древней церкви во Владимирѣ. Этотъ подарокъ былъ очень интересенъ для меня и для многихъ, которымъ я его показалъ, какъ признакъ того, что церковная архитектура и орнаментистика начинаютъ находить и въ Россіи почитателей. Какъ бы я хотѣлъ, чтобы этотъ вкусъ распространился и чтобы не въ дальнемъ будущемъ ваши церкви опять начали расписываться хотя внутри по-старинному, какъ росписаны до сихъ поръ всѣ церкви (за исключеніемъ одной или двухъ Русскихъ) на Аѳонѣ, вмѣсто того, чтобы, какъ теперь, онѣ голо и скудно бѣлятся внутри и снаружи (да еще пожалуй съ зелеными крышами), какъ у васъ теперь это дѣлается вообще. Можно также надѣяться, что увидимъ церкви, построенныя съ настоящими архитектурными пріемами, вмѣсто тѣхъ истинно-варварскихъ зданій, безъ всякаго стиля, которыя теперь строятъ иногда съ большими затратами, когда является нужда въ новыхъ церквахъ. Для примѣра укажу на новый соборъ, воздвигаемый въ Одессѣ. Я очень заинтересовался бесѣдою г. Коссовича и очень жалѣлъ, что его первый визитъ въ Оксфордъ былъ такой короткій. Очень будетъ мнѣ интересно также узнать о судьбѣ вашей новой паровой машины [1]). Совсѣмъ новое было для меня узнать про васъ, что вы тоже изобрѣтатель паровыхъ машинъ.

Возвращусь однако къ повѣствованію о себѣ: я оставилъ Англію 20 Марта н. ст. для Аѳинъ и пробылъ тамъ до 19-го Іюля н. ст., занимаясь печатаніемъ; тутъ мой переводчикъ уѣхалъ на шесть недѣль самаго жаркаго времени (это были и его вакаціи) на острова. Я же увидалъ, что, вмѣсто того, чтобы кончить, какъ предполагалось, свою книгу, я отпечаталъ только половину ея и что поэтому я не могу исполнить своего намѣренія—возвратиться въ Англію черезъ Россію или даже, что въ настоящее время вовсе мнѣ нельзя возвратиться въ Англію. Располагая однако временемъ отсутствія моего переводчика(ибо безъ него я не могъ бы продолжать печатаніе), я рѣшилъ сдѣлать краткую экскурсію по Югу Россіи, чтобы повидать святыя мѣста Кіевскія, древній соборъ и катакомбы въ Черниговѣ и недавно реставрированный монастырь Святогорскій между Изюмомъ и Славянскомъ въ Харьковской губерніи, куда я былъ приглашенъ въ гости г-жей Потемкиной. Это я теперь исполнилъ и нашелъ удовольствіе единовременно увидать двухъ старыхъ благопріятелей, которыхъ я не разсчитывалъ видѣть

[1]) А. С. Хомяковъ изобрѣлъ вращательную паровую машину, которую выставилъ въ 1852 г. на первой всемірной выставкѣ въ Англіи. Желая дать своему другу К. А. Коссовичу, извѣстному оріенталисту, возможность побывать въ Англіи для цѣлей филологическихъ, онъ попросилъ его съѣздить въ Лондонъ и, заказавъ эту машину, выставить ее. Хомяковъ получилъ на нее патентъ, но о дальнѣйшемъ примѣненіи своего изобрѣтенія не позаботился.

(именно А. Н. Муравьева, пріѣхавшаго для меня въ Святыя Горы, и Филарета, епископа Харьковскаго) и познакомиться съ нѣкоторыми учеными и благочестивыми людьми, которыхъ я прежде зналъ только по имени. Важнѣйшіе изъ нихъ Иннокентій, архіепископъ Херсонскій, А. С. Стурдза и Филаретъ, достопочтенный митрополитъ Кіевскій, который меня принялъ, какъ настоящій отецъ. Я обязанъ также случаю, чрезъ который опоздалъ къ пароходу изъ Одессы въ Константинополь 30-го Августа ст. ст. и который прибавилъ такимъ образомъ десять дней къ моему путешествію, очень пріятнымъ къ оному добавленіемъ. Благодаря оному, я увидалъ Крымъ, развалины двухъ Херсонесовъ, новый Севастополь, развалины нѣкоторыхъ пещерныхъ монастырей и церквей, Татарскую столицу Бахчи-Сарай и чудесный Южный берегъ, гдѣ меня очень радушно принялъ князь Воронцовъ (хотя я ему былъ до того времени неизвѣстенъ) въ Алупкѣ. Происшествіе, которому я обязанъ всѣмъ этимъ—опрокинутіе моего экипажа на первой станціи отъ Новаго Херсона: меня выбросило на голову, и я былъ принужденъ остаться нѣсколько дней въ Николаевѣ, чтобы пустить кровь и вернуть зрѣніе и ясность головы, которая первое время помутилась. Я теперь на отъѣздѣ въ Аѳины, гдѣ надѣюсь черезъ мѣсяцъ, т. е. около Рождества, окончить мою книгу и постараюсь найдти случай переслать вамъ экземпляръ оной (по крайней мѣрѣ если вы читаете по ново-гречески), хотя я опасаюсь, что четвертая часть, оглавленіе коей я вамъ сообщилъ, едва ли будетъ допущена цензоромъ въ Россію обычнымъ путемъ. Прекращеніе рода царя Алексѣя Михаиловича, на которое я очень деликатно намекаю и только съ тѣмъ, чтобы показать, что теперешній родъ не унаслѣдовалъ его грѣха и слѣдовательно кары за оный и находится теперь на искусѣ и испытаніи (probation and trial) совершенно иномъ—слишкомъ щекотливый предметъ для всякаго цензора кромѣ самого Императора, который одинъ можетъ правильно знать что̀ объ немъ позволительно писать. Я адресовалъ по ново-гречески прошеніе къ Константинопольскому патріарху, копію съ коего я вамъ доставлю, какъ только самъ опять достану таковую. Оно касается вопроса о перекрещиваніи: Русская Церковь признаетъ силу западнаго крещенія, хотя бы и совершеннаго неправильно; Греческая же отвергаетъ оное, какъ недѣйствительное, а перекрещиваетъ всѣхъ прозелитовъ, крещенныхъ такимъ образомъ. Въ виду этого я самъ не могу быть принятъ въ общеніе, еслибы желалъ сего, безъ того, чтобы или признать себя доселѣ некрещеннымъ въ противность собственному убѣжденію и заявленію Русской Церкви, или быть принятымъ въ общеніе не всею Восточной Церковью, а только частью оной (Русскою), тогда какъ другая часть (Греческая) утверждаетъ, что я доселѣ не

крещенный и неправильно принятъ Русскими какъ крещенный. Завтра я долженъ получить отвѣтъ на мой вопросъ; но изъ бывшихъ уже разговоровъ почти навѣрное знаю, что онъ оставитъ затрудненіе неразрѣшеннымъ. Вопросъ состоитъ въ томъ, не можетъ ли Греческая Церковь, въ виду противуположности ученія и практики Русской Церкви, перекрестить меня *условно*, а не абсолютно (сей рабъ Божій N, если онъ доселѣ не крещенъ, крестится и т. д.) или по крайней мѣрѣ позволить мнѣ понимать ихъ крещальный обрядъ какъ *условный*, если не явно, то по крайней мѣрѣ подразумѣвательно. Но, кажется, что они не позволятъ, чтобъ ученіе и практика Русской Церкви (которыя считаютъ ложными) внесли какое либо сомнѣніе въ этотъ вопросъ и сдѣлали бы ученіе Восточной Церкви въ ея цѣлости сомнительнымъ или неопредѣленнымъ относительно этого пункта.

Я былъ очень опечаленъ, узнавъ отъ Муравьева, что кромѣ воспаленія глазъ, упоминаемаго въ письмѣ вашемъ отъ прошедшаго Октября, вы и вообще за послѣднее время не особенно хорошо себя чувствовали; такъ по крайней мѣрѣ слышалъ онъ, ибо мнѣ не помнится, чтобы онъ упоминалъ о личномъ свиданіи съ вами въ недавнемъ времени. Надѣюсь, что уже задолго до полученія сего письма вы окажетесь здоровымъ.

Что касается до положенія [2]), въ отвѣтъ на папскую инциклику къ Восточнымъ, на которое вы указываете въ письмѣ вашемъ, какъ на особенно важное, то я присоединяюсь къ тому что̀ вы говорите. Конечно это положеніе и вѣрное, и важное; тѣмъ не менѣе оно изъ тѣхъ, которыхъ не слѣдуетъ слишкомъ обострять. Какое бы участіе ни принадлежало общей вѣрѣ и любви міранъ (the laity) въ сохраненіи истиннаго преданія и ученія, тѣмъ не менѣе миссія учить всѣ народы и обѣщаніе пребывать съ ними въ ученіи даже до «скончанія вѣка», обѣщаніе, дающее учительную непогрѣшимость, во сколько таковая необходима, дарованы собору Апостоловъ и ихъ преемникамъ; и поэтому-то мы и должны всегда обращаться къ ихъ офиціальнымъ и соборнымъ постановленіямъ [3]). Надо однако заключить это письмо. Обращеніе къ Римскому Католицизму до сихъ поръ повторяется въ Англіи по временамъ и между очень хорошими и вѣрующими людьми. Трое или четверо изъ моихъ друзей сдѣлались Католи-

---

[2]) Proposition.

[3]) Римское воззрѣніе на исключительную непогрѣшимость учительства, дарованную одной іерархіи, обличаетъ внутреннюю связь Пальмера съ Латинствомъ даже въ то время, когда онъ стоялъ повидимому уже въ преддверіи Православной Церкви. Православное ученіе объ этомъ вопросѣ можно видѣть въ толкованіи І. Златоуста на Ев. отъ Матѳея. Хомяковъ же посвятилъ оному нѣсколько страницъ въ своихъ статьяхъ о Западныхъ исповѣданіяхъ, ср. 63 стр. 2-го тома его Сочиненій.

ками въ теченіе послѣдняго года. Въ какомъ положеніи мое собственное дѣло, вы увидите изъ моего вопроса къ патріарху Константинопольскому, когда получите таковой. Надѣюсь написать опять къ вамъ послѣ промежутка болѣе краткаго чѣмъ послѣдній, а покуда прошу васъ передать мою память и почтеніе вашему митрополиту, когда вы его увидите, и любезно напомнить обо мнѣ всѣмъ моимъ пріятелямъ или знакомымъ, которыхъ вамъ удастся встрѣтить, въ особенности гр. Александру Толстому, княгинѣ Долгоруковой, рожд. Давыдовой или г. Левашову, если вы ихъ встрѣтите. Васъ прошу вѣрить, что я всегда съ истиннымъ удовольствіемъ получаю письма ваши и что я всегда, любезнѣйшій г. Хомяковъ, съ истиннымъ пожеланіемъ и молитвами за здоровье и счастіе во всѣхъ отношеніяхъ, какъ ваше, такъ и всѣхъ вашихъ или близкихъ вамъ, есмь искренно преданный В. Пальмеръ.

*

Коллегія Св. Маріи Магдалины, Оксфордъ, Іюля 5-го н. ст. 1852.

Дорогой мой г. Хомяковъ.

Всѣ ваши письма, посланныя въ трипликатѣ въ Аѳины, Константинополь и Оксфордъ, дошли до меня въ разное время, и я право не знаю какъ выразить мои чувства за дружественную и любовную искренность (earnestness), которую вы выказали ко мнѣ, и не только ко мнѣ, но кромѣ того и болѣе того къ интересамъ правды и единенія. Еще до полученія вашихъ трехъ писемъ я уже слышалъ о вашей утратѣ отъ нашего друга г. Титова въ Константинополѣ и тѣмъ живѣе могу за васъ чувствовать, что замѣчаю, что въ это самое время я лишился моей сестры. Но мы оба имѣемъ одинаковое утѣшеніе, и оно благословенное — въ томъ, что чувствуемъ, что отшествіе любимыхъ нами было блаженное для нихъ, и таковое, что можетъ быть полезно и для насъ, подкрѣпляя насъ въ нашихъ стремленіяхъ жить такъ, чтобы быть соединенными съ ними въ концѣ. Чѣмъ болѣе мы испытали такихъ утратъ, тѣмъ полнѣе мы можемъ ежедневно присоединяться къ молитвамъ, которыя за литургіею возносятся за живыхъ и умершихъ. Я теперь здѣсь ожидаю кончины моего отца, который быстро слабѣлъ за послѣдніе мѣсяцы и по всѣмъ вѣроятіямъ не оправится. Когда это случится, если я буду самъ живъ и здоровъ и исполню все что̀ могу относительно Греческой и Русской вѣтвей Восточной Церкви, я вѣроятно соберусь поработать въ Римѣ въ виду тѣхъ препятствій, которыя я встрѣтилъ и которыя затрудняютъ принятіе въ общеніе Восточной Церкви, и въ связи съ невозможностью отстаивать Англиканскую Церковь. Это указаніе на то, что я долженъ ближе изучить Римское исповѣданіе, которое, кромѣ другихъ превосходствъ,

является еще, повидимому, одно обладающимъ правами на мое подчиненіе на основаніи своего рода исчерпывательнаго процесса [1]).

Но я нѣсколько забѣгаю впередъ. Я еще вамъ не объяснилъ, какъ я теперь стою по отношенію къ Греческой и Русской Церквамъ или что мнѣ представляется подлежащимъ исполненію прежде, чѣмъ я отправлюсь въ Римъ.

Сначала о Грекахъ. Получивъ въ Константинополѣ, какъ вы знаете, отказъ въ разрѣшеніи, котораго я просилъ, принять ихъ перекрещиваніе въ условномъ смыслѣ, я вернулся въ Аѳины и (послѣ напечатанія книги въ 600 страницъ, касающейся Англиканской Церкви), напечаталъ по ново-гречески нѣсколько краткихъ разсужденій о предметахъ, относящихся къ Восточной и Латинской Церквамъ. Всѣхъ разсужденій XV, и они составляютъ всего тонкій томъ въ 250 страницъ [2]). Предметы слѣдующіе:

1) Объ отличительныхъ наименованіяхъ, современномъ состояніи и вѣроятныхъ будущихъ судьбахъ такъ-называемаго «Православнаго Исповѣданія».

2) О настоящемъ видимомъ конфликтѣ между такъ-называемымъ «Православіемъ» и такъ-называемымъ «Католицизмомъ».

3) Судьбы Славянскаго царства, возвеличеніе и неудачи Ивана IV-го, перваго торжественно вѣнчаннаго Царя Московіи.

4) Судьбы Славянскаго царства, о конфликтѣ въ XVII вѣкѣ, бывшемъ между гражданской властью и дворянствомъ и патріархомъ Никономъ.

5) О правильномъ способѣ вести религіозныя пренія.

6) Краткій обзоръ настоящаго состоянія контроверсій по частнымъ вопросамъ между Восточною и Латинскою Церквами.

7) «Объ отношеніи теоріи догматическаго развитія» къ вопросамъ, раздѣляющимъ Восточную и Западную Церкви.

---

[1]) Т. е., когда всѣ другія комбинаціи исчерпались по разнымъ причинамъ, остается одна — обращеніе къ Риму. Этотъ періодъ отличается въ подлинникѣ необыкновенной замысловатостью оборота.

[2]) Книга, въ которой собраны эти статьи, напечатана подъ названіемъ: „Dissertations on subjects relating to the Orthodox or Eastern Catholic Communion". Она очень важна для опредѣленія той степени уразумѣнія Православнаго ученія, дальше котораго Пальмеръ уже не пошелъ. Въ статьѣ 2-й онъ проводитъ мысль о томъ, что Церковь заключаетъ въ себѣ атрибуты Православія и Каѳоличности, изъ коихъ первое болѣе принадлежитъ Востоку, а Каѳоличность явно принадлежитъ Риму. Въ это время онъ еще не рѣшался отдать предпочтеніе второму атрибуту Церкви и только предлагалъ Восточной Церкви принимать въ общеніе Латинянъ на условіяхъ исповѣданія символовъ Никео-Константинопольскихъ, безъ всякихъ другихъ обрядовъ или таинствъ, ссылаясь на авторитетъ Ѳеофилакта Болгарскаго и др. Ср. стр. 236 и слѣд.

8) Болѣе подробное изложеніе вопроса объ исхожденіи Святаго Духа.

9) Рядъ положеній нынѣ вообще держимыхъ въ Греческой части Восточной Церкви относительно крещенія, совершеннаго еретиками или схизматиками, лицами свѣтскими или какимъ-либо инымъ способомъ, а не чрезъ настоящее погруженіе.

10) Три документа противъ и за перекрещиваніе Западныхъ.

11) Объ упрекѣ въ формализмѣ, обычно взводимомъ на Западѣ противъ Восточной Церкви.

12) О легковѣріи и суевѣріи.

13) Перечень того, что́, повидимому, недостаетъ или желательно для Восточной Церкви.

14) Объ обязанности возносить болѣе спеціальныя и сосредоточенныя моленія о возстановленіи единства между Восточною и Латинскою Церквами и о будущемъ Вселенскомъ Соборѣ.

15) Объ увѣщаніи, обращенномъ къ семи Церквамъ Асійскимъ и чрезъ нихъ Вселенской Церкви въ Откровеніи.

Напечатавъ этотъ томъ и разославъ его въ разныя части Востока, я сдѣлалъ все, что́ могъ по отношенію къ Греческой части Восточной Церкви, и мнѣ теперь остается только подождать нѣкое достаточное время, чтобы посмотрѣть, произведутъ ли какое-нибудь дѣйствіе и поведутъ ли къ какой-нибудь перемѣнѣ въ практикѣ Грековъ на Востокѣ либо тѣ главы моей книги, которыя относятся до крещенія, либо сообщеніе изъ Россіи исправленныхъ списковъ тѣхъ раннихъ Греческихъ (а равно и Русскихъ) постановленій противъ перекрещиванія, которыя утрачены въ Константинополѣ съ 1756 года.

Затѣмъ, что̀ касается Россіи, непреодолимымъ затрудненіемъ представляется мнѣ слѣдующее. Въ Русской Имперіи отношеніе духовной и гражданской властей въ настоящее время таково, что оно непримиримо съ правильнымъ отправленіемъ апостольскаго служенія. Въ самой Россіи правительственная власть и цензура держатъ все въ спокойствіи неподвижномъ (things just as they are), такъ что частныя лица не замѣчаютъ настоящей сущности многихъ вопросовъ, а также неизбѣжнаго развитія и послѣдствія разъ допущенныхъ началъ; и такимъ образомъ они бываютъ наклонны желать, чтобы другіе были менѣе скрупулёзны (scrupulous) и согласились бы быть слѣпы, какъ слѣпы они сами или нѣмы, какъ они нѣмы, и чтобъ они признавали то и участвовали въ томъ, въ чемъ они не затрудняются быть участниками. Но для Западнаго человѣка, ищущаго общенія съ Восточной Церковью, дѣло обстоитъ не такъ. Если я пристану къ Русской Церкви, я долженъ быть въ состояніи защищать себя передъ своею совѣстью

и передъ разумными людьми (Протестантами или Католиками) на Западѣ, въ поступкѣ столь противномъ ихъ понятіямъ и разуму.

Я не могу отрицать или скрывать недолжное преобладаніе государства, нынѣ въ Россіи существующее, и еслибъ я отнесся къ нему легко, какъ будто считая, что такая узурпація (присвоеніе) не имѣетъ существеннаго значенія для Каѳолической вѣры и вліянія на дисциплину христіанскую, а что ее можно законно принять и подчиниться ей, я черезъ это только выставилъ бы себя въ глазахъ всего Запада за дурака и сумасшедшаго, ничѣмъ не оказывая услуги Восточной Церкви чрезъ мое къ ней присоединеніе и не имѣя ни малѣйшей надежды дать другимъ примѣръ достойный подражанія. Такимъ образомъ, если эта гора недолжнаго преобладанія государства стоитъ поперекъ моей дороги, я долженъ либо найти средство сдвинуть гору, что́ не особенно вѣроятно, или я долженъ свернуть самъ и избрать другой путь. Имѣя такія понятія и считая, что вся отвѣтственность за то, что̀ въ Россіи есть плохаго, лежитъ всецѣло на высшемъ въ Россіи лицѣ, я рѣшился не обращаться къ какому-либо епископу или къ Сѵноду, пока положеніе вещей въ Россіи таково. Но я пошлю экземпляръ этихъ разсужденій, которыя я на Востокѣ напечаталъ, въ цензуру въ Россію и буду просить, чтобы меня увѣдомили, позволятъ ли напечатаніе и обращеніе въ Россіи Русскаго перевода оныхъ либо въ неизмѣненномъ видѣ, либо съ такими только измѣненіями или выпусками, которые не затронули бы богословской цѣльности сочиненія. Если бы оно было позволено (чего я нисколько не ожидаю), *тогда*, думаю, я могъ бы искать общенія съ Русской Церковью. Но если (что̀ произойдетъ, я увѣренъ, въ дѣйствительности) будетъ сочтено невозможнымъ разрѣшить напечатаніе моего изслѣдованія, я буду обязанъ тогда отвѣчать моимъ друзьямъ, которые совѣтуютъ мнѣ опять пріѣхать въ Россію, что я не въ состояніи былъ бы удовлетворительно защищать себя передъ своей совѣстью и передъ соотечественниками, если бы я искалъ единенія съ частною Церковью, въ которой я не свободенъ обсуждать свободно и публично (хотя и въ духѣ искренней лояльности ко всѣмъ свѣтскимъ властямъ) вопросы существенно для вѣры важные. Если Русское правительство и цензура не могутъ принять и допустить моего способа защищать Восточную Церковь, интересы Русской Имперіи и Императорскаго дома, то я сдѣлалъ все, что́ могу (конечно не для общественныхъ, а для частныхъ цѣлей) и, удовлетворивъ своей совѣсти, долженъ отойти въ сторону, предоставляя имъ защищать свои Церковь и государство какъ имъ угодно.

Послѣ того какъ я такимъ образомъ сдѣлалъ все возможное для меня относительно Русской, а равно и Греческой Церкви, я долженъ

бы, какъ уже сказалъ, отправиться поработать въ Римъ, въ надеждѣ узнать что-нибудь тамъ такого, что̀ помогло бы мнѣ измѣнить мои мысли и подчиниться его требованіямъ, такъ какъ я не могу долѣе отстаивать Англиканскую и не нахожу удовлетворительнаго доступа въ Восточную Церковь. Если же послѣ всего я не найду средствъ отдѣлиться отъ моего настоящаго догматическаго согласія съ Восточною Церковью, тогда (такъ какъ я не могу исповѣдывать то, во что̀ не вѣрю) мнѣ не осталось бы ничего инаго какъ ждать возможныхъ со временемъ перемѣнъ на Востокѣ или въ Россіи, и въ такомъ случаѣ я могъ бы вѣроятно подолгу жить на Востокѣ и въ особенности на Аѳонской горѣ. Я надѣюсь (что̀ бы Провидѣніе ни готовило мнѣ, или какимъ бы путемъ ни вело), что я никогда не оставлю моихъ теперешнихъ чувствъ влеченія и уваженія ко всему доброму, какое я видѣлъ и позналъ въ Русской Церкви и народѣ. Характеръ Грековъ (хотя у нихъ есть нѣкоторыя удивительныя природныя дарованія) вовсе не привлекателенъ въ религіозномъ отношеніи; но въ Русскомъ есть очень много такого, что̀ должно бы, кажется, привлечь къ нему всякую христіанскую душу. Несправедливыя и горькія предубѣжденія столь многихъ на Западѣ именно противъ того, что̀ есть самаго чуднаго въ Русской Церкви и государствѣ, служатъ сильнымъ добавочнымъ поводомъ для всякаго, кто имѣлъ случай узнать оное *), чтобы сочувствовать еще теплѣе тому, что̀ такъ несправедливо обезцѣнивается или подвергается клеветѣ. Я душевно скорблю о томъ, что *не все* таково, какъ я бы желалъ, что Русская Церковь и духовенство не въ томъ положеніи справедливой свободы, какое они занимали до низложенія Никона; что государи и второстепенные правительственные органы и цензура печати не въ состояніи, кажется, или не хотятъ различать между разнузданностью или упорствомъ (contremacy), происходящими изъ дурныхъ побужденій, и такой свободою обсужденія, которая здорова и ведетъ къ истиннымъ выгодамъ какъ вѣры, такъ и престола. Но я не могу измѣнить положеніе вещей; я долженъ брать оное, каковымъ оно есть, и если то, что̀ я считаю плохимъ, не уступаетъ моимъ усиліямъ или увѣщаніямъ, я, по крайней мѣрѣ, долженъ быть извиненъ, если отказываюсь подчиняться этому или защищать оное, какъ нѣчто хорошее. Конечно, меня могутъ спросить: какъ я могу *желать* перемѣнить свое мнѣніе по многимъ предметамъ, по которымъ я теперь согласенъ съ Восточной Церковью, скорѣе чѣмъ по одному или двумъ, по которымъ я соглашаюсь съ Римско-Католическою Церковью? Меня могутъ спросить: почему не постараться смотрѣть

*) Вѣроятно авторъ хотѣлъ сказать: ознакомиться съ таковымъ чрезъ личное наблюденіе, непосредственно.

на настоящія отношенія императорской и апостольской властей въ Россіи Русскими очами, скорѣе чѣмъ стараться смотрѣть Римскими на Исхожденіе, папское главенство и еще на четыре или пять вопросовъ? По той причинѣ, отвѣчаю я, что слабые или затруднительные пункты въ Русской Церкви касаются опредѣленія самой Каѳолической Церкви. Но тѣ пункты, по которымъ я теперь разноглашу съ Римомъ, суть только подробности, могущія быть опредѣляемы самою Церковью (ruled by the definition of the Church). Мои Римско-католическіе друзья ставятъ мнѣ вопросъ такъ: «Если вы вѣрите въ *видимую* Церковь, первый и единственно существенный вопросъ—гдѣ нынѣ на землѣ эта Церковь, которая тождественна по существу (какъ-то въ пониманіи и въ духѣ универсальности, въ ревности и любви къ отдѣльнымъ людямъ и въ своемъ положеніи независимости, а въ случаѣ нужды и оппозиціи къ властямъ міра сего въ духовныхъ дѣлахъ) съ Церковью первыхъ вѣковъ? Едва ли вы рѣшитесь сказать, что Восточная или Греческая Церковь скорѣе и есть эта Церковь, чѣмъ Римско-католическая. Если тогда ваша совѣсть вамъ скажетъ, что Римско-католическая Церковь есть *Церковь* единая, либо что въ противномъ случаѣ теперь нѣтъ на землѣ видимой Церкви, которая была бы истинная (продолженіе той, которую основали Апостолы), тогда вы должны имѣть достаточно смысла, чтобы видѣть, что Церкви предлежитъ учить васъ, а не вамъ учить себя или Церковь, и что такимъ образомъ совершенно для васъ лишнее обсуждать, что̀ вамъ или какой-либо малой общинѣ (каковая не есть Церковь) можетъ казаться болѣе нравственнымъ или болѣе согласнымъ съ древностью по вопросамъ объ Исхожденіи, о папскомъ главенствѣ, чистилищѣ, индульгенціяхъ и по другимъ пунктамъ доктрины. Вотъ съ чѣмъ они теперь на меня нападаютъ (urge on me).

Каковы мои воззрѣнія въ настоящее время, вы увидите скоро, надѣюсь, изъ моихъ «Изслѣдованій», которыя я надѣюсь вамъ прислать на Англійскомъ языкѣ до окончанія лѣта вмѣстѣ, можетъ быть, съ другимъ болѣе удобочитаемымъ и болѣе толковымъ (intelligible) письмомъ.

Примите еще разъ мои самыя теплыя благодаренія за всю вашу доброту и дружбу ко мнѣ, и если вамъ случится увидать кого-либо изъ духовныхъ или иныхъ, съ которыми я знакомъ и которые принимаютъ участіе въ моихъ стремленіяхъ и желаніяхъ, благоволите передать имъ мое нижайшее почтеніе, и да удѣлятъ они мнѣ мѣсто въ своихъ молитвахъ. Считаю должнымъ особенно упомянуть о митрополитѣ Московскомъ и объ архіепископѣ Казанскомъ *), которому я глу-

*) Григорій, впослѣдствіи митрополитъ Новгородскомъ и Петербургскомъ.

боко признателенъ за его истинно-христіанскіе отвѣты на ваши письма, и вѣрьте, что я всегда есмь вашимъ искренно и сердечно.

В. Пальмеръ.

*

Джинморъ, близъ Букингама, Апрѣля 5 н. ст. 1853.

Любезный мой г. Хомяковъ.

Ваше письмо отъ 4 Сентября 1852 г. вмѣстѣ со статьей на Французскомъ языкѣ и переводомъ на г.г Шрёдеръ и К° въ Лондонѣ въ суммѣ 39 ф. 1 ш. и 3 п. для уплаты за расходы по напечатаніи оной, дошло до меня въ Оксфордѣ 1 Января 1853 н. ст. Я тогда былъ заключенъ въ своей комнатѣ скучнымъ (но безъ сильной боли) припадкомъ подагры, начавшимся въ Ноябрѣ и прекратившимся только три недѣли тому назадъ. Теперь я опять здоровъ и не лишенъ расположенія сдѣлать возможное къ исполненію вашего желанія относительно публикаціи вашей статьи. Но такъ какъ вы послали мнѣ порученіе на авось (at a venture), то должны будете подождать, когда мнѣ будетъ удобно его исполнить (wait my convenience) и можетъ быть долѣе, чѣмъ мы оба того желали бы. Печатать Французскую статью въ Англіи—равносильно тому, чтобы деньги ваши выбросить. Если печатать, такъ ужъ печатать въ Парижѣ или Брюсселѣ; а я въ этихъ городахъ не имѣю знакомыхъ типографщиковъ, ниже другихъ знакомыхъ, которыхъ могъ бы попросить исполнить порученіе это. Если вы не пришлете мнѣ указаній о передачѣ статьи и денежнаго перевода кому нибудь другому, болѣе подходящему для исполненія вашего желанія и для исполненія болѣе скораго: то я буду искать первой возможности, въ смыслѣ свободы, для личной поѣздки въ Парижъ или Брюссель на нѣсколько дней съ тѣмъ, чтобы передать вашу рукопись издателю. Я для васъ сдѣлаю все чтò могу; но вы должны помириться съ случайностью (you must take your chance): ибо очень возможно, что я сдѣлаю не такъ и какъ лучше для наибольшаго распространенія статьи вашей, какъ вы того желали бы; я вѣдь несвѣдущъ (какъ уже сказано) во всемъ чтó касается до печатанія и сбыта брошюръ и книгъ во Франціи или до избранія издателя. Я всегда расположенъ сдѣлать (во сколько могу) то, о чемъ меня просятъ; но я надѣюсь, что вы не пришлете мнѣ вторично такого порученія, особенно въ такомъ видѣ, который дастъ такъ мало возможности отказаться отъ исполненія его или отсрочить таковое. Мнѣ желательно было бы во всякомъ случаѣ напередъ знать, чего вы желаете, и имѣть возможность написать вамъ, могу ли я надѣяться исполнить ваше желаніе и кромѣ того, расположенъ ли я взять на себя это порученіе, прежде чѣмъ вы переслали бы мнѣ деньги для уплаты типографщику.

Теперь я вамъ скажу, въ какомъ видѣ меня обрѣло ваше порученіе и какія передо мною вѣроятности. Я уже сказалъ, что до Марта я былъ заключенъ въ комнатѣ въ Оксфордѣ подагрою. Съ того времени я здѣсь при отцѣ, въ ожиданіи его кончины, теперь повидимому очень близкой. Когда же это совершится (вѣроятно до истеченія многихъ дней), я буду нуженъ на нѣкоторое время матери и сестрамъ, чтобы помочь имъ устроить семейныя дѣла, такъ что я не знаю, сколько можетъ пройти мѣсяцевъ прежде, чѣмъ я буду имѣть возможность оставить ихъ. Но вѣроятно я буду свободенъ въ теченіе наступающаго лѣта. Мои собственные планы заключаются въ томъ, чтобы положить конецъ моей связи съ Оксфордскимъ университетомъ и коллегіей (которой я членъ) тотчасъ послѣ смерти моего отца. Пока онъ живъ, я не хотѣлъ дѣлать того, чего совѣсть моя не требовала настоятельно и чтó могло бы его опечалить, какъ доказательство все усиливающагося и рѣшительнаго (settled) недовольства Англиканскою Церковью, отъ которой онъ зналъ, что я готовъ отдѣлиться; онъ надѣялся, что я измѣню намѣреніе, встрѣтивъ затрудненія къ принятію въ общеніе съ Восточною Церковью. Послѣ этого я вѣроятно опять поѣду заграницу и поживу нѣкоторое время въ Римѣ съ *желаніемъ* [1]) изучить и, если можно, найдти какой нибудь путь для обхода тѣхъ затрудненій, которыя до сихъ поръ наклоняли меня болѣе на Восточную сторону, хотя я и тамъ вижу затрудненія великія.

Пока я былъ въ Аѳинахъ, я напечаталъ по-гречески нѣсколько изслѣдованій о Восточномъ пѣніи; экземпляръ оныхъ я послалъ вамъ прошлой осенью, и надѣюсь, что вы ихъ до теперешняго времени уже получили, хотя еще не получали, когда писали ко мнѣ письмо, приложенное къ Французской статьѣ. Съ тѣхъ поръ я издалъ тѣже изслѣдованія по-англійски съ значительными дополненіями, и этотъ Англійскій томъ, я надѣюсь, вы получите вскорѣ послѣ настоящаго письма. Одно изъ изслѣдованій, прибавленныхъ въ немъ, касается вопроса, который, думаю, васъ займетъ, именно о «гражданскомъ управленіи, авторитетѣ и свободѣ по отношенію къ Православному христіанству». Одинъ или двое изъ моихъ Русскихъ друзей, видѣвшихъ пока только Греческое изданіе, упрекали меня за то, что я затронулъ нѣкоторые политико-церковные вопросы изъ Русской Исторіи [2]), и они думаютъ, что если бы я ихъ избѣжалъ, моя книга могла бы быть допущена цензурой печати въ Россіи. Но я самъ не такого мнѣнія, и я не могъ избѣжать или

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) Вѣроятно Пальмеръ имѣлъ въ виду разсужденіе о послѣдствіяхъ дѣла Никона и о томъ, какія задачи въ области церковной политики принадлежатъ Русскому Царю въ новое время. Dissertations, стр. 72 и сл.

обойти тѣхъ вопросовъ, на которыхъ главнымъ образомъ зиждутся глубочайшія предубѣжденія и нападки (objections) Западныхъ христіанъ, какъ Протестантовъ, такъ и Римско-католиковъ, относительно Русской Церкви. Когда прочтете разсужденія, вы сами разсудите.

Во время моего домосѣдства по случаю подагры я занимался главнымъ образомъ изслѣдованіемъ объ исторіи Св. Мѣстъ въ Іерусалимѣ, имѣя намѣреніе написать нѣчто объ этомъ предметѣ. Досадно было убѣдиться, что только одна часть рукописи Арсенія Суханова доселѣ напечатана, тогда какъ двѣ другія (объ обрядовыхъ вопросахъ и его описаніе Св. Мѣстъ) доселѣ въ рукописи. Желательно, чтобы любитель церковной и Русской литературы похлопоталъ о напечатаніи этихъ послѣднихъ частей. Мнѣ также хотѣлось бы знать, напечатано ли было въ Россіи за послѣднее время описаніе Греческой рукописи архіепископа Паисія Газскаго, который велъ дѣло противъ Никона въ XVII вѣкѣ; ибо такое описаніе было послано въ Россію архимандритомъ Порфиріемъ, и мнѣ очень хотѣлось бы имѣть его. Епископъ Харьковскій (Филаретъ), когда я былъ на Югѣ Россіи въ 1851 году, обѣщался достать мнѣ списокъ съ «Возраженія» патріарха Никона на него по поводу вопросовъ, посланныхъ боярами къ четыремъ патріархамъ Востока и на отвѣты, данные патріархами. Но я съ тѣхъ поръ ничего отъ него не получилъ и боюсь, что онъ обо мнѣ и позабылъ. Я очень охотно заплатилъ бы все потребное за сдѣланіе такого списка (такъ сказалъ я ему), и онъ (списокъ) навѣрно дойдетъ до меня, если послать либо къ Англійскому пастору д-ру Ло (Law) въ церковь Англійской колоніи въ С.-Петербургѣ, либо къ А. С. Норову.

Теперь я вамъ все сказалъ о моихъ собственныхъ обстоятельствахъ и планахъ, и пора мнѣ обратиться къ содержанію вашего письма и статьи. Я очень чувствую теплоту вашей христіанской доброты и усердія во всемъ, что̀ вы написали и посовѣтовали. Но я замѣчаю, что вы имѣете въ настоящую минуту только неясное и нѣсколько неточное представленіе о религіозномъ положеніи какъ моемъ, такъ и многихъ другихъ въ Англіи. Вы пишите такъ, какъ будто существуетъ гдѣ-то партія организованная или школа, имѣющая опредѣленною цѣлью единеніе съ Восточною Церковью и какъ будто бы я самъ имѣю нѣкоторое отношеніе къ такой партіи. Ничего такого нѣтъ! Въ нѣдрахъ Англиканской Церкви все болѣе усиливаются духъ или стремленіе во многихъ неблагорасположенія къ Протестантизму и даже къ Англиканству, въ настоящемъ его видѣ, и бо̀льшаго или меньшаго благорасположенія, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ къ Восточному Православію, но у значительнаго большинства къ Римскому Католицизму.

Наклонность говорить и думать сочувственно о Восточной Церкви и мечтать о какомъ нибудь сближеніи съ нею предпочтительнѣе нежели съ Римомъ, остается только у тѣхъ, которые до сихъ поръ цѣпко держатся за Англиканскую Церковь, но также неуклонно уменьшаются въ числѣ и исчезають по мѣрѣ того, какъ въ нихъ зарождается сомнѣніе въ Англиканской Церкви, и они начинаютъ вдумываться въ необходимость покинуть ее для какого нибудь инаго исповѣданія, или точнѣе въ необходимость подчиненія Римской Церкви: ибо мысль о выходѣ изъ Англиканской Церкви для подчиненія Восточной, какъ представляющей собою истинную Каѳоличность или Всемірность, никогда имъ и не приходила на умъ.

Чтó касается до меня, то я дѣйствую доподлинно и все время дѣйствовалъ только какъ отдѣльное лицо, и я не особенно озабоченъ вопросомъ о томъ, разумны ли или нѣтъ Греческіе патріархи въ томъ, чтó они дѣлаютъ или учатъ относительно Крещенія. Но для меня лично, прошедшее или будущее Крещеніе есть или имѣетъ быть началомъ моего Христіанства. Первый практическій для меня вопросъ при обращеніи къ какому либо исповѣданію слѣдующій: былъ ли я уже крещенъ или я теперь долженъ просить крещенія? Если исповѣданіе, къ которому я обращаюсь, либо говоритъ мнѣ объ этомъ то, чему я не могу вѣрить, либо говоритъ два противуположныя изрѣченія единовременно (чтó равносильно тому, чтобы ничего не сказать и не дать отвѣта): то я долженъ почитать это препятствіемъ къ тому, чтобы продолжать просить о принятіи въ это исповѣданіе. Я долженъ сказать имъ *), что они должны быть въ состояніи сказать мнѣ ясно, крещенъ ли я или нѣтъ, прежде чѣмъ мы можемъ разсуждать о дальнѣйшихъ вопросахъ. Я между прочимъ указалъ на средство обойти это затрудненіе, а именно посредствомъ условнаго перекрещиванія или чрезъ допущеніе условнаго смысла перекрещиванія въ умѣ крещаемаго; но они и этого не допустили. Такимъ образомъ я теперь сдѣлалъ все возможное. Я ни на минуту не могу слушать Русскихъ, говорящихъ: «Не обращайте вниманія на Греческихъ патріарховъ; мы вамъ говоримъ, что вы крещены, и мы готовы васъ принять; а мы-то и составляемъ Восточную или Православную Церковь». Или Грековъ, говорящихъ: «Не обращайте вниманія на Русскихъ; мы вамъ говоримъ, что вы не крещены; а мы-то и составляемъ Православную Каѳолическую Церковь, которой вы должны повиноваться, а не слѣдовать вашему частному сужденію». Я же вижу ясно, что ни Греки сами по себѣ, ни Русскіе сами по себѣ не составляютъ того общества или Церкви, во имя

*) Т. е. представителямъ этого исповѣданія.

которой только и можно крестить или учить со властію. Разногласіе можетъ быть или не быть само по себѣ второстепеннаго значенія, какъ вопросъ ритуала и практики; но для меня, какъ лица, безусловно необходимо (physicaly necessary) имѣть возможность стать въ то или другое положеніе. Я не думаю, чтобы вы смотрѣли на человѣка, достигшаго возраста сознавательнаго, какъ на таковаго, надъ которымъ любой обрядъ долженъ быть совершенъ безъ всякаго участія его въ ономъ. Тотъ, кто идетъ къ Крещенію, либо самымъ кощунственнымъ образомъ легкомыслитъ, либо долженъ самымъ искреннимъ образомъ искать отъ Бога благодати Крещенія; а онъ не можетъ этого дѣлать, если думаетъ, что уже получилъ таковую. По онъ же не можетъ быть законно принятъ Русскою Церковью въ общеніе со всей Восточной Церковью, когда патріархи говорятъ ему прямо въ лицо, что Русскіе поступаютъ неправильно и что онъ все-таки остается некрещеннымъ. Еслибы однако мѣстная Русская Церковь сказала мнѣ: такъ какъ ваше мнѣніе на этотъ счетъ согласно съ нашею практикою, то будьте приняты въ общеніе мѣстною или частною Русской Церковью и предоставьте намъ послѣ уладить вопросъ съ Греками; и въ тоже время, еслибы она не налагала на меня никакихъ исключительно-національныхъ или мѣстныхъ особенностей, которыя служили бы мнѣ во вредъ въ отношеніяхъ (a hinderance or prejudice to...) съ Каѳолическими христіанами между моими согражданами, то я, можетъ быть, былъ бы наклоненъ искать принятія на такихъ условіяхъ. По Русская Церковь не соглашалась на это. Она хотѣла дѣйствовать отъ имени всей *Восточной* Церкви и хотѣла наложить на меня Восточныя (не только Русскія) особенности *), тогда какъ вмѣстѣ съ тѣмъ она поступала прямо противуположно Восточнымъ или Греческимъ обычаямъ, а Греческіе патріархи совершенно воспрещаютъ дѣйствіе, которое она совершаетъ отъ ихъ, а равно и отъ своего, имени.

Кромѣ этого, въ настоящемъ состояніи Русской Церкви есть особенное обстоятельство, внушающее большое нерасположеніе къ тому, чтобы искать общенія съ нею иначе, какъ въ качествѣ одной лишь части Восточной или Православной Церкви въ ея цѣлости: это есть неподобающее преобладаніе надъ нею гражданской власти. Ради этого обстоятельства, еслибы я имѣлъ въ виду повторить попытку быть принятымъ Восточной Церковью или какою нибудь ея частью, Русская ея часть конечно была бы послѣдняя, о которой я подумалъ бы. Какимъ бы нелѣпымъ ни показался такой шагъ каждому Англичанину и всѣмъ Западнымъ, онъ всѣми почтенъ былъ бы только за невинное, хотя непонятное, чудачество (extravagance) или мономанію, до тѣхъ поръ,

*) Не совсѣмъ ясно, въ чемъ заключались эти особенности не только Русскія, но и Восточныя.

пока прозелитъ не войдетъ въ политически-церковную систему Россіи. Попробуйте представить себѣ ученаго и просвѣщеннаго Римскаго духовнаго или таковаго же Греческаго и Русскаго, который, вслѣдствіе религіознаго убѣжденія, подчинилъ бы себя супремату королевы Викторіи или актовъ Англійскаго парламента! Одна мысль объ этомъ— абсурдъ. Но вполнѣ понятно, если Римлянинъ или Грекъ пристанетъ къ ученію Квакеровъ, Шотландскихъ Кальвинистовъ или Шотландской или Американской Епископальной Церкви наосновавіи религіознаго убѣжденія, хотя бы и ошибочнаго. И еслибы онъ былъ намѣренъ это сдѣлать, то явно невыгодно было бы для его значенія и для успѣшнаго вліянія на другихъ, еслибы онъ обратился къ Англійской епископальной Церкви, которая для всѣхъ, издали на нее смотрящихъ, на столько порабощена государствомъ, что ея вѣра кажется болѣе зависимой отъ гражданскаго правительства, нежели правительство отъ ея религіи. По тѣмъ же основаніямъ для ищущаго единенія съ Восточною Церковью было бы непрактично и для него нежелательно обратиться къ Русской части оной, до тѣхъ поръ, пока многое не измѣнилось бы въ ней противъ настоящаго.

Я думаю, что вы читали или слышали про нѣкоторые преувеличенные и извращенные отчеты о моихъ дѣйствіяхъ въ Константинополѣ и про ихъ послѣдствія, когда вы писали, что Константинопольскій Сѵнодъ почти что отлучилъ Русскую Церковь за принятіе Протестантовъ и Римлянъ безъ перекрещиванія. Въ этомъ слышится вѣроятно эхо отъ очень живо написанной статьи или отъ статей одного моего пріятеля іезуита (Русскаго), которыя онъ написалъ въ журналѣ Univers прежде, чѣмъ я уѣхалъ изъ Аѳинъ и матеріалъ для которыхъ его живая и фантастическая ревность почерпнула изъ письма, мною самимъ ему написаннаго. Я его побранилъ, проѣзжая черезъ Парижъ, за его неточность и сказалъ ему, что въ этомъ дѣлѣ не было и признака такого рвенія и жара, на что́ онъ воскликнулъ, разсмѣшивъ меня: «О, такъ-то обстоитъ дѣло! Тѣмъ хуже для нихъ. Это представляетъ ихъ въ еще худшемъ свѣтѣ. Я въ этомъ смыслѣ напишу другую статью въ Univers!» И дѣйствительно, это и есть наихудшая черта у Грековъ: они болѣе безразличны и лицемѣрны, нежели излишне горячи въ этомъ дѣлѣ. Напримѣръ, эти самые патріархи и епископы не только принимали сами чрезъ лицемѣрное умалчиваніе или изъ разсчета (economy) этихъ «некрещенныхъ», которые приняты сначала чрезъ Русскихъ, но *подчасъ* позволяли себѣ разрѣшать и на Востокѣ туже практику, которой держатся въ Россіи *). Вторая жена теперешняго Русскаго консула

*) Здѣсь Пальмеръ, не замѣчая того, какъ бы самъ умаляетъ важность того разногласія между Русской и Восточной Церквами, которому онъ старается придать такое значеніе.

въ Аѳинахъ (онъ Грекъ) была именно такъ принята, послѣ того какъ архіерей Патрасскій дважды объявлялъ это совершенно невозможнымъ. Эта барыня Француженка Римско-католическаго исповѣданія; ея друзья протестовали противъ перекрещиванія, и мужу ея удалось получить какъ-то (eventualy) спеціальное разрѣшеніе отъ Константинопольскаго патріарха (не теперешняго), которое удовлетворило архіерея Патрасскаго, и онъ ее принялъ чрезъ одно мѵропомазаніе.

Я готовъ согласиться съ вашимъ предположеніемъ и таковымъ же г. Муравьева относительно этого дѣла, что теперешній неправильный обычай самъ собою почти измѣнится на Востокѣ по мѣрѣ того, какъ этимъ вопросомъ болѣе займутся, болѣе узнаютъ самые вѣскіе и ранніе документы, и болѣе проявитъ себя вліяніе Русской Церкви съ цѣлью разъясненія этого вопроса. Но все-таки это до меня не касается, и личныя затрудненія въ улаженіи этого дѣла остаются для меня непреодолимы. Я не раздѣляю вашего мнѣнія, что заявленіе о томъ, что единство церковное не нарушается существующимъ разногласіемъ, было бы возможнымъ разрѣшеніемъ; потому что оно было бы равносильно признанію ненужности для прозелитовъ знать, крещены ли они или нѣтъ, и что они могутъ не придавать этому вопросу значенія и въ такомъ случаѣ говорить съ одинаковымъ правомъ: «О, Господи, я ищу у Тебя благодати возрожденія, мною еще не полученной», или «О, Господи, благодарю Тебя за дарованную мнѣ уже благодать возрожденія и молю Тебя нынѣ о тѣхъ иныхъ дарахъ благодати, которые по милости Твоей присвоены вѣрующимъ». Это, повторяю, было бы самою кощунственною игрою (profane trifling) священными дѣйствіями. Когда мы обращаемся къ Богу, не все равно говорить одно или противуположное. Для меня въ нѣкоторой степени прискорбно, что ни одинъ изъ членовъ Восточной Церкви, съ которыми приходилось мнѣ говорить объ этомъ вопросѣ на Востокѣ или въ Россіи, не казался мнѣ чувствующимъ или понимающимъ, что лицо, имѣющее быть крещеннымъ, имѣетъ нѣкое участіе въ обрядѣ, отличное отъ того, которое могло бы принадлежать новорожденному дитяти или чурбану (a block). Въ этомъ есть какой-то изъянъ.

Я признаю различіе, которое вы дѣлаете между недолжною приниженностью передъ свѣтскимъ вліяніемъ *фактическою* только или также и *принципіальною*, и я далекъ отъ обвиненія въ послѣднемъ Церкви Русской. Крайности или нелѣпости со стороны цензоровъ или другихъ второстепенныхъ агентовъ правительства для меня неважны по своему значенію. Чтó я ставлю въ вину, это—не чрезмѣрную (undue) робость митрополита или патріарха или Сѵнода, но постоянное су-

ществованіе незаконныхъ учрежденій, разсчитанныхъ и введенныхъ свѣтскою властью намѣренно для того, чтобы перенести на себя въ результатѣ, благодаря самой системѣ, значительную часть той власти, которая принадлежитъ по существу своему Апостоламъ. Идея захватить Апостоловъ и ихъ старѣйшинъ и запереть ихъ въ городѣ или домѣ и косвенно управлять Христіанствомъ, допуская его существованіе въ извѣстныхъ границахъ, но наблюдая при этомъ, чтобы Апостолы не получали ни пищи, ни денегъ, ни слугъ, ни разсыльныхъ и не могли бы даже послать письмо иначе какъ чрезъ чиновниковъ, оплачиваемыхъ казною, съ тѣмъ, чтобы быть единовремено слугами и кесаря, и Апостоловъ: это только остроумный, хотя нѣсколько смѣхотворный, варіантъ и обостреніе тираніи болѣе варварскихъ временъ. Каноны Вселенской Церкви требуютъ личнаго примаса (онъ дѣйствительно можетъ быть вспомоществуемъ Сѵнодомъ) въ каждой странѣ (province) и у каждаго народа, и четыре патріарха Восточныхъ имѣли также мало права и власти узаконить Сѵнодъ или «коллегіумъ» Петра, какъ самъ Петръ его учреждать. Затѣмъ епископы имѣютъ естественное право на такую же свободу дѣйствія въ собственныхъ духовныхъ сферахъ, которое каждый хозяинъ (landlord) или свободный гражданинъ имѣетъ въ своей мірской сферѣ; и если свѣтская власть завѣдуетъ ихъ имуществомъ, назначаетъ, оплачиваетъ и смѣщаетъ ихъ слугъ и препятствуетъ имъ дѣлать что́ бы то ни было иначе какъ чрезъ такихъ посредниковъ, и епископы этому подчиняются: то это уже нѣсколько болѣе, чѣмъ только случайная или временная фактическая угодливость. Допущеніе такого механизма въ постоянномъ строѣ Церкви есть *косвенное* допущеніе принципа ниспровергающаго Апостольскую миссію и власть.

Когда вы говорите «Россія просвѣщена для Греціи, а Грецiя для Россіи; пожалуста не отдѣляйте одну отъ другой: вы призваны войдти не въ мѣстную (Русскую), но въ Каѳолическую (или по крайней мѣрѣ въ Восточную Церковь)», я соглашаюсь съ вашей мыслью и доказывалъ, что я готовъ дѣйствовать согласно ей до тѣхъ поръ, пока не нашелъ, что обѣ части Восточной Церкви разъединены по первому предварительному вопросу и при первомъ же шагѣ. И послѣ этого, чѣмъ бы онѣ ни были одна для другой или въ абстрактѣ, *для меня* онѣ должны быть почитаемы за отдѣльныя и разъединенныя, пока не заговорятъ со мною однимъ, а не двумя языками...... Я не чувствую никакого свыше призванія участвовать въ такой шуткѣ.

Я не сознаю въ себѣ никакого разочарованія, досады или раздраженія противъ Шотландской или Англиканской іерархіи, съ которыми я теперь отработалъ и покончилъ свою церковную задачу; не

имѣю ихъ и противъ Греческихъ патріарховъ или Русскаго гражданскаго правительства, съ которыми я до сихъ поръ веду умственный процессъ, нѣсколько напоминающій борьбу Донъ-Кихота противъ вѣтряныхъ мельницъ. Чтó я дѣлаю, — дѣлаю ради собственной совѣсти и на личную отвѣтственность только, безъ всякой надежды на то, что церковная или гражданская горы подвинутся отъ моихъ усилій; но я считаю обязанностью дѣйствовать на первый разъ относительно ихъ такъ, какъ будто бы онѣ могли быть сдвинуты. Когда я открываю или думаю, что открываю, препятствіе на пути къ общенію, предлагаемому мнѣ Русскою или Греческою Церквами, я считаю своею обязанностью по отношенію къ нимъ высказать всецѣло свои возраженія прежде, чѣмъ я измѣню свое отношеніе къ нимъ или приму встрѣченное мною препятствіе какъ знаменіе, ниспосланное для того, чтобы направить мысли мои въ иную сторону. Но я слишкомъ хорошо знаю природу вещей и учрежденій, чтобы почитать страннымъ, что когда человѣкъ, какъ я, ударяетъ головою въ стѣну или гору, стѣна и гора стоятъ недвижимы попрежнему, и только его голова отскакиваетъ назадъ. Насѣкомыя слѣпыя, а нѣкоторыя и зрячія, узнаютъ путь посредствомъ прикосновенія головы или усовъ съ окружающими ихъ предметами; соприкосновеніе или столкновеніе служатъ не для устраненія предмета (чему сила насѣкомыхъ совершенно не соотвѣтствуетъ), а для указанія того, куда путь ихъ не лежитъ и не можетъ лежать; оттолкнутыя такимъ образомъ, они возвращаются или берутъ въ сторону и, наконецъ, находятъ какой-нибудь путь, на которомъ препятствій нѣтъ. Или, если по какой-нибудь особой удачѣ, препятствіе, котораго коснулись усики, уступитъ дорогу (хотя это противно обычному закону), то путь можно продолжать, убѣдившись чрезъ прикосновеніе, что препятствіе было превозмогаемое. Сознаюсь, что относительно Англиканской Церкви, къ которой я былъ изначала и естественно привязанъ столь многими связями, мнѣ не безъ боли и неохотно пришлось постепенно придти къ невыгоднымъ сомнѣніямъ и убѣжденіямъ. Но, сдѣлавъ эту жертву, я уже не чувствую ни боли, ни подавленности при встрѣчѣ съ затрудненіями, лежащими на пути моего присоединенія къ Восточной Церкви предпочтительно предъ Западною; ибо я не имѣю никакой причины желать найти правою мѐньшую часть Христіанства скорѣе, чѣмъ бóльшую часть онаго, Восточную скорѣе, чѣмъ Западную или Константинополь скорѣе, чѣмъ Римъ. Понятно само собою, что до тѣхъ поръ, пока мое личное убѣжденіе и вѣрованіе сходятся въ частностяхъ болѣе съ Восточными, чѣмъ съ Западными, я принуждаюсь своимъ долгомъ передъ истиною и искренностью исповѣдать это, и я не могу въ угоду Риму или для принятія въ его общеніе сказать, что я вѣрю или буду вѣрить во чтó я не вѣрю.

Но я могу сказать и говорю, что я *хотѣлъ* бы соглашаться съ Римомъ болѣе, чѣмъ съ Константинополемъ и что, видя важныя и все возрастающія причины сомнѣваться въ выводахъ моего пониманія, когда они согласуются съ низшимъ авторитетомъ противъ высшаго, я внимательно вслушаюсь во все, что́ высшій авторитетъ можетъ мнѣ сказать и всячески постараюсь убѣдиться, что онъ правъ и что мое личное мышленіе, купно съ низшимъ авторитетомъ, съ которымъ я теперь скорѣе согласенъ, заблуждается.

Я не буду много говорить въ отвѣтъ на ваши заключенія относительно моего доселешняго поведенія по отношенію къ Восточной и въ особенности къ Русской Церкви, потому что они всѣ истекаютъ изъ довольно естественной ошибки, которую я уже отмѣтилъ въ началѣ письма, что я какъ будто бы дѣйствовалъ по общему плану, для цѣлей общественныхъ и въ соглашеніи съ другими; тогда какъ я ничто иное какъ индивидуальный упрямецъ или мономаніякъ, который переходилъ отъ одного къ другому въ стремленіи исполнить личный долгъ по нѣкоему спеціальному обстоятельству.

Когда я былъ впервыя въ Россіи въ 1840—1841 году, я былъ далекъ отъ того, чтобы считать своимъ долгомъ искать принятія въ лоно Русскаго исповѣданія въ качествѣ прозелита; потому что въ это время я еще твердо вѣрилъ, что Англиканская Церковь по существу православна и защитима, и, не имѣя никакого общественнаго порученія, я ничего не могъ дѣлать инаго для единенія, какъ выразить мое личное желаніе общенія, въ чемъ меня поддерживало и мое духовное начальство въ Оксфордѣ. Въ то время я почиталъ, что Греческая и Латинская Церкви должны *имѣть одно понятіе* (must mean) объ исхожденіи; но я не сомнѣвался, что Латинское выраженіе онаго болѣе полное и точное исповѣданіе вѣры. Еслибъ я тогда держался противнаго мнѣнія (какъ я держусь теперь) и не предполагалъ, что между Русской и Восточной Греческой Церквами есть разногласіе по вопросу о законности моего крещенія и считалъ, что быть принятымъ въ Петербургѣ или Константинополѣ однозначуще, я безъ сомнѣнія обратился бы за присоединеніемъ къ любому Русскому священнику, въ приходѣ котораго находился бы. Но впослѣдствіи, когда я, наконецъ, пришелъ къ перемѣнѣ мыслей на счетъ «исхожденія» и совершенно и окончательно потерпѣлъ неудачу въ моей попыткѣ получить отвѣтъ на другіе возбужденные мною вопросы со стороны Шотландскихъ и Англійскихъ епископовъ, я также напалъ на существованіе препятствія къ присоединенію моему къ Восточному исповѣданію, котораго я доселѣ не подозрѣвалъ. Я не имѣлъ никакого отношенія къ тому проекту адреса Русскому Сѵноду, два года тому назадъ, о которомъ вы упоминаете, хотя два главные зачинщики онаго, сдѣлавшіеся съ того времени Рим-

скими Католиками, писали ко мнѣ объ этомъ передъ отъѣздомъ моимъ изъ Англіи въ Аѳины. Я не надѣялся, что это могло бы повести къ какому-либо результату, даже если бы было гораздо болѣе желающихъ участвовать въ немъ, потому что никто изъ этихъ лицъ не согласился бы почитать Восточную Церковь за обладающую атрибутами и правами Вселенской Церкви. Русскій же Сѵнодъ, съ своей стороны, еслибъ и вошелъ съ ними въ сношенія, то, конечно, только на этой, а не другой какой-либо почвѣ. Тѣ, которые намѣревались послать эту докладную записку Русскому Сѵноду, теперь ревностны въ своихъ дружескихъ пожеланіяхъ открыть мнѣ глаза на неразумность тѣхъ признаній, которыя я до сихъ поръ дѣлаю въ пользу Восточной Церкви. Тотъ путь, на который вы указываете, какъ на пригодный для слѣдованія по оному, въ случаѣ, если бы было и убѣжденіе, и достаточное количество лицъ, соединенныхъ въ этомъ убѣжденіи для преслѣдованія онаго, совершенно тождественъ съ тѣмъ, который я самъ рекомендовалъ бы; разница только въ томъ, что разногласіе по поводу крещенія не могло бы быть почитаемо за нѣчто безразличное.

Прибавлю теперь только слово или два о вашей статьѣ. Я въ ней нахожу многое кажущееся мнѣ и вѣрнымъ, и вѣскимъ, и она вся (какъ все чтò вы пишете) полна интереса и новыхъ мыслей (suggestive). Но въ ней есть разсужденія, которыя по моему изложены слишкомъ обще и абсолютно, такъ что этимъ умаляется ихъ вѣскость, и дается оружіе противникамъ. Если, напримѣръ, я говорю, что Церковь Римская есть *государство* и что она политическими трактатами связываетъ разнорѣчивые догматы, это — преувеличеніе несправедливое и легко опровергаемое; все равно какъ было бы сказать, что Русская Церковь допустила въ принципѣ верховенство государства въ церковныхъ вопросахъ. Такое положеніе можно высказать только съ ограниченіями. Такъ опять, если я скажу, что Римская Церковь ставитъ папу на мѣсто Христа, то это чистая клевета; но если я скажу только, что она это дѣлаетъ нѣкоторымъ образомъ въ стремленіяхъ и въ нѣкоей непозволительной степени,—такое обвиненіе можетъ быть вѣрно или возможно. Такъ ваша мысль, что Христіанскій народъ есть хранитель вѣры Церкви въ нѣкоторомъ смыслѣ и степени очень вѣрна; но если она доведена слишкомъ далеко и это сказано безусловно, — то это очень зловредное заблужденіе, такъ какъ іерархи посланы учить всѣ народы съ обѣтованіемъ Христова присутствія въ дѣланіи ими сего до скончанія вѣка. И народы такимъ образомъ обязаны подчиняться ученію соединеннаго Апостольства. Вы должны принять сѣтованіе (the grumbling), которымъ я началъ письмо, не какъ выраженіе неохоты къ небольшому труду, чтобы послужить вамъ напечатаніемъ вашей статьи, но просто какъ слѣдствіе опасенія, что я не буду въ

состоянiи сдѣлать это такъ скоро или такъ удовлетворительно, какъ мнѣ самому хотѣлось бы...

Я очень сочувствую тому, чтó вы говорите о вашихъ собственныхъ чувствахъ. Но время нашего пребыванiя здѣсь коротко, отшествiе же прежде насъ тѣхъ, которыхъ мы любили, когда они отошли въ вѣрѣ и надеждѣ, даетъ намъ такъ много новыхъ крѣпкихъ связей и канатовъ, уже привязанныхъ къ берегу другаго мiра, посредствомъ которыхъ мы можемъ притянуть нашъ собственный корабль къ тому же причалу! Гдѣ сокровище наше, тамъ будетъ и сердце наше. Я лично не придаю большаго значенiя естественнымъ движенiямъ чувствъ самихъ по себѣ; они даны намъ только какъ средства, чтобы содѣйствовать нашимъ усилiямъ и оживлять въ стремленiи къ благодати и благимъ обычаямъ. Но по мѣрѣ какъ жизнь подвигается, я вижу все болѣе и болѣе опасность, истекающую изъ самаго разнообразiя и частости божественныхъ предостереженiй и увѣщанiй, которыя въ насъ встрѣчаютъ только вялость чувствъ. Есть два хорошихъ средства противъ этого: именно изученiе Писанiя и другое—упражненiе въ дѣлахъ любви и милосердiя относительно нашихъ собратiй. Я трепещу при мысли о томъ роскошномъ обилiи въ пищѣ и одеждѣ и о другихъ земныхъ благахъ, которыми я наслаждался всю жизнь и о той ничтожной помощи, которую я оказывалъ другимъ и холодности, которую я въ этихъ дѣлахъ чувствовалъ.

Говоря объ изученiи Евангелiя, хочется спросить васъ: знаютъ ли въ Россiи сочиненiе въ четырехъ томахъ Гресвеля «Согласованiе Евангелiй и разсужденiя объ нихъ»? Если нѣтъ, то его стоитъ прiобрѣсть. Вы пишете: будетъ ли послѣ смерти существовать что-либо изъ тѣхъ отношенiй, которыми мы такъ дорожили здѣсь? Кто же усомнится въ этомъ? Предположенiе, что узнаванiе и память должны исчезнуть въ другомъ мiрѣ, есть только видоизмѣненiе Саддукейства и невѣрiе, совершенно нелѣпое и противное каждому слову Св. Писанiя и столько же чуждое мнѣ, какъ и вамъ.—Примите мою благодарность за вашу любовь и ревность. Я долженъ благодарить васъ по личному чувству, хотя вы имѣете также высшiе мотивы, чѣмъ личная дружба и интересъ, и вѣрьте, что я всегда съ наилучшими пожеланiями, по поводу приближенiя праздника Пасхи, равно какъ и во всякое время, есмь искренно вамъ преданный В. Пальмеръ.

P. S. Если вы увидите кого-либо изъ моихъ Русскихъ знакомыхъ, я попросилъ бы васъ очень поклониться имъ отъ меня, и особенно митрополиту Московскому съ глубочайшимъ къ нему почтенiемъ.

Пока адресъ мой все еще: Оксфордъ, Коллегiя Магдалины.

Въ XI-мъ выпускѣ «Русскаго Архива» 1894 года было напечатано одно письмо В. Пальмера къ А. С. Хомякову по вопросу о соединеніи Церквей, переведенное изъ книжки духовныхъ стихотвореній этого Англійскаго ученаго богослова. Отношенія Хомякова къ Пальмеру не ограничивались перепискою, но вѣроятно многое было переговорено между ними при личномъ свиданіи въ Оксфордѣ въ 1847 году. Въ этомъ году Хомяковъ ѣздилъ на лѣто за границу для здоровья жены своей и воспользовался случаемъ, чтобъ побывать въ Англіи, къ которой питалъ во многихъ отношеніяхъ горячія симпатіи (ср. письмо его объ Англіи въ I-мъ томѣ его Сочиненій). Его манила въ Англію и возможность познакомиться съ представителями того религіознаго движенія, которое съ половины 30 годовъ зародилось именно въ Оксфордѣ и къ которому до извѣстной степени принадлежалъ Пальмеръ [1]. Къ сожалѣнію, подробности о пребываніи Хомякова въ Оксфордѣ намъ неизвѣстны, такъ какъ изъ писемъ супруги его, Е. М. Хомяковой, къ ея свекрови за время путешествія сохранились только тѣ, которыя относятся до пребыванія въ Германіи. (Можетъ быть, впрочемъ, и эти письма, считающіяся утраченными, когда нибудь найдутся, подобно тому какъ нашлись печатаемыя здѣсь письма Пальмера къ А. С. Хомякову, до сихъ поръ почитавшіяся пропавшими).

Всѣхъ писемъ А. С. Хомякова къ Пальмеру имѣется нынѣ двѣнадцать. Десять изъ нихъ изданы во 2-мъ томѣ его Сочиненій, а два письма, не вошедшія въ это изданіе, напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1892 года. Изъ этихъ двѣнадцати писемъ Хомякова шесть имѣютъ характеръ отвѣтовъ на такое же количество писемъ Пальмера [2]. Слѣдовательно нѣсколькихъ писемъ Пальмера явно не достаетъ. Очень можетъ быть, что былъ отвѣтъ Пальмера на письмо десятое, при которомъ Хомяковъ препроводилъ къ Пальмеру свою Французскую статью по Восточному вопросу, напечатанную въ I-мъ томѣ его Сочиненій, съ просьбой напечатать ее въ какой нибудь заграничной газетѣ; а равно также возможно, что письмо VI-е было вызвано сообщеніемъ Пальмера о подробностяхъ дѣла Горгама и о назначеніи папою Католическихъ епископовъ въ Англіи [3]. Оба собы-

---

[1] Однофамилецъ и тёска этого Пальмера, нынѣ еще здравствующій сёръ Вилліамъ Пальмеръ принималъ непосредственное участіе въ такъ называемомъ Трактаріанизмѣ; его сочиненіе Origines Liturgicae дало сильный толчокъ оживленію интереса къ преданіямъ, связывающимъ Англиканскую Церковь со Вселенской; но его не слѣдуетъ смѣшивать съ В. Пальмеромъ, діакономъ и членомъ Коллегіи Св. Магдалины, перешедшимъ въ Р. Католичество въ 1855 г. и умершимъ въ 1879 г. Сёръ В. Пальмеръ остался въ лонѣ Англиканской Церкви и издалъ въ прошедшемъ году книжку съ изложеніемъ исторіи всего движенія, закончившагося такъ называемымъ пюзеизмомъ.

[2] Письмо VIII-е во 2-мъ томѣ Соч. Хом. и первое изъ двухъ напечатаныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ относятся къ одному и тому же письму Пальмера отъ 5 Іюня 1852 года.

[3] Дѣло Горгама заключалось въ томъ, что Тайный Совѣтъ Королевы принудилъ Экстерскаго епископа Фильпотса назначить приходскимъ священникомъ Горгама, который

тія были такъ важны въ церковной жизни Англіи того времени, что Пальмеръ вѣроятно не преминулъ поговорить о томъ съ Хомяковымъ.

Настоящихъ писемъ Пальмера впрочемъ вполнѣ достаточно для того, чтобы интересующіеся полемикой между представителями Восточнаго и Западнаго Христіанства могли уяснить себѣ коренное различіе въ воззрѣніяхъ тѣхъ и другихъ, дѣлающее взаимное пониманіе столь труднымъ, что при кажущейся близости переписывающихся въ догматическомъ отношеніи дѣйствительное разстояніе нисколько не умаляется, не смотря на искреннее желаніе сближенія. Самый существенный вопросъ догматическій о «filioque» Пальмеръ разрѣшилъ въ благопріятномъ для Православія смыслѣ. Онъ самъ нерѣдко повторяетъ, что во многомъ стоитъ гораздо ближе къ ученію Восточному, чѣмъ къ Западному и однако все таки присоединяется къ Риму (въ 1855 году) только потому, что онъ будто бы не могъ усмотрѣть Каѳоличности въ Восточной Церкви, не могущей разрѣшить въ одномъ какомъ либо смыслѣ вопроса о порядкѣ возсоединенія съ нею членовъ другихъ Христіанскихъ Церквей и тѣмъ свидѣтельствующей объ отсутствіи единства въ ней самой. Конечно съ его стороны это не былъ измышленный предлогъ (таковой для него вовсе и не былъ нуженъ); но въ мотивѣ его окончательнаго рѣшенія только болѣе ясно, на дѣлѣ, проявился тотъ формализмъ пониманія, который былъ ему свойственъ какъ представителю умственнаго, культурнаго и религіознаго формализма, составляющаго исходную причину самаго раздѣленія Церквей. Въ своемъ III-мъ письмѣ Хомяковъ самъ указалъ Пальмеру на основную причину, удаляющую Западнаго человѣка отъ Восточнаго пониманія христіанскихъ истинъ, и конечно вся дальнѣйшая переписка его съ Пальмеромъ подтверждаетъ вѣрность его взгляда. «Переходъ въ Православіе представляется (для Западнаго человѣка) отреченіемъ отъ всего прошедшаго, отъ всей прежней вѣры, науки и жизни. Перейти въ Православіе — это значитъ ринуться въ чуждый,

---

былъ признанъ какъ епископомъ, такъ и высшимъ церковнымъ судомъ (Court of Arches) состоящимъ при Кентербюрійскомъ архіепископѣ за неправомыслящаго о таинствѣ крещенія вообще и въ частности о крещеніи младенцевъ. Дѣло это тянулось два года, съ 1848 по 1850 г. Оно послужило поводомъ для окончательнаго распаденія Оксфордской школы Трактаріанства на двѣ половины: одну оставшуюся вѣрною Англиканской Церкви и внесшую въ нее начала возрожденія въ духѣ Каѳолическомъ, столь усилившемся въ послѣднее время, а другую всецѣло перешедшую въ Римскій Католицизмъ по стопамъ Ньюмана, принявшаго Латинство еще въ 1845 г. Послѣ рѣшенія дѣла Горгама перешли въ Римское исповѣданіе двое: столбъ Трактаріанства Маннингъ, впослѣдствіи кардиналъ и архіепископъ Вестминстерскій, и Р. Вельберфорсъ, братъ знаменитаго Самуила Вильберфорса, еп. Оксфордскаго, о которомъ упоминалъ Хомяковъ т. I, стр. 122, и кромѣ нихъ многіе другіе. Съ назначеніемъ Римско-Католическихъ епископовъ 24 Сентября (н. с.) 1850 г. буллою „Ad perpetuam rei memoriam“ Пій IX-й образовалъ изъ Англіи Церковную провинцію Римской Церкви и учредилъ въ ней двѣнадцать епископствъ и одного архіепископа съ титуломъ Вестминстерскаго.

неизвѣстный міръ. Это шагъ рѣшительный; трудно совершить его, трудно даже присовѣтовать»...

Письма Пальмера, здѣсь напечатанныя, въ связи съ его письмами къ графу А. П. Толстому, изданными въ «Русскомъ Архивѣ» 1894, гдѣ изложены обстоятельства и условія возсоединенія его съ Римомъ, ясно убѣждаютъ въ томъ, что Латинская культура, лежащая въ основѣ Западнаго просвѣщенія, есть дѣйствительно непреодолимая преграда для сближенія съ истинною Церковью и что человѣку не отрѣшившемуся отъ ея основныхъ положеній (а таковъ былъ Пальмеръ) нельзя даже и совѣтовать переходить въ Православіе. Конечно, самъ Хомяковъ очень горячо разсчитывалъ на то, что въ Пальмерѣ истинное пониманіе вселенскости возметъ верхъ надъ узкимъ Латинскимъ представленіемъ о Церкви; но надежды свои въ этомъ частномъ случаѣ онъ возлагалъ болѣе на таившіяся, по его понятіямъ, слѣды Восточнаго Христіанства въ основѣ Англійской жизни, чѣмъ на одну искреннюю жажду истины, которой самъ Пальмеръ былъ несомнѣнно охваченъ; и для него, какъ ни былъ тяжелъ окончательный шагъ Пальмера по пути къ Риму, онъ не былъ неожиданъ, и потому вполнѣ понятенъ. Для Церкви Православной личное присоединеніе такого члена, какъ Пальмеръ, было бы несомнѣннымъ пріобрѣтеніемъ *); но если допустить, что полнаго проникновенія его православными понятіями, не смотря на догматическое единеніе, не было, то пожалуй придется сказать, что нельзя слишкомъ и скорбѣть о томъ, что переписка Пальмера съ Хомяковымъ не увѣнчалась успѣхомъ. Православная Церковь никогда не держалась ученія Римскаго о безусловномъ осужденіи всѣхъ не принадлежащихъ къ видимой Церкви, благодаря которому каждый искренній РимскоКатоликъ такъ настоятельно заботится о формальномъ присоединеніи иновѣрцевъ въ Латинство. Этимъ объясняется та ревность даже простыхъ Католиковъ и Католичекъ къ прозелитизму, которую выставляетъ Пальмеръ какъ качество въ одномъ изъ своихъ писемъ. Хотя и Латинство, и Православіе одинаково учатъ, что внѣ Церкви нѣтъ спасенія, тѣмъ не менѣе различіе въ понятіяхъ о томъ, гдѣ окончательныя границы Церкви, производитъ то, что для Католика это ученіе отождествляется съ ученіемъ объ осужденіи всѣхъ не принадлежащихъ къ видимому стаду Римскаго пастыря, тогда какъ слова ап. Павла въ посланіи къ Римлянамъ (глава 2-я, ст. 14—16) служатъ, какъ замѣтилъ Хомяковъ, крайнимъ

---

*) Ньюманъ такъ характеризуетъ Пальмера: „Пальмера не легко было разгадать. Ни одинъ случайный или простой знакомый не могъ бы и подозрѣвать, какія тёплыя чувства, какой энергическій энтузіазмъ скрывался подъ строгой, безстрастной и почти чопорной внѣшностью... Но, какое бы впечатлѣніе онъ ни производилъ на людей случайно его встрѣчавшихъ, кто часто съ нимъ видѣлся, не могъ остаться безчувственнымъ къ его многоразличнымъ чарующимъ качествамъ, къ его простотѣ, самоотверженности, уживчивости, къ его мягкости и терпѣнію, къ его необыкновенной кротости, ревности въ исканіи истины, къ его честности, къ его спокойствію и благодушію въ страданіяхъ, въ затрудненіяхъ и разочарованіяхъ". Ср. предисловіе къ книгѣ Notes of a Visit to the Russian Church, XVI стр.

предѣломъ широтѣ церковнаго воззрѣнія на ученіе объ оправданіи или осужденіи [1]). Намъ думается, что лично для Пальмера избранный имъ путь былъ наилучшій. Его понятія о Церкви и его общее міровоззрѣніе всегда ставили бы его почти одинокимъ въ средѣ Православныхъ [2]) и, онъ оказался бы неудовлетворенъ въ своихъ религіозныхъ потребностяхъ, тогда какъ въ Римѣ онъ нашелъ то, чтó Западный христіанинъ, ищущій положительной вѣры, несомнѣнно находитъ, пока онъ не проникнется убѣжденіемъ во лжи того просвѣщенія, которое исказило собою весь строй Западнаго христіанства. Желаемое для Церкви единеніе Востока съ Западомъ возстановится едва ли путемъ частныхъ присоединеній, какъ бы ни были желательны таковыя. «Самъ Римъ долженъ прежде пасть передъ словомъ Истины» (Соч. Хом. ч. I, стр. 537), и тогда черезъ него произойдетъ искомое столько вѣковъ единеніе, подобно какъ чрезъ него совершилось и отпаденіе отъ истиннаго Православія.

Изъ имѣющихся у насъ данныхъ довольно трудно опредѣлить, въ какомъ отношеніи находился Пальмеръ къ кореннымъ Трактаріанцамъ, между которыми онъ во всякомъ случаѣ былъ представитель молодаго поколѣнія. Въ біографіи Пюзея [3]), перечисляющей малѣйшія подробности исторіи Оксфордскаго возрожденія Англиканства, онъ упоминается только однажды и то по обстоятельству не важному. Кажется, что его направленіе съ самаго начала было нѣсколько отлично отъ таковаго же у Ньюмана, Пюзея и ихъ друзей. Всѣ вышеупомянутыя лица, видимо, искали своихъ церковныхъ основъ и идеаловъ только въ Западной Церкви (хотя очень усердно занимались и изученіемъ Отцовъ Восточной Церкви, какъ это видно изъ того, что они перевели на Англійскій языкъ большинство твореній Греческихъ отцовъ въ капитальномъ своемъ Library of the Fathers, начатомъ въ 1838 году и продолжавшимся до 1885). Въ этомъ отношеніи Пальмеръ съ самаго начала пошелъ по пути иному, и съ 1840 года, когда ему было всего только 29 лѣтъ, онъ уже обратилъ свои взоры на Востокъ и началъ искать открыто признанія Англиканской Церкви правовѣрною отъ Русскаго Св. Сѵнода, тогда какъ почти въ тоже время Ньюманъ и Фраудъ (Froude) уже переговаривались въ Римѣ съ Вайзманомъ объ условіяхъ возсоединенія съ Католической Церковью [4]). Для личнаго ознакомленія съ Православной Церковью предпринялъ Пальмеръ поѣздку въ Россію въ 1840—1841 г.г., подробности коей изложены въ «Р. Архивѣ» 1894 г.

[1]) Ср. 2-й томъ Соч., стр. 196 и слѣд. Берл. изд.

[2]) Митрополитъ Іосифъ (Сѣмашко), въ письмѣ къ митрополиту Филарету жалуется на свое одиночество, на то, что его чуждаются тѣ, въ комъ онъ ищетъ близости и поддержки. Онъ объясняетъ это своимъ воспитаніемъ и воззрѣніями (Записки II, 551). Различіе воззрѣній, какъ результатъ Латинскаго воспитанія, сквозитъ во всѣхъ Запискахъ этого замѣчательнаго человѣка; а въ догматической правовѣрности и въ привязанности его къ Русскому народу и государству не можетъ быть сомнѣнія.

[3]) Pusey by D-r Liddon.

[4]) Ср. В. Пальмеръ Narrative of Events etc., стр. 46.

на основаніи его подлинныхъ Записокъ, изданныхъ кард. Ньюманомъ, уже по кончинѣ Пальмера, послѣдовавшей въ 1879 году. Тутъ подтверждается категорическое заявленіе Пальмера, высказанное имъ въ письмѣ къ Хомякову, что онъ дѣйствуетъ лично отъ себя, а не отъ лица какого-то общества, подъ которымъ онъ явно понималъ общество Оксфордскихъ Трактаріанцевъ. Хомяковъ, склоненъ былъ почитать его представителемъ этого общества, даже послѣ того какъ побывалъ въ Англіи въ 1847 году и вѣроятно лично познакомился съ нѣкоторыми Оксфордскими богословами. Дѣйствительно, до 1848—1849 годовъ Пальмеръ не отдѣлялся рѣзко отъ Пюзея и его сторонниковъ и вмѣстѣ съ ними стоялъ на почвѣ признанія за Англиканской Церковью Каѳолическаго значенія, каковаго онъ желалъ добыть для нея отъ Восточной Церкви. Но когда послѣ дѣла Горгама (о которомъ упомянуто выше) часть Трактаріанцевъ перешла въ Латинство, самъ Пальмеръ началъ явно искать единенія съ Восточной Церковью и въ этомъ новомъ направленіи оказался одинокимъ, тогда какъ Хомяковъ все еще продолжалъ думать или по крайней мѣрѣ надѣяться, что онъ имѣетъ за собою сочувствіе или почти уполномочіе цѣлаго кружка. Это видно изъ содержанія его VIII-го письма, которое дало Пальмеру возможность откровенно объяснить свое уже начинавшееся уклоненіе отъ Восточной Церкви и таковое же стремленіе къ соединенію съ Римомъ, окончательно совершившееся въ 1855 году. Въ письмѣ къ Пальмеру Хомяковъ пишетъ: «Вы уже конечно давно почувствовали, также какъ и многіе изъ насъ, что различіе между Церковью и всѣми Западными общинами, какъ Римской, такъ и тѣми, которыя возникли изъ Рима и облеклись въ форму Протестантства, лежитъ не столько въ различіи отдѣльныхъ догматовъ или частей символа вѣры, сколько въ чемъ-то такомъ, что̀ еще не было ясно опредѣлено и выражено. Вся разница состоитъ въ различномъ пониманіи или опредѣленіи самой сущности Церкви». Письма Пальмера къ Хомякову служатъ явнымъ подтвержденіемъ истины этого взгляда на взаимныя отношенія Восточнаго и Западнаго Христіанства, и конечно не догматическія недоразумѣнія помѣшали Пальмеру перейти въ Православіе. На оборотъ, онъ принесъ въ жертву свои догматическія убѣжденія тому, что̀ онъ вмѣстѣ со всѣмъ ортодоксальнымъ Западомъ почиталъ выше ихъ—идеѣ Вселенской Церкви, осуществленіе которой онъ находилъ лишь въ той Церкви, которая выработалась въ Римѣ подъ вліяніемъ понятій свойственныхъ Западно-Латинской культурѣ. Глубокая и искренняя любовь Пальмера къ Востоку и его догматическимъ и богослужебнымъ особенностямъ, при условіи невозможности отрѣшиться отъ Латинской закваски, окрашиваетъ его письма какимъ-то трагическимъ характеромъ и даетъ имъ большую цѣну, какъ выраженію почти осязаемому того средостѣнія между Востокомъ и Западомъ, сокрушить которое по человѣческому предвидѣнію едва ли скоро, если даже когда либо, окажется возможнымъ. Въ первомъ письмѣ къ Пальмеру Хомяковъ именно такъ смотрѣлъ на вопросъ и на возможность соединенія Церквей, за что̀ получилъ очень строгій упрекъ отъ Пальмера, усмотрѣвшаго въ немъ недостатокъ вѣры и христіанской любви.

Но если въ теченіе сношеній съ Пальмеромъ были минуты, когда Хомяковъ могъ увлекаться надеждой на начинающійся какъ будто бы поворотъ въ дѣлѣ сближенія съ Западомъ, то конечно результатъ всѣхъ и личныхъ, и письменныхъ объясненій между нимъ и Пальмеромъ только еще болѣе могъ убѣдить его и всѣхъ, которые ознакомятся съ этой перепискою, въ основательности взгляда, котораго въ сущности Хомяковъ держался постоянно, хотя и предавался минутнымъ иллюзіямъ въ противоположномъ смыслѣ.

Въ краткомъ предисловіи къ письму Пальмера, напечатанному въ № XI-мъ 1894 г. «Русскаго Архива» вкралась ошибка, которую необходимо исправить: въ немъ было сказано, что найдено рукописныхъ три письма Пальмера, тогда какъ ихъ найдено четыре. Въ этомъ же предисловіи было сказано, что для оцѣнки писемъ необходимо знать условія Церковной жизни Англіи, побудившія Пальмера искать единенія съ Православіемъ. Дѣйствительно трудно понять многое въ этихъ письмахъ, если читатель не будетъ имѣть въ виду, что въ воззрѣніяхъ Пальмера по очередно наступаютъ различные фазисы, изъ которыхъ первый, начавшійся съ путешествія его въ Россіи въ 1840—1841 годахъ, выражался въ исканіи признанія со стороны Православной Церкви ортодоксальности и апостольскаго характера Церкви Англиканской. Требованіе, предъявленное Пальмеру въ Россіи, понудило его обратить вниманіе на необходимость для самой Англиканской Церкви точнѣе выразить свое собственное ученіе въ догматѣ и въ дисциплинѣ; для достиженія этой цѣли, онъ обращается къ Шотландской вѣтви Англиканской церкви, какъ болѣе независимой, но, потерпѣвъ неудачу и убѣдившись послѣ 1848—1849 г.г., что Англиканская церковь не можетъ въ своемъ настоящемъ видѣ быть признанной за равноправную вѣтвь Католической церкви, онъ начинаетъ искать присоединенія личнаго съ Православною Церковью Востока (почитая неудобнымъ по причинамъ, которыя онъ подробно изложилъ въ письмѣ 1852 года, искать общенія съ Русской вѣтвью Православія); это его второй фазисъ, кончившій тѣмъ, что, встрѣтивъ непреклонное требованіе Грековъ перекрещиванія, онъ перестаетъ искать принятіе Православія и, принеся въ жертву идеи вселенскости, осуществленной будто бы Римомъ, догматическую ортодоксальность, которую дотолѣ усматривалъ въ Восточной Церкви, окончательно переходитъ въ Римскую вѣру въ 1855 году. Первоначальная же мысль Пальмера, направившая его въ Россію, была слѣдствіемъ того движенія въ средѣ Англиканской церкви, которое обыкновенно принято называть по имени д-ра Пюзея, хотя начало таковому было дано другими, въ 1833 году. Движеніе это началось подъ вліяніемъ враждебныхъ Англиканской Церкви дѣйствій правительства лорда Росселя (подстрекаемаго будто бы изъ Рима), оживленіемъ дремавшаго, но никогда не угасавшаго въ Англиканствѣ духа истинной церковности, вовсе не отвергнутаго реформой Генриха VIII, никогда не имѣвшаго въ виду разорвать съ прошедшимъ, съ церковнымъ, апостолическимъ преданіемъ, а только стремившагося сбросить съ Англіи иго папства, какъ учрежденія не божественнаго, не въ мѣру тягостнаго для народа и государства.

Общее протестантское движеніе въ Европѣ въ XVI в. не оставило безъ нѣкоего вреднаго вліянія и той ортодоксальной реформы, которую проводило въ Англіи государство. Благодаря этому, Англиканская Церковь стала все болѣе и болѣе окрашиваться на практикѣ чисто-протестантскимъ духомъ, не отставая въ теоріи однако отъ своихъ какъ будто бы и ортодоксальныхъ основъ. Съ теченіемъ времени въ ней сталъ все болѣе и болѣе усиливаться общій XVIII вѣку религіозный индифферентизмъ въ видѣ такъ называемаго латитудинаризма. Къ концу XVIII вѣка картина церковной жизни Англіи стала очень не назидательна. Духовное возрожденіе Англійскаго клира связано въ концѣ прошлаго столѣтія съ Весленствомъ и своей христіанской ревностью пробудило въ Церкви и въ обществѣ совсѣмъ было заглохшую духовную жизнь. Въ тридцатыхъ же годахъ истекшаго столѣтія, тоже въ Оксфордѣ, началось возрожденіе совершенно забытой православности въ ученіи и церковности въ дисциплинѣ, которая заставила его выразителей обратить особое вниманіе на тѣ Церкви, которыя считаются вполнѣ традиціонными и, конечно, прежде всего на Римскую. Многія вполнѣ православныя ученія, сохранившіяся въ XXXIX членахъ и въ служебникѣ Англиканской церкви (Book of Common Prayer), были преданы забвенію и, наконецъ, даже въ обиходѣ церковномъ отрицались. Къ числу ихъ относятся, напримѣръ, устная исповѣдь, молитвы за усопшихъ и т. д. Оксфордскіе вожаки движенія, конечно, всѣми мѣрами стали заботиться о возвращеніи Церкви къ ея основному ученію и стараться оживить въ ней память о забытыхъ, но не отвергнутыхъ ею преданіяхъ. В. Пальмеръ, побывавъ въ 1840—1841 г.г.. въ Россіи и потомъ вторично въ 1843 году и, познакомившись съ Русскимъ языкомъ и литературой, напалъ на стихотвореніе Хомякова «Къ дѣтямъ», которое очень ему понравилось, потому что въ немъ въ изящной формѣ проведена мысль о молитвенномъ общеніи съ умершими. Обладая большимъ мастерствомъ стиха, онъ перевелъ это стихотвореніе по-англійски *) и, напечатавъ его въ журналѣ, доставилъ оттиски Хомякову чрезъ посредство проф. Рѣдкина. Отвѣтъ Хомякова, въ которомъ онъ благодарилъ Пальмера за оказанную ему честь и выражалъ особое удовольствіе, что эти стихотворенія по содержанію своему заслужили вниманіе представителей Англиканской Церкви, и былъ началомъ той переписки, которая теперь, благодаря тому что большая часть Пальмеровскихъ отвѣтовъ найдена, можетъ вполнѣ быть оцѣнена по достоинству.

*) Впослѣдствіи онъ прекрасно перевелъ на Англійскій языкъ два другія стихотворенія Хомякова „Англія" и „Россія".

ПИСЬМА ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ.

(Изъ собранія автографовъ, принадлежащаго Великому Князю Сергію Александровичу).

I. Къ Нижегородскому губернатору А. А. Ступишину.

1.

«Господинъ Нижегородской губернаторъ. Вчерашнее число получила я вашъ пакетъ отъ ч. 6 Іюля, изъ котораго усмотрѣла я разныя злодѣйскія похожденія въ вашей губерніи и что они перемѣнили намѣреніе посѣтить васъ въ самомъ Нижнемъ. Строгость, которую вы нашлись принужденнымъ производить, я въ нынѣшнемъ несчастномъ случаѣ опорочить никакъ не могу. Надѣюсь, что вы съ умѣренностію или гдѣ нужно какъ по крайней нуждѣ къ таковымъ строгостямъ приступите. Показанія злодѣйскаго мнимаго полковника Аристова немалой суть важности; но надѣюсь на благости Всемогущаго, что удача злодѣя ни въ чемъ не будетъ. Обнадежьте всѣхъ вѣрно и ревностно должность свою исполняющихъ милостію моей и представьте по имянамъ тѣхъ, кои отличаются, дабы награжденіе получить могли. Впрочемъ, бывъ весьма довольна собственнымъ вашимъ поведеніемъ, остаюсь къ вамъ доброжелательна. Екатерина.

Августа 4 ч. 1774.
Изъ С.-Петербурга".

Вчерашнее число въ здѣшнемъ городѣ Богу принесено благодареніе за дарованіе намъ преславнаго мира съ Портою Отоманскою.

Сложено было пакетомъ, на которомъ своеручная же надпись: „Алексѣю Алексѣевичу Ступишину въ Нижнемъ Новогородѣ". Черезъ пять лѣтъ А. А. Ступишина видимъ уже Нижегородскимъ генералъ-губернаторомъ (1779—1782), затѣмъ Владимирскимъ. Въ 1767 году онъ былъ членомъ въ Комиссіи объ Уложеніи. П. Б.

2.

Къ нему же.

Алексѣй Алексѣевичъ. По поданному намъ прошенію дворцоваго вѣдомства отъ стряпчаго Замотипа съ жалобою въ обидахъ, якобы отъ васъ ему показанныхъ, мы желаемъ имѣть ваше объясненіе, для чего и прилагаемъ при семъ копію его прошенія, пребывая впрочемъ вамъ благосклонны. «Екатерина».

Въ С.-Петербургѣ,
Ноября 6-го 1780.

3.

Къ правителю Пензенскаго намѣстничества Ивану Алексѣевичу Ступишину.

Господинъ генералъ-поручикъ и правитель Пензенской губерніи Ступишинъ. Имѣя извѣстіе, что въ Пензенской губерніи настоятъ выгодныя цѣны хлѣбу, соизволяемъ, чтобъ вы, по сношенію съ генералъ-провіянтмейстеромъ Новосильцовымъ и по мѣрѣ доставляемой отъ него вамъ суммы, старалися искупить потребное онаго количество для здѣшняго запаснаго магазеина, производя таковую покупку хлѣба и доставленіе его сюда съ наилучшимъ хозяйственнымъ распоряженіемъ и преподавая вообще требованіямъ помянутаго генералъ-провіантмейстера по сему предмету удовлетвореніе и всякое пособіе. Пребываемъ вамъ доброжелательны. «Екатерина».

Въ С.-Петербургѣ,
Ноября 6 дня 1793 года.

4.

Къ нему же.

Господинъ генералъ-поручикъ и Пензенскій губернаторъ Ступишинъ. Для наполненія здѣшнихъ запасныхъ провіянтскихъ магазеиновъ, повелѣваемъ, по сношенію управляющаго оными генерала-провіянтмейстера Новосильцова, и по мѣрѣ доставляемой вамъ отъ него суммы, стараться искупить во ввѣренной вамъ Пензенской губерніи потребное количество хлѣба, съ наблюденіемъ какъ при покупкѣ, такъ и при доставленіи онаго сюда, всевозможнаго хозяйства и казенной пользы, да и въ прочемъ какія по сему предмету будутъ къ вамъ отъ помянутаго генерала-провіянтмейстера требованія, вы имъ удовлетворять и всякое ему въ заготовленіи хлѣба пособіе подавать не оставьте. Пребываемъ вамъ благосклонны. «Екатерина».

Оба эти письма суть памятники заботливости Великой Государыни о дешевизнѣ хлѣба, которымъ обезпечивалось благосостояніе столичнаго народонаселенія. П. Б.

Въ С.-Петербургѣ,
Ноября 7-го 1794 года.

5.

Къ графу В. П. Мусину-Пушкину.

«Графъ Валентинъ Платонычъ *). Есть ли судить по морскому дѣлу о сухопутномъ, то великое вѣроятье есть, что вы имѣете дѣло съ весьма вѣтренными людьми. Вице-адмиралъ Шведской рѣдкой вертопрахъ. Я его послала на житье къ Москвѣ. Въ сей древней столицѣ, услыша, что здѣшней городъ добровольно подпискою собралъ до 700 рекрутъ, начали подписку, и тамъ графъ Шереметьевъ подписалъ одинъ 500, графъ Панинъ со сто душъ по одному, графы Орловы съ 25 душъ по одному. Болѣе того еще неизвѣстно; только по тому судить, много соберутъ изъ единова усердія къ общему дѣлу. Татищевъ довелъ три баталіоны гвардіи и три эскадроны до Краснаго Села. Теперь отъ васъ зависитъ ихъ обратить куда полезны быть могутъ. Я писала къ великому князю, чтобъ онъ Татищеву послалъ на встрѣчу кавалерію Святый Анны.

Отовсюду приходятъ извѣстія, что поступки короля Шведскаго не токмо порочатъ, но признаваютъ ихъ за сумашедшими. Старайтеся узнать отъ Шведскихъ плѣнныхъ, гдѣ король и не знаютъ ли, убитъ, раненъ или здоровъ ли герцогъ Сюдерманландской. Подозрѣваютъ, что едва не струхнулъ ли. Его корабль первой Шведскую линію-баталію разорвалъ. Прощайте. Богъ съ вами. Желаю всякое благополучіе и пребываю къ вамъ доброжелательна. Екатерина.

С.-Петербургъ,
Іюля 16 ч. 1788 г.»

Письмо сіе, собственноручное императрицы Екатерины, найдено въ бумагахъ покойнаго оберъ-шенка графа Мусина-Пушкина-Брюса. Принадлежитъ его отцу фельдмаршалу графу Мусину-Пушкину. Въ знакъ дружбы, какъ драгоцѣнной памятникъ, подарено Ахилессу Метрелену отъ генералъ-маіора князя Ивана Алексѣевича Гагарина. 2 Генваря 1840. С.-Петербургъ.

*

Приносимъ почтительную благодарность Его Императорскому Высочеству за сообщеніе въ „Русскій Архивъ" писемъ Его державной Праматери. П. Б.

*) Главнокомандующій войсками въ войну съ Швеціею. П. Б.

МОСКОВСКІЙ ПРИКАЗЪ XVII ВѢКА НА МОСКОВСКОЙ ВЫСТАВКѢ ИСТОРИЧЕСКИХЪ КАРТИНЪ XIX ВѢКА *).

На долю Русской исторіи на этой выставкѣ приходилось 15 картинъ, т. е. около третьей части всего выставленнаго. Картины, посвященныя Русской исторіи, захватывали обширный кругъ времени, начиная отъ эпохи былиннаго эпоса (*Алеша Поповичъ* Карелина) и до XVIII в. (*Петръ I у маркизы Ментенонъ* Горскаго). Однѣ изъ нихъ, какъ *Крещеніе князя Владиміра въ Херсонесѣ* Бронникова, *Княгиня Евпраксія* Матвѣева, *Встрѣча Псковичами невѣсты Іоанна III Софіи Ѳоминичны Палеологъ* Бронникова же, *Іоаннъ Грозный и юродивый Никола Салосъ* Геллера, *Опричники въ домѣ Земскаго* Новоскольцева, *Кудеяръ* Горскаго, *Лжедимитрій I* Карелина, задавались цѣлью изобразить тотъ или иной историческій случай, ту или другую историческую личность. Другія картины написаны съ цѣлью возстановить старинный Русскій бытъ, сосредоточиваясь исключительно на XVI—XVII вѣкахъ.

Эти вѣка, надо замѣтить, манятъ къ себѣ одинаково художниковъ, писателей-беллетристовъ и историковъ. Послѣднее можно объяснить, вопервыхъ, бóльшимъ обиліемъ источниковъ для изученія сравнительно съ предшествующими вѣками; вовторыхъ оригинальностью и самобытностью всего строя, сравнительно съ послѣдующими подражательными вѣками западнаго вліянія. Для того же, чтобы понять особенное влеченіе художниковъ къ этой старинѣ, достаточно указать на живописное богатство и разнообразіе одеждъ того времени, носившихъ на себѣ отпечатокъ восточнаго блеска и роскоши. Теремной бытъ преимущественно женскихъ половинъ хорошо представленъ и на настоящей выставкѣ картинами Кошелева *Божій человѣкъ* и Карелина

---

*) Первая выставка картинъ историческаго содержанія въ Москвѣ, бывшая въ Мартѣ нынѣшняго года, заслуживала бы, кажется, бóльшаго вниманія со стороны печати, чѣмъ бѣглые обзоры въ газетныхъ фельетонахъ и статьяхъ. Вотъ почему я рѣшаюсь представить свои, нѣсколько запоздалыя, замѣчанія по поводу реставраціи одного изъ уголковъ судебно-административнаго міра XVII вѣка.

Забава и *Заморскій шутъ*. Этотъ мірокъ уже достаточно изученъ, и художники чувствуютъ себя тамъ болѣе или менѣе свободно. Но на этотъ разъ они не ограничились теремными сценами. Такъ одна картина выводитъ насъ изъ тѣсныхъ домашнихъ покоевъ на открытую улицу (*Московская улица до Петра Великаго въ праздничный день* Рябушкина); другія двѣ ведутъ на такія вершины государственнаго управленія, какъ Московскіе Приказы (*Царевъ Приказъ* Карелина) и даже Боярская Дума (*Сидѣнье царя Михаила Θеодоровича въ его государевой комнатѣ* Рябушкина). Къ этимъ послѣднимъ картинамъ на выставкѣ собиралось значительное число посѣтителей. Очевидно онѣ привлекали къ себѣ общее вниманіе новизною и важностью предмета, не говоря о выполненіи. На одной изъ нихъ я намѣренъ остановиться внимательнѣе. Такой выборъ предметовъ свидѣтельствуетъ о дѣльномъ направленіи художниковъ. Но разработка важныхъ темъ естественно связана съ значительною отвѣтственностью.

Прежде всего, художникъ долженъ составить себѣ ясное, отчетливое представленіе о предметѣ согласно современнымъ научнымъ свѣдѣніямъ; затѣмъ—передать его въ живой типической формѣ, остановившись на какомъ-либо рѣшительномъ моментѣ, выбравъ изъ многихъ возможныхъ группировокъ наиболѣе выразительную. Первое—дѣло добросовѣстности и уваженія къ исторической правдѣ; второе—дѣло таланта. Это условіе добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу особенно важно въ историческомъ родѣ живописи, гдѣ всякая погрѣшность противъ правды въ глазахъ понимающаго зрителя умаляетъ впечатлѣніе отъ картины, а у того, кто лишенъ возможности критическаго отношенія, закрѣпляетъ ошибочное представленіе о предметѣ, можетъ быть очень его занимающемъ.

Поэтому художникъ, наравнѣ съ историкомъ, не довольствуясь вдохновеніемъ, нуждается въ упорномъ изученіи предмета. И вдохновеніе здѣсь не только нельзя противупоставлять изученію сухому и часто скучному; напротивъ, то и другое, можно сказать, неразрывно связаны, такъ что одно слѣдуетъ за другимъ. По мѣрѣ того какъ для изучающаго выясняются, одна за другою, необходимыя подробности, оживаетъ все болѣе и болѣе занимающій его воображеніе предметъ, пока, наконецъ, опредѣлится окончательно въ его представленіи вся картина, которую остается только закрѣпить на полотнѣ кистью. Часто самыя трудности, представляющіяся на пути, въ видѣ ли неполноты въ необходимыхъ матеріалахъ или безсвязности и неясности показаній, вызываютъ подъемъ мысли и воображенія, заставляя возстановлять предметъ, въ его цѣломъ, по однимъ отрывкамъ и намекамъ. Тогда у талантливаго художника, независимо отъ накопленія собираемаго мате-

ріала, при какихъ-то, таинственно совершающихся въ глубинѣ нашего сознанія процессахъ, развивается необычайная чуткость и зоркость, дозволяющая подмѣчать и оцѣнивать по достоинству подробности не всякому замѣтныя или, по крайней мѣрѣ, представляющіяся ничтожными на первый взглядъ, однако многозначительныя и существенныя для пристально устремленнаго взора. Достаточно иногда схватить одну такую черту, чтобъ ярко вспыхнулъ вполнѣ законченнымъ долго намъ не дававшійся образъ. Такъ, механическій трудъ изученія сыраго матеріала обращается преемственно въ творческую работу духа.

Сказанное въ особенности приложимо къ первой картинѣ, изображающей старинный Приказъ, этотъ важный образецъ учрежденій до реформы Петра Великаго. Приказный міръ до послѣдняго времени еще слишкомъ мало изученъ, и художникъ, остановившійся на немъ, не только не найдетъ у историковъ готовымъ цѣльнаго, живаго изображенія, но не встрѣтитъ у нихъ и многихъ необходимыхъ для него подробностей. Волей-неволей, онъ долженъ обратиться къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ, а, за недостаткомъ ихъ, и къ первоисточникамъ, чтобы непосредственно самому черпать изъ нихъ необходимыя черты: положеніе, которое не только нельзя представлять тягостнымъ или ненормальнымъ, а напротивъ надо считать счастливымъ и выгоднымъ для художника, разъ такой выборъ сдѣланъ имъ серьезно. Самостоятельный трудъ будетъ способствовать развитію творческой силы.

Картина Карелина названа «Царевъ Приказъ». Названіе слишкомъ неопредѣленное. Не указано даже время (хотя бы въ круглой цифрѣ столѣтія), какое имѣлъ въ виду художникъ, чтó важно въ отношеніи такихъ учрежденій, какъ Приказы, имѣвшіе болѣе долгую исторію, чѣмъ смѣнившія ихъ Коллегіи и Министерства. Остается искать указаній въ обстановкѣ, выступающей на картинѣ. Яснѣе всего для насъ говорятъ внутреннія стѣны помѣщенія. Онѣ каменныя. А извѣстно, что не только въ XVI, но и въ началѣ XVII в. даже важнѣйшіе Приказы, какъ Разрядъ, Помѣстный и Посольскій, назывались «избами» и, стало быть, помѣщались въ деревянныхъ постройкахъ; большое же каменное зданіе для Приказовъ въ Кремлѣ было построено только въ 1675—1680 годахъ. Слѣдовательно, оставляя въ сторонѣ другія подробности обстановки, на одномъ этомъ основаніи мы должны, смотря на картину, имѣть въ виду конецъ XVII в., представляющій въ исторіи этихъ учрежденій время полнаго разцвѣта (это надо замѣтить) и время наибольшей опредѣленности, съ какою они выступаютъ для насъ, благодаря обилію сохранившихся матеріаловъ. Вѣдь мы имѣемъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ Разрядъ и Помѣстный Приказъ, помимо многихъ судныхъ дѣлъ, такіе важные слѣды ихъ былой дѣятель-

ности, какъ подлинные журналы и протоколы (книги судейскаго слушанья), книги входящихъ и исходящихъ бумагъ и разнаго рода записныя книги до приходо-расходныхъ включительно, которыя позволяютъ намъ, не смотря на отдѣляющія насъ цѣлыхъ два столѣтія, очень близко и непосредственно заглянуть въ этотъ приказный міръ. Такимъ образомъ, выборъ времени сдѣланъ весьма удачно.

Относительно названія картины можно сдѣлать одно замѣчаніе, именно, что оно не вполнѣ точно. Въ самомъ дѣлѣ, Московскій Приказъ, какъ высшее центральное учрежденіе, представлялъ собою цѣлое министерство, болѣе или менѣе обширное, въ которомъ имѣлись: 1) свое присутствіе (судейская), иногда распадавшееся на нѣсколько отдѣленій, гдѣ состояло судей иногда до десяти человѣкъ; 2) своя канцелярія (подьяческая), составлявшаяся изъ нѣсколькихъ департаментовъ (столовъ), числомъ до семи, въ которыхъ только по штатамъ (по указному числу) насчитывалось до трехсотъ слишкомъ подьячихъ кромѣ неменьшаго числа сверхштатныхъ; 3) свой архивъ, занимавшій часто по нѣскольку палатъ, оставляя въ сторонѣ кладовыя, колодничьи и застѣнки въ нѣкоторыхъ Приказахъ. Минуя всѣ второстепенныя отдѣленія, художникъ своею картиною очевидно вводитъ насъ прямо въ главное отдѣленіе Приказа, въ его присутствіе, въ такъ называемый Судейскій столъ, или иначе въ «Казенку», гдѣ сидятъ начальные люди. Это послѣднее названіе мы и подставимъ мысленно подъ разсматриваемую картину.

Можно было бы еще задаться однимъ вопросомъ, если бы не опасеніе получить упрекъ въ излишнемъ любопытствѣ. Именно, какой бы это могъ быть Приказъ? Но пусть это будетъ Приказъ вообще. И разъ онъ не названъ поименно, мы вправѣ ожидать, что будетъ взятъ типичный Приказъ и во всякомъ случаѣ не какой-нибудь незначительный. Художникъ понялъ это. И дѣйствительно, какъ показываетъ засѣдающая, наряду съ дьякомъ, важная фигура (сдѣлаемъ догадку,—боярина), передъ нами одинъ изъ значительныхъ Приказовъ, въ родѣ Разряднаго или Помѣстнаго, и ни въ какомъ случаѣ не какой-нибудь Панафидный.

Итакъ картина представляетъ присутствіе одного изъ крупныхъ Приказовъ конца XVII столѣтія.

Займемся прежде всего внѣшнею обстановкой, какая выступаетъ на картинѣ. Я уже имѣлъ случай обратить вниманіе на стѣны помѣщенія, которыя, надо прибавить, плоски и одноцвѣтны. Здѣсь особенно бросается въ глаза совершенно отвѣсная линія угла, вызывающая несоотвѣтственное представленіе о комнатѣ современнаго типа. Между тѣмъ извѣстно, что каменныя постройки въ XVII вѣкѣ выводились

всегда со сводами, независимо отъ положенія этажа, другими словами, тогда не знали деревянныхъ потолковъ, настилаемыхъ по балкамъ. Можетъ быть, мы должны представлять такъ, что сводчатая кривизна линій, не то чтобъ упущена изъ вниманія художникомъ, а только оказалась, по условіямъ рисунка, за предѣлами верхняго края картины. Едва ли, такъ какъ своды дѣлались вообще низкими, и откосы должны были начинаться съ высоты не достигающей человѣческаго роста. Какъ бы то ни было, существенная черта старинныхъ каменныхъ палатъ на картинѣ осталась невыраженною, чтó невыгодно отражается и на впечатлѣніи, производимомъ ею.

Внѣшняя обстановка представленной «Казенки» почти отсутствуетъ, такъ какъ все полотно заполнено двумя фигурами, сидящими за столомъ. Столъ этотъ стоитъ, упираясь однимъ концомъ въ глухую стѣну неподалеку отъ видимаго съ правой стороны угла, другимъ выходя, по направленію къ срединѣ комнаты, въ сторону зрителя, параллельно другой стѣнѣ, выступающей за столомъ и тоже глухой. Такія неизбѣжныя принадлежности жилаго помѣщенія, какъ двери, окна и печь, отсутствуютъ на картинѣ, или, точнѣе, находятся внѣ поля зрѣнія, вслѣдствіе чего трудно зрителю опознаться. Насколько можно заключить по освѣщенію, падающему на столъ сбоку, съ лѣвой стороны, окна должны находиться въ другой стѣнѣ, противоположной той, параллельно которой поставленъ столъ, по его длинѣ. Значитъ, столъ находится не у окна, а въ одномъ изъ темныхъ угловъ комнаты, непремѣнно темныхъ, потому что оконные просвѣты въ старину дѣлались небольшаго размѣра, и въ окончины съ частыми переплетами вставлялись, вмѣсто стеколъ, пластинки слюды. Понятно, что этого не могло быть въ дѣйствительности. А если бы даже и было такъ, тогда освѣщеніе, приданное картинѣ, окажется преувеличеннымъ.

Затѣмъ, есть еще одно важное соображеніе, рѣшительно заставляющее думать, что столъ никакъ не могъ находиться тамъ, гдѣ онъ поставленъ. Съ какой бы одной изъ трехъ остальныхъ сторонъ (помимо снабженной окнами) мы ни представляли себѣ входную дверь въ комнату, столъ во всякомъ случаѣ оказывается въ одномъ изъ заднихъ угловъ ея, т. е. тамъ, гдѣ было бы мѣсто развѣ для печи. Столъ же, какъ извѣстно, въ старину, отъ послѣдней избы до царскихъ хоромъ, неизбѣжно помѣщался по близости къ переднему углу, гдѣ висѣли иконы, углу, который назывался краснымъ и считался наиболѣе почетнымъ мѣстомъ. Въ тоже время это мѣсто было и наиболѣе выгоднымъ по освѣщенію, такъ какъ красный уголъ могъ приходиться только по стѣнѣ, въ которой расположены были окна.

Такимъ образомъ на картинѣ не только нарушено естественное требованіе удобства въ отношеніи освѣщенія, но и сдѣлано отступленіе отъ неизмѣннаго и важнаго въ старину обычая.

Быть можетъ, покажется кому страннымъ, что я обращаю столько вниманія на такую мелочь, какъ мѣстонахожденіе стола. Но, вѣдь, это не просто какой-то столъ, находящійся въ безразличной обстановкѣ и не имѣющій опредѣленнаго назначенія: въ моментъ, изображенный на картинѣ, происходитъ за этимъ столомъ засѣданіе приказнаго присутствія. Какъ же помѣщены фигуры за столомъ? Одна, второстепенная, фигура (очевидно, дьяка) сидитъ по правую сторону стола между нимъ и задней стѣной, не видно на чемъ посаженная, но надо думать (принимая во вниманіе обычныя тогда условія) на лавкѣ, придѣланной у стѣны. Другая, первостепенная (бояриня, какъ мы предположили) находится напротивъ, по лѣвую сторону стола и представляется не сидящею собственно за столомъ, а какъ бы подсѣвшею къ нему сбоку: несомнѣнно ошибка, такъ какъ главное, почетное мѣсто должно считаться за столомъ, а не передъ столомъ, какъ бы съ прихода; и тамъ бы слѣдовало сидѣть бояриню, «засѣдать» въ буквальномъ смыслѣ слова, имѣя передъ собою черезъ столъ всю присутственную комнату и встрѣчая прямо лицомъ, а не бокомъ, всякую входящую фигуру челобитчика или докладчика по дѣламъ.

Кстати, челобитчики и докладчики: ихъ нѣтъ на картинѣ, и по всѣмъ видимостямъ присутствіе ихъ даже не подразумѣвается. Такимъ образомъ, мы имѣемъ передъ собой упрощенную сцену засѣданія, при отсутствіи въ изображаемый моментъ кого-либо изъ просителей и тяжущихся или секретарей. И, значитъ, наше вниманіе, ничѣмъ не отвлекаемое, должно сосредоточиться исключительно на томъ, что́ происходитъ за судейскимъ столомъ.

Что́ представлялъ собою, въ дѣловомъ конечно отношеніи, столъ нашего центральнаго Московскаго учрежденія, за которымъ работаютъ эти начальные люди, завѣдующіе какой-нибудь цѣлою отраслью управленія или обширною территоріей Московскаго государства? Сюда поступала масса разнородныхъ дѣлъ, именно: доношенія, такъ называемыя воеводскія отписки, присылаемыя изъ десятковъ городовъ (иногда еще изъ полковъ), также отношенія, такъ называемыя «памяти», приносимыя изъ десятковъ другихъ Приказовъ, а со стороны частныхъ лицъ многочисленныя, подаваемыя ими, челобитныя о судѣ или объ утвержденіи разныхъ сдѣлокъ, наконецъ, именные указы и боярскіе приговоры, сходившіе «съ верху»—все это надо было распечатать, разсмотрѣть и помѣтить къ исполненію. По тѣмъ изъ входящихъ бумагъ, которыя требовали предварительныхъ справокъ, вносились изъ депар-

таментовъ въ присутствіе особыми чтецами изъ старыхъ подъячихъ (по нашему секретарями) составленные доклады, на которыхъ и помѣчались дьяками, съ боярскаго приговору, окончательныя рѣшенія. Въ свою очередь, отсюда выходили заготовлявшіяся въ канцеляріи отвѣтныя памяти по Приказамъ и грамоты по городамъ, также выписи для челобитчиковъ, которые всѣ проходили чрезъ руки дьяковъ сначала для «черненья», т. е. исправленья, редактированья, затѣмъ для окончательной закрѣпы или подписи. Положимъ, что всѣ эти текущія дѣла не залеживались на судейскомъ столѣ, такъ какъ своевременно поступали къ подъячимъ разныхъ статей или для канцелярскаго исполненія, или для архивнаго храненія. Пусть, помимо того, дьякъ управился еще до боярскаго, обыкновенно поздняго сравнительно, пріѣзда съ большинствомъ неважныхъ дѣлъ и успѣлъ значительно поочистить судейскій столъ отъ обременявшихъ его бумагъ; все же должны были остаться и такія дѣла, которыя не могли пройти безъ боярскаго разсмотрѣнія. Если же принять во вниманіе привычку важнаго боярина, занятаго обыкновенно не однимъ только этимъ Приказомъ, являться на засѣданіе не каждый день, а, судя по журналамъ, приблизительно черезъ день, черезъ два, то необходимо допустить, что и такихъ дѣлъ могло накопиться значительное число. Такъ, боярину князю Троекурову, главному начальнику Помѣстнаго Приказа, въ одинъ изъ горячихъ дней приказной работы, 20 Марта 1683 г., пришлось отслушать 46 докладовъ по спорнымъ суднымъ дѣламъ. Но, кромѣ текущихъ дѣлъ, имѣлись, вѣдь, и такія, которыя никогда не должны были сходить съ судейскаго стола, какъ указныя книги, не говоря уже объ Уложеніи, также настольныя памятныя тетради, въ которыя заносились слушаемыя дѣла, или какія изъ другихъ записныхъ книгъ, наконецъ приходо-расходныя, всегда находившіяся подъ особымъ надзоромъ судей.

Слѣды подобной дѣятельности и ожидаетъ встрѣтить всякій подходящій къ картинѣ. Напрасное ожиданіе! Ничего этого нѣтъ на судейскомъ столѣ, нѣтъ даже безусловно-необходимой книги Уложенія. Вся видимая дѣятельность избраннаго художникомъ стариннаго министерства представлена единственнымъ лоскутомъ бумаги столбцоваго формата, конецъ котораго выступаетъ на столѣ изъ подъ руки дьяка. Конечно, не было никакой нужды громоздить на столъ всѣ перечисленныя подробности, но главное-то слѣдовало бы показать, если не все на лицо, то по крайней мѣрѣ намеками въ видѣ какой-нибудь вислой полки для дѣлъ, небольшаго шкапика или подручной коробьи, чтобы въ общемъ получилась приличная для дѣловаго засѣданія обстановка.

Итакъ, главное, если не считать несчастнаго лоскутка бумаги, въ картинѣ отсутствуетъ. Но за то на столѣ красуется, чтó бы вы думали? Большая лощатая (гладкая, не чеканная) братина!

Но я упустилъ было еще одну подробность, касающуюся убранства судейскаго стола, о которой и скажу прежде, какъ подходящей болѣе къ братинѣ, чѣмъ къ Уложенной книгѣ. Столъ накрытъ новенькой скатертью изъ какой-то толстой добротной (пеньковой?) матеріи, судя по тяжелымъ необмятымъ на углахъ складкамъ, съ пышными вытканными по бѣлому полю кофейнаго цвѣта разводами въ видѣ не то какихъ-то травъ, не то страусовыхъ перьевъ, съ цвѣточнымъ вѣнчикомъ внутри, окруженнымъ цѣлымъ букетомъ óсистыхъ налитыхъ колосьевъ, наконецъ съ рельефнымъ шитьемъ, выдѣляющимся по контурамъ рисунка. И это вмѣсто такой традиціонной принадлежности дѣловаго стола (особенно во время оффиціальнаго засѣданія) неизбѣжной не въ наше только время, какъ одноцвѣтное полотнище сукна, въ старину всегда краснаго цвѣта, такъ называемаго сукна-багреца или червчатаго!

Еще нѣсколько словъ по поводу другихъ мелкихъ предметовъ на столѣ. Если вы любитель древности, не выключая мелочей, то вамъ интересно будетъ познакомиться съ канцелярскими принадлежностями судейскаго стола XVII вѣка. Вы увидите стоящую на одномъ изъ свободныхъ угловъ небольшую мѣдную пузатой формы съ чеканными травами небольшую черниленку на низенькомъ стоянцѣ, да лежащій на самомъ краю стола коротенькій ножичекъ съ пестрымъ черенкомъ и со сточеннымъ лезвіемъ. Вотъ и все, если прибавить къ тому простое гусиное перо, находящееся въ рукахъ дьяка. Опять недостаетъ самыхъ необходимыхъ принадлежностей, какъ песочница, вытѣсненная изъ употребленія пропускною бумагой только въ недавнее время. Нѣтъ такъ называемыхъ трубокъ, въ видѣ ли отдѣльнаго прибора или вмѣстѣ съ чернильницей («чернильница съ трубками»), которыя служили для размачиванія въ водѣ гусиныхъ перьевъ, какъ извѣстно, въ сухомъ видѣ негодныхъ для письма. Да, наконецъ, кому случалось писать такими перьями, тотъ пойметъ, что невозможно было обходиться единственнымъ перомъ на весь судейскій столъ. Къ числу тогдашнихъ канцелярскихъ приборовъ слѣдуетъ отнести и клеёльницу, которая, при господствовавшей тогда системѣ склеиванія листовъ бумаги вмѣсто сшиванія, была болѣе необходимой принадлежностью, чѣмъ теперь флаконъ гумми-арабика. Но пусть клеить было дѣло подъячихъ, и клеёльница предполагается у нихъ на столахъ; есть еще одинъ предметъ, хотя и не совсѣмъ канцелярскій только, но тѣмъ не менѣе необходимый на судейскомъ столѣ. Это—подсвѣчники или шандалы, какъ ихъ тогда

по чему-то называли по иноземному. Они были необходимы, потому что присутственныя засѣданія въ Приказахъ происходили по два раза въ сутки, одни—днемъ, другія—ночью по тогдашнему счисленію времени, т. е. утромъ и вечеромъ. Едвали эти подсвѣчники, при тогдашней тѣснотѣ въ помѣщеніяхъ и отсутствіи чего-нибудь подобнаго лакейскимъ, днемъ убирались куда либо со стола. Во всякомъ случаѣ, присутствіе на судейскомъ столѣ подсвѣчниковъ со свѣчами было бы не только совершенно естественно, но и вполнѣ умѣстно, такъ какъ говорило бы зрителю, видящему дневное засѣданіе, также и о вечернихъ засѣданіяхъ въ Приказѣ. Можетъ быть, для нихъ на столѣ не оказалось мѣста, которое понадобилось для братины. Я долженъ еще прибавить, что на столѣ красуется еще крышка отъ кубка.

Да, кубокъ и братина! На заднемъ концѣ стола у стѣнки, нѣсколько за боярскимъ плечомъ, стоитъ внушительныхъ размѣровъ братина, сбоку которой виситъ ковшъ. Кстати, хоть и не мое дѣло слѣдить за пропорціями, послѣдній такъ несоразмѣрно великъ и такой неподходящей формы, съ прямой ручкой и отлогими краями, что трудно себѣ представить, какъ можно имъ проникнуть въ устье братины, тѣмъ болѣе зачерпнуть изъ нея. Но меня болѣе интересуетъ, чтó такое могло быть въ братинѣ. Квасъ ли, хмѣльное ли, какъ брага и медъ, или какое заморское вино? Чтó бы тамъ ни было, только бояринъ держитъ въ правой рукѣ кубокъ серебренъ, золоченъ, чеканный, чеканены травы, на высокомъ стоянцѣ. А кубки едва ли предназначались для такого напитка, какъ квасъ. Невольно получается впечатлѣніе застольнаго бражничанья, сопоставляя которое съ отсутствіемъ дѣлъ, приличествовавшихъ судейскому столу, можно было бы, пожалуй, заподозрить сатиру или каррикатуру со стороны художника, если бы не серьезное вообще трактованіе имъ своего сюжета, проглядывающее особенно въ фигурахъ. Это спасительное обстоятельство даетъ намъ возможность допустить иное, болѣе выгодное, объясненіе и вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть здѣсь лучше грубую, но неумышленную ошибку, заключающуюся въ пренебреженіи къ самымъ элементарнымъ понятіямъ и основнымъ условіямъ внѣшней чинности, которою былъ такъ проникнутъ оффиціальный міръ нашей старины. Особенно для боярина-то, какъ человѣка, прошедшаго на «государевомъ верху» высокую школу придворнаго этикета, какимъ бы превеликимъ невѣжествомъ показалось подобное поведеніе въ государевомъ Царевомъ Приказѣ за его, государевыми, дѣлами! Мыслимо ли въ самомъ дѣлѣ было разставлять братины на судейскомъ столѣ и вершить дѣла съ кубкомъ въ рукахъ? Вѣдь начальникъ Приказа въ своей судейской «Казенкѣ» долженъ былъ чувствовать себя на извѣстной высотѣ не только передъ сидящимъ съ

нимъ дьякомъ, но и подъ посторонними взорами челобитчиковъ и докладчиковъ, которые всегда могли войти въ дверь. Хорошій былъ бы примѣръ для младшаго товарища! А что́ бы сказали челобитчики, и какіе бы толки пошли въ канцеряріи по всѣмъ подьяческимъ столамъ? Немыслимо, совершенно немыслимо. Пусть взяточничество, крючкотворство и т. п. прелести стали общимъ мѣстомъ въ ходячихъ сужденіяхъ о приказномъ мірѣ, но и то болѣе въ его низшихъ сферахъ; все же у насъ нѣтъ ни одного не только какого-либо историческаго показанія, но даже и литературнаго образца, которые бы свидѣтельствовали о подобныхъ безобразіяхъ въ Московскихъ Приказахъ, творившихся за судейскимъ столомъ.

Допустимъ, наконецъ, что это не зазорное бражничанье, а простое невинное удовлетвореніе жажды обыкновеннымъ квасомъ. Оно во всякомъ случаѣ выражено крайне неудачно и настолько двусмысленно, что вызываетъ недоумѣніе и даетъ поводъ подозрѣвать нѣчто совсѣмъ неподходящее къ условіямъ мѣста и дѣйствія. А главное, что́ и при такомъ толкованіи подозрительнаго обстоятельства остается неустранимымъ, слѣдующее весьма существенное соображеніе: какой же смыслъ вводить въ изображаемую сцену именно такой моментъ? Какъ бы ни было естественно изображаемое дѣйствіе, оно совершенно неумѣстно на картинѣ: вѣдь, распиваніе кваса, какъ бы ни смотрѣть на него, ни съ какой стороны не можетъ характеризовать ни самого учрежденія, ни его дѣятелей.

Можетъ быть, впрочемъ, художникъ имѣлъ въ данномъ случаѣ какія нибудь свои основанія и побужденія, нами только не уловленныя. Въ такомъ случаѣ было бы крайне любопытно познакомиться съ ними, потому что они сулятъ внести нѣчто новое въ научное представленіе о данномъ предметѣ.

Оставимъ, однако, эту щекотливую подробность на совѣсти художника и возвратимся къ усмотрѣнному на столѣ лоскутку бумаги, единственному, по поводу чего можно заговорить объ административно-судебной дѣятельности Приказа. Что́ это за лоскутъ? Очевидно, не докладъ, такъ какъ послѣдній долженъ бы былъ представлять собою не простой листокъ бумаги, а цѣлый свитокъ или столбецъ, склеенный изъ бо́льшаго или меньшаго числа такихъ листковъ, потребовавшихся для изложенія челобитья, приведенія необходимыхъ справокъ и перечисленія подходящихъ къ случаю указовъ, т. е. законовъ. Можетъ быть, это челобитная, память или отписка, однимъ словомъ, какая нибудь входящая бумага, на оборотѣ которой дьякъ накладываетъ помѣту объ исполненіи. Не похоже и на это. Дѣло въ томъ, что дьякъ, судя по рисунку, уже дописываетъ къ концу лежащій предъ нимъ ли-

стокъ, т. е., другими словами, вовсе не накладываетъ помѣту, что̀ дѣлалось на оборотѣ листа обыкновенно съ его верхняго конца, но повидимому самъ пишетъ какую-то бумагу. А это положительно невѣрно. Извѣстно, что дьяки сами обыкновенно не писали никакихъ бумагъ, а только чернили и закрѣпляли бумаги, составленныя подьячими.

И какъ пишетъ дьякъ?! Грузно налегая обѣими руками на столъ по самые локти, наморщивъ лобъ, нахмуривъ брови, сосредоточенно опустивъ глаза внизъ и какъ-то неловко держа перо; медленно и съ видимымъ усиліемъ выводитъ онъ строки, потѣетъ, какъ говорится, надъ бумагой, впечатлѣніе чего только увеличивается его жиденькими и, дѣйствительно, какъ бы слипшимися на вискахъ волосами. И это человѣкъ, съ юныхъ подъяческихъ лѣтъ наторѣвшій во всякихъ приказныхъ дѣлахъ, пока, наконецъ, головой выше не выдѣлился изъ толпы своихъ товарищей и за свои таланты былъ возведенъ на высокую стезю дьячества, на которой онъ разомъ сталъ товарищемъ боярину; человѣкъ, у котораго, по старой пословицѣ, всякое дѣло должно горѣть въ рукахъ, а перо, кажется, не ходить, а летать должно по бумагѣ! Могутъ мнѣ возразить, что дьякъ — пожилой человѣкъ, въ лѣтахъ, утратившій уже молодую прыть. Пустяки! Развѣ мы не видимъ сами даже стариковъ, такихъ, которые, что̀ называется, загоняютъ молодаго? Тѣмъ болѣе въ старину, когда были тоже всякіе старики, но не всякіе изъ нихъ оставались у дѣлъ: случись тому же дьяку ослабѣть, его, безъ всякихъ нормъ предѣльнаго возраста, отставляли отъ дѣлъ за старостью (не безъ оклада, или пенсіи, конечно). Итакъ, мы должны видѣть передъ собой хотя и находящагося въ лѣтахъ, но еще бодраго дьяка. Ему, вѣдь, некогда даже обращать вниманіе на каллиграфію, на то, чтобы буквы и строчки выведены были прямо и отчетливо, какъ это показано на рисункѣ: нужно было крайне спѣшить, чтобы успѣть за присутствіе очистить текущія дѣла. Я положительно не преувеличиваю. Вотъ, напримѣръ, въ Помѣстномъ Приказѣ пятерымъ дьякамъ его за 20-е Марта 1683 г. пришлось помѣтить, т. е. составить и написать помѣты - приговоры по 122 докладамъ, не считая входящихъ и исходящихъ бумагъ. Положимъ, что это былъ, какъ я замѣтилъ ранѣе, одинъ изъ горячихъ дней приказной работы, который даетъ намъ возможность понять такіе исключительные случаи, какъ безвыходное сидѣнье подъячихъ въ Приказахъ денно и нощно; но и за остальные дни было настолько дѣлъ, что годъ завершился крупнымъ итогомъ въ 13.234 NN. Недаромъ такъ часто бываютъ неразборчивы, неудобочитаемы эти помѣты, автографы дьяковъ, набросанные легкой, небрежной рукой не обычной скорописью XVII в., близкой къ полууставу, а скорѣе какими-то условными значками вмѣсто буквъ или начальными

только буквами вмѣсто цѣльныхъ словъ. Ихъ письмо относилось къ четкому подьяческому почерку, какъ относится къ современной скорописи черновая запись нынѣшняго студента, поспѣшающаго своимъ карандашемъ за лекціей профессора. А вѣдь тогда не было еще такого удобнаго для скорописи инструмента какъ карандашъ, и потому приходилось царапать и спѣшныя помѣты гусинымъ перомъ.

Не надо также забывать, что дьякъ сидитъ не одинъ. Картина же представляетъ его слишкомъ углубившимся въ свое письмо: онъ какъ бы совершенно не чувствуетъ присутствія боярина бокъ-о-бокъ. Между тѣмъ, онъ долженъ былъ, набрасывая помѣту, не забывать о такомъ сосѣдствѣ и одновременно, поспѣшая дѣломъ, ловить не только его слова, но, можетъ-быть, и взоры, наконецъ, вообще выказывать по отношенію къ нему бóльшее вниманіе, чѣмъ говоритъ самая поза дьяка, покойно занявшаго своими руками столъ далѣе, чѣмъ до половины. Вообще недостаточно выражено на картинѣ взаимное отношеніе фигуръ, крайне оригинальное между такими лицами, какъ бояринъ и дьякъ. Бояринъ, напримѣръ, надъ дьякомъ, какъ надъ даннымъ ему въ товарищи, не имѣлъ такой силы, чтобы самому смѣстить его, уволить, помимо жалобы царю; однако онъ властенъ былъ, въ случаѣ сильнаго неудовольствія, его, какъ младшаго товарища, не только поначальнически распечь, но взять и тряхнуть за бороду, подобно тому какъ царь могъ надрать бороду самому боярину.

Помимо отношенія къ боярину, фигура дьяка, недурная въ общемъ, нѣсколько тяжела и даже до нѣкоторой степени грубовата или, какъ бы сказать, узка для такого оборотливаго и безъ сомнѣнія интеллигентнаго по тому времени дѣльца, какимъ намъ представляется теперь дьякъ, стоявшій на такомъ бойкомъ и важномъ посту, какъ Московскій Приказъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ «Государева Верха».

Чтó касается боярина, то фигура его, сильнаго сложенія, съ коротко остриженными сѣдыми волосами и бѣлой пушистой бородой, достаточно важна и представительна. Лицо его, почти прямо обращенное къ зрителю, не безъ выраженія; онъ какъ-то строго посматриваетъ, впрочемъ, мимо дьяка и такъ, что не совсѣмъ ясно, на чтó могъ быть особенно устремленъ его взоръ. Только развалившаяся поза боярина, нѣсколько откинувшагося назадъ и положившаго лѣвую руку локтемъ на столъ, а въ правой держащаго въ слегка наклоненномъ положеніи кубокъ, можетъ-быть, и хороша сама по себѣ, но совсѣмъ не подходяща для дѣловаго засѣданія, хотя бы и въ своемъ министерствѣ. Другое дѣло, если бы бояринъ принималъ дьяка съ дѣлами у себя дома, въ своей «комнатѣ», т е. кабинетѣ. Наконецъ, фигура боярина посажена бокомъ къ столу и даже слегка спиною, такъ что ему приходится

сдѣлать поворотъ головы и смотрѣть нѣсколько черезъ плечо, чтобы обратиться въ сторону дьяка, сидящаго напротивъ, по другую сторону стола. Конечно, бояринъ могъ, какъ угодно, повернуться къ дьяку; но подобное положеніе придаетъ ему видъ человѣка, присѣвшаго къ столу со стороны и занятаго не столько дѣлами, надъ которыми корпитъ дьякъ, сколько тѣмъ, что́ у него въ правой рукѣ.

Остается сказать нѣсколько словъ объ одеждахъ выведенныхъ лицъ. Оба они, бояринъ и дьякъ, въ богатыхъ шелковыхъ цвѣтныхъ тканяхъ. У боярина, кромѣ верхней одежды (опашень?) съ крупными разводами, въ которыхъ перемѣшаны цвѣта красный, синій и желтый, видѣнъ исподній кафтанъ, тоже пестрый; а вокругъ шеи высоко стоитъ стеганый и расшитый такъ называемый козырь. Кафтанъ по подолу и по рукавамъ обшитъ какой-то бѣдной, сверхъ ожиданія, тесьмой. Не знаю, насколько взятый для нея узоръ, красное съ бѣлымъ, основанъ на старинныхъ образцахъ; но только въ рисункѣ онъ производитъ неумѣстную и до странности полную иллюзію современной бумажной фабричнаго производства тесьмы, какая служитъ для обшивки деревенскихъ рубашекъ. Сверхъ того упущена обычная въ такихъ случаяхъ подпушка, состоявшая изъ полоски матеріи другаго цвѣта, чѣмъ самый кафтанъ, иногда обшивавшаяся еще кружевомъ. На дьякѣ, насколько можно судить по поясной фигурѣ его, полузакрытой столомъ, полукафтанье (какъ оно называется и въ старинныхъ описаніяхъ) изъ какой-то тяжелой шелковой матеріи съ мелкимъ узоромъ зеленоватаго и желтоватаго тоновъ. Особенно бросаются въ глаза рукава, не только необыкновенно пышные въ плечахъ по покрою, но какъ бы туго набитые чѣмъ-то внутри, вслѣдствіе чего вся фигура получаетъ тяжелый связанный видъ. Застегнутый бортъ отдѣланъ шитьемъ, а можетъ быть, и кружевомъ; рукава, узкіе въ запястьяхъ, вышиты по краю жемчугомъ. Шея почему-то оставлена совершенно голой, тогда какъ, соотвѣтственно другимъ подробностямъ, слѣдовало быть ожерелью, т. е. стоячему пристежному воротнику при верхней одеждѣ или при рубашкѣ.

Не берусь разбирать всѣхъ подробностей одежды, но отмѣчу еще, что она очень нарядна вообще, можетъ быть, даже слишкомъ нарядна и празднична, принимая во вниманіе особенно жемчугъ на дьякѣ, для такой будничной работы, какъ приказное сидѣнье. Вѣдь мы имѣемъ краснорѣчивыя свидѣтельства современныхъ наблюдателей изъ иностранцевъ, поражавшихся разницею между будничной домашней и праздничной показной внѣшностью у Русскихъ. «Повседневная одежда Москвитянъ, даже знатныхъ, не разстроитъ очень состоянія», такъ выражается одинъ изъ нихъ, перечисляя, нѣсколько смутно, ихъ одежды изъ сукна и

зуфи, т. е. шерстяной ткани въ родѣ камлота и иногда легкихъ шелковыхъ. «Хотя платья и поизотрутся—продолжаетъ онъ—и позапачкаются въ носкѣ, Москвитяне однакожъ не пренебрегаютъ ими до того, чтобы бросать ихъ». А Русскіе источники, въ видѣ разныхъ записей, добавляютъ, что и самъ царь, случалось, занашивалъ свои кафтаны до пятенъ, которые не бросались, а отдавались въ чистку; даже соболья опушка на шапкѣ Мономаха и другихъ царскихъ шапкахъ, или коронахъ, мѣнялась не ранѣе, чѣмъ начнетъ облѣзать. «Когда же надобно быть у пріема пословъ иноземныхъ государей или при отправленіи общественныхъ молебствій или на свадебныхъ торжествахъ, тогда все, что́ дѣлается дорогаго на Атталійскихъ ткатцкихъ станкахъ, вся цѣнная добыча съ ободранныхъ звѣрей, всѣ произведенія по части драгоцѣнныхъ камней богатаго Востока и жемчужныхъ раковинъ Эритрейскаго моря, все это Москвитяне, обвѣшанные крестъ накрестъ по плечамъ тяжелыми золотыми цѣпочками (подробность, очевидно, одѣянія рындъ), чванливо выставляютъ на показъ на ферязяхъ и шубахъ, на остроконечныхъ шапкахъ, на ожерельяхъ, облегающихъ ихъ шею».

Безспорно, не только бояринъ, но и приказный дьякъ, какъ Москвитянинъ не изъ послѣднихъ, могъ нарядиться, когда требовалось самымъ богатымъ образомъ, не исключая и жемчуговъ. Такъ Гордонъ, прибывшій въ Москву въ 1661 г., разсказываетъ, что на дьякѣ, присланномъ къ нему изъ Приказа Большаго Дворца, была «шейная лента изъ жемчуга», т. е. ожерелье и шапка, унизанная жемчугомъ, стоимостью въ 60 рублей по тогдашней цѣнѣ. Но это былъ далеко не обыкновенный случай: дьякъ являлся къ иноземцу, прибывшему въ Москву для поступленія на Русскую службу, являлся для выполненія оффиціальнаго порученія во главѣ сопровождавшихъ его двадцати человѣкъ. И самъ Гордонъ въ этомъ случаѣ счелъ нужнымъ замѣтить, что это былъ «хорошо одѣтый дьякъ». Едва ли онъ ходилъ одѣтый постоянно такъ, даже и тогда, когда приходилось бывать у себя въ Приказѣ. Кромѣ невзыскательности въ одеждѣ и бережливости, его должны были удерживать и болѣе тонкія соображенія, внушаемыя осторожностью: вѣдь такая выставка своихъ богатствъ, какъ бы они честно ни были нажиты, на глазахъ челобитчиковъ, подозрительныхъ въ этомъ отношеніи, всегда могла вызвать среди нихъ толки, невыгодные для его судейской репутаціи. Послѣднее соображеніе не только весьма естественно съ нашей точки зрѣнія, но оно засвидѣтельствовано и наблюдательными иностранцами, бывавшими въ Москвѣ.

*

Вотъ тѣ мысли, какія явились у меня при взглядѣ на картину. Боюсь только, что я могу показаться слишкомъ притязательнымъ. Могутъ мнѣ

замѣтить, что это тонкости и трудно-уловимыя, и маловажныя сами по себѣ; но вѣдь они то, въ своей совокупности, и даютъ ту жизненность и правдивость, которыя составляютъ силу художественнаго произведенія. Поэтому на нихъ особенно долженъ быть зорокъ глазъ художника. Могутъ, наконецъ, сказать, что невозможно сообразить, согласовать и преодолѣть всѣ трудности, какія представляются художнику въ историческомъ сюжетѣ на каждомъ шагу, начиная съ внѣшней обстановки и оканчивая внутреннимъ выраженіемъ лицъ. На это можно отвѣчать только одно: на то и талантъ, чтобы съ торжествомъ выходитъ изъ затрудненій.

Въ заключеніе я желалъ бы, чтобы въ моемъ критическомъ отношеніи къ картинѣ читатель увидѣлъ не стремленіе набросить на нее тѣнь, а только желаніе освѣтить самый предметъ изображенія. Своими посильными замѣчаніями я не столько хотѣлъ указать ошибки и навязать непремѣнно свои поправки, сколько поставить тѣ вопросы, которые, можетъ быть, не представлялись художнику, и на которые всякій другой и онъ самъ могли бы дать иной, лучшій отвѣтъ. Напротивъ, не говоря уже о серьезности выбора, заслуживающаго всякаго одобренія, художникъ, по моему мнѣнію, сразу взялъ вѣрный и наиболѣе характерный для учрежденія моментъ, остановившись на сочетаніи двухъ фигуръ, боярина и дьяка, тогда какъ возможны были другія комбинаціи. Затѣмъ, въ разработкѣ его онъ сумѣлъ стать выше низменнаго представленія о Приказѣ, какъ о чемъ-то невзрачномъ, даже уродливомъ и если не жалкимъ съ нашей точки зрѣнія, то во всякомъ случаѣ не настолько сильнымъ, чтобы внушать уваженіе современному Русскому человѣку. Видимо, въ его воображеніи носился другой образъ своеобразной красоты и мощи, которыхъ только не удалось ему, за недостаткомъ полнаго знакомства съ внутренней жизнью учрежденія, выразить на полотнѣ со всею силой и правдой. Поэтому, даже ошибки и недомолвки, которыя мы можемъ мысленно исправлять и дополнять, не лишаютъ картины впечатлѣнія. Они какъ бы покрываются въ нашихъ глазахъ сердечнымъ отношеніемъ художника къ своему предмету, которое сказалось и въ характеристикѣ личностей боярина и дьяка, и въ праздничной, даже слишкомъ, обстановкѣ. Сердечное отношеніе, это—то третье, чтó дополняетъ два указанныя выше условія творчества: знаніе и талантъ.

Н. Ардашевъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ А. О. СМИРНОВОЙ [1]).

Читатели „Русскаго Архива" уже довольно знакомы съ тѣмъ, какъ писала А. О. Смирнова свои Записки. Это настоящій калейдоскопъ разнообразныхъ воспоминаній, въ которыхъ иной разъ совсѣмъ невозможно опредѣлить, къ какому именно времени они относятся. Начнется одинъ разсказъ, коснется почти случайно какого либо лица, и о немъ пойдетъ рѣчь, которая въ свою очередь обрывается, какъ въ „Тысячѣ и одной ночи". Жуковскій и называлъ „черноокую Россети" Шехеразадою, „дѣвушкой-чернавушкой" нашихъ простонародныхъ сказокъ. Тѣмъ не менѣе въ ея Запискахъ, при всѣхъ неточностяхъ, содержится много схваченныхъ на лету, драгоцѣнныхъ указаній, зорко подмѣченныхъ чертъ прошлаго и художественныхъ отзывовъ. По природѣ своей она была художница, и съ этой стороны надо судить объ ея Запискахъ. Припомнимъ ея письма къ Гоголю, на сколько они выше писемъ этого ея друга. П. Б.

*

Въ ту зиму не было конца вечерамъ и баламъ: танцовали у графини Лаваль, у Сухозанетъ, у графини Разумовской и въ Аничковѣ дважды въ недѣлю. На Масляной танцовали съ утра декольте и въ короткихъ рукавахъ, ѣздили въ пошевняхъ на Елагинъ, гдѣ катались съ горы въ большихъ дилижансахъ, какъ ихъ называли. Мужики въ красныхъ рубахахъ правили; Государь садился охотно въ эти сани и дамы. Потомъ переходили къ другой забавѣ: садились въ пошевни, Императрица, рядомъ съ ней или Салтыкова, или Фредериксъ и князь Трубецкой [2]); за санями привязывались салазки одна за другой, куда усаживался Государь, за нимъ Урусова или Вариньна Нелидова. На Каменномъ острову была лужайка, которую нарочно закидывали снѣгомъ; тутъ дѣлали крутой поворотъ, и поднимался смѣхъ: салазки опрокидывались. Пошевни были запряжены шестерикомъ; кучеръ Канчинъ мнѣ говорилъ, что у него душа была въ пяткахъ на этомъ поворотѣ, и весь онъ былъ въ поту. Возвращались домой, гдѣ подавали déjeuner

---

[1]) См. выше, стр. 188.

[2]) Ген.-адъютантъ князь Василій Сергѣевичъ Трубецкой род. 24 Марта 1776, ум. 10 Февр. 1841 г., супругъ красавицы и отецъ цѣлаго ряда красавицъ-дочерей.

à la fourchette, попросту обѣдъ, а послѣ обѣда начинались petits jeux, à la guerre, кошка и мышка, и бѣготня по всѣмъ комнатамъ. Звонокъ къ сбору былъ въ рукахъ Императрицы. Въ 6 часовъ были уже всѣ дома и готовились на какой нибудь вечеръ. Я тогда только что вышла замужъ и очень веселилась. Софья Михайловна Смирнова [1]) поселилась у насъ, когда мы переѣхали на дачу на Каменномъ острову, и съ ней ея воспитанникъ Миша Штейдель. Софья Михаиловна была горбата и лѣчилась у магнетизёрки Турчаниновой, у которой перебывалъ весь городъ, и разсказывала, что изъ немного-криваго глаза княжны Марьи Трубецкой вылѣзли волоса и катились слезы. Софья Михайловна, какъ всѣ горбатые, очень любила наряжаться и щеголяла маленькой ногой на высокихъ каблукахъ. Она была общительна. Къ намъ часто ѣздилъ секретарь Прусскаго посольства графъ Гагенъ, и она съ нимъ вела богословскіе разговоры. Онъ былъ фанатикъ - католикъ, какъ и его двоюродный братъ Вестфаленъ; а она архи - православная. Гекеренъ также часто ѣздилъ. Рядомъ съ нами жила графиня Пушкина, ур. кн. Урусова [2]), и давала вечера; мужъ ея любилъ покушать и давалъ обѣды. Тутъ явилась въ свѣтъ Аврора [3]) въ полномъ цвѣтѣ красоты. Особенно у нея были необыкновенный цвѣтъ лица и зубы какъ жемчугъ. Вьельгорскій сочинилъ мазурку Mazourka d' Aurore. Всѣмъ извѣстны стихи къ ней Баратынскаго, когда онъ былъ въ изгнаніи въ Финляндіи.

Выдь, дохни намъ упоеньемъ,
Соименница зари...

Сестра ея Эмилія была хороша и еще милѣе Авроры. Она вышла замужъ за графа Владимира Пушкина; она была очень умна и непритворно добра, какъ Аврора; въ Петербургѣ произвели фуроръ ея бѣлокурые волосы, ея синіе глаза и черныя брови. Въ деревнѣ она ухаживала за тифозными больными, сама заразилась и умерла на 26-мъ году. Валуевъ и Костя Веригинъ сходили съ ума отъ горя. Валуевъ уже былъ женатъ на Машинькѣ Вяземской, которая, ничего не подозрѣ-

---

[1]) Золовка А. О. Смирновой, сестра ея мужа.

[2]) Во второмъ бракѣ княгиня Горчакова, супруга государственнаго канцлера.

[3]) Урожденная Шернваль, невѣста Александра Алексѣевича Муханова, скончавшагося за нѣсколько дней до бракосочетанія, вышедшая за П. Н. Демидова и потомъ вторымъ бракомъ за Андрея Николаевича Карамзина, женщина рѣдкихъ добродѣтелей. Про нее, когда она была еще дѣвицею, сказалъ Соболевскій:

Сіяетъ Аврора
Свѣжа и румяна,
Въ ней много для взора
И шишъ для кармана.

вая, зазывала Эмилію и дружилась съ ней. Валуевъ уже тогда имѣлъ церемоніймейстерскіе пріемы и жилъ игрой, потому что ни жена, ни онъ не имѣли состоянія. Машинька кормила свою дочь Лизу, очень серьезно смотрѣла на матримоніальную жизнь и не выѣзжала въ свѣтъ. Но Софья Николаевна Карамзина, эта милая болтунья, скоро умѣла перемѣнить это настроеніе. Сперва она являлась по вечерамъ у Карамзиныхъ, гдѣ встрѣтила, на свою бѣду, Наталью Николаевну Пушкину, а у Пушкиной познакомилась съ Идаліей Полетикой [1]) и вообще занималась только нарядами и болтовней. У Карамзиныхъ, съ возвращенія ихъ изъ Дерпта [2]), собирался весьма тѣсный кружокъ молодыхъ людей; рекрутскій наборъ лежалъ на Софьѣ Николаевнѣ, которую мы прозвали бѣдная Сонюшка: она лѣтомъ и зимой рыскала по городу въ изорванныхъ башмакахъ, вечеромъ разсказывала свои сны, ѣздила верхомъ и такъ серіозно принимала участіе въ героиняхъ Англійскихъ романовъ, что иногда останавливала лошадь и кричала: «C' est tout-à-fait comme ce paysage que Camille admirait dans château».... [3]) Софья Николаевна дѣлала тартины съ ситнымъ хлѣбомъ, Екатерина Николаевна разливала чай, а Валюша его подавалъ. Убранство комнатъ было самое незатѣйливое, мебели по стѣнкамъ съ неизбѣжнымъ овальнымъ столомъ, окна со шторами, но безъ занавѣсокъ. Общество, какъ я выше сказала, было ограниченное; но духъ Карамзина какъ будто групировалъ ихъ вокругъ его семьи. Сыновья его подросли и служили въ конной артиллеріи, близорукій Андрей и Александръ. Первый былъ сердечкинъ и влюбленъ въ меня съ 13-ти лѣтняго возраста, а Александръ возился съ своей собакой Аѳанаськой, которая съ нимъ ѣздила и въ Нижній, въ Макателемъ, имѣніе его матери. Володя еще былъ съ m-r Thibaud, а Лизанька, всегда съ матерью, ходила ежедневно пѣшкомъ къ обѣднѣ, ѣла постное и не курила, не смотря на искушенія, которымъ Сонюшка ее подвергала. Софья Николаевна была падчерицей Екатерины Андреевны, но точно также любила ее, какъ и дѣти втораго брака Н. М. Карамзина. У нея было имѣніе 500 душъ въ Орловской губерніи, село Бортное, которое ей досталось отъ матери ея, рожденной Протасовой. У Карамзина же не было ничего. Говорятъ, что Карамзины происходятъ отъ Татаръ, Кара-Мурза, и уроженцы Симбирской губерніи.

---

[1]) Незаконная дочь графа Строганова, ненавидѣвшая А. С. Пушкина.

[2]) Гдѣ воспитывались старшіе сыновья исторіографа. Мать ихъ, вслѣдъ за кончиною Н. М. Карамзина, уѣхала къ себѣ на родину въ Ревель (по близости котораго жили ея сестры баронессы Гейкингъ и Икскюль, законныя дочери ея матери отъ графа Якова Ефимовича Сиверса), и тамъ потомъ проводила лѣтніе мѣсяцы въ теченіи многихъ лѣтъ.

[3]) Совсѣмъ какъ тотъ видъ, которымъ восхищалась Камилла въ замкѣ.

Но возвратимся къ нашей молодежи. Вотъ ихъ имена: Одоевскій, уже женатый, жилъ на Моховой, и вся группа пріѣзжала почти вмѣстѣ съ нимъ, братья Веневитиновы (Дмитрій былъ красивый юноша и уже написалъ много стиховъ, но смерть его скосила рано), Кошелевъ, Андрей Муравьевъ и Галаховъ, который возвратился изъ арміи, гдѣ служилъ въ уланскомъ полку (онъ страдалъ нервами и лѣчился гомеопатіей, которой сдѣлался ревностнымъ апостоломъ и поборникомъ). Андрея Муравьева Пушкинъ назвалъ Бельведерскій Митрофанъ, когда онъ разбилъ въ дребезги гипсовую статую Ватиканскаго Аполлона; онъ написалъ трагедію подъ названіемъ «Тиверіада». Муравьевъ, что́ ни говорятъ его критики, замѣчательная личность. У всѣхъ братьевъ этого семейства выработался желѣзный характеръ, сильное религіозное чувство. Андрей Николаевичъ позже писалъ о Православной Церкви и познакомилъ невѣжественную публику съ сокровищами Православія. Гоголь очень уважалъ его труды и говорилъ: «вотъ человѣкъ, который исполнилъ долгъ предъ Богомъ, Церковью и своимъ народомъ».

Развлекшись вдоволь въ мясоѣдъ и на Масляной, Императрица ѣздила на экзамены Екатерининскаго Института; брала работу, вязала шнурокъ на вилкѣ и слушала со вниманіемъ. Какъ старая институтка, я присутствовала, по зову самой Государыни. Сестра моя [1]) ничему не училась, а только занималась шалостями, страдала горломъ и была часто въ лазаретѣ. Конечно, первый экзаменъ былъ у священника Ивана Михайловича Наумова. Онъ началъ съ того, что спросилъ о значеніи масляной недѣли. Отвѣтъ былъ: это недѣля приготовленія и прощенія; съ Середы начинаются поклоны и Господи Владыко. «Такъ; но вы вступаете въ свѣтъ, гдѣ не соблюдаются правила Церкви и гдѣ эта великая недѣля проводится въ театрахъ и на балахъ; потому прошу васъ не забывать мои наставленія». Императрица обратилась къ начальницѣ и сказала ей: «ce sont des pierres dans mon jardin» [2]); та перепугалась и спросила, не передать ли экзаменъ Плетневу. Одинъ Deloche былъ доволенъ... Non, pourquoi? Je suis très contente qu'il parle ainsi à ces pauvres enfants [3]). Когда экзамены кончились, въ Воскресенье, folle journée [4]) справлялось въ Аничковскомъ дворцѣ; приглашенія были утреннія для избранныхъ и вечернія для городскихъ дамъ, т.-е. для толпы. Утромъ въ бѣлой гостинной, гдѣ игралъ Лядовъ и со скрипками, ве-

---

[1]) Ольга Ивановна Арнольди, впослѣдствіи княгиня Оболенская.

[2]) Это камни въ мой огородъ.

[3]) Нѣтъ, за чѣмъ? Я очень довольна, что онъ такъ говоритъ этимъ бѣднымъ дѣтямъ.

[4]) Буквально: безумный день, конецъ Масляницы.

черомъ же былъ оркестръ въ длинной залѣ подъ режиссеромъ Лабицкимъ. Всѣ надѣвали старыя платья и донашивали ихъ до конца сезона. Я надѣла пунсовое платье и бѣлые цвѣты, и то к дѣло, что танцовала съ Опочининымъ, конно-гвардейскимъ офицеромъ; онъ былъ уменъ, пріятенъ выраженіемъ умныхъ глазъ и танцовалъ удивительно. Императрица это замѣтила и мнѣ сказала: Vous faites une jolie paire avec Opotchinine.—Oh, madame, comme c'est agréable avec lui de danser подъ Лабицки. Она расхохоталась и спросила: Est-ce qu'il est capitaine?—Oui, et il veut d'avoir les aiguillettes [1]). Catherine * которую много позднѣе Булька Столыпинъ [2]) прозвалъ Чингисъ-Ханка, подскочила и спросила меня: Qu'est-ce que l'Impératrice a dit? Je lui ai répondu, que Théodore ne rêve que les aigrettes.—Comme c'est bien de votre part! Тутъ я подвела его къ Государынѣ, а она сказала: «c'est vrai qu'il danse à ravir [3]). Съ этой поры нашъ Опочининъ получилъ эксельбанты, потому что въ самомъ дѣлѣ онъ ихъ заслужилъ, былъ лучшій офицеръ въ полку и сдѣлался моднымъ человѣкомъ. Онъ женился на красавицѣ, дочери извѣстнаго генерала Скобелева, изъ простыхъ, который былъ однимъ изъ лучшихъ служакъ: весь израненый саблями въ рукопашныхъ сраженіяхъ при Наполеонѣ, онъ былъ въ модѣ; въ отставкѣ онъ былъ членомъ Англійскаго клуба, женился на богатой купчихѣ и жилъ только для дѣтей. Было мало людей такъ уважаемыхъ какъ Скобелевъ. Когда онъ входилъ въ клубъ, всѣ вставали и протягивали ему руки.

Потомъ все притихло. Свѣтъ занялся свадьбой Елены Бибиковой, которая была маленькаго роста; у нея были черные глаза, а зубы какъ жемчугъ; она дебютировала на folle journée вечеромъ, и ея мать мнѣ ее препоручила. На ея устахъ явилась первая улыбка пренебреженія и насмѣшки. Свадьбу объявили съ княземъ Эсперомъ, древняго рода Бѣлосельскихъ - Бѣлозерскихъ, о чемъ свидѣтельствуетъ фамильный гербъ (рыбки); этотъ гербъ принадлежитъ и Вадбольскимъ, Вандомскимъ и Шелешпанскимъ. Непонятно, почему Эсперъ былъ замѣшанъ въ исторію 14-го числа.

---

[1]) Вы съ Опочининымъ очень подъ пару. — Ахъ, Государыня, какъ пріятно съ нимъ танцовать подъ музыку Лабицкаго. — Что̀ онъ, капитанъ? — Да, и ему хочется во флигель-адъютанты.

[2]) Такъ звали, въ обществѣ Николая Алексѣевича Столыпина, внука того князя Трубецкаго, о которомъ упомянуто выше.

[3]) Что́ сказала Императрица? — Я ей отвѣчала, что Теодоръ только и мечтаетъ, что́ объ эполетахъ.—Какъ это хорошо съ вашей стороны! — Правда, онъ танцуетъ восхитительно.

Онъ служилъ въ Измайловскомъ полку, былъ статенъ, смуглъ, довольно красивъ и хорошо танцовалъ.... Когда Эсперъ умеръ, эта барыня выбрала въ мужья красиваго и милаго Василія Кочубея... Она была взыскательна, капризна, поселилась въ его домѣ, который перестроила и отдѣлала очень роскошно; въ гостинной повѣсила портретъ Василія во весь ростъ, окружила цвѣтами и зеленью... Платоновъ, наивный господинъ, вздумалъ ее любить чистой юношеской первой любовью; она его спровадила, упрекнувъ, что un bâtard [1]) не смѣетъ и думать о ней. Платоновъ перенесъ свою любовь на меня и въ Баденѣ повѣрялъ мнѣ свое прошлое горе; особенно страдалъ онъ отъ неправильнаго своего рожденія. Онъ былъ сынъ какой-то Польской графини и князя Зубова. Платоновъ былъ уменъ и очень образованъ. Бѣдняжка втюрился порядочно въ меня; я же просто любила его, какъ добраго товарища. Онъ былъ страстно влюбленъ въ Малибранъ, ѣздилъ всюду за ней и былъ въ Англіи, когда эта геніальная пѣвица, послѣ роли Дездемоны, умерла скоропостижно. Его любящее и нѣжное сердце, не знавши семейнаго счастія, обратилось всецѣло ко мнѣ. Я собиралась къ Софьѣ Радзивилъ на вечеръ; онъ меня просилъ сыграть ему что-нибудь изъ Сомнамбулы; я сѣла за клавикорды, чувствовала, что его влюбленные взоры были устремлены на мои плечи, ощутила негодованіе и протестъ противъ этого нечистаго взгляда, накинула шарфъ и, сѣвши въ кресло, начала вязать кошелекъ. Pour qui cette bourse?—Pour vous, je vous l'ai promise. И тутъ, обмолвясь, онъ мнѣ сказалъ... Я взглянула грозно и сказала ему: Qui vous donne la liberté de prendre un encouragement de ma part? [2]) Онъ ушелъ со слезами на глазахъ и сталъ неподвижно на балконѣ. Этотъ романъ кончился ничѣмъ. Клеопатра Трубецкая, какъ ни старалась склонить меня къ благодарной симпатіи, всѣ ея уговоры остались тщетны.

*

По дорогѣ въ cara patria [3]) мы остановились въ Франкфуртѣ на Майнѣ, въ Hôtel de Russie, гдѣ мой мужъ купилъ у Зарха самый лучшій Маркобрунеръ и Рейнъ-вейнъ de la comète, а я взяла дѣвушку Lenchen изъ unseren Provinzen [4]). Негоціантъ m-r Jones рекомендовалъ няньку для Нади, Сару-Анну Martendale; она жила

---

[1]) Незаконнорожденный.

[2]) Для кого этотъ кошелекъ?—Для васъ; я вамъ его обѣщала. — Какъ вы смѣете думать, что я вамъ потворствую?

[3]) Въ любезное отечество. — Вскорѣ послѣ свадьбы, молодые Смирновы ѣздили въ чужіе края.

[4]) Т. е. изъ нашихъ (Балтійскихъ) губерній.

у насъ нѣсколько лѣтъ и поступила потомъ къ Горяиновымъ въ Воронежской губерніи. Была ли она православная, или осталась протестанткой, не знаю; но пріѣхала въ Петербургъ и привезла каждой изъ насъ образокъ Святителя Митрофанія. Она разсказывала, что разъ окрестные крестьяне бунтовали. Князь Долгорукій, бывшій тогда губернаторомъ, пріѣзжалъ ихъ усмирять; пришлось прибѣгнуть къ военной силѣ; стрѣляли холостымъ зарядомъ, и все успокоилось. Сара и теперь у Горяиновыхъ, но уже экономкой. Ей построили домикъ съ садомъ, устроили все на Англійскій манеръ, и она мнѣ сказала, что вовсе не желаетъ возвратиться въ Англію, гдѣ у нея нѣтъ родныхъ, кромѣ старой тетки. Англичане очень легко уживаются въ Россіи въ самыхъ отдаленныхъ губерніяхъ, гдѣ устраиваютъ себѣ миніатюрную родину; Русскіе же, напротивъ, заграницей утрачиваютъ свою оригинальность, особенно въ Парижѣ, гдѣ совершенно развращаются, начиная съ религіи, картавятъ и пускаются въ самый наглый космополитизмъ. Въ Италіи они считаютъ себя обязанными посѣщать храмы и галлереи и толкуютъ вкривь и вкось объ искусствѣ.

*

Весной по обычаю мы поѣхали въ Царское и опять въ большой дворецъ. Великая Княжна Александра Николаевна каталась въ своей маленькой коляскѣ еще съ мамкой, няней Коссовской, а возилъ ее камердинеръ Шутукинъ. Я жила подъ колоннадой; противъ моихъ комнатъ жило семейство наставника Наслѣдника, Карла Карловича Мердера; рядомъ со мной жилъ почтенный старикъ Александръ Родіоновичъ Кошелевъ, столпъ, обломокъ Александровскаго увлеченія въ протестантизмъ. Я часто ходила къ этому почтенному, нефашіонабельному семейству. Выборъ Мердера самимъ Государемъ удивилъ Петербургскую публику и доказываетъ проницательность Императора. Мердеръ былъ очень дуренъ, весь въ рябинкахъ; его взоръ былъ строгій, прямой; онъ былъ знатокъ дѣтства. Великій Князь къ нему привязался, а сынъ Мердера сдѣлался товарищемъ Его Высочества. Они ѣздили верхомъ на сѣрой лошадкѣ Пашкѣ. Павелъ Петровичъ Ушаковъ училъ ихъ вольтижировать; но Петѣ Мердеру нечего было учиться этому искусству: онъ ѣздилъ на рыжей лошаденкѣ, которая брыкала, Петя всегда леталъ черезъ ея голову, вставалъ и опять садился. Дочь Павла Петровича Ушакова Варета была съ Шуваловой первая фрейлина Императрицы и осталась всегда ея любимой фрейлиной. Когда послѣ первыхъ родовъ Императрицу послали въ Эмсъ, она жила на перепутьи два мѣсяца въ своемъ миломъ Берлинѣ и очень веселилась. Тогда данъ былъ знаменитый праздникъ-костюме Ауренцобъ или Магическая Лам-

па. Государыню носили на паланкинѣ; она была покрыта розами и бриліантами. Многочисленныя ея кузины окружали ее; онѣ брали ея крупные браслеты и броши и были точно субретки въ сравненіи съ нею. Въ ихъ свитѣ были Жуковскій и Василій Перовскій, который надѣялся затопить свое горе въ блескѣ и шумѣ двора. Когда онъ узналъ, что Софья Самойлова вышла за Алексѣя Бобринскаго, онъ не могъ скрыть своего огорченія и, въ избѣжаніе шутокъ, прострѣлилъ себѣ указательный палецъ правой руки [1]). Онъ мнѣ самъ сказалъ: графиню Самойлову выдали замужъ мужики, а у меня ихъ нѣтъ; вотъ и все. Онъ мнѣ разсказывалъ всю исторію, какъ они садились за столомъ въ Павловскѣ противъ Софьи Самойловой, дѣлали шарики и откладывали съ Жуковскимъ по числу ея взглядовъ. Она была очень счастлива съ Бобринскимъ. Онъ никогда ничему не учился [2]), за то характеръ его былъ самый благородный, и души онъ высокой. Послѣ свадьбы они поселились въ его деревнѣ Михайловскомъ въ Тульской губерніи. Тутъ она ему читала или заставляла его читать историческія книги; однимъ словомъ, она его образовала. У нихъ родилось тамъ четверо дѣтей, все мальчиковъ [3]). Всѣ они учились сперва дома, съ Англійскимъ наставникомъ, потомъ поступили въ Петербургскій университетъ, а отецъ и мать поселились на Галерной, въ собственномъ домѣ, который отдѣлали со вкусомъ и съ умѣренной роскошью. Этотъ домъ сдѣлался rendez-vous тѣснаго, но самаго избраннаго кружка. Перовскій бывалъ ежедневно, графъ Ферзенъ и нѣкоторые члены дипломатическаго корпуса; особенно часто бывалъ неизбѣжный вѣтрогонъ Лагрене́, и свадьба Вариньки Дубянской тамъ устроилась. Пріѣзду графини Бобринской Императрица очень обрадовалась: на безрыбьи и ракъ рыба, на безлюдьи Ѳома дворянинъ, и въ отсутствіе Вареты и Софи она сблизилась съ княгиней Трубецкой [4]), которая сравниться не могла съ этими дамами. Государь сердился на Бобринскую за свадьбу Дубенской; онъ возненавидѣлъ Лагрене́ послѣ революціи 1830-го года. У Лаваля былъ балъ, на которомъ онъ танцовалъ до упада. Когда ему замѣтили неприличное его поведеніе, онъ отвѣчалъ: «Quand le roi saute, son secrétaire peut bien danser [5]); это конечно дошло до Государя, который

---

[1]) Это не вѣрно: В. А. Перовскій, заряжая пистолетъ, прострѣлилъ себѣ палецъ и носилъ на немъ золотой наперстокъ.

[2]) Опять невѣрность. Графъ А. А. Бобринскій отлично учился въ Муравьевской школѣ колонново-вожатыхъ. Ученые люди, особливо естествовѣды, находили удовольствіе въ бесѣдѣ съ нимъ.

[3]) У троихъ (а не четверыхъ) графовъ Бобринскихъ, Александра, Льва и Владимира Алексѣевичей, наставникомъ былъ Швейцарецъ, а не Англичанинъ.

[4]) Княгиня Софья Андреевна, супруга выше помянутаго князя Трубецкаго.

[5]) Коль скоро король вспрыгнулъ, секретарю его подобаетъ поплясать.

наградилъ его крупнымъ словечкомъ. Совсѣмъ иначе велъ себя достойный и серьезный Bourgoing. Varignita потащилась въ Дармштадтъ, гдѣ супругъ ея назначенъ былъ chargé d'affaire [1]). Я нашла ихъ проѣздомъ черезъ этотъ cul-de-sac [2]) Нѣмецкій. Varignita кормила свою Габріэль и страшно позировала, какъ жена какой-то будущей célébrité [3]) и мать ангела чистоты. Она впрочемъ перешла уже въ Римскую вѣру, читала только, по указанію мужа, полезныя книги, лепетала про Faubourg St. Germain. Къ этому faubourg Лагрене́ принадлежалъ съ помощью Іезуитовъ, у которыхъ воспитывался въ Сантъ Омерѣ, и съ покровительствомъ графа Лаферонé. Онъ вздумалъ влюбиться въ его старшую дочь Полину (mad. Craven), но получилъ самый положительный отказъ.

Когда Императрица возвратилась изъ за границы, мы опять жили въ Царскомъ Селѣ. Осенняя пора была самая пріятная и покойная. Софи Карамзина гостила у меня недѣлю. Мы много гуляли по пѣшему хожденію; она разсказывала, гдѣ именно Императоръ въ сопровожденіи Александра Николаевича Голицына встрѣчалъ ея отца и съ нимъ долго бесѣдовалъ стоя. Голицынъ [4]) ревновалъ, но ничего не обнаруживалъ: его высокая душа невольно протестовала противъ недостойнаго чувства ревности. Въ Китайскомъ домикѣ Софи показывала мѣсто, гдѣ ея мать разливала чай для Умиротворителя Европы, и какъ у нея атласные башмаки просили каши. Екатерина Андреевна ходила въ бѣломъ канифасовомъ капотѣ, съ длинной пелеринкой. Въ передней сидѣлъ Лука и кроилъ панталоны изъ синяго сукна. Карамзинъ проходилъ мимо за Государемъ, Лука продолжалъ кроить, и Жуковскій говорилъ: Карамзинъ видѣлъ что-то длинное и думалъ, что это столбцы? Пушкинъ, еще лицеистомъ, былъ уже вхожъ въ семейство Карамзиныхъ и графа Толстаго, совѣтника придворнаго департамента. Его жена была Протасова, другъ Воейковой Александры Андреевны, и домъ ихъ былъ центромъ для лицеистовъ. Я тогда еще не имѣла никакихъ сношеній съ этими дамами. Когда Императрица поѣхала въ Одессу, меня оставили у Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ Павловскѣ. Новосильцову [5]) было поручено наблюдать за моимъ поведеніемъ, потому что графиня Моденъ наплела Богъ вѣсть что на меня. О моемъ пове-

---

[1]) Повѣреннымъ въ дѣлахъ. Сынъ ихъ памятенъ въ Москвѣ, гдѣ онъ былъ Французскимъ консуломъ.

[2]) Переулокъ безъ выѣзда, тупикъ.

[3]) Знаменитости.

[4]) Князь Александръ Николаевичъ, другъ царевъ.

[5]) Николай Петровичъ, секретарь императрицы-вдовы.

деніи Новосильцовъ сдѣлалъ самый удовлетворительный рапортъ, и я вошла опять въ милость Государыни; за то Ярцова подпала подъ немилость и за столомъ получала реприманъ. Главная надзирательница Прачешнаго двора, хорошо управлявшая этимъ домомъ 25 лѣтъ, умерла; она была родная тетка Ярцовой, но та стыдилась скромнаго положенія тетки, скрыла это отъ насъ и не надѣла траура. Императрица велѣла ей сшить черное платье, носить его 6-ть недѣль и выговаривала за низкое чувство, укрывательство своего положенія. Мы не любили эту интригантку и радовались ея униженію.

Осенью все обратилось въ нетерпѣливое ожиданіе: ждали возвращенія Императора и Императрицы. Они пріѣхали въ послѣднихъ числахъ Октября 1828-го года; свита запоздала, потому что недоставало лошадей на станціяхъ. Въ четвероместной каретѣ сидѣли графиня Софи, Моденъ, Урусова и докторъ Крейтонъ. Урусова была больна, и ея подругѣ было достаточно, чтобы взвести самыя гнусныя клеветы на ея счетъ. Но это не имѣло ни малѣйшаго вліянія на ея репутацію. Урусова была горда и глупа, но чиста какъ хрусталь. Гвардія выступила на встрѣчу Государя и неумолкаемо привѣтствовала его криками: ура, ура, побѣдитель нехристей! Императрица Марія ожидала любезнаго сына и героя съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Замѣтили, что у нея лицо покрылось красными пятнами; докторъ пустилъ ей кровь, ночь она провела тревожно, на другой день еще дала послѣдній семейный обѣдъ, вечеромъ открылся сильный жаръ, а 14-го числа не стало благодѣтельной Государыни.

Зима была тихая; весной по обычаю дворъ переѣхалъ въ Царское, потомъ въ Петергофъ, гдѣ не было праздника 1-го Іюля. Мы, шесть свитскихъ фрейлинъ, жили во флигелѣ, т. е. въ кавалерскихъ домикахъ; деревянныя и ветхія эти строенія были такъ холодны и сыры, что стоять на полу было вредно. Я жаловалась. Государыня мнѣ прислала шитой коврикъ, когда я одѣвалась. Рядомъ съ моимъ домикомъ жили Перовскій и Жуковскій, а въ 3-мъ номерѣ флигель-адъютантъ Казарскій, который прославился своимъ мужествомъ на кораблѣ «Изумрудъ» во время Турецкой войны. Разъ Жуковскій хотѣлъ сдѣлать ему визитъ и спросилъ у лакея, гдѣ живетъ Казарскій. Герой? отвѣчалъ тотъ, а вотъ рядомъ съ вами. Этотъ отвѣтъ поразилъ Жуковскаго. «Русскій народъ всегда мѣтко означаетъ, чтò отличаетъ одного человѣка отъ другаго; напримѣръ, Пушкинъ всегда у нихъ поэтъ, а гусарскій полковникъ всегда просто полковникъ, чтó мазурку танцуетъ; я у нихъ учитель Наслѣдника». Въ Петергофѣ начались однако

парады, обѣды и вечера послѣ катанія и чаю. Въ Воскресенье возня была страшная, особенно для дежурной. Въ восемь часовъ надо было ѣхать въ котеджъ за Государыней; она каталась, гуляла пѣшкомъ или сидѣла въ Монплезирѣ и писала свои записки и письма. Ея переписка была очень большая. Еженедѣльно было письмо къ Прусскому королю, сестрамъ и кузинамъ всевозможныхъ княжествъ. Наслѣдникъ началъ уже серьозно заниматься; къ нему взяли въ товарищи графчика Іосифа Віельгорскаго и Паткуля. Это товарищество было нужно, какъ шпоры для лѣнивой лошади. Вечеромъ первый подходилъ тотъ, у котораго были лучшіе балы, обыкновенно бѣдный Іосифъ, который краснѣлъ и блѣднѣлъ; что̀ касается до Паткуля, тотъ никогда не помышлялъ о такой чести. Наслѣдникъ не любилъ Віельгорскаго, хотя не чувствовалъ никакой зависти: его прекрасная душа и нѣжное сердце были далеки отъ недостойныхъ чувствъ. Просто между ними не было симпатіи. Віельгорскій былъ слишкомъ серіозенъ, вѣчно рылся въ книгахъ, жаждалъ науки, какъ будто спѣша жить, готовилъ запасъ на вѣки. Придворная жизнь была для него тягостна. Онъ занемогъ, его послали въ Римъ на зиму, и тамъ, на рукахъ Елисаветы Григорьевны Чертковой и Гоголя, увялъ этотъ прекрасный цвѣтокъ. Онъ скончался тихо, не жалѣя этого міра. Его мать была уже въ Марсели съ дочерьми и сыномъ Михаиломъ, когда Гоголь привезъ неутѣшнаго отца на пароходѣ. Графиня не хотѣла вѣрить, когда нашъ консулъ ей сообщилъ это извѣстіе; она его схватила за воротъ и закричала: вы врете, это невозможно! Потомъ, не говоря ни слова, она поѣхала въ Петербургъ, усѣлась противъ портрета сына, покрытая длиннымъ креповымъ вуалемъ, не плакала, а сидѣла, какъ каменный столбъ. Александръ Николаевичъ Голицынъ и Матвѣй Юрьевичъ постоянно были при ней. Государя она приняла какъ нельзя хуже и упрекала его за смерть Іосифа, говоря, что они его не поняли и огорчали его юное сердце. Странно, что братъ мой Іосифъ очень подружился съ покойнымъ Іосифомъ; тотъ ему сообщалъ всѣ свои бѣды и читалъ ему выписки изъ книгъ, все серьезное. Вмѣсто Жозефа взяли Петю Мердера. При Наслѣдникѣ находился еще офицеръ Семенъ Алексѣевичъ Юрьевичъ, уроженецъ Литовскій: когда Мердеръ занемогъ, онъ не могъ вставать ночью, если мальчику что̀ нужно было. Онъ сказалъ о томъ Государю. Это вѣрный слуга и къ тому же учитель Польскаго языка. Докторомъ дѣтей былъ Крейтонъ, человѣкъ хорошей Шотландской фамиліи, честный и благородный; онъ оставался докторомъ Царской фамиліи до пріѣзда Мандта.

При Великихъ Княжнахъ была Юлія Ѳеодоровна Баранова, дочь графини Адлербергъ, очень добрая и честная женщина, но слабаго здоровья. У Великой Княжны Ольги Николаевны была m -lle Dunker, злое существо съ романическими наклонностями; она любила слушать съ Мердеромъ пѣніе соловья по вечерамъ около дворца въ кустахъ. Система Дункеръ была совершенно овладѣть умомъ своей воспитанницы и ссорить двухъ сестеръ, Марію Николаевну съ меньшой сестрой.... и это дѣтское чувство охлажденія осталось на всю жизнь....

Швейцарецъ Жилль и Жуковскій были учителями; впослѣдствіи Плетневъ замѣнилъ Жуковскаго, когда науки сдѣлались серіознѣе. Русскую исторію преподавалъ профессоръ Арсеньевъ, скучнѣйшій изъ смертныхъ. Императоръ ему сказалъ: Русскую преподавать до Петра, а съ Петра я самъ буду учителемъ. На этихъ лекціяхъ никто не присутствовалъ. Государь зналъ всѣ 20-ть томовъ Голикова наизусть и питалъ чувство нѣкотораго обожанія къ Петру. Образъ Петра, съ которымъ онъ никогда не разставался и былъ съ нимъ подъ Полтавой, этотъ образъ былъ въ серебряномъ окладѣ, всегда въ комнатѣ Императора до его смерти. Глядя на него, онъ отдалъ Богу душу, которая и на землѣ всегда всецѣло принадлежала своему Творцу. Надобно сказать, что Императрица никогда не была довольна обстановкой своихъ дѣтей; она очень справедливо говорила, что Юлія Ѳедоровна Баранова была неудовлетворительна, какъ гувернантка такой острой дѣвочки какъ Великая Княжна Марія Николаевна; тогда взяли во фрейлины Наташу Бороздину. * * * пріударилъ за ней, Марія Николаевна этимъ забавлялась и сдѣлалась confidente его дѣтскихъ и невинныхъ преслѣдованій. Къ счастью, Наташа была благоразумная дѣвочка и смѣялась надъ его вздохами. Наташа всегда была въ большой дружбѣ съ Великимъ Княземъ и пользовалась милостями Государя. Отецъ ея былъ корпусный командиръ, дѣлалъ всѣ кампаніи, отслужилъ и поселился въ Орловскомъ имѣніи съ старшей дочерью Казаковой. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ послѣ выпуска двухъ старшихъ дочерей, занемогъ и умеръ на рукахъ у жандармскаго генерала Балабина, который донесъ Государю черезъ графа Бенкендорфа, въ какомъ бѣдномъ положеніи онъ оставлялъ своихъ сиротъ; его жена, рожденная Жеребцова, кутила гдѣ-то заграницей, гдѣ прижила сына. Тогда взяли двухъ старшихъ Бороздиныхъ во дворецъ и дали имъ вензель. Графъ Моденъ и имъ завидовалъ. Тогда Пушкинъ написалъ стихи:

Всему завистливый Моденъ,
На вензель, двумъ сироткамъ данный *).

*) Въ послѣдней главѣ „Евгенія Онѣгина“. Теперь печатается: „Двумъ сестрицамъ данный“, а о графѣ Моденѣ не упоминается.

Сестрамъ дали четыре комнаты по комендантскому подъѣзду. Настенька пѣла какъ соловей, а Ольга ничего не дѣлала и ходила изъ угла въ уголъ. Настенька вышла замужъ за Николая Урусова, милѣйшаго изъ многочисленныхъ братьевъ Софи, а Ольга за старика Мосолова, который очень дурно съ нею обходился; ихъ разлучили и приказали ему выдавать ей ежегодно 25 тысячъ ассигнаціями; она жила одна особнякомъ. Наташа очень сблизилась съ семействомъ Віельгорскихъ; на ихъ дачѣ Павлинѣ она познакомилась съ Гавріиломъ Павловичемъ Каменскимъ, который съ ней и съ Анолиною [1]) занимался ботаникой. Отъ науки перешли къ болѣе пріятному занятію. Наташѣ строилъ куры адъютантъ великаго князя Михаила Павловича Огаревъ; она его презирала за его низкопоклонство, предпочла ему бѣдняка Каменскаго и вышла замужъ за него. Во дворцѣ поднялся настоящій бунтъ. Полина Бартенева сказала: Il ne me reste plus qu'à épouser un tambour-major [2]). Наташу это не смущало; весь дворъ былъ за нее. Отъ Великой Княжны Маріи Николаевны она пріѣзжала ко мнѣ и сообщала мнѣ свои смиренные планы. Государь выдалъ ей двойной окладъ невѣстъ, т. е. 24 т. вмѣсто 12-ти. Приданое она дѣлала весьма скромное; онъ назначенъ былъ чиновникомъ Министерства Финансовъ и посланъ въ Англію, Наташа нашла тамъ покровительство у Русскаго священника Попова, истиннаго христіанина; она родила сына Николая и дочь Александру; послѣ вторыхъ родовъ простудилась, начала кашлять и слабѣть. Они переѣхали въ деревню; поправленія не было. Дѣти ее очень озабочивали; тутъ были двѣ сосѣдки, пожилыя дѣвицы, которыя няньчили дѣтей. Смерть уже ожидала своей жертвы. Передъ приходомъ страшнаго гостя она ихъ поручила этимъ дѣвицамъ и завѣщала мужу только молиться о ней и жениться на одной изъ сестеръ у нихъ будутъ добрая мать и отецъ. Ее похоронилъ Евгеній Ивановичъ въ Canzel-Green, гдѣ лежитъ его меньшой сынъ Евгеній и гдѣ скоро Поповъ похоронилъ жену, Алису, жену сына священника Василія, гдѣ погребли его и дочь его Ольгу Оленину. Бруновъ со свойственной Нѣмецкой натурой не показалъ ни малѣйшаго чувства къ этимъ горямъ, и похороны всего лучшаго и чистаго на свѣтѣ прошли въ сердечномъ уединеніи. Но Тотъ, Кто собираетъ слезы какъ крохи драгоцѣнныхъ брилліантовъ, воздастъ имъ сторицей, какъ Онъ Самъ это возвѣстилъ людямъ въ утѣшеніе, какъ Іову за его лишенія и скорби. Евгеній Ивановичъ, знакомый съ Англійскимъ переводомъ Ветхаго За-

---

[1]) Младшая изъ графинь Вьельгорскихъ, впослѣдствіи княгиня Шаховская.

[2]) Мнѣ остается только выдти за тамбуръ-мажора.

вѣта, любилъ вклеить Англійскій переводъ Тиндаля въ своемъ письмѣ ко мнѣ. Онъ зналъ Англійскій языкъ вполнѣ и любилъ траги-комическій юморъ Шекспира. Этотъ милый, юный сердцемъ старикъ лѣтомъ возилъ свое семейство во Францію въ Кале или другое мѣсто на берегу моря и любилъ смотрѣть на его волны, особенно любилъ седьмой валъ, когда онъ умиралъ у его ногъ. «Вотъ какъ моряки вѣрно изучили неумолкающее движеніе моря», говорилъ онъ; «каналъ меня живо переноситъ въ любимую охоту, когда на утлой лодкѣ я плавалъ на взморьѣ нашего Ботническаго залива, гдѣ тоже дѣлалъ рикошеты и считалъ волны».

Зимой этого года свѣтская жизнь увлекла всѣхъ, однако были маленькіе вечера causantes, т. е. разставлялись зеленые столы, и на нихъ сражались, кто во что гораздъ. Шуваловы наняли домъ Михаилы Голицына, и тамъ собирались только тузы. Всѣ влюблялись въ эту Польскую волшебницу. Thekla Валентиновичъ была сперва замужемъ за княземъ Платономъ Зубовымъ; какъ всѣ старики, онъ ее обожалъ, баловалъ какъ дитя. Ей было 16-ть лѣтъ, когда онъ увидѣлъ ее въ одномъ изъ предмѣстій Вильны. Князь умеръ безъ завѣщанія и оставилъ свое огромное состояніе и громадное количество брилліантовъ женѣ. Оставшись вдовой въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, съ процессомъ на рукахъ, Thekla нашлась среди затруднительныхъ обстоятельствъ. Только что процессъ былъ выигранъ, она поѣхала въ Вѣну оканчивать свое свѣтское воспитаніе и встрѣтила тамъ графа Андрея Шувалова, который былъ передъ тѣмъ женихомъ Софьи Нарышкиной, когда она уже была очень больна. (У нея былъ домъ на набережной и 25 тысячъ асс. дохода: Александръ I-й былъ очень скупъ). Его послали секретаремъ къ Татищеву въ Вѣну, гдѣ обѣ шляхтянки сошлись какъ нельзя лучше, одна старая, а Thekla была въ полномъ цвѣтѣ красоты. Она выучилась говорить по-французски и была принята аристократическимъ обществомъ. Тутъ она вышла замужъ за графа Шувалова и поѣхала во Флоренцію, гдѣ они прожили годъ. Свадьба ихъ была въ Лейпцигѣ въ Греческой церкви; тамъ родился ихъ старшій сынъ Петръ, нынѣшній посолъ въ Англіи.

Thekla, поселившись въ Петербургѣ, съ удивительнымъ тактомъ сдѣлала себѣ положеніе. Когда она представлялась Императрицѣ, я ее видѣла. Она была какъ-то пышно хороша; руки, шея, глаза, волосы у нея все было классически хорошо. Она подружилась съ Мери Пашковой и графиней Чернышевой. Эти тоже были неразлучны: и въ театрѣ, и катались вмѣстѣ, и танцовали на тѣхъ же балахъ и съ тѣми же

кавалерами. Бѣдная Мери жила душа въ душу съ своимъ Мишелемъ Пашковымъ, подъ строгимъ надзоромъ княгини Татьяны Васильевны Васильчиковой. Она обмывала своихъ дочерей и жила очень просто, хохотала дѣтскимъ смѣхомъ, ѣздила по Воскресеньямъ къ бабушкѣ въ Смольный, забавлялась съ мамзель Узлеръ и не помышляла объ свѣтскихъ удовольствіяхъ. Сестра ея Луиза еще была въ Смольномъ, гдѣ она разсказывала ей свои проказы. Владимиръ Ѳедоровичъ Адлербергъ былъ большой сердечкинъ; онъ былъ женатъ на Марьѣ Нелидовой, племянницѣ Александра Львовича Нарышкина. Онъ пріѣзжалъ въ саняхъ за дѣвицей Яхонтовой, очень хорошенькой кокеткой, становился на запяткахъ, и тутъ они мѣнялись нѣжными взглядами. Отвозили Яхонтову въ Смольный и возвращались домой поздно. Начинались сцены, упреки; онъ сердился, она плакала и принимала валеріану. Они жили на заднемъ дворѣ въ Аничковскомъ дворцѣ. Марья Васильевна занималась дѣтьми, своимъ любимцемъ Сашей, который былъ дуренъ, но очень уменъ и учился хорошо; Никса былъ также уменъ, но лѣнивъ; дочери ея Юлинька и Анна были милыя дѣвочки, но не хороши. Владимиръ Ѳедорычъ влюбился въ Ярцову, и такъ какъ фрейлина зеленъ виноградъ для флигель-адъютантовъ, то онъ сдѣлался повѣреннымъ ея сердечныхъ тайнъ. Она призналась, что умираетъ по Александру Суворову, и онъ устроилъ эту свадьбу очень легко. Суворовъ, прекрасный и честный малый, сдѣлалъ эту глупость и, что̀ странно, не смотря на всѣ ея капризы, онъ всегда любилъ ее.

Исторія съ Витгенштейномъ интересовала Императрицу, потому что ей хотѣлось женить его на красавицѣ Леонилѣ Барятинской. Эти бархатные глаза и соболиныя брови надѣлали много шума. Въ нее влюбился Александръ Трубецкой и предложилъ ей руку, но она оскорбилась и вышла за Витгенштейна. Первые годы они были очень счастливы. Стефани оставила мужу все свое состояніе въ Царствѣ Польскомъ, знаменитые сады и въ Литвѣ мѣстечки Кивлеръ и Кейданы, также мѣстечки въ Волынской и Подольской губерніяхъ. Грабовскій при мнѣ разсказывалъ, что въ Несвижѣ были комнаты обитыя краснымъ бархатомъ, всѣ мебели были массивнаго серебра, также карнизы, люстры и канделябры. Эти комнаты назывались королевскими. По Литовскому Статуту Стефани имѣла право оставить это состояніе мужу или кому хотѣла. Литовскій Статутъ теперь давно уже уничтоженъ, что̀ положило конецъ многочисленнымъ процессамъ. Когда въ 1818 году начали приводить въ порядокъ архивъ Польскихъ дѣлъ, то нашли 18 т. разводныхъ дѣлъ; не знали что̀ дѣлать и написали папѣ Кіарамонте, прося его остановить этотъ скандалъ. Это было хуже чѣмъ въ Германіи, потому что въ Прибалтійскомъ краѣ запрещены

были разводы, только въ крайностяхъ они допускались. Мать Стефани была отдана Моравскимъ 16 лѣтъ за Старжинскаго, совершеннаго негодяя; онъ ее проигралъ въ карты Доминику Радзивилу за 20 т. злотыхъ; потомъ по желанію императора Александра она вышла за Ч....; онъ ей сильно надоѣдалъ разсказами о своихъ военныхъ похожденіяхъ. Въ Петербургѣ она спросила Государя [1]): Est-ce qu'on a le droit de se séparer d'un mari, qui vous tue par l'ennui? — Très certainement, отвѣчалъ Государь. — Eh bien, je me sépare de votre Ч. —Faites comme vous l'entendez [2]), отвѣчалъ спокойно Государь. Чтó было сказано, то было сдѣлано.

Но перейдемъ къ Витгенштейнамъ. Они жили, кажется, въ Шарлотенштрасе. Леонила родила тамъ сына Александра; Маша и Питеръ [3]) были уже взрослыя дѣти. Леонила вздумала увѣрить дѣтей, что она имъ мать (она ревновала умершую). Давыдовъ былъ также въ Берлинѣ. Его жена была кроткая, прямая женщина; съ ними была сестра Давыдова, очень умная, но дурная собой дѣвица и весьма православная. Тутъ устроили ея свадьбу съ графомъ Еглофштейномъ, у котораго кромѣ пріятнаго лица не было ни гроша. Они были очень счастливы, и позже Albert Portalis уговорилъ ее перейти въ протестантизмъ. Я проводила зиму 1837 года въ Парижѣ, и Витгенштейны поселились въ Faubourg St. Germain, на quai d'Orsay. Я разъ пріѣхала съ визитомъ, пожелала видѣть дѣтей и замѣтила, что Маша со временемъ будетъ похожа на свою мать. На другой день пріѣхалъ ея братъ Александръ и спросилъ меня, чтó я говорила. На мой отвѣтъ онъ сказалъ: Elle ne vous pardonnera jamais cela.—Le grand malheur! Je me passerai de son pardon [4]). Мухановъ ея не терпѣлъ, говорилъ, что Crepon пишетъ ея портреты и пѣшкомъ en châtelaine avec un faucon sur la main [5]), и лежа, и сидя, и въ черномъ съ краснымъ, и въ бѣломъ какъ Весталку, и все по 20 т. франковъ. Когда, говорилъ онъ, всѣ пьютъ чай, ей подаетъ камердинеръ апельсинъ и мелкій сахаръ на серебряномъ подносѣ, послѣднемъ остаткѣ Несвижскаго величія: на этомъ-де подносѣ (прошу извиненія у Каткова, что у него украла *де*, введенное имъ въ моду) подавали кофе какому-то королю. Тогда пошли въ моду историческія

---

[1]) Т. е. Александра Павловича. См. объ этомъ въ перепискѣ Кристина съ княжной Туркестановой, при Русскомъ Архивѣ 1882 года.

[2]) Имѣется ли право развестись съ мужемъ, который моритъ жену скукою? – Все-конечно.—Хороше же: я развожусь съ вашимъ Ч.—Дѣлайте какъ знаете.

[3]) Т. е. дѣти отъ перваго брака князя Л. Витгенштейна. съ княжною Стефаніей Радзивилъ.

[4]) Она вамъ никогда не проститъ этого.—Великое горе! Я обойдусь безъ ея прощенія.

[5]) Владѣтельницею зáмка, съ соколомъ на рукѣ.

воспоминанія и реставраціи разрушенныхъ фамильныхъ склеповъ и замковъ. Витгенштейны отправились въ развалину Сайнъ. Наши Витгенштейны были графы Витгенштейнъ-Бернбургъ; но Прусскій король ихъ сдѣлалъ князьями. Это понравилось тщеславной Леонилѣ Ивановнѣ, и она превратилась въ совершенную Прусачку. Она въ Римѣ приняла Римскую вѣру и въ траурномъ платьѣ, съ распущенными волосами и подъ вуалью, несла на плечахъ огромный крестъ въ Чистый Четвергъ. Не знаю, писали ли ея портретъ въ этой позѣ; знаю, что папа Григорій XVI-й и весь sacré collège плакали отъ умиленія, что Русская княгиня оставила схизму и обратилась въ омутъ Римской грязи. Вотъ исторія, такъ исторія! Это напоминаетъ письмо нашихъ солдатъ, которое Евгеній Ивановичъ [1]) мнѣ передалъ:

Пишетъ, пишетъ король Прусскій
Государынѣ Французской
Мекленбургское письмо.

Нечего сказать, тонко сказано, мило и игриво, хотя немного казарменно. (Вся эта литературная наука далась мнѣ послѣ Института).

Въ Сайнѣ устроили капеллу; но въ число святыхъ поставили образа̀ Св. Ольги и Владимира, яко предковъ; потому что Барятинскіе были удѣльные князья и хвалились, что они старѣе Одоевскихъ, что̀ невѣрно, если Лакьеръ [2]) не ошибся..... Состояніе бѣдной Стефани тратилось за границей во всѣ четыре стороны. Рядомъ, какъ въ насмѣшку, былъ сумасшедшій домъ, настоящая пародія замка... Графиня Орлова-Давыдова замѣтила гувернера, который срывалъ пахучую траву citronelle, отиралъ руки и колѣнопреклоненный передъ своей «мадонной чистоты» подавалъ измятую въ его рукахъ citronelle. Она, поднимая глаза къ небу, опускала ихъ на бѣднаго гувернера, который со вздохомъ поднимался медленно съ своей скромной позитурой. Одинъ разъ утромъ графиня Орлова-Давыдова замѣтила тревогу въ домѣ: готовилось стадо принять своего пастыря. Леонила Ивановна облеклась въ черное платье и подъ вуалью колѣнопреклоненная, рядомъ съ гувернеромъ и дѣтьми, стояла на колѣняхъ и приняла съ должнымъ уваженіемъ своего епископа. Она вздохнула, когда сестра ей объявила, что уѣзжаетъ, уже уложилась и позавтракала. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ было оставаться среди овецъ козлищу? Съ той поры сестрицы не съѣзжались. Въ антрактѣ, сумасшедшій утопился въ прудѣ подъ самымъ носомъ княгини. Не подозрѣвала она, что ея мужъ, съ которымъ

---

[1]) Лондонскій священникъ Поповъ, пріятель А. О. Смирновой.

[2]) Составитель книги о Русской геральдикѣ.

она уже непритворно сблизилась, сойдетъ съума, и что ей придется съ нимъ возиться цѣлый годъ. Тутъ подоспѣлъ ея братъ, когда Витгенштейнъ, въ припадкѣ ярости, врывался къ женѣ. Потомъ пріѣхалъ фельдмаршалъ съ женой уже совершенной law-church (она мнѣ привезла трактаты, между прочимъ The baum of Gillad). Они повезли несчастнаго Луи въ Каннъ, гдѣ его катали, забавляли какъ ребенка; онъ скончался тихо, будто бы уснулъ. Онъ былъ незлобивый грѣшникъ и былъ убѣжденъ, что милосердный Богъ проститъ ему его вольные и невольные грѣхи. Такъ кончилась эта супружеская жизнь, начатая притворной любовью, перешедшая на короткое время въ indifférence *), а потомъ въ дружбу.

Супружескій союзъ такъ святъ, что, не смотря на взаимныя ошибки, прощаютъ другъ друга и заключаютъ жизнь мирно и свято. Фельдмаршалъ еще оставался въ Каннѣ на этой же самой виллѣ, гдѣ скончался князь; жена его писала мнѣ въ Лондонъ своимъ крупнымъ почеркомъ, что у нея разыгралась Грузинская желчь и что она спитъ и видитъ какъ бы вернуться въ Combe-Royal. Они тутъ поселились на первый годъ супружеской жизни и хотѣли пощупать мнѣніе общества. Первый визитъ былъ ко мнѣ въ Торкей. Барятинскій былъ доволенъ обѣдомъ. Княгиня тотчасъ была à son aise, обходилась съ Ольгой и Надей какъ съ сестрами; они позвали насъ съ дѣтьми къ себѣ. Ѣзды въ каретѣ было всего два часа. Combe-Royal мѣсто историческое: туда спаслась отъ Кромвеля королева Марія Генріетта. Оно теперь принадлежитъ несчастному, котораго катаютъ въ креслѣ, и руки его у самаго плеча; онъ человѣкъ умный и пишетъ книги; онъ поселился въ другомъ мѣстѣ возлѣ Ньютонъ-Аббатъ съ сестрой, старой дѣвицей....

*

Нашъ языкъ переполненъ Татарскими и Турецкими выраженіями. Такъ въ Константинополѣ я узнала, что въ Дамаскѣ, во время рѣзни христіанъ, Англійскій консулъ скрывался въ *амбарѣ*. Слово *сундукъ* Турецкое, и на пароходѣ только и слышно было сендукъ...... Всѣ кошки рыжія и сидятъ въ желѣзныхъ клѣткахъ; когда качаетъ, ихъ рветъ; онѣ словно ловятъ мышей, въ которыхъ нѣтъ недостатка въ Константинополѣ. У меня въ Терапіи поймали въ одну ночь 8-мь штукъ. Тикъ мѣшалъ мнѣ спать; къ счастію Фаншурка, которая ихъ боялась, была въ родахъ (ее препоручили человѣку Николи, и его прозвали Парамоной, т. е. мамкой моей собаченки). Эта сквернавка вовсе не знала материнскихъ заботъ, бросала своихъ щенятъ и прибѣгала ко мнѣ; щенята вышли прегадкіе послѣ ея безнравственнаго поведенія съ Кон-

---

*) Равнодушіе.

стантинопольской собакой. Дѣти нашей хозяйки m-me Petala съ восторгомъ ихъ приняли. Мы проводили время очень пріятно, объѣздили всѣ достопамятныя мѣста, были въ Портѣ, въ Семибашенномъ замкѣ, гдѣ былъ заключенъ нашъ Булгаковъ, ѣздили въ лодкѣ въ Буюкдере, гдѣ была Русская дача, ѣздили въ Килію; насъ возилъ нашъ драгоманъ Periclis и шелъ по улицѣ, сопровождая наши chaises à porteur съ двумя кавасами, всегда изъ Булгаръ. Periclis былъ очень смѣшонъ; онъ увѣрялъ, что султану недолго царствовать, потому что разбойникъ Елиферій всегда укрывается въ непроходимыхъ лѣсахъ Средней Азіи. Ольга и Миша рисовали. Миша встрѣтилъ Черкеса, который служилъ у Воронцова на Кавказѣ; къ его удивленію Черкесъ его спросилъ: чтó дѣлаетъ княгиня Елисавета Ксаверіевна безъ князя? Этотъ Черкесъ былъ однимъ изъ переселенцевъ и былъ приставленъ къ Св. Софіи. Боже, чтò сдѣлали Турки съ этой церковью пристройками! Внутренность обезображена надписями изъ Корана, полъ устланъ соломенными коврами; въ храмѣ всегда кто нибудь бормочетъ, сидя на колѣнкахъ, что нибудь на распѣвъ и перебираетъ четки. Женщинъ я никогда не видала, ни въ одной мечети. Мы ѣздили въ патріархатъ; церковь вся украшена деревянной и весьма красивой рѣзьбой. Когда В. К. Алексѣй пріѣхалъ, Греки встрѣтили его крикомъ: живіо! Онъ съ посломъ пилъ кофе у патріарха, и тотчасъ затѣмъ патріархъ отдалъ ему визитъ въ черномъ облаченіи маломъ; ему также подали кофе въ крошечныхъ чашечкахъ; нашъ священникъ показалъ ему посольскую церковь. Во время Бутенева Греки толпились въ этой маленькой церкви, и патріархъ изъявилъ сожалѣніе, что это сближеніе утратилось, не знаю почему. Игнатьевъ и его жена вовсе не интересовались церковью: ризы были бѣдныя, пѣвчихъ не было, и пѣли наши матросики съ стасіонера «Тамани», скуднаго пароходика. «Тамань» уцѣлѣла изъ нашего Севастопольскаго флота. Игнатьевъ выѣхалъ разъ съ женой въ Крымъ. Черное море расколыхалось. Катя Игнатьева расплакалась и умоляла мужа вернуться; напрасно онъ ее просилъ не подвергаться насмѣшкамъ: ce que femme veut, Dieu le veut *)...

Утромъ рано прибѣжалъ Fred et John и со смѣхомъ объявилъ намъ, что Ignace возвратился, убоясь моря. Плаваніе по Босфору вовсе не безопасно: надобно спѣшить домой, какъ только онъ покрывается рябинками. Одинъ разъ я съ книгой сидѣла подъ окномъ; вдругъ повѣялъ свѣжій вѣтерокъ, и затѣмъ вихрь. Миша и Ольга поѣхали съ однимъ гребцомъ въ каикѣ на ту сторону, также m-me de Bourges и m-me Рейнеке на базаръ въ Стамбулъ. Въ восемь часовъ прозвонили на ужинъ; прошелъ еще часъ, никого не видать;

*) Чего хочетъ женщина, того хочетъ Богъ.

наконецъ, въ девять приплыла большая барка, и эти дамы пріѣхали домой; моихъ же все не было видно. M-me Petala сама начала безпокоиться; наконецъ, явилась Ольга съ Мишей подъ зонтикомъ. Только что они причалили къ Азіатскому берегу, поднялся вихрь, гребцы направили лодку въ устье рѣки и наотрѣзъ отказались выйти изъ убѣжища; Греки, зная море, очень осторожны. Подождите, говорили они, пароходъ пройдетъ черезъ часъ, и на немъ вы безопасно доплывете въ Буюкъ-дере. Они оттуда пришли пѣшкомъ усталые и мокрые; маленькій дождикъ превратился въ крупныя капли. Мы сѣли за ужинъ, который былъ хуже обыкновеннаго. Миша тоже меня напугалъ порядкомъ; онъ поѣхалъ на катерѣ Англійскаго стасіонера на Змѣиные острова, гдѣ еще видны остатки какого-то храма, вѣроятно Нептуна или Эола; съ нимъ Англичанинъ, женатый на Балтачи. Они вернулись очень поздно, при сильномъ вѣтрѣ. Босфоръ запруженъ тѣлами несчастныхъ погибшихъ въ морѣ: всякій годъ 10 и болѣе человѣкъ дѣлаются жертвами волнъ. Пароходная ѣзда также не безопасна: секретарь нашего посольства два раза подвергался большой опасности; пароходъ «Колхида» столкнулся съ Англійскимъ пароходомъ у памятника Геро и Леандра. Замѣчено, что несчастія обыкновенно тамъ случаются. Миша ѣздилъ въ Килію и привезъ съ собой бѣлыя лиліи; оба ботаника не могли ихъ классифицировать; говорятъ, что онѣ выросли на мѣстѣ, гдѣ христіанинъ былъ замученъ, и кровь чистой души оставила по себѣ эти цвѣты какъ памятникъ. Турецкое населеніе ничего не дѣлаетъ, и вся торговля и промышленность въ рукахъ у Грековъ. Послѣдніе все тѣшутъ себя мыслью, что въ скоромъ будущемъ Византія будетъ имъ отдана. Теперь Англичане тамъ хозяйничаютъ, а Французы наполняютъ ихъ каррикатурныя министерства. У нихъ есть la Banque Ottomane, которой директоромъ былъ маркизъ de Phock, очень умный человѣкъ, а вице-директоромъ Tom Bruce, братъ лорда Elgin. Этотъ банкъ завелъ Tournel, и они получаютъ десять процентовъ. Теперь Phock директоромъ Французскаго банка. Онъ ознаменовался во время коммуны; подвергаясь опасности, онъ пріѣзжалъ изъ Женевы, спасъ бумаги, завернувъ ихъ въ пледъ, когда уже коммунисты окружили банкъ. Какое страшное время Франція и всѣ переживали въ эту несчастную годину! Tom Bruce очень пріятный господинъ, толстякъ и весельчакъ; онъ зашибаетъ 25 т. фр., а Phock всѣ 100.000 фр. Madame la marquise утѣшается, потому что ея супругъ живетъ съ какой-то Цыганкой, женой капитана Французскаго стасіонера. Вообще въ Константинополѣ не женируются. Маркизъ Moutier при женѣ плакалъ, обнимая свою любовницу, Самосскую принцессу. Lady Burrier пьянствовала на стасіонерѣ и лежала на плечахъ у мичмановъ, а ея мужъ послѣ Moutier унаслѣдовалъ Самос-

скую барыню. Бурріе содержалъ теперешнюю m-me Caporal. Я познакомилась съ Капоралемъ; онъ былъ съ острова Крита и фабрикантъ мыла. Это Греческое мыло безъ запаха расходится по всему міру и есть основаніе всѣхъ душистыхъ мылъ. Къ намъ оно приходитъ въ своей чистотѣ, въ четвероугольныхъ кирпичахъ со штемпелемъ; въ дѣтствѣ меня мыли этимъ мыломъ; кажется, оно готовится изъ Грецкихъ орѣховъ. Нѣтъ сомнѣнія, что древніе Греки его употребляли. Оно приходитъ къ намъ съ халвой и ракатъ - лукумъ, въ малыхъ коробкахъ изъ особаго дерева. Въ Одессѣ есть еще въ морѣ мыло глинистое, и я помню, что по приказу доктора Каруцы меня и маменьку мазали этимъ свѣтло-зеленымъ мыломъ и потомъ обмывали въ морѣ. О море изумрудное, Одесское море, какъ ты хорошо, когда твои рябинки золотятся подъ палящимъ солнцемъ, ночью серебрятся подъ луною, а черные дельфины выскакиваютъ! Когда подъ старость я пріѣхала въ Одессу на пароходѣ «Тамань», эти знакомые фантастическіе дельфины медленно поднимались, потому что негостепріимное море было тихо какъ озеро и подъ облачнымъ небомъ облеклось въ сѣрый саванъ. Капитанъ нашего корабля Томиловичъ, остатокъ храбраго Севастопольскаго флота, мнѣ сказалъ, что ни разу не имѣлъ такого благополучнаго плаванія. Мы отвозили нашихъ Русскихъ поклонниковъ изъ Іерусалима. Тутъ былъ несчастный Еврей совершенно сумасшедшій, онъ все хотѣлъ раздѣваться до гола, и принуждены были запереть его à fond de cale, гдѣ онъ метался и вылъ. Въ Одессѣ его отвезли въ Еврейскій госпиталь. Въ Константинополѣ мы обѣдали у m-me Petala въ общей комнатѣ. Туда приходили Австрійцы; ихъ драгоманъ замѣчательно ученый и свѣдущій человѣкъ. Капораль приносилъ новости изъ Перы и Галаты, извѣстныя подъ названіемъ les canards de Galata*). Въ четыре часа мы пили чай въ общемъ столѣ всегда пустомъ. St. John, Mallet, Жадовскій были охотники всѣ на нашъ чай со сливками и самымъ лучшимъ масломъ.... Обѣдъ въ посольствѣ былъ изрядный, я тамъ познакомилась съ Черногорскимъ сенаторомъ Пламенцомъ и его секретаремъ. Оба плечистые здоровенные парни. Хитровъ съ ними говорилъ по-славянски, потому что ихъ языкъ болѣе разнится съ Русскимъ, чѣмъ Болгарскій. Бѣдные Болгары говорятъ почти какъ мы; они служатъ кавасами, продаютъ кукурузу и розовые и голубые леденцы, которыми отравляла себя Melanie de Phock; она не признавалась матери, чтó производило ея рвоту.

Семейство Балтачи было очень многочисленное; оно оставалось вѣрно древнимъ Греческимъ именамъ: тамъ были Miltiades, Epami-

*) Т. е. Галатскія утки: сочиненныя, лживыя извѣстія.

nondas, Pericles, Aristarcus и одинъ только Theodoros, самый умный и честный Грекъ, котораго нечего было бояться и повторять извѣстную поговорку: Timeo Danaos et dona ferentes[1]). Я уже немного маракована по-гречески. Во время болѣзни въ Павловскѣ, я встрѣтила у А. С. Норова Дмитрія Христофоровича Гуманика, который съ нимъ читалъ Греческихъ классиковъ. Утромъ я заходила на дачу..., гдѣ жили Норовы. Абр. Серг. сидѣлъ у окна съ книгой и переводилъ что-то. Комнаты были метены до половины, стулья лежали на полу; я это сообщила хозяину. «А это, говорилъ онъ заикаясь, оттого, что Эпикуръ играетъ въ бабки съ форейторомъ». Лакеи вѣдь всѣ Эпикурейцы! За столомъ происходили часто смѣшныя сцены. Норовъ просилъ прощенія у слуги и клалъ ему бумажку въ пять или десять рублей. «А вотъ вы не извольте въ другой разъ драться!» Вечеромъ мы играли въ ералашъ; мелкія карты онъ называлъ Мингрельцами, Варвара Егоровна [2]) Нѣмцевъ называла Дрнтельманами. Платки Абр. Сер. летѣли во всѣ углы, онъ безпрестанно нюхалъ для глазъ, и Варвара ихъ подбирала. Онъ былъ очень разсѣянъ, часто спрашивалъ калошу для своей деревяшки. «Да она осталась подъ Бородинымъ», отвѣчала ему жена. Онъ ухаживалъ за m-me Никитенко [3]) и разъ влѣзъ въ ея вагонъ, заболтался и уѣхалъ съ ней въ Царское. Кучеръ долго ждалъ, наконецъ, пріѣхалъ и говоритъ, что онъ обратно уѣхалъ въ Царское: «такой ужъ странный этотъ баринъ, Богъ съ нимъ!» Абр. Серг. завидовалъ мнѣ, что я чище его выговариваю по-гречески и читаю наизусть Отче нашъ и Вѣрую. Такъ мы дѣлили время между дѣломъ и бездѣльемъ. Говоря о Православіи, я ему сказала: я люблю нашу Церковь за ея истину. Онъ вошелъ въ восторгъ. «Нѣтъ, милая, дайте поцѣловать себя за это слово» и обнялъ меня.—«Абрамушъ, Абрамушъ!» замѣтила Варвара Егоровна. Норовъ былъ гораздо образованнѣе прочихъ министровъ. «Да», говорилъ онъ на балахъ, подсаживаясь къ этому кривотолку графу Панину, «тутъ мы забираемся въ Греческую и Латинскую древность, и Панинъ является правотолкомъ». Онъ очень ученъ и жалѣлъ, что у насъ такъ неглижируютъ классическими писателями. До женитьбы Норовъ ѣздилъ въ Сицилію и выдалъ очень дѣльную книгу о Греческихъ развалинахъ въ Таррентѣ, былъ въ Іерусалимѣ, подпимался вверхъ по Нилу до не знаю какой катаракты, и человѣкъ, который много его вещей растерялъ по дорогѣ, отвѣчалъ ему: «это осталось у Берберовъ на поворотѣ». Въ Египтѣ его самолюбіе кольнуло его: Англичане и Французы платили дорогія цѣны за остатки Египетскихъ древностей. Лейардъ купилъ

---

[1]) Боюсь Грековъ, и дары приносящихъ. — [2]) Супруга А. С. Норова, ур. Панина. — [3]) Урожд. Любощинская, Польскаго происхожденія. Службою въ Римско-католической Академіи многое объясняется въ дневникѣ ея супруга.

ихъ зодіякъ, который раскололся при спускѣ, и этотъ зодіякъ теперь въ Луврѣ. Шамполіонъ, а потомъ Бунзенъ и Sir Gardener Wilkinson первые начали заниматься Египетскими сокровищами зодчества и живописи. Sir Gardener мнѣ говорилъ, что вся наука пришла на Западъ изъ Египта, что Геродотъ лучшій описатель этой курьезной страны. Ихъ живопись вся историческая. Евреи были всѣ бѣлокурые, красивые, какъ нашъ Спаситель, средняго роста, съ голубыми глазами. Они представлены дѣлающими плиту, нѣкоторые магнитизерами. Теперь читаютъ ихъ надписи по ключу Шамполіона. По дорогѣ Норовъ посѣтилъ въ Средней Азіи семь Церквей Апокалиптическихъ, убѣдился въ истинѣ пророчествъ Іоанна Богослова: тамъ-де мерзость запустенія, пророчески предсказанная Даніиломъ. Въ Кандіи онъ переругалъ пашу Турецкаго, который не оказывалъ почтенія его деревяшкѣ и трактовалъ Русскаго генерала какъ джаура; онъ тутъ встрѣтилъ Кинглека, который возвращался въ Европу. Послѣдній публиковалъ свое путешествіе подъ названіемъ *Eathen*, т. е. заря по-гречески. Норовъ лишился ноги 17-ти лѣтъ подъ Бородинымъ; какъ всѣ безногіе, онъ очень потолстѣлъ. Юношей онъ былъ очень красивъ, волочился за всѣми хорошенькими en tout bien et tout honneur; его артистическая натура цѣнила все прекрасное какъ Божіе твореніе. На счетъ любовный онъ пользовался только разъ, когда былъ въ связи съ вдовой адмирала Синявина; она жила въ Калужской губерніи въ уединеніи, не имѣя дѣтей. Онъ поѣхалъ въ городъ, увидѣлъ свою Вариньку и женился; она ничего не имѣла: у матери ея мало состоянія. Въ Египтѣ Норовъ купилъ за 6000 фр. Изиду, уложилъ ее на пароходъ и послалъ въ Одессу. По Нилу встрѣтилъ онъ какую-то женщину, которая цѣловала Изиду и оплакивала ея отъѣздъ; должно быть это была какая нибудь Кондакія, царица Савская, временъ царя Соломона. Изъ Одессы Изиду взвалили на сани и шестерикомъ привезли въ Питеръ. Женихъ позабылъ про ея существованіе. Онъ жилъ тогда во второмъ этажѣ у Пантелеймона; человѣкъ его вбѣгаетъ и говоритъ барину: «Наша Изида пріѣхала на шестерикѣ. Вотъ и письмо».—«Вотъ-те на!» Путешествіе ея стоило 6000 ф. итого уже 12-ть; а гдѣ жъ взять? Набивши носъ табакомъ, что онъ всегда дѣлалъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, Абрамъ Сергіевичъ отправился къ кн. Волконскому. Тотъ ему сказалъ: «Да кто васъ просилъ купить эту Изиду? Куда мы ее поставимъ? Пожалуй подъ лѣстницу въ Академію Художествъ». Такъ и сдѣлали, и бѣдная Изида и доселѣ покрывается пылью подъ лѣстницей Академіи Художествъ, основанной Шуваловымъ при Елисаветѣ. Абр. Серг., желая познакомить нашу невѣжественную публику съ сокровищами Египетскаго художества, написалъ статейку въ Сѣверной Пчелѣ, которая подъ

покровительствомъ правительства служила свѣтиломъ политическимъ, нравственнымъ, художественнымъ. Николай Муравьевъ на слѣдующій годъ привезъ двухъ великолѣпныхъ сфинксовъ, которые украшаютъ наружную лѣстницу Академіи Художествъ. Абрамъ Сергіевичъ Норовъ при имп. Николаѣ былъ министромъ просвѣщенія и очень скорбѣлъ, что классики были въ совершенномъ загонѣ въ гимназіяхъ и особенно старался ввести изученіе Греческаго языка; у него было 15,000 рѣдкихъ книгъ и манускриптовъ, даже Еврейскихъ, чудныя изданія Елзевировъ и Дидота.

Его жена составила ему каталогъ съ помощію Дм. Христофоров. Гуманика и говорила, что Еврейскія буквы все шкапчики и точки. Гуманикъ получилъ образованіе въ Халкидонской семинаріи и готовился для духовнаго положенія. Изъ Константинополя онъ пріѣхалъ въ Одессу, гдѣ его пригрѣлъ Александръ Скарлатычъ Стурдза. Евгеній Гагаринъ уже былъ принятъ какъ женихъ. M-me Стурдза, дочь знаменитаго Гуфланда, приносила въ банкѣ варенье и раздавала очень умѣренно эти сладости, которыми заѣдали весьма скудную трапезу. Не знаю, не по закону ли это макробіотики. Александръ Скарлатычъ переѣхалъ въ Одессу послѣ рѣзни 1821 года; онъ сдѣлался извѣстенъ императору Александру послѣ войны 1812 года, когда написалъ критическую статью на западное образованіе. Замѣчательно, что Бруновъ ее перевелъ на Нѣмецкій языкъ въ Лейпцигѣ.

Бруновъ воспитывался въ Лейпцигѣ съ братомъ своимъ горбуномъ; они были Русскіе подданные, Курляндцы. Братъ его издавалъ газету въ Дрезденѣ еще въ 1854 году. Карьера старшаго самая странная; онъ выставлялъ себя, гдѣ только могъ быть замѣченъ, занялся подъ руководствомъ Балтазара Балтазаровича Кампенгаузена протестантской пропагандой и протестантскимъ благотвореніемъ, т. е. Русскимъ свиньямъ ничего не давать, а только милымъ Нѣмцамъ сапожникамъ и прочимъ великимъ ремесленникамъ, дошедшимъ до искусства обманывать. Бруновъ говорилъ точно также какъ эти колонисты, которыхъ поселили у Средней Руки для высушки болотъ и садки деревъ (это сдѣлала Екатерина и дала имъ разныя льготы. Вотъ эти свиньи, говорятъ мужики, не знаютъ некрутчины). Орлову понадобился хорошій редакторъ, и Воронцовъ ему уступилъ Брунова, который ему писалъ въ Андріанополѣ; всѣмъ извѣстенъ этотъ знаменитый трактатъ какъ авторитетъ, на который мы ссылались передъ поганой Крымской войной. По этому трактату намъ дали право входить въ Босфоръ и отрѣзали часть Бессарабіи до Прута. Я помню, какъ возили Турецкое золото на монетный дворъ; но Государь простилъ имъ нѣсколько милліоновъ, потому что издержки

войскъ были уплачены. Благодарить пріѣхалъ Галиль-паша; его приняли въ Тронной залѣ, Императоръ стоялъ передъ трономъ, и Галиль колѣнопреклоненно вручилъ ему письмо Махмуда. Махмудъ былъ послѣдній замѣчательный султанъ; по несчастію, онъ упивался раки́; его лѣчилъ Англійскій докторъ Милингенъ и припадки delirium tremens лѣчилъ сильными пріемами опіума; его катали въ парадномъ каикѣ, потому что боялись возмущенія въ случаѣ его смерти; онъ останавливался у подъѣзда Бутенева, котораго любилъ и очень уважалъ. Передъ отъѣздомъ Галиля Государь долго съ нимъ говорилъ о положеніи Турціи и сказалъ ему: Передайте отъ меня слѣдующее предложеніе, чтобы мирнымъ образомъ покончить съ этимъ вѣчно угрожающимъ потрясеніемъ Восточнаго вопроса. Одинъ Махмудъ можетъ его разрѣшить; скажите ему, что какъ другъ я совѣтую ему принять вѣру большинста своихъ подданныхъ. Галиль тронутый отвѣчалъ, что надобно будетъ выбрать минуту расположенія къ разговору. Восемь мѣсяцевъ онъ искалъ удобнаго случая. Махмудъ, вскрикнулъ: Государь Николай Павловичъ единственный честный человѣкъ въ Европѣ. Онъ началъ заниматься церковью православною, но вскорѣ умеръ. Абдулъ-Асизъ уже пилъ и совершенно одурѣлъ, попавши совершенно въ руки Англичанъ; съ его короткаго правленія пошла la grande dégrengolade de l'Empire Ottomane [1]), а послѣдній ударъ нанесла ему таже Англія своимъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла этого несчастнаго государства. Les hommes s'agitent, et Dieu les mène [2]), сказалъ Фенелонъ. Бруновъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ назначенъ готовить Великаго Князя Константина Николаевича къ его поѣздкѣ на Востокъ; онъ учился по-турецки. Щедро одаренный, онъ впился жадно въ разныя книги, читалъ исторію Гаммера, l'Empire Ottomane. Встрѣтивъ его разъ на вечерѣ, я ему сказала: Nous devons prendre Constantinople.—Comme de raison, il sera à nous [3]). Его сопровождали Литке и Гриммъ. Въ Севастополѣ, разсказывалъ Гриммъ, мы нашли флотъ въ цвѣтущемъ состояніи. Лазаревъ былъ ученикъ Англичанъ, офицеры имѣли каждый въ своей каютѣ библіотечку и карты; они читали, ходили по городу, кутили умѣренно и пили умѣренно. Однимъ словомъ, они были порядочные люди; изъ нихъ вышли наши герои Корниловы, Нахимовы и трое Бутаковыхъ, ознаменовавшихъ себя различными подвигами. Спокойные, хладнокровные, эти три рыжичка, какъ прозвали ихъ солдатики, были замѣчательные люди. Я встрѣтила Григорія и Алексѣя у фельдмаршала Барятинскаго и наслаждалась ихъ разговорами. Фельдмар-

[1]) Великое распаденіе Оттоманской имперіи.

[2]) Люди тревожатся, а Богъ ведетъ ихъ.

[3]) Мы должны взять Константинополь.—Конечно, онъ достанется намъ.

шалъ зналъ Азіатскую карту и политику. Онъ съ Алексѣемъ Ивановичемъ говорилъ, что мы должны слѣдовать указаніямъ Великаго Петра и взять весь этотъ край до Персіи и Афгана. Петръ послалъ 300 человѣкъ войска, чтобы проложить дорогу, но всѣ погибли въ пескахъ и были вѣроломно перерѣзаны этими же Персіянами. Алексѣй Ивановичъ закупилъ машины въ Ливерпулѣ и съ женой отправился къ Аральскому морю; оттуда онъ мнѣ писалъ комическія письма и описывалъ чтѝ дѣлаетъ героиня пустыни, его жена, какъ она варитъ, готовитъ обѣдъ, какихъ звѣрей и рыбъ она ѣстъ, а какихъ даетъ только индигенамъ. Которые звѣри насъ ѣдятъ, которыхъ мы ѣдимъ. Онъ нарисовалъ мнѣ карту этихъ морей и пустынь. Онъ нашелъ тамъ Ильченка, бѣднаго изгнанника за какіе-то либеральные стихи, писавшаго прелестно à la sepia. Онъ написалъ портретъ какого-то дикаго. Григорій Бутаковъ ѣздилъ въ Англію, чтобы слѣдить за прогрессами Англійскаго морскаго искусства; онъ говоритъ, что Французскій флотъ просто дрянь въ сравненіи съ Англійскимъ. Алексѣй вернулся съ Аральскаго моря; въ Петербургѣ никто не обращалъ на героя никакого вниманія; онъ умеръ забытымъ, но потомство воздастъ ему должное. Третій братъ былъ защитникомъ Критскихъ Грековъ, которыхъ безбоязненно перевозилъ въ Грецію. И теперь онъ крейсируетъ на Босфорѣ, Дарданелахъ и въ Средиземномъ морѣ.

Въ бытность мою въ Константинополѣ пріѣзжалъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ; ему назначалось плаваніе въ Великомъ Океанѣ. Цвѣтущій и красивый юноша. Съ нимъ была свита: ботаникъ, инженеръ, докторъ Здекауеръ, которому онъ обязанъ своимъ здоровьемъ. Я видѣла маленькаго Алексѣя у Анны Тютчевой. Блѣдный, желтенькій пятилѣтній ребенокъ, онъ рисовалъ въ Дармштадтѣ корабли и Русскихъ орловъ и игралъ съ сестрой Марьей Александровной, тоже слабенькой дѣвочкой. Когда дѣвочка оправилась, Государь, который обожалъ это милое дитя, хотѣлъ всегда, во всѣ погоды, съ ней кататься, чего Анна не могла допускать, когда она была нездорова. Съ этой поры поселилось въ душѣ Государя неудовольствіе на Анну, которое повело ее къ свадьбѣ съ Иваномъ Аксаковымъ, этимъ заподозрѣннымъ врагомъ общественнаго порядка, Славянофиломъ.....

(Продолженіе будетъ).

НИКОЛАЙ СПАѲАРІЙ И ЕГО ВРЕМЯ.

I. Молдавскій періодъ.

Николай Спаѳарій родился въ Молдавіи въ округѣ Васлуйу, около 1625 г. Отецъ его былъ Грекъ, происходилъ изъ южной Мореи (Лаконіи) и носилъ имя Гавріила. Прозвище «Спаѳарія» или «Спатара» (оруженосца) было фамильнымъ именемъ, перешедшимъ къ Николаю отъ отца [1]). Въ Молдавіи же онъ чаще назывался по имени своего помѣстья Милести—Николаемъ Милеску и, достигнувъ при господаряхъ-фанаріотахъ привилегированнаго положенія, состоялъ здѣсь въ числѣ бояръ. О другихъ членахъ семьи Николая намъ извѣстно, что онъ имѣлъ брата—Андрея Апостола, также принадлежавшаго къ боярскому сословію и умершаго въ Яссахъ въ 1678 году, когда Николай Гавриловичъ жилъ уже въ Россіи. Племянники его, сыновья Андрея, Иванъ и Степанъ Спаѳарьевы, слѣдуя примѣру дяди, выѣхали служить въ Россію въ 1686 году [2]).

По нѣкоторымъ извѣстіямъ Спаѳарій состоялъ въ родствѣ съ знатными родами Дуковъ и Гиковъ, члены которыхъ не разъ достигали господарства въ Придунайскихъ Княжествахъ во второй половинѣ XVII вѣка.

Еще въ ранней молодости Николай Милеску покинулъ отечество и, прибывъ въ Царьградъ около 1640 г., изучалъ здѣсь богословскія и философскія науки подъ руководствомъ монаха-дидаскала Гавріила Власіоса, славившагося на Востокѣ своею ученостію. Про этого Власіоса извѣстно, что онъ часто бывалъ въ Молдавіи, гдѣ также занимался учительствомъ, а впослѣдствіи, уже будучи въ санѣ митрополита Арты и Навпакта и экзарха Италіи, посѣтилъ Москву съ рекомендательными грамотами Восточныхъ патріарховъ, посылавшихъ его для учрежденія у насъ Греческой школы по мысли патріарха Никона. Гавріилъ Вла-

---

[1]) Emile *Picot.* Noticc biographique et bibliographique sur Nicolas Spatar Milescu. Paris. 1883.—*Н. Кедровъ.* Н. Спаѳарій и его ариѳмологія въ Ж. М. Н. П. 1876. I.

[2]) Молдавскія дѣла въ М. Гл. Архивѣ М. И. Д. Подробности о выѣздѣ племянниковъ Н. Спаѳарія въ Россію изложены будутъ нами въ своемъ мѣстѣ.

сіосъ имѣлъ въ то время также и политическія порученія къ царю Алексѣю Михайловичу отъ Молдавскаго господаря Василія Лупула и отъ гетмана Богдана Хмельницкаго и вообще извѣстенъ былъ и раньше, какъ доброжелатель Россіи и дѣятельный политическій агентъ Московскаго правительства на Востокѣ [3]). Эта сторона его дѣятельности могла отразиться на убѣжденіяхъ и на послѣдующей судьбѣ юнаго Спаѳарія, сблизившагося съ Гавріиломъ Власіосомъ въ учебные годы, проведенные имъ въ Царьградѣ. Не остались, конечно, безъ вліянія на умственный складъ Спаѳарія и тѣ тяжкія потрясенія, которыми сопровождалось для Православной церкви время Константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса. Этотъ достойный поборникъ Православія противъ усилившихся на Востокѣ Іезуитскихъ козней, какъ извѣстно, завершилъ въ 1638 г. свое многотрудное служеніе Православной Церкви мученическимъ подвигомъ. Весь православный Востокъ, и въ особенности Константинопольскій патріархатъ (включавшій въ то время и Молдавію) глубоко потрясены были его гибелью, и Спаѳарію привелось въ Царьградѣ быть свидѣтелемъ духовныхъ смутъ, послѣдовавшихъ за смертію Кирилла.

Борьба съ латинствомъ на Востокѣ, достигшая въ то время особеннаго напряженія, вырабатывала въ средѣ православныхъ и въ особенности между образованными Греками того времени многихъ отличныхъ богослововъ-полемистовъ, въ числѣ которыхъ изъ современниковъ Спаѳарія наиболѣе славны Мелетій Сиригъ и Кіевскій митрополитъ Петръ Могила, уроженецъ Молдавіи. Самъ Спаѳарій впослѣдствіи пріобрѣлъ извѣстность ученаго богословскаго писателя и знатока церковной догматики.

Свѣтское образованіе, которымъ въ то время на Востокѣ также не пренебрегали, хотя и не ставили его никогда выше духовнаго, Николай Спаѳарій получилъ въ Италіи. Здѣсь онъ усовершенствовался въ естественныхъ наукахъ и математикѣ, а также основательно изучилъ Латинскій и Итальянскій языки. Скудость біографическихъ данныхъ объ этомъ періодѣ жизни Спаѳарія оставляетъ въ неизвѣстности, гдѣ именно онъ учился свѣтскимъ наукамъ. Стремленіемъ любознательныхъ Грековъ усовершенствоваться въ научныхъ познаніяхъ вызвано еще въ концѣ XVI-го вѣка возникновеніе Греческихъ школъ въ Венеціи и Падуѣ, основанныхъ по мысли извѣстнаго Александрійскаго патріарха Мелетія Пигаса *). Школы эти противодѣйствовали

[3]) *Каптеревъ*, Характеръ отношеній Россіи къ Правосл. Востоку въ XVI и XVII вв.
*) И. Малышевскій. Александр. патріархъ Мелетій Пигасъ. ч. I.

открытой папою Григоріемъ XIII въ Римѣ Греческой коллегіи, гдѣ науки преподавались Іезуитами, которые старались, подъ видомъ чистаго древняго ученія Греческаго, внушать Греческому юношеству ученіе Римской церкви. Въ тоже время названныя двѣ школы готовили Грековъ, искавшихъ свѣтскаго образованія на Западѣ, къ поступленію въ университеты Италіи, преимущественно въ Падуанскій, минуя при этомъ Іезуитскія коллегіи, распространившіяся тогда и на Востокѣ съ цѣлію пропаганды; коллегіи эти немало причиняли тревогъ Православной церкви на Востокѣ, создавая ей внутреннихъ враговъ, тайныхъ и явныхъ сторонниковъ Рима, получившихъ между православными Греками названіе *Латинофроновъ*. Современникъ и единомышленникъ Спаѳарія, извѣстный своими православными убѣжденіями и обширною ученостью Никосій Панагіотъ изучалъ медицину, математику, и астрономію въ Падуанскомъ университетѣ приблизительно въ тѣже года, когда жилъ въ Италіи Спаѳарій, и близкія отношенія, существовавшія между этими двумя замѣчательными людьми въ послѣдующее время, даютъ нѣкоторое основаніе допустить предположеніе, что сближеніе ихъ началось еще въ учебные годы, проведенные ими въ Италіи, а можетъ быть и въ самой Падуѣ.

По окончаніи своего образованія на Западѣ, Николай Милеску вернулся въ Молдавію человѣкомъ, обладавшимъ многостороннею ученостью, что̀ впослѣдствіи пригодилось ему, чтобы выдвинуться изъ окружавшей среды и занять въ своемъ отечествѣ видное положеніе.

Господаремъ Молдавіи былъ въ то время Албанецъ Василій Лупулъ, продолжительное правленіе котораго было эпохою развитія просвѣщенія въ этой странѣ [1]) При Лупулѣ учреждено было въ Яссахъ высшее народное училище по мысли Константинопольскаго патріарха Парѳенія вмѣстѣ съ возстановленіемъ правъ надъ церковью Молдавскою престола Константинопольскаго, тогда какъ до тѣхъ поръ, со времени Флорентійскаго собора, Молдавская церковь признавала надъ собою номинальную зависимость отъ патріарха Охридскаго [2]). Въ Ясскомъ училищѣ, направленіе котораго было строго православное, преподавались богословіе, правовѣдѣніе, языки классической древности и восточные. При Лупулѣ же основана была въ Яссахъ типографія, въ которой напечатано въ 1646 году первое Молдавское уложеніе.

Мы упомянули выше о церковныхъ смутахъ, которыя послѣдовали на Востокѣ за низложеніемъ и кончиною патріарха Кирилла

---

[1]) *Палаузовъ*. Румынскія господарства, гл. III.

[2]) *Голубинскій*, Исторія правосл. церквей, Сербской, Румынской, и Болгарской.

Лукариса. Противники многострадальнаго іерарха, погубивъ его, хотѣли еще воспользоваться клеветою, представляя его рѣшительнымъ Кальвинистомъ и приписывая ему сочиненіе, переполненное еретическими взглядами. Преемникъ его Кириллъ Беррійскій дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ, т. е. въ руку Іезуитамъ и, осудивши Лукариса, какъ еретика, усилилъ этимъ церковную смуту на Востокѣ. Но такое оскорбленіе памяти патріарха, всю жизнь отличавшагося ревностью къ Православію, вызвало горячее противодѣйствіе со стороны православныхъ въ Молдавіи и Южной Руси, зависѣвшихъ отъ Константинополя и питавшихъ признательность къ пастырю, доблестно боровшемуся противъ происковъ Уніи и положившему душу за свою паству [1]. Но лишь при послѣдующемъ патріархѣ Константинопольскомъ Парѳеніи удалось православнымъ, во главѣ которыхъ стояли Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и господарь Василій Лупулъ, добиться того, чтобы дѣло объ осужденіи Лукариса было пересмотрѣно вновь. На Ясскомъ соборѣ 1642 г. Кальвинское сочиненіе, ложно приписанное Лукарису, было осуждено, но имя бывшаго патріарха объявлено свободнымъ отъ всякихъ нареканій лишь впослѣдствіи. Здѣсь же разсматривалось «Изложеніе Россійской вѣры», представленное Петромъ Могилой и составленное имъ для руководства паствы. Сочиненіе это по порученію Константинопольскаго патріарха дополнилъ присланный имъ экзархъ и проповѣдникъ патріаршаго престола Мелетій Сиригъ; затѣмъ оно было утверждено Восточными патріархами и епископами (1648 г.) и сдѣлалось символическою книгою для всей Православной церкви подъ названіемъ «Православнаго исповѣданія католической и апостольской церкви Восточной» [2]. Въ Греческой редакціи этого сочиненія принималъ участіе Никосій Панагіотъ, подъ именемъ котораго оно было издано въ Амстердамѣ въ 1662 г. на Греческомъ языкѣ, а впослѣдствіи переведено и на Латинскій [3].

Дѣятельность собора, засѣдавшаго въ Молдавской столицѣ Яссахъ и привлекавшаго вниманіе всѣхъ православныхъ на Востокѣ, безъ сомнѣнія нашла откликъ и въ душѣ Спаѳарія, который, если не лично, то чрезъ своихъ родныхъ въ Молдавіи хорошо зналъ о происходившемъ. Послѣдующіе его богословскіе труды служатъ тому доказательствомъ, какъ мы укажемъ въ своемъ мѣстѣ.

---

[1] Послѣ Мелетія Пиги племянникъ и ученикъ его Кириллъ Лукарисъ болѣе другихъ современныхъ іерарховъ Греческихъ надзиралъ за состояніемъ Молдо-Валашской церкви. (Малышевскій. М. Пигасъ. I., стр. 626).

[2] *Цвѣтаевъ*. Литерат. борьба съ протестантствомъ въ Моск. государствѣ, стр. 160.

[3] Confession de la foi orthodoxe des églises catholiques d' Orient, en grec. Amsterdam 1662, trad. en latin par Normann. Leipzig 1695. (Vid. Brunet. Dict bibl.).

Въ 1653 году Василій Лупулъ послѣ двадцатилѣтняго правленія свергнутъ былъ съ господарства своимъ приближеннымъ, логоѳетомъ (канцлеромъ) Стефаномъ Гергицей, которому удалось достигнуть власти при содѣйствіи Валашскаго господаря Матѳея Бассарабы, заклятаго врага Лупула, и Трансильванскаго князя Ракочи. Мы не знаемъ, какую роль игралъ Спаѳарій въ тревожныхъ событіяхъ, разыгравшихся въ это время въ Молдавіи. Но когда новому господарю Стефану удалось выдти побѣдителемъ изъ упорной борьбы съ Лупуломъ и его зятемъ, сыномъ гетмана Богдана Хмельницкаго, Тимошемъ, Спаѳарій является уже вліятельнымъ лицомъ при дворѣ Стефана. Самъ Спаѳарій впослѣдствіи сообщалъ Французскому резиденту въ Швеціи де-Помпонну, что исправлялъ при господарѣ Стефанѣ должность государственнаго секретаря. Если извѣстіе это достовѣрно, то есть основаніе допустить участіе Спаѳарія въ сношеніяхъ воеводы Молдавскаго Стефана съ Москвою, установившихся вскорѣ послѣ присоединенія Малороссіи къ Московскому государству. Послѣднее событіе имѣло для православнаго Востока особенное значеніе: здѣсь смотрѣли на усиленіе Москвы, какъ на первый шагъ къ осуществленію «великой идеи» освобожденія православныхъ народностей Востока отъ Турецкаго ига, и поэтому православное духовенство съ патріархами во главѣ всячески старалось содѣйствовать политическому сближенію Россіи съ ея единовѣрцами. Отсюда явилось дѣятельное участіе Восточныхъ патріарховъ и другихъ духовныхъ властей въ подготовленіи великаго событія возсоединенія Руси, а когда послѣднее совершилось, то тѣже вліянія, исходившія отъ духовныхъ лицъ православнаго Востока, помогли сблизить Москву съ единовѣрною Молдавіею.

Черезъ два года послѣ присоединенія Малороссіи, а именно весною 1656 года, прибыло въ Москву посольство отъ Молдавскаго воеводы Стефана, состоявшее изъ митрополита Молдавскаго Гедеона и логоѳета Григорія. Господарь ходатайствовалъ о томъ, чтобы царь Алексѣй Михайловичъ «пожаловалъ, призрѣлъ на него воеводу своею государскою милостію и принялъ его, какъ и гетмана Богдана Хмельницкаго, подъ свою высокую руку, дабы надъ всѣми православными былъ онъ одинъ благочестивый царь» *). Что цѣлью посольства Молдавскаго господаря было не одно лишь заискиваніе его предъ царемъ, но дѣйствительное желаніе Молдавскаго народа вступить въ тѣсное единеніе съ Московскимъ государствомъ, видно изъ того, что къ грамотѣ господаря приложены были даже особо изложенныя статьи о правахъ,

*) См. Полное Собраніе Законовъ 1656 г. № 180.

которыя были бы предоставлены Молдавіи въ случаѣ присоединенія ея къ Россіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что руководителями воеводы Стефана въ его ходатайствѣ предъ царемъ были Восточные патріархи, только-что достигшіе успѣха въ своемъ посредничествѣ между царемъ и Хмельницкимъ. Тотъ же патріархъ Іерусалимскій Паисій, который въ 1649 году пріѣзжалъ въ Москву въ качествѣ уполномоченнаго отъ Хмельницкаго съ предложеніемъ царю принять казаковъ въ свое подданство, теперь обращается къ царю Алексѣю Михайловичу съ просительною грамотою (отъ 8 Октября 1655 г.) о принятіи въ покровительство и оборону Молдавскаго владѣтеля со всею его землею, «которую Агаряне часто набѣгами своими опустошаютъ, святые храмы оскверняютъ и христіанъ берутъ въ полонъ» [1]).

Явное предложеніе воеводы Стефана принять Молдавію въ свое подданство, привезенное митрополитомъ Гедеономъ въ Москву въ слѣдующемъ 1656 году, было подписано также патріархомъ Антіохійскимъ Макаріемъ, который былъ особенно близокъ съ царемъ Алексѣемъ и патріархомъ Никономъ. Передъ прибытіемъ Молдавскаго посольства въ Москву Антіохійскій патріархъ Макарій только что выѣхалъ оттуда въ обратный путь послѣ продолжительнаго пребыванія при царскомъ дворѣ. Его позвали назадъ уже изъ Болхова вслѣдствіе желанія царя посовѣтоваться съ нимъ по этому «царственному великому дѣлу», такъ какъ голосъ его въ Молдавскихъ дѣлахъ считался, по свидѣтельству спутника его архидіакона Павла Алепскаго, весьма важнымъ [2]).

Но проявлявшіяся уже въ то время въ Московскихъ правящихъ сферахъ Латино-польскія вліянія, находившія себѣ поддержку въ лицѣ Ордына-Нащокина, помѣшали дальнѣйшему осуществленію «великой идеи», которой вѣрили на Востокѣ, и Молдавское посольство, задержанное до конца года въ Москвѣ, вернулось назадъ, не достигнувъ своей цѣли. Патріархъ Антіохійскій Макарій въ концѣ того же 1656 года писалъ къ патріарху Никону изъ Молдавіи, что воевода Стефанъ, въ виду сближенія, послѣдовавшаго между Москвою и Польшею, измѣнилъ своему намѣренію. На слѣдующій годъ Молдавія уже вступала въ тайный союзъ съ Трансильваніей и Швеціей, имѣвшій цѣлью раздѣлъ Польши. Къ этому союзу хотѣлъ приступить и Хмель-

---

[1]) *Каптеревъ.* Характеръ и пр.

[2]) *Николаевскій.* Изъ исторіи сношеній Россіи съ Востокомъ въ пол. XVII в. „Христ. Чтеніе" 1882, № 5—6.

ницкій, такъ какъ въ Малороссіи полонофильская политика Ордына-Нащокина произвела замѣтное охлажденіе къ Москвѣ.

Вліятельное положеніе Спаѳарія при Молдавскомъ господарѣ Стефанѣ, а также симпатіи къ Россіи, усвоенныя имъ еще съ ранней молодости и побудившія его впослѣдствіи искать въ Москвѣ новаго отечества, заставляютъ думать, что онъ не остался безучастнымъ въ описанной попыткѣ сближенія между двумя единовѣрными странами.

О дальнѣйшей дѣятельности и участіи Спаѳарія въ Молдавскихъ событіяхъ мы принуждены довольствоваться извѣстіями самаго отрывочнаго свойства. Такъ мы узнаёмъ изъ сочиненій митрополита Молдавскаго Григорія, что въ 1655 году, когда Валашскій господарь Константинъ Щербанъ захваченъ былъ въ плѣнъ наемными войсками (сеймени) и просилъ помощи у Трансильванскаго и Молдавскаго владѣтелей, то Николай Милеску сопровождалъ господаря Стефана въ его походѣ въ Валахію и здѣсь, движимый страстью къ ученымъ изысканіямъ, изслѣдовалъ архивы монастыря Ніамтъ, гдѣ отыскалъ любопытныя для Молдавской исторіи бумаги, относившіяся къ началу XV вѣка. Въ 1657 г. Стефанъ Гёргица былъ низложенъ съ господарства Портою за сношенія съ Ракочіемъ и Швеціей, и мѣсто его занялъ въ Молдавіи Георгій Гика. Перемѣна эта не подѣйствовала на судьбу Спаѳарія, сохранившаго свое положеніе и при новомъ господарѣ. Въ 1658 г. Гика поручилъ ему вести отрядъ въ 1000 человѣкъ на помощь къ Трансильванскому князю Акосу Барчаю, котораго поддерживалъ всесильный тогда великій визирь Ахметъ-Кёприли противъ Ракочія, впавшаго въ немилость у султана. Спаѳарій долго медлилъ вступленіемъ въ Трансильванію и вообще уклонялся дать помощь Барчаю. При первомъ представившемся поводѣ Молдавскій отрядъ Спаѳарія вернулся во свояси, чтобы не участвовать въ опустошеніи сосѣдней Трансильваніи.

Въ концѣ 1659 г. въ Молдавіи снова произошла перемѣна правителя, и господарства достигъ Стефанита, сынъ Василія Лупула. Спаѳарій первое время пользовался особеннымъ расположеніемъ этого господаря, и Молдавская лѣтопись Некульчи повѣствуетъ о блестящемъ положеніи Спаѳарія, какъ любимаго изъ приближенныхъ Стефаниты. По словамъ этой лѣтописи быстрое возвышеніе вскружило голову любимцу господаря, и онъ вскорѣ вступилъ въ тайныя сношенія съ бывшимъ Валашскимъ господаремъ Константиномъ Щербаномъ, добивавшимся вернуться ко власти въ одномъ изъ княжествъ. Лишившись господарства одновременно съ Стефаномъ Гёргицей, Константинъ Щербанъ съ тѣхъ поръ проживалъ въ Польшѣ, но имѣлъ въ княжествахъ мно-

гочисленныхъ сторонниковъ. Спаѳарій предложилъ Щербану свои услуги къ захвату власти въ Молдавіи; но послѣдній, по словамъ лѣтописи, не желая пользоваться вѣроломствомъ для достиженія своихъ цѣлей, открылъ Стефаниту измѣну его любимца. Разгнѣванный господарь жестоко наказалъ Спаѳарія и приказалъ отрѣзать ему носъ.

Таковъ разсказъ лѣтописи Іоанна Некульчи, составленной гораздо позже и поэтому не отличающейся большою достовѣрностію. Изъ отзыва Спаѳаріева современника, о которомъ мы будемъ имѣть случай упоминать ниже, мы узнаёмъ, что изувѣченію, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь (и которое доставило ему прозвище Чирнула, т. е. курносаго) онъ подвергся въ другое время и при совершенно другихъ обстоятельствахъ, а именно когда вернулся въ Молдавію послѣ продолжительнаго изгнанія, уже при господарѣ Ильяшѣ. Впрочемъ разсказъ лѣтописи Некульчи при всей своей неточности даетъ намъ однако нѣкоторое понятіе о Спаѳаріи, какъ о человѣкѣ, продолжавшемъ играть видную роль въ политикѣ Придунайскихъ княжествъ. Есть основаніе предполагать, что эта роль, не безопасная для Спаѳарія, заключалась въ постоянномъ противодѣйствіи Польской политикѣ и вообще католическимъ проискамъ въ княжествахъ. Поддерживая частыя сношенія съ Фанаромъ и ревностно служа «великой идеѣ» освобожденія православныхъ народностей Турціи, Спаѳарій, въ эту бурную эпоху его жизни, при частыхъ смѣнахъ господарей и постигавшихъ его лично превратностяхъ судьбы, всегда оставался вѣренъ той-же идеѣ и не измѣнялъ ей и впослѣдствіи, когда дѣятельность его была перенесена съ Востока въ Россію.

Покинувъ Молдавію вслѣдствіе преслѣдованій Стефаниты, Спаѳарій переселился въ Валахію къ господарю Григорію Гикѣ, съ которымъ состоялъ въ родствѣ. Этотъ послѣдній назначилъ его своимъ политическимъ агентомъ (qapi-kiaja) въ Константинополѣ, гдѣ Спаѳарій имѣлъ связи и близокъ былъ съ весьма вліятельнымъ въ то время Грекомъ Никосіемъ Панагіотомъ, занимавшимъ должность главнаго драгомана Порты при великомъ визирѣ Ахметѣ-Кёприли. Мы упоминали выше объ ученой славѣ, которою пользовался этотъ знаменитый Грекъ въ Европѣ; онъ былъ первымъ изъ Грековъ-христіанъ, достигавшихъ должности драгомана Высокой Порты. Своимъ вліятельнымъ положеніемъ Панагіотъ умѣлъ пользоваться въ пользу Православной церкви и для покровительства не только соотечественникамъ, но и всѣмъ единовѣрцамъ въ Турціи, для чего обновлялъ монастыри, заводилъ училища и всячески противодѣйствовалъ Латинству на Востокѣ

Спаѳарій во время пребыванія своего въ Царьградѣ, продолжавшагося около пяти лѣтъ (съ 1660—1664 г.), имѣлъ возможность поддерживать съ Панагіотомъ постоянныя сношенія, касавшіяся не только политики, но и ученыхъ занятій, которымъ Спаѳарій и самъ предался здѣсь вполнѣ. Здѣсь, въ Царьградѣ совершилъ онъ свой главный богословскій трудъ—полный переводъ Священнаго Писанія съ Греческаго на Румынскій языкъ, трудъ, доставившій ему почетное мѣсто въ исторіи Румынской церкви. Французскій ученый Пикó, упоминая объ этомъ выдающемся трудѣ Спаѳарія, обращаетъ вниманіе на его сложность. До Спаѳарія существовало уже на Румынскомъ языкѣ нѣсколько переводовъ Евангелій, изъ которыхъ нѣкоторые были напечатаны, другіе же оставались въ рукописяхъ; кромѣ того въ 1582 г. изданъ былъ въ Орестіи Румынскій переводъ Ветхаго Завѣта. Но всѣ эти переводы были весьма неудовлетворительны, какъ по неточности въ передачѣ смысла, такъ и по литературнымъ недостаткамъ языка. Спаѳарію пришлось сдѣлать переводъ почти вновь, и онъ одолѣлъ этотъ громадный по силамъ одного человѣка трудъ въ сравнительно-короткій промежутокъ времени. Заслуживаетъ вниманія, что этотъ первый полный переводъ Румынской Библіи, исполненный Спаѳаріемъ по просьбѣ Фанаріота Щербана Кантакузена, былъ изданъ этимъ послѣднимъ, когда онъ достигъ господарства въ Валахіи, безо всякаго указанія имени трудившагося надъ нимъ переводчика. Имя Николая Спаѳарія, какъ переводчика Библіи, сохранили для потомства его современники, митрополитъ Молдавскій Григорій и Димитрій Прокопіосъ.

Богословскія занятія Спаѳарія въ Константинополѣ должны были однако пріостановиться вслѣдствіе его участія въ событіяхъ, происходившихъ въ Придунайскихъ княжествахъ. Въ 1664 году возгорѣлась война между Австріей и Турціей, въ которой со стороны первой участвовали также войска другихъ Европейскихъ государствъ. Особенную помощь оказала Франція, приславшая императору Леопольду отрядъ въ 6000 человѣкъ (подъ начальствомъ Колиньи). Папа Александръ VII и Генуя содѣйствовали воюющимъ денежною помощью. Тайное участіе въ союзѣ Католическихъ державъ противъ Турціи принялъ также Валашскій господарь Григорій Гика, повѣреннымъ котораго считался въ Константинополѣ Спаѳарій. Мы уже замѣтили, что Спаѳарій, какъ убѣжденный служитель «великой идеи», никогда не жертвовалъ ею какимъ-либо личнымъ отношеніямъ. По мѣрѣ силъ старался онъ противодѣйствовать на Востокѣ, въ сферѣ своего вліянія, всякому успѣху Латинства, причинявшаго столько намѣреннаго зла Православной церкви въ Турціи и посягавшаго на вѣроисповѣдную свободу

Грековъ и ихъ единовѣрцевъ, которую умѣлъ уважать въ извѣстной степени даже Турецкій деспотизмъ. Поэтому въ интересахъ Православія казалось тогда необходимымъ препятствовать сколько возможно военнымъ успѣхамъ Католическихъ державъ въ ихъ борьбѣ съ Турціей, чтобы оградить Восточную церковь отъ возможности порабощенія, быть можетъ, худшаго, чѣмъ было Турецкое *). Этими побужденіями руководствовался, вѣроятно, Спаѳарій, когда рѣшился выдать Турецкому правительству тайный договоръ, заключенный Валашскимъ господаремъ Гикой съ Австріей и ея союзниками, о чемъ онъ узналъ помимо Гики чрезъ логоѳета Валахіи Щербана Кантакузена. Гика вслѣдствіе этого доноса былъ низложенъ, и господарство въ Валахіи перешло къ Радулу Томсѣ.

Въ концѣ 1664 г., когда, не смотря на одержанную союзниками побѣду надъ Турками при С. Готардѣ, они должны были заключить выгодное для послѣднихъ перемиріе при Васварѣ, Спаѳарій покинулъ Константинополь. Избѣгая преслѣдованій своихъ враговъ въ Придунайскихъ княжествахъ, онъ направился, минуя отечество, въ Германію. Бранденбургскій курфирстъ Фридрихъ-Вильгельмъ пользовался въ то время славою покровителя иностранныхъ ученыхъ и притомъ, какъ протестантъ, чуждъ былъ религіозной нетерпимости, которою отличались въ то время правители Католическихъ государствъ. Но и здѣсь Спаѳарію не удалось найти спокойнаго убѣжища отъ козней своихъ многочисленныхъ политическихъ враговъ. Бранденбургскій курфирстъ также принималъ участіе въ только-что окончившихся военныхъ дѣйствіяхъ противъ Турціи и притомъ поддерживалъ дружескія отношенія съ Польшей. Польское правительство знало Спаѳарія еще со временъ его службы при Молдавскихъ господаряхъ, какъ человѣка враждебнаго его политикѣ и расположеннаго къ Москвѣ, а поэтому и теперь старалось преслѣдовать всюду своего политическаго недруга. Польскій король, узнавъ, что Спаѳарій переселился въ Бранденбургъ, не замедлилъ сообщить о немъ самыя неблагопріятныя свѣдѣнія курфирсту, который тотчасъ-же изгналъ его изъ своихъ владѣній.

Болѣе посчастливилось Спаѳарію въ сосѣдней съ Бранденбургомъ Помераніи, которая тогда принадлежала Швеціи. Здѣсь онъ за-

---

*) Въ 1649 г., когда Турція была потрясена внутренними смутами и бунтомъ Янычаръ, а извнѣ терпѣла неудачи въ борьбѣ съ Венеціанской республикой, православные на Востокѣ особенно опасались, какъ-бы Западная Европа не успѣла овладѣть Царьградомъ. Патріархъ Константинопольскій Паисій убѣждалъ тогда царя Алексѣя Михайловича чрезъ тайныхъ посланцевъ „не теряя времени, идти на Царьградъ, чтобы онъ не достался Нѣмцамъ“.

сталъ своего прежняго покровителя и бывшаго господаря Молдавіи Стефана Гёргицу. Одинаковая судьба вновь сблизила этихъ двухъ людей, изгнанныхъ изъ отечества вслѣдствіе Польскихъ происковъ, преслѣдовавшихъ ихъ обоихъ. Стефанъ, воевода Молдавскій, лишившись власти въ 1658 году за тайныя сношенія съ Швеціей и съ Трансильванскимъ княземъ Ракочи, съ тѣхъ поръ удалился въ Померанію и проживалъ въ Штетинѣ подъ покровительствомъ Шведскаго короля Карла XI, не теряя надежды когда нибудь снова достигнуть господарства. Онъ воспользовался прибытіемъ къ нему Спаѳарія, чтобы назначить его своимъ довѣреннымъ лицомъ въ Стокгольмѣ при Шведскомъ дворѣ. Между рекомендательными письмами, которыми воевода Стефанъ снабдилъ Спаѳарія при этомъ случаѣ, одно адресовано было къ Французскому резиденту въ Швеціи, Арно де-Помпонну. Чрезъ знакомство съ этимъ послѣднимъ суждено было Спаѳарію пріобрѣсти извѣстность въ Западной Европѣ. Арно де-Помпоннъ, съ которымъ Спаѳарій вскорѣ сошелся въ Стокгольмѣ, состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ съ извѣстными въ то время Янсенистами Портъ-Рояля, будучи племянникомъ знаменитаго Арно, главы этого религіознаго направленія во Франціи. Сблизившись съ Спаѳаріемъ, онъ былъ удивленъ найти въ немъ человѣка съ обширными богословскими познаніями и воспользовался благопріятнымъ случаемъ, чтобы ознакомиться чрезъ него съ сущностью ученія Православной церкви о пресуществленіи Св. Даровъ въ таинствѣ Евхаристіи. Вышедшее незадолго предъ тѣмъ еретическое сочиненіе Кальвиниста Клода, оспаривавшаго этотъ догматъ, вызвало Католическихъ богослововъ на защиту правильнаго вѣрованія (общаго обѣимъ Церквамъ, Восточной и Западной). Тогда какъ пасторъ Клодъ въ своемъ трактатѣ ссылался на мнимое «Исповѣданіе» патріарха Кирилла Лукариса, осужденное Ясскимъ соборомъ какъ ложное, Католическіе богословы усердно собирали свидѣтельства изъ церковныхъ писаній обѣихъ церквей, доказывавшія, что какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ ученіе о дѣйствительномъ пресуществленіи Св. Даровъ неизмѣнно существовало. Янсенисты Антонъ Арно и Петръ Николь болѣе всего потрудились въ этомъ дѣлѣ и издали въ свѣтъ весьма извѣстное въ то время сочиненіе подъ заглавіемъ: «Perpétuité de la foy de l'Eglise catholique touchant l'Eucharistie», которое съ силою опровергало Кальвинское лжеученіе многочисленными свидѣтельствами церковныхъ учителей Востока и Запада. Съ своей стороны способствовалъ этому изданію и де-Помпоннъ, по просьбѣ котораго Спаѳарій составилъ въ 1667 году небольшое богословское сочиненіе подъ заглавіемъ: «Enchiridion sive stella Orientalis Occidentali splendens, id est sensus Ecclesiae Orientalis scilicet Graecae de transsubstantione Corporis Domini»,

которое два года спустя вышло въ свѣтъ въ Парижѣ приложеніемъ къ сочиненію «Perpétuité de la foy». По нѣкоторымъ извѣстіямъ оно напечатано было отдѣльно въ Стокгольмѣ еще въ 1667 году.

Замѣчательно, что когда въ 1685 году возбужденъ былъ въ Москвѣ Яномъ Бѣлободскимъ споръ по частному вопросу о времени пресуществленія Св. Даровъ, вызвавшій нѣкоторое разногласіе между представителями различныхъ направленій нашей церковной учености того времени, то Николаю Спаѳарію снова давалось высказаться по этому поводу и присутствовать на преніяхъ съ Бѣлободскимъ, о чемъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Интересенъ отзывъ де-Помпонна о поразившей его многосторонней учености Спаѳарія и основательности его богословскихъ познаній. «Я удивленъ былъ», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ въ Портъ-Рояль, «встрѣтивъ въ уроженцѣ страны, столь близкой къ границамъ Тартаріи, человѣка столь богатаго общимъ образованіемъ и знающаго столько языковъ. Спаѳарій хорошо владѣетъ Латинскимъ языкомъ, но, по его словамъ, гораздо болѣе свѣдущъ въ Греческомъ, имѣетъ познанія въ исторіи, и въ особенности въ церковной. Такъ какъ онъ основательно изучилъ спорные вопросы между нашею церковью и Греческою и даже разномыслія между Протестантами и Кальвинистами, то я счелъ его способнѣе всякаго другаго изложить вѣрованіе Грековъ по занимающему насъ вопросу.»

Далѣе де-Помпоннъ сообщаетъ нѣкоторыя любопытныя подробности объ отношеніи Спаѳарія къ Западной церкви, изъ которыхъ можно заключить, что онъ избѣгалъ рѣзкихъ сужденій по церковнымъ вопросамъ, находилъ даже возможнымъ посѣщать Католическое богослуженіе, совершавшееся въ домѣ у посланника во всѣ праздничные дни, но въ тоже время отличался большою стойкостью въ своихъ сужденіяхъ, касавшихся различія въ вѣрованіяхъ между Восточною и Западною церквами, и въ этомъ отношеніи не допускалъ никакихъ уступокъ.

Юрій Арсеньевъ.

(*Продолженіе будетъ*).

ПИСЬМА СВЯТОГОРЦА ОТЦА СЕРАФИМА КЪ ГВАРДІИ ШТАБСЪ-КАПИТАНУ ИЛЬѢ ИЛЬИЧУ БОРОЗДИНУ.

I.

Милостивый государь Илья Ильичъ! Миръ вамъ!

Разочарованіе, въ чемъ бы то ни было, чрезвычайно тяжело для сердца и для его теплыхъ и чистыхъ вѣрованій... Неправда ли? О, конечно! Что же изъ этого? спросите. Ничего. Это къ слову пришлось.

Искренно признаюсь, любилъ я людей, какъ друзей и братій, любилъ сердечно и на всѣхъ смотрѣлъ съ чувствомъ ангельскаго участія, о всѣхъ молился и во всѣхъ видѣлъ только свѣтлыя стороны.

При такомъ состояніи, въ подобныхъ отношеніяхъ къ людямъ, я былъ совершенно счастливъ, а потому-то въ моихъ письмахъ къ друзьямъ съ Аѳонской горы проявлялся духъ мирный и премирный, и если не всѣ, то многія строки дышали райскимъ утѣшеніемъ. Да, я былъ совершенно и во всѣхъ отношеніяхъ счастливъ и доволенъ, такъ что земля для меня казалась Эдемомъ. Но если и въ первобытномъ Эдемѣ врагъ не дремалъ, онъ и нынѣ не дремлетъ: его сѣти повсюду. Орудіе его неистовства и злобы—человѣкъ. Не напрасно царственный Давидъ, когда ему предложены были за грѣхи три казни, избралъ то, чтобъ Господь Самъ его покаралъ, не предавая въ руки людей: вѣрно, злые люди злѣе демона въ чувствахъ адской мстительности и злоязычія. По множеству грѣховъ моихъ, я недостоинъ былъ того, чтобы Богъ далъ мнѣ на выборъ родъ казни и искуса. Онъ попустилъ на меня злыхъ людей, и сатана возсталъ на меня всею силою своего неистовства. Орудіе сатаны—несчастный слѣпецъ, котораго я выставилъ предъ публикою, къ сожалѣнію, въ самомъ увлекательномъ видѣ набожности. На повѣрку вышло, что я отогрѣлъ змѣю въ моей пазухѣ и безстыдство слѣпца облекъ въ свѣтлый образъ подвижничества *). Чтó дѣлать! И Господу былъ данъ, волею правды небесной, Іуда; апостолу Павлу—пакостникъ плоти; Крестителю--Иродіада; Златоусту—Евдоксія и каж-

*) Пермскій простолюдинъ, Григорій Ивановъ Ширяевъ, странствовавшій по святымъ мѣстамъ Русскимъ, чему не мѣшала его слѣпота. П. Б,

дому послѣдователю Евангельской истины—врагъ; а мнѣ за множество грѣховъ данъ во враги слѣпецъ. Значитъ, я вдвойнѣ наказуюсь. Будь врагъ мой зрячій, онъ, по крайней мѣрѣ, имѣлъ бы стыдъ, а то у слѣпыхъ этого нѣтъ... Что дѣлать! Воля Господня да будетъ во всемъ. Слава Богу!... Я думаю, вы уже знаете и слышите, что слѣпецъ сплетничаетъ на меня и какую клевету и вздоръ разноситъ по Москвѣ чрезъ своихъ поклонницъ, изъ которыхъ несчастная Капнистъ всѣхъ, кажется, ревностнѣе. Я не оправдываюсь предъ людьми, потому что Богъ видитъ мое сердце, знаетъ мою совѣсть, и съ меня этого довольно къ моему собственному утѣшенію и къ чувствамъ райскаго удовольствія. Одно меня удивляетъ: какъ могутъ быть люди злы и безстыдны до такой степени, до какой дошелъ слѣпецъ и его бѣдныя поклонницы!.. Впрочемъ и не диво. Крапива не родитъ смоквъ и полынь не дышетъ ароматомъ; и слѣпецъ съ мужицкимъ характеромъ, безъ очей и безъ образованія, не можетъ дышать чувствомъ и христіанской скромностію. Я отъ души его простилъ и прощаю за все то, что̀ онъ нанесъ мнѣ, и молюсь, чтобы Богъ простилъ его. Одно только меня огорчаетъ, а именно то, что при безстыдствѣ и сплетняхъ слѣпца я такъ былъ разочарованъ въ искренности людской дружбы, что со многими въ Москвѣ не захотѣлъ видѣться и уѣхалъ, не простившись даже съ тѣми, къ которымъ питалъ и питаю чувства сердечной искренности и дружескаго расположенія. Я даже не простился и съ вами. Впрочемъ Богъ видитъ мое сердце и хорошо знаетъ каждую мысль; значитъ, и толковать нечего. Чтобъ оставить Россію, не написавши вамъ послѣдняго прощальнаго письма, я счелъ это для себя непростительнымъ, и вотъ вамъ мое завѣтное «прощайте», почтеннѣйшій Илья Ильичъ! Любите Бога; любовь Господня сладостна, и крестный путь жизни утѣшителенъ. Не чуждайтесь его. Со мною, какъ съ отъявленнымъ грѣшникомъ, какимъ меня представляетъ слѣпецъ въ виду людей, вамъ продолжать дружбу не хорошо: васъ могутъ за то попрекать люди и бранить свѣтъ; а потому до свиданья тамъ, на судѣ Христовомъ. Не забывайте, по крайней мѣрѣ, сохраните въ воспоминаніяхъ имя Святогорца. Когда явимся къ Богу, увидимъ, кто изъ насъ пріятенъ Ему. О, если бы не было суда за гробомъ. Можно бы горевать и плакать; а теперь я радуюсь, что имя мое пронесено слѣпцомъ, яко зло. Вѣренъ и силенъ Богъ, когда нибудь и меня избавитъ отъ враговъ моихъ. А жаль мнѣ людей, какъ ни грустно мнѣ ихъ неистовство противу меня... Но простите, что я заговорился. Мнѣ теперь скучно, и я бесѣдую съ вами, можетъ быть, въ послѣдній уже разъ съ такою откровенностью и простодушіемъ. Когда буду, Богъ дастъ, на Аѳонѣ, тамъ я не буду томиться и грустить, потому что тамъ мои

братья и отцы, тамъ мои надежды и радости, тамъ и таинственные залоги загробнаго блаженства во свѣтлости святыхъ и въ славѣ лица Божія; не забывайте меня въ молитвахъ вашихъ!.. Возлюбленнѣйшему вашему батюшкѣ и Ѳеодору Николаевичу прошу свидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе. Я его сердечно уважаю и отъ души люблю; Богъ это видитъ, и болѣе ни слова. Вашей доброй супругѣ мое иноческое почтеніе и желаніе всѣхъ благъ, а главное здоровья и душевнаго и тѣлеснаго Будьте счастливы и на землѣ взаимностью супружескихъ чувствъ: это залогъ загробнаго блаженства.

Адреса моего не прилагаю, потому что онъ, думаю, не нуженъ въ настоящемъ моемъ положеніи, и конечно, лучше будетъ, если вы забудете свои отношеніи ко мнѣ, потому что, какъ мнѣ писали изъ Москвы, многіе изъ Москвичей самаго невыгоднаго обо мнѣ мнѣнія. Хоть я и не дорожу мнѣніемъ Москвы, вообще людей, отдавая во всемъ отчетъ Богу только и совѣсти, но мнѣ жаль и больно, если изъ-за меня будетъ попрекъ на кого-либо изъ знающихъ или любящихъ меня. Итакъ, прощайте до свиданія за гробомъ!.. Прощайте и молитесь о мнѣ. Преданный вамъ и любящій васъ Святогорецъ і. Серафимъ.

1851 г. Генваря 29 дня.
Одесса.

Прежде нежели вы получите это письмо, меня уже не будетъ въ Одессѣ, если Богъ благословитъ и буду живъ, потому что я уже получилъ заграничный паспортъ и съ слѣдующимъ пароходомъ понесусь къ моему безцѣнному Аѳону, въ мою скромную пустыню, къ моимъ истиннымъ друзьямъ и братьямъ. Одного бы я просилъ у васъ: любите моего прежняго хозяина Николая Ивановича Сеньковскаго, квартирующаго въ приходѣ св. Николая, на Мясницкой. Этотъ человѣкъ прекраснаго сердца и истинно преданъ Богу.

*

Прощаніе съ Россіею и друзьями.

(1851 года, Іюля 8 дня. Аѳонская гора. Русикъ).

Прощай, прекрасная Россія!
Прощай, отчизны край родной!
Друзья, въ залогъ любви святыя,
И вы проститеся со мной!...

Не видѣть здѣсь ужъ намъ другъ друга:
Вы въ грозномъ Сѣверѣ, а я
Подъ небомъ пламеннаго Юга
Влачусь скитальчески, друзья...

Мой грустенъ жребій заграничный!
Здѣсь все мнѣ чуждо, всѣмъ я чуждъ,
Къ тому-жъ, съ лишеньями несвычный,
Среди всѣхъ страннических нуждъ,

Я долженъ жизнь влачить уныло,
Въ конецъ земное разлюбить,
Разстаться съ тѣмъ, что̀ сердцу мило,
И все минувшее забыть...

Забыть?.. О нѣтъ! есть въ жизни встрѣчи,
Хоть мало ихъ, но все же есть,
Гдѣ взглядъ и ласковыя рѣчи,
Привѣтъ любви, не то, что́ лесть,

А чувства говоръ задушевный,
Оттѣнокъ дружбы неземной
И райскихъ дней залогъ душевный,
Въ міру подавленный молвой...

Да, много въ жизнь мою я встрѣтилъ
Прекрасныхъ, искреннихъ людей;
Я имъ взаимностью отвѣтилъ
И внесъ въ число моихъ друзей;

И мысль о нихъ и память всюду,
Какъ тѣнь, за мною полетитъ,
И гдѣ я странствовать ни буду,
А милыхъ сердцу не забыть!

Друзьями жить въ странѣ далекой,
Дышать молитвенно для нихъ,—
Вотъ радость жизни одинокой
И сладкій жребій дней моихъ...

О, много я и чрезвычайно
Страдалъ и выстрадалъ въ конецъ,
Предъ свѣтомъ въявь и въ сердцѣ тайно,
Почти страдальческій вѣнецъ.

И это все сбылось со мною
Въ виду друзей, въ укору имъ,
Когда я брошенъ былъ судьбою
На судъ противникамъ моимъ...

Но есть всему свои границы,
Прошелъ тяжелый мой искусъ,
И я опять изъ-за границы
Для всѣхъ сочувствіемъ дѣлюсь

И чувствомъ сердца изъ чужбины.
Я здѣсь и сиръ и одинокъ,
И часто вечеромъ въ пустыни,
Когда не дышетъ вѣтерокъ,

Когда все спитъ, спокойно море,
И лишь пустынный соловей
Иль радость жизни или горе
Любви тоскующей своей

Подъ тѣнью миртовъ распѣваетъ:
На холмъ любимый я сажусь,
И сердце сладко отдыхаетъ...
Тогда люблю, не налюблюсь

Друзей моихъ и чуждыхъ сердцу:
Я въ тѣ минуты всѣмъ родной,
И мнѣ тогда, хоть и пришельцу,
Гора Святая—рай земной!..

Часы и лѣни и досуга,
Молитвы вздохъ, слеза очей,
И вопль сердечнаго недуга
О тратѣ счастья прежнихъ дней,

Все то друзьямъ какъ дань разлуки!...
Пою ли я на холмѣ томъ:
Мои задумчивые звуки
Тоска по небѣ и быломъ!

Всего жъ мнѣ чаще вечеръ лунный
Наводитъ память давнихъ лѣтъ,
И я въ Давидовскія струны
Люблю играть и скромно пѣть...

И въ тѣ священныя минуты
Я выше міра и страстей,
Земныхъ тревогъ и грѣшной смуты.
Пою, и все тоскѣ моей

Кругомъ сочувствуетъ въ пустынѣ:
Тихонько катится луна,
И водъ Эгейскія равнины
Не тронетъ спящая волна...

Слегка лишь жалобно и мило
Ручей сосѣдственный журчитъ,
И мнѣ о дняхъ моихъ уныло
Своимъ журчаньемъ говоритъ...

Такъ, все прощай!.. Прощай Россія!
Любилъ тебя я и люблю,
И до минуты гробовыя
На стражѣ я твоей стою

Въ защиту царственнаго трона,
Въ оплотъ всеобщей тишины,
Стою не такъ какъ стражъ закона
Иль ратникъ, грозный стражъ войны,

А такъ какъ стражъ духовной брани
Съ молитвой въ сердцѣ и въ устахъ,
Съ крестомъ въ спасающейся длани
И съ перломъ слезъ въ моихъ очахъ;

Стою предъ Тѣмъ, Кто жизнь и слово,
Кто въ мірѣ миръ, твой въ брани щитъ,
И кѣмъ и царь твой, и держава
Несокрушимы, какъ гранитъ...

Святогорецъ.

II.

Константинополь, Пера.

1852 г. Февраля 9-го дня.

Возлюбленный о Господѣ, другъ мой Илья Ильичъ! Лобзайся о Господѣ лобзаніемъ святой любви, братства и дружества!

Я начиналъ думать, что мой добрый Илья Ильичъ и его счастливое семейство забыли уже меня; но вотъ предо мною ваше письмо, полное сердечной искренности, и я радуюсь, что ни время, ни обстоятельства и ни пространство мѣста не въ силахъ разъединить нашей дружеской взаимности и духовной связи. Отъ души благодарю васъ, вашего возлюбленнаго старца и добрую и прекрасную подругу вашей жизни, Ангела дней вашихъ и спутницу къ радостямъ царствія Божія, что вы помните по прежнему хвораго и грѣшнаго Святогорца.

Ваша Викторія, на свободѣ сельской жизни и при сладкихъ утѣшеніяхъ семейныхъ, какъ вы пишете, поправилась и теперь здорова. оЭг меня радуетъ, и я благодарю Господа за Его милости къ вамъ. Ахъ, будьте счастливы вашею сердечной взаимностью, будьте благословенны Богомъ въ вашихъ дѣтяхъ и не преставайте благодарить, постоянно славить и величать Его отеческую заботливость о васъ! Особенно поручайте себя и вашихъ милыхъ малютокъ Царицѣ Небесной: Она нашъ единственный покровъ, наша Заступница предъ Богомъ и Споручница нашего и временнаго, и вѣчнаго спасенія. Молитесь Ей, и Она не оставитъ васъ.

А привѣтливый и добрый старецъ Өедоръ Николаевичъ вѣрно пойметъ мои чувства, которыя я питалъ и питаю къ нему. О, я со-

вершенно знаю, что онъ счастливъ вашимъ счастьемъ, и радости ваши—его собственность! Дѣдушки очень любятъ внучекъ, и, конечно, Ѳедоръ Николаевичъ сладко плачетъ слезами радости, смотря на вашихъ малютокъ, и его теперь долгъ и обязанность благословлять Господа, благословившаго его старческіе дни и лѣта счастьемъ дѣтей!.. Будьте благословенны Богомъ! Обнимаю вашего старца, лобызаю его старческія сѣдины и отъ сердца желаю ему многихъ лѣтъ и душевнаго спасенія!.. Я самъ имѣю въ живыхъ и тестя, и тещу, и, не смотря на мои иноческія обѣты, на мою пустынную жизнь, когда получаю отъ нихъ письма, сердце бьется невыразимо... Да, мои дорогіе, мы и сами иногда невольны въ нашихъ задушевныхъ чувствахъ!.. Разумѣется, любить всѣхъ, для всѣхъ дышать дружбою и братствомъ—это одно изъ высшихъ свойствъ христіанскаго духа. И Господь любилъ друга своего Лазаря и плакалъ о разлукѣ съ нимъ; а у насъ развѣ не тоже сердце и не тѣже чувства?.. Но простите за увлеченіе... я самъ готовъ плакать, какъ дитя, когда вспомню, что и у меня есть друзья съ прекраснымъ сердцемъ, что и у меня есть милые родные; но всѣ они далеко, далеко отъ меня, и я здѣсь одинокъ, сиръ и безпріютенъ. Чтожъ дѣлать!.. Лучшей жертвы я не могу принесть Господу кромѣ моей любви ко всѣмъ, ко всѣмъ безъ исключенія!.. О, пишите, пожалуста, почаще: это будетъ мнѣ утѣшеніемъ въ минуты грустныя и въ минуты тяжелыя. Пишите!

Вашей Викторіи, вашимъ малюткамъ мое благословеніе и всѣмъ вамъ мое дружеское желаніе быть счастливыми здѣсь и блаженными въ небесахъ, у Господа, гдѣ чаемъ свиданія и безконечныхъ радостей.

Приложенныя вами деньги получены; молитвы обители за нихъ, благодарность милующимъ насъ.

А знаете ли вы, откуда пишу вамъ? Изъ Константинополя, куда прибылъ для перемѣны паспорта. Прощайте, мои возлюбленные! Помните и молитесь о мнѣ. Любящій васъ Святогорецъ і. Серафимъ.

*

Какъ зачитывались у насъ нѣкогда письмами со Святой горы отца Серафима, какъ восторженно принимали Святогорца въ Москвѣ и Петербургѣ, сколько изданій выдержали его сочиненія; а теперь память о немъ до такой степени заглохла, что даже обстоятельнѣйшій „Списокъ Русскихъ Дѣятелей", изданный Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ, не знаетъ года его смерти и недоумѣваетъ относительно его мірскаго имени.

Отецъ Серафимъ родился 27 Августа 1814 г. въ селѣ Пищальскомъ Вятской губ. Орловскаго уѣзда. Отецъ его былъ дьячекъ Авдій Веснинъ, имя ему дали при крещеніи Симеонъ (не Сергѣй, какъ предполагается

въ „Спискѣ“). Сильное на всю жизнь впечатлѣніе произвелъ на мальчика нѣкій странникъ Андрей. Способность къ словесности обнаружилась въ немъ рано: еще въ семинаріи онъ поднесъ и прочелъ губернатору Вятскому Ренкевичу стихотвореніе: „Чувства Русскаго въ день восшествія на престолъ Императора Николая Павловича“. Окончивъ въ 1834 году семинарію, онъ по настоянію родныхъ женился и сдѣлался священникомъ; но жена скончалась черезъ два года, оставивъ ему дочь. Горе заставило Симеона, послѣ паломничества въ Соловки, принять монашество подъ именемъ Серафима. Преосвященный Вятскій Неофитъ принялъ участіе въ молодомъ и талантливомъ монахѣ, сдѣлалъ его казначеемъ и предоставлялъ возможность предаться любимому занятію—чтенію и писанію. Въ 1843 г. Серафимъ отправился на Аѳонъ, гдѣ 23 Марта 1844 года г. принялъ схиму подъ именемъ Сергія, въ Русскомъ Пантелеймоновскомъ монастырѣ. Но и схима не уничтожила въ немъ любви къ словесности. Его письма объ Аѳонѣ стали появляться въ 1845 г. въ „Маякѣ современнаго просвѣщенія и образованности“, изданіи Бурачка, и сразу привлекли вниманіе читающихъ какъ изящнымъ языкомъ, такъ и задушевностью. Для монастыря своего предпринялъ онъ въ 1847 году путешествіе въ Россію. Епископъ Неофитъ радушно принялъ бывшаго казначея своего и предложилъ ему пожить въ одномъ изъ монастырей подъ Вяткой. Тамъ прожилъ Святогорецъ до 1849 года, ведя переписку со многими лицами. Въ 1848 г. письма его были изданы отдѣльной книгой, и одинъ издатель предложилъ ему поѣхать въ Петербургъ, чтобы условиться о новомъ изданіи. Святогорецъ поѣхалъ, но остановился въ Москвѣ, гдѣ его узналъ Гоголь; знакомства съ нимъ искали люди самыхъ разнообразныхъ положеній. Собравъ здѣсь многія пожертвованія и побывавъ въ Петербургѣ, гдѣ также нашелъ радушный пріемъ, онъ отправился обратно на Аѳонъ. Къ этому-то времени и относятся печатаемыя нами письма. На Аѳонѣ на пожертвованныя купцомъ Косьмой Бѣляевымъ деньги построилъ онъ Косьмо-Даміанскую пустынь и тамъ же 17 Декабря 1853 года скончался.

Вотъ списокъ главнѣйшихъ его сочиненій:

Письма къ друзьямъ о св. горѣ Аѳонѣ.

Путеводитель по св. горѣ Аѳону и указатель ея святынь и прочихъ достопамятностей.

Русскій Пантелеймоновъ монастырь на св. Аѳонской горѣ. Посвящено В. К. Константину Николаевичу.

Акаѳистъ св. Великомученику и цѣлителю Пантелеймону. Пер. съ Греческаго.

Духовныя стихотворенія.

ДВА ПИСЬМА А. В. НИКИТЕНКА КЪ Н. П. ГИЛЯРОВУ.

1.

С.-Петербургъ, 28-го Іюня 1863 года.

Милостивый государь Никита Петровичъ!

Позволяю себѣ прибѣгнуть къ вашему покровительству, полагая, что *знакомство мое съ вами* даетъ мнѣ на то нѣкоторое право и надѣясь, что вы не откажите въ немъ человѣку, просящему о весьма скромномъ одолженіи, которое онъ однако приметъ за весьма большое. Вы, сколько мнѣ извѣстно, *находитесь въ очень близкихъ отношеніяхъ съ М. Н. Катковымъ*. Изъ письма моего отъ 8-го Іюля, при семъ прилагаемаго въ копіи, вы усмотрите, какое у меня къ нему дѣло. Это уже второе письмо мое къ нему. Первое я писалъ къ г. Каткову, находившемуся еще въ моихъ глазахъ по ту сторону журнальнаго успѣха, просто, какъ къ умному, благородному и образованному человѣку, обнаруживавшему всегда самыя дружескія ко мнѣ чувствованія; второе, какъ вы видите, заключаетъ въ себѣ родъ оффиціальной просьбы къ господину редактору. Все осталось безъ отвѣта и исполненія....

Такое обращеніе со стороны человѣка, къ характеру котораго я питалъ такое же уваженіе, какъ и къ его уму и который не считалъ нѣкогда недостойнымъ себя не разъ относиться ко мнѣ по своимъ надобностямъ,—это обращеніе, признаюсь, для меня непонятно. Ибо, какъ оба мы ни были бы велики въ собственныхъ глазахъ своихъ и какую бы хорошую газету ни издавали, все же это, кажется, не снимаетъ съ насъ обязанности, быть, по крайней мѣрѣ, учтивыми съ людьми, которые не подали намъ никакого повода, чтобы въ отношеніи къ нимъ были нарушаемы самыя обыкновенныя, всѣми принятыя и уважаемыя правила общежитія, *особенно въ вѣкъ, въ которомъ мы живемъ*. Я даже считаю себя имѣющимъ право, чтобы со мною было поступлено нѣсколько иначе, чѣмъ, можетъ быть, редакція «Московскихъ Вѣдомостей» поступаетъ со многими другими. Я, конечно, нашелъ бы въ себѣ достаточно силы на пренебреженіе мнѣ оказанное отвѣчать такимъ же пренебреженіемъ, такъ какъ подобный

родъ незаслуженной *обиды* предосудителенъ всегда наносящему ее, а не тому, кто ей подпалъ, можетъ быть, по излишней довѣренности къ нравственному достоинству людей. Но тутъ заключается существенная для меня невыгода: мнѣ нужна моя рукопись, а я лишаюсь ея единственно потому, что считалъ невозможнымъ случай, лишающій меня ея. Редакція могла ея не напечатать въ своихъ листкахъ, хотя, право, не знаю почему: мой образъ мыслей извѣстенъ; *я не принадлежу ни къ какой партіи, ни къ какимъ крайнимъ, и ищу единственно стороны, гдѣ бы могли ужиться либеральныя стремленія вѣка съ законностью и здравымъ разсудкомъ.* При этомъ статья подписана именемъ автора. Но дѣло не въ этомъ. Понятно, редакція могла не печатать моей статьи по своимъ соображеніямъ; противъ этого, разумѣется, я не сказалъ бы ни слова. Но я просилъ и прошу въ такомъ случаѣ возвратить мнѣ мой трудъ. Кажется, это заслуживало вниманія, тѣмъ больше, что дѣло, какъ я сказалъ въ письмѣ къ г. Каткову, стоило бы ему не болѣе двухъ приказательныхъ словъ какому-нибудь писцу редакціи. Конечно, юридически я не могу этого требовать; *но въ такихъ отношеніяхъ, какія были между нами*, слѣдовало уважить мою просьбу, ради причинъ нравственныхъ, предполагая, что онѣ для всѣхъ людей одинаково существуютъ. Все это говорю для того, чтобъ уяснить больше мою просьбу къ вамъ, многоуважаемый Никита Петровичъ. Не можете ли вы принять на себя трудъ подѣйствовать своимъ ходатайствомъ предъ редакціей «Московскихъ Вѣдомостей» такъ, чтобы рукопись моя была возвращена мнѣ? Въ такомъ видѣ, какъ она есть, печатать ее теперь я уже не могу: время ея прошло. Но я хочу воспользоваться ею другимъ образомъ и въ пріобрѣтеніи возможности къ тому возлагаю надежду на васъ.

Съ истиннымъ уваженіемъ и совершенной преданностью имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою.

А. Никитенко.

Копія съ письма А. В. Никитенки къ М. Н. Каткову.

Іюня 8-го дня 1863 года.

Милостивый государь Михаилъ Никифоровичъ!

Въ первыхъ числахъ Мая (4-го, если не ошибаюсь), отправилъ я къ вамъ черезъ здѣшній магазинъ Базунова статью мою, подписанную моимъ именемъ, подъ названіемъ: «Молодое поколѣніе», съ просьбою дать ей мѣсто въ *Воскресныхъ Прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ.* Мысли, въ ней изложенныя, я считалъ не лишними, особенно для нашихъ Петербургскихъ юношей, передъ началомъ открытія здѣшняго Университета въ будущемъ Августѣ мѣсяцѣ. Статья, вамъ посланная, должна была служить введеніемъ къ другой, имѣющей бли-

жайшее отношеніе къ этому ожидаемому событію, почему я и просилъ васъ ускорить ея печатаніе.

Теперь прошло болѣе мѣсяца, статья моя не появляется въ свѣтъ, и содержаніе ея, съ каждымъ днемъ, подвергается опасности во многомъ сдѣлаться анахронизмомъ. Заключая изъ этого, что вамъ не угодно помѣстить ее въ издаваемыхъ вами листкахъ, я покорнѣйше прошу приказать возвратить ее мнѣ. Знаю, что редакторы газетъ и журналовъ не обязываются забракованныя ими статьи возвращать ихъ авторамъ; но я не хочу лишать себя надежды, что вы благоволите сдѣлать одолженіе для человѣка, которому всегда оказывали самое дружественное расположеніе и который не подалъ ни малѣйшаго повода къ противному, и надежда моя тѣмъ естественнѣе, что все дѣло можетъ стоить вамъ не болѣе двухъ словъ приказанія какому-нибудь писарю редакціи. Я не утруждалъ бы васъ этою, конечно, послѣднею моею просьбою, еслибы по несчастію, не имѣлъ крайней нужды въ моей бѣдной рукописи: я имѣю глупую привычку брошенныя сперва на бумагу свои мысли переписывать послѣ самъ, и въ этой переписи все на лоскуткахъ написанное измѣняю до такой степени, что послѣдняя работа становится совершенно непохожею на первую. Такъ было и со статьею, вамъ доставленною. Значитъ, у меня ничего не остается отъ нея кромѣ воспоминанія, что она была написана и была отослана къ вамъ.

Увѣренный, что на этотъ разъ, не останется безъ вниманія скромное желаніе вѣрнаго стараго слуги науки и литературы, съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и пр.

2.

С.-Петербургъ, 7-го Сентября 1863 года.

Милостивый государь Никита Петровичъ!

Спѣшу принести вамъ глубокую благодарность за дружелюбное *неоставленіе безъ вниманія моей просьбы*. Недавно получилъ я отъ М. П. Погодина увѣдомленіе, что М. Н. Катковъ считаетъ нужнымъ сдѣлать въ статьѣ моей какія-то измѣненія, которыя, впрочемъ, въ піесѣ, имѣвшей во многомъ отношеніе къ обстоятельствамъ времени, могутъ дѣйствительно понадобиться по причинѣ долгаго ея непечатанія и которыя, разумѣется, никто не можетъ сдѣлать, кромѣ самого автора. Теперь *изъ письма вашего вижу*, что является другое препятствіе къ ея печатанію—это «проведенное въ статьѣ моей воззрѣніе на молодое поколѣніе, какъ на *нѣкоторую особую корпорацію*, воззрѣніе, съ которымъ М. Н. Катковъ несогласенъ». Признаюсь, я тутъ совершенно ничего не понимаю. Приписывать мнѣ, что я смотрю въ моей статьѣ на молодое поколѣніе, какъ на особую корпорацію, все равно, что заставлять меня увѣрять, будто дважды два составляетъ пять, а не четыре. Да и кому въ голову можетъ войти такая . . . . мысль? Есть вещи, къ которымъ не приложимы извѣстнаго рода свойства,

сколько ихъ къ нимъ ни приставляй, напр., къ желѣзу, что въ естественномъ своемъ состояніи оно жидко, какъ вода; къ воздуху, что онъ тяжелъ и крѣпокъ, какъ камень и т. п. Точно тоже значило бы допускать, что молодые люди съ природными физіологическими и психологическими свойствами ихъ возраста, разсѣянные по лицу земли и по лицу Россіи въ милліонахъ недѣлимыхъ, составляютъ что-нибудь похожее на корпорацію. Изъ того, что именно, на основаніи этихъ свойствъ, я приписываю молодому поколѣнію извѣстное нравственное и умственное настроеніе, развѣ слѣдуетъ, что я считаю его корпораціей? Да еслибъ я и хотѣлъ, не знаю изъ-за какой радости, внушить кому-нибудь подобную нелѣпость, то, конечно, не въ состояніи былъ бы возбудить ничего кромѣ смѣха, *хотя бы обладалъ діалектикой самого М. Н.*, по той же простой причинѣ, что дважды два ни для кого не могутъ составить пяти.

Напротивъ, я въ моей статьѣ одно то и говорю, что общество состоитъ изъ смѣшанныхъ элементовъ, что различные возрасты, совпадая въ немъ одни съ другими, нуждаются во взаимной поддержкѣ, что молодые люди безъ опоры въ старшихъ ничего путнаго сдѣлать не въ состояніи и пр. Непонятно, какъ такой умный человѣкъ, какъ М. Н., могъ до такой степени перехитрить свой взглядъ на самую простую вещь. Это можно объяснить только однимъ, что умомъ его, постоянно и исключительно занятымъ современными вопросами общественными, до того овладѣло извѣстное настроеніе, что ему вездѣ уже стало мерещиться *какое-то одно и тоже*. Жаль! Это можетъ повредить успѣху многихъ его хорошихъ идей.

Что касается до несогласія воззрѣнія М. Н. съ моимъ, то изъ этого могло слѣдовать только одно объясненіе мнѣ (для чего требовалась пересылка мнѣ нѣсколькихъ строкъ), что статья моя не можетъ быть напечатана въ его изданіяхъ, и за тѣмъ возвращеніе ея мнѣ. Не постигаю однако и тутъ, почему М. Н. желаетъ, чтобы всѣ вольные писатели, желающіе помѣстить свой трудъ хотя бы въ его изданіяхъ, не расходящіеся ни съ програмою, ни съ духомъ ихъ въ главныхъ основаніяхъ, непремѣнно обязаны во всемъ сдѣлаться только отголоскомъ его мыслей? Неужели онъ думаетъ, что на него падетъ отвѣтственность передъ Россіей и потомствомъ не только за его, но и за чужія мысли? Онъ, который былъ всегда противъ стѣснительной опеки надъ умами и обществомъ, теперь самъ объявляетъ *претензіи быть опекуномъ—да еще какимъ*! *Всеобщимъ*. Боже мой! Чтó за чудеса у насъ дѣлаются въ Россіи? Неужели нельзя еще ступить намъ шагу по широкой дорогѣ мысли и дѣла, чтобы не изобличить себя то въ незрѣлости мысли, то въ отсутствіи характеровъ. Тамъ безпрестанно

нуждающіеся въ опекѣ; здѣсь претензіи подвергать всякаго опекѣ... Согласитесь, Никита Петровичъ, что я же не школьникъ, только что спрыгнувшій съ училищной скамейки и начинающій мою литературную и жизненную карьеру, что не пишу-же я на вѣтеръ и, подписывая мое имя въ печати, дорожу имъ не менѣе того, какъ г. Катковъ своимъ?.... Какъ все это не похоже на прежняго Каткова, умѣвшаго нѣкогда сочетать въ себѣ возвышенность ума съ характеромъ, равнымъ уму, умѣвшаго положить на томъ и другомъ печать прочной и строгой обработки, на Каткова, котораго я такъ любилъ!.....

Но еще нѣсколько словъ. Вы желаете, многоуважаемый Никита Петровичъ, чтобы я не судилъ строго о поступкѣ М. Н. Каткова изъ уваженія къ его заслугамъ. На это могу сказать вамъ со всею искренностью и простотою честнаго человѣка, что, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ едва-ли кто найдется, кто бы съ такою горячностію, какъ я, отдавалъ должное М. Н. Каткову. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что въ сношеніяхъ съ людьми я могу забыть то, чѣмъ я обязанъ самому себѣ, своему характеру и своимъ правиламъ. Мнѣ очень хорошо извѣстно, что къ капризамъ больныхъ и женщинъ надобно быть снисходительнымъ; но чтобы здоровому и умному человѣку и мужчинѣ позволялось говорить и дѣлать все, что̀ прійдетъ ему въ голову, потому только, что онъ здоровъ и не глупъ—этого я никакъ не могу допустить. Съ такимъ ученіемъ Богъ знаетъ къ чему прійдешь.....

Но конецъ концевъ: такъ какъ у меня съ М. Н. Катковымъ отнынѣ должны быть прекращены всякія сношенія и отношенія, то умоляю васъ, благородный Никита Петровичъ, совершить свое доброе дѣло—устроить такъ, чтобы статья моя была возвращена мнѣ какъ можно скорѣе. Вѣдь четыре съ половиною мѣсяца! А мнѣ она очень нужна. Да и пора положить конецъ этому смѣшному толченію воды въ ступѣ, о которомъ не должно бы быть и помышленія между людьми серьезными. Мих. Ник. самъ по себѣ, а я самъ по себѣ. Прежде было такъ, теперь иначе: все на свѣтѣ перемѣняется. Надобно перестать объ этомъ говорить! А я довольно пожилъ на свѣтѣ, довольно думалъ и кое-что дѣлалъ, чтобы удивляться или приходить въ отчаяніе отъ всяческихъ метаморфозъ человѣческихъ. Мнѣ нужно получить обратно мою статью—и больше ничего. Помогите, помогите глубоко васъ уважающему А. Никитенко.

P. S. Письмо это было написано и готово къ отправленію какъ произошло нѣчто, касающееся до васъ, почтеннѣйшій Никита Петровичъ. Въ университетѣ нашемъ блеснула мысль: нельзя-ли пріобрѣсти васъ для каѳедры философіи? Предложенъ былъ одинъ кандидатъ, Сидонскій; но когда вспомнили о васъ, то явилось много обратившихся

къ вамъ, и въ числѣ оныхъ конечно я былъ не послѣднимъ, и признаюсь вамъ откровенно, не потому чтобы я хотѣлъ этимъ доказать вамъ мое благожелательство, чтó могло бы быть засвидѣтельствовано и другимъ образомъ, а единственно потому, что каѳедру философіи считаю одною изъ важнѣйшихъ, а васъ, въ настоящее время, достойнѣйшимъ быть ея представителемъ. Какъ вы думаете объ этомъ? Напишите мнѣ, и поскорѣе, о вашемъ рѣшеніи, чтобы можно было въ будущемъ собраніи факультета указать, что не только мы желаемъ васъ, но и вы не прочь отъ этого.

Намъ говорили, что будто бы вы въ Москвѣ получили какое-то весьма выгодное для васъ назначеніе; но все это слухи, а нужны точныя свѣдѣнія.

(*Изъ бумагъ Н. П. Гилярова*).

*

Во 2-мъ томѣ „Записокъ и Дневника А. В. Никитенки", изданныхъ въ свѣтъ въ 1893 году, на стр. 399-й, подъ 22 числомъ Августа 1863 г., читаемъ: „Вчера вечеромъ встрѣтился съ Павловымъ (Н. Ф.), который только что пріѣхалъ изъ Москвы. Онъ черезъ секретаря Каткова старался добиться у послѣдняго возвращенія моей рукописи, но покуда не добился". Конечно Никитенко получилъ назадъ свою статью о *Молодомъ поколѣніи*, которую, какъ видно изъ его Записокъ, и напечаталъ во 20-мъ номерѣ „Сѣверной Почты" 1864 года, въ томъ ли видѣ, какъ посылалъ ее въ Москву къ Каткову, или съ измѣненіями, не знаемъ. Но любопытно, что за мѣсяцъ до того, когда президентъ Академіи Наукъ графъ Блудовъ пожелалъ, чтобы Каткова выбрали членомъ-корреспондентомъ Академіи, Никитенко называетъ это несчастіемъ, и академики, въ томъ числѣ и Я. К. Гротъ, съумѣли устроить такъ, что Катковъ не былъ и предложенъ (Зап. Никит. II, 417 и 418). М. Н. Каткову, во все время его издательской дѣятельности, не удалось усвоить себѣ приборливость, столь полезную во всякой работѣ. Это было ему самому горемъ, отъ котораго онъ много терпѣлъ; но сходиться въ понятіяхъ съ Никитенкою, особливо въ 1863 году, онъ конечно не могъ. Теперь, по прошествіи слишкомъ тридцати лѣтъ, любопытно было бы провѣрить, сколько дѣятелей Польскаго тогдашняго мятежа вышло изъ Римско-Католической Академіи, гдѣ А. В. Никитенку такъ любили студенты. П. Б.

„Русская Родословная Книга“, князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго. Спб. 1895. Изданіе А. С. Суворина.

20 лѣтъ прошло со времени выпуска въ свѣтъ двухъ томовъ „Русской Родословной Книги“, имѣвшей, при небогатствѣ нашей генеалогической литературы и полномъ отсутствіи періодически появляющихся родословныхъ альманаховъ, такой успѣхъ, что все изданіе разошлось, не смотря на неполноту помѣщенныхъ въ ней родословій.

Нынѣ появилось второе, совершенно переработанное, изданіе этого труда, и составитель выпустилъ его, на этотъ разъ, подъ своимъ именемъ, а въ примѣчаніяхъ указалъ и имена сотрудниковъ, которымъ принадлежатъ исправленія или дополненія той или другой росписи.

Конечно, генеалогическій сборникъ, обнимающій 250 болѣе или менѣе полныхъ и обширныхъ родословій, не можетъ быть трудомъ одного лица, который, къ тому же, все это время занималъ высшія государственныя должности и могъ посвящать отечественной генеалогіи только свои досуги. Наибольшее содѣйствіе князю Лобанову оказалъ начальникъ Архива Департамента Герольдіи В. В. Руммель, лучшій современный знатокъ Русскаго родословія. Росписи, составленныя подъ его редакціею, отличаются какъ полнотою, такъ и достовѣрностью данныхъ. Имя его встрѣчается въ книгѣ довольно часто, и сообщенныя имъ родословія, наприм., Муравьевыхъ, Сумароковыхъ и Энгельгардтовъ, принадлежатъ къ обширнѣйшимъ и наилучшимъ въ сборникѣ. Мы замѣтили въ одной только росписи, редактированной В. В. Руммелемъ, недосмотръ или, быть-можетъ, пропускъ, именно въ росписи Тевяшевыхъ. Въ послѣднихъ (XV и XVI) колѣнахъ этого рода помѣщены рядомъ, въ томъ же колѣнѣ, лица, которыхъ отдѣляетъ почти цѣлое столѣтіе. №№ 73 и 74 р. въ 1841—1846 годахъ, а лица слѣдующія за ними №№ 77—78 р. въ 1750—1753 годахъ; также и далѣе № 81 р. въ 1874, а съ 83 до 89 въ концѣ прошлаго вѣка.

А. П. Барсуковъ, въ своемъ „Обзорѣ источниковъ и литературы Русскаго родословія“, говоря о книгѣ князя Лобанова (первомъ изданіи), замѣчаетъ, что составитель постоянно даетъ хотя краткія, но точныя и надежныя генеалогическія данныя. Внимательное знакомство съ нынѣ вышедшимъ изданіемъ оставляетъ тоже впечатлѣніе. Князь Лобановъ не измѣнилъ принятой

имъ системѣ, и въ принадлежащихъ его редакціи родословныхъ рѣдко приводятся подробные формулярные списки или пространныя описанія службъ, которыми изобилуютъ родословныя, составленныя Г. И. Студенкинымъ.

Говоря о послѣднихъ, мы обращаемъ особенное вниманіе читателей на весьма интересныя свѣдѣнія о родѣ Козьмы Минина *). Г. Студенкинъ весьма убѣдительными данными доказываетъ, что *прямое* потомство знаменитаго Нижегородскаго гражданина прекратилось въ 1632 г., съ кончиною его сына Нефеда. Такимъ образомъ, нынѣ существующіе Минины, не смотря на имѣющійся въ ихъ рукахъ дипломъ императрицы Екатерины II отъ 6 Іюня 1786 г., въ которомъ сказано: „Извѣстно намъ, что нашего вѣрноподданнаго коллежскаго совѣтника Алексѣя Минина предки, *пращуръ Козьма召нинъ* и прадѣдъ Михайло召нинъ, служили вѣрно Россійскому престолу“ и т. д. (Русская Вивліоѳика, т. I, изд. Николая Полеваго. 1833. стр, 347), могутъ считаться потомками одного изъ братьевъ Козьмы Захарьевича.

Извѣстно, что въ родословныхъ старинныхъ Русскихъ родовъ слабѣйшую сторону составляютъ свѣдѣнія, относящіяся до супругъ и дочерей нашихъ предковъ: въ рѣдкой росписи найдутся нѣсколько женскихъ именъ, болѣе или менѣе полныхъ или достовѣрныхъ. Сравнивая въ этомъ отношеніи оба изданія „Русской Родословной Книги“, мы должны замѣтить, что князь Лобановъ внесъ въ родословныя втораго изданія очень много случайно, тѣмъ или другимъ образомъ найденныхъ, женскихъ именъ.

Родословныя князей Ростовскихъ дополнены тремя новыми росписями вѣтвей Бахтеяровыхъ, Буйносовыхъ и Гвоздевыхъ. Такимъ образомъ росписи *всѣхъ угасшихъ* вѣтвей Ростовскихъ князей во второмъ изданіи на лицо. Но въ росписи эти вошло немного новыхъ данныхъ. Составитель, будучи самъ представителемъ одного изъ родовъ этихъ князей, вѣроятно, имѣлъ весьма уважительныя причины оставить родословныя въ ихъ настоящемъ отрывочномъ видѣ. Онъ воздержался испестрить ихъ вновь открытыми князьями и особенно княгинями, которыхъ бы могъ заимствовать въ значительномъ количествѣ изъ нѣкоторыхъ появившихся въ послѣднее время сочиненій по Ростову и родословію князей Ростовскихъ.

Сборники подобные „Русской Родословной Книгѣ“ имѣютъ тогда лишь цѣну хорошей справочной книги, когда они составлены съ наивозможнобольшею тщательностью, когда въ нихъ вносятся новѣйшія свѣдѣнія, и нѣтъ неточностей, ошибокъ или опечатокъ. Достигнуть же этого можно только при періодически повторяющихся новыхъ исправленныхъ изданіяхъ, въ которыхъ должны принимать участіе лица, принадлежащія къ фамиліямъ, росписи коихъ помѣщены въ сборникѣ.

*) „Русская Род. Книга“, т. I, стр. 386—387.

Знаменитый Готскій Альманахъ достигъ нынѣшней своей полноты и совершенства, потому что онъ исправляется и дополняется изъ году въ годъ, и потому что западное дворянство, привыкнувъ черпать оттуда достовѣрныя генеалогическія данныя, сообщаетъ безпрерывно свѣдѣнія въ редакцію этого альманаха.

Графиня Н. М. Соллогубъ послѣдовала этому доброму примѣру Запада и пополнила росписи двухъ родовъ: одного, къ которому она принадлежитъ сама, и другаго ей родственнаго (Черткова). Благодаря ея участію, роспись графовъ Соллогубовъ, имѣвшая въ первомъ изданіи всего 12 лицъ, возросла во второмъ изданіи до 85. Въ родословную Чертковыхъ внесено также много новыхъ данныхъ и свѣдѣній о послѣднихъ колѣнахъ.

Съ внѣшней стороны послѣднее изданіе „Родословной Книги" также значительно отличается отъ перваго. Не говоря уже о чисто-типографическихъ достоинствахъ (о бумагѣ и печати) изданія Суворина, росписи размѣщены нынѣ въ алфавитномъ порядкѣ, а не въ разбивку и безъ системы, какъ прежде, чтó представляло большія неудобства для пользованія книгою. Наконецъ, обращеніе за справками облегчается еще алфавитнымъ указателемъ всѣхъ именъ и фамилій, упоминаемыхъ въ текстѣ книги.

Пожелаемъ этому полезному генеалогическому труду того же успѣха, который имѣло первое изданіе „Русской Родословной Книги" Цѣна книги (шесть рублей) сравнительно весьма невысокая.

***

РОДЪ ЯРОСЛАВСКИХЪ КНЯЗЕЙ ТРОЕКУРОВЫХЪ.

«Русская Родословная Книга». Появившійся недавно, въ значительно дополненномъ и исправленномъ видѣ, обширный трудъ князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, безъ сомнѣнія, будетъ встрѣченъ съ сочувствіемъ и вниманіемъ со стороны лицъ, занимающихся генеалогіей. Въ «Родословную Книгу» вошло немало поколѣнныхъ росписей давно уже угасшихъ дворянскихъ родовъ; среди таковыхъ, между прочимъ, помѣщены князья Троекуровы, въ свое время занимавшіе видное мѣсто въ историческихъ событіяхъ XVI-XVIII вѣковъ. Родъ Троекуровыхъ есть отрасль Ярославскихъ князей-Рюриковичей, и о нихъ сохранилось немало свѣдѣній въ Ярославлѣ, преимущественно въ Спасскомъ Преображенскомъ монастырѣ, служившемъ мѣстомъ вѣчнаго покоя цѣлому ряду князей Троекуровыхъ; надгробія княжескихъ могилъ, съ подробными (по обычаю того времени) надписаніями о погребенныхъ, даютъ немало матеріала для исторіи рода. Эти надписи (вязью), во времена архіепископа Ярославскаго Антонія Знаменскаго, были скопированы и полностью помѣщены въ описаніи Спасской обители, въ 1881 г.; кромѣ того, мѣстнымъ изслѣдователемъ Ярославской ста-

рины В. И. Лѣствицынымъ о тѣхъ-же надписяхъ помѣщена любопытная статья въ Ярославскихъ Еп. Вѣдомостяхъ (1877 года № 17), гдѣ авторъ особенно подробно останавливается на личности князя Ѳедора Ивановича Троекурова. Дополненіемъ къ этому служитъ «Кормовая Книга» Спасскаго монастыря, въ которой имена Троекуровыхъ занимаютъ также первенствующее мѣсто.

Въ «Родословной книгѣ» родъ князей Троекуровыхъ описанъ въ значительно неполной, сжатой формѣ; почему мы считаемъ небезъинтереснымъ, помѣстивъ ниже родословіе этогѡ рода въ томъ видѣ, какъ оно напечатано въ книгѣ князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, въ примѣчаніяхъ отмѣтить тѣ свѣдѣнія, какія даютъ намъ названные выше матеріалы.

Родъ князей Троекуровыхъ ведетъ свое начало со второй половины XV столѣтія. Родоначальникомъ ихъ былъ князь Михаилъ Львовичъ *Троекуръ*, а въ восходящей линіи, до Рюрика включительно, поколѣніе идетъ слѣдующимъ путемъ: Отецъ Михаила—Левъ Романовичъ, князь Ярославскій; затѣмъ Романъ Ивановичъ, Иванъ Васильевичъ, Василій Давидовичъ, Давидъ Ѳеодоровичъ, Ѳеодоръ Ростиславичъ, Ростиславъ Мстиславичъ, Мстиславъ Давидовичъ, Давидъ Ростиславичъ, Ростиславъ Мстиславичъ, Мстиславъ Владимировичъ, Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, Всеволодъ Ярославичъ, Ярославъ Владимировичъ, Владиміръ Святославичъ, Святославъ Игоревичъ, Игорь Рюриковичъ, Рюрикъ [1]).

Въ Ярославлѣ и его уѣздѣ за кн. Троекуровыми въ XVII—XVIII вѣкахъ числились родовыя вотчины и имѣнья. Такъ въ писцовыхъ книгахъ 1627—29 гг. значится: «Село Бурмакино, родовая вотчина князя Бориса Ивановича Троекурова»; кромѣ того имъ же принадлежали: «село Новое на р. Бобровкѣ стольника князя Бориса Ивановича Троекурова, старая вотчина, что̀ была за отцомъ его за Иваномъ Ѳедоровичемъ Троекуровымъ; село Пречистенское на р. Туношнѣ, родовая вотчина тогожъ князя Бориса Ивановича Троекурова». (Яр. Еп. Вѣд. 1877 г. № 17). Село Бурмакино, впослѣдствіи, въ началѣ XVIII в., по переписнымъ книгамъ 1709 г., числилось въ первой своей половинѣ «за вдовою княгинею Настасьею Васильевною стольника князь Ивановою женою Ивановича Троекурова да за дѣтьми ея князь Алексѣемъ, князь Петромъ, князь Александромъ Ивановичами Троекурова; въ селѣ

---

[1]) Родословіе кн. Ярославскихъ, дополн. и исправл. Ѳ. А. Бычковымъ, въ приложеніи къ „Путеводителю по Ярославлю“ А. Титова, Москва 1883 г., стр. 113—118.

Бурмакинѣ дворъ вотчинницынъ». Въ самомъ Ярославлѣ въ переписныхъ книгахъ 1710 года значилось: «дворъ вдовы княгини Настасьи Васильевны Троекуровой, въ Казанской улицѣ отъ Пробойной, по правой сторонѣ къ Калининой улицѣ» (т. же). Родъ Троекуровыхъ пресѣкся въ первой половинѣ XVIII столѣтія со смертію въ 1740 году послѣдняго его представителя, князя Алексѣя Ивановича.

Троекуровы князья. Отрасль князей Ярославскихъ.

Колѣно XX отъ Рюрика.

1. Кн. Михайло Львовичъ, по прозванію *Троекуръ* (Долг., ч. 1, стр. 147, № 179). — № отцовскій.

XXI.

2. Кн. Иванъ Михайловичъ, бояринъ (1556), †1564. [2]) — 1
3. Кн. Василій Михайловичъ, †безд. — 1
4. Кн. Семенъ Михайловичъ. — 1
5. Кн. Михайло Михайловичъ № 4 и 5 близнецы [3]). — 1

XXII.

6. Кн. Θедоръ Ивановичъ, воевода большого полка въ 1563 г. Упоминается въ Синодикѣ Іоанна Грознаго. Ж. Кж. Михайловна Глинская. — 2
7. Кн. Василій Михайловичъ, †безд. — 5
8. Кн. Θедоръ Михайловичъ, бояринъ (1586), †1597 г. [4]) — 5

— Кж. Домна Михайловна, †10 Марта 1583 г., принявъ постриженіе съ именемъ Евникіи; погребена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ; за Иваномъ Васильевичемъ Шереметевымъ. — 5

---

[2]) Принялъ иночество подъ именемъ Антонія. Скончался въ 1564 году и погребенъ въ Спасскомъ монастырѣ. О немъ по „кормовой книгѣ“ заказано: „Генваря въ 18 день кормъ кормити по князѣ Иванѣ Михайловичѣ Троекуровѣ, а во иноцѣхъ князѣ Антоніи; колачи, рыба, квасъ медвянъ, на его рожденіе“. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1-го числа записано: „кормъ кормити по инокѣ князѣ Антоніи Михайловичѣ Троекуровѣ, колачи, рыба, квасъ сыченъ“.

[3]) Имѣлъ прозвище „Ахметъ“. Жена Анастасія; о ней въ „кормовой книгѣ подъ 28 числомъ Сентября занесено: „кормъ кормити по князь Михайловѣ Михайловича Троекурова княгинѣ Анастасіи, *а во иноцѣхъ Анисіи*, на ея преставленіе, колачи, рыба, квасъ сыченъ“.

[4]) Жена Марія Васильевна. О ней по „кормовой книгѣ“ заказано“: Сентября въ 8 день кормъ кормити по княгинѣ Марьѣ по княжѣ Θедоровѣ Махайловича Троекурова, на ея рожденіе кормъ рядовой“. „Октября 7 кормъ кормити по князь Θедоровѣ Михай-

XXIII

9. Кн. Иванъ Өедоровичъ, †безд. [5]). 8

10. Кн. Романъ Өедоровичъ, †безд. Ж. Ульяна Васильевна У Муханова, Подлин. Свидѣт., стр. 268, она назыв. кж. Гликерія Васильевна Прозоровская.

11. Кн. Иванъ Өедоровичъ, бояринъ (1620), †29 Мая 1621. Ж. 1) Анна Никитична Романова-Юрьева (сестра патріарха Филарета Никитича), †2 Дек. 1565 г. (Новосп. монаст.). У Туманскаго II, 16: † 6 Дек. 1585; 2) Марія Ивановна Жеребцова. Дѣти отъ 2 брака [6])

XXIV.

12. Кн. Борисъ Ивановичъ, бояринъ (1673), † 18 Сентября 1674. Ж. Аграфена Михайловна, † 2 Окт. 1673 [7]) 11

— Княж. Марина Ивановна; за Алексѣемъ Ивановичемъ Головинымъ, р. 1583, † 1657.

— Кж. Анастасія Ивановна; за бояриномъ Иваномъ (большимъ) Өедоровичемъ Стрѣшневымъ (Долг. IV, 412, № 50

ловича Троекурова по княгинѣ Маріи Васильевнѣ на ея преставленіе". По самомъ князѣ: „Іюня въ 8 день кормъ кормити по князѣ Өеодорѣ Михайловичѣ Троекуровѣ на его рожденіе".

[5]) Жена Васса, р. 15 Февраля 1679 г. Надгробіе: „Лѣта 7187 Февруарія 15-го дня, на память св. Апостола Онисима, преставилась жена князя Ивана Өедоровича Троекурова, княгиня Васса Ивановна, во инокиняхъ схимница Варсонофія.

[6]) Въ „кормовой книгѣ" упоминается еще 3-я жена Соломонія: „Мая 24 кормъ кормити по князѣ Ивановѣ княгинѣ Өеодоровича Троекурова по княгинѣ Соломоніи, на ея преставленіе, колачи, рыба, квасъ сыченъ". Кромѣ сына Бориса (№ 12) у кн. Ивана былъ сынъ Василій; о немъ читаемъ въ надгробіи: „Лѣта 7129 Мая 29, на память святыя преподобномученицы Өеодосіи, преставися рабъ Божій бояринъ Иванъ Өедоровичъ Троекуровъ, да сынъ его младенецъ князь Василій Ивановичъ, и погребенъ съ отцемъ въ одной могилѣ". По нихъ заказано „кормъ кормити" 26 Сентября, 27 Января, 28 Мая, 3 и 6 Іюня.

[7]) Князь Борисъ, ум. въ Январѣ 1674 г.: „Лѣта 7182 Януарія на 18 число въ 8 часу нощи, въ первой четверти.... преставися рабъ Божій болярин князь Борисъ Ивановичъ Троекуровъ". По немъ заказанъ кормъ на 24 Іюля „на его имянины, колачи, рыба, квасъ сыченъ". Надгробіе его жены: „Лѣта 7189 Октября противъ 2 числа въ 1-мъ часу нощи во второй четверти.... преставися раба Божія, болярина князь Бориса Ивановича Троекурова жена, болярина княгиня Агрипина Михайловна, а тезоименитство ея Іюнія въ 23 день, житія ея лѣтъ 55, 3 мѣсяца и 9 дней". Въ кормовой книгѣ занесено: „Октября въ 2 день кормъ кормити по княгинѣ болярынѣ Агрипинѣ Михайловнѣ Троекуровѣ, колачи, двоя рыба, квасъ сыченъ".

XXV.

13. Кн. Иванъ Борисовичъ, бояринъ (1678), начальн. Стрѣлецк. Приказа (1689). Ж. 1) Василиса (Васса) Богдановна Хитрова; 2) Анна Семеновна 3) Анастасія Өедоровна Лопухина (сестра царицы Евдокіи Өедоровны), въ 1718 была бита кнутомъ по дѣлу Царевича Алексѣя Петровича (Устряловъ, Ист. Петра Великаго, VI, 222, 225) [8]) } 12

14. Кн. Дмитрій Борисовичъ, † безд. [9])

15. Кн. Өедоръ Ивановичъ, стольникъ и спальникъ; въ 1693 г. былъ бомбардиромъ (Gordon, III, 364), † 7 Сент. 1695 г. подъ Азовомъ (Gordon, II, 597), погребенъ въ Дек. 1695, въ Ярославлѣ, куда ѣздилъ Петръ Великій присутствовать при погребеніи (тамъ-же, 642). Ж. Ирина Петровна [10]). } 13

---

[8]) Кн. Ив. Бор. скончался въ 1703 г. и погребенъ въ Спасо-Ярославскомъ монастырѣ, надгробная надпись: „Лѣта 7211 Ноемврія противу 25 дня въ нощи въ 12 часу, на память священномучениковъ Климента, папы Римскаго, и Петра архіепископа Александрійскаго, преставися рабъ Божій боляринъ князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ, а тезоименитство его Октобрія въ 19 день преподобнаго отца нашего Іоанна Рыльскаго". Въ той-же Спасской обители погребена и жена князя: „1700 году Сентября противъ 25 числа преставися княгиня Анна Сименовна, жена князя Ивана Борисовича Троекурова".

[9]) Скончался въ 1671 году: „Лѣта 7179 Сентября въ 20 день, на память св. вкм. Евстаөія и дружины его, преставися рабъ Божій стольникъ князь Димитрій Борисовичъ Троекуровъ, а погребено его тѣло Декабря въ 22 день". „Кормъ кормити" по князѣ заказано на 19 Сентября „колачи, рыба, квасъ сыченъ".

Кромѣ сыновей *у князя Бориса Ивановича была дочь Софья.* О ней надгробная надпись: „Маія въ 14 день (? года) преставися раба, Божія княжна Софія князь Борисова дочь Ивановича Троекурова".

[10]) Кн. Өедоръ Троекуровъ былъ однимъ изъ любимѣйшихъ приближенныхъ императора Петра 1-го, которыхъ царь удостоивалъ имени „товарищей". „Во время спора царя Петра Алексѣевича съ сестрой своей царевной Софіей объ образѣ правленія въ Московскомъ государствѣ, князь Өедоръ Ивановичъ состоялъ въ числѣ первыхъ приверженцовъ Петра, собравшихся по вызову Государя къ Сергіевой Лаврѣ для защиты отъ происковъ враждебной Преобразователю партіи. При этомъ не иной кто, а именно Троекуровъ исполнилъ тогда весьма важное порученіе, отправившись изъ Лавры въ Москву требовать удаленія Софіи въ Новодѣвичій монастырь" (Головщиковъ К. Д. Исторія г. Ярославля. Ярославль 1889 г., стр. 148). Смерть Троекурова подробно описана на могильной плитѣ: „Мірозданія 7203 лѣта, по указу царскаго пресвѣтлаго величества благочестивѣйшихъ царей, бысть на службѣ подъ градомъ Азовомъ Турскимъ, иже на рѣкѣ Дону, ближній великихъ государей стольникъ князь Өедоръ Ивановичъ Троекуровъ, и тамо отъ непріятелей раненъ въ 5 день Августа мѣсяца, и болѣзнуя въ полкахъ отъ раны тоя во благочестіи христіанскомъ и совершеніи церковныхъ таинствъ 7204 лѣта Сентембрія мѣсяца въ 6-й день скончa жизнь свою и отыде ко Господу. Тѣло-же его пре-

XXVI.

16. Иванъ Ивановичъ, комнатный стольникъ. Ж. Анастасія Васильевна [11]).

Кн. Анастасія Ивановна; за кн. Лобановымъ Ростовскимъ. 13

XXVII.

Кж. Прасковья Θедоровна, род. 23 Сент. 1696, † 25 Дек. 1746; за генер.-маіоромъ кн. Сергѣемъ Михайловичемъ Долгоруковымъ, р. 1695, † 1763, братомъ Долгорукова-Крымскаго [12]). 15

17. Кн. Алексѣй Ивановичъ, р. 27 Февр. 1693, † 27 Іюня 1740 (послѣдній князь Троекуровъ). Ж. Екатерина Григорьевна Теприцкая, въ 2-мъ бракѣ за Соковнинымъ [13])

Кж. Прасковія Ивановна, † 1748; за графомъ Иваномъ Петровичемъ Толстымъ, д. с. с. † въ Іюнѣ 1728, въ Соловецкомъ монастырѣ, куда былъ сосланъ по лишеніи чиновъ и графскаго титула. 16

XXVIII.

Кж. Екатерина Алексѣевна, за генералъ маіоромъ графомъ Владиміромъ Семеновичемъ Салтыковымъ, род. 1705, † 1751 (младш. братомъ фельдмаршала гр. Петра Семеновича Салтыкова). 17

Ростовъ Великій 30 Мая 1895.

А. Титовъ.

везено во градъ Москву Декембрія въ 16 день, и надгробныя пѣнія надъ нимъ сотвори святѣйшій патріархъ Адріанъ соборнѣ. Погребено-же оно во градѣ Ярославлѣ во пречестнѣй обители Христа Господа Спаса Преображенія на семъ мѣстѣ мѣсяца Декембрія въ 20 день, идѣже лежатъ усопшіе сродники его. На погребеніе-же его во градъ Ярославль благоволительно, ради милости своея къ нему особно, присутствовалъ благочестивѣйшій великій государь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ. Его-же всеблагій Господь во всерадостномъ блаженствѣ водворитися да сподобитъ. Отъ рожденія ему князь Θеодору Ивановичу 28 лѣтъ и 3 мѣсяца. Лежащій здѣ и зрящій вся гробъ сей о молитвѣ проситъ, его-же да упокоитъ Господь во царствіи небесномъ со святыми, аминь".

[11]) По смерти кн. Ивана Ивановича, за вдовою княгиней Анастасіей Васильевной числилась первая половина родовой вотчины кн. Троекуровыхъ, села Бурмакина и домъ въ г. Ярославлѣ. Какъ мы выше сообщали, у кн. Ивана Ивановича было три сына, Алексѣй, Петръ и Александръ; но о послѣднихъ двухъ дальнѣйшихъ свѣдѣній нѣтъ; очевидно они умерли въ молодыхъ лѣтахъ.

[12]) За ней числилась по переписаннымъ книгамъ 1709 г. вторая половина родовой вотчины Троекуровыхъ, села Бурмакина.

[13]) „Лѣта 7248, Іуніа 27 числа преставися князь Алексій Ивановичъ Троекуровъ, послѣдній въ своей фамиліи, ибо по немъ мужеска полу фамиліи никого не осталось, а житія его было 47 лѣтъ и 4 мѣсяца".

НАДГРОБНАЯ ЛѢТОПИСЬ МОСКВЫ *).

Въ церкви св. великомученика Никиты, что̀ въ Старыхъ Толмачахъ, въ Ордынцахъ, въ Татарской.

1) „1728 году Апрѣля въ 6 день преставися рабъ Божій младенецъ Іоаннъ, сынъ капитана Алексѣя Ивановича Ладыженскаго, а отъ рожденія поживе 2 года и 38 дней, и погребенъ при сей таблицѣ того Апрѣля 9 дня". На плитѣ гербъ.

2) „1751 года Мая въ 12 день преставися раба Божія, сея церкви діакона Григорія Петрова супруга его Ѳеодора Васильевна, а житія ея было 44 года, тезоименитство ея Февраля 11 дня, погребена противъ сей таблицы".

Въ церкви св. Іоанна Предтечи Усѣкновенія честныя главы за Москвою рѣкою въ Пятницкой что̀ подъ Боромъ, противъ лужи (Бывшій Ивановскій монастырь, подъ боромъ).

На наружной южной стѣнѣ:

1) „1736 г. мѣсяца Мая 13 дня преставися рабъ Божій купецъ Ѳеодоръ Козминъ сынъ Замятинъ, погребенъ Мая 15 дня, а житія было его 23 года и 3 мѣсяца".

2) „1727 г. Ноября въ 27 день, сея церкви Іоанна Предтечи преставися рабъ Божій іерей Матѳей Діомидовъ, житія его было 50 лѣтъ; въ 730 г. Іюля въ 11 день преставися раба Божія Татіана Алексѣевна супруга его, житія ея было 48 лѣтъ и погребена противъ сей таблицы и близъ сея стѣны.

Въ церкви Всемилостиваго Спаса, что̀ въ Чигасѣхъ.

На южной наружной стѣнѣ, на чугунной плитѣ:

„Здѣсь погребенъ мужъ добротъ, Іоаннъ протопресвитеръ; онъ былъ прибѣжище сиротъ и церковный попечитель; за сіи доброты его, Боже, дай покой душѣ его. А насъ церковь Божію 42 года, поживе 73 года, 2 мѣсяца, преставися Марта 12 дня 1767 года".

---

*) См. выше, стр. 219.

Въ церкви св. мученикъ Флора и Лавра, что̀ на Фроловкѣ, у Мясницкихъ воротъ, у государева бывшаго Житнаго двора.

На западной стѣнѣ на металическихъ доскахъ.

1) „На семъ мѣстѣ 29 Мая 1730 года съ великою церемоніею погребено тѣло Іоанна Ильича Дмитріева-Мамонова, генерала аншефа, лейтенанта отъ кавалергардіи, кавалера ордена св. Александра, подполковника лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, сенатора Правительствующаго Сената, который родился Декабря 10 дня лѣта 1680 и въ малолѣтствіи своемъ имѣлъ чинъ столничій; въ два десятомъ году отъ рожденія его произведенъ въ службу военную блаженныя и вѣчно достойныя памяти отъ Его Императорскаго Величества Петра I, въ 700 году въ лейбъ-гвардію лейтенантомъ въ Семеновскомъ полку и потомъ въ ономъ же полку въ первой Нарвской экспедиціи былъ и раненъ въ 701 году, въ ономъ же полку произведенъ въ капитаны и въ 704 году при взятіи Нарвы въ штурмѣ дважды раненъ, послѣ онаго подъ Лѣснымъ при баталіи былъ и предъ Полтавскою баталіею въ Лебединѣ. Въ оный же полкъ въ 709 году пожалованъ маіоромъ и былъ на баталіи подъ Полтавою, при Турецкой акціи въ 711 году, въ 718 году пожалованъ брегадиромъ и былъ въ экспедиціи подъ Стекгольмомъ и въ 722 году, когда Его Императорское Величество изволилъ возымѣть маршъ въ Персію, пожалованъ генераломъ-маіоромъ и въ ономъ маршѣ имѣлъ команду надъ всею лейбъ-гвардіею и когда возвратились изъ оной экспедиціи, при корованіи Ея Императорскаго Величества, въ сочиненной кавалергардской корпусъ пожалованъ лейтенантомъ. Въ 725 году отъ Ея Императорскаго Величества пожалованъ кавалеріею ордена св. Александра и въ 726 году пожалованъ въ генералы-лейтенанты. Потомъ въ 727 году отъ Его Императорскаго Величества Петра Втораго пожалованъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку подполковникомъ, въ 730 году отъ Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйше пожалованъ опредѣленъ сенаторомъ въ Правительствующій Сенатъ, а потомъ при коронаціи Ея Императорскаго Величества пожалованъ генераломъ-аншефъ; сверхъ онаго былъ опредѣленъ въ разныхъ случаяхъ у дѣлъ великихъ и повѣренныхъ въ Москвѣ, въ Санктъ-Петербургѣ, въ Кронштадтѣ, въ Петергофѣ и въ другихъ мѣстахъ при случайныхъ работахъ, имѣлъ особливыя подъ своей командой многія канцеляріи и во всемъ себя показалъ добрымъ и повѣреннымъ рабомъ. Впослѣди Мая 24 дня 1730 году преставися по службѣ тридцати одного году, жилъ до 50 лѣтъ, 5 мѣсяцевъ и 15 дней. При погребеніи его превосходительства были имѣющіеся въ Москвѣ духовные чины, такожъ господа генералы-фельдмаршалы и генералы, сенаторы и знатныя особы всѣ. И при ономъ минутная пальба пушечная и три залпа бѣглымъ огнемъ отъ лейбъ-гвардіи отправлялася въ оны случаи погребенія его при сей приходской его церкви святыхъ мучениковъ Флора и Лавра, что́ въ Бѣломъ городѣ у Мясницкихъ во-

ротъ, таковая, что соизволеніемъ отца его стольника и полковаго воеводы Ильи Михаиловича, погребена жена его, Ивана Ильича мать, Акилина Игнатьевна роду Вердеревскихъ, потомъ и отецъ его Илья Михаиловичъ и другая жена Ильи Михаиловича Параскева Ивановна, роду Ададуровыхъ и сынъ его, Ивана Ильича, Ѳедоръ Ивановичъ, который умеръ во младенчествѣ и прочіе младенцы роду ихъ Димитріевыхъ-Мамоновыхъ обоихъ половъ при сей церкви и на семъ мѣстѣ, а прародители ихъ Димитріевыхъ-Мамоновыхъ по древнему обычаю и вкладамъ погребены всѣ въ дѣвическомъ Георгіевскомъ монастырѣ, что́ на Дмитровкѣ, а жена его Ивана Ильича Авдотья Стефановна, которая была роду Плещеевыхъ, помянутаго Ѳедора Ивановича мать, погребена въ Чудовѣ монастырѣ, по соизволенію ея, при гробахъ родительскихъ".

2) „Иванъ Ильичъ Дмитріевъ-Мамоновъ меньшой родился 1694 года, жилъ 38 лѣтъ 18 дней, скончался въ 1732 году Декабря 12 дня, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка капитанъ и погребенъ на семъ мѣстѣ".

3) „1760 году Октября 2 дня преставися рабъ Божій въ Москвѣ главнокомандующій его высокопревосходительство дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ Іоаннъ Іоанновичъ Бахметевъ, имѣя отъ рожденія своего житія 77 лѣтъ и три мѣсяца, и погребенъ на семъ мѣстѣ того жъ Октября 5 дня; гробъ его высокопревосходительства до церкви съ тѣломъ несенъ двѣнадцатью человѣкъ оберъ-офицерами, а крышка ундеръ-офицерами съ пристойною по его рангу церемоніею. 1768 году Мая 3 дня преставися раба Божія вдова Наталья Ивановна, дочь его высокопревосходительства Іоанна Іоанновича Бахметева, въ замужествѣ была за колежскимъ ассесоромъ Сергіемъ Степановичемъ Болтинымъ, имѣя съ нимъ супружество одинъ годъ, а отъ рожденія своего 33 лѣтъ, погребена на семъ мѣстѣ, подлѣ гробу родителя своего".

4) Илья Михайловичъ Дмитріевъ-Мамоновъ столникъ и полковой воевода скончался 1725 года Февраля 22 дня и погребенъ на семъ мѣстѣ ради его супруги; но родъ Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ погребаемъ въ Егорьевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ".

Надъ 1, 2 и 4 надписями помѣщены фамильные гербы.

Въ церкви святаго апостола Филиппа за Смоленскими воротами, за Арбатскими воротами, въ Иконной улицѣ, въ Ивановѣ Приказѣ Полтева (нынѣ Іерусалимское подворье).

На наружной алтарной стѣнѣ.

„Лѣта 7205 году Апрѣля въ 14 день, на память иже во святыхъ отца нашего Мартина Исповѣдника папы Римскаго, преставися рабъ Божій стольникъ Иаковъ Никитичъ Муромцевъ и положенъ противъ сей таблицы".

Въ упраздненномъ въ 1812 г. Ивановскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, подъ Боромъ, въ Старыхъ Садѣхъ, на Кулижкахъ,

(до совершенной перестройки въ 1860 году):

Въ главномъ храмѣ у сѣверной стѣны находилось каменное надгробіе съ покровомъ, на верхней его плитѣ высѣчена была слѣдующая надпись:

1) „Лѣта 7146 году Марта въ 1 день, на память святыя преподобно-мученицы, Евдокіи преставися раба Божія Дарья, во инокиняхъ схимница Марѳа юродивая“.

Въ стѣнахъ церкви были слѣдующія надписи:

2) „Лѣта 7166 году Сентября въ 29 день, на память преподобнаго отца нашего Киріака отшельника, преставися раба Божія Александра, а во иноцехъ схимница Каптелина Ивановская жена Захарьевича Свіязева“.

3) „Лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1702 году Іюля во 2 день преставися раба Божія княгиня Параскева Борисовна Ордина-Нащокина, а житія ея было 60 лѣтъ“.

4) „1713 году Марта въ 24 день преставися рабъ Божій подполковникъ Симеонъ Васильевичь Резановъ въ градѣ Витепску, а погребенъ при семъ мѣстѣ во обители Іоанна Предтечи, того году Маія во 2 день, житія его было 37 лѣтъ“.

5) „1723 года Апрѣля въ 9 день преставися раба Божія стольника князь Ѳедора княжъ Михайловича Волконскаго жена его княгиня Екатерина Матвѣевна дочь, отъ рожденія житія ея было . . . . лѣтъ, а погребена противъ сей подписи, отступя на семь аршинъ“.

6) „Лѣта 1723 году Мая 18, на память святаго мученика Петра, преставися раба Божія Аѳанасьева жена Михайловича Елизарова Аграѳена Володимировна, и погребено тѣло ея противъ сей надписи“.

7) „1723 года Ноября въ 27 день, на память святаго великомученика Іакова Персянина, преставися раба Божія Агрипина, канцеляріи Правительственнаго Сената секретаря Гаврилова жена Окунькова, и погребена при сей стѣнѣ и лѣтописи, того жъ Ноября 29 числа“.

8) „1724 года Генваря въ 30 день преставися рабъ Божій лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку гренадерской роты унтеръ-лейтенантъ князь Петръ Владимировичъ Волконскій и погребенъ близъ алтаря, отступя 8 аршинъ, поживе 27 лѣтъ.

9) „1724 году Марта 21, на память преподобнаго отца нашего Іакова епископа, преставися рабъ Божій стольникъ Иванъ Аврамовичь Пестовъ. Житія его 59 лѣтъ, и погребенъ противъ сей лѣтописи“.

10) „1726 году Февраля въ 15 день преставися раба Божія поручика князь Алексѣя Ивановича Шаховскаго жена его княгиня Ирина Семеновна, житія ея было 29 лѣтъ и 4 мѣсяца, и погребено тѣло ея, отступя 9 аршинъ“,

11) „1727 году Генваря въ 30 день, въ память священномученика Ипполита папы Римскаго, преставися раба Божія Александровой Слободы мо-

нахиня Досиѳея Михайловна дочь Бронницкая, а житія ея было 70 лѣтъ, а погребено тѣло ея противъ сей подписи".

12) „1727 года Іюля въ 26 день преставися раба Божія окольничаго Петра Васильевича Бутурлина жена его вдова Ксенія Михайловна, житія ее было семдесять одинъ годъ и 7 мѣсяцевъ, и погребено тѣло ея противъ сей подписи".

13) „Виждь смертный человѣче, здѣ мимоходящій,
Виждь прахъ моего тѣла, прахъ костей лежащій.
Аще похощешь имя и родъ мой познати,
Изволь сію слезную надпись прочитати:
Есмь Гавріилъ Іосифовъ именемъ названный,
Родомъ звахся Окуньковъ сынъ именованный,
Рангъ имѣлъ секретарскій, заслужилъ въ Сенатѣ;
Но нынѣ водворихся въ сей темной палатѣ,
Поживъ семьдесятъ осмь лѣтъ три мѣсяца въ свѣтѣ,
Скончался 30-го Мая 1735-мъ лѣтѣ.
Но молю всѣхъ васъ грѣшна меня поминати,
Въ памяти незабвенной всегда содержати".

14) „1738 году Октября 13 дня съ Пятницы на Субботу, послѣ обѣдни въ 10 часу, на память святыхъ мученикъ Карпа и Папилы, преставися раба Божія стольника Ѳедора Михайловича Глѣбова, жена его вдова Анна Михайловна, рожденіе ея 1691 года".

15) „1744 года Октября 17 дня, на память святыхъ безсребренникъ Космы и Даміана, преставися рабъ Божій гвардіи Измайловскаго полку капралъ Іоаннъ Алексѣевичъ Есиповъ . . . . а тезоименитство его Февраля 24 дня".

16) „1747 году Сентября въ 23 день, на память Зачатія честнаго и славнаго Пророка Предтечи Крестителя Господня Іоанна, въ 8 часу послѣ половины ночи, преставися рабъ Божій Петръ Леонтьевичъ Глѣбовъ, а отъ рожденія своего поживе 53 года, а тезоименитство его Іюня 12 числа, и погребенъ на семъ мѣстѣ того жъ Сентября 25 дня, близъ гробовъ родителей, и сотвори ему вѣчную память".

17) „1750 года Ноября 15 числа, на память святыхъ мучениковъ и исповѣдниковъ Гурія, Самона и Авивы, то есть въ Четвертокъ, въ 5 часу по полудни, преставися раба Божія капитана Петра Леонтьевича Глѣбова жена его Евдокія Алексѣевна, а отъ рожденія своего поживе 58 лѣтъ, а тезоименитство ея Августа 4 числа, и погребена на семъ мѣстѣ того жъ Ноября . . . числа, близъ гробовъ родителей своихъ, и сотвори ей вѣчную память".

18) „1751 года Апрѣля 13 дня, по полудни въ 5 часу, преставися рабъ Божій князь Николай Алексѣевичъ Засѣкинъ, рожденіе его въ 711 году Апрѣля 23 дня, а житія его было отъ роду 40 лѣтъ, тезоименитство его Мая 9 дня, погребено тѣло его подъ камнемъ".

19) „Полковника Ѳедорова дочь Борисовича Волкова князь Семенова жена Ивановича Щербатова, поживе въ супружествѣ 1 годъ 3 мѣсяца, а

отъ рожденія поживе 21 годъ, 7 мѣсяцевъ и 22 дня, тезоименитство ея Октября 20 дня".

20) „1759 году Іюня 24 дня, по полунощи 12 часу, преставися рабъ Божій надворный совѣтникъ Иванъ . . . . .евичъ Глѣбовъ.

21) „1761 году Октября 4 дня, преставися раба Божія подполковница Пелагея Михайловна Хомутова, тезоименитство ея Октября 8 дня, всѣхъ лѣтъ житія ея было 47 лѣтъ, и погребена подъ симъ камнемъ".

22) „Сей камень на гробѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку солдата Александра Петрова сына Ознобишина, который преставися 1763 года Февраля 16 дня по полунощи въ 3 часу, а житія его было . . . . .".

23) „1763 года Іюля 4 дня, пополудни въ 7 часу въ 2 четверти 25 минутъ, преставися раба Божія генералъ-маіора Ивана Михайловича Волынскаго жена его Анна Семеновна дочь Волынская, житія ея было 69 лѣтъ 11 мѣсяцевъ 24 дня, и погребена подъ симъ камнемъ".

24) „1764 году Апрѣля 3 дня преставися рабъ Божій князь Іоаннъ Николаевичъ Волконскій, родися 1732 году Ноября 7 дня, а тѣло его погребено противъ сей таблицы, а житія его было 32 года".

25) „Подъ сею надписью погребено тѣло благородной дѣвицы Маріи Михайловны Кропотовой, житія ея 13 лѣтъ, 3 мѣсяца 18 дней, успе о Господѣ 1767 году Октября 4".

26) 1769 году Генваря 8 дня, пополудни въ 3 часу, на преподобнаго Георгія Хозевита и Григорія чудотворца, преставися раба Божія, лейбъ-гвардіи подпоручика Петра Михайловича сына Ознобишина, жена его Евдокія Михайловна дочь . . . . . . житія ея было 41 годъ 10 мѣсяцевъ и 25 дней, рожденія ея было Февраля 14 дня 1727 года, а тезоименитство ея было Марта 1 числа, въ супружествѣ она жила 24 года и 5 мѣсяцевъ, и погребена подъ симъ камнемъ.

Въ Алексѣевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ въ Чертольѣ, по Пречистенской улицѣ, у Алексѣевской башни, близъ Пречистенскихъ воротъ (гдѣ нынѣ храмъ Спасителя).

Въ соборномъ храмѣ Преображенія Господня съ придѣломъ преподобнаго Алексія человѣка Божія:

1) „Бояринъ и дядька царя Іоанна Алексѣевича Борисъ Гавриловичъ Юшковъ, скончавшійся 713 года Апрѣля 8 дня".

2) „Вторая супруга его Елена Григорьевна, дочь боярина князя Григорья Аѳанасьевича Козловскаго, скончавшаяся 1700 года Сентября 9 дня, и погребена подлѣ пасынка своего Тимоѳея Борисовича Юшкова".

Строенія Алексѣевскаго монастыря въ 1838 г. разобраны до основанія, и на этомъ мѣстѣ сооруженъ храмъ во имя Христа Спасителя. Здѣсь погребены были князья Щербатовы, генералъ-аншефъ князь Алексѣй Ивановичъ Шаховской, генералъ-поручикъ Иванъ Васильевичъ Панинъ государственной коллегіи совѣтникъ Василій Яковлевичъ Панинъ, гг. Загряжскіе,

княжна Стефанида Юрьевна Мещерская и бывшая въ мірѣ супруга патріарха Никона Таисія; по взаимному обѣту съ мужемъ своимъ, еще тогда сельскимъ іереемъ, она вступила въ Алексѣевскій монастырь, гдѣ и кончила дни свои, когда Никонъ уже былъ патріархомъ.

Въ церкви святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба, что̀ на Поварской улицѣ (Настоящая Нерукотвореннаго Образа Спасова).

При устройствѣ въ 1881 году духовыхъ печей, на глубинѣ двухъ аршинъ, изъ земли вырытъ былъ камень съ таковою надписью: „208 году Октября въ 10 день, на память святыхъ мученикъ Евлампія и Евлампіи, преставися рабъ Божій Тимонъ Алексѣевичъ Кишкинъ“.

Въ церкви Святителя Николая, что̀ въ бывшемъ Кобыльскомъ полку, за Покровскими воротами, на Воронцовомъ полѣ (Настоящая Нерукотвореннаго Образа Спасова).

На наружной южной стѣнѣ:

1) „1756 году Сентября въ 18 день преставися іерей Захарій Лаврентіевъ, а житія его было 79 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ, а тезоименитство его было Февраля 8 числа, и сотвори ему, Господи, вѣчную память, и тѣло его положено противъ сего камня“.

На наружной восточной стѣнѣ:

2) „Противу сея таблицы подъ камнемъ погребены первой гильдіи купецъ Григорій Трофимовъ сынъ Мушниковъ съ его супругою и чады. Григорій родися 1683 году Декабря 16 дня, тезоименитство его было Генваря 25 дня, преставися 1735 году Декабря 30 дня, житія его было 53 года; супруга его Евфимія родися 1686 года Маия 13 дня, тезоименитство ея было Іюля 11 дня, преставися 1733 году Маия 21 дня, житія ея было 48“.

3) „Дѣти ихъ: Никита родися 1711 году Апрѣля 1 дня, тезоименитство его было Апрѣля 3 дня, преставися 1734 году Маия 1 дня, житія его было 35 лѣтъ, Іяковъ родися 1716 году Апрѣля 15 дня, тезоименитство его было Апрѣля 3 дня, преставися 1737 году Октября 2 дня, житія его было 22 года, Іоаннъ родися 1722 году Іюня 26 дня, тезоименитство его было Іюня 2 дня, преставися 1742 году Маія 8 дня“.

Въ церкви Святыхъ Безсребренниковъ Космы и Даміана на берегу, за Москвою рѣкою, въ Садовникахъ, что̀ въ Кожевникахъ, что̀ въ Нижнихъ Садовникахъ (Настоящая Владимирскія Богородицы).

Въ алтарѣ на южной стѣнѣ:

1) „Здѣ погребено тѣло мужа честна, канцеляріи земскихъ дѣлъ асессора Никифора Стефанова сына Дружинина, преставися же въ лѣто 1721 году Маія во второй день, въ седьмомъ часу дня, а житія бѣ его 65 лѣтъ“.

Въ трапезѣ на южной стѣнѣ:

2) „1731 году Маия 8 день преставися раба Божія бывшаго комисара Ивана Григорьевича Лошакова жена его Соломонида дочь Герасима Бѣльскаго, отъ рожденія всѣхъ.... лѣтъ, погребена противъ сей подписи подъ камнемъ".

На сѣверной наружной стѣнѣ:

3) „Господи Боже нашъ, въ лице избранныхъ и сладостію райской его же въ вѣрѣ отъ насъ преставися еси, упокой. На семъ мѣстѣ погребено тѣло Садовой Большія слободы купецкаго человѣка Матѳія Іяковлева сына Темдыева, преставися же въ лѣто Господне 1723 году Іюня в 5 день къ вечеру, житія же его 40 лѣтъ".

Въ церкви святаго Іоанна Воина на Старыхъ убогихъ домахъ, на Государевомъ Зелейномъ дворѣ, за Петровскими воротами (Прежде бывшій мужской Божедомскій Воздвиженскій монастырь, обращенный около половины XVIII вѣка въ приходскую церковь).

На погостѣ на камняхъ:

1) „1758 году Февраля съ 15 на 16 число, по полуночи втораго часа, преставися раба Божія колежскаго совѣтника Аѳанасія Силича Извекова супруга его Ксенія Григорьевна, житія ея отъ роду было 57 лѣтъ".

2) „1763 году Генваря въ 7 день, по полуночи въ 10 часу, преставися рабъ Божій младенецъ Василій Павловъ сынъ Веселовской, житія его было 11 дней, и погребенъ 9 числа противъ сей таблицы".

Въ церкви Усѣкновенія Честныя Главы святаго Іоанна Предтечи въ Конюшенной слободѣ, въ Чертольѣ у Конюшенъ, что въ Большой Конюшенной слободѣ.

Въ трапезѣ на южной стѣнѣ:

1) „174 года Іюня 3 дня, на память святаго мученика Лукьяна, преставися рабъ Божій полковникъ Гаврила Ивановичь Козловъ, а житія его было 54 года и три мѣсяца, и погребено тѣло его противъ сея подписи".

2) „Лѣта 1704 году Генваря въ 6 день, на Святое Богоявленіе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, преставися рабъ Божій столникъ Козма Петровичь Козловъ".

3) „Лѣта отъ сотворенія міра 7251 году, а отъ Рождества Христова 1743 году Маія противъ 1 числа, на память святаго Пророка Іереміи, преставися рабъ Божій лейбъ-кирасирскаго полку ротмистръ Гавріилъ Артемьевичь Лонской, житія его было 34 года и 10 дней, рожденіе его марта 16 дня а тезоименитство его Марта 26 дня".

Въ церкви Свят. Николая, что̀ за Срѣтенскими воротами въ Грачахъ, на Старомъ городищѣ, что̀ въ Стрѣлецкой слободѣ, бывшая приходскою надворныя пѣхоты Васильевскаго полку Пушешникова (Здѣсь былъ Никольскій монастырь въ Драчахъ, въ Драчевѣ, сгорѣвшій въ 1547 году).

На наружной восточной стѣнѣ:

„1722 году Сентября въ 16 день преставися раба Божія вдова Параскева Павловна Суслова жена, которая во временномъ свѣтѣ живши 6.... лѣтъ въ надеждѣ Божія царствія небеснаго вѣчнаго“.

Въ церкви Страстотерпца Христова Георгія, на бывшемъ загородномъ дворовомъ мѣстѣ боярина Никиты Ивановича Романова, что̀ за Никитскими воротами по конецъ Поварской улицы на Вспольѣ, близъ Гранатнаго двора.

У праваго клироса вдѣлана въ стѣнѣ доска чернаго мрамора, на ней золотыми буквами высѣчена слѣдующая надпись: „Противу сей дски покоются тѣла Григорія Ивановича Орлова и супруги его Лукерьи Ивановны, урожденной Зиновьевой. Помяни ихъ Господи во царствіи Твоемъ“.

Внизу надписи помѣщенъ фамильный гербъ Орловыхъ, металическій, вызолоченный.

Въ церкви Воскресенія Христова, что̀ за Покровскими воротами въ Барашахъ, въ Барашевской слободѣ.

На наружной сѣверной стѣнѣ:

1) „1736 года Октября въ 23 число, на память святаго апостола Іакова брата Божія, въ сей день по полудни въ исходѣ втораго часа преставися рабъ Божій бригадиръ Никита Васильевичь Кунингамъ, отъ рожденія житія его на семъ свѣтѣ шестьдесятъ одинъ годъ, 10 мѣсяцевъ и восемь дней, а рожденіе его 7134 году Сентября 15 числа, въ ономъ числѣ и тезоименитство его на память святаго великомученика Никиты, и погребенъ онъ при Божественной церкви, отъ сего надписанія отступя шесть саженъ“.

2) „1750 года Іюня 4 дня, противъ сего мѣста прямо, отступя отъ стѣны шесть саженъ, погребенъ Тобольскаго пѣхотнаго полку поручикъ Сергѣй Никитинъ сынъ Кунингамъ и положенъ по правую сторону родителя своего, а родился онъ 1715 году Сентября 2 числа, въ службу вступилъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку 1731 году, а въ 741 году пожалованъ въ томъ же полку капраломъ, а въ 746 году выпущенъ въ напольные полки прапорщикомъ и опредѣленъ въ Тобольскій полкъ, а въ 749 году Мая 8 дня, пожалованъ подпоручикомъ, а всего житія его было 35 лѣтъ, а погребенъ на семъ мѣстѣ, противъ сей надписи“. Надъ этими надписями фамильный гербъ съ военными атрибутами.

3) „1764 году Февраля 6 дня въ 9 часу по полудни, на память преподобнаго Вукола епископа, преставися отъ житія сего въ вѣчную жизнь рабъ Божій оберъ-квартермистръ Алексѣй Степановъ сынъ Тихменевъ, а житія его было 37 лѣтъ, а рожденіе его Марта 4 дня, а тезоименитство его Марта 17 числа, а погребеніе было Февраля 18 дня, и погребено тѣло его противъ сей подписи".

Въ церкви св. Николая что̀ на Старомъ Ваганьковѣ.

(Храмъ этотъ во дворѣ Румянцовскаго Музея, прихода не имѣетъ и приписанъ къ Николо-Стрѣлецкой церкви, что́ на Знаменкѣ).

Въ церкви на южной стѣнѣ:

1) „1764 году Октября 4 числа преставися раба Божія Евдокія Алексѣевна Жукова, житія ея было 68 лѣтъ, и погребено тѣло ея противъ сей надписи".

На наружной западной стѣнѣ:

2) „Отъ сотворенія міра 7210 году, а отъ Христова Рождества 1702 Іунія 26, въ память преподобнаго отца нашего Давида иже въ Селунѣ, преставися рабъ Божій управитель дому боярина князя Алексѣя Петровича Прозоровскаго Матѳѣй Ивановъ сынъ Кирѣевъ, поживе отъ рожденія своего 36 лѣтъ, 10 мѣсяцевъ и 18 дней, а его супруга Анна Ѳедоровна дочь скончася 1700 году Іюлія 9 дня, а житія ея отъ рожденія 33 лѣта, 6 мѣсяцевъ и 9 дней, и погребены противъ сія цки, которая . . . . въ церкви Николая Чудотворца, что́ въ Старомъ Ваганковѣ, въ паперти церковной съ правой стороны. . . . ."

Въ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, что̀ противъ Тараканова двора, что̀ противъ воротъ боярина князя Алексѣя Юрьевича Сицкаго, что̀ въ Введенской улицѣ, что̀ противъ Новаго Гостинаго двора (Церковь находилась за Биржею и разобрана въ 1865 году).

На большомъ камнѣ:

1) „Лѣта 7147 Февраля въ 17 день, на память святаго великомученика Ѳеодора Тирона, преставися рабъ Божій гость Софоній Ѳедоровъ сынъ, прозвище Томила Тороканоъ, а память его Дека. . . . . ."

На меньшемъ камнѣ:

2) „ . . . . інева жена Ѳедорова сына, прозвище Томилы Тороканова, а . . . . . е . . . . Августа въ 4 д.

Въ церкви Св. Николая въ Мясникахъ, въ Огородной слободѣ, у Мясницкихъ Фроловскихъ воротъ.

Въ большой церкви внутри на южной стѣнѣ:

1) „Лѣта 7205 году мѣсяца Декемврія въ 11 день, на память преподобнаго отца нашего Даніила столпника, преставися раба Божія благовѣрная княжна Татьяна Ѳеодоровна Шаховская и предана персти персть тогоже мѣсяца въ 12 день, на память иже во святыхъ отца нашего Спиридона чудотворца“.

2) „1736 года Маія 7 числа, на память святаго мученика Акакія, въ 8 часу по полуночи преставися рабъ Божій Соляной Конторы совѣтникъ Андрей Степановичь Боевъ, родился 7197 году Октября 1 дня, претекъ жизни вѣка сего 47 лѣтъ, 7 мѣсяцевъ 16 дней, погребенъ противъ сей надписи, подлѣ дочери своей Маріи Андреевны, которая преставилася 1733 году Августа 3 дня“.

3) „Подъ симъ мѣстомъ положено тѣло лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку капитана и дому его императорскаго величества камергера Данила Тимоѳеевича Чевкина, а преставися отъ жизни сей въ нынѣшнемъ 1729 году Марта въ 22 по полудни въ 3 часу, а житія его было 56 лѣтъ, 3 мѣсяца и 22 дни, а тезоименитство его Декабря 17 дня, святаго пророка Даніила, и погребенъ противъ сей таблицы, отступя 3 аршина“.

На сѣверной стѣнѣ:

4) „Въ семъ храмѣ противъ сего образа погребены усопшихъ тѣлеса дому его императорскаго величества стряпчаго Макара Давыдова жена Шагина и супруги его. 1722 году Маія въ 18 день преставися раба Божія Екатерина Васильева дочь, 1723 году Іюня 23 день преставися раба Божія Евдокія Васильева дочь, 1730 году Ноября 25 преставися раба Божія Настасія Иванова дочь.“

Выше надписи, на этой же плитѣ сдѣланъ искусною рукою рельефный образъ Страшнаго Суда съ таковыми изреченіями: „Егда пріидетъ Сынъ Человѣческій, тогда соберутся предъ Нимъ вси народы, и разлучитъ праведныхъ отъ грѣшныхъ. Вѣрою Твоею спасемся“.

На западной стѣнѣ:

5) „Погребены на семъ мѣстѣ Дмитрій Мясновъ съ женою Анастасіею.“

Въ церкви Соборной Успенія Пресвятыя Богородицы, что на Крутицахъ, въ дому митрополита Сарскаго и Подонскаго (Обращена въ приходскую въ концѣ XVIII в.)

Въ середней стѣнѣ Петро-Павловскаго храма противъ южной двери алтаря:

1) „Лѣта 7196 году Мая въ 18 день, въ 4 часу дни въ послѣдней четверти, на память святыхъ мученикъ Петра и Діонисія и иже съ ними,

преставися рабъ Божій преосвященный Варсонофій, митрополитъ Сарскій и Подонскій и погребенъ бысть въ новосозданнѣй его сея церкви Святыхъ Апостолъ Петра и Павла.“

2) „Лѣта отъ Рождества Христова 1701 году Іюня въ 28 день въ 3 часу дни во 2 четверти, на память святыхъ чудотворцевъ и безсребренниковъ Кира и Іоанна, преставися рабъ Божій преосвященный Трифилій, митрополитъ Сарскій и Подонскій.“

Въ простѣнкѣ двухъ оконъ:

3) „Всетворца Бога волею скончася
Архіерей сый, въ благой жизни знася
Ѳеодосій здѣ; епископъ онъ Сарскій
И Подонскій, въ дѣлѣ Святыхъ господарскій.
Успе блаженно, тѣломъ положися,
Всякъ вѣдаяй о немъ помолися.
Усопшаго душу, Господи, помяни,
Въ щедротахъ Твоихъ въ небо ю всели.
Вадбольскихъ князей господинъ.....
Въ любве къ Богу ко всѣмъ....
Міра 7212 лѣта 1704 года отъ Рождества
Христова. Августа въ 13 день 6-го часа въ
1 четверти. Житія его 49 лѣтъ.“

На правой сторонѣ:

4) „Лѣта 1716 году Апрѣля въ 20 день, на память преподобнаго отца нашего Ѳеодора Трихины, преставися рабъ Божій Крутицкаго дому крестовый іеромонахъ Адріанъ и погребенъ на семъ мѣстѣ преосвященнѣйшимъ Алексіемъ, епископомъ Сарскимъ и Подонскимъ.“

5) „Лѣта 1709 году Октября 30 числа, на память святыхъ мученикъ Зиновія и Зиновіи, преставися рабъ Божій Крутицкаго дому стряпчій Михайло Даниловъ и погребенъ бысть въ семъ мѣстѣ.“

На западной стѣнѣ:

6) „1715 году Генваря въ 17 день преставися рабъ Божій Крутицкаго архіерейскаго дому судья Иванъ Михайловичь Зиновьевъ и погребенъ на семъ мѣстѣ преосвященнымъ Алексіемъ, архіереемъ Сарскимъ и Подонскимъ, а житія его . . . . 2 лѣта.“

На стѣнѣ перехода изъ терема въ храмъ:

7) „1738 году Августа въ 1 день преставися рабъ Божій . . . . . . Крутицкаго дому преосвященнаго . . . . Семена Сафронова, а жизни отъ рожденія 30 лѣтъ и погребенъ противъ сей подписи.“

На сѣверной стѣнѣ подъ аркой:

8) „1737 года Іюня въ 5 день преставися рабъ Божій Алексѣй Ивановъ, Крутитскаго Успенскаго собора сея церкви служитель, а житія его было отъ рожденія 59 лѣтъ и погребенъ противъ сея . . . . , а посвященъ

во священство Леонидомъ, архіепископомъ Сарскимъ и Подонскимъ 1722 года Октября во 2 день."

Въ упраздненной крестовой церкви на наружной стѣнѣ:

9) „По узаконенному живыхъ и мертвыхъ Богу предѣлу преставлися, азъ рабъ Его Ѳеодоръ, почивая на семъ мѣстѣ, мимоходящихъ умильно прошу объ оставленіи грѣховъ моихъ ко Господу помолиться и сподобить мя нынѣ въ вѣчной радости быти".

Въ подцерковьѣ:

10) „Здѣсь погребенъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода членъ преосвященный Иларіонъ, епископъ Сарскій и Подонскій, который рожденъ въ Малороссіи, въ лѣто отъ Рождества Христова 1696 Декабря 20 въ городѣ Сосницѣ. Въ 1714 году пришелъ въ Кіевъ обучаться въ Кіевской Академіи въ Братскомъ Училищномъ монастырѣ и, окончивъ ученіе, пожелалъ монашескій чинъ воспринять въ томъ же Братскомъ монастырѣ, въ которомъ и постриженъ 1721 года, тогожъ монастыря богословскимъ учителемъ Іосифомъ Волынскимъ, и тогожъ года въ должность учительскую опредѣленъ, въ которой трудился четыре года. Потомъ въ Харьковскомъ училищѣ преподавалъ риторику, былъ проповѣдникомъ, потомъ философіи учителемъ. Черезъ четыре года, 1733 года Іюня 29 дня, посвященъ въ архимандриты Бѣлогородской епархіи въ Старорусскій монастырь, и потомъ переведенъ той же епархіи въ Никольской, что въ Бѣлгородѣ, монастырь; въ лѣто 1740 въ Ставропигіальный старый монастырь Саввы Сторожевскаго, послѣ въ Чудовъ, а потомъ въ Воскресенскій, нынѣ именуемый Новый Іерусалимъ; въ лѣто же 1748 Мая 28 дня посвященъ въ епископы церкви Крутицкой епархіи, которую пасъ благополучно 12 лѣтъ 7 мѣсяцевъ. Божіимъ изволеніемъ, съ подобающимъ христіанскимъ пріуготовленіемъ, совершеннымъ исповѣданіемъ и крѣпкою до самой кончины своей памятію преставился въ лѣто отъ Рождества Христова 1759 года Декабря 3 дня въ 8 часу по полудни и погребенъ на семъ мѣстѣ. Житія его преосвященства было отъ роду 63 года."

11) „7007 году мѣсяца Іюня въ 30 день преставися рабъ Божій епископъ Евѳимій и, по пренесеніи мощей его, погребенъ здѣ по правую сторону отъ Востока въ 7052 году Сентября 12 дня."

12) „7091 года Сентября во 2 день преставися рабъ Божій епископъ Симеонъ Сарскій и Подонскій и погребенъ здѣ того же года и мѣсяца съ правой стороны отъ Запада."

13) „7052 года мѣсяца Февраля 2 дня преставися рабъ Божій священноепископъ Досиѳей Сарскій и Подонскій и погребенъ здѣ съ лѣвой стороны отъ Востока."

14) „7110 года Сентября въ 26 день, па память Святаго Апостола и Евангелиста Ивана Богослова, преставися рабъ Божій преосвященный Геласій, митрополитъ Сарскій и Подонскій."

ЕЩЕ ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНІИ ЦАРСКАГО ТИТУЛА.

Статья о царскомъ титулѣ, помѣщенная въ 5-мъ выпускѣ «Русскаго Архива», наводитъ на многія размышленія.

Титулъ царскій заключаетъ въ себѣ сокращенно всю этнографію, всю географію и всю исторію, не только Русскую, но и включаетъ въ себя болѣе и болѣе всемірную [1]). Смыслъ или философія этой всемірной исторіи можетъ быть выраженъ однимъ словомъ: *умиротвореніе* или *собираніе земель и народовъ*, собираніе продолжающееся и еще неоконченное ни по внѣшнему пространству, ни по внутреннему содержанію или глубинѣ, т. е. нѣтъ еще ни полнаго собранія, ни совершеннаго умиротворенія. Самодержецъ, царь, обладатель, повелитель, всѣ эти наименованія, заключающіяся въ титулѣ, сливаются и завершаются въ одномъ словѣ: *миротворецъ*.

Титулъ царскій прочитывается, по древнему обычаю въ храмѣ собиранія Русской земли, Успенскомъ соборѣ [2]) и въ областныхъ соборахъ накануне Рождества I. Христа, пришедшаго водворить миръ на всей землѣ. И это ежегодное чтеніе указываетъ и напоминаетъ, что Царь, расширяя, увеличивая титулъ, является исполнителемъ Его (Христа-Бога) святой воли, чтобы на землѣ былъ миръ. Потому-то и увеличеніе титула и расширеніе области мира, а съ нимъ и царства знанія, вѣдѣнія, не прекращается, не останавливается. Въ 1828 г. внесена въ титулъ Армянская область Урарту-Ассирійскихъ лѣтописей, которая, по новѣйшимъ открытіямъ, Русскими учеными совершеннымъ, играла очень важную роль въ древнѣйшей исторіи Востока и въ судьбахъ народа Божія, отвлекая силы Ассиріянъ на Сѣверъ: она (Урарту-Арменія) замедляла паденіе царства Израильскаго, а вступая въ союзъ съ Вавилономъ, ускорила паденіе царства Іудейскаго и приблизила явленіе Царства Божія, Царства Мира, Царства Христова. Санъ-Стефанскій договоръ дѣлалъ Царя Русскаго обладателемъ верхней долины Евфрата и, можетъ быть, обладаніе этими мѣстами предупредило бы кровопролитія въ Турецкой Арменіи, если бы С.-Стефанскій договоръ не былъ замѣненъ Берлинскимъ, поставившимъ Арменію и внѣ знанія,

---

[1]) Самый первый политическій актъ нашей исторіи: призывъ *Славянами и Финами Нѣмцевъ*, заключаетъ въ себѣ уже что-то международное, а первый актъ нашей духовной жизни открывается *соборомъ представителей всѣхъ религій Запада и ближняго Востока*, Евреевъ, Магометанъ, Католиковъ и Грековъ; потому-то и наша исторія была отъ начала всемірна.

[2]) Въ Московскій Успенскій соборъ переносились, какъ извѣстно, иконы и даже иконостасы изъ присоединенныхъ городовъ.

и внѣ мира, т. е. закрывъ ее для изслѣдованія и предавъ разоренію и кровопролитію.

Царь Туркестанскій, т. е. Царь или побѣдитель надъ преемниками *Туранскаго* Афрасіаба (противника мирныхъ царей *Иранскихъ*, нашихъ предшественниковъ въ борьбѣ или, вѣрнѣе, въ защитѣ отъ степныхъ кочевниковъ), Царь Туркестанскій, этотъ новый титулъ Царя Русскаго, еще не есть послѣднее слово титула.

Недавно заключенная конвенція съ Англіею уже указываетъ на новый титулъ, титулъ Царя Сѣвернаго Памира. А какое глубокое значеніе имѣетъ новое присоединеніе, если подъ Памиромъ, согласно съ древнѣйшими народными преданіями (не опровергнутыми окончательно, но и не подтвержденными еще учеными изслѣдованіями) разумѣть прародину Арійскаго племени и могилу предковъ всѣхъ Арійскихъ, а можетъ быть и не-Арійскихъ народовъ. Тогда Царь нашъ становится въ *отца или праотца мѣсто* не одного племени Славянъ, т. е. его долгъ смотрѣть и на другіе народы, какъ не чуждые себѣ, какъ и смотрѣлъ Царь-Миротворецъ (Александръ III).

Не Русскимъ ли вмѣстѣ съ Англичанами предлежитъ изслѣдованіе въ археологическо-историческомъ и естественно-историческомъ отношеніяхъ священнаго Памира, библейскаго Эдема, не въ видѣ лишь временныхъ экспедицій, а въ видѣ постоянной Англо-Русской обсерваторіи, наблюдающей землю и небо въ изумительно-прозрачномъ воздухѣ Памира?

Но прежде чѣмъ стать Царемъ всего Памира, нужно преемнику князей Владимирскихъ и Московскихъ стать Царемъ Каракорума, развалины котораго недавно открыты Русскими учеными, и возобновить эту столицу Чингиза и его наслѣдниковъ въ возмездіе за разореніе ими городовъ Русскихъ и не-Русскихъ и для поминовенія странствовавшихъ туда князей Русскихъ (Александра Невскаго).

Внѣшнему выраженію царскаго титула (предполагаемой-ли процессіи, или, что̀ гораздо проще, лицевому изображенію на наружныхъ стѣнахъ одного изъ музеевъ Московскихъ, или, что̀ еще лучше, изображенію на стѣнахъ Кремля росписи, которая предлагалась въ Русскомъ же Архивѣ) этому внѣшнему выраженію царскаго титула нужно придать нравственное значеніе, а не выраженіе грозной силы, обнявшей шестую часть міра и грозящую остальнымъ пяти частямъ. Народы, когда-то вооруженные съ головы до ногъ, каковы Татары, даже Мордва, Ногаи, Башкиры, Чеченцы, Лезгинцы, Узбеки и еще недавно страшные Туркмены являются безоружными. Эта безоружность бывшихъ всеоружными есть фактъ, котораго не могутъ опровергнуть наши Европейскіе враги, снабжавшіе оружіемъ Кавказъ и Туркестанъ.

Эту-то картину мирнаго разоруженія или умиротворенія и нужно представить на наружныхъ стѣнахъ Музея, оставивъ стѣны Кремля для чего-либо еще болѣе высшаго. Замѣна вооруженнаго Татарина Татариномъ, торгующимъ мыломъ, есть конечно начало умиротворенія, но далеко не полное; потому-то на стѣнахъ Кремля должна быть представлена замѣна военнаго оружія другимъ оружіемъ, избавляющимъ родъ человѣческій отъ бѣдъ, производимыхъ слѣпою силой, чтобы оно было видима всѣми, воспитывало бы для мира народъ, призванный подъ видомъ воинской повинности къ разрѣшенію мироваго вопроса. Подъ каждымъ словомъ титула кроется и земля или народъ, и имя царя, который присоединилъ эту землю или пріобщилъ этотъ народъ къ сонму другихъ народовъ, уже соединенныхъ. Гербъ втораго Рима, принятый третьимъ Римомъ и носящій на себѣ гербы всѣхъ княжествъ, земель и царствъ, жившихъ прежде въ непрерывной войнѣ и нашедшихъ себѣ миръ подъ распростертыми крыльями орла, собравшаго ихъ, какъ кокошъ собираетъ птенцы своя; этотъ-то, такъ сказать, многоединый гербъ и можетъ послужить исходнымъ пунктомъ художнику. Княжества, земли, царства могутъ быть представлены и подъ видомъ тѣхъ народовъ, которые обитаютъ въ нихъ, а также подъ видомъ тѣхъ князей, царей и императоровъ, которые присоединяли ихъ, собирали въ общую единую силу, такъ что роспись представитъ рядъ собирателей, лицевую генеалогію, степенную книгу или же титулъ царскій въ лицахъ, начиная отъ Владимирскаго или Московскаго до Туркестанскаго, уже принятаго, и Памирскаго, ожидающаго еще принятія.

Итакъ, титулъ царскій можетъ быть изображенъ тремя способами (этнографическимъ, историческимъ и географическимъ) въ отдѣльности, или всѣми ими въ совокупности.

Роспись невольно возбуждаетъ вопросъ, для чего нужно это собираніе, это совокупленіе силъ всѣхъ народовъ въ одну силу, если завоеваніе не есть цѣль? Въ Царѣ, «въ отцевъ и праотцевъ мѣсто» поставленномъ, данъ *ясный для сыновъ человѣческихъ отвѣтъ* на вопросъ, для какого безусловно-общаго Божія дѣла нужно это собираніе. Очевидно, что ни Царь для народа, ни народъ для Царя, а Царь вмѣстѣ съ народомъ становятся исполнителемъ воли Бога въ дѣлѣ Божіемъ; участіе всѣхъ въ этомъ великомъ трудѣ и сдѣлаетъ невозможнымъ ни тираннію со стороны Царя, ни возстаніе со стороны народа.

Было бы даже оскорбительно для сыновъ, внуковъ, правнуковъ... потомковъ умершихъ отцевъ, дѣдовъ, прадѣдовъ... предковъ, праотцевъ разъясненіе имъ общаго ихъ дѣла. Тѣмъ не менѣе лишь чистые сердцемъ дадутъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, если конечно, онъ поставленъ понятно.

Статьи историческія въ журналахъ не-историческихъ.

Сильвестръ Медвѣдевъ. И. Козловскаго. „Казанск. Унив. Извѣстія“ Май.

Авторъ заканчиваетъ свой трудъ разборомъ памятника „Созерцаніе краткое лѣтъ 7190—7192“, извѣстнаго подъ именемъ Записокъ Медвѣдева о первомъ Стрѣлецкомъ бунтѣ. „Созерцаніе“ редактированное Медвѣдевымъ, признается замѣчательнѣйшимъ историческимъ источникомъ; оно много выше Записокъ Матвѣева.

Времена Екатерины II-й. А. Н. Пыпина „Вѣстникъ Европы“ Май—Іюнь.

Вся вторая половина XVIII ст. можетъ быть названа вѣкомъ Е., такъ какъ никто изъ государей не отдавалъ литературѣ такого вниманія, никто не былъ болѣе близокъ къ умственному движенію Европы и не принадлежалъ къ нему своимъ собственнымъ трудомъ, какъ сама Императрица. Она была вполнѣ воспитана на Французской „философіи“. Самымъ замѣчательнымъ памятникомъ литературной образованности является „Наказъ“; онъ надолго остался источникомъ, изъ котораго почерпали опору писатели, стремившіеся разъяснять здравыя понятія человѣчности и просвѣщенія. Но Е. скоро охладѣла къ своимъ идеалистическимъ порывамъ, и отъ „Наказа“ остались лишь отрывочные отголоски. Вообще г. Пыпинъ признаетъ, что западное вліяніе вовсе не имѣло тѣхъ размѣровъ, какіе ему обыкновенно придаютъ. У насъ не было и тѣни того научнаго развитія, которое шло въ Европѣ со временъ Возрожденія. Средства просвѣщенія были очень скудныя. Е. мало старалась ихъ расширить.

Особую роль въ образованіи общества играли сатирическіе журналы. Большое значеніе принадлежитъ Новикову, но его взгляды во многомъ не совпадали со взглядами Е., и вѣроятно Новиковъ прекратилъ свой журналъ не по своей волѣ. Теорія встрѣтилась съ практикой, явились колебаніе, неувѣренность, которыя перешли потомъ въ раздраженіе.

Указавъ на то, что до недавняго времени эпоху Екатерины представляли въ фальшивомъ освѣщеніи, благодаря блеску царствованія и самой личности государыни, авторъ опирается на книгу Ларивьера, и изображаетъ перемѣну во взглядахъ Е., упрекая ее за то, что она не осталась на высотѣ своего первоначальнаго настроенія и не сдѣлала многаго для Русскаго общества Къ концу 80 годовъ она сама разрушала слабые зачатки просвѣщенія, которое прежде хотѣла насаждать; тогда-то и породилось то недовѣріе къ просвѣщенію, которое, по мнѣнію г. Пыпина, продолжается и теперь. Богатство литературы второй половины XVIII вѣка лишь внѣшнее, и авторъ почти соглашается съ Бѣлинскимъ, что истинная литература наша началась лишь съ Пушкина и Гоголя. Слѣдуетъ долгое разсужденіе, почему тогда процвѣтала ода. Взглядъ на поэзію у современниковъ былъ не высокъ, самостоятельнаго значенія за ней не признавалъ даже и Фонъ-Визинъ. Прогрессъ былъ лишь во внѣшней обработкѣ; но книга Радищева указываетъ, что причину безсодержательности литературы того времени надо искать во внѣшнихъ обстоятельствахъ. Похвалы воздаются Княжнину, онъ черпалъ идеи свои изъ „Наказа“ и западныхъ образцовъ. Подражаніе было органически необходимо, какъ извѣстная стадія общественнаго воспитанія; оно восполняло недостатокъ школы и отсутствіе общественности. Комедіи Е. осмѣивали общія слабости безъ всякаго опредѣленнаго указанія на то, откуда онѣ происходили и чѣмъ можно было бы имъ противодѣйствовать. „Записки касательно Россійской исторіи“ чрезвычайно лю-

бопытны, какъ выраженіе правительственныхъ идей, которыя она желала внушить своимъ подданнымъ. Въ Державинѣ признается за многими недостатками настоящее одушевленіе, которое неосталось безъ вліянія на дальнѣйшее развитіе художественной формы и самаго пониманія достоинства литературы. Подобную заслугу имѣетъ и Фонъ-Визинъ, хотя онъ до такой степени не съумѣлъ опредѣлить своего міровоззрѣнія, что принужденъ былъ прекратить свою писательскую дѣятельность. Запутанность понятій, общая людямъ того времени, ярко выразилась въ письмахъ Фонъ-Визина изъ Франціи.

Георгій Конисскій. Е. М. Ливотова. Окончаніе. „Русское Обозрѣніе" Іюнь.

Излагаются труды архипастыря о возвращеніи Уніатовъ въ Православіе, борьба съ вольнодумствомъ, заботы о просвѣщеніи, научныя занятія. Онъ признается лучшимъ проповѣдникомъ и становится на ряду съ Платономъ.

Минковецкое государство. А. О. Копылова. „Русскій Вѣстникъ". Январь—Май.

Очеркъ преобразованій, предпринятыхъ помѣщикомъ Мархоцкимъ въ своемъ имѣньи Минковицахъ Подольской губерніи.

Наталья Кириловна Загряжская. Л. Н. Майкова „Русск. Вѣст.". Январь.

Пользуясь 5-мъ томомъ книги „Семейство Разумовскихъ" и данными почерпнутыми изъ „Русскаго Архива", авторъ съ обычнымъ мастерствомъ изображаетъ личность Загряжской.

Сергѣй Николаевичъ Глинка. И. Н. Б—ва. „Русск. Вѣст.". Мартъ.

Краткій очеркъ жизни основателя „Русскаго Вѣстника".

О преобразованіяхъ въ началѣ царствованія Николая I. А. Г. Воронова. „Русск. Вѣстн.". Мартъ—Май.

Неоконченная еще статья, составленная на основаніи 74 и 90 томовъ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

Послѣднее Новоселье Лермонтова. М. Сухомлинова. „Русск. Вѣстн.". Мартъ.

Любопытны свѣдѣнія о Французскомъ переводѣ этого стихотворенія, сдѣланномъ г. М. М., и объ отношеніи власть имущихъ къ стихотвореніямъ Лермонтова.

Ив. Дм. Бѣляевъ. С. А. Гадзяцкаго. „Русская Бесѣда", Февраль Май.

На основаніи печатнаго и рукописнаго матеріала составленная подробно біографія доведена до 1857 года.

Изъ прошлаго Н. П. Колюпанова. Окончаніе. „Русское Обозр." Іюнь.

Разсказываетъ о своей службѣ въ провинціи въ качествѣ Ветлужскаго исправника, о бунтѣ крестьянъ противъ управляющаго, котораго потомъ сами же бунтовщики просили оставить, о противорѣчіяхъ жизни съ закономъ. Въ заключеніе Н. П., ручаясь за вѣрность картины „добраго стараго времени", выражаетъ радость о томъ, что мы далеко ушли въ теченіе полустолѣтія. Но совершенно естественно является вопросъ, какъ на такой ужасной почвѣ могли возникать типы въ родѣ тутъ же выводимаго Ѳ. Н. Лугинина? Отвѣта въ талантливыхъ запискахъ Колюпанова мы не находимъ; да и вопроса этого онъ повидимому себѣ не ставилъ.

Отзывы о Славянофилахъ. Н. М. Павлова. „Русск. Обозр.". Іюнь.

Московскіе пожары 50 годовъ приписывались нѣкоторыми барынями пагубному вліянію Славянофиловъ. Приведено характерное анонимное письмо къ С. Т. Аксакову, въ которомъ его укоряютъ за злодѣя-сына и призываютъ къ отвѣту за него передъ Богомъ.

О Виленскомъ памятникѣ графу М. Н. Муравьеву. А. П. Владимирова. „Русское Обозрѣніе". Іюнь.

Крайне-любопытная замѣтка о ненависти къ диктатору, тормозящей построеніе ему памятника. Интересно указаніе, что Высочайшее повелѣніе о передачѣ Православнымъ Остробрамской иконы, присвоенной католиками, данное въ 1832 году, до сихъ поръ не исполнено.

Золотыя и серебряныя издѣлія и деньги въ церквахъ и у духовенства древней Руси. „Ярославскія Еп. Вѣд.“ № 20.

Архимандритъ упраздненнаго Угличскаго Воскресенскаго монастыря Гавріилъ. „Яросл. Еп. Вѣд.“ № 21.

Состояніе Спасо-Ярославской духовной семинаріи во времена епископа Аѳанасія (1761 — 1876 гг.). „Ярославскія Еп. Вѣд.“ № 23.

Знаменательный случай изъ послѣднихъ дней жизни митрополита Московскаго Иннокентія. „Спб. Духовн. Вѣстникъ“. № 13—14.

Московскій архіереевъ Ростовскихъ домъ въ 1773 г. „Ярославскія Еп. Вѣд.“ № 23.

Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. „Волынскія Еп. Вѣд.“ № 16.

Изъ церковной лѣтописи Богоявленскаго прихода м. Паволочи Сквирскаго уѣзда. „Кіевскія Еп. Вѣд.“ № 10.

Лѣтописецъ Казанскаго женскаго монастыря о зданіяхъ монастыря. „Ярославскія Еп. Вѣд.“ № 23.

Исторія Новгородской духовной семинаріи. „Новгородскія Еп. Вѣд.“. № 11.

Историческая справка о начальникахъ Новгородскаго духовнаго уѣзднаго училища, со дня его основанія (5 Сентября 1809 года). „Новгородскія Еп. Вѣд.“ № 11.

Псковская епархія (Историческій очеркъ). „Псковскія Еп. Вѣд.“ № 11.

Къ историческимъ свѣдѣніямъ о Кожеозерскомъ монастырѣ. „Архангельскія Еп. Вѣд.“ № 10.

Catherine le Grund d'après sa correspondance. Catherine II et la révolution francaise par Ch. de Larivière. Avec préface de Alfred Rambaud. Paris. 1895. Мал. 8-ка XXXIII и 396 стр.

Историческія свѣдѣнія о родѣ дворянъ Рахманиновыхъ, съ приложеніемъ герба и родословныхъ (раскрашенныхъ) таблицъ. Кіевъ 1895. бол. 8-ка, III (предисловіе Н. Василенко) и 109 стр.

Kniaziowie litewskoruscy od kónca czternastego wieku przez Józefa Wolffa. Warszawa 1895. Бол. 8-ка XXV и 698 стр.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1895 года.

(Годъ тридцать третій).

„Русскій Архивъ“ въ 1895 г. издается **двѣнадцатью тетрадями**, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1895 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ прошлыхъ лѣтъ: за **одну** по 1 р. 25 к., за **двѣ** по рублю, за **три** по 80 к., за **четыре** и болѣе по 75 к. каждая.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногородняго на иногородный—30 к., городскаго на иногородный—90 к., иногородняго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются расписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 до 2 часовъ дня.

Составители и издатели „Русскаго Архива“ Петръ Бартеневъ.
Юрій Бартеневъ.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

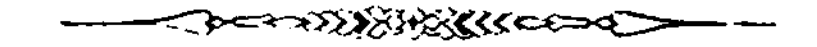
Въ Конторѣ «Русскаго Архива» въ Москвѣ, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, **подписчики** «Русскаго Архива» могутъ получать по уменьшенной цѣнѣ 26 книгъ этого историческаго изданія: за каждую книгу отдѣльно по **2** рубля, за всѣ 26 книгъ—**45** рублей безъ пересылки.

Годъ тридцать третій.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1895

8.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1895.

Историческія статьи въ духовныхъ повременныхъ изданіяхъ.

Гапановичъ П. Историко-статистическое описаніе церкви и прихода въ с. Переспѣ Томашовскаго уѣзда, Люблинской губерніи. „Холмско-Варшавскій Епархіальный Вѣстникъ" №№ 11, 13.

Теодоровичъ Н. Три подлинныя завѣщанія дворянъ Ѳеодора и Евы Домашевскихъ Почаевскому монастырю отъ 1649, 1659 и 1665 г.г. „Волынскія Еп. Вѣд." № 19.

Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. „Волынскія Еп. Вѣд." № 19.

Дневникъ преосв. Арсенія Верещагина за Августъ—Декабрь 1797 года. „Ярославскія Еп. Вѣд." № 27.

Консисторская записка отъ 1780 г. о Спасо-Ярославской семинаріи. „Ярославскія Еп. Вѣд." № 27.

Учители Спасо-Ярославской семинаріи: Ляшевецкій, іеродіаконъ Амвросій Фабрицкій и Богоявленскій. „Ярославскія Еп. Вѣд." № 27.

Очеркъ миссіонерскихъ мѣръ по обращенію въ православіе Стародубскихъ и Черниговскихъ раскольниковъ до временъ Екатерины II. „Черниговскія Еп. Вѣд." № 12.

Письмо преосв. Анатолія, еп. Могилевскаго, къ П. В. Кукольнику, по поводу брошюры прелата Здановича. „Могилевскія Еп. Вѣд." № 19.

Рункевичъ С. Г. Матеріалы для статистическаго обозрѣнія Минской епархіи. „Минскія Еп. Вѣд." № 10.

Верждболовичъ М. Второй періодъ существованія Минской духовной семинаріи (1817—1840 г.). „Минскія Еп. Вѣд." №№ 9, 10.

Смиречанскій В. Псковская епархія (Историческій очеркъ). Митрополиты: Иларіонъ (1691—1698), Іосифъ (1699—1717). „Псковскія Еп. Вѣд". № 7.

Исторія Новогородской духовной семинаріи. „Новгородскія Еп. Вѣд". № 7.

Историческія свѣдѣнія о бывшихъ и существующихъ монастыряхъ, въ Череповскомъ уѣздѣ Новгородской епархіи. „Новгородскія Еп. Вѣд". № 7.

Добровъ Н. Матеріалы для исторіи Астраханской духовной семинаріи. „Астраханскія Еп. Вѣд." № 5.

Указатель статей о Екатеринбургской епархіи, помѣщенныхъ въ Пермскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ. „Екате-

НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНІЕ 1806 ГОДА.

Высочайшій указъ съ инструкціями, данный 19 Декабря 1806 года тайному совѣтнику Козодавлеву.

Послѣ умершаго въ Маѣ 1894 года члена Ростовскаго Музея церковныхъ древностей А. М. Попова остался портфель замѣчательныхъ автографовъ, который обязательно предоставленъ въ наше распоряженіе сыномъ покойнаго П. А. Поповымъ.

Помѣщаемый ниже указъ со своеручной подписью Александра Перваго сопровождался отношеніемъ князя Лопухина къ сенатору Козодавлеву отъ 20 Декабря за № 6105 съ означеннымъ указомъ и съ копіями Высочайшихъ инструкцій: а) Пермскому и Вятскому генералъ-губернатору Модераху отъ 4 Декабря 1806 г.; б) военнымъ и гражданскимъ губернаторамъ отъ 4 Декабря 1806 г.; в) губернскимъ предводителямъ дворянства отъ 4 Декабря 1806 г.; г) начальникамъ губерній (секретно) отъ 17 Декабря 1806 г.; д) главнокомандующимъ областнымъ начальникамъ земскаго войска отъ 20 Декабря. Всѣ эти приложенія подписаны тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Кочубеемъ.

Документы эти характеризуютъ эпоху первыхъ лѣтъ царствованія императора Александра Благословеннаго, когда надвигался на Россію Западъ Европы, и уже предвидѣлось грозное нашествіе Наполеона.

А. Титовъ.

Господинъ тайный совѣтникъ и сенаторъ Козодавлевъ. Изъ манифеста отъ 30 Ноября сего года извѣстны уже вамъ причины и цѣль времяннаго вооруженія внутренняго земскаго войска, равно какъ и правила, на которыхъ оное учреждено быть долженствуетъ. Успѣшное произведеніе въ дѣйство сей необходимой и спасительной мѣры зависитъ наиболѣе отъ неослабнаго вниманія на все то, что́, дѣйствуя на общее мнѣніе и воспламеняя духъ народный любовію къ отечеству, устремлять можетъ усилія и рвеніе вѣрноподданныхъ къ прямой и существенной цѣли сего вооруженія. Съ симъ намѣреніемъ поручено гражданскимъ губернаторамъ, данною имъ инструкціею, стараться

всѣми мѣрами внушать поселянамъ надлежащія понятія о семъ временномъ служеніи отечеству; а секретнымъ предписаніемъ, съ коего копія при семъ прилагается, возложено на нихъ объяснить въ дворянскихъ собраніяхъ всѣ тѣ обстоятельства, которыя особенно для сего сословія показываютъ прямую необходимость въ составленіи милиціи. Равномѣрно, даннымъ наставленіемъ Святѣйшему Синоду, предоставлено ему съ своей стороны пещись о устремленіи благочестиваго негодованія сыновъ Православныя Церкви противу ополчающагося на потрясеніе оной врага.

Для точнаго исполненія всѣхъ сихъ мѣръ въ губерніяхъ, въ коихъ нѣтъ военныхъ и генералъ-губернаторовъ или въ коихъ находятся они по службѣ въ отсутствіи, признаю я необходимымъ возложить наблюденіе за онымъ на особъ, званіемъ, службою и ревностію къ Отечеству общее уваженіе пріобрѣтшихъ.

Избирая васъ къ сему служенію, по извѣстнымъ мнѣ достоинствамъ вашимъ, препоручаю вамъ отправиться въ губерніи Псковскую, Витебскую, Могилевскую и Смоленскую и, прибывъ,

1. Потребовать отъ гражданскихъ губернаторовъ свѣдѣнія о всемъ, что̀ ими уже сдѣлано въ исполненіе данныхъ имъ предписаній и о распоряженіяхъ, какія они учинили для составленія, вооруженія и продовольствія милиціи и для храненія всѣхъ приносимыхъ отечеству пожертвованій.

2. Естьли признаете въ оныхъ мѣры несоотвѣтственныя прямой цѣли правительства, или не уравнительныя и отяготительныя для маломощныхъ, или же не обезпечивающія достаточно храненіе и цѣлость приносимыхъ пожертвованій, то исправьте таковыя погрѣшности нужнымъ наставленіемъ губернатора.

3. Старайтесь узнать, какъ чрезъ губернаторовъ, такъ и чрезъ другихъ особъ, образъ общаго мнѣнія, обнаруженный въ собраніяхъ дворянства, въ городскихъ обществахъ и селеніяхъ касательно сего вооруженія и благоразумными съ вашей стороны объясненіями и внушеніями, какъ чрезъ самихъ васъ, такъ и чрезъ другихъ благомыслящихъ людей, потщитесь отвращать сомнительныя предубѣжденія, буде таковыя замѣчены вами будутъ.

4. Въ сношеніяхъ губернаторовъ съ командующими земскимъ войскомъ въ губерніи старайтесь утвердить единодушіе и согласіе, къ успѣшному и скорому исполненію всякаго дѣла столь необходимыя.

5. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ вы застанете еще собранія дворянства, собственнымъ присутствіемъ вашимъ руководствуйте оныя и безъ всякаго принужденія старайтесь склонить ихъ къ цѣли общественной пользы, возбуждая, гдѣ нужно, соревнованіе и внушая довѣренность и уваженіе къ мѣрамъ правительства, неослабно пекущагося о благѣ общества.

6. При положеніяхъ дворянства о добровольныхъ пожертвованіяхъ, старайтесь обращать оныя болѣе къ существенной пользѣ общества, не допуская до излишнихъ издержекъ на одно наружное и безполезное украшеніе милиціи; тѣмъ болѣе, что таковыя пожертвованія приличнѣе употребить на облегченіе и снабженіе маломощныхъ дворянъ и на вспоможеніе тѣхъ недостаточныхъ, которые избраны будутъ въ частные начальники милиціи.

7. Естьли, противъ всякаго ожиданія, откроете вы, что находятся въ губерніи люди, превратными толками и разглашеніями повреждающіе общее мнѣніе и духъ народный, то съ помощію губернаторовъ старайтесь укрощать таковыхъ, сколько возможно, кроткими увѣщаніями; съ упорными же, по мѣрѣ вліянія, какое могутъ имѣть они на общество, примите и другія законами предписанныя мѣры.

8. Въ нужныхъ случаяхъ сно́ситесь вы съ главнокомандующимъ областнымъ земскимъ войскомъ, и властію, которую даетъ вамъ званіе сенатора, равно и по сей особенной довѣренности моей, дѣйствуйте къ исполненію принимаемыхъ ими мѣръ, предписаніями вашими гражданскому начальству, которыя немедленно исполняемы быть долженствуютъ.

Опытность въ дѣлахъ, усердіе къ службѣ отечеству и благоразуміе ваше покажутъ вамъ при непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, какія мѣры принять къ отвращенію всякаго вреда и къ скорѣйшему содѣйствію намѣреніямъ правительства.

Пробывъ въ одной губерніи, сколько по усмотрѣнію вашему и встрѣтившимся дѣламъ нужно будетъ, отправляетесь вы въ другую изъ назначенныхъ вамъ и чрезъ переписку съ гражданскими губернаторами получайте свѣдѣнія о теченіи дѣлъ по части надзиранію вашему ввѣренной. Окончавъ же обозрѣніе всѣхъ губерній, возвращайтесь въ С.-Петербургъ.

Въ заключеніе препоручаю вамъ обо всемъ, что́ вы вслѣдствіе сего даннаго вамъ порученія учините, или что̀ по мѣстнымъ положе-

ніямъ къ пользѣ и скорѣйшему составленію земскаго войска признаете выгоднымъ, доносить мнѣ непосредственно еженедѣльно, или какъ того обстоятельства требовать будутъ. «Александръ».

С. Петербургъ,
Декабря 19-го дня 1806 года.

Письмо князя Лопухина.

Милостивый государь мой Осипъ Петровичъ!

Его Императорскому Величеству благоугодно было назначить ваше превосходительство для объѣзда губерній Псковской, Витебской, Могилевской и Смоленской, по случаю составленія, на основаніи манифеста 30-го Ноября сего года, времяннаго земскаго войска, вслѣдствіе чего утвержденный высочайшимъ подписаніемъ въ 19-й день сего Декабря рескриптъ Государя Императора на имя вашего превосходительства имѣю честь при семъ препроводить, прилагая къ оному сверхъ копій съ секретныхъ инструкцій въ 11-й день Декабря гражданскимъ губернаторамъ данныхъ и копій съ инструкцій отъ 4-го Декабря какъ губернаторамъ, такъ и дворянскимъ предводителямъ, равно и съ особеннаго предписанія Вятскому генералъ-губернатору Модераху, по два экземпляра Высочайшаго манифеста отъ 30 Ноября и послѣдовавшихъ потомъ Высочайшихъ указовъ Правительствующему Сенату, касающихся до сего времяннаго вооруженія, равно какъ и указа Святѣйшему Синоду и сочиненнаго отъ онаго объявленія, дабы ваше превосходительство могли имѣть всѣ сіи бумаги къ вашему свѣдѣнію.

Сверхъ того имѣю честь увѣдомить, что на путевыя издержки высочайше повелѣно выдать вашему превосходительству двѣ тысячи рублей изъ государственныхъ казначействъ, о чемъ и сообщено уже къ господину министру финансовъ. Съ истиннымъ почтеніемъ и пр.

Князь Лопухинъ.

№ 6105, 21 Декабря 1806.

Копія съ Высочайшаго рескрипта, даннаго Пермскому и Вятскому генералъ-губернатору Модераху въ 4-й день Декабря 1806 года.

Изъ прилагаемаго при семъ манифеста и инструкціи усмотрите вы причины и основаніе, на коихъ призналъ я нужнымъ учредить въ нѣкоторыхъ губерніяхъ милицію, въ составѣ областей для сего опредѣленныхъ. По положенію ея предназначена и Вятская губернія; но, принявъ во уваженіе, что въ губерніи сей по недостатку дворянства образованіе сего войска было бы затруднительно, я счелъ нужнымъ

отложить дѣйствіе сея мѣры въ Вятской губерніи до того времяни, когда по числу дворянъ, желающихъ принять сей родъ службы въ другихъ губерніяхъ, предстанетъ возможность отдѣлить изъ нихъ потребное количество для Вятской, о чемъ въ свое время и дано вамъ будетъ точное повелѣніе.

Между тѣмъ вы не оставите, истребовавъ нужныя свѣдѣнія о количествѣ людей и селеній, въ губерніи сей состоящихъ, сдѣлать предварительный и примѣрный распорядокъ, дабы мѣра сія въ свое время могла быть тѣмъ удобнѣе приведена въ дѣйствіе, не оглашая впрочемъ ея нынѣ, дабы не навести ложныхъ слуховъ и какого либо напраснаго поселянамъ безпокойства.

Вѣрно: графъ В. Кочубей.

Высочайшая инструкція, данная военнымъ и гражданскимъ губернаторамъ Декабря 4-го 1806-го года.

По полученіи манифеста нашего отъ 30 Ноября, имѣете вы немедленно приступить къ исполненію всѣхъ предписаній въономъ содержащихся, на основаніи слѣдующаго порядка.

I. О составленіи Милиціи.

1. Назначить по возможности кратчайшій срокъ (въ 6, 8 или 10 дней съ полученія манифеста) для собранія дворянства въ губернскій городъ и повѣстить чрезъ эстафеты дворянству, въ городахъ и уѣздахъ живущему, о съѣздѣ къ назначенному числу.

2. Потребовать, откуда слѣдуетъ, списки и вѣдомости о числѣ жителей губерніи по городамъ и уѣздамъ, всѣхъ состояній и званій.

3. Съ тѣми предводителями дворянства, которые, по случаю рекрутскаго набора въ губернскомъ городѣ находиться будутъ, и съ вице-губернаторомъ, составить немедленно валовое исчисленіе, сколько съ дворянскихъ и казенныхъ селеній и мѣщанъ слѣдовать будетъ для образованія опредѣленнаго въ росписаніи губернскаго земскаго войска.

4. По сему валовому расчисленію составить уже подробное назначеніе, сколько по числу ревизскихъ душъ каждый помѣщикъ со всякаго селенія, также и казенныя селенія и мѣщане, поставить обязаны.

5. По сочиненіи таковаго подробнаго назначенія сдѣлать скорѣйшее распоряженіе, чтобы во всѣхъ казенныхъ селеніяхъ слѣдующее съ нихъ число, въ назначенный манифестомъ срокъ, было приготовлено.

6. Равнымъ образомъ дать нужныя предписанія, чтобъ и мѣщанство въ тоже время приготовило слѣдующее съ онаго число милиціи.

7. Изъ списковъ и вѣдомостей о числѣ и званіи жителей губерніи всѣхъ званій составить вѣрнѣйшія выписки объ однихъ способныхъ къ поднятію оружія отъ 20-ти до 30-ти лѣтъ, кромѣ чиновниковъ, въ казенной службѣ находящихся. Таковыя выписки имѣть въ готовности для доставленія главнокомандующему областнымъ и командующему губернскимъ земскимъ войскомъ, когда они назначены будутъ.

8. По наступленіи опредѣленнаго для дворянскаго собранія дня, открыть оное изъ наличнаго числа дворянъ съ предводителями дворянства, прочтеніемъ манифеста; потомъ сообщить оному сдѣланное подробное назначеніе, сколько изъ какихъ именно дворянскихъ селеній надлежитъ собрать милиціи на временную службу отечеству, по предписанію 9-го пункта манифеста. За симъ собраніе приступаетъ къ выбору командующаго губернскимъ земскимъ войскомъ, согласно съ 5-мъ пунктомъ манифеста, потомъ избираетъ начальниковъ уѣздныхъ, тысячныхъ, пятисотныхъ и сотенныхъ, а пятидесятныхъ избираютъ одни уѣздные съ тысячными.

9. Списки о всѣхъ выбранныхъ довѣренностію дворянства начальникахъ сообщаются главнокомандующему областнымъ земскимъ войскомъ, а отъ него представляются намъ. Не имѣющіе военныхъ мундировъ начальники земскаго войска носятъ губернскій мундиръ съ военною шпагою или саблею чрезъ плечо на перевязи и шляпою съ бантомъ и султаномъ.

10. За симъ собраніе дворянства назначаетъ въ какихъ мѣстахъ уѣзда или уѣздныхъ городахъ и кому должно собирать и хранить деньги и провіантъ на три мѣсяца, запасаемый по предписанію 9-го пункта манифеста, для составленія съ каждаго уѣзда милиціи. Провіантъ сей, собранный въ теченіе двухъ недѣль, хранится на случай, когда милиція двинется изъ своего уѣзда. Дворянскіе предводители особенно наблюдаютъ за исправностію какъ самыхъ сихъ взносовъ, такъ и храненія оныхъ.

11. Если нѣкоторые изъ выбранныхъ начальниковъ земскаго войска по недостатку своему не будутъ имѣть способовъ къ содержанію себя во время службы, то имѣете вы обще съ предводителями предложить дворянскому собранію объ опредѣленіи таковымъ жалованья, на каковой конецъ постановить оно взносъ потребной суммы; къ пріему и храненію какъ сихъ, такъ и чрезвычайныхъ взносовъ, избираются собраніемъ довѣренныя особы.

12. Есть ли изъ дворянскихъ предводителей избранъ кто будетъ въ начальники земскаго войска, то, для исправленія его должности, заступаетъ его мѣсто кандидатъ его.

13. Естьли въ какомъ либо уѣздѣ будетъ мало кандидатовъ способныхъ заступить мѣста тысячныхъ, пятисотныхъ и другихъ начальниковъ, въ такомъ случаѣ вакансіи сіи замѣщаются дворянами другихъ уѣздовъ.

14. Командующій губернскимъ земскимъ войскомъ и начальники уѣздные и тысячные вообще съ дворянствомъ и предводителями, росписываютъ уѣзды на участки по волостямъ или приходамъ и селеніямъ, дабы избранные начальники уѣздные, тысячные, пятисотные и сотенные могли собирать и вѣдать, каждый въ своемъ участкѣ, то число милиціи, которое ему поручено будетъ.

15. Собраніе дворянства продолжается не долѣе 8-ми дней, въ теченіе коихъ должны быть кончены всѣ его постановленія, касающіяся доставленія, образованія, вооруженія и снабженія милиціи по предписаніямъ манифеста.

16. На мѣста, которыя дворянскимъ собраніемъ будутъ не наполнены, командующій губернскимъ земскимъ войскомъ избираетъ самъ, назначая къ тому людей изъ выписки о способныхъ къ поднятію оружія отъ 20-ти до 50-ти лѣтъ.

17. По заключеніи дворянскаго собранія, дворянство разъѣзжается въ свои уѣзды и помѣстья, для пріуготовленія людей, слѣдующихъ въ милицію; избранные же начальники отправляются въ ихъ участки.

18. Постановленія дворянства, собравшагося въ губернскій городъ, обязываютъ всѣхъ отсутствовавшихъ къ безпрекословному исполненію.

19. При составленіи милиціи на временную службу отечеству, выборъ рядовыхъ способныхъ къ поднятію оружія людей отъ 20-ти до 45-ти лѣтъ, зависѣть долженъ отъ самихъ помѣщиковъ, казенныхъ селеній и мѣщанскихъ обществъ. Губернскіе и уѣздные предводители дворянства обратятъ, съ своей стороны, всевозможныя старанія, чтобы къ составленію милиціи приготовляемы были здоровые и сколько возможно къ употребленію огнестрѣльнаго оружія пріобыкшіе люди, и заготовлено бъ было все нужное къ ихъ одѣянію, вооруженію и содержанію. Скорое и благоуспѣшное исполненіе сей мѣры поставится въ особенную честь и заслугу каждому предводителю, равно какъ и нерадѣніе о томъ будетъ лежать на его отвѣтственности.

20. Составляющіе милицію ратники и стрѣлки одѣваются по примѣру обыкновенныхъ наборовъ, въ такую же одежду, въ которой прежде они ходили, и безъ бритія бородъ и головъ, о чемъ особенно имѣете вы заблаговременно чрезъ дворянскихъ предводителей извѣстить дворянство и посредствомъ земской полиціи повѣстить во всѣхъ селеніяхъ, внушая имъ, что вооруженіе сіе на защиту Православныя вѣры и собственныхъ семействъ и домовъ ихъ есть временное служеніе отечеству, и что по минованію нужды, съ благословеніемъ Всемогущаго Бога, всякъ, положа оружіе, возвратится въ первобытное свое состояніе.

II. О приношеніяхъ отечеству.

21. По полученіи манифеста немедленно соберете вы также городскія думы, гильдіи и управы для объявленія имъ онаго, о чемъ сдѣлаете нужное предписаніе въ уѣздные и другіе города губерніи.

22. Симъ собраніямъ предложите вы составить также въ теченіе 8 дней по общему ихъ разсужденію, на основаніи 11 пункта манифеста, образъ взносовъ и пожертвованій, по мѣрѣ силъ, усердія и любви къ отечеству каждаго гражданина; учредить порядокъ па пріемъ и записку сихъ пожертвованій, избрать довѣренныхъ людей къ пріему и храненію оныхъ.

23. Постановленія сихъ собраній исполняются отсутствующими безпрекословно, къ чему въ нужныхъ случаяхъ подасте вы свое содѣйствіе.

24. О всѣхъ приношеніяхъ гражданъ, сдѣланныхъ вслѣдствіе ли общаго постановленія или сверхъ того, сообщаются немедленно вѣдомости, куда слѣдуетъ по содержанію 11-го пункта манифеста. Главнокомандующій же представляетъ оныя намъ.

25. На основаніи 14-го пункта манифеста повѣстите вы жителямъ губерніи, посредствомъ градской и земской полиціи, что всѣ имѣющіе излишне за собственнымъ вооруженіемъ какое бы ни было оружіе, какъ то: ружья, сабли, тесаки и проч. приглашаются приносить оные въ назначенныя мѣста для употребленія на службу отечеству и что въ пріемѣ оныхъ выданы будутъ надлежащія росписки. О приносимомъ вслѣдствіе того оружіи должны быть немедленно представлены списки къ командующему губернскимъ земскимъ войскомъ и къ главнокомандующему областнымъ войскомъ, вмѣстѣ съ вѣдомостями объ оружіи, находящемся въ казенныхъ и городскихъ общественныхъ хранилищахъ, гдѣ таковыя есть кромѣ подвѣдомственныхъ военному департаменту.

26. Въ мѣстахъ, гдѣ будетъ недостаточно ружей, стараться должно вооружить ратниковъ копьями и пиками, которыхъ заготовленіе вездѣ можетъ произведено быть съ удобностію, о чемъ и должны вы приложить стараніе ваше общее съ предводителями дворянства.

27. По предписаніямъ главнокомандующаго земскимъ войскомъ той области, въ которой состоитъ по росписанію губернія управленію вашему ввѣренная, имѣете вы, по содержанію 17 статьи манифеста, исполнять со всею точностію все, что́ обстоятельства потребовать могутъ для общественной обороны; и потому содѣйствовать ему всѣми зависящими отъ васъ способами какъ при составленіи запасовъ, перевозкѣ провіанта, такъ и въ другихъ непредвидимыхъ случаяхъ.

28. Обо всемъ касающемся до сихъ временныхъ ополченій въ губерніи, имѣете вы доносить намъ чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ семъ состоятъ общія предписанія, которыя по возможной на васъ довѣренности нашей, потщитесь вы конечно исполнить со всевозможною дѣятельностію и усердіемъ, стараясь всемѣрно направлять общее всѣмъ состояніямъ государственнымъ рвеніе къ пользамъ и славѣ любезнаго отечества и преклонять оное на обстоятельства, требующія нынѣ особенныхъ ихъ усилій и пожертвованій.

Вѣрно: графъ В. Кочубей.

Высочайшій рескриптъ губернскимъ предводителямъ дворянства отъ 4 Декабря 1806.

Изъ манифеста и инструкціи, данной гражданскому губернатору, усмотрите вы основанія, на коихъ призналъ я нужнымъ на время настоящей войны, для внутренней обороны отечества и для отраженія непріятеля, въ случаѣ вторженія его въ предѣлы наши, учредить на особенныхъ правилахъ временную милицію.

Сія чрезвычайная мѣра, пріемлемая по необходимости обстоятельствъ, требуетъ отличнаго усердія и дѣятельности. Всѣ сыны отечества призываются содѣйствовать въ ея исполненіи.

Дворянство Россійское, обыкшее предшествовать другимъ состояніямъ въ любви и оборонѣ отечества, здѣсь покажетъ новые опыты рвенія своего къ пользѣ общей. Бывъ призваны довѣріемъ дворянства на степень его предводителя, вы здѣсь наипаче оправдаете сіе званіе дѣятельнымъ и ревностнымъ исполненіемъ всѣхъ обязанностей, въ дѣлѣ семъ на васъ возлагаемыхъ. Земскіе чиновники послѣдуютъ вашему примѣру.

Признательность отечества и особенное мое благоволеніе будутъ справедливымъ возмездіемъ всѣхъ усилій, ко благу общему устроенныхъ.

Вѣрно графъ: В. Кочубей.

Секретная инструкція начальникамъ губерніи. По Высочайшему повелѣнію отъ министра внутреннихъ дѣлъ посланная 17-го Декабря 1806 года.

Въ высочайшемъ манифестѣ и особенной инструкціи, на имя вашего превосходительства данной, изображены подробно правила, коими начальники губерній и дворянство руководствоваться должны въ составленіи губернскаго земскаго войска; но сверхъ сихъ общихъ правилъ есть предметы, кои въ дѣлѣ семъ къ особенному наблюденію вашему предлежатъ и о коихъ по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію имѣю честь сообщить вашему превосходительству слѣдующее.

I. Къ успѣшному образованію милиціи прежде всего нужно, чтобы всѣ имѣли истинное понятіе о цѣли и существѣ ея.

Цѣль сего вооруженія есть — имѣть въ готовности сильный отпоръ противъ такого непріятеля, который пріобыкъ, пользуясь своимъ счастіемъ, дѣйствовать не одною силою оружія, но и всѣми способами обольщенія черни, который, врываясь въ предѣлы воюющихъ съ нимъ державъ, всегда старается прежде всего испровергать всякое повиновеніе внутренней власти, возбуждать поселянъ противъ законныхъ ихъ владѣльцевъ, уничтожать всякое помѣщичье право, истреблять дворянство и, подрывая коренныя основанія государствъ, похищать законное достояніе и собственность прежнихъ владѣльцевъ, возводить на мѣста ихъ людей ему преданныхъ и, такимъ образомъ перемѣняя весь видъ правительства, на развалинахъ прежняго порядка утверждать свое жестокое самовластіе. Изъ сего видно, что война съ таковымъ непріятелемъ не есть война обыкновенная, гдѣ одна держава споритъ съ другою о правѣ или пространствѣ владѣній. Въ настоящей войнѣ каждый владѣлецъ собственности, каждый помѣщикъ долженъ признавать себя лично и непосредственно участвующимъ: ибо цѣль непріятеля есть испровергнуть всякое личное преимущество, всякое право собственности, въ государствѣ существующее.

Ваше превосходительство поставите себѣ въ обязанность внушать помѣщикамъ сіи истины. Онѣ покажутъ имъ съ очевидностію, что каждый изъ нихъ, содѣйствуя сему ополченію, будетъ содѣйствовать

не только общей безопасности государства, но и защищать собственное свое личное право, достояніе своихъ дѣтей, своего рода, собственность своихъ владѣній.

Показавъ такимъ образомъ истинную цѣль настоящаго ополченія, должно имѣть точное и ясное понятіе о существѣ его. Изъ высочайшаго манифеста и изъ инструкціи ваше превосходительство видѣли, что предметъ учрежденія сего состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть въ готовности сильное ополченіе, которое бы могло двинуться на защиту нашихъ предѣловъ, когда то признано будетъ нужнымъ. Изъ сего само собою слѣдуетъ:

1. Что люди, составляющіе милицію, доколѣ не будетъ дано повелѣніе отъ начальства выступить изъ квартиръ, должны оставаться въ своихъ селеніяхъ.

2. Что, оставаясь въ селеніяхъ, они должны пребывать во всемъ, чтó до службы милиціи ни касается, въ крестьянскомъ ихъ быту и слѣдовательно исправлять по земскому и волостному ихъ управленію всѣ тѣ повинности, которыя не препятствуютъ ихъ назначенію и службѣ. Само собою разумѣется, что, во время нахожденія ихъ въ милиціи, не должны они быть употребляемы ни въ какія посылки или дѣла, которыя бы слишкомъ удалили ихъ отъ мѣстъ жительства ихъ, дабы тѣмъ не затруднилося образованіе сего земскаго войска.

3. Что въ казенныхъ селеніяхъ они должны быть на равнѣ съ другими и послушны мѣстному ихъ начальству.

4. Что въ селеніяхъ помѣщичьихъ они должны быть въ той же зависимости и послушаніи къ помѣщикамъ, какъ и прежде.

5. Что въ казенныхъ селеніяхъ земское начальство, а въ помѣщичьихъ владѣльцы имѣютъ право и обязанность прекращать и наказывать безпорядки, каковые отъ сихъ людей произойти могутъ.

6. Что доколѣ люди, въ милицію вписанные, остаются въ своихъ селеніяхъ, все различіе ихъ отъ прочихъ поселянъ состоитъ въ томъ, что они во всемъ относящемся къ устройству милиціи должны быть послушны сотеннымъ и прочимъ для войска сего установленнымъ начальникамъ, никакъ не разрывая между тѣмъ тѣхъ отношеній, въ коихъ они, какъ крестьяне, по селеніямъ ихъ состоятъ.

7. Что, наконецъ, земскія волостныя начальства и помѣщики обязаны не только не препятствовать дѣйствію начальниковъ войска

сего во всемъ, что̀ къ устройству его принадлежитъ, но и должны всемѣрно ему содѣйствовать.

II. Составивъ таковое объ образованіи сего войска и объ отношеніяхъ его понятіе, ваше превосходительство въ главную себѣ обязанность вмѣните не только изъяснять сіи правила земскимъ начальствамъ и помѣщикамъ и вразумлять о нихъ самихъ крестьянъ, но и охранять точное ихъ исполненіе со всею возможною точностію. Благоустройство, тишина и подчиненіе въ селеніяхъ, не менѣе и при образованіи сего войска, состоятъ на вашей отвѣтственности и попеченіи, какъ и во всякое другое время.

III. Дабы болѣе еще обезпечить тишину и благоустройство селеній при образованіи сего войска, въ инструкціяхъ главнокомандующимъ постановлено правиломъ, чтобы оружіе, какъ огнестрѣльное, такъ и всякое другое, коимъ войско сіе снабжено будетъ, употребляемо было единственно въ сборныхъ ихъ мѣстахъ, въ тѣ дни, кои для обученія ихъ назначены будутъ; чтобъ обученіе сіе состояло по большей части въ однихъ первоначальныхъ и необходимыхъ правилахъ воинскаго дѣла и чтобъ поселяне сколь можно менѣе отрываемы были экзерциціями отъ собственныхъ своихъ работъ. Сообразно сему ваше превосходительство не оставите чрезъ земскую полицію и сами имѣть наблюденіе за тѣмъ, исполняются ли въ точности установляемыя правила, чтобъ въ домы людей вписанныхъ въ милицію оружія никакъ не было отпускаемо; чтобъ по окончаніи ученія хранимо оно было въ мѣстахъ, особенно для сего опредѣленныхъ, и чтобъ частные, сотенные и другіе начальники держались въ обученіи сихъ людей правилъ, кои имъ отъ главнокомандующаго предписаны будутъ, и естьли вы усмотрите какое либо по всѣмъ симъ отношеніямъ отступленіе, вы будете имѣть обязанностію относиться о томъ, въ случаяхъ нужды, къ главнокомандующему областію, не стѣсняя впрочемъ распоряженій командующаго губернскою милиціею, дабы противодѣйствіемъ двухъ властей не воспрепятствовать успѣху дѣла.

Само собою впрочемъ разумѣется, что у людей, кои съ собственнымъ своимъ оружіемъ будутъ на ученіе являться, какъ то у людей дворовыхъ, егерей, также стрѣлковъ и охотниковъ изъ крестьянъ, оружіе имъ принадлежащее и по окончаніи ученія не должно быть отбираемо, такъ какъ и прежде имъ они пользовались.

IV. При наблюденіи сихъ правилъ къ охраненію въ селеніяхъ внутренней тишины и спокойствія необходимыхъ, ваше превосходи-

тельство обратите вниманіе и на другіе предметы, къ устройству сего войска принадлежащіе. Нѣтъ сомнѣнія, что, зная всю важность сего дѣла, вы поставите себѣ долгомъ руководствовать внушеніями вашими всѣхъ тѣхъ, кои, сверхъ возлагаемой на нихъ обязанности, пожелаютъ содѣйствовать успѣху дѣла своими особенными приношеніями. Но, возбуждая ревность ихъ къ общему благу, вы будете при томъ наблюдать, чтобъ ревность сія направляема была сколь можно къ полезнѣйшей цѣли. Направленіе сіе необходимо нужно. Здѣсь уже открылись примѣры пожертвованій весьма знаменитыхъ. Отдавая всю справедливость похвальнымъ побужденіямъ, на коихъ они основаны, нельзя однакоже не признать, что нѣкоторые изъ нихъ могутъ подать поводъ къ разорительной роскоши и примѣромъ своимъ, по неправильному поревнованію, ввести людей недостаточныхъ въ важныя и тягостныя для нихъ издержки, и сверхъ того обратить значущую часть народнаго богатства на предметы излишніе, между тѣмъ, какъ она могла бы съ большею пользою употреблена быть на предметы существенно нужные. Изъ сего открывается необходимость направлять совѣтами и внушеніями ревность пожертвованій, сколь можно, къ полезнѣйшему концу.

V. Одинъ изъ способовъ, гдѣ ревность сія наилучше дѣйствовать можетъ, состоитъ въ томъ, чтобъ богатые помѣщики пособляли сколь можно недостаточнымъ поставкою за нихъ людей, или одѣяніемъ ихъ, или пособіемъ въ ихъ вооруженіи и продовольствіи. Такимъ образомъ опыты отличнаго усердія къ успѣху ополченія могутъ быть сопряжены съ частною благотворительностію, а конецъ или крайнее послѣдствіе ихъ будетъ общая польза. Ваше превосходительство не оставите склонять приличнымъ образомъ почетнѣйшихъ дворянъ къ таковому вспомоществованію, внушая имъ, что сей образъ приношенія болѣе можетъ быть Его Величеству благоугоденъ, нежели другія не столь полезныя пожертвованія.

Само собою впрочемъ разумѣется, что таковое направленіе усердныхъ расположеній должно быть съ вашей стороны ограничено одними совѣтами и внушеніями и не можетъ полагать никакой отъ власти зависящей преграды собственному каждаго произволу. Всѣ приношенія должны быть въ мѣстахъ своихъ принимаемы, съ совершеннымъ одобреніемъ и предварительнымъ съ вашей стороны увѣреніемъ въ монаршемъ къ нимъ благоволеніи.

Я надѣюсь, что ваше превосходительство, извѣщая меня о всѣхъ таковыхъ приношеніяхъ, не оставите особенно и немедленно увѣдом-

лять о всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ отступленіемъ отъ правилъ здѣсь предписанныхъ охраненіе общей тишины и спокойствія нарушено быть можетъ, принимая между тѣмъ на мѣстѣ по сношенію съ командующимъ и главнымъ областнымъ начальникомъ милиціи всѣ тѣ мѣры, какія къ скорому возстановленію порядка удобнѣйшими признаны будутъ.

Впрочемъ я считаю излишнимъ напоминать, что по всѣмъ предметамъ до составленія устройства земскаго войска принадлежащимъ, особенное вниманіе вашего превосходительства должно быть обращено, дабы отъ земскихъ, городскихъ и волостныхъ начальствъ и чиновъ ни малѣйшаго поползновенія къ злоупотребленіямъ, привязкамъ и корысти не было допускаемо. Если неослабное за симъ наблюденіе и въ обыкновенномъ теченіи службы нужно: то въ дѣлѣ столь чрезвычайномъ и толикой важности оно должно быть еще необходимѣе и дѣятельнѣе, и вы не оставите по сему, при малѣйшихъ признакахъ таковыхъ злоупотребленій, доходя до истины, отрѣшать и предавать виновныхъ всей строгости законовъ.

Вѣрно: графъ В. Кочубей.

Высочайшая инструкція, данная главнокомандующимъ областнымъ начальникамъ земскаго войска въ 20 день Декабря 1806-го.

Избравъ васъ главнокомандующимъ областнаго земскаго войска и по отличному нашему довѣрію возложивъ на васъ сіе важное служеніе хотя удостовѣрены мы, что благоразуміе, опытность и любовь къ отечеству предпишутъ вамъ самыя вѣрныя правила во всѣхъ случаяхъ, дѣйствію вашему подлежащихъ, тѣмъ не менѣе однакоже, для сохраненія единообразія и связи между всѣми областями, на кои составъ войска сего раздѣляется, признали мы нужнымъ снабдить васъ слѣдующими главными положеніями, существо сего дѣла и порядокъ его опредѣляющими.

I. О существѣ земпаго войска.

I. Предметъ учрежденія земскаго войска состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть въ готовности сильное ополченіе, которое-бы, въ случаѣ необходимости, по первому востребованію можно было двинуть на оборону государства и составить дѣйствующую воинскую силу. Изъ сего слѣдуетъ;

1. Что составленіе войска сего не есть наборъ людей во всегдашнюю воинскую службу, но временное ополченіе, на случай нужды учреждаемое.

2. Что назначеніе людей въ сію милицію не должно имѣть тѣхъ же формъ, кои при наборѣ въ рекруты употребляются. Видъ одежды ихъ не перемѣняется, лба и бороды не брѣютъ.

3. Люди въ милицію вписанные, доколѣ не будутъ двинуты съ мѣстъ своихъ, должны оставаться въ своихъ селеніяхъ и, пребывая въ крестьянскомъ ихъ быту, исправлять всѣ тѣ повинности, коими они обязаны по земскому и волостному ихъ управленію, исключая дней, кои для воинскихъ упражненій будутъ назначены.

4. Они должны быть послушными, состоятъ въ полной зависимости въ казенныхъ селеніяхъ къ волостному ихъ начальству, а въ помѣщичьихъ—къ помѣщикамъ во всемъ томъ, что̀ къ времянной ихъ службѣ прямо не относится, а по сему,

5. Въ казенныхъ селеніяхъ земское начальство, а въ помѣщичьихъ владѣльцы имѣютъ право и обязанность прекращать и наказывать всѣ безпорядки, какіе отъ людей сихъ паче чаянія произойти могутъ. И такимъ образомъ

6. Всѣ отношенія, въ коихъ крестьяне по званію своему состоятъ, остаются непремѣнными и по вписаніи ихъ въ милицію даже до того дня, когда двинутся они съ мѣстъ своихъ и когда уже вся власть надъ ними перейдетъ единственно къ воинскимъ ихъ начальникамъ.

7. По окончаніи же похода, совершивъ назначенную имъ временную службу, возвратятся они въ свои деревни и семейства и войдутъ паки въ тотъ же самый порядокъ, въ коемъ прежде состояли.

2. Хотя сіи понятія о существѣ милиціи въ общемъ манифестѣ и частныхъ инструкціяхъ, начальникамъ губерніи данныхъ, съ довольною точностію означены; тѣмъ не менѣе, дабы предупредить неправильные толки, кои о родѣ службы сей разсѣяться могутъ, вы не оставите вразумлять о ней и помѣщиковъ, и крестьянъ, посредствомъ ввѣренныхъ вамъ частныхъ начальниковъ сего войска и удерживать связь подчиненія и порядка во всей ея силѣ, уничтожая и пресѣкая въ самомъ началѣ все то, что̀ и малѣйшій вредъ и прикосновеніе внутренней тишинѣ и спокойствію нанести можетъ.

3. Охраненіе и непоколебимость сего порядка столько для насъ уважительны, что сверхъ способовъ вразумленія, внушеній и обыкновенныхъ мѣръ устрашенія, признали мы нужнымъ именно на случаи сіи предоставить вамъ степень власти, коей только въ самомъ отличномъ довѣріи и въ обстоятельствахъ самой высшей важности могъ быть предназначенъ.

II. О степени власти главнокомандующаго.

4. Въ случаѣ нарушенія порядка и спокойствія, гдѣ обыкновенныя мѣры полицейскаго и судебнаго дѣйствія признаѐте вы недостаточными къ скорому ускромленію ослушныхъ и гдѣ найдете вы нужнымъ дать примѣръ строгости и въ самомъ корнѣ отсѣчъ покушенія непокорливости, мы облекаемъ васъ властію, взявъ виновныхъ подъ стражу, предать ихъ военному суду, наблюдая всю краткость ему свойственную и приговоръ сего суда по утвержденію вашему немедленно исполнить, хотя бы касался онъ лишенія живота.

5. Къ сей важной мѣрѣ власти присовокупляемъ еще и то, чтобы во всѣхъ случаяхъ, до устройства ввѣреннаго вамъ областнаго войска относящихся, предписанія ваши гражданскимъ губернаторамъ и всѣмъ мѣстамъ отъ губернскаго управленія зависящимъ принимаемы и исполняемы были, какъ собственныя наши повелѣнія.

6. Ввѣряя совершенно благоразумному усмотрѣнію вашему всѣ тѣ случаи, гдѣ власть сію употребить признаѐте вы нужнымъ, мы требуемъ отъ васъ только того, чтобъ о всѣхъ таковыхъ случаяхъ и мѣрахъ вами принятыхъ немедленно вы намъ доносили.

7. Въ предѣлы вашей власти само собою уже входитъ снабжать особенными инструкціями какъ командующихъ губернскими земскими войсками, такъ и частныхъ онаго начальниковъ на основаніи правилъ, здѣсь содержащихся. Главные предметы сихъ правилъ относятся: 1) къ образу составленія земскаго войска, 2) къ вооруженію его, 3) къ продовольствію, 4) къ пріуготовленію людей къ военному дѣлу и наконецъ 5) къ употребленію добровольныхъ приношеній. По всѣмъ симъ предметамъ вы найдете здѣсь однѣ главныя начертанія, а приспособленіе ихъ къ самому дѣлу возлагается на благоразуміе и ваше усмотрѣніе.

III. О дѣйствіи главнокомандующаго относительно составленія земскаго войска

8. Въ общемъ манифестѣ и въ инструкціяхъ начальникамъ губерній преподаны наставленія о составѣ земскаго войска и о назначеніи въ оное людей. Хотя уповаемъ мы, что мѣры для сего постановленныя мѣстнымъ начальникомъ исполнены будутъ въ точности, тѣмъ не менѣе считаемъ нужнымъ, чтобъ по каждой губерніи ввѣренной вамъ области собрали вы самыя положительныя свѣдѣнія о числѣ людей въ милицію вписанныхъ и удостовѣрились, всѣ ли они состоятъ въ томъ количествѣ, которое въ общемъ росписаніи предназначено.

9. Естьли бъ по сему удостовѣренію открылось, что предписанныя для сего мѣры не вездѣ приведены въ дѣйствіе, вы имѣете по власти вамъ данной понуждать кого слѣдуетъ къ точному и непремѣнному исполненію, донося намъ о тѣхъ, кои въ медленности или бездѣйствіи будутъ вами замѣчены.

10. Тоже самое разумѣть должно и о чиновникахъ для войска сего назначаемыхъ. Если дворянство или командующіе войскомъ въ губерніяхъ выборомъ своимъ всѣхъ мѣстъ не наполнятъ, вы имѣете, потребовавъ о семъ отчетъ, указать командующимъ способы наполнять сей недостатокъ. Способы сіи состоять могутъ въ томъ, чтобы отъ избытка таковыхъ чиновниковъ въ одной губерніи дополнять недостатокъ въ другихъ въ той же области.

IV. О дѣйствіяхъ главнокомандующаго въ вооруженіи войска.

11. Способы вооруженія земскаго войска суть двояки: 1) Оружіе которое представлено будетъ отъ селеній и обществъ вмѣстѣ съ людьми въ милицію назначаемыми; 2) оружіе, которое отъ добровольныхъ приношеній представлено быть можетъ.

12. Какъ предполагать должно, что не всѣ селенія могутъ снабдить людей, отъ нихъ назначаемыхъ, огнестрѣльнымъ оружіемъ, и нѣкоторые по необходимости ограничатся тѣмъ, что вооружатъ ихъ пиками и косами, то и нужно будетъ дополнить сколь можно сей недостатокъ тѣмъ оружіемъ, которое отъ добровольныхъ приношеній доставлено быть можетъ. А по сему и нужно, чтобъ обратили вы особенное ваше вниманіе, дабы сей послѣдній родъ оружія былъ вездѣ въ совершенной извѣстности и чтобъ доставляемы вамъ о немъ были точныя свѣдѣнія. По свѣдѣніямъ симъ вы будете распредѣлять оное, соображаясь съ потребностію всей ввѣренной вамъ области.

13. Желательно бы было набрать столько ружей, чтобы оными можно было снабдить четвертую или пятую часть милиціи, которую строить всегда въ четыре или пять шеренгъ такъ, чтобы первая была съ ружьями, а остальныя съ пиками или косами.

14. Впрочемъ постановляется правиломъ, чтобъ во все время пребыванія войска сего въ селеніяхъ никакого оружія въ домы поселянъ не было отпускаемо, и чтобъ хранилось оно подъ точною отвѣтственностію частныхъ начальниковъ въ сборныхъ мѣстахъ и употреблялось единственно во время ученія. Строгое наблюденіе сего правила должно быть поставлено въ числѣ первыхъ обязанностей частныхъ начальниковъ и командующихъ войскомъ въ губерніяхъ. Само собою разумѣется, что оружіе, которое люди, вписанные въ милицію, могутъ имѣть собственное свое, не должно быть отъ нихъ отбираемо.

V. О продовольствіи.

15. Послѣ вооруженія земскаго войска обезпеченіе способовъ продовольствія его составляетъ одну изъ важнѣйшихъ статей. Въ общемъ распорядкѣ о составѣ милиціи для сего постановлено, чтобъ на каждаго человѣка вносимо было провіанта на три мѣсяца и по три рубля деньгами.

16. Пріемъ и храненіе сихъ денегъ и провіанта возложенъ на губернское начальство и на дворянскихъ предводителей; вамъ же предлежать будетъ собрать въ каждой губерніи ввѣренной вамъ области достовѣрныя свѣдѣнія о количествѣ сего провіанта и мѣстахъ, гдѣ онъ хранится, дабы на случай похода по востребованію вашему онъ могъ быть съ удобностію переведенъ въ мѣста, кои для магазейновъ назначены тогда будутъ.

17. Командующіе войскомъ въ губерніяхъ, по предписаніямъ вашимъ, обязаны въ назначенное отъ васъ сроки доносить вамъ о состояніи сего сборнаго хлѣба, дабы цѣлость его тѣмъ болѣе могла быть обезпечена.

18. Само собою впрочемъ разумѣется, что люди, въ милицію вписанные, доколѣ находятся они въ своихъ селеніяхъ, состоятъ на собственномъ своемъ продовольствіи.

VI. О пріуготовленіи людей, вписанныхъ въ милицію, къ военному дѣлу.

19. Правила, на коихъ должно быть основано пріуготовленіе людей вписанныхъ въ милицію къ военному дѣлу суть слѣдующія:

20. Какъ предметъ сего ополченія не есть непремѣнная воинская служба, но временное защищеніе границъ въ случаѣ нужды, то и

управленія сего войска должны быть ограничены одними только первоначальными правилами воинскаго дѣла.

21. Правила сіи могутъ состоять на первой случай и пока не найдется войско въ необходимости двинуться съ мѣстъ своихъ: 1) въ ученіи людей строиться во фрунтъ безъ всякой однакожъ лишней солдатской вытяжки, 2) въ ученіи ихъ ходить вмѣстѣ вѣрнымъ шагомъ и 3) въ ученіи стрѣлять въ цѣль всѣмъ безъ изъятія, дабы и носящіе пики или косы могли замѣнять въ случаѣ нужды имѣющихъ ружья, также разнымъ построеніямъ въ колонны и изъ колоннъ во фрунтъ.

22. Имѣя на первый случай сіи правила для военныхъ экзерцицій милиціи, для приведенія оныхъ въ надлежащее дѣйствіе и для порядку вообще нужно:

а) Назначить сборныя мѣста, гдѣ каждая сотня (или рота) должна по позыву сотеннаго начальника или въ опредѣленные для сего дни собираться. Не безполезно бы было также назначить мѣстà и для сбору полсотенъ (или взводовъ). Мѣста сіи должны быть избраны сколь можно центральнѣе, дабы поселяне менѣе отъ обыкновенныхъ работъ своихъ были отвлекаемы. Вы не оставите наблюдать, чтобы правило сіе командующими милиціею въ губерніяхъ сколь можно точнѣе было сохраняемо.

б) Сверхъ сихъ первыхъ сборныхъ мѣстъ должно назначить другія для сбору пятисотенъ (или баталіоновъ); сбору же тысячъ или полковъ, яко затруднительнаго, не должно допускать иначе, какъ по особеннымъ вашимъ приказаніямъ.

в) По назначеніи сборныхъ мѣстъ вы опредѣлите и дни, въ кои каждая сотня и пятидесятня должна на оныя собираться. По первому воззрѣнію, кажется, довольно будетъ опредѣлить одинъ день въ недѣлю для сбора сотни. Какъ крестьянскія работы зимою вообще бываютъ умѣренны, то можно для сего назначить въ помѣщичьихъ селеніяхъ дни работные для помѣщиковъ; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ въ народныхъ привычкахъ не найдено будетъ особенныхъ какихъ-либо препятствій, можно для сего назначить дни воскресные послѣ литургіи. Благоразуміе ваше опредѣлитъ точнѣе, гдѣ какіе дни могутъ быть къ сему удобнѣе.

23. Въ тѣже самые дни, кои опредѣлены вами будутъ для ученія, производить отъ начальниковъ пятисотенныхъ и тысячныхъ и смотры сего войска, не созывая людей для сего особенно.

24. Впрочемъ потрѣбное количество пороха для обученія сихъ людей стрѣлять по назначенію вашему будетъ отпускаемо изъ губернскихъ хранилищъ, гдѣ они находятся; гдѣ же оныхъ нѣтъ, тамъ по представленію вашему сдѣлано будетъ особенное распоряженіе.

VII. О добровольныхъ приношеніяхъ.

25. Добровольныя приношенія состоять могутъ въ оружіи всякаго рода, въ провіантѣ, въ денежныхъ и другихъ пожертвованіяхъ.

26. Пріемъ и храненіе всѣхъ сихъ вещей возложены особыми инструкціями на начальниковъ губерній, но распредѣленіе ихъ зависѣть будетъ отъ вашего назначенія.

27. Для сего начальники губерній будутъ вамъ доставлять еженедѣльныя вѣдомости о всѣхъ таковыхъ приношеніяхъ. По симъ вѣдомостямъ вы будете назначать перемѣщеніе оружія изъ одного мѣста въ другое, дабы избыткомъ въ одномъ замѣнить недостатокъ въ другомъ.

28. Подобнымъ сему образомъ вы распорядитесь и въ разсужденія провіанта. По представленіи его отъ частныхъ людей онъ долженъ быть содержимъ въ извѣстности, чтобъ въ случаѣ движенія войска могъ поступить въ составъ его магазейновъ. Деньги имѣютъ храниться въ ближайшихъ ихъ казначействахъ и записаны будутъ особенною статьею. Употребленіе оныхъ неиначе чиниться можетъ, какъ по особеннымъ повелѣніямъ нашимъ, или по назначенію вашему, если бы признали вы нужнымъ обратить ихъ на какіе либо предметы до ввѣряемаго вамъ земскаго войска относящіеся, какъ то на пособіе неимущимъ дворянамъ, которые избраны быть могутъ въ чиновники милиціи, на снаряженія войска сего, однимъ словомъ на все то, что̀ по разнымъ предметамъ до части сей касающимся вы за благо признаете. Казначейства обязаны будутъ отпускать по предписаніямъ вашимъ суммы, которыя вами будутъ ассигнуемы.

Въ семъ состоятъ главныя черты, коими признали мы нужнымъ означить начальныя принадлежности званія вашего. Совершенное познаніе цѣли вашего служенія, уваженіе мѣстныхъ обстоятельствъ, извѣстная намъ опытность ваша и ревность къ общему благу покажутъ вамъ точнѣе и во всей подробности всѣ способы, коими вы дѣйствовать можете на семъ важномъ пути, на который вы призваны особенною нашею довѣренностію и общимъ уваженіемъ. Пребываемъ вамъ нашею императорскою милостію всегда, благосклонны. Александръ.

Вѣрно: графъ В. Кочубей.

(*Сообщено Андреемъ Александровичемъ Титовымъ*).

ПЕРЕПИСКА ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ МАРІИ НИКОЛАЕВНЫ СЪ В. А. ЖУКОВСКИМЪ.

Печатается съ подлинниковъ. Письма Жуковскаго (уже вошедшія въ 8-е изданіе его сочиненій) хранятся у Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича, а письма Маріи Николаевны принадлежатъ сыну поэта, Павлу Васильевичу Жуковскому. Обоимъ сердечная наша признательность за то, что они почтили „Русскій Архивъ" сообщеніемъ этой переписки. Марія Николаевна родилась 6 Августа 1819 года. Жуковскій узналъ ее съ первыхъ дней ея жизни и привѣтствовалъ ее послѣ того, какъ она въ первый разъ принесена была въ храмъ Божій для пріобщенія святыхъ таинъ.

Небесному будь въ сердцѣ неизмѣнна
Небесное тебѣ не измѣнитъ,
Чтó ни придетъ съ незнаемымъ грядущимъ,
Все будетъ даръ хранительной руки.
Мы на землѣ повсюду съ Вездѣсущимъ,
Вездѣ къ Нему душой не далеки.

На глазахъ Жуковскаго протекло и младенчество этого втораго дитяти царственной четы, къ которой поэтъ не могъ не привязаться своимъ чудеснымъ сердцемъ, видя въ ней образецъ супружескаго счастія. Въ то время онъ состоялъ чтецомъ при Государынѣ Маріи Өеодоровнѣ и преподавателемъ Русской словесности Великой Княгинѣ Александрѣ Өеодоровнѣ, высокая душа которой не замедлила постигнуть, чтó такое былъ Жуковскій. Его необыкновенныя дарованія, обширная начитанность, строгость лишь къ самому себѣ, снисходительная уживчивость и неуклонная вѣрность высокимъ идеаламъ добра, красоты и просвѣщенія нашли себѣ сочувственную оцѣнку при молодомъ великокняжескомъ дворѣ. Въ 1828 году, къ которому относится первое изъ нижеслѣдующихъ писемъ, шла война съ Турціею. Николай Павловичъ находился при войскахъ, а 8-ми лѣтняя Марія Николаевна съ матерью жила въ Одессѣ. Ей преподавала Русскій языкъ родственница Жуковскаго, Анна Петровна Зонтагъ, ур. Юшкова (супругъ ея служилъ тогда начальникомъ Одесскаго карантина), получившая впослѣдствіи извѣстность своими сочиненіями для дѣтей. Ея рукою писано это письмо; царственная отроковица только подписала подъ нимъ свое имя. Это было второе ея письмо; переписку началъ Жуковскій письмомъ, которое не сохранилось, равно какъ и отвѣтъ на него маленькой Великой Княжны. П. Б.

Жуковскій.

Отъ всего сердца благодарю ваше высочество за любезное ваше письмо, которое меня чрезвычайно обрадовало. Мнѣ было пріятно видѣть, что вы меня помните. Мы же часто, очень часто объ васъ вспоминаемъ и ждемъ нетерпѣливо того времени, въ которое будемъ имѣть опять счастіе видѣть васъ съ нами. Благодарю васъ за описаніе Одессы и ея окрестностей; эта сторона для меня неизвѣстная, и я очень радъ познакомиться съ нею изъ вашихъ писемъ. Естьли вы захотите еще разъ меня обрадовать письмомъ, то прошу васъ какъ можно подробнѣе описать мнѣ тотъ домъ, въ которомъ вы живете, виды изъ вашихъ оконъ и, наконецъ, какъ расположено ваше время: чѣмъ въ какой день и часъ вы занимаетесь. Мнѣ же вамъ нечего описывать: Павловскъ вамъ знакомъ, и расположеніе нашего времени также вамъ извѣстно. Ученье наше идетъ, какъ шло до сихъ поръ. Ольга Николаевна [1]) очень прилежна. Она разъ въ недѣлю занимается уже и со мною и всегда очень, очень внимательна, слушаетъ прилежно и чтó пойметъ, того не забываетъ. Она уже знаетъ теперь чтó такое точка, линія; можетъ разсказать, чтó такое параллельная линія и даже чтó такое центръ и кругъ; мы разсуждаемъ съ нею объ этомъ по-русски и по-французски. Жаль мнѣ только того, что не имѣю болѣе времени: съ нею очень пріятно учиться. Я читалъ ей ту сказочку, которую читала вамъ Анна Петровна, и она ей понравилась, какъ и вамъ. Я очень, очень радъ, что Анна Петровна съ вами занимается; я увѣренъ, что вы ее любите и прошу васъ объ этомъ отъ всего сердца. Она мнѣ самая милая родная. Мы съ нею вмѣстѣ выросли, вмѣстѣ провели нашу молодость, но уже давно, давно не видались. Простите; прошу васъ сказать мое дружеское почтеніе Юліи Ѳедоровнѣ [2]). Ея сыновья здоровы; они теперь всѣ у насъ въ Павловскѣ. Съ будущаго Понедѣльника начнется у насъ экзаменъ, а послѣ экзамена вакація, которая продолжится шесть недѣль. Въ это время мы будемъ менѣе учиться, то есть будемъ повторять только старое, за то будемъ много читать.

Цѣлую ваши ручки и прошу васъ не забывать Жуковскаго.

25 Іюня 1828.

---

[1]) Ей было тогда всего 6 лѣтъ отъ роду. П. Б.

[2]) Ю. Ѳ. Баранова, сестра Владимира Ѳедоровича Адлерберга (впослѣдствіи графиня) была воспитательницею великихъ княженъ. Ея сыновья графы Эдуардъ, Павелъ, Николай и Александръ Трофимовичи. Изъ нихъ большую извѣстность получилъ графъ Эдуардъ Трофимовичъ.

Марія Николаевна.

Любезный Василій Андреевичъ.

Я васъ очень благодарю за ваше письмо; оно сдѣлало мнѣ очень много удовольствія. И мнѣ также очень бы хотѣлось васъ видѣть; мнѣ жаль, что вы не тутъ: вы бы вмѣстѣ съ нами посмотрѣли на море и на скалы.

Я недавно думала объ васъ, когда луна освѣщала пѣнистыя волны, которыя бились о скалу, а Мама сидѣла на скалѣ, и ея лице было такъ прекрасно освѣщено луною! [1]) Вы конечно сдѣлали бы на это прекрасные стихи. Вы спрашивали у меня о расположеніи нашего дома. Мы живемъ теперь на дачѣ; домъ нашъ въ саду, онъ очень малъ; море у насъ передъ глазами; мы купаемся въ немъ, но уже три дни какъ перестали купаться, потому что вода очень холодна. Мы здѣсь видѣли очень много саранчи; она лежитъ большими тучами. Фигурой она похожа на кузнечика, только гораздо больше; величиною будетъ съ вашъ середній палецъ, а цвѣта сѣраго.

Вы спрашиваете у меня о расположеніи моего дня. Въ Понедѣльникъ отъ 10 до 11 часовъ Нѣмецкій урокъ, отъ одиннадцати до 12 отдыхъ, до часу я купаюсь и послѣ завтракаю, въ часъ до двухъ, а иногда до трехъ, Русской урокъ. Отъ трехъ до половины пятаго обѣдъ, отъ пяти до шести Французское чтеніе. Въ шесть часовъ чай, въ половинѣ седьмаго катаюсь съ Мама или Юліей Ѳедоровной [2]), или гуляю, или прогулка на катерѣ по морю. Возвращаюсь съ прогулки прежде девяти часовъ, ужинаю и въ половинѣ десятаго ложусь спать.

Вторникъ, отъ 10 до 11 Французской урокъ; отъ 1 часу до 2 Ариѳметика отъ 4 до 5 музыка.

Среда, отъ 10 до 11 Географія; отъ 1 до 2 Священная Исторія; отъ 4 до 5 учусь наизустъ.

Четвергъ, отъ 10 до 11 Нѣмецкой урокъ; отъ 1 до 2 Русской; отъ 4 до 5 музыка.

Пятница, отъ 10 до 11 Французской урокъ; отъ 1 до 2 особенныя Географическія занятія; отъ 4 до 5 чтеніе.

---

[1]) Своеобразныя красота императрицы Александры Ѳеодоровны съ ея чудно-задумчивыми глазами прекрасно выражена на поясномъ портретѣ ея, находящемся въ Москвѣ, въ Музеѣ П. И. Щукина (въ вѣнкѣ изъ лавровъ). П. Б.

[2]) Жуковскій находился въ перепискѣ и съ Ю. Ѳ. Барановой. Покойная дочь ея, Марья Трофимовна Пашкова передавала намъ, что въ ихъ семействѣ сохранилось большое его письмо о воспитаніи и обученіи великихъ княженъ. П. Б.

Суббота, отъ 10 до 11, Географія; отъ 1 до 2 особенныя занятія Французскаго языка и диктовка; отъ 4 до 5 музыка.

Посылаю вамъ крыло саранчи; разберите что́ на немъ написано. У нея четыре такихъ крыла, и на всѣхъ одинаковой узоръ.

Теперь пришло много кораблей, 12 изъ Константинополя.

Прощайте, мой любезный Василій Анреевичъ. Мама вамъ кланяется. Ваша Мери.

13 Іюля, 1828-го года. Одесса.

Въ 1832 году Жуковскій тяжко заболѣлъ и взялъ отпускъ въ чужія края.

Жуковскій.

Отъ всего сердца поздравляю ваше высочество съ нынѣшнимъ днемъ, въ который вся Россія молится за своего достойнаго любви ея Императора.

Хотя я поручилъ великому князю Александру Николаевичу принести отъ меня вашему высочеству поздравленіе съ новымъ годомъ, но думаю, что вамъ не будетъ непріятно получить нѣсколько строкъ и отъ меня самого. Съ береговъ Женевскаго озера, изъ за высокихъ Альпъ посылаю вашему высочеству нѣсколько сердечныхъ желаній счастія, съ надеждою, что эти искреннія желанія будутъ исполнены. Вы знаете, что я объ васъ думаю, слѣдовательно сами легко угадаете, какого рода эти желанія; это не пустая фраза, повторяемая по случаю новаго года, а нѣжное чувство души, которая не можетъ не быть растрогана, воображая себѣ ваше будущее такимъ, какимъ она себѣ его составляетъ, согласно съ вашимъ характеромъ. Я вѣрю, что Богъ поможетъ вамъ пріобрѣсти всѣ тѣ свойства и добродѣтели, кои вы пріобрѣсти *способны*; тогда ваша жизнь будетъ жизнью высокою, равно прекрасною въ счастіи и въ несчастіи, словомъ, достойною того мѣста, которое выбрано вамъ на землѣ Провидѣніемъ. Имѣть это достоинство— вотъ главное; остальное все щелуха. Я знаю, что вы меня понимаете и что вы со мною согласны.

Вы помните ту минуту, когда вы сѣли на пароходъ, чтобы ѣхать въ Доберанъ *). Я остался на берегу съ надеждою скоро васъ увидѣть и черезъ нѣсколько дней самъ очутился на морѣ, которое довольно злилось, но шумными, пѣнными своими волнами принесло меня безъ вреда къ берегу; надежда же увидѣть васъ не сбылась: вы остались у береговъ отечества, а я отправился далѣе. Зеленый Рейнъ съ своими утесистыми берегами, съ коихъ вѣка, въ видѣ развалившихся замковъ, глядятъ на путешественника, угостилъ меня на дорогѣ. Въ Эмсѣ

*) Мѣстечко въ Мекленбургъ-Шверинѣ съ морскими купаньями. П. Б.

мнѣ было скучно и жарко: отрадою моею былъ оселъ, на коемъ я разъѣзжалъ по высокимъ горамъ, окружающимъ Эмскую долину. Изъ Эмса живописная дорога, идущая вдоль Рейна и Некара, привела меня въ Швейцарію и веселымъ спутникомъ моимъ была надежда увидѣть Италію; передъ моимъ воображеніемъ сіялъ ея далекій какой-то чудесный міръ: голубое море слитое съ голубымъ небомъ, лавровые лѣса на горахъ, Везувій съ темнымъ столбомъ дыма, Римъ съ своими развалинами, съ огромнымъ Колизеемъ (гдѣ вмѣсто шумной толпы народа зеленый плющъ на мшистыхъ камняхъ и вмѣсто разорванныхъ тиграми мучениковъ на аренѣ мирный крестъ, окруженный смиренными богомольцами), благовонный воздухъ, яркія звѣзды Юга на темномъ небѣ, все это вмѣстѣ сливалось въ одну мечту. Но эта мечта не сбылась. Теперь я сижу у самыхъ воротъ Италіи и не смѣю войти въ нихъ. Правда, я въ Швейцаріи, и передъ мною міръ великолѣпный. Теперь 4 Генваря (стараго стиля), а на дворѣ тепло, какъ весною, и до сихъ поръ не было еще двухъ градусовъ морозу; солнце свѣтитъ съ прекраснаго голубаго неба; передъ глазами моими разстилается лазоревая равнина Женевскаго озера; нѣтъ ни одной волны; не видишь движенія, а только его чувствуешь: озеро дышетъ. Сквозь голубой паръ подымаются голубыя горы съ снѣжными сіяющими отъ солнца вершинами; по озеру плывутъ лодки, за которыми тянется серебряная струя, и надъ ними вертятся освѣщенные солнцемъ рыболовы, которыхъ крылья блещутъ какъ яркія точки; на горахъ между синевою лѣсовъ ярко блестятъ деревни, хижины, замки; съ домовъ бѣлыми змѣями вьются полосы дыма. Иногда въ тишинѣ, между огромными горами, коихъ громады приводятъ невольно въ трепетъ, вдругъ раздается звонъ колокола съ башни церковной; этотъ звонъ, какъ гармоника, промчавшись по воздуху, умолкаетъ, и все опять удивительно тихо въ солнечномъ свѣтѣ; онъ ярко лежитъ на дорогѣ, на которой тамъ и здѣсь идетъ пѣшеходъ и за нимъ его тѣнь. Въ разныхъ мѣстахъ слышатся звуки, не нарушающіе общей тишины, но еще болѣе оживляющіе чувство спокойствія; тамъ донесся лай собаки, тамъ скрипъ огромнаго воза, тамъ человѣческій голосъ. Между тѣмъ въ воздухѣ удивительная свѣжесть; есть какой-то запахъ не весенній, не осенній, а зимній, есть какое-то легкое, горное благоуханіе, котораго не чувствуешь въ равнинахъ. Вотъ вамъ картина одного утра на берегахъ моего озера; каждый день смѣняетъ ее другая. Но за этими горами Италія, и мнѣ не видать Италіи *)! За то скорѣе увижу Россію.

Простите. Прошу васъ напомнить обо мнѣ сестрицамъ, коимъ передайте сердечное мое поздравленіе съ новымъ годомъ. Прошу васъ

*) Позднѣе обстоятельства перемѣнились и Жуковскій побывалъ въ Италіи въ 1833 году. П. Б.

также передать его Юліи Өедоровнѣ и Шарлотѣ Карловнѣ. Я увѣренъ, что я въ вашемъ кругѣ не забытъ, но думаю, что всего живѣе вспоминаете вы обо мнѣ, когда подаютъ устрицы.

Посылаю вашему высочеству розовую распукольку, сорванную мною наканунѣ новаго года на открытомъ воздухѣ.

Честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ вашего императорскаго высочества покорнѣйшимъ слугою Жуковскій.

Верне, близъ Веве. 4 (16) Генваря 1833.

Марія Николаевна.

6 (18) Мая 1833-го. Петербургъ.

Простите мнѣ, любезный Василій Андреевичъ, что я вамъ еще не писала и не отвѣчала на милое ваше письмо, которое мнѣ доставило неизъяснимое удовольствіе. Я знаю ваше доброе сердце и увѣрена, что вы мои *грѣхи* простите. *L'eau me venait à la bouche* [1]), когда я читала прекрасное описаніе Женевскаго озера; и кто бы не зналъ, что вы описали сей видъ? Прочитавши, сейчасъ бы сказалъ: это написалъ Жуковской. Благодарю васъ и за то, что вы такъ чисто писали: безъ всякаго труда я читала ваше письмо. Мы часто объ васъ думаемъ и всегда вспоминаемъ, когда подаютъ супъ съ потрохами: каждая изъ насъ беретъ лапку и кушаетъ ее за ваше здоровье.

Я продолжаю заниматься тѣми же уроками какъ прежде: кончила курсъ миөологіи и начала исторію, которая мнѣ доставляетъ много удовольствія. *Что́ правда, то правда*, я не очень успѣваю во Французской орөографіи, хотя и трудно мнѣ вамъ признаться въ этомъ. Русская идетъ немного лучше, а въ Англійской почти не ошибаюсь. Въ Нѣмецкой кромѣ *habe*, что́ я пишу *chabe* и *von*, что́ я пишу *t-o-n* также не ошибаюсь. У меня прежняя *antipath e* къ Ариөметикѣ; музыку начинаю любить. Я рисую карандашемъ портреты всѣхъ старыхъ гренадеровъ, объ которыхъ говорятъ, что они похожи. Нашъ сморчекъ Адини [2]) болтаетъ попрежнему и учится очень хорошо; она начала съ Павскимъ, который ей разсказалъ страданія Спасителя; она была такъ тронута, что долго плакала. Ничего не скажу объ Олѣ; она вамъ сама напишетъ. *Генералъ-адмиралъ* ростетъ, успѣваетъ и дѣлается совершеннымъ морякомъ. Ника страдаетъ зубами и отъ того у него *милонколическій взоръ*. Миша похожъ на Адини. Вотъ вамъ описаніе фамиліи нашей.

---

[1]) У меня потекли слюнки.

[2]) Великая княжна Александра Николаевна; ей тогда было 8 лѣтъ. П. Б.

Дайте мнѣ извѣстіе о вашемъ здоровьи; надѣюсь, что вы пріѣдете сюда здоровымъ и скоро. Вамъ есть время теперь написать обѣщанный мнѣ поэмъ на Байкальское озеро, и *вѣрно* мнѣ не откажете. Порусски я начала сочинять повѣсть, писала, писала, писала, Петръ Александровичъ[1]) былъ доволенъ (и я также), но вдругъ ..... всѣ идеи исчезли, и повѣсть моя лежитъ. (Это похоже на большую часть сочинителей, которые долго пишутъ, а наконецъ всѣ ихъ идеи затмеваются).

Мы получаемъ довольно хорошія извѣстія о Карлѣ Карловичѣ[2]), который вѣроятно уже оставилъ Дрезденъ.

Я очень рада, что вы путешествуете въ Италіи. Это вамъ дастъ идеи на обѣщанную поэму, которую я непремѣнно ожидаю отъ васъ.

Прощайте, любезный Василій Андреевичъ; вспоминайте о меня всегда, когда будете глядѣть на море, вечеромъ при свѣтѣ луны. Дружеской поклонъ отъ Оли и Адини.

Шарлота Карловна, Варвара Ивановна и miss Haliday вамъ кланяются. Послѣдняя выходитъ за мужемъ. На вѣкъ остаюсь вашимъ вѣрнымъ другомъ Марія.

Мама мнѣ препоручила вамъ сказать, что она васъ очень, очень благодаритъ за ваше письмо, которое ей доставило большое удовольствіе. Она мнѣ позволила читать его, и сердце мое радовалось, видя, какъ вы Мама любите.

Приписка Ю. Ѳ. Барановой.

P. S. Марія Николаевна me laisse cette petite place pour vous écrire moi-même, ne voulant pas se charger de mes compliments pour vous. C'est une petite ruse qu'elle emploie pour que j'aie le plaisir de vous annoncer que ses études vont très bien. Au reste je vous en parlerai plus au long. M-r Gille va partir; il n'y a donc plus que moi qui puisse vous donner des nouvelles des Grandes-Duchesses, et je m'en acquitterai avec autant de plaisir que d'exactitude.

Adieu, mon bon et cher Василій Андреевичъ; soignez-vous bien, oubliez tout, excepté votre santé, et revenez nous bien portant et frais comme autrefois. A jamais votre sincère amie J. B.[3])

---

[1]) Плетневъ, замѣнившій Жуковскаго въ преподаваніи Русской словесности Наслѣднику-Цесаревичу и его сестрамъ. П. Б.

[2]) Мердеръ, воспитатель Наслѣдника Цесаревича.

[3]) Марья Николаевна оставила мнѣ крошечку мѣста написать вамъ, не взявъ на себя передать вамъ мой поклонъ. Это маленькая съ ея стороны хитрость, она этимъ доставляетъ мнѣ удовольствіе увѣдомить васъ, что ея занятія идутъ очень хорошо. Впрочемъ я поговорю съ вами о томъ побольше. Жиль уѣзжаетъ; стало быть, я одна могу вамъ сообщить извѣстія о великихъ княжнахъ, что я и сдѣлаю съ удовольствіемъ и отчетливостью. Прощайте мой добрый Василій Андреевичъ, смотрите за собою, забудьте обо всемъ кромѣ вашего здоровья, и возвращайтесь къ намъ свѣжій и здоровый какъ прежде. На всегда вашъ искренній другъ. Ю. Б.

Марія Николаевна.

Васька, мой милый Вася!

Ангельчикъ мой! Хорошенькой! Добрый малый! Постарайтесь наискорѣйшимъ образомъ по приложенной при семъ бумагѣ удовлетворить просьбу общаго нашего пріятеля Плетнева. Presto, presto *). Марія.

Марія Николаевна.

(Конецъ Декабря 1837)

Папа, Мама, Саша, Михаилъ Павловичъ и я въ Большомъ театрѣ.

Михаилъ П. уѣзжаетъ.

Государь скоро за нимъ, ни слова намъ не говоря. Также Саша.

Мама и я остаемся до конца спектакля, думая, что они уѣхали, какъ обыкновенно, для какого либо пожара.—Въ Морской на встрѣчу М. П. посланный Государемъ на(мъ) сказалъ ѣхать въ Аничковскій дворецъ.

Мама: Où sont mes enfants?

М. П.: L'Empereur va les envoyer à Anitchkoff.

Мама: Y sont-ils déjà?

М. П.: Pas encore, mais tout de suite.

Мама: Dites à l'Empereur que ma place est d'être là où sont mes enfants, que jusqu'à ce que je les voye partir, je ne bougerais pas du Palais d' Hiver [1]).

На лѣстницѣ встрѣчаютъ насъ братья и сестры полузаснутые и нимало не испуганные. Мама къ графинѣ С. П. Кутузовой, все къ отъѣзду больной распоряжаетъ. Въ комнатахъ сестеръ видѣли пожаръ. Государь къ намъ. Есть надежда, говоритъ. Où veux-tu dormir ici ou Anitchkoff?—Ici, dit Maman [2]). Государь ушелъ. Мы собираемъ нѣсколько вещей. Черезъ полчаса Папа къ намъ. Partez: le feu peut être ici dans un moment [3]). Поцѣловалъ, ушелъ. Мы въ Главной Штабъ у графа Нессельроде до $2\frac{1}{2}$ утра. Видѣли пожаръ. Саша къ намъ. Plus de (palais), mais tous les effets se sauvent [4]). Саша былъ въ Галерной гавани на другомъ пожарѣ. Мама все время была спокойна, не плакала,

---

*) Скорѣе, скорѣе.

[1]) Гдѣ мои дѣти?—Государь посылаетъ ихъ въ Аничковъ.—Они уже тамъ?—Нѣтъ еще, но тотчасъ тамъ будутъ.—Скажите Государю, что мѣсто мое тамъ, гдѣ мои дѣти, что я не покину Зимняго Дворца, пока не увижу, что они уѣхали.

[2]) Гдѣ ты хочешь спать: здѣсь, или въ Аничковѣ?—Здѣсь, отвѣчаетъ Мама.

[3]) Ступайте: здѣсь, пожалуй, сейчасъ покажется огонь.

[4]) Дворца больше нѣтъ, но всѣ вещи спасаются.

не жаловалась, благодарила Бога, что несчастіе это не (принесло) смерти d'une personne chère à son coeur [5]). Послѣ въ Аничковъ.

Зимній дворецъ сгорѣлъ вслѣдъ за возвращеніемъ Наслѣдника-Цесаревича изъ большаго путешествія по Россіи. Сопровождавшій его В. А. Жуковскій возвратился въ Петербургъ нѣсколько позже его. П. Б.

Марія Николаевна.

Cottege [1]), 22 juin (4 juillet) 1838.

У меня есть знакомый; этого знакомаго я очень люблю; знакомый обѣщалъ мнѣ писать; знакомаго по отцу называютъ Василій Андреевичъ, фамилія у него Жуковскій. Знаете ли его? Коли да, такъ скажите ему, съ какимъ нетерпѣніемъ жду хоть одну строчку его руки.—Нѣтъ, любезный Вася Котъ, не думайте, что я на васъ сержусь; ни мало; но, какъ говорится: entre amis point de cérémonie; это я, qui fait le premier pas [2]). Этотъ premier pas мнѣ ничего не стоитъ, потому что pour ce pas нѣтъ никакихъ мозолей, которыя бы мѣшали ходить. Боже мой! Какъ глупо; но я обѣщала вамъ такъ писать, какъ мнѣ въ голову приходитъ. Такъ не будетъ не совсѣмъ моя вина, если письмо будетъ ужасная чепуха.

Гдѣ вы теперь?! Богъ знаетъ. Но гдѣ бы ни были, въ какомъ краю или въ городѣ, вѣрно вамъ не такъ хорошо, какъ мнѣ: я, вѣдь, въ Русской землѣ, въ святой землѣ для насъ обоихъ. Однообразная жизнь, которую проводимъ, мнѣ нравится; благодаря Бога, я ко всякому образу жизни привыкаю. Погода лейбъ-гвардія Петергофская, какъ говоритъ Папа; очень тепло, и маленькой морской вѣтеръ прохлаждаетъ воздухъ. Я много занимаюсь; пишу съ Пироцкимъ (Заурвейдъ уѣхалъ); читаю и съ учителями, и одна на всѣхъ языкахъ, только не на негодномъ Нѣмецкомъ: я и въ руки Нѣмецкую книгу не беру. Не браните меня о томъ; вы же виноваты: кто переводитъ такъ хорошо, что Русской переводъ лучше оригинала? Кто перевелъ Ундину? Кто? Если у васъ есть совѣсть, такъ вы не смѣете отвѣчать.—Я получила новое изданіе Пушкина т лько три тома; я съ наслажденіемъ его читаю; нѣтъ, наслажденіе не слово! Avec recueillement, avec onction! [3]) Нѣтъ, и то, не то! Да вы понимаете! Надѣюсь, когда возвратитесь *восвояси*, вы будете писать много, много; или если слово *много*

---

[5]) Никому изъ близкихъ ея сердцу.

[1]) Котеджъ такъ называется одинъ изъ Петергофскихъ дворцовъ. П. Б.

[2]) Между друзьми не бываетъ околичностей; я дѣлаю первый шагъ.

[3]) Съ самоуглубленіемъ, съ благоговѣніемъ.

васъ пугаетъ, то хоть немножко. Иногда у меня пропасть просьбъ до васъ, но боюсь вамъ надоѣсть. Не такъ ли, будьте откровенны! А вотъ я вамъ правду скажу: благодарю Бога, что *я не поэтъ*. Какъ должно быть скучно, когда люди вамъ безпрестанно говорятъ: «Василій Андреевичъ, или Марія Николаевна (коли я поэтъ), зачѣмъ вы не пишите?» и это на *Институтскомъ тонѣ*, съ удареніями. Ахъ! Боже мой! Посмотрѣла въ окно и вижу Нептуна; но какого? Въ усахъ и въ сюртукѣ, въ зеленомъ, и что больше, на сухомъ пути avec un gros ventre! [1]) Нептуну построили *деревянной* дворецъ; бѣдной Нептунъ! Pour tout l'or du monde [2]) я бы не желала бы быть его Ундиной!

Надѣюсь, что ваше первое письмо меня извѣститъ о вашей женитьбѣ съ Голландской коровою или съ Англичанской.

Богъ съ вами; пишите мнѣ, или я точно подумаю, что вы Вася Котъ, который писать не умѣетъ. Вашъ старой другъ Марія.

Кланяйтеся И. М. Толстому, votre compagnon de voyage [3]). Дѣлаете ли вы *bon ménage*? [4])

Жуковскій.

Какъ я пожалѣлъ, что мы не въ Петербургѣ, когда Великій Князь читалъ мнѣ нѣкоторыя мѣста изъ писемъ Ихъ Величествъ и тѣ письма вашего высочества, въ которыхъ описано то, что теперь насъ всѣхъ такъ радуетъ. Какое было бы наслажденіе подѣлиться съ Вами и со всѣми Вашими тою минутою, въ которую рѣшилась судьба вашей жизни и рѣшилась такъ согласно съ вашимъ сердцемъ! Итакъ мой, *расцвѣтшій младенецъ*, который до сихъ поръ такъ весело и беззаботно порхалъ на крыльяхъ молодости по свѣжему лугу жизни, не думая еще, по какой дорогѣ придется *идти* ему, теперь видитъ эту дорогу передъ глазами своими: она свѣтла, она не ведетъ его въ чужую сторону, и на ней ждетъ его спутникъ, выбранный по сердцу. Добрый путь! говорю отъ всего сердца милому, расцвѣтшему младенцу и вѣрю, что мое желаніе будетъ исполнено. Примите его отъ меня съ довѣренностію, что оно выходитъ изъ сердца, искренно къ вамъ привязаннаго. Я самый первый вашъ знакомецъ на здѣшнемъ свѣтѣ, я думалъ о васъ наканунѣ вашего рожденія, стоя передъ вашею колыбелью,

---

[1]) Съ толстымъ животомъ.
[2]) За все на свѣтѣ золото.
[3]) Вашъ спутникъ.
[4]) Дружно-ли вы живете?

еще никѣмъ не занятою; на другой день этой думы мы познакомились, и это было въ теченіе почти двадцати лѣтъ добрымъ для меня знакомствомъ; я знаю васъ коротко, и теперь утвердительно могу сказать, что вашъ высокій характеръ достигнетъ полнаго своего развитія, ибо судьба ваша устроилась согласно съ сердцемъ: вамъ нужно быть внутренно счастливою, чтобы совершенно быть тѣмъ, чѣмъ вы быть можете. А за себя радуюсь тому, что не буду знать о вашемъ домашнемъ счастіи заочно, что оно будетъ у насъ на глазахъ и что вы навсегда теперь остались нашею. Благослови васъ Богъ, говорю это простое слово съ глубокимъ чувствомъ, вполнѣ понимая въ эту минуту, *что́* значитъ благословеніе свыше и на *кого* призываю его всѣмъ моимъ сердцемъ. Жуковскій.

12 (24) Ноября (1838). Венеція.

Письмо Маріи Николаевы.

Въ Питерѣ. 19 Н. (1 Д.) 1838.

Да, Василій Андр., мой старшій другъ, другъ съ колыбели, не кажется ли вамъ странно, что маленькая Мери, упрямая, лѣнивая Мери, такъ часто васъ сердившая, скоро пойдетъ подъ вѣнецъ? О, поздравляйте меня отъ души! Вы не повѣрите, какъ я счастлива! Неужели идеалъ моего воображенія, *вѣчно оставаться въ матушкѣ Россіи, въ безцѣнной родинѣ*, сдѣлался явнымъ! И, блаженство неимовѣрное, я нашла *такого*, котораго люблю, меня любитъ и которому свою судьбу вручаю, зная, что меня понимаетъ и сдѣлаетъ меня столь счастливой, сколь можно быть на землѣ. Какъ за это все благодарить Бога, не знаю, не въ моихъ силахъ, я чувствую себя недостойной столькихъ благъ! Я почти безпрестанно себѣ вопросъ дѣлаю: что̀ я для этого сдѣлала? Не знаю; развѣ то, что Всевышній хочетъ въ счастіи дѣтей благословлять родителей? Всѣ, всѣ, аль въ Питерѣ, аль въ Бѣлокаменной Москвѣ, радуются нашему счастію, какъ будто принадлежатъ семейству Царскому. (Вотъ статья въ «Сѣверной Пчелѣ», писанная Булгаковымъ на пребываніе Папа и *его* въ Москвѣ).

Я была обручена въ тотъ же день, какъ и Мама, 23 Октября; но жаль, что свадьбѣ не можно быть 1 Іюля, ибо оно падаетъ на Субботу.

Нашъ Зимній Дворецъ такъ щеголеватъ, какъ юноша; 17 Декабря будемъ пѣть благодарственную молебенъ въ фельдъ-маршальской залѣ, гдѣ пожаръ начался и освятимъ всю избу царскую; жаль, что Саши не будетъ; а вы очень могли бы написать что нибудь по *Жуковскому* на этотъ день. Марія.

Брюловъ женится на m-lle Timm.

Жуковскій.

Приношу сердечную мою благодарность Вашему Императорскому Высочеству и за письмо ваше и за то чувство, которое произвело во мнѣ чтеніе этого письма. Меня живо тронуло то, что вы въ первыя минуты вашего счастія вспомнили обо мнѣ и что вы захотѣли мнѣ особенно сказать о немъ нѣсколько словъ. Но это не главное, это было бы просто эгоизмъ, весьма понятный и позволенный въ такомъ случаѣ. То, чтó меня наиболѣе обрадовало и до слезъ тронуто въ прелестномъ письмѣ вашемъ, относится не ко мнѣ, а къ вамъ самимъ. Я люблю всегда вашу живую веселость, но здѣсь вы ее покидаете и говорите со мною важнымъ тономъ о самомъ рѣшительномъ дѣлѣ вашей жизни, говорите такъ просто, съ такою полною вѣрою въ ваше будущее счастіе, что у меня сердце наполнилось молитвою къ Богу, чтобы Онъ благоволилъ даровать вамъ и надолго утвердить это чистое счастіе, которое вы такъ понимаете и которое принимаете отъ Провидѣнія съ такимъ дѣтскимъ смиреніемъ. Судьба, связанная съ днемъ обрученія вашего, достанется и вамъ. Уже одно изъ первыхъ условій счастія для васъ исполнено,—вы не покидаете отечества, и мы будемъ принимать участіе въ вашихъ семейныхъ радостяхъ, какъ до сихъ поръ радовались тѣмъ домашнимъ счастіемъ, посреди котораго вы провели всѣ свои первые годы. Видно, я въ добрый часъ подошелъ во время оно къ пустой колыбели и спросилъ у судьбы: кто въ ней будетъ и чтò случится съ этимъ новымъ земнымъ колонистомъ? Я уже писалъ къ вашему высочеству письмо по полученіи нами радостнаго о васъ извѣстія. Сожалѣю, что насъ не было въ Петербургѣ въ эту прекрасную минуту; это истинная потеря, подобныя минуты составляютъ капиталъ жизни, онѣ самыя сладкія въ настоящемъ и самыя дорогіе перлы воспоминанія въ прошедшемъ. Радуюсь мыслію, что мы возвратимся въ Россію къ нашему милому празднику и что я приму въ немъ участіе, съ какимъ чувствомъ, вы это знаете. Сожалѣю, что не могу отсюда видѣть нашей Юліи Ѳедоровны и что не могъ видѣть ее въ первую минуту; прошу ваше высочество за меня пожать ей руку и поздравить ее: это будетъ для нея пріятнѣе письма отъ меня.

Вотъ мы уже въ Римѣ, а обѣщанное письмо къ Вамъ изъ Венеціи не написано. Это отъ того, что мы собрались вдругъ покинуть Венецію, именно тогда, какъ я собирался начинать письмо мое. Авось въ Римѣ удастся написать его. Впрочемъ я думаю, что Вашему Высочеству теперь мои письма еще менѣе нужны, нежели прежде; какъ бы то ни было, донесеніе мое будетъ написано непремѣнно, если только

мы останемся сколько нибудь въ Римѣ. Здѣсь я еще не осмотрѣлся и пока голова кружится отъ бездны предметовъ, которые со всѣхъ сторонъ требуютъ вниманія. Погода стоитъ ясная, но довольно холодная; морозъ доходитъ уже до двухъ градусовъ, и на кровляхъ даже являлись сосульки, но третьяго дня ожило: я любовался розами, кои безчисленно выглядывали изъ зеленаго плюща, покрывающаго стѣны виллы Mills. Это имѣетъ свою цѣну. Съ глубочайшимъ почтеніемъ Вашего Императорскаго Высочества покорнѣйшій слуга В. Жуковскій.

10/22 Декабря 1838. Римъ.

Жуковскій *).

Ваше императорское высочество позволили мнѣ писать къ вамъ изъ за границы. Къ горю своему я долженъ признаться, что я мало пользовался вашимъ милостивымъ позволеніемъ, которое самъ для себя выпросилъ: мы путешествовали быстро, надобно было писать не на досугѣ, а какъ и гдѣ попало, а я люблю просторъ; отъ этого у меня не писалось. Теперь объ этомъ весьма сожалѣю, ибо много живыхъ впечатлѣній исчезло съ тою минутою, которая произвела ихъ; остался одинъ безжизненный скелетъ замѣтокъ, сдѣланныхъ мною на бѣгу въ дорожной книжкѣ безъ всякихъ подробностей; моя же память сдѣлалась такъ строптива, такъ капризна, что едва-ли удастся мнѣ теперь одѣть этотъ скелетъ въ какой-нибудь живой, привлекательный остовъ. Вотъ почему я не хочу пропустить настоящей минуты, спѣшу схватить ее на-лету и вамъ передать во всей ея живости, пока она не завяла, какъ всѣ другія.

Я былъ въ Бородинѣ въ самый день великолѣпнаго праздника, которымъ Государь удостоилъ свою армію. Палатою для пирующихъ было Бородинское поле, а украшеніемъ палаты монументъ Бородинскаго боя съ Багратіоновымъ гробомъ у подошвы его и Бородинскіе холмы, на которыхъ подъ жатвою, ихъ покрывающею, спитъ почти цѣлое войско, здѣсь погребенное со славою. Такихъ палатъ на свѣтѣ немного. Опишу вамъ просто все какъ было. Но прежде оглянемся назадъ. За 27 лѣтъ двѣ арміи стали на этихъ поляхъ одна передъ другой; въ одной Наполеонъ и всѣ народы Европы, въ другой—одна Россія. Наканунѣ сраженія (25 Августа) все было спокойно: раздавались одни ружейные выстрѣлы, которыхъ безпрестанный звукъ можно было сравнить со стукомъ топоровъ, рубящихъ въ лѣсу деревья. Солнце сѣло

*) Письмо это написано изъ Москвы въ Петергофъ. Великая княгиня Марья Николаевна, не задолго передъ тѣмъ вступившая въ супружество съ герцогомъ Максимиліаномъ Лейхтенбергскимъ (отецъ котораго, принцъ Евгеній Богарне, дрался противъ насъ подъ Бородинымъ), не присутствовала на Бородинскихъ поминкахъ. П. Б.

прекрасно, вечеръ наступилъ безоблачный и холодный, ночь овладѣла небомъ, которое было темно и ясно, и звѣзды ярко горѣли; зажглись костры, армія заснула вся съ мыслію, что на другой день быть великому бою. Тишина, которая тогда воцарилась повсюду, неизобразима; въ этомъ всеобщемъ молчаніи, въ этомъ глубокомъ темномъ небѣ, котораго всѣ звѣзды были видны и которое такъ мирно распростиралось надъ двумя арміями, гдѣ столь многіе обречены были на другой день погибнуть, было что-то роковое и несказанное. И съ первымъ просвѣтомъ дня грянула Русская пушка, которая вдругъ пробудила повсѣмѣстное сраженіе. Описывать это сраженіе здѣсь неумѣстно, да и не умѣлъ бы этого сдѣлать, ибо не видалъ подробностей кровавой свалки. Мы стояли въ кустахъ [1]) на лѣвомъ флангѣ, на который напиралъ непріятель; ядра невидимо откуда къ намъ прилетали; все вокругъ насъ страшно гремѣло, огромные клубы дыма поднимались на всемъ полукружіи горизонта, какъ будто отъ повсемѣстнаго пожара и, наконецъ, ужасною бѣлою тучею обхватили половину неба, которое тихо и безоблачно сіяло надъ бьющимися арміями. Во все продолженіе боя насъ мало по малу отодвигали назадъ. Наконецъ, съ наступленіемъ темноты сраженіе, до тѣхъ поръ не прерывавшееся ни на минуту, умолкло. Мы двинулись впередъ и очутились на возвышеніи посреди арміи; вдали царствовалъ мракъ, все покрыто было густымъ туманомъ осѣвшагося дыма, и огни биваковъ непріятельскихъ горѣли въ этомъ туманѣ тусклымъ огнемъ, какъ огромныя раскаленныя ядра. Но мы не долго остались на мѣстѣ: армія тронулась и въ глубокомъ молчаніи пошла къ Москвѣ, покрытая темною ночью. Вотъ что мои глаза видѣли здѣсь за 27 лѣтъ.

Теперь на Бородинскомъ полѣ была картина иная. Батареи на высотахъ исчезли, на нихъ переливается жатва, и одинъ монументъ Бородинскій ими владычествуетъ; только тамъ, гдѣ такъ храбро дрался Воронцовъ, потерявшій здѣсь почти всѣхъ людей своихъ, гдѣ погибъ Тучковъ, не отысканный между мертвыми, остались признаки укрѣпленій; но они служатъ подножіемъ церкви, построенной вдовою Тучкова [2]) на мѣстѣ погибели ея мужа, а вмѣсто пушекъ, тогда здѣсь гремѣвшихъ, являются тихія кельи монахинь. Здѣсь, наканунѣ праздника, встрѣтилъ я нѣкоторыхъ изъ нашихъ храбрыхъ генераловъ. Одинъ изъ нихъ показывалъ своимъ товарищамъ то мѣсто, гдѣ за чет-

---

[1]) В. А. Жуковскій служилъ тогда въ Московскомъ ополченіи. П. Б.

[2]) Маргаритой Михаиловной, сестрою Декабриста М. М. Нарышкина, въ первомъ бракѣ Ласунской. Отъ Тучкова у нея былъ сынъ, котораго она воспитывала въ Дерптѣ, гдѣ близко знала Жуковскаго и, увѣряютъ, надѣялась вступить съ нимъ въ третій бракъ. Схоронивъ молодаго сына своего, поступила она въ монашество. П. Б.

верть вѣка бился; онъ самъ уже не узнавалъ его, и монахини служили ему провожатыми къ немногимъ остаткамъ тѣхъ окоповъ, на коихъ тогда пали его сослуживцы. Въ глазахъ заслуженнаго воина сверкали слезы; то были слезы глубокаго, высокаго чувства. Какъ могло не разогрѣться сердце при вступленіи послѣ столькихъ лѣтъ, послѣ столькихъ измѣненій и въ своей судьбѣ, и въ судьбѣ народовъ на то мѣсто, гдѣ совершилось одно изъ главныхъ событій жизни, гдѣ вдругъ безъ прощанья надлежало разстаться съ такимъ множествомъ храбрыхъ ближнихъ, гдѣ всѣ они лежатъ, смѣшавшись съ прахомъ земли и гдѣ, вѣроятно, всѣ они ожили въ позднемъ воспоминаніи. На этомъ же мѣстѣ явился и другой храбрый воинъ Бородинскаго дня; онъ вошелъ въ церковь, сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ передъ царскими дверями, поклонился гробу Тучкова и положилъ на налой образъ, вѣроятно, съ нимъ бывшій въ этомъ сраженіи, благодарною данію Спасителю-Богу.

Утро Бородинскаго праздника было также ясно какъ утро Бородинскаго боя. Тогда чувствовалась осенняя свѣжесть; теперь было тепло, отъ долговременной засухи повсюду была ужасная пыль, которая при малѣйшемъ вѣтеркѣ поднималась столбами. Войска, около ста пятидесяти тысячъ *) были рано по утру сведены на мѣста имъ назначенныя; они стояли колоннами по наклону покатостей, окружая съ трехъ сторонъ то возвышеніе, на коемъ теперь стоитъ памятникъ Бородинскій, и у подошвы его лежитъ Багратіонъ, на коемъ тогда произошла самая жаркая битва, гдѣ дрались Раевскій, Барклай, Паскевичъ, гдѣ раненъ Воронцовъ, гдѣ погибъ Кутайсовъ, на которое безъ умолку гремѣло болѣе двухъ сотъ Наполеоновскихъ пушекъ, гдѣ наконецъ всѣ перемѣшались въ рукопашной убійственной свалкѣ. Войска, видимыя съ вершинъ этого холма, представляли зрѣлище единственное; однимъ взглядомъ можно было окинуть стотысячную армію сжатую въ густыя колонны, которыя амфитеатромъ одна надъ другой подымались. Пѣхота была неподвижна. По ружьямъ сверкало солнце, и они казались блестящею, поднявшеюся щетиною огромнаго боеваго чудовища. Гдѣ стояла конница, тамъ двигалось; конскія копыта подымали пыль, она колебалась надъ колоннами какъ черная громовая туча. Позади арміи разставлена была артиллерія. Въ срединѣ этого чуднаго амфи-

*) Послѣ Вознесенскихъ маневровъ 1837 года это было второе при Николаѣ Павловичѣ большое сборище Русскихъ военныхъ силъ, которыхъ такъ трепетали Европейскія государства, извѣщенныя о томъ своими представителями и членами своихъ царственныхъ домовъ пріѣзжавшими на зовъ нашего Государя. Тогда-то А. С Хомяковымъ написано его посланіе къ Россіи, въ которомъ онъ говоритъ: „Всѣмъ этимъ прахомъ не гордись!“ П. Б.

театра возвышался памятникъ, у подошвы коего, внутри ограды, были собраны всѣ отставные, нѣкогда участвовавшіе въ славной битвѣ и изъ разныхъ мѣстъ собравшіеся на ея праздникъ; между ими особенно замѣчательны были нѣкоторые инвалиды, кто съ подвязанною рукою, кто съ повязкою на головѣ, кто безъ обѣихъ ногъ. Одни, въ ожиданіи торжества, сидѣли на ступеняхъ монумента; другіе, положивъ на землю клюки, отдыхали у Багратіонова гроба, который одинъ на землѣ Бородинской, величественно тихій въ виду арміи новаго поколѣнія, казался представителемъ поколѣнія прежняго, котораго воины положили здѣсь свои головы, котораго прахъ вѣчно живая природа съ такою любовію одѣла здѣсь своею свѣжею зеленью, своею благовонною жатвою. Другіе Бородинскіе воины, еще находящіеся въ службѣ, сидѣли на коняхъ и выстроены были фронтомъ внѣ ограды. Явился Государь, проскакалъ мимо колоннъ, грянуло повсемѣстное, ура и вдругъ все утихло: отъ Бородина съ хоругвями и крестами, потянулся ходъ, священники всѣхъ полковъ, священники столицъ и позади всѣхъ преосвященный митрополитъ Московскій, длиннымъ строемъ, съ торжественнымъ пѣніемъ, шли мимо арміи къ монументу, передъ которымъ былъ воздвигнутъ алтарь. Когда священники стали по мѣстамъ своимъ и митрополитъ приблизился къ алтарю, тишина невѣроятная воцарилась повсюду: ни движенія, ни шороха, какъ будто бы живые слились въ одно безмолвное братство съ безчисленными мертвыми, здѣсь подъ землею скрытыми, какъ будто бы мертвые вышли изъ праха и, ставши въ строй съ живыми, вселили въ нихъ свое неземное спокойствіе; однимъ словомъ этой минуты описать невозможно. И вдругъ изъ глубины повсемѣстнаго молчанія тихо поднялся гармоническій голосъ, раздалось повюду: Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ! *) Эта минутная гармонія, какъ тихій ангелъ, пролетѣла между небомъ и землею; она не нарушила молчанія, она не умолкла, она была чѣмъ-то таинственнымъ, чѣмъ-то все выражающимъ, вдругъ совершившимся вѣдомо и невѣдомо. Началось молебствіе; молитвы и пѣніе у подошвы памятника были слышны всему войску. Какая чудная противуположность съ тѣмъ громомъ битвы, отъ котораго здѣсь, за четверть вѣка, всѣ здѣшнія окрестности трепетали! Вдругъ по всей арміи раздался звучный голосъ Государя, вся армія услышала команду его: смирно! Съ глубокою повсемѣстною тишиною соединилось повсемѣстное ожиданіе, и въ это мгновенье первосвятитель возгласилъ: Великому Импе-

*) Пѣснію этой, сочиненною первоначально для масонскихъ ложъ, могли пробуждаться воспоминанія о покровителѣ и участникѣ этихъ ложъ, императорѣ Александрѣ Павловичѣ. П. Б.

ратору Александру Первому вѣчная память. Всѣ пушки грянули однимъ залпомъ, вся армія грянула единогласно: ура. Изъ за всѣхъ колоннъ, по всѣмъ мѣстамъ поднялись тучи дыма, и долго въ этомъ дыму не заглушаемый громомъ артиллеріи, но отъ него отличный, непрерывнымъ гуломъ звучалъ торжественный голосъ арміи, сливаясь съ выстрѣлами въ какую-то чудную, потрясающую сердце гармонію. И это ура, сперва всеобщее по всѣмъ высотамъ, умолкая на одномъ концѣ войска, начиналось на другомъ, опять сливаясь въ одинъ повсемѣстный крикъ, снова прерывалось и снова гремѣло и, наконецъ, только по данному Императоромъ знаку мало по малу умолкло. Одна только эта минута какъ будто повторила то, что̀ здѣсь было въ день Бородинскаго боя: въ залпѣ пушекъ и въ крикѣ арміи мы услышали послѣдній отголосокъ тогдашней битвы, но этотъ отголосокъ былъ: слава! Опять все умолкло, начался благодарственный молебенъ, армія пала на колѣна, запѣли Тебе Бога хвалимъ, первосвятитель окропилъ памятникъ святою водою, потомъ священники съ хоругвями и крестами пошли обратно мимо арміи, и скоро ихъ свѣтлый строй, и кресты, и хоругви изчезли въ отдаленіи. Колонны поколебались. Государь впереди ихъ проѣхалъ мимо памятника и, отдавъ ему честь, остановился передъ нимъ, и вся армія прошла мимо его, взвивая страшную тучу пыли. Наконецъ все опустѣло, все утихло, чудесное видѣніе миновалось; остался только Бородинскій памятникъ съ Багратіоновымъ гробомъ, озаряемые яснымъ небомъ, и кругомъ нихъ спокойные холмы, одѣтые жатвою.

Здѣсь, кажется мнѣ, у мѣста повторить то, что̀ было мною сказано при открытіи Александрова монумента. Событія однѣ и тѣже, и мысли ими пробужденныя однѣ и тѣже. «И крестъ вѣнчающій этотъ памятникъ битвы (на колоннѣ Александровой стоитъ крестоносный ангелъ) не то ли онъ знаменуетъ, что дни боеваго созданія для насъ миновались, что все для могущества сдѣлано, что завоевательный мечъ въ ножнахъ и не иначе выдетъ изъ нихъ какъ только для сохраненія; что наступило время созданія мирнаго; что Россія, все свое взявшая, извнѣ безопасная, врагу недоступная или погибельная, не страхъ, а стражъ породнившейся съ нею Европы, вступила нынѣ въ новый великій періодъ бытія своего, въ періодъ развитія внутренняго, твердой законности, безмятежнаго пріобрѣтенія всѣхъ сокровищъ общежитія; что, опираясь всѣмъ Западомъ на просвѣщенную Европу, всѣмъ Югомъ на богатую Азію, всѣмъ Сѣверомъ и Востокомъ на два океана, богатая и бодрымъ народомъ, и землею для тройнаго народонаселенія, и всѣми дарами природы для животворной промышленности, она, какъ удобренное поле, кипитъ брошенною въ нѣдра ея жизнію

и готова произрастить богатую жатву гражданскаго благоденствія, ввѣренная самодержавію, коимъ нѣкогда создана и упрочена ея сила и коего символъ нынѣ воздвигнутъ передъ Царемъ ея въ семъ крестоносномъ памятникѣ на полѣ битвы, а имя его: Божія правда» [1]).

Вечеръ этого дня провелъ я въ лагерѣ. Тамъ сказали мнѣ, что наканунѣ въ арміи многіе повторяли моего: «Пѣвца во станѣ Русскихъ воиновъ», пѣсню-современницу Бородинской битвы. Признаюсь, это меня тронуло до глубины сердца. Жить въ памяти людей по смерти не есть мечта: это высокая надежда здѣшней жизни. Но меня вспомнили заживо, новое поколѣніе повторило давнишнюю пѣсню мою на гробѣ минувшаго. Это еще болѣе разогрѣло мое устарѣвшее воображеніе, въ которомъ шевелился уже прежній огонекъ, пробужденный всѣмъ видѣннымъ мною въ этотъ день. А живой разговоръ съ к. Г. [2]) съ которымъ я встрѣтился въ лагерѣ и который своимъ поэтическимъ языкомъ доказывалъ мнѣ, что пѣвцу Русскихъ воиновъ должно помянуть времена прошлаго, далъ сильный толчекъ моимъ мыслямъ. Возвратясь изъ лагеря, я въ тотъ же вечеръ написалъ половину моей новой Бородинской пѣсни, на другой день на переѣздѣ изъ Бородина въ Москву кончилъ ее, она была немедленно напечатана, экземпляръ отосланъ въ лагерь, и эта пѣсня прочитана была въ арміи на праздникѣ Бородинскаго Помѣщика [3]).

И такъ привелъ Богъ по прошествіи четверти вѣка, на томъ же мѣстѣ, гдѣ въ молодости душа испытала высокое чувство, повторить тоже что́ было въ ней тогда, но уже не въ тѣхъ обстоятельствахъ. Чего ни случилось въ этотъ промежутокъ времени между кровавымъ сраженіемъ Бородинскимъ и мирнымъ, величественнымъ его праздникомъ!

Съ особеннымъ чувствомъ смотрю на нашего молодаго, цвѣтущаго Бородинскаго помѣщика. Судьба какою-то таинственною нитью меня къ нему привязала: я одинъ изъ первыхъ встрѣтилъ его въ этомъ свѣтѣ, и мнѣ же довелось въ Кремлѣ, у колыбели его, тамъ гдѣ была колыбель Петра, пророчить его будущее. Многое изъ этого поэтическаго пророчества уже совершилось. Тогда говорилъ я его счастливой матери:

Младенчества обвитый пеленами,
Еще безъ словъ, незрящими очами
Въ твоихъ очахъ любовь встрѣчаетъ онъ.
Какъ тишина его прекрасенъ сонъ,

---

[1]) И такъ оба поэта, и Жуковскій, и Хомяковъ (въ то время едва знакомые другъ съ другомъ), сказали, въ виду этого заявленія государственной мощи, свое подобавшее имъ мирное слово. Каждый по своему и конечно не сговорясь, выразили одно и тоже. Жуковскій имѣлъ счастіе не дожить до Крымской войны. П. Б.

[2]) Вѣроятно съ княземъ Николаемъ Борисовичемъ Голицынымъ. П. Б.

[3]) Т. е. Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, въ печатномъ формулярѣ котораго значилось, что у него имѣніе, столько-то душъ, при селѣ Бородинѣ. П. Б.

И жизни вѣсть къ нему не достигала...
Но ужъ судьба свой судъ о немъ сказала;
Уже въ ея святилищѣ стоитъ
Ему испить назначенная чаша.
Что скрыто въ ней, того надежда наша
Во тьмѣ земной для насъ не разрѣшитъ... *)
Но онъ рожденъ въ великомъ градѣ славы,
На высотѣ воскресшаго Кремля.
Здѣсь возмужалъ орелъ нашъ двоеглавый;
Кругомъ его и небо и земля,
Питавшія Россію съ колыбели,
Здѣсь жизнь отцовъ могучая была,
Здѣсь битвы ихъ за честь и Русь кипѣли,
И здѣсь ихъ прахъ могила приняла.
Обманетъ ли сіе знаменованье?
Прекрасное Россія упованье
Тебѣ въ твоемъ младенцѣ отдаетъ,
Тебѣ его младенческія лѣта.
Отъ ихъ пеленъ ко входу въ бури свѣта
Пускай тебѣ во слѣдъ онъ перейдетъ
Съ душой на все прекрасное готовой,
Наставленный достойнымъ счастья быть,
Великое съ величіемъ сносить,
Не трепетать встрѣчая рокъ суровый
И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой.
Лѣта пройдутъ, подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы....

Эта часть пророчества уже во многомъ исполнилась. Да благоволитъ Богъ, чтобы и послѣдняя часть его была также исполнена.

Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ,
Да славнаго участникъ славный будетъ
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ.
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать:
Вотъ правила царей великихъ внуку.

И это пророчесто сбудется. Порукою за событіе его тотъ, который теперь воспитываетъ примѣромъ своимъ Наслѣдника Россіи и царскаго надъ ней могущества. Стихи свои, въ коихъ заключаются эти пророчества, переписываю для Вашего Высочества почти на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ они были тогда написаны. Но уже не достанется

*) Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1881 г., вскорѣ послѣ страшной кончины императора Александра Николаевича, былъ помѣщенъ разсказъ о томъ, что Московская старушка-юродивая, весною 1818 года, когда ее подвели къ колыбели царственнаго младенца, произнесла: „Охъ, великій будетъ царь, много совершитъ, а умретъ въ красныхъ сапожкахъ“. П. Б.

мнѣ благодарить Бога за совершеніе всѣхъ надеждъ, въ нихъ изображенныхъ. Дай Богъ (если бы и долго еще довелось прожить на свѣтѣ) закрыть глаза съ утѣшительною мыслію, что мое отечество продолжаетъ благоденствовать подъ державою своего нынѣшняго славнаго Императора и съ надеждою, что еще долго онъ останется съ нами, не утративъ ни одного изъ сокровищъ сердца, услаждающихъ для него бремя власти.

Приношу Вашему Высочеству мою Бородинскую пѣсню. Я знаю, что вы прочтете ее съ тѣмъ чувствомъ, которое произвело ее въ душѣ поэта. Прошу Ваше Высочество поднести отъ меня одинъ изъ приложенныхъ экземпляровъ Государынѣ Императрицѣ. Другіе для Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государыни Великой Княгини Елены Павловны, для Великихъ Княженъ Ольги и Александры Николаевенъ и для Великаго Князя Константина Николаевича. Осмѣливаюсь просить Ваше Высочество благоволить раздать ихъ.

Списокъ съ этого письма я послалъ къ Плетневу для напечатанія вмѣстѣ съ моей Бородинской пѣсней; если Ваше Высочество позволите, это письмо можетъ служить весьма приличнымъ предисловіемъ моей пѣсни. А мнѣ весело похвастать передъ Россіей тѣмъ сношеніемъ, которое Ваше Высочество позволяете мнѣ имѣть съ Вами.

Вашего Императорскаго Высочества покорнѣйшій слуга Жуковскій.

Москва,
1839 г. 5 Сентября.

Марія Николаевна,

1 Мая 1840. С.-Петербургъ.

Любезный Василій Андреевичъ . . . . . Неужели что я мать что и я милостью Божіей познакомилась съ новымъ, святымъ чувствомъ, *любви матери*? Вотъ прожила я 20 лѣтъ на семъ свѣтѣ, 20 лѣтъ неимовѣрнаго счастія и незаслуженнаго! Но три послѣдніе года будутъ мнѣ всегда незабвенными, ибо каждый изъ нихъ означаетъ важную эпоху въ жизни или важный шагъ для женщины. Въ 38 г. нашла *милаго для сердца* и полюбила всѣмъ сердцемъ и всею душою; въ 39 г. вышла замужъ и видѣла, что настоящая жизнь женщины только начинается въ замужествѣ; наконецъ, въ 40 г. Богъ далъ мнѣ дочь, и я насладилась первымъ крикомъ новорожденнаго ребенка! Я обѣщала вамъ разсказывать, какъ и гдѣ я родила. Вы помните угловой кабинетъ; изъ него-то и сдѣлали почивальную; а прежняя почивальная теперь *дѣтская*. Я страдала *11 часовъ*; но мнѣ казалось какъ *три часа*: такъ все благополучно шло, благодаря папа и мужа, которые все время подлѣ меня на колѣняхъ стояли и утѣшали меня ангельскими словами и *взглядами*. Бѣдная мама лежала больная у себя и

поздно узнала, что я уже страдала; она до сихъ поръ не можетъ утѣшиться, что въ самую прекрасную минуту жизни ея дочери должна оставаться далеко отъ меня. Бажановъ читалъ обыкновенныя молитвы, и его благословеніе вѣрно было дано отъ глубины сердца.

Мою дочку крестили папа и Оли; мама носила ее къ Святому Причащенію. Говорятъ, что было такъ трогательно видѣть мама носящую внучку; вѣрно васъ бы эта минута овдохновила, и мы бы еще разъ восхитились вашими стихами.

Я думаю, что васъ прежде года не увижу; вы, полагаю, знаете, что въ Августѣ мѣсяцѣ отправляюсь въ Мюнхенъ и тамъ пробуду всю зиму. Хотя трудно разставаться со своими, все-таки радуюсь чрезвычайно познакомиться съ новою моей семьею и видѣть Мюнхенъ и Тегернзее.

Прощай, любезный котикъ; chec-hands [1]) твоей лапкѣ прелестной. Я надѣюсь, что лѣниться не станетъ и напишетъ хоть три строчки своему старому другу Мери.

Жуковскій.

Не могу выразить Вашему Высочеству, съ какимъ чувствомъ читалъ я ваше письмо, столь полное дружбы къ старому вашему другу и столь прекрасно написанное (по-русски). Въ этомъ миломъ письмѣ вы такъ вѣрно и просто выражаете теперешнее счастіе души вашей, что и мнѣ какъ будто при чтеніи описанія его удѣлился на часть небольшой лоскутокъ этого счастія, столь совершенно вами понимаемаго. Пошли ему Богъ святое Свое благословеніе и дай ему быть продолжительно-неизмѣннымъ! Какъ мнѣ весело будетъ увидѣть васъ передъ колыбелью вашего младенца! Желаю, чтобы за этою колыбелью ухаживали тѣже добрые духи, которые стерегли извѣстную вамъ и мнѣ колыбель, недавно описанную и въ стихахъ моихъ [2]).

И у насъ здѣсь до сихъ поръ все было счастливо. Милый женихъ радуется своею прелестною невѣстою, и его душа часъ отъ часу болѣе къ ней прилипаетъ. Эта привязанность становится необходимостью для него и для нея: ея теплые хорошенькіе глазки темнѣютъ и сіяютъ (какъ-то изъ внутри), когда она говоритъ объ немъ; а у него на лицѣ видно, что онъ сердечно счастливъ. Мы, не искавъ, нашли то что́ намъ надобно. Случай встрѣтилъ *ихъ*. Но что́ такое случай? Инкогнито Провидѣнія [3]). И здѣсь оно тайкомъ сдѣлало свое дѣло. Я уже довольно коротко познакомился съ своею ученицею: вотъ уже двѣ недѣли, какъ

---

[1]) Рукожатье. П. Б.

[2]) Передъ святой когда-то колыбелью...

[3]) Любимыя слова графа Д. Н. Блудова. П. Б.

ежедневно часъ проводимъ мы за Русскою грамотою. Разговаривая о существительныхъ и прилагательныхъ съ своею ученицею, я имѣю возможность подсмотрѣть и умъ ея, и сердце, и то, что̀ въ нихъ подсмотрѣлъ, радуетъ меня за ея жениха и за будущую ея семью, въ которую она готова принести безусловную довѣренность и сердце способное платить любовью за любовь. Что она встрѣтитъ отъ всѣхъ довѣренность и любовь, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Результатъ будетъ новый прибавокъ къ семейственному счастію, которое до сихъ поръ, благодаря Богу, не было помрачено никакимъ облакомъ. Но я сказалъ выше, что у насъ до сихъ поръ было все счастливо. Въ эту минуту на нашемъ и на общемъ горизонтѣ потемнѣло: болѣзнь короля *) есть общее бѣдствіе, а наше въ особенности. Кажется радъ бы былъ изъ собственной жизни удѣлить нѣсколько лѣтъ (если будутъ они), чтобы только продлить, и именно теперь продлить, эту жизнь, по нѣсколькимъ отношеніямъ драгоцѣнную. Императрица, ничего не вѣдая, ѣдетъ на радостное свиданіе, а самой ей нужно возстановить свои утраченныя силы. Что́ ее ожидаетъ? Великій князь покинулъ Дармштатъ и въ Веймарѣ, вѣроятно, узна́етъ свое дальнѣйшее назначеніе. Что̀ будетъ, извѣстно одному Богу. А все, что́ здѣсь слышимъ, отнимаетъ надежду: король слабѣетъ, и онъ какъ будто самъ уже постигнулъ, что земное для него кончилось; не видитъ ни жены, ни семейства.

Очевидно, что причиною этого не одна физическая болѣзнь, а свободная воля души, которая, готовясь отойти отъ земли, хочетъ, въ присутствіи одного Бога, вдали отъ всего житейскаго, оглянуться на прошедшее и по христіански разсчесться съ здѣшнею жизнію. Такіе люди, каковъ этотъ, покидаютъ жизнь не просто. Если душа ихъ не разслабѣла тѣлеснымъ страданіемъ (а здѣсь этого нѣтъ), то послѣдніе часы ихъ становятся для нихъ самыми длительными и высокими. Ничего не могу представить себѣ величественнѣе и прекраснѣе этой предсмертной бесѣды съ самимъ собою, какая теперь должна быть у него, проведшаго почти пятьдесятъ лѣтъ на тронѣ, никогда не измѣнившаго долгу и правдѣ, всегда чистаго сердцемъ, всегда справедливо-благостнаго, всегда покорнаго высшей волѣ. Исторія назоветъ его однимъ изъ лучшихъ государей всѣхъ временъ, указавъ на страданія и счастливыя событія, сквозь которыя онъ прошелъ; она скажетъ, что онъ съ достоинствомъ мученика вытерпѣлъ свои бѣдствія и не былъ ниже своего счастія. Она скажетъ, что, на высотѣ своей степени онъ былъ представителемъ чистой правды въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ всѣ понятія были смѣшаны и вѣра во все была разрушена. Но, описывая

---

*) Короля Прускаго, Фридриха Вильгельма III-го, отца нашей императрицы Александры Θеодоровны. П. Б.

факты, она не опишетъ этихъ послѣднихъ минутъ во всей ихъ истинѣ. Для изображенія его теперешней исповѣди передъ самимъ собою не найдешь историка; да его и быть не можетъ, ибо такого рода факты не принадлежатъ лѣтописцамъ, для нихъ есть архивъ другаго рода. Эти таинства только можно угадывать, но онѣ не могутъ быть раскрыты, какъ обыкновенныя событія, они относятся къ событіямъ другаго разряда; ихъ судитъ не потомство, они принадлежатъ не человѣческому роду, ограниченному тѣсными предѣлами земнаго, а душѣ человѣческой, которая и здѣсь, посреди безпрестанныхъ измѣненій, есть неизмѣнный гражданинъ безпредѣльнаго высшаго міра. Дай Богъ, дай Богъ, чтобы, когда Ваше Высочество будете читать это письмо, все перемѣнилось къ лучшему. Мысль о Императрицѣ тревожитъ меня несказанно. Да пройдетъ эта чаша мимо!

Скажу нѣсколько словъ о себѣ. Моя ученица въ одинъ день и часъ вмѣстѣ съ своимъ женихомъ отправились изъ Дармштата въ Мюнхенъ. Тамъ она пробудетъ до 4 (16) Іюля. Я на это время ѣду въ Дюссельдорфъ къ Рейтерну, чтобы тамъ на просторѣ пить Киссингенскую воду. Но покоя тамъ не будетъ: сердце сжато безпрестанною тревогою ожиданія.

И для васъ, посреди вашего новаго счастія, конечно, не будетъ спокойствія. Будемъ надѣяться на Бога: счастіе Россіи въ рукѣ Его. Онъ подкрѣпитъ несравненную нашу Императрицу, если уже назначилъ ей выпить эту горькую чашу.

Прошу Ваше Высочество сказать мое почтеніе Его Высочеству Герцогу и Государынѣ Великой Княгинѣ Александрѣ Николаевнѣ. Константина Николаевича прошу себя за меня поцѣловать въ зеркало, а младшихъ въ губы. А я съ сердечною благодарностью цѣлую ту милую руку, которая написала мнѣ это прелестное Русское письмо и прошу эту милую руку не покидать этой любезной для меня привычки.

Жуковскій.

Франкфуртъ на Майнѣ.
1840. Мая 17/29.

Жуковскій.

Приношу вашему императорскому высочеству мою сердечную благодарность за то, что вы такъ милостиво упрекаете меня въ молчаніи: этотъ упрекъ былъ переданъ мнѣ отъ вашего имени ея высочествомъ великою княжною Ольгою Николаевною, и я принялъ его, какъ драгоцѣнный подарокъ. Пользуюсь отъѣздомъ графа Вьельгорскаго, чтобы исполнить ваше милостивое приказаніе и сказать вамъ нѣсколько словъ о себѣ. Я еще не увѣдомлялъ васъ лично о томъ, что́ такъ неожиданно сбылось со мною на берегахъ Рейна, гдѣ я не

искалъ себѣ счастія. Теперь оно само, по волѣ Божіей, нашло меня, и именно такое, котораго сердце всегда желало въ тайнѣ, какое съ молоду ему всегда снилось. Жаль только, что я встрѣтился съ нимъ подъ старость. Но повѣрьте, что никогда бы не осмѣлился произвольно протянуть руку, чтобы его взять, чтобы даже его къ себѣ поманить, если бы оно само, добрымъ, отъ Бога посланнымъ ангеломъ не стало на моей дорогѣ и не подало мнѣ руки своей. Ваше высочество понимаете, что здѣсь я именемъ своего земнаго счастія называю то доброе милое созданіе, котораго сердце прильнуло къ моему и которое, вмѣшавшись въ мою жизнь, дало ей, наконецъ, ея настоящую цѣну.

Я увѣренъ, что вы не откажете мнѣ въ вашемъ участіи, которое осмѣлюсь назвать дружескимъ. Теперь начнется для меня новая жизнь, тихая, смиренная, семейная. Оглядываясь назадъ, благодарю Провидѣніе, что Оно именно этою дорогою привело меня къ этой цѣли, которую хранило въ тайнѣ до той минуты, въ которую она вдругъ глазамъ моимъ явилась. Я долженъ сойти съ той сцены, на которой до сихъ поръ дѣйствовалъ; но покидаю ее съ довольнымъ сердцемъ, въ мирѣ со всѣми доселѣ меня окружавшими и исполненный глубокой благодарности къ тѣмъ, коимъ въ особенности столько лѣтъ принадлежала жизнь моя. Облаготворенный Государемъ, полный привязанности къ Императрицѣ, которая всегда была и останется моимъ милымъ, поэтическимъ идеаломъ, съ дружбою и съ вѣрою въ дружбу ко мнѣ великаго князя, съ вѣрною любовію къ отечеству и моему государю, я перейду въ свое уединеніе, богатый драгоцѣнными воспоминаніями. И около меня не будетъ пусто; я безпрестанно буду окруженъ свѣтлыми образами, всегда знакомыми сердцу, всегда хранимыми его памятью, образами тѣхъ, коихъ оно такъ привыкло любить, которымъ охотно предалось бы по выбору произвольному и которымъ теперь обязано своимъ яснымъ миромъ и тою жизнію, въ которой еще пробудится для него поэзія. Однимъ изъ вѣрныхъ посѣтителей моего уединенія будетъ и благодарное воспоминаніе о той *одной*, которую я когда-то видѣлъ *младенцемъ въ колыбели*, которая расцвѣла *какъ чистая моя поэзія* и которой земное счастіе да будетъ такое же свѣтлое, такое же высокое, какъ свѣтла и высока душа ея.

Простите, Ваше Высочество. Сохраните мнѣ, гдѣ бъ я ни былъ, вашу милость, сокровище для меня неоцѣненное. В. Жуковскій.

14 Декабря 1840.
СПБургъ.

ПИСЬМА ВЕЛИКОЙ ГЕРЦОГИНИ ВЕЙМАРСКОЙ МАРІИ ПАВЛОВНЫ КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

1.

Веймаръ 1-го (13-го) Февраля 1848-го года.

Василій Андреевичъ! Получивъ письмо ваше съ приложеніемъ бронзоваго медальона *), я изъявляю вамъ мою благодарность за готовность, съ которой вы исполнили желаніе мое. Для меня, сохраняющей любовь къ отечественной литературѣ и цѣнящей въ полной мѣрѣ труды посвятившихъ себя оной съ такими успѣхами, вы заслуживаете мѣсто и тамъ, гдѣ, по словамъ вашимъ, *властвуютъ* образы Гёте и Шиллера, какъ по вашимъ трудамъ, такъ и по скромности.

Я понимаю расположеніе души вашей, обратившейся къ высшему. Кто изъ насъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ не покидаетъ привидѣнія молодости? Но вмѣстѣ съ истиннымъ удовлетвореніемъ встрѣчаю чувства сообразныя съ моими въ воспоминаніи прошлыхъ лѣтъ, въ памяти любезныхъ сердцу моему родныхъ.

Вы видите, что я, отдавая справедливость заслугамъ вашимъ и назначая вамъ надлежащее мѣсто подъ *кровлею* моею, поступаю не совсѣмъ безкорыстно; потому что черты ваши будутъ всегда напоминать мнѣ автора, котораго я читала съ удовольствіемъ и въ чувствахъ привязанности котораго ко всему дому моему я несомнѣнно увѣрена.

Примите изъявленіе особеннаго уваженія, съ каковымъ пребываю вамъ доброжелательная Марія.

2.

Веймаръ, 1-го (13) Іюня 1848-го года.

Василій Андреевичъ! Получивъ съ истиннымъ удовольствіемъ письмо ваше съ приложеніемъ двухъ томовъ послѣдняго изданія вашихъ сочиненій, принимаю оные съ благодарностью за вниманіе ваше. Конечно, вамъ судьба даровала большое преимущество передъ большею частію вашихъ современниковъ: они, будучи завлекаемы дневными происшествіями, въ положеніи затруднительномъ и въ скорбномъ расположеніи духа, не могутъ, какъ вы, предавшись по произ-

---

*) Горельефное изображеніе В. А. Жуковскаго. П. Б.

волу воображенію, удалиться въ ту счастливую страну, гдѣ господствуютъ одни изящные призраки онаго, и тишина, недостигаемая житейскими бурями. Но мы не менѣе того признательны поэту; потому что и мы, слѣдуя его вдохновенію, временно раздѣляемъ его наслажденія.

Вы справедливо замѣчаете, что и меня коснулась печаль въ приближенныхъ моему сердцу, и несомнѣнно прибѣжищемъ моимъ всегда будетъ одна вѣра и упованіе на Провидѣніе, ведущее насъ часто темными путями къ благой цѣли.

Принимая искреннее участіе въ болѣзни супруги вашей, желаю отъ всего сердца, чтобъ она нашла исцѣленіе отъ благотворительныхъ водъ Эмса и чтобы онѣ и вамъ принесли желаемую пользу. Мнѣ бы пріятно было увидѣть васъ съ супругой въ нашемъ городѣ на обратномъ пути вашемъ въ Россію, естьли возможно. Что же касается до моего къ вамъ расположенія, вы можете быть увѣрены, что я охотно повторяю изъявленія особеннаго уваженія, съ каковымъ пребываю вамъ доброжелательная Марія.

3.

Веймаръ, 2-го (14) Февраля 1849 года.

Василій Андреевичъ! Баронъ Мальтицъ *), вручивъ мнѣ на дняхъ послѣднее изданіе собранія вашихъ твореній отъ имени вашего, причинилъ мнѣ большое удовольствіе. Развернувъ четвертый томъ онаго, я прочла въ первой разъ мастерское преложеніе Биргеревой баллады, Ленора, и была поражена близостью смысла, мѣры и прозодіи. Чтеніе сихъ книгъ подастъ мнѣ навѣрно еще частое наслажденіе. Не почитаю нужнымъ изобразить вамъ, сколь пріятно мнѣ напоминаніе ваше; я вамъ совокупно съ чувствительнѣйшею признательностью за присылку вашу могу возобновить только увѣреніе того особеннаго уваженія, съ каковымъ пребываю вамъ доброжелательная Марія.

4.

Веймаръ, 8-го (20) Марта 1849 года.

Василій Андреевичъ! Письмо ваше отъ 10-го (20) Февраля я получила съ удовольствіемъ; оно доказываетъ, что вы любите воспоминаніе прошедшаго, и вы справедливы: и мнѣ оно служитъ частымъ прибѣжищемъ.

Сравненіе ваше лица моего съ любезнѣйшею матерью моею я готова принять съ признательностью по мѣрѣ предположенія, что въ ономъ скрывается только благочестивое но недостижимое желаніе сердца. Конечно смутное наше время — время испытанія; хотя я лишена

---

*) Нашъ министръ при Веймарскомъ дворѣ. П. Б.

дара читать таинственный почеркъ звѣздъ (это даръ вдохновеннаго пѣвца-гадателя), но благодарю васъ за присылку стиховъ, о сочинителѣ коихъ предоставляю я барону Мальтицу васъ увѣдомить. Радостно взираю на ваше предреченіе; да сбудется оно!

Съ искреннимъ участіемъ узнала я также, что злая холера воспрепятствовала вамъ въ намѣреніяхъ вашихъ; но, можетъ быть, терпѣніе ваше будетъ награждено тѣмъ, что любезная супруга ваша возстановитъ здоровье свое цѣлебнымъ Баденомъ, чего я сердечно ей желаю.

Примите изъявленіе особеннаго уваженія, съ каковымъ пребываю вамъ доброжелательная Марія.

Письмо королевы Нидерландской Анны Павловны къ В. А. Жуковскому.

Гага, 21-го Ноября (3-го Декабря) 1839-го года.

Василій Андреевичъ!

Съ искреннимъ удовольствіемъ получивши ваше письмо изъ рукъ моего Александра, почитаю пріятною обязанностію благодарить васъ за содержаніе онаго и за доставленіе стиховъ, вами сочиненныхъ въ поляхъ Бородинскихъ, за стихи, внушенные любовію къ отечественной славѣ. Они глубоко отзываются въ моей душѣ, коей чувствованія къ родинѣ неизмѣнны; благодарю Бога за счастіе быть Русской и помнить дни незабвенной и неизгладимой славы. Примите медаль, которую вамъ при семъ письмѣ посылаю: она вамъ напомнитъ часъ, проведенный въ хижинѣ Петра Великаго.

Возобновляю вамъ увѣреніе совершеннаго уваженія, съ коимъ пребываю вамъ доброжелательною Анна.

Письма королевы Виртембергской Ольги Николаевны къ В. А. Жуковскому.

1.

10 (22) Марта 1846, Неаполь.

Въ числѣ писемъ, которыя я получила послѣ моихъ помолвокъ, мнѣ не доставало вашего, любезнѣйшій Василій Андреевичъ, а теперь благодарю васъ за милое ваше письмо, которое наполнило мнѣ душу чувствомъ умиленія. Да благословитъ Господь сей шагъ въ моей жизни и внушитъ мнѣ силу выполнить высокую цѣль, указанную мнѣ Провидѣніемъ! Утѣшительно въ минуту разлуки думать, что незабвенная Бабушка родилась въ той землѣ, гдѣ мнѣ суждено жить и гдѣ Екатерина Павловна такъ много оставила воспоминаній. Тамъ любятъ Русское имя, и Виртембергъ соединенъ съ нами многими узами.

Мама благодаритъ васъ за ваше поздравленіе и, слава Богу, ея здоровье немного укрѣпилось, ежели не возстановилось совершенно. Мы со слезами удалились изъ Сициліи: она была для меня «обѣтованной землею», и вѣчно буду о ней думать съ благодарностію Богу за новое мое счастіе.

Прощайте, поклонитесь отъ меня вашей женѣ и поцѣлуйте маленькую дочку. Ольга.

2.

22 Мая (3 Іюня) 1848.

Любезнѣйшій Василій Андреевичъ. Ваше послѣднее письмо меня такъ тронуло, что я сейчасъ берусь за перо отвѣчать, и васъ благодарить за прекрасныя, утѣшительныя слова. Вашъ подарокъ для меня—настоящее сокровище; въ немъ заключается благословеніе на всю жизнь.

Первая глава Штира, гдѣ онъ изъясняетъ значеніе *первыхъ* словъ Спасителя на 12-мъ году возраста, когда Святая Дѣва находитъ Его во храмѣ съ мудрецами, меня поразила до глубины души! Часто, часто буду читать эту книгу и вспоминать о миломъ другѣ, такъ давно, такъ искренно преданномъ нашему семейству. Я *многимъ* вамъ обязана съ самаго дѣтства; теперь же получила отъ васъ путеводителя *до конца*. Благодарю васъ тоже за два тома вашихъ стихотвореній; сегодня возмусь за Одиссею.

И такъ вы 3 (15) Іюня отправляетесь прямо въ Россію; счастливые! Когда мнѣ придется ѣхать той же дорогой? Такъ и тянетъ туда! Часто повторяю съ вами: «Какъ не смотрѣть съ благоговѣніемъ на нашу могучую православную Россію и на ея славнаго Кормчаго!» Поклонитесь отъ меня вашей женѣ и милымъ дѣтямъ. Любите вашу Ольгу.

Имѣете ли вы книгу Вяземскаго о фонъ-Визинѣ? П. А. Плетневъ мнѣ ее прислалъ и весьма хвалитъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ А. О. СМИРНОВОЙ [1]).

Въ Зимнемъ дворцѣ все притихло безъ моей Стефани; Юлинька [2]) вышла замужъ за Зиновьева, Чихачова за Кавелина [3]). Лѣтомъ пріѣзжалъ изъ Персіи Хозревъ-Мирза и навезъ кучу шалей; при Хозревѣ была большая свита; онъ былъ маленькаго роста и красивый мущина. Находили сходство между нимъ и великой княжной Марьей Николаевной, и на костюмированномъ балѣ она была одѣта по-персидски; шапка изъ смушекъ очень къ ней пристала. Говорятъ, что бѣдному выкололи глаза; говорятъ, что и Фазиль-хану доставятъ тоже удовольствіе; но въ образованныхъ государствахъ не раздѣляютъ мнѣнія мудрыхъ Персіянъ, и Фазиль глядѣлъ въ оба, какъ бы задушить шаха и сѣсть на его мѣсто. Султанъ презираетъ шаха, а послѣдній султана, потому что они разнаго толка. Французскій министръ Габино написалъ очень интересную книгу о Персіи. Персіяне проводятъ цѣлые дни въ религіозныхъ и философскихъ преніяхъ и знакомы со всѣми философами и мудрецами Запада. Русскіе, вѣрные своему призванію вводить гадости, подарили имъ Вольтера. Но оставимъ этихъ свиней.

Зимой были по обыкновенію пошлые, большіе и маленькіе балы, лѣтомъ въ Петергофѣ и на Елагинѣ, а осенью въ Царскомъ. Императрица была беременна. Въ первыхъ числахъ Сентября мы поѣхали на 8-мивесельномъ катерѣ на Елагинъ; она хотѣла собрать послѣдніе цвѣты. Она была въ свѣтлозеленомъ платьѣ, въ бѣлой шляпѣ qui encadrait son gracieux visage un peu fatigué [4]). Я все время (думала): ну какъ она вздумаетъ рожать, чтó я буду дѣлать! Государь пріѣхалъ въ коляскѣ, и мы вернулись вечеромъ на томъ же катерѣ. Ничего не было;

---

[1]) См. выше, стр. 323.

[2]) Юлія Николаевна, сводная сестра поэта Батюшкова, супруга Николая Васильевича Зиновьева, который впослѣдствіи былъ воспитателемъ покойнаго Государя Александра III-го

[3]) Александра Александровича? Этотъ пріятель С. Т. Аксакова, состоялъ, по кончинѣ Мердера, воспитателемъ Государя Александра Николаевича.

[4]) Которая служила рамкою ея граціозному, нѣсколько утомленному лицу.

она мнѣ сказала: vous vous ennuyez; voilà mes albums и принесла большую книгу. Государь ей сказалъ громко: Quelle imprudence [1])!

9-го числа я еще жила въ Аничковѣ, меня разбудила дѣвушка со словами: скорѣе, скорѣе, я приготовила уже голубой хвостъ съ серебромъ. Императрица благополучно родила сына, и всѣ ѣдутъ въ Зимній на молебенъ и крестины. Отъ радости я вскочила, умылась наскоро, выпила чашку чаю. Пушки палили, колокола всѣхъ церквей звонили веселымъ гуломъ, 101 ударъ. Это сынъ, потому что въ Аничкинѣ не знали навѣрно. И родился Константинъ порфирородный, на радость и заботу своимъ родителямъ и Россіи; но объ этомъ послѣ въ свое время. Послѣ счастливыхъ родовъ все приняло праздничный видъ.

*

Удовольствія пріостановились, когда какъ громовымъ ударомъ разнеслась вѣсть о Іюльской революціи (1830). Въ этотъ день назначенъ былъ обѣдъ въ павильонѣ, гдѣ обѣдъ поднимается механикой, и никого изъ слугъ нѣтъ въ комнатѣ. Государыня, обладая силой воли, была по обычаю весела; Государь запоздалъ, но пришелъ блѣдный и разстроенный. Съ нимъ Александръ Николаевичъ Голицынъ въ сѣромъ сюртукѣ. Всѣ придворные были въ смущеніи, однѣ фрейлины ничего не знали. Я спросила Владимира Ѳедоровича Адлерберга, который мнѣ отвѣчалъ: «Vous êtes trop curieuse, ce sera demain dans la gasette de Pétersbourg» [2]). Подробностей не было никакихъ; извѣстно было, что король въ Рамбулье и охотился какъ ни въ чемъ не бывало. Эта катастрофа отозвалась въ Италіи и во всей Германіи; въ Лейпцигѣ горланили студенты и кричали: vive la république! Саксонскій король долженъ былъ скрываться въ крѣпости на горѣ. Это накинуло тучи на нашъ мирный горизонтъ. Отложили Петергофскій праздникъ и вообще балы.

Іюльская революція была прелюдія страшнаго 1848-го года. Гдѣ былъ тогда Бисмаркъ? Вѣроятно въ школѣ или университетѣ и задумывалъ *Germania Una.* Зимой пушки разсѣяли тучи революціи, оставивъ по себѣ много жертвъ; на одной улицѣ были кровопролитныя стычки, осаждали Notre-Dame, раскидали великолѣпную библіотеку этой церкви, убили достойнаго архіепископа monseigneur de Gentin у алтаря и безчинствовали страшнымъ образомъ.

Тогда явилась новая литература въ лицѣ Виктора Гюго; она была отпечаткомъ страшныхъ кровавыхъ сценъ и господствовала долго;

---

[1]) Вамъ скучно, вотъ мои альбомы.—Какъ неосторожно! (Относится къ тяжелому альбому).

[2]) Вы слишкомъ любопытны. Завтра объ этомъ будетъ въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ.

въ Россіи читали Les deux pendus, Notre-Dame de Paris и пр. дрянь; но наши авторы воздержались отъ подражанія. Бѣдный Карлъ X-й съ герцогомъ Ангулемскимъ и дѣтьми поселился подъ Прагой. Династію Бурбоновъ революціонная Франція погребла на эшафотѣ съ добродѣтельнымъ и честнымъ Людовикомъ Шестнадцатымъ. Такъ какъ мѣсто не бываетъ пусто, водворилась династія Бонапартовъ. Великій завоеватель, Александръ Македонскій новѣйшей исторіи, обладалъ всѣми залогами основателя династіи. Наполеонъ III-й въ другомъ родѣ былъ великій человѣкъ. Другъ и опора колеблющейся Римской церкви, онъ былъ добръ, мягокъ сердцемъ и щедръ до расточительности. Послѣ войны и Седанскаго погрома, его повезли въ Кассель, во дворецъ, гдѣ Прусская королева окружила его всѣми возможными удобствами. Страдальца посѣтила великодушная его жена и вывезла его въ скромный Чизельгорстъ, гдѣ онъ оканчивалъ свои мученическіе дни, думая только о миломъ сынѣ. Послѣ его кончины, мальчика отдали въ Вуличь, гдѣ онъ отлично учился и выбралъ достойныхъ товарищей. Императрицѣ Евгеніи въ наслѣдство было всего 250,000 фр. дохода; она принуждена была донашивать свои старыя платья и отослать часть свиты и прислуги.Описаніе похоронъ и пр. наполняли столбцы Times. Я была въ Англіи и помню впечатлѣніе, которое охватило всю Англію.

Принцъ Наполеонъ съ принцессою Клотильдой пріѣхалъ въ нашу гостиницу Claridges и тотчасъ отправились въ Чизельгорстъ. Они ѣхали на Брюссель и Остенде; море было не только бурно, но и опасно. Это была гадость не пропустить ихъ черезъ Францію.

Теперь молодой Бонапартъ окончилъ науки, живетъ съ матерью, которую обоготворяетъ. Его фотографическая карта представляетъ avec le cordon de la Légion d'honneur [1]). Взглядъ его холоденъ, лобъ открытый выражаетъ нѣчто повелительное и вмѣстѣ снисходительное. Нашъ Государь, королева Викторія посѣщали императрицу Евгенію съ уваженіемъ [2]). Принца нашъ Императоръ посадилъ по правую руку Валійскаго съ одобрительнымъ знакомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ будетъ царствовать и царствовать хорошо, усвоивъ себѣ Англійскій либерализмъ и примѣняя его къ характеру Французскаго перемѣнчиваго характера, не упускать минуту, «Augenblick des Glücks», какъ объяснилъ это Ауэрбахъ въ своемъ романѣ «Башмачокъ»; онъ сядетъ

---

[1]) Съ лентою Почетнаго Легіона.

[2]) Послѣ покушенія Березовскаго, въ 1867 году, императрица Евгенія въ простой извощичьей каретѣ пріѣхала въ Элизе-Бурбонъ, быстро пробѣжала прямо въ уборную, гдѣ переодѣвался Александръ Николаевичъ и кинулась ему па шею, поздравляя со спасеніемъ. (Слышано отъ одного изъ очевидцевъ).

въ крѣпкое стремя. Не стану описывать исторію Бонапартовъ и Евгеніи, она всѣмъ извѣстна. Говорятъ, что она дочь писателя Mérimé; это сущая ложь: она дочь герцога Те́ба, перваго Испанскаго гранда, а мать ея была Англичанка, легкаго поведенія, которую Mérimé хорошо зналъ, откуда ложные слухи. У Евгеніи есть гордость гранда и сильное религіозное чувство, доходящее до фанатизма, которое къ несчастію вызвало злополучную Мексиканскую войну. Она стоила дорого Франціи, злополучному Максимильяну, и его супругу Шарлоту лишило разума. Страдалица жива, покойна и ѣстъ, но послѣ того какъ ея статсъ-дама пробуетъ блюда; она рядится, раскладываетъ наряды на креслахъ, воображая, что говоритъ съ знакомыми дамами. Ей показали портретъ Максимильяна во весь ростъ, но она не обратила никакого вниманія; говорятъ, что въ этой болѣзни случается, что бредъ настоящаго замѣняется бредомъ болѣзни. Максимильяна всѣ оплакивали, менѣе всего императоръ Францъ и скверная его мать, эрцгерцогиня Софія. Многіе оплакивали его со слезами. Въ тоже время умеръ въ Бельгіи эрцгерцогъ Стефанъ, и эта скверная Софія не проронила слезинки надъ его тѣломъ. Наша Великая Княжна Ольга Николаевна встрѣтила Стефана. Онъ не былъ хорошъ, но уменъ, образованъ; она отказала Алберту, который пріѣзжалъ свататься на ней. Когда я ѣхала въ Вѣну, Императрица мнѣ сказала: «Priez Médem [1]) qu'il tâche d'arranger ce mariage. C'est le seul prince qui lui plaise. Quant à moi, je pense toujours à ce malheureux mariage de la grande-duchesse Alexandrine, à ce triste séjour en Hongrie». J'ai tout-de-suite fait ma commission à Médem, qui s'est fâché tout rouge, en me disant: c'est cette vielle sotte Catherine * qui a, appuyée sur la c-sse Fiquelmont, qui débite toutes ces histoires; Fiquelmont n'a aucun pouvoir. Ce mariage ne peut pas se faire pour mille raisons très valides: la question religieuse, le fanatisme de l'archiduchesse sa mère, le peu d'affection qu'il a pour le militaire, le plus doué de ses fils, et l'enthousiasme des Slaves pour une alliance avec la Russie [2]). Я все это написала m-me Fréderichs, и все кануло въ воду. Красивѣй-

---

[1]) Медемъ былъ нашимъ посломъ въ Вѣнѣ.

[2]) Попросите Медема, чтобы онъ постарался устроить эту свадьбу. Это единственный принцъ, которой ей понравился. Что́ до меня, я все думаю объ этомъ несчастномъ бракѣ великой княжны Александры (Павловны), объ этой печальной жизни въ Венгріи. Я тотчасъ выполнила данное мнѣ порученіе. Медемъ разсердился и, покраснѣвъ, сказалъ мнѣ: Это старая дура Катерина * придумываетъ всѣ эти исторіи. Она разсчитываетъ на графиню Фикельмонъ, но Фикельмоны ничего не значатъ. Эта свадьба невозможна по множеству важныхъ причинъ: вопросъ вѣроисповѣданія, фанатизмъ его матери эрцгерцогини, его несклонность къ военщинѣ; онъ даровитѣе всѣхъ ея сыновей, и Славяне были бы въ восторгѣ отъ союза съ Россіей.

шей изъ дочерей нашего Императора суждено было выйти за ученаго принца въ Виртембергію; la Belle et la Bête, говорили въ городѣ.

Зимой все было постарому; начали поговаривать о томъ, что мнѣ пора выходить замужъ; сама Императрица мнѣ говорила: Il vaut mieux se marier sans amour que de rester vielle fille; on s'ennuye et ennuye le monde [1]). Александра Петровна Дурново очень хорошо знала Смирнова во Флоренціи, очень его уважала и хвалила, совѣтуя выйти за него замужъ. Суженаго, ряженаго конемъ не объѣдешь. Я его встрѣчала всякій вечеръ у Е. А. Карамзиной, гдѣ его любили, а Софья Николаевна просто обожала его, и они не разставались. Въ Римѣ они жили съ моимъ троюроднымъ братомъ Евгеніемъ Штеричемъ. Одинъ графъ Комаровскій [2]) его ни въ грошъ не ставилъ. Вечеромъ играли въ jeux d'esprit и писали на клочкахъ бумаги отвѣты. Александрина Шевичъ, всегда скромная и молчаливая, лучше всѣхъ отвѣчала. На вопросъ пресловутаго Комаровскаго, съ кѣмъ пріятнѣе прогулка? она отвѣчала: C'est selon la bête avec la quelle on la fait [3]). Екатерина Андревна читала и шила рубашки дѣтямъ. Послѣ утренней прогулки съ нами, Володька и Лизанька бѣжали впереди; мы обыкновенно ходили въ Бригитенъ, а иногда къ барону Делингсгаузену [4]). Когда мы уходили, Сонюшка читала Андрюшѣ, которому было тринадцать лѣтъ, Michaud sur les Croisades. Thibaut занималъ Сашку и Николиньку. По возвращеніи пили чай, и Екатерина Андреевна принималась за чтеніе и работу; я тоже читала Андрюшѣ sur le vieux de la montagne [5]); но вскорѣ Екатерина Андреевна просила меня не ходить въ комнату больнаго; онъ сильно страдалъ глазами и носилъ зеленый зонтикъ... У Андрея проснулась чувственность, онъ былъ влюбленъ въ меня, и потому было воспрещено входить мнѣ въ его комнату. Андрей остался близорукъ навѣки; у него были нѣжные масляные глаза и пріятное лицо. Сонюшка его обожала, и несчастный, въ цвѣтѣ лѣтъ, погибъ на пушкѣ, которую онъ защищалъ подъ конецъ одинъ съ племянникомъ моимъ Петрушей Голицынымъ. Его камердинеръ нашелъ эти обезображенные трупы; осталась только мѣтка на его рубашкѣ;

---

[1]) Лучше выйти замужъ безъ любви, чѣмъ оставаться старой дѣвой: скучаешь и прискучиваешь всѣмъ.

[2]) Графъ Егоръ Евграфовичъ.

[3]) Смотря по животному, съ которымъ гуляешь.

[4]) Воспоминанія вдругъ переносятъ А. О. Смирнову въ Ревель, гдѣ Карамзина съ дѣтьми обыкновенно занимала нынѣшнюю дачу графа Орлова-Дадыдова, между Екатериненталемъ и Бригитовкой. П. Б.

[5]) О горномъ старикѣ.

камердинеръ все сложилъ въ гробъ, который привезли въ женскій монастырь въ Петербургъ. Вдова была неутѣшна и поселилась въ Финляндіи въ Трескендѣ, а Сонюшка съ ума сошла. Веселый и пріятный домъ облекся въ безмолвіе скорби и печали.

*

Я вышла замужъ и поѣхала въ Москву знакомиться съ родными мужа и съ его дядей Петромъ Петровичемъ Смирновымъ. Это былъ остатокъ Екатерининскихъ временъ.

Отецъ моего мужа Михаилъ Петровичъ былъ ремонтеромъ Конно-Гвардейскаго полка и получилъ отъ Екатерины синюю эмалевую табакерку, осыпанную бриллiянтами съ ея шифромъ. Дмитрій Петровичъ занимался механикой, закупалъ старые часы, замки и серебряные кубки, у него тоже была астролябія. Петръ Петровичъ, убоясь императора Павла Петровича, вышелъ въ отставку и поселился съ Михаиломъ Петровичемъ. Дмитрій Петровичъ нашелъ, что удобнѣе не стѣснять себя и прижилъ дѣтей съ женой доктора Кораблева; эти дѣти пользовались названіемъ законныхъ дѣтей, и Дмитрій Петровичъ оставилъ имъ по духовному завѣщанію 500 душъ, часы, кубки и астролябію (послѣ узнаютъ всю цѣнность этого инструмента). Михаилъ Петровичъ женился на Ѳедосьѣ Петровнѣ Бухвостовой, дѣвицѣ гораздо образованнѣе его; они путешествовали за границей, при нихъ былъ крѣпостной человѣкъ Карпъ, котораго они звали Карпушей, что́ возбуждало смѣхъ Русскихъ путешественниковъ; они покупали картины и драгоцѣнный Саксонскій фарфоръ. Послѣдній былъ разбитъ уже при насъ въ Спасскомъ [1]), но Вѣнскій теперь упакованъ въ Англіи и возбуждалъ восхищеніе Англійскихъ знатоковъ. Онъ свѣтло-зеленый, а на коричневомъ полѣ исторія Амура по рисункамъ Англійской принцессы, слѣдовательно вдвойнѣ былъ до́рогъ Англичанамъ. Мнѣ предлагали 1.000 ф., но я не рѣшилась продать. Въ невѣжественной Русландіи послѣ обѣдовъ подавали кофей въ такихъ чашкахъ, но никто не обращалъ на нихъ вниманія.

Петръ Петровичъ выставилъ на своемъ домѣ: домъ корнета Смирнова. Онъ былъ очень хорошій помѣщикъ; все хлопоталъ о своихъ Владимирскихъ мужикахъ, велъ ихъ процессы, защищалъ ихъ отъ притѣсненія становыхъ. Онъ ѣздилъ во всѣ мятели и снѣга въ Мышкинскій уѣздъ. Въ домѣ онъ былъ скупъ до крайности; домомъ

[1]) Прекрасное имѣніе на самомъ берегу Москвы-рѣки, въ Бронницкомъ уѣздѣ, съ великолѣпными рощами и всею обстановкою зажиточной барской старины. Оно было продано сыномъ А. О. Смирновой графу В. П. Орлову-Давыдову.

управляла его любовница и наперсница затѣй его законной супруги Татьяны Михайловны, рожденной Рахмановой. Первая жена его была дѣвица Охотникова, пріятной наружности. До замужества она любила г. Поливанова. Поливановъ тоже жилъ у Николы на Курьихъ Ножкахъ [1]). Княжна Циціянова была дружна съ сестрой Поливанова, которая жила у Троицы и возилась съ отцомъ Флавіяномъ, какъ Юлія Самойловна Головинская съ канонархомъ Арапомъ. (Разъ Арапъ сталъ на колѣни и клалъ двѣсти поклоновъ, во время акаѳиста Божьей Матери, потому что въ пріятной бесѣдѣ съ Юліей Самойловной забывалъ, что его ждетъ игуменъ; а пѣвчіе кто въ лѣсъ, кто по дрова). Петръ Петровичъ ревновалъ первую жену, отвезъ ее въ Картуново, которое, говорилъ онъ, я купилъ послѣ Француза по 25 р. асс. съ лѣсомъ (деревня не приносила никакого дохода, потому что обрабатывалась по-дурацки). Его жена переписывалась тайно съ Поливановымъ; онъ перехватилъ письмо и, отдавая распечатанное посланіе ея любимца, сказалъ ей: вотъ вамъ, сударыня, письмо вашего любовника. И въ самомъ дѣлѣ она зачахла и тихо разсталась съ жизнью, радуясь, что въ лучшемъ мірѣ она встрѣтитъ своего друга. Черезъ годъ Петръ Петровичъ утѣшился въ объятіяхъ своей жирной Татьяны Рахмановой. Очень хорошая фамилія, говорилъ онъ. Орѳографія Петра Петровича была своеобразная, какъ его разговоръ. Онъ говорилъ, что у него покъ političъ. Домъ его на Молчановкѣ былъ набитъ собаками и щенками. Вонь была невыносимая, онъ спалъ съ двумя-тремя собаками; онѣ уступали мѣсто только Натальѣ, когда она ждала своего старика. У нихъ была дочка Сонька, которая всегда стояла у притолки и шпіонила. Петръ Петровичъ требовалъ, чтобъ я у него останавливалась, въ избѣжаніе издержекъ въ трактирѣ. Онъ въ торжественные дни давалъ обѣды; столъ накрывался покоемъ, собиралась вся Воейковщина, и разсаживали всѣхъ по рангу. Я занимала первое мѣсто; обѣдъ былъ наилюдный; онъ разсаживалъ и потчивалъ свою роденьку. Кити Голицына была недурненькая дѣвочка, но такая дѣланая, что тошно было смотрѣть на нее; она жевала медленно, du bout des lèvres, какъ ея гувернантка m-me Dani, которая говорила: n'imitez pas votre oncle [2]) Жидановъ. Ждановъ былъ пузатенькій господинъ въ широкихъ шароварахъ; ножки у него были bancal [3]), и шаровары скрывали этотъ недостатокъ отъ его жены Варвары Петровны. Она была глупѣе всѣхъ

---

[1]) Т. е. въ Москвѣ, по сосѣдству съ обширной усадьбой Смирновыхъ на Большой Молчановкѣ (нынѣ дома Крестовниковой и княгини А. Н. Оболенской).

[2]) Оконечностями губъ.—Не подражайте вашему дядѣ.

[3]) Раскосые.

Воейковыхъ, исхудалая пиголица, болтала и любезничала съ подругами. Есть въ губернскихъ городахъ мода ходить подъ ручку вдвоемъ и троемъ и иногда въ восемь; онѣ заигрываютъ съ мущинами и будто ненарочно задѣваютъ ихъ. Особенно разыгрываются онѣ въ деревнѣ. Послѣ катанья подъ Новинскимъ въ ландо, на шестерикѣ, Смирновъ уѣзжалъ въ Картуново. Экипажей у Петра Петровича было много разнокалиберныхъ. Разъ меня повезли въ голубой двумѣстной каретѣ; лошади путались, экипажъ колыхался и дребезжалъ. Утромъ въ Воскресенье дядя уходилъ на рынокъ подъ Новинское или къ Сухаревой башнѣ, гдѣ покупалъ всякую дрянь и рухлядь, подковы, замки и петли, все это за гривну, и складывалъ все самъ въ сараѣ. Сарай этотъ представлялъ картину хаоса. Въ Картуновѣ отстроилась церковь, къ которой вела хорошенькая березовая аллея. День былъ торжественный, солнечный и теплый; мы пріѣхали наканунѣ съ братомъ Аркадіемъ; присутствіе гвардейскаго полковника въ полной формѣ съ регаліями было пріятно самолюбію Петра Петровича. Николай говорилъ: А ты надѣнь свой малый мундиръ и кресты. Аркадій подавалъ руку княжнѣ Голицыной, мой мужъ сосѣдкѣ, княжнѣ Мещерской; она была купчиха съ пенязями, а мужъ a mis un peu de fumier sur sa modique terre *). Я шла съ сосѣдомъ Петромъ Ивановичемъ Кумашковымъ, братомъ Сергѣя Ивановича. Озеровъ шелъ съ Березниковой, Александра Петровна Воейкова съ Павломъ Алексѣевичемъ Березниковымъ (она заговаривалась и болтала безъ умолку всякій вздоръ). Березниковъ былъ въ мундирѣ драгунскаго полка. Онъ далъ обѣдъ; у него были чистота и порядокъ совершенно казенные и казарменные. Столъ былъ накрытъ безпорочно новой скатертью; хлѣбъ былъ прекрасный, хлѣбъ пекли дома; рядомъ съ столовой была оранжерея, въ которой росли гіацинты и резеда, такъ что запахъ этихъ скромныхъ цвѣтовъ доходилъ до трапезующихъ. На дворѣ была булочная, куричная избы, портные и сапожники помѣщались въ одномъ мѣстѣ. Въ избѣжаніе сырости, стѣны до половины обивались досками; это дѣлалось не изъ видовъ человѣколюбія, но ради экономіи. Березникова, тотчасъ послѣ освященія церкви, родила и въ розовомъ платьѣ, покрытомъ тюлевой вышивкой домашняго издѣлія, лежала уже на кушеткѣ; возлѣ нея столикъ навощеный, такъ что можно было полагать, что онъ прямо изъ домашней столярной. Все было тихо и мертво вокругъ нея, дѣти были въ дѣтской. Бѣдная Березникова вышла замужъ за Павла Алексѣевича, потому что въ Елмановѣ было 500 душъ незаложенныхъ, и была надежда получить частичку Картунова. У нея

*) Положилъ немного навозу на ея скудную землю.

самой было 1000 душъ; она была кроткая и пріятная женщина, шла за него по приказанію отца и матери, и не знала любви, не знала что̀ ждетъ ее отъ жестокаго и тираническаго мужа; даже не смѣла посвятить себя всецѣло дѣтямъ. Онъ любилъ только дѣвочекъ и былъ равнодушенъ къ мальчикамъ, которые привязались къ бѣдной матери. Какія драмы въ каждомъ семействѣ! Люди были всѣ запуганы, надѣвали шерстяныя туфли, когда сновали между домомъ и флигелями; дворъ былъ убитъ щебнемъ. Однимъ словомъ, цивилизація и дичь сливались въ Елмановѣ. Въ домѣ не было ни одной книги; ей давали читать самые невинные романы въ родѣ Les vielles des châteaux и Les petits émigrés. Бѣдняжка ихъ читала и перечитывала, ея умъ просилъ другой пищи; она любила со мной разговаривать, заглядывать въ чужую жизнь. Березниковъ былъ ужасно ревнивъ, боялся даже невыносимаго Трубникова, этого Созія Петра Петровича, который сосалъ трубку цѣлый день и носилъ кисетъ съ вонючимъ табакомъ на пуговицѣ, точно какъ казакъ. Она была очень дружна съ Софьей Михайловной, сестрой моего мужа, и съ m-lle Casier, которая, вздыхая, говорила: Pauvre enfant, comme on l'a sacrifié [1]).

Послѣ празднества всѣ стали разъѣзжаться. Аркадій не вынесъ пытки и удралъ въ Спасское. Я изъ послѣднихъ тронулась въ закрытой коляскѣ съ Леонтьевыми [2]), а Николай Михайловичъ настоялъ, чтобы я ѣхала съ Васильемъ Алексѣевымъ, его бывшимъ камердинеромъ и курьеромъ за границей. Тотчасъ по выѣздѣ изъ Картунова Василій началъ проситься въ коляску и затѣялъ драку съ кучеромъ, то погонялъ, то останавливалъ лошадей, вырвавъ кнутъ у кучера. Наконецъ добрались до станціи, гдѣ положили Василія въ телѣгу, поручили его кучеру и поѣхали далѣе; онъ бился и кричалъ нѣсколько времени, потомъ все затихло; по дорогѣ онъ еще зашелъ въ кабакъ съ кучеромъ; натюрившись вдоволь, оба легли въ телѣгу, а лошади проголодались и сами плелись до станціи. На слѣдующей станціи не нашли лошадей, предлагали цѣлковый диктатору станціи, но все было тщетно; спросили самоваръ и расположились пить чай. Толстая стряпуха принесла огромный самоваръ; мы вынули крендели, булки и сливки и разсуждали, что пора уже поздняя, что мы пріѣдемъ на Дорогомиловскій мостъ къ заутрени, а мостъ этотъ трясся (его не чинили послѣ Француза). Александра Ива-

---

[1]) Бѣдное дитя, какъ ею пожертвовали!

[2]) Дѣвицы Леонтьевы, подруги А. О. Смирновой по Екатерининскому Институту. Ихъ мать была Нѣмка Мундтъ, любимица императрицы Маріи Ѳеодоровны Первой.

новна Леонтьева тутъ нашлась и сказала, что я придворная штатсъ-дама, всякій день обѣдаю съ царемъ и буду на него жаловаться, и онъ пойдетъ въ кандалахъ въ Сибирь. Эта ложь подѣйствовала какъ молнія; намъ впрягли шесть лихихъ коней, и мы покатили по гладкому шоссе, убитому самимъ Господомъ Богомъ; на спускѣ къ мосту форейторъ упалъ, но все обошлось благополучно, и мы подкатили къ гостинницѣ Шора на Тверской. Это была гостинница-модель Мы нашли Аркадія и княжну Циціянову, которые смѣялись до слезъ, когда Аркадій имъ разсказывалъ продѣлки Жданова съ дѣвицей Раховской и Трубниковымъ съ кисетомъ, который онѣ прятали подъ юбки. Дѣти, Ольга и Соня, проводили это время съ княжной; онѣ катались, и разъ Ольга упиралась на дверцу, которая отворилась, и дитя чуть не вылетѣло. Княжна такъ и обмерла.

Мы поѣхали въ четвероместной каретѣ къ Троицѣ. Каролинѣ препоручили провизію и вино. Только отъѣхали нѣсколько верстъ, она уже предлагала брату: «Аркартій Осиповичъ, неугодно ли котлету или яйцо въ крутушку?». Въ Мытищахъ мы пили чай, эта вода славится какъ лучшая для чая. Мы остановились въ гостинницѣ, гдѣ меня изъѣли клопы, и всю ночь провели въ борьбѣ съ этимъ сквернымъ вонючимъ существомъ. Утромъ пошли къ обѣднѣ. Антоній самъ служилъ и позировалъ страшно; по выходѣ всѣ подходили за благословеніемъ. Когда я подошла въ розовой шляпкѣ, онъ принялъ видъ благоговѣнія, а мужикамъ давалъ руку почти съ презрѣніемъ. Э, да ты штукарь, подумала я, и вскорѣ убѣдилась, что онъ точно былъ штукарь и обманщикъ. Антоній былъ побочный сынъ царевича Грузинскаго и родился въ его домѣ въ Нижнемъ, красивой наружности и очень самолюбивый; отецъ сдѣлалъ изъ него аптекаря и лекаря. Единственная дочь царевича Анна Егоровна влюбилась въ красиваго юношу. Царевичъ уговаривалъ сына посвятить себя Богу и церкви и отослалъ его къ игуменьѣ въ Саровскую пустынь. Эта женщина имѣла хорошее вліяніе на него и послала его въ какой-то монастырь, гдѣ его постригли. Онъ любилъ рисоваться въ разсказѣ о своихъ искушеніяхъ. Первая явилась ему въ рыжей шубѣ, покрытой камлотомъ, вторая въ пѣніи соловья въ часы полуночи, когда онъ читалъ молитвы. Все это побѣдилъ онъ силою креста и волею, бросаясь на колѣни и орошая полъ слезами. Княжна не хотѣла выходить замужъ, что̀ очень огорчало старика-отца, и просилась въ монастырь. Онъ ее отпустилъ, и она отправилась въ Костромскую губернію, въ одну изъ обителей. Игуменья была умная, образованная женщина съ большой опытностью, казначея была Ханыкова; онѣ замѣтили, что душа Анны Егоровны была взволнована, и притомъ она

не хотѣла подчиняться монастырскимъ правиламъ; письменно онѣ извѣстили царевича, что не знаютъ что съ ней дѣлать и считаютъ ее не созданной къ монастырской жизни. Царевичъ послалъ Антонія вывезти ее оттуда. Передъ отъѣздомъ она изъявила желаніе взять совѣтъ отъ Серафима. Поѣхали вечеромъ, и съ ними какая-то дама; семь верстъ тащились по песчаной дорогѣ, княжна все время спала. Домикъ пустынника состоялъ изъ конурки и большой комнаты, гдѣ валялась всякая дрянь, бочки, кадки и пр. Долго стучали; наконецъ онъ спросилъ: «кто тамъ?»—Я, Антоній, вашъ знакомый. Онъ выглянулъ и спросилъ: кто эти дамы? Первая пошла ея пріятельница, а наша княжна крѣпко уснула на бочкѣ (и отецъ и она страдали спячкой). Когда она вышла, Серафимъ сказалъ: тѣмъ лучше, значитъ я ей не нуженъ. Проснувшись она стучала, но отвѣта не было; они вернулись въ монастырь и оттуда отправились въ Нижній. 35 лѣтъ княжна вышла замужъ за графа Александра Петровича Толстаго, святаго человѣка. Онъ подчинился своей чудачкѣ и жилъ съ нею какъ братъ. Вся ея забота состояла въ томъ, чтобъ графу устроить комнаты, вентиляцію и обѣдъ по его вкусу. Она видѣла только тѣхъ людей, которыхъ ея мужъ любилъ; брезгливая, она сама стояла въ буфетѣ, когда люди мыли стекло и фарфоръ; полотенцамъ не было конца, перемѣняли ихъ нѣсколько разъ. «Вы были въ Англіи и знаете, какъ тамъ содержится буфетъ; вотъ посмотрите, какая вода въ бутыли; она накрыта новой чистой дощечкой.» Въ корридорѣ жили семинаристы; у каждаго былъ свой номеръ; они были совершенно свободны послѣ обѣдни, гдѣ они составляли препорядочный хоръ и пѣли простымъ напѣвомъ. Графъ вывезъ дьячка изъ Іерусалима; это былъ такой чтецъ, что могъ только сравниться съ дьячкомъ императора Павла Петровича: слова выкатывались какъ жемчугъ. Послѣ обѣдни пили чай въ длинной гостиной; его разливала Софья Петровна Апраксина, которую графъ звалъ Фафой, а она его Зашу̀. Графиня засыпала; подавался чай, кофей, шоколадъ, крендели и сухари всякаго рода изъ Нѣмецкой булочной на Кузнецкомъ мосту. Въ гостиной стояли рояль и развернутыя ноты, музыка вся духовнаго содержанія. Графиня была большая музыкантша; по лѣвую руку этой гостиной была ея спальня, кровать посреди комнаты, съ чисто подобранными одѣялами и простынями, чтобы не касаться ничего пыльнаго. За этимъ была комната одной изъ наперсницъ ея причудъ, и стоялъ нѣкоторый мебель, который игралъ большую роль въ домѣ: его мыли въ трехъ водахъ и выставляли на чистый воздухъ..... Графа называли Ерёмой, потому что онъ огорчался безнравственностью и пьянствомъ народа и развратомъ модной молодежи; онъ нарочно ѣздилъ къ Оверу, который ему сказалъ, что Діогенъ, встрѣтивъ идіота, сказалъ ему: несчаст-

ное дитя, отецъ твой былъ пьянъ, когда мать зачала тебя. Графъ тогда возился съ монахами Греческаго подворья, бѣгло читалъ и говорилъ по гречески; акаѳисты и каноны приводили его въ восторгъ; они писаны стихами, и эта поэзія ни съ чѣмъ не можетъ сравниться. Въ псалмахъ были темныя мѣста въ Славянскомъ, какъ и въ Греческомъ переводѣ; они и теперь неисправимы. Только одинъ Англійскій переводъ ясенъ; но я полагаю, что Тиндаль или былъ хорошо знакомъ съ Еврейскимъ языкомъ, или вложилъ въ уста царя Давида свою собственную мысль.

Графиня принимала по вечерамъ съ семи часовъ. Сафира Голицына имъ читала вслухъ какую нибудь духовную книжку, а черезъ день приходилъ Греческій монахъ и читалъ также. Графиня засыпала. «Какъ я люблю Греческій звукъ, потому что графъ это любитъ; и васъ я люблю, потому что онъ васъ любитъ. Мы благодарны Гоголю за ваше знакомство». Всѣ эти Толстые оригиналы. За границей они меня смѣшили. Разъ въ Люцернѣ погода стояла премерзѣйшая, Mont Pilate утонулъ въ густомъ сѣромъ туманѣ, дождь лилъ ливмя. Порталисъ приходитъ и говоритъ мнѣ: Александра Осиповна, знаете ли кто здѣсь?—Нѣтъ.—Графъ Толстой съ Иваномъ; они обѣдаютъ въ table d'hôte. Толстой прибѣжалъ на минуту и сказалъ, что спѣшитъ показать Ивану ce lion de Lucerne. Иванъ остался недоволенъ: «Дураки, не хотятъ признаться, что Богъ ихъ спасъ, а не ихъ львиная храбрость». Меня, говорилъ Толстой, жена послала сюда, потому что я не былъ на Пилатѣ, гдѣ Суворовъ отличился. А чтȯ вы скажете о новомъ догмѣ?—Нахальство, отвѣчала я Въ Москвѣ Славянофилы разсуждали о бракѣ и чистотѣ, которой требовалъ этотъ юнецъ. «Да, надобно быть дѣвственникомъ, чтобы удостоиться быть хорошимъ супругомъ; гдѣ тутъ дѣвственникъ, нѣтъ ни одного!»—Я, отвѣчалъ Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ. Ну позвольте же мнѣ стать передъ вами на колѣни, и точно сталъ на колѣни, низко поклонился, перекрестился, а потомъ сказалъ: А теперь позвольте васъ поцѣловать. Братъ Левъ Арнольди разсказывалъ всѣ его проказы, которыя онъ дѣлалъ, бывши губернаторомъ *). Разъ онъ пріѣхалъ въ уѣздный городъ, пошелъ въ уѣздный судъ, вошелъ туда, помолился предъ образомъ и сказалъ испуганнымъ чиновникамъ, что у нихъ страшный безпорядокъ: образъ весь загаженъ мухами. «Подайте мнѣ, я вамъ покажу, какъ чистятъ ризу». Онъ вычистилъ его, перекрестился и поставилъ его въ углу. «Я вамъ пе-

*) Въ Калугѣ.

ремѣню кіоту, за стекломъ мухи не заберутся, и вы молитесь; все у васъ будетъ въ порядкѣ». Онъ ничего не смотрѣлъ, къ великой радости оторопѣлыхъ чиновниковъ; съ чѣмъ пріѣхалъ, съ тѣмъ и уѣхалъ и, возвратившись разсказалъ женѣ, что̀ все тамъ въ порядкѣ. Я думаю, что такіе губернаторы лучше тѣхъ, которые все принимаютъ en sérieux и всякое лыко въ строку. Подольскій губернаторъ Гессе, устарѣлый въ чиновной жизни, очень удивлялся, когда молодые губернаторы жаловались, что они завалены дѣлами. Когда ему приносили чепуху Губернскаго Правленія, онъ писалъ на сторонѣ: «Отвѣчать по матеріи». Другой губернаторъ, Вр—о въ Саратовѣ, водилъ Государя Александра цѣлый день. Этотъ былъ типъ Манилова, исполненъ благоволенія. Представивъ чиновниковъ Государю, каждому выпѣвалъ или тропарь, или кондакъ. Вотъ это вамъ предсѣдатель такой или такой палаты, и это вамъ нашъ совѣстный судья, олицетворенная правда. Потомъ онъ водилъ безмилосердно Государя по гуляньямъ и въ бесѣдку. «А тутъ, говорилъ онъ, собирается наша молодежъ играть въ невинныя игры, а оркестръ играетъ веселенькую музыку». Тутъ Александръ Павловичъ не утерпѣлъ и послалъ губернатора покоиться на лаврахъ благоволенія.

Александру Павловичу напрасно сдѣлали репутацію либерала. Это все бездѣльница Сталь, султанша мысли, какъ ее прозвалъ Гейне. Она ему приписала извѣстныя слова: «Je ne suis qu'un accident heureux» [1]). Когда Омельяненко былъ губернаторомъ въ Калугѣ (онъ находился въ штабѣ у Барклая и накопилъ богатое состояніе), Императора задержали на спускѣ пригорка. 8000 мужиковъ работали ночь и день, клали хворостъ и засыпали пескомъ и щебнемъ, но неумолимый дождь смывалъ весь трудъ къ утру. Пріѣхавъ въ назначенную квартиру, онъ жаловался на остановку. Омельяненко отвѣчалъ: 8000 чел. работали день и ночь. «Милостивый государь, 50,000, когда ожидаютъ Государя!» На манёврахъ князь Лопухинъ переврадъ его приказанія и возвратившись разсказалъ что́ сдѣлалъ. «И я туракъ, что васъ послалъ», былъ граціозный отвѣтъ. Вотъ тебѣ и либералъ и gentelman съ утонченнымъ обращеніемъ!

Никто не знаетъ, какую тревогу поднимаетъ пріѣздъ царя. Губернаторъ рыщетъ по городу съ полицеймейстеромъ верхомъ, и все въ галопъ, дома̀ бѣлятъ, заборы облекаютъ въ сѣрую краску, гарнизонная команда одѣвается въ новые мундиры, артиллерія по Московской

---

[1]) Я лишь счастливая случайность.

улицѣ [1]), выстроенной изъ драни, и досокъ, губернаторъ и полицеймейстеръ распушили всѣхъ. Остановили ѣзду извощиковъ, подобрали драгоцѣнное орудіе смерти и пожара и успокоились. Крыши красили зеленой и красной краской, звонили въ колокола, дѣлали репетицію, архіерей написалъ краткое, но выразительное слово привѣтствія жданному и желанному царю, и потомъ уже только молились и говорили: пронеси, Господи, грозу! Даже у Александра Ивановича Яковлева и у Николая Алексѣевича Писарева переколотили мебель, разставили ее чинно по стѣнкѣ, дѣтей принарядили, и все приняло необычный строй. Я увѣряла мужа, что Государь не пріѣдетъ, что это сказалъ самъ великій grand pontife [2]) Шидловскому. Этого господина 8-мь лошадей ждали недѣлю. Шутка 8-мь лошадей, тогда какъ по положенію назначается всего двѣ тройки! И этотъ ругался и бранилъ всѣхъ. Губернаторъ выѣхалъ къ нему на станцію, гдѣ онъ прохлаждался, по дорогѣ въ свое имѣніе Почепъ. Я спрашивала полковника Сухотина, извѣстнаго умника, какъ Александръ Павловичъ былъ въ Калугѣ. Тогда, сказалъ онъ, губернаторомъ былъ Бибиковъ, женатый на Муравьевой, сестрѣ повѣшеннаго. Онъ продралъ такимъ чертомъ, что никто не опомнился. Архіерей чуть не выронилъ крестъ на паперти, когда тотъ вскрикнулъ, мчася во весь духъ. Онъ однако изъ предосторожности поѣхалъ въ Москву. Бибиковъ былъ лучшій губернаторъ, очень уменъ и свѣдущъ. Тотчасъ послѣ его отъѣзда, его перевели въ другую губернію и назначили приторнаго ***. Онъ и жена его крали въ четыре руки; она завела пріюты, сиротскій домъ, прослыла матерью вдовъ и сирыхъ, и удостоилась получить благодарственный рескриптъ Императора; а Иларевъ, секретарь добродѣтели, получилъ Анну въ петличку. Эта заманчивая штучка его не покидала въ постели, какъ говорили les méchantes langues [3]). Послѣ счастливаго обхода Государемъ Калуги дождь смылъ сѣрую краску; теперь крыши крыты какой-то странной, за то дешевой краской и стали похожи на вытертую енотовую шубу. Чиновники успокоились, надѣли старые сапоги съ заплатой, а кто съ дырами, начались пикники и théatres de société. Великій Семенъ Яковлевичъ Унковскій, которому правительство поручило воспитаніе благороднаго Калужскаго дворянства, сдѣлалъ сослуживца Яновскаго попечителемъ губернской гимназіи. Унковскій приносилъ моимъ дѣтямъ краткую ге-

---

[1]) Говорится про Калугу, гдѣ въ теченіи шести лѣтъ мужъ А. О. Смирновой былъ губернаторомъ.

[2]) Первосвященникъ (игра словомъ ponttife-строитель мостовъ). Говорится про графа Клейнмихеля.

[3]) Злые языки.

ографію, изъ которой они узнали, что Богъ тоже сотворилъ чернокожихъ людей, хотя они не трубочисты. Иванъ Давыдовичъ Деляновъ называлъ Семена Яковлевича Калужскимъ Песталоцци. У него былъ странный дормезъ, висѣвшій очень высоко, качался какъ люлька, и окна были съ переплетомъ какъ въ домахъ. Подобныя окна я помню только у старухи Гангебловой подъ Балтой. Карета была красная, а у моей тетушки была синяя; она такъ и слыла синей тетушкой (въ этой странной каретѣ она помѣщалась съ своей дѣвкой, бубликами и корзинками въ карманахъ дормеза). Карета Унковскаго уцѣлѣла послѣ нашествія пугала сивилизаціи. Имѣнье Унковскаго было на берегу Угры, которую называютъ поясомъ Богородицы, потому что ни Татары, ни Литва никогда не переплывали черезъ эту рѣку, которой видъ вселяетъ какой-то грустный страхъ Домикъ Унковскаго имѣетъ характеръ камеръ-каюты; мебели казались будто прибитыми; фамильные портреты висѣли по стѣнамъ; многіе изъ рода Тургеневыхъ. У него были двѣ дочери...

Ивану Сергѣевичу [1]) какъ-то попался журналъ губернской дѣвицы. На рыбака рыба. Между прочимъ она писала: «Вчера на балу губернатора былъ особенно милъ чиновникъ аукціоннаго стола ко мнѣ; а Левъ Ивановичъ былъ просто душка, и всѣ такъ они, доска до доски». Ахъ, губернская барышня! Какъ вы могли пріѣзжать на балъ съ стоптанными башмаками, которые привязывали грязной ленточкой то и дѣло, чтобъ идти въ уборную губернаторши, гдѣ берете ея гребни, помаду, духи, одеколонъ; даже просите ея старыхъ башмаковъ, и все это чтобы потанцовать съ пробиръ-мейстеромъ Бранденбургомъ или съ Петромъ Петровичемъ Лимжердингомъ, а можетъ, о счастіе! съ красивымъ Александромъ Кояндеромъ, а можетъ быть съ Жабовымъ. Жабовъ, представляясь утромъ губернатору, получилъ уже приглашеніе съ условіемъ, что будетъ танцовать съ его женкой, и самъ себя рекомендуетъ. Вообразите себѣ мое удивленіе, когда подошелъ ко мнѣ высокій мужчина, такой смуглый, что можно было подумать, что онъ вылѣзъ изъ трубы. Ровнымъ шагомъ онъ подошелъ ко мнѣ, храбро какъ жандармъ и громовымъ голосомъ высказалъ мнѣ свой служебный титулъ: честь имѣю представиться, Жиздринскій посредникъ ротмистръ Жабовъ. Сестра моя Оболенская у меня гостила. Ей представили одного офицера. Она его спросила о его странномъ прозвищѣ. Онъ тотчасъ отвѣчалъ по французски: Je suis officier des bois, a поскользнувшись сказалъ: Le plancher est très scolsant [2]). Ужинъ былъ на-

[1]) Аксакову, служившему въ Калугѣ.

[2]) Я офицеръ лѣсовъ.—Полъ очень скользокъ.

крытъ въ столовой, закуска исчезала какъ подъ магическимъ жезломъ. За ужиномъ подавали холодное мясо, телятину, обливную рыбу съ желеемъ, на заѣдки и десертъ были слоеные пирожки, груши, яблоки. Ихъ барыни ѣли съ кожей и танцуя укусывали. На этомъ вечерѣ случился скандалъ. Военный Александръ Кояндеръ танцовалъ вальсъ съ какой-то толстой барыней. Губернаторъ очень старомодно вертѣлъ Есипову. Произошелъ карамболь, и толстая барыня очутилась на паркетѣ. Очень разсерженная такимъ пасажемъ, она на другой день говорила, что губернаторъ ей подставилъ ножку. Я очень любила наши нѣмые разговоры съ братомъ Львомъ и Аксаковымъ. Я сидѣла на диванѣ. По правую руку сидѣла губернская предводительша Квашнина - Самарина, по лѣвую какая нибудь власть, наприм. Зыбина, которую звали Драконъ. (Это прозвище шло какъ нельзя лучше къ ея характеру). На флангахъ жалонеръ Бюргеръ, буфетчикъ, разставлялъ кресла казеннымъ порядкомъ. Тутъ разсаживались по порядку предсѣдательша гражданской палаты Александра Ивановна Писарева; за ней для исполненія ея порученій **. Онъ принимаетъ видъ скромнаго обожателя, облокачивается на ея кресло и качается на одной ножкѣ. Рядомъ съ нею сидитъ Анна Ефимовна Яковлева, предсѣдательша Уголовной Палаты, и послѣднее кресло вмѣщаетъ купчиху Квасникову, тучную бабу, скромно закутанную въ Кунавинскую шаль. У нея глаза какъ у выдры; брильянтовыя сережки. Ея некрасивая дочка всегда въ розовомъ креповомъ платьѣ, въ новыхъ, бѣлыхъ атласныхъ башмакахъ. За ними ухаживаетъ Nicolas Разнованцевъ, котораго Французскими буквами написали Nicolas Подкованцевъ. У Ковальковой разстроены невры, она отъ этого принимаетъ холодныя ванны и пилюли. Здоровье ея поправилось въ Воронежѣ. Въ Калугѣ было много раскола и молельщицъ. Мерзости этихъ тайныхъ эмисаровъ, играющихъ туже роль, что̀ Іезуиты въ Испаніи....

ИЗЪ ПИСЕМЪ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ТУРГЕНЕВА КЪ ЕГО БРАТЬЯМЪ.

1826—1827.

1.

Эдинбургъ, 27 Марта (9 Апрѣля) 1826 г.

Сегодня явился ко мнѣ секретарь посольства князь Горчаковъ изъ Лондона и сообщилъ приказаніе явиться немедленно въ Петербургъ. Я отвѣчалъ, что здоровье мое не позволяетъ предпринять пути столь дальняго и что 4-го дня, я послалъ по почтѣ на имя С. П. Бургскаго почтдиректора объясненіе въ обвиненіяхъ противъ меня, о которыхъ узналъ я обстоятельно только за нѣсколько дней. Я далъ сей отзывъ немедленно и на бумагѣ. Князь Горчаковъ ушелъ. Оставшись одинъ, я увидѣлъ въ полной мѣрѣ и во всей сущности мое положеніе. Читалъ отношенія графа Нессельроде и вижу, что меня обвиняютъ въ государственной измѣнѣ, въ другомъ отношеніи предписываютъ объявить (signaler) меня передъ Англійскимъ правительствомъ измѣнникомъ, преступникомъ. Таковымъ называютъ меня и въ отношеніи мнѣ переданномъ, и что я, если не явлюсь немедленно, буду судимъ, какъ таковый преступникъ. Не смотря на то, что мнѣ должно бы быть приготовлену ко всему послѣ того, какъ сдѣлались мнѣ извѣстны сіи обвиненія, я никакъ не ожидалъ того, что̀ испыталъ сегодня. Я обвиняюсь въ измѣнѣ! Я государственный преступникъ! Я читаю, перечитываю слова сіи—и не вѣрю глазамъ моимъ! Но долженъ вѣрить, долженъ говорить самъ себѣ: да, да, тебя обвиняютъ въ измѣнѣ. И будучи такимъ образомъ въ необходимости вѣрить словамъ, вѣрить дѣйствительности обвиненія, я спрашиваю самъ себя: Что̀ хуже, что̀ ужаснѣе могло бы случиться со мной, еслибъ я былъ теперь въ Петербургѣ? Страданія физическія, заточеніе мало бы прибавили къ страданіямъ нравственнымъ. Итакъ, въ томъ, что̀ было сообщено мнѣ сегодня, я долженъ видѣть и вижу—мой приговоръ окончательный. И послѣ этого приговора я не могу въ себѣ найти силъ ни оправдываться, ни объяснять, однимъ словомъ, ничего дѣлать. Теперь все для меня кончено

Писавъ объясненіе, я имѣлъ много надежды—теперь дѣло рѣшено. Меня объявляютъ измѣнникомъ, преступникомъ! Писавъ объясненіе, мнѣ все какъ-то не вѣрилось, что обвиненія противъ меня такъ ужасны. Иначе я никогда бы не имѣлъ духа такъ оправдываться. Какъ оправдываться въ такомъ преступленіи, которое никакъ и мыслію не можетъ войти въ мою душу? Но меня обвиняютъ, и это обвиненіе для меня тоже, чтó приговоръ окончательный. Какъ бы я могъ показать глаза въ Россію подъ бременемъ такого обвиненія? Я государственный преступникъ! Я измѣнникъ! Но нѣтъ, нѣтъ—этого невозможно!

Чтó еще могу сказать вамъ, вамъ моимъ братьямъ, которыхъ дѣлаю несчастіе? Я имѣю передъ вами обязанности, которыя исполнить готовъ. Между сими обязанностями одна состоитъ въ томъ, что я долженъ увѣдомлять васъ о себѣ. Позволено ли мнѣ сіе будетъ—не знаю. Я буду писать къ вамъ, но будете ли вы получать мои письма? Бѣдствія мои распространяются ли на васъ и въ семъ отношеніи?

2.

(Къ брату Сергѣю въ Маріенбадъ).

Лондонъ, 25 Іюля (1826).

Вчера и третьяго дня я читалъ въ различныхъ газетахъ рапортъ Слѣдственной Коммиссіи, учрежденной для изслѣдованія заговоровъ и тайныхъ обществъ. Показанія и признанія отвратительны. Я никакъ не воображалъ, чтобы дѣйствительно былъ замыселъ на убійства какія-либо. Конечно все кончалось похвальбами и гнусными фразами, но и это гадко до нельзя. По самому рапорту видно, что эти замыслы существовали или прежде, нежели я пріѣхалъ въ Петербургъ или послѣ моего отъѣзда въ Карлсбадъ *). Никто въ семъ отношеніи на меня не показываетъ. Да и показывать невозможно. Ни одинъ изъ тѣхъ, которые признались въ произнесеніи какихъ-либо мнѣній о заговорахъ на жизнь чью-либо, никогда, ни полъ-слова не говорилъ объ этомъ мнѣ. Только одинъ Рылѣевъ показываетъ, что между прочими и я согласился на его мнѣніе относительно депортаціи государя. Но по всему въ рапортѣ я вижу, что это его мнѣніе было произнесено имъ уже послѣ моего отъѣзда изъ Петербурга. Я пишу сегодня въ Петербургъ къ брату Ал. Ив., чтобы онъ представилъ куда можно нѣкоторыя мои объясненія о семъ обстоятельствѣ. Не знаю, застанетъ ли его мое письмо въ Петербургѣ. А мнѣ очень трудно видѣть обвиненіе совершенно неосновательное и противъ котораго совершенно можно оправдать меня, если только справятся о числахъ и спросятъ подтвержденія или отъ того, который показываетъ, или отъ другихъ. Опредѣливъ

---

*) Т. е. прежде 1816 г. или послѣ Апрѣля 1824 года. П. Б.

обстоятельства подробно, я увѣренъ, что доказательство будетъ ясно въ мою пользу. Впрочемъ рапортъ подтверждаетъ все, чтó я говорилъ о тайныхъ обществахъ по мѣрѣ, какъ я ихъ зналъ, то есть, что все было вздоръ или, лучше сказать, что я ничего не зналъ серьезнаго. Затѣи гнусностей и ужасовъ сдѣлались и мнѣ извѣстными только теперь изъ рапорта.

P. S. Написалъ письмо къ брату Ал. Ив. и посылаю сегодня же. Прошу его представить отъ моего имени куда слѣдуетъ просьбу о томъ, чтобы взяли справку: когда было разсуждаемо о предложеніи Рылѣева депортировать Государя, и спросили бы его и другихъ, которыхъ онъ цитуетъ вмѣстѣ со мной—былъ ли я тутъ? Я увѣренъ, что справка покажетъ, что это было или не въ моемъ присутствіи или даже тогда, когда я былъ уже за границею. Если письмо мое не найдетъ брата въ Петербургѣ, и если ты теперешнее мое письмо получишь при немъ въ Маріенбадѣ, то нельзя ли ему написать кому-либо въ Петербургъ о сей справкѣ? Даже я изъявляю желаніе, чтобы спросили всѣхъ, признавшихся въ преступныхъ замыслахъ: говорилъ ли кто-либо изъ нихъ, хотя шуткою или частно, мнѣ о такихъ замыслахъ? Одного изъ нихъ, Никиту Муравьева, я видалъ часто; но и онъ никогда не говорилъ мнѣ ничего похожаго. Другихъ я даже не знаю. Судя по безпристрастію, съ какимъ изложенъ рапортъ, я увѣренъ, что сіи мои желанія могутъ быть исполнены, и тогда я буду совершенно чистъ отъ всѣхъ обвиненій положительныхъ. За участіе же въ обществѣ, признававшемъ закономъ Зеленую Книгу, совѣстно будетъ обвинить и меня и другихъ.

3.

Чельтенгамъ, 14 Сентября (1826).

Я продолжаю писать оправданіе и посвящаю на это часа два ежедневно. Въ одномъ обвиненіи, а именно въ востановленіи общества, мнѣ оправдываться всего затруднительнѣе; ибо въ рапортѣ Слѣдственной Коммиссіи помѣщены не всѣ показанія о семъ. Я нахожу о семъ только показаніе Семенова о принятіи трехъ членовъ мною; но показаній самихъ сихъ членовъ въ рапортѣ нѣтъ. Они могли показывать, что я ихъ принялъ. Я могу изъяснить, что я не почиталъ сего принятіемъ; но для сего нужно мнѣ знать ихъ показанія. Въ рапортѣ я также не нахожу довольно объясненій о возстановленіи общества. Показаніе Никиты Муравьева, что я съ нимъ участвовалъ въ возстановленіи, ложно. Скорѣе другіе могли бы сіе показывать; ибо я съ ними, по крайней мѣрѣ, говорилъ объ этомъ. Показаніе Семенова также не вполнѣ справедливо. Вѣроятно онъ показаніями своими избавилъ себя отъ суда. Тѣ, которые будутъ читать мое новое оправданіе, вѣроятно, будутъ спрашивать Семенова и другихъ, избавленныхъ отъ

суда. Они, конечно, будутъ опровергать меня, защищая себя. Но главное затрудненіе состоитъ въ томъ, что я никакъ не могу, не нарушая истины, сказать, что я почиталъ общество серьезною вещью или надѣялся, что оно приведетъ къ конституціямъ или чему-либо подобному. Все что́ могу сказать есть, что я теперь вижу опасность общества; но право и теперь я думаю, что не общество, а лично нѣкоторые члены произвели бунтъ. Они сдѣлали бы тоже и безъ общества.

Въ письмѣ моемъ, № 9, я изгналъ вонъ еще одно затрудненіе, и именно, что всякое оправданіе съ моей стороны должно быть безсильно, если я вмѣстѣ не предложу явиться въ Россію. Чѣмъ болѣе я о семъ думаю, тѣмъ болѣе удостовѣряюсь, что я не долженъ дѣлать сего предложенія. Все это мнѣ доказываетъ, что я *навсегда* разстался съ Россіею, ибо не вижу никакой возможности возвратиться туда совершенно свободнымъ. Другимъ, я думаю, простятъ и заблужденія, и даже преступленія; мнѣ никогда не простятъ неявки. Впрочемъ чѣмъ болѣе я думаю, что навсегда разстался съ Россіею, тѣмъ болѣе нахожу удобности и пріятности жить въ Англіи. Думаю даже, что, наконецъ, я кромѣ Англіи нигдѣ и жить не буду въ состояніи. Возвратиться въ Россію я даже и не желаю. Что́ я тамъ могу дѣлать? Хотѣлъ бы имѣть полную свободу только для того, чтобы жить болѣе съ вами и ѣздить изъ одного мѣста въ другое. Болѣе я ничего не желаю.

Какою частію занимается Жуковскій? Воспитаніемъ ли? Очень радуюсь, что онъ съ вами. Изъ всѣхъ людей, которыхъ я знавалъ, я не видалъ другой души, столь чистой и невинной. Я бывало негодовалъ на него, что онъ въ стихахъ своихъ не говоритъ объ уничтоженіи рабства!! Но до чего довела и меня эта идея, такъ исключительно наполнявшая всю мою душу? Она привела меня въ настоящее положеніе, въ которомъ я ничего не могу для нея сдѣлать. По крайней мѣрѣ, теперешняя эпоха моей жизни представляется мнѣ отдыхомъ; и il dolce far niente теперь не въ тягость моей совѣсти, ибо я не самъ поставилъ себя въ это состояніе. Другія занятія не могутъ такъ сильно владѣть мною. Я слишкомъ много жилъ для одной идеи, чтобы начать заниматься чѣмъ либо другимъ съ такимъ же рвеніемъ. Признаюсь, что и физическая жизнь имѣетъ теперь для меня болѣе пріятности. Прогулка въ полѣ, хорошій обѣдъ, покойная постель—все это теперь для меня важнѣе, нежели было прежде. Это нехорошо; но такъ это въ самомъ дѣлѣ. Желанія, направленныя всегда къ одному предмету, точно истощали меня. Теперь я гораздо покойнѣе, ибо не вижу цѣли въ желаніяхъ.

4.

9 Октября (1826) Чельтенгамъ.

Не Блудовъ ли писалъ рапортъ Слѣдственной Коммиссіи? Видя, что вы въ письмахъ вашихъ о немъ не упоминаете, я заключаю, что вы не были съ нимъ въ сношеніяхъ. Иначе не худо было бы мою записку сообщить ему и спросить, можно ли ожидать отъ нея успѣха. Онъ все дѣло долженъ знать и можетъ сказать, что́ въ запискѣ неполно или что́ недостаточно доказывается. Вообще надобно прежде sonder le terrain [1]), а потомъ уже представить записку. Иначе опять только что повредить она можетъ; ибо я и въ ней не могу говорить иначе о общемъ моемъ участіи въ обществѣ, какъ говорилъ въ первой. Впрочемъ, видя, какъ далеко собственное мое мнѣніе объ участіи моемъ въ обществѣ и о неучастіи во всемъ преступномъ отъ мнѣнія тѣхъ, которые приговорили меня къ смерти и каторгѣ, я не могу никакъ ожидать ничего ни отъ моей записки и ни отъ чего. И самъ даже не знаю, къ чему всѣ эти хлопоты!

5.

Лондонъ, 25 Октября (1826).

Эпиграфомъ моего оправданія можно бы поставить: «безъ вины виноватъ». Я писалъ его подъ вліяніемъ вашихъ писемъ. Мнѣ какъ-то совѣстно и унизительно виниться тамъ, гдѣ я не виноватъ. Но я думаю, что иначе нельзя было и писать никакого оправданія. Впрочемъ это само обвиненіе позволяетъ мнѣ намекать и на ничѣмъ неоправдываемую несправедливость въ обвиненіяхъ. On recule pour mieux sauter [2]). Одно юридическое изложеніе показалось бы сатирою: такъ тутъ мало и юрисъ —и простой—пруденціи. Желаю только скорѣе кончить все это дѣло и не думать болѣе о немъ. Нравственное положеніе мое съ каждымъ днемъ становится лучше и лучше. Я такъ теперь доволенъ своимъ бытіемъ, какъ не былъ никогда. Только мысль о васъ меня огорчаетъ. Неужели всѣ ваши пріятели Петербургскіе васъ забыли или не хотятъ переписываться съ братомъ осужденнаго на смерть и каторгу заговорщика? Я читалъ въ газетахъ объ уменьшеніи времени для осужденныхъ. Между ними есть не болѣе меня виноватые. Напр. Брюгенъ. Я не видалъ въ газетахъ, къ чему онъ былъ приговоренъ. Не знаете ли вы? Онъ меня всѣхъ болѣе интересуетъ, какъ по пріязни, такъ и по его отзыву на показаніе о моей фразѣ.

---

[1]) Развѣдать почву.

[2]) Пятиться назадъ, чтобъ лучше прыгнуть.

Этотъ отзывъ меня тронулъ до души. Я вижу тутъ доказательство дружбы. Глупая болтовня Муравьева и Орлова, особливо сего послѣдняго, жалка и презрительна. Къ чему былъ осужденъ добрый Глинка? И гдѣ онъ? Также Граббе? Они не были подъ судомъ. О Толстомъ, котораго будто бы я принялъ, нигдѣ не упоминается *). Онъ былъ въ Италіи прошлаго года.

Оправданіе мое—во всей моей жизни, въ моихъ занятіяхъ. Для кого я писалъ банкротскій уставъ, объ уголовномъ судопроизводствѣ? Для правительства Россійскаго или для Вашингтона-Рылѣева и Бонапарта-Пестеля? Quelle pitié que tout cela! Какъ все это жалко! говоритъ гдѣ-то Шатобріанъ въ заключеніи изложенія чего-то очень невѣроятнаго и мелкаго.

6.

Лондонъ, 23 Ноября (1826).

Мнѣ кажется, что редакція рапорта много причиною въ томъ, что дѣло кажется теперь болѣе важнымъ, нежели оно было на самомъ дѣлѣ. Редактору слѣдовало бы говорить только о томъ, что̀ онъ находилъ въ признаніяхъ и показаніяхъ. Но тогда, скажутъ, не было бы свѣта въ дѣлѣ. Да! Но тогда рапортъ былъ бы истиннымъ представленіемъ дѣла. Вмѣсто того редакторъ сдѣлалъ изъ рапорта литературную піесу съ связью, съ ясностью; а надобно было сдѣлать юридическую піесу. Такъ въ одномъ мѣстѣ говорится, что въ такое-то время не видно, что́ дѣлалось въ обществѣ; но по крайней мѣрѣ видно, что были пренія и т. п. «Не видно, что́ дѣлалось!» Напротивъ, тутъ видно, что ничего не дѣлалось. Другой порокъ рапорта въ томъ, что не довольно отдѣлены дѣла общества отъ дѣлъ членовъ индивидуально, такъ что всѣ замыслы индивидуовъ приписываются обществу. Но истина замѣтна и между недостатками рапорта. Иногда Коммиссія какъ будто бы невольно отстраняетъ преступные замыслы отъ общества, какъ общества. Сіе послѣднее я изъяснилъ въ своей запискѣ. Впрочемъ всякій безпристрастный человѣкъ убѣдится изъ моей записки, что я не заслужилъ никакого взысканія, а еще менѣе смерти и каторги за мои дѣйствія. Этого для меня довольно. Одно главное чувство теперь владѣетъ мною: это благодарность Промыслу за мое, непонятное для меня, сохраненіе. Чѣмъ могъ я заслужить такое благополучіе?

---

*) Кажется, что это былъ Яковъ Николаевичъ Толстой, долго потомъ проживавшій въ Парижѣ. Онъ находился подъ покровительствомъ Паскевича. П. Б.

7.

Лондонъ, 12 Декабря 1826 г.

Хорошо ли это или дурно, но я долженъ сказать, что, думая о нѣкоторыхъ весьма немногихъ въ Россіи, о самой Россіи я весьма мало думаю. Только бѣдные мужики часто наводятъ на меня грусть. Но и это чувство теперь для меня несравненно легче, нежели прежде было. Прежде мнѣ всегда казалось, что я не дѣлаю всего того, что̀ бы я могъ дѣлать въ святомъ дѣлѣ освобожденія. Теперь я ничего *не могу* дѣлать, слѣдовательно не могу ни въ чемъ упрекать себя. Конечно отъ сего самого происходитъ и теперешнее мое спокойствіе духа, коего я никогда прежде не имѣлъ и которое есть истинное наслажденіе, доселѣ мнѣ вовсе неизвѣстное. Я не зналъ, что судьямъ моимъ я буду обязанъ симъ счастливымъ положеніемъ. Кто не скажетъ послѣ сего, что «все къ лучшему?» Они негодуютъ за то, что я представлялъ тайное общество ребячествомъ, вздоромъ. Я съ своей стороны нахожу только затрудненіе въ томъ, чтобы соотвѣтственно всегдашнему моему убѣжденію достаточно изобразить всю ничтожность сихъ обществъ.

8.

Лондонъ, 2 Января 1827 г.

Еслибъ иногда состояніе бѣдныхъ Русскихъ мужиковъ не наводило на меня грусти, то я вовсе и не думалъ бы о Россіи. Да и о чемъ или о комъ мнѣ тамъ думать? Я знаю, что гражданская моя жизнь въ Россіи была жизнь честнаго человѣка. Сколь бы частная моя жизнь ни была грѣшна, жизнь моя, какъ гражданина, чиста, и дураки и алтынники не могутъ лишить меня сего утѣшенія. Дѣйствуя, какъ я дѣйствовалъ, я слѣдовалъ простому чувству. Теперь вижу, что это чувство меня не обманывало и что я исполнялъ долгъ честнаго человѣка, пренебрегая личными выгодами, жертвуя наслажденіями жизни и здоровьемъ исполненію долга. Теперь я свободенъ и хочу жить для себя, и совѣсть позволяетъ мнѣ жить для себя самого. Право, Шекспиръ для меня теперь гораздо пріятнѣе, нежели протоколы совѣтскіе. Надобно вамъ сказать, что я теперь весь въ Шекспирѣ: читаю его трагедіи, смотрю на театрѣ его трагедіи; читаю Джонсона, Попе о семъ гигантѣ. Прежде я не могъ наслаждаться такимъ чтеніемъ. Теперь наслаждаюсь въ полной мѣрѣ.

9.

Лондонъ, 22 Января 1827 г.

Писать Государю письмо? Но это очень трудно въ моемъ положеніи. Я не имѣю, во-первыхъ, права писать къ нему; во-вторыхъ, что̀ я могу сказать ему? Не понимаю. Мнѣ кажется, что я могу только

писать въ такомъ смыслѣ: меня судили, приговорили; я не явился и навсегда разстался съ Россіей; что прошедшее не въ нашей власти; что я не жалуюсь, не прошу, но желаю представить ему, какъ брату и преемнику того, противъ коего меня обвиняютъ въ замыслахъ, что я не преступалъ никогда обязанностей честнаго человѣка. Вотъ все. Я долженъ буду въ такомъ письмѣ настоять, что я и не могу и не хочу возвратиться въ Россію, ибо не могу быть ни на что́ тамъ полезенъ, послѣ оглашенія меня государственнымъ преступникомъ. Симъ только средствомъ я могу предупредить требованіе возвратиться въ Россію.

Касательно общаго характера моей записки, главнаго я конечно не выразилъ и выразить не могъ, и сіе главное состоитъ въ мнѣніи, которое я всегда имѣлъ объ обществѣ: никогда ни на одну минуту, во все бытіе мое въ Россіи, я не почиталъ общества не только важнымъ, значительнымъ, но даже серьезнымъ; ни на одну минуту не ожидалъ, чтобы общество могло что-нибудь произвести. Если же я видался съ членами, то это потому, что почиталъ обязанностью не-эгоиста дѣлать все, что́ представлялъ случай для распространенія здравыхъ, человѣческихъ понятій. И мнѣ казалось, что въ семъ отношеніи разговоры мои были не безъ успѣха: люди, съ которыми я говорилъ, никогда прежде не думали о рабствѣ; я въ нѣкоторыхъ возбудилъ мысли о всей гнусности рабства. Они меня слушали охотно, ибо видѣли, что я говорилъ прямо, отъ души. По сему-то въ обществѣ многіе имѣли ко мнѣ болѣе довѣренности, нежели къ другимъ, въ коихъ видѣли только замашки модной либеральности. Моими мнѣніями я останавливалъ мнѣнія другихъ, указывая имъ на необходимое, о коемъ надлежитъ заботиться прежде предметовъ роскоши. Многіе изъ членовъ общества были простые, чистые, благонамѣренные люди. Они не могли не соглашаться со мною. Но мало-по-малу я отъ всего отсталъ, не видя успѣха и убѣдившись, что я сдѣлалъ все, что̀ могъ, и что совѣсть не будетъ упрекать меня въ холодности, въ эгоизмѣ. Смотря на нашихъ либераловъ (не членовъ общества), я часто думалъ: какая польза въ болтовнѣ, въ шуткахъ? Хорошо имъ изъ пустаго въ порожнее пересыпать! Но попробовали бы они потолковать съ моими Ликургами и видѣть ихъ удивленіе, когда я, простыми доводами низводя ихъ съ возвышенной трибуны въ избу крестьянина или на конюшню деревенскаго помѣщика, убѣждалъ ихъ, что не о палатахъ представительныхъ *мечтать*, но о палкахъ и плетяхъ *думать* должно. И это доказывалъ я и молодымъ членамъ общества, и старымъ членамъ Государственнаго Совѣта. Разница была въ томъ, что первые удобнѣе меня понимали. Можетъ быть, въ числѣ судей моихъ были люди, которые мнѣ говари-

вали, что лѣстницу метутъ сверху, и которымъ я отвѣчалъ, что честный человѣкъ долженъ прежде всего дѣлать то, что̀ онъ дѣлать можетъ и не откладывать сего потому, что другіе не дѣлаютъ того, что̀ сіи другіе только дѣлать могутъ. Я и по сію пору вѣрить не могу, чтобы общество было значительно или опасно, и мнѣ кажется, что общее мнѣніе о немъ ошибочно. Иначе какъ же можно сообразить это съ безпрестанными насмѣшками, которыми сами члены осыпали и общество, и членовъ?

Писавъ записку, я нимало не думалъ посредствомъ ея проложить путь къ возвращенію въ Россію. Я ни въ какомъ случаѣ туда не возвращусь. Жизнь моя тамъ была и прежде цѣпію непріятностей: не могъ взглянуть на улицу, безъ того, чтобы сердце не содрогалось при видѣ мужиковъ, бутошниковъ, Есиповыхъ, Альбрехтовъ и пр. и пр. Я жилъ тамъ только потому, что думалъ, что я долженъ тамъ жить для возможности быть полезнымъ для уничтоженія рабства. Меня теперь лишили сей возможности. Не я отказался отъ исполненія своего долга. Безъ зазрѣнія совѣсти могу быть теперь въ покоѣ, и въ свободѣ, и въ праздности. Не о чинѣ же д. с. с. сожалѣть!

Адресовать записку къ Государю нельзя. Какъ предполагать, чтобы Государь могъ читать такія записки? Онъ можетъ ихъ читать, и конечно покойный Государь прочелъ бы; но предполагать сего не должно. Это даже и неприлично. Письмо удобнѣе. Но я точно не имѣю права писать письма. Могу найти сіе право только въ моей неявкѣ, въ которой состоитъ вся вина моя передъ Государемъ, и такъ какъ нѣтъ закона на неявку, то я не могу ни къ кому, кромѣ Государя, обратиться съ письмомъ о неявкѣ. Но и для сего почти нужно, чтобы и Государь уже зналъ, что я только въ неявкѣ виновенъ. Но могутъ отвѣчать: явись. А я, еслибъ и хотѣлъ, то не долженъ явиться: это противно нравственному достоинству человѣка. Покоряться добровольно несправедливости, по крайней мѣрѣ, также противно нравственности, какъ и быть самому несправедливымъ. Будетъ того, что и терпимъ несправедливости недобровольно.

10.

Лондонъ, 6 Февраля 1827 г.

Выраженіе «измѣненіе государственныхъ постановленій», употребилъ я въ своей запискѣ, потому что нашелъ его въ рапортѣ. Я могъ бы теперь опредѣлить, что̀ мы разумѣли подъ сими словами, еслибы я когда-либо слышалъ отъ членовъ общества или самъ говорилъ что-либо серьезно о какомъ бы то ни было устройствѣ государственномъ. Въ томъ-то и дѣло, въ томъ-то и состоятъ всѣ мои объясненія, что

объяснять нечего. По рапорту, благодаря литературнымъ способностямъ редактора, всякому покажется, что что-то было устроенное, что члены тайнаго общества имѣли планъ, правильныя совѣщанія и пр. и пр. Но истина въ томъ, что ничего подобнаго не было; а были съ одной стороны разговоры вздорные, но конечно не преступные, съ другой—вранье грубыхъ, непросвѣщенныхъ людей, Русскихъ либераловъ, кои, по примѣру отцовъ и дѣдовъ, въ рѣзаньи, въ убійствахъ, видѣли подвиги славные. Но и тутъ я увѣренъ, что они только болтали, по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ. Я въ сихъ разговорахъ послѣдняго рода участвовать не могъ, ибо почти не видывалъ сихъ людей; а если кого и видѣлъ, то никто, зная меня, не могъ имѣть никакого повода и побужденія сообщать мнѣ такія вещи.—Итакъ, я на сей пунктъ вообще могу сказать, что я никогда не слыхалъ, чтобы *разсуждали*, въ настоящемъ смыслѣ сего слова, о какихъ-либо измѣненіяхъ государственныхъ установленій. Говорили въ засѣданіяхъ общества, за чаемъ, о конституціяхъ, какъ точно говорили объ этомъ въ Государственномъ Совѣтѣ, въ Англинскомъ клобѣ, да улицахъ. Еслибъ въ обществѣ было что-либо разсуждаемо регулярно, то нѣтъ сомнѣнія, что сіе открылось бы при слѣдствіи. Но нигдѣ по рапорту нѣтъ слѣдовъ ни правильныхъ разсужденій, ни принятыхъ мнѣній, правилъ. Объяснять что̀ происходило въ обществѣ для меня теперь также трудно, какъ было бы объяснять, что̀ я слышалъ и говорилъ въ Англинскомъ клобѣ, въ Совѣтѣ, въ частныхъ домахъ. А я никогда, въ умѣ своемъ, не дѣлалъ различія между разговорами въ обществѣ и разговорами въ другихъ мѣстахъ. Для опредѣленія истины, для обвиненія, надобно имѣть факты, а не разговоры. Да и какъ возможно помнить то, что̀ мы говоримъ?

Я помню, что я слыхалъ и самъ говорилъ, что цѣль оправдываетъ средства. Но я это равно слыхалъ и въ обществѣ, и въ свѣтѣ. Какъ могу я припомнить, при какомъ случаѣ я это или слышалъ или говорилъ? Одно только помню хорошо, что это часто мнѣ встрѣчалось: въ разговорахъ говорили иногда, что надобно сносить непріятности по службѣ, дабы удержать мѣсто; что надобно добиваться чиновъ, мѣстъ, чтобы имѣть вліяніе. Я на это замѣчалъ, что всякой бездѣльникъ и взяточникъ будетъ въ равной категоріи съ честнымъ человѣкомъ, коль скоро честный будетъ дѣйствовать какъ нечестный; что внутреннія побужденія извѣстны только Богу; что надлежитъ и въ наружности быть безъ пятна и безъ упрека, и т. д. Иногда я говорилъ, что уничтоженіе рабства есть святое дѣло; но что я не знаю, чтобы эта святая цѣль была достигнута убійствами, рѣзаньемъ, пугачевщиною. Говорили о поселеніяхъ. Я неоднократно замѣчалъ, что сколь бы окончательная цѣль оныхъ ни была полезна для государства, но что сред-

ства—принужденіе и нарушеніе самыхъ простыхъ правъ и гражданскихъ, и человѣческихъ—не хороши; что добро дѣлается добромъ. Вотъ истинное мое правило. Я всегда говорилъ, что добро дѣлается только добромъ, и что отъ зла добра никогда быть не можетъ. Еслибъ я зналъ, что между нѣкоторыми членами общества были разсужденія о убійствахъ, то тогда я конечно не удовольствовался бы изъясненіемъ простыхъ правилъ, а говорилъ бы прямо противъ такихъ замысловъ. Но о сихъ замыслахъ я ничего не зналъ. А потому не зналъ, и теперь не знаю, разумѣли ли другіе что-либо особенное, говоря, что цѣль оправдываетъ средства.

Я сказалъ въ запискѣ, что я былъ разъ пять въ засѣданіяхъ во все время, что поводомъ сихъ засѣданій были жалобы членовъ на недѣятельность общества, и одного на другаго (вообще на сихъ засѣданіяхъ не говорили ни о чемъ другомъ, какъ о лучшемъ устройствѣ общества), что сіи разговоры, наводя скуку, не продолжались болѣе ¼ часа и что послѣ болтали, какъ болтаютъ обыкновенно. Ни мнѣ и никому никакихъ занятій поручаемо никогда не было. Я же съ моей стороны иногда совѣтовалъ заниматься чтеніемъ книгъ. Я ничего не дѣлалъ въ качествѣ члена общества. Другіе, какъ я вижу, писали конституціи, но мнѣ ихъ не показывали, и конечно они писали ихъ не по порученію общества, а по собственному произволу, чувствуя, можетъ-быть, нужду въ занятіи и не умѣя удевлетворить сей нуждѣ инымъ болѣе полезнымъ образомъ.

Я честью увѣряю, что и на судей моихъ я не негодовалъ и теперь не негодую. Извѣстно, что часто инквизиторы жгли еретиковъ, будучи въ душѣ увѣрены, что они дѣлаютъ угодное Богу. Я знаю понятія нашихъ судей. Какъ могу я, безъ сумашествія, ожидать, чтобы кн. Петръ Вас. *) судилъ такъ, какъ судилъ лордъ Мансфильдъ? Можно ли сердиться на Глинку, что онъ не написалъ Русскую Исторію такъ, какъ Карамзинъ? Можетъ ли медвѣдь танцовать такъ, какъ танцовалъ Вестрисъ? Меня почитаютъ несчастливымъ. Я таковымъ себя не почитаю. Почему? Потому, что я привыкъ видѣть вещи въ настоящемъ видѣ. Тамъ, гдѣ 13 м. въ рабствѣ, кто можетъ ожидать справедливости? Я презиралъ бы самъ себя, еслибъ несправедливость, мнѣ оказанная, меня удивила. Я не фразами жилъ по сію пору. То, что̀ я говорилъ, я всегда чувствовалъ.

. . . Могу ли я желать, *просить* о пересмотрѣ сего приговора? Нѣтъ! Безъ униженія собственнаго я этого сдѣлать не могу, даже и въ ожиданіи вѣрнаго успѣха. Я уже сдѣлалъ, вѣроятно, *болѣе*, не-

*) Лопухинъ. П. Б.

жели сколько могъ себѣ позволить, написавъ записку въ томъ видѣ какъ я ее написалъ. Я въ ней обвиняю себя, не чувствуя себя виновнымъ. Это не совсѣмъ хорошо. Въ семъ я нахожу первое разногласіе между моею совѣстію и моими поступками. Но я это сдѣлалъ для исполненія желанія брата Александра. Слова, въ его письмахъ содержащіяся, я перенесъ въ мою записку. Болѣе я теперь сдѣлать не могу. Не могу идти далѣе. Сего и братья отъ меня требовать не будутъ, даже, если я самъ заграждаю себѣ путь къ возможности возвратиться въ прежнее мое положеніе.

. . . Если, чего я впрочемъ не ожидаю и не могу благоразумно ожидать, захотятъ отвратить сдѣланную мнѣ несправедливость, не смотря на мою неявку, и такимъ образомъ сдѣлать болѣе, нежели требуетъ строгая справедливость: тогда я буду въ долгу и въ обязанности расплатиться всѣми возможными средствами. Я могу принять такое благодѣяніе, но не могу просить его. Но я по всему вижу, что я не буду обремененъ бременемъ признательности. Вижу это, ибо вижу, что другіе, не болѣе меня виновные, не избѣгли Сибири или другихъ наказаній.

11.

Лондонъ, 23 Февраля 1827 года.

Если письмо необходимо, то оно должно быть очень коротко, и я долженъ буду въ немъ сказать, что и не желаю и не могу, ни въ какомъ случаѣ, возвращаться въ Россію; что не забочусь о мнѣніи, которое публика можетъ имѣть о мнѣ вслѣдствіе рапорта; но что пишу къ Его Величеству потому, что не хочу, чтобы братъ и преемникъ покойнаго Императора могъ думать, что благоволеніе и милости его были обращены къ человѣку недостойному сихъ милостей и сего благоволенія; и что, наконецъ, я не негодую ни на судей, ни на подсудимыхъ за ихъ показанія, что между подсудимыми тѣхъ, кого я уважалъ, я и теперь уважаю.

. . . . Если бы меня оправдали, то это сдѣлало бы честь тѣмъ, кто меня оправдаетъ; но для меня, лично, я не нашелъ бы въ этомъ большаго благополучія, и естьли бы могъ предвидѣть возможность такого оправданія, то желалъ бы его только для васъ. Не я въ долгу другихъ, и слѣдовательно не на мнѣ лежитъ бремя несправедливаго дѣянія. Я имѣю надежду на покровительство, которое сильнѣе покровительства всѣхъ земныхъ владыкъ. Я боюсь питать слишкомъ много présomption*); но не могу не видѣть покровительства свыше въ моемъ спасеніи, когда я о семъ спасеніи также мало думалъ, какъ и о моихъ преступленіяхъ.

---

*) Высо[illegible] мѣрія.

. . . . Я отыскалъ теперь копію съ одного отношенія на Русскомъ гр. Нессельроде къ повѣренному въ дѣлахъ, въ коей только велѣно мнѣ объявить, что если я откажусь явиться, то буду судимъ какъ неявившійся государственный преступникъ. Любопытно въ семъ отношеніи то, что *участвовавшіе въ возмущеніи 14 Декабря показали, что я былъ ихъ сообщникомъ.* Изъ Парижа сію копію велѣно было мнѣ дать. Но съ того отношенія, въ которомъ велѣно было объявить меня измѣнникомъ предъ Англинскимъ правительствомъ, въ случаѣ моего отказа, и которое, сколько помню, было на Французскомъ, мнѣ копіи тогда не сообщили.

12.

Лондонъ, 16 Марта 1827 года.

Потому что вы выписываете изъ Саксонскаго проекта и изъ книги о клобахъ, можно видѣть, какъ здравомыслящіе должны судить о приговорѣ, произнесенномъ надъ человѣкомъ, который не только не участвовалъ въ винѣ, но и не зналъ вины и за два года до виновнаго дѣянія оставилъ и землю, и всѣ связи съ тѣми, кои были виновны въ семъ дѣяніи. Еслибъ показать свѣту мою записку, то можно только одного опасаться: подумаютъ, что я клевещу на слѣдователей и на судей! Право я часто думаю, что всякое объясненіе съ моей стороны только вредить мнѣ можетъ. И какъ быть иначе, когда надлежитъ объяснять то, что не требуетъ объясненія? Возьмите на улицѣ перваго, кто вамъ встрѣтится, и заставьте его написать записку на 20 листахъ въ оправданіе, что онъ не виновенъ въ преступленіи, въ которомъ вы его обвиняете, и о которомъ первое понятіе онъ получилъ въ вашемъ обвиненіи. Покажите его записку людямъ безпристрастнымъ. Они скажутъ: нѣтъ причинъ къ осужденію, къ обвиненію. Но, не смотря на сіе, предубѣжденіе, хотя слабое, остается въ умѣ ихъ противъ того, кто написалъ оправданіе. Calomniez, calomniez: il en restera toujours quelque chose *). Эти слова точно и къ моему дѣлу относятся. Далѣе. Брумъ, говоря въ послѣднемъ дѣлѣ объ эмансипаціи Католиковъ, въ отвѣтъ на обвиненія Католиковъ вообще, между прочимъ говорилъ, что всегда за несправедливостію слѣдуетъ ненависть или угнетеніе. Нѣтъ примѣра, говорилъ онъ, чтобы человѣкъ, начавъ съ несправедливости, не кончилъ угнетеніемъ того, къ кому онъ былъ несправедливъ. Я намѣренъ, прочитавъ этотъ пассажъ еще въ рѣчи Брума, помѣстить смыслъ онаго въ письмѣ къ Государю. Я счастливъ, что судьба позволяетъ мнѣ смотрѣть на все это, то есть на несправедливости, мнѣ оказанныя, со стороны. Они прошли мимо меня,

*) Клевещите, клевещите., всегда что нибудь отъ того останется.

не коснулись меня. Я свободенъ. Я былъ бы виновенъ въ малодушіи непростительномъ, въ неблагодарности къ Промыслу, еслибъ позволилъ себѣ сокрушаться, печалиться, огорчаться отъ этихъ мелочей. Чтó ихъ безсильная злоба, когда я и со мною правда имѣемъ Защитника въ небѣ?

13.

26 Марта (1827).

Мои собственныя мысли о смыслѣ, въ какомъ слѣдовало бы мнѣ писать письмо, конечно не согласны съ вашими. Но вмѣстѣ я вижу, что по моимъ мыслямъ нельзя составить такого письма, которое должно быть читано Самодержцемъ. Для меня весьма трудно написать письмо такого рода, ибо чувствую, что, обвиняя себя и говоря о прощеніи, я не только унижаю себя, но и дѣйствую противно убѣжденію, совѣсти; ибо ни въ чемъ, совершенно ни въ чемъ не нахожу самого себя виновнымъ. Но il n'y a que le premier pas qui coûte*). Я написалъ записку. Могу идти далѣе—и написать письмо. Рѣшившись однажды на сіе, я не вижу надобности сочинять новый проектъ.

Ваши разсужденія о возможномъ результатѣ письма мнѣ очень понравились. Я люблю дѣльныя разсужденія и еще болѣе привыкъ къ нимъ, живя въ Англіи, гдѣ люди гораздо дѣльнѣе, нежели въ другихъ земляхъ. Самое вѣроятное изъ вашихъ предположеній есть: «явись». Этотъ отвѣтъ необходимо предупредить, ибо я не могу и точно не долженъ являться ни въ какомъ случаѣ. Я и безъ того много уступилъ обстоятельствамъ. Не могу сдать на капитуляцію послѣдняго укрѣпленія твердости и достоинства характера. Меня удивляютъ ваши слова о необходимости юридическихъ доказательствъ для убѣжденія Государя. Тѣ, кои могутъ быть убѣждены доводами юриспруденціи, должны знать, что доказательства лежатъ не на обязанности обвиняемаго. Противъ меня ничего не доказано, но представляются только обстоятельства обвинительныя. На сіи обстоятельства я отвѣчаю, изъясняя все дѣло. Если мои объясненія покажутся недостаточными, то никакіе доводы не помогутъ. Вообще, въ моемъ дѣлѣ, я думаю, лучше употреблять доводы логики, простаго, здраваго смысла, нежели доводы юриспруденціи, о которыхъ у насъ не имѣютъ понятія.

27 Марта. У меня не было никакой другой копіи съ отношенія гр. Нессельроде кромѣ Русской, въ которой, какъ я писалъ къ вамъ, ничего не сказано, кромѣ предписанія явиться. Другое отношеніе гр. Нессельроде, на Французскомъ, было къ Потемкину, и въ немъ предписывалось ему, въ случаѣ моего отказа явиться, огласить меня (signaler) предъ Англинскимъ министерствомъ какъ измѣнника, и

*) Труденъ лишь первый шагъ.

изъяснить, какому человѣку, то есть какому преступнику, правительство дастъ покровъ въ своей землѣ. По сему отношенію я тогда судилъ, что графъ Нессельроде желалъ убѣдить Канинга, что Англинское правительство даетъ покровъ преступнику, измѣннику и т. п., какъ бы желая подвигнуть сіе правительство отказать мнѣ въ семъ покровѣ, чего однакоже министры не могли тогда сдѣлать, ибо уже прежде объявили въ парламентѣ, что намѣрены измѣнить Allien-bill, которое и было впослѣдствіи измѣнено. Естьли Государь—чего я не ожидаю—найдетъ, что я имѣлъ хоть слабый предлогъ отказать явиться, видя отношеніе графа Нессельроде; то я увѣренъ, что взглянувъ на сіе отношеніе, онъ увидитъ, что я не ошибаюсь ни въ смыслѣ, ни въ выраженіяхъ онаго. Но сего я не ожидаю. Скажутъ: не смотря ни на что, я долженъ былъ явиться. И для сего-то надобно (какъ нибудь, но надобно) сказать или дать почувствовать, что я ни въ какомъ случаѣ возвращаться не намѣренъ.

Я думаю прибавить только слѣдующія строки, въ началѣ письма, послѣ словъ: *не былъ причастенъ*: «Сія вина, вовсе мнѣ чуждая, не тяготитъ моей совѣсти, хотя осужденіе меня въ оной лишило меня навсегда и безвозвратно лучшаго изъ благъ земныхъ—возможности быть на что либо годнымъ землѣ своей и самаго необходимаго благополучія—жить въ землѣ сей. Чувство чистой совѣсти и обязанности мои, какъ человѣка и христіанина, требуютъ, чтобы я съ твердостію переносилъ несчастія незаслуженныя. Съ помощію Бога всемогущаго и всевѣдущаго я надѣюсь переносить ихъ терпѣливо. Но моя неявка—сія дѣйствительная вина моя—сильно бременитъ меня; и, не смотря на безнадежность моего положенія, я не могу не искать облегченія отъ сего бремени въ великодушіи Вашего И. В. Предъ В. И. В. я виновенъ неявкою. Къ Вамъ, Всем. Гос., и обращаюсь. Снятіе съ меня сего бремени, единственною моею виною причиненнаго, сдѣлаетъ меня совершенно невиннымъ и позволитъ жить и умереть съ чувствомъ ненарушенныхъ обязанностей ни въ какомъ отношеніи».

14.

Къ Жуковскому.

Лондонъ, 12 Іюня (1827).

Я получилъ письмо о Сергѣѣ. Ожидалъ сюда брата. Но его нѣтъ. По письму его, твердому, полагаю, что онъ здоровъ, но что не можетъ имѣть паспорта для пріѣзда ко мнѣ. Прошу его, если это препятствіе для него трудно, не думать о мнѣ. Я не одинъ. Добрая mrs Hague, которая дала мнѣ письмо, принимаетъ участіе во мнѣ и, по собственнымъ несчастіямъ, кажется, постигаетъ хотя часть моего. Если

эти строки найдутъ брата въ Парижѣ, и если онъ не можетъ пріѣхать сюда, то можетъ писать ко мнѣ въ пакетѣ на имя mrs Hague, адресуя на мою квартиру. Онъ проситъ меня вѣрить словамъ его. Вѣрю. Какъ переношу бѣду, мысль о которой меня уничтожаетъ, не знаю. Но я хожу, ѣмъ, сплю. Съ этой стороны братъ можетъ быть покоенъ. Благодарю его за его твердость, которую онъ и мнѣ сообщилъ. Если братъ не поѣдетъ сюда, то онъ удостовѣрится о мнѣ отъ В. *), который видѣлъ меня. Если братъ встрѣтитъ препятствіе ѣхать сюда, то я не вижу причины сожалѣть объ этомъ; легче ли намъ будетъ вмѣстѣ, не знаю. Разлучившись съ Сергѣемъ, можно со всѣмъ разлучиться. Мы можемъ теперь болѣе нежели когда либо жить розно. Всѣ трое вмѣстѣ на землѣ мы никогда не будемъ. И такъ все равно, будемъ ли мы двое вмѣстѣ или нѣтъ. Сколько участіе другихъ можетъ сдѣлать, я то имѣю. Добрая женщина печется о мнѣ, и дружба ея велика. Вы будете пещись о братѣ. Прощайте. Н. Тургеневъ.

15.

14 Іюня (1827) Лондонъ.

Вчера пріѣхала сюда графиня Разумовская. Я провелъ съ нею весь день. Получилъ ваше письмо. Горе не помѣшало мнѣ и радоваться вашей твердости, и глубоко чувствовать и цѣнить неоцѣненную вашу ко мнѣ любовь и дружбу. Но я никогда не замѣню для васъ Сергѣя! Пусть онъ будетъ навсегда для насъ и незамѣняемымъ, и незабвеннымъ, и всѣмъ! Мы обязаны рѣшиться переносить эту величайшую бѣду твердо. Послѣ сего что́ иное можетъ быть для насъ трудно? Вы не можете теперь пріѣхать ко мнѣ. Трудно ли перенести эту временную разлуку? Надѣюсь, что вы согласитесь со мною, что эта неудача не должна сильно васъ безпокоить. Я грущу не столько объ этой неудачѣ, сколько о томъ, что̀ васъ ожидаетъ въ исполненіи предпріятій, кои вы намѣреваетесь исполнить касательно моего положенія. Я уже и вчера много говорилъ объ этомъ съ графиней. Результатъ моего мнѣнія вотъ: что на успѣхъ вы считать не должны, т. е. на успѣхъ касательно меня. Но на одно, кажется, нельзя не считать и именно: на позволеніе для васъ безпрепятственно пріѣхать въ Англію, жить въ Англіи, уѣзжать и опять пріѣзжать сюда. И я увѣренъ, что въ этомъ вамъ не откажутъ. Такимъ образомъ ваши хлопоты будутъ имѣть результатъ, успѣхъ хотя частный. Въ продолженіе сихъ хлопотъ ничто не можетъ меня спокоить такъ сильно, какъ мысль, что вы будете вмѣстѣ съ Ж.; съ нимъ вы можете и пуститься въ путь и про-

---

*) **Викулина. П Б.**

быть нѣсколько времени въ П.-Бургъ. Безъ него я боялся бы и согласиться на вашу туда поѣздку. Видя чрезмѣрную, непостижимую и съ этой стороны не совсѣмъ заслуженную вашу ко мнѣ любовь и дружбу необыкновенную, я конечно не могу говорить вамъ о печальномъ чувствѣ, которое иногда возбуждается во мнѣ мыслію, что это новое испытаніе, которое предстоитъ вамъ въ хлопотахъ за меня, имѣетъ меня причиною. Кромѣ того, что совѣсть ни въ чемъ не укоряетъ меня въ причиненіи сихъ хлопотъ; кромѣ того, что я твердо увѣренъ, что во всѣхъ обстоятельствахъ, вовлекшихъ меня въ настоящее мое положеніе, я дѣйствовалъ какъ человѣкъ честный и съ отверженіемъ совѣтовъ эгоизма,—я нахожу, что всѣ эти мелочи теряются въ неистощимомъ чувствѣ добра, васъ одушевляющемъ, въ чувствѣ вашей братской любови и дружбы. Отвѣчая этимъ чувствомъ съ моей стороны, я вижу, что и во мнѣ все преодолѣвается, покрывается мыслію о васъ и памятію о нашемъ Сергѣѣ. Конечно и въ небѣ онъ не можетъ не радоваться, видя, какъ вы дѣйствуете, какъ живете, какъ чувствуете. Продолжайте. Сила души дастъ и силу физическую.

Изъ письма, которое я писалъ къ Жуковскому третьяго дня (адресуя на вашу старую квартиру), вы увидите, что я угадалъ причину вашего непріѣзда сюда, и угадать было не трудно: ибо Сергѣй писалъ ко мнѣ, что когда онъ собирался изъ Вѣны ѣхать въ Парижъ, а оттуда сюда, Татищевъ сказалъ, ему что посолъ въ Парижѣ не дастъ ему сюда паспорта. Вы очень хорошо сдѣлали, что послушались Жуковскаго и остались въ Парижѣ. Я знаю, что, пробывъ здѣсь нѣсколько времени, вы захотѣли бы ѣхать въ Россію хлопотать о мнѣ. Но тогда хлопоты были бы еще затруднительнѣе. Я думаю даже, что свиданіе наше черезъ годъ будетъ сладостнѣе, нежели могло бы быть свиданіе теперь. Обо мнѣ судите и теперь и послѣ по собственному вашему положенію. Отдавъ самому себѣ отчетъ въ собственныхъ вашихъ чувствахъ, въ собственномъ вашемъ нравственномъ состояніи, вы во всякое время можете знать въ точности и мое состояніе: я не болѣе вашего любилъ Сергѣя. Чтó вы переносите, то могу переносить и я. Не думайте, чтобы я имѣлъ нужду въ какой либо особой помощи, или необходимости быть съ людьми, принимающими въ насъ участіе, подобными графинѣ Разумовской. Я чувствую, что могъ бы жить и посреди равнодушныхъ. Но я не лишенъ попеченій дружбы и участія. Добрая и сама много въ жизни претерпѣвшая моя пріятельница будетъ во все время со мною ежедневно. Графиня скажетъ вамъ, что она точно для меня теперь достаточна. Я буду здѣсь жить тихо. Вы будете въ хлопотахъ, и одна мысль о сихъ хлопотахъ меня безпокоитъ будетъ! Объ одномъ прошу: помнить, что главнаго, т. е. возможности

свободно жить здѣсь, вы можете надѣяться достичь. Прочее все не важно въ сравненіи съ сею выгодою. Мнѣ утѣшительно было видѣть изъ письма вашего, что между сими хлопотами вы не забыли о нашихъ мужикахъ. И я думалъ о нихъ. Эта обязанность лежитъ на насъ тяжелѣе теперь нежели когда либо. Я могу только содѣйствовать исполненію оной одними совѣтами; на васъ обращается весь трудъ дѣйствовать. Вотъ совѣтъ мой. Будущая участь крестьянъ должна быть обезпечена. И мы умремъ. Моя жизнь или смерть не можетъ имѣть никакого вліянія на ихъ участь; но смерть ваша можетъ лишить ихъ возможности улучшенія ихъ бытія. Надобно предупредить такому случаю. Надобно исполнить обязанность совѣсти. Ближайшее средство есть: заключить съ крестьянами условіе сообразно закону о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Предоставивъ имъ и свободу, и землю, можно условиться на платежъ вамъ оброка по вашу смерть; а послѣ васъ какой либо суммы для содержанія училища и богадѣльни. Обо мнѣ въ семъ условіи упоминать не должно; ибо такъ какъ я не имѣю никакихъ правъ въ Россіи, то всякая mention [1]) о мнѣ можетъ сдѣлать весь актъ недѣйствительнымъ и обратить крестьянъ, послѣ васъ, въ прежнее и, можетъ быть, худшее положеніе. Если сіе средство встрѣтитъ неудобства или затрудненія непреодолимыя или опасныя для обезпеченія твердаго ихъ участи, то можно попробовать продать ихъ въ казну, за какую бы то цѣну ни было. При семъ надобно только остерегаться, чтобы, по существующимъ законамъ, ближніе родственники не могли выкупить проданнаго имѣнія. Нельзя ли будетъ поставить сумму больше, упомянувъ, что часть оной, т. е. излишекъ, жертвуется въ казну? Родственники должны будутъ видѣть въ семъ не доказательство вашей къ нимъ недовѣрчивости, а желаніе всѣми средствами обезпечить точное исполненіе священнаго долга. Если и это средство не удастся, то надобно будетъ освободить ихъ, coûte qui coûte [2]). При семъ послѣднемъ средствѣ трудно будетъ условиться съ ними частно и только *на слово* въ платежѣ оброка, ибо и начальство ихъ можетъ имъ воспрепятстовать исполнить обѣщаніе. Дѣлая все это, помните, что исполняете долгъ. А исполненіе сего долга сдѣлалось для васъ необходимымъ послѣ смерти нашего Сергѣя. Совѣтъ пріятелей въ Россіи конечно облегчитъ успѣшное исполненіе сего дѣла.

Вчера я много говорилъ съ Разумовской и говорилъ о всемъ. Это конечно было для меня отрадою, но отрадою минутною. Истинную, постоянную отраду я нахожу только въ вашихъ письмахъ, ко-

[1]) Упоминаніе.

[2]) Чего бы ни стоило.

торыя меня наполняютъ твердостію и постоянствомъ. Крѣпко грущу о васъ, но вмѣстѣ чувствую истинное облегченіе, видя, что вы переносите нашу бѣду, какъ должно переносить ее. Объ одномъ только прошу: умѣрьте вашу грусть о мнѣ. Вы будьте моимъ барометромъ. Судите и вы о мнѣ по себѣ. Повторяю, что то, что́ вы переносите и какъ переносите, тоже и такъ же буду переносить и я. Желалъ бы избавить васъ отъ ожидающихъ васъ хлопотъ, коихъ раздѣлить не могу. Но вмѣстѣ твердо знаю, что, перенося смерть Сергѣя, и вы и я все прочее переносить должны быть въ состояніи, и переносить съ равнодушіемъ.

Графиня дала мнѣ вчера вексель. Это мнѣ не очень понравилось. Вы знаете, что у меня теперь много денегъ. Вамъ могли бы онѣ пригодиться для дороги. Я могу не только обойтись безъ нихъ, но совершенно не знаю на что́ онѣ мнѣ нужны. Я писалъ вамъ прежде о деньгахъ, потому что видѣлъ замедленіе въ присылкѣ; а въ самой присылкѣ видѣлъ возможность совершенной независимости для предпріятія путешествія дальняго и продолжительнаго въ Америку. Теперь я объ Америкѣ не думаю. Остаюсь здѣсь. Намѣреваюсь черезъ нѣсколько времени ѣхать или куда нибудь на берегъ моря, или въ Лимингтонъ, гдѣ есть воды. Пробывъ тамъ сколько нужно, поѣду туда, гдѣ будетъ моя пріятельница, вѣроятно въ Hastings или гдѣ нибудь около Брайтона; а на зиму опять въ Лондонъ, въ этотъ же boording-house, гдѣ буду имѣть комнату лучше теперешней, въ которой сегодня была графиня Разумовская. Она поѣхала теперь съ mrs Hague въ St. Paul, гдѣ сегодня слушаютъ проповѣдь всѣ воспитанники богоугодныхъ заведеній, тысячь шесть или семь. Вчера мы трое вмѣстѣ обѣдали у графини Разумовской. На сихъ дняхъ она придетъ обѣдать съ нами за нашимъ общимъ столомъ *).

---

*) Эти письма сохранились въ копіяхъ въ бумагахъ В. А. Жуковскаго, равно какъ и письма графини Разумовской. За сообщеніе ихъ равно какъ и письма къ государю „Русскій Архивъ“ обязанъ Павлу Васильевичу Жуковскому. П. Б.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ И ГРАФИНЯ ГЕНРІЕТА РАЗУМОВСКАЯ.

Письма графини Генріеты Разумовской къ А. И. Тургеневу изъ Лондона въ Парижъ.

1.

Mercredi 13 (Iuin 1827), 10 h. du matin.

Je suis ici depuis plusieurs heures, aussitôt qu'il a été possible. J'ai écrit à m-me Hagues, elle vient de sortir de chez moi. Nicolas se porte bien, mais j'arrive trop tard: il sait tout. Ce monsieur que vous avez chargé de lettres, a tout dit à m-me Hagues en la chargeant de la douloureuse fonction que je venais remplir. Nicolas est dans une profonde douleur mais, je le repète, il n'y a aucune altération dans sa santé; il n'a point de médecin, & n'en a vu aucun depuis qu'il est ici. Je lui ai écrit quelques mots en lui envoyant le billet de vous qu'il était convenu que je lui enverrai; je l'attends. M-me Hagues est allée le chercher: elle m'a dit qu'il lui serait désagréable que j'allasse chez lui, n'ayant qu'une chambre ou un parloir commun. Je disais qu'il sait tout, c'est à dire, qu'il sait qu'il n'a plus qu'un frère. Les circonstances qui ont précédés, il les ignore & elle aussi, à ce qu'il me semble. Cela me paraît une bien bonne personne. Vous voyez à mon écriture dans quel état j'attends Nicolas. Si le coup n'a pas été trop rude il vaut mieux qu'un autre l'ait porté. Je me serais trahie avant de l'avoir préparé. Mon bon Tourguéneff, nous n'oublierons pas ce moment de notre vie, il n'y a que le malheur qui unisse aussi intimement les coeurs; j'ai passé par la même douleur, & vous la recommencez pour moi. Je crois que j'entends ses pas. Il est là, lisant vos papiers. Il est entré chez moi assez froid, ses premiers mots ont été: «Que venez-vous faire ici? Venez-vous me dire qu'Alexandre est mort aussi»? Je lui ai dit que votre santé n'était point altérée, que vous êtes plein de courage; je lui ai dit ce dont nous étions convenus. «Je savais qu'on ne lui donnerait point de passeport, mais pourquoi tous ces papiers? Que m'importe cet-

te ridicule affaire? Je ne pense qu'à Serge. Il était donc bien malade?» Je suis entré dans tous les détails qui pouvaient l'attendrir, mais lui se roidit contre l'émotion &, comme elle le gagnait, il dit: je m'en vais lire tout cela. Il lit en effet, il est en face de moi, je vois cette expression si mâle, si pleine de dignité & de courage; des soupirs seuls trahissent l'émotion qui rédouble par quelques passages de vos lettres.— Il recommence à tout lire, un regard plus bienveillant vers moi m'apprend seul qu'il est touché.—Il y a une heure qu'il est silencieux sur ce canapé, lisant toujours. J'attends un mot pour me rapprocher de lui; je ne l'interromprai pas; c'est beaucoup qu'il ait consenti à lire en ma présence. Que le coeur me bat devant cette douleur si calme!

4 heures. Je vous reviens une autre personne: quelques heures passées avec votre frère ne laisseent en moi que de l'admiration. Quelle élévation! que de force, que de tendresse il y a dans cette âme! quand je l'ai vu prêt à finir la seconde lecture, je me suis rapprochée de lui; alors il a éclaté en sanglots, s'appuyant contre mon épaule presque avec des convulsions. Après ce trop juste mouvement, il s'est levé en disant avec une expression déchirante: C'est trop! C'est trop! Les pleurs s'étaient arrêtés; j'ai voulu les ramener, je suis entrée dans tous les détails qui ont suivis le malheur, lui disant toutes les circonstances qui pouvaient le toucher. Alors son attendrissement s'est porté sur vous: «Mon pauvre Alexandre, comment supportera-t-il cette perte? Il aimait tant Serge!» Je lui parlais de tout ce qui devait le toucher à votre sujet, votre volonté de le rejoindre, vos déchiremens de coeur qui ont décidé mon voyage, ce respect sacré pour sa volonté, la résolution de vous consacrer à lui, soit de loin, soit de près, comme il en ordonnerait. «Non, il ne faut pas qu'il vienne: les premiers moments passés il aurait le besoin d'aller s'occuper de moi à P. il n'y pourrait plus retourner, il se reprocherait d'être venu, il serait trop malheureux, il faut qu'il parte avec J., qu'il ne le quitte pas. Arrivé à P.; il obtiendra plus aisément de venir auprès de moi, il l'obtiendra dans un moment ou dans un autre; on lui tiendra compte d'avoir obéi dans un tel moment que celui-ci.» Je lui montrai la possibilité d'obtenir d'avantage, d'obtenir qu'il aille sur le continent comme bon lui semblerait. «O, non! cela ils ne le feront pas». Je suis encore revenue à la charge pour bien m'assurer qu'il voulait que vous allassiez à P., que ce n'était pas uniquement la générosité qui lui inspirait cette volonté, alors son visage prit une expression rayonnante de bonté. «Nous appartenons-nous? dit-il. Notre devoir n'est-il pas de nous occuper de ces six à sept cent malheureux dont nous devons soigner le sort? Puisque je ne peux pas

le faire, le devoir d'Alexandre est de ne pas s'en ôter la possibilité; il faut que tout soit reglé là-dessus avant que nous pensions à nous».

Il m'a alors questionné sur J. dont il s'inquiète sur la santé; je tâchais de le rassurer, je lui dis l'impression que j'en ai reçue, je lui dis tout ce qui s'est gravé en moi dans ce peu de semaines, qui ont unies tant d'émotions & de sentiments en commun entre nous. «Oui, c'est un être comme il n'y en a pas un second, c'est la créature humaine qui approche le plus de la perfection; la pureté du ciel est dans son âme. Il s'est alors livré avec attendrissement à tous les souvenirs qu'il a de J. Peu à peu cette roideur du premier moment a entièrement disparue, il est devenu ce que je ne savais pas qu'il pût être autant, il y eut en lui ce que nous admirons dans les grands hommes de l'antiquité: toujours de la simplicité dans les sentimens les plus sublimes. Il a traité divers sujets qui l'intéressaient, s'interrompant souvent pour revenir à Serge; mais tout s'était détendu en lui; les larmes venaient sans suffoquation. J'avais déjà la récompense de mon voyage; je sentais que je lui fais du bien, & je rendais intérieurement grâce à J. de la pensée qu'il a eue à mon égard; m'en rendre digne anime & inspire tout mon être.

Vers deux heures il m'a pris pour marcher avec lui & tout en; me faisant parcourir les rues de Londres la conversation continuait seulement il m'était possible alors de la détourner, quand elle devenait trop forte. Je cherchais aussi à l'occuper de moi, des détails de mon séjour ici, dont je veux lui donner l'embarras. J'ai une sorte de timidité avec lui qui ne m'a permis que de dire un mot sur les singulières conditions que vous m'avez imposées. Il n'a pas même répondu, mais j'ai vu avec plaisir qu'il est au fait; je l'ai vu à la manière dont il dispose de moi. Je voulais chercher tout de suite un *boording-house*, cela ne lui est pas commode, parce que le salon est en commun & qu'il ne pourrait pas être dans ma chambre; mais je m'occuperai demain de louer deux chambres, car je ne veux pas vous ruiner. Il vient dîner ici à mon auberge, il lui a été agréable que j'aie pensé à engager m-me Hague de l'accompagner.

Il y a eu un malentendu de la part du porteur de votre triste lettre; il a compris qu'il fallait tout de suite instruire Nicolas. C'est Mercredi il y a huit jours qu'il sait. M-me Hague m'a dit qu'il a été dans un état effrayant de désespoir; il m'a dit que depuis quelques temps il croyait à ce malheur, qu'il trouvait dans les lettres de Serge quelque chose de soigné, de compassé, qui indiquait un effort, & qu'en lisant quelques lignes qui avaient été écrites à m-me Hague, il lui vint tout-à-coup la conviction que son frère ne vivrait pas, sans pourtant

que ces lignes indiquassent rien, puisqu'il n'y est question que de Shakespear.

Je vois revenir Nicolas; il m'avait quitté pour que je me reposasse. Le meilleur repos pour moi est de vous en donner. Que n'ai-je le don de vous rendre assez bien les impressions que je reçois pour produire sur vous le même effet qu'elles produisent sur moi! Pourquoi faut-il que la Russie perde quelques années de la vie d'un tel homme!

Jeudi, 3 heures. Je continue, puisque la poste ne part que demain, ce qui me fache à cause de tout le tems que vous serez sans lettres. Vous savez le départ de Vikoulin. La journée d'hier a été meilleure que je n'avais osé l'espérer. Chaque fois qu'il remportait un triomphe sur lui, il me le faisait remarquer en ajoutant: «Vous le direz à Alexandre, vous lui direz comme je suis bien». Mais il disait cela souvent avec des yeux pleins de larmes. Il a maigri, mais le teint est très bon, il a singulièrement embelli; son visage est rayonnant du reflet de son âme; il n'a plus aucune douleur au côté, il sentait lui-même son obstruction au côté droit; il ne la sent plus, & le médecin de Cheltenham assure qu'il n'y a plus rien. Il m'a cependant promis de voir un médecin pendant que je serais ici, afin de vous rassurer par la consultation que j'emporterai. Votre sollicitude l'occupe, c'est la seule chose qui le touche, elle lui impose de ne s'abandonner sur rien. Il est revenu souvent à l'idée de votre arrivée ici, il s'y complait, il ne doute pas que vous ne puissiez venir au printemps. «Cet hyver sera cruel pour lui, je sens tout ce qu'il aura à souffrir, mais il aura J. Je compte aussi sur J. pour arrêter la langue d'Alexandre & des emportements inutiles. Alors il s'est fort étendu sur sa position, il a mis devant moi chacune de ses actions, chacune de ses paroles; tout est clair, évident, rien, rien sur quoi il puisse avoir le plus léger regret. Si ses paroles n'étaient pas la vérité toute pure, la vérité ne serait pas sur la terre. Pendant qu'il parlait, je remerciais Dieu dans le fond de mon âme de n'y avoir jamais laissé pénétrer un doute sur votre frère, quoiqu'il ne me fut donné de le juger que d'après votre affection & le respect qu'inspire son caractère à tous ceux qui le connaissent. Il parle de ceux dont il pourrait si justement se plaindre avec une grandeur d'âme sans égale; il n'a que de la pitié pour eux, non cette pitié dédaigneuse, qui pourrait outrager, mais de celle qui appartient à une véritable supériorité, qui fait la part de toutes les faiblesses humaines. A la fin de notre diner il a abordé le sujet qui l'a occupé toute sa vie, l'affranchissement des paysans; vous savez comment il est éloquent, mais combien il y a aussi de bonté & de tendresse & comme elle écla-

te à cette occasion, il termina en disant: «Dieu sait comment j'aime mes frères, eh bien! je les aurais sacrifiés tous deux pour cette sainte cause, si j'avais pu racheter tant de millons d'hommes avec le meilleur de mon sang». En parlant de J. à ce sujet, il dit: «Si J. ne pense pas comme moi à ce sujet, c'est que les intérêts humains n'atteignent pas cette âme celeste». Une autre fois, en parlant de l'absurde procédure, il dit des juges: «Je leur dois presque de la reconnaissance; il leur était si facile de me faire arriver, ils n'avaient qu'à arrêter Alex: ils étaient bien sûrs que j'accourerais. Si je n'étais pas venu quand on m'en a fait l'injonction, c'est que je crois qu'il est du devoir d'un homme de s'opposer de tout son pouvoir à l'injustice, même quand elle s'exerce contre nous même». Je trouve qu'il y a presque profanation à moi de répéter les paroles de Nicolas: elles ne peuvent qu'être affaiblies.

Il me conduisit de nouveau au travers de Londres; il y avait en lui une sérénité qui se communiquait à moi; cependant, en me quittant, il me dit qu'il s'était reproché le bien que je lui avait fait.—Ce matin je l'ai à peine vu; il a disposé de moi & m'a fait aller à une cérémonie avec m-me Hague à S-t Paul. J'ai obéi à regret, mais il s'en faisait un plaisir, & j'ai employé les quatre heures que j'ai passé là à faire parler m-me Hague sur lui. Elle est entré dans les moindres détails, & aucun n'est allarmant pour vous, quoiqu'elle ne m'ait pas caché qu'il avait des momens cruels de tristesse, même avant Serge; elle m'a dit que mon arrivée l'a fort touché. Elle a voulu le préparer à la terrible nouvelle en lui disant qu'en son absence il est venu quelqu'un de Paris pour lui parler de ses frères, qu'Alexandre se portait bien, mais que le plus jeune est malade. «Non, il est mort, je le sens depuis plusieurs jours», a été sa réponse.—Il dort assez bien; lui aussi me l'avait dit, il mange bien, ce régime & cette vie conviennent à son corps. Il veut se persuader que toute son existence actuelle lui convient, mais cela n'est pas, cela ne se peut pas; il veut la tranquillité & n'avoir point d'efforts à faire en s'occupant des autres, & sous ce rapport c'est bien. Mais cela fait mal de voir cet homme là dans un boording-house, au milieu d'indifférens, qui ont, à la vérité, beaucoup de bienviellance, mais avec qui aucune communication ne peut s'établir, dans une chambre en comparaison de quelle la chambre de vos domestiques, rue de l'Université, est magnifique; sous ce rapport, il lui serait aisé d'être mieux; mais il est accoutumé à cette maison, faute d'amis. Il n'est pas fâché d'un peu de bruit autour de lui, l'entière solitude serait pire. Je vous supplie de ne pas lui dire que je vous donne ces détails, quoique je lui dise bien que je recueille tout pour vous le reporter. —Il a assez d'argent; celui que je lui ai apporté lui a dabord donné de l'humeur;

mais quand il a su dans quelle intention délicate vous l'aviez fait, il n'y a plus eu que de l'émotion. Son premier mouvement a été de refuser la montre, mais il s'est fort attendri à l'échange & sans doute que je vous rapporterai la sienne. Je crains le moment où je la prendrai, l'autre lui fera mal, il n'a pu supporter la vue du reste; je prendrai mon tems pour cela. Il a voulu savoir dans quel lieu est son frère, je lui ai dit alors que vous désiriez connaître ses intentions; elles sont, qu'il reste où il est, il n'y sera point abandonné. Nous ferons un échange, mon bon Tourguénieff, & ma pauvre mère ne sera pas entièrement oubliée là où elle repose.

Nicolas croit que le refus du passeport vient d'après un ancien ordre, qui avait déjà été donné, lorsque Serge en avait demandé un à Vienne; cela rend la chose moins grave. Vous n'aviez donc pas connaissance de cet ordre? Il fera faire son portrait, j'espère vous l'apporter; je ne lui ai demandé qu'un dessin ou à l'aquarelle; il m'a paru un peu bourrée au premier mot que je lui ai dit, mais en ajoutant: cela fera du bien à Alexandre, ces mots produisent un effet magique. J'ai écrit ce matin au p. Pierre, il ne vaut pas la peine que je vous envoie la copie de ma lettre; rien de moi ne vaut cet acte solemnel, mais comme à un coeur de femme il pourrait échapper des expressions qui ne convinssent pas entièrement à la dignité d'un homme, je soumettrai ma lettre à Nicolas. Je n'y ai pas même nommé J., quoique cela me fut difficile, dans le doute si cela vous convient, je me suis abstenue, comme le sage.

Vous avez fait une étourderie en me donnant du thé à apporter; on l'a retenu à la douane de Douvres, mais on le rendra quand je repasserai. M-me Hague a été fort touchée que vous ayez pensé à elle. C'est une petite vieille de près de 60 ans, qui a de l'esprit & beaucoup d'âme; de voir Nicolas avec elle, trahit le plus un des besoins de son âme: on sent qu'il ne peut pas se passer d'être aimé. Cette femme a un culte pour lui; elle m'a dit qu'elle craignait que mon arrivée ne rendît son amitié insipide à Nicolas, je voudrais bien que cela fût vrai. Ce qui me frappe en Nicolas, c'est l'autorité qu'il prend naturellement sur les autres, on sent une supériorité & l'on n'en est pas blessé, elle n'inspire que le dévouement. Voilà deux êtres que je vous dois de connaître, il en serait assez de cette obligation. Nicolas donne l'idée d'un homme dans sa plus noble acception & J.—celle d'un être surnaturel.

Minuit. N. a passé toute l'après-diné & toute la soirée avec moi jusque dans ce moment. Plus il se livre & plus je découvre avec certitude que son retour ou au moins la possibilite d'être sur le continent est son voeu & qu'il met sa force à le repousser à ne pas bien s'en

rendre compte même. Plusieurs fois il s'est abandonné à des projets de réunion avec vous dans l'avenir, il s'étend avec complaisance sur vos talens, votre esprit, votre parfaite bonté; il a passé cinq heures à me parler de tout ce qui l'a intéressé dans la vie; enfin je suis sûre que ma présence lui fait du bien, il me dit qu'il n'avait pas connu les femmes, mais qu'il acquiers la certitude que partout où il y a un malheur, il y a une femme auprès pour l'adoucir.—Il m'a embarrassé par ses questions sur m-lle Pouchkin. Serge lui avait écrit qu'il songeait à l'épouser, & lui s'est figuré qu'il ne l'avait pas fait à cause de lui, pour n'élever aucun obstacle à votre réunion. Vous avez bien jugé qu'il ne fallait rien dire du mal qui *) Jusqu'à mon arrivée il était persuadé qu'il y avait quelque ch ire, et cela lui était affreux à penser; les détails si simples que je lui ai donné l'ont calmés. Il est d'une douceur envers moi que je n'espérais pas. Il commence demain son portrait; il verra le médecin, mais il ne veut pas Creighton à cause de ses relations avec l'ambassade. Ma lettre pour le p. Pierre part avec celle-ci.—Adieu aux deux amis. Je crois difficile de l'en occuper plus que je ne le fais & d'un coeur plus rempli d'affection. Donnez de mes nouvelles aux Guizot, j'en suis entée, car vous ne prenez pas tout; je ne leur écris pas aujourd'hui parce que je ne peux parler que de votre frère, & n'en parler qu'à vous.

Переводъ.

Середа, 13 (Іюня 1827, н. ст.), 10 часовъ утра. (Лондонъ).

Я здѣсь уже нѣсколько часовъ; скорѣе было нельзя. Я написала г-жѣ Гагъ (Hagues), и она только что ушла отъ меня. Николай здоровъ, но я пріѣхала слишкомъ поздно: онъ знаетъ все. Тотъ господинъ, которому вы дали письмо, все разсказалъ г-жѣ Гагъ и поручилъ ей печальную обязанность, которую мнѣ надлежало исполнить. Онъ въ самой глубокой скорби; но, повторяю, въ его здоровьѣ нѣтъ никакого ухудшенія; у него нѣтъ доктора, и онъ ни разу не обращался къ кому либо изъ нихъ во время своего здѣшняго пребыванія. Написавъ нѣсколько строкъ, я ихъ отослала ему съ вашей запиской, какъ условлено. Дожидаюсь его; г-жа Гагъ пошла его искать. По ея словамъ, ему было бы непріятно мое посѣщеніе, такъ какъ у него всего одна комната, или надо идти въ общую пріемную. Я уже сказала, что онъ знаетъ все; это значитъ: онъ знаетъ, что у него остался лишь одинъ братъ. Предшествующія обстоятельства ему неизвѣстны, да и ей также, мнѣ кажется. Она повидимому прекрасный человѣкъ. Вы видите по моему почерку, въ какомъ состояніи я дожидаюсь Николая.

---

*) Здѣсь и въ двухъ мѣстахъ ниже прорвано въ подлинномъ письмѣ. П. Б.

Впечатлѣніе оказалось не особенно жестоко; слѣдовательно лучше, что оно произведено другимъ лицомъ, а я бы выдала себя раньше чѣмъ подготовила его. Мой добрый Тургеневъ! Мы никогда не забудемъ этой минуты нашей жизни. Лишь несчастіе сближаетъ такъ тѣсно сердца; я прошла черезъ такое же горе*). Кажется, я слышу его шаги...

Онъ тутъ и читаетъ ваши бумаги. Онъ взошелъ ко мнѣ довольно холодно; его первыя слова были: «Зачѣмъ вы здѣсь? Хотите вы мнѣ сказать, что Александръ также умеръ?» Я ему отвѣчала, что вы здоровы, бодры, словомъ все, какъ условлено. «Я зналъ, что ему не дадутъ паспорта; но для чего всѣ эти бумаги? Очень мнѣ нужно это смѣшное дѣло! Я думаю только о Сергѣѣ. Значитъ, онъ былъ очень боленъ?» Я передала всѣ подробности, которыя могли бы его тронуть; но онъ сопротивлялся волненію и, когда оно его охватило, сказалъ: я отойду, чтобы прочесть обо всемъ этомъ. Дѣйствительно онъ сталъ читать. Онъ — прямо противъ меня, и я вижу это мужественное выраженіе, полное достоинства и бодрости; лишь вздохи выдаютъ волненіе, усиливаемое нѣкоторыми мѣстами вашихъ писемъ. Онъ продолжаетъ читать далѣе; болѣе благосклонный взоръ, брошенный на меня, показываетъ, что онъ тронутъ. Вотъ уже часъ, какъ онъ сидитъ въ молчаніи на моемъ диванѣ, продолжая читать; я выжидаю хоть одного слова, чтобы приблизиться къ нему. Я его не буду прерывать; и то уже хорошо, что онъ согласился читать въ моемъ присутствіи. Какъ сильно бьется сердце передъ этой столь спокойною скорбью!

4 часа.

Нѣсколько часовъ проведенныхъ съ вашимъ братомъ внушили мнѣ глубокое къ нему уваженіе. Какая высота, сколько силы, нѣжности въ его душѣ! Когда я увидѣла, что онъ кончаетъ второе письмо, я подошла къ нему. Онъ зарыдалъ, склонясь къ моему плечу; рыданія переходили почти въ судороги. Послѣ этого естественнаго движенія, онъ всталъ и произнесъ раздирающимъ душу голосомъ: «Это слишкомъ! Это слишкомъ!» Слезы прекратились. Желая ихъ вызвать, я передала всѣ подробности несчастія, разсказывала всѣ тѣ обстоятельства, которыя могли бы его тронуть. Тогда онъ умиленно сталъ говорить о васъ: «Мой бѣдный Александръ! Какъ перенесетъ онъ эту потерю? Онъ такъ любилъ Сергѣя!» Я ему стала разсказывать о васъ все, что̀ могло тронуть его, о вашемъ намѣреніи пріѣхать къ нему, о вашей сердечной тревогѣ, вслѣдствіе чего я рѣшилась ѣхать, о вашемъ почитаніи его

---

*) Вѣроятно говорится о матери графини Разумовской, когда она умирала въ Петербургѣ. П. Б.

воли, о намѣреніи посвятить себя ему вдали, или вблизи, какъ онъ прикажетъ. «Нѣтъ, ему не надо пріѣзжать. Пройдетъ нѣсколько времени, и ему понадобится ѣхать въ Петербургъ заняться моими дѣлами, а ему нельзя уже будетъ вернуться, и онъ будетъ упрекать себя, зачѣмъ пріѣхалъ. Онъ будетъ слишкомъ несчастенъ, ему надо уѣхать съ Жуковскимъ; пусть онъ его не покидаетъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ ему легче будетъ добиться возможности пріѣхать ко мнѣ; рано ли, поздно ли получитъ онъ ее: ему зачтутъ то обстоятельство, что онъ повиновался въ такое трудное время».

Я указала ему на возможность достигнуть бóльшаго, достигнуть того, чтобы онъ самъ могъ пріѣхать на материкъ, какъ ему захочется. «О, нѣтъ, они этого не сдѣлаютъ!» Я опять вернулась къ тому же съ намѣреніемъ удостовѣриться хорошенько, хочетъ ли онъ, чтобы вы ѣхали въ Петербургъ, не внушено ли такое желаніе только великодушіемъ. Тогда лицо его приняло выраженіе сіяющей доброты. «Принадлежимъ ли мы самимъ себѣ? сказалъ онъ. Не есть ли наша обязанность заниматься тѣми 6, 7-ю стами несчастныхъ, о судьбѣ коихъ мы должны пещись? Такъ какъ я не могу этого дѣлать, то долгъ Александра не отнимать у себя этой возможности; надо, чтобы тамъ все было улажено, прежде чѣмъ думать о себѣ». Затѣмъ онъ спросилъ меня о Жуковскомъ и безпокоился о его здоровьѣ. Я его постаралась разувѣрить, передала ему свои впечатлѣнія, разсказала ему все, чтò запечатлѣлось во мнѣ въ эти немногія недѣли, полныя для насъ столькихъ волненій и горестныхъ чувствъ. «Да, это такое существо, что другаго не найдешь; это созданіе человѣческое подходящее такъ близко къ совершенству; его душа—небесная чистота». И онъ съ умиленіемъ отдался воспоминаніямъ о Жуковскомъ. Мало по малу первоначальная холодность совершенно пропала, онъ сталъ такимъ, что превзошелъ всѣ мои ожиданія; въ немъ есть то чему мы удивляемся въ великихъ людяхъ древности: неизмѣнная простота въ самыхъ возвышенныхъ чувствахъ. Онъ говорилъ о многомъ, чтò его интересовало, прерывая себя зачастую, чтобы вернуться къ Сергѣю; но въ немъ не было ничего напряженнаго: онъ плакалъ тихо. Я уже была вознаграждена за свою поѣздку; я чувствовала, что приношу ему пользу и мысленно возблагодарила Жуковскаго за то, что я ему пришла на мысль. Все мое существо одушевлено сознаніемъ, что я этого удостоилась

Около 2 часовъ онъ взялъ меня съ собою, и во время прогулки по улицамъ Лондона разговоръ продолжался; но я имѣла возможность измѣнять его, когда онъ принималъ слишкомъ острый характеръ. Я старалась также занять его подробностями моего пребыванія здѣсь, которымъ я ему причиню неудобства; я чувствовала къ нему нѣкото-

рую робость и потому лишь слегка коснулась тѣхъ особенныхъ условій, которыя вы мнѣ предписали. Онъ даже ничего не отвѣчалъ; но я съ удовольствіемъ замѣтила, что онъ ихъ принимаетъ: я видѣла это по тому, какъ онъ ко мнѣ относится. Я хотѣла тотчасъ же искать меблированной комнаты (boording-house); но это для него неудобно, такъ какъ пріемная будетъ общая, и ему нельзя будетъ быть у меня въ комнатѣ. Завтра я займусь наймомъ двухъ комнатъ, такъ какъ не хочу васъ разорять. Онъ обѣдаетъ у меня въ гостинницѣ; ему пріятно, что я надумала позвать г-жу Гагъ присоединиться къ намъ.

Произошло недоразумѣніе со стороны подателя вашего печальнаго письма. Онъ вообразилъ, что ему слѣдовало тотчасъ же увѣдомить Николая. Въ Середу будетъ недѣля, какъ онъ увѣдомленъ. Г. Гагъ мнѣ передавала, что онъ находился въ состояніи ужаснаго отчаянія; онъ мнѣ говорилъ, что съ нѣкотораго времени онъ предполагалъ объ этомъ несчастіи, находя въ письмахъ Сергѣя что-то скрытное, тщательное, обозначающее усиліе. Читая одно мѣсто изъ письма къ г-жѣ Гагъ, онъ вдругъ пришелъ къ убѣжденію, что его братъ не будетъ жить, хотя тамъ ничего не было такого, а говорилось о Шекспирѣ.

Вотъ возвращается Николай: онъ ушелъ отъ меня, чтобы я отдохнула; но лучшій покой для меня, чтобы вы были покойны. Зачѣмъ я не могу достаточно хорошо передать впечатлѣнія мною получаемыя, чтобы и вы испытывали тоже, что я?! Неужели для Россіи надо лишиться на нѣсколько лѣтъ такого человѣка?

Четвергъ, 3 часа. Продолжаю, такъ какъ почта отходитъ только завтра, что́ меня сердитъ: ибо вы все это время останетесь безъ писемъ. Вы уже знаете объ отъѣздѣ Викулина*). Вчерашній день былъ такъ хорошъ, что превзошелъ всѣ мои надежды. Всякій разъ, какъ ему удавалось побѣдить себя, онъ обращалъ на это мое вниманіе, говоря: «Скажите объ этомъ Александру; разскажите, что я себя хорошо чувствую», но онъ говорилъ это зачастую со слезами на глазахъ. Онъ похудѣлъ, но цвѣтъ лица хорошъ. Онъ необыкновенно похорошѣлъ, лицо его отражаетъ сіяніе его души; боли въ боку у него нѣтъ никакой; онъ самъ чувствовалъ прежде завалъ въ правомъ боку, теперь же нѣтъ, и докторъ изъ Чельтенгама увѣряетъ, что болѣзнь совсѣмъ прошла. Однако онъ обѣщалъ мнѣ повидаться съ докторомъ во время моего пребыванія здѣсь, чтобы успокоить васъ этою консультаціей. Ваше

---

*) Сергѣй Алексѣевичъ Викулинъ, молодой человѣкъ, сынъ богатаго Воронежскаго помѣщика Задонскаго уѣзда, весьма просвѣщенный и художественно-настроенный. Онъ рано умеръ (повредившись въ умѣ). Когда Александръ Николаевичъ путешествовалъ по Россіи лѣтомъ 1837 года, то, по указанію Жуковскаго, заѣзжалъ въ помѣстье отца его. П. Б.

безпокойство его занимаетъ; только это его и трогаетъ, мысль эта не даетъ ему предаться чему либо другому. Онъ часто возвращался къ мысли о вашемъ пріѣздѣ сюда, онъ ею утѣшается; для него несомнѣнно, что вы будете имѣть возможность пріѣхать весной. «Эта зима будетъ для него ужасна; я чувствую, что̀ ему придется перестрадать, но съ нимъ будетъ Жуковскій, я разчитываю также на Жуковскаго, что онъ удержитъ Александра отъ безполезныхъ словъ и вспышекъ». Затѣмъ онъ очень много говорилъ о своемъ положеніи. Онъ развернулъ передо мною всѣ свои дѣйствія; все ясно, очевидно; ничего, рѣшительно нѣтъ ничего, о чемъ бы онъ могъ хоть сколько нибудь сожалѣть. Если его слова не чистѣйшая правда, то правды нѣтъ на землѣ.

Когда онъ говорилъ, я въ глубинѣ души благодарила Господа, что никакого сомнѣнія относительно вашего брата не было заронено въ меня, хотя мнѣ было дано судить о немъ лишь по вашей любви къ нему и уваженію, внушаемому его характеромъ всѣмъ, кто его знаетъ. Онъ говоритъ о тѣхъ, на кого могъ бы вполнѣ справедливо жаловаться, съ неподражаемымъ величіемъ духа. Къ нимъ онъ питаетъ лишь жалость, не ту презрительную жалость, которая оскорбляетъ, но ту, которая присуща истинному превосходству, понимающему всѣ человѣческія слабости. Къ концу обѣда онъ началъ говорить о томъ, что̀ занимало всю его жизнь—объ освобожденіи крестьянъ. Вы знаете, въ какой степени онъ краснорѣчивъ; но сколько въ немъ къ тому же доброты и нѣжности; какъ она блестяще проявилась въ данномъ случаѣ! Онъ кончилъ такими словами: «Богу извѣстно, какъ я люблю моихъ братьевъ; но я ими обоими пожертвовалъ бы для этого святаго дѣла, если бы могъ искупить столько милліоновъ людей».

Говоря о Жуковскомъ по этому поводу, онъ сказалъ: «Жуковскій не думаетъ объ этомъ дѣлѣ, какъ я, лишь потому, что людскія дѣла не касаются этой небесной души». Говоря о нелѣпомъ веденіи дѣла, онъ отозвался слѣдующимъ образомъ про судей: «Я имъ почти благодаренъ; имъ было такъ легко заставить меня пріѣхать; стоило имъ лишь задержать Александра, и они могли бы быть увѣрены, что я пріѣду. Если я не пріѣхалъ, когда меня вызывали, то потому, что считаю долгомъ человѣка изо всѣхъ силъ противиться несправедливости, и когда она направлена противъ него самаго».

По моему почти святотатственно повторять слова Николая: они при передачѣ не могугъ быть не ослаблены. Снова водилъ онъ меня по Лондону; въ немъ была ясность духа, которая сообщилась и мнѣ. Разставаясь со мною, онъ сказалъ, что ему совѣстно подумать, какъ много я для него сдѣлала.

Сегодня поутру я его почти не видѣла: онъ распорядился мною, заставивъ отправиться съ госпожею Гагъ на какую-то церемонію въ церкви св. Павла. Съ огорченіемъ я ему повиновалась, но это ему доставляло удовольствіе; а я тѣ четыре часа, что провела тамъ, употребила на разговоръ объ немъ съ г. Гагъ. Она взошла въ мельчайшія подробности. Ничего нѣтъ для васъ угрожающаго; но она не скрыла отъ меня, что у него даже раньше смерти Сергѣя были ужасныя минуты; сказала, что мой пріѣздъ его необычайно тронулъ. Она хотѣла его подготовить къ ужасному извѣстію и сказала, что безъ него приходилъ кто-то пріѣзжій изъ Парижа, чтобы разсказать ему о братьяхъ, что Александръ здоровъ, но младшій боленъ. «Нѣтъ, онъ умеръ; я это чувствую уже нѣсколько дней», былъ его отвѣтъ.

Спитъ онъ хорошо (какъ и самъ мнѣ говорилъ), ѣстъ также. Онъ хочетъ убѣдиться, что весь образъ жизни, котораго онъ теперь держится, ему подходитъ; но это не такъ и не можетъ быть такъ. Онъ ищетъ покоя, отсутствія занятій дѣлами другихъ, и въ такомъ смыслѣ это хорошо. Но горестно видѣть такого человѣка въ меблированныхъ комнатахъ, среди равнодушныхъ людей, которые, правда, выказываютъ много благорасположенія, но съ которыми не можетъ установиться никакого общенія; въ комнатѣ, въ сравненіи съ которою комната для вашей прислуги на Университетской улицѣ кажется великолѣпной. Въ этомъ отношеніи ему не мѣшало бы устроиться получше; но онъ привыкъ къ этому дому, за отсутствіемъ друзей. Его не раздражаетъ шумъ вокругъ него; полное одиночество было бы хуже. Ради Бога, не выдайте, что я сообщаю вамъ всѣ эти подробности, хотя я ему говорила неоднократно, что я ихъ собираю для передачи вамъ. У него достаточно денегъ; тѣ, которыя я ему передала, были ему сперва непріятны, но когда онъ узналъ, съ какимъ добрымъ намѣреніемъ вы ихъ ему дали, онъ глубоко умилился. Первымъ движеніемъ его было отказаться отъ часовъ; но, узнавъ о предложеніи обмѣна, онъ крайне умягчился и, конечно, я привезу вамъ его часы.

Онъ желалъ узнать, гдѣ положенъ его братъ. Я ему сообщила, что вы желаете знать его намѣренія; они таковы: «пусть остается, гдѣ онъ теперь, онъ не будетъ тамъ покинутъ». Мы совершимъ обмѣнъ, мой дорогой Тургеневъ, и моя бѣдная мать не будетъ окончательно забыта тамъ, гдѣ она почиваетъ.

Николай думаетъ, что въ паспортѣ отказали согласно прежнему распоряженію, уже существовавшему, когда Сергѣй хлопоталъ о паспортѣ въ Вѣнѣ; такъ выходитъ легче. Вы не знаете объ этомъ распоряженіи? Онъ закажетъ свой портретъ; надѣюсь его привезти. Я у него просила лишь карандашный рисунокъ или акварель. Онъ было

меня осадилъ на первомъ словѣ, но я добавила: это утѣшитъ Александра. Сегодня по утру я писала къ князю Петру *). Нечего посылать вамъ копію съ этого письма: ничто касающееся меня не стоитъ этого торжественнаго акта; но такъ какъ у женщины могутъ проскользнуть выраженія, которыя не вполнѣ подойдутъ къ достоинству мущины, я дамъ прочесть мое письмо Николаю. Я совсѣмъ не называла Жуковскаго, хотя мнѣ это было трудно; но такъ какъ я сомнѣвалась, можно ли это для васъ, то я благоразумно воздержалась [1]).

Вы поступили легкомысленно, давъ мнѣ привести чаю; его задержали на Дуврской таможнѣ, но его отдадутъ мнѣ на обратномъ пути.

Г-жа Гагъ очень тронута вашею памятью о ней. Это маленькая старушка лѣтъ 60-ти, очень умная и сердечная; видишь Николая съ нею и узнаёшь потребность его души. Онъ не можетъ обойтись безъ любви. Она питаетъ къ нему какое-то обожаніе; она мнѣ сказала, что боялась, какъ бы мой пріѣздъ не сдѣлалъ ея дружбу противною для Николая. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы это было такъ.

Чтó меня поражаетъ въ Николаѣ—это властность, которую онъ естественно беретъ съ другими; чувствуешь его превосходство, но нисколько этимъ не оскорбляешься: оно внушаетъ лишь преданность. Вотъ два человѣка, съ которыми я познакомилась, благодаря вамъ; трудно сказать, какъ вамъ я за это обязана. Николай представляетъ образецъ человѣка въ самомъ благородномъ смыслѣ, Жуковскій—сверхъестественнаго существа.

Полночь.

Н. провелъ все послѣобѣденное время и весь вечеръ до этой минуты со мною. Чѣмъ болѣе онъ становится откровененъ, тѣмъ съ большею достовѣрностью открываю я, что онъ желаетъ вернуться или, по крайней мѣрѣ, имѣть возможность быть на материкѣ. Нѣсколько разъ онъ предавался предположеніямъ о совмѣстномъ житьѣ съ вами въ будущемъ. Съ радостью толкуетъ онъ о вашихъ способностяхъ, вашемъ умѣ, вашей удивительной добротѣ. Пять часовъ говорилъ онъ мнѣ о томъ, чтò его занимаетъ въ жизни. Теперь я убѣждена, что мое присутствіе хорошо для него; онъ сказалъ мнѣ, что не зналъ женщинъ, но теперь убѣдился, что всюду гдѣ есть горе, тамъ мѣсто женщинѣ, чтобы умягчать оное. Онъ меня затруднялъ своими вопросами о Пушкиной [2]). Сер-

---

*) Не къ князю ли Петру Андреевичу Вяземскому, котораго Тургеневы и Жуковскій конечно познакомили съ графиней Разумовской, когда она жила въ Петербургѣ? А еще болѣе вѣроятно: къ князю Петру Михайловичу Волконскому, министру двора. П. Б.

[1]) Опасеніе, чтобы письмо не было прочтено на почтѣ. П. Б.

[2]) Прасковья Алексѣевна, одна изъ дочерей Алексѣя Михайловича и Елены Григорьевны Пушкиныхъ. Она съ матерью жила тогда въ Дрезденѣ. П. Б.

гѣй писалъ ему, что собирается жениться на ней; и онъ вообразилъ, что тотъ не сдѣлалъ этого изъ-за него, чтобы не помѣшать вашему свиданію. Вы правильно разсуждали, что не слѣдовало бы говорить ему ничего дурнаго до моего пріѣзда; онъ былъ убѣжденъ, что произошло что-то болѣе страшное, и ему было ужасно думать объ этомъ. Простыя подробности, мною ему сообщенныя, его успокоили.

Его нѣжность ко мнѣ превзошла мои ожиданія. Завтра начнетъ онъ свой портретъ, повидается съ докторомъ; но онъ не хочетъ Крейтона, такъ какъ тотъ въ сношеніяхъ съ посольствомъ. Мое письмо къ князю Петру отправляется вмѣстѣ съ этимъ. До свиданія. Я думаю трудно ухаживать за нимъ больше моего и съ большею любовью. Сообщите обо мнѣ Гизо; я имъ не писала сегодня, такъ какъ могу говорить лишь о вашемъ братѣ, и только вамъ.

На оборотѣ подлиннаго письма: Monsieur Alexandre de Tourguéneff. Rue de l'Université № 23. Fb. S-t Germain. Paris. France. 18 Iuin 1827.

2.

Jeudi, 21 Juin.

S'il n'y a rien de nouveau ici ou dans vos lettres, je partirai Dimanche soir; je crois le pouvoir, votre frère est maître de lui, ses sentiments sont si profonds qu'il lui faut plus d'efforts; mais il est parvenu à peu près à se dominer; il est maintenant comme il sera bien longtemps, je crois.

Mardi, lorsque je vous ai écrit ce peu de lignes dans sa lettre, je l'avais trouvé entouré des vôtres & dans un état de douleur effrayante; vous avez lu ce qu'elle m'a inspiré; il ne m'en a rien dit jusqu'à hier au soir; depuis ce moment-là il me parlait moins ou cherchait à me persuader qu'il n'avait aucun besoin de moi; que tout sur la terre lui est indifférent hors sa douleur & vous. Cependant des regards bienveillants démentaient ses paroles, il me quittait encore moins, il était occupé de tout ce qui pouvait m'être agréable. Hier j'ai diné avec lui à son boording-house; comme il était plus sombre, j'ai craint une crise & pour l'éviter, j'ai paru désirer de rester dans le salon au milieu de tout le monde; j'ai réussi: le bruit l'a calmé sans le déranger de ses pensées. Il est venu s'établir auprès de moi dans un coin du salon & nous avons causé toute la soirée de sa vie passée, comme deux vieux amis auraient pu le faire; il m'a ramené tard de chez lui jusqu'à ma porte; il n'a pas dit une parole; arrivé devant ma maison, au lieu de m'y laisser, il m'a fait continuer de marcher, & enfin il a abordé brusquement ce dont je voyais bien qu'il était occupé.—«Ce que vous avez proposé est bien étrange», dit-il; vous n'avez eu cette idée que

parce que vous me croyez trop faible pour porter seul ce terrible fardeau; vous communiquerez vos observations à mon frère, vous l'inquiéterez; vous vous trompez, je peux fort bien porter ma douleur, je n'ai besoin de personne, je ne me soucie d'aucun intérêt, que vous soyez ici, que vous n'y soyez pas, c'est la même chose pour moi, je n'ai d'autres soins à prendre de moi que de vivre, je l'ai promis à Alexandre; pour le reste, qu'importe que je souffre, si je n'en meure pas». Je cherchais à adoucir cette aprêté; il me dit encore: «Pourquoi vous intéressez vous à moi? C'est trop ce que vous faites, je n'ai pas de reconnaissance à vous donner, d'où vous vient l'intérêt que vous me montrez?»—Je lui dit, que je ne le savais pas moi-même, qu'il me semblait que Serge même m'inspirait, que lorsque je priais avec vous auprès du cercueil, j'avais demandé à Dieu & à cet être si paisible, qui reposait devant nous, de m'accorder des consolations à vous donner, que depuis ce moment j'étais uniquement occupée de vous deux, que je sentais que je n'étais que l'instrument d'une autre volonté. Un serrement de main affectueux m'a seul répondu.

Je ne veux pas déméler quel effet produit mon départ, je lui en ai parlé la première; il n'a pas fait une objection, quoique la petite circonstance de l'alien-office m'eut montré qu'il comptait me garder plus longtemps; je crois qu'il désire que vous me voyez avant que vous quittiez Paris; si vous en aviez décidé autrement & que je l'apprisse à temps, je me conformerais à ce que vous demanderiez, & je resterais jusqu'après son départ, je ne suis pas la dupe de la ruse que lui inspire sa délicatesse; il voudrait me persuader que je ne lui suis bonne à rien, afin que vous soyez plus tranquille sur lui. Je crois qu'il peut se passer de moi, mais je sens que ma présence lui est douce; il me l'a dit, & ne me le dit plus depuis que j'ai arrêté mon départ; il n'est pas susceptible d'une autre distraction que de celle de s'occuper de moi, il le fait avec une bonté qui me va au coeur. Vous savez, cher ami, ce qui m'a conduit ici, mais depuis que je connais votre frère, je suis attirée pas une véritable simpathie; nous sommes ensemble comme frère & soeur; il y a quelque chose de particulier dans des rapports que la douleur a fait naître, elle leur imprime un caractère de sainteté qui, j'espère, sera ineffaçable.—Je vous apporte son portrait, c'est un croquis en couleur qui n'est pas sans ressemblance; il s'en est occupé d'une manière touchante.

2 heures. Dans ce moment même m-me Hague m'apporte vos deux lettres du 16 & 18. Nicolas est chez le médecin où j'ai exigé qu'il alla; mais comme m me Hague a ouvert les lettres, je lis ce qui est pour moi. Je vous dirais volontiers comme dit votre frère: je ne

veux pas qu'on remue tant de choses en moi; mais, mon Dieu, qu'est ce que je fais donc pour que vous le preniez de cette manière! Il faudrait être une pierre pour ne pas sentir comme je le sens; si je vous rends bien votre frère, c'est que je suis pénétrée; je vous ai dit, je vous dis toute la vérité; vous me demandez de prolonger, lui va en décider; je crois qu'il ne le voudra pas, je vous avoue qu'il m'en coûtera beaucoup de ne pas vous revoir & de ne pas dire à Joukofsky un adieu qui sera peut-être pour la vie; mais je ne le montrerai pas à votre frère & s'il désire me garder jusqu'à ce qu'il aille aux eaux, je resterai; la fin de cette lettre vous instruira de sa volonté.—Que je vous suis reconnaissante de l'intérêt que vous avez inspiré pour moi à Joukofsky, c'est plus que tout ce que je pourrais faire pour vous; l'idée de Joukofsky est melée en moi à mes sentiments religieux, il m'a laissé l'impression de quelque chose de parfait, d'entièrement sans tache. Il faut entendre Nicolas parler de lui, il en parle mieux que vous; car vous possédez, vous jouissez, il en parle avec une chaleur, un enthousiasme que émeut encore plus par le contraste de sa froideur habituelle.

Le voilà lisant vos deux lettres. Il n'a pas vu le médecin, ce sera demain. Il m'est fort égal qu'on sache mon voyage; si je ne l'ai pas dit en général, c'est que le secret ne m'en appartenait pas; vous-avez bien fait de le dire à Dégérando, vous pouvez en parler comme vous voudrez, ce sera un besoin pour moi de parler de votre frère.—Ne l'embarrassez pas de mes lettres, vous êtes toujours bavard, qu'est-ce que cela peut lui faire? Ne voit-il pas comment je sens ce qu'il vaut? Ménagez-le, votre tendresse parfois lui bouleverse l'âme; quant à moi, elle me pénétre pour vous de sentimens que je n'ai pas le temps de vous dire, mais qui vont leur train, vous les retrouverez plus tard.

Vikoulin a exagéré en mal dans ce qu'il vous a dit de sa manière de vivre. Ne le pressez pas de changer; il est mal logé dans son boording-house, mais à son retour il aura une meilleure chambre; il est là depuis sept mois, entouré de respect, de soins, car personne ne peut s'en défendre avec lui; ce sont sans doute des gens qui lui sont inférieurs, mais des gens bien elevés, & parmi les hommes il trouve là les opinions, les ideés qui lui sont chères & qui forment un point de contact; la nourriture est bonne; il est fait à tous ces visages; ne lui faites pas commencer autre chose avant que vous ne soyez ici; ce serait recommencer toutes ses impressions qu'il faut tant nous efforcer d'amortir. La lecture de vos deux lettres altère son visage; jugez par là comment il prend ce qui vient de vous. Votre frère consent que je reste jusqu'à son départ. ne m'attendez donc pas Mercredi. Иду съ гра-

финею ходить. Я объявилъ ей, что лучше для васъ и для меня, чтобы она ѣхала въ Воскресенье и была бы съ вами въ Середу. Завтра буду писать къ вамъ. Вскорѣ послѣ ея отъѣзда я поѣду въ Лимингтонъ. Vous voyez qu'il m'a encore ordonné autrement; j'avais deviné: c'est pour vous qu'il me renvoit; il a été tout ce qu'il est possible de meilleur pour moi, je vous le dirai demain.

Переводъ.

Четвергъ, 21-го Іюня (1827).

Если не будетъ ничего новаго здѣсь или въ вашихъ письмахъ, то я уѣду въ Воскресенье вечеромъ. Я считаю, что это можно: вашъ братъ владѣетъ собой. Его чувства такъ глубоки, что ему надлежитъ дѣлать больше усилія надъ собою; но онъ достигъ того, что почти управляетъ собой, и онъ теперь въ такомъ состояніи, въ какомъ, полагаю, останется на долгое время.

Во Вторникъ, когда я вамъ написала нѣсколько строкъ въ его письмѣ, я нашла его окруженнаго вашими письмами, въ состояніи ужасной скорби. Вы прочли, какое впечатлѣніе она на меня произвела. Онъ ничего не говорилъ мнѣ до вчерашняго вечера; съ этого времени онъ говорилъ со мною меньше и искалъ случая меня убѣдить, что я вовсе ему ненужна, что ко всему на свѣтѣ онъ равнодушенъ кромѣ своей скорби и васъ, но благосклонные взгляды изобличали его; онъ еще рѣже оставлялъ меня одну и старался дѣлать все мнѣ пріятное. Вчера я обѣдала съ нимъ въ его меблированныхъ комнатахъ; такъ какъ онъ казался мрачнѣе обыкновеннаго, то я, боясь взрыва, и чтобы его избѣжать, выразила желаніе остаться въ гостиной среди общества. Мнѣ удалось; шумъ успокоилъ его, но не разбилъ мыслей. Онъ сѣлъ возлѣ меня въ уголкѣ, и мы проболтали весь вечеръ о его прошлой жизни, какъ старые друзья. Поздно онъ пошелъ провожать меня, не говоря ни слова. Когда мы дошли до того дома, гдѣ я живу, вмѣсто того, чтобы проститься, онъ продолжалъ идти и внезапно приступилъ къ тому, чѣмъ, какъ я видѣла, онъ былъ занятъ.

«То, что́ вы предлагаете, очень странно, сказалъ онъ. Вы выдумали это только потому, что считаете меня слишкомъ слабымъ для перенесенія моего ужаснаго бремени; вы сообщите ваши наблюденія моему брату и обезпокоите его. Но вы ошибаетесь: я прекрасно могу вынести мое горе; мнѣ никого не нужно; мнѣ совсѣмъ все равно, будете ли вы здѣсь или нѣтъ; объ одномъ моя забота—быть живымъ. Это я обѣщалъ Александру, а затѣмъ не все ли равно, что я страдаю, лишь бы не умереть».

Я старалась смягчить эту жесткость, и онъ прибавилъ: «Почему вы принимаете во мнѣ участіе? Слишкомъ много вы для меня дѣлаете, не могу васъ отблагодарить, откуда у васъ участіе ко мнѣ?»

Я ему сказала, что и сама того не знаю; мнѣ кажется, что самъ Сергѣй его мнѣ внушаетъ, что когда вмѣстѣ съ вами я молилась у гроба, я просила у Бога и у почивавшаго передъ нами дать мнѣ возможность утѣшить васъ; что съ этой минуты я всецѣло предалась вамъ двоимъ и чувствую себя лишь орудіемъ чужой воли. Горячее пожатіе руки было мнѣ единственнымъ отвѣтомъ.

Я не хочу разбирать, какое дѣйствіе произведетъ мой отъѣздъ. Я первая заговорила о томъ. Онъ мнѣ не возражалъ, хотя незначительный случай въ паспортной конторѣ показалъ мнѣ, что онъ разсчитываетъ удержать меня дольше: полагаю, что онъ желаетъ, чтобы вы меня видѣли раньше вашего отъѣзда изъ Парижа. Если таково ваше рѣшеніе и я узнàю объ немъ вó-время, то я поступлю согласно вашему желанію и останусь до его отъѣзда. Я не поддаюсь хитрости, внушенной ему его деликатностью: онъ хочетъ увѣрить меня, что я ему совсѣмъ ненужна, чтобы вы были болѣе покойны относительно его. Я вѣрю, что онъ можетъ обойтись и безъ меня, но я чувствую, что мое присутствіе ему сладостно; онъ мнѣ объ этомъ говорилъ, но не говоритъ съ тѣхъ поръ, какъ я отсрочила свой отъѣздъ. Онъ въ одномъ лишь находитъ развлеченіе: заниматься мною, и онъ это дѣлаетъ съ добротою, трогающею меня до глубины сердца.

Вы знаете, мой другъ, чтò привело меня сюда; но послѣ того, какъ я узнала вашего брата, истинная симпатія руководитъ мною; мы вдвоемъ какъ братъ и сестра; есть что-то особенное въ отношеніяхъ, порождаемыхъ горемъ: оно придаетъ имъ характеръ святости, который, полагаю, останется неизгладимымъ.

Я привезу вамъ его портретъ; это набросокъ въ краскахъ, не лишенный сходства; онъ имъ занимался трогательнымъ образомъ.

2 часа.

Сейчасъ госпожа Гагъ принесла мнѣ два ваши письма отъ 16 и 18-го. Николай у доктора, къ которому пошелъ по моему требованію. Такъ какъ г-жа Гагъ распечатала письма, то я прочла относящееся ко мнѣ. Я скажу вамъ охотно, какъ говоритъ вашъ братъ: я не хочу, чтобы затрогивали такія сокровенныя струны во мнѣ, и чтò я такое дѣлаю, чтобы принимать это такъ? Надо быть камнемъ, чтобы не чувствовать такъ, какъ я; если я возвращаю вамъ вашего брата, то потому что тронута до глубины души. Я вамъ говорила и говорю всю правду; вы просите меня оставаться и продолжить уходъ. Онъ долженъ это рѣшить; полагаю, что онъ не захочетъ этого. Признаюсь,

что мнѣ будетъ стоить большихъ усилій не видѣть васъ, не проститься, можетъ быть, въ послѣдній разъ, съ Жуковскимъ; но я не покажу этого вашему брату и, если онъ хочетъ удержать меня до своего отъѣзда на воды, я останусь. Въ концѣ письма вы найдете о состояніи его здоровья.

Какъ я вамъ благодарна за вниманіе по отношенію ко мнѣ, внушенное вами Жуковскому; это болѣе того, чтó я могу сдѣлать для васъ. Представленіе о Жуковскомъ соединяется у меня съ религіозными чувствами; онъ оставилъ во мнѣ впечатлѣніе чего-то совершеннаго, рѣшительно-безупречнаго. Надо послушать Николая, какъ онъ отзывается о немъ; онъ говоритъ о немъ лучше, чѣмъ вы: ибо вы обладаете и пользуетесь; онъ же говоритъ о немъ съ жаромъ и энтузіазмомъ, который, по контрасту съ его обычною холодностью, еще болѣе трогателенъ.

Вотъ онъ читаетъ ваши письма; дóктора онъ не видѣлъ, увидитъ завтра.

Мнѣ рѣшительно все равно, что знаютъ о моей поѣздкѣ; если я вообще о томъ не говорила, то потому что тайна не принадлежала мнѣ. Вы хорошо сдѣлали, что сказали о ней Дежерандо; вы можете какъ вамъ угодно говорить о ней; для меня будетъ необходимостью говорить о вашемъ братѣ. Не смущайте его моими письмами, вы всегда болтливы. Чтó это для него? Развѣ онъ не видитъ, какъ я чувствую, чтó онъ такое. Поберегите его; ваша нѣжность иногда смущаетъ окончательно его душу; что же касается до меня, то я проникаюсь къ вамъ чувствами, о которыхъ не имѣю времени говорить, но вы узнаете потомъ. Викулинъ преувеличилъ разсказъ объ его образѣ жизни. Не понуждайте его оставлять помѣщеніе въ меблированныхъ комнатахъ, по возвращеніи ему дадутъ лучшую комнату: онъ живетъ тамъ уже семь мѣсяцевъ, окруженный почтеніемъ, заботливостью; ибо никто не можетъ устоять противъ него. Конечно, эти люди значительно ниже его, но они хорошо воспитаны, и среди нихъ онъ находитъ мнѣнія и мысли ему дорогія, и вотъ точки соприкосновенія. Пища хорошая, онъ привыкъ ко всѣмъ. Не заставляйте его предпринимать что-нибудь новое, прежде чѣмъ не пріѣдете сюда сами; это значило бы возобновлять всѣ впечатлѣнія, тогда какъ надлежитъ намъ стараться ихъ ослабить. Отъ чтенія вашихъ двухъ писемъ онъ измѣнялся въ лицѣ; посудите сами, какъ онъ принимаетъ то чтó отъ васъ.

Вашъ братъ соглашается, чтобы я осталась до его отъѣзда. Такимъ образомъ не ожидайте меня въ Середу.

По-русски Ник. Ив. Тургеневымъ приписано:

«Иду съ графиней ходить. Я объявилъ ей, что лучше для васъ и для меня, чтобы она ѣхала въ Воскресенье и была бы съ вами въ Середу. Завтра буду писать къ вамъ. Вскорѣ послѣ ея отъѣзда я поѣду въ Лимингтонъ».

Вы видите, что онъ еще иначе распорядился мною; я отгадала, что для васъ онъ меня отсылаетъ. Онъ былъ ко мнѣ какъ нельзя лучше, я вамъ разскажу объ этомъ завтра.

3.

22 Iuin.

Vous avez vu hier par la fin de ma lettre qu'il y a eu combat en votre frère. Son premier mouvement m'a assez montré ce que ma présence a pu être pour lui pour que je me trouve hereuse d'être venue; il avait cédé, lorsque se representa le bien que vous ferait mon retour, la consolation que je vous apporterai en vous disant ce qu'il est impossible que des lettres rendent complétement; il a récapitulé tout ce que vous faites pour lui, & lui, dit-il, n'a en son pouvoir qu'un seul sacrifice, & qu'il y aurait égoïsme & lâcheté à lui de ne le pas faire. Il a décidé que je partirai Dimanche, j'ai la certitude qu'il lui en coûte: mais n'arrêtons pas ses efforts sur lui-même; il quittera Londres immédiatement après moi, il ira aux eaux de Limington; ce changement renouvellera ses impressions, & j'en espère du bien. Il m'en coûte de quitter Nicolas. Dans tout cela on a disposé de moi comme d'une feuille de papier blanc; je sers à vous transmettre vos pensées, & personne ne songe que j'ai pourtant une âme; elle a été si profondément émue par vous trois que je ne sais plus comment je me passerai de vous, de votre frère surtout; je sens avec lui que pour la première fois de ma vie je n'ai pas été inutile; on vit avec lui d'une vie si pure & si forte que j'ai de l'effroi de ce qui m'attend. Mon cher Alexandre, je ne serai pas un moment sans penser que c'est à vous que je le dois & sans vous en rendre grâce. Votre frère a voulu que j'entendisse Kean, & j'y ai consenti pour juger l'effet que ce genre de distraction aurait sur lui. Que j'en ai eu de regrets! Il est resté plongé tous le temps dans ses douloureuses réflexions sans qu'il fut en mon pouvoir là d'y rien alléger; c'était Brutus l'ancien qu'on donnait; quelquefois le mot de liberté lui faisait soulever la tête, & Kean dans des moments où il exprimait avec vérité des sentimens de patriotisme obtenait un regard. En nous en retournant, il me rendit compte de l'effet de cette soirée; il lui semblait qu'une vie entière avait passée entre l'impression que lui faisait autrefois le théâtre de son indifférence actuelle; mais que pourtant il n'y avait plus dans le souvenir du passé le charme des souvenirs de jeunesse. Je ne partirai pas d'ici sans em-

porter la promesse de votre frère, que si en votre absence une circonstance quelconque lui rendait les soins de l'amitié nécessaires, il me l'écrirait; l'idée que je le laisse entièrement seul en Angleterre, après qu'il y a eu entre nous une communication si intime me rend mon éloignement plus pénible qu'à lui, c'est une chaîne qui me lie à Nicolas. Je ne suis pas en peine pour l'été, & de mon côté je le donnerai à la p. Sophie, si je lui suis nécessaire, mais l'hiver c'est différent, je ne sais pas comment il le passera. Vous savez, je crois, que je n'ai jamais compté passer l'hiver prochain à Paris, mes plus intimes n'y seront pas, ni les uns, ni les autres; j'hésitais entre le Midi chez une des soeurs des Lambert ou une de mes parentes aux bords du Rhin. Je puis faire mieux que cela, & je vous assure que ce ne sera pas un surcroît dans ma dépense; à présent je vois comment il faut s'y prendre; j'ai acquis l'expérience à vos dépends; je ne me suis guères occupée à menager votre bourse; si je ne vous la rend pas en trop mauvais état, c'est qu'il n'y a pas eu les choses extra, comme disent les Allemands, aux quelles vous vous attendiez. On me reproche de ne rien faire comme les autres, c'est pourquoi je pense à venir par économie passer deux mois à Londres.

Ne dérangez rien de votre journée de Mercredi, j'arriverai tard, peut-être seulement le lendemain matin, cela dépend de l'heure de la marée & du temps du passage. Ne vous occupez vous de rien pour chez moi, seulement redites à votre vieille gouvernante à qui j'ai confié mes clés de les déposer le Mardi chez mon portier. Je ne me soucie pas de vous voir tout de suite; je sais qu'il m'attend quelque chose de pénible, il me faudra quelques moments pour surmonter, & puis il n'y paraîtra pas.

Je partirai du même endroit dont vous êtes parti, c'est presque en face de la maison de votre frère; j'ai préféré le soir afin d'avoir la journée de plus à rester. C'est donc la dernière fois que je vous écris; que les séparations sont tristes! S'il était possible que je pensasse à moi dans cette circonstance, je n'aurais que du regret d'être venue.

Copie de la consultation.

J'ai voulu vous envoyer la consultation afin qu'avant mon arrivée vous voyez avec un bon médecin ce qu'il y a à faire. Je ne peux pas vous envoyer l'ordonnance du médecin; N. l'a déjà portée à la pharmacie. Je ne m'y fie pas, je crains les choses fortes, comme c'est l'usage anglais. Voyez Double, rue des Petits Augustins № 19; c'est mon médecin & mon ami; si c'est lui que vous voyez, dites que c'est moi qui l'ai voulu & dites ce que je fais en ce moment. Ou bien

voyez l'Erminié, je ne me fie pas à Koreff, pourtant en pourrait le consulter, mais se reposer sur lui seul il n'est pas assez consciencieux. Je n'ai pas encore lu votre lettre.

Quelles admirables paroles que celles de Joukofsky! Elles nous font respirer plus librement, c'est un baume. Adieu, peut être obtiendrai-je de rester.

Переводъ.

22 Іюня.

По концу моего вчерашняго письма вы видѣли, что въ вашемъ братѣ происходила борьба. Его первое движеніе въ достаточной мѣрѣ показало мнѣ, какое значеніе для него имѣетъ мое присутствіе, и я счастлива, что пріѣхала сюда; но онъ уступилъ, когда представилъ себѣ ту пользу, которую принесетъ вамъ мое возвращеніе, то утѣшеніе, которое я привезу вамъ разсказами о томъ, чего полностію нельзя передать въ письмахъ. Онъ перечислилъ все то, что̀ вы дѣлаете для него, а про себя говорилъ, что онъ можетъ принести лишь одну жертву, такъ что было бы себялюбиво и подло не принести ея. Онъ рѣшилъ, чтобы я уѣзжала въ Воскресенье, и я увѣрена, что это ему трудно; но не будемъ мѣшать ему дѣлать усилія надъ собою. Онъ уѣдетъ изъ Лондона тотчасъ же послѣ меня и отправится на Лимингтонскія воды; эта перемѣна и освѣжитъ ему впечатлѣнія, отчего я жду ему пользы.

Мнѣ трудно оставлять Николая. Во всемъ этомъ дѣлѣ мною распоряжались какъ листкомъ бумаги; я служила передатчицей вашихъ мыслей, и никто не подумалъ, что есть же и у меня сердце, а вы трое такъ глубоко его затронули, что я уже не знаю, какъ буду жить безъ васъ, особенно безъ вашего брата. Съ нимъ я почувствовала впервыя, что моя жизнь не безполезна; съ нимъ живешь такою чистою и полною жизнью, что я съ ужасомъ помышляю о томъ, что̀ меня ожидаетъ. Мой дорогой Александръ, не проходитъ минуты, чтобы я не думала, что вамъ я этимъ обязана, и чтобы не благодарила васъ. Вашъ братъ пожелалъ, чтобы я послушала Кина; я на это согласилась, съ цѣлью узнать, какое дѣйствіе произведетъ на него этотъ родъ развлеченія. Какъ я сожалѣла объ этомъ! Онъ оставался все время погруженнымъ въ свои скорбныя размышленія, и мнѣ тамъ не было возможности какъ нибудь его облегчить. Давали Брута. Иногда слово «свобода» заставляло его подымать голову, и Кинъ въ тѣ минуты, когда вѣрно выражалъ чувства патріотизма, вызывалъ его взглядъ. Возвращаясь онъ отдалъ мнѣ отчетъ о дѣйствіи, произведенномъ на него этимъ вечеромъ; ему казалось, что цѣлая жизнь прошла между впечатлѣніемъ, какое на него производилъ прежде театръ, и теперешнимъ

равнодушіемъ; но тѣмъ не менѣе уже нѣтъ въ воспоминаніи прошлаго прелести воспоминаній молодости. Я не уѣду отсюда, не получивъ отъ него обѣщанія, что если во время вашего отсутствія какое нибудь обстоятельство сдѣлаетъ для него необходимымъ дружественный уходъ, онъ мнѣ напишетъ объ этомъ. Мысль, что я его одного оставляю въ Англіи послѣ того, какъ у насъ установилось столь тѣсное общеніе, дѣлаетъ удаленіе мое для меня болѣе тягостнымъ чѣмъ для него. Какая-то цѣпь соединяетъ меня съ Николаемъ. Въ лѣтнее время не безпокоюсь за него, я же посвящу его Софьѣ [1]), если я ей нужна; другое дѣло зима. Не знаю, какъ онъ ее проведетъ. Вы знаете конечно, что я вовсе не разсчитывала провести будущую зиму въ Парижѣ: никого изъ самыхъ близкихъ мнѣ людей не будетъ тамъ.

Я колебалась, отправиться ли мнѣ на Югъ къ одной изъ сестеръ Ламбертъ или къ своимъ роднымъ на берега Рейна. Я могу сдѣлать лучше и увѣряю васъ, что это не увеличитъ моихъ расходовъ: я вижу, теперь какъ надо за это браться, на вашихъ расходахъ пріобрѣла я опытность; я вовсе не старалась сохранить вашъ бумажникъ, и если я его вамъ возвращаю не въ слишкомъ печальномъ состояніи, то потому что не было ничего extra, какъ говорятъ Нѣмцы, чтó вы принимали въ разсчетъ. Меня попрекаютъ, что я ничего не дѣлаю какъ другіе; благодаря этому, при помощи экономіи, я думаю провести два мѣсяца въ Лондонѣ [2]).

Ничего не измѣняйте въ томъ, чтó вы предполагаете дѣлать въ Середу. Я пріѣду поздно, можетъ быть лишь на слѣдующій день утромъ; это зависитъ отъ часа прилива и времени переѣзда. Ничего для меня не дѣлайте, скажите только вашей старой экономкѣ, которой я поручила ключи, отдать ихъ во Вторникъ моему швейцару. Я не стараюсь увидать васъ тотчасъ же; я знаю, что меня ожидаетъ нѣчто тягостное; мнѣ надо будетъ нѣсколько времени, чтобы преодолѣть себя, и затѣмъ все пройдетъ.

Я уѣду изъ того же дома, изъ котораго уѣзжали и вы, почти напротивъ дома вашего брата. Я предпочла вечеръ, чтобы остаться еще день. Вотъ пишу вамъ въ послѣдній разъ. Какъ грустно разставаться! Если бы было можно думать о себѣ въ данномъ случаѣ, я бы только раскаивалась въ томъ, что пріѣхала.

Я хотѣла послать вамъ консультацію, чтобы до моего пріѣзда вы разсудили съ хорошимъ докторомъ, чтó надо дѣлать. Не могу

---

[1]) Лицо намъ неизвѣстное.

[2]) Намѣреніе, состоявшееся въ Августѣ того же года графиня еще разъ побывала въ Англіи, а въ Декабрѣ того же 1827 года скончалась въ Парижѣ.

вамъ послать прописанный рецептъ: Н. уже отнесъ его въ аптеку. Я не довѣряю и боюсь сильныхъ средствъ, которыя въ обычаѣ у Англичанъ. Сходите къ Дубль, rue des Petits Augustins, № 19; онъ мой докторъ и другъ. Если его найдете, скажите, что я того пожелала, и скажите, чтó я дѣлаю въ настоящее время. Или отправьтесь къ Лерминье. Я не довѣряю Кореву, однако можно и съ нимъ посовѣтоваться, но положиться на него одного было бы мало. Я еще не читала вашего письма.

Какъ удивительны слова Жуковскаго: отъ нихъ дышешь легче. Это какое-то благоуханіе.

Прощайте, можетъ быть мнѣ удастся остаться.

4.

Samedi. 9 h. du matin.

Mon bon Tourguéneff, ne me gâtez pas la douceur de ce que je fais en y donnant une importance que je n'y trouve pas; la meilleure marque d'amitié est de recevoir simplement ce que l'occasion y amène; c'est moi qui vous suis redevable d'avoir fait servir à quelque chose ma triste liberté. Après la bonne soirée dont je vous ai rendu compte, N. est venu hier matin bien plus sombre, se reprochant de trouver de l'allégement auprès de moi; il me dit qu'il sortait trop avec moi de l'engourdissement auquel il était parvenu avant la terrible nouvelle, qu'avec moi il reprend trop du passé au désir d'un avenir, que ce désir le dégrade à ses yeux. Chaque mot revélait une souffrance & ses efforts pour amener le calme. Nous avons ensuite été chercher votre lettre; il sent si vivement que la vue seule de votre écriture lui a donné de l'émotion, il a mis la lettre sur lui & n'a plus proféré une parole. Je l'ai ramené chez lui afin qu'il pût la lire avec recueillement & lui ai donné la mienne. J'ai diné chez lui avec tout son monde du boording-house: c'est tout-à-fait une table d'hôte. Je voyais le nuage devenir toujours plus sombre, je le voyais s'irriter contre l'attendrissement, contre ma présence qui ne doit pas durer. Cette disposition a durée le reste de la soirée. Nous nous promenons après diner jusqu'a 9 ou 10 heures, marcher le soulage; je marche donc avec lui jusqu'à extinction, de force. En revenant chez moi il a feuilleté ses livres qu'il veut y laisser jusqu'à mon départ; il a lu dans Muller les passages que vous avez marqué au crayon, ces traces de vous ont achevé de l'ébranler, & nous avons passés deux heures bien en souffrances; il me dit des choses affectueuses avec un ton de reproche, au point que je lui demandais si rien de moi ne l'avait blessé, n'avait porté à faux. «Mais, mon Dieu, répondit-il, ne voyez vous pas que c'est

le bien que vous me faites dont j'ai peur! Je serai si malheureux quand vous m'aurez quitté». Nous n'avons plus depuis le premier jour abordé la question de mon départ, je lui ai dit l'époque du vôtre, & une circonstance insignifiante m'a appris qu'il compte me garder jusqu'au dernier moment. Il a fallu aller à *l'allien-office* pour mon passeport, on voulait le rendre si je partais dans une semaine; sans me consulter il me l'a refusé & a dis que je ne partais que dans 15 jours. Décidément je ne veux pas qu'il m'accompagne à Douvres; j'ai assez lu dans son âme, il lui serait déchirant de me voir m'embarquer pour aller où vous êtes & de rester comme dans une prison. Je tâcherai qu'il parte vers le même temps pour une tournée & les eaux qu'il compte prendre. Je m'arrangerai pour être à Paris du 27 ou 28 pour vous voir encore. Il ne faut pas que votre départ soit retardé d'un seul jour, & surtout que vous ne vous sépariez pas de J. Rien de ce que je pourrais vous apporter ne serait un dédommagement.

Votre frère a voulu que je restasse à l'auberge, cela lui est plus commode qu'une maison particulière où il ne pourrait pas venir à toute heure comme il le fait, ni rester aussi tard. La chambre coûte 5 shellings par jour, le diner à la carte est ce que l'on veut, & peu de chose pour moi seule, mais je crains que le *waiting* ne soit cher. J'aurais pu aller diner à son boording-house, mais de ne le pas faire donne un peu de variété à sa vie; il trouve d'autres impressions en étant là sans moi, & il lui sera agréable de diner quelquefois seul avec moi. Le soir je tâche d'avoir quelques raffraichissements qui lui plaisent; j'ai soin qu'il soit à l'aise auprès de moi, aussi la soirée se prolonge-t-elle & nous paraît plus courte. *5 heures*. Il est venu me prendre ce matin pour me faire faire des courses qu'il avait fait avec vous: voir le parlement, l'église de Westminster. Nous avons entendu plaider aux *offices* où présidait le chancelier. La vue de deux chambres & les monuments des hommes célèbres ont éveillé en lui l'enthousiasme que vous lui connaissez; je voyais là des trophées élevés à des hommes pour de généreux sentiments & à mes côtés cette noble victime des mêmes sentiments. Je lui ai caché ma pensée, et il a tant de simplicité qu'il n'aurait jamais déviné que je le trouvais bien plus grand que tous ceux qu'il voulait me faire admirer. Il est occupé de son portrait, vous faire plaisir l'anime; il y a dans cet être une profonde sensibilité, elle s'échappe comme malgré lui & avec une sorte de rudesse, mais elle ravage intérieurement; faites qu'il ne sache jamais tout ce que vous avez eu a souffrir, il ne le supporterait pas; il en a eu quelquefois la pensée, il l'a écarté avec terreur.—En écrivant *au p. Pierre*, je me suis conformée aux instructions que vous & J. m'avez donnés; j'ai parlé

de Nicolas avec le respect que le malheur seul commanderait, mais je n'ai rien dit de relatif à sa situation politique, c'était trop peu pour moi; j'avais besoin de crier vers Pétersbourg l'innocence de votre frère, & hier matin j'ai écrit une longue lettre à m-me Zagriajsky; vous pourrez bien supposer en combien de mains & en quelles mains coulera ma lettre qui renferme le détail de tout ce qui s'est passé à Paris & sur Nicolas tout ce que j'ai dans le coeur. J'ai pris soin qu'il n'y eût pas un mot de blessant pour personne; je lui dis l'admiration que m'inspire un des plus nobles caractères des coeurs les plus purs qui ait encore subi l'injustice humaine; je dis que celle qui l'a frappé ne l'a point aigri, qu'il aime son pays & pardonne sans efforts à ceux qui se sont si étrangement trompés à son égard, j'ajoute qu'il vit ici dans une entière solitude, qu'elle est de son choix; qu'il dépend de lui d'être dans la société de ce qu'il y a de plus distingué en Angleterre, que ses amis lui en ont ménagé les facilités, mais qu'un sentiment d'une délicatesse exquise envers son pays lui fait préférer de ne pas se mettre en évidence. J'ai donné ma lettre à Nicolas il en a été content et me dit: «Si c'est votre opinion, je vous remercie de l'écrire en Russie».—Si vous trouvez que j'ai mal fait d'écrire ainsi, dites-le sans vous gêner. Nicolas m'a conduit dans le choeur de Westminster écouter les psalmodies, il y est resté longtemps la tête dans ses mains écoutant le coeur & l'accompagnement de l'orgue; cette musique a fait vibrer en moi tant de choses que je sentais quelles étaient les pensées de Nicolas; quand j'ai pu l'emmener, il me dit: «j'ai voulu entendre avec vous des sons qui m'avaient déjà tant émus avec Alexandre».

Lundi. Le reste du Samedi n'a pas été mauvais; cependant Nicolas était souffrant, le jaune de ses yeux & de son teint ne l'indiquait que trop; ce n'est pas là un homme guéri, comme il le prétend; soyez tranquille, je ne partirai pas sans être assurée de son état & du traitemens qu'il fera.—Nous avons passé hier plus de treize heures ensemble sans nous quitter, sans qu'il y eut de sa part un moment de langueur ou de besoin de solitude, & quant à moi, c'est une des bonnes journées dans ma vie dont je voudrais garder le souvenir.

Nous avons été le matin à l'église anglicane. Un sermon contre la prédestination renfermait plusieurs choses applicables à Nicolas & qui n'ont pas été perdus. Le prédicateur montrait la nécessité de lutter contre soi-même & contre les évènements & que s'il n'y a pas triomphe il y avait au moins élévation pour celui qui ne s'abandonne pas tout en se reposant dans le sein de Dieu; ce sujet a déjà été souvent traité entre nous, & j'étais aise que des paroles parties de la chaire vinssent appuyer les miennes. Nicolas est disposé au découragement,

les hommes acceptent difficilement la douleur comme un moyen; & ce n'est pourtant qu'alors que nous vivons de la vie véritable. En sortant de cette église il y avait harmonie entre nous, il me mena à Kensington-Garden où nous sommes restés plusieurs heures; je ne crois pas possible qu'on puisse se livrer mutuellement ses pensées, ses sentiments sur toutes choses avec plus d'abandon que nous n'en éprouvions là. Je me sens toujours plus de respect pour votre frère; le contact du monde n'a rien altéré en lui, tout y est dans sa pureté, dans sa bonté primitive; il ignore beaucoup de choses, mais il y a en lui un bon sens si fort & si droit qu'il éclaire tout ce qu'il aborde, ce qui tient au sentiment à l'étude de soi-même le remue trop, il a besoin, dit-il, de s'enchaîner aux choses positives qui le tiennent terre à terre. Je ne pourrais pas vous rendre quel genre d'émotion j'éprouvais de me voir seule sur la terre en communication directe avec cet homme-là. Je l'écoutais avec un saint recueillement, & lui trouvait quelque douceur dans cette solitude au milieu de Londres & à se dire que personne ne pense à nous qui étions là si paisibles à la même heure à la quelle je vous ai quitté il y a une semaine. Il a voulu diner seul avec moi, il était mieux portant; après le diner nous avons été à l'eglise des quakers, où l'esprit saint n'est pas descendu, mais ce profond silence d'une foule ressemblée a quelque chose de solemnel qui calme le coeur. Je croyais la fin de ce jour favorable pour lui donner la montre; il parlait de Serge avec plus de sérénité & lui-même provoqua l'échange; nous croyons qu'il pourrait la supporter; mais quand j'ai passé la chaîne à son col, sa douleur a éclatée avec plus de violence que le premier jour; je ne vous redirai pas ses expressions; au travers ses sanglots il s'apercevait de mon effroi & me dit: «Non, non je vivrai, je l'ai promis à Alexandre, je lui ai fait assez de mal depuis que j'existe, je ne lui donnerai pas volontairement une douleur de plus». Nous nous sommes quittés bien affectés; ce matin il m'est venu de bonne heure & plus maître de lui, mieux portant aussi.

Je vous quitte à regret, cher ami, mais voici l'heure de la poste & vous avez besoin que je ne la manque pas.

Si je voyais que je suis nécessaire, comptez que je ne le quitterai pas; je vous laisserai partir; je vous rends tellement tout que ma présence ne vous apprendra rien de plus. Je suis si touchée que ce n'est plus pour vous que j'agis. A demain au premier départ du courrier.

Переводъ.

Суббота, 9 часовъ утра.

Дорогой Тургеневъ! Не портите мнѣ сладости того дѣла, которое я дѣлаю; не придавайте ему того значенія, котораго я въ немъ не

нахожу. Лучшій знакъ дружбы—просто принимать то, къ чему приведетъ случай. Я благодарна вамъ за то, что моя печальная свобода куда нибудь пригодилась.

Послѣ того хорошаго вечера, о которомъ я вамъ сообщала, Николай вчера по утру пришелъ омраченный. Онъ сталъ упрекать себя за то, что получилъ отъ меня облегченіе; онъ сказалъ, что со мною онъ черезчуръ вышелъ изъ оцѣпенѣнія, въ которомъ находился до ужаснаго извѣстія; что со мной онъ слишкомъ предается прошедшему и желаніямъ будущаго, что эти желанія его унижаютъ въ его собственныхъ глазахъ. Въ каждомъ его словѣ слышалось страданіе, и онъ усиливался утихнуть.

Затѣмъ мы отправились за вашимъ письмомъ. Онъ такъ живо все чувствуетъ, что одинъ видъ вашего почерка повергнулъ его въ волненіе; закрывшись письмомъ, онъ не проронилъ ни слова. Я проводила его домой, чтобы онъ прочелъ письмо съ самообладаніемъ, и дала ему полученное мною. Я обѣдала у него со всѣми обитателями меблированныхъ комнатъ; это настоящій табльдотъ. Я видѣла облако на его лицѣ, становившееся все болѣе мрачнымъ; видѣла, что онъ раздражается противъ своего умягченія и противъ моего присутствія, которое не должно продолжаться. Это настроеніе длилось весь остальной вечеръ. Мы гуляли послѣ обѣда до 9, 10 часовъ. Ходьба его успокоиваетъ. Я ходила съ нимъ до полнаго изнеможенія. Вернувшись ко мнѣ, онъ перелистывалъ книги, которыя хочетъ оставить у меня до моего отъѣзда. Онъ прочелъ въ Мюллерѣ мѣста, которыя отмѣтили вы карандашомъ; это напоминаніе о васъ подъ конецъ потрясло его, и мы провели цѣлыхъ два часа въ большихъ страданіяхъ. Онъ говорилъ мнѣ трогательныя вещи тономъ упрека. Когда я его спросила, не обидѣла ли я его чѣмъ нибудь, не заставила ли сдѣлать ложныя заключенія? «Боже мой, отвѣчалъ онъ, да развѣ вы не видите, что дѣлаете мнѣ лишь доброе, и я этого боюсь. Я буду такъ несчастенъ, когда вы меня покинете!» Съ перваго дня мы не касались вопроса о моемъ отъѣздѣ. Я ему сказала, когда вы уѣзжаете, и незначительное обстоятельство показало мнѣ, что онъ разсчитываетъ удержать меня до послѣдней минуты. Ему надо было пойти въ allien-office за моимъ паспортомъ; ему хотѣли его отдать, если я уѣду на этой недѣлѣ; безъ моего согласія онъ отказался и сказалъ, что я ѣду черезъ двѣ недѣли. Конечно я не хочу, чтобы онъ сопровождалъ меня до Дувра; я достаточно знаю его душу: ему будетъ убійственно увидѣть, какъ я поѣду туда, гдѣ вы, а самому остаться какъ въ тюрьмѣ. Постараюсь, чтобы около этого времени онъ совершилъ путешествіе и отправился на воды, которыя хочетъ пить. Я устраиваюсь быть въ Парижѣ около 27

или 28, чтобы еще увидать васъ; не слѣдуетъ, чтобы вашъ отъѣздъ замедлился хоть на одинъ день, особенно же не разлучайтесь съ Жуковскимъ. Съ чѣмъ бы я ни пріѣхала, вы останетесь въ накладѣ.

Вашъ братъ пожелалъ, чтобы я осталась въ гостиницѣ. Это ему удобнѣе, чѣмъ частный домъ, куда онъ не будетъ имѣть возможности приходить во всякое время, какъ онъ дѣлаетъ, и оставаться такъ поздно. Комната стоитъ 5 шиллинговъ въ день, обѣдъ по карточкѣ, кто чего хочетъ; это немного для меня одной; боюсь, что прислуга будетъ стоить дорого. Я могла бы ходить обѣдать къ нему въ меблированныя комнаты, но надо дать его дню побольше разнообразія; онъ получаетъ другія впечатлѣнія, будучи тамъ безъ меня, и ему пріятно иногда обѣдать со мною наединѣ. Къ вечеру я припасаю что нибудь освѣжающее, что̀ ему нравится, стараюсь, чтобы ему было пріятно быть возлѣ меня; такимъ образомъ вечеръ продолжается и кажется намъ короткимъ.

5 часовъ.

Онъ пришелъ сегодня утромъ, чтобы я съ нимъ побывала тамъ, гдѣ онъ былъ съ вами, посмотрѣла парламентъ, Вестминстерское аббатство, производство дѣлъ въ судѣ, подъ предсѣдательствомъ канцлера. Видъ двухъ палатъ и памятники знаменитыхъ людей возбудили въ немъ энтузіазмъ, вамъ столь въ немъ извѣстный. Я видѣла трофеи воздвигнутые людямъ за ихъ великія чувства и рядомъ со мною эту благородную жертву тѣхъ же чувствъ. Я скрыла отъ него свою мысль, и онъ такъ простъ, что никогда не угадаетъ, что я его находила много выше всѣхъ тѣхъ, которыми онъ желалъ, чтобы я восхищалась. Онъ занятъ своимъ портретомъ; его одушевляетъ желаніе сдѣлать вамъ удовольствіе; въ этомъ человѣкѣ глубокая чувствительность, она вырывается у него, какъ бы вопреки ему самому и съ нѣкоторою грубостью, но она кипитъ въ немъ. Постарайтесь, чтобы онъ никогда не узналъ всего, что̀ вы перестрадали; онъ не перенесетъ этого; нѣсколько разъ у него являлась мысль объ этомъ, и онъ съ ужасомъ отдалялъ ее.

Въ письмѣ къ князю Петру я послѣдовала наставленіямъ вашимъ и Жуковскаго; я говорила о Николаѣ съ почтеніемъ, внушаемымъ лишь бѣдствіемъ, но ничего не сказала о его политическомъ положеніи. Этого было мало для меня, мнѣ было надо покричать въ Петербургъ о невинности вашего брата, и вчера поутру я написала длинное письмо къ Загряжской. Вы можете хорошо представить, по сколькимъ и по какимъ рукамъ пройдетъ мое письмо, содержащее подробности того, что̀ произошло въ Парижѣ, и о Николаѣ все, что̀ было у меня

на сердцѣ. Я постаралась, чтобы не было ничего для кого либо оскорбительнаго; я выразила удивленіе, внушаемое мнѣ благороднѣйшимъ характеромъ, одною изъ самыхъ чистыхъ душъ, подъ гнетомъ несправедливости людской; я сказала, что это его не ожесточило, что онъ любитъ свою страну и легко прощаетъ тѣмъ людямъ, которые такъ странно заблуждаются во мнѣніи о немъ; я прибавила, что онъ живетъ здѣсь въ полномъ одиночествѣ, которое самъ себѣ устроилъ; что онъ могъ бы быть въ самомъ отборномъ Англійскомъ обществѣ (его друзья доставили ему способы къ тому); но чувство тонкой деликатности по отношенію къ своей странѣ побуждаетъ его не выставляться. Я давала мое письмо Николаю; онъ остался имъ доволенъ и сказалъ: «Если это ваше мнѣніе, то благодарю, что написали такъ въ Россію». Если по вашему я дурно поступила, написавъ такимъ образомъ, скажите, не стѣсняясь.

Онъ отвелъ меня на хоры Вестминстерскаго аббатства послушать пѣніе; тамъ онъ долго сидѣлъ, закрывъ лицо руками, слушая пѣніе и звуки органа; эта музыка возбудила во мнѣ столько чувствъ, что я поняла мысли Николая. Когда я его уводила, онъ сказалъ мнѣ: «Я хотѣлъ послушать съ вами тѣхъ звуковъ, которые меня съ Александромъ такъ волновали».

Понедѣльникъ.

Конецъ Субботы былъ не дуренъ, но все же Николай былъ боленъ; желтизна глазъ и лица обозначали это. Вообще онъ вовсе не выздоровѣлъ, какъ онъ предполагаетъ. Будьте спокойны: я не уѣду, пока не увѣрюсь въ его состояніи и въ лѣченіи. Вчера мы провели вмѣстѣ, не разставаясь, 13 слишкомъ часовъ сряду; у него ни разу не проявилось скуки или желанія быть одному. Чтó касается до меня, то это одинъ изъ самыхъ счастливыхъ дней моей жизни, о которыхъ я хотѣла бы никогда не забыть.

Утромъ мы были въ Англиканской церкви. Рѣчь противъ предопредѣленія заключала въ себѣ много примѣнимаго къ Николаю, и она не пропала для него; проповѣдникъ показывалъ необходимость бороться съ самимъ собою и противъ судьбы, говорилъ, что если и не будетъ побѣды, то окажется подъемъ духа для того, кто не теряется, отдаваясь вполнѣ въ руки Божіи. Объ этомъ мы уже не разъ говорили, и я была рада, что слова, произнесенныя съ каѳедры, подкрѣпляли мои. Николай склоненъ къ унынію. Люди съ трудомъ принимаютъ горе какъ средство, а между тѣмъ лишь тогда мы и живемъ настоящею жизнью. Между нами была полная гармонія, когда мы вышли изъ церкви. Онъ меня повелъ въ Кенсингтонскій садъ, гдѣ мы

остались нѣсколько часовъ. Невозможно болѣе полно обмѣниваться мыслями и чувствами относительно всего на свѣтѣ, какъ мы это дѣлали. Я чувствую все болѣе и болѣе уваженія къ вашему брату; прикосновеніе свѣта нисколько не испортило его души: въ немъ полная чистота, непосредственная доброта. О многомъ онъ и не вѣдаетъ; но его здравый смыслъ такъ остръ и правиленъ, что онъ освѣщаетъ все, за что ни возмется. Чувства при самоизслѣдованіи слишкомъ его волнуютъ; онъ, по его словамъ, имѣетъ надобность заниматься положительными вещами, которыя притягивали бы его къ землѣ. Я не могу выразить, какое глубокое волненіе испытывала я, находясь наединѣ въ прямомъ общеніи съ подобнымъ человѣкомъ. Со священнымъ сосредоточіемъ слушала я его, а онъ находилъ нѣкую сладость въ этомъ уединеніи среди Лондона, въ томъ, что никто не думаетъ о насъ, въ такомъ покоѣ находящихся, въ тѣ самые часы, когда уже минула недѣля послѣ моего отъѣзда отъ васъ. Онъ пожелалъ обѣдать вмѣстѣ со мною и чувствовалъ себя лучше. Послѣ обѣда мы были въ Квакерской церкви. Святой духъ не сходилъ, но это глубокое молчаніе собравшейся толпы имѣло что-то торжественное, успокоивающее душу. Я сочла удобнымъ въ концѣ дня передать ему часы; онъ заговорилъ о Сергѣѣ съ большею ясностью и самъ вызвался на обмѣнъ. Мы думали, что все обойдется тихо; но когда я надѣла цѣпочку ему на шею, скорбь его обнаружилась съ тою же силою, какъ и въ первый день. Не буду передавать его выраженій; среди рыданій онъ замѣтилъ мой ужасъ и сказалъ: «Нѣтъ, нѣтъ, я буду жить, я это обѣщалъ Александру; довольно горя я принесъ ему на своемъ вѣку; по своей волѣ я его не пріумножу». Мы разстались очень разстроганные. Сегодня поутру онъ рано явился ко мнѣ, уже болѣе владѣя собой и лучше себя чувствуя.

Оставляю васъ, дорогой другъ, съ сожалѣніемъ; но наступаетъ часъ отхода почты, и для васъ нужно, чтобы я его не пропустила.

Если я найду себя необходимою, то не оставлю его, будьте увѣрены. Уѣзжайте, я такъ подробно вамъ все передаю, что лично ничего новаго отъ меня вы не узнаете. Я такъ тронута, что дѣлаю это уже не для васъ. До завтрашняго отъѣзда перваго курьера.

---

*

Сердечное краснорѣчіе этихъ писемъ, писанныхъ почти три четверти вѣка назадъ, говоритъ само за себя, и нельзя безъ нѣкотораго благоговѣнія относиться къ святынѣ дружескаго чувства, которымъ они вызваны. Это вѣчно-живая повѣсть женскаго сердца и въ тоже время яркая страница въ біографіи одного изъ достопамятныхъ лицъ Русской новой исторіи, при разработкѣ которой братья Тургеневы по ихъ общественному значенію вызовутъ, можетъ быть, больше народной признательности, нежели соименный имъ писатель нашихъ дней.

Н. И. Тургеневъ, третій изъ четырехъ сыновей директора Московскаго университета Ивана Петровича, родился въ 1789 году и былъ на шесть лѣтъ моложе Жуковскаго, на пять своего брата Александра. Его младенчество протекло въ Симбирской деревнѣ, куда удаленъ былъ его отецъ изъ Москвы за участіе въ политически-масонской дѣятельности Новикова. Такимъ образомъ возбужденіе противъ насилія зародилось въ Тургеневѣ съ первыхъ лѣтъ жизни. Его мать, Екатерина Семеновна, была женщина скопидомливая, строгая и властная, какъ многія изъ ея современницъ, выросшихъ и воспитавшихся въ женскія царствованія. Товарищъ Тургенева, по университетскому пансіону Адріанъ Ѳедоровичъ Гомзяковъ (послѣдній изъ секретарей графа Н. П. Румянцова) передавалъ намъ, какъ эта директорша, въ Университетской церкви, драла за уши своихъ подростковъ-сыновей. Съ крѣпостными слугами, конечно, наблюдался такой же порядокъ, и тутъ-то, можетъ-быть, началась въ ея сынѣ та глубокая ненависть къ крѣпостному праву, которою онъ всю жизнь и отличался, и можетъ-быть отчасти рисовался. Въ дѣятеляхъ нашего времени мы замѣчали, что особенною рьяностью къ раскрѣпощенію относились тѣ изъ нихъ, отцы и дѣды которыхъ злоупотребляли крѣпостнымъ правомъ, не зная различія между нимъ и полнымъ рабствомъ Польскимъ и Прибалтійскимъ. Живучи въ юности въ Германіи, Тургеневъ могъ насмотрѣться въ этомъ отношеніи ужасовъ, которые тѣмъ живѣе дѣйствовали на его высоко-даровитую, горячую душу, что предметомъ его занятій въ Геттингенскомъ университетѣ было законовѣдѣніе, отношенія между людьми въ государствѣ и обществѣ. Отъ природы сосредоточенный, съ одной ногою короче другой, Тургеневъ производилъ сильное впечатлѣніе на своихъ сверстниковъ. Не даромъ въ Арзамасѣ прозвище ему было Варвикъ. Путешествія обогатили его умъ: онъ побывалъ въ Неаполѣ, былъ въ Эрфуртѣ во время конгресса и уже въ 1809 году ѣздилъ въ Парижъ. По возвращеніи на родину, въ началѣ 1812 года онъ опредѣлился секретаремъ ученаго комитета при министерствѣ юстиціи, и тутъ началось его сближеніе съ знаменитымъ барономъ Штейномъ, который уже произвелъ отмѣну крѣпостнаго права въ Пруссіи, а теперь, политическимъ изгнанникомъ, проживалъ въ Петербургѣ, вступивъ въ Русскую службу, нося Прусскій мундиръ и при немъ Русскую кокарду. Баронъ Штейнъ взялъ его съ собою въ Германію, гдѣ онъ завѣдывалъ такъ-называемымъ Центральнымъ Департаментомъ, въ вѣдѣніи котораго находилось внутреннее управленіе мелкими Нѣмецкими государствами,

занятыми союзною Русско-Австрійско-Прусскою арміей. Баронъ Штейнъ, а съ нимъ и Тургеневъ почти все время походовъ 1813 и 1814 годовъ находился при главной квартирѣ союзныхъ Государей, т. е. въ средоточіи дѣлъ. На Вѣнскомъ конгрессѣ Тургеневу поручены были переговоры съ Шведскимъ правительствомъ о возвратѣ денегъ, заимообразно взятыхъ у Россіи. Затѣмъ на его рукахъ происходила такъ-называемая ликвидація, т. е. расплата по забору нашими войсками припасовъ у мѣстныхъ жителей. Баронъ Штейнъ былъ Римлянинъ по духу (можетъ-быть, и происходилъ по женскому колѣну отъ какого-нибудь Римскаго поселенца въ Прирейнскихъ мѣстахъ). Обаянію его свѣтлой и твердой личности, его гражданской неукоризненности подвергся нашъ молодой Гракхъ, въ началѣ 1816 года возвратившійся въ Россію изъ Нанси, гдѣ онъ состоялъ при тамошнемъ нашемъ генералъ-губернаторѣ Алопеусѣ.

Восемь лѣтъ сряду продолжалась дѣятельность Тургенева въ высшихъ правительственныхъ сферахъ Петербурга. Онъ служилъ статсъ-секретаремъ въ департаментахъ Государственнаго Совѣта, при Мордвиновѣ и графахъ Головинѣ и Гурьевѣ, разбиралъ сложныя дѣла, завѣдывалъ кредитною канцеляріею, ко всему прилагая желѣзное трудолюбіе и вездѣ обнаруживая свои необыкновенныя познанія, образчиками которыхъ явилась въ 1818 году его книга: „Теорія налоговъ" *). Онъ жилъ у брата своего Александра Ивановича, въ его казенной квартирѣ, въ третьемъ ярусѣ дома на Фонтанкѣ (нынѣ № 20-й) противъ Михайловскаго замка, въ помѣщеніи, которое въ наши дни занималъ графъ А. В. Адлербергъ, и тутъ-то, лежа на столѣ и глядя на „забвенію брошенный дворецъ", юноша Пушкинъ написалъ у него свою Оду на свободу. Второй ярусъ занятъ былъ министромъ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, и у него, въ просторныхъ покояхъ происходили засѣданія, на которыхъ члены (въ ихъ числѣ и Филаретъ), облекаясь въ бѣлыя одежды съ голубыми лентами, воспѣвали и хороводили. Въ Государственномъ Совѣтѣ, помѣщавшемся въ двухъ шагахъ отъ царскаго кабинета въ Зимнемъ Дворцѣ, въ одно изъ департаментскихъ засѣданій, графъ Потоцкій принесъ тогдашнюю новинку „Бронзовый вѣкъ", стихи Байрона, свободолюбиваго содержанія, и Тургеневъ тутъ же прочелъ ихъ вслухъ предъ сановниками. Таковы черты того времени.

Государь Александръ Павловичъ высоко цѣнилъ Тургенева. Когда онъ просился на должность генеральнаго консула въ Лондонъ для изученія тамошней жизни, Государь, черезъ Аракчеева, приказалъ ему сказать, что это мѣсто ниже его и что вдобавокъ тутъ мало жалованья. „Я ищу не жалованья, а должности", сказалъ Тургеневъ Аракчееву, и Государь потомъ говорилъ Сперанскому о томъ, какъ ему понравились эти слова.

Ослабленное трудами здоровье вынудило Н. И. Тургенева проситься на воды въ Карлсбадъ. Государь произвелъ его въ дѣйствительные статскіе совѣтники, приказалъ выдать денегъ на дорогу и сохранить въ отпуску жалованье. Аракчеевъ во второй разъ пригласилъ его къ себѣ на Литейную,

*) Выручка съ продажи этой книги назначалась въ пользу крестьянъ содержащихся въ тюрьмѣ за недоимки въ платежѣ налоговъ.

обнялъ и сказалъ: „Государь поручилъ мнѣ передать вамъ, чтобы вы послѣдовали его совѣту держаться осторожнѣе въ чужихъ краяхъ. Онъ преподаетъ вамъ этотъ совѣтъ не какъ вашъ государь, а какъ христіанинъ. Васъ окружатъ люди, помышляющіе о переворотахъ, и они постараются привлечь васъ къ себѣ. Не вѣрьте этимъ людямъ и будьте на сторожѣ". Въ его отсутствіе, Государь, помня его заслуги, ожидалъ его возвращенія и однажды выразился: Сперанскій облѣнился; здѣсь некому замѣнить его, кромѣ Тургенева.

24 Апрѣля 1824 года Тургеневъ уѣхалъ въ чужіе края, гдѣ суждено ему было провести почти весь остальной вѣкъ свой. Послѣ лѣченья въ Карлсбадѣ, онъ провелъ зиму въ Италіи и въ Сициліи; въ 1825 г. онъ снова на водахъ въ Маріенбадѣ, куда пріѣхали къ нему старшій братъ изъ Петербурга и младшій Сергѣй изъ Вѣны. Сей послѣдній отлично служилъ секретаремъ посольства при графѣ Г. А. Строгановѣ въ Константинополѣ, составилъ записку объ освобождавшейся Греціи, былъ женихомъ одной изъ дѣвицъ Пушкиныхъ, жившихъ съ матерью въ Дрезденѣ. Будущность улыбалась всѣмъ тремъ братьямъ. Новый министръ финансовъ Канкринъ писалъ Н. И. Тургеневу въ Дрезденъ, предлагая мѣсто директора въ департаментѣ мануфактуръ; но срокъ отпуска еще не кончился тогда для Тургенева. Въ Январѣ 1826 года онъ уѣхалъ изъ Парижа въ Лондонъ и потомъ въ Эдинбургъ, уже слышавъ о происшествіи 14 Декабря, но не подозрѣвая, какое оно возымѣло для него значеніе. Въ Петербургѣ думали, что онъ еще въ Неаполѣ и графъ Нессельродѣ написалъ туда нашему посланнику объ его задержаніи. При тогдашнихъ путяхъ сообщенія депеша эта пошла въ Римъ и оттуда искала Тургенева въ Германіи и Парижѣ. Въ Эдинбургѣ явился къ нему будущій канцлеръ князь А. М. Горчаковъ, тогдашній секретарь посольства при графѣ Ливенъ, и отъ имени правительства потребовалъ возвращенія въ Россію, причемъ прибавилъ отъ себя, что это долгъ чести. Тургеневъ возразилъ, что не ему, какъ младшему по лѣтамъ, учить его этому долгу, объявилъ, что здоровье еще не дозволяетъ ему возвратиться домой и послалъ въ Петербургъ объяснительную свою о томъ записку. Между тѣмъ въ Лондонѣ наше посольство особою бумагою дало знать Английскому правительству, „какимъ людямъ оно даетъ у себя убѣжище". Первый министръ Каннингъ оставилъ эту бумагу безъ отвѣта. Тогда-то по Россіи пронесся слухъ, будто Англія выдала Тургенева и его везутъ въ Петербургъ моремъ, и находившійся еще въ Псковской ссылкѣ Пушкинъ писалъ въ Ревель князю П. А. Вяземскому, чтобъ онъ пересталъ воспѣвать море:

Въ нашъ гнусный вѣкъ
Сѣдой Нептунъ земли союзникъ;
На всѣхъ стихіяхъ человѣкъ—
Тиранъ, предатель или узникъ.

Наперсникъ барона Штейна, цвѣтъ Русскаго чиновнаго міра, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей въ Европѣ очутился въ числѣ 29 государственныхъ, осужденныхъ на смерть, преступниковъ: таково было рѣшеніе Верховнаго Уголовнаго Суда, смягченное потомъ высочайшею властью. Можно

себѣ представить, каково было братьямъ Тургеневымъ и друзьямъ ихъ. Въ Іюлѣ 1826 года Александръ Ивановичъ поспѣшилъ за границу. 17-го Октября 1826 года графъ Нессельроде еще писалъ въ Варшаву къ Великому Князю Константину Павловичу о мѣрахъ къ захвату Николая Ивановича. Но бѣда не проходитъ одна. Сергѣя Ивановича такъ поразила участь брата, что онъ повредился въ умѣ. Братъ Александръ и Жуковскій повезли его въ Парижъ, гдѣ онъ скончался въ первыхъ числахъ Іюня 1827 года. Возникало опасеніе, что Н. И. Тургеневъ не перенесетъ этого новаго удара злосчастной судьбы своей. Какъ быть? Ѣхать въ Лондонъ? Но посолъ нашъ Поццо-ди-Борго не даетъ туда паспорта Александру Ивановичу. Тогда-то утѣшить вольнаго и невольнаго изгнанника рѣшилась самоотверженная графиня Разумовская, письма которой выше напечатаны.

Во второй книгѣ А. А. Васильчикова: „Семейство Разумовскихъ“ сообщено нѣсколько свѣдѣній объ этой подвижницѣ добра и дружбы. Графиня Генріета, ур. баронесса Мальсенъ, была по отцу Голландка. На ней женился во Франціи, по католическому обряду, младшій сынъ гетмана, ученый минералогъ графъ Григорій Кириловичъ, котораго не только біографъ Разумовскій, но самъ отецъ его, въ письмахъ къ другимъ своимъ дѣтямъ, изображаютъ съ самыхъ непривлекательныхъ сторонъ въ физическомъ и нравственномъ отношеніи. Чрезъ мѣру пылкій, чванливый и сластолюбивый, мстительный, походившій нравомъ на старшаго своего брата, онъ мало съ кѣмъ и рѣдко гдѣ уживался и въ 1793 году бросилъ жену, которая терпѣла свою участь до 1806 года, когда ея мужъ вступилъ во второй бракъ съ баронессою Терезіею Шенкъ-де-Кастель. Бракъ этотъ совершенъ въ Тріестѣ, въ походной церкви зашедшаго туда Русскаго корабля. Отъ новой жены пошли у него дѣти, а про первую онъ напечаталъ брошюру съ разными небылицами и оскорбленіями. Онъ считалъ только второй бракъ дѣйствительнымъ, такъ какъ первый совершенъ священникомъ неправославнымъ. На бѣду графини Генріеты, императоръ Александръ Павловичъ, въ Теплицѣ, встрѣтивъ на прогулкѣ ея преемницу, милостиво съ нею обошелся и называлъ графинею. Этого было достаточно, чтобы графъ Григорій Кириловичъ пріѣхалъ въ Петербургъ искать утвержденія своему браку. Туда же должна была явиться и графиня Генріета для защиты своихъ правъ и самаго имени. Она пріѣхала съ матерью, жила въ бѣдности въ Коломнѣ. Богатая и знатная родня супруга ея вооружилась противъ, кромѣ знаменитой Натальи Кириловны Загряжской. Обаяніемъ своей личности несчастная пущеница довела Петербургское общество до того, что ее стали съ участіемъ принимать даже при дворѣ. Въ Февралѣ 1815 года обѣ графини Разумовскія находились въ Петербургѣ, одна въ богатствѣ, другая въ тѣсной обстановкѣ. За тяжбою слѣдили лучшіе люди. Митрополитъ Сестренцевичъ-Богушъ рѣшилъ дѣло въ пользу первой жены. Возстановленная въ своихъ правахъ, графиня Генріета получила вексель отъ мужа на 90 т. рублей и уѣхала во Францію въ маѣ 1817 г. на одномъ кораблѣ съ графомъ Жозефомъ Местромъ, который тоже былъ ея сторонникомъ. Вѣроятно и А. И. Тургеневъ, по своему положенію при князѣ

А. Н. Голицынѣ, оказывалъ ей услуги и поселилъ въ ней чувство признательности къ себѣ. Мужъ ея навсегда покинулъ Россію. Когда онъ овдовѣлъ (оставивъ троихъ дѣтей, въ Россіи не признанныхъ) и опасно заболѣлъ, она ѣздила къ нему въ 1824 году, но не была имъ принята. Многіе лучшіе люди Франціи были ей друзьями: Гизо, Дежерандо, Августинъ Тьерри, Ремюза, Кузенъ и др. Въ Августѣ 1827 г. она еще разъ побывала въ Англіи чтобы повидать Н. И. Тургенева а 17-го Декабря того же года скончалась въ Парижѣ. Умирая, написала она письмо къ Императору Николаю Павловичу, которое А. И. Тургеневъ переслалъ Жуковскому, а тотъ сопроводилъ слѣдующими строками.

ПИСЬМО В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Осмѣливаюсь представить Вашему Императорскому Величеству письмо, третьяго дня мною полученное. Оно было писано умирающею, теперь уже мертвою, писано съ тѣмъ, чтобы я довелъ его до свѣдѣнія Вашего Величества. Я обязанъ это исполнить *) (поступить иначе значило бы утаить завѣщаніе). Но, исполняя завѣщаніе мертвой, почитаю необходимымъ объяснить передъ Вашимъ Величествомъ содержаніе письма ея.

Вамъ извѣстно, Всемилостивѣйшій Государь, что я прошлымъ лѣтомъ въ Парижѣ былъ вмѣстѣ съ Тургеневыми Александромъ и Сергѣемъ. Послѣдній, полубезумный отъ несчастія, постигнувшаго его семейство, умеръ у насъ на рукахъ. Старшій не могъ съ извѣстіемъ о смерти его поѣхать въ Лондонъ къ другому брату, осужденному. Графиня Разумовская поѣхала туда вмѣсто его и была подпорою изгнаннику въ новомъ его бѣдствіи. Въ письмѣ ея, здѣсь прилагаемомъ и писанномъ нѣсколько дней до смерти, выражается ея убѣжденіе на счетъ осужденнаго.

Прочитавъ его, я ни минуты не остался въ недоумѣніи на счетъ того, чтó мнѣ надлежало дѣлать. Обязанность ясная. Одно только обстоятельство могло бы нѣсколько поколебать меня, то именно, когда бы я въ глубинѣ совѣсти зналъ, что убѣжденіе, выраженное въ семъ письмѣ, произведено однимъ ослѣпленіемъ дружбы и было не основательное. Но я представляю это письмо еще и потому, что самъ это убѣжденіе имѣю.

Когда я покидалъ Россію, я былъ увѣренъ въ виновности Николая Тургенева, хотя и тогда не понималъ, какъ могъ такой человѣкъ, какимъ я зналъ его во всю мою жизнь, участвовать въ тѣхъ безумныхъ преступленіяхъ, за которыя приговоренъ онъ къ смерти. Но, встрѣтясь въ Дрезденѣ съ его братьями, я прочиталъ всѣ его къ нимъ письма, писанныя прежде, во время и послѣ суда, письма, въ которыхъ

*) Помѣщенное въ скобкахъ здѣсь и ниже въ черновомъ подлинникѣ зачеркнуто. П. Б.

свободно и для однихъ братьевъ выражаетъ онъ истинный образъ своихъ мыслей. Это чтеніе принудило меня перемѣнить на счетъ его мое мнѣніе. Потомъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ по обнародованіи въ чужихъ земляхъ Донесенія Слѣдственной Коммиссіи и приговора, написалъ онъ, руководствуясь фактами, въ Донесеніи изложенными, подробное объясненіе своихъ поступковъ, которое доставилъ въ Дрезденъ къ братьямъ. Я получилъ списокъ сего объясненія, никому кромѣ оставшагося брата, меня, и, думаю, еще трехъ или четырехъ человѣкъ, неизвѣстнаго. Живѣйшимъ моимъ желаніемъ было представить его Вашему Императорскому Величеству. Для этого я ожидалъ счастія имѣть личное, особенное съ Вами свиданіе; но не позволялъ себѣ искать сего счастія, а надѣялся, что Богъ въ благое время пошлетъ желанный случай. Онъ послалъ его, и какой непредвидѣнный! Это письмо умирающей кажется мнѣ голосомъ самаго Провидѣнія, и я долженъ повиноваться ему. Полагаю ко священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества исповѣдь Николая Тургенева, не прошу ничего, кромѣ вниманія, но Вашего собственнаго вниманія. Благоволите, Государь, *Сами* прочитать эту рукопись. Она длинна, но выписки сдѣлать изъ нея невозможно, ибо въ ней осужденный выражаетъ себя, такимъ, каковъ онъ есть въ собственныхъ глазахъ своихъ. Допустите его до себя, до человѣка, не Государя. Въ томъ, что́ онъ говоритъ за *себя самъ*, есть живое дѣло; въ томъ что́ скажетъ за него *короткая выписка*, будутъ одни мертвыя слова безъ точнаго смысла. Что́ найдутъ въ этой бумагѣ вашъ вѣрный умъ, ваше здравое сердце, то будетъ чистая истина. Благоволите же удѣлить несчастному нѣсколько мгновеній Вашей благотворной жизни. Минута, въ которую открывается невинность или въ которую хотя часть вины снимается съ осужденнаго, есть минута лучшая царей; ибо въ такую только минуту и узнается и радуетъ всемогущество, котораго истинное имя есть милосердіе. Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

В. Жуковскій.

29 Декабря 1827 г. (С. .Б.).

*

Загробное ходатайство графини Разумовской и помѣщаемая ниже записка Жуковскаго возымѣла дѣйствіе: Николай Павловичъ приказалъ служившему въ III-мъ Отдѣленіи Собственно Канцеляріи Фонъ-Фоку († 1831) разсмотрѣть бумаги о Тургеневѣ. и тотъ призналъ его невиновнымъ (**La Russie et les Russes**, стр. 395). Но какъ же было признать во всеуслышаніе ошибку Слѣдственной Комиссіи? Преданіе увѣряетъ, что имѣніе Тургенева не было конфисковано, а отдано его брату Александру для пересылки вырученныхъ за него денегъ за границу. Александръ Ивановичъ получилъ позволеніе навѣщать брата. Императоръ Александръ Николаевичъ *немедленно* по вступленіи на престолъ, возвратилъ Н. И. Тургеневу свободу и чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Онъ два раза пріѣзжалъ въ Россію и умеръ въ Парижѣ осенью 1871 года. П. Б.

НАДГРОБНАЯ ЛѢТОПИСЬ МОСКВЫ *).

Въ церкви Св. Николая, что̀ въ Хамовникахъ.

На наружныхъ стѣнахъ:

На сѣверной: 1) „Противъ сего знаку входа церковнаго погребены рабы Божіи Московскаго гарнизона плацъ-маіоръ Родіонъ Ивановъ сынъ Масловъ, житія имѣлъ 49 лѣтъ, преставися Февраля 13 дня 727 году, жена его Васса Павлова дочь, житія имѣла 62 года, преставися Сентября 14 дня 1733 году, дочь ихъ Матрена, житія имѣла 22 года, преставися Апрѣля 8 дня 1723 году."

2) „О человѣче приходяй здѣ стани,
Помышляй о смерти не престани,
Како та незапно всѣхъ похищаетъ,
Любезныхъ съ любезными разлучаетъ.
О горе любезнымъ како смерть разлучила
Рабу Божію и къ Богу вѣчно вселила
Ирину со снохою своею
Жену посадскаго человѣка
Напрудной Слободы Семена.
Лѣта 720, Апрѣля 1.

На западной:

3) „Человѣче всякъ гробу присмотрися,
О душѣ вѣрнѣй Богу помолися,
Здѣ бо Домника тѣломъ положенна,
Смертію отъ насъ жена разлученна,
Михайлова бысть Андреева сына
Обжигальщикова чина,
Лѣта Господня тысяща семьсотаго
Апрѣлія дни двадесятъ седьмаго,
Ея же душу Господь да покоитъ,
Въ вѣчномъ блаженствѣ тѣло той присвоитъ."

На южной:

4) „О человѣче приходяй здѣ стани,
Помышляти о смерти не престани,
Како та незапно всѣхъ похищаетъ,
Любезныхъ съ любезными разлучаетъ

*) См. Рус. Архивъ 1895 г. II, 383.

О горе, любезныхъ та разлучила
Алену Петрову къ Богу вѣрну здѣ вселила,
Честну жену и мужа честнаго
Подъячаго Іова Кондратова сына Вяземскаго,
1702 году Марта въ 3 день."

5) „Аще доброту всея жизни, даже до сего смерти ключившагося падежа, отъ рожденія своего имѣла лѣта 31, девять мѣсяцовъ 17 дней. Читателю, аще хощеши увѣдати имя, княгиня Наталія, дщерь капитана Василія Андреевича Борисова Бороздина, жена бысть князь Михайловича Волконскаго, преставленіе ея въ лѣто 1731 года Іюня 23 дня, въ супружествѣ брака пребывши 12 лѣтъ 4 мѣсяца 22 дни."

Въ церкви Св. Безсребренниковъ Космы и Даміана, что̀ въ Кадашевской слободѣ, въ Кадашахъ.

Настоящая Рождество Богородицы.

На западной наружной стѣнѣ:

„1725 году Ноемврія въ 5 день преставися рабъ Божій сея церкви . . . . . . діаконъ Михайло Васильевъ . . . . . служилъ 13 лѣтъ . . . . а отъ рожденія поживе 43 года, тезоименитство его Ноемврія 8 день и погребено тѣло его противъ сей таблицы."

Въ церкви Святыхъ Безсребренниковъ Космы и Даміана изъ Китая за Степановымъ дворомъ Годунова, за дворомъ боярина Михайла Борисовича Шеина, что̀ у Сычева въ Панѣхъ.

Настоящая Успенія Божія Матери.

На сѣверной наружной стѣнѣ:

„1723 года Апрѣля 3 дня преставися рабъ Божій Іоаннъ Семеновъ сынъ Каратаевъ и погребенъ противъ сихъ дверей, а житія его было 75 лѣтъ."

Въ церкви Преображенія Господня въ Спасской слободѣ, за Срѣтенскими воротами.

Подъ колокольнею на внутренней стѣнѣ:

„На семъ мѣстѣ мирно почіетъ тѣло родителя Московскаго митрополита Платона, бывшаго викарнымъ раннимъ священникомъ сей Спасо-Спасской церкви Георгія Даниловича Левшинова, скончавшагося предъ бывшею въ Москвѣ чумою."

„Умре отецъ его и аки не умре въ житіи своемъ видѣ и возвеселяйся о немъ и при кончинѣ своей не оскорбися." Іис. с. Сирах. 30. 4. 5.

Въ церкви Св. пророка Иліи Обыденнаго, что̀ за Чертольскими, за Пречистенскими воротами, въ Скородомѣ.

1) „Лѣта отъ воплощенія Сына Слова Божія 1723 году Ѳевраля 6 дня, на память преподобнаго отца нашего Вукола епископа Смирнскаго, преставися рабъ Божій сея церкви діаконъ Іоаннъ Іосифовъ, отъ рожденія житія его было 74 года, а тезоименитство его генваря 31 дня."

2) „1752 году Іюня 3 дня, по полудни во 2 часу, преставися рабъ Божій князь Иванъ Ѳедоровъ сынъ Маматказинъ, а служилъ въ пѣхотномъ въ Навагинскомъ полку въ 3 баталіонѣ прапорщикомъ, а житія его было 30 лѣтъ, рожденіе его въ 722 году Іюня 17 дня, а жительство имѣлъ въ Калужскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Будаевкѣ, погребенъ противъ сей плиты близъ стѣны алтаря."

3) „1756 году Генваря въ 9 день, на память святаго мученика Поліевкта, пополуночи въ 8 часу преставися рабъ Божій Московскаго пѣхотнаго полку капитанъ Сергій Аѳонасьевичь Дуровъ, а отъ рожденія по животѣ его 60 лѣтъ, а рожденіе въ Покровъ Пресвятыя Богородицы, Октября въ первое число, а тезоименитство его Октября въ 7 день, а погребено тѣло его противъ сей таблицы."

Въ церкви Св. Максика исповѣдника, что̀ на Варварскомъ крестцѣ, въ Китаѣ городѣ у Юшкова двора, между Романовымъ дворомъ и Англинскимъ подворьемъ.

На алтарной внутренней стѣнѣ надъ жертвенникомъ:

„Родъ гостиныя сотни строителя сея церкви Максима Филиппова сына Верховитина, Ермила, Петра, Филиппа, Марѳу, Максима, Наталію, Іосафа Схимника, Ермила утопшаго, Ивана, Матрону, Акинѳія, Автонома, Андрея, Агаѳіи, Февроніи, Ѳеодора, Ѳомы, Михаила, Параскевы, Петра, Гликеріи и ихъ сродниковъ. Лѣта 7207 Іюня 20 день."

Въ церкви св. Тихона по Знаменской улицѣ, что̀ у Арбатскихъ Смоленскихъ воротъ. (Настоящая св. Николая).

На наружной алтарной стѣнѣ:

„17. . году Маія 7 числа преставися рабъ Божій дому графа Алексѣя Гавриловича Головкина управитель его Моисей Филиповъ сынъ Гарасимовъ, житія его было. . . лѣтъ, тезоименитство его Іюля мѣсяца 26 числа, погребенъ противъ сей таблицы.

Въ церкви Преображенія Господня, что̀ на Пескахъ въ Стрѣлецкой слободѣ, за Петровскими воротами, въ Андреевѣ приказѣ Жукова, въ Семеновѣ приказѣ Писарева.

На наружной южной стѣнѣ:

1) „1723 году Апрѣля въ 28-й день, на память Святыхъ Апостоловъ Іоанна и Сосипатра, преставися рабъ Божій сея святыя церкви служителя

іерея Алексѣя Савина сынъ его Василій Алексѣевъ, житія его 27 лѣтъ и погребенъ противъ сея лѣтописи".

2) „1735 году Октября въ 16 день при семъ мѣстѣ погребенъ сея церкви служитель іерей Григорей Максимовъ сынъ Друковцовъ и родственники ихъ.

Въ церкви Трехъ Святителей Вселенскихъ, что въ Огородникахъ, въ Старыхъ Огородникахъ, въ Огородной слободѣ, на Хомутовкѣ, у Красныхъ, у Мясницкихъ воротъ.

При входѣ въ церковь съ западной стороны въ притворѣ на лѣвой внутренней стѣнѣ: „1755 году Августа 4 дня по полуночи въ 1 часу преставися рабъ Божій іерей сей церкви Трехъ Святителей, что за Красные вороты Іоаннъ Іоанновъ священнодѣтельствовалъ 11 лѣтъ и 2 дни, а житія его было 44 года 3 мѣсяца, и погребено тѣло его противъ сей таблицы"

На правой внутренней стѣнѣ:

„1744 году Іюля 11 дня преставися рабъ Божій сего святаго храма іерей Іоаннъ Ѳеодоровичъ священнодетельствовалъ 30 лѣтъ, а житія 67 лѣтъ и погребенъ противъ сея т."

На южной наружной стѣнѣ главнаго храма:

„1702 лѣта Марта въ 14 день преставися рабъ Божій Максимъ Аѳанасьевъ сынъ Чирьевъ".

На южной наружной стѣнѣ.

„. . . году Генваря 27 дня преставися раба Божія и отъиде въ вѣчное блаженство Анна Андреевна, жена была Иностранной Коллегіи за титулярнымъ совѣтникомъ Гавриломъ Самойловичемъ сыномъ . . . . отъ рожденія житія ея было 30 лѣтъ, а тезоименитство ея было Сентября 9 числа и погребена противъ сей таблицы, написана въ память ради ея 1761 году Сентября 13 дня.

На погостѣ разобранной въ 1789 г. Преображенской церкви у двора князя Ромодановскаго.

Бывшей на углу Тверской и Камергерскаго переулка, что нынѣ домъ г-жи Толмачевой, на вырытыхъ въ землѣ надгробіяхъ: 1) Аще доброту всея жизни даже до сего смерти ключившагося падежа отъ рожденія своего имѣла лѣтъ 31 девять мѣсяцовъ 17 дней. Читателю, „аще хощеши увѣдати имя княгиня Наталія дщерь капитана Василія Андреевича Борисова Бараздилина, жена бысть князь Михаила Михаиловича Волконскаго", преставленія ея въ лѣто 1731 году Іюня 23 дня, въ супружествѣ брака пребывше 12 лѣт 4 мѣсяца 22 дни.

2) „Лѣта 7199 (1691) Февраля въ 25 день преставися рабъ Божій дому боярина князя Алексѣя Андреевича Голицына, человѣкъ его Іосифъ Андреевъ сынъ Байковъ".

Въ церкви св. Николая въ Пыжахъ, въ Ордынкѣ, въ Стрѣлецкой слободѣ, въ Пузиковѣ приказѣ Богданова. (Настоящая Благовѣщеніе Божіей Матери).

На наружныхъ стѣнахъ:

1) „1724 году Іюня въ 23 день престэвися раба Божія дѣвица Марія Магдалина, житія ея было 12 лѣтъ 8 мѣсяцовъ, дочь генералства господина генерала князя Никиты Ивановича Репнина, что нынѣ господинъ ѳелтъмаршалъ полку господина полковника Андрея Ивановича Митькова господина капитана и ассесора Михаила Осиповича Левшина; а сего 725 году Генваря въ 18 день преставился рабъ Божій сынъ же его капитанской Даніилъ, житія его было 37 лѣтъ, служилъ въ Кіевскомъ Амазонскомъ полку господина полковника Іакова Ивановича Ульянова, и погребены здѣсь противъ сей таблицы".

2) „1727 году Іюня 11 дня, на память Святыхъ Апостолъ Варѳоламея и Варнавы, представися рабъ Божій канцеляристъ Іоаннъ Матвѣевъ сынъ Рубцовъ, а житія его имѣлъ 65 лѣтъ, а тезоименитство его того Іюня 24 числа, и погребено тѣло его противъ сей таблицы".

3) „1733 году Ноября 8 числа преставися раба Божія прапорщика Игнатья Урываева жена его Татіяна Кондратьева дочь, а житія ея было отъ рожденія 54 года и погребена противъ сей таблицы".

Въ церкви Воскресенія Христова, что на Успенскомъ вражкѣ.

На наружной сѣверной стѣнѣ главной церкви:

„1705 году Декабря въ 8 день, на память преподобнаго отца нашего Потапія, преставися раба Божія дому стольника князя Андрея Яковлевича Хилкова человѣка его Данила Васильева сына Бакина жена Софія Андріянова дочь Барсуковыхъ и погребена на семъ мѣстѣ".

Въ церкви св. архидіакона Стефана, что за Яузою.

На наружной южной стѣнѣ:

1) „Лѣта отъ Рождества Христова 1712 году Маія 13 дня преставися раба Божія Ѳеодосія Васильева дочь Щученкова, подъячаго Борисова жена Степанова, преставися младенцы Параскева, Татіяна . . . . и погребены противъ сего надписанія".

Въ алтарѣ трапезнаго придѣла на сѣверной стѣнѣ:

2) „1719 году Апрѣлія въ 1 день, на память преподобныя матери нашея Маріи Египетскія, преставися раба Божія СанктПетербурскаго жителя Василія Захарьева сына Полосина, жена его Параскевія Козмина дочь, а житія ея было 19 лѣтъ".

3) „1702 году Генваря въ 5 день преставися рабъ Божій Петръ Львовъ сынъ Ярцовъ, а погребенъ сего Генваря въ 7 числѣ въ сей церкви подъ симъ знакомъ, тутъ же погребены Марія, Григорій“.

На внутренней поперечной трапезной стѣнѣ:

4) „Лѣта 7265 году Іюля въ 5 день преставися раба Божія подъячего Козмы Филипова жена его Ульяна Дмитріева дочь, а тезоименитство ея Декабря въ 21 день“.

Въ трапезѣ на южной стѣнѣ:

5) „1740 году Октября въ 4 день отыде сего свѣта въ вѣчное блаженство младенецъ Іоаннъ Яковлевъ сынъ Сокоревъ, а житія его было въ семъ свѣтѣ десять мѣсяцевъ и 2 дни“.

Въ церкви Св. Апостолъ Петра и Павла, что у Яузскихъ воротъ, на Горѣ, у Старыхъ Конюшенъ, на Кулишкахъ, на Малой Крутицѣ, въ Малой Крутицкой Пѣвчей. (Настоящая Знаменія Божіей Матери).

На паперти церкви на южной стѣнѣ:

1) „1725 году Іюня въ 7 день преставися рабъ Божій капитанъ Илья Богдановичъ Колычевъ, а тезоименитство его Іюля въ 20 день, а житія его было 28 лѣтъ и погребенъ противъ сей подписи“.

На сѣверной стѣнѣ внутри церкви:

2) „1743 году Апрѣля 20 числа преставися рабъ Божій Главнаго Комисаріята секретарь Александръ Алексѣевичъ Протасовъ, который родился Іюля 31 числа 1714 году, а всего житія его было 28 лѣтъ, 3 мѣсяца и 20 дней, а тезоименитство его Августа 30 дня, и погребенъ противъ сей подписи“.

На западной:

3) „Сей предѣлъ Казанскія Божія Матери состроенъ въ 781 году Іюня 14 дня и освященъ во ономъ году въ Декабрѣ 16 числа по обѣщанію для поминовенія родителей майора Богдана Семенова сына Колычева вдовою Анною Никифоровною, а въ 736 году Февраля 25 числа оная вдова Анна Никифоровна Колычева преставилась, а житія ея было 67 лѣтъ, а погребена въ ономъ предѣлѣ противъ царскихъ дверей, противъ сей таблицы“.

На наружныхъ алтарныхъ стѣнахъ:

4) „1737 года Марта во 2 день преставися рабъ Божій Московской дворянинъ Петръ Алексѣевичъ Зеленой, а житія его было 78 лѣтъ, тогожъ году Февраля въ 7 день преставися рабъ Божій секретарь Іоаннъ Петровъ сынъ Зеленой, а житія его было 27 лѣтъ, и погребены противъ сея подписи“.

5) „Рожденія дѣвицы Феодосіи Леонтьевны Яковлевой 1724 года Маія 19 числа, на память святаго мученика Патрикея, и преставися она 1732 года

Іюля 25 числа на память Успенія Святыя Анны Матери Пресвятыя Богородицы, отрожденія житія ея 8 лѣтъ 9 недѣль и 12 дней".

6) „1758 году Августа 21 числа преставися рабъ Божій Камеръ-Колегіи сторожъ Григорій Алексѣевъ сынъ Луховниковъ и погребенъ обще съ его супругою Анною Ісаевною, а преставленіе ея 1756 году Марта 21 дня, а тезоименитство ихъ Ноября 17 день святаго Григорія епископа Неокесарійскаго, да Февруарія 3 дня Святыя Анны Пророчицы, отъ рожденія житія его 70 лѣтъ, а ей 68 лѣтъ, и погребены противъ сей подписи".

7) „1714 году Мая въ 13 день, на память святыя мученицы Гликеріи, преставися рабъ Божій Силивестръ Петровъ сынъ Протодіаконовъ, а житія его было 67 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ и 8 дней".

8) „1766 году Декабря 8 числа въ пятомъ часу по полудни преставися рабъ Божій Сибирскаго приказу канцеляристъ Ѳедоръ Григорьевъ сынъ Луховниковъ, житія его было 28 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ, тѣло его положено противъ сей таблицы, да тутъ же погребены двѣ дѣвицы Ульяна, Ирина, отрокъ Михаилъ".

9) „1721 году Апрѣля во 2 день преставися раба Божія Евдокія Васильева дочь, а житія ея было 65 лѣтъ. 1725 года Августа 27 преставися раба Божія посадскова человѣка Напрудной слободы Семена Иванова сына Меншенина, жена его Евдокія Артемьева дочь, а житія ея было 89 лѣтъ, а погребена противъ сей надписи".

10) „1707 году Февраля противъ 15 числа, на память святаго Апостола Онисима, преставися рабъ Божій Напрудной слободы тяглецъ Семенъ Ивановъ сынъ Сметанинъ, а житія его было 15 лѣтъ, и погребенъ противъ сей подписи".

11) „1763 году Марта 25 дня, въ полночь былъ Вторникъ Святыя недѣли; преставися порутчика Егора Максимова жена его Софія Васильева, которая и погребена противъ сей таблицы, и пятерыхъ дѣтей съ нею, а житія ея было 36 лѣтъ".

На паперти на сѣверной стѣнѣ:

12) „1768 году Сентября 29 дня по полудни въ 7 часу преставися раба Божія вдова Агрипина Петрова дочь Зеленова, секретаря Алексіева жена Иванова сына Протасова, а житія ея отъ рожденія было 76 лѣтъ, и погребена противъ входныхъ церковныхъ дверей".

На погостѣ церковномъ на камняхъ, вынутыхъ во время перестройки главнаго храма:

13) „Лѣта 7129 году Марта въ 28 день, на память преподобнаго отца нашего Стефана чудотворца, преставися рабъ Божій подъячій Петръ Іосифовъ сынъ Шишкинъ".

14) „На семъ мѣстѣ погребено тѣло раба Божія Алексія Андреевича Колычева Іюля въ 6 день 1734 года".

Въ церкви Тихвинскія Божія Матери въ Малыхъ Лужникахъ, за Новодѣвичьимъ монастыремъ.

На погостѣ на старинномъ камнѣ:

„. . . . года Маія 5 дня, на память мученицы Ирины, преставися раба Божія дому дѣйствительнаго камергера и кавалера орденовъ святаго Александра и святыя Анны графа Петра Борисовича Шереметева служительница его Евдокія Иванова дочь Игнатова, а житія ея было 66 лѣтъ, а тезоименитство ея Марта въ первый день и погребена подъ симъ камнемъ“.

Въ церкви Святаго Іоанна Воина въ Малыхъ Лужникахъ, на Калужской улицѣ, у Крымскаго двора на берегу, у Конюшенной слободы.

На погостѣ церковномъ на камнѣ:

„1766 года Февраля 8 дня, по полуночи въ 8 часу преставися рабъ Божій, церкви Іоанна Воина священноіерей Алексій Іоанновъ; трудился священникомъ при семъ храмѣ, пася стадо свое 13 лѣтъ. Житія его отъ рожденія было 44 года“.

Въ церкви Святаго Пророка Иліи, что на Тверской (настоящая Живоноснаго Источника, упразднена въ 1813 году и разобрана въ 1817 г.).

На камнѣ, вынутомъ изъ земли:

„Лѣта 7206 году Іюля въ 16 день, на память Святаго священномученика Аѳиногена и десяти ученикъ его, преставися раба Божія младенецъ Марія Аптекарскія Палаты лекаря, дочь его Лова Яковлева сына Пачинского“.

Въ церкви Преподобнаго Спиридона Тримиѳійскаго чудотворца, за Никитскими вороты, въ Патріаршей слободѣ, на Козьѣ болотѣ, у Патріаршаго пруда, что на Всполье. (Настоящая Рождества Богородицы).

На наружной алтарной стѣнѣ:

1) „Лѣта 7227 года Октября въ 10 день преставися рабъ Божій Козлова полку капитанъ Максимъ Силичъ Маниковъ, погребенъ подлѣ отца своего и матери у стѣны, отступя отъ сея подписи на аршинъ“.

На погостѣ церковномъ у южной стороны находится надгробный памятникъ въ видѣ пирамиды, на немъ надпись:

2) „Здѣсь лежитъ тѣло статскаго совѣтника Никиты Семеновича Шишкова, родился онъ 1682 года Маія 19 дня, а житія его было 65 лѣтъ и 6 мѣсяцовъ и 28 дней, а тезоименитство его было Мая 24 числа“.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ВРАЧА *).

Служба въ Москвѣ (1865—1875 года).

Переходя на службу въ Москву изъ мятежнаго края, я всего менѣе могъ думать, что въ самомъ сердцѣ Россіи не только попаду въ Польскую среду, но и вынужденъ буду считаться съ *Польскимъ вопросомъ* уже на собственный страхъ и рискъ. Я получилъ мѣсто младшаго врача въ лейбъ-Екатеринославскомъ полку. Командиромъ полка былъ въ то время полковникъ Брандтъ, человѣкъ мягкаго характера и находившійся въ большомъ подчиненіи у своей жены. Онъ самъ не былъ Полякомъ; не знаю и того, какой національности была его жена; но она очень любила Поляковъ. Въ полку было много офицеровъ Польскаго происхожденія; командирша имъ покровительствовала, и вслѣдствіе этого образовалась Польская партія, которая забрала въ полку все въ свои руки и заставила примкнуть къ себѣ и многихъ Русскихъ офицеровъ. Старшимъ врачемъ, моимъ начальникомъ, былъ Полякъ Леонардъ Карловичъ Бересневичъ, дивизіоннымъ тоже Полякъ, Осипъ Осиповичъ Даркшевичъ, помощникомъ начальника дивизіи генералъ-маіоръ Зволиньскій. При слабохарактерности дивизіоннаго начальника Моллера, Польщизна получила и въ дивизіи преобладаніе. Душою этой военной Польской колоніи въ Москвѣ былъ мой старшій врачъ Бересневичъ, котораго Русскіе врачи и офицеры называли *ксендзомъ*. У него въ казенной квартирѣ происходили Польскія собранія, на которыхъ присутствовалъ и генералъ Зволиньскій и Поляки изъ не-военныхъ. Какую именно цѣль имѣли эти собранія, не знаю. Бересневичъ былъ человѣкъ весьма не богатый, жилъ въ плохой казенной квартиркѣ, тѣсной и бѣдно обставленной, вообще не такъ, чтобы принимать генераловъ или давать вечера. Въ карты тоже у него не играли. Какъ бы ни было, но тайная полиція обратила вниманіе на Польскія собранія и довела о нихъ до свѣдѣнія командующаго войсками Гильденштуббе. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему, кажется, указано

*) См. „Русскій Архивъ“ 1895 г., I, стр. 129.

было и на преобладаніе Польцизны въ дивизіи какъ количественное, такъ и служебное. Вслѣдствіе этого генералъ Зволиньскій получилъ отъ командующаго войсками нагоняй, а Бересневичъ переведенъ въ Ростовскій полкъ.

Какъ прибывшій изъ *забраннаго края*, я былъ принятъ въ полку весьма радушно, чему способствовало и то, что мои прямодушные разсказы о жизни въ Гроднѣ поняты были въ смыслѣ моего сочувствія мятежу. Старшій врачъ меня ласкалъ и отрекомендовалъ съ отличной стороны своему родичу—дивизіонному врачу, котораго я часто встрѣчалъ у него запросто, какъ хорошаго знакомаго, а полковой квартермистръ Завелѣйскій, взялъ даже меня подъ свое покровительство. Онъ охотно ссужалъ меня деньгами въ счетъ жалованья и квартирныхъ, даже безъ моей просьбы, самъ иногда предлагалъ брать впередъ. Странно было только то, что я ни разу не расписывался въ полученіи квартирныхъ денегъ по требовательнымъ вѣдомостямъ, хотя и не разъ заявлялъ о томъ квартермистру. Изъ этого вышло, что, сосчитавъ полученныя по мелочамъ квартирныя деньги, я не досчитался сотни полторы рублей года за два и принужденъ былъ проститься съ ними, потому что Завелѣйскій очень любезно, добродушно и снисходительно увѣрилъ меня, что я запамятовалъ. Впрочемъ не мнѣ одному дорого обошлась любезность квартермистра: офицеры также подъ конецъ расплатились и очень чувствительно. Завелѣйскаго перевели куда-то смотрителемъ или комендантомъ, и благодарные товарищи устроили ему проводы съ поднесеніемъ на память цѣннаго подарка. Чрезъ годъ послѣ этого контролемъ сдѣланы значительные начеты на квартермистрскую часть въ полку, и офицерамъ пришлось уплатить ихъ изъ своего кармана, такъ какъ должность квартермистра была въ то время выборною.

Но добрыя отношенія ко мнѣ моихъ сослуживцевъ продолжались не долго. Они скоро поняли, что ошиблись во мнѣ. Присматриваясь къ полковой жизни, я скоро замѣтилъ, что въ полку я нашелъ для себя вторую Гродну съ тою невыгодною для меня разницею, что въ Гроднѣ можно было оставаться открыто Русскимъ, а здѣсь дома, въ Москвѣ, нѣтъ. На мѣсто Бересневича, былъ назначенъ старшимъ врачемъ Василій Михайловичъ Никольскій, прославившійся своимъ патріотизмомъ. Когда дивизія, не задолго до этого, находилась въ Финляндіи онъ не могъ переносить отношенія мѣстныхъ жителей къ Русскимъ, затѣвалъ исторіи, которыя доходили до бывшаго тамъ генералъ-губернаторомъ барона Рокассовскаго. Когда, наконецъ, этотъ послѣдній вынужденъ былъ обратиться къ дивизіонному начальнику съ просьбою унять ретиваго патріота, то Никольскій въ своемъ объясненіи,

не стѣсняясь обвинилъ генералъ-губернатора ни мало, ни много какъ въ государственной измѣнѣ. Это однако ему сошло благополучно. Начальство, уступая предупрежденіямъ со стороны о Польскомъ духѣ въ Екатеринославскомъ полку, давало ему противовѣсъ въ такомъ завзятомъ патріотѣ. Но, выйдя съ торжествомъ изъ столкновенія съ генералъ-губернаторомъ, Никольскій потерпѣлъ фіаско въ столкновеніи съ Польщизной. Нечего говорить, что его не любили ни въ полку, ни въ дивизіи и, конечно, давно бы сплавили, подвернись только подходящій случай. Но этого случая не отыскивалось, благодаря смѣлости, находчивости, прямому образу дѣйствій и хорошему знанію своего дѣла этимъ врачемъ, а придираться къ нему пользовались всякимъ пустякомъ. Напримѣръ, Никольскій въ своемъ медицинскомъ отчетѣ помѣстилъ однажды выраженіе: *Конституція Покровскихъ казармъ*, въ смыслѣ ихъ устройства и содержанія, дѣйствовавшихъ на заболѣваніе солдатъ. Изъ-за слова конституція возникла переписка, въ которой Никольскій, тонко издѣваясь надъ начальствомъ, доказывалъ, что онъ не сторонникъ конституціи въ государствѣ, потому что насмотрѣлся на конституціонные порядки въ Финляндіи и желаетъ оставаться вѣрноподданнымъ своего Государя. Дѣло о конституціи окончилось тѣмъ, что Никольскому сдѣлано замѣчаніе за употребленіе въ служебныхъ бумагахъ неприличныхъ словъ. Но вскорѣ представился случай сдѣлать ему покрупнѣе непріятность. Никольскій ѣздилъ въ отпускъ и, возвратившись изъ него поздно ночью, былъ тотчасъ же приглашенъ къ живiшему въ казармахъ ротному командиру изъ Поляковъ, внезапно заболѣвшему какою-то странною болѣзнію, въ родѣ отравленія. Никольскій, хотя и имѣлъ право отказаться отъ приглашенія, какъ считавшійся въ отпуску и въ должность не вступавшій, тѣмъ не менѣе пошелъ къ больному и провозился съ нимъ до утра. Больной, однако умеръ. Жена его, ни съ того, ни съ сего, подняла вой, что докторъ убилъ—отравилъ ея мужа; Поляки офицеры присоединились къ этому обвиненію и надѣлали Никольскому много оскорбленій. Требованіе его, чтобы сдѣлано было вскрытіе трупа, встрѣтило такой отказъ: «вы будете убивать людей, а мы изъ-за васъ должны огорчать вдову еще потрошеніемъ ея мужа»!.. Похороны назначены торжественныя, чуть ли не на полковой счетъ, и въ приказѣ о нихъ значилось, что старшему врачу Никольскому предписывается слѣдовать въ процессіи пѣшкомъ «*съ пузырьками на случай, если вдовѣ покойнаго сдѣлается дурно*». Врачъ, мнимый убійца, конечно, не пошелъ за гробомъ своей жертвы, и изъ такого неисполненія приказаній начальства возникло дѣло, доходившее до начальника округа. Гильденштуббе посадилъ Никольскаго на двѣ недѣли подъ арестъ, но не за то, что

не исполненъ имъ приказъ, то есть совершено преступленіе предусмотрѣнное военно-уголовными законами, а просто *за безсердечіе и недостатокъ человѣколюбія*. Послѣ этого случая Никольскому нельзя уже было оставаться въ полку, и онъ перешелъ или былъ переведенъ въ какую-то артиллерійскую часть, въ уѣздномъ городѣ. Здѣсь также ему не посчастливилось; офицерамъ онъ пришелся не по вкусу и своимъ образомъ мыслей, и служебною требовательностью относительно содержанія солдатъ. Одинъ изъ офицеровъ придрался къ нему во время игры съ нимъ на билліардѣ и безъ всякаго повода нанесъ тяжелое оскорбленіе, на которое Никольскій не нашелъ защиты у офицерства и начальства. Этотъ случай такъ потрясъ Никольскаго, что онъ помѣшался и, пріѣхавъ въ Москву просить перевода, бросился изъ окна въ Покровскихъ казармахъ, гдѣ остановился у своего стараго пріятеля, служившаго смотрителемъ казармъ. Вечеромъ предъ катастрофой, онъ заходилъ ко мнѣ, пробылъ часа полтора, и я имѣлъ возможность убѣдиться въ несчастіи моего бывшаго начальника, котораго любилъ и уважалъ. Миръ его праху!

О покойномъ Никольскомъ, къ его чести нужно сказать, что онъ велъ себя совсѣмъ не такъ, какъ другіе врачи, не унижался и не заискивалъ предъ начальствомъ. Такого прямаго и честнаго товарища я, въ теченіе тридцатилѣтней службы своей, не встрѣчалъ болѣе. Онъ былъ при этомъ и усердный служака, не отлынивавшій отъ дѣла и, насколько зависѣло отъ него, не дававшій солдата въ обиду. Хотя насъ врачей въ полку на лицо было только двое, слѣдовательно и дѣла на двоихъ приходилось довольно, да и начальникъ мой былъ требователенъ, но служилось съ нимъ хорошо. Однако разъ и мнѣ пришлось возмутиться противъ его требовательности и выйти изъ повиновенія. Дѣло вышло изъ-за глупой сумки, которую онъ заставилъ меня надѣть и парадировать въ ней на высочайшемъ смотру.

Исторія этой сумки, которая не полагалась въ обмундированіи военнаго врача и не носилась никѣмъ изъ моихъ товарищей, была слѣдующая. Бывшій лейбъ-медикомъ при Государѣ Николаѣ Павловичѣ Мандтъ изобрѣлъ какую-то полугомеопатическую, полу-фантастическую методу леченія, которую и вводилъ въ войска, хвастаясь, что всю аптеку врачъ будетъ носить при себѣ въ сумкѣ, не болѣе размѣромъ настоящей патронной. Такая сумка изъ лакированной кожи на лакированномъ широкомъ ремнѣ чрезъ плечо и повѣшена была на врачей въ первой арміи, въ Царствѣ Польскомъ. Въ другія войска она не успѣла проникнуть, но въ Варшавскихъ войскахъ продолжала держаться, служа врачамъ для храненія папиросъ и спичекъ, а при желаніи и маленькихъ флакончиковъ съ коньякомъ или ромомъ. Николь-

скому, служившему раньше въ Варшавѣ, Мандтовское изобрѣтеніе понравилось тѣмъ, что въ этой сумкѣ можно врачу носить обыкновенныя лекарства для подачи первоначальной помощи на ученьяхъ, смотрахъ и т. д., не таская съ собою фельдшера. Въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенно правъ и правъ вдвойнѣ по своему отношенію къ дѣлу. На смотрахъ, ученьяхъ и пр. онъ не прятался, какъ обыкновенно врачи, гдѣ нибудь вдали, около лазаретныхъ фуръ, а всегда находился близъ начальства, даже на высочайшихъ смотрахъ. Верхомъ на одной изъ Шведокъ своей тройки, на которой онъ ѣздилъ въ Русской упряжи съ бубенчиками и съ кучеромъ въ ямщицкомъ уборѣ, Никольскій обязательно парадировалъ въ хвостѣ блестящей свиты съ Мандтовской сумкой чрезъ плечо. Сначала на непривычное присутствіе врача въ толпѣ эксельбантовъ и лентъ смотрѣли косо, какъ на какое-то пятно, но потомъ помирились, узнавши, зачѣмъ это дѣлается.

— А вы, в—ство, увѣрены, что вамъ не понадобится моя помощь?

— Да вѣдь тутъ Государь. Вы толчетесь въ свитѣ Государя!

— Причиной больше мнѣ здѣсь находиться. Или вы, в—ство, окажите помощь Государю, если она ему потребуется?

Такъ и отстали: что́ подѣлаешь съ такимъ человѣкомъ? Дѣйствительно, однажды случилось солдату упасть въ обморокѣ на церемоніальномъ маршѣ и прямо противъ Государя, который по этому случаю произнесъ: доктора! Никольскій тотчасъ поспѣшилъ броситься къ лежавшему; но лошадь его никакъ не захотѣла оставить хорошее общество, въ которое попала, и не слушалась ни шпоръ, ни шенкелей, ни мундштуковъ. Эта возня въ хвостѣ свиты заставила Государя оглянуться, что́ всаднику придало силы, и, одолѣвъ упрямаго коня, онъ проскакалъ къ солдату мимо Государя и удостоился услышать отъ него: «хорошъ конь, да недуренъ и всадникъ». Хотя эти милостивыя слова и не слѣдовало принимать въ прямомъ смыслѣ относительно неуклюжей малорослой Шведки и посадки на ней всадника, но Никольскій былъ очень польщенъ вниманіемъ Государя. «Ничего, и лошадка не важная и сѣдокъ не ахти какой, да дѣло свое сдѣлалъ». Освободивъ отъ аммуниціи и растегнувъ мундиръ, сдѣлавъ все это собственноручно и на глазахъ Государя, Никольскій привелъ солдата въ чувство и, передавъ подбѣжавшимъ фельдшерамъ, возвратился на свое мѣсто.

Но слова Государя не всегда были такъ милостивы, что́ испыталъ на себѣ начальникъ дивизіи генералъ Моллеръ. Во время одностороннихъ маневровъ, Государь былъ недоволенъ ими и часто оглядывался на вертѣвшагося около него Моллера. Наконецъ произошла какая-

то особенная путаница, и Государь грозно сказалъ. «Генералъ Моллеръ, что вы около меня скачете? Тамъ ваше мѣсто!» указалъ ему рукою на дивизію. Генералъ затрусилъ къ ней едвали въ лучшей посадкѣ, чѣмъ Никольскій и, можетъ быть, въ это время нуждался въ *пузырькахъ* послѣдняго съ опіемъ или Иноземцевыми каплями.

Въ это время, о которомъ я разсказываю, ждали Государя въ лагерь, между прочимъ потому, что онъ изъявилъ желаніе лично поздравить Екатеринославскій полкъ съ двадцатипятилѣтіемъ своего шефства въ немъ. Ожидалось по этому случаю особое вниманіе Государя къ полку, и Никольскій, желая, чтобы и медицинская часть въ немъ была въ порядкѣ, заставилъ меня потратиться на Мандтовскую сумку, которою потомъ я и обратилъ на себя вниманіе Государя на смотру гимнастики.

Государя Александра Николаевича въ этотъ пріѣздъ его въ Москву я имѣлъ счастіе видѣть во второй разъ, раньше оно досталось мнѣ, когда я былъ еще студентомъ. На высочайшемъ выходѣ въ Успенскій соборъ мнѣ удалось пробраться къ самымъ periламъ помоста на площади. Когда Государь приближался къ мѣсту, гдѣ я стоялъ, приложивши руку къ трехуголкѣ, вдругъ вблизи меня вынырнулъ къ периламъ и сталъ на колѣни какой-то оборванецъ съ просьбою на головѣ. Шедшій впереди Государя высокій генералъ (адмиралъ князь Меншиковъ, какъ я узналъ послѣ), покосившись на просителя, серьезнымъ тономъ уронилъ: «въ придворные просишься, пріятель?» Это все было такъ смѣшно и неожиданно, что я разсмѣялся. Но смѣхъ мой моментально былъ притиснутъ опасеніемъ, придавши, вѣроятно, моей физіономіи глупѣйшее выраженіе, что онъ будетъ замѣченъ Государемъ, который въ эту минуту проходилъ мимо меня.

Понятно, что къ предстоявшему юбилею полкъ готовился тщательно. Офицеры на открытый имъ кредитъ одѣлись съ иголочки и ежедневно примѣривали другъ передъ другомъ новую мундирную пару для взаимнаго контроля, все ли въ порядкѣ. Но въ особыхъ хлопотахъ былъ назначенный заблаговременно на ординарцы къ Государю офицеръ. Ему пришлось репетировать свое предстоящее представленіе предъ всѣмъ своимъ начальствомъ, отъ ротнаго командира до начальника дивизіи и, кажется, предъ начальникомъ окружнаго штаба. Однако и послѣ того, какъ всѣ репетиціи сошли благополучно, будущему ординардцу не было покоя отъ баталіоннаго командира Финляндца Рута. При всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ онъ, на своемъ ломанномъ Русскомъ языкѣ, приставалъ къ офицеру: «А вы не забыли, какъ слѣдуетъ говорить Государю? Скажите». И тотъ въ тысячный, можетъ быть разъ повторялъ; отъ перваго лейбъ-гренадерскаго имени В. И.

В. Екатеринославскаго полка на ординарцы наряженъ». Въ концѣ концовъ, какъ и слѣдовало ожидать, офицеръ на представленіи Государю перепуталъ слова, о правильной разстановкѣ которыхъ такъ хлопотали.

Рутъ и меня не обошелъ замѣчаніемъ и совѣтомъ на счетъ моей фуражки кэпи. Купленная въ ножевой линіи, она вскорѣ угодила подъ дождь и полиняла, принявъ изъ темнозеленаго форменнаго цвѣта свѣтло-зеленый, а отъ солнца и лагерной пыли напоминала муаръ-антикъ. Но мнѣ никакъ не удавалось выбраться изъ лагеря въ городъ за новой фуражкою, и потому пришлось, почистивъ сколько возможно старую, въ ней и представляться. Въ строю я стоялъ, какъ и слѣдовало, послѣднимъ, рядомъ съ старшимъ врачемъ. Къ нему Государь обратился съ вопросомъ о здоровьѣ солдатъ, на мнѣ же только остановилъ свой взглядъ, окинувъ съ головы до ногъ, и не сказалъ ни слова. Видимо, кэпи мое обратило на себя его вниманіе. Время, пока Государь не отошелъ отъ меня, показалось мнѣ страшно-долгимъ, и въ головѣ моей вертѣлась одна мысль: что̀ онъ скажетъ, и что̀ я ему стану отвѣчать? Но если мнѣ сошло благополучно мое кэпи, то самому Руту не сошли также петлицы на мундирѣ, вновь тогда введенныя. Командиръ полка замѣчалъ ему, что петлицы неправильно нашиты на мундирѣ.—Нѣтъ, г. полковникъ, у меня нашиты такъ.— «Смотрите», предостерегъ тотъ, зная, что Рута нельзя ни переспорить, ни убѣдить. Во время представленія Государь не обратилъ вниманія на спорныя петлицы, но на слѣдовавшемъ затѣмъ смотру сказалъ: «полковникъ Брандтъ, у подполковника петлицы неправильно нашиты». «Ну вотъ, упрекалъ потомъ Брандтъ плаксивымъ голосомъ упрямаго Финна, говорилъ я вамъ; а теперь и дождались, что самъ Государь замѣтилъ».—«Нѣтъ, стоялъ на своемъ Финляндецъ, у меня правильно, г. полковникъ; Государь ошибся». Что̀ подѣлаешь съ такимъ господиномъ. Впрочемъ, и Брандтъ, пожалованный тогда флигель-адъютантствомъ, особенно былъ расположенъ къ снисходительности.

Теперь доходитъ очередь и до моей сумки. Присутствуя съ ней на смотру гимнастики, я, правда, съ нѣкоторою смѣлостію занялъ мѣсто, съ котораго могъ видѣть Государя и слышать, какъ забавляла молодыхъ Великихъ Князей неуклюжесть нѣкоторыхъ гимнастеровъ. Такъ, одинъ солдатъ очень смѣшно карабкался на заборъ, чрезъ который долженъ былъ перелѣзть, и молодой, веселый голосъ помогалъ ему въ этой трудной работѣ: ну, н—ну̀. Когда же, наконецъ, солдатъ вкарабкался на гребень забора и, не удержавшись на немъ, еще смѣшнѣе свалился на противуположную сторону, послышался веселый смѣхъ и замѣчаніе: вотъ такъ и слѣдовало! Гимнастика въ то время была

еще внове и требовательности къ себѣ не вызывала. Послѣ окончанія смотра, Государь неожиданно направился къ выходу изъ городка мимо меня. Окинувъ меня пристальнымъ взглядомъ (кэпи на мнѣ было уже новое), онъ остановился, какъ мнѣ казалось, съ недоумѣніемъ на моей сумкѣ, торчавшей у меня на животѣ, но прошелъ, ничего не замѣтивъ мнѣ. Такимъ образомъ, я пережилъ новыя тревожныя мгновенія. Чего я боялся? Одного, чтобы на неожиданный вопросъ не отвѣчать какою-либо глупостію, которая затѣмъ останется въ памяти на совѣсти на всю жизнь. А, подумаютъ, самолюбіе! И подумаютъ, пожалуй, не безъ ехидства. Да, отвѣчаю, самолюбіе, но особаго рода. По обыкновенному самолюбію мы хотимъ показать другимъ, что умнѣе ихъ; но здѣсь только одно—нежеланіе показать Государю лишняго, въ своемъ лицѣ, дурака между его подданными. О Саратовцахъ, напр., просившихъ разрѣшенія на желѣзную дорогу, разсказываютъ, будто они на вопросъ, что́ будутъ возить по ней, отвѣчали: арбузы! Это выходитъ уже не арбузъ, а настоящій гарбузъ, играющій символически извѣстную роль въ Малороссіи. Впрочемъ, все дѣло вкуса, и каждый живетъ своимъ умомъ и собственною душою.

Какъ бы ни было, но послѣ разсказаннаго я объявилъ Никольскому, что больше ни за что́ не надѣну этой противной сумки, тѣмъ болѣе, что она уже помогла мнѣ нажить лишняго врага въ начальникѣ дивизіоннаго штаба, полковникѣ Фокѣ. Сопровождая, по приказанію Никольскаго, полкъ повсюду, и на ученья, и на стрѣльбу, и на парады (чего не дѣлали мои товарищи другихъ полковъ), я былъ награжденъ за это тѣмъ, что́ Брандтъ представилъ меня Моллеру, какъ невиданнаго дотолѣ по усердію къ службѣ врача. Вмѣстѣ съ тѣмъ я еще раньше сдѣлался извѣстнымъ Фоку. Въ ожиданіи Государя, участились смотры Гильденштуббе и репетиціи въ его присутствіи. Былъ ли Фокъ человѣкомъ больнымъ, или присутствіе крупнаго начальства дѣйствовало на него разслабляющимъ образомъ, только онъ каждый разъ на лагерномъ полѣ подъѣзжалъ къ моей сумкѣ, за крѣпительными каплями. Привыкнувъ къ этому, я однажды, предъ смотромъ Гильденштуббе, самъ предложилъ проѣзжавшему мимо меня Фоку капель. Это было сдѣлано безъ всякой задней мысли, но при Фокѣ находились тогда сопровождавшіе его командиры полковъ, и онъ обидѣлся, мало того окрысился на меня. «Докторъ, не забывайтесь!» Обидѣлся и я. «Ну, не надо, такъ и не надо», говорю. Тѣмъ на этотъ разъ дѣло и покончилось. Но чрезъ нѣсколько дней командующій войсками смотрѣлъ гимнастику. Команда гимнастеровъ была сборная, отъ всѣхъ полковъ дивизіи, а я былъ на этотъ день дежурнымъ врачемъ по лагерю, обязаннымъ безотлучно находиться въ немъ и подавать

врачебную помощь людямъ цѣлой дивизіи. Между тѣмъ гимнастическая команда состояла изъ какой-либо сотни человѣкъ, да и самый гимнастическій городокъ былъ далеко отъ лагеря. Не находя въ приказахъ ничего обо мнѣ, я остался на своемъ посту. Но на бѣду мою, на смотровой гимнастикѣ разбился какой-то неловкій гимнастеръ; Гильденштуббе крикнулъ: доктора! Но таковаго на лицо не оказалось. Какъ, нѣтъ? Почему нѣтъ? Распечь, упечь и т. д. Гильденштуббе иногда и не рѣдко обнаруживалъ въ своемъ характерѣ такую горячность, которой можно бы бояться, если бы сердце у него не было отходчивое, какъ говорится. Вотъ и принялись отыскивать не вола, а овцу, пожалуй, чтобы взвалить на костеръ для умилостивленія разгнѣваннаго божества. Дивизіонный врачъ Даркшевичъ, уже измѣнившій ко мнѣ прежнія отношенія, обрадовался, узнавши, что дежурнымъ былъ я. Думаю, что былъ доволенъ этимъ и Фокъ. Вызванный въ дивизіонный штабъ, я предсталъ предъ ними обоими. Даркшевичъ встрѣтилъ меня съ двуличною ехидностью, а Фокъ—съ напускною строгостью.

«Почему вы не были на гимнастикѣ, когда смотрѣлъ командующій войсками?»

— Зачѣмъ мнѣ тамъ быть?

«Но вѣдь вы были дежурнымъ въ лагерѣ по дивизіи»?

— Да былъ. Но поэтому-то я не могъ быть на гимнастикѣ, если бы даже и желалъ посмотрѣть, что́ тамъ дѣлается.

— «Но тамъ ни одного врача не было. Солдатъ расшибся. Командующій войсками приказалъ строжайше взыскать съ виновнаго».

— Это, полковникъ, до меня не касается.

«Какъ не касается? Вѣдь вы были дежурнымъ»?

— Совершенная правда. Но, позвольте мнѣ спросить, кто былъ бы виноватъ, если бы на гимнастикѣ обошлось все благополучно, а въ лагерѣ, за полторы-двѣ версты, произошелъ несчастный случай, а врача на мѣстѣ не оказалось бы, потому что онъ пошелъ смотрѣть гимнастику, что́ не было ему приказано? Поставили бы тогда мнѣ въ вину отлучку изъ лагеря?

Такая дилемма поставила моихъ антагонистовъ въ нѣкоторое затрудненіе.

«Но вѣдь командующій войсками приказалъ взыскать. Кто же виноватъ по вашему?»

— Если угодно, я вамъ скажу, полковникъ, кто виноватъ.

«Говорите».

— Виноваты вы. Вы составляли приказъ о сегодняшнемъ смотрѣ и обязаны были назначить врача, если считали это нужнымъ. Таково

мое мнѣніе. Если вы съ нимъ несогласны, то мнѣ остается искать защиты и справедливости въ округѣ формальнымъ путемъ.

Сдѣлать мнѣ пакость такъ и не удалось на этотъ разъ. Гильденштуббе или забылъ о своей горячности, или ее успокоили въ немъ какою либо ложью, въ родѣ, напр., что врачъ, назначенный на гимнастику, подавалъ во время случившагося несчастія помощь кому либо другому.

Шефскій юбилей Екатеринославскаго полка доставилъ ему, да кажется и вообще арміи, первыхъ флигель-адъютантовъ. Это званіе, кромѣ командира, полковника Брандта, получилъ еще и капитанъ Ильинскій, командиръ роты Его Величества. Послѣднему такая честь выпала такъ неожиданно, что ошеломила его, когда Государь поздравилъ Ильинскаго своимъ флигель-адъютантомъ, онъ даже не понялъ, что̀ ему было сказано, поэтому не только не поблагодарилъ Государя за милость, но къ конфузу свиты продолжалъ стоять столбомъ, выпуча глаза, которые у него дѣйствительно были и большіе и выпуклые. Я зналъ Ильинскаго очень близко, потому что лечилъ въ его семьѣ. Былъ онъ мягкаго характера. Ему пришлось съ своею ротою занимать караулъ въ подмосковномъ селѣ Ильинскомъ, гдѣ пребывала въ 1865 году Государыня и поэтому онъ сдѣлался ей извѣстенъ и заслужилъ милостивое ея вниманіе. Въ этомъ случаѣ, вѣроятно не безъ вліянія осталось и совпаденіе фамиліи офицера съ названіемъ охраняемой имъ резиденціи Государыни. Фамилія легко могла остаться въ памяти, также какъ и самая личность, приглядѣвшаяся въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Кромѣ того Ильинскій съумѣлъ снискать себѣ расположеніе и у лицъ свиты, благодаря которымъ онъ удостоился того, что Государыня изъявила согласіе быть воспріемницей родившагося у Ильинскаго въ то время ребенка. Тѣ же лица принимали участіе и въ его флигель-адъютантствѣ и затѣмъ въ придворномъ воспитаніи армейскаго офицера, котораго приходилось учить многому, начиная съ умѣнья прилично держаться. Что̀ казалось если и не совсѣмъ хорошо, то извинительно въ заурядномъ армейскомъ офицерѣ, то не могло оставаться такимъ же въ офицерѣ съ флигель-адъютантскими эксельбантами и погонами. Я остановился на воспоминаніи объ Ильинскомъ потому, между прочимъ, что онъ представлялъ собою лишній образчикъ той рѣзкой перемѣны, которую производитъ въ человѣкѣ неожиданная, а тѣмъ болѣе случайная, незаслуженная перемѣна въ положеніи и вообще въ судьбѣ. Бывшій дотолѣ, что̀ называется, добрымъ малымъ, онъ, вѣроятно, только изъ опасенія уронить свое высокое званіе, сталъ вдругъ корчить изъ себя особу. Такая же перемѣна постигла и супругу его, въ общемъ простую и добрую женщину. Впрочемъ, нѣтъ

ничего удивительнаго что жены входятъ въ роль своихъ мужей, даже и тогда, когда послѣднихъ въ грошъ не ставятъ. Величала же, какъ говорятъ, себя *женою спасителя* г-жа Комисарова; почему же и женѣ Ильинскаго не поднять носа въ своемъ полковомъ міркy? Можетъ быть, даже такъ и слѣдовало по понятіямъ той среды, гдѣ галунъ, кантикъ, значекъ и т. п. имѣетъ такое большое значеніе, что дѣлаютъ ненужнымъ весьма многое, повидимому существенное. Все зависитъ отъ установившихся взглядовъ и понятій. Вотъ, напр., каждому военному лестно носить шпоры; военному врачу онѣ присвоены и возбуждаютъ зависть въ молодомъ пѣхотномъ офицерѣ, какъ и густыя эполеты у того же врача. Я же, напр., не умѣвшій ѣздить верхомъ и никогда не садившійся на лошадь, видѣлъ въ шпорахъ, такъ же какъ въ эполетахъ и оружіи, одно стѣсненіе. Флигель-адъютантству Ильинскаго не могли не завидовать его товарищи, а потому онъ имѣлъ, пожалуй, поводъ измѣнить свое отношеніе къ нимъ, но для меня не произошло никакой перемѣны въ этой семьѣ: дѣтскіе животики и зубки, дамскіе нервы и т. п. оставались тѣже. Но мнѣ стали показывать, что и это все уже теперь не такое, не прежнее. А такъ какъ самъ я не видѣлъ надобности мѣняться, то мы благополучно и разошлись. Ильинскій впослѣдствіи командовалъ полкомъ въ дивизіи Скобелева и въ послѣднюю войну получилъ извѣстность...

(*Продолженіе будетъ.*)

ОТЗЫВЪ ГЕРМАНСКАГО УЧЕНАГО О РУКОВОДСТВАХЪ ПО ИСТОРІИ Д. И. ИЛОВАЙСКАГО.

Весною нынѣшняго года, въ Боннѣ, появилась любопытная брошюра старшаго преподавателя исторіи, доктора Іосифа Баара [Studien über den geschichtlichen Unterricht an den höheren Lehranstalten des Auslandes... Bonn. 1895, 8-ка съ 35-ю таблицей].

Указавъ во введеніи на значеніе историческаго преподаванія, авторъ обстоятельно разбираетъ учебные планы и программы преподаванія исторіи во Франціи, Россіи и Сѣверной Америкѣ, затѣмъ добросовѣстно разбираетъ выдающіяся руководства — Дюрюи, Дюкудрэ, Джонстона, Майерса и Д. И. Иловайскаго.

Считаемъ пріятнымъ долгомъ привести слѣдующія выдержки изъ отзыва доктора Баара о руководствѣ принятомъ въ нашихъ гимназіяхъ.

Стр. 22. „Составитель самого распространеннаго руководства по исторіи—профессоръ Д. И. Иловайскій, соучастникъ „Московскихъ Вѣдомостей" и *поборникъ панславизма*" (?). Затѣмъ идетъ перечисленіе его учебниковъ и приводится основной взглядъ. „Составитель замѣчаетъ, что онъ желаетъ передавать событія и не является сторонникомъ тѣхъ теоретиковъ, которые, не давъ твердаго знанія основныхъ историческихъ событій, при помощи отвлеченной и мало-понятной фразеологіи просвѣщаютъ учениковъ относительно великой исторической работы. Изложеніе показываетъ, что составитель обладаетъ яснымъ и широкимъ умомъ (ein Mann von klarem und umfassenden Geiste ist)". „Изложеніе по преимуществу біографическое, но не обращается въ ряды біографіи Въ нѣкоторой мѣрѣ приведены саги, анекдоты, остроты, но и безъ нихъ книга можетъ представить изъ себя привлекательное для ученика чтеніе". Эти слова относятся собственно къ Учебнику Русской Исторіи; затѣмъ слѣдуетъ довольно подробная передача его содержанія.

Такой лестный отзывъ далеко не склоннаго къ похваламъ Нѣмецкаго ученаго является вѣскимъ отвѣтомъ на задорную оцѣнку того же предмета со стороны нѣкоторыхъ Россійскихъ критиковъ.

Историческія статьи въ журналахъ не-историческихъ.

Галицкая митрополія. Н. Д. Тихомировъ. „Благовѣстъ“ (приложеніе къ „Рус. Бѣс.“) Май—Іюль.

Голубовскій П. В. проф. Исторія Смоленской земли до начала XV вѣка. „Кіевск. Ун. Изв.“ Іюнь. Въ главѣ пятой и послѣдней авторъ излагаетъ политическую исторію, доводя до взятія Смоленска 26 Іюня 1404 года Витовтомъ. Приложены родословная таблица князей и карта Смоленской земли съ IX—XV столѣтіе, что дѣлаетъ еще болѣе удобнымъ пользованіе этимъ почтеннымъ трудомъ.

Времена Екатерины II. Новое движеніе, выразившееся въ масонствѣ.—Его различныя формы.—Новиковъ и Шварцъ.—Князь Щербатовъ и Радищевъ. **А. Н. Пыпина.** „Вѣстникъ Европы.“ Іюль.

Въ литературѣ XVIII в. почти нѣтъ никакого развитія: движеніе обнаружилось въ иной области, въ распространеніи масонскихъ ложъ и дѣятельности Новикова. Масонство было популярнымъ опытомъ примѣненія на дѣлѣ новыхъ понятій, бродившихъ въ обществѣ, стремленіемъ предвосхитить будущій порядокъ человѣческихъ отношеній. Екатерина относилась къ масонству очень враждебно. Очеркъ дѣятельности Новикова и Шварца фактически полонъ. Строгая расправа съ Новиковымъ объясняется также, какъ и у В. Е. Якушкина—ревностью Екатерины къ его самостоятельности, что во всякомъ случаѣ недостаточно.

Радищевъ также, какъ Новиковъ, признается жертвою того положенія, въ какомъ вообще находилось Русское образованіе и общественность въ томъ вѣкѣ; они повѣрили, что имѣютъ свободу „мыслить и знать“.

У Радищева много противорѣчій; но „это былъ характеръ всей эпохи, когда, стремясь къ Европейскому просвѣщенію, не умѣли примирить свободы съ грубыми инстинктами старины, просвѣщенія съ предразсудкомъ, и когда даже въ средѣ людей болѣе образованныхъ идеи новаго просвѣщенія, съ жадностью принимаемыя, не могли быть усвоены прочно въ ихъ быстромъ наплывѣ, такъ какъ къ нимъ еще не могла приготовить школа и ихъ нельзя было провѣрить ни въ живомъ обмѣнѣ мыслей, ни въ общественной жизни“.

Владимировъ В. П. проф. Происхожденіе „Руслана и Людмилы“ А. С. Пушкина. „Кіевск. Ун. Изв.“ Іюнь.

Нельзя видѣть вліянія Жуковскаго „12 спящихъ дѣвъ“, какъ утверждаютъ Незеленовъ и Поливановъ, поэма Пушкина произошла изъ „Илья Муромца“ Карамзина и „Богатырскихъ поэмъ“ Радищева.

Нечаевъ А. П. Объ отношеніи Крылова къ наукѣ. „Ж. М. Н. Пр.“ Іюль.

Указывается, какъ несправедливы обвиненія Крылова въ непониманіи истинныхъ задачъ просвѣщенія. Они основаны на неправильномъ и произвольномъ толкованіи „Водовозовъ“ и „Сочинитель и разбойникъ“ и укоренились съ легкой руки Стоюнина, Галахова, Водовозова и др.

Крыловъ былъ глубоко-образованнымъ человѣкомъ.

Драгановъ П. Д. Международное значеніе Крылова и новыя свѣдѣнія о переводахъ его басенъ на иностранные языки и нарѣчія. „Ж. М. Н. Пр.“ Іюль.

Статья служитъ дополненіемъ къ работѣ А. Ѳ. Бычкова о Крыловѣ. Басни переведены на 21 языкъ, въ томъ числѣ на Татарскій, Мордовскій, Зырянскій, Киргизскій, Бурятскій, Тунгузско-Манджурскій.

Котляревскій И. А. Памяти Е. А. Баратынскаго. „Вѣстн. Евр.“ Іюль.

Талантливо и съ знаніемъ дѣла написанный очеркъ. Б., своеобразный представитель литературы 20—30 годовъ, пережилъ самого себя; онъ не понялъ жизни 40 годовъ, скорбѣлъ и жаловался на то, что она не укладывается въ старыя художественныя рамки. Послѣднія пѣсни Б.—надгробное слово надъ своей эпохой.

Съ раннихъ лѣтъ стало складываться у Б. меланхолическое міросозерцаніе, „если міросозерцаніемъ, замѣчаетъ авторъ, можно назвать рядъ печальныхъ размышленій скучающаго мальчика, живущаго въ деревнѣ безъ всякаго дѣла и безъ всякихъ видовъ на будущее“.

Надъ Русскою поэзіею 20 годовъ произнесенъ авторомъ строгій приговоръ: она по большей части повторяла покорно давно извѣстные на Западѣ мотивы.

Любопытны замѣтки о вліяніи Байрона. Въ „Сумеркахъ“ сказывается полное одиночество духа, это желчный, обидчивый отвѣтъ на запросы новаго времени; Б. произнесъ огульное осужденіе всѣмъ тенденціямъ новой эпохи; особенно несправедливымъ признается стихотвореніе „Послѣдній поэтъ“; обвиненія науки въ томъ, что она разрушила „улыбчивые“ сны вызываютъ насмѣшку автора. По поводу Парижскихъ писемъг. Котляревскій замѣчаетъ, что будь притокъ Европейской мысли болѣе силенъ въ Россіи, Б. иначе бы отнесся къ представителямъ новой эпохи. Строгое отношеніе къ поэту не мѣшаетъ автору признавать его высокое дарованіе.

Архангельскій А. С.—. С. Т. Аксаковъ. І. Дѣтство и Студенчество. „Русск. Обоз.“ Іюль. Живо изложены среда и культурныя вліянія ранняго дѣтства Сергѣя Тимоѳеевича. Авторъ справедливо заявляетъ, что біографія С. Т. является какъ бы исторіей литературы за цѣлый длинный періодъ.

Гадзяцкій. С. А. Ив. Дм. Бѣляевъ. (окончаніе) „Русск. Бес.“ Іюнь. Разъясняются отношенія Бѣляева къ Словянофиламъ, его споры съ Западниками относительно общины; указывается на то, что дѣятельность его касательно крестьянскаго вопроса несправедливо незамѣчена. Любопытны данныя о его работахъ надъ Русскою исторіей.

Палимпсестовъ И. У. Изъ воспоминаній о Н. И. Костомаровѣ. „Русск. Обозрѣн.“ Іюль.

Въ своихъ горячо написанныхъ воспоминаніяхъ г. Палимпсестовъ желаетъ убѣдить молодое поколѣніе, что Костомаровъ былъ истиннымъ христіаниномъ и долженъ „служить неопровержимымъ свидѣтельствомъ, что вѣра въ высшее существо и любовь къ Православной церкви не могутъ идти въ разрѣзъ съ наукою и стѣснять дѣятельность тѣхъ, которые посвящаютъ ей свои тѣлесныя и духовныя силы“. Крайне интересны отношенія Костомарова къ своей матери; вообще сообщено много любопытныхъ подробностей изъ частной жизни историка и приведены его 4 письма.

Бестужевъ-Рюминъ К. Н. И. Буличъ (некрологъ). „Ж. М. Н. Пр.“ Іюль.

Д. А Ровинскій (некрологъ). „Ж. М. Н. Пр.“ Іюль.

ВОПРОСЪ XX-й.

А. И. Тургеневъ, въ письмѣ къ брату своему Николаю Ивановичу отъ 4 Декабря 1827 (Лейпцигъ, 1872, стр. 288), говоритъ, что нѣкто маркизъ Курьоль, стихотворецъ и литераторъ, получилъ отъ графа Головкина книгу Наказа Екатерины Великой (по-французски) съ поправками Вольтера. Цѣла ли и гдѣ именно эта рѣдкость?

Какой это изъ графовъ Головкиныхъ? Тургеневъ называетъ его „славный лжецъ-авторъ“.

СОДЕРЖАНІЕ
ВТОРОЙ КНИГИ
«РУССКАГО АРХИВА»
1895 года
(выпуски 5, 6, 7 и 8).

дѣлъ моимъ Сыномъ Отечества, и Лаврушка читаетъ его съ гордою безпечностію . . . . . [2]) Я здѣсь только радуюсь Харьковскимъ Демокритомъ [3]).

Начинаю понемногу писать. Чтó пишу, о томъ ни слова. Пора перестать мнѣ обо всемъ напередъ разсказывать. Но ты не получишь ничего по тѣхъ поръ, пока я не получу отъ тебя Ундины и отвѣта на запросъ по дѣлу Воейкова. Возвратился ли Жихаревъ? Поклонись ему и попроси его, чтобы написалъ ко мнѣ; да чтобы не забылъ возвратить мнѣ бумаги Азбукина.

Къ Блудову не иначе буду писать, какъ со стихами; просто не смѣю, потому что слишкомъ вѣрно плачу ему за его молчанье своимъ молчаньемъ. Обнимаю его съ стѣсненнымъ сердцемъ. Мнѣ очень больно, что я къ нему не пишу; но чтó же дѣлать, надобно покоряться судьбѣ своей; а моя судьба лѣнь. Обнимаю Уварова. Чтожъ вы замолкли о Фесслерѣ [4])? A propos, правда ли, что у васъ затѣвается опять Азіятская Академія [5])? Если такъ, то у меня есть на готовѣ одинъ страстной любитель Востока, котораго рокомендую Уварову. Прости.

Твой Жуковскій.

LXXXII [1]).

(Въ Сентябрѣ или Октябрѣ 1816, Дерптъ).

Посылаю тебѣ требуемое тобою письмо [2]); не знаю, годится ли.

горѣлась литературная борьба: въ „Сынѣ Отечества“ и „Россійскомъ Музеумѣ“ посыпались на князя Шаховскаго эпиграммы князя Вяземскаго, Блудова и другихъ. Однимъ изъ злѣйшихъ гонителей князя Шаховскаго явился Д. В. Дашковъ, напечатавшій въ № 42 „Сына Отечества“ 1815 года свое извѣстное „Письмо къ новѣйшему Аристофану“.

[2]) Выпущена одна фраза.

[3]) „Харьковскій Демокритъ“, журналъ издававшійся въ Харьковѣ Василіемъ Масловичемъ въ Январѣ - Іюнѣ 1816 года.

[4]) Извѣстный докторъ правъ Игнатій Фесслеръ, вызванный въ Россію въ 1810 году Сперанскимъ, занявшій въ этомъ году каѳедру философіи въ С.-Петербургской Духовной Академіи, но всего черезъ пять мѣсяцевъ удаленный изъ Академіи, состоялъ затѣмъ въ Коммиссіи Составленія Законовъ, для занятій по предметамъ, къ теоріи уголовнаго права принадлежащимъ. Умеръ онъ суперинтендентомъ и предсѣдателемъ Саратовской Евангелической Консисторіи.

[5]) Упроченіе знаній восточныхъ языковъ было давнишнимъ желаніемъ С. С. Уварова. Въ 1816 году, вслѣдъ за преобразованіемъ С.-Петербургскаго Педагогическаго Института, Уваровъ вызвалъ туда двухъ рекомендованныхъ Сильвестромъ-де-Саси учениковъ его: Деманжа и Шармуа, которые были приняты прямо ординарными профессорами, первый Арабскаго, а второй—Персидскаго языка (см. В. В. Григорьевъ, С.-Петербургскій Университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія, стр. 21).

*

[1]) Письмо это перепечатывается изъ „Русскаго Архива 1867 года, стр. 799—801, гдѣ оно было издано по точной копіи съ подлинника, принадлежавшаго Николаю Ивановичу Тургеневу.

[2]) Приложенное къ настоящему письму письмо Жуковскаго къ Императору Александру I-му.

11

Но скажи мнѣ, нужно ли писать мнѣ это письмо? Ты хочешь представить Государю книгу мою [3]) черезъ министра просвѣщенія: всего бы приличнѣе ему самому и обратить на нее вниманіе Государя. А мнѣ какъ подносить ему такую книгу, которая съ годъ какъ напечатана, и напечатана по подпискѣ и раздана же отъ меня самого многимъ? Министръ можетъ и имѣетъ право представить ее, какъ новое произведеніе литературы, сказать объ ней свое мнѣніе и проч. А мнѣ съ какой стати писать объ ней? И какъ ни будь написано мое письмо, все оно будетъ какъ будто просьба. Впрочемъ, могу и ошибиться. Вотъ письмо: дѣлай съ нимъ что́ хочешь. Вели переписать и подпиши мое имя.

Въ началѣ Декабря я буду въ Петербургѣ. Пріѣду на $1^1/_2$ мѣсяца; потомъ отправлюсь опять въ Дерптъ, и изъ Дерпта въ Бѣлевъ. Прошу у тебя позволенія привезти съ собою одного изъ здѣшнихъ моихъ знакомыхъ Вейрауха [4]). Онъ не стѣснитъ тебя: онъ будетъ жить въ моей горницѣ; а ты можешь быть ему полезенъ. Это человѣкъ съ необыкновенными дарованіями, поэтъ въ обширномъ значеніи сего слова; слѣдовательно со многими странностями, къ которымъ напередъ прошу тебя быть снисходительнымъ. Увѣдомь меня, могу ли его привезти съ собою?

Проектъ письма Жуковскаго къ Императору Александру Павловичу.

Всемилостивѣйшій Государь!

Осмѣливаюсь повергнуть къ священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества слабые труды свои. Не льщу себя надеждою, что они обратятъ на себя вниманіе Ваше, всемилостивѣйшій Государь; но смѣю думать, что чувства, изображенныя въ нѣкоторыхъ стихахъ моихъ, посвященныхъ славѣ отечества, даютъ мнѣ право желать сего вниманія.

Смѣю думать, всемилостивѣйшій Государь, что писатель, уважающій свое званіе, есть такъ же полезный слуга своего отечества, какъ и воинъ, его защищающій, какъ и судья, блюститель закона. Одобреніе Государя освящаетъ труды его; быть достойнымъ сей награды есть добродѣтель писателя; стремиться къ сей прекрасной цѣли есть обязанность. Въ священномъ одобреніи Государя заключено одобреніе отечества: оно даетъ право на уваженіе современниковъ и потомства.

Всемилостивѣйшій Государь! Одно изъ стихотвореній своихъ дерзнулъ я украсить Вашимъ именемъ. Естьли удостоите обратить на него вниманіе, то повѣрите, что оно произведено искреннимъ, свободнымъ чувствомъ, а не ласкательствомъ. Стихи:

Все сладкое для сердца, честь, свобода,
Великость, слава, миръ, отечество, алтарь,
Все, все слилось въ одно святое слово: царь!

---

[3]) Сочиненія Жуковскаго, вышедшія въ свѣтъ въ 1815 году.

[4]) Вейраухъ—музыкантъ и стихотворецъ. Имъ были положены па музыку нѣкоторыя пѣсни Жуковскаго, см. Зейдлицъ, Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго (СПБ. 1883) стр. 81, примѣчаніе, и замѣтку П. А. Висковатова въ брошюрѣ, изданкой Н. И. Стояновскимъ „В. А. Жуковскій. Чествованіе его памяти“ (СПБ. 1883), стр. 80).

сказаны не поэтомъ, а восхищеннымъ подданнымъ царю добродѣтельному, отъ лица всего народа.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный Василій Жуковскій.

LXXXIII [1]).

21 Октября (1816, Дерптъ).

Если *хочешь*, чтобъ я кончилъ *Пѣвца* [2]), то пришли его мнѣ; у меня нѣтъ списка; пришли скорѣе. Я писалъ къ тебѣ и Вяземскому въ Москву о причинахъ, которыя мѣшали мнѣ кончить эту піесу, по моему мнѣнію слабую. Но..... когда Государь *долженъ узнать объ ней*, вижу, что кончить ее надобно. Не надѣюсь однако на большой успѣхъ. Вспомни, что она писана была *въ одно время съ Посланіемъ*, въ уединеніи..... Того, что̀ уже написано, я бы теперь написать не могъ; но, слава Богу, что оно уже написано, съ искреннимъ безкорыстнымъ чувствомъ, безъ всякой другой побудительной причины, кромѣ удовольствія писать. Что̀ осталось, то одно *общее*. Мнѣ было бы тяжело думать, что такая піеса написана для какихъ-нибудь личныхъ видовъ, и сохрани Богъ мою чистую, посвященную благороднымъ друзьямъ моимъ лиру отъ всякой заразы корысти! Присылай—я кончу!

Я не удивляюсь, что ты не доволенъ письмомъ моимъ [3]). Можетъ быть, что въ немъ много неприличнаго. Но зачѣмъ же ты не объяснился? Надѣюсь, что ты ничего не нашелъ неприличнаго въ томъ чувствѣ, съ какимъ оно написано. Въ этомъ случаѣ заслужить твое неодобреніе было бы для меня тяжело, и я бы удивился, когда бы заслужилъ его. Милый другъ! Тотъ свѣтъ, который я самъ для себя составилъ, въ которомъ заключены *всѣ* мои судьи, очень немноголюденъ. Съ ошибками противъ слога, смысла, приличія и тому подобнаго, мнѣ весьма легко показаться въ этомъ маленькомъ свѣтѣ; но со стороны нравственности хочу быть въ немъ чистъ со всѣхъ сторонъ. Ты, Карамзинъ, Вяземской, Блудовъ (и нѣсколько милыхъ женщинъ): вотъ мои судьи, противъ которыхъ нѣтъ апелляціи. Безъ мысли о вашемъ одобреніи не можетъ быть счастія. Мнѣ весело думать, что *ты* обо мнѣ хлопочешь. Очень было бы хорошо, когда бы то, что̀ ты затѣялъ, и о чемъ я не имѣю понятія, совсѣмъ обошлось безъ письма моего. Неужели должно непремѣнно *просить* вниманія? Довольно того, чтобъ его стоить! Вниманіе Государя есть святое дѣло. Имѣть на него право могу и я, если буду Русскимъ поэтомъ въ благородномъ смыслѣ сего имени. А я буду! Поэзія часъ отъ часу становится для меня чѣмъ-то возвышеннымъ.... Не надобно думать, что она только забава воображенія! Этимъ она можетъ быть только для Петербургскаго свѣта. Но она должна имѣть вліяніе на душу всего народа, и она будетъ имѣть это благотворное вліяніе, если поэтъ обратитъ свой даръ къ этой цѣли. Поэзія принадлежитъ къ народному воспитанію. И дай Богъ въ теченіе жизни сдѣлать хоть шагъ къ этой прекрасной цѣли.

---

[1]) Это письмо перепечатывается изъ „Русскаго Архива“ 1867 года, ст. 801—806.

[2]) „Пѣвца въ Кремлѣ“.

[3]) Т. е. вышеприведеннымъ письмомъ къ Государю.

11*

Имѣть ее позволено, а стремиться къ ней значитъ заслуживать ободреніе Государя. Это стремленіе всегда будетъ въ душѣ моей. Работать съ такою цѣлью есть счастіе; а друзья будутъ знать, что я имѣю эту цѣль, — вотъ награда! Прости! Жаль мнѣ очень, что ты не позволишь мнѣ привезти Вейрауха. Скажи, будетъ ли мѣсто и мнѣ? Я все забывалъ спросить у тебя: что̀ ты сдѣлалъ для Ковалькова [4]), того молодаго человѣка, о которомъ писалъ Иванъ Володимеровичъ къ князю [5])? И сдѣлалъ ли что-нибудь?

Братъ! Это завѣщаніе нашего добраго благодѣтеля надо исполнить во всей силѣ его. Напиши къ Ковалькову. Онъ долженъ быть въ Орлѣ; объ немъ можно узнать отъ Губарева, къ которому адресуй письмо: *Орловской губерніи въ городѣ Кромахъ.* — Прости! Обнимаю тебя! Обними Блудова, Уварова и Жихарева. Я пишу усердно *Искупленіе* [6]); написано болѣе половины. Піеса будетъ такъ же велика, какъ и 12 Спящихъ Дѣвъ, и кажется хорошо. Между тѣмъ написалъ, т. е. перевелъ съ Нѣмецкаго, піесу подъ титуломъ *Овсяной кисель*; не думай, чтобъ этотъ кисель былъ для Арзамаса; нѣтъ, но надѣюсь, что онъ покажется вкуснымъ для Арзамасцевъ, хоть и не разведенъ на безсмыслицѣ. Это переводъ изъ *Гебеля*, вѣроятно, тебѣ неизвѣстнаго поэта, ибо онъ писалъ на Швабскомъ діалектѣ и для поселянъ. Но я ничего лучше не знаю! Поэзія во всемъ совершенствѣ простоты и непорочности. Переведу еще многое. Совершенно новый и намъ еще неизвѣстный родъ.

A propos: нельзя ли попросить Алексѣя Николаевича Оленина сдѣлать виньету для *Пѣвца*? Вотъ мысль: Всевидящее око въ небесахъ; лучи его ударили на землю, и тучи разлетѣлись, и полшара въ сіяніи; въ удаляющихся тучахъ гаснутъ молніи.

Бываешь ли ты у Брея? [7]) Я желалъ бы, чтобъ ты познакомился съ его семьею.

За что́ ты въ неудовольствіи на Петерсена? Онъ не долженъ быть помѣщенъ въ число Вальтера и Вебера. Его докторство законное, такъ какъ и Тидебеля. И тотъ, и другой были экзаменованы какъ должно. Они хорошо учились и знаютъ свое дѣло. Будетъ очень больно, если ихъ не отличатъ отъ прочихъ. Это пятно будетъ незаслуженное. Осуждая виноватыхъ, щадить университетъ! Онъ и безъ того упада-

---

[4]) Александръ Ивановичъ Ковальковъ (р. 1794), воспитанникъ Ивана Владимировича Лопухина, писалъ мистическія сочиненія, которыя Лопухинъ издавалъ.

[5]) Князю А. Н. Голицыну, покровителю мистиковъ.

[6]) Т. е. Вадима или вторую половину Двѣнадцати Спящихъ Дѣвъ; первая половина названа потомъ Громобоемъ.

[7]) Графъ Францъ-Габріель де Брей (de Bray), р. 1765 † 1832 г., Баварскій посланникъ при нашемъ дворѣ, „человѣкъ съ умомъ“ (какъ о немъ писалъ Карамзинъ И. И. Дмитріеву отъ 22 Ноября 1817 года), авторъ нѣсколькихъ ученыхъ трудовъ, въ томъ числѣ „Essai critique sur l'histoire de la Livonie“ (Дерптъ, 1817, въ трехъ томахъ). Онъ былъ женатъ на Лёвенштернъ (см. о немъ въ Словарѣ Рекке и Напіерскаго, т. I, стр. 243—245, и „Nachträge“ къ Словарю, т. I, стр. 79—80).

етъ, и упадаетъ, потому, что правительство отняло отъ него свою руку. Неужели всему должно у насъ, не созрѣвъ, разрушаться? Неужели Россіи должно быть грудою развалинъ, покрытыхъ лаврами, которые засохнутъ?

Ковалькова зовутъ Александръ Ивановичъ.—Оленина попроси о виньетѣ отъ себя, а не отъ меня.

LXXXIV [1]).

31 Октября (1816, Дерптъ).

И я не погибну съ вами! Братъ, что̀ за слово? Съ вами! Обвиняй не себя, а свое положеніе въ томъ чувствѣ, которое побуждаетъ тебя это писать и думать. Не смѣшивай самого себя съ своимъ убійственнымъ, рабскимъ положеніемъ. Ты вѣчно останешься прежнимъ, тѣмъ, чѣмъ ты былъ въ святое время нашей ранней молодости. Для меня и для *своихъ* родныхъ друзей ты всегда былъ и будешь ободреніемъ къ лучшему, *мѣркою* благородства. Не смотря на наше холодное Петербургское *вмѣстѣ*, я въ это время только усилилъ въ душѣ своей чувство уваженія къ тебѣ, и *благородство души* всегда тѣсно соединено для меня съ твоимъ воспоминаніемъ. Оно имѣетъ для меня лице твое. Не ссорься съ собою; или если хочешь ссориться, то ссорься не надолго, чтобы эти ссоры не отнимали у тебя душевной бодрости. Не суди о себѣ по чернымъ или, что̀ еще хуже, по холоднымъ минутамъ душевнаго небытія. Это осенніе дни: они проходятъ! Настоящее существо души твоей—*чистота*. Я говорю по опыту: я часто ссорюсь съ самимъ собою; но слава Богу, и мои осенніе дни проходятъ. И надежда на это *непостоянство* ихъ ободрительна. Карамзинъ тебя любитъ—мудрено ли? Но любовь его есть счастіе. И для меня она такъ же нужна, какъ счастіе. Скажи ему при первомъ случаѣ (когда будешь съ нимъ обо мнѣ говорить, обнявъ его за меня какъ друга и вѣрнаго товарища во всемъ прекрасномъ), что я, сколько могъ, сдержалъ свое обѣщаніе, что мнѣ будетъ можно спокойно показаться на его глаза и пожать отъ всей души ему руку. Время, которое мы провели разно съ послѣдняго нашего разставанія, не оставило на мнѣ пятна. Я бывалъ недоволенъ собою, но поступки и побудительныя ихъ причины были чисты. Теперь все устроилось. Дай Богъ *чистаго* будущаго! Кажется, что оно теперь для меня вѣрнѣе. Писать какъ можно лучше, съ доброю цѣлью, и жить какъ пишешь:—вотъ и все!—Я радъ несказанно тому неудовольствію, которое нашъ Арзамаскій патріархъ [2]) имѣлъ съ типографіею: оно разлучило его съ нею и передало его Исторію въ вѣрныя руки. Кавелинъ добрый для него работникъ.

То, что̀ ты пишешь о князѣ и Ковальковѣ, тронуло меня до глубины сердца, и я готовъ любить этого князя, который такъ помнитъ завѣщаніе умирающаго. Письмо Ив(ана) Влад(имировича) къ

---

[1]) Это письмо перепечатывается изъ „Русскаго Архива“ 1867 года, ст. 806—811.

[2]) Т. е. Карамзинъ. Первый томъ его „Исторіи Государства Россійскаго“ былъ напечатанъ въ Военной типографіи, со втораго тома печатаніе было перенесено въ Медицинскую типографію, находившуюся въ вѣдѣніи Медицинскаго Департамента, директоромъ котораго былъ Д. А. Кавелинъ.

князю было какъ будто предчувствіемъ. Такая нѣжная заботливость о чужомъ человѣкѣ, такая вѣрность просьбѣ умирающаго для меня чрезвычайно трогательны. Даю тебѣ слово, что всякое Воскресенье буду у обѣдни у князя [3]). Болѣе для него я сдѣлать не могу!

Обними за меня Николая [4]). Врагъ хановъ долженъ быть Арзамасцемъ. Тащи его въ Арзамасъ.

Поблагодари Жихарева за переписку *Пѣвца* и доставь ему приложенное письмо. Постараюсь *Пѣвца* кончить и конецъ сдѣлать получше. Не знаю, удастся ли. Переводы изъ Гебеля пришлю; но съ тѣмъ, чтобы не давать печатать. Я не намѣренъ ничего печатать. Третій томъ [5]) долженъ состоять изъ *новыхъ* піесъ. Но изъ этого выключается *Пѣвецъ II* [6]) и продолженіе *12 Спящихъ Дѣвъ*, которое весьма уже близко къ концу и которое должно быть напечатано вмѣстѣ съ первою балладою особо, въ видѣ сказки [7]).

Я очень радъ буду, если дѣло обойдется безъ письма моего. На чтó оно? Надобно получить одобреніе Государя, а не выпросить. Это одобреніе можетъ быть прекраснымъ идеаломъ для поэта. Ничѣмъ этого идеала помрачать не должно.

Слово о Петерсенѣ: я не знаю, чтó называешь ты s'encanailler. Ему нужно было докторство. Онъ экзаменовался *какъ должно* и получилъ дипломъ. Какъ должно, увѣряю тебя, ибо я это очень хорошо знаю. Если нѣкоторыя формы были упущены, то это не его вина; по крайней мѣрѣ онъ не требовалъ этого упущенія. Другой товарищъ его по докторству, Тидебель, человѣкъ извѣстный по своимъ знаніямъ, благороднаго характера и всѣми вообще уважаемый, также точно былъ экзаменованъ, и также точно при его произведеніи въ доктора, безъ его требованія, упущены нѣкоторыя формы, упущены, потому что были въ другихъ случаяхъ упускаемы. Бѣда ихъ въ томъ, что они произведены вмѣстѣ съ Вальтеромъ и Веберомъ. Это обратило и на нихъ вниманіе, для нихъ оскорбительное. Я слышалъ, что въ совѣтѣ университетскомъ положено уничтожить и ихъ дипломы наравнѣ съ Вальтеровымъ, за несоблюденіе формъ. Вообще справедливо, но для нихъ жестокая и несносная несправедливость. За чтó же стоять имъ на одной доскѣ съ Вальтеромъ? Если виноватъ юридическій факультетъ, то за чтó имъ страдать невиннымъ образомъ? Такой приговоръ непремѣнно произведетъ ложное мнѣніе, что *и ихъ дипломы купленые*. Сносно ли это? Мнѣ больно за Петерсена и Тидебеля. Это поношеніе незаслуженное! Спрашиваю у тебя, будетъ ли противно справедливости, если вмѣсто

---

[3]) Домовая церковь князя А. Н. Голицына въ казенной квартирѣ его (гдѣ жилъ и Тургеневъ) на Фонтанкѣ противъ Михайловскаго замка, освященная Филаретомъ въ 1812 году, съ мистическими намеками и атрибутами, была очень извѣстна въ тогдашнемъ Петербургскомъ обществѣ.

[4]) Н. И. Тургенева.

[5]) Т. е. третій, не вышедшій тогда томъ стихотвореній Жуковскаго.

[6]) Т. е. Пѣвецъ въ Кремлѣ, изданный отдѣльною брошюрою въ концѣ 1816 года.

[7]) „Двѣнадцать Спящихъ Дѣвъ“ изд. особо въ 1817 году. Въ это изданіе вошли и „Громобой“, и „Вадимъ“.

того, чтобы уничтожить дипломы, министръ опредѣлитъ имъ только дополнить то, чего не достаетъ въ формѣ, а не уничтожитъ дипломы по представленію совѣта? Прошу тебя объ этомъ подумать. Прошу также повѣрить, что я все это пишу безъ вѣдома Петерсена и Тиде-беля (одинъ въ Ригѣ, другой въ Ревелѣ); ты можешь самъ понять, что въ такое дѣло вмѣшиваться мнѣ неприлично, и что никто не будетъ знать о томъ, что̀ я теперь пишу къ тебѣ. Но если можно спасти честныхъ людей отъ тяжкаго, незаслуженнаго поношенія, не нарушая справедливости, то ты это сдѣлать долженъ. Обвиняй профессоровъ (виноватыхъ), называй ихъ какъ хочешь, но чтобы эта анаѳема не падала на всѣхъ безъ изъятія и на весь университетъ. Здѣсь есть прекрасные люди. И изъ первыхъ для меня, даже по убѣжденію сердца, Парротъ, съ твердымъ умомъ, съ благороднымъ чувствомъ. Назову другаго, Эверса, не старика Эверса, это святой [8],—а молодаго, историка, оцарапаннаго обветшалыми когтями Шлёцера [9]). Это честный и прямодушный человѣкъ, уважающій свое званіе. О Моейрѣ [10]) говорить нечего. Еще есть и другіе. А самъ университетъ долженъ быть для васъ святымъ: за что̀ разрушать его? Отвѣчай, прошу тебя, на это и возьми къ сердцу честь двухъ честныхъ людей.

Прости; обнимаю тебя братски. Обними Блудова и будь почаще у Брея. Жуковскій.

(Письмо къ С. П. Жихареву).

Любезнѣйшій другъ, не стыдно ли тебѣ не отвѣчать мнѣ на письмо мое? Я просилъ тебя увѣдомить меня, что̀ сдѣлалъ ты и что̀ нужно сдѣлать по просьбѣ Азбукина о доставленіи ему дворянской грамоты и герба. Ты на это ни слова. Еще болѣе: я просилъ возвратить бумаги Азбукина, и все ихъ не получаю! Стыдись, Громобой [1])! Гдѣ бывшая твоя аккуратность? Ужъ и впрямь, не отдалъ ли ты дьяволу душу? Присылай, ради Бога, бумаги! Я до смерти объ нихъ безпокоюсь. Чужія и важныя! Но будетъ большое для меня огорченіе, если какъ-нибудь онѣ затеряются. Прошу тебя избавить меня отъ этого безпокойства.

---

[8]) Лоренцъ Эверсъ (р. 1742 † 1830), профессоръ догматическаго богословія въ Дерптскомъ университетѣ. Ему посвящено стихотвореніе Жуковскаго „Старцу Эверсу".

[9]) Густавъ Эверсъ (р. 1781 † 1830), извѣстный профессоръ Русской Исторіи въ Дерптскомъ Университетѣ. Его сочиненіе „Vom Ursprunge des Russisben Staates" (Riga u. Leipzig 1808) вызвало нападки Шлёцера въ пятой части его „Нестора" (см. на стр. XVI—XXXV статью озаглавленную: Der Chasaren-Dichter, ein Selbstvertraurer seltner Art. Beweise a priori und posteriori, dass Waräger keine Chasaren sind).

[10]) Иванъ Филипповичъ Мойеръ († 1860, сынъ Ревельскаго пастора, въ 1817 году женившійся на Марьѣ Андреевнѣ Протасовой, въ то время преподавалъ хирургію въ Дерптскомъ университетѣ, а въ об-ществѣ славенъ былъ прямотою и благородствомъ характера, обширнымъ классическимъ образованіемъ и музыкальнымъ талантомъ.

*

[1]) Прозвище Жихарева въ Арзамасѣ.

Да напиши же, что́ у васъ дѣлается? Ждете ли вы меня, и постарайся узнать, къ которому числу, котораго мѣсяца можно надѣяться, что я буду въ Петербургѣ. Обнимаю тебя отъ всего сердца и люблю по старому. Твой навсегда Жуковскій.

LXXXV.

6 Ноября (1816, Дерптъ).

Посылаю тебѣ «Пѣвца», милой другъ, и благодарю за то, что ты принудилъ меня его кончить. Самъ бы я этого не вздумалъ. У меня была въ душѣ большая противъ него антипатія; но онъ не заслужилъ сего проклятія. Онъ достойный братъ своего тески. Я многое выбросилъ, отъ этого все сдѣлалось сильнѣе. Въ первомъ «Пѣвцѣ», болѣе драматическаго; въ послѣднемъ болѣе единства, и одна высокая мысль въ немъ царствуетъ. Но оставимъ этотъ разборъ критикусамъ. Я послалъ къ Кавелину нѣсколько денегъ на напечатаніе. Ихъ не будетъ достаточно. Чего не достанетъ, додай, если можешь, изъ своего кармана; если твой пустъ, загляни къ Блудову или къ Жихареву. Послѣ сочтемся. Но печатаніе и всѣ заботы о распродажѣ «Пѣвца» предоставь Кавелину; этого дѣла не будешь умѣть сдѣлать съ надлежащею точностію, а и если и сдѣлаешь, то не иначе, какъ по образу и по подобію прежняго «Пѣвца» что́ весьма пахнетъ пустотою кармана. О печатаніи, корректурѣ и прочемъ пишу къ Кавелину. Прилагаю здѣсь другой экземпляръ для графа Румянцова: я обѣщалъ ему доставлять стихи свои; особенно жъ «Пѣвца» долженъ онъ имѣть первый. Я этимъ ему обязанъ; онъ помнитъ меня и самъ приписываетъ мнѣ въ письмѣ своемъ къ Еверсу; а я ему и не отвѣчалъ, но душевно благодаренъ ему за его любезное вниманіе. Думаю, что получить «Пѣвца» будетъ ему пріятно. Не надобно ли прислать и къ Нелединскому для Государыни? Вѣдь она и первому «Пѣвцу» была воспріемницею! Но въ этомъ твоя святая воля. Если прикажешь, то я напишу къ Нелединскому. Титуломъ я недоволенъ; подумай объ немъ съ Блудовымъ и посовѣтуйся съ Николаемъ Михайловичемъ [1]). Теперь просьба, и ты долженъ ее исполнить хотя для Пѣвца. Исполнить легко, если захочешь, и много одолжишь меня, потому что дѣло идетъ о человѣкѣ, мнѣ очень любезномъ и которой все таки старается мнѣ услуживать. Это Асмусъ, учитель въ здѣшней уѣздной школѣ и содержатель школы по методѣ Песталоція [2]). Онъ оставляетъ училище и хочетъ единственно посвятить себя школѣ своей, въ которой порядокъ удивительной. Ему *слѣдуетъ* за выслуженные годы чинъ губернскаго секретаря. Постарайся, чтобъ онъ его получилъ, и увѣдомь меня, возмешься ли и можно ли это исполнить? Кажется, можно, ибо законные года службы прошли. Милой другъ, утѣшь, позаботься объ этомъ. А я за это пришлю тебѣ переводецъ, и весьма удачный переводецъ, изъ Гебеля подъ велико-

---

[1]) Карамзинымъ.

[2]) Мартинъ Асмусъ (Asmuss), р. 1784 † 1844, писалъ также и стихотворенія (о немъ см. въ Словарѣ Рекке и Напіерскаго, т. I, стр. 55—56, и „Nachträge“, т. I, стр. 17—18).

*

лѣпнымъ титуломъ: *Овсяной кисель*. Обнимаю тебя отъ всего сердца. До свиданія: въ началѣ Декабря увидимся. Обнимаю Николая Михайловича и Блудова. Твой Жуковскій.

Къ Кавелину пишу, но деньги пришлю на слѣдующей почтѣ: нынче не примутъ.

LXXXVI [1]).

(Въ началѣ 1817, Дерптъ).

Любезный Александръ Ивановичъ. Вы хвастаете своимъ Арзамасомъ! Хвастайте, хвастайте, голубчики! Правда, вы запаслись *Рейномъ* [2]), пожива славная! Но, милыя друзья, надобно помнить и о томъ, что́ ближе къ Арзамасу: Мещевской въ Сибири, а вы, друзья, очень весело поживаете въ Петербургѣ! Если вы не собрались еще о немъ вспомнить отъ разсѣянности, то это срамъ и ребячество! Если жъ отъ холодности къ его судьбѣ, то это..... Что̀ это? Я не знаю какъ назвать это! На что́ жъ намъ толковать о добрѣ, о общей пользѣ, о хорошихъ возвышающихъ душу стихахъ? На что́ смѣяться надъ Шаховскими и Rivarol? Ни на то, ни на другое не имѣемъ мы права, если способны быть столь безпечными, когда дѣло идетъ о судьбѣ, можетъ быть, о жизни, а можетъ быть (что́ еще важнѣе), о нравственномъ спасеніи человѣка, который намъ себя ввѣряетъ! Признаться, мнѣ больно быть хлопотуномъ за Мещевскаго, безсильнымъ его орудіемъ. Своихъ способовъ нѣтъ, а вы не помогаете! Если бы у меня была сила въ рукахъ, я бы вамъ не поклонился! Посылаю письмо Вяземскаго, чтобъ пристыдить васъ и поддать вамъ, если можно, жару. Онъ не безпеченъ, когда *надобно* дѣйствовать. Прилагаю и копію съ письма къ нему отъ Герценберга о Мещевскомъ [4]).

«*Объ Асмусѣ не забуду*!» Покорно благодарю. Я давно это слышу! Я знаю, что у васъ въ Петербургѣ случилось нѣчто для меня весьма интересное, а ты ни слова!

LXXXVII [1]).

Въ началѣ 1817, Дерптъ).

Податель этого письма есть Феліціанъ Феліціановичъ Заремба, котораго усердно тебѣ рекомендую. Онъ ѣдетъ въ Петербургъ на

---

[1]) Перепечатывается изъ „Русскаго Архива“ 1867 года, ст. 811—812. Въ сочиненіяхъ Жуковскаго (изд. 7-е т. VI, стр. 405—406, это письмо ошибочно отнесено къ 1816 году).

[2]) Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ († 1842), извѣстный генералъ (авторъ Записокъ, изъ которыхъ сохранился лишь отрывокъ „О капитуляціи Парижа“), членъ „Союза Благоденствія“, былъ принятъ въ члены „Арзамаса“ (въ которомъ онъ носилъ прозваніе Рейна) въ 1817 году (см. Соч. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 418.

[3]) За что̀ былъ сосланъ А. Мещевскій въ Сибирь—неизвѣстно. Мещевскій писалъ стихи, еще будучи воспитанникомъ Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона. Въ 1817 году была напечатана въ Петербургѣ его поэма въ стихахъ „Наталья боярская дочь“, о чемъ хлопоталъ Жуковскій, какъ видно изъ дальнѣйшихъ писемъ его къ А. И. Тургеневу. (О Мещевскомъ см. замѣтку въ сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, т. III, стр. 732)

[4]) Этихъ приложеній не оказалось при подлинномъ письмѣ Жуковскаго.

*

[1]) Перепечатано изъ „Русскаго Архива“ 1867 года, ст. 813—815.

службу; если найдешь способъ, помоги ему протѣсниться къ кабинету Фортуны. Онъ прекрасно учился въ Дерптѣ. Я былъ свидѣтелемъ его докторской диспутаціи, могу увѣрить тебя, что онъ сто́итъ своего докторства. Диссертація его [2]) писана худымъ Русскимъ языкомъ; но этому причиною то, что онъ учился въ Дерптѣ и въ Нѣмецкомъ языкѣ имѣетъ болѣе навыка, нежели въ Русскомъ. Онъ сначала написалъ свою диссертацію по-нѣмецки, потомъ перевелъ ее самъ. Но она можетъ быть свидѣтелемъ его основательныхъ знаній. Я увѣренъ, что онъ будетъ человѣкъ дѣльной и полезной по службѣ. Онъ знакомъ съ Карамзинымъ, которому прошу тебя его представить.

Посылаю поправленную Лербергову біографію [3]). Я не могъ сдѣлать изъ нея ничего порядочнаго. Графъ Румянцовъ этого и не требовалъ; я поправилъ однѣ важнѣйшія ошибки. Какова она ни есть, ее прочтутъ, и напрасно ты противъ нея вооружаешься. Оригиналъ прекрасенъ. Авторъ съ чувствомъ выразилъ характеръ великаго человѣка и трогаетъ сердце своимъ изобрѣтеніемъ Нельзя не полюбить автора: онъ знакомитъ читателя съ прекрасною, твердою, чистою душою! Доказательство, что у него есть подобное въ душѣ.

Кстати объ этомъ авторѣ. Недавно я имѣлъ случай съ нимъ разговориться о его обстоятельствахъ и обстоятельствахъ здѣшняго университета. Знаешь ли, братъ, что̀ можетъ быть черезъ полгода, если ничто не будетъ сдѣлано для университета, Парротъ, лучшій его профессоръ, долженъ будетъ (дабы избѣгнуть отъ долговъ) продать свои домишки и искать учительскаго мѣста, то-есть, послѣ ревностныхъ трудовъ и въ такую эпоху жизни, въ которую бы спокойно надобно было наслаждаться плодомъ этихъ трудовъ, онъ принужденъ будетъ начать съ начала: для куска хлѣба подчинить себя волѣ партикулярнаго человѣка и за все, что̀ имъ сдѣлано для университета, остаться съ бѣдностью, съ разрушенными надеждами и прочими тому подобными конфектами. Это сжимаетъ мнѣ сердце и, признаюсь, заставляетъ коситься на мой пансіонъ [4]): я обезпеченъ на всю жизнь, въ молодо-

---

[2]) Докторская диссертація Зарембы была напечатана въ Митавѣ въ 1817 году подъ заглавіемъ: „Разсужденіе о цехахъ ремесленныхъ въ отношеніяхъ политическомъ и въ особенности политико-экономическомъ, съ присовокупленіемъ нужныхъ историческихъ извѣстій“.

[3]) Здѣсь разумѣются „Біографическія извѣстія о А. Х. Лербергѣ“, находящіяся въ началѣ книги: „Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней Русской исторіи А. Х. Лерберга. Изданы на Нѣмецкомъ языкѣ по опредѣленію Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ Ф. Кругомъ. Перевелъ Д. Языковъ“ (Спб. 1819). Эту книгу издалъ на свой счетъ графъ Н. П. Румянцовъ. Нѣмецкій оригиналъ этого сочиненія Лерберга (академика С.-Петербургской Академіи Наукъ, р. 1770 † 1813) вышелъ въ свѣтъ въ Петербургѣ въ 1813 году. Біографическія замѣтки о Лербергѣ (на Нѣмецкомъ языкѣ) были написаны профессоромъ Парротомъ (см. Словарь Рекке и Напіерскаго, т. III, стр. 368); и Жуковскій самъ въ этомъ своемъ письмѣ называетъ Паррота авторомъ біографіи Лерберга.

[4]) Въ письмѣ отъ 31 Декабря 1816 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Вотъ

сти, безъ семьи! И что жъ я сдѣлалъ? Наслаждался, писалъ стихи! Вотъ отецъ семейства, котораго жизнь была обременена трудами, котораго дѣятельность никакъ нельзя сравнить съ моею. Что жъ ему награда? Таже бѣдность, съ какою онъ началъ! И бѣдность при старости, слѣдовательно безнадежная! Однимъ словомъ, какъ вы хотите, а профессорамъ сумы не давайте. Поберегите честь Государя. Европа заговоритъ языкомъ для него непріятнымъ и будетъ—права. Прости! Приложенное письмо отдай Кавелину; а пакетъ Румянцову отошли поскорѣе.

Арзамасъ обнимаю. Смотрите, хлопотать о Мещевскомъ! Ж.

LXXXVIII [1]).

(Во второй половинѣ Января 1817, Дерптъ).

Здравствуй, милой другъ! Обнимаю тебя отъ всего сердца! Я послалъ по этой почтѣ къ Кавелину рукопись, полученную мною отъ Мещевскаго: поэма *Наталья, боярская дочь* [2]); а къ Карамзину письмо его, въ которомъ онъ посвящаетъ ему свою поэму. Мещевскій долженъ быть пріемышемъ Арзамаса. Я писалъ къ Кавелину и къ Блудову о томъ, что я располагаю сдѣлать съ его поэмою; къ Карамзину послалъ его письмо ко мнѣ, въ коемъ онъ требуетъ помощи. Переговори съ ними объ этомъ дѣлѣ и придумай, что можешь придумать. Между тѣмъ я наложилъ и на тебя и на Николая [3]) подать, нужную для напечатанія *Натальи*; ты сдери ее и съ Уварова. Будь дѣятеленъ: дѣло идетъ о сотвореніи поэта и спасеніи человѣка. Да воскреснетъ Арзамасъ!

Я принялся за работу и шутить не хочу. Радуйся, другъ: ты мнѣ сдѣлалъ добро, и на всю жизнь. Я чувствую новую необходимость дѣятельности, и это побужденіе святое: благодарность къ Государю, который далъ мнѣ лучшее благо—независимость, и имѣетъ на меня надежду! Этой надежды обмануть не надобно. Я теперь въ службѣ и долженъ служить по совѣсти. И какое для меня наслажденіе думать, что мое лучшее—*твое*! Недовольно того, что мы смолоду товарищи на одной дорогѣ, но еще надобно было одному сдѣлаться хранителемъ другаго, а другому на всю жизнь получить драгоцѣнное чувство благодарности къ своему брату! Мы съ тобой теперь неразлучно имѣемъ одно счастіе. Я принялся за работу, и часы мои идутъ порядочно. Вокругъ меня все устроено. Свадьба кончена [4]), и душа совсѣмъ утихла. Думаю только объ одной работѣ. Благослови Богъ! Присылай мнѣ мою картинку. Планъ для баллады готовъ и, кажется,

---

тебѣ на новой годъ новости: доброй Государь пожаловалъ Жуковскому 4000 р. пенсіи и перстень съ шифромъ" (см. Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 203).

[1]) Перепечатано изъ Русскаго Архива 1867 года, ст. 815—817.

[2]) Цензурное разрѣшеніе для напечатанія этой поэмы Мещевскаго было дано лишь 24 Августа 1817 года.

[3]) Н. И. Тургенева.

[4]) Свадьба М. А. Протасовой съ И. Ф. Мойеромъ состоялась 14 Января 1817 года.

хорошъ. Но объ этомъ ни слова. Надобно сперва кончить *Вадима.* Бываешь ли ты у Брея? Что́ тамъ дѣлается, и нѣтъ ли чего мнѣ сказать?

Пришли форму вѣрющаго письма для полученія пенсіона. Я дамъ его Кавелину. Говорятъ, что нельзя иначе получать, какъ по третямъ. А я хотѣлъ было въ концѣ года.

Узнай, что́ стоитъ перстень [5])? № 1137.

Взяты ли деньги у Румянцова? Первая выручка за *Пѣвца* М. Ивановичу [6])! Прошу къ нему переслать и мнѣ доставить его письмо, дабы я могъ дать отчетъ Румянцову.

Обнимаю Николая и сержусь на него! Онъ не хочетъ дать мнѣ покоя и не справился еще по сію пору о бумагахъ Азбукина! Нельзя ли какъ-нибудь его усовѣстить? У меня кошки на сердцѣ! Да нельзя ли ему прислать мнѣ адресъ чорта Жихарева? Приложенное письмо перешли поскорѣе къ Уткину въ Академію Художествъ. Твой Жуковскій.

LXXXIX.

(Въ Февралѣ 1817, Дерптъ).

Бога ты не боишься, Александръ Ивановичъ; выходивъ мнѣ пенсіи 4000 рублей, ты прибавилъ себѣ на 8000 лѣни, и думаешь, что мнѣ уже ничто не нужно, что я богатъ и безъ твоихъ писемъ. Для чего не имѣю я отвѣта ни на одно, писанное мною изъ Дерпта? Для чего не обращено никакого вниманія на Мещевскаго? Для чего не сказано мнѣ ни слова о моемъ роднѣ, который просилъ у тебя помощи и о которомъ я узналъ только по тому, что Блудовъ, продержавшій его письмо у себя 20 дней, чортъ знаетъ для чего, вдругъ опомнился и прислалъ это письмо ко мнѣ? Отчего не получаю адреса Жихарева? Отчего ты меня бросилъ, такъ бросилъ, какъ старые штаны, которыхъ и Лаврушка носить не хочетъ? Признаюсь, съ вами всякое терпѣніе придетъ въ отчаяніе. Даже и Карамзина вы испортили, и онъ не отвѣчаетъ на письмо мое. Отвѣчай мнѣ скорѣе на три старыя письма и на *все* (N. В. для этого нужно перечитать эти письма и вспомнить, что я на свѣтѣ). А въ наказаніе вотъ тебѣ новые вопросы, на которые также прошу обратить благосклонное вниманіе.

1-е. Графъ Мантейфель имѣетъ двухъ сыновей, которыхъ хочетъ помѣстить въ пансіонъ, учреждающійся при Лицеѣ. Онъ, зная мою связь съ тобою, просилъ меня черезъ тебя *захватить два мѣста заранѣе* въ этомъ пансіонѣ. Если бы онъ зналъ, какъ ты исполняешь мои просьбы, то вѣрно бы не сталъ меня объ этомъ просить. И, къ несчастію, я не могъ ему отказать; мнѣ больно говорить тѣмъ, которые надѣются на мой кредитъ при твоемъ превосходительствѣ, что этотъ кредитъ кимвалъ звяцаяй, что ты пропустишь просьбу мою мимо ушей и не исполнишь ея, потому что или забудешь или не дочитаешь моего письма. Сдѣлай чудо, не засни надъ этимъ письмомъ и похлопочи о Мантейфелѣ, то-есть постарайся, чтобы его два сына были въ свое время непремѣнно приняты въ пансіонъ Лицея.

---

[5]) Перстень, пожалованный Жуковскому Государемъ.

[6]) Вѣроятно, Максиму Ивановичу Невзорову.

*

2-е. Сдѣлано ли или принято ли какое-нибудь намѣреніе сдѣлать что-нибудь для Мещевскаго по тому плану, который я доставилъ господину Кавелину, такому же лѣнивцу-дьяволу, какъ ты?

3-е. Николевъ, мой родня, къ тебѣ адресовался съ своею просьбою помѣстить брата его сестры въ кадетской корпусъ. Мнѣ этого не хочется, а что̀ мнѣ хочется, объ томъ узнаешь отъ Кавелина. Но что̀ ты сдѣлалъ? И титулъ родня Жуковскаго растолкалъ ли твою лѣнь?

4-е. Какъ пишется адресъ Жихарева? И гдѣ существуетъ его самоличность?

5-е. Отъ Мартынова [1]) получилъ я письмо, въ коемъ онъ увѣдомляетъ, что Асмусово производство не состоялось и что объ немъ будетъ представлено въ Сенатъ. Возьмешь ли на себя вспомнить при случаѣ о Асмусѣ?

Отвѣчать скорѣе. Впрочемъ, я не очень этого надѣюсь. Гдѣ тебѣ обо мнѣ подумать? Когда же спать? Когда же ѣсть? Когда же опять спать и опять ѣсть, плясать на похоронахъ, свадьбахъ, родинахъ, крестинахъ, завтракахъ, полдникахъ, ужинахъ и прочее? О Господи!

Адресъ: Александру Ивановичу Тургеневу.

XC. [1]).

24 Февраля (1817, Дерптъ).

Наконецъ рѣшился ты написать, лѣнивецъ; и то писалъ на полетѣ: ни на что не отвѣчаешь, объ чемъ я къ тебѣ писалъ. Бѣда съ вами!

Теперь вѣрно уже ты видѣлся съ Мантейфелемъ и знаешь чего ему надобно. Прошу тебя ему помочь.

За Эверса обнимаю тебя отъ всего сердца. Какъ бы хотѣлось обнять за Паррота, за Воейкова и за весь университетъ, между прочимъ и за Асмуса. А propos о Воейковѣ. Получилъ ли ты отъ Кавелина списокъ его *Георгикъ* [2]), и рѣшился ли что нибудь сдѣлать по моей просьбѣ? Ты не для одного меня долженъ похлопотать о Воейковѣ. Мои причины тебѣ извѣстны; ты съ ними согласенъ, и такъ объ нихъ ни слова. Но Воейковъ, какъ Русской поэтъ, достоинъ всякаго одобренія. Онъ имѣетъ истинное дарованіе, и съ этимъ дарованіемъ соединяетъ трудолюбіе постоянное. До сихъ поръ его переводъ *Садовъ* [3]) есть, безъ всякаго сравненія, лучшая поэма на Русскомъ языкѣ. Переводъ Виргиліевыхъ *Георгикъ*, при всѣхъ недостаткахъ, которые можно въ немъ замѣтить и которые онъ со всеусердіемъ старается изъ него выгнать, есть также важное произведеніе Русской поэзіи; онъ хочетъ *посвятить себя* Виргилію. Онъ сто̀итъ поощренія уже и за одинъ этотъ планъ.

---

[1]) Ивана Ивановича Мартынова, директора департамента народнаго просвѣщенія.

*

[1]) Перепечатано изъ „Русскаго Архива“ 1867 года, ст. 817—818.

[2]) Переводъ Виргиліевыхъ Георгикъ печатался Воейковымъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1816 и 1817 гг.

[3]) Переводъ Воейкова поэмы (въ стихахъ) Делиля „Сады“ былъ изданъ въ Петербургѣ въ 1816 году.

Но этотъ планъ отчасти уже исполненъ. Кто жъ откажетъ ему въ правѣ на вниманіе Государя? Я совѣтую Воейкову представить куратору [4]) списокъ своего перевода, съ тѣмъ чтобы онъ доставилъ оный министру для поднесенія Императору. Одобряешь ли это? Или не лучше ли тебѣ передать и ту, и другую поэму князю [5])? Отвѣчай на это поскорѣе.

Вы собираетесь сдѣлать сборъ для напечатанія Мещевскаго поэмы: хорошо! Но скоро ли вы соберетесь? Послать эти деньги Мещевскому, а поэму продать,—это скорѣе и менѣе хлопотъ. Правда! Но за то менѣе и денегъ. Я бы думалъ: напечатать 600 экземпляровъ на счетъ Арзамаса, 300 распродать самимъ по 5 рублей экземпляръ, остальные 300 продать рубли по два гуртомъ въ лавку: вышло бы 2000 рублей съ лишнимъ. Впрочемъ, сдѣлайте, какъ сами разсудите, только сдѣлайте, и поскорѣе. Въ Сибири терпѣніе тяжелѣе, чѣмъ въ Москвѣ, и въ Дерптѣ, и въ Петербургѣ.

Не забудь же объ Асмусѣ. Поповъ скорѣе сдѣлаетъ для тебя, чѣмъ Мартыновъ. Асмусъ былъ учителемъ въ уѣздной Дерптской школѣ. Онъ взялъ отставку, но урочное время выслужилъ. Ему слѣдуетъ чинъ губернскаго секретаря; не получить его при отставкѣ обидно; а такихъ людей, каковъ Асмусъ, надобно не обижать, а золотить. У него теперь воспитывается въ собственной школѣ около 50 мальчиковъ: всѣ они вѣрно выйдутъ изъ нея съ прекрасно образованнымъ сердцемъ. Слѣдовательно, Асмусъ можетъ быть и титулярнымъ совѣтникомъ. Ты очень одолжишь меня, если постараешься мнѣ отыскать и прислать поскорѣе Weltgeschichte von Karl von Rotteck [6]). Одолжи, другъ! Обнимаю тебя и коллежскаго совѣтника Николая Ивановича Тургенева.

Пришли мнѣ и Русскую статистику Вихмана [7]).

XCI.

(Въ концѣ Февраля или въ Мартѣ 1817, Дерптъ).

Любезной другъ, когда-то сподобился ты поспѣшить, и то не кстати! Просьба къ Великому Князю [1]) послана. Скажи ты мнѣ, чу-

---

[4]) Попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа былъ генералъ-лейтенантъ графъ Карлъ Андреевичъ Ливенъ.

[5]) Князю А. Н. Голицыну.

[6]) Разумѣется сочиненіе историка Карла фонъ-Роттека (р. 1775 † 1840) „Allgemeine Geschichte vom Anfang der historischen Kenntniss bis auf unsre Zeiten", вышедшее въ 6 томахъ въ Фрейбургѣ, въ 1813 - 1818 гг.

[7]) Сочиненіе Бурхарда Вихмана (Wichmann) (р. 1786 † 1822) „Darstellung der Russischen Monarchie nach ihren wichtigsten statistisch-politischen Beziehungen", изданное въ двухъ томахъ въ Лейпцигѣ въ 1813 году.

*

[1]) Великому Князю Константину Павловичу, который былъ предсѣдательствующимъ въ Совѣтѣ о военныхъ училищахъ. Вѣроятно, просьба касалась помѣщенія племянника Николева въ кадетскій корпусъ.

дотворецъ, кто жъ позволялъ тебѣ это дѣлать, не спросясь со мною? Если бы Блудовъ не вспомнилъ о письмѣ Николева и наконецъ не вздумалъ бы его послать, давши ему 20 дней жить въ Петербургѣ, вы бы все кончили безъ меня и сдѣлали бы еще кадета, то-есть куклу бездушную, и мнѣ бы только осталось браниться и злиться! Передѣлай это, какъ хочешь, и вмѣсто того, чтобы разславлять мой Арзамаской поступокъ и носиться съ нимъ какъ съ новою Шатобріановою брошюрою изъ дому въ домъ, исполни какъ можно точнѣе то, чтó мнѣ надобно. Я не согласенъ записывать мальчика въ Петербургскую гимназію. Я здѣсь поручу его вѣрнымъ людямъ и буду совершенно спокоенъ насчетъ его ученія, нравственности и содержанія. Прошу не беречь тѣхъ денегъ, которыя расположилъ пожертвовать. Я не хочу, чтобы это было состряпано *кое-какъ*. Я увѣренъ, что здѣсь оно будетъ сдѣлано лучше, нежели въ Петербургѣ. Итакъ присылайте скорѣе малютку сюда и не думайте со мною торговаться. А ты перестань много хвастать. Чтó ты за разнощикъ? Довольно съ тебя и стиховъ! Таскай ихъ въ карманѣ куда хочешь; а меня не трогай.

Напрасно расхвастался ты и точностью отвѣта на мои запросы. Я ждалъ отъ тебя не обѣщанія позаботиться о Мещевскомъ, а исполненія, и самаго скораго.

Я послалъ къ тебѣ съ Зарембою манускриптъ для Румянцова. Отданъ ли онъ? Кто знаетъ? Ты и не думаешь откликнуться! Я просилъ тебя прислать мнѣ кое-какія книги [1]) гдѣ онѣ? Однимъ словомъ, хорошъ ты, гусь!—Отвѣчай немного, но на все. Обнимаю тебя. Ж.

Посмотримъ, чтó ты сдѣлаешь для Асмуса. А теперь еще болѣе желалъ бы я ему услужить. У него на рукахъ будетъ мой сынокъ.

XCII [1]).

(Въ Мартѣ 1817, Дерптъ).

За Воейкова благодарю сердечно. Ливенъ [2]) уже сказалъ ему, что получилъ отъ тебя книги. Не оставь же этого дѣла недоконченнымъ. Когда возвратится Ливенъ въ Петербургъ, заставь его подать книги министру, а самъ работай и помни, намъ надобенъ не подарокъ, а Крестъ. Если Крестъ данъ Гнѣдичу за *недоконченную Иліаду*, то какъ не имѣть его Воейкову *за доконченные Сады* и *Георгики*? Ты можешь хлопотать со всѣмъ усердіемъ, ничего, кромѣ справедливаго, отъ тебя не требуется. Не забудь о Асмусѣ!—Вы читали въ Арзамасѣ мое письмо! Поздравляю васъ! Да чтó же вы сдѣлали? Какъ не взбѣситься, подумавъ, что десять человѣкъ, добрыхъ, имѣющихъ чувство и дружныхъ между собою, не могутъ найти свободной минуты, чтобы подумать о судьбѣ несчастнаго человѣка, ожидающаго отъ нихъ помощи и, можетъ быть, спасенія? Не стыдно ли вамъ, что я принужденъ пи-

---

[1]) См. въ концѣ предыдущаго письма.

[1]) Напечатано изъ „Русскаго Архива" 1867 года, ст. 812—813.

[2]) Попечитель Дерптскаго учебнаго округа графъ К. А. Ливенъ.

*

сать къ вамъ десять писемъ объ одномъ и томъ же дѣлѣ, которое вамъ бы и безъ просьбы надобно было сдѣлать, и писать по пустому.

Прости. О себѣ ничего не пишу. *Старое* все миновалось, а новое никуда не годится. Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, я не оживалъ. Душа какъ будто деревянная. Чтó изъ меня будетъ, не знаю. А часто, часто хотѣлось бы и совсѣмъ не быть. Поэзія молчитъ. Для нея еще нѣтъ у меня души. Прежняя вся истрепалась, а новой я еще не нажилъ. Мыкаюсь, какъ кегля.

XCIII [1]).

(До 25 Марта 1817, Дерптъ).

Посылаю тебѣ чудака, поэта, бродягу, ребенка, старика [2]). Не осердись на меня за то, что обременяю тебя ненужными тебѣ знакомствами. Податель этого письма не будетъ тебѣ въ тягость; онъ бродитъ по свѣту и описываетъ въ стихахъ свои похожденія; у него никогда нѣтъ гроша: вся его гардероба (два сюртука, два жилета и, вѣроятно, двое штановъ, съ большою трубкою въ карманѣ) всегда на немъ; *всѣ* его сочиненія всегда у него за пазухою; тѣ, которыя не могутъ уложиться, сожигаются. Онъ идетъ въ Петербургъ, для того, чтобы сказать себѣ: «Я былъ въ Петербургѣ!» Но денегъ у него нѣтъ, и онъ объ этомъ не заботится. Онъ хочетъ въ нынѣшнемъ году выдать по *подпискѣ* свои пѣсни; подписная цѣна 1 рубль серебромъ. Постарайся собрать ему нѣсколько подписчиковъ, чтобъ было чтȯ ѣсть въ Петербургѣ. Важная цѣль его путешествія въ Петербургъ есть: видѣть праздникъ Свѣтлаго Воскресенія и описать его въ стихахъ. Вѣрно и для тебя строфа будетъ. Вообще въ его стихахъ много хорошаго, хотя и много безпорядочнаго. Самъ же онъ необыкновенное явленіе въ свѣтѣ. Въ немъ есть что-то младенческое. До сихъ поръ еще не начиналъ онъ думать о завтрашнемъ днѣ. Въ 15 лѣтъ исходилъ онъ около 20.000 верстъ пѣшкомъ. Въ Петербургѣ пробудетъ двѣ недѣли; оттуда въ Ревель; изъ Ревеля въ Бременъ; гдѣ онъ остановится, я не знаю. Но если въ Петербургѣ случится ему въ чемъ-нибудь нужда, помоги ему. Твой Жуковскій.

XCIV.

25 Апрѣля (1817, Дерптъ).

Письмо Свѣчиной обмануло тебя, мой милой другъ, и ты безъ причины обо мнѣ трепещешь. Я не писалъ къ Свѣчиной болѣе полугода; она видѣла мое прежнее состояніе и судитъ о теперешнемъ по старому, ошибается и тебя заставляетъ ошибаться. Я былъ бы неиз-

---

[1]) Перепечатано изъ „Русскаго Архива“ 1867 года, ст. 819.

[2]) На этомъ письмѣ рукою А. И. Тургенева карандашомъ написано: „Белендорфъ“,— имя чудака-поэта. О жизни Казимира-Ульриха Белендорфа (Boehlendorff), р. 1775 въ Митавѣ † 1825, отличавшагося непостояннымъ и причудливымъ характеромъ, любовью къ странствіямъ, жившаго въ міра фантазій и грезъ, и объ его сочиненіяхъ см. въ Словарѣ Рекке и Напіерскаго, т. I, стр. 209—212, и „Nachträge“, т. I, стр. 68.

[3]) Пасха въ 1817 году приходилась 25 Марта.

*

винительный безумецъ, когда бы позволилъ себѣ быть безплодною жертвою. Отъ этого сумасшествія я избавленъ, и избавленъ почти безъ всякаго со стороны своей усилія. Трудно было рѣшиться. Но минута, въ которую я рѣшился, сдѣлала изъ меня другаго человѣка; и, къ несчастію, эта перемѣна сдѣлалась слишкомъ скоро. Я хлебнулъ изъ Леты и чувствую, что вода ея усыпительна. Душа смягчилась. Къ счастію, на ней не осталась пятна; за то бѣла она, какъ бумага, на которой ничто не написано. Это-то ничто моя теперешняя болѣзнь, столь же опасная, какъ первая, и почти похожая па смерть. Повѣрь мнѣ,—я передъ тобою и передъ Карамзинымъ не способенъ быть скрытнымъ. То, что̀ я говорилъ тебѣ и ему, справедливо совершенно. Если я во все время нашей разлуки не написалъ ничего, то не изъясняй этого *прежнимъ*: съ этимъ прежнимъ я сладилъ. Мое теперешнее положеніе есть усталость человѣка, который долго боролся съ сильнымъ противникомъ, но, боровшись, имѣлъ нѣкоторую дѣятельность; борьба кончилась, но вмѣстѣ съ нею и дѣятельность. Къ этой дѣятельности душа моя привыкла: эта дѣятельность была до сихъ поръ всему источникомъ. Но не бойся! Я не упаду. По крайней мѣрѣ я надѣюсь воскреснуть. Свѣчина пишетъ, что она не можетъ читать стиховъ моихъ: они слишкомъ сильно раскрываютъ передъ нею ея душу и въ ней пробуждаютъ то, до чего бы не надобно было прикасаться. И я не могу читать стиховъ своихъ; но причина совсѣмъ другая: они кажутся мнѣ гробовыми памятниками самаго меня; они говорятъ мнѣ о той жизни, которой для меня нѣтъ! Я смотрю на нихъ, какъ потерявшій вѣру смотритъ на церковь, въ которой когда-то онъ съ теплою, утѣшительною вѣрою молился. Это пройдетъ. Не бойся за меня Дерпта. Я смотрю на счастіе, которое не мнѣ принадлежитъ, *спокойно*; въ тѣ минуты, въ которыя болѣе способенъ я живо чувствовать, оно только радуетъ меня, и никакое другое чувство не смѣшано съ этою радостію. Но вообще нахожу въ себѣ равнодушіе, для меня тяжелое, и это равнодушіе—*во мнѣ самомъ*; внѣшнихъ причинъ искать не надобно. Оно похоже на сонъ, который производитъ иногда прекрасная музыка. Музыка моя молчитъ, и я сплю! Изъ этого-то сна должно непремѣнно выйти, и кажется, что теперь представляется мнѣ для этого средство, и вотъ какое. Третьяго дня проѣзжалъ здѣсь Глинка [4]). Онъ сдѣлалъ мнѣ отъ себя слѣдующее предложеніе. Для принцессы Шарлотты [5]) нуженъ будетъ учитель Русскаго языка. Мѣсто это предлагаютъ ему съ 3000 жалованья отъ Государя и 2000 отъ великаго князя, съ квартирою во дворцѣ великаго князя и другими выгодами. Занятіе: одинъ часъ каждый день. Остальное время свободное. Глинка по своимъ обстоятельствамъ долженъ отъ

---

[4]) Григорій Андреевичъ Глинка (р. 1777 † 1818), бывшій съ 1802 по 1810 годъ профессоромъ Русской словесности въ Дерптскомъ университетѣ, а съ 1811 года „кавалеромъ" при великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ, прежде преподававшій Русскій языкъ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ и великимъ княжнамъ.

[5]) Невѣсты великаго князя Николая Павловича, впослѣдствіи великой княгинѣ Александры Θеодоровны; бракосочетаніе ихъ совершилось 1 Іюля 1817 года.

этого мѣста отказаться. Онъ желаетъ знать, могу ли я принять на себя эту должность, и требуетъ моего скораго отвѣта, чтобы меня на свое мѣсто представить. Я не сказалъ ему ни да, ни нѣтъ. Безъ твоего совѣта и совѣта Николая Михайловича не рѣшусь ни на что. Мѣсто это кажется мнѣ *выгоднымъ* по многимъ причинамъ. 1-е, обязанность, моя соединена будетъ съ совершенною независимостію. Это главное! Мнѣ будетъ возможно посвятить половину своего времени другимъ работамъ. Работа же *по должности* будетъ въ связи съ моими прочими занятіями и вмѣсто того, чтобы имъ препятствовать, можетъ имъ способствовать. 2-е, опредѣляемое содержаніе (если оно таково, какъ мнѣ сказалъ Глинка) дастъ мнѣ средст(в)о жить беззаботно въ Петербургѣ, имѣть порядочной, опредѣленный, неразсѣянный образъ жизни и располагать своимъ временемъ, какъ хочу. 3-е, самая должность, которую возьму на себя, имѣетъ въ *себѣ* много привлекательнаго: это не работа наемника, а занятіе благородное. Имѣть въ такомъ занятіи (и въ любимомъ занятіи) товарищемъ образованную женщину должно быть наслажденіемъ, а не неволею. Сверхъ того и потому уже эта должность для меня выгодна, что она *должность*: въ нѣкоторомъ отношеніи мнѣ нужно подчинить себя обязанности. Слишкомъ неограниченная свобода вредитъ мнѣ, я это чувствую. Надобно только, чтобы обязанность не была для меня рабствомъ и не привязывала меня къ чему-нибудь мнѣ несвойственному. Въ настоящемъ случаѣ, кажется, этого быть не можетъ. Напротивъ, здѣсь много пищи для энтузіазма, для авторскаго таланта. Наконецъ, принявши это предложеніе (если NB оно будетъ мнѣ сдѣлано), я войду въ прекрасный кругъ, въ которомъ могу быть безъ разсѣянія; могу пользоваться пріятностями лучшаго общества, не будучи ими увлеченъ; буду ко всѣмъ вамъ близокъ, что́ необходимо для того, чтобы я болѣе работалъ; буду имѣть подъ рукою всѣ пособія, нужныя для работъ моихъ; могу болѣе образоваться. Вотъ выгоды. Теперь посмотримъ на изнанку. Первое (отвѣчай мнѣ на это искренно), думаешь ли, что я къ такой должности способенъ? Довольно ли имѣть стихотворный талантъ и быть хорошимъ писателемъ, чтобы учить, какъ должно, языку своему? Я знаю языкъ свой болѣе по рутинѣ, но на экзаменѣ едва ли выдержу пробу. Искусство учить не требуетъ ли особеннаго навыка, особеннаго дарованія? Что́, если я возьмусь за такое дѣло, котораго не исполню, какъ должно, то-есть такъ, чтобы *я самъ могъ быть доволенъ*? Въ этомъ случаѣ мнѣ будетъ мало *порядочнаго* исполненія; надобно угодить самому себѣ совершенно. Если же не угожу самому себѣ, то это не будетъ ли для меня убійственно? И я тогда не потеряю ли самый талантъ свой? Необходимость работать — прекрасное дѣло; но необходимость быть всякой день способнымъ *хорошо* работать не будетъ ли она для меня слишкомъ тягостною, для меня, который избалованъ свободою и привыкъ работать только тогда, когда вдохновеніе этого требуетъ? Еще одно: я хотѣлъ было употребить года два на путешествія, хотѣлъ было дать себѣ года два настоящей молодости, свободной, живой, окруженной прекрасными, для меня новыми впечатлѣніями. Этотъ вояжъ былъ бы факеломъ-воспламенителемъ моего дарованія. Отъ этого надобно будетъ отказаться. Но этимъ можно будетъ пожертвовать, если только

бы увѣриться, что я свое дѣло исполню, какъ надобно. Предоставляю тебѣ и Николаю Михайловичу быть моими судьями. Рѣшите за меня и дѣйствуйте. Если вы рѣшите, что мнѣ отказываться не должно, то позаботитесь о моихъ выгодахъ. Твое дѣло все устроить къ лучшему. Особенно хлопотать о жалованьѣ и квартирѣ. Безъ совершенной беззаботности о своемъ содержаніи мнѣ нельзя въ Петербургѣ ничего добраго сдѣлать. Старайся, чтобы я получилъ точно то жалованье, о которомъ говорилъ мнѣ Глинка. Однимъ словомъ, эта забота твоя, а не моя. Если вы рѣшите *соглашатися*, то дай за меня слово Глинкѣ; онъ объявитъ объ этомъ вдовств(ующей) Государынѣ; но знай напередъ, что мнѣ прежде конца Августа въ Петербургъ пріѣхать невозможно: я отправляюсь въ Бѣлевъ, гдѣ мнѣ быть *необходимо* и гдѣ пробуду всѣ лѣто. Эту отсрочку ты долженъ для меня выхлопотать непремѣнно. Здѣсь останусь до тѣхъ поръ, пока получу отъ тебя отвѣтъ. Еще было бы лучше, когда бы можно было отсрочить до Генваря: я могъ бы *приготовиться* [5]). *Начать тотчасъ* я не могу и не умѣю. Жду отъ тебя отвѣта. Какой онъ ни будетъ, я совершенно спокоенъ. Мнѣ *лучшаго* не надобно. Но отвѣчай немедленно, ибо я долженъ ѣхать и откладывать своей поѣзки не могу. Прошу тебя быть поспѣшнымъ.

Асмусъ? Мещевской?

XCV.

(Въ концѣ Сентября или первыхъ числахъ Октября 1817, Петербургъ).

Варвикъ [1]) и Арфа [2])! Арзамасъ у Врана [3]). Адресъ Врана: въ Галерной, № 207, домъ купца Риттера. Часъ сбора исходъ девятаго. Быть непремѣнно, ибо Арзамасъ прощальной, и Свѣтланѣ [4]) больно будетъ, если въ этомъ прощальномъ Арзамасѣ хотя одной милой ей рожи существовать не будетъ. Увѣдомить, будете ли. Еще жъ можете оба пріѣхать къ Блудову: онъ знаетъ, гдѣ живетъ Плещеевъ; отъ него

---

[5]) Первая лекція Жуковскаго великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ состоялась въ Москвѣ, 22 Октября 1817 года (см. напечатанныя мною въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1889 года, Августъ, выдержки изъ дневниковъ Жуковскаго, стр. 356).

*

[1]) Прозвище Н. И. Тургенева въ „Арзамасѣ“.

[2]) Эолова Арфа— А. И. Тургеневъ.

[3]) Черный Вранъ—прозвище А. А. Плещеева въ „Арзамасѣ“, членомъ котораго онъ сдѣлался въ 1817 году по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ. Плещеевъ уже принималъ участіе въ собраніи „Арзамаса“, которое происходило 27 Августа у А. И. Тургенева (см. приписку его къ князю П. А. Вяземскому, отъ 28 Августа 1817 года, на письмѣ К. Н. Батюшкова въ Соч. Батюшкова, т. III, стр. 466).

[4]) Свѣтлана—В. А. Жуковскій. Выѣхалъ Жуковскій изъ Петербурга въ Москву 4 Октября (см. отрывки изъ его дневника 1817 года въ собраніи его бумагъ, хранящихся въ Импер. Публ. Библіотекѣ, № 3, л. 1).

поѣдутъ и Салтыковъ [5]), и Котъ [6]), и Ахиллъ [7]), и Журавль [8]). Для этого надобно его увѣдомить, ждать ли васъ, или нѣтъ.

Адресъ: Тургеневу Николаю и Александру.

XCVI.

(Въ половинѣ Октября 1817, Москва).

Здравствуйте изъ Москвы [1]), друзья Тургеневы, Блудовъ и Батюшковъ. Я доѣхалъ здорово — я, Максимъ [2]) и коляска. Разбойники меня не тронули. О путешествіи моемъ будетъ подробное донесеніе въ Арзамасъ, а вамъ на первой случай вотъ что:

Тургеневу. Я былъ у Екатерины Семеновны [3]). Она теперь здорова, но была нездорова. Скучаетъ и груститъ. Для ея и для твоего покоя, другъ милой, желалъ бы я, чтобы она была въ Петербургѣ. Кажется, что и ей этого хочется. Подумай объ этомъ. Князя [4]) я не видалъ, хотя и былъ у него. Нынче обѣдаю у матушки и буду у нея сколько можно чаще.

Блудову. Съ Сѣверинымъ я не видался. Не засталъ его дома, слѣдовательно ничего не могу сказать тебѣ о томъ предметѣ, о которомъ ты знать желаешь. Прошу тебя не полѣниться и прислать мои деньги. Адресуй ихъ прямо на имя Булгакова, съ тѣмъ чтобы передать мнѣ, живущему въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ у извѣстнаго профессора Антонскаго. Глупо я сдѣлалъ, что послушалъ твоей осторожности. Теперь сижу безъ денегъ; а ты когда пришлешь ихъ ко мнѣ, Богъ вѣдаетъ.

Батюшкову. Тотъ же отвѣтъ о Сѣверинѣ, какой и Блудову. На слѣдующей почтѣ буду писать къ вамъ обоимъ.

Николаю Тургеневу. Дружеское объятіе и сердечное уваженіе.

Всѣмъ вамъ. Я живу въ Москвѣ, какъ на гробѣ. Душа рвется отъ воспоминаній о прошедшемъ. Ничего, чтó было нѣкогда моимъ, здѣсь нѣтъ. Я опять въ пансіонѣ, тамъ, гдѣ жилъ мальчишкомъ; а сколько перемѣнъ съ того времени! Квартиры еще не имѣю, но скоро имѣть буду. Когда примусь за работу, будетъ легче. Теперь все еще вокругъ меня въ безпорядкѣ, и самъ скитаюсь какъ осиротѣлой. На вся-

---

[5]) Михаилъ Александровичъ Салтыковъ (р. 1769 † 1851), бывшій попечителемъ Казанскаго учебнаго округа и сенаторомъ, пользовавшійся уваженіемъ въ кругу литераторовъ Карамзинскаго направленія, состоялъ въ числѣ „природныхъ членовъ“ Арзамаса (см. въ Соч. Батюшкова, т. III, стр. 696—697, и „Бумаги В. А. Жуковскаго“, стр. 159).

[6]) Рѣзвый Котъ—Д. П. Сѣверинъ.

[7]) К. Н. Батюшковъ.

[8]) Ф. Ф. Вигель.

*

[1]) Въ Москву Жуковскій прибылъ 9 Октября (см. отрывки его дневника за 1817 годъ, № 3, л. 1).

[2]) Крѣпостной слуга Жуковскаго, котораго онъ отпустилъ на волю, какъ и другаго Максима.

[3]) Тургеневой, матери А. И. Тургенева.

[4]) Князя А. Н. Голицына.

кой улицѣ вспомнишь кого-нибудь изъ моихъ, и какъ ни вспоминай, ни одного не допомнишь къ себѣ. Жестокое чувство! Отъ него одинъ отводъ—работа. Простите, друзья. Я этого не ожидалъ: въ Москвѣ мнѣ жаль Петербурга [5]). Вашъ Ж.

XCVII.

(Во второй половинѣ Октября 1817, Москва).

Здравствуй, милой другъ, и здравствуйте, Арзамасцы. Пишу къ тебѣ по просьбѣ Антона Антоновича [1]). Онъ желаетъ имѣть портретъ князя Голицына [2]), который и согласился на его желаніе. Остается имѣть портретъ. Это дѣло поручаетъ онъ тебѣ и проситъ тебя не замедлить доставить ему списокъ. Списать съ портрета, находящагося у Елисаветы Михайловны Кологривой [3]). Величина портрета: вышиною въ аршинъ, а шириною въ 13 вершковъ; срокъ, къ которому списать, 1-е Декабря; срокъ, къ которому доставить, 10 Декабря. Я поручилъ объ этомъ хлопотать Кавелину, ибо ты забудешь; ты съ своей стороны только помоги.

Я переселился на свою квартиру [4]); живу теперь въ кельѣ какого-то монаха Чудовскаго; на окнахъ моихъ крѣпкія рѣшетки, но горницы убраны не по-монашески; тишина стихотворная царствуетъ въ моей обители, и ужъ Музы стучатся въ двери; я еще не могъ принять ихъ за безпорядкомъ, но завтра онѣ ко мнѣ пожалуютъ. О чемъ буду съ ними бесѣдовать, то скоро узнаютъ современники и передадутъ потомкамъ. Цѣлую Арзамасъ.

Вчера, то-есть третьяго дня, обѣдалъ я у матушки. Она не выѣзжаетъ: нѣсколько простудилась. Можетъ быть, нынче буду у нея.

Хлопочи пожалуйста о портретѣ.

XCVIII.

(26 Октября 1817, Москва).

Я исполнилъ твое приказаніе, милостивый государь мой, другъ Александръ Ивановичъ. Третьяго дня ввечеру, то-есть 25-го, въ Середу [1]), возвратясь домой, нахожу у себя твой пакетъ. Ѣхать къ ма-

---

[5]) На этомъ письмѣ рукою А. И. Тургенева написаны слѣдующія строки (къ К. Н. Батюшкову?): „Прошу, прочитавъ, переслать Блудову, который можетъ доставить обратно ко мнѣ. Я вчера бралъ ванну и сегодня цѣлый день дома“.

*

[1]) Прокоповича-Антонскаго.

[2]) Князя А. Н. Голицына.

[3]) Сводной сестры князя А. Н. Голицына.

[4]) Въ отрывкахъ дневника Жуковскаго за 1817 годъ подъ 22 Октября записано слѣдующее: „День освобожденія Москвы отъ Поляковъ. Первая лекція. Мое переселеніе. У Офросимова“ (женатаго на третьей племянницѣ Жуковскаго, Марьѣ Петровнѣ Юшковой).

*

[1]) Жуковскій ошибся. 25 Октября приходилось въ Четвергъ, а 24-е въ Среду. Въ отрывкахъ его дневника за 1817 годъ подъ этими числами записано слѣдующее: „24. Письмо

тушкѣ тотчасъ было поздно; я и не поѣхалъ. А былъ у нея вчера поутру. Она уже получила твое письмо, въ которомъ пишешь, чтобы отъ себя она поговорила съ Новосильцовымъ. Но и она, и я разсудили, что ей лучше всего прежде увидѣться съ княземъ, прежде нежели насылать на него Новосильцова. Князю могло бы показать(ся), что она на него жалуется, или ищетъ къ нему сторонней дороги. И мы положили писать къ князю, звать его къ матушкѣ; на что̀ была и причина законная, ибо матушка съ нѣкотораго времени въ самомъ дѣлѣ нездорова: простудилась и не встаетъ съ постели. Берусь за перо, сажусь писать письмо къ князю съ тѣмъ, чтобы его отвезти самому, — входитъ человѣкъ и говоритъ: князь пріѣхалъ. Ничто не могло быть (болѣе?) кстати. Но разговора ихъ я не слыхалъ; знаю только, что онъ начался горькими слезами. Матушка просила меня ихъ оставить. Но вотъ что̀ слышалъ я отъ нея, бывши у нея послѣ обѣда. Она князю *не пеняла* за то, что ты не отпущенъ, но говорила о своей болѣзни и просила, чтобы хотя на двѣ недѣли былъ отпущенъ съ нею видѣться. Князь на это отвѣчалъ ей, что *неотпускъ* твой есть точно доказательство того, что онъ къ тебѣ болѣе, нежели къ кому-нибудь, имѣетъ довѣренность и что ты въ его отсутствіи необходимъ въ Петербургѣ. Она сказала ему, что проситъ его извинить ее, если она ошибается, но что она судитъ какъ *мать*; будучи отъ всѣхъ далеко и заключая обо всемъ по одной наружности, отъ тебя же не имѣя ни о чемъ, до тебя касающемся, извѣстій и будучи даже увѣрена, что для тебя будетъ непріятно, когда узнаешь, что она говорила съ княземъ, она начинаетъ бояться, не перемѣнился ли къ тебѣ князь; твой непріѣздъ, твое статсъ-секретарство, которое такъ медлительно, слухи о многихъ твоихъ недоброхотахъ,—все это вмѣстѣ заставляетъ ее думать, что князь къ тебѣ не таковъ, каковъ былъ прежде; но что это было бы несправедливо, что ты не только добрый ему подчиненный, на благородство котораго онъ можетъ и долженъ полагаться, но что ты его любишь и уважаешь. Все это было сказано безъ упрековъ и кончилось очень хорошо. Князь просидѣлъ у нея около трехъ часовъ. Онъ привезъ ей проповѣдь Августина на закладку храма [2]) и самъ ей прочиталъ ее уже по окончаніи разговора. О тебѣ же сказалъ, что постарается непремѣнно тебѣ доставить случай нынѣшнею зимою видиться съ матушкою. Что же касается до медленнаго статсъ-секретарства, то не его вина. Онъ дважды говорилъ Государю, и Государь, будучи весьма высокаго о тебѣ мнѣнія, все отказывалъ по причинѣ твоей молодости. Видишь ли, каково намъ быть молодымъ! Однимъ словомъ, они разстались какъ нельзя лучше, и я увѣренъ, что этотъ разговоръ имѣлъ такое дѣйствіе, какого тебѣ желать надобно. Въ концѣ

отъ Тургенева. Обѣдъ въ Англійскомъ Клубѣ. Давыдовъ, Дмитріевъ, Кочеповскій, 25. Поутру у Екатерины Семеновны. Біографія королевы Луизы. Обѣдъ у великаго князя. Бенкендорфъ. Анекдотъ о крестѣ. Музыка. Народъ передъ окномъ. Храповицкій. Дурновъ. Принцъ Прусскій. Послѣ обѣда у Екатерины Семеновны. Князь Голицынъ. Совѣщаніе у Антонскаго и Вяземскаго. Экспромты и Пушкина басня".

[2]) Слово архіепископа Августина на закладку храма Христа Спасителя въ Москвѣ.

его пріѣхалъ Мудровъ [3]), и князь много съ нимъ говорилъ о матушкиной болѣзни; у нея слабость въ нервахъ и сильная гипохондрія. Теперь о Новосильцовѣ. Матушка хочетъ къ нему послать. Признаюсь, не знаю, нужно ли ей теперь говорить съ нимъ. По крайней мѣрѣ, я совѣтовалъ говорить ей такъ: разсказать ему свой разговоръ съ княземъ, дабы онъ, увидясь съ княземъ, могъ и ему сказать, что слышалъ отъ матушки объ этомъ разговорѣ, о которомъ можетъ сказать ему и свое мнѣніе, а не говорилъ бы прямо отъ себя или прямо отъ матушки. Если *прямо отъ себя*, то князь могъ бы подумать, что онъ такъ дѣйствуетъ, будучи настроенъ тобою; если жъ *отъ имени матушки*, то князю можетъ показаться непріятно, что она, не удовольствовавшись его обѣщаніемъ, употребляетъ другаго, чтобы побуждать его. Новосильцовъ, говоря *отъ себя* о слышанномъ отъ матушки, будетъ дѣйствовать какъ посторонній. Такъ это мнѣ кажется лучше; думаю, что и ты меня одобришь.—Я былъ уже у князя два раза и не видалъ его. Нынче къ нему поѣду опять; есть до него *своя* нужда: хочу просить пропуска въ Патріаршую Библіотеку, но думаю, что дойдетъ дѣло и до тебя. Чтό услышу, то напишу къ тебѣ. Прости до свиданія. Ж.

Обними Николая Михайловича и Арзамасъ.

XCIX.

(Въ первыхъ числахъ Ноября 1817, Москва).

Здравствуй, милый! Пишу къ тебѣ по повелѣнію твоей матушки, у которой я былъ вчера и которая вотъ что отъ тебя требуетъ: непремѣнно, *ежели хочешь ее утѣшить*, съѣзди самъ къ Петру Ивановичу Юшкову. Онъ продаетъ деревню, состоящую изъ 300 душъ съ 5.000 десятинъ (Елецкаго уѣзда вотчина Чернавская); его повѣренный здѣсь объявилъ цѣну этой деревни 400.000; матушка этому не вѣритъ, находя цѣну слишкомъ дорогою; она желаетъ знать отъ самого Юшкова цѣну послѣднюю, дабы приступить къ торгу или совсѣмъ отъ него отступиться. Вотъ объ чемъ тебѣ и должно переговорить съ Юшковымъ. И матушка этого требуетъ, проситъ и умоляетъ, и ждетъ отъ тебя скораго исполненія ея просьбы, требованія, умоленія и ожиданія. И прошу поскорѣе исполнить ихъ, хотя для меня, ибо я буду браненъ за твою лѣность.

Новосильцовъ былъ у матушки; она говорила съ нимъ *отъ себя* о тебѣ и о свиданіи своемъ съ княземъ; и Новосильцовъ будетъ говорить съ княземъ съ своей стороны, и чтό изъ этого состряпается, узнàю въ Субботу, ибо въ этотъ день буду у матушки обѣдать [4]): вѣ-

---

[3]) Извѣстный московскій врачъ Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ (р. 1772 † 1831), профессоръ патологіи, терапіи и клиники въ Московскомъ университетѣ.

*

[4]) Въ отрывкахъ дневника Жуковскаго за 1817 годъ подъ 10 Ноября (Суббота) записано слѣдующее: „У Нарышкина. Разговоръ о его дѣтяхъ. Вечеръ у Вяземскаго. Обѣдалъ у Екатерины Семеновны“.

роятно, что она уже какой-нибудь отвѣтъ отъ Новосильцова получитъ. Съ княземъ я все не видался, а былъ у него три раза; въ Субботу еще разъ побываю. Прости, другъ. Мнѣ пока хорошо: мое занятіе мнѣ дорого, и я имъ счастливъ [5]). Обними братію и брата.

Твой Жуковскій.

Сейчасъ получилъ твое письмо, завтра самъ поѣду къ Новосильцову.

С.

8 Ноября (1817, Москва).

Я не успѣлъ написать къ тебѣ въ прошедшій Понедѣльникъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Я былъ въ этотъ день у Новосильцова и засталъ его, и говорилъ съ нимъ о тебѣ. Онъ уже видѣлся съ матушкою (я, кажется, и писалъ къ тебѣ объ этомъ) и хотѣлъ говорить съ княземъ, но не говорилъ: ибо, получивъ твое письмо, думалъ, что отъ меня что-нибудь особенное о дѣлѣ твоемъ узнàетъ. Я не могъ ничего особеннаго сказать ему. Содержанье его разговора со мною въ двухъ словахъ: *тебѣ должно быть статсъ-секретаремъ.* Я съ своей стороны *далъ ему совѣтъ*, сказавъ напередъ, что его нечего учить чтó дѣлать; и вотъ въ чемъ состоитъ этотъ совѣтъ: если будетъ говорить съ княземъ, то не отъ имени матушки, дабы не показалось князю, что она поручила говорить ему, а отъ себя, сказавъ только князю, что онъ слышалъ отъ матушки о ея съ нимъ разговорѣ и съ своей стороны считаетъ, по дружбѣ къ тебѣ, нужнымъ сказать искренно на твой счетъ свое мнѣніе. Такимъ образомъ, разговоръ *матушки* съ княземъ, извѣстный Новосильцову, будетъ только поводомъ его разговора съ княземъ, но дѣйствовать будетъ *отъ себя*, *по собственному внушенію.* Напрасно ты хлопочешь. Я не думаю, чтобы было не нужно Новосильцову говорить за тебя. Князь не можетъ и не долженъ подумать, чтобы ты интриговалъ; а мнѣніе Новосильцова mettra du poids dans la balance [1]) и произведетъ рѣшительный перевѣсъ. Новосильцовъ твой прекрасный, любезенъ и благороденъ.

О себѣ не пишу къ тебѣ. Мое все хорошо, и я радуюсь своею участію, ибо на душѣ легко, и мнѣ весело находить въ этой душѣ одни

---

[5]) „Я люблю свою должность (преподавателя Русскаго языка Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ) — записалъ Жуковскій въ своемъ дневникѣ подъ 27 Октября 1817 года — и мнѣ совсѣмъ не кажется отдыхомъ тотъ день, въ который не могу ею заняться. Тѣмъ лучше. Не послѣднее счастіе быть *привязаннымъ* къ тому, чтò *должно.* Я надѣюсь со временемъ сдѣлать уроки свои весьма интересными. Они будутъ не только со стороны языка ей (Великой Княгинѣ) полезны, но дадутъ пищу размышленію и подѣйствуютъ благодѣтельнымъ образомъ на сердце. Однимъ словомъ, до сихъ поръ чувствую себя совершенно счастливымъ въ своей должности, и счастливымъ особенно потому, что чувствую себя со всѣхъ сторонъ независимымъ: *извнѣ* и *внутри* души. Честолюбіе молчитъ; въ душѣ желаніе одного добраго. Безъ всякаго безпокойнаго желанія смотрю на будущее и весь отданъ настоящему. Милая, привлекательная должность!" (см. „Русскій Вѣстникъ" 1889 года, Августъ, стр. 356—357).

*

[1]) Т. е. прибавитъ вѣсу.

только теплыя, безкорыстныя желанія и намѣренія [2]), достойныя тебя, Карамзина и Арзамаса. Каковъ-то буду впередъ, Богъ знаетъ лучше. Но это слово *каковъ*—мое главное и драгоцѣннѣйшее. Отъ Карамзина узнàешь подробности о бѣдномъ Вяземскомъ. Онъ потерялъ сына и жестоко грустить [3]). Двадцать пять лѣтъ,—а ужъ несчастный отецъ.

Прости, другъ, нѣжный братъ. Съ матушкою твоею у меня лады, въ Субботу обѣдалъ у нея съ Дмитріевымъ. Присылай портретъ къ сроку. Это будетъ и мнѣ одолженіе, хочется услужить Антонскому. Максима Ивановича [4]) я не успѣлъ еще видѣть, но буду у него. Не забудь сдѣлать за меня рапортъ графу Н. П. Румянцову. Это дѣло принадлежитъ ему.

CI.

Ты лѣнишься и бранишь меня за лѣнь. Чтò за справедливость? Я здоровъ, пишу стихи, печатаю ихъ, буду къ тебѣ ихъ присылать, бываю у твоей матушки, получаю жалованья 4.000, буду причисленъ къ Министерству Просвѣщенія, сплю и ѣмъ хорошо, люблю тебя еще лучше. Чего-жъ тебѣ болѣе? А вотъ чего: отдай приложенное письмо Карамзину и увѣдомь меня о Кавелинѣ; да еще и брата поцѣлуй и Арзамасцевъ обними. Ж.

Скажи Старушкѣ [1]), что я на слѣдующей почтѣ пришлю ей донесеніе о послѣднемъ Арзамасѣ; къ ней потому, что у нея теперь хранятся Арзамасскія бумаги.

CII.

(Во второй половинѣ Января 1818, Москва).

Посылаю тебѣ, мой милой другъ, два экземпляра моихъ Сочиненій и прошу отдать ихъ тотчасъ въ переплетъ къ Зетельхену; переплети оба тома въ одинъ и такъ, какъ у тебя переплетены Образцовыя Сочиненія. Одинъ экземпляръ, назначенный для Великой Княгини, доставить немедленно мнѣ; а другой оставить у себя и отдать молодой графинѣ Лаваль [1]), какъ скоро она возвратится отсюда въ Петербургъ. Прошу тебя это исполнить поскорѣе. Другая просьба, которую не забудь: возьми у Кавелина пакетъ съ моими бумагами, оставленный ему Блу-

---

[2]) „Мое положеніе прекрасное—читаемъ въ дневникѣ Жуковскаго подъ 6 Ноября 1817 года.—Душа жива; могу дѣйствовать безъ принужденія; могу дѣйствовать для добра; чувствую, что буду дѣйствовать безкорыстно" (см. „Русскій Вѣстникъ" 1889 г., Августъ стр. 358).

[3]) У князя П. А. Вяземскаго скончался 6 Ноября ребенокъ, сынъ Дмитрій. Жуковскій записалъ въ своемъ дневникѣ впечатлѣніе, произведенное на него этою смертью (см. тамъ же, стр. 359).

[4]) Невзорова.

*

[1]) Прозвище С. С. Уварова въ „Арзамасѣ".

*

[1]) Впослѣдствіи княгини Трубецкой, жены Декабриста, князя Сергѣя Петровича.

довымъ, и по первой почтѣ перешли ко мнѣ. Въ этомъ пакетѣ мой аттестатъ, мой докторскій дипломъ, словомъ сказать, всѣ документы на мои достоинства. К(нязь) Голицынъ ихъ требуетъ. Итакъ присылай немедленно. Увѣдомь, что̀ будетъ стоитъ переплетъ и что̀ ты заплатилъ за Англійскую грамматику. Въ началѣ будущаго мѣсяца получишь отъ меня всѣ деньги. Не сердись, милой другъ, что пишу рѣдко; ты самъ рѣдко пишешь. На слѣдующей почтѣ, вѣроятно, пришлю тебѣ первый № моего журнала [2]), который печатается. Для тебя и для Арзамаса. Увѣдомь меня о Кавелинѣ, котораго отъ меня обними. Обними Плещеева и брата и всему Арзамасу мое благословеніе. Приложенное письмо передай Кюхельбекеру [3]). Что̀ у васъ дѣлается? Аѳанасьева хорошенько пожури за проказы; возьми у него письмо Андрея Ивановича [4]) и прочитай его ему съ примѣчаніями. Ж.

CIII.

(Въ концѣ Января или началѣ Февраля 1818, Москва).

Милой, спѣшу послать къ тебѣ мой аттестатъ, данный мнѣ отъ Маркова. О прежней службѣ моей скажу только то, что я вошелъ въ Главную дурацкую Соляную Контору городскимъ секретаремъ въ 1800 году, вышелъ изъ нея титулярнымъ совѣтникомъ въ 1802-мъ; остальное увидишь изъ приложеннаго аттестата. Впрочемъ, дѣлай что̀ хочешь, только меня не тормоши; довольно и той глупости, что я вздумалъ одинъ разъ заботиться о чинѣ и хлопотать. Посылаю тебѣ и всѣмъ Арзамасцамъ первый номеръ моего пѣсеннаго журнала. Моя ученица [1]) все это скоро будетъ пѣть по-русски. Второй номеръ почти отпечатанъ [2]). Тотчасъ доставлю. Только прошу тебя раздать аккуратнѣе. Извини меня передъ графомъ Румянцовымъ, что угощаю его пѣснями: я почитаю обязанностію доставлять ему все, что̀ ни напишу; право, имѣю къ нему особенное чувство привязанности и всегда люблю вспоминать о его ко мнѣ дружескомъ расположеніи. Можетъ-быть, въ нынѣшнемъ же году напишу что-нибудь болѣе его достойное. Посылаю

---

[2]) Подъ журналомъ Жуковскій разумѣетъ изданіе, носившее заглавіе „Für Wenige". „Для немногихъ" и выходившее маленькими книжечками; въ немъ печатались стихотворенія, переведенныя Жуковскимъ для Великой Княгини Александры Ѳеодоровны, съ Нѣмецкимъ текстомъ en regard. Книжки „Для немногихъ" печатались въ самомъ незначительномъ числѣ экземпляровъ и не предназначались для публики. Цензурное разрѣшеніе печатать эти книжки давалось А. А. Прокоповичемъ-Антонскимъ. № 1-й (Январь) изданія „Для немногихъ" былъ пропущенъ къ печати 11 Января 1818 года.

[3]) Въ 6-мъ томѣ Сочиненій В. А. Жуковскаго, изд. 7-е, помѣщено всего лишь одно письмо Жуковскаго къ В. К. Кюхельбекеру (стр. 459—461), безъ даты, перепечатанное изъ „Русской Старины" 1875 года.

[4]) Тургенева?

*

[1]) Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна.

[2]) № II-й (Февраль) изданія „Для немногихъ" былъ пропущенъ къ печати 15 Января 1818 года.

*

тебѣ и экземпляръ моихъ сочиненій. Прошу тебя не растерять моихъ бумагъ.

Третьяго дни наконецъ я видѣлъ и Государя и говорилъ съ нимъ, и онъ очень благосклонно со мною обошелся. Обними за меня моего Николая Михайловича и увѣдомь объ немъ, располагается ли остаться въ Петербургѣ. Прости, некогда писать. Раздай же поаккуратнѣе экземпляры. Если растеряешь, то другихъ книжекъ не дамъ, по крайней мѣрѣ, не тебѣ дамъ развозить.

CIV.

(Въ Февралѣ 1818, Москва).

Я сейчасъ былъ у князя. Онъ сказалъ мнѣ, что записку обо мнѣ отправилъ къ Козодавлеву [1]) (слѣдовательно она будетъ въ твоихъ рукахъ) и что мой докторскій дипломъ долженъ быть представленъ въ департаментъ. И такъ вмѣсто того, чтобы его послать ко мнѣ, возьми къ себѣ и поступи со мною по законамъ. Кажется, что я имѣю право на коллежское ассесорство; между бумагами найдешь и мой пансіонскій аттестатъ, избавляющій меня отъ экзамена; воспользуйся, если хочешь, и имъ; также надобно тебѣ знать, что я на сихъ дняхъ буду членомъ Московскаго университета [2]) и прочее, и прочее. Если всего этого недовольно для коллежскаго ассесорства, то чортъ съ нимъ. Взявъ изъ моихъ бумагъ мой дипломъ, остальныя всѣ перешли ко мнѣ на слѣдующей же почтѣ. Обнимаю тебя. Ж.

CV.

(Въ срединѣ Февраля 1818, Москва).

Все получилъ отъ тебя, милой другъ, и благодарю за старанія. Я сдѣлалъ пустякъ, выдумалъ хлопотать о чинѣ и службѣ; но ты этотъ пустякъ сдѣлалъ пріятнымъ, хлопоталъ обо мнѣ съ обыкновеннымъ рвеніемъ дружбы. У меня на роду написано быть всѣмъ обязаннымъ тебѣ; за это я очень благодаренъ судьбѣ своей. По твоему приказанію я говорилъ и съ Жихаревымъ, который женится, и съ Марченкою, который женатъ; и тотъ, и другой утверждаютъ, что мое ассесорство неизбѣжно. Путь ему добрый! Нынче или завтра представлюсь своему новому soit-disant начальнику к. А. Н. [1]), и тѣмъ заключу. Въ награду за твои хлопоты посылаю тебѣ второй N моего стихотворнаго журнала. Третій готовъ [2]). Посылаемыя книжки раздай кому надлежитъ. Прилагаю реестръ и прошу не растерять. Моя ученица учится прилежно. Переводитъ мои Русскіе стихи въ Русскую

---

[1]) Осипу Петровичу Козодавлеву, министру внутреннихъ дѣлъ.

[2]) Въ почетные члены Московскаго университета Жуковскій былъ выбранъ въ 1818 году.

*

[1]) Т. е. князю Александру Николаевичу (Голицыну).

[2]) № III (Мартъ) изданія „Для немногихъ“ былъ пропущенъ къ печати 15 Февраля 1818 года.

прозу и свою Русскую прозу въ Нѣмецкую; переводитъ съ лексикономъ письма Карамзина; поетъ мои пѣсни и очень прилежна. А я гляжу на Исторію нашего Ливія, какъ на мое будущее: въ ней источникъ для меня и вдохновенія, и славы. Обними за меня его и поблагодари за доставленіе послѣднихъ томовъ. Онъ сдѣлалъ чудо: побѣдилъ Каченовскаго, который говоритъ о его твореніи съ благоговѣніемъ. Впрочемъ, я этого ожидалъ отъ Каченовскаго.

Вяземской уѣхалъ [3]), и уѣхалъ, не измѣнивъ своему характеру, прямо съ балу; но боюсь за него: дорога, говорятъ, скверная. И каждый ухабъ теперь мнѣ объ немъ напоминаетъ; дорога будетъ тяжела для княгини. Блудовъ ѣдетъ къ вамъ на сихъ дняхъ [4]) Прости. Отдай приложенное письмо Батюшкову. Ж.

CVI.

(Въ серединѣ Марта 1818, Москва).

Посылаю тебѣ третью книжку, раздай кому слѣдуетъ. Ты просилъ у меня *трехъ* экземпляровъ, а у меня нѣтъ ни одного. Все, что́ напечатано, роздано. Гречъ въ своемъ журналѣ говоритъ объ моемъ изданіи, какъ о книгѣ, для публики печатаемой [1]). Напрасно онъ не сказалъ ничего о его настоящей цѣли; но однако лучше не говорить ничего. Здѣсь Губаревъ [2]). Ему бы хотѣлось войти на службу. Это твое дѣло. Его истинная привязанность къ Ивану Владимировичу [3]), дѣлающая честь его сердцу, должна сверхъ другихъ причинъ побудить тебя за него похлопотать. Можетъ быть, онъ со мною пріѣдетъ въ Петербургъ. Подумай объ немъ. Я здоровъ и работаю; у матушки твоей давно уже не былъ. Совѣстно. Она перемѣнила квартиру. Прости, другъ; обнимаю тебя. Ж.

---

[3]) Въ Варшаву на службу къ Новосильцову. Балъ былъ у его тещи, П. А. Кологривовой; на немъ присутствовалъ и Государь.

[4]) Д. Н. Блудовъ отправлялся съ особымъ порученіемъ въ Лондонъ, куда онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ концѣ Апрѣля 1818 года (см. Ковалевскій, „Графъ Блудовъ и его время“, стр. 121).

*

[1]) Въ № 9 „Сына Отечества“ за 1818 годъ, вышедшемъ 1 Марта, въ отдѣлѣ „Современная Русская библіографія“ Н. И. Гречъ далъ отзывъ (стр. 113) о первомъ нумерѣ изданія „Для немногихъ“. „Явленіе пріятное!—говорится въ этой замѣткѣ.—Къ сожалѣнію, сказываютъ, что собраніе сіе печатается дѣйствительно *для немногихъ*, т. е. въ небольшомъ числѣ экземпляровъ для пріятелей поэта. Мы въ состояніи съ нимъ поспорить и готовы утверждать, что если онъ хотѣлъ писать для тѣхъ, которые любятъ и его, и талантъ его, то правильнѣе было бы сказать въ заглавіи: *для многихъ*. Въ числѣ сихъ *многихъ* есть читатели *Сына Отечества*: для нихъ выписали мы переводъ прекрасной Шиллеровой баллады: Ritter Toggenburg“ (который напечатанъ тамъ же, стр. 110—112).

[2]) О Губаревѣ см. выше, прим. 7-е къ письму LVII-му.

[3]) Лопухину.

*

CVII.

(Вѣроятно въ Апрѣлѣ 1818, Москва).

Виноватъ! Экземпляръ для Елисаветы Марковны [1]) не доставилъ. Посылаю теперь. И вотъ нѣсколько коммиссій. Приложенное письмо доставь барону Фитингофу. По милости Блудова я попалъ въ члены комитета благотв(орительнаго) общества и долженъ еще за это благодарить. Не забудь доставить письма. Прилагаю записку о нашемъ бывшемъ товарищѣ пансіонскомъ Поляковѣ. Изъ нея увидишь, чего онъ желаетъ. Увидишь,—но сдѣлаешь ли что нибудь? Прилагаю письмо ко мнѣ отъ Губарева. Ему ты долженъ непремѣнно пособить. Дѣла его запутаны, и причиною запутанности ихъ Ив(анъ) Влад(имировичъ). Губаревъ не жалуется; его привязанность къ памяти Ив(ана) Вл(адимировича) дѣлаетъ ему честь; вообще онъ благородной человѣкъ и сто́итъ твоего дружескаго покровительства. Нельзя ли будетъ доставить ему требуемаго имъ мѣста? Ты, вѣроятно, знако́мъ съ опекунами гр(афа) Шереметева. Наконецъ, прилагаю письмо отъ бѣднаго Мещевскаго,—солдата-поэта. Онъ перевелъ въ стихи мою бѣдную Марьину Рощу; я ее здѣсь продалъ. Онъ посвящаетъ ее намъ: тебѣ, мнѣ и Вяземскому [2]). Нельзя ли чего для него собрать? Если удастся, доставь мнѣ. А я тебя обнимаю съ братьями. Матушки давно не видѣлъ и боюсь на глаза ея показаться. Твой Жуковскій, а не придворный.

CVIII [1]).

(Въ Іюнѣ 1818, Москва).

Вотъ что мы положили. Батюшковъ [2]) остается въ Москвѣ до перваго отъ тебя отвѣта, слѣдственно tout au plus [3]) на двѣ недѣли. Твой отвѣтъ долженъ рѣшить, куда ему ѣхать, въ Петербургъ или въ Одессу. Съ его письмомъ ты являешься къ Капо д'Истріи [4]), сказываешь ему, что Батюшковъ, ѣхавшій для поправленія здоровья въ южную Россію, для морскихъ бань, которыми можно пользоваться только въ Іюлѣ мѣсяцѣ, рѣшился однако, въ надеждѣ на его [К(апо) д'И(стріи)] явное желаніе дѣйствовать для пользы его [Бат(юшкова)], пожертвовать двумя

---

[1]) Елисавета Марковна Оленина (рожденная Полторацкая), жена Алексѣя Николаевича Оленина.

[2]) „Марьина роща. Повѣсть въ стихахъ“ издана въ свѣтъ въ Петербургѣ въ 1818 году небольшою книжечкою въ 12-ю д. л., на 65 страницахъ. Имя автора означено (какъ и въ „Натальѣ, боярской дочери“) только начальными буквами: А. М. Это произведеніе Мещевскаго было пропущено цензурою къ печати 12 Іюля 1818 года. Въ печатномъ изданіи нѣтъ никакого посвященія Тургеневу, Жуковскому и князю Вяземскому.

*

[1]) Эта приписка Жуковскаго на письмѣ К. Н. Батюшкова къ А. И. Тургеневу перепечатывается изъ „Русскаго Архива“ 1867 года, ст. 1.511.

[2]) К. Н. Батюшковъ хлопоталъ въ это время о поступленіи въ дипломатическую службу.

[3]) Самое бо́льшее.

[4]) Графъ И. А. Капо д'Истрія управлялъ тогда министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

недѣлями драгоцѣннаго времени, и что слѣдовательно скорый и рѣшительный отвѣтъ необходимъ. Капо д'Истрія не замедлитъ, а ты тотчасъ эстафету къ Батюшкову въ Москву. *Моя мысль*: отдать экземпляръ Батюшкова сочиненій Капо д'Истріи: они будутъ документомъ и его способностей въ *мирномъ* родѣ, не въ одномъ военномъ. Моя *исповѣдь*: Тургеневъ лучшій изъ людей! Письмо его къ Батюшкову тронуло и обрадовало Жуковскаго, который обнимаетъ его съ новою благодарностію.

(*Рукою Батюшкова*). Впрочемъ, если письмо [5]) многорѣчиво, а не краснорѣчиво (что и намъ кажется), то поправьте, перемѣните. Но оно дѣльно, это главное, и изъ него можно составить записку. Не знаю, останусь ли здѣсь до 25. Жуковскій рѣшитъ.

(*Рукою Жуковскаго*). Останется. Жуковскій. (*Рукою Батюшкова*). На всякій случай отвѣтъ адресуйте къ Дружинину.

CIX.

1819 Генваря 1-го, (Петербургъ).

Вверху этой записки написаны слѣдующія строки А. И. Тургенева: Кончи годъ хорошо: пришли мнѣ эпитафію [1]). Вотъ тебѣ и бумага. Увѣдомь, въ которомъ часу заѣдешь завтра. Да не опоздай!

—

Завтра въ 11-мъ часу я къ тебѣ буду. Заѣдемъ и къ канцлеру.

Судьба на мѣстѣ семъ разрознила нашъ кругъ.
Здѣсь милый нашъ отецъ, здѣсь нашъ любимый другъ.
Ихъ разлучила смерть, и смерть соединила;
А намъ въ святой завѣтъ святая ихъ могила:
„Ихъ неутраченной любви не измѣнить,
„Ту жизнь, гдѣ ихъ ужъ нѣтъ, какъ съ ними совершить,
„Чтобъ быть достойными объ нихъ воспоминанья,
„Чтобъ встрѣтить съ торжествомъ прекрасный часъ свиданья“ [2]).

CX.

(1820 года, Петербургъ).

Я былъ вчера у Клингера [1]) и сказывалъ ему, что ты на сихъ

---

[5]) Это прошеніе К. Н. Батюшкова на Высочайшее имя объ опредѣленіи его на службу въ одно изъ нашихъ посольствъ въ Италіи, составленное Жуковскимъ, напечатано въ біографіи Батюшкова, написанной Л. Н. Майковымъ и помѣщенной въ I томѣ Сочиненій Батюшкова (стр. 261—262 перваго счета).

*

[1]) Ивану Петровичу и Андрею Ивановичу Тургеневымъ.

[2]) Напечатано въ Сочиненіяхъ Жуковскаго ошибочно подъ 1807 годомъ (см. изд. 8-е, т. I, стр. 89). Въ первый разъ эта эпитафія была напечатана въ „Памятникѣ Отечественныхъ Музъ“ 1827 года, а Жуковскимъ внесена только въ 4-е (1835 года) и 5-е (1849) изданія его Сочиненій, гдѣ отнесена къ 1807 году, т. е. году кончины И. П. Тургенева.

*

[1]) Θедоръ Ивановичъ (Фридрихъ-Максимиліанъ) Клингеръ родился во Франкфуртѣ въ 1753 году и высшее образованіе получилъ въ Гисенскомъ университетѣ. Писалъ драматическія піесы (для театра въ Лейпцигѣ) и философскіе романы. Собраніе его сочине-

дняхъ къ нему будешь съ графомъ Капод'Истрія [2]). Нельзя ли это сдѣлать поскорѣе? Онъ 15 ѣдетъ въ Павловскъ. Если рѣшится графъ купить библіотеку, то надобно, чтобы онъ рѣшился теперь; ибо Клингеръ скоро долженъ переѣзжать въ свой домъ, и онъ боится, какъ огня, перевозу и уставленія по полкамъ своихъ книгъ. Этотъ трудъ для него, точно, не бездѣлица. А библіотеку я видѣлъ. Выборъ прекраснѣйшій; всѣ книги сохранены и много очень хорошихъ изданій. Мнѣ кажется, что купить разомъ такую библіотеку есть находка (за ту цѣну, которую онъ проситъ). Постарайся это уладить поскорѣе. Это будетъ точно услуга старику. Ж.

Лучше всего застать его отъ 6-ти до 8-ми послѣ обѣда.

Адресъ: Александру Ивановичу Тургеневу.

CXI.

2 Октября (1820, Дерптъ).

Я еще въ Дерптѣ, жду своего товарища Адлерберга; думаю, что выѣду отсюда завтра по утру [1]). Прости, братъ. Еще разъ поручаю твоей дружбѣ Сашу [2]). Будь съ *нимъ* [3]) сколько можно ласковѣе, но только чтобы онъ тебя и боялся, и чувствовалъ, что можетъ имѣть въ тебѣ нужду: этой уздой можно имъ управлять. Объясни Карамзинымъ всю ту пользу, которую они могутъ принести ей своимъ обществомъ, и для этого убѣди ихъ имѣть терпимость къ мужу ея. Боюсь, чтобы она совсѣмъ не потеряла бодрости. Я тебѣ оставляю прекрасную ролю; если будешь играть ее какъ надобно, то себѣ еще болѣе сдѣлаешь добра, нежели ей.

Вотъ и другая просьба. Здѣсь происходятъ чудеса. Профессоръ (теологіи) Белендорфъ [4]) долженъ идти въ отставку за то, что онъ

ній вышло въ Кенигсбергѣ въ 1809 году въ 12 томахъ. Въ 1778 году онъ перешелъ на военное поприще и въ 1780 году вступилъ въ Русскую службу. Въ 1801 году онъ былъ назначенъ директоромъ перваго кадетскаго корпуса и главноначальствующимъ Пажескаго корпуса, а въ 1803 году, сверхъ того, и попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа. Въ 1817 году, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, онъ былъ уволенъ отъ должности попечителя Дерптскаго округа, а въ 1820 году отъ должностей директора перваго кадетскаго и главноначальствующаго Пажескаго корпусовъ и вовсе отъ службы. Умеръ Ѳ. И. Клингеръ въ 1831 году (см. его некрологъ въ Русскомъ Инвалидѣ 1831 года, № 50). Настоящее письмо Жуковскаго, по всей вѣроятности, относится къ 1820 году, когда Ѳ. И. Клингеръ переѣзжалъ изъ казенной квартиры въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ на частную.

[2]) Графъ Капо д'Истрія былъ уволенъ въ безсрочный отпускъ въ 1822 году и поселился въ Женевѣ.

*

[1]) Жуковскій выѣхалъ изъ Дерпта въ заграничное путешествіе 3 Октября 1820 года въ 12 часовъ (см. въ его бумагахъ записную книжку № 4, б.).

[2]) Александру Андреевичу Воейкову.

[3]) Съ А. Ѳ. Воейковымъ, который въ 1820 году оставилъ профессорскую службу въ Дерптѣ и переселился въ Петербургъ.

[4]) Германъ-Леопольдъ Белендорфъ (Boehlendorff) былъ „профессоромъ практическаго богословія“ въ Дерптскомъ университетѣ съ 1801 по 1823 годъ.

оскорбилъ Богоматерь на лекціи. Такъ доноситъ на него какой-то студентъ. Онъ оправдывается; но кураторъ [5]), не принимая его оправданія, требуетъ, чтобы онъ шелъ изъ университета. Объ немъ жалѣютъ всѣ; у него семья; онъ служилъ уже двадцать лѣтъ. Теперь еще не рѣшилось ничто, но если дойдетъ до министра, то помоги, если можешь, бѣдняку. По крайней мѣрѣ (если уже надобно будетъ быть отставленнымъ), чтобы остался ему какой-нибудь кусокъ хлѣба.

Прости до Берлина [6]). Ж.

Пачканія о лунѣ не печатай особенно [7]); Воейковъ просилъ меня объ этомъ

Адресъ: Тургеневу.

CXII.

27 Н(оября) (9 Декабря), Берлинъ (1820).

Хорошо, что я получилъ твое письмо уже гораздо послѣ того, которое послалъ къ тебѣ съ Эссеномъ [1]) для доставленія Сашѣ [2]) (Получилъ ли ты его, и отдалъ ли, и прочиталъ ли?). Оно столько же къ тебѣ, сколько къ ней. Я писалъ его, думая о тебѣ, съ чувствомъ прежней, всегдашней къ тебѣ дружбы. *Моя Сашка* есть добрый, животворный геній, вдругъ очутившійся между нами. Я помню, какъ обрадовало меня то, что̀ ты сказалъ мнѣ объ ней и что́ она сказала мнѣ о тебѣ; и я желалъ бы, что(бъ) ты прочиталъ то, что̀ она писала о тебѣ къ своей матери въ Дерптъ. То чувство, которое соединитъ васъ другъ съ другомъ, есть обновленіе нашей съ тобой дружбы: у насъ теперь есть одно общее благо! Въ ея свѣжей душѣ вся моя прошлая жизнь. Но какъ же ты можешь обвинять меня въ томъ, что я ничего тебѣ не сказалъ объ ней? Братъ, развѣ не помнишь нашего прощанья? Развѣ въ эту минуту я тебѣ ея не ввѣрилъ? Я не умѣю объяснить тебѣ того чувства, которое произвело надо мною твое письмо. Мнѣ показалось, какъ будто какое-то ожидаемое счастіе сбылось со мною. Твоя привязанность къ моей Сашѣ (не хочу назвать этого любовью) есть наше общее благо и только намъ двумъ принадлежащее благо; мы можемъ дѣлить его вполнѣ и вполнѣ понимать другъ друга. Я уже не имѣю такого собственнаго; но это будетъ нашимъ общимъ. Я и не подумаю тебя остерегать! Въ этомъ случаѣ собственная душа твоя слишкомъ вѣрна, слишкомъ чиста, чтобы не попасть на прямую дорогу: все прекрасное, доброе, высокое, все въ одномъ чувствѣ; и чѣмъ оно безкорыстнѣе, тѣмъ лучше! Но объ этомъ я не хочу и не долженъ тебѣ говорить; мнѣ даже кажется, что тебѣ невозможно здѣсь

---

[5]) Графъ Ливенъ.

[6]) Въ Берлинъ Жуковскій прибылъ 14 Октября 1820 года.

[7]) Вѣроятно идетъ рѣчь о „Первомъ отчетѣ о лунѣ Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, въ Іюнѣ 1819 года“, который былъ напечатанъ въ „Сынѣ Отечества“ 1821 года, № 1.

[1]) Съ флигель-адъютантомъ Александромъ Филипповичемъ Эссеномъ.

[2]) А. А. Воейковой.—И въ дальнѣйшихъ письмахъ вездѣ подъ „Сашею“ разумѣется А. А. Воейкова ур. Протасова, племянница и крестная дочь Жуковскаго.

ринбургскія Еп. Вѣд.“ № 20—21 (особое прибавленіе).

Кончина Іосифа, митрополита Астраханскаго и Терскаго (въ 1671 г.). „Астраханскія Еп. Вѣд“. № 9.

Памяти преосвященнаго Митрофана Слотвинскаго, архіепископа Тверскаго и Кашинскаго. (1738 — 1752 г.). „Тверскія Еп. Вѣд.“ № 7.

Скворцовъ Н. Уничтоженныя въ Московскомъ Китай-городѣ церкви. „Московскія Церковныя Вѣдомости“ № 26.

S. Кіевскій митрополитъ Григорій Цамблакъ (Очеркъ его жизни и дѣятельности). „Богословскій Вѣстникъ“ Іюль.

Поспѣловъ I. Осмнадцатилѣтнее служеніе въ Лифляндіи (Разсказъ священника). „Богословскій Вѣстникъ“ Іюль.

Бѣляевъ А. А. Отзывы современниковъ о церковной Россійской исторіи митрополита Платона. „Богословскій Вѣстникъ“ Іюль.

Колосовъ Н. А. Архимандритъ Павелъ Прусскій. „Душеполезное Чтеніе“ № 7.

Образцы гратуляціонной поэзіи въ Смоленской духовной семинаріи начала текущаго столѣтія. „Смоленскія Еп. Вѣд“. №№ 10—11.

Пясецкій Г. Преосвященный Тихонъ, первый епископъ Сѣвскій и Брянскій, викарій Московской епархіи, и его время. 1764—1768. „Орловскія Еп. Вѣд“. № 24.

Учитель Спасо-Ярославской семинаріи и префектъ іеромонахъ Іустинъ Аравскій (1759—65 гг.). „Ярославскія Еп. Вѣд“. №№ 24, 26.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1892 годъ. СПБ. 1895 Бол. 8-ка V+356+167.

Переписка Филарета съ С. Д. Нечаевымъ Спб. 1895. 8-ка VI+288.

Указатель къ I—XX выпускамъ Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. **Е. Козубскаго.** Тифлись 1895. 8-ка II+177.

Л. М. Савеловъ. Избранная Библіотека Русскаго генеалога. Выпускъ первый. Москва 1895. Мал. 8-ка. 25 стр.

А. Стадницкій. Гавріилъ Банулеско-Бодони, экзархъ Молдаво-Влахійскій и митрополитъ Кишиневскій. Кишиневъ. 1894. 8-ка VI+XVI+374+LIV.

N. Notovitch. Livre d'or à la mémoire d'Alexandre III. 4-ка 202.
